

თამაზ გამყრელიძე, ვიჩესლავ ივანოვი

ინფორმაციული ენა და ინფორმაციული

წიგნი პირველი

(რუსულ ენაზე)

თბილისის უნივერსიტეტის გამომცემლობა
თბილისი 1983

ACADEMY OF SCIENCES, U.S.S.R. ● ACADEMY OF SCIENCES, GEORGIAN S.S.R.

TSERETELI INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
THE INSTITUTE FOR SLAVIC AND BALKAN STUDIES

INDO-EUROPEAN AND THE INDO-EUROPEANS

A RECONSTRUCTION
AND
HISTORICAL TYPOLOGICAL ANALYSIS
OF A PROTOLANGUAGE
AND
A PROTO-CULTURE

By
THOMAS V. GAMKRELIDZE
&
VJACHESLAV V. IVANOV

PART TWO

PUBLISHING HOUSE
OF THE TBILISI STATE UNIVERSITY
TBILISI * 1984

Т. В. ГАМКРЕЛИДЗЕ, Вяч. Вс. ИВАНОВ

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ ЯЗЫК И ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ

РЕКОНСТРУКЦИЯ
И
ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ ПРАЯЗЫКА
И
ПРОТОКУЛЬТУРЫ

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТБИЛИССКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ТБИЛИСИ * 1984

Во второй части монографии разбираются проблемы формально-семантической реконструкции праязыковой лексики и восстановления на этой основе картины экологических и культурно-исторических реалий среды обитания племен-носителей праязыковой системы. На базе анализа особых семантических групп реконструируемой общеиндоевропейской лексики, с привлечением богатого культурно-исторического, этнологического и археологического материала, выдвигается гипотеза относительно локализации в пространстве и времени общеиндоевропейского языка-основы и в соответствии с этим о времени и путях миграций носителей индоевропейских диалектов из предполагаемой доисторической "прародины" в Передней Азии в исторические места их расселения.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**СЕМАНТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ
ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО
ЯЗЫКА И РЕКОНСТРУКЦИЯ
ИНДООЕВРОПЕЙСКОЙ
ПРОТОКУЛЬТУРЫ**

The apocryphal epilogue which the editors of Saussure's Cours added in italics: "The true and unique object of linguistics is language studied in and for itself" is to be rejected by the present-day linguistics. We conceive today of language as a whole "in and for itself" and simultaneously as a constituent part of culture and society.

"Апокрифический эпилог, который издатели «Курса» Соссюра добавили в кавычках: «Единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя», следует отвергнуть с позиции современной лингвистики. Теперь мы понимаем язык как целое в самом себе и для себя, но одновременно и как составную часть культуры и общества".

Roman Jakobson

C'est, en dernière analyse, seulement le côté pittoresque d'une langue, celui qui fait qu'elle diffère de toutes autres comme appartenant à certain peuple ayant certaines origines, c'est ce côté presque ethnographique qui conserve pour moi un intérêt...

"В конечном счете только изобразительная сторона языка, отличающая его от других как относящегося к определенному народу с определенной историей, это именно та почти этнографическая сторона, которая и составляет интерес для меня".

**Ferdinand de Saussure, Lettre à Antoine Meillet
(4 janvier, 1894)**

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА И РЕКОНСТРУКЦИЯ ИНДООЕВРОПЕЙСКОЙ ПРОТОКУЛЬТУРЫ

ВСТУПЛЕНИЕ

МЕТОДЫ РЕКОНСТРУКЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ПРАЯЗЫКА И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПАЛЕОНТОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

1. Диалектная и общезыковая лексика как основа для реконструкции семантического словаря праязыка 457
2. Соотнесение семантики реконструируемых лексем с «миром вещей» 457
3. Семантический словарь и реконструкция культуры 460
4. Реконструкция ритуальных и мифологических мотивов и фрагментов текста 460
5. Индоевропейский семантический словарь как отражение картины протокультуры 461

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МИР «ЖИВОГО». БОГИ, ЧЕЛОВЕК, ЖИВОТНЫЕ

1. Классификация мира «живого» в представлениях древних индоевропейцев. Различительные признаки классификации 465
 - 1.1. Обозначение класса «живого» 465
 - 1.2. Признаки «одушевленный» — «неодушевленный». Два класса одушевленности 465
 - 1.3. «Животный» и «растительный» мир и их обозначения 467
2. Класс «одушевленных существ» 468
 - 2.1. Противопоставление «дикий» — «недикий» 468
 - 2.2. «Люди» и «домашние животные» как класс «недиких» существ 469
 - 2.3. Противопоставление «людей» миру «животных». Признак «говорящий» — «неговорящий» 471

2.4. Противопоставление «двуногий» — «четвероногий»	473
2.5. Классификация «разумных» существ по признакам «смертный» — «бес- смертный», «земной» — «небесный»	474
2.6. «Язык богов» — «Язык людей»	476
2.7. Противопоставление «земных» людей по признаку «свободный» — «несвободный»	476
2.8. Соотношение между классом «несвободных людей» и «домашними животными»	477
2.9. Диалектные обозначения «несвободных»	478
2.10. Проецирование отношений между «свободным» и «несвободным» и мир «богов». «Человек» как «несвободный» по отношению к «богу»	480
2.11. Классификация «одушевленных недиких существ»	480
3. Иерархическое членение класса «домашних животных»	
3.1. Группы «домашних животных»	481
3.2. «Конь» и «лошадь» как животные, особо близкие к «человеку». Главен- ствующее положение «лошади» среди домашних животных	482
3.3. Классификация всей группы «домашних животных»	483
4. «Дикие животные»	
4.1. Классификация групп «диких животных»	485
4.2. Животные «Среднего мира»	485
4.3. «Животные богов» в древнехеттской традиции	486
4.4. Параллели «животным богов» в других индоевропейских традициях	487
4.5. Животные «Нижнего мира»	488
4.6. Животные «Верхнего мира»	489
4.7. Общая классификация мира «диких животных»	489
4.8. Типология индоевропейской классификации «живых существ»	490

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ДИКИХ ЖИВОТ- НЫХ» И ИХ ОБОЗНАЧЕНИЯ

◆ Животные «Среднего мира»

1. «Волк»	
1.1. Первичные индоевропейские названия «волка»	492
1.2. Ритуальная роль «волка» в древних индоевропейских традициях	493
1.3. Ритуальная функция «волка» и его диалектные обозначения	494
1.4. Этнонимы и топонимы, связанные с названием «волка»	495
1.5. Типологические и ареальные параллели к функции «волка» у древних индоевропейцев	496
2. «Медведь»	
2.1. Индоевропейское название «медведя»	497
2.2. Культурная роль «медведя» в хеттской и других древних индоевро- пейских традициях	497
2.3. Табуирование названия «медведя» и его эвфемистические обозначения	498
2.4. Типология индоевропейского культа «медведя»	499
3. «Леопард», «барс», «пантера»	
3.1. «Леопард» в древнехеттской традиции	500
3.2. Обозначение «леопарда» - «барса» в хеттском и идио-иранском	500
3.3. Роль «пантеры» - «барса» в древнегреческой традиции	501
3.4. «Барс» в древнеармянской легенде	502

3.5. «Леопард» - «пантера» в средневековых европейских традициях	503
3.6. «Леопард»-«барс» и его обозначения в индоевропейском	504
3.7. Связь индоевропейского обозначения «барса» с древнемалоазийским	505
3.8. Замены названия «барса» в древних индоевропейских диалектах	506
3.9. Типология культа «леопарда» - «барса» в Передней Азии	506
4. «Лев»	
4.1. Проблема обозначения «льва» в исторических индоевропейских диалектах	507
4.2. Культурная роль «льва» в древних индоевропейских традициях	508
4.3. Общендоевропейское обозначение «льва» и его отношение к афразийским и другим переднеазиатским названиям	510
4.4. Следы индоевропейского слова, обозначающего «рычание льва»	511
4.5. Типология культа «льва» на Ближнем Востоке	511
5. «Рысь»	
5.1. Обозначение «рыси» в индоевропейских диалектах	511
5.2. Роль «рыси» в индоевропейских мифологических и ритуальных традициях	512
6. «Шакал», «лиса»	
6.1. Индоевропейское обозначение «шакала», «лисы» и его первоначальное значение	513
6.2. Роль «шакала», «лисы» в древней индоевропейской традиции	514
7. «Дикий кабан», «вепрь»	
7.1. Индоевропейское обозначение «дикого кабана», «вепря» и его преобразования в исторических диалектах	514
7.2. Культурная значимость «дикого кабана» в древних индоевропейских традициях	516
8. «Олень», «лось», «антилопа»	
8.1. Индоевропейские названия животного	517
8.2. Табуирование древнего названия «оленья» и его мифологическое значение	518
9. «Дикий бык», «тур», «зубр»	
9.1. Индоевропейское название «дикого быка» и его связь с семитским	519
9.2. Культурная роль «тура», «дикого быка» в отдельных традициях	520
9.3. Производные от названия «дикого быка» в индоевропейских диалектах и их кавказские параллели	520
10. «Заяц»	
10.1. Индоевропейское название «зайца» и его замены в отдельных диалектах	521
11. «Белка», «хорек», «горностай»	
11.1. Обозначение «белки» и индоевропейских диалектах	522
12. «Обезьяна»	
12.1. Реконструкция общендоевропейского названия «обезьяны» и его связи с переднеазиатскими терминами	523
13. «Слон», «слоновая кость»	
13.1. Реконструкция древних диалектных названий для «слона» и их связь с миграционными переднеазиатскими терминами	524
II. Животные «Нижнего мира»	
1. «Змей», «змея», «червь»	
1.1. Индоевропейские обозначения «змеи», их варианты и замены в отдельных диалектах	525
1.2. Основной мотив, связанный со «змеем», в индоевропейской мифологии	527

2. «Выдра», «бобер», «водяное животное»	
2.1. Индоевропейские диалектные названия «водяного животного», «выдры», «бобра»	529
2.2. Ритуальная и культовая роль «бобра» в отдельных индоевропейских традициях	530
3. «Мышь», «крот»	
3.1. Общеиндоевропейское название «мыши»	531
3.2. Мифологическая и обрядовая роль «мыши», «землеройки», «крота» в древних индоевропейских традициях	531
4. «Черепашка»	
4.1. Диалектные названия «черепашки»	533
5. «Краб»	
5.1. Индоевропейское название «краба»	533
6. «Жаба», «лягушка»	
6.1. Описательное название «жабы», «лягушки» и роль животного в индоевропейской мифологии	534
7. «Муха», «овод»	
7.1. Общеиндоевропейское название «мухи»	534
8. «Оса», «шершень»	
8.1. Диалектные названия «осы», «шершня»	535
9. «Гнида», «вошь»	
9.1. Общеиндоевропейские названия «гниды» и «вши»	535
10. «Рыба», «лосось»	
10.1. Индоевропейские диалектные названия «рыбы» как животного «водного мира»	535
10.2. Проблема названия «лосося» в индоевропейском	536
III. Животные «Верхнего мира»	
1. «Птица», «орел»	
1.1. Индоевропейские названия «птицы»	537
1.2. Индоевропейское название «орла»	538
1.3. Мифологическая роль орла в древней индоевропейской традиции. Связь «орла» с «морем»	538
1.4. Табуистические замены названия «орла» в отдельных индоевропейских диалектах	539
2. «Журавль»	
2.1. Индоевропейское название «журавля»	540
3. «Ворон», «ворона»	
3.1. Индоевропейское название «ворона» как обозначение звукоподражательного характера	540
4. «Дрозд», «скворец», «воробей»	
4.1. Диалектные обозначения птиц в индоевропейском	541
5. «Тетерев», «глухарь»	
5.1. Индоевропейское название «тетерева»	541
6. «Дятел», «маленькая птичка», «зяблик»	
6.1. Индоевропейское название «дятла»	541
6.2. Индоевропейские названия «маленькой птички», «зяблика»	542
7. «Гусь», «водяная птица», «лебедь», «утка»	
7.1. Индоевропейское название «гуся» - «лебедя»	542
7.2. Индоевропейское диалектное название «утки»	543

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ».
ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ ЖИВОТНЫХ И ИХ РИТУАЛЬНО-
КУЛЬТОВАЯ РОЛЬ У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

I. «Животные», ритуально близкие к «человеку»

1. «Конь», «лошадь»	
1.1. Общеиндоевропейское название «коня», «лошади»	544
1.2. Роль «лошади» у древних индоевропейцев. «Лошадь» в древнехеттской традиции. Ее военно-транспортная, культовая и мифологическая роль	545
1.3. Коневодство и митаннийские арийцы	546
1.4. «Конь», «лошадь» в древнеиндийской традиции. Культ коня в «Риг-веде» и «Ашвины»	548
1.5. «Конь», «лошадь» в древнеиранской традиции и ее ритуальная значимость	550
1.6. «Конь», «лошадь» в древнегреческой традиции. Ритуальная и мифологическая роль «лошади»	550
1.7. Следы культа «лошади» в римской традиции	552
1.8. «Лошадь» в кельтской традиции	552
1.9. Культ «лошади» в германской традиции	553
1.10. Древние германские названия «коня» и «лошади»	553
1.11. Кельто-германское название «лошади» и его азиатские источники	554
1.12. Культ «лошади» у древних балтов	555
1.13. «Лошадь» в славянской традиции. Славянские названия «лошади»	555
1.14. Древнебалканские названия «лошади»	556
1.15. Роль «лошади» у древних индоевропейцев	556
1.16. Проблема доместикации «лошади» и ее диких предков	557
1.17. Проблема первоначального ареала доместикации «лошади»	558
1.18. Связь индоевропейского названия «лошади» с переднеазиатскими	560
1.19. Проблема древнего влияния индоевропейского коневодства на Восточную Азию (Китай)	561
2. «Осел»	
2.1. Индоевропейские названия «осла» и проблема их переднеазиатского происхождения	562
2.2. «Осел» как культовое животное у древних индоевропейцев	563
2.3. Типология ритуально-культовой роли «осла» в Передней Азии. Связь названий «осла» и «лошади»	563
3. «Бык», «корова», «крупный рогатый скот»	
3.1. Общеиндоевропейское название «быка», «коровы»	565
3.2. Диалектная дифференциация названий «быка» и «коровы»	566
3.3. Хозяйственная функция «коровы» по данным индоевропейских диалектов и проблема молочного хозяйства у древних индоевропейцев. Диалектные слова для «молока»	567
3.4. «Корова» как культово-ритуальное животное у древних индоевропейцев	571
3.5. Хозяйственно-экономическая значимость «коровы» и «быка» в древних индоевропейских традициях	572
3.6. Проблема доместикации «быка» и связь индоевропейского обозначения «быка», «коровы» с переднеазиатскими и центральноазиатскими миграционными терминами	573
3.7. Культовая роль «быка» у древних индоевропейцев	575

5. «Пчела» и «пчеловодство»	
5.1. Проблема общиндоевропейского названия «пчелы» и его табуирование	602
5.2. Индоевропейские названия «меда» как свидетельство древности пчеловодства у индоевропейцев	603
5.3. Пчеловодство и его культовая роль по данным древних индоевропейских традиций	605
5.4. Тяпология добывания «меда» и виды пчеловодства у древних индоевропейцев	607
5.5. Индоевропейские названия «улья» и «воска»	609
5.6. Направление распространения пчеловодческого хозяйства и связь индоевропейских терминов пчеловодства с евразийскими	610

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «РАСТЕНИЙ». ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАСТЕНИЙ И ИХ РИТУАЛЬНО-КУЛЬТОВАЯ РОЛЬ У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

I. Растительный мир. Деревья

1. «Дерево», «дуб»	
1.1. «Деревья» внутри «растительного мира»	612
1.2. Общиндоевропейское название «дерева», «дуба»	612
1.3. Семантика индоевропейской лексемы *t'e/oru-, *t're/oru- и ее отражение в значениях соответствующих слов в отдельных исторических диалектах	613
1.4. Индоевропейское название «дуба», «скалы»	613
1.5. Связь названия «божества» с названием «дуба»	614
1.6. Разновидности «дуба» и «горного дуба» в Евразии	615
1.7. Культовая роль «дуба» в культурных традициях Передней Азии	616
1.8. Хозяйственная роль «дуба» у древних индоевропейцев и индоевропейские названия «желудя»	617
1.9. Табуистические замены названия «дуба» в отдельных индоевропейских диалектах	618
2. «Береза»	
2.1. Общиндоевропейское название «березы»	619
2.2. Происхождение индоевропейского названия «березы» от основы в значении «блестеть»	620
2.3. Хозяйственное и ритуальное использование «березы» у древних индоевропейцев	620
2.4. Территориальное распространение разновидностей «березы»	621
3. «Бук»	
3.1. Общиндоевропейское название «бука»	621
3.2. Ритуальная роль «бука» в древних индоевропейских традициях	622
3.3. Территориальное распространение «бука» и «аргумент бука» в связи с проблемой «индоевропейской прародины»	623
4. «Граб»	
4.1. Индоевропейские названия «граба»	624
4.2. Проблема происхождения названия «граба» в индоевропейском	624
4.3. Связь названий «деревьев» с терминами для нанесения «знаков» на дерево	624

5. «Ясень»	
5.1. Индоевропейское название «ясеня»	625
5.2. Территориальное распространение «ясеня»	625
5.3. Смещение значений в семантическом поле названий «деревьев» в индоевропейском	625
6. «Осина», «тополь»	
6.1. Диалектные названия «осины», «тополя»	626
6.2. Индоевропейские слова для «осины», «тополя» в тюркских языках	627
6.3. Территориальное распространение «осины»	627
7. «Ива», «ветла»	
7.1. Индоевропейское название «ивы», «ветлы» и его позднейшие замены	628
8. «Тис»	
8.1. Индоевропейские названия «тиса»	628
8.2. К проблеме этимологии хеттского GIS_{eja} -Ритуально-мифологическая роль «тиса» в отдельных индоевропейских традициях	629
8.3. Территориальное распространение «тиса» в Евразии	630
9. «Пихта», «ель», «сосна»	
9.1. Диалектные названия «вечнозеленых деревьев» в индоевропейском	631
9.2. Происхождение индоевропейских названий «вечнозеленых деревьев» и этимологическая связь этих названий с обозначением «смолы» и «красок»	632
9.3. Территориальное распространение «сосны», «пихты» в Евразии	633
9.4. Индоевропейские названия «ели»	633
9.5. Иранские названия «хвойных деревьев» и их картвельские параллели	634
10. «Ольха»	
10.1. Индоевропейские названия «ольхи»	635
11. «Ореховое дерево», «орех»	
11.1. Индоевропейское название «ореха»	635
11.2. Территория исторического распространения «грецкого ореха»	637
12. «Яблоня», «яблоко»	
12.1. Древнеевропейские названия «яблока»	637
12.2. Хозяйственная и культовая значимость «яблока» в древней Европе	638
12.3. Название «яблока» как общиндоевропейская лексема	639
12.4. Параллели индоевропейскому названию «яблока» в неиндоевропейских языках Ближнего Востока	641
12.5. Другое древнее диалектное название «яблока» и хет. <i>maḫla</i> - «лоза»	641
12.6. Мифологическая роль «яблока» в древних индоевропейских традициях	642
13. «Кизил», «вишня»	
13.1. Индоевропейские названия «кизила», «вишни»	643
13.2. Распространение, хозяйственное назначение и мифологическая роль «кизила» и «вишни»	644
14. «Тутовое дерево», «шелковица»	
14.1. Индоевропейские названия «тутового дерева»	645
14.2. Распространение и хозяйственное назначение «тутового дерева»	646
II. Растительный мир. Культурные растения и злаки	
1. «Виноград», «вино»	
1.1. Название «вина» в древних индоевропейских диалектах	647
1.2. Связь индоевропейского обозначения «вина» с переднеазиатскими названиями	648

1.3. Название «вина» как древний переднеазиатский миграционный термин. Миграционный переднеазиатский термин для «вина» как исконно индоевропейское слово и его этимологические связи	649
1.4. Древнейший переднеазиатский очаг виноградарства	651
1.5. «Виноград», «вино» в древних индоевропейских традициях	651
1.6. Индоевропейский термин для «жертвенного возлияния вина»	652
1.7. Отсутствие индоевропейского термина для «вина», «винограда» в индоиранском и культ «божественного» напитка «сомы-хаомы»	653
1.8. Следы древней терминологии, относящейся к виноградарству в иранском. Название «лозы»	654
2. «Зерно», «ячмень»	
2.1. Индоевропейские названия «зерна», «ячменя»	655
2.2. Ареал древнейшего распространения «ячменя»	656
3. «Пшеница»	
3.1. Индоевропейские названия «пшеницы»	657
3.2. Ареал древнейшего распространения «пшеницы». Связь индоевропейского названия «пшеницы» с евразийскими	658
4. «Просо», «рожь», «овес»	
4.1. Диалектные названия «проса», «ржи», «овса»	658
4.2. Культурно-исторические данные о распространении «ржи» и «овса»	659
5. «Лен», «конопля»	
5.1. Индоевропейское название «льна»	659
5.2. Территория распространения «льна»; хозяйственная и мифологическая роль «льна» у древних индоевропейцев	659
5.3. Замена названия «льна». Миграционные термины для «конопли»	660
III. Растительный мир. Кустарники, травы	
1. «Вереск»	
1.1. Индоевропейское название «вереска»	662
1.2. Территория распространения «вечнозеленого кустарника», «вереска»	662
2. «Роза», «шиповник»	
2.1. Индоевропейское название «розы», «шиповника»	663
3. «Мох»	
3.1. Индоевропейское название «мха»	663

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОКРУЖАЮЩАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА, КЛИМАТ. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ НЕБЕСНЫХ ТЕЛ

1. Обозначение явлений неживой природы	
1.1. Реконструкция картины географической среды обитания по лингвистическим данным	665
2. Обозначения ландшафта	
2.1. Индоевропейские названия «горы»	665
2.2. Представления о «высоких горах» у древних индоевропейцев	667
2.3. Связь «горы» с «тучами», «облаками» в представлениях древних индоевропейцев	667
2.4. Обозначение «горы» как «высокой»	668
2.5. Обозначения «горы», «возвышенности»	669
2.6. Разветвленная терминология, обозначающая «горы» в индоевропейском	669

3. Обозначения «водных бассейнов»	
3.1. Индоевропейские названия «реки», «потока»	670
3.2. Обозначение «реки» как «быстротекущей»	670
3.3. Общие обозначения «воды» в индоевропейском	671
3.4. Индоевропейские названия «морья», «озера»	671
3.5. Обозначение «морья», «озера», «болота» в индоевропейском	672
3.6. Диалектные названия «морья»	673
3.7. Обозначение «морья» как «соленого»	674
3.8. Судходство и терминология судходства у древних индоевропейцев	674
3.9. Представления о «море» у древних индоевропейцев. Мифологическая роль «морья» в древней индоевропейской традиции	675
4. Метеорологические явления: «ветер», «буря», «дождь», «снег», «лед»	
4.1. Индоевропейские названия «ветра» и «бури»	677
4.2. «Ветер», «буря» в индоевропейской мифологии	677
4.3. «Ветры четырех сторон света»	678
4.4. Индоевропейское обозначение «дождя»	679
4.5. «Дождь» как проявление силы божества. Табуирование названия «дождя»	679
4.6. Ритуалы вызывания «дождя»	680
4.7. Индоевропейские названия «снега»	681
4.8. Обозначения «холода», «льда» в индоевропейском	681
4.9. Индоевропейские обозначения «тепла», «жары»	683
5. Небесные тела: «солнце», «луна», «звезда», «созвездия»	
5.1. Индоевропейское название «солнца»	684
5.2. Индоевропейские названия «луны», «месяца»	684
5.3. Мифологические представления о Луне и Солнце у индоевропейцев	685
5.4. Индоевропейское название «звезды» и его связь с семитским	685
5.5. Диалектные названия «звезд» и «созвездий»	686

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. МАТЕРИАЛЬНЫЙ БЫТ. РЕ- МЕСЛА И ТРАНСПОРТ

1. Реконструкция хозяйственной деятельности древних индоевропейцев по лингвистическим данным	
1.1. Терминология хозяйственной деятельности	687
2. Терминология земледелия	
2.1. Индоевропейские названия «пахоты» и «плуга»	687
2.2. Индоевропейское обозначение «посева»	688
2.3. Диалектные обозначения «борозды»	689
2.4. Диалектные обозначения «плуга», «частей плуга» и «сохи»	689
2.5. Культурно-исторические данные о распространении плуга	690
2.6. Индоевропейские обозначения времен года по сельскохозяйственным циклам	690
2.7. Индоевропейские названия «серпа»	691
2.8. Индоевропейские термины для «размалывания зерна» и для «ступок»	692
2.9. Индоевропейские обозначения «мельницы», «жернова»	693
2.10. Диалектные термины для «зерна»	694
3. Терминология скотоводства и охоты	
3.1. Термины для «пастбы» и охраны «стада»	694
3.2. Древнее название «пастуха»	695
3.3. Индоевропейские термины, относящиеся к охоте	695

4. Элементы материального быта древних индоевропейцев	
4.1. Общие термины для «еды» и «приема пищи»	697
4.2. Противопоставление «сырая пища» — «вареная пища»	698
4.3. Обработка пищи на «огне»	699
4.4. Индоевропейские обозначения «огня» и «очага»	699
4.5. Обрядовая роль «огня» и «очага» в древних индоевропейских традициях	700
4.6. Ритуальная пища, преподносимая божеству	701
4.7. «Обмен» пищей между людьми и богами и обозначение «голода»	701
4.8. Другие термины для «приема пищи»	702
4.9. Индоевропейское обозначение «питья», «поглощения жидкости»	702
4.10. Индоевропейские обозначения «пищи, приготовленной на огне»	703
4.11. Индоевропейское обозначение «соли»	703
4.12. Индоевропейские обозначения «масел»	703
5. Терминология ремесел и ремесленного производства	
5.1. Термины «прядения» и «ткачества», «шитья»	704
5.2. Индоевропейские обозначения «одежды» и «одевания»	705
5.3. Общий термин для «ремесленного производства» в индоевропейском	705
5.4. Диалектные термины для ремесленного производства	706
5.5. Термины для обработки дерева	706
5.6. Индоевропейская терминология гончарного дела	707
5.7. Терминология металлургии. Названия «меди»	709
5.8. Индоевропейские названия «металлов» и цветковые признаки	710
5.9. Связь индоевропейского названия «меди» с древнемесопотамским	712
5.10. Индоевропейские названия «серебра» и связь с признаками «белый», «блестящий»	713
5.11. Индоевропейские обозначения «золота»	713
5.12. Соотношения между названиями металлов и цветов	714
5.13. Термины кузнечного дела	714
5.14. Названия металлических орудий в индоевропейском: «топор», «секира»	716
6. Терминология, относящаяся к средствам передвижения и транспорту	
6.1. Наличие металлургии как предпосылка для изготовления колесных повозок	717
6.2. Индоевропейское обозначение «колеса» и «колесной повозки»	718
6.3. Слова, обозначающие «вращение»	719
6.4. Ритуальная роль «колеса» в древних индоевропейских традициях	720
6.5. Индоевропейское название «упряжи» и ее частей: «дышло», «ярмо», «ось»	721
6.6. Ритуальная роль «ярма» в древних индоевропейских традициях	722
6.7. Другие индоевропейские термины для «ярма» и частей упряжи: «ремень», «уздечка», «крючок»	723
6.8. Индоевропейские глаголы, означающие «езду в повозке»	723
6.9. Культурно-исторические данные о распространении колесных повозок у древних индоевропейцев. Повозки у хеттов	724
6.10. Колесная повозка в переднеазиатском погребальном обряде	726
6.11. «Колесо», «колесничий», «колесная повозка» в индо-иранской традиции	727
6.12. «Крытые повозки» у индо-иранцев	729
6.13. «Колесная повозка» и «колесница» в древнегреческой традиции	730
6.14. Ритуальная роль «колесницы» в древних европейских традициях	731
6.15. «Всадничество» и «верховая езда»	732
6.16. Передняя Азия как древнейший ареал распространения «колесных повозок». Пути распространения колесницы в Евразии	733
6.17. Древние индоевропейцы как обладатели «колесных повозок»	737

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, ЭКОНОМИКА И СИСТЕМА РОДСТВА ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ПЛЕМЕН

1. Война как занятие и индоевропейские обозначения боевого оружия
 - 1.1. Реконструкция названий боевого оружия и глагола, означающего «преследование, уничтожение противника» 739
 - 1.2. Индоевропейские обозначения «захвата военной добычи» 740
 - 1.3. Индоевропейские обозначения «войска», «народа», «военной защиты, обороны» 740
2. «Жилище» и «поселение» как единицы социальной структуры древних индоевропейцев
 - 2.1. Индоевропейское обозначение «дома», «жилища» 741
 - 2.2. Индоевропейское «поселение» как «объединение домов» 742
 - 2.3. «Дверь» как «выход из дома» и оппозиция «дома» ~ «вне дома», «в поселении» ~ «вне поселения» 743
 - 2.4. «Ограда» как граница «дома» или «поселения» 743
 - 2.5. «Укрепленные поселения», «крепости» 744
 - 2.6. «Укрепление», «крепость» в отдельных древних индоевропейских традициях 745
3. Общие экономические понятия по данным индоевропейского языка
 - 3.1. Индоевропейские слова в значении «имущество», «собственность», «богатство» 746
 - 3.2. Индоевропейские термины «купли» — «продажи» 747
 - 3.3. Индоевропейские социально-экономические термины: «обездоленный», «неимуший», «вор» 747
4. Термины, обозначающие социальные объединения и их предводителей
 - 4.1. Индоевропейское название «рода» 748
 - 4.2. Индоевропейские слова в значении «племя, народ» 749
 - 4.3. Древнее индоевропейское название «рода» и «предводителя рода» 750
 - 4.4. Индоевропейское название «священного царя» 751
 - 4.5. Диалектные обозначения «царя», «повелителя» 752
5. Индоевропейская терминология «обмена»
 - 5.1. Общий термин «обмена» *t'oH- 752
 - 5.2. Другие индоевропейские термины для «обмена» 754
 - 5.3. «Гостеприимство» и «угощение» 754
6. Система брачных отношений и система «свойства» у древних индоевропейцев
 - 6.1. «Брак» как «обмен» женщинами и древнейшая индоевропейская терминология брачных отношений 755
 - 6.2. Практика «умыкания женщин» как древнейший вид брака 756
 - 6.3. Различные виды «брака» у древних индоевропейцев 757
 - 6.4. Индоевропейские обозначения «мужчины» и «женщины» как супругов 758
 - 6.5. Индоевропейское название «вдовы» 759
 - 6.6. Индоевропейские термины «свойства» 760
 - 6.7. Термины «свойства», отражающие отношения между нулевым поколением Ego и поколением родителей (поколением — 1) 760
 - 6.8. Общая структура отношений «свойства» и их обозначения 761
 - 6.9. Патрилокальный характер индоевропейской «большой семьи» 762

7. Система «кровного родства» у древних индоевропейцев	
7.1. Термины кровного родства нулевого поколения	763
7.2. Термины кровного родства поколения родителей (поколения —1)	765
7.3. Термины кровного родства поколения +1	765
7.4. Термины кровного родства поколения —2	766
7.5. Семантика и соотношение терминов * <i>НауНо-</i> и * <i>неp[h]ot[h]</i> - и проблема кросс-кузенных браков у древних индоевропейцев	767
7.6. Общая система и терминология брачно-родственных отношений	769
7.7. Древние брачно-родственные отношения как дуально-экзогамная система	772
7.8. Отношения между «племянником» и «дядей по матери» в дуально-экзогамной системе и следы их в древних индоевропейских традициях	772
7.9. Преобразование древней системы брачно-родственных отношений и нарушение принципа патрилокальности в отдельных исторических традициях	774

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СВЯЗЬ ДРЕВНЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СО СТРУКТУРОЙ ДУХОВНЫХ ПОНЯТИЙ И МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНОЙ МИРА

1. Дуалистический принцип индоевропейской социальной организации и его преломление в ритуалах и мифологии	
1.1. Двоичность религиозных и мифологических представлений	776
1.2. Древние индоевропейские представления о «двух предводителях племени»	776
1.3. Индоевропейский близнецный культ	777
1.4. Индоевропейский миф об инице близнецов	777
1.5. Дуалистические ритуалы в отдельных индоевропейских традициях	779
1.6. Индоевропейское обозначение «половины»	779
1.7. Пары лексических антонимов в индоевропейском	780
1.8. Символика «правого» и «левого» в индоевропейском	784
1.9. Обозначение парных частей тела в индоевропейском	786
2. Преобразование древней индоевропейской социальной организации и формирование структуры с тремя и четырьмя рангами. Отражение такой организации в духовных представлениях и мифологии	
2.1. Преобразование древней дуальной социальной организации	787
2.2. Формирование трех или четырех социальных рангов в отдельных исторических индоевропейских обществах	787
2.3. Вопрос о хронологии формирования трех социальных рангов в отдельных исторических обществах и проблема тернарной структуры индоевропейского общества и мифологии	789
2.4. Перестройка древних брачно-родственных отношений и возникновение эндогамии в отдельных исторических обществах	789
3. Структура древнего индоевропейского пантеона	
3.1. Соотношение между социальными структурами и структурой пантеона	790
3.2. Дуальный характер древнего индоевропейского пантеона	791
3.3. Верховное индоевропейское божество «Небо-Отец»	791
3.4. Индоевропейское божество «грома» и «боевой дружины»	792
3.5. Соотношение между верховными божествами индоевропейского пантеона	793
3.6. Преобразование древней индоевропейской системы пантеона в анатолийской традиции	794

3.7. Преобразование индоевропейского пантеона в древнеиндийской традиции	795
3.8. Отражение древнего индоевропейского пантеона в греческой мифологии	796
3.9. Преобразование древнего индоевропейского пантеона в итальянском	797
3.10. Следы древней системы индоевропейского пантеона в других «древнеевропейских» традициях	798

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ РИТУАЛОВ. ПРАВОВЫЕ, МЕДИЦИНСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ. ИДЕЯ ЗАГРОБНОГО МИРА И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

1. Индоевропейские общие духовные понятия и ритуалы	
1.1. Ритуальная деятельность как практика ранга «жрецов»	800
1.2. Индоевропейские обозначения основных религиозных понятий	800
1.3. Индоевропейские обозначения религиозных обрядов	802
1.4. Индоевропейская терминология обрядов гадания	805
1.5. Индоевропейская ритуально-правовая терминология	805
1.6. Особенности распределения ритуально-правовых терминов по диалектным ареалам	807
1.7. Индоевропейское обозначение «кровной мести»	809
1.8. Ритуально-правовые формулы, включающие корни с общим значением	810
2. Индоевропейская медицинская терминология. Медицинские представления как часть ритуальной системы	
2.1. Общее обозначение ритуального врачевания в индоевропейском	811
2.2. Структура ритуалов врачевания болезней	811
2.3. Индоевропейские названия «частей тела»	812
2.4. Отождествление в ритуале частей тела человека и животных и практика заклинаний	818
2.5. Соответствие частей тела частям мироздания в представлениях древних индоевропейцев	820
2.6. Представление о «человеке» как «происходящем из земли»	821
3. Представления о загробной жизни и погребальные обряды	
3.1. Индоевропейское обозначение «смерти» как неотвратимого «рока»	822
3.2. «Напиток богов, преодолевающий смерть»	822
3.3. Загробный мир как «пастбище»	823
3.4. Индоевропейское обозначение «мира мертвых»	824
3.5. «Вода» как граница между «миром живых» и «миром мертвых»	825
3.6. Индоевропейские погребальные обряды. Древнехеттская традиция кремации трупов	826
3.7. Древнегреческая традиция трупосожжения	827
3.8. Обряд кремации в древнеиндийской традиции	828
3.9. Погребальные обряды и практика трупосожжения в древней Европе	829
3.10. Два способа захоронения у древних индоевропейцев и представления о разных видах смерти	830
3.11. Общенноевропейский характер практики трупосожжения и культ огня у древних индоевропейцев	831

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

РЕКОНСТРУКЦИЯ ФРАГМЕНТОВ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ТЕКСТА. ФРАГМЕНТЫ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ И ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ МЕТРИЧЕСКИЕ СХЕМЫ. СИСТЕМА СЧЕТА И ЧИСЛОВАЯ СИМВОЛИКА

1. Фрагменты мифо- и ритуально-поэтических текстов	
1.1. Реконструкция фрагментов речи, больших, чем слово	832
1.2. Некоторые словосочетания индоевропейской поэтической речи	833
1.3. Металингвистические обозначения поэтической речи	835
2. Звуковая организация индоевропейской поэтической речи	
2.1. Звуковые повторы, аллитерация, анаграммы	837
2.2. Реконструкция архаических индоевропейских метрических схем. Типология индоевропейской метрики	839
3. Числительные и система счета	
3.1. Принципы реконструкции системы числительных. Десятичная система счета в индоевропейском	842
3.2. Числительные «один» и «первый» и их типология	842
3.3. Числительные первого «десятка»	844
3.4. Десятичность индоевропейской системы счета. Названия «ста» и «десятков»	846
3.5. Следы архаичной индоевропейской системы счета по пальцам руки	849
4. Символика чисел и следы архаичного индоевропейского календаря	
4.1. Основные числа с символичным значением в индоевропейском	851
4.2. Символика числа «три». Троичность индоевропейской мифологической модели мира	851
4.3. Символика числа «четыре» и индоевропейская система времен года	852
4.4. Символика числа «семь» и следы лунной недели	854
4.5. Символика числа «двенадцать»	854

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ХРОНОЛОГИЯ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА. ПРОБЛЕМА ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ «ПРАРОДИНЫ» И ПУТИ МИГРАЦИЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ПЛЕМЕН В ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБЛАСТИ РАССЕЛЕНИЯ

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ВРЕМЕННЫЕ И АРЕАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА ПО ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Хронология общеиндоевропейского языка

1.1. Время и пространство как обязательные категории реальности праязыковой системы	859
1.2. Хронология индоевропейского праязыка в свете данных об анатолийской языковой системе. Древнейшая анатолийская ономастика и гидронимика	859

- 1.3. Хронология индоевропейского праязыка в свете данных о времени распада «греко-армяно-арийской» диалектной общности. Микенский греческий в его диалектном приурочении. Общиневропейский язык как языковая общность, соотносимая с периодом V — IV тысячелетий до н. э. 863
2. Ареал распространения общиневропейского языка и проблема индоевропейской «прародины»
- 2.1. Вопрос о «первоначальности» праязыковой территории 865
- 2.2. Индоевропейская «прародина» как географическая область с горным ландшафтом 865
- 2.3. Общиневропейская флора и фауна как палеоботанические и палеозоологические указатели на соотнесенность индоевропейской экологической среды с зоной Средиземноморья — Передней Азии 866
- 2.4. Характер развитого скотоводства и земледелия в общиневропейскую эпоху как аргументы против отнесения индоевропейской «прародины» к областям Центральной и Восточной Европы 868
- 2.5. Индоевропейский колесный транспорт и металлургия бронзы как свидетельство локализации первоначальной индоевропейской территории в Передней Азии 869
3. Контакты общиневропейского языка с языками Древней Передней Азии
- 3.1. Ареальные связи праиндоевропейского языка с общесемитской и общекартвельской системами в пределах древней территориальной общности 870
- 3.2. Семитские и шумерские лексические заимствования в праиндоевропейском 871
- 3.3. Картвельско-индоевропейские лексические связи на праязыковом уровне 877
- 3.4. Хронологическая и ареальная соотнесенность праиндоевропейской, прасемитской и пракартвельской языковых систем 880
- 3.5. Лексические связи общиневропейского языка с древними языками Передней Азии (хаттским, эламским, хуррито-урартским) 881
4. Типология индоевропейской культуры в сопоставлении с древневосточными цивилизациями
- 4.1. Уровень индоевропейской материальной и духовной культуры как признак близости к древним ближневосточным центрам цивилизации 883
- 4.2. Проблема древнеиндоевропейского письма. Хронология и истоки хетто-лувийской иероглифики 887
5. Соотнесение индоевропейской «прародины» на Ближнем Востоке с археологическими культурами Древней Передней Азии
- 5.1. Проблема установления в пределах Передней Азии археологической культуры, соотносимой с общиневропейской 890
- 5.2. Признаки халафской культуры Верхней Месопотамии V—IV тысячелетий до н. э., сопоставимые с индоевропейскими 891
- 5.3. Энеолитическая археологическая культура Южного Кавказа V—IV тысячелетий. Куро-араксская культура III тысячелетия до н. э. и проблема её этнического соотнесения 892

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

МИГРАЦИИ ПЛЕМЕН-НОСИТЕЛЕЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ С ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ РАССЕЛЕНИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В ИСТОРИЧЕСКИЕ МЕСТА ИХ ОБИТАНИЯ В ЕВРАЗИИ

1. Выделение анатолийской языковой общности из праиндоевропейского и миграции племен-носителей анатолийских диалектов
 - 1.1. Соотнесение ареалов распространения древнейших исторических индоевропейских диалектов с первоначальной территорией локализации общиндоевропейского языка 895
 - 1.2. Направленность исторических смещений племен-носителей анатолийских диалектов в пределах Малой Азии с Востока на Запад 895
 - 1.3. Анатолийские лексические заимствования в языках древнего Южного Кавказа (картвельский, урартский) 897
2. Распад греко-армяно-арийского диалектного единства и миграции носителей греческих диалектов
 - 2.1. «Греко-армяно-арийская» диалектная общность и ее распад. Раннее выделение индо-иранского 898
 - 2.2. Миграции протоэллинов в материковую Грецию и на острова Эгейского моря через Малую Азию. Вопрос о догреческом субстрате 900
 - 2.3. Древнегреческие области Западной Анатолии (Милет, Аххива) как свидетельство исторических миграций протоэллинов через Малую Азию 901
 - 2.4. Греческо-анатолийские связи как свидетельство исторического обитания носителей греческих диалектов в Малой Азии 902
 - 2.5. Приход греков в материковую Грецию с Востока. Греческо-картвельские лексические связи и «Миф об аргонавтах» 904
3. Древние балканские языки и их диалектная и ареальная соотнесенность. Проблема индоевропейских миграций через Балканы
 - 3.1. Фригийский язык и его соотнесенность с греко-армяно-арийской диалектной общностью 909
 - 3.2. Протоалбанский и его первоначальные диалектные связи 911
 - 3.3. Древнейший культурный очаг на Балканах V—IV тысячелетий до н. э. и его связь с малоазиатским (Чатал-Хююк) 911
4. Протоармянский диалект и пути его первоначального распространения
 - 4.1. Контакты протоармянского с хетто-лувийскими языками. Вопрос об определении языка страны Хайаса 912
5. Распад индо-иранской диалектной общности и пространственно-временное соотнесение различных миграционных волн носителей индо-иранских диалектов
 - 5.1. Ранние арийские диалекты: митаннийский арийский, кафирский, индо-арийский. Хронология заселения Афганистана и северо-западной Индии 914
 - 5.2. Следы арийского диалекта в Северном Причерноморье и проблема индоевропейских миграций через Кавказ 916
 - 5.3. Выделение иранских диалектов из арийской диалектной общности. Следы расселения восточных иранцев в Средней Азии и Афганистане 920
 - 5.4. Ранние свидетельства миграций ираноязычных племен в Среднюю Азию и древнейшие иранские заимствования в финно-угорском 921

5.5. Миграции восточноиранских племен и раннеиранские заимствования в финно-угорских языках	929
5.6. Миграционные термины в древних центральноазиатских языках	931
5.7. Семантика раннеиранских заимствований в финно-угорском. Характер занятий раннеиранских переселенцев	933
6. Выделение тохарского из общеиндоевропейского языка и миграции носителей тохарских диалектов	
6.1. Тохарские миграции на Восток и индоевропейские заимствования в китайском	935
6.2. Тохарские заимствования в финно-угорском	936
7. Выделение «древнеевропейских» диалектов из общеиндоевропейского языка и проблема миграций индоевропейских племен через Центральную Азию	
7.1. Совместные миграции племен-носителей тохарского и «древнеевропейских» диалектов	938
7.2. Лексические связи «древнеевропейских» диалектов с языками Центральной Азии как свидетельство миграций индоевропейских племен в Восточную Европу через Среднюю Азию	939
7.3. Лексические изоглоссы как свидетельство совместного развития «древнеевропейских» диалектов	943
7.4. Северное Причерноморье и Приволжье как области совместного обитания носителей «древнеевропейских» диалектов. Проблема «вторичной индоевропейской прародины»	944
7.5. Следы совместного пребывания носителей «древнеевропейских» диалектов на «вторичной прародине» в древнейшей гидронимике Северного Причерноморья	945
7.6. «Вторичная прародина» как ареал формирования древнеевропейско-восточноиранских лексических связей. «Скифо-европейские» изоглоссы	946
7.7. «Вторичная прародина» и проблема балто-славяно-арийских лексических изоглосс	947
7.8. Пространственно-временное соотношение «вторичной индоевропейской прародины» с курганной (древнеямной) археологической культурой Приурало-волжских степей III тысячелетия до н. э.	947
7.9. Продвижение носителей «древнеевропейских» диалектов в Центральную Европу и образование центральноевропейской гидронимики. Формирование отдельных индоевропейских языков Древней Европы	952
8. Диффузия антропологических типов в Евразии в соотношении с картиной миграций индоевропейских племен	
8.1. Диффузия древнего переднеазиатского антропологического типа в Западной Азии и Европе как отражение процессов этнического смешения	955
8.2. Конечные этапы индоевропейских миграций в II—I тысячелетиях до н. э.	956
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	959
БИБЛИОГРАФИЯ	971
УКАЗАТЕЛИ	1115
ИНДЕКС К «УКАЗАТЕЛЯМ»	1313
ДОПОЛНЕНИЯ И ИСПРАВЛЕНИЯ	1317

ВСТУПЛЕНИЕ

МЕТОДЫ РЕКОНСТРУКЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ПРАЯЗЫКА И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПАЛЕОНТОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

1. ДИАЛЕКТНАЯ И ОБЩЕЯЗЫКОВАЯ ЛЕКСИКА КАК ОСНОВА ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ПРАЯЗЫКА

Картина ареальных соотношений индоевропейского языка, полученная в результате изучения грамматических, фонологических и лексических изоглосс индоевропейских диалектов, дает возможность судить о последовательном членении единой языковой системы и в соответствии с этим о характере связей между носителями этих диалектов. Тем самым чисто лингвистические данные дают возможность судить о некоторых нелингвистических (экстралингвистических) факторах, каковыми являются исторические соотношения между носителями определенных языковых единиц.

Особую ценность и значимость для реконструкции по лингвистическим данным экстралингвистических факторов исторического существования носителей определенных языков приобретает формально-семантический анализ лексики соответствующих диалектов, отражающей в принципе все основные моменты исторического существования носителей этих диалектов.

В понятие исторического существования носителей диалектов включаются как экологическая среда (фауна, флора, географическое окружение и климат) и их обитание и движение в этой среде, так и их культура в широком смысле (материальная и духовная). Семантическая реконструкция соответствующих лексем диалектов определенного языка позволяет (хотя по необходимости и фрагментарно) представить общую картину основных моментов исторического существования носителей родственных диалектов. Лингвистические данные выступают в подобных реконструкциях в качестве источника информации для представления древнейшей культуры и исторических путей существования и развития носителей таких диалектов.

2. СООТНЕСЕНИЕ СЕМАНТИКИ РЕКОНСТРУИРУЕМЫХ ЛЕКСЕМ С «МИРОМ ВЕЩЕЙ»

Реконструкция элементов экстралингвистического мира носителей соответствующих диалектов позволяет в свою очередь более ясно представить чисто лингвистические соотношения между данными диалектами и их

развитие во времени, то есть уточнить и чисто лингвистические аспекты изучения языка.

Это прежде всего касается, естественно, семантического плана языка, исследование которого немислимо без соотнесения его с внеязыковым "миром вещей", отраженным в преобразованном виде в плане содержания языка (ср. понятие "сильной семантики" в логическом смысле). Часто для формально реконструируемой лексемы праязыковое значение невозможно установить, не выходя за пределы чисто лингвистических фактов и не привлекая типологических данных, касающихся истории соответствующих областей культуры. Так, например, для общиндоевропейской основы *H₂e/os-, рефлекс которой в исторических индоевропейских диалектах дают значения 'медь', 'бронза', 'железо', устанавливается праязыковое значение 'медь' (а не 'бронза' и тем более не 'железо') ввиду хронологического приурочения периода индоевропейской языковой общности к эпохе меди. Особый упор в современной лингвистике на семантический анализ предполагает по необходимости выход из замкнутой системы языка (где можно рассматривать только преобразования данных смыслов в другие) в мир внеязыковых понятий с установлением определенных соотношений между единицами этого плана и семантической структурой языка.

Такой анализ языка в тесной связи с культурой носителей этого языка выработался на раннем этапе оформления и развития сравнительно-исторического индоевропейского языкознания. Уже такие классики индоевропейского сравнительного языкознания, как Якоб Гримм, отмечали необходимость исследования языка в тесной связи с культурой его носителей. Эта тенденция привела в середине и в особенности во второй половине XIX в. к исследованиям, не утратившим своего значения и сегодня. Исследования этого характера нередко назывались, вслед за Пикте (*Pictet 1859—1863*), "лингвистической палеонтологией", анализировавшей культуру древних индоевропейцев по языковым данным.^{2/}

Работой, подводящей итоги столетних исследований в этой области, явилась известная книга Шрадера (ср. *Schrader/Nehring 1917—1923, I; 1929, II*).

Утвердившийся в лингвистике следующих десятилетий сосюрровский принцип изучения языка "в самом себе и для себя" вызвал в известной сте-

¹ Характерно в этом отношении утверждение Гримма: Sprachforschung, der ich anhängen und von der ich ausgehe, hat mich nie in der Weise befriedigen können, daß ich nicht immer gern von den Wörtern zu den Sachen gelangt wäre; ich wollte nicht bloß Häuser bauen, sondern auch darin wohnen "Исследование языка, которым я занимаюсь и от которого исхожу, никогда не могло бы меня удовлетворить, если бы я от слов не переходил всегда к вещам; я хотел не только строить дома, но и жить в них".

² Точнее было бы называть это направление в языкознании "лингвистической палеонтологией культуры", поскольку объектом исследования является не праязык, а протокультура (в широком антропологическом смысле) носителей этого языка; реконструируется не столько сам язык, сколько внеязыковый мир, отражаемый в рассматриваемых языковых данных.

пени отход от исследования связей языка и культуры и перенос внимания главным образом на изучение структуры языка.

Такое ограничение исследования языка только вопросами его структуры сменяется в последние два десятилетия приципом изучения языка как продукта человеческой культуры в тесной связи с этой культурой и на широком фоне истории носителей языка.

Для структуры и истории индоевропейских диалектов существенное значение приобретает в этом аспекте изучение и реконструкция лексической семантики и установление диалектно распределяемых общиндоевропейских лексем.

Со своей стороны, такие лексемы при реконструкции их первичной, общиндоевропейской семантики дают прямые указания на экологические и культурные характеристики среды обитания носителей этих диалектов; по таким данным можно в первом приближении реконструировать фрагменты материальной и духовной культуры носителей диалектов индоевропейского языка и дать общую экологическую характеристику среды обитания, постоянно меняющейся в зависимости от миграций носителей отдельных диалектов индоевропейского языка.

Сравнение формально соответствующих друг другу слов исторических индоевропейских языков позволяет реконструировать распределяемые по диалектам исходные лексические архетипы с определенной семантикой, которые устанавливаются по конкретным значениям соответствующих исторических форм. Такие исходные, общие лексические архетипы могут соотноситься как с общиндоевропейским хронологическим уровнем и постулироваться, следовательно, для общиндоевропейской системы, так и с последующими хронологическими уровнями, отражающими отдельные диалектные объединения в пределах общего языка.

Сопоставление друг с другом реконструируемых таким путем индоевропейских лексем с определенной семантикой позволяет выделить лексико-семантические поля, объединяющие лексемы известных семантических групп, соотносимых с некоторыми классами внеязыковых объектов, которыми являются, например, класс животных, класс растений, строения и жилища, орудия ремесленного производства и т. п.¹

При этом обращает на себя внимание различие в стабильности в слове языка отдельных лексем в зависимости от их глагольного или именного употребления. Так, например, древние имена существительные, обозна-

¹ Установление таких лексико-семантических групп на уровне реконструируемого праязыка позволяет сделать весьма важный с точки зрения фонетических соотношений между сопоставляемыми словами родственных языков вывод о возможности существенных отклонений от обычных звуковых соответствий между ними. Такие отклонения от устанавливаемых звуковых соответствий обнаруживают, в частности, слова, входящие в лексико-семантические группы названий животных, названий частей тела. Это может объясняться частым преобразованием слов этих лексико-семантических групп под влиянием различных эвфемистических и табуистических факторов. Данное обстоятельство вносит существенные поговорки в младограмматический тезис об отсутствии исключений из звуковых законов, что можно иллюстрировать и на многих конкретных примерах слов, входящих в определенные лексико-семантические группы.

чавшие различные виды орудий, подвергаются частым заменам в отдельных языках в связи с развитием техники и производства, в результате чего зачастую затруднительна реконструкция первоначальной формы слова, тогда как глаголы обнаруживают большую стабильность в языке при меньшей конкретности терминологического значения.

3. СЕМАНТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ И РЕКОНСТРУКЦИЯ КУЛЬТУРЫ

Такие индоевропейские или общедиалектные лексемы, естественно, отражают в общих чертах среду обитания, материальный быт и культуру носителей этих диалектов. Эти же лексемы выступают в качестве древнейшего лексического слоя словаря общиндоевропейского праязыка и отдельных его диалектов.

В соответствии со сказанным ниже следует классифицированный словарь индоевропейских семантем по определенным семантическим полям с привлечением необходимых данных о возможных исторических денотатах этих лексем, проливающих свет на экологическую среду и типологию культуры носителей соответствующих индоевропейских диалектов.

Реконструкция лексико-семантической системы общиндоевропейского языка через восстановление этимологически соотносимых друг с другом слов отдельных исторических индоевропейских диалектов и соотнесение такой системы с внеязыковой действительностью позволяет увидеть в некотором приближении общую картину хозяйства, материальной культуры и социальной организации «древних индоевропейцев» — носителей общиндоевропейского языка или его древних диалектных объединений.

Такая предполагаемая общая картина приобретает историческую реальность уже при типологическом сопоставлении ее с конкретными культурами прошлого и настоящего. Это — своего рода типологическая верификация реконструируемой культуры на основании культур, реально засвидетельствованных.

Исключительную значимость приобретают при верификации реконструируемой картины культуры (и в особенности ее материальной стороны) археологические данные, иллюстрирующие типологическую возможность предполагаемой материальной культуры.

4. РЕКОНСТРУКЦИЯ РИТУАЛЬНЫХ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ МОТИВОВ И ФРАГМЕНТОВ ТЕКСТА

Реконструированная праиндоевропейская лексема рассматривается в семантическом словаре комбинированно с теми мифологическими и ритуальными мотивами, в которых участвуют денотаты этих лексем. Такой метод изложения позволяет переходить от слов и их денотатов к сравнительному анализу мифологических и ритуальных мотивов и к установлению исходных семантических архетипов мифологем и ритуалов, восходящих к

периоду индоевропейской общности, и к описанию их преобразования в отдельных исторических индоевропейских традициях.

Восстановление общих мифологических и ритуальных мотивов-ситуаций представляет собой чисто семантическую реконструкцию и в принципе может и (не) находиться в зависимости от конкретных слов, их описывающих в разных исторических традициях. Однако практически такие схожие мифологические и ритуальные мотивы, устанавливаемые для отдельных исторических индоевропейских традиций и возводимые к некоторым исходным общиндоевропейским моделям, описываются текстами, в которых часто участвуют этимологически соотносимые друг с другом слова или целые словосочетания. Это еще больше удостоверяет общность происхождения таких мифологических и ритуальных мотивов, иллюстрирующих представления и духовную культуру носителей общиндоевропейского языка. Вместе с тем, это позволяет реконструировать для общиндоевропейского языка не только отдельные слова с определенной семантикой, но и некоторые праязыковые фрагменты текста, то есть отрезки текста, большие, чем слова. Это — уже в некотором смысле примеры общиндоевропейской синтагматики на уровне слов, полученной не путем применения комбинаций изолированно реконструируемых слов (типа известной басни Шлейхера), а посредством реконструкции цельных фрагментов текста на основании этимологически соотносимых в родственных традициях отдельных фраз, выражений и сложных слов.

Подобная семантическая реконструкция целых слов и отдельных фрагментов текста индоевропейского праязыка дает возможность восстановить общую картину духовного мира и представлений древних индоевропейцев об окружающей их действительности, характерную для них классификацию явлений природы и понимание ими самого человека и человеческого общества.

5. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ КАРТИНЫ ПРОТОКУЛЬТУРЫ

Охарактеризованный выше сопоставительный семантический анализ слов отдельных индоевропейских диалектов и фрагментов текста в различных индоевропейских традициях и связанный с ним метод “лингвистической палеонтологии культуры” позволяют реконструировать семантический словарь лексем индоевропейского праязыка и восстановить общую картину индоевропейской протокультуры как культуры в широком антро-

пологическом смысле носителей индоевропейского праязыка или отдельных его древних диалектных объединений.¹

Все это уже дает возможность наметить решение проблем установления первоначальной территории распространения общиндоевропейского языка и определить пути переселения носителей праязыка и его древних диалектов в исторические места их обитания.

¹ Такой семантический словарь реконструированных индоевропейских лексем строится, в отличие от семантического словаря синонимов в родственных языках типа известного индоевропейского словаря Бака (*Buck 1949*), как набор определенных семантем, выраженных словоформами индоевропейского праязыка (ср. *Hallig/von Wartburg 1963*). Тем самым семантический словарь индоевропейских реконструкций является, в сущности, индоевропейским этимологическим словарем с расположением лексем не в алфавитном порядке, а по определенным семантическим группам.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

**СЕМАНТИЧЕСКИЙ
СЛОВАРЬ
ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО
ЯЗЫКА**

МИР «ЖИВОГО». БОГИ, ЧЕЛОВЕК, ЖИВОТНЫЕ

1. КЛАССИФИКАЦИЯ МИРА «ЖИВОГО» В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ. РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ КЛАССИФИКАЦИИ

1.1. ОБОЗНАЧЕНИЕ КЛАССА «ЖИВОГО»

В древнейшей индоевропейской традиции ~~все~~ живое обозначается общим термином, восходящим к корню *k^ʰoi-, *k^ʰoij- и ~~покрывающим~~ как животный, так и растительный мир. От этого корня образованы в отдельных индоевропейских диалектах лексемы со значением 'живой', 'жизнь', а также названия целых классов животного и растительного мира:

Ср. др.-инд. *jivá-* 'живой', 'жизнь', авест. *jva-* 'живой', греч. βίος 'жизнь', лит. *gyvas* 'живой', ст.-слав. *živŭ* 'живой', лат. *vivus* 'живой'; др.-ирл. *biu, beo*, гот. *qius* 'живой': и.-е. *k^ʰoi̯-

Греч. ζῷον 'животное' (при ζῷος 'живой'), др.-рус. *животъ* 'животное';

Галл. *Bitu-riges* 'Люди Мирового Царя' (*Pokorny 1959 : 468*), авест. *gaēdā-* 'существо', 'мир', 'человечество' (= 'собрание существ') (ср. *dātara gaēdanam astvaitinam* 'о создатель вещественных миров', *Yašt 14, 42*);

Распространение этого обозначения и на растительный мир видно уже из употребления этих же терминов и их производных по отношению к растениям: др.-инд. *jiva-gṛbh-* 'хватаящий растения' (*Grassmann 1873 : 492*); др.-англ. *swice* 'пырей', ст.-слав. *žito* 'злаки', 'хлеба' (ср. прус. *geits* 'хлеб' и т. п.).

Таким образом, весь этот класс можно охарактеризовать семантическим признаком [+живой].

1.2. ПРИЗНАКИ «ОДУШЕВЛЕННЫЙ»—«НЕОДУШЕВЛЕННЫЙ». ДВА КЛАССА ОДУШЕВЛЕННОСТИ

Внутри 'мира живого' выделяются подклассы 'животного мира' (в широком смысле, включающем и 'человека') со специфическим признаком 'одушевленности' (семантический признак [+одушевленность]) и 'растительного мира', характеризуемого 'неодушевленностью' (семантический признак [—одушевленность]).

Признак 'одушевленности', характерный для первого подкласса 'мира живого', явственно выступает в таких характеристиках названий этой груп-

пы 'существ', которые увязывают семантемы со значением 'дышать', 'дух', 'душа' с наименованиями животных, человека и богов в противовес названиям растений. Животные, как и человек, мыслятся как существа, наделенные 'духом', способностью 'дышать'¹. Подобную этимологическую соотношенность этих семантем можно установить по многим древнейшим индоевропейским диалектам:

Корень *dʰleu-H/s- ~ *dʰlu-H/s- с первоначальным значением 'дуть', 'выдыхать', 'задыхаться'; 'удушье', 'дух', 'дыхание' [ср. хет. *tuhḫai-* 'задыхаться', *tuhḫiaz*, *tuhḫima-* 'удушье', греч. *θυμός* 'душа'; 'страсть' (Sullivan 1980), др.-инд. *dhūmāh*, лат. *fūmus*, лит. *dūmai*, прус. *dumis* ('дым', Roider 1981), *Dumones* 'жрецы, гадавшие по дыму' (Топоров 1975-, I: 390), ст.-слав. *dymŭ*, др.-в.-нем. *toum*, ср.-ирл. *dumacha* 'туман' (мн. ч.); основа на -s-: ст.-слав. *dyhati* 'дышать', *duchŭ*, *duša* 'дыхание', 'душа', лит. *dūsėti* 'покашливать', *dūsauti* 'вдыхать', *dvėsti* 'дохнуть', 'издыхать', *dvasià* 'дух'; образует в ряде древнейших диалектов название животных и богов: гот. *dius* 'дикий зверь', др.-исл. *dýr* 'четвероногое + дикое животное', др.-в.-нем. *tior* 'животное', др.-англ. *dēor* 'дикое животное', алб. *dash* 'баран', 'овца'; возможно, сюда же относится лат. *bēstia*, *bellua* 'дикое животное', 'чудовище', с фонетическим преобразованием анлаута; греч. *θεός* 'бог' (ср. Pokorny 1959 : 269).

Такое же соотношение семантем 'дышать', 'вдыхать', 'душа' ≈ 'животное' обнаруживается в другой группе архаических лексем, отражающей ту же классификацию мира живого по подклассам 'одушевленный' ~ 'неодушевленный': др.-инд. *āniti* 'дышит', *ānīla-ḥ* 'дыхание', греч. *ἀνεμός* 'дыхание', 'ветер', гот. *uz-anan* 'выдыхать', др.-исл. *andi* 'дыхание', 'душа', лат. *anima* 'дыхание', 'душа', др.-ирл. *anál* 'дыхание', *anim(m)* 'душа', тох. В *āñme* 'ipse', ст.-слав. *vonja* 'запах' ~ лат. *animal* 'животное', тох. В *onolme* 'живое существо', 'человек' (подробно об этих понятиях в греческой и латинской традициях см. Onians 1954).

Наличие двух лексем в индоевропейских диалектах со значением 'дышать', 'дух': *dʰleu- и *anH- может указывать на возможные первоначальные семантические оттенки значений этих лексем. Связываемое с первой лексемой в исторических индоевропейских диалектах значение 'задыхаться', 'тяжело дышать', 'выдыхаться', 'дохнуть' при отсутствии этого оттенка во второй лексеме могло бы соотноситься с разными моментами физиологического акта вдыхания и выдыхания. И.-е. *dʰleu- 'выдыхание' приобретает естественно и значение 'удушья', 'последнего выдыхания', 'смерти'² при *anH- 'вдыхание' (с развитием значения 'обоняемый запах').

¹ Типологическую аналогию такому осмыслению 'всего одушевленного' как 'дышащего', 'наделенного душой' можно видеть в северозападнокавказском обозначении 'животных' и 'человека' как 'одушевленных', 'дышащих', образованных от слова *psə* 'душа', 'дыхание' (Яковлев/Ашхамаф 1941: 219; Шакрыл 1971: 80).

² Ср. в древнехеттском тексте КВо VII 14 I 5—6 употребление слова *tuhḫiatt-* в значении 'удушья' по отношению к медведю и человеку: *nu-tta ḫartaggan man [...]* *nu-tuhḫiattit akii* 'как медведя тебя я [...] и от удушья умрешь'.

От этих корней могло быть образовано общее наименование для всего класса одушевленных существ в древней индоевропейской традиции.

‘Одушевленность’ животных в древней индоевропейской традиции, проявляемая в факте регулярной этимологической связи в древнейших индоевропейских диалектах ‘дух’, ‘душа’ ~ ‘животное’, может быть проиллюстрирована также на материале древних текстов, где животные наделяются часто душой, как, например, в авестийском ‘Гимне Души Скота’ (Yasna 29, 1 и след.): *xšmaibyā gāuš urvā gərəždā* ‘к вам (небожителям) обращается со стоном Душа (urvan-, перс. *ravān*) Скота’.

1.3. «ЖИВОТНЫЙ» И «РАСТИТЕЛЬНЫЙ» МИР И ИХ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Деление класса ‘всего живого’ на подклассы ‘животного’ и ‘растительного’ мира по семантическому признаку ‘одушевленности’ ~ ‘неодушевленности’ проявлялось в древнейший период в некоторых синтагматических характеристиках соединения соответствующих лексем с особыми глагольными формами по признаку их классной принадлежности, что в известной мере продолжало еще более древнее деление всего множества имен на ‘активный’ и ‘инактивный’ классы. Показательно, что названия подкласса ‘одушевленных’ в классе ‘живых’ совпадают в основном с еще более древним активным классом, в бинарном делении именной системы на актив ~ инактив, тогда как названия растений, в частности деревьев, как правило, соотносятся с древним инактивом (во многих случаях позднее переосмысленным как женский род, см. выше, стр. 273 и след.).

На основании данных древнейших индоевропейских диалектов можно установить первоначальную функцию определенных глагольных дублетов, члены которых выступали в синтагме с именами одушевленного или неодушевленного класса.

В частности, члены глагольной пары *Hues- и *b^hleuH-/*b^hluH- с общим семантическим признаком ‘быть’, ‘существовать’, ‘становиться’ увязываются соответственно с классами одушевленных и неодушевленных существ внутри категории ‘живого’.

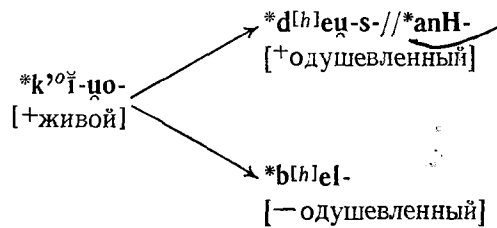
Первоначальная соотнесенность корня *b^hleuH- (др.-инд. *bhāvati* ‘становится’, ‘спеет’, греч. *φύω* ‘становлюсь’, ‘расту’, лат. *fiū* ‘был’ и др.) с растительным миром особенно ясно проявляется в отраженных в древних индоевропейских диалектах производных от этого корня со значением ‘растение’, ‘растительность’: греч. *φύτῶν* ‘растительность’, ‘растения’, ‘рост’, арм. *boys*, род. пад. *busou* ‘росток’, ‘растение’, ст.-слав. *bylīje* ‘растение’, др.-исл. *bygg* ‘ячмень’, др.-сакс. род. п. мн. ч. *bewō* ‘семена’, ‘урожай’, др.-в.-нем. *boim* ‘дерево’ (нем. *Baum*), др.-англ. *bēam* ‘дерево’, гот. *bagms* ‘дерево’.

В противоположность этому корень *Hues- (ср. гот. *wisan* ‘быть’, ‘оставаться’, др.-в.-нем. *wesan*, арм. *goy* ‘есть’, ‘существует’ и др.) соотносится с классом одушевленных существ, как человека, так и животных, выражая значения ‘быть’, ‘пребывать’, ‘ночевать’: хет. *hūiš-*, *hūeš-* ‘жить’, ‘существовать’ (как о людях, так и о животных), *hūišu-* ‘живой’, ‘сырой’

(о мясе), *h̥iśmant-* 'живой'¹, др.-инд. *vāsati* 'находится', 'пребывает', 'ночует', *vasatī-* 'гнездо птицы', 'местопребывание', 'ночлег', гот. *wists* 'существо'.

В качестве общего названия для класса растений могла выступать лексема, образованная от корня **bʰl̥el-/bʰl̥loH-/bʰl̥iH-*, отраженная в древних индоевропейских диалектах в виде: лат. *flōs* 'цветок', *Flōra* 'Флора', 'Божество Растительности', оск. *Fluusai* 'Floraе', ср.-ирл. *bláth* 'цветок', гот. *blōta* 'цветок', др.-в.-нем. *bluoto* (нем. *Blume*), др.-англ. *blēd* 'росток', 'ветвь', 'цветок', 'плод', тох. А *pālt* 'лист', греч. φύλλον 'лист', лат. *folium* 'лист', др.-ирл. *bile* 'дерево'.

Таким образом, мир 'всего живого' в индоевропейском **kʷi-uo-* [+живой] распадается на классы 'животного мира' **dʰleu-s-//anH-* [+одушевленный] и **bʰl̥el-* [—одушевленный]:

2. КЛАСС «ОДУШЕВЛЕННЫХ СУЩЕСТВ»

2.1. ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ «ДИКИЙ» — «НЕДИКИЙ»

В древнейшей индоевропейской традиции все живое 'одушевленное' делится на два больших подкласса. Это — класс 'диких животных', обозначаемый общим названием **ǵʰl̥ueg-*, который противопоставит общему классу 'людей' (**u̯i̯g-*), человекоподобных существ — 'богов' и 'домашних животных' (**pʰl̥ekʰl̥u-*).

Класс 'диких животных' **ǵʰl̥ueg-* может быть охарактеризован в терминах дифференциальных семантических признаков как имеющий признак [+дикий], при признаке [—дикий], приписываемом классу 'людей' и 'домашних животных'.

Подобная бинарная классификация всего живого 'одушевленного', характерная для древнейшей индоевропейской культуры, выводится из факта наличия такого семантического противопоставления, проявляемого во всех архаичных индоевропейских системах, то есть:

'Дикий' ~ 'Недикий' (= 'Человек' + 'Домашние животные'):

¹ Любопытно, что в хеттской традиции вся совокупность одушевленных существ, как-то: 'рыба', 'лошадь', 'человек', определяется как *h̥iṣpa h̥iśpa* (KUB VII 33 I 7), то есть 'все живое (одушевленное)'. Такое название совпадает с предложенным нами наименованием класса 'всего живого' (см. выше).

И.-е. *ǵʰlʰuǵer-: греч. θήρ ‘дикое животное’, лат. *ferus* ‘дикий’, ‘неодомашненный’, ‘неприрученный’ (*non cultus*, *non domitus*, Dumézil 1966 : 408), ст.-слав. *zvěřī* ‘θηρίον’, ‘дикий зверь’, др.-рус. *звѣрь* (в противопоставлении ‘людям и домашним животным’: *не токмо человецы, но и скоту и вся звѣри*, “Слово Даниила Заточника”), прус. *вин. п. мн. ч. swīrins* ‘θηρας’, ‘диких зверей’, лит. *žvėris* ‘зверь’.

Показательно, что римская богиня *Fērōnia* почитается в диких местах, удаленных от города (Dumézil 1966 : 403), где естественно водятся дикие животные.

В хеттском для обозначения ‘диких животных’ в противопоставление ‘домашним животным’ и ‘человеку’ употребляется описательное выражение *gimraš hūitar* ‘животные степи’, полностью соответствующее по значению индоевропейскому *ǵʰlʰuǵer- с рассмотренными выше рефлексам в исторических диалектах. Хет. *gimraš hūitar* противостоит, как и слав. *zvěřī*, лат. *ferus* и другие, ‘одомашненным животным’ и ‘человеку’, ср. в хеттском гимне “Богу Солнца, встающему из-за моря”: ŠA DUMU.LÚ.ULÛLU.TI UR.ZÍR-maš ŠAH-aš gi-im-ra-aš-ša hu-it-na-aš DI.NAM UD-ti-li zi-ik DUTU-uš ha-an-ne-iš-ki-ši “ты, о Бог Солнца, судишь ежедневно суд над сыном человеческим, собакой, свиньей и зверем степей”, KUB VI 45 III 15—17. При сохранении семантемы ‘дикий зверь’, противопоставленной человеку и домашним животным, хеттский, однако, заменяет древнюю индоевропейскую лексему *ǵʰlʰuǵer- описательным выражением *gimraš hūitar* ‘зверь степи (*resp.* степей)’, очевидно, под влиянием соответствующего шумеро-аккадского выражения — аккад. *būl sēri* ‘зверье степи’. В частности, в хеттском переводе “Гильгамеша” аккад. *būl sēri* соответствует именно [gi-im]-ra-aš hu-u-i-tar, KUB VIII 62 I 2—выражение, которое могло в дальнейшем утвердиться в хеттском вместо соответствующего термина, унаследованного от индоевропейского. Характерно при этом, что само хеттское *hūitar* (под. над. *hūitnaš*) ‘животное’ (в собирательном значении) увязывается в конечном счете с рассмотренным выше индоевропейским корнем *Hues- ‘быть’ (об одушевленных существах), ср. лув. *huit-ua-ahī* ‘жизнь’ при хет. *huiš-ua-tar* (Laroche 1959a : 47).

2.2. «ЛЮДИ» И «ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ» КАК КЛАСС «НЕДИКИХ» СУЩЕСТВ

Противопоставленный данному классу класс ‘живых одушевленных существ’ характеризуется общим семантическим признаком ‘недикий’, то есть [—дикий], включающим в себя, очевидно, как ‘людей’ (*u̯ǵr-)¹ так и ‘домашних’ животных’ (*pʰlʰekʰhju-)². Такое объединение ‘людей’ и ‘домашних

¹ Др.-инд. *vīrā-*, авест. *vīra-* ‘муж’, лит. *vūras* ‘мужчина’, ‘муж’, ‘супруг’, лат. *uir* ‘мужчина, супруг’, др.-ирл. *fer* ‘мужчина’, гот. *waír* ‘мужчина’, тох. А *wir* ‘молодой’, ‘молодец’; ср. возможное первичное значение данного корня, представленное в лат. *uis* ‘сила’, др.-инд. *vāyas-* ‘жизненная сила’, *deva-vi-* ‘приятный богам’ и т. п.

² Др.-инд. *ráṣu-* ‘скот’, авест. *rasu-*, лат. *pecū* ‘скот’, гот. *faīhu* ‘имущество’, др.-в.-нем. *fihu* ‘скот’ (нем. *Vieh*), лит. *pėkus* ‘скот’. Первоначальное общее собирательное зна-

животных' в общем классе явственно прослеживается по древнейшим письменным документам на индоевропейских языках.

В этом отношении особенно показательны индо-иранские и италийские данные. В индо-иранском сохраняются сложные слова, объединяющие человека с домашним животным: вед. *vīrapśá-* 'обилие людей и животных' (из **у̑г-о-р^hк^hл^hу-о-*), сопоставляемое с иранским именем собственным *Wrpš* < **Vira-fsa-* (Mayrhofer 1973 : 224). Синтагма, результатом свертывания которой являются данные сложные слова, представлена в авест. *pasōiš vīrāat-čā* и умбр. *u(e)iro pequo* (ср. Wackernagel 1953, I : 280 и след.; Watkins 1975g : 495—496).

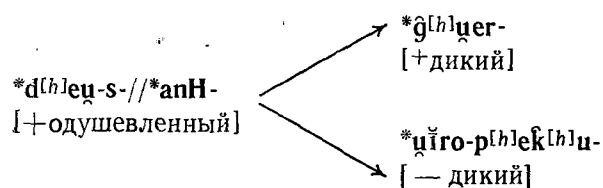
Особое значение в этом смысле приобретает последовательность, в которой в качестве 'жертвенных животных' перечисляется человек совместно с домашними животными в древнеиндийских брахманических текстах (человек — конь — бык — баран — козел) и в римском ритуале (человек — конь — бык, Dumézil 1966 : 453). В хеттских ритуалах и мифологических текстах в подобных перечислениях за человеком следует 'собака' (Иванов 1974 : 109, ср. приведенную выше последовательность человек — собака — свинья, ср. также ниже о связях между человеком и определенными группами домашних животных, свидетельствующих в пользу классификационного единства человека и домашних животных). В кельтских сагах дается последовательность *воины — женщины — псы — слуги* ('Сага об изгнании сыновей Уснеха', ср. Иванов 1964 : 457). Характерно, что во всех таких перечислениях в названных выше и им подобных контекстах¹ человек и определенные домашние животные создают еди-

чение индоевропейского **р^hl^eк^hl^hу-*, включавшее всю совокупность домашних животных (а не только крупный рогатый скот, как в некоторых позднейших диалектах), явственно проявляется еще в ведическом, ср. *áśvīam raśúm utá gávyaiṁ śatāvayaṁ* 'домашние животные, как-то: кони, быки и коровы и сотня овец', RV V 61 5; *áśvāntaṁ gómantam á raśúm* 'домашние животные, как-то: кони и быки', RV I 83 4, ср. Watkins 1975g : 500; другие аналогичные примеры указаны у Грассмана, Grassmann 1873 : 795. Формы с нулевой ступенью выступают в сложных словах: др.-инд. *-kṣu-* из **рśu-*, авест. *išū-*. В хеттском значение 'скот' выражается словом *šurpala-*, восходящим к той же индоевропейской форме **р^hl^eк^hl^hу-* / **р^hl^hк^hl^hу-* в нулевой огласовке при присоединении суффикса на *-l* (к типу образования на *-l*, ср. лат. *rescīl-ium* 'собственность, имущество', ср. о формальном анализе этой архаической формы Benveniste 1969, I : 54—55; алб. *pilë* 'чесалка а льна', Pokorny 1959 : 797, там же о др.-англ. *fihl* 'ткань, лоскут'): **р^hl^hк^hl^hу-(o)lo-*. Палатализованное **к^hl^h* в позиции перед *-u-* в анатолийском переходит закономерно в *š* (см. выше, стр. 100); поэтому маловероятно предположение Уоткинса, Watkins 1975g : 509, о возможном отражении **р^hl^eк^hl^hу-* в хеттском в виде **рекуš*, ср. предложенную Уоткинсом другую этимологию *šurpala-* в связи с лат. *suppus* [о походе животного], Watkins 1973. В результате могла возникнуть форма **рśu(a)l-*, в которой устранение сочетания **-рś-* с помощью метатезы начального согласного могло дать засвидетельствованную форму *šurpala-* (ср. суперацию сочетания **рś->кṣ-* в древнеиндийском **рśu->-кṣu-*).

¹ Ср., например, последовательность перечисления ритуальных животных в восточнославянских традициях: белорусский обряд освящения нового жилья предполагает ночевку животных в доме в порядке *курица — гусь* или *кошка — поросенок — овца — королева — лошадь — человек* (Zelenin 1927 : 288). Обращает на себя внимание обратный рассмотренному выше порядок от менее важных животных по мере возрастания

ную группу, которая действует единообразно или в отношении которой предпринимается определенное действие.

Таким образом, класс 'одушевленных существ' $*d^{[h]e}u-s-//*anH-$ [+одушевленный] распадается на группы 'диких животных' или 'зверей' $*g^{[h]e}r-$ [+дикий] и 'недиких существ' — 'людей и домашних животных' $*u\ddot{r}o-p^{[h]e}k^{[h]u}-$ [—дикий]:

2.3. ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ «ЛЮДЕЙ» МИРУ «ЖИВОТНЫХ». ПРИЗНАК «ГОВОРЯЩИЙ» — «НЕГОВОРЯЩИЙ»

Внутри группы 'человека-животных' ($*u\ddot{r}o-p^{[h]e}k^{[h]u}-$) противопоставление мира 'людей' миру 'животных' осуществляется в древнейшей индоевропейской традиции по признаку дара речи и двуногости ~ четвероногости. Эти признаки как бы накладываются друг на друга, и в разных индоевропейских традициях может выступать один из этих признаков.

Такие признаки можно символизировать в виде семантических признаков 'говорящий' ~ 'неговорящий', с одной стороны, и 'двуногий' ~ 'четвероногий', с другой.

В хеттском особая роль в противопоставлении подкласса 'людей' подклассу 'домашних животных' принадлежит признаку 'говорящий' ~ 'неговорящий'. Подобное противопоставление выводится из ритуальных хеттских текстов, в частности из среднехеттского "Гимна Солнцу", частично совпадающего с другим, рассмотренным выше гимном:

nu UR.ZÍR ŠAḪ-aš-ša ḫa-an-ni-eš-šar ḫa-an-na-at-ta-ri šu-up-pa-la-an-na ḫa-an-ni-eš-šar iš-š-i-it ku-i-e-eš Ú.UL me-mi-iš-kán-zi a-pa-a-at-ta ḫa-an-ni-at-ta-ri i-da-la-u-ḫa-aš-ša ḫu-ú-ḫa-ap-pa-i-ša an-tu-uḫ-ša-aš ḫa-an-ni-eš-šar zi-ik-pát ḫa-an-na-at-ta-ri (KUB XXXI 127 I 42—46) "и ты судишь суд над собакой и свиньей; и суд над домашними животными¹, которые ртом не говорят,— тот (суд) ты судишь; и над злым дурным человеком суд ты именно судишь". Характерно, что в отношении *šuppala-* 'домашних животных' особо отмечается то, что они 'ртом не говорят'. Тут налицо явная

значимости, кончая человеком. Иерархически это то же самое, что и обратное расположение животных в порядке убывания их ритуальной значимости, как в приводимых выше хеттских, древнеиндийских и италийских текстах.

¹ 'Домашние животные', определяемые хеттским термином *šuppala-*, предполагают в первую очередь крупный рогатый скот, исключая, судя по приводимому тексту, 'собаку' и 'свинью'.

характеристика этого класса существ по признаку отсутствия дара речи¹.

Аналогичная классификация по признаку 'говорящий' ~ 'неговорящий' засвидетельствована и в латинской традиции, что указывает на исключительную древность такой классификации, восходящей к общеиндоевропейской эпохе. Ср. у Варрона: *instrumenti genus vocale et semivocale et mutum, vocale in quo sunt servi, semivocale in quo sunt boves, mutum in quo sunt plaustra* "орудия суть трех разновидностей: говорящие, полуговорящие и немые; к говорящим относятся рабы, к полуговорящим относятся быки, к немым относятся повозки", *"De re rustica"*, I, 17, 12².

Трехчленное деление 'орудий' в римской традиции представляет собой значительно преобразованную древнюю индоевропейскую классификацию мира 'человека и домашних животных', строившуюся по бинарному признаку 'говорящий' ~ 'неговорящий'. В римской классификации 'неживые' орудия классифицируются уже как 'неговорящие', 'живые' орудия — как 'говорящие', тогда как 'скот' характеризуется как промежуточная категория между 'неговорящими' и 'говорящими'. Такое смещение признаков и возникновение тернарной классификации было, очевидно, вызвано появлением новой классификационной группы — 'орудия', дифференцируемой, тем не менее, по древнему индоевропейскому принципу обладания даром речи: лат. *memini* 'вспоминаю', гот. *munan* 'думать', 'вспоминать', ст.-слав. *mĭnĕti* 'вспоминать', др.-инд. *mānas-* 'ум', 'дух', 'разум', греч. *μένος*, лат. *mēns* 'ум', 'мысль'.

Для обозначения класса 'говорящих' или (что то же самое) 'разумных существ' в древнейшей индоевропейской традиции могло применяться название, образованное от лексемы **men-* (ср. хет. *kuēš UL memiškanzī* 'те, которые не говорят') или от лексемы **ue/ok*^[h]⁰- со значением 'речи', 'говорения'³ (ср. лат. *uocalis* 'говорящий', *semiuocalis* 'полуговорящий' и т. п.)⁴.

¹ Типологическую параллель такому противопоставлению 'человек' — 'скот' по признаку 'говорящий' — 'неговорящий' можно усмотреть в грузинской классификации крупного рогатого скота как *p'ir-ut'q'v-i* (дословно: 'ртом-не-говорящий').

² К интерпретации ср.: "Даже римляне, различавшие раба, домашнее животное и орудие только по признаку речи, устанавливали не две, а три степени в отношении обладания речью: *instrumentum mutum* — немое, неодушевленное орудие, *instrumentum semivocale* — обладающее полуречью орудие (домашнее животное) и *instrumentum vocale* — обладающее речью орудие (раб)", *Выготский 1960: 117*.

³ Др.-инд. *vak-/uk-* 'говорить', *vāk*, 'слово', лат. *vox* 'голос', тох.А *wak* 'голос', греч. *ἔπος* 'слово, речь', др.-в.-нем. *gi-wah-anep* 'вспоминать, думать о чем-либо'.

⁴ Учитывая хеттскую формулу отрицательного обозначения класса 'неговорящих', можно допустить аналогичную структуру и в других древних индоевропейских диалектах. Судя по ведийскому значению причастия *uk-tā-* 'слово', 'речь' (*Grassmann 1873: 1194*), в древнеиндийском сложном слове *ap-uk-tā-*, сохранившемся с более специализированным значением 'бес-песенный', можно видеть след более древнего значения 'бес-словесный', 'не-сказанный' (ср. др.-ирл. *apocht* 'ошибка в речи', *Watkins 1970*). Сюда же можно было бы отнести и балто-славянское обозначение 'немого' (> 'глухого'): **nēm-*: ст.-слав. *nĕmŭi* 'немой', *ἀλάλος*, рус. *немой*, др.-рус. *нѣмьць* 'чужестранец' (*Фасмер*

Дар речи, которым наделен человек в противоположность животным, и отождествляемая с этим способность 'мыслить, размышлять', 'испытывать определенные настроения ума', приводят естественным образом к возникновению в отдельных индоевропейских традициях категории персонифицированного 'разума' или 'души', наделенной способностью речи. Уже в древнехеттской традиции засвидетельствован термин *ištanza-*, соотносимый с ментальной категорией 'разума', 'души', помещающейся в говорящих существах, каковыми являются человек и боги, *Kammhuber 1965*. Это своеобразный эквивалент позднейшей греческой $\psi\upsilon\chi\acute{\eta}$ 'душа', способной говорить с человеком (или богом), в котором она помещается, и отражаться в глазах человека¹ (*Lang 1973*).

Дифференциальный семантический признак 'говорящий' ~ 'неговорящий', по которому противопоставляются две основные подгруппы класса людей и животных предполагает имплицитно противопоставление этих подгрупп по признаку 'разумный' ~ 'неразумный', поскольку в древней индоевропейской традиции способность 'говорения', 'дара речи' отождествляется с 'разумностью'. Такое заключение можно вывести из факта этимологической соотнесенности в разных индоевропейских диалектах лексем со значением 'говорить' и лексем со значением 'думать', 'мыслить', 'помнить': ср. хет. *tem(m)a-* 'говорить', *temija-* 'слово', 'дело', 'настроение', 'состояние души', лув. *tamanna-* 'говорить' (редупликация корня **tem-*), др.-рус. *мѣнити* 'говорить', лит. *miñti* 'звать', 'именовать', 'отгадывать', латыш. *minēt* 'упомануть', 'назвать', соотносимое этимологически с др.-инд. *mányate* 'думает', греч. $\mu\epsilon\mu\acute{\nu}\eta\sigma\alpha\iota$ 'вспоминаю', 'обращаюсь мыслями', $\mu\epsilon\mu\omicron\nu\alpha$ 'имею побуждение, желание'.

2.4. ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ «ДВУНОГИЙ» — «ЧЕТВЕРОНОГИЙ»

Наряду с признаком 'говорящий' ~ 'неговорящий' противопоставление 'люди' ~ 'домашние животные' осуществляется с помощью более конкретного семантического признака 'двуногий' ~ 'четвероногий', выделяемого на основании внешнего облика противопоставляемых существ.

Такое противопоставление устанавливается по древнеиндийским, гре-

1964—1973, III : 62), латыш. *mēms* 'глухой' (ср. *mēmie gari* буквально: 'глухие духи' как обозначение скота; *mēma* в ритуальном контексте как обозначение обряда, совершаемого при молчании, *Mühlenbach/Endzelin 1923—1932, II : 615—616*). Балто-славянское **nēm-* предположительно возводится к и.-е. **nē-mn-* 'не-говорящий' с долгой ступенью огласовки привативного префикса (ср. ст.-слав. *ně-kūto* 'некто', *někyjī* 'некий', сравниваемое с лит. *nėkas* 'ничто') и нулевой огласовкой корня **tem-* со значением 'говорить'. Упрощение комплекса *-mn-* дает постулируемую для балто-славянского форму **nē-m-*.

¹ Весьма характерно, что в одном из хеттских ритуалов, связанных с погребальным обрядом, наряду с обожествленным *Dīstanzāššaš* упоминаются *Dšakucaššaš* 'божество Глаз', *Dḥantaššaš* 'божество Лба', *Dīstamanaššaš* 'божество Ушей' (KUB XX 24 17, 22, 27, 31). Это, по-видимому, обожествление Лба как вместилища разума, Глаз и Ушей — как средств связи с внешним миром. К возможной этимологии хет. *ištanza-* ср. также нем. *Verstand*, англ. *understand*, др.-англ. *under-standan* 'знать', греч. $\epsilon\pi\iota\sigma\tau\alpha\mu\alpha\iota$ 'понимаю', 'умею'.

ческим, италийским и хеттским данным. В древнеиндийском и италийском засвидетельствованы этимологически соотносимые друг с другом обозначения 'двуногих', то есть 'людей', 'четвероногим', то есть 'домашним животным': др.-инд. *dvi-pád- cátuṣ-pad-* (более 20 раз в "Ригведе", *Grassmann 1873 : 434, 652*), умбр. *du-pursus petur-pursus* (*Игувинские таблицы*, Т. I. VI B 11).

В хеттском переводе хурритской сказки о "Боге Солнца, корове и рыбацкой чете" рассказывается о любви Бога Солнца в образе юноши к корове, которая от него забеременела и родила 'сына с двумя ногами', тогда как у нее самой 'четыре ноги' (см. *Friedrich 1949*).

Самые термины 'двуногий' и 'четвероногий', как и, очевидно, само противопоставление, восходят к общеиндоевропейской эпохе и находят отражение во многих исторических индоевропейских диалектах. Помимо приведенных выше примеров из древнеиндийского и италийского эти термины засвидетельствованы в отдельности в греч. *δίπους*, лат. *bipēs*, др.-англ. *twi-fēte* 'двуногий'; мик. греч. *qe-te-ro-po-pi* = *x^hετεροποπι (*Lejeune 1958 : 36*), греч. *τετράπους*, лат. *quadrupēs* 'четвероногий' и др.

В греческой традиции такое противопоставление 'двуногого' (человека) 'четвероногому' (животному) наглядно проявляется в древнейшем мифологическом мотиве известной "Загадки сфинкса", загаданной царю Эдипу:

ἔστι δίπους ἐπὶ γῆς καὶ τετράπους, οὗ μία φωνή...

"Существует двуногое на земле и четвероногое, у которого (только) один голос..."

Нужно полагать, что сама схема этой загадки, где имеется в виду противопоставление двуногого человека и четвероногого животного (в древнейшем варианте загадки переосмысленного как "беременная женщина", а позднее — как "младенец"), воспроизводит индоевропейскую структуру противопоставления, ср. *Porzig 1968*.

В ряде индоевропейских традиций можно отметить особые юридические контексты, в которых происходит в определенном смысле снятие оппозиции 'четвероногий' ~ 'двуногий'.

В этом смысле особенно характерно греч. *ἀνδράποδοι* (буквально: 'человеконогий') в применении к пленным воинам, которые использовались в качестве тягловых животных. Помимо римских и древнеиндийских параллелей, позволяющих предположить общеиндоевропейский характер этого обычая (см. *Scharfe 1978*), можно привести и решающий в этом смысле параллельный древнехеттский обычай впряжения провинившихся людей вместо быков (в древнехеттской книге "Анекдотов" из дворцовой хроники).

2.5. КЛАССИФИКАЦИЯ «РАЗУМНЫХ» СУЩЕСТВ ПО ПРИЗНАКАМ «СМЕРТНЫЙ» — «БЕССМЕРТНЫЙ», «ЗЕМНОЙ» — «НЕБЕСНЫЙ»

Семантический признак 'двуногий' ~ 'четвероногий', налагаемый на признак 'разумный' ~ 'неразумный', разбивает все множество 'недиких существ' на два больших подкласса — 'разумных двуногих' и 'неразумных четвероногих' существ. При этом в подклассе разумных существ ос-

тается определенная группа, по отношению к которой нерелевантен признак «двуногий» ~ «четвероногий». Иными словами, этот последний признак выделяет в подклассе «разумных существ» особую группу, отличную от класса «людей» нехарактерностью признака «двуногости» ~ «четвероногости». Это, очевидно, класс «разумных существ» ~ «богов» *t'ieṇ- (хет. *šiu-* «бог», др.-инд. *deváh*, лит. *diēvas*, лат. *deus*, др.-ирл. *dia* «бог», др.-исл. *ívar* «боги» и др., ср. Watkins 1974), который противопоставлялся классу «людей» *manu- (др.-инд. *mānu[s]*- «человек», «предок человека», гот. *manna* «человек», др.-исл. *mannr*, др.-англ., др.-в.-нем. *mann* «мужчина», «человек», рус. *муж*, Watkins 1971 : 1500) по другим бинарным семантическим признакам.

Основными семантическими дифференциальными признаками являются признаки «земной» ~ «небесный» (Benveniste 1969, II : 180), «смертный» ~ «бессмертный». Весь класс людей в индоевропейских диалектах характеризуется эпитетами «смертный», «земной» в противоположность «бессмертным», «небесным» богам.

*) «Смертный» ≈ «Человек»: др.-инд. *mārta-* «человек», *mārtya-* «смертный», авест. *maša-* «человек», *maršta-* «смертный», др.-перс. *martiya-*, греч. *μάρτης* (*Гесихий*), арм. *mard* «человек» (от глагола *mer- «умирать», «исчезать»: др.-инд. *mriyāte* «умирает», арм. *meṛanim* «я умираю», лат. *morior* «умираю», ст.-слав. *mrěti* «умирать», ср. хет. *me-ir-ta* «исчез»).

В другой группе древних индоевропейских диалектов представлена форма от корня *dhl̥eṇ- «исчезать», «умирать»: гот. *diwans* «смертный» (ср. др.-сакс. *dōian* «умирать», гот. *daups* «мертвый», *daupus* «смерть», др.-в.-нем. *tōt*, др.-англ. *dēad* «мертвый»; ср. также лат. *fūnus* «погребение», арм. *dī* «труп»; с редупликацией: др.-ирл. *ded-*, *nasn. вр. ru-deda*, *прош. вр. con-ro-deda* «исчезать», ср. Marstrander 1924 : 15), др.-ирл. *duine* «человек» (как «смертный»), ср. Meid 1976; др.-хет. *danduki-* «смертный», «человек» (с преназализацией корневого дентального согласного);

Лат. *homō* «человек», оск. *humuns* «люди», гот. *guma* «человек», лит. *žmiō* «человек», прус. *stou* «человек», *smūni* «личность», тох. А *šom*, В *šauto* «человек» (от индоевропейской основы *dhl̥(e)ǵhlom- «земля»: хет. *tekan* «земля», тох. А *kañ*, греч. *χθών*, др.-инд. *kṣam-* и др.).

Как лексема *m(o)r-ft̥hlo-, так и лексема *dhl̥ǵhlom-, которые показывают дополнительную распределенность по диалектам, одинаково выражают дифференциальный признак «смертный», характеризующий класс «людей» *manu-. В хетском одна из этих лексем, очевидно, заменена лексемой *ak-* «умирать», характеризующей класс людей по тому же семантическому признаку.

*) «Бессмертный» ≈ «Бог»: др.-инд. *amṛta-*, авест. *aməša-*, греч. *ἀμβροτός* «бессмертный» (как эпитет бога, Thieme 1952; 1968b) : и.-е. *ṛ-mṛt̥hl̥o-;

*) «Небесный» ≈ «Бог»: хет. *šiu-* «бог», лув. *Tiṣat-* «Бог Солнца», др.-инд. *devá-* «бог», лат. *deus* «бог», др.-ирл. *dia*, греч. *Ζεὺς* «Зевс», «Бог Ясного Неба» (от индоевропейской основы *t'ieṇ-/*t'iu- с первоначальным значением «небо»; ср. др.-инд. *divyá-* «небесный», лат. *dīvus* «небесный», лит. *dīvo sunėliai* «сыновья неба»).

Поскольку основа *t'ieu-/t'iu- 'небо' употребляется как название 'бога' во всех древнейших индоевропейских диалектах, дифференциальный семантический признак 'небесный' ~ 'земной' является, очевидно, древнейшим признаком, по которому противопоставляются 'люди' и 'боги'. На этот признак, по всей вероятности, позднее наслаивается признак 'бессмертный' ~ 'смертный', и эти два признака, распределяясь по диалектам, составляют как бы единый семантический признак 'божественный' ~ 'небожественный', с признаками 'бессмертный' ~ 'смертный' и 'небесный' ~ 'земной' как бы в качестве диалектно обусловленных вариантов этого общего семантического признака.

2.6. «ЯЗЫК БОГОВ» — «ЯЗЫК ЛЮДЕЙ»

Другой признак, противопоставляющий богов людям в древней индоевропейской традиции, — это особый 'язык богов', отличный от 'языка людей'. Характеристика такого различия в хеттской, греческой, кельтской и германской традициях позволяет считать его весьма древним, восходящим к индоевропейской эпохе (ср. Güntert 1921; Watkins 1970)¹. 'Бог' отличается от 'человека' не только тем, что он — 'небесный' или 'бессмертный', но и тем, что он обладает особой речью, отличной от речи человека, а также и тем, что он питается особой пищей, отличной от пищи человека. В древнеиндийской традиции это — *Amṛta* 'само обожествляемое'. В греческой традиции это — *ἀμβρόσια* и *νέκταρ* 'нектар, напиток богов' (значение обоих слов основано на идее преодоления или отрицания смерти, выражаемой соответствующими корнями: в первом случае — *neg-, во втором — *Hnek[h]- 'умирать', 'физически исчезать': др.-инд. *naśyati* 'исчезает', 'теряется', авест. *nasu-* 'труп', греч. *νήκος*, лат. *nex* 'смерть', 'убийство', ср. Thieme 1968a).

Обе эти характеристики богов — наличие особой речи и особой пищи — как бы объединяются в единый сюжетный мотив — миф о добыче 'меда поэзии' в "Младшей Эдде" ("Язык поэзии") и в "Старшей Эдде" ("Речи Высокого", 104—110), чему находят аналогии в древнеиндийской мифологии (Dumézil 1966 : 190; ср. об этом цикле индоевропейских мифов уже Dumézil 1924; 1925).

* 2.7. ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ «ЗЕМНЫХ» ЛЮДЕЙ ПО ПРИЗНАКУ «СВОБОДНЫЙ» — «НЕСВОБОДНЫЙ»

Категория 'земных людей' (или 'смертных') дифференцируется, в свою очередь, на два основных подкласса по признаку 'свободный' ~ 'несвободный'. Общеиндоевропейский характер такого деления на эти категории

¹ Ср. типичные формулы противопоставления 'языка людей' 'языку богов' в разных индоевропейских традициях: хет. *dapdukešni...*, DINGIRMES-*naš-a ištarna* "у людей (зовется)..., а среди богов..." (Friedrich 1954); греч... *κλήροισι θεοί, ἀνδρες δε...* "называют боги, люди же..."; др.-исл. ... *heitir með monnum, enn með ásom*... "...называется среди людей, а среди богов..." (Güntert 1921).

всего множества 'людей' можно выявить на основании сопоставительного анализа соответствующих терминов в различных древних индоевропейских диалектах.

Сопоставление хет. *arāca-* 'свободный', 'освобожденный от повинностей', лик. *arawa* 'свободный (от налогов)' (Laroche 1974 : 123) с лит. *arvas* 'свободный' позволяет судить об исключительной древности означенного термина для обозначения 'свободных людей', очевидно, 'свободных земледельцев' (если основа увязывается с индоевропейским **aru-*: лат. *aruum* 'поле', ср.-ирл. *arbor* 'злаки', греч. *ἀρουρα* 'пашня', арм. *haravunk* 'пашня').
 Руны-? — тюрки!

В качестве другого древнего термина, обозначавшего 'свободных' в иной группе диалектов, выступает основа **leud^hlero-*, засвидетельствованная в греческом *ἐλεύθερος*, лат. *liber* 'свободный', ст.-слав. *ljudi* 'люди', др.-рус. *людинъ* 'свободный человек', латыш. *ļaudis* '(свои) люди', лит. *liáudis* 'народ', 'люди', др.-в.-нем. *liut* 'народ' (нем. *Leute*). И эта индоевропейская основа увязывается в конечном счете со значением 'роста', 'произрастания растений', ср. первичное значение этой основы, отраженное в гот. *liudan* 'расти', др.-инд. *rodh-* 'расти', 'развиваться', а также в лат. *liberi* 'дети' (то есть 'растущие', Benveniste 1969, I : 322—323; Szemerényi 1977b : 116). Характерно, что римские праздники *Liber* и *Libera*, *Liberalia* носили явно земледельческий характер (Dumézil 1966 : 216, 370—371). Таким образом, обе эти лексемы, обозначавшие 'свободных' в разных индоевропейских традициях, при формальном различии выражают сходный круг значений, характеризую хозяйственную функцию 'свободных людей'.

2.8. СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ КЛАССОМ «НЕСВОБОДНЫХ ЛЮДЕЙ» И «ДОМАШНИМИ ЖИВОТНЫМИ»

Класс свободных людей, связанных, очевидно, с хозяйственной активностью (преимущественно сельскохозяйственной), обозначаемый разобранными выше терминами, следует постулировать для общиндоевропейской эпохи, и таким образом вся совокупность 'людей' в индоевропейской традиции рассматривается как состоящая из двух основных категорий: 'свободных' и всех остальных, не получающих, по всей видимости, особого общиндоевропейского обозначения. Возможно и поэтому такая категория людей 'несвободных' или 'зависимых' в широком смысле (то есть, строго говоря, не относящихся к категории, определяемой как 'свободные') может объединяться терминологически с 'домашними животными', при чем термин **pl^hlek^hlu-* употребляется в таком случае в широком смысле, охватывающем как 'зависимых людей', так и 'домашних животных', ср. в древнеиндийском, в "Атхарваведе": *yá ísé pašupátiḥ pašunām cátuṣpadām utá yó dvipadām* "хозяин **pl^hlek^hlu-* (то есть 'зависимых людей' и 'домашних животных', вместе взятых), который правит над **pl^hlek^hlu-*, четвероногими и двуногими", AV II 34 1, ср. Watkins 1975g : 496; ср. также в "Ригведе": *dvipáde cátuṣpade ca pašáve* "двуногие и четвероногие **pl^hlek^hlu-*",

RV 296, 14 (к интерпретации см. *Grassmann 1873 : 795*). В качестве аналогичного общего термина, объединяющего 'несвободных' и 'домашних животных' и в этом смысле отражающего, по-видимому, древнейшее индоевропейское состояние с отсутствием специального обозначения 'несвободного', в хеттских текстах используется *šaru*, буквально: 'добыча' (ср. ср.-ирл. *serb* 'воровство', валл. *herw* 'разбойничья вылазка', *Watkins 1975b*) в значении, включающем 'пленных', уводимых для поселения на землю — NAM.RA, 'крупный рогатый скот' — GUD и 'мелкий рогатый скот' — UDU (при обозначении остального захваченного имущества термином *aššu* 'добро': и.-е. **uos-u* 'хороший, добрый' (хет. *ašši-*, лув. *uāši-*, греч. *ἔός*, др.-инд. *vasu-*, *su-*, ср. *Puhvel 1980*): *mahhan-ma EGIR-pa ucanun nu šaru kuit* NAM.RA GUD UDU AKŠUD "когда я вернулся, ту добычу, которую я захватил — пленных-земледельцев, быков и овец...", КВо V 8 III 37 и след., ср. также *nu-tu-kan šaru kuit* NAM.RA GUD UDU *mekki makkeššan ešta* "и для меня добыча, которая (состояла из) пленных-земледельцев, быков и овец, была слишком обильной", КВо V 8 IV 13—14, ср. *Watkins 1975g : 492*. Такая картина социального членения, восстанавливаемая по лингвистическим данным для общеиндоевропейского, соответствует типологически характеристике раннеближневосточного 'домашнего хозяйства', состоящего из собственников (или управителей), служебного персонала и домашних животных (*Gelb 1972 : 90*; ср. *Дьяконов 1973*).

2.9. ДИАЛЕКТНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «НЕСВОБОДНЫХ»

Люди, подпадающие под вторую категорию, то есть 'не относящиеся к свободным', получают уже по отдельным индоевропейским традициям особые названия, не сводимые формально к общеиндоевропейским лексическим архетипам со значением 'несвободный'.

В хеттской традиции для спецификации определенной части людей этой второй категории возникает термин *arnučala-* (буквально: 'те, которые должны быть уведены', от *arnu-* 'приводить', 'уводить', ср. др.-инд. *ṛṇóti* 'приводит в движение, посылает', греч. *ἄρῳμι* 'возбуждаю', 'двигаю'; архаическое образование с суффиксом *-l-* в модальном значении), обычно передаваемый шумерограммой NAM.RA¹, ср. *Alp 1950*; *Gelb 1973 : 79, 92, 93, 94*; *Diakonoff 1967*; *Гиоргадзе 1973*. В италийской традиции для обозначения людей второй категории ('несвободных') возникает термин *seruus*, приобретающий в дальнейшем значение 'раба'; он происходит от основы с первоначальным значением 'служить', 'охранять': лат. *seruō*, 'сторожу', 'охраняю', умбр. *seritu* 'servato', оск. *serevkiđ* 'auspicio', авест.

¹ Наряду с NAM.RA эта вторая категория людей включала также IR 'рабов' и GEME 'рабынь' (*Гиоргадзе 1973*; *Giorgadze 1976*; *Дьяконов 1973*), а также, возможно, и некоторые другие категории, не относящиеся к агаца- 'свободным'. Хеттское чтение этих шумерограмм неизвестно, так что не представляется возможным этимологический анализ соответствующих хеттских терминов. Лувийское чтение идеограммы IR дает форму *ḫtarli-* (*Laroche 1959a : 49*), которая неясна этимологически.

haurva- ‘охраняющий’ в сочетании *pasuš-haurvō* ‘охраняющая скот (собака)¹’.

В славянской традиции для обозначения людей второй категории возникает термин **rabŭ* ‘слуга’, ‘раб’, ‘работник’ (ст.-слав. *rabŭ*), ср. арм. *arbaneak* ‘слуга’, ‘помощник’, основанный на первоначальной лексеме **orb^hlo-* со значением ‘обездоленный’, ‘неимуший’, далее ‘сирота’: греч. *ὄρφανός* ‘сирота’, арм. *orb* ‘сирота’, лат. *orbis* ‘лишенный’, ‘осиротевший’. Отсюда возникает значение ‘работника, находящегося в услужении’, ср. гот. *arbaihs* ‘нужда’, ‘работа’, ‘труд’, др.-в.-нем. *arabeit* ‘работа’ (нем. *Arbeit*), ст.-слав. *rabota* ‘δουλεία’, ‘неволя’, ‘подневольный труд’, др.-рус. *робота* ‘работа’, ‘рабство’, ‘неволя’. Такое развитие значений ‘сирота’, ‘обездоленный’ → ‘находящийся в услужении’, ‘невольник’ можно объяснить бесправным положением детей-сирот, которых брали в дом в услужение (Порциг 1964 : 182). С другой стороны, на относительно ранних этапах развития социальной дифференциации (типа гомеровской Греции, ср. Ленцман 1963, и древних германцев) такие ‘сироты’ могли возникать при обычно практиковавшемся убийстве мужчин-военнопленных и оставлении в качестве работников только детей и женщин (Gelb 1972 : 85; 1973 : 72 и след.).

Типологически более поздний вид включения захваченных на завоеванных территориях людей в хозяйственную структуру собственного общества представлен в хеттской традиции, где часть захваченных пленных *arņiçala-* сажалась на землю в качестве зависимых людей.

Только в классической Греции (после микенского и гомеровского периодов) и Риме возникает новая форма зависимости с вовлечением в хозяйственную структуру общества всех бравшихся в плен мужчин в качестве рабов (ср. Gelb 1972; 1973; Ленцман 1963)².

Название ‘раб’ как социальный термин, покрывающий часть ‘второй категории’, может возникать и из наименования завоеванного пришельцами населения. Подобным образом возникает древнеиндийский термин *dāśa-*, который в ‘Ригведе’ наряду со значением ‘раб’, ‘слуга’ сохраняет более древние значения ‘демон, враждебный людям’, ‘варвар, принадлежащий к чужому племени’, ‘чужеземец’ (Grassmann 1873 : 598). Эта лексема в конечном счете увязывается с названием покоренной чужой страны, ср. при

¹ Сюда же относят ст.-слав. *chraniti* ‘хранить’ и греч. *ἥρως* ‘защитник, герой’ (Pokorny 1959: 910). В свете греческого значения этой группы соответствий не исключена возможность этимологического отнесения к ней же хет. *šaru* ‘добыча’, ср.-ирл. *serb* ‘воровство’, валл. *herw* ‘разбойничья вылазка’, ср. Vendryès 1935.

² Уже в микенском греческом для обозначения ‘рабов’ засвидетельствована форма *do-ge* (ср. Gelb 1972; Полякова 1968; Touar 1973 : 21—43)—классическое греческое *δοῦλος* (гом. *δοῦλιον ἡμῶν*, буквально: ‘день рабства’) с неясной этимологией. Предполагается малоазиатское происхождение этого термина, ср. Benveniste 1969, I : 359. Представляет интерес сопоставление этого слова с малоазиатской (‘истанувийской’ лувийской) формой *ḫutarla-* (KUB XXXV 136 Rs. IV 16) при приведенной выше *ḫutarli-*.

др.-инд. *dásyu-* ‘непочитающий’, ‘неверный’ (народы и племена) этимологически тождественное ему иранское *dahyu-* ‘страна’: др.-перс. *dahyu-* ‘страна как область империи Ахеменидов’ (ср. *Benveniste 1969, I : 318*)¹.

2.10. ПРОЕЦИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ «СВОБОДНЫМ» И «НЕСВОБОДНЫМ» В МИР «БОГОВ». «ЧЕЛОВЕК» КАК «НЕСВОБОДНЫЙ» ПО ОТНОШЕНИЮ К «БОГУ»

Подобные термины могли отражать иерархические отношения не только между отдельными членами класса ‘людей’ в собственном смысле, но и между ‘людьми’ и ‘богами’.

Отношение между ‘свободным’ и ‘несвободным’ как бы проецируется на отношения между ‘богом’ и ‘человеком’. Характерно в этом отношении то место из ‘Молитвы во время чумы’ М у р с и л и П (КUB XIV 8+10+11, § 10 1 и след.), где он уподобляет свое обращение с ‘молитвой’ (*arkuṣar*) к ‘господину’ своему — Богу Грозы, прося его услышать (*ištamaš-*) и спасти (*ḥuišnu-* ‘оживить’, ‘оставить в живых’), такому же обращению раба к своему господину: *ma-a-an ANA ĪR^{DI} ku-e-da-ni-ik-ki ku-it-ki na-ak-ki-ia-aḥ-ḥa-an nu-za A.NA EN.ŠU ar-ku-ṣa-ar i-ja-az-zi na-an EN.ŠU iš-ta-ma-aš-zi* ‘если раба какого-либо что-либо гнетет, то он обращается с мольбой к господину своему, и его господин его услышит...’².

Характерно, что хеттским чтением шумерограммы EN ‘господин (раба)’ была форма *ešḥaš*, соотносимая с лат. *erūs* ‘господин’, ‘хозяин раба’ (ср., в частности, у П л а в т а).

Приведенными терминами, естественно, не исчерпываются названия, соотносимые с определенными категориями ‘несвободных’ и ‘зависимых’. В отдельных индоевропейских традициях могли возникнуть, возможно, уже в древнейшую эпоху, и другие термины для выражения определенных иерархических отношений в среде ‘зависимых’ или между ‘свободными’ и ‘зависимыми’. В качестве одного из наиболее архаичных терминов из такой категории могло выступать словосочетание проверба **ur^hlo-* с глаголом **st^hlā-*, отраженное в др.-инд. *úpa-sti-* ‘подчиненный’, ‘слуга’ (дважды встречается в ‘Ригведе’), ср. *upasthānam* ‘служба’, отождествляемое со ср.-ирл. *foss* ‘слуга’, валл., брет. *gwas*, корн. *guas* (отсюда средневеково-латинское заимствование *vassus, vassallus* ‘вассал’).

2.11. КЛАССИФИКАЦИЯ «ОДУШЕВЛЕННЫХ НЕДИКИХ СУЩЕСТВ»

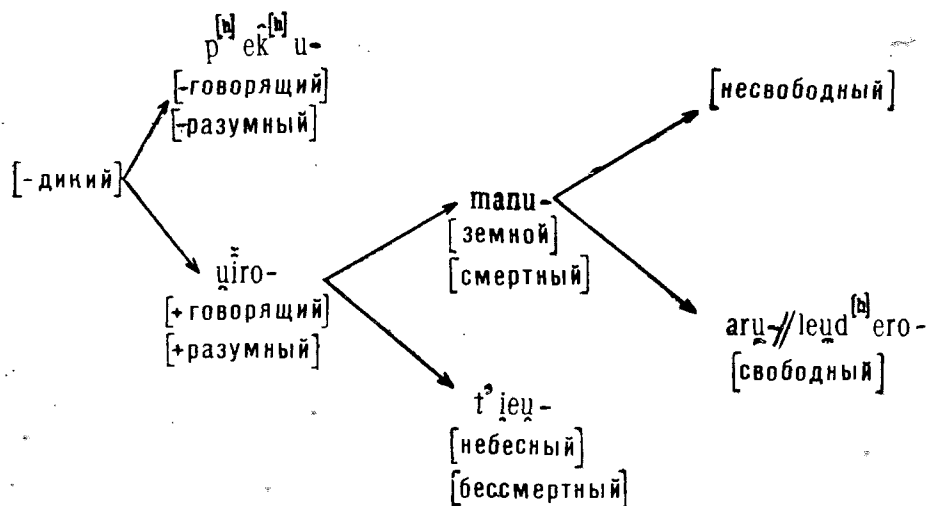
Выделенный выше класс ‘одушевленных недиких существ’ распадается на группы ‘разумных говорящих существ’ в широком смысле (вклю-

¹ К подобному же типу новообразований относятся такие формы, как др.-англ. *wealh* ‘раб’ (первоначально ‘кельт’, ‘побежденный народ’), средневековое лат. *sclavus* из названия типа *Sclaveni* ‘славяне’, ср.-греч. *Σκλαβηνοί* ⇒ *Σκλάβοι* и др. (ср. *Фасмер 1964—1973, III : 666*).

² Комментируя этот текст, Г е т ц е писал: ‘Люди—это рабы, боги—их хозяева... Отношения в небесном мире богов являются точным отражением земных. Боги—это чрезмерно увеличенные люди; прообразом богов служил земной человек-хозяин’, *Goetze 1929 : 161 и 163*. В этом смысле характерно наличие у богов и людей некоторых общих черт, в том числе и социальной организации, благодаря которым они мыслятся как элементы единого класса ‘разумных живых существ’. Любопытно, что в ‘Ригведе’ форма двойст-

чая и 'богов') *ц̃го- [+говорящий] [+разумный] и 'домашних животных' *p̃hlek̃h̃u- [-говорящий] [-разумный]. Накладывание на эти группы соответственно признаков 'двуногий' и 'четвероногий' выделяет в классе *ц̃го- два подкласса — 'людей' *тапи- и 'богов' *t̃'ieц- с признаками [земной, смертный] (для 'человека') и [небесный, бессмертный] (для 'бога'). Отношения между двумя последними подклассами отождествляются в известной мере с отношениями между подклассами 'людей' *тапи- — 'несвободными' и 'свободными' (*агц-//*ieцd̃h̃'ero-), см. Схему 1:

Схема 1

ДЕРЕВО ПРИЗНАКОВ «НЕДИКИХ ОДУШЕВЛЕННЫХ СУЩЕСТВ»

3. ИЕРАРХИЧЕСКОЕ ЧЛЕНЕНИЕ КЛАССА «ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ»

3.1. ГРУППЫ «ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ»

Класс 'домашних животных', выделяемый по признаку 'говорящий' ~ 'неговорящий' из общей группы 'недиких одушевленных существ', дает при наложении на него признака 'четвероногий', с одной стороны, особый класс животных, включающих 'лошадь', 'осла', 'крупный рогатый скот' и 'мелкий рогатый скот', а также 'собаку', 'свинью', 'кошку', а с другой стороны, класс, включающий 'домашних птиц' и 'пчелу', игравшую важную роль в хозяйственной и духовной жизни древних индоевропейских племен¹.

веного числа термина vidátha- 'собрание' означает оба собрания общин — как 'богов', так и 'людей' (ср. употребление хет. *luliša-* 'собрание' в обоих этих смыслах).

¹ В греческой традиции даже существовал особый термин *триада*, *триада*, отражавший ранговую классификацию жертвенных животных: *кρίβς* 'баран', *ταύρος* 'бык', *κάπρος* 'кабан', соотносимую с данными других индоевропейских традиций (см. Puhvel 1978).

3.2. «КОНЬ» И «ЛОШАДЬ» КАК ЖИВОТНЫЕ, ОСОБО БЛИЗКИЕ К ЧЕЛОВЕКУ. ГЛАВЕНСТВУЮЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ «ЛОШАДИ» СРЕДИ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ

В первом классе домашних животных особой ритуальной близостью к 'человеку' вплоть до отождествления с ним выделяются 'конь' и 'лошадь' (а также 'осел'), возглавляющие группу, в которую кроме них входят 'рогатые животные'. Такая ритуальная близость лошади к 'человеку' в представлениях индоевропейцев следует не только из упомянутой выше иерархической последовательности этих животных в древнеиндийских и римских обрядах, но и из ряда других юридических и религиозных установлений, засвидетельствованных в архаических индоевропейских традициях.

Так, например, в "Хеттских законах" (§ 200A) указывается особый юридический статус 'лошади' и 'мула', в определенных смыслах приравняющий их к рабьям-военнопленным (*arnuṣala-*, NAM.RA): *ták-ku LÚ-aš ANŠE.KUR.RA-i na-aš-ma ANŠE.GIR.NUN.NA kat-ta ṁa-aš-ta-i Ú.UL ḫa-ra-tar LUGAL-uš-aš Ú.UL ti-iz-zi LÚSANGA-ša Ú.UL ki-i-ša ták-ku ar-nu-ṁa-la-an [ku-iš-ki] kat-ta še-eš-ki-iz-zi an-na-aš-ša-an-n[a? ...] Ú.UL ḫa-ra-tar* "если мужчина совершит грех с лошастью или с мулом, наказания быть не должно. Он не должен обращаться к царю. И жрецом он не должен стать. Если кто-нибудь спит с женщиной из рабынь-военнопленных или с матерью ее [...], то наказания быть не должно".

Но при совершении такого же греха в отношении 'собаки' или 'свиньи', человек наказывается смертью (§ 199): *ták-ku ŠAḤ UR.ZÍR-aš kat-ta ku-iš-ki ṁa-aš-ta-i a-ki-aš* "если кто-нибудь совершит грех со свиньей или собакой, то он должен быть убит". 'Собака' или 'свинья' составляют, очевидно, особый подкласс в группе домашних животных, отличный от подкласса, возглавляемого 'конем' и 'лошадью'.

Аналогичные мотивы встречаются и в других индоевропейских традициях, что позволяет отнести истоки этих установлений к общеиндоевропейскому периоду.

В древнеиндийской традиции во время ритуала *aśvamedhá-* после принесения в жертву коня главная царица соединяется символически в ритуальном браке с убитым конем, что проходит на фоне словесных комментариев со стороны жрецов. Сама царица ложится с убитым конем и ее накрывают покрывалом¹ (*Dumont P. 1927*). Аналогичный обряд в погребальной функции реконструируется и в иранской традиции на основании сопоставления свидетельств Геродота и других античных авторов об удушении одной из наложниц вождя и принесении в жертву коней у скифов, с одной стороны, и обнаруженного во втором Туэктинском кургане на Алтае захоронения женщины вместе с верховыми лошадьми (*Руденко 1968: 27; ср. Литвинский 1968: 28—35*). Сходные археологические данные, подтвер-

¹ Любопытно, что в этом ритуале, где участвуют четыре жены царя, три жены делат впоследствии коня на три части, из которых задняя часть называется *raśu-* 'скот'.

ждаемые известиями арабских источников (*Ибн Фадлан*), обнаружены и в древнегерманской традиции (*Beck 1965 : 57—58*).

Аналогичный ашва медхе обряд коронации засвидетельствован и в кельтской традиции. У древних ирландцев царь совершал обряд символического брака с убитой лошастью (*Schröder 1927*)¹.

Эквивалентность в определенном смысле 'человека' и 'лошади' в индоевропейском представлении проявляется также в факте параллелизма названий 'человека' и 'лошади' в ритуальных древнеиндийских и латинских словосочетаниях типа др.-инд. *aśvamedhá-* 'принесение в жертву коня', *puruśamedhá-* 'принесение в жертву человека'², лат. *caput equi* 'голова лошади', *caput hūmānum* 'человеческая голова' (ср. *Dumézil 1966 : 451—453*).

Все вышеизложенное свидетельствует о главенствующем положении 'лошади' в группе домашних животных, мыслимой в древней индоевропейской традиции в известной иерархической последовательности, которая определялась в значительной степени экономической, военной, транспортной значимостью соответствующих животных. Ниже, при разборе в этих аспектах конкретных семантем и лексем, соотносимых с каждым из этих животных, будет соблюдена обоснованная в предшествующем изложении последовательность.

3.3. КЛАССИФИКАЦИЯ ВСЕЙ ГРУППЫ «ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ»

Таким образом, внутри класса *p^hlek^hlu- выделяется группа 'четвероногих', которая распадается на две ритуально значимые подгруппы по признаку функциональной близости к человеку: группа крупных домашних животных с 'конем' во главе (включая также 'овцу' и 'барана') и группа мелких домашних животных: 'собака', 'свинья', 'кошка'. В свою очередь первая группа по признаку 'рогатости' распадается на 'нерогатых' ('лошадь', 'осел') и 'рогатых' — крупных ('бык', 'корова') и мелких ('баран', 'овца', 'козел', 'коза')³.

Характеристика определенной группы животных по признаку 'рогатости' в древнейшей индоевропейской традиции явственно проявляется в

¹ Ср. о возможном соответствии самого термина *aśvamedhá-* в галльском (*Puhvel 1955; 1970a*).

² Проблема реальности жертвоприношения человека в индоевропейской традиции остается не вполне ясной ввиду возможности воздействия местных традиций на отдельные исторические индоевропейские, в частности древнеиндийскую (ср. *Kirfel 1951; Puhvel 1970a: 161—162*) и хеттскую (ср. данные о принесении в жертву военнопленного: *Küttel 1967*). Ср., однако, данные (в особенности германские), говорящие в пользу индоевропейского характера человеческого жертвоприношения: *Ward 1970; Sauvé 1970*.

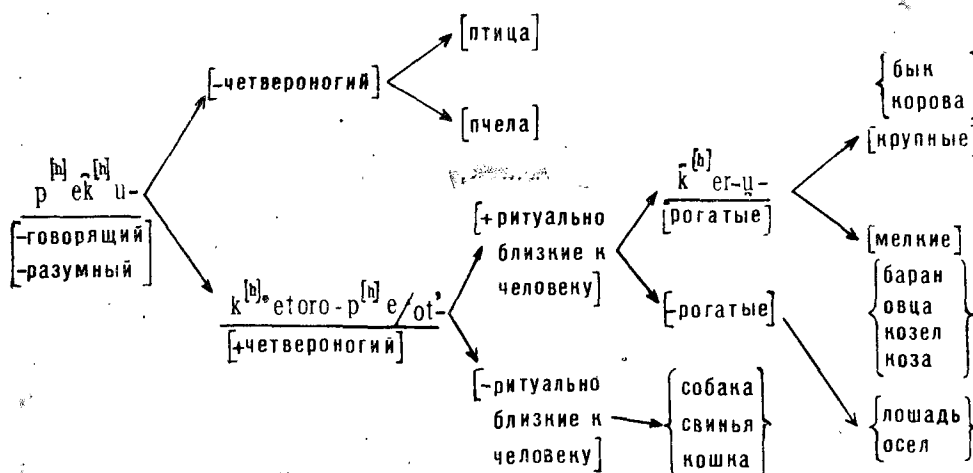
³ В исторических индоевропейских диалектах сохраняются рефлексы и особого общиндоевропейского термина *t^he^homH-, обозначавшего 'укрощение', 'приручение животных' — таких, как 'лошади', 'быки'-'коровы', 'бараны'-'овцы', и отражавшего тем самым древнейший процесс одомашнивания индоевропейскими племенами 'диких животных':

Др.-инд. *damāyati* 'укрощает', 'приручает', 'принуждает', вед. *damitā* 'усмиритель', 'укротитель', *damya-* 'бычок, которого следует укротить', перс. *dām* 'домашнее животное', осет. *domup* 'укрощать', 'изнурять' (*Абаев 1958, I : 365—366; Benveniste 1955*); греч. *δάμνμι* 'укрощаю', 'принуждаю', у Гомера 'объезжаю' (о конях: Р 76—77;

наличии лексемы *k^her-u/n- 'рог', 'рогатый', засвидетельствованной во всех индоевропейских диалектах и в некоторых из них дающей значение 'рогатое животное', 'корова': ср. хет. *karaccar* 'рог'¹, нер. лув. *surna-* 'рог', др.-инд. *śrīṅga-*, авест. *srū-* 'рог', *svara-* 'рогатый', греч. *κεράτος* 'рогатый'; лит. *kārvė* 'корова', рус. *корова*, алб. *ka* 'бык' при лат. *ceruus* 'олень', др.-валл. *carw* 'олень'.

'Нечетвероногие' включают также домашних 'птиц' и 'пчелу'. Схематически такую классификацию можно представить в виде следующего дерева, см. *Схему 2*:

Схема 2

ДЕРЕВО ПРИЗНАКОВ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ

конях и мулах: δ 635—637); др. *διαιτός* 'укротенный', гом. *ἀδμητος* 'необъезженный', 'не бывший в упряжи' (о быках: К 292—293, лошадях и мулах), *δαμάλης* 'бычок, которого следует укротить', *δαμάλη* 'телка';

Лат. *domō* 'укрощаю' (например, 'львов' — *leōnes*), 'объезжаю' (например, 'лошадей' — *equōs*), 'приручаю'; *domitor* 'укротитель' ('диких зверей' — *ferārum*), 'объездчик' ('лошадей' — *equōrum*);

Др.-ирл. *damnaim* 'связываю', 'укрощаю' ('лошадей'), *dam* 'бык', валл. *dafad*, др.-корн. *dauat*, брет. *dañvat* 'овца';

Гот. *ga-tamjan* 'укрощать', 'одомашнивать', др.-исл. *temja*, др.-англ. *temian* (англ. *tame*), др.-в.-нем. *zetmen* (нем. *zähmen*) 'укрощать';

Ср. алб. *dhëntë* 'мелкий рогатый скот', 'овцы'.

С этим корнем связывается и хет. *damas-* 'давить', 'подавлять', 'насиловать' (в частности, о женщине, ср. греч. гом. *δάμνμι* 'делаю женой', 'насилую', *ἀδμης* 'веукротенный'; 'незамужняя девушка').

Сочетание в слове значений 'укрощать' (животное) и 'насиловать' (женщину) может указывать на некоторую символическую связь процесса одомашнивания животных и ритуала сожительства, отраженного в рассмотренных выше хеттских законах и общеевропейских ритуалах жертвоприношения типа а ш в а м е д х и.

¹ Показательно употребление этой лексемы по отношению к рогу мифологического быка, раздвинувшего горы и проложившего путь хеттам к морю в древнехеттском тексте *КУВ XXXI 4 Vs. + КВо III 41, Laroche 1971: 4, № 16.*

4. «ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ»

4.1. КЛАССИФИКАЦИЯ ГРУПП «ДИКИХ ЖИВОТНЫХ»

Класс 'диких животных': *ǵ^{lh}uēg-, выделяемый из совокупности 'одушевленных' существ, наряду с классом 'недиких одушевленных' существ распадается в древнейших индоевропейских мифологических представлениях на особые группы диких животных, выделяемые по их соотношениям с другими мифологическими понятиями, которые отражают строение мира.

Мир по древнейшим мифологическим воззрениям, в том числе и индоевропейским, представляется в виде 'дерева' или ему подобных обрядовых сооружений, направленных ввысь. Все эти символы мира воплощают универсальную схему 'Мирового дерева' в качестве образа строения мира.

'Все живое', как 'одушевленное', так и 'неодушевленное', представляется как находящееся в определенных частях такого 'Мирового дерева', располагаясь у средней его части — ствола, а также в верхней части — вершине или нижней его части — корнях. Таким способом осуществляется некоторая классификация 'всего живого', и в частности 'диких животных', на 'Средний', 'Верхний' и 'Нижний' миры.

Модель мира, отраженная в подобных мифологических представлениях, является некоторой культурной универсалией, поскольку она засвидетельствована в основных мифологических традициях самых различных культур на обширной территории Евразии и Нового Света (ср. *Harva 1922—1923; de Vries 1957, II: 372 и след.; Топоров 1964; 1971; Топоров 1973*).

4.2. ЖИВОТНЫЕ «СРЕДНЕГО МИРА»

В архаичной индоевропейской культурной традиции 'Средний мир', соотносимый со средней частью 'Мирового дерева', объединяет основных (в частности антропоморфных, участвующих в земных делах) богов, людей, домашних животных и диких четвероногих животных. Семантика 'Средний мир' обозначалась, очевидно, лексемой *med^{lh}iō-: др.-инд. *mādhyā* (ср. р.) 'середина', 'промежуточное пространство (между небом и землей)', *madhyamā-* 'средний' (о промежуточном пространстве), др.-исл. *Miðgarðr* 'Средний мир', др.-англ. *middan-geard* 'Средний мир', 'земной круг' (общегерм. **midja-gardaz*), ср. лит. *mėdžias* 'дерево', латыш. *mežs* 'лес', 'дерево', прус. *median* 'дерево', ср. рус. диал. *межа́* 'лесок'¹. Такое развитие значения 'средний' → 'дерево', 'лес' явно указывает на первоначальную соотнесенность лексемы *med^{lh}iō- 'срединный' со срединной частью 'дерева', символизирующего мир. От той же лексемы *med^{lh}iō- в некоторых индоевропейских диалектах образуется эпитет диких животных, на которых охотятся. Такой перенос значения объясним также древней соотнесенностью этих животных со срединной частью 'дерева'. В этом отношении весьма

¹ Основное славянское значение 'межа' выводимо из названия 'межевого знака', 'столба', в ритуальном смысле эквивалентного 'дереву'.

показательны балтийские языки: лит. *medžióti* 'охотиться' (на диких зверей), латыш. *meža* в значении 'дикий' по отношению к любому животному (*meža zvērs* 'дикий зверь'); ср. также выражения типа латыш. *meža vīrs* 'волк' (буквально: 'человек леса'), *meža suns* 'волк' (буквально: 'собака леса'), *Mühlenbach/Endzelin 1923—1932, II : 611*.

Дикие животные 'Среднего мира' образуют ясно выделяемую группу животных, связанных с охотой и ритуалом, в древних индоевропейских традициях противопоставленных животным 'Верхнего' и 'Нижнего' миров.

4.3. «ЖИВОТНЫЕ БОГОВ» В ДРЕВНЕХЕТТСКОЙ ТРАДИЦИИ

В древнехеттской традиции дикие животные 'Среднего мира' объединяются общим названием *šiunaš ħuitar* 'животные богов'. Сюда включаются 'леопард' (*paršanaš*, шумерограмма UG.TUR), 'волк' (*ulippanaš*, шумерограмма UR.BAR.RA), 'лев' (шумерограмма UR.MAḪ), 'медведь' (*ħartaggaš*, шумерограмма AZ), 'дикий кабан', 'вепрь' (шумерограмма SAḪ.GIŠ.GI 'свинья тростника'), 'дикая овца' (шумерограмма ŠEG₉.BAR); такая последовательность соблюдается в ритуале KBo X 23 и KBo III 8 (за исключением перенесения ŠEG₉.BAR на маркированное первое и семантически не вполне ясного *šaša*- 'заяц' (?) на пятое место).

Наиболее древний хеттский текст с подобным перечислением животных (ср. *Goetze 1962 : 29*)—это надпись царя Анитты, где, по-видимому, во фрагментированном контексте встречаются два варианта такой последовательности: *лев — свинья — дикий кабан — медведь* (то есть фрагмент примерно той же последовательности, что и в указанных выше текстах, но начиная со 'льва', в других текстах идущего на третьем или четвертом месте) и (в последовательности с разделительным LU.Ḫ 'ли') *леопард — лев — антилопа, горный козел* (шумерограмма DĀRA.MAŠ) (последовательность повторяется и в ряде других ритуалов, ср. KUB XII 62 I 16—17 и др.), ср. 60—63 (*Гиоргадзе 1965 : 92, 98; Neu 1974*): *ša-ni-ia ši-ya-at* [2 UR.MAḪ 70 SAḪ^{HI.A} 1 SAḪ.GIŠ.GI(?) 1] ME 20 AZ^{HI.A} LU.Ḫ [UG.TUR LU.Ḫ UR.MAḪ^{HI.A} LU.Ḫ DĀRA.MAŠ] LU.Ḫ DĀRA Ḫ L[Ḫ.Ḫ ... URU Ne-e-ša A.NA URU.IA ú-da-aḫ-ħu-un] 'в тот же день 2 львов, 70 диких кабанов, 1 вепря (?) (дословно: кабана тростников), 120 медведей¹,

¹ Обращает на себя внимание большое количество медведей (120!) в зверинце по сравнению с другими животными, что находит интересную параллель в древней месопотамской традиции, где в двух списках животных, доставленных в зверинец, значатся 457 и 157 медведей, *Gelb 1975*. Сомнения, высказываемые Нейем вслед за Оттеном (*Neu 1974 : 31—32*) относительно значения шумерограммы AZ в хеттском (не 'медведь', как в шумеро-аккадском, а некое 'общее название' — Oberbegriff — диких животных), не представляются обоснованными, поскольку спорно отнесение к таким 'диким животным' 'антилопы' (DĀRA) и 'горного козла' (DĀRA.MAŠ), встречающегося рядом со 'львом' (UR.MAḪ) и 'леопардом' (UG.TUR), тем более, что обычно в хеттских текстах шумерограмма AZ передает конкретное дикое животное, а как общее слово для 'животных вообще', 'животного мира богов' выступает *šiunaš ħuitar*, ср., например,

леопарда ли, льва ли, антилопу ли, горного козла ли... в город Несу, мой город я привел". Цитируемый текст представляет особый интерес как указание на создание царского ритуального зверинца с дикими 'зверями богов'. Многочисленные типологические параллели этому можно найти в этнографических данных о других традициях, в частности африканских (ср., например, о царских леопардах в таком зверинце в Бенине, *Melzian 1955 : 103* и др.).

В упомянутом хеттском ритуале КВо III 8 III 27—29, где дается перечисление диких животных в связи со священным вечнозеленым деревом GIŠeja-, символизирующим в хеттской традиции 'Мировое дерево', указана иерархическая последовательность взаимного расположения животных в отношении срединной части — ствола дерева: ŠEG₉.BAR kat-ta-an GIŠeja la-a-at-ta-at UG.TUR-aš-ša ta-aš-ša-i pí-di la-a-at-ta-at u-li-ip-na-aš-ša-an pá-r-ga-ú-e la-a-at-ta-at UR.МАҢ za-am-na-aš la-a-at-ta-at "дикая овца под вечнозеленым деревом развязалась, леопард на важном месте развязался. Волк (же) вверху развязался. Лев у основания (дерева) развязался" (в предшествующей части ритуала этих зверей в той же последовательности и в тех же местах дерева 'связывали' — *hamikta*).

4.4. ПАРАЛЛЕЛИ «ЖИВОТНЫМ БОГОВ» В ДРУГИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

Совпадение отдельных деталей хеттского мифологического образа диких зверей у 'Мирового дерева' с некоторыми другими индоевропейскими традициями позволяет судить об исключительной древности индоевропейских компонентов соответствующих хеттских представлений. В частности, в германской традиции в жертву богу Одину-Вотану (др.-исл. *Óðinn*, др.-в.-нем. *Wuotan*, др.-англ. *Wōden*), соотносимому с 'Мировым деревом', приносились волки, которых вешали на ритуальных столбах, называвшихся 'волчьим деревом', ср. др.-англ. *wulfhēafod-trēo* 'дерево волчьей головы'; *waritrēo* 'дерево преступника-волка', этимологически соответствующее др.-сакс. *waragtreo* 'дерево преступника', др.-исл. *vargtré* 'волчье дерево'.

На фоне подобных несомненных соответствий заслуживают внимания и такие необычные для экологической среды исторических германцев комбинации ритуальных символов животных, как 'дикий кабан' и 'лев' на германском щите IV в. н. э. (ср. такую же хеттскую комбинацию в тексте А н и т т ы) и даже сочетание 'леопарда' и 'льва' с 'кабаном' и 'медведем', засвидетельствованное в германской средневековой традиции в жанре снов о диких зверях, *Beck 1965 : 138—145* (ср. там же о возможном отражении той же традиции в "Песне о Роланде").

КВо X 25 VI 4—7, где после общего слова DINGIR^{MEŠ}-па-аš ħu-u-i-taḡ выступают UG.TUR 'леопард' (из серебра), UR.МАҢ 'лев' (из золота), ŠAҢ.GIŠ.GI 'вепрь' (из серебра), ŠAҢ.GIŠ.GI 'вепрь' (из лазурита), AZ 'медведь' (из серебра). Это перечисление диких зверей совпадает в общем с засвидетельствованным в тексте А н и т т ы.

В некоторых других индоевропейских традициях также находятся соответствия как отдельным элементам из всей совокупности животных 'Среднего мира' (в частности крупным рогатым или копытным — оленю, дикому кабану, дикому козлу и т. п.), так и всей категории этих животных в целом.

Обозначение диких животных 'Среднего мира' термином 'животные бога' или 'божественные животные' — хет. *šiu-naš ʕuitar* — символизирует как бы принадлежность диких животных 'богу', а не 'человеку' (в отличие от домашних животных¹). Древность этого образа 'диких животных' как животных божественных и его общеиндоевропейский характер можно вывести из наличия точно такого же образа в балто-славянской традиции, где 'дикие животные' характеризуются именно как 'божественные', ср. в латышских народных песнях *dieva vērši* 'дикие быки' (буквально: 'быки бога', ср. выше о латыш. *dievs* 'бог', этимологически соответствующем хет. *šiu-na-* 'бог'), *dieva suns* 'волк' (буквально: 'собака бога'), *dieva zuosis* 'дикие гуси' (буквально: 'гуси бога', которые никому не принадлежат²), *Mühlenbach/Endzelin 1923—1932, I : 486*. Сюда же относится славянское *divjji* 'дикий' (ср. *Фасмер 1964—1973, I : 513*), др.-рус. *звѣри дивии* 'дикие звери'; *въ стадѣ дивихъ овецъ; дивий олень* и др., ср. *Срезневский 1958, I : 662*.

Характерной особенностью 'животных богов' в разных индоевропейских традициях является способность человека превращаться в них в ритуалах и в мифологических представлениях. В обрядовом смысле такое превращение (например, превращение человека в 'волка', в 'медведя' или в 'леопарда') придает человеку особый сакральный статус, сближая его с 'богом' через промежуточное звено 'животных бога'. Такой статус 'человека-оборотня' ясно проявляется в древнегерманской традиции, где 'священные звери' (др.-исл. *fylgja* 'дух-покровитель', в частности 'волк', 'медведь', 'дикий бык' и т. п.) образуют связующее звено между 'человеком' и 'богом' (*Beck 1965 : 147*).

4.5. ЖИВОТНЫЕ «НИЖНЕГО МИРА»

Дикие животные 'Среднего мира' или 'животные бога', 'божественные животные' противоплагаются животным 'Нижнего мира', располагаемым у корней 'Мирового дерева', в подземном царстве или в воде. 'Нижний мир' символизировался в индоевропейском, по всей вероятности, термином *b^hud^h-n-, отраженным в др.-инд. *budhná-* 'дно', 'основание', 'опора', 'нижняя часть', 'корень'; авест. *būna-* 'дно', 'основа', 'опора', 'глуби-

¹ Ср. в хеттском пересказе хурритской сказки об охотнике Кешши, где говорится, что "боги на Кешши из-за жертвоприношений разгневаны были и они от него скрыли всех животных": *DINGIRMEŠ-eš-kan ʕeššiia išpanduzzi šer kartimmiṣaunteš nu-šši ʕuitar ʕutan pīran arḥa minnair*, *КUB XVII 1+XXIII 121*.

² Ср. типологические параллели в некоторых сибирских традициях: енисейско-остяцкое (кетское) *ešdә ʒe'!* 'олень Бога Неба Еся', то есть 'дикий (божий) олень' (в отличие от 'домашнего оленя').

на', арм. *an-dund-k̄* 'бездна', греч. *πύθμῳ* 'дно', 'основание', 'низ', 'стебель', 'ствол', лат. *fundus* 'дно', 'основание', 'предел', др.-в.-нем. *bodam* 'низ', 'основа' (нем. *Boden*), др.-англ. *botm* (англ. *bottom*), *bodan* 'основа', 'основание'.

В древнеиндийской космогонии внизу 'Мирового дерева' находится мифологический змей *Ahi-Budhnyá-* (буквально: 'Змей Глубин'), название и функции которого соответствуют греч. *Πύθωυ* (от того же корня **bʰludʰl-*, см. *Топоров 1976* : 5—6, там же о возможных балтийских и славянских мифологических соответствиях). По своей функции древнеиндийскому и греческому мифологическому 'змею' соответствует такое же существо у корней дерева в "Эдде" (*Dumézil 1959*) и 'змей' (шумерограмма *MUŠ*^{III.A}-*uš* (вин. п. мн. ч.) 'бородатые змеи', КВо III 8 III 7. К этому же 'Низшему миру' относятся водяные животные типа 'рыб', 'бобра', 'выдры' и др.

4.6. ЖИВОТНЫЕ «ВЕРХНЕГО МИРА»

У вершины 'Мирового дерева' расположены животные 'Верхнего мира', обозначавшегося, по-видимому, общим названием **Нце(i)*⁻¹ 'птица' (в частности 'орлы', ср. хет. *ḫaraš*^{MUŠEN} 'орел', рус. *орел*, лит. *erēlis* 'орел', гот. *ara* 'орел'), что удостоверяется совпадением практически всех архаических индоевропейских традиций (ср. *Wilke 1922*).

4.7. ОБЩАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ МИРА «ДИКИХ ЖИВОТНЫХ»

Таким образом, мир 'диких животных' распадается согласно древнейшим представлениям на 'Средний', 'Низший' и 'Верхний'. Эти признаки могут быть использованы в качестве семантических признаков, противопоставляющих отдельные группы в классе 'диких животных'.

Ниже, при специальном рассмотрении класса 'диких животных' в представлении индоевропейцев эти подгруппы будут анализироваться в последовательности 'Средний мир' — 'Низший' — 'Верхний', отражающей структуру самих древнейших индоевропейских представлений об окружающем мире. При этом в пределах каждого из этих миров отдельные животные будут рассматриваться в последовательности, отражающей их функциональную роль в большинстве исторических традиций, тогда как вывод об архаической значимости каждого из них делается на основании последующего сопоставления данных по отдельным животным.

Индоевропейское разбиение всех 'диких животных' по трем мирам, соотносимым с тремя частями 'Мирового дерева', можно представить в виде следующей трехчленной таблицы, см. *Табл. I*.

¹ Форма, производная от корня со значением 'дуть' (о ветре, воздухе): др.-инд. *vāti* 'дует', авест. *vāiti*, греч. *ἀνσι* 'дует'; **Нцент*^(h)- 'дующий'; 'ветер': др.-инд. *vānt-*, греч. *вин. п. ἀενα* 'дующий'; хет. *ḫaant-* 'ветер', тох. А *want-*, В *yente* 'ветер', лат. *uentus* 'ветер', гот. *winds* 'ветер'. Отсюда и диалектные названия 'воздуха', 'атмосферы', 'погоды', 'бури'; греч. *ἀ(ρ)ήρ* 'воздух', 'мрак', 'туман', *ἀελλα* 'буря', 'вихрь', ср.-корн. *awel* 'погода'. От этого же названия 'Верхнего Мира' образуется индоевропейское родовое название 'птицы': др.-инд. *vī-*, лат. *avis* и др. (см. ниже).

ТАБЛИЦА I

ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ ТРЕХ МИРОВ

**h̥e(i)-*
'Верхний мир'

птица, орел
журавль
ворон, ворона
дрозд, скворец, воробей
тетерев, глухарь
дятел, маленькая птичка, зяблик
гусь, водяная птица, лебедь,
утка

**med^[h]jo-*
'Средний мир'

волк
медведь
леопард, барс, пантера
лев
рысь
шакал, лиса
дикий кабан, вепрь
олень, лось, антилопа
дикий бык, тур, зубр
заяц
белка, хорек, горностай
обезьяна
слон

**b^[h]ud^[h]-n-*
'Нижний мир'

Змей, змея, червь
выдра, бобр, водяное животное
мышь, крот
черепаха
краб
жаба, лягушка
муха, овод — ?
оса, шершень
гнида, вошь
рыба, лосось

4.8. ТИПОЛОГИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ «ЖИВЫХ СУЩЕСТВ»

Представленная выше классификация "всего живого" на отдельные иерархические классы и подклассы, выделяемые по определенным семантическим признакам, отражает древнейшие представления индоевропейцев об окружающем мире и его соотношении с человеком.

Такая классификация, реконструированная на основании сопоставительного анализа некоторых лексем классификаторного значения и архаических ритуальных традиций, отражает довольно высокий уровень преднаучных взглядов на природу и на место в ней отдельных элементов 'мира живого'. Подобные реконструируемые представления древних индоевропейцев являют собой не метаязык семантического исследования древней культуры, а фрагменты самой системы воззрений на мир, созданной самими носителями индоевропейского праязыка и его диалектов и отраженной в семантике соответствующих лексем и их комбинаций.

Такой сравнительно высокий уровень архаических представлений древних индоевропейцев с элементами логической, зоологической и социальной классификаций не должен казаться чем-то необычным и неожиданным в свете типологических данных этнологии о представлениях так называемых "примитивных [народов]".

В этнологических работах последних десятилетий, в частности в исследованиях Леви-Стросса, устанавливается поразительно высокий уровень классификационной "мысли дикаря", сближающейся с позднейшими научными классификациями явлений живой природы. Так, например, обозначения у индейцев *гуарани* (Южная Америка) "образуют хорошо продуманную систему и — с известными оговорками — обнаруживают определенное сходство с нашей научной номенклатурой. Эти первобытные индейцы не давали наобум названий явлениям природы, а созывали особые советы племени, чтобы установить названия, которые лучше бы отвечали признакам видов, причем они с большой точностью выделяли группы и подгруппы" (Lévi-Strauss 1962 : 61).

Особенно любопытно, что индейцы племени *навахо*, объявляющие себя "великими классификаторами", делят "живые существа" на две категории в зависимости от дара речи. Существа без речи включают животных и растения с дальнейшими классификационными подразделениями (Lévi-Strauss 1962 : 54), что поразительно совпадает с конкретными классификационными категориями индоевропейцев.

Подобные типологические параллели, почерпнутые из этнологических данных, позволяют в сущности верифицировать правомерность реконструкций системы древнейших представлений индоевропейцев об общей классификации явлений живой природы, основанных на анализе лексических в сравнительно-мифологических данных.

Такие реконструкции позволяют выделить особые подразделения живой природы по семантическим признакам, выраженные определенными общими названиями. Поэлементный анализ некоторых из этих подразделений приводится ниже с лексическим и семантическим их разбором.

С этой точки зрения будут рассмотрены выделенные выше группы 'домашних животных' *ǵ[h]uǵer-, 'домашних животных' *p[h]lek[h]lu- и 'растений' *t[h]lel-.

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ДИКИХ ЖИВОТНЫХ» И ИХ ОБОЗНАЧЕНИЯ

. ЖИВОТНЫЕ «СРЕДНЕГО МИРА»

1. «ВОЛК»

1.1. ПЕРВИЧНЫЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ВОЛКА»

Семантема 'волк' представлена в индоевропейском несколькими лексемами.

Одной из древнейших индоевропейских лексем, показывающей различные варианты, соотносимые с разными хронологическими уровнями индоевропейского языка, является лексема со значением 'волк':

И.-е. *ulk^[h]⁰-: др.-инд. *vṛkaḥ*, авест. *vahrka-*, греч. λύκος, ст.-слав. *vŭlkŭ*, лит. *vīlka*, алб. *ulk*.

Форма женского рода со значением 'волчица' возникает самостоятельно в отдельных диалектах: др.-инд. *vṛkīḥ*, рус. *волч-и-ца*, др.-исл. *ylgr*; лит. *vīlkė*; греч. λύκαινα (*Мейе 1938 : 395*).

В качестве фонетического варианта формы *ulk^[h]⁰- в отдельных индоевропейских диалектах выступает архетип на *-p^[h]-:

И.-е. *ulp^[h]-: хет. *ulirpāna-*, гот. *wulfs*, лат. *lupus*; сюда же следует отнести арм. *gayl* с закономерным отсутствием конечного *-p^[h]¹.

Параллельно с этой основой для общиндоевропейского реконструируется и другая основа со значением 'волк':

И.-е. *ueit[?]-(n)-: хет. *uētna-*, др.-исл. *vitnir*, словен. *vedanec*, *vedomec*, *vedavec*, укр. *віщун* 'волк-оборотень' ('человек, обратившийся в волка'), др.-чеш. *vědi* 'волчицы-оборотни' (*Jakobson 1966a : 346—350*).

Наличие нескольких лексем общиндоевропейского периода, обозначающих 'волка', указывает на особую экологическую распространённость

¹ В конечном счете формы *ulk^[h]⁰- и *ulp^[h]- разлагаются на корень *uel- с первичным значением 'раздирать', 'ранить', 'убивать' и суффиксы *-k^[h]⁰- и *-p^[h]-, дающие два варианта основы, распределенные по индоевропейским диалектам. К первичному значению корня *uel-, лежащему в основе слова 'волк', см. лат. *uellō* 'рву, разрываю', *uolpus* 'рана', греч. *ὀδλή* 'рана', др.-ирл. *fuil* 'кровь', ср.-ирл. *fuili* 'кровавые раны', гот. *wīlwan* 'грабить', *wulwa* 'разбой', др.-исл. *valgr* 'трупы на поле брани', тох. А *wāl-* 'умирать', лув. *u(а)lantī-* 'мертвый', иер. лув. *wal(a)-* 'умирать' (*Hawkins 1980*). Первичное индоевропейское значение 'волка'—это, следовательно, 'раздирающее (добычу) животное', 'зверь-убийца'. О других производных от корня *uel- с тем же значением 'хищного животного' см. ниже.

этого хищника на территории обитания индоевропейских племен, а также на его культовую и ритуальную значимость, что ясно отражается в древнейших индоевропейских традициях.

1.2. РИТУАЛЬНАЯ РОЛЬ «ВОЛКА» В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

В древнехеттской традиции 'волк' играет особую роль, выступая в качестве воплощения сакральных качеств. В частности, 'волк' и 'волчья стая' служат образом единства и всеведения. Так, например, царь Хатусили I (XVII в. до н. э.), обращаясь к собранию-панкусу, призывает своих воинов-подданных "быть единым целым", то есть объединиться "как волчий род": *ú-e-it-na-aš ta-a-an pa-an-gur*. Надевание волчьих шкур (ср. хет. LÚ^{MEŠ} UR.BAR.RA 'люди-волки', КВо XVI 68 I 13; 78 IV 9 и др.) имеет магическую силу, придающую, по-видимому, всеведение и, быть может, является символом особого юридического положения. В этом смысле любопытна формула 'превращения человека в волка', применяемая в тексте "Хеттских законов" (§ 37): *zik-ua UR.BAR.RA-aš kištat* "ты-де сделался волком", сопоставимая с др.-инд. *vṛko hi śāḥ* 'он есть волк', Watkins 1970a (особый юридический статус при брачном обряде похищения женщины)¹.

Параллели к таким хеттским формулам и ритуалам можно установить в целом ряде других древних индоевропейских традиций, что свидетельствует об общеиндоевропейском их характере и возможности их постулирования для периода индоевропейского единства.

В древнегреческой традиции, при особой ритуальной форме убийства, человек 'волком становится': *λύκω γυνέσθαι* (Платон, "Республика"). Этому точно соответствует германская формула: в древнеисландской умиротворительной присяге совершивший убийство "будет называться волком" (*skal svá víða vargr heita*), ср. Иванов 1975.

Разительную параллель древнехеттскому ритуалу надевания волчьих шкур и пляски 'людей-волков' (LÚ^{MEŠ} UR.BAR.RA), то есть 'людей с волчьими шкурами', можно установить в древнегерманской традиции (включая готскую), где воины изображаются в волчьих шкурах и описываются как 'волки' (ср. др.-англ. *heoruwulfas*, *wælwulfas* 'воины-волки'). Любопытно, что в Византии вплоть до позднего времени в рождественский праздник воспроизводились ритуальные пляски готских воинов в волчьих шкурах (ср. Kraus 1895). Характерно также частое употребление лексемы со значением 'волк' в германских именах собственных типа гот. *Ulfilas* (ср. Коск 1924), др.-исл. *Ulf-björn*, *Björn-olfr*, др.-в.-нем. *Wulfbero*, др.-англ. *Bēo-wulf*; ср. также франкское обозначение *werwulf* 'человек-волк' и др.

В древней славянской и балтийской традициях совпадение с хеттской

¹ Ср. 'волк' (*vṛkaḥ*) как образ 'вора', 'разбойника' (*agháśaśa-*) в "Ригведе", I 42, 2. 4

и германской особенно ясно проявляется в ритуале превращения 'человека в волка', что наделяет его чудодейственной силой и особым положением 'вещего', 'всеведущего' (Jakobson 1966a; Ridley 1976). На голове у всеведущего славянского князя - Волка росли 'волчьи волосы': словен. *voľčja dláka* (ср. др.-исл. *vargshár* с тем же значением); из этого же сочетания возникает позднейшее название 'оборотней - вурдалаков': болг. *вълколак* и т. п. Особую характеристику 'людей в волчьих шкурах', 'людей-оборотней' составляет их всеведение, что отражает, очевидно, очень древнюю, вероятно, общеиндоевропейской давности, традицию о 'людях в волчьем образе' (ср. укр. *віщун*, др.-чеш. *vědi* и др.). В этом смысле весьма характерна этимология индоевропейской основы **ueit'*-(n)- со значением 'волк', увязываемой, очевидно, с корнем **ueit'*- 'ведать', 'знать' (греч. *οἶδα* 'знаю', др.-инд. *véda*, рус. *ведать*).

1.3. РИТУАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ «ВОЛКА» И ЕГО ДИАЛЕКТНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Особая культово-ритуальная функция 'волка' в индоевропейской традиции, наделенного комплексом особых священных качеств, порождает наряду с первичными лексическими образованиями **u!k^[h]*^o-//**u!p^[h]*- новую описательную форму, увязываемую с корнем **ueit'*- 'знать', 'ведать'. Эти основы и распределяются в дальнейшем в отдельных индоевропейских диалектах в качестве ритуально маркированного или первичного обозначения для 'волка'.

Такой функциональной нагрузкой данной семантемы в условиях табуирования определенных первичных названий можно было бы объяснить появление в дальнейшем в отдельных индоевропейских диалектах новых (иногда эвфемистических) образований со значением 'волк'¹ (ср. Зеленин 1929—1930). В частности, в латышском встречаются архаические эвфемизмы типа *dieva suns* 'волк' (буквально: 'собака бога'), *meža suns* 'волк' (буквально: 'собака леса').

'Волк-хищник', 'волк-убийца' выражается уже новым словом, увязываемым этимологически с индоевропейским корнем **d^hleu-* 'душить', 'да-

¹ Таким образом можно было бы объяснить и германское название 'волка' как 'волка-человека, совершившего преступление': др.-исл. *vagr*, др.-в.-нем. *warg*, др.-англ. *wearg* (Jacoby 1974), ср. гот. *ga-warg-jan* 'приговорить', этимологически отождествляемое с хет. *ḫurk-el* 'отвратительное преступление' (Puhvel 1971), ср. также LŪMEŠ *ḫurki-laš* 'люди преступления' как название мифологических существ, которые должны поймать волка рукой (в KUB XII 63 I 21 и след.). Приведенный выше (стр. 487) общегерманский термин *vargtré* 'волчье дерево' сопоставляется с хет. *ḫurki-* 'колесо' (§ 198 'Хеттских Законов', шумерограмма GIŠDUBBIN, DDUBBIN 'божественное колесо' в 'Автобиографии Хаттусили', I, 36, в контексте, где речь идет о наказании преступника). Ср. ритуальные значения слов того же корня в славянском: др.-рус. *ворожити* 'предсказывать', *ворожея* 'колдунья', *ворог* 'враг', *ворожа* 'колдовство, ворожба', рус. диал. *ворожейка* 'флюгарка, состоящая из длинного вколанного в землю шеста, на вершине которого прикреплен палочка горизонтально, на конце последней пучок кудели', Филин 1965-, 5: 109 (ср. значение др.-исл. *vargtré* как обозначение ритуального столба).

вить', 'убивать': ст.-слав. *daviti* 'душить', 'удавить', гот. *afdauips* 'замученный' (причастие *каузатива*), *pata diwanō* 'τὸ θνητόν', 'смертное', *indiwanei* 'ἀθανασία' (ср. выше об обозначении 'смертного', 'человека' от этого корня)¹.

К этой же группе образований от корня *d^hleu- в древних балканских индоевропейских языках примыкает имя меонийского божества Кандавла, которое согласно Гиппонакту означает 'душитель пса' (κυν-ἀγχης) и интерпретируется как одно из воплощений индоевропейского 'волчьего божества', которому в жертву приносили собак (Masson O. 1962 : 106).

Такие слова со значением 'волк' (этимологически: 'убийца', 'душитель') представлены в формах типа фригийского *δαός* (*Гесихий*) и иллирийского *Daunus* (ср. также *δαβουον·θηριον* по *Гесихию*).

1.4. ЭТНОНИМЫ И ТОПОНИМЫ, СВЯЗАННЫЕ С НАЗВАНИЕМ «ВОЛКА»

О важной функции 'волка' в индоевропейской традиции на всем ее протяжении от общеиндоевропейского состояния вплоть до исторического периода свидетельствует особая распространенность этнонимов и топонимов, содержащих основу 'волк'. Целые народы и страны назывались 'волчьим именем' по месту, отводимому этому животному в культурной традиции (вероятно, тотемного происхождения) тех или иных индоевропейских племен.

В частности, 'волками' или 'волчьей страной' именуется области, перечисляемые ниже в порядке с запада на восток:

В древней Италии — племена *Lukani* (в греческой передаче), *Hirpini*, возводимые к **hirpus* 'волк' (ср. согласно Сервию проприциание оракула, по которому *Hirpi Sorani* "волкам должны подражать" — *lupos imitarentur*), иллирийское племя *Δάβνιοι*;

На древних Балканах — название даков у Страбона — *δαοί*, то есть 'волки' (*Eliade 1959*), северобалканское название *Δάβνιου τεύχος* 'Волчья стена' (у Стефана Византийского) и другие. В Греции и в греческой части Малой Азии к этой же группе названий относятся Ликаония, связываемая с именем мифического царя Ликаона, город *Λυκόσουρα*; возможно, и название малоазиатской области *Lukka*- уже в хеттских текстах. В Малой Азии также толкуется и название племени *Orka* (*Orkoi*) во Фригии (*Eisler 1951 : 137*). К этому же типу этнонимов и топонимических названий, содержащих лексему 'волк', относятся сарматское племя *Οὐρροι* 'урги', 'волки' (*Страбон*) и древнеиранское образование типа **Vrkāna*- (в эламс-

¹ В сущности такое же первичное значение характеризует и формы **u/k^h*°- || **u/ɾ^h*- (ср. термин *λύσσα* 'воинская ярость' [дословно: 'волчья'] от *λύκος* 'волк' у Гомера: *λύσσα δὲ οἱ κῆρ αἰὲν ἔχε κρατερῆ* "сердцем его (Ахилла) непрерывно владела могучая волчья ярость", Ф 542—543, ср. *Lincoln 1975*). Однако это первичное значение 'волка' могло быть утеряно в дальнейшем, что и привело к возможности возникновения новых названий 'волка' по тому же признаку.

кой передаче *mi-ir-ka-nu-ia-ip* 'жители Хиркании' при имени *Hyrkanoi* у античных авторов), как, в частности, *Хиркания*, локализуемая на юго-восточном побережье Каспийского моря и в Закавказье (*Церетели 1963*).

1.5. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И АРЕАЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ К ФУНКЦИИ «ВОЛКА» У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Разительные параллели культу 'волка' в индоевропейской традиции обнаруживаются в южнокавказской (картвельской) культуре. Культ 'волка' анимает особое место уже в древнейшей южнокавказской культурной традиции. Изображения людей в 'волчьих масках' является одним из основных мотивов ритуального изобразительного искусства. Следы культа 'волка' особенно ясно прослеживаются в сванской традиции, где 'волк' наподобие древнейшей индоевропейской традиции является символом определенной социальной организации (*Бардавелидзе 1957 : 37 и след.*). Более того, сванская традиция отождествляет мобильность волчьих сообществ с подвижностью человеческих групп в среде. Волчья организация является как бы отражением в природе социальной организации людей (*Charachidzé 1968 : 482*).

В древнегрузинской традиции значимость культа 'волка' отражается в именах собственных правителей Иберии, содержащих иранские слова со значением 'волк', ср. эпитет древнегрузинского царя Вахтанга Горгасала ('Вахтанг-Волчья Голова') при возможной этимологии самого имени *Вахтанг* из **warx-tang* ≈ *vahrka-tanū* 'имеющий волчье тело', ср. осетинское имя героя в нартовском эпосе: *Wærxæg* (от 'волк' по *Абаеву 1949, I : 187; 1965 : 95*). Само название древней Иберии **Vrkān* ≈ *Hyrkaniā* восходит к тому же иранскому названию 'волка' (*Церетели 1963*). Характерно, что вследствие особой культовой функции 'волка' первоначальное общекартвельское слово, обозначавшее 'волка' подвергается табуированию, заменяясь заимствованиями из других языков. Грузинское *mgel-i* 'волк', мегр. *ger-i* заимствуется, вероятно, из армянского (ср. арм. *gayl* 'волк'); сванское слово для 'волка' *txer* увязывается, очевидно, с греч. *θήρ* 'дикий зверь'.

Сходным образом, в осетинской традиции, где 'волк' был древним тотемным животным — родоначальником племени, табуируется первоначальная индоевропейская лексема, сохранившаяся лишь в мифологических именах. Она заменяется словом, по-видимому, тюркского происхождения *biræǰ* // *beræǰ* 'волк' (*Абаев 1958, I : 262—263; 1949, I : 48—49*).

Культ волка играет особую роль на Южном Кавказе, и многие черты традиции, связанной с ритуальной функцией 'волка', совпадают в основных чертах до поразительных деталей с древнейшей индоевропейской традицией.

Совпадение всего указанного комплекса представлений, связанных с 'волком', объединяет индоевропейскую и южнокавказскую (картвельскую) традиции с более широким кругом мифологических представлений, характерных для значительно более обширного ареала, простирающегося далеко на восток (ср. о культе 'волка' в этом ареале *Alföldi 1974 : 32, 150 и след.*).

По новейшим археологическим данным, древнейшие следы 'волка' обнаруживаются на рубеже VIII—VII тысячелетий до н. э. в широком ареале Передней Азии, включая и материковую Грецию — Фессалия, восточная Малая Азия, Иранское плоскогорье, Палестина (а также в некоторых областях Северной Европы — Англии), ср. *Berger/Protsch 1973 : 223*.

2. «МЕДВЕДЬ»

2.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «МЕДВЕДЯ»

Другой лексемой общиндоевропейской эпохи, обозначающей крупного хищника, является слово 'медведь', показывающее закономерные соответствия по древнейшим индоевропейским диалектам:

И.-е. *H₂rt^[h]k^[h]l- : хет. *hartagga*¹, др.-инд. *ṛkṣah*, авест. *arəšō*, греч. *ἄρκτος*, арм. *arj*, лат. *ursus*, ср.-ирл. *arí*².

Распространенность медведя в экологической среде обитания индоевропейских диалектов выводится уже из факта наличия этой лексемы в общиндоевропейском, отраженной во всех основных группах индоевропейских диалектов.

2.2. КУЛЬТОВАЯ РОЛЬ «МЕДВЕДЯ» В ХЕТТСКОЙ И ДРУГИХ ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

В культовом отношении 'медведь', хотя и играет определенную роль в древнеиндоевропейской традиции, но по ритуальной значимости уступает 'волку', с которым он часто объединяется в определенных видах ритуалов, а отсюда и в соответствующих названиях.

В хеттских ритуалах 'люди-волки' пляшут вместе с 'людьми-медведями'

(L^U*hartagga*-, ср. *Jakob-Rost 1966*), что аналогично ритуальному танцу воинов-готов в медвежьих и волчьих шкурах (*Kraus 1895*). В древнегерманских сложных именах собственных 'медведь' часто сочетается с 'волком':

Рис. 1. Сосуд в форме медведя (древнебалканская культура, VI тыс. до н. э.)

¹ Вопреки предположению Оттена (*ср. Neu 1974 : 32, 103*) относительно перевода *hartagga*- не как 'медведь', а как 'волк', представляется наиболее вероятным считать хет. *hartagga*- словом для 'медведя', что согласуется с этимологическим толкованием этого слова (*ср. Watkins 1975 h*). При этом следует иметь в виду и комбинаторное толкование слова, указывающее скорее на значение 'медведь', а не 'волк', ср. отраженную в хеттских текстах (КУВ XXIX 1 I 30 и др.) способность *hartagga*- 'взбираться на деревья'. При этом следует учитывать также, что для 'волка' в хеттском засвидетельствованы по меньшей мере два слова: *širrapa*- и *цетпа*-, см. выше, стр. 492.

² Это кельтское слово заимствуется из кельто-иберийского и в баскский в форме *hartz* 'медведь' (*Шишмарев 1941 : 18*).

др.-исл. *Ulf-björn*, *Björn-olfr*, др.-в.-нем. *Wulf-bero*, *Ber-ulf*, вест.-гот. *Bēr-ulfus*.

Для исследования индоевропейской традиции особое значение имеют хеттские данные. Уже в древнейшем тексте КВо VII 14 фигурирует 'медведь' в ритуальном смысле: *nu-ut-ta ḫar-tág-gán ma-a-an [...] -iš-ki-mi nu-tu-ḫ-ḫi-ja-at-ti-it a-ak-ti* "и тебя как медведя я [удавлю?], и от удущья ты умрешь" (Гамкрелидзе 1961: 275—276). Ритуальная значимость 'медведя' видна также в хеттских ритуалах плодородия, в которых 'медведь' выступает как символический оплодотворитель деревьев: *ḫartaggaš-ma-šmaš šara vrkiškitta* "медведь же на вас вскочил"¹, КUB XXIX 1 I 30, ср. Watkins 1975h; в этом последнем ритуале, как и в надписи Анитты, 'медведь' выступает в одном ряду с другими 'животными богов', в частности 'леопардом' и 'львом'.

2.3. ТАБУИРОВАНИЕ НАЗВАНИЯ «МЕДВЕДЯ» И ЕГО ЭВФЕМИСТИЧЕСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Как и следовало ожидать, вследствие своей культовой значимости первоначальное название 'медведя' табуируется в разных индоевропейских культурах, в частности славянской, где первоначальная индоевропейская лексема со значением 'медведь' заменяется описательным наименованием по признаку склонности животного к сладкому, к лакомству: рус. *медведь*, ц.-слав. *медвѣдь*, чеш. *medvěd* из и.-е. *med^[h]u-*et*'-⇒ праслав. **medvĕd-ī* 'поедатель меда', ср. др.-инд. *madhuvád-* 'едящий сладкое'.

В германской традиции, где 'медведь' является наряду с 'волком' одним из основных 'священных животных' (Beck 1965: 21 и след., 146 и др.), табуирование осуществляется посредством замены первоначального названия 'медведя' описательным по признаку цвета бурого медведя; возникает термин, восходящий к индоевропейскому *b^[h]l^her- 'коричневый': др.-в.-нем. *bero* 'медведь' (нем. *Bär*), др.-англ. *bera* (англ. *bear*), др.-исл. *björn*, ср. Gottlieb 1931: 39—41. Наряду с этим в германском засвидетельствован описательный термин типа славянского: др.-англ. *Bēowulf* 'медведь' (дословно: 'пчелиный волк').

В балтийских языках возникает другой эвфемистический термин для 'медведя', который может быть фонетически значительно видоизмененной формой первоначального индоевропейского названия: прус. *tlok-* в *Tlokuin-pelk* 'Медвежье Болото', от *clokis* (лит. *lokys*, латыш. *lācis* 'медведь').

Обращает на себя внимание то, что замена первоначального наименования 'медведя' происходит в основном в балто-славяно-германском ареале, что указывает на большую культовую значимость медведя в этой области по сравнению с другими индоевропейскими. В этом отношении балто-сла-

¹ Глагол агк- соответствует рус. *ёрзать*, белорус. *ёрзачь* (в первоначальном сексуальном смысле), дублет *ёрзать* (Филин 1965-), тогда как соответствующее существительное агки- 'яичко' (мн. ч. аг-ки-и-е-еѣ, КВо XVII 61 Rs. 15) сопоставляется этимологически с греч. *ὄρχις* 'яички', авест. *əgəzi* (дв. ч.), арм. *orjik*, ср.-ирл. *uirgge* (ср. Watkins 1975h).

вяно-германский культурный ареал обнаруживает большие связи с восточноевропейским и северноевропейским (ср. *Алексеев 1960; Крейн-вич 1969*).

2.4. ТИПОЛОГИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО КУЛЬТА «МЕДВЕДЯ»

Для древней индоевропейской традиции культ «медведя» уступает по ритуальной значимости культу «волка», который охватывает как биологическую, так и социальную сферы: «волк» как символ единства всего племени, «волк» как особый социальный статус, «волк» как символ всеведения, даруемого вождю племени и т. п. В отличие от этого «медведь» в древнейшей индоевропейской традиции символизирует в основном биологическую сферу — плодородие природы (ср. мифологический образ сына «медведя» и обряд брака с медведем в германской традиции, *Beck 1965; de Vries 1956, I: 362 и след.*, славянской, *Иванов/Топоров 1965: 161*, и греческой традициях) и уничтожение жизни («смерть медведя»)¹. Лишь в отдельных позднейших индоевропейских культурах расширяется ритуальная и культурная значимость «медведя», охватывая и другие сферы.

В ряде исторических индоевропейских традиций происходит существенное уменьшение культовой роли «медведя», видимо, в силу экологических условий позднейшей среды исторического обитания носителей этих диалектов. В частности, в древнеиндийской традиции уже в ранний период «медведь» отходит на задний план: характерно, что в «Ригведе» древнее название животного *ṛkṣa-* «медведь» упоминается лишь один раз при 23 упоминаниях древнего названия «волка» *vṛka-* и 15 упоминаниях названия «льва» (*Grassmann 1873: 278, 1325, 1515*).

Напротив, для хеттской традиции, как, впрочем, и месопотамской, характерно значительное количество «медведей» (ср. выше о надписи А нитты с упоминанием 120 медведей в зверинце, стр. 486), что можно истолковать как указание на особую экологическую распространенность медведя на древнем Ближнем Востоке.

Любопытно, что и в южнокавказском (картвельском) культурном ареале культ «медведя» по своей значимости существенно уступает культу «волка», играющего особую ритуальную роль. С этим обстоятельством должно быть связано сохранение в картвельских языках первоначального наименования «медведя» (груз. *datv-i*, мегр. *tunt-i*, лаз. *mtut-i*, сван. *däšdw*) в отличие от многообразия наименований «волка».

¹ Противопоставление «медведя» как символа биологического плодородия другим животным, связываемым с царской властью, видно, в частности, из цитируемого хеттского ритуала KUB XXIX 1, где «медведь» упоминается только в связи с плодородием деревьев, а «лев» и «леопард» — и в разделах, где речь идет об обновлении священной власти царя.

3. «ЛЕОПАРД», «БАРС», «ПАНТЕРА»

3.1. «ЛЕОПАРД» В ДРЕВНЕХЕТТСКОЙ ТРАДИЦИИ

В хеттском ряду ‘животных богов’ леопард (хет. *paršana-*, шумеро-грамма UG.TUR, возможно, ‘пантера’, ‘барс’ или другое крупное животное из семейства кошачьих) занимает первое или ‘важное место’ (см. выше, стр.

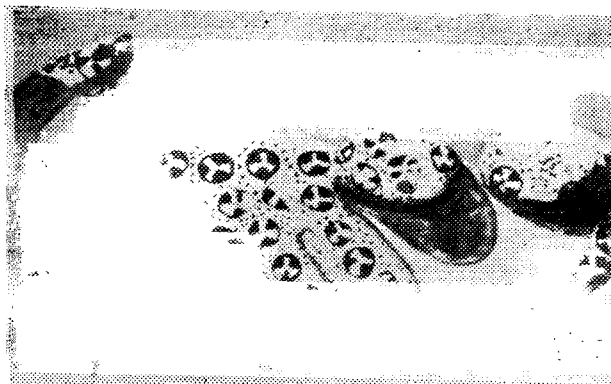

Рис. 2. Фреска с изображением леопардов. Чатал-Хююк, VII—VI тыс. до н. э.

486; ср. также последовательность *лев — леопард — медведь* в архаическом ритуале KUB XXIX 1). При этом ‘леопарду’ (*Felis pardus* L.) в отличие от других животных приписывается способность ‘танцевать’, ср. в ритуале KBo X 24 III 24 : *nu pár-ša-ni-li tar-ú-i-eš-kán-[zi]* ‘и они по-леопарды танцуют’ (очевидно, описание ритуального танца в леопардовых-барсовых шкурах).

В ритуале плодородия, где ‘медведь’ выступает как воплощение мужской силы оплодотворения, ‘леопард’, как и ‘лев’, возможно, символизируют женское начало: UR.MAḪ-*aš kattan šeškit* UG.TUR-*aš-(š)maš kattan šeš-kit hartaggaš-ma-šmaš šara arkiškitta* ‘лев/львица спал(а) под (вами), леопард под вами спал, медведь же на вас вскочил’ (KUB XXIX 1 I 29—30).

3.2. ОБОЗНАЧЕНИЕ «ЛЕОПАРДА» — «БАРСА» В ХЕТТСКОМ И ИНДО-ИРАНСКОМ

Хеттская лексема *paršana-*, в которой выделяется суффикс *-ana-* (ср. *ulipp-ana-* ‘волк’) и основа *parš-*, сопоставляется с персидским *pārs* ~ *fārs* ‘пантера’; отсюда зап.-монг. письм. *p'ars* (XIV в.), *bars* ‘барс’, ‘тигр’ (Владимирцов 1917; 1929 : 341), др.-тюрк. *bārs* уже в значении ‘тигр’, в том числе как символ в двенадцатилетнем животном цикле, *bars jil* ‘год тигра’¹; некоторые тюркские языки сохранили значение ‘пантера’, с которым можно связать рус. *барс* (ср. Дмитриев 1962 : 555).

¹ В индоевропейских традициях сама семантика ‘тигр’ появляется, очевидно, позднее в отдельных диалектах (ср. вывод о ее отсутствии в общиндоевропейском, Thieme 1964: 596). Для ее передачи возникает, в частности в греческом, лексема, основанная на индоевропейском корне *(s)l^hleik'- ‘колоть’, ‘острый, заостренный’: греч. *τύρις* ‘тигр’ (из ‘острый’, авест. *tīra-* ‘острый’, *tīri-* ‘стрела’, др.-перс. *tīra-* ‘острый’, ср. Watkins 1971: 1543); отсюда заимствуется название ‘тигра’ в латинском и новых европейских языках. Культурная роль ‘тигра’ (*Felis tigris* L.), очевидно, минимальна в исторических индоевропейских традициях. Она особенно характерна для юга древней Передней Азии (Мохенджо-Даро, где ‘тигр’ выступает в священной последовательности животных в

Иранским формам на *-s-* (перс. *pārs~fārs*, сарыкол. *pis* 'барс', 'леопард', Пахалина 1971 : 130) противостоят дублетные формы на *-d-*: согд. *pwrd'nk*, афган. *prāng*, перс. *palang* 'барс' (с развитием **rd*>*l*; из этой персидской формы объясняется осет. *ʃælank* /*ʃærank* 'барс', 'леопард', Абаев 1958, I : 450, и памирские формы — из таджикского — типа вахан. *rəlang* 'снежный барс', 'ирбис', ишк. *rəlang*, Пахалина 1975 : 242; Грюнберг/Стеблин-Каменский 1976 : 421), соответствующие др.-инд. *ṛḍāki-* 'пантера', 'тигр' (слово, засвидетельствованное у древнеиндийских лексикографов, Mauryhofer 1963, II : 301 и след., 335; ср. Fussman 1972, II : 207—208). Такую же форму показывает и греческий: *πάρδαλις*, *πόρδαλις*, *πάρδος* 'пантера', 'барс', *παρδαλή* 'барсова шкура'.

(3.3) РОЛЬ «ПАНТЕРЫ» — «БАРСА» В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

'Пантера'-'барс' в греческой традиции, в частности у Гомера, отличается поразительной ритуальной близостью к хеттской традиции. В 'Илиаде' (К 29—31) 'барсовой шкурой' царь Менелай покрывает себе спину перед тем, как надеть шлем на голову и взять в руки копье:

Παρδαλή μὲν πρῶτα μετάφρενον εὖρὸν χάλυψεν

ποικίλῃ, αὐτὰρ ἐπὶ στεφάνῃν κεφαλῆφιιν ἀείρα;

θήκατο χαλκείην, δόρυ δ'εἴλετο χειρὶ πικρῆν

'Пеструю барсовой шкурой покрыв он широкую спину,

Медный на голову шлем, поднимая руками, надвинул,

Также копье захватил длиннотенное в мощную руку'

(перевод И. М. Минского)

Сам Александр 'богоподобный' имеет на плечах 'барсову шкуру' (Г 16—18):

Τρωσὶν μὲν προμάχισεν Ἀλέξανδρος θεοειδής,

παρδαλέην ὤμοισιν ἔχων καὶ κμπύλα τόξα

καὶ ξίφος.

'Вышел тогда Александр боговидный пред строем троянцев,

Барсову шкуру нося на плечах и свой лук изогнутый

Вместе с мечом'.

Сам 'барс', 'пантера' у Гомера упомянуты дважды в перечислениях диких животных — в 'Илиаде' в ряду 'шакалов', 'пантер' и 'волков' (N 103: *θῶων παρδαλίων τε λύκων*), в 'Одиссее' же в более показательном контексте перевоплощения бога — 'старца' (*γέρων*) — в различных зверей, изображаемых как мифологические существа: сначала во 'льва',

качестве эквивалента 'леопарда', 'барса' в более западных культурных традициях; в самой Индии место 'тигра', в священной символике животных соотнесенного с севером, занимает позднее 'лев', Центральной Азии (ср. древнетюркские последовательности животных циклов) и Китая, где 'тигр' в системе пяти животных выступает как единственный представитель 'имеющих шерсть', см. Saussure L. 1920; Юань Кэ 1965 : 55—56, 72; Семка 1971 : 105, 116. Характерно, что в 'Ригведе' 'тигр' вовсе не упоминается, и лишь позднее в 'Атхарваведе' 'тигр' начинает заменять 'леопарда' в качестве символа царской власти, ср. Елизаренкова 1976 : 6, 232, 374. Однако наряду с этим и 'леопард' остается символом царской власти ('Атхарваведа', IV 8).

затем же — в ‘дракона’, в ‘барса’ и в могучего ‘дикого кабана’, причем в конце этого перечня бог становится валом воды и ‘деревом’, устремляющимся ввысь (δ 456—458):

ἀλλ' ἦτοι πρότιστα λέων γένετ' ἠϋγένειος,
αὐτὰρ ἔπειτα δράκων καὶ πόρδαλις ἠδὲ μέγας σῖσ·
γίγνεται δ' ὕγρον ὕδωρ καὶ δένδρον ὑψιπέτῃλον.

“Вдруг он в свирепого, с гривой огромного льва обратился;
После предстал нам драконом, пантерой, ветрем великим,
Быстротекущей водою и деревом густовершинным”.

(перевод Жуковского)

В этом тексте сочетание семантем ‘льва’, ‘леопарда-барса’ и ‘дикого кабана’ в связи с ‘деревом’ весьма показательно в свете приведенных выше данных об индоевропейской мифологической традиции, касающейся ‘животных богов’.

3.4. «БАРС» В ДРЕВНЕАРМЯНСКОЙ ЛЕГЕНДЕ

В этой связи вызывает значительный интерес параллель на уровне семантем в армянском мифологическом эпизоде легенды, приводимой Моисеем Хоренским (“История Армении”, I 26). Речь идет о сне мидийского царя Аждахака (ср. перс. *Azdahā*, авест. *aži-dahāka-*, легендарный царь дэвов, *aži-* ‘Змей’, ‘Дракон’, ср. др.-инд. *Ahi-Budhnyā* ‘Змей Глубин’), в котором он видит на вершине горы в ‘стране армян’ (*yerkrin haykazanc'*) чудесную женщину в ‘пурпурово-красном’ (*kin omn siranazgest*) в родовых муках (*erkanc' ambineal c'awov*). Внезапно женщина рождает три чудесных существа божественного рода (*cnaw kinn yarkarc eris katareals i diwczazanc'*). Первое существо, рожденное на льве (*aceal i veray ariwcu*), отправилось на запад, второе, рожденное на барсе (*i veray epcu*), отправилось на север, третье, рожденное на громадном драконе-вишапе (*zvišapn arari sanjeal*), отправилось к Мидийскому царству (видимо, на юго-восток) и напало на него¹.

Несмотря на иранскую этимологию имени самого Аждахака и сюжетную связь с Мидией в приведенной легенде явно видны древнейшие мифологические мотивы, выраженные архаичными языковыми средствами, ср. в этом отношении архаичный армянский гимн о рождении мифологического существа (Вахагна) у того же Моисея Хоренского (I, 31), где с приведенной выше легендой совпадают вся архаичная индо-

¹ Образы животных, соотносимых со сторонами света, являются древнейшим мотивом, отраженным в индоевропейских традициях. В частности, в наиболее древней индийской традиции ‘тигр’, функционально заменяющий в этой культуре ‘леопарда’, соотнесен с севером. В этой связи любопытно, что в ранней буддийской традиции четыре Великих царя, соотнесенных со сторонами света, стоят при рождении Будды вокруг его матери Майи и принимают новорожденного “на шкуру пятнистого тигра” (Mahāvastu, III, 315, 2; Mahāvagga, I, 2, 1 и др.); ср. в приведенном армянском мифе чудесное существо, рожденное ‘на барсе’ и отправляющееся на север.

европейская фразеология и мифологические мотивы (ср. Watkins 1975h : 518 и след.; см. подробный анализ гимна с точки зрения индоевропейских мотивов Dumézil 1969):

erknēr erkin erknēr erkir
erknēr ew sovñ sirani

“В муках рождения находились Небо и Земля;
В муках рождения лежало и пурпуровое Море”.

В свете изложенного заслуживает внимания совпадение тройки мифологических животных *лев — дракон — барс* в приведенном выше отрывке из “Одиссеи” и в армянской легенде в передаче Моисея Хоренского. Все это свидетельствует об исключительной древности этих мифологических мотивов, восходящих к архаичному периоду развития индоевропейской культуры.

3.5. «ЛЕОПАРД» — «ПАНТЕРА» В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

В свете этих сопоставлений приобретают особую значимость обнаруживаемые в германской средневековой мифологической традиции аналогичные символы священных животных, которые фигурируют в жанре пророческих сновидений о зверях¹. В таких сновидениях выступает вся совокупность животных, как реальных, так и мифологических, совпадающая с животными в аналогичных мифологических мотивах в хеттской, греческой и армянской традициях: *лев, единорог, леопард*, далее *медведь* и *волк* (у Фредегара, начало VII в. н. э. на фоне ритуала, касающегося отношений между мужчиной и женщиной)². В этом древнегерманском ряду

¹ К древности жанра сновидений о зверях ср. дошедший в хеттском пересказе хурритский эпос об охотнике Кешши, который во сне идет охотиться на ‘львов’, и ему являются ‘драконы’ (*ellijankuš*, KUB XXXIII 121 I 12) и другие мифологические зверообразные существа (*dannaššaruš*, там же, 13).

² Из германской традиции такие мотивы жанра зооморфных сновидений могли перекочевать в средневековый эпос, в том числе и романский (там, где авторы эпоса сохраняли связи с германской традицией, как, в частности, в “Песне о Роланде”, см. *Rajna 1884 : 449 и след.*; *Tavernier 1910 : 93 и след.*; *Beck 1965 : 139—144*):

El destre braz li morst uns vers si mals.
Devers Ardene vit venir uns leuparz,
Sup cors demenie mult fierement asalt

“Правую руку ему так жестоко прокусил медведь.

Со стороны Арденн, он видит, приближается леопард;

На него самого он страшно нападает” (727—729; в других подобных стихах в “Песне о Роланде” выступают ‘лев’, ‘дикий кабан’ и другие животные).

Характерно, что та же совокупность животных—*барс*, “легкий и быстрый, покрытый пятнистой шкурой” ~ *лев* ~ *волк* — предстает в видениях автору “Божественной Комедии” (ср. известный рисунок *Боттичелли*):

Ed ecco, quasi al cominciar dell'erta,

Una lonza leggierra e presta molto,

такие образы, как 'единорог' (занимающий место *дракона* в гомеровской и древнеармянской традициях), объясняются позднейшим воздействием литературных версий средневекового европейского зверинца (в котором в конечном счете *единорог* восходит к литературной традиции индийского звериного эпоса, ср. *White 1954*)¹.

В целом жанр сновидений о животных, обнаруживаемый в средневековой германской мифологической традиции и перешедший отсюда, очевидно, в средневековый европейский эпос, отражает следы языческих представлений (*Beck 1965* : 144—146, см. там же о подобном жанре в древнеисландской литературе), и в этом смысле черты сходства этого жанра с древнейшими рассмотренными выше индоевропейскими традициями указывают на исключительную архаичность подобных представлений и связанных с ними реалий².

3.6. «ЛЕОПАРД»—«БАРС» И ЕГО ОБОЗНАЧЕНИЯ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

'Леопард'-'барс' как реальная разновидность 'зверя' постулируется уже для общеиндоевропейской действительности и для экологической среды носителей индоевропейских диалектов при позднейшей утрате семантемы в ряде позднейших индоевропейских традиций.

При значительной вероятности наличия семантемы 'леопард'-'барс' в индоевропейском вопрос о конкретных лексемах, ее выразивших в отдельных древних индоевропейских диалектах, не решается однозначно. Как было указано выше, выделяются две несводимые друг к другу по законам индоевропейской фонетики основы на *-s-* (хет. *parš-*, перс. *pārs-* ~ *fārs-*) и на **-d-* (греч. *παρδ-*, *πορδ-*, согд. *pwrδ-*, др.-инд. *prδ-*). Тем самым исключается заимствование какой-либо из этих форм из одного языка в другой. Слово считается заимствованием из некоторого малоазиатского субстратного языка (ср. *Kronasser 1962, I* : 183; *Furnée 1972* : 64, 252, 277).

Che di pel maculato era coperta... (I 31—33)

Si ch' a bene sperar m' era cagione

Di quella fera alla gaietta pelle (I 41—42)

«И вот, почти в начале кручи горной,

Покрыт пятнистой шкурою, кружась,

Несется Барс, и легкий, и проворный...

..Все льстило мне, что я пойду успешней:

И дивный мех животного...» (перевод Д. Мина).

¹ Видение, включающее 'леопарда' (валл. *llewpart*), 'дикого кабана' и 'льва', встречается и в средневековой кельтской традиции, см. о валлийском *Griffiths 1937* : 198.

² Такой литературно-мифологический жанр 'видений во сне' может, вероятно, отражать некоторый набор образов, восходящих к доисторическому прошлому того или иного рода. Это как бы воспоминания об исторических реалиях прошлого, вытесненных в коллективное подсознание и всплывающих в сновидениях (ср. понятие "памяти жанра" у *Бахтина 1963* : 142; ср. также по отношению к рассмотренному выше комплексу представлений о 'человеке-волке' *Jakobson 1966a*).

3.7. СВЯЗЬ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ОБОЗНАЧЕНИЯ «БАРСА» С ДРЕВНЕМАЛОАЗИЙСКИМ

В протохеттском (языке хатти) обнаруживается форма *ḫapraššun* как эквивалент хеттского родительного падежа *ŠA UG.TUR* 'леопарда', 'барса'. При выделении элемента *ḫa-* в качестве префикса и *-un* в качестве суффикса¹ остается основа *-prašš-*, совпадающая с основой хет. *paršana-*.

Почитание 'леопарда-барса' в хеттской традиции (ср. хеттский мифологический текст о строительстве храмов — 'домов Бога Грозы', 412/b+ +2121/c+2030/c) уходит корнями в глубь тысячелетий. Раскопки последних десятилетий показали, что особый культ 'леопарда' был одной из отличительных черт древнейшей малоазиатской культуры, начиная во всяком случае с VII—VI тысячелетий до н. э.² Этим временем датируются развалины храмов, раскопанных в Чатал-Хююке, где обнаружены фрески с изображением леопардов и воинов, пляшущих в леопардовых шкурах, а также скульптуры священных леопардов, на которых могут стоять антропоморфные божества, *Mellaart 1965 : 94; 1967; Strika 1975³*. Следует отметить особую частоту

Рис. 3. Изображение пляшущего человека в барсовой шкуре (Чатал-Хююк, VII—VI тыс. до н. э.)

¹ Ср. хат. *ḫa-p/ḫiḫpa-p* 'среди людей' = хет. *dandukešni* 'среди смертных'; *ḫa-ḫa-šb-ar(-i)* 'среди богов' = хет. *DINGIRMES-naš-a ištarna* 'среди богов', *Kammenhuber 1969: 490*; *ḫa-i-ḫaib* 'в наш дом', *Schuster 1974: 96—97*. К выделению суффикса *-un* ср. *takeḫaun* 'льва' (хет. *ŠA UR.MAḪ*) при *takeḫa* 'лев', *takkeḫal* 'герой' (*Kammenhuber 1969: 447, 467*).

² Культ этого животного в древности может указывать на распространенность леопарда в Малой Азии, о чем говорят костные остатки, найденные в Чатал-Хююке (*Массон 1966 : 165*). Ареал распространения леопарда в древней Передней Азии ограничивается высокогорными районами — от Малой Азии и Закавказья до Южной Туркмении (район гор. Кара-депе, ср. *Лисицына 1978 : 198—200*). Характерно, что лексема со значением 'леопард' восстанавливается и для протосемитского: **nimr-* (*Fronzaroli 1968, V : 281*).

³ Позднее в Египте наблюдается аналогичный культ 'леопарда', шкура которого служила одеянием жрецам и облачением при особо торжественных церемониях (ср. *Erman/Gardiner 1955, I : 415*).

‘женского начала’ в образе леопарда или связь леопарда с женским божеством (в широком ареале Малой Азии — не только в Чатаг-Хююке, но и в Хаджыларе, *Массон 1966 : 163*. Отсюда культ леопарда мог попасть в общиндоевропейский культурный ареал и отразиться в различных архаичных индоевропейских культурных традициях).

Сама индоевропейская лексема для обозначения ‘леопарда’ может восходить к некоторой форме малоазиатского происхождения, которая и дала своеобразные рефлексy по отдельным индоевропейским диалектам. Соотношение *s ~ *d, обнаруживаемое в индоевропейских формах, можно было бы в таком случае объяснить наличием особого интердентального спиранта в первоначальной малоазиатской форме.

3.8. ЗАМЕНЫ НАЗВАНИЯ «БАРСА» В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

В ряде индоевропейских диалектов эта первичная индоевропейская лексема заменяется на другие формы или вовсе теряется (например, в итальянском, кельтском, балтийском и др.) в силу сложившихся новых исторических условий обитания и культурных влияний¹.

Так, например, в кафирском ‘барс’, ‘леопард’ обозначается эвфемистически как ‘убийца’ (вайгали *ǰūt* ‘леопард’, соответствующее др.-инд. *hantár-* ‘убийца’, *Morgenstierne 1954 : 162, 262; Fussman 1972, II : 208*; кати *ǰut* ‘барс’, *Грюнберг 1980 : 133—135*); в армянском при сохранении семантемы ‘леопард’, ‘барс’ она выражается с помощью лексемы *inj*, первоначально означавшей ‘льва’ (ср. родственное др.-инд. *simha-* ‘лев’, ср. *Meillet 1936 : 142*), что можно было бы объяснить табуированием ритуально значимого названия ‘леопарда’ в доисторической армянской традиции.

3.9. ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТА «ЛЕОПАРДА» — «БАРСА» В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

Малоазиатский по происхождению культ ‘леопарда’-‘барса’, восходящий своими корнями к глубокой древности, охватывает широкий ареал в Восточном Средиземноморье и Западной Азии. Отголоском этого культа в кавказском мире является образ ‘витязя в барсовой шкуре’ в поэ-

¹ В славянских языках, как и в других перечисленных выше, нет явных указаний на наличие в ранний период указанной лексемы со значением ‘барс’ (тюркское заимствование *барс* в русском засвидетельствовано не ранее XVI в., *Бархударов 1975-, I : 74*). Тем не менее чрезвычайно архаичное сочетание *лютый зверь*, восходящее к праславянскому, в древнерусском могло еще относиться к ‘барсу’, ср. *Лютый зверь скочил мне на бедра*, ‘Поучение Владимира Мономаха’; позднее это словосочетание относится к мифологическим животным: *льву, медведю, волку и рыси*, *Иванов/Топоров 1974 : 58—61, 124, 171, 203—204*.

Руставели “Вепхисткаосани”, поразительно напоминающий по внешнему облику гомеровских витязей-воинов Менелая и Александра с барсовыми шкурами на плечах и еще более древние малоазийские образы ‘людей с леопардовыми шкурами’, пляшущих по-леопардьи¹ /

4. «ЛЕВ»

4.1. ПРОБЛЕМА ОБОЗНАЧЕНИЯ «ЛЬВА» В ИСТОРИЧЕСКИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Названия ‘льва’ в древних индоевропейских диалектах показывают разные основы. В греческом — это, с одной стороны, λέων ‘лев’, *род. пад.* λίοντος (отсюда заимствованный в латинский — лат. *leō*, *род. пад.* *leōnis*), с другой стороны, поэт. λῆς (уже у Гомера, Λ 239 и 480). В микенском греческом засвидетельствованы формы *re-wo-pi* (*Morpurgo 1963 : 294*), *re-wo-te-jo* ‘львиный’ (*Risch 1976 : 313*), указывающие на наличие в греческом первой лексемы уже в микенскую эпоху в виде основы **lewont-* (*Lejeune 1958 : 165*). Другая форма, засвидетельствованная в греческом (греч. λῆς), очевидно, не связана этимологически с последней и предполагает другую основу.

В других древних индоевропейских диалектах ‘лев’ выражается лексемами разного происхождения: др.-инд. *śimha-* (этимологически соответствующее арм. *inj* ‘барс’ из **sinǵ^hlo-*).

В германском семантема ‘лев’ представлена формой др.-в.-нем. *lewo*, ср.-в.-нем. *lewe*, *louwe* (нем. *Löwe*, поэт. *Leu*, ср. аналогичную пару λέων:λῆς в греческом), считающейся заимствованием из латинского (*Paul 1953 : 33, 41; 1956, I : 382*). Выведение древневерхнемецкой формы из латинского *leō* маловероятно по той причине, что в латинской форме, отражающей классическую греческую, отсутствует интервокальное -w-, которое должно было быть утеряно в ряде греческих диалектов уже в VI—V вв. до н. э. Предположение о вторичном возникновении такого *-w- в древневерхнемецком не подтверждается другими достаточно доказательными примерами, тогда как примеры на сохранение древнего интервокального -w- известны в таких словах общегерманского происхождения, как др.-в.-нем. *ēwa* ‘вечность’, ‘вечный порядок’, ср.-в.-нем. *ēwe* ‘закон’, ‘вечность’ (ср. гот. *aiws* ‘вечный’). Все это могло бы свидетельствовать об исконности германского (древневерхнемецкого) *lewo* в значении ‘лев’. При этом примечательно наличие в немецком параллельной формы *Leu*, обычно связываемой со ср.-в.-нем. *lōuwe*, поздне-др.-в.-нем. *louwo* (*Paul 1953 : 41; 1956, I : 382*), и полный параллелизм развития данной формы со структурой типа нем. *treu* ‘верный’ (*м. р.*), возводимого к общегерманскому

¹ Поэтому представляется правомерной интерпретация древнегрузинского *verxi* как ‘барс’ (ср. *Marr 1910*), а не ‘тигр’ (значение, которое это слово приобретает в новогрузинском, ср. выше о развитии значений ‘барс’—‘тигр’ в восточноазиатских языках), ср. *Цаишвили 1974 [1965] : 270—276; Кобидзе 1969, II : 78 и след.*

Очевидно, именно ‘леопард-барс’ изображен на древнем бронзовом поясе из могильника в Самтавро (пояс № 3, табл. III, на котором представлены пятныстые “фантастические животные” (ср. *Хидашели 1982 : 29*).

**triuzaz* (Paul 1956, II : 626; Watkins 1971 : 1512; ср. гот. *triggws*, др.-исл. *tryggr* 'прочный', 'верный', др.-англ. *-trēowe*, англ. *true*: и.-е. **t'reu-os*, ср. др.-ирл. *dron* 'прочный'; ср. к семантике Benveniste 1966a : 299; 1969, I : 108). Все это дает основание постулировать и для группы форм *Leu* общегерманский архетип **liuuzaz*: и.-е. **leu-os*¹.

Обнаружение в хеттском названия 'льва' в форме *уауа-* (лув. *уауа-*), а также *уауа-*, являющихся чтением шумерограммы UR.МАЃ-*aš* и UR.МАЃ-*iš* (ср. Neu 1974 : 103, с дальнейшей литературой)², не оставляет сомнений в общендоевропейском характере основы **leu-* в значении 'льва'. Хеттская форма представляет собой тип ломаной редупликации **уолу-о-* с повторением второго сонанта корня.

4.2. КУЛЬТОВАЯ РОЛЬ «ЛЬВА» В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

Наличие в анатолийском, греческом и германском этимологически общего слова для 'льва' и вывод об общендоевропейском характере названия 'льва' согласуется с исключительной культовой ролью 'льва' в разных индоевропейских традициях.

В хеттской традиции помимо уже приведенных данных о совместном почитании 'леопарда' и 'льва' следует отметить мотив ритуальной ловли 'волка' и 'льва' мифологическими существами:

UR.BAR.RA *ki-iš-šar-ta e-ep-ten* UR.МАЃ *ga-nu-ut e-ep-ten* (KUB XII 63 I 26) "волка руками схватите, льва за пасть схватите" (к переводу см. Watkins 1972a).

Особо показательно в этом отношении хеттское и лувийское изобразительное искусство, где 'лев' является одним из основных мотивов, ср. изображения львов в Малатья, Аладжа-Хююке и т. п., а также "Львиные Ворота" в Богазкёе, показывающие 'льва' как символ царской власти у хеттов³.

Та же традиция отражена в микенской Греции. Львицы с обеих сторон трона в Пилосе и львы над воротами в Микенах символизируют свя-

¹ Не исключено, что германский архетип мог сохранять огласовку *e*, отражающую более древнее индоевропейское **e*. В древневерхненемецком засвидетельствованы случаи сохранения такого краткого *e* перед *z*, ср. Paul 1953 : 42—43. При допущении общегерманского **liuuzaz*- с огласовкой **i* можно закономерно вывести из него раннее слав. **l'ij'ij* в качестве заимствования: ст.-слав. *l'ij'ij* 'λέων', ср. Фасмер 1964—1973, III : 471—472.

² Гипотеза Неймана, согласно которой в хеттском *auiti-* значит 'лев' (из **ouci-et'*- 'овец пожирающий'), Neumann 1961, вызывает возражения как ввиду фонетической формы слова (отсутствие ожидаемого начального *h-* в хеттском, ср. лув. *haci-*, иер. лув. *hawa/i-* 'овца', Kammenhuber 1961b : 199), так и его комбинаторики: *auiti* употребляется не вместо шумерограммы UR.МАЃ, а рядом с ней, ср. Friedrich 1966: 12.

³ Ср. царский ритуал, при котором царю глаза делают 'орлиные', а зубы—'львиные': *šakuza-šši AMUŠEN-aš ier KA×UDHI-A-ma-šši* UR.МАЃ-*aš ier* "глаза ему орлиные сделали, зубы же ему львиные сделали" (KUB XXIX I II 53, там же далее сочетание 'зубы льва' и 'зубы леопарда'); ср. также в древнехеттских текстах UR.МАЃ LUGAL-uš 'лев (герой)-царь' и другие подобные обороты, см. Neu 1974 : 103.

ценную власть царей и в точности повторяют те же мотивы, что и современное им хеттское искусство (*Webster 1958* : 32, 57—58 и др.). Женское божество, интерпретируемое как ‘хозяйка зверей’ — Артемида¹, в микенском искусстве изображается с двумя львами с обеих сторон (мотив, напоминающий двух леопардов по обе стороны богини плодородия в древнемалоазийском искусстве; двум леопардам на рукоятке клинка в древнемалоазийской традиции, *Mellaart 1965*, соответствуют две симметричные львиные головы на рукоятки меча из могилы в Микенах, *Блаватская 1966* : 53 и рис. 17). Хеттское и микенское искусство объединяются также и сходными сценами львиной охоты (клинок из Микен, *Блаватская 1966* : 59—60 и рис. 13). При описании некоторых предметов, украшенных изображением львов, в микенских табличках и употребляется приведенный выше термин *gewori* ‘со львами’ (*Lejeune 1958* : 181). При отсутствии (resp. редкости) львов в районе исторического обитания греков такую значимость ‘льва’ как культового животного и как мотива в изобразительном искусстве можно объяснить как продолжение традиций, возникших в иной экологической среде.

Мотив ‘льва’ как сакрального животного сохраняется и в гомеровскую эпоху с отголосками его и в классической традиции, отражаемой в образе Геракла, сражающегося со львом и надевающего шкуру льва².

В позднейшей греческой традиции образ льва и львиных ворот продолжает существовать в виде дворцовых ворот в греческой трагедии, ср. *Hiller 1976*.

В германской традиции уже в IV в. н. э. известны (у восточных германцев) щиты с изображением ‘дикого кабана и льва’, ‘льва и львицы’, ср. также свидетельства о львах как символах на боевых щитах в древнеисландских сагах и о льве на царских знаменах англо-саксов (*Beck 1965* : 35—37 и след.), а также приведенные выше (стр. 487) данные о ‘львах’ в ряду других священных зверей у германцев.

Позднейшие ответвления в конечном счете той же индоевропейской традиции культа льва как священного животного, ‘царя зверей’ с последующими литературными наслоениями античного и христианского времени можно видеть в памятниках литературы и народного искусства у кельтов³ и славян⁴.

¹ Ср. у Гомера использование термина *λέων* по отношению к Артемиде: *Ζεὺς σε λέοντα γυναιξὶ θῆκε* ‘Зевс тебя львицей-губительницей женщинам поставил’.

² Геракл, изображаемый на различных аттических вазах сражающимся со львом, в одном случае представлен в львиной пасти (*Webster 1958* : 175—176 и рис. 24), что могло бы перекликаться с приведенным выше хеттским мифологическим текстом, предписывающим ‘схватить льва за пасть’.

³ Начиная с XII в. н. э. в валлийской традиции главные герои—освободители от иноземного господства англо-саксов изображались в виде льва, дракона, медведя, орла, быка, волка, осла и собаки, *Griffiths 1937* : 167 и след.

⁴ В славянских сказках, народных песнях, заговорах и обрядах льву отводится почетное место как ‘царю зверей’; при этом в восточнославянском фольклоре ‘лев-зверь’ часто выступает как параллель к сочетанию ‘лютый зверь’ (ср. *Иванов/Топоров 1974*: 60). В первой части этого сочетания В. Ф. Миллер видит этимологическое соответствие

4.3. ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ «ЛЬВА» И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К АФРАЗИЙСКИМ И ДРУГИМ ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИМ НАЗВАНИЯМ

Этимологическое сопоставление хеттской формы названия 'льва' с греческой и германской, а также возможное соотнесение этих форм с производной основой в славянском и албанском предполагает индоевропейскую лексему *leu- для обозначения 'льва'. Ее можно соотнести с периодом индоевропейской общности, с заменой данной лексемы другими или полной ее утерей ввиду исторических изменений в культурных традициях и экологических условиях обитания носителей отдельных индоевропейских диалектов¹.

В свете этих выводов можно предположить связь тохарского A *lu* 'зверь', 'животное' (род. пад. ед. ч. *lw-es*, им. пад. мн. ч. *lw-ā*, твор. пад. мн. ч. *lwā-yo*, мест. пад. *lwā-k-an*) с тем же индоевропейским корнем *leu- 'лев' (с обобщением значения при заимствовании формы тох. A *śiśāk*, В *śeake* с конкретным значением 'лев', вероятно, из индо-иранского, ср. др.-инд. *śimha*).

Индоевропейская основа *leu- со значением 'лев' весьма близка фонетически к обозначению 'льва' в некоторых семито-хамитских (афразийских) языках, в частности егип. *rw* 'лев' (начиная с текстов Пирамид, *Erman/Gradow 1955, II: 403*), копт. *λαβου*, аккад. *lābu*, угарит. *lb'*, др.-евр. *lābī* при араб. *labwa* (*Koehler 1939*)², ср. также относящееся сюда картвельское **lom*- 'лев': груз. *lom-i*, сван. *lōm*. Слово представляло собой, очевидно, древнейший миграционный ближневосточный термин для обозначения этого хищника³, который во всей древней Передней Азии символизирует животную мощь и священную царскую власть. Термин попадает в архаичные индоевропейские диалекты, вероятно, еще в период индоевропейской общности и дает соответствующие рефлексy по отдельным индоевропейским языкам.

греч. *λέων* (из *leu-), *Миллер 1877*. В таком случае общеславянское **ljutū* < **leut^hl-*, до сих пор не получившее надежной этимологии (*Фасмер 1964—1973, II: 547*), можно было бы рассматривать как производное на **-l^hl-* от того же корня *leu- с первоначальным значением 'лев', ср. аналогичное образование в албанском *letë* < **leut-* 'грива'.

¹ При использовании в индо-иранском другой лексемы со значением 'лев' значимость 'льва' тем не менее остается существенной, что видно уже в "Ригведе" (ср. упоминание 'льва' в гимне Парджанье, V, 83, 3, где гром Громовержца сравнивается с 'громом-рычанием льва' — *śimhāsya stanātha*-, в гимне-диалоге Индры, X, 28, 1, где 'лев' выступает как высшее животное, противопоставленное 'лисице' и т. п.).

² Другая форма для 'льва', представленная в греч. *λίς*, может быть сопоставлена с формой *lais*, засвидетельствованной в древнееврейском и являющейся как бы параллельной формой от корня *lb'* (*Masson 1967: 85—87*), который восстанавливается уже для общесемитского в виде **labi'*- 'львица' (см. *Fronzaroli 1968, V: 281*).

³ Несмотря на широкую распространенность слов с такой фонетической структурой (плавный~губной) для обозначения 'льва', в протохеттском засвидетельствовано слово совершенно иной фонетической структуры: ср. *takeḫa-ur*, соответствующее хеттской шумерограмме *ŠA UR.MAḪ* 'льва' (*Kammenhuber 1969: 447, 467*). Значительный интерес представляет то, что от этого слова образовано слово *takkeḫal* 'герой'.

Индоевропейское название 'льва' в этом отношении аналогично названию 'леопарда', 'барса', представляющему собой также ближневосточный миграционный термин, проникающий во многие языки означенного ареала.

4.4. СЛЕДЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО СЛОВА, ОБОЗНАЧАЮЩЕГО «РЫЧАНИЕ ЛЬВА»

Допущение лексемы со значением 'лев' в индоевропейском делает вероятным наличие в языке лексемы, обозначающей одну из наиболее характерных примет хищника — 'рычание льва', что действительно обнаруживается в ряде индоевропейских диалектов, ср. лат. *rugiō* 'рычу как лев', ср.-ирл. *rucht* 'рев', 'вой', греч. гом. ἐρύγομαι 'реву', 'рычу' (в переносных значениях — о 'герое', Р 265; о 'море', ε 403, ср. в греческом также значение 'реветь', 'мычать' о быке, ἐρύμηλος 'мычащий', Σ 580 : ταῦρον ἐρύμηλου 'мычащего быка'), ст.-слав. *rŭžq* 'ржу', др.-рус. *рѣжати* 'ржать', 'кричать', 'реветь' (ср. в летописи: *взоржа земля* 'взревела земля'), гот. *in-raúhtjan* 'рассвирепеть': и.-е. **reuk*'. От этого первичного значения естественно развивается название животных, в частности 'льва': арм. *arīwš* 'лев' (Ачалян 1971, I : 259), ср. др.-англ. *gēos* 'дикий' (к семантическому развитию ср. рус. *лютый зверь*), др.-исл. *raukn* 'упряжное животное'.

Наряду с основной **reuk*'- в том же значении представлена параллельная основа **reukhl*': др.-в.-нем. *rohōn* 'rugige', 'рычать', лит. *rūkti* 'рычать', ст.-слав. *rykati* 'реветь', 'рыкать', рус. *рык* (львиный) (от первичного корня **reu-* 'реветь', ср. др.-инд. *ru-* 'реветь' — о быках, *rāva-* 'рев', 'гром', ст.-слав. *rouq* 'реву' и др.).

4.5. ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТА «ЛЬВА» НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Отголоском культа 'льва' на всем Ближнем Востоке можно считать особую ритуальную значимость 'льва' на Кавказе, в частности в древней картвельской традиции. Характерны в этом отношении обнаруженные в Западной Грузии скульптурные изображения львов, датируемые концом I тысячелетия до н. э. и напоминающие львиные изображения в хеттской и микенской культурах, а также сванские львиные знамена (Бардавелидзе 1957 : 37 и след.) и обращение к божеству *Lomisi* (очевидно, 'львиному' божеству) у хевсуров (Charachidzé 1968 : 211, 442—444 и др.). Некоторым литературным отражением культа льва в картвельской традиции можно считать представление героя в 'образе льва' у Руставели и символическое соединение образов 'барса' и 'льва' в поэме (ср. Март 1910).

5. «РЫСЬ»

5.1. ОБОЗНАЧЕНИЕ «РЫСИ» В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Лексема со значением 'рысь' засвидетельствована почти во всех основных индоевропейских диалектных группах: греч. *λύξ*, род. пад. *λυξός*, др.-в.-нем. *luhs*, др.-англ. *lox* 'рысь', арм. *lusanunkē*, мн. ч., лит. *lūšis*, ст.-

лит. *lūš-ц* (основа на согласный, *Būga 1958—1961, II : 59, 549*) ‘рысь’, латыш. *lūsis*, прус. *luysis*; некоторые формальные отклонения показывают славянский (слав. *rysī* ‘рысь’, *r-* вместо **l-*) и кельтский: ср.-ирл. *lug, род. пад. loga* (*g* вместо **k-*). Такие фонетические колебания в названиях животного в разных диалектах объяснимы спецификой самой семантемы ‘названия животных’, ср. также назализацию в греческой форме *lun-k-*, находящей параллели в лит. диал. *lūnšis* (*Būga 1958—1961, II : 549*).

Этимологическая связь рассматриваемых лексем с корнем и.-е. **leuk*^[h] ~ **luk*^[h] ‘светить’ (ср. др.-инд. *rúśant-* ‘светлый’, ‘белый’) не оставляет сомнения в общиндоевропейском характере лексемы для названия этого животного из семейства кошачьих по признаку цвета светлой, светящейся его шкуры или глаз (ср. из позднейших традиций латыш. *lūša spalvas zirgs* ‘конь цвета рыси’).

5.2. РОЛЬ «РЫСИ» В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ И РИТУАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ

В мифологическом и ритуальном отношениях роль рыси в большинстве древних индоевропейских традиций минимальна. В некоторых северных традициях ‘рысь’ замещает функционально отсутствующих в соответствующей экологической среде крупных хищников. В частности, в восточнославянских княжеских погребальных обрядах роль ‘леопарда’ других индоевропейских традиций выполняет ‘рысь’ (ср. принесение в жертву когтей ‘рыси или медведя’); термин *лютый зверь* относится ко ‘льву’, ‘барсу’ и ‘рыси’ (*Иванов/Топоров 1974 : 59*). В литовском название ‘рыси’ может относиться к ‘тигру’, ‘барсу’, ‘леопарду’ (*Būga 1958—1961, II : 549*); ср. также возможный семантический сдвиг ср.-ирл. *lug* ‘рысь’; в латышских народных песнях прославляют ‘шкуры рыси’ (*lūši kažuosiņi*).

Отсутствие следов особой культовой роли ‘рыси’, ‘дикой лесной кошки’ в древних индоевропейских традициях при ее экологической распространенности и сохранении в первичном значении названия этого животного во многих индоевропейских традициях может объясняться особенностями структурной иерархии в системе древнейших индоевропейских мифологических представлений ‘диких животных’. В культурах, где крупные хищники из семейства кошачьих типа ‘леопарда’-‘барса’, ‘льва’, ‘тигра’ и других заполняют иерархически существенные места в этой структуре (как это имеет место в древнейших индоевропейских традициях), для функционально-ритуальной роли более мелких животных типа ‘рыси’ не остается места. Она появляется только в тех традициях, где по разным причинам более крупные хищники выпадают из общей системы мифологических и ритуальных представлений, уступая тем самым место более мелким животным (ср. роль ‘рыси’ в позднейших балтийских и славянских традициях).

6. «ШАКАЛ», «ЛИСА»

6.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ «ШАКАЛА», «ЛИСЫ» И ЕГО ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

К тому же ряду мелких хищников относятся в древней индоевропейской традиции и 'шакал', 'лиса', название которых в исторических диалектах отчасти сходно с соответствующим названием 'волка' * $\text{u}|\text{p}^{[\text{h}]}$ -. авест. *uripi-* 'собака', *raori-* 'лиса', 'шакал', лат. *uolpēs* 'лиса', лит. *lārė* (из * $\text{u}|\text{lorē}$) 'лисица'. В соответствующих формах представлен, очевидно, некоторый фонетико-морфологический вариант основы, образованной от формы * $\text{u}|\text{p}^{[\text{h}]}$ - присоединением *-i* (авестийский) или *-e* (ж. р., латинский и литовский). Использование для обозначения 'шакала' (или 'лисы') основы с главным значением 'волк' указывает на соотносительность этих животных с 'волком' (видимо, по внешнему виду и характеру пищи) в представлениях индоевропейцев¹.

Эта же группа животных характеризуется в индоевропейских диалектах и другим названием, лишь частично совпадающим с рассмотренным выше наименованием. Это, прежде всего, др.-инд. *lopāśā-* (из * laupāśa-) 'шакал', 'лиса', кафир. вайгали *liw'aśā*, *láwāśā* 'лиса', *lawāśa* 'шакал' (*Morgenstierne 1954* : 274), др.-перс. *Raubasa* (личное имя в эламской передаче, *Mayrhofer 1973* : 226), пехл. *rōpāh*, перс. *rōbāh*, хотано-сакск. *rruvāsa-*, памир. ишкашим. *urvēs*, *urvēsok*, памир. сангличи *vərvēs*, *wərvēs* (*Абаев 1958—1973*, II : 433—434), арм. *atuēs* (из * $\text{alop}^{[\text{h}]}\text{es-}$) 'лиса', греч. $\acute{\alpha}\lambda\acute{\omega}\pi\eta\zeta$ 'лиса', лит. *vilpišỹs* 'дикая кошка', латыш. *lapsa* 'лиса', ст.-слав. *lisa* ' $\acute{\alpha}\lambda\acute{\omega}\pi\eta\zeta$ ', 'лиса' (ср. *Pokorný 1959* : 1179). Все эти формы можно вывести из архетипа * $\text{u}|\text{lop}^{[\text{h}]}\text{ek}^{[\text{h}]}\text{-ā}$, представляющего собой слово женского рода, образованное путем сложения основ * $\text{u}|\text{-o-p}^{[\text{h}]}\text{ek}^{[\text{h}]}\text{u-}$ ($\bar{\text{a}}$), где представлен в нулевой огласовке тот же корень * uel- 'раздирать добычу', 'убивать' (или 'мертвый', 'мир мертвых'); отсюда * $\text{u}|\text{k}^{[\text{h}]}$ °, * $\text{u}|\text{p}^{[\text{h}]}$ -'волк', * $\text{u}|\text{p}^{[\text{h}]}\text{-i/-ē}$ 'шакал', 'лиса' в сочетании с * $\text{p}^{[\text{h}]}\text{ek}^{[\text{h}]}\text{u-}$ 'скот', то есть в первоначальном значении: 'губитель скота' (или 'питающийся павшим скотом')².

Из этой исходной праформы * $\text{u}|\text{-o-p}^{[\text{h}]}\text{ek}^{[\text{h}]}\text{-ā}$ выводимы формально все исторически засвидетельствованные формы при допущении минимальных фонетических изменений: утеря или перестановка начального * u- , возникновение в некоторых формах протетического гласного (греческий, армянский) и позднейшие редукции гласных основы.

Такие фонетические преобразования могли произойти при утере словом, которое могло относиться к любому опасному для скота хищнику, сво-

¹ Типологически такое совпадение названий 'волка', с одной стороны, и 'шакала' и 'лисы', с другой, или, точнее, использование названия 'волка' для обозначения лисы и шакала находят параллели во многих языках. Так, например, в абхазском a-bga 'волк' обозначает также 'лису' и 'шакала'.

² К потере * -u- в такой позиции: * $\text{u}|\text{-o-p}^{[\text{h}]}\text{ek}^{[\text{h}]}\text{u-ā} \rightarrow * \text{u}|\text{-o-p}^{[\text{h}]}\text{ek}^{[\text{h}]}\text{-ā}$, ср. * $\text{u}|\text{-o-p}^{[\text{h}]}\text{ek}^{[\text{h}]}\text{u-o} \rightarrow * \text{u}|\text{-o-p}^{[\text{h}]}\text{ek}^{[\text{h}]}\text{-o}$: вед. *vīgarśā-* 'обилие людей и животных', иран. *Wrpš-*.

его первоначального описательного значения и переосмысления его как нечленимого названия определенного вида животных — главным образом 'шакала' и 'лисы'¹.

6.2) РОЛЬ «ШАКАЛА», «ЛИСЫ» В ДРЕВНЕЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

'Шакал' и 'лиса' в древней индоевропейской традиции противопоставляются как 'непривлекательные животные' низшего ранга крупным хищникам типа 'льва' и 'пантеры'-'барса', символизирующим возвышенное начало, величие и красоту (в том числе женского божества).

Только хитростью и коварством выделяются они, 'шакал' и 'лиса' (обычно существа женского пола), среди животного мира.

В "Ригведе" единственное упоминание 'лисы' и 'шакала' дается в контексте их противопоставления животным высшего ранга:

*idám sú me jaritar á cikiddhi pratipám śāpam nadyō vahanti
lorāśāḥ simhām pratyāñcam atsaḥ kroṣṭā varāhām nīr atakta kākṣāt*

"Постигни до конца это (слово) мое, о певец: реки гонят плавник против течения;

Лиса (lorāśā-) подкралась сзади ко льву (simhām), шакал (kroṣṭā) кинулся на кабана (varāhām) из засады" (X 28, 4).

Басенные сюжеты, противопоставляющие хитрую 'лису' 'льву и барсу', принадлежат к числу самых распространенных в античной традиции². Эти мотивы характерны для народного животного эпоса, продолжающегося в фольклоре разных народов Евразии и нашедшего литературное воплощение в "Reineke Fuchs" Гёте.

7. «ДИКИЙ КАБАН», «ВЕПРЬ»

7.1) ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ «ДИКОГО КАБАНА», «ВЕПРЯ» И ЕГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ИСТОРИЧЕСКИХ ДИАЛЕКТАХ

По культовой значимости в древней индоевропейской традиции 'дикий кабан' или 'вепрь' сближается с рассмотренными выше крупными хищниками — 'волком', 'медведем', 'леопардом', 'львом'.

Первоначальная индоевропейская лексема, обозначавшая 'дикого кабана', 'вепря' сохраняется лишь в некоторых индоевропейских диалектах. Это прежде всего италийские диалекты: лат. *aper* 'вепрь', *aprunus* 'кабаний' (буквально: 'созданный вепрем'), умбр. *вин. п. ед. ч. abruni* 'дикого кабана', др.-англ. *eofor* 'вепрь', др.-в.-нем. *ebur* (нем. *Eber*) 'вепрь', 'кабан'.

Родственные балтийские и славянские формы характеризуются началь-

¹ В ряде диалектов, в частности германском, и это слово в значении 'лисы' заменяется (как результат табуирования?) другой основой: гот. *faīhō*, др.-нсл. *fōa* 'лиса'; с окончанием -s, м. р. др.-в.-нем. *fuhs* 'лис' (нем. *Fuchs*), др.-англ. *fox* (англ. *fox*).

² Ср. у Эзопа басни о "Лисице и льве", "Лисице и барсе", где 'пестрая' (ποικίλος) шкура барса противопоставляется 'пестрой' (то есть изощренной) душе лисицы.

ным μ -: латыш. *vepris* 'кабан', 'боров'; др.-рус. *вепрь* (часто *дивиш вепрь* 'дикий кабан'¹, *Срезневский 1958, I : 245*).

Основу с первоначальным значением 'вепрь', 'кабан' можно увязать с основой со значением 'бросать', 'извергать' (семя): др.-инд. *vāpati* 'извергает семя', *vāpṛa-* 'насыпь' (земляная) (ср. *Pokorny 1959 : 1149*). Такая этимология вероятна в свете древних представлений об этом животном как о производителе прежде всего, что и отражается в значительной степени в мифологической традиции (в частности, германской, ср. ниже).

Другая основа, связанная семантически с др.-инд. *vāpati* 'извергает семя', *vāp-ṛ-a-* 'насыпь', вероятно, представлена в древнеиндийском слове *kāp-ṛ-th(-a-)* 'penis', увязываемом с греч. *κάπρος* 'дикий кабан', 'вепрь', лат. *saper* 'козел', умбр. *kaprim* 'саргим'; др.-исл. *hafr* 'козел', др.-англ. *hæfer* 'козел' (ср. *Ernout/Meillet 1967 : 38*). В таком случае приведенная выше группа форм со значением 'вепрь', 'дикий кабан' типа лат. *aper* 'вепрь', др.-рус. *вепрь* и т. д. связана этимологически с группой слов типа

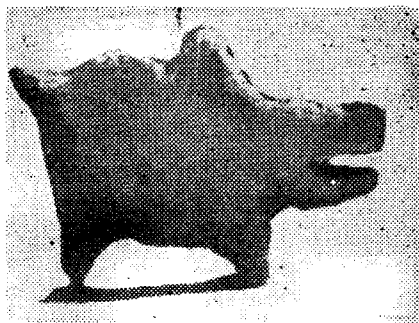

Рис. 4. Глиняная фигурка (дикого) кабана (Северное Причерноморье, вторая половина V тыс. до н. э.)

лат. *saper* 'козел', греч. *κάπρος* 'вепрь' и т. д. Такая этимологическая связь этих двух групп слов может быть формально оправдана при допущении в архаичном исходном праиндоевропейском архетипе корня с начальным поствелярным $*q[ʰ]$ типа $*q[ʰ]\mu p[ʰ]$ -, с утерей такого $*q[ʰ]$ в ряде диалектов (др.-инд. *vāpati*, др.-рус. *вепрь*, латыш. *vepris*, др.-в.-нем. *ebur*, лат. *aper*) или слиянием его с велярным $*k[ʰ]$ (др.-инд. *kāp-ṛ-th-*, лат. *saper*, греч. *κάπρος*; о поствелярном $*q[ʰ]$ и его рефлексах в индоевропейских диалектах см. подробнее выше, стр. 129 и след.)²

В некоторых диалектах, в частности италийских и германских, такие фонетические процессы привели к возникновению фонетических дублетов в каждом из диалектов с последующей дифференциацией значения: одна из дублетных форм сохраняет древнее значение 'кабан', 'вепрь' (лат. *aper*,

¹ Ср. в "Ригведе", I 114, 5, этимологически тождественное по первому слову сочетание *divó varāhāt* 'небесный вепрь' (о боге Рудре).

² В результате такого слияния $*q[ʰ]$ с $*k[ʰ]$ в ранних индоевропейских диалектах в указанных формах возникает последовательность $*k[ʰ]\mu$ -, которая в *centum*-ных диалектах, расподбляясь с лабиовелярной фонемой $*k[ʰ]^\circ$, упрощается в $*k[ʰ]$ -: греч. *κάπρος* 'вепрь', лат. *saper* 'козел'; подробно о таком фонетическом процессе расподблениа последовательности $*k[ʰ]\mu$ - см. выше, стр. 101. Таким допущением в архаичной индоевропейской основе сочетания начального поствелярного с лабиальным $*q[ʰ]\mu$ -, перешедшего в ряде диалектов в последовательность $*k\mu$ -, объяснимо, вероятно, аномальное соотношение огласовки корня в различных диалектах (лат. *aper*, *saper*, греч. *κάπρος* при др.-англ. *eofog*, др.-рус. *вепрь*, латыш. *vepris*), а также звонкое *g*- в кельтских формах: др.-ирл. *gabog*, валл. *gaŋ* 'козел' (ср. *Pokorny 1959 : 529*) — своеобразный рефлекс последовательности $*k[ʰ]\mu$ -?

др.-англ. *eofor* и т. д.), другая приобретает значение 'козел-самец', 'козел-производитель' (лат. *caper*, др.-англ. *hæfer* и т. д.). В гомеровском греческом все еще сохраняется древнее значение формы с начальным κ : $\kappa\acute{\alpha}\pi\rho\varsigma$ 'кабан', 'вепрь', употребляемой и в сочетании $\sigma\upsilon\varsigma \kappa\acute{\alpha}\pi\rho\varsigma$ 'кабан' (E 783 и др.).

Очевидно, особой культовой значимостью 'дикого кабана' можно объяснить тенденцию к замене первоначального индоевропейского названия 'кабана' словом, обозначающим 'свинью' (домашнюю свинью): $\sigma\upsilon\varsigma$, $\upsilon\varsigma$. Уже у Гомера наряду с $\kappa\acute{\alpha}\pi\rho\varsigma$ 'кабан' (ζ 104) встречаются словосочетания $\sigma\upsilon\varsigma \kappa\acute{\alpha}\pi\rho\varsigma$ 'свинья-вепрь' (E 783, P 21) и $\sigma\upsilon\beta\upsilon \kappa\acute{\alpha}\pi\rho\varsigma$ (λ 131) 'свиной вепрь', 'свиной оплодотворитель' или просто $\mu\acute{\epsilon}\gamma\chi\varsigma \sigma\upsilon\varsigma$ 'большая свинья' в значении 'дикий кабан' (δ 457, τ 439).

7.2. КУЛЬТОВАЯ ЗНАЧИМОСТЬ «ДИКОГО КАБАНА» В ДРЕВНИХ ИНДО-ЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

В хеттской традиции 'дикий кабан', хеттское название которого скрывается за шумерограммой $\check{S}A\check{H}$ 'свинья', 'кабан' и $\check{S}A\check{H}.GI\check{S}.GI$ 'дикий кабан' (буквально: 'свинья тростников'), упоминается в ряду священных животных ($\check{s}iuna\check{s} \check{h}uitar$ 'животных бога') для зверинца вслед за 'львом' (UR.MA \check{H}) и перед 'медведем' (AZ) в древнехеттском тексте А н и т т ы (см. выше, стр. 486).

Такая же значимость приписывается этому животному и в микенской греческой традиции. К ней относятся древнейшие свидетельства о шлемах воинов с 'кабаньими клыками' как символе воинственности. Точно такой шлем с 'белыми клыками среброзубого кабана' описывается и у Гомера (K 263—264): $\lambda\epsilon\upsilon\chi\omicron\iota \delta\delta\acute{\omicron}\nu\tau\epsilon\varsigma \acute{\alpha}\rho\gamma\iota\acute{\omicron}\delta\omicron\nu\tau\omicron\varsigma \acute{\upsilon}\delta\acute{\omicron}\varsigma$.

Особо распространены такие шлемы с клыками кабана, щиты и боевые знаки с изображением 'вепря' как символа воинственности у древних германцев, для которых культовая значимость 'кабана' приравнивается к значимости 'волка' и 'медведя'. В древнеанглийском эпосе 'Беовульф' многократно описывается боевой шлем с изображением вепря: *eofor-lic* 'вепреобразный', ср. в том же значении параллельное *swin-lic*; *eofor* в значении 'изображение вепря на шлеме'; *eofor hēafod-segn* 'боевой шлем с головой вепря'.

В древнеисландском архаичное название 'вепря' *jöfurr* используется только в значении 'князь' (а также 'бог'), чем символизируется особая роль этого животного в германской традиции. Более того, 'вепрь' считался тотемным животным германцев, возводивших себя к божественной паре братьев *Ibor* и *Agio*, первый из которых увязывается с названием 'вепря'. Ввиду особой культовой значимости 'вепря' в германской традиции соответствующие слова в первичном значении табуируются, заменяясь другими словами, в частности словом, обозначающим и 'домашнюю свинью' (ср. семантическое развитие в греческом).

Особую сторону культа 'вепря' в германской традиции представляет его связь с плодородием животного и растительного мира, что подтверж-

дается данными ранних литературных и юридических текстов, а также археологическим материалом о 'вепре' как животном, приносимом в жертву и считавшемся пищей 'героев' и 'богов' (Beck 1965 : 56—69 и др.). Это еще более отражает воззрения на 'вепря' как на мифологического производителя в представлениях древних индоевропейцев, с чем, в сущности, и связано первичное название 'вепря' в индоевропейском.

Для ранней кельтской традиции характерны изображения 'вепря' как культового символа — скульптурные (в частности, известные три бронзовых кабана из Неви-ан-Сюйи), на щитах и боевых стягах, на галльских монетах и т. п. В древнеирландском лексема со значением 'вепрь' (др.-ирл. *torc*) означала 'князя', как и в германском (но старое название 'вепря' к этому времени уже было, очевидно, табуировано). В валлийской традиции (ср. валл. *twrch* 'вепрь') сохранился рассказ о царе *Twrch Twyth*, превращенном богом в кабана (Beck 1965 : 116—117), ср. выше о превращении 'бога-старца' в кабана у Гомера.

В архаической языческой традиции балтийских славян сохранялось представление об огромном мифологическом 'вепре', который, сверкая белым клыком, появлялся из вод моря всякий раз, когда священному городу Ретре угрожало несчастье (Иванов/Топоров 1965 : 37—38, 116, 134—135).

Совпадение разных индоевропейских традиций в отношении значимости 'дикого кабана' при этимологической соотнесенности друг с другом названий 'вепря' в разных диалектах позволяет возвести к общиндоевропейскому весь основной комплекс древних представлений о 'вепре' как об особо ритуально значимом животном и соотнесенное с этим комплексом название животного.

8. «ОЛЕНЬ», «ЛОСЬ», «АНТИЛОПА»

8.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ ЖИВОТНОГО

Для обозначения этой группы животных восстанавливаются общиндоевропейские лексемы с разными суффиксами, сводимые к исходному корню *el-, *ol- (с предполагаемым исходным значением цветового признака: 'бурый', 'красный', ср. тох. А *yäl* 'антилопа', *ylen* 'принадлежащий антилопе'):

И.-е. *(e)l-k[h]- : др.-инд. *ṛśya-* (в "Ригведе", ср. там же *ṛśya-dá-* 'западня для антилоп'), *ṛśa-* 'самец антилопы', греч. ἄλκη 'лось', лат. *alcē*, род. п. *alcēs* 'лось', др.-рус. *лось* 'лось', др.-в.-нем. *ēlho*, *ēlaho* 'лось' (нем. *Elch*), др.-англ. *eolh*, др.-исл. *elgr* 'лось' (отсюда англ. *elk*);

И.-е. *el-en-, *el-ŋ- : греч. ἔλλος 'оленок' (<*el-n-os), ἔλαφος 'олень', 'лань' (<*el-ŋ-b[h]o-s¹), мик. греч. *e-ra-pi-ja*, ж. р. 'оленья' (Risch 1976 : 313),

¹ Элемент *-b[h]o- в основе *el-ŋ-b[h]o- можно сопоставить с аналогичным элементом в др.-инд. *ṛṣabhā-* 'бык', в котором выделяют основу *ṛṣa-* и элемент *bha-* (ср. Thumb/Hauschild 1959, II : 44).

арм. *eġn*, род. п. *eġin* 'олень', др.-ирл. *elit* 'лань' (<*el-ŋ-t^{lh}ī), лит. *ėlnis* 'олень', прус. *alne* 'самец оленя' (Топоров 1975-, I : 77), ст.-слав. *jelenī*, *alŭniji* 'олень' (рус. *олень, лань*)¹.

Распределение значений 'олень', 'антилопа', 'лось' и соответствующих форм в индоевропейских диалектах дает возможность выделить две формы основ с соответствующими значениями. Это, во-первых, семантически маркированная основа *el-en-, *el-ŋ- (с расширителем *-en-/*-ŋ-) с первичным значением 'олень' и основа *el-k^{lh}l- (с расширителем *-k^{lh}l-) со значением, выражающим в исторических диалектах семантемы 'лось' или 'антилопа', распределяемые дополнительно в зависимости от диалектов; семантически ко второй группе примыкает тох. А *yäl* 'антилопа', отражающее, возможно, чистый корень. Тем самым устанавливается некоторая вариантность семантем 'лось' и 'антилопа' при неопределенности первичного значения, характерного для общеиндоевропейского (в отличие от основы *el-en-, общеиндоевропейское значение которой определяется однозначно как 'олень'). Первичное общеиндоевропейское значение слова *el-k^{lh}l- ('лось' или 'антилопа' или вообще 'рогатое бурое животное', отличное от 'оленя') может быть определено лишь при учете всего комплекса условий территории первоначального обитания носителей индоевропейских диалектов.

8.2. ТАБУИРОВАНИЕ ДРЕВНЕГО НАЗВАНИЯ «ОЛЕНЯ» И ЕГО МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Некоторые индоевропейские диалекты уже в достаточно ранний период табуируют название 'оленя', заменяя его другим обозначением. В частности, в иранском, где 'олень' характеризуется особой культово-ритуальной значимостью, название 'оленя' было заменено новым сложным сло-

Рис. 5. Фреска с изображением охоты на оленей из Чатал-Хююка (VII—VI тыс. до н. э.)

¹ Высказывается предположение о возможной первоначальной связи названия 'локтя' *olīnā с названием 'оленя' *el-ŋ-. Такая связь истолковывается как некоторая метафора: 'рогатая кость', ср. Mastrelli 1976.

вом **gav-az-(na-)*, буквально: 'бык-козел', авест. *gavasna* 'олень', хотаносакск. *ggūysna-*, согд. *γ'wzn-*, пехлев. *gawazn* (Абаев 1958—1973, II: 320). В дальнейшем, уже в отдельных иранских языках, и это название табуируется, заменяясь на эвфемистическое обозначение 'оленя' как 'рогатого' (метафорически: 'ветвистого'), в том числе и в значении тотема восточных иранцев-саков (*sāka* 'скиф'), ср. осет. *sag* 'олень' при *sāka* 'ветвь', 'сук', др.-инд. *śākhā* 'ветвь', ср. рус. *соха*, *сохатый* 'лось' (Абаев 1949, I: 49, 179).

В древнеисландской традиции 'олень' выступает в качестве основного мифологического рогатого животного у 'Мирового дерева', где он достигает вершины, перерастая высоту 'Среднего мира' и представляясь как созвездие, что аналогично представлениям о 'лосе' у северных народов — с а м и, гренландских эскимосов (Dumézil 1959: 105—106)¹. В соответствующих текстах "Эдды" 'олень' называется термином *hǫrtr*, отличным от первичного индоевропейского названия; этот древнеисландский термин, как и родственные ему другие древнегерманские — др.-англ. *heorot*, др.-в.-нем. *hiruz* 'олень' (нем. *Hirsch*), образованы от основы со значением 'рог', 'рогатое животное' (ср. выше замену названий 'оленя', 'лося' по тому же признаку в иранском и славянском). По тому же признаку 'олень' назван вторично и в кельтском: брет. *karo*, корн. *carow* 'олень' (из 'рогатый', ср. Порциг 1964: 259).

В другой группе индоевропейских диалектов (албанский, балтийские, германские) древнее обозначение 'оленя' заменяется другим словом: алб. *bri* 'рог', 'оленьи рога', латыш. *briēdis* 'лось', 'олень', швед. диал. *brind* 'лось' (Порциг 1964: 310).

9. «ДИКИЙ БЫК», «ТУР», «ЗУБР»

9.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ДИКОГО БЫКА» И ЕГО СВЯЗЬ С СЕМИТСКИМ

Общее название 'дикого быка', 'тура' засвидетельствовано по основным древнейшим индоевропейским диалектам: греч. *ταῦρος* 'вол', 'бык', лат. *taurus* 'вол', 'бык', оск. *taurom*, умбр. *turuf*, *toru* 'tauros', лит. *taūras* 'тур', ст.-слав. *turŭ* 'бык', др.-рус. *турь* 'тур', алб. *tarok* (ср. также галл. *tarvos*, ср.-ирл. *tarb* 'бык', др.-исл. *þjórr* 'бык'): и.-е. **t̥h₂auro-*.

Общность данного индоевропейского слова с общесемитским **tawr-* (ср. Fronzaroli 1969, VI: 304) свидетельствует об отражении в этих словах некоторого миграционного переднеазиатского термина для обозначения этого

¹ В некоторых славянских традициях возрастает культово-мифологическая значимость 'лося', занимающего место 'оленя' и представляемого в этом случае в виде созвездия (Иванов/Топоров 1974: 49). С этим можно связать и тенденцию к табуистической замене первоначального восточнославянского названия 'лося' термином *сохатый*.

животного, игравшего особую культовую роль в древнейших культурах Восточного Средиземноморья¹.

В этом отношении рассматриваемый термин обнаруживает много общего с разобранными выше переднеазиатскими культовозначимыми миграционными терминами для обозначения 'барса' и 'льва'.

9.2. КУЛЬТОВАЯ РОЛЬ «ТУРА», «ДИКОГО БЫКА» В ОТДЕЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ

В некоторых индоевропейских традициях, в частности балтийской и славянской, сохранивших слово в первичном значении 'тура', с этим животным связывается целый комплекс архаических обрядов и фольклорных мотивов. В русской былине, сохранившейся в ранней записи, сочетаются три культовозначимых зверя — 'тур', 'лютый зверь' и 'вепрь' (Иванов/Топоров 1974 : 170). В Киеве существовало место под названием *Турова божница* (Летопись под 1146 г.); на севере Руси известно аналогичное название *Капище Турово*. Сходные выводы о ритуальной значимости 'тура' извлекаются из топонимики балтийского фольклора (*Būga* 1958—1961, II : 634—636). А ГЗБ А. Преображ. < из ф.-члорак!

9.3. ПРОИЗВОДНЫЕ ОТ НАЗВАНИЯ «ДИКОГО БЫКА» В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ И ИХ КАВКАЗСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Вероятно, от этой индоевропейской основы в отдельных древних диалектных общностях возникают производные, в частности формы с нулевой огласовкой, вторичным процессом назализации и фонетическим преобразованием начала слова².

Та же основа с фонетическим преобразованием начала слова (с вторичным появлением инициального *s*-) выступает в ряде индоевропейских диалектов в значении 'зубра' (*Bos primigenius* Воj.): лит. *staĩbras* 'зубр', латыш. *stumbrs* и с упрощением начального комплекса *sumber* 'зубр', дублет *sũbrs*. Такие фонетические преобразования названия культовозначимого животного, как было показано выше, частое явление в обозначениях животных.

К разобранным балтийским формам примыкает прус. *wissambris* 'бизон', анализируемая как **uis-sambri-*, где *uis-* — обозначение ароматичес-

¹ 'Бык' выступает в качестве второго по значимости после 'леопарда' культового животного в древней переднеазиатской культуре VII—VI тысячелетий до н. э., известной по раскопкам в Чатал-Хююке (*Mellaart 1967*) и позднее на Крите, что отражено в известной легенде о *Минотавре* и, возможно, мифе об *Атлантиде* у Платона.

² При допущении сходных фонетических преобразований анлаута и изменения вокализации основы можно было бы связать с тем же древним словом особый вариант **st^hleuro-*: авест. *staoga-* 'крупный рогатый скот', гот. *stiur* 'бык', др.-нсл. *stjógr* 'бык', др.-англ. *stēor*, др.-в.-нем. *stior* (нем. *Stier*), ср. ту же огласовку **e* в др.-исл. *þjógr* от **t^hleuro-*.

кого вещества, характерного зоологического признака 'бизонов' (*Pokorny 1959 : 1134*), ср. др.-исл. *visundr* 'бизон', др.-в.-нем. *wisunt* 'бизон' (нем. *Wisent*).

Путем фонетического преобразования начального согласного того же слова образуется славянское название 'зубра': др.-рус. *зубрь*, чеш. *zubr*, южно-слав. **zombri* (откуда рум. *zimbri* 'зубр', ср.-греч. *ζῆμβρος* 'зубр').

Вероятно, к этому кругу названий 'зубра' восходит и общекавказское наименование, прослеживаемое по всем кавказским языкам: осет. *dombaj* 'зубр' (также 'лев'), кабард. *dombej* 'зубр', адыг. *dombaj*, абх. *a-domp'ej* 'зубр', сван. *dombaj* 'зубр', балк. *dommaj*, карач. *dommaj* и др. (ср. *Абаев 1958, I : 365*).

Данный общекавказский миграционный термин, увязываемый с балтийским и славянским, представляет особый интерес ввиду того, что 'зубры' — почти вымершие к настоящему времени гигантские быки — водились в нагорьях Кавказа, где они известны начиная с каменного века, к которому относятся мустьерские стоянки человека с обнаруженным в них значительным количеством костей зубров (*Семенов 1968 : 289*). Другой областью распространения зубров еще в средние века была Восточная Европа — исторические области расселения балтов и славян (*Цалкин 1956 : 133, 138, 229; 1962 : 77; 1966 : 58—59, 101*).

Эти экологические данные палеозоологии помогают разъяснить происхождение соответствующих терминов в индоевропейских диалектах. Для обозначения особого вида животного, распространенного в местах жительства балтов, славян и восточных иранцев, возникает специальное название, основанное на фонетическом преобразовании древнего унаследованного названия 'дикого быка', прослеживаемого по всем основным индоевропейским диалектам. В результате такого развития в балтийском и славянском возникают своеобразные лексические дублиеты, из которых один, закономерно продолжающий древний архетип, обозначает 'тура', 'дикого быка': ст.-слав. *turij*, лит. *taĩras*, а другой — фонетический вариант исконного названия — начинает обозначать близкий к нему вид мощного дикого быка — 'зубра': др.-рус. *зубрь*, лит. *stumbra*.

10. «ЗАЯЦ»

10.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ЗАЙЦА» И ЕГО ЗАМЕНЫ В ОТДЕЛЬНЫХ ДИАЛЕКТАХ

Общеиндоевропейское название 'зайца' восходит к основе **kʰlas-*, **kʰlas-no-* с первичным значением 'серый' в некоторых диалектах (ср. лат. *cānus* 'серый', 'седой', др.-в.-нем. *hasan* 'с серым отливом', др.-англ. *hasu* 'серый', ср. сюда же греч. *ξανθός* 'белокурый'). Обращает на себя внимание огласовка корня **a* (см. выше, стр. 157), как и в случае **tʰlauro-*:

Др.-инд. *śaśá-* 'заяц', хотано-сакск. *saha-* 'заяц', валл. *ceinach* (от **cein-* 'зайчиха' из **kʰlas-n-i*), др.-в.-нем. *haso* (нем. *Hase*), др.-англ. *hara* (англ. *hare*) 'заяц', др.-исл. *heri*, прус. *sasins* 'заяц'.

В других балтийских, а также в славянских языках происходит позднейшая табуистическая замена первоначального названия 'зайца' на описательное типа рус. *заяц* (вероятно, 'прыгающий', ср. др.-инд. *háya-* 'конь', арм. *ji* 'конь', при др.-инд. *hinóti*, *hinvati* 'погоняет', Pokorny 1959 : 424; Фасмер 1964—1973, II : 84), лит. *kĩškis* 'заяц' (при других названиях в диалектах, Būga 1958—1961, II : 674), ср. также рус. *серяк* 'заяц' от *серый* и др.

В древнехеттских текстах при перечислении 'животных богов' встречается название животного *šaša-*, комбинаторно отождествленное с шумерограммой DĀRA 'горный козел'. Глаголом, сочетающимся с названием этого животного, согласно тексту KUB XIX 1 III 43 и след., было *kunk-* 'качать(ся)?', 'подвешивать(ся)?'. При этом *šaša-* противопоставляется SILĀ 'ягненок' (Goetze 1962 : 29). Это, очевидно, животное малых размеров, ритуально значимое в хеттской традиции и отождествляемое с 'прыгающим козлом'. Ввиду формального совпадения слова с древнеиндийским *śaśá-* в значении 'заяц' не исключено это значение и для хет. *šaša-*. В таком случае хеттское слово следует считать заимствованным из арийского (в хеттском следовало бы ожидать закономерного отражения этого названия в виде **kaša-*), если не предполагать в нем процесса ассимиляции начального **k-* (ср. также Josephson 1979, где допускается ассимиляция **k[h]* перед *a* в анатолийском).

11. «БЕЛКА», «ХОРЕК», «ГОРНОСТАЙ»

11.1. ОБОЗНАЧЕНИЕ «БЕЛКИ» В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Редуцированная форма названия 'белки' или 'хорька' засвидетельствована в ряде 'древнеевропейских' диалектов, а также в иранском:

Лит. *vėveris*, *vaiveris* 'белка', 'самец хорька, белки, куницы, серны' (Būga 1958—1961, II : 652), латыш. *vāvere* 'белка', прус. *weware* 'белка', др.-рус. *вѣверица*, *виверица* 'белка', рус. *веверица* 'белка', 'горностай', лат. *īiuerra* 'хорек'.

Слово со значением 'белка' представляет "древнеевропейскую" лексическую и семантическую инновацию, к которой примыкает и иранский. Характерно, что иранский объединяется с той же группой древних индоевропейских диалектов в образовании лексико-семантических инноваций и в других случаях. Древнейший диалектный индоевропейский архетип слова **ue(i)ueg-* мог обозначать один из видов маленького древесного животного типа 'хорька'.

В германских языках ввиду особой мифологической значимости 'белки' древнее название заменяется описательным в форме **aik-werna*: др.-исл. *ikorne* 'белка', др.-в.-нем. *eihurno* (нем. *Eichhorn*), др.-англ. *ācweorna* 'белка'.

В "Эдде" белка (*ikorne*) изображается как самое оживленное животное 'Среднего мира', постоянно бегающее по 'Мировому дереву' и соединяющее верхнюю его часть с нижней ("Речи Гримнира", 32). В латышских народ-

ных песнях к 'белке' обращаются, прося ее дать мех, с такими же формулами, как и к другим пушным зверям — 'выдре' и 'бобру' (*Mühlenbach/Endzelin 1923—1932, IV : 512*).

'Горноста́й', 'ласка' обозначаются в германском, балтийском и венетском (ср. *Pokorný 1959 : 573—574*) также и другим диалектным термином: др.-в.-нем. *harmo* 'горноста́й' (ср. нем. *Hermelin*), лит. *šarmiū*, *šermiū* 'горноста́й', *šarmonys* 'ласка', латыш. *seřmulis* 'горноста́й' (*Fraenkel 1962—1965, II : 965*). Для 'ласки' в германском применяется обозначение, основанное на корне **weis-*, характеризующем особый запах (*Pokorný 1959 : 1134*): др.-в.-нем. *wisula* (нем. *Wiesel*), др.-англ. *weosule* (англ. *weasel*) 'ласка'.

Поздний диалектный характер обозначений 'белки', 'ласки', 'горноста́я' не позволяет возводить эти семантемы к сколько-нибудь древней индоевропейской диалектной общности.

12. «ОБЕЗЬЯНА»

(12.1.) РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБЩИНДОЕВРОПЕЙСКОГО НАЗВАНИЯ «ОБЕЗЬЯНЫ» И ЕГО СВЯЗИ С ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИМИ ТЕРМИНАМИ

Распространенность соотносимых друг с другом слов для 'обезьяны' в древних индоевропейских диалектах позволяет постулировать определенную праформу этого слова еще для эпохи индоевропейской общности. Соответствующие формы распадаются на две основные формальные группы: это слова с начальным *k-* и соответствующие формы без начального *k-*:

Др.-инд. *kapí-* 'обезьяна' (уже в "Ригведе", ср. имя собственное *Vṛṣākapi-*, буквально: 'самец-обезьяна'), греч. *κῆπος* // *κῆβος* 'длиннохвостая обезьяна' (ср. также греч. *πίθηκος* 'обезьяна' < **[ka¹piθe²hos?*] ≈ др.-исл. *ari*, др.-англ. *ara* (англ. *ape*) 'обезьяна', др.-в.-нем. *affo* (нем. *Affe*) 'обезьяна', кельт. *ābrāvos* (название 'обезьяны' у кельтов по *Гесихию*, ср. *Pokorný 1959 : 2—3*), др.-рус. *опица* (*опищца*), *опыни* 'обезьяна' (*Срезневский 1958, II : 682—683, 700—701*)¹ ст.-польск. *opica* (XV в.), чеш. *opice*, верхне-луж. *wopica*, полаб. *orb*, сербо-хорв. *ōrica*, словен. *brisa*.

Соотношение $\#k \approx \#\emptyset$ в рассматриваемых формах предполагает в качестве инициали древнюю поствелярную фонему **q^hl-* с закономерным отражением *k ~ ∅* в соответствующих диалектах (см. выше, стр. 131). Древнейший индоевропейский архетип рассмотренных форм восстанавливается в виде **q^hle/op^hl-*, с вариантом [**q^hle/op-*] по диссимилиации придыхательных аллофонов (см. выше, стр. 27 и след.), отраженным в германских формах.

Слово представляет собой, очевидно, древнейший переднеазиатский

¹ Некоторыми исследователями предполагается заимствование славянского слова из германского (*Фасмер 1964—1973, III : 144—145*), хотя нет достаточных оснований для такого предположения. Вероятно, др.-рус. *опыни* относилось к лексике восточнославянского язычества; игра с 'обезьяной' и 'медведем' считалась одним из грехов. Другое русское название—*обезьяна*—представляет собой позднее заимствование перс. *būzīna* (возможно, через тюркское посредничество).

миграционный термин, засвидетельствованный во многих древних ближневосточных языках, в частности семито-хамитских, и возводимый к древнейшему периоду их истории: ср. аккад. *uḫūru*, *i/aḫūru* (Soden 1981, III : 1427), др.-евр. *ḳōṛ*, араб. *ḳōṛā*, егип. *gjf* 'обезьяна' (Erman/Gradow 1955, V : 158). Любопытно наличие в семитских формах фарингализованного *ḳ*, что сопоставимо с реконструированной поствелярной фонемой **q^[h]* для рассматриваемой индоевропейской праформы.

При наличии обозначения 'обезьяны' уже в общеиндоевропейском и общесемитском не представляется возможным установить источник его возникновения, ср. Mayrhofer 1956, I : 156. Типологически по своему ареальному распространению и по возрасту заимствования слово сопоставимо с названиями 'барса-леопарда', 'льва' и 'дикого быка-тура'.

13. «СЛОН», «СЛОНОВАЯ КОСТЬ»

13.1. РЕКОНСТРУКЦИЯ ДРЕВНИХ ДИАЛЕКТНЫХ НАЗВАНИЙ ДЛЯ «СЛОНА» И ИХ СВЯЗЬ С МИГРАЦИОННЫМИ ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИМИ ТЕРМИНАМИ

При всей диалектной ограниченности этимологически соотносимых друг с другом слов со значением 'слон', 'слоновая кость' (лат. *ebur* 'слоновая кость', 'слон' и др.-инд. *ībha-h* 'слон') соответствующую праформу в виде архетипа **ǰeb^[h]*- (или **Heb^[h]*-) следует допустить в некоторой древнейшей диалектной общности, отражаемой в целом ряде архаичных слов, сохранных только в древнеиндийском и латинском.

Слово, как и рассмотренные выше названия 'леопарда-барса', 'льва', 'дикого быка-тура' и 'обезьяны' является, очевидно, ближневосточным миграционным термином, обнаруживаемым в ряде древнеближневосточных, в частности семито-хамитских, языков: егип. *Ḫw* 'слон' (Erman/Gradow 1955, I : 7; на основании коптского *εβου*, *εβυ* восстанавливается форма *(*j*)*ebu*), др.-евр. *šen-ha-b-bim* 'слоновый клык' (буквально: 'зуб' ≈ *šen*).

К тому же семантическому кругу слов относится древний миграционный термин, обозначающий 'слоновую кость' и обнаруживаемый в других индоевропейских диалектах:

Греч. мик. *e-re-pa*, род. пад. *e-re-pa-io* 'слоновая кость', прил. *e-re-pa-te-jo* 'сделанный из слоновой кости', гомер. *ἐλέφας*, род. пад. *ἐλέφαντος* 'слоновая кость', *ἐλεφάντειος* 'из слоновой кости'. Слово может быть сопоставлено с хет. *laḫra-* (в одном тексте с глоссовым клином: **la-aḫ-ra-aš ú-ni-ua-an-du* "пусть они украсят слоновой костью", KUB XXXVI 25; в шумеро-аккадско-хеттском трехязычном тексте *laḫraš* соответствует шум. *gi* и аккад. *šinni* в смысле 'зуб слона', Laroche 1965b; Masson 1967: 80—83).

Сопоставление хетто-лувийского *laḫra-* с греч. *ἐλέφας*, род. пад. *ἐλέφαντος* позволяет считать начальное *e-* в греческом характерной вокалической протезой и реконструировать древнейший архетип слова в виде **ǰeb^[h]ont^[h]*-, который с нулевой огласовкой **ǰb^[h]ont^[h]*- закономерно от-

ражен в гот. *ulbandus* 'верблюд'. Тем самым сопоставляемые формы можно возвести к древнейшей диалектной общности, как и рассмотренные формы лат. *ebur*, др.-инд. *ibha*.

К рассмотренной выше группе слов можно отнести и предполагаемое для тохарского **alpi* 'верблюд' (тохарское слово предполагается как источник центральноазиатских заимствований типа [*arpa*] 'верблюд', см. *Clauson 1973* : 40).

По-видимому, носители определенных индоевропейских диалектов при переселении на новые места жительства столкнулись с прежде неизвестным видом животного — 'верблюдом' и перенесли название знакомого им ранее крупного животного — 'слона' на 'верблюда'. В другой группе диалектов происходит образование нового слова для обозначения этого животного, ср. др.-инд. *uṣtra* 'верблюд', 'буйвол' (в 'Ригведе' во втором значении), авест. *uṣtrō* 'верблюд' (ср. *Zarap-uṣtrō* 'Заратустра', собственное имя, дословно: 'погоняющий верблюдов', см. *Mayerhofer 1977* : 43 и след.; ср., однако, *Thieme 1981*) от корня **ues-* 'увлажнять'.

Таким образом, для архаичных индоевропейских диалектных общностей восстанавливаются две лексемы для 'слона', по всей вероятности, общего ближневосточного происхождения: **ieb^{[h]1-/*Heb^{[h]1-}}* и **leb^{[h]1-ont^{[h]1-}}* (при возможной форме **leHb^{[h]1o-}*, с учетом хетто-лувийской формы). Сопоставление этих архетипов делает возможным предположение об их изначальной соотнесенности друг с другом и постулирование единой исходной общеиндоевропейской праформы со значением 'слон', перекликающейся со сходными древними названиями 'слона' в языках Ближнего Востока.

II. ЖИВОТНЫЕ «НИЖНЕГО МИРА»

1. «ЗМЕЙ», «ЗМЕЯ», «ЧЕРВЬ»

1.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «ЗМЕИ», ИХ ВАРИАНТЫ И ЗАМЕНЫ В ОТДЕЛЬНЫХ ДИАЛЕКТАХ

'Змей' как основное мифологическое существо 'Нижнего мира' представлен этимологически соотносимыми друг с другом лексемами во всех

¹ Нет никаких формальных оснований считать гот. *ulbandus* 'верблюд' (др.-сакс. *olbundo* 'верблюд', "Хелианд", 3299, др.-англ. *olfend*, др.-исл. *ulfalde*) заимствованием греч. *ἐλέφας*, как это обычно принимается. Закономерная фонетическая соотнесенность этих слов не оставляет сомнения в возможности их возведения к общей праформе. К семантическому переносу значения 'слон' → 'верблюд', во всяком случае уже в общегерманском, ср. типологически аналогичное развитие значений в шумерском и аккадском, см. *Landsberger 1934* : 92; *Nagel 1963* : 193. Готское *ulbandus* 'верблюд', вероятно, заимствовано в славянском в виде ст.-слав. *velbodi* 'верблюд' (рус. *верблюд*), *Фасмер 1964* — *1973*, I : 293—294, ср. *Срезневский 1958*, I : 241. Само название 'слона' славянские языки заимствовали из восточноазиатских (ср. бирм. *s^haŋ* < **slaŋ* 'слон', *Pulleyblank 1963* : 23), тогда как многие западноевропейские языки заимствуют название 'слона' из греческого через латинский.

чально: 'ползающий по земле', 'принадлежащий к Нижнему подземному миру', ср. алб. *dhétje* 'гусеница', от и.-е. *ǵ[h]d[h]l-e/om- 'земля'. Сюда же относится германское название 'змея', мифологического Змея как 'червя': гот. *waírms* 'змея', др.-исл. *ormr* 'Змей' (ср. в "Эдде" *Miðgarðs-ormr* 'Змей Среднего мира', который служит границей Земли и 'поясом всех земель' — *umgjörð allra landa*).

Последнее эвфемистическое обозначение 'змея' основывается на первоначальном названии 'червя', 'насекомого'¹. Это значение в некоторых древнегерманских языках засвидетельствовано параллельно со значением 'змея' (ср. др.-англ. *wurm* 'змея', 'дракон', 'червь', англ. *worm*), в других же сохраняет свое первоначальное значение, поскольку 'Змей', 'змея' обозначается одним из рассмотренных выше слов:

Ср. лат. *uermis* 'червь', греч. *ρόμος* 'древесный червь', лит. *vařtas* 'насекомое', 'комар', др.-рус. *вѣрмие* 'саранча', 'черви'; отсюда в ряде диалектов название 'пурпурной краски': прус. *wortuan* 'красный' (дословно: 'цвета червя'), укр. *вермяний* 'красный', др.-в.-нем. *gi-uurmōt* 'окрашенный в красный цвет', др.-англ. *wurma* 'пурпур' (балто-славяно-германская лексическая изоглосса): и.-е. *ǵmī-, *ǵmō-².

Описанные выше табуистические замены первоначального индоевропейского названия 'Змея', 'змея' в отдельных диалектах становятся понятными в свете особой мифологической роли 'Змея' во всех древних культурных традициях.

1.2) ОСНОВНОЙ МОТИВ, СВЯЗАННЫЙ СО «ЗМЕЕМ», В ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ МИФОЛОГИИ

Основной мифологический мотив, связанный со 'Змеем', это противостояние верховного божества с главным воплощением 'Нижнего мира'. В архаических индоевропейских мифологических мотивах изображается убийство Змея его божественным противником. Сравнение архаических тради-

¹ Аналогичные семантические переходы 'червь' ~ 'насекомое' ~ 'змея' ~ 'ящерица', объясняемые их отнесением к одной и той же категории живых существ, обнаруживаются и в других соотносимых друг с другом лексемах. В частности, название 'ящерицы' в одной группе диалектов (ст.-слав. *ašterŭ* 'ящер', рус. *ящерица*, латыш. *šķirgailis*, алб. *hardhëlë* 'ящерица') соответствует названию 'червя' (греч. *σκαρῖς* 'вид червя') или 'насекомого' (лит. *skėrŷs* 'саранча', ср. греч. *κόρις* 'клоп' — с другим началом слова) в других диалектах.

² Фонетическое сходство с этой основой обнаруживает другая индоевропейская основа с тем же значением *ǵ[h]mī- 'червь': др.-инд. *kṛmī-* 'червь', согд. *kyrm-* 'червь', перс. *kirm* 'червь', осет. *kalm* 'змея', 'червь', др.-ирл. *cruim* 'червь', прус. *girmis* 'личинка', лит. *kirmis* 'червь', ст.-слав. *črŭvŭ* 'червь' (отсюда в славянском обозначение красного цвета: ст.-слав. *črŭvenŭ* 'красный, червонный', полностью аналогичное такому же обозначению от основы *ǵmī-).

К этим основам со значением 'червь' примыкает формально основа *mor-u-//*mor-m- 'муравей': рус. *муравей*, греч. *βόρμαξ* 'муравей', др.-инд. *vatrá-* 'муравей' (см. выше, стр. 222). Семантическая близость этих обозначений подтверждается возможностью употребления основы *ǵ[h]mī- со значением 'муравей', ср. лит. *skīřvinti* 'бежать как муравей' (*Specht 1944: 45*).

ций позволяет восстановить целые фрагменты индоевропейских текстов этого мифа, в которых употребляется древнее название Змея:

В “Ригведе” (I 32, 1—2) такие индоевропейские тексты отражаются в следующих формулах: *áhann áhim párvate śiśriyāṇám* “он убил дракона (*áhim*), покоившегося на горе”; *áhann áhim ánu apás tatarda prá vaksānā abhinat párvatānām* “он убил дракона (*áhim*), он просверлил (отверстия для) рек, он рассек чресла гор”. В “Авесте” тот же мотив отражен в таких местах, как *yō jānaŋ ažiṃ svaraṃ yim aspō.garəm nərə.garəm* “тот, кто убил рогатого Змея (*ažiṃ*), который пожирал коней, пожирал людей” (*Yāšt* 9, 11). Поразительная смысловая и лексическая параллель обнаруживается в соответствующем месте “Эдды”, что подтверждает возможность общиндоевропейской реконструкции соответствующих фрагментов текста (*Helgakviða Hundingsbana I*, 55,5):

*er þú felt hefir inn flugar trauða
jöfur, þann er olli ægis dauða*

“Ты, который поверг презирающего бегство
Вепря, ты, который вызвал гибель Змея (*ægis*)”¹.

Подобно тому, как в мифе верховное божество повергает Змея, освобождая природу, в ритуалах исцеления человека ‘шаман-жрец’ освобождает больного от ‘червей’, отождествляемых с мифологическими ‘змеями’; ср. в “Атхарваведе” (II 31, 5):

*ye kṛmayah parvateṣu vaneṣu osadhīṣu paśuṣu apsu antah
ye asmākam tanvat āviviśuḥ sarvaṃ tad dhanmi janima kṛmīnām*
“Те черви, которые в горах, в растениях, в животных, в водах,
те, которые вошли в наше тело, я раздавливаю весь род (их—род)
червей!”

Соответствующие заговоры от червей и мифологические тексты о ‘богезмееборце’ в архаических индоевропейских традициях характеризуются совпадением не только лексем, но и таких существенных черт, как магическое число ‘девять’ (‘девять червей’, ‘девять дочерей Змея’ и т. п., ср. *Топоров 1969 : 25—27; Plassmann 1961 : 121—124*).

В некоторых архаических индоевропейских традициях — таких, как хеттская и греческая, при замене первоначального названия мифологического Змея (ср. хет. *Illuiankaš* ‘Змей’, греч. Πύθων, возводимое к и.-е. *b^hlud^hl- ‘Нижний мир’, см. выше, стр. 489) сохраняется в полном виде структурная схема мифа и отдельные его детали, в том числе похищение Змеем частей тела бога — его противника (‘глаз’ — *šakuca* и ‘сердца’ — *kir* в хеттском варианте мифа) и помощь, которую ‘богу-змееборцу’ оказывает ‘богиня-женщина’: И н а р а в хеттском мифе, А ф и н а — в греческом. После временного торжества Змея бог—его противник —возвращает

¹ В этом и некоторых других древнегерманских текстах др.-исл. *ægír* и родственные ему слова понимаются как соответствующие греч. *ἔχις*, др.-инд. *áhi*- ‘змея’, см. *Plassmann 1961 : 111 и след.*; др.-исл. *ægír* встречается также в сложном слове *ægis-hjálmr* ‘змееподобный шлем’, поясняемый как *i orms líki* ‘подобный Червю-Змею’ (*Plassmann 1961 : 95*).

себе целостность своего облика и поражает с неба своего врага в 'Нижнем мире' (см. Kretschmer 1927; Fontenrose 1959; ср. Littleton 1970).

Весь комплекс мотивов единоборства верховного божества со Змеем-Драконом является самым характерным для всех мифологических традиций Ближнего Востока и Кавказа, начиная с древнейших письменных источников (шумерских) вплоть до фольклорных сюжетов средневековья и нового времени (см. Иванов/Топоров 1974 : 136 и след.).

2. «ВЫДРА», «БОБЕР», «ВОДЯНОЕ ЖИВОТНОЕ»

2.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ НАЗВАНИЯ «ВОДЯНОГО ЖИВОТНОГО», «ВЫДРЫ», «БОБРА» Ас = ?

Лексемы, в одних диалектах (иранском, балтийском, славянском, германском, латинском, кельтском) имеющие денотатами конкретных животных — 'выдру' (*Lutra vulgaris*) и 'бобра' (*Castor fiber* L.), в группе древних индоевропейских диалектов, к которой относятся хеттский, греческий, армянский и индо-арийский, означают вообще 'водяное животное' (часто с ритуально-культурной значимостью).

Такие ритуально значимые 'водяные животные' обозначаются описательно как 'собаки воды' или названием, производным от лексемы 'вода' **uot'og-*.

В хеттском тексте пересказа хурритского мифа о водяном чудовище Хедамму (KUB VIII 67 IV 17) говорится, что оно пожирало 'собак потока': $\text{ID-}a\check{s} \text{ UR.ZIR}^{\text{HI-A}}$, там же аналогично построенное $\text{IKU-}a\check{s} \text{ KU}_6^{\text{HI-A}}$ 'рыбы полей', очевидно, в значении 'ящерицы', Friedrich 1949 : 233, 248. Имеется в виду, по-видимому, водяное млекопитающее небольшого размера, приравняемое к 'собаке'.

В греческом производное от индоевропейской лексемы 'вода' обозначает 'водяное чудовище': гом. ὕδρος 'гидра', В 723, позднее засвидетельствована форма ж. р. ὕδρᾱ 'водяная змея'. В древнеиндийском производное от того же корня *udrā-* означает 'водяное животное'; это, очевидно, субстантивированное прилагательное 'водяной' (ср. вед. *an-udrā-* 'безводный').

Значение конкретного животного — 'выдры' (*Lutra vulgaris*) для данной лексемы засвидетельствовано в кафир. вайгали *wacak'ok* 'выдра' (Morgenstierne 1954 : 222), авест. *udra-*, осет. *wyrd*, *urdæ*, рус. *выдра*, лит. *ūdra*, прус. *udro*, др.-в.-нем. *ottar*, др.-исл. *otr*, то есть в ирано-балто-славяно-германском диалектном ареале. Это, очевидно, некоторая семантическая инновация данной группы диалектов, разделяемая и иранским в отличие от индийского.

Характерно, что денотат 'бобер' (*Castor fiber* L.) соотносится с конкретной лексемой именно в этой же группе диалектов (включая кельтский и итальянский), но не в перечисленных выше древних индоевропейских диалектах, в которых нет специального названия 'выдры'.

Общеиндоевропейская лексема *b^hlib^hler // *b^hleb^hler в некоторых диалектах последней группы сохраняет свое первоначальное значение 'коричневый', 'блестящий'. В таком значении это слово засвидетельствовано в "Ригведе": вед. *babhrú-* 'красно-коричневый' (о коне, корове, богах, растениях), ср. в митаннийском арийском *barpu-nni* как обозначение масти коня (*Mayrhofer 1966: 137 и след.; 1974: § 7*); ср. родственное нередуцированное обозначение масти коня в славянском: польск. *brony* 'гнедой', др.-чеш. *bronj* 'белый', др.-рус. *броныи* 'белый' (о коне). В позднейшем древнеиндийском слово обозначает и определенный вид животного — 'ихневмона' (*Herpestes ichneumon*, длиннохвостое животное, истребляющее выдр и мышей).

В греческом родственная нередуцированная основа имеет значение 'жаба', что сопоставимо со значением прус. *brunse* 'плотва', 'мелкая рыбешка', лит. диал. *bruñšė* (*Топоров 1975-, I: 256—257*).

В другой группе диалектов эта же редуцированная основа выражает значение конкретного водяного животного — 'бобра': авест. *bawra-*, *bawri-* 'бобер', лит. *bebrūs//bēbras*, прус. *bebrus*, рус. *бобер*, др.-в.-нем. *bi-bar* (нем. *Biber*), др.-англ. *beofor* (англ. *beaver*), др.-исл. *bjórr*, лат. *fiber*, др.-брет. *beuer* 'fiber', 'castor'¹ (*Топоров 1975-, I: 203—205*).

Таким образом, как названия животного, производные от основы **uot'or-* 'вода', так и производные от редуцированной основы приобретают конкретное значение 'выдра' (*Lutra vulgaris*) и 'бобер' (*Castor fiber* L.) лишь в строго определенной группе диалектов, включающей позднейшие "европейские" диалекты (балтийские, славянские, германские, италийские, кельтские) и авестийский. Можно заключить, что налицо семантическое новообразование в указанных диалектах, связанное со специфическими экологическими условиями обитания носителей этих диалектов. Характерно, что индо-иранские диалекты по этой изоглоссе расходятся: древнеиндийский сохраняет более архаичное состояние, тогда как авестийский обнаруживает инновацию.

2.2. РИТУАЛЬНАЯ И КУЛЬТОВАЯ РОЛЬ «БОБРА» В ОТДЕЛЬНЫХ ИНДО-ЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

В указанном же ареале обнаруживается мифологическая и ритуальная значимость 'выдры' и 'бобра', что можно связать с ролью этих животных как основных зверей 'Нижнего мира' в западноазиатских культурных традициях.

В "Авесте" 'бобер'—священное животное *Анахиты* (женского божества, первоначально соотносившегося с 'Нижним миром'). В славянских народных песнях 'черные бобры' соотносятся с корнями 'Мирового дерева' (*Иванов/Топоров 1965: 80*). В латышских народных песнях 'божественные близнецы' пляшут в шкурах 'бобра' и 'выдры'; в песнях поется:

¹ В древнеирландском это же значение выражается описательно как *dobor-chú* 'собака воды'.

*ūdri, ūdri, bebri, bebri,
duod man savu kažiociņul*

“Выдры, выдры! Бобры, бобры! Дайте мне свои шкуры!”
(*Mühlenbach/Endzelin 1923—1932, IV : 406*).

Эти особенности балтийской, славянской и авестийской традиций, не находящие параллелей в других древних индоевропейских традициях, подтверждают в культурно-историческом плане вторичность приобретения особой значимости этими видами животных, очевидно, в силу изменения экологических условий обитания носителей определенных индоевропейских диалектов.

3. «МЫШЬ», «КРОТ»

3.1. ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «МЫШИ»

Общеиндоевропейское название ‘мышь’ **mūs-* прослеживается по основным древним индоевропейским диалектам:

Др.-инд. *mūṣ-* ‘мышь’ (в этом значении в ‘Ригведе’), ‘крыса’, перс. *mūš* ‘мышь’, осет. *myst* ‘мышь’¹, греч. *μῦς* ‘мышь’, арм. *тикн* ‘мышь’, ст.-слав. *муšї*, лат. *mūs* ‘мышь’, др.-исл., др.-в.-нем., др.-англ. *mūs* ‘мышь’ (нем. *Maus*, англ. *mouse*).

Уже в древнейших индоевропейских мифологических представлениях ‘мышь’ связывается с погребальными обрядами и соотносится с женским божеством ‘Нижнего мира’.

3.2. МИФОЛОГИЧЕСКАЯ И ОБРЯДОВАЯ РОЛЬ «МЫШИ», «ЗЕМЛЕРОЙКИ», «КРОТА» В ДРЕВНИХ ИНДООЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

В хеттской традиции ‘мышь’ выступает в обрядах, совершаемых жрицами для избавления от смерти.

В хетто-лувийском ритуале KUB XXVII 67 ‘Старая Женщина’ (шумерограмма SAL ŠU.GI) избавляет человека от смерти, привязывая символ смерти — кусок олова — к ‘мышь’, отпускаемой ‘за горы и доли’, то есть в потусторонний мир.

Аналогичные мотивы связываются с культом ‘мышь’ и в греческой традиции, засвидетельствованной уже со времен Гомера (ср. А 39). ‘Мышь’ была культовым животным Бога Аполлона Сминтеуса², в святилище которого в Хрисе (Малая Азия, у мыса Лектон) специально выращивались ‘мышь’, содержащиеся под алтарем бога. Самого бога изображали с ‘мышьями’ или стоящим на ‘мышь’. Сын Аполлона бог-врачеватель Асклепий

¹ От той же основы — осет. *mystülæg* ‘ласка’, ср. лат. *mustēla* ‘ласка’, ‘куница’, *Абаев 1973, II : 143*.

² Само его название *Σμινθεύς* этимологизируется на основании глоссы *Γεσικη: σμίνθος, ομῖς* · *μῦς* ‘мышь’, ср. *Grégoire 1949*.

был исцелителем, воскрешая мертвых, за что был поражен молнией Зевса (Grégoire 1949; Топоров 1975a).

В германской и славянской традициях 'мышь' была священным животным женского языческого божества, связываемого с погребальным обрядом и представляемого как 'слепое существо'.

У восточных славян 'Млечный путь', считавшийся по народным поверьям 'дорогой души на тот свет', назывался 'мышина тропка' (Фасмер 1964—1973, III : 27).

Пережиточно соответствующие обряды сохраняются в славянских поверьях и играх, связанных с 'Бабой Ягой' (Потебня 1865 : 90—95), которая, очевидно, соотносима с SAL ŠU.GI 'Старой Женщиной' хеттолувийского обряда (Топоров 1963).

Волшебная роль 'мышь-женщины' отражается и в литовском фольклоре, в частности в сказке "О заколдованном замке", где мышь — это женщина-жрица, под надзором которой мальчики проходят обряд инициации (Иванов/Топоров 1965 : 95). Само древнее название 'мышь' в литовском табуировано и заменено другим словом — *peilė* 'мышь'.

Представление 'мышь' и соотносимого с ней женского божества в качестве 'слепых существ' в славянских и германских мифологических поверьях и соответствующих терминах (чеш. *slépá baba* 'слепая баба', название игры; польск. *ślepa babka*, игра; сербо-хорв. *sljèpī mīš* 'летучая мышь' и 'игра в жмурки', нем. *blindes Mäusel*, Потебня 1865 : 92) позволяет связать их с незрячими особями, близкими к полевым мышам: 'летучей мышью' и 'кротом-землеройкой' (*Talpa europaea* L.).

'Крот-землеройка' выступает наряду с 'мышью' в ряде древнейших мифологических мотивов, связанных с богом-врачевателем Асклепием. Святилище (ἄσκληρον, ἄσκληρον) Асклепия в Эпидавре было построено по образу норы крота. Само имя бога Асклепия этимологизируется в связи с одним из индоевропейских названий 'крота' — лат. *talpa*; при этом предполагается изначальная соотнесенность с ближневосточным названием 'исчезающего и возвращающегося божества плодородия' — хет. *Telepinu-*, хат. *Talipinu*, *Talipuna* и с миграционными терминами для некоторых из связанных с тем же комплексом животных (Grégoire 1949; Топоров 1975a: 42—43; об этих божествах см. подробнее ниже).

Особо почитается 'крот' в связи с божеством исцеления Рудрой, которому принадлежит 'крот' (др.-инд. *ākhú-*) в древнеиндийской традиции, где к божеству Рудре обращаются с молитвой, прося его унести болезни ("Ригведа", II 33).

При всей культовой значимости 'крота' как священного животного в индоевропейской традиции, в отдельных исторических индоевропейских диалектах несоотносимые друг с другом его названия возникли из разных источников, очевидно, при табуистической замене первоначального названия.

Особая культовая и ритуальная значимость 'мышь' и 'крота' в индоевропейской традиции, связывающая их с погребальными обрядами и обрядами исцеления, уходит корнями в доисторическую древность. Пока-

зательно, что в древнейшей культуре Малой Азии VII—VI тысячелетий до н. э. обнаруживаются следы особого культового использования 'мышей' и 'землероек', которых клали в погребения верховных жриц, что символизировало связь этих животных с высшим женским божеством (Mel-laart 1967).

4. «ЧЕРЕПАХА»

4.1. ДИАЛЕКТНЫЕ НАЗВАНИЯ «ЧЕРЕПАХИ»

Индоевропейские названия 'черепахи' соотносятся друг с другом по отдельным диалектным ареалам, что делает невозможным доказательство общеиндоевропейского характера каких-либо из отдельных соотносимых форм.

В значении 'черепахи' этимологически соотносятся друг с другом формы греч. χέλυς 'черепаха', лира, сербо-хорв. žělva, словен. želva, чеш. želva 'черепаха', рус. *желвак*, предполагающие праформу *g^hlel-u-. Уже в восточнославянском это древнее название табуируется, заменяясь производным от слова 'череп': *черепаха* (Зеленин 1922—1930, II : 53).

Аналогичные процессы табуирования могли привести к замене первоначального названия и в других индоевропейских диалектах, где появляются новые обозначения, восходящие в ряде случаев к названиям других животных 'Нижнего мира'. Таким образом можно было бы объяснить др.-инд. *kūrmā-h* 'черепаха', сопоставляемое по форме с лит. *kūrmis* 'крот', латыш. *kuīrmis* 'крот'. Приводимые формы могут отражать с некоторыми преобразованиями ту же индоевропейскую основу, к которой восходят индоевропейские названия 'червя': *k^hl⁰gmi- (см. выше, стр. 527₂).

5. «КРАБ»

5.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «КРАБА»

Первичное индоевропейское название 'краба' в древних индоевропейских диалектах образовано от редуцированной формы *k^hlark^hlag- (Pokorny 1959 : 531) со значением 'твердый', 'шероховатый': др.-инд. *karkara-* 'твердый', греч. *κάρκαρος*·*τραχέϊς* 'шероховатые', 'жесткие' (Гесихий);

Греч. *κρκίνος* 'краб', др.-инд. (из пракритов) *karkaṭa-* 'рак', *karka-* 'краб', лат. *cancer* 'рак', рус. *рак*, слав. **rakъ* (с диссимилятивной утерей начального *k-).

В германском происходит замена (возможно, табуистическая) первоначального слова на описательное обозначение, связываемое с основой *k^hreb^h- 'ползти', 'царапаться' (ср. др.-исл. *krafla*, ср.-в.-нем. *krappeln*): др.-исл. *krabbi*, др.-англ. *crabba* (англ. *crab*), ср.-н.-нем. *krabbe* 'краб', отсюда же др.-сакс. *kredit*, нем. *Krebs* 'рак'.

6. «ЖАБА», «ЛЯГУШКА»

6.1. ОПИСАТЕЛЬНОЕ НАЗВАНИЕ «ЖАБЫ», «ЛЯГУШКИ» И РОЛЬ ЖИВОТНОГО В ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ МИФОЛОГИИ

Для обозначения 'жабы', 'лягушки' в разных диалектных общностях восстанавливаются слова главным образом описательного характера, являющиеся, по всей вероятности, результатом эвфемистической замены возможного первоначального общего названия этого животного, игравшего существенную роль в мифологических представлениях о 'Нижнем мире'.

К общей основе, очевидно, оноματοпозитического характера, восходят формы в германо-балто-славянском ареале: прус. *gabawo* 'жаба', рус. *жаба*, сербо-хорв. *žaba*, чеш. *žába* 'жаба'; др.-сакс. *quarra* 'налим', ср. лат. *būfō* 'лягушка' (предполагаемое оскско-умбрское заимствование), Фасмер 1964—1973, II : 31¹.

Другой описательной основой, от которой образуется название 'лягушки' в индоевропейских диалектах, является форма, производная от **r^hgeu-* 'прыгать' (ср. др.-инд. *pravate* 'прыгает', 'скачет'): др.-инд. *plava-* 'лягушка' (буквально: 'прыгающая'), др.-исл. *frauki*, др.-англ. *frogga* (англ. *frog*) 'лягушка' при параллельной основе на *-sk-*: др.-исл. *froskr*, др.-англ. *frosk*, нем. *Frosch* 'лягушка' (семантически сходно объясняется и восточнославянское название 'лягушки': рус. *лягушка* от *ляг-ать*, *ляж-ка*, *ляга*, Фасмер 1964—1973, II : 548—549).

Формальная пестрота обозначения 'жабы' и 'лягушки' в индоевропейских диалектах² может быть связана с характером этого животного как представителя 'Нижнего мира', в частности в славянской и германской традициях 'черви', 'лягушки', 'жабы', 'мыши', 'черепахи' и 'всякие насекомые' выступают как 'дети' или потомки существ 'Нижнего мира'; с 'жабой' связываются 'смерть' и 'болезни', особенно детские (*Потебня 1865 : 200—206*), ср. также гимн 'лягушкам' в "Ригведе" (VII 103), где они сравниваются со жрецами-брахманами.

7. «МУХА», «ОВОД»

7.1. ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «МУХИ»

Общеиндоевропейское слово восстанавливается в форме **mu(s)-*:

Греч. *μύα* 'муха', 'овод', арм. *туп*, *род. пад. тпэу* 'комар', лат. *musca* 'муха', др.-исл. *тý* 'комар', др.-англ. *тусг*, др.-в.-нем. *туска* 'комар', лит. *тисэ*, прус. *тисо*, латыш. *тиша* 'муха', ст.-слав. *тисча* 'муха'.

¹ К оноματοпозитическому характеру рассматриваемой основы ср. аналогичные названия типа рус. *квакушка* от звукоподражательного слова *квакать*, имеющего широкие параллели: лит. *kvaksėti*, нем. *quaken* 'квакать' и т. д. В хеттском тексте Во 2738 I 7—8, 10 говорится о 'норе', 'логове' (*ḫatteššar*, в других текстах — о Змее) животного *a-ku-ца-ku-ца-aš*, отождествляемого с 'квакушкой', 'лягушкой' или 'жабой' (*Forrer arud Kretschmer 1927 : 310*), см., однако, возражения А. Камменхубер: *Friedrich/Kammenhuber 1975-, I*.

² Из других диалектных названий ср. также осет. *xæfs* 'лягушка' < др.-иран. **kasu-*ара 'лягушка' (*Абаев 1949, I : 51*).

Первоначальное значение этого слова, очевидно, 'жалящее', 'насекомое с жалом', досаждающее человеку своей назойливостью (ср. у Гомера о назойливой 'мухе', которой приятна 'кровь человека', Р 566—572).

8. «ОСА», «ШЕРШЕНЬ»

8.1. ДИАЛЕКТНЫЕ НАЗВАНИЯ «ОСЫ», «ШЕРШНЯ»

К числу лексем, общих для "древнеевропейских" диалектов и иранского, относится также название 'осы' **uob^hlsā-*: пехл. *wabz* 'оса', ср. авест. *vawžaka-* 'скорпион', лит. *vapsvā* 'оса', прус. *wobse*, рус. *оса*, др.-англ. *wæfs* (англ. *wasp*), др.-в.-нем. *wefsa* (нем. *Wespe*), лат. *uespa*, др.-брет. *guohi* 'оса'; слово считается производным от **ueb^hl-* 'ткать' (Pokorny 1959: 1179), см. об этом корне ниже.

В сходной группе "древнеевропейских" диалектов обнаруживается и общее название 'шершня': лит. *širšė*, ст.-лит. *širšiuō* 'большая оса', латыш. *sirsis*, прус. *sirsilis* 'шершень', др.-рус. *сьршень*, рус. *шершень*; др.-в.-нем. *hurnīz* (нем. *Hornisse*), др.-англ. *hyrnet(u)*; лат. *crābrō* 'шершень'. Слово восходит к и.-е. **k^hl̥s-en-*, от которого образованы названия 'рога': 'шершень' как 'рогатое' насекомое.

Последнее слово имело более широкий ареал распространения, о чем свидетельствует тох. А и В *kronše* в специальном значении 'пчела' (см. подробнее ниже).

9. «ГНИДА», «ВОШЬ»

9.1. ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ГНИДЫ» И «ВШИ»

Лексемы, обозначающие 'гниду' и 'вошь' в индоевропейских диалектах при большой их распространенности обнаруживают значительную степень фонетической вариативности, объясняемой табуистическими преобразованиями первоначальных слов:

Др.-исл. *gnit* 'гнида', 'яйца вши'; рус. *гнида*, латыш. *gnīda*, лит. *glinda*, лат. *lēns*, род. пад. *lendis* 'гнида', ср. относящиеся сюда же греч. *χονίς*, род. пад. *χονίδος* 'гнида' (с оглушением начального согласного), арм. *aníc* (с перестановкой согласных): и.-е. **g^hnit'-*:

Др.-исл., др.-в.-нем., др.-англ. *lūs* 'вошь'; валл. *llau* 'вши'; др.-инд. *yū-kā* 'вошь' (с утерей начального **l-*), лит. *vėvesa* 'вошь' (с редупликацией основы без **l-*), др.-рус. *вѣшь*, рус. *вошь*; и.-е. **lūs-*.

10. «РЫБА», «ЛОСОСЬ»

10.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ НАЗВАНИЯ «РЫБЫ» КАК ЖИВОТНОГО «ВОДНОГО МИРА»

'Рыба' как водяное животное соотносится в древних представлениях с 'Нижним миром', в который помещаются и другие водяные животные, а также 'змеи', 'черви', 'насекомые'. Такие древние мифологические пред-

ставления о 'рыбе' как о животном 'Нижнего или Подземного мира' дают основание связать название 'рыбы' с названием 'Земли' (ср. выше, стр. 526—527, о связи между названиями 'змеи' и 'земли' в славянском).

В этом отношении показательно совпадение греческого названия 'рыбы' ἰχθύς и соотносимых с ним слов в других диалектах (арм. *jukn*, лит. *žuvīs*, латыш. *zivs*, прус. *suckis*) с индоевропейским названием 'земли' (греч. χθών, хет. *tekan* 'земля', тох. А *tkam*, др.-инд. *kṣam-*). Слово возводится, таким образом, к производному на *-ū от общеиндоевропейской основы *dʰleǵʰl- со значением 'земля': *dʰleǵʰlū- (буквально: 'подземная') с дальнейшими фонетическими преобразованиями начального комплекса.

В другой группе диалектов, составляющих в основном "древнеевропейскую" группу: латинском, кельтском, германском — 'рыба' обозначается другим словом — очевидно, диалектным новообразованием (ср. *Порциг* 1964 : 165, 254, 272, 285): *pʰleiskʰl-//*pʰliskʰl-:

Лат. *piscis*, др.-ирл. *íasc*, гот. *fisks*, др.-исл. *fiskr*, др.-в.-нем., др.-англ. *fisk* (нем. *Fisch*, англ. *fish*); сюда же относят и рус. *пескарь*, *пискарь* (ср., однако, *Фасмер* 1964—1973, III : 267).

10.2} ПРОБЛЕМА НАЗВАНИЯ «ЛОСОСЯ» В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Особая разновидность рыбы — 'лосось' выражается в ряде диалектов специальным термином: др.-в.-нем. *lahs* (нем. *Lachs*), лит. *lašišà*, *lāšis*, прус. *lasasso*, рус. *лосось*, осет. *læsxæg* 'лосось'. В тохарском соответствующее слово тох. В *laks* выражает общее значение 'рыба'.

Узкая сфера диалектного распространения данного слова, отсутствующего в целом ряде индоевропейских диалектов, выявляет его позднее происхождение в специализированном значении особой разновидности рыбы с красной пятнистой окраской, которая водится в реках бассейна Каспийского моря (*Salmo trutta caspius* Kessl.) и в североевропейских водах (*Salmo salar* L.), *Бере* 1955 : 335; ср. *Krogmann* 1960; *Lane* 1970 : 82—83. Само название 'лосось' *lakʰl- можно связать с индоевропейской основой *lakʰl- со значением 'красный', 'пятнистый': др.-инд. *lākṣā* 'красный лак', перс. *raḫš* 'пятнистый', 'белый с красным'¹, ср. *Thieme* 1953; *Krause* 1961; *Абаев* 1973, II : 32¹.

При изменении экологических условий обитания носителей определенных групп индоевропейских диалектов в процессе их миграций возникают новые слова для обозначения неизвестных им ранее видов животных, распространенных в новых местах жительства. В таких условиях исполь-

¹ Ср. точную семантическую параллель в названиях 'лосось', 'форель' в ср.-ирл. *egc* 'лосось', 'форель', 'пятнистый', 'темно-красный'; др.-в.-нем. *foḡhana*, ср.-в.-нем. *foḡhe(n)*, *foḡhel* (нем. *Fogelle*), др.-англ. *foḡn(e)* 'форель', из в.-е. *pʰlerkʰl- 'пестрый', 'пятнистый': др.-инд. *pʰṣṣṇī-* 'пестрый', 'пятнистый', греч. *περρηός* 'пестрый', 'черноватый'; 'окунь', *πέρρη* 'окунь', буквально: 'пятнистый'.

1.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ОРЛА»

Среди обитателей 'Верхнего мира' — 'птиц' особой ритуально-культурной значимостью выделяется 'орел':

***He/or-**: хет. *ḫaraš*, род. пад. *ḫaranaš* 'орел', пал. *ḫaraš* 'орел', греч. *ὄρνις*, род. пад. *ὄρνιθος* 'птица', мик. греч. *o-ni-ti-ja-pi* 'птичьей' (Risch 1976 : 313)¹, лит. диал. *arēlis, erēlis* 'орел', латыш. *ērglis*, прус. *arelie* (= *arelis*), ст.-слав. *orlŭ*, рус. *орел*; гот. *ara*, др.-исл. *ari*, др.-в.-нем. *aro* (нем. поэт. *Aar*), ср.-в.-нем. *adel-ar* (нем. *Adler*), буквально: 'благородный орел', др.-англ. *earn*, др.-ирл. *írar* 'орел', ср. арм. *ogor* 'коршун', 'чайка' (с переносом значения).

1.3. МИФОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ ОРЛА В ДРЕВНЕЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ. СВЯЗЬ «ОРЛА» С «МОРЕМ»

В индоевропейской традиции, отражаемой в древнеиндийской и древнеисландской мифологиях, 'орел' всегда находится на вершине 'Мирового дерева' (Wilke 1922). В древнегерманских традициях 'орел' выступает наряду со священными животными — 'волком' и 'медведем' в качестве наиболее важной в культовом отношении 'птицы'; при этом 'орел' — один из трех священных животных загробного мира — 'Вальгаллы' (Beck 1965 : 9, 97 и др.).

В хеттской традиции, начиная с самых ранних текстов, 'орел' выступает как главная ритуальная птица, сопоставляемая по значимости со 'львом'. В приводимом выше (стр. 508₃) древнехеттском ритуале KUB XXIX 1 царю "глаза орлиные сделали, зубы же ему львиные сделали". В архаической песне богу П и р в а (Во 6483) к этому богу посылают 'орла' (*ḫarapan*) из города *Ḫaššiuca-* (буквально: 'Царского города'). 'Орел' служит часто посланцем богов, который долетает до 'моря' и приносит оттуда **вести**. Этот мотив повторяется в древнехеттском ритуале "Очищения царской четы" (Otten/Souček 1969), в мифе о Телепину и особенно ясно выступает в указанном выше ритуале KUB XXIX 1, где говорится: (I, 50) *nu GIŠDAG-iz ĀMUŠEN-an ḫal-za-a-i e-ḫu-ta a-ru-na pi-e-i-mi...* "и Трон орла призывает: Иди! Тебя я к морю посылаю!". Возвратившись, 'орел' сообщает, что он 'видел' (*šiucaiaun*) "нижних прежних богов" (*kat-terreš karuileš DINGIR^{MEŠ}*), по-видимому, 'прежних богов', низверженных в преисподнюю².

ласных: **akkpter* > *accipiter*. Славянская форма в виде *(j)*asü-str-ębŭ-* закономерно выводится из того же исходного архетипа при развитии *-p^hl^hl^hr-* > *-str-*, как и в ряде других случаев (ср. рус. *стрый, Стрибогъ*).

¹ В греческом наблюдается семантическое расширение значения 'орел' → 'птица' (в родовом значении уже у Гомера). Любопытно, что родовое индоевропейское название 'птицы' приобретает в греческом значение 'орел' (*αἰετός*). В данном случае налицо результаты процесса "обмена" видовым и родовым значениями семантически соотносимых лексем; ср. аналогичные случаи семантического расширения значений: 'лев' → 'зверь' (тох. A *lu*), 'лосось' → 'рыба' (тох. B *laks*).

² Аналогичные мотивы встречаются в ведийском "Гимне орлу" (*śyepā-*), который 'знал все поколения богов' (*avedam aḥān devāpān jāpimāni vísvā*, "Ригведа", IV 27, 1) и который приносит священный напиток — 'сому' с неба для бога Индры.

Такая связь 'орла' с 'морем' и вообще с 'водой' является, вероятно, общеиндоевропейским мифологическим мотивом, что отражается в архаичных типах гидронимических и топонимических названий в разных индоевропейских традициях, связывающих название 'орла' с названием 'моря', 'воды', 'потока'. Это прежде всего древнехеттское название города URUha-ra-aš-ha-ra-aš 'Город Орлиной Реки' (КВо III 54 В 13, *Watkins 1973a*: 84), находящее точное этимологическое соответствие в таких топонимических названиях, как центральноевропейское кельто-иллирийское *Arlape* (позднейшее *Erlaf*), *Топоров 1975*, I: 102.

Любопытно, что в латинском само название 'орла' *aquila* этимологически увязывается с названием 'потока', 'моря', 'воды': ср. лат. *aqua*, гот. *ahva* 'река', др.-англ. *ēagor* 'море', 'поток' и др. В данном случае, очевидно, налицо табуирование древнего названия 'орла' по признаку птицы, связываемой с 'морем', 'водами'¹ отсюда же, вероятно, можно объяснить значение арм. *ogor* 'чайка'.

1.4. ТАБУИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕНЫ НАЗВАНИЯ «ОРЛА» В ОТДЕЛЬНЫХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Табуистические замены древнего названия 'орла', объясняемые его особой культово-ритуальной значимостью в индоевропейской традиции, наблюдаются и в других древних индоевропейских диалектах, как, например, в индо-иранском, где возникает несколько параллельных форм со значением 'орел':

Др.-инд. *śyená-* 'орел', 'сокол', авест. *saēna-* 'крупная хищная птица', возможно, 'орел' (по признаку темносерого цвета от основы *k^hl^hiē-: др.-инд. *śyāvā-* 'темно-коричневый', 'темный', авест. *syāva-* 'черный', перс. *siyāh*, рус. *сивый*, *синий*);

В раннем древнеиндийском уже в "Ригведе" при слове *śyená-* выступает эпитет *ṛjiryá-* 'быстролетящий', которому соответствует основное иранское обозначение 'орла' в иранских языках², возникшее, очевидно, из древнего эпитета 'орла': *ἄρξιφος·ἀετὸν παρὰ Πέρσαις* 'орел у персов' (*Гесихий*), ср. авест. *arziṣya-* 'орел', пехл. *āluh* < **arduf*, перс. *āluh*. Этот же древний индоевропейский эпитет 'орла' лежит в основе арм. *arcui* 'орел' (*Hübshmann 1897 [1972]*: 424—425; *Ачарян 1971*, I: 319—320; *Greppin 1978*: 45 и след.; *Туманян 1978*: 194), вошедшего позднее и в грузинский язык: *arc'iv-i* 'орел'. С этой формой увязывается и название коня урартского царя Менуа *Aršibini* (*Меликишвили 1960*: 204—205; *Lamberterie 1978*: 251—262).

¹ При такой этимологической интерпретации лат. *aquila* 'орел' латинские формы *aquilb* 'северный ветер', *aquilus* 'темно-коричневый, коричнево-черный' следует рассматривать как производные от *aquila* 'орел', но не наоборот (ср. *Pokorny 1959*: 23; *Tovar 1973*: 77—82).

² К другим индо-иранским эвфемистическим обозначениям 'орла' ср. осет. *særgæz* 'орел', первоначально: 'коршун', 'хищная птица', буквально: 'куроед', согд. *srks* 'хищная птица', авест. *kaṙkāsa-*, перс. *kargas* 'коршун' (ср. *Абаев 1958*, I: 302—303).

2. «ЖУРАВЛЬ»

2.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ЖУРАВЛЯ»

Общеиндоевропейское слово от основы *k'eg-, возможно, звукоподражательного происхождения (ср. др.-инд. *járate* 'звучит', 'издает шум');

Греч. γέρηνυ, γέρανος 'журавль', арм. *k'unk*, осет. *zurnæg* 'журавль', лит. *gėrvė*, латыш. *dzērvē*, прус. *gerwe*, рус. *журавль*, др.-в.-нем. *kranih* (нем. *Kranich*), др.-англ. *cranoc*, лат. *grūs*, род. пад. *gruis* 'журавль'.

Ввиду наличия соответствующих слов в греческом и армянском, отсутствие родственного слова со значением 'журавль' в древнеиндийском следует объяснить его позднейшей утерей.

3. «ВОРОН», «ВОРОНА»

3.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ВОРОНА» КАК ОБОЗНАЧЕНИЕ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Со звукоподражательной основой *k'eg- соотносится, по-видимому, основа *k[h]eg-/*k[h]og-/*k[h]g-, также звукоподражательного характера, представляющая общеиндоевропейское слово со значением 'ворон':

Др.-инд. *karāṭa-* 'ворона' (?), *karāyikā* 'вид журавля', осет. *xalon* 'ворона' (Абаев 1949, I: 50), греч. κόραξ 'ворон', κόρωνη 'ворона', κόραφος ποικίς ὄρνις 'некая птица' (Гесихий), лат. *corvus* 'ворон', *cornix* 'ворона', умбр. *cornaco* 'согнисет', 'ворону'.

В качестве некоторой фонетической инновации, образованной от основы *k[h]og-п-, следует рассматривать форму на начальный *ц-, представленную в балто-славяно-тохарском (характерные для многих животных звуковые колебания типа *k[h]g-м- ~ *k[h]g-м ~ *цг-м-, см. выше, стр. 527):

Лит. *várna*, прус. *warne* 'ворона', рус. *ворона*, тох. В *waiiṭa* 'ворона' (Трубачев арнд Фасмер 1964—1973, I: 353).

В некоторых индоевропейских традициях, особенно германской, 'ворон' по своей культовой значимости сближается с 'орлом', в частности как священная птица Вальгаллы (Beck 1965: 9 и след.). При этом название 'ворона', с которым связываются сакральные традиции, фигурирует в большом числе названий, относящихся к культовому и возвышенно-поэтическому языку¹. Характерно, что именно в германском древнее, по-видимому, общеиндоевропейское название 'ворона' заменяется на производное от корня *k'eg-, лежащего в основе общеиндоевропейского названия 'журавля': др.-англ. *crāwe* 'ворона' (англ. *crow*), др.-в.-нем. *krā(w)a* (нем. *Krāhe*) 'ворона', др.-исл. *kráka* 'ворона', *krákr* 'ворон'².

¹ Отголоски этой древней культовой символики 'ворона' слышны в романтической литературе нового времени, в частности у английских и немецких романтиков (ср. "Ворон" Эдгара По, баллады Роберта Саути и др.).

² В новых западногерманских языках название 'ворона' подвергается, очевидно, вторичной табуистической замене: нем. *Rabe*, англ. *raven* 'ворон'.

4. «ДРОЗД», «СКВОРЕЦ», «ВОРОБЕЙ»

4.1. ДИАЛЕКТНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ПТИЦ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Обозначение 'дрозда' или 'скворца', восстанавливаемое в виде нескольких звукоподражательных вариантов, засвидетельствовано в "древнеевропейских" диалектах: лат. *turdus* 'дрозд', ср.-ирл. *truit*, *druit* 'скворец', др.-исл. *þrǫstr* 'дрозд', др.-в.-нем. *droskala* (нем. *Drossel*), др.-англ. *ðrysc* (англ. *thrush*), прус. *tresde*, лит. *strāzdas*, латыш. *strazds* 'дрозд', *mēlnais strazds* 'скворец', буквально: 'черный дрозд', *Mühlenbach/Endzeilin 1923—1932, III : 1083*), рус. *дрозд*.

С этой же основой, вероятно, соотносится греч. *στρουθός* 'воробей'. В таком случае различие значений заставляет предположить семантическую инновацию, давшую значение 'дрозд' для "древнеевропейской" группы диалектов.

Сходные значения 'воробей', 'скворец', выражаемые другой основой **sp^hler-k'*- обратным образом распределены по историческим диалектам: ср. греч. *σπαράσιον· δρυεου ἐμφερές στρουθῶ* (*Гесихий*), эпич. *ψήρ* 'скворец', гот. *sparwa* 'воробей', др.-англ. *spearwa* (англ. *sparrow*), др.-в.-нем. *sparo* (нем. *Sperling*) 'воробей', др.-исл. *sporr* 'воробей'.

5. «ТЕТЕРЕВ», «ГЛУХАРЬ»

5.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ТЕТЕРЕВА»

Редуцированная основа звукоподражательного происхождения **t^hlet^h(e)r-* представлена во всех основных группах индоевропейских диалектов¹:

Др.-инд. *tittirá* 'куропатка', перс. *tadaru* 'фазан', арм. *tatrak* 'горлица', греч. *τετράων* 'глухарь', прус. *tatarwis* 'тетерка', 'самка тетерева', лит. *teterà*, латыш. *teteris* 'тетерев', рус. *тетерев*, др.-исл. *þidurr* 'глухарь', ср. от той же основы ср.-ирл. *tethra* 'ворона'.

При архаичности самого названия и его общеиндоевропейского характера не представляется возможным определить точно первоначальное значение слова и вид обозначаемой птицы. С учетом большинства исторически засвидетельствованных значений можно предположить древнее значение 'тетерев' или 'глухарь', 'фазан' (?).

6. «ДЯТЕЛ», «МАЛЕНЬКАЯ ПТИЧКА», «ЗЯБЛИК»

6.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ДЯТЛА»

Общеиндоевропейская основа *(*s*)*p^hlik^hlo-*, дающая закономерные соответствия по основным древним индоевропейским диалектам:

Др.-инд. *piká-* 'индийская кукушка', лат. *pīcus* 'дятел', *pīca* 'сорока',

¹ Наряду с нормальным удвоением в некоторых названиях птиц звукоподражательного происхождения встречается и интенсивное удвоение типа **e/op^hop^hl-*: греч. *ἔλωψ*, род. пад. *ἔλωπος*, лат. *ирира* 'удод', лит. *pirūtis*, латыш. *пириķis*, *пириķis* 'удод'.

умбр. *reiso*, вин. п., 'рису', 'дятла', др.-в.-нем. *speh*, *speht* (нем. *Specht*), др.-исл. *spétr* 'дятел', прус. *picle* 'дрозд'.

Табуирование древнего названия 'дятла' в славянском с заменой его архаическим производным от индоевропейского **t'ent^hl-* 'зуб' (слав. **děti^llū* дословно: 'зубатый', рус. *дятел*, сербо-хорв. *djětao*, польск. *dzięcioł*, ср. Фасмер 1964—1973, I : 562) указывает на ритуальную значимость этой птицы в древней традиции. Действительно, в древнеримской традиции 'дятел' выступает наряду с 'волком' как одно из главных священных существ (Dumézil 1966 : 201 и др.).

6.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «МАЛЕНЬКОЙ ПТИЧКИ», «ЗЯБЛИКА»

С основой *(s)*p^hlik^ho-* со значением 'дятел' соотносится, вероятно, звукоподражательная основа с глоттализованной согласной *(s)*p^hink'o-*, символизирующая 'маленькую птичку'¹. Общее между различными значениями производных от этой основы в разных диалектах ('зяблик', 'воробей') — это употребление слова в значении 'птицы маленького размера':

Греч. *σπίγγος*, *σπίζα* 'зяблик', др.-в.-нем. *fincho* (нем. *Fink*) 'зяблик', др.-англ. *finc* (англ. *finch*), швед. *spink*, *spikke* 'маленькая птичка', 'воробей'. От той же основы образовано название 'хищной птицы', нападающей на 'зяблика' и 'воробья': греч. *σπίζιλας* 'ястреб', др.-инд. *phīngaka-* 'хищная птица с раздвоенным хвостом'.

7. «ГУСЬ», «ВОДЯНАЯ ПТИЦА», «ЛЕБЕДЬ», «УТКА»

7.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ГУСЯ» — «ЛЕБЕДЯ»

В отличие от рассмотренных выше названий птиц, основанных на оноματοпоэтических образованиях (по характерным крикам или звукам, издаваемым этими птицами), общеиндоевропейское название 'лебедя', 'гусь' не принадлежит явным образом к типу слов звукоподражательного или описательного характера².

Основа восстанавливается в форме **ǵ^hlans-* с первичным вокализмом **a*: др.-инд. *hamsá-* 'дикий гусь', 'лебедь', согд. *z'γ* 'вид птицы', греч. *χῆν*, род. пад. *χηνός* 'гусь', лит. *žąsis* 'гусь', латыш. *zūoss*, прус. *sansy*, рус. *гусь*, лат. *ānser* (из **hanser*) 'гусь', др.-ирл. *géiss* 'лебедь', др.-в.-нем. *gans*, др.-англ. *gōs*, др.-исл. *gás* 'гусь'. каз

¹ Такая семантическая интерпретация этих звукоподражательных обозначений птиц подкрепляется типологией звуковой символики, при которой глоттализованные звуки в противоположность неглоттализованным символизируют малые размеры, ср. *Гудава* 1958; ср. также *Jakobson/Waugh* 1979 : 204.

² Ср., однако, возможность связать корень слова в конечном счете с основой **ǵ^hlag^ha-*, отражающей специфический крик гусей, ср. др.-ирл. *gigpen* 'гусь' при ср.-в.-нем. *gāgen* 'кричать как гусь', рус. *гоголь* 'вид дикой утки', прус. *gegalis* 'мелкий нырок', ср. хет. *kallikalli-* 'сокол' (*Трубачев аруд Фасмер* 1964—1973, I : 425).

Восстанавливаемое слово для индоевропейской общности обозначает именно 'дикого гуся', 'лебедя', что явственно прослеживается в древнеиндийских значениях слова *hamsá-*. Одомашнивание 'гуся' последовало, очевидно, за периодом распада индоевропейского языка на отдельные диалекты¹

В древнеиндийской традиции 'дикий гусь' (*hamsá-*) приравнивается функционально к культово-значимым диким животным. Согласно "Ригведе" слово *hamsá-* относится к 'водяной птице' с черной спинкой, летающей стаями, с которой сравниваются божества (Ашвины) и их кони, летящие по небу; слово часто употребляется в "Ригведе". 'Дикий гусь' - 'лебедь' продолжает играть существенную культовую роль и в позднейшей индийской традиции: он считается священным и принадлежит к числу атрибутов Брахмы.

От индоевропейского корня *e/o1- с общим значением 'водяная птица' (ср. греч. *ἐλάϊα* 'небольшая болотная птица') "древнеевропейские" диалекты образуют позднее два новых названия для 'лебедя', распределенные по диалектным ареалам: кельто-италийское (корн. *elerch*, ср. др.-ирл. *elae*, лат. *olor* 'лебедь') и германо-славянское (др.-исл. *elptr*, др.-в.-нем. *albiz*, рус. *лебедь*, Порциг 1964 : 153, 215).

7.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ДИАЛЕКТНОЕ НАЗВАНИЕ «УТКИ»

В сравнительно поздний период, уже в эпоху существования отдельных индоевропейских диалектов, была одомашнена и 'утка', общеиндоевропейское название которой *anḥt^[h]- восстанавливается в значении 'дикой утки':

Др.-инд. *āñi-* 'водяная птица', хотано-сакск. *āse, āsi* 'водоплавающая птица', осет. *асс* 'дикая утка', памир. вахан. *уѳ* 'утка' (Абаев 1958, I : 27), греч. *νῆσσα*, беот. *νᾶσσα* 'утка', лит. *ántis* 'утка', прус. *antis* (Тоноров 1975-, I : 95—96), рус. *уть, утка, утва*, лат. *anas, род. пад. anatem (anitem)*, др.-в.-нем. *anut* (нем. *Ente*), др.-англ. *æned* 'утка'.

¹ Характерно, что производные от основы *ǵ^hlans- все еще сохраняют в отдельных индоевропейских диалектах значение 'дикой птицы', ср. лит. *gaĩdras* 'аяст', прус. *gandarus* 'аяст', др.-англ. *gapot* 'дикая водяная птица' (в древнеанглийской поэме "Мореплаватель", 20), англ. *gannet*.

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ». ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ ЖИВОТНЫХ И ИХ РИТУАЛЬНО-КУЛЬТОВАЯ РОЛЬ У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

I. «ЖИВОТНЫЕ», РИТУАЛЬНО БЛИЗКИЕ К «ЧЕЛОВЕКУ»

1. «КОНЬ», «ЛОШАДЬ»

(1.1.) ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «КОНЯ», «ЛОШАДИ»

Общеиндоевропейское название 'коня', 'лошади' *ek^hl^hnos (без формального различия мужского~женского рода) засвидетельствовано во всех древних индоевропейских диалектах:

Иер. лув. *á-sù-wa* 'конь' (Каратепе, 41 и след.), *им. пад. мн. ч. á-sù-wa-i* 'конь' (ср. лик. *esbe-di* 'конница'), *Laroche 1960, I : 62*;

Митаннийское арийское ^{LÜ}*a-aš-šu-uš-ša-an-ni* 'лошадиный тренер', соотносимое с др.-инд. *ásvá-sani-* 'конюх' (буквально: 'человек, приобретающий лошадей'), *Kammenhuber 1961 : 6 и др.; Mayrhofer 1956, I : 62*;

Др.-инд. *ásva-*, авест. *aspa-*, др.-перс. *asa-* 'конь', согд. 'sp-, вахан. *yaš*, осет. *jæfs*;

Греч. мик. *i-ḡo* 'конь', 'лошадь' (*Ventris/Chadwick 1973 : 548; Morpurgo 1963 : 115*), греч. гом. *ἵπλος* 'конь', 'лошадь' (с удвоенным -ππ- < *k^hl^hu-, см. выше, стр. 102);

Венет. *eku-* в термине *ekureðaris* (по-видимому, первоначально: 'колесничий', *Pulgram 1976*);

Лат. *equus* 'конь';

Др.-ирл. *ech*, галл. *epo-* 'конь' (в именах типа *Epo-na* 'mulíobnum dea', 'богиня возничих', то есть 'конская богиня', *Holder 1961—1962, I : 1458 и след.*);

Др.-англ. *eoh* 'конь', др.-исл. jör, гот. *aihva-* 'конь', 'лошадь' (*Feist 1923 : 15*);

Тох. А *yuk*, В *yakwe* 'конь', 'лошадь';

В отдельных диалектах возникают специальные формы женского рода: др.-инд. *ásvā*, авест. *aspā-*, лат. *equa*, лит. *ešvā*, *ašvā* 'кобыла' (*Fraenkel 1962—1965, I : 20*)¹;

¹ В двух группах индоевропейских языков — славянском и армянском — не обнаруживаются названия 'коня', 'лошади' от этой основы, что может объясняться заменой его другими словами. Следы старого названия можно было бы видеть в некоторых славянских топонимах типа *Освица*, *Освея*, *Осовка* (ср. *Топоров 1975-, I : 137*). В армянском след общиндоевропейской основы видят в форме *eš* 'осел' (*Watkins 1970*; ср. *Топоров 1975-, I : 137*, с указанием литературы; *Lamberterie 1978 : 262—266*), тогда как арм. *ji* 'лошадь',

В ряде диалектов (в греческо-арийской группе) засвидетельствованы древние производные на *-iо- от корня *ek^hl^hц-: греч. мик. *i-qi-ja* 'колесница', греч. ἵππιος 'выезжающий на колеснице' (о боге) (гом. ἵππιος-χάρμης 'воин на колеснице'), ср. греч. мик. *i-qe-ja* 'конский' (греч. ἵππελα), др.-инд. *ásviya-* 'конский', 'лошадиный', авест. *asrua-*.

Другое древнее производное на -n- выступает в лат. *equinus* 'конский' (ср. умбр. *ekvine*), лит. *ašvienis* 'рабочая лошадь', прус. *aswinan* 'кобылье молоко', 'кумыс', др.-инд. вед. *asvín-* 'имеющий лошадей'.

К общендоевропейской эпохе можно отнести и некоторые названия частей тела коня, восстанавливаемые на основании показаний ряда древних индоевропейских диалектов: ср. др.-инд. *tánuā* 'край уха коня' (O'Flaherty 1978 : 476), лат. *monile* 'конская грива', др.-в.-нем. *mana* 'грива' (нем. *Mähne*); к более узкому, диалектно ограниченному кругу слов можно отнести обозначение 'конской гривы', восстанавливаемое на основании сопоставления др.-инд. *grivā* 'грива на шее коня' с общеславянским **grivā* (рус. *грива*, сербо-хорв. *grīva*, чеш. *hřiva* и др.).

1.2. РОЛЬ «ЛОШАДИ» У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ. «ЛОШАДЬ» В ДРЕВНЕХЕТТСКОЙ ТРАДИЦИИ. ЕЕ ВОЕННО-ТРАНСПОРТНАЯ, КУЛЬТОВАЯ И МИФОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ

Особое военно-транспортное, ритуально-культовое и хозяйственное значение 'лошади' у индоевропейцев можно установить по самым ранним источникам, относящимся к каждой из древних индоевропейских традиций.

Самое раннее упоминание 'лошади' в текстах на древних индоевропейских языках содержится в надписи Анитты (начало II тысячелетия до н. э.), в которой говорится о численности воинов и 'лошадей', (шумерограмма ANŠE.KUR.RA^{HI}.A, оборотная сторона, 70) и далее об 'упряжках', по-видимому, запряженных лошадьми (Гиоргадзе 1965 : 93; Neu 1974)¹.

Особая ритуальная значимость 'лошади' в древнехеттской традиции явствует как из рассмотренного выше (стр. 482) культово-правового статуса 'лошади', отраженного в "Хеттских законах", так и из следов жертвоприношений 'лошадей', отраженных в хеттских ритуалах (ср. KUB XXIX 56 II—12, где 'лошади' упоминаются в связи с жертвоприношением — глагол *šipant-* 'совершать жертвоприношение, возлияние').

род. пад. *iōu* увязывают с ведийским поэтическим словом *háya-* 'конь', восходящим, вероятно, к индоевропейскому описательному образованию от корня **ǵ^hleǵ-* (Pokorny 1959 : 424).

¹ Хеттское чтение шумерограммы ANŠE. KUR.RA 'лошадь' неизвестно, однако приведенная выше лувийская иероглифическая форма свидетельствует о наличии индоевропейской лексики 'лошадь' уже в анатолийском.

Индоевропейские истоки древнехеттских представлений, связанных с культом 'лошади', отчетливо обнаруживаются при сравнительном изучении древнехеттского божества *Piḫa-*, изображавшегося на 'лошади' (Otten 1951; Cornil/Lebrun 1972: 13—14). Это древнехеттское божество сопоставляется с божествами, носящими этимологически тождественные имена и связанными с 'культом лошади' в других индоевропейских традициях.

Особая значимость древнехеттских данных, относящихся к 'лошади', определяется тем, что они отражают определенный хронологический уровень в использовании 'лошади' в военной и культовой сферах.

1.3. КОНЕВОДСТВО И МИТАННИЙСКИЕ АРИЙЦЫ

Качественно новый этап в развитии коневодства в древней Малой Азии наступает в середине второго тысячелетия до н. э., когда хетты знакомятся с методами тренировки и ухода за лошадьми, впрягавшимися в легкие двухколесные боевые колесницы. Такие методы практиковались в это время в государстве Митанни, находившемся восточнее и юго-восточнее Хеттского царства — в верховьях Евфрата и на севере Месопотамии.

Описание этих новых методов коневодства сохранилось в известном "Трактате митаннийца Киккули об уходе за лошадьми" и в некоторых других аналогичных текстах (Kammenhuber 1961; 1968). Употребление в этом тексте целого ряда специальных терминов, интерпретируемых на основании арийского, позволяет судить об исключительно высоком уровне коневодства у арийцев.

В качестве арийских слов в хеттском трактате Киккули интерпретируются, кроме приведенного выше *aššušanni* 'конюх' (ср. др.-инд. *aśvāsani-*), также и следующие коневодческие термины (ср. Kammenhuber 1961; Mayrhofer 1966; 1974):

Сложные слова для обозначения нечетного числа 'поворотов лошади' по манежу (*ṣašanna* 'стадион')¹:

aika-ṣartanna 'один поворот': *nam-ma-aš 20 IKU^{HI.A} a-i-ka-ṣa-ar-ta-an-na pâr-ḫa-i* "затем их (коней) 20 полей одним поворотом заставляет бежать" (KUB I 13 II 1, 17 и 22). Сложное слово *aikaṣartanna* разлагается на составные части *aika-* 'один' (ср. др.-инд. *éka-* при авест. *aēva-*, др.-перс. *aiva-* 'один') и *-ṣartanna* 'поворот' (ср. др.-инд. *vārtate* 'поворачивается', вед. *vartan-ī-* 'колея', 'путь', 'прокатывание', Grassmann 1873: 1223; осет. *æwwærdyn* 'тренировать лошадь', Bailey 1957: 64)²; ср. соответствующую

¹ Сама форма *ṣašanna* 'стадион', 'манеж' также арийского происхождения: ср. согд. 'пхг-wzl 'круг Зодиака', 'путь (waza) звезд' (Benveniste 1962a: 9), ср. др.-инд. *vāhana-* 'животное (на котором ездят боги)', др.-англ. *wægn* 'повозка', нем. *Wagen*, и.-е. **ueg^h*-.

² Структурно идентичное сочетание в древнеиндийском *ekavṛt-* употребляется в несколько ином значении: 'единственный' (в "Атхарваведе"); ср., однако, др.-инд. *āvarta-* в значении 'завитка конской гривы' (O'Flaherty 1978: 476). Точное соответствие митаннийскому арийскому термину можно видеть в древнеиранском **Varta-aspa-* 'тренирующий (буквально: поворачивающий) лошадей' (в клинописной аккадской передаче *U-par-*

щее хеттское слово в том же трактате *цаһлицар* 'поворот', форма инфинитива от глагола *цаһни-* 'поворачивать';

ter(a)-цартанна 'три поворота': ср. др.-инд. *tri-* в сложных словах (*tri-pád-* 'треногий'), авест. *θri-*, и *tráya-* в сложных числительных (др.-инд. *tráyodaśa-* 'тринадцать', ср. лат. *tredecim*), авест. *θrayō*. Митаннийская арийская форма ближе к индо-иранской форме в сложных числительных;

panza-цартанна 'пять поворотов': ср. др.-инд. *pāñca* 'пять', авест. *panča* 'пять';

šatta-цартанна 'семь поворотов': ср. др.-инд. *saptá*, авест. *hapta* 'семь';

na-цартанна 'девять поворотов': ср. др.-инд. *náva*, авест. *nava* 'девять'. Митаннийское арийское слово объяснимо, очевидно, из **наца-цартанна* с гаплогогической утерей слога *-ца-*¹.

Судя по тексту коневодческого трактата и ряду других свидетельств, реконструируемый по этим фрагментам арийский диалект был языком живого общения для митаннийцев определенного социального слоя. Это видно из параллельного употребления и сочетания друг с другом хеттских и арийских слов, ср., например, такое хетто-арийское гибридное образование, как *anda царт-* 'поворачивать' и др.

При этом языком основной массы населения государства Митанни был неиндоевропейский хурритский язык, свидетельства о котором известны задолго до образования митаннийского государства — из других областей Ближнего Востока (Laroche 1978).

-*ta-as-pa-*, см. Zadok 1975 : 247). В древнеиранском же (авестийском, *Yašt* 5, 50) засвидетельствовано выражение *paṇva frādwəgəsāma gazigəm* 'лес в девять кругов', относящееся к описанию конного состязания на колесницах (Hauschild 1959) и полностью совпадающее с митаннийским арийским коневодческим термином *па-цартанна* 'девять поворотов' (см. ниже).

¹ Анализ приводимых митаннийских арийских форм дает возможность судить с некоторым приближением об арийском диалекте, отраженном в этих формах. Это, очевидно, особый индо-иранский диалект, засвидетельствованный лишь подобными отдельными фрагментами в составе иноязычных клинописных текстов. Это — диалект, где не произошло еще стяжения дифтонгов, ср. дифтонг *-ai-* в форме *aika-* 'один': др.-инд. *eka-* 'один', др.-перс. *aiva-*. С другой стороны, в этом же диалекте происходит ассимиляция комплекса *-rīt-* > *-tīt-*: ср. *šatta-* 'семь', при др.-инд. *saptá*, авест. *hapta*. Аналогичный процесс ассимиляции наблюдается лишь в среднеиндийский период. К иранскому этот диалект примыкает по отражению в нем индоевропейской палатальной фонемы **ǵ^h1*: при древнеиндийском *h* митаннийский арийский обнаруживает ассимилированную фонему, передаваемую как *s*, что сближает этот диалект с иранским, где соответствующая фонема отражена в виде *z* — ср. митаннийское арийское *цашаппа* 'стадион', 'манеж' при формально соответствующем др.-инд. *vāṣaṇa-* и согд. *wzṇ*. Любопытно при этом, что некоторые из засвидетельствованных в митаннийском арийском слов семаитически более близки к родственным иранским формам, нежели к индийским, ср. *цашаппа* и согд. *-wzṇ*; *-цартанна* и осет. *æwwægdyp*.

Тем самым митаннийский арийский диалект не совпадает ни с одним из исторически засвидетельствованных индо-иранских диалектов и, судя уже по этим фрагментарным данным, восстанавливается в виде особого арийского (индо-иранского) диалекта со своеобразным отражением общеарийских форм. Можно утверждать, что уже к середине второго тысячелетия до н. э. внутри индо-иранского выделились отдельные диалекты, один из которых отражен в митаннийских арийских языковых фрагментах.

Следует заметить, что при столь высокой культуре коневодства в государстве Митанни, традиции которого переходят затем и к хеттам, эта культура привнесена именно арийским элементом, что и отражено в преимущественно арийской терминологии митаннийского коневодства¹.

Характерно, что сами хурриты до образования государства Митанни не пользовались широко лошадьми в военных и хозяйственных целях. Более того, в древнехурритской традиции основным транспортным животным были 'быки'; в хурритской поэме "Песнь об Улликумми" бог Грозы, готовясь к битве, впрягает в колесницу 'быков'. Даже в позднехурритских культовых изображениях начала первого тысячелетия бог Грозы представлен стоящим на легкой колеснице, в которую впряжен 'бык' (золотой сосуд начала I тысячелетия до н. э. из Хасанлу, см. *Naas 1975 : 92*).

В отличие от собственно хурритских данных все древнейшие свидетельства о ранних индо-иранских традициях говорят об исключительной культовой и военно-хозяйственной значимости лошадей.

14. «КОНЬ», «ЛОШАДЬ» В ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ. КУЛЬТ КОНЯ В «РИГВЕДЕ» И «АШВИНЫ»

Уже в "Ригведе" 'конь' выступает как одно из основных священных животных, с которым связаны божественные близнецы — "Ашвины", занимающиеся, в частности, уходом за лошадьми и лечением лошадей (*Dumézil 1966 : 278*). "Ашвины" передвигаются на колесницах, запряженных конями:

*arvāñ tricakrō madhuvāhano rātho jīrāśvo aśvīnor yātu sūṣṭutaḥ
trivandhurō maghāvā viśvāsaubhagaḥ śām na ā vakṣad dvipāde cātuṣ-
pade (I, 157,3)*

*"Да подъедет поближе, когда ее прекрасно восславят, трехколесная,
везущая мед колесница Ашвинов, запряженная быстрыми конями
(jīrāśvo)!*

Трехместная, щедрая, полная всех благ, да привезет она счастье

¹ О наличии арийского элемента в митаннийской культурной традиции свидетельствует и митаннийский пантеон, включающий в качестве основных царских божеств богов с арийскими именами: *Mitraššil*, *Uruanaššel*, *Indaga*, *Našatiḥanna*. Эти имена божеств с хурритизированными окончаниями отождествляются с древнейшей системой индо-иранского пантеона, отраженного в ведийском соответственно божествами *Mitrā-Vācu* — 'Митра и Варуна', *Indra* — 'Индра', *Nāsatyā* — 'Два Божественных Близнеца — Ашвины', ср. *Dumézil 1961*. Об этом же свидетельствует наличие в митаннийском ряде имен собственных, в том числе царских имен и имен особого социального слоя *paḥḥappi* (интерпретируемого также на основе арийского: др.-инд. *pāḥya* — 'молодой человек', 'молодой герой', ср. об этом подробнее ниже): ср., например, такие имена, как *Mattiḥaza* при др.-инд. *-māthi* — 'разрушающий' (в сложных словах в "Ригведе"), и *vāja* — 'сила' (в том числе в "Ригведе") — как вторая часть сложного слова типа *citṛā-vāja* — 'обладающий исключительной силой' — предполагается сложное слово типа **mathi-vāja* — 'обладающий разрушительной силой'; *Tuṣṛatta* при др.-инд. *tveṣā-ratha* — 'чья колесница мчится вперед' и др., ср. *Mayrhofer 1966; 1974*.

нашим двуногим и четвероногим”
(перевод Елизаренковой 1972:168)

В “Ригведу” наряду с гимнами богам включено несколько гимнов ‘обожествляемым коням’, называемым поименно (IV 38—40; VII 44; X 178). Божественный конь Э т а ш а описывается в “Ригведе” как “везущий колесницу Солнца”.

Особый интерес представляет ведийский погребальный гимн коню (X 56), в котором за славословием обожествляемому коню—победителю на скачках следует гимн ‘небесным коням’.

Древнеиндоевропейский культ ‘лошади’, проявляющийся в ритуале приношения в жертву ‘коня’ (см. выше, стр. 482), выступает уже в древнейших обрядах, которым посвящены специальные гимны “Ригведы” (I 162—163), ср. *Ruhvel 1970a*. В этих гимнах жертвенному коню, приносимому в жертву у ‘конского столба’ (*aśvaṅyūṛá-*, I 162, 6), называются древнейшие боги ведийского пантеона, начиная с Митры, Варуны и Индры (I 162, 1)¹.

Этот ритуальный столб (*aśvaṅyūṛá-*) функционально отождествляется с ‘Мировым деревом’: др.-инд. *aśvatthá-*, буквально: ‘дерево коня’. Такое название отражает древнее представление о ‘Мировом дереве’, к которому

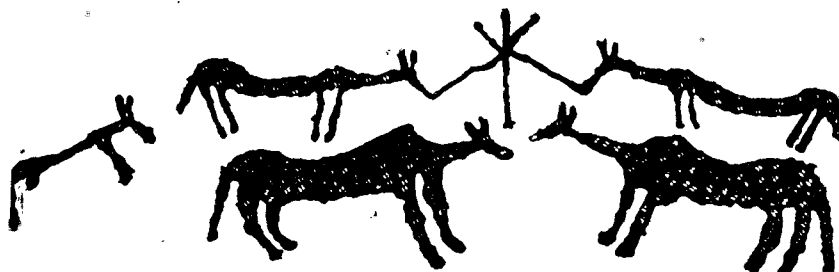

Рис. 6. Кони у ‘Мирового дерева’ (Миусинская котловина, юг Западной Сибири)

привязан ‘конь’, ср. аналогичное название ‘Мирового дерева’ в “Эдде”— *Ygg-drasill*, буквально: ‘стоянка коня Одина’, иначе *aski Ygg-drasils* ‘ясень коня Одина’, *Штернберг 1936 : 118; de Vries 1957, II : 380 и след.* Таким образом, ‘ритуальный конь’, ‘Мировое дерево’, к которому конь привязан, и божества — ‘божественные близнецы, покровители коня и ‘Мирового дерева’, входят в единый комплекс ритуальных и мифологических представлений, унаследованных древнеиндийской религией из общеиндоевропейской.

¹ Ср. в позднейшем архаическом ритуальном тексте “*Satapatha-Brahmana*” (4, 2, I 11 и след.): *sa hi vaṅīṇo yad aśvaḥ* ‘лошадь — это то, что принадлежит Варуне’ (буквально: ‘то, что Варуны’, *род. пад.*).

1.5) «КОНЬ», «ЛОШАДЬ» В ДРЕВНЕИРАНСКОЙ ТРАДИЦИИ И ЕЕ РИТУАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

В древнеиранской традиции ритуальная значимость 'лошади' проявляется прежде всего в аналогичных древнеиндийским обрядах 'жертвоприношения лошади', устанавливаемых по письменным источникам и археологическим данным (см. выше, стр. 482). Этот древний обряд 'жертвоприношения коня' до недавнего времени сохранялся в традициях, продолжающих скифские, ср. осетинский ритуал 'посвящения коня покойнику' *bæxfældisyn* (Абаев 1958, I : 435). В осетинском сохранился и древнейший термин коневодства *æwærdyn*, обозначающий 'тренировку лошади' (ср. выше о родственном митаннийском арийском *-cartanna*).

Свидетельством большой значимости 'лошади' в древнеиранской традиции является особая распространенность древнеиранских и среднеиранских имен правителей, которые содержат основу *aspa-* 'конь', 'лошадь': *Asparuk* (в греческой передаче Ἀσπυροβκις), патиахш в Грузии II—III в. (Церетели 1941); арм. *Aspūrak* (Justi 1895 : 47), тюрко-болгар. *Asparuk* (Абаев 1949, I : 157), буквально: 'светлый конь' или 'имеющий светлых коней' из др.-иран. **aspa-* и **rauk-* 'свет', 'светлый'; Ἀσπαιος, *Išpakai*, скифский князь (Vasmer 1923, I : 14, 34); Βηνάδασπος, царь сарматского племени языгов, др.-иран. **vanat-aspa-* 'победоконный' от *van-* 'побеждать' (Vasmer 1923, I : 35); **Ašta-aspa-* (Ἀστάσπης) 'имеющий восемь коней', **Vista-aspa-* (др.-перс. *Vištāspa-*), Mayrhofer 1979 : I/25, I/97 и др.

1.6) «КОНЬ», «ЛОШАДЬ» В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ. РИТУАЛЬНАЯ И МИФОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ «ЛОШАДИ»

В древнегреческой традиции, отражаемой уже в микенских текстах, 'конь' выступает как ритуально значимое животное, культ которого символизируется особым женским божеством, именуемым в микенском *poti-ni-ja i-qe-ja* (буквально: 'конская госпожа', 'госпожа коней': *Potniāi hiqeiai* = Πότινα ἱππέαια, дат. пад., Lejeune 1958; ср. Ventris/Chadwick 1973 : 483, 548). Интересно, что на Балканах, в современной Хорватии обнаружено микенское изображение женского божества, сидящего на коне (Levi 1951, рис. 4a)¹.

С конями связывается и микенское название колесницы *i-qi-ja* (греч. ἵππιος, ср. гом. ἵππιό-χάρμης 'воин на колеснице'), что указывает на использование 'лошадей' как упряжных животных в легких боевых колесницах; изображения коней (часто двух), впряженных в легкие бое-

¹ Это микенское изображение божества верхом на лошади и микенские статуэтки всадников (Блаттская 1966 : 80) представляют собой одно из ранних иконографических свидетельств езды верхом на лошади. В этой связи представляет интерес и то, что хеттское божество на лошади *Riḡca-* в новохеттский период отождествляется с хурритской *Иштар* — мужским и женским божеством на коне (Cornil/Lebrun 1972 : 13—14). Эти женские образы божества на коне можно рассматривать как некоторый прототип женщины-наездниц, 'амазонок' в греческой мифологии, которых традиция связывала с Малой Азией (Leonhard 1911).

вые колесницы, является излюбленным мотивом микенского изобразительного искусства, в частности в барельефах надгробий микенских басилеев-царей. Для микенского периода характерно и использование колесных повозок для перевозки товаров и продуктов.

Археологические данные свидетельствуют о некоторых пережитках индоевропейского погребального обряда жертвоприношения 'лошади' у микенских греков: костяк лошади обнаружен в склепе в некрополе Пронойи (Блаватская 1966 : 80, примеч. 87; 1976 : 96).

С этими данными согласуется в микенском и наличие собственных имен, образованных от *i-qo-* 'конь' (ср. позднейшие греческие имена того же типа, Lejeune 1958 : 289).

Высокая культура коневодства в микенской Греции сказывается и в наличии особых терминов для 'молодых коней', 'жеребят': мик. греч. *po-ro* (греч. *πῶλοι*) 'жеребята', соответствует закономерно гот. *fula*, др.-исл. *foli*, др.-англ. *fola* (англ. *foal*), др.-в.-нем. *folo* (нем. *Fohlen, Füllen*) 'жеребец', алб. *pëlë* 'кобыла'.

'Лошадь' и связанный с ней комплекс ритуально-культурных представлений в ареале крито-микенской культуры увязывается именно с индоевропейским греческим этническим элементом. Характерно, что 'лошадь' и ее культ отсутствовали на Крите до середины второго тысячелетия до н. э., где преобладал культ 'быка' как священного животного. Появление самой 'лошади' на Крите относится к позднемикенскому периоду, то есть ко времени появления на острове греков. Любопытно, что на одной из критских печатей этого периода изображена перевозка лошади, погруженной на корабль (Пендлбери 1950 : 240).

У Гомера сохраняются еще архаические формулы, приравнивающие 'быстрого коня' к 'птице' и этимологически совпадающие с индо-иранскими, ср. гом. греч. *ὄξεες ἵπποι* 'быстрые кони' (11 раз у Гомера) при вед. *áśvā āśavaḥ* 'быстрые кони' (*āśum áśvam*, "Ригведа", I 117, 9; VII 71, 5), авест. *āsu.aspa-* 'владеющий быстрыми конями' (ср. Schmitt 1967 : § 493 и след.)¹.

¹ Ср. в венеетском отражение образа коня как птицы в сочетании *ekvopetaris*, отождествляемом с др.-инд. *aśvarataḥa-* 'конь-летающий', *Prosdocimi* 1972 : 222. Ср. также частый в "Ригведе" образ 'орлов', впряженных в колесницы и приравняемых, таким образом, к 'коням'. Сюда же относится типологически название коня 'орлом' в урартском, см. выше, стр. 539.

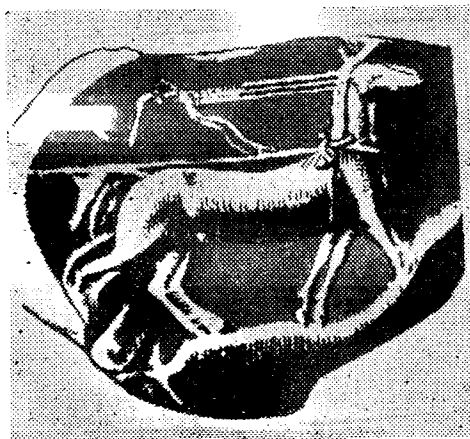

Рис. 7. Минийская печать с изображением запряженной лошади (Агия Триада, Крит, II тыс. до н. э.).

В классической греческой традиции при сохранении следов былых мифологических представлений о 'коне' как о священном животном, унаследованных от микенской эпохи, появляются новые моменты в использовании этого животного при верховой езде (уже в ранний классический период: *Greenhalgh 1973 : 45, 46, 53 и след.*; *Hill 1974*), а далее в сельском хозяйстве для пахоты (первое тысячелетие до н. э.).

1.7. СЛЕДЫ КУЛЬТА «ЛОШАДИ» В РИМСКОЙ ТРАДИЦИИ

В римской традиции древний индоевропейский обряд 'жертвоприношения лошади' сохранился во всех своих существенных деталях, совпадающих с древнеиндийским ритуалом "ашвамедхи". В Риме ежегодно совершался обряд *Equus October*, во время которого убивали и расчленили (как и при "ашвамедхе") на части священного коня — правого в парной упряжке (лат. *bigae*), побеждавшей в конном состязании¹. Хвост коня относили к стене священного помещения *Rēgia*, что указывает на изначально царский характер праздника (ср. аналогичный характер приношения в жертву 'коня' в индийской и иранской традициях). Само латинское название праздника, связанное с его календарным приурочением к 'октябрю', совпадает с древнеиндийским названием месяца (сентября—октября): *áśva-yujā* 'месяц Ашвинов' (буквально: 'месяц запряжки лошадей', др.-инд. *yuj-* 'запрягать', родственное лат. *bigae* 'парная упряжка'). Обряд посвящается богу войны Марсу, который в древности выступал в качестве бога-покровителя расселения и освоения новых земель (*Dumézil 1966 : 211, 217—225*).

Культ 'коня' связан также и с социальной структурой древнего Рима, где образуется особый социальный слой римлян — 'всадников': *equites*, ритуальным предводителем которых считался *magister equitum* 'предводитель всадников'. Во время ежегодного ритуального 'парада-смотрa всадников' (*transvectio equitum*) совершалось жертвоприношение одному из 'божественных братьев-близнецов', носившему уже греческое имя Кастора (*Dumézil 1966 : 401—402*) и сопоставимого с "Ашвинами".

1.8. «ЛОШАДЬ» В КЕЛЬТСКОЙ ТРАДИЦИИ

Древний индоевропейский ритуал царского символического брачного жертвоприношения коня сохраняется в кельтской традиции (см. выше, стр. 483). Ритуальная близость 'коня' и 'человека' символизируется ю галльскими изображениями коней с человеческими головами, что сопоставляется и с древнеирландским мифом о 'волшебном коне', мстящем за своего хозяина (*Sjoestedt-Jonval 1936 : 36—38*).

¹ В Риме в классический период войны на боевых колесницах не представляют уже основной части войска; их заменяют 'всадники на конях' — иездники, составляющие уже новый вид войска — кавалерию.

В галльской традиции исключительная культовая роль 'коня' скандывается и в существовании особой женской богини *Erona*, связываемой этимологически с индоевропейским названием коня и считавшейся 'богиней возниц': *mulionum dea*. Характерно также наличие названия месяца по 'лошади' (EQUOS) в галльском календаре (ср. *de Vries 1961 : 123 и след.*).

Наряду с исконным индоевропейским словом для 'лошади' (др.-ирл. *ech*, галл. *epo-*) в кельтском засвидетельствовано и другое слово с тем же значением: др.-ирл. *marc*, валл. *march* 'конь', вероятно, галл. *marxau* (название 'лошади' у кельтов по Павзанию, X 19, 11), которое находит соответствия в германских языках: др.-исл. *marr* 'конь', *mett* 'кобыла', др.-в.-нем. *mar(i)ha* (нем. *Mähre*), др.-англ. *meaerh* 'лошадь' (англ. *mare*), см. об этих терминах подробнее — ниже.

МЕРИИ — см. с. 554

1.9. КУЛЬТ «ЛОШАДИ» В ГЕРМАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

В германской традиции культовая роль 'лошади' проявляется во многих архаизмах общендоевропейского происхождения. Помимо указанных выше проявлений культа 'лошади' в связи с похоронными обрядами (см. выше, стр. 483) и с архаическим названием 'Мирового дерева' *Yggdrasil* (буквально: 'столб коня Одина'), особый интерес представляет миф о двух 'братьях-царях' с конскими именами *Hengist* и *Horsa*, по преданию возглавивших англо-саксонское вторжение в Британию. Эти же имена сохраняются в Шлезвиге и Гольштейне до XIX в. как ритуальные обозначения изображений коней — 'коньков на крыше' (*Ward 1968 : 54*). С 'братьями-царями' *Hengist* и *Horsa* предание связывало обряд 'Белой Лошади' (*White Horse*), воплощавшей 'весь скот' (*all cattle*); обряд сохранялся до XIX в. (*Woolner 1967*).

Подобно иранской и греческой традициям в древнегерманских именах собственных фигурируют названия 'коня' типа др.-англ. *Frid-hengest* (сопоставляемого с митаннийскими арийскими именами типа *Biridašya*, *Birijaššuca*, ср. *Schmitt 1967 : 244*).

1.10. ДРЕВНИЕ ГЕРМАНСКИЕ НАЗВАНИЯ «КОНЯ», «ЛОШАДИ»

Наряду с древним названием 'коня' (гот. *aiwa-*, др.-исл. *jör*, др.-англ. *eoh* 'конь') в германском возникает целый ряд новообразований для обозначения разновидностей этого животного. Это прежде всего др.-в.-нем. *hengist* 'конь', 'equus' (нем. *Hengst*), др.-англ. *hengest*, др.-исл. *hestr* 'конь' и др.-в.-нем. *hros* (нем. *Ross*), др.-англ. *hors* (англ. *horse*), др.-исл. *hross* 'конь', 'лошадь'.

К более поздним образованиям в немецком относится *Pferd* 'лошадь', восходящее через средневековое латинское *paraverēdus* 'почтовая лошадь' к предполагаемому кельтскому источнику (*Paul 1956, II : 453*), и *Stute* 'кобыла', первоначальное значение которого было 'стадо лошадей': ср. др.-в.-нем. *stuot* при др.-англ. *stōd* 'помещение для разведения лошадей', 'конный завод' (англ. *stud* 'стадо животных, особенно лошадей', ср. рус. *стадо* : и.-е. *st[h]ā-).

1.11. КЕЛЬТО-ГЕРМАНСКОЕ НАЗВАНИЕ «ЛОШАДИ» И ЕГО АЗИАТСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Особо стоят германские термины, обозначающие 'коня' (др.-исл. *marr* 'конь', *merg* 'кобыла', др.-в.-нем. *marah* 'конь'¹, *marīha* 'кобыла', др.-англ. *tearh* 'конь', *miere* 'кобыла'²/родственные соответствующим кельтским формам (др.-ирл. *marc*, валл. *march*, галл. *мархав* 'лошадь'). Кельто-германская праформа, из которой закономерно выводятся засвидетельствованные германские и кельтские формы, может быть представлена в виде **mark^hlo-* (Pokorny 1959 : 700). Слово не находит соответствий в других индоевропейских диалектах и должно считаться заимствованием³ в этой диалектной группе из какого-то восточноазиатского источника.

Это название 'лошади' распространено по всему центрально- и восточноазиатскому языковому ареалу и представлено в качестве основного названия 'лошади' во многих языках Евразии.

В алтайских языках (в частности монгольском, тунгусо-маньчжурском и корейском) термин выступает в форме **mor-* (монг. *морин*, тунг.-маньчж. *мурин*, кор. *말*, ср. Поливанов 1968 : 63, 167, 168), возможная уменьшительная форма которой — **mor-qa* (Ramstedt 1946—1947 : 25) или **morkin* (ср. Новикова 1979 : 67 и след.). В другой группе языков Восточной Азии — тибето-китайских языках, слово представлено в форме **traq*, откуда кит. *та* < **та* (ср. япон. *та* > *ита*), др.-бирм. *траг*, др.-тиб. *rtang* < **traq* (Поливанов 1960; Coblin 1974), ср. в дравидских языках : тамил. *tā* и др. (Burrow/Emeneau 1961 : 318).

Слово представляет собой, очевидно, миграционный термин, распространившийся во всех языках Центральной и Восточной Азии, откуда оно могло попасть в кельто-германские диалекты. При этом унаследованное индоевропейское слово **ek^hljos* в этих языках употреблялось для обозначения 'упряжной лошади', тогда как заимствованное восточноазиатское слово в форме **mark^hlo-* означало, по всей вероятности, 'верховую лошадь'.

Верховая езда в областях исторического расселения кельтов и германцев становится известной лишь к первому тысячелетию до н. э.

¹ Отсюда др.-в.-нем. *marah-scalc* 'обслуживатель лошадей', 'конюх', перешедшее в ст.-франц. *mareschal* 'конюх', 'маршал', франц. *maréchal*.

² В древних германских диалектах эти обозначения 'коня', 'лошади', очевидно, с особым оттенком значения (возможно, 'лошадь для верховой езды'), сосуществовали со старыми индоевропейскими названиями лошади — гот. *aīwa-*, др.-англ. *eoh*, др.-исл. *jǫg* < **ehwaR*. Это последнее название 'лошади' в германском используется в качестве имени одной из рун М 'eoh', ср. использование древнеанглийской руны М в фонетическом значении *e* и чтение ее *eoh* при передаче имени поэта *Supewulf* (IX в. н. э.). Такое чтение *e*, *eoh* руны М, заимствованной, очевидно, из латинского алфавита, где знак имеет фонетическое значение *m*, можно было бы объяснить наличием в германском параллельной формы в значении 'лошадь' с начальным *m*-. Это как бы переименование символической руны 'лошадь' **mark^hlos* > **marhaR* посредством семантического синонима **ehwaR*, начинавшегося на другой звук, а именно *e*-, который и был приписан данной руне (ср. о символических рунах Макаев 1965 : 62—64).

³ Заимствованием слово считал уже Мейе 1952 : 153.

(Кларк 1953 : 307). Связь указанных слов предполагает определенные контакты кельто-германцев с носителями восточноазиатских языков до первого тысячелетия до н. э., которые могли иметь место в процессе доисторических миграций племен, говоривших на кельто-германских диалектах¹.

(1.12) КУЛЬТ «ЛОШАДИ» У ДРЕВНИХ БАЛТОВ

Культ 'лошади', во многом аналогичный роли 'лошади' в рассмотренных выше индоевропейских традициях, наблюдается и в балтийской. У балтов известен особый 'конский бог' (*equorum deus*) с несколькими названиями-эпитетами, а также ритуал конского погребения и обрядовые конские состязания во время похорон. Косвенный след жертвоприношения 'коня' в балтийской традиции можно было бы видеть в обычае пить 'конскую кровь' вместе с 'кобыльим молоком' (Топоров 1975-, I : 136). Два 'божественных близнеца', называемых в балтийских языках, как и в греческом, 'сыновьями бога' (лит. *Diēvo sūnėliai*), постоянно связываются с двумя конями, которые часто изображаются и на крышах домов; ср. аналогичные обычаи в германской традиции и связь с конем греческих Диоскуров (*Διοσκόροи* 'сыновья Бога Неба', Ward 1968). При сохранении в балтийских языках некоторых древних слов, связанных с общеиндоевропейским именем 'лошади' (лит. *ašva* 'кобыла', *ašvienis* 'рабочая лошадь', прус. *aswinan* 'кобылье молоко'), и гидронимов, образованных (как и в древнеиндийской и других традициях, Порцис 1964 : 303—304) от этого названия (ср. лит. диал. *Ašva* 'название реки' и др., Fraenkel 1962—1965, I : 20), уже в общепалтийском возникают новые слова для 'лошади' и ее разновидностей: прус. *sirgis* 'кобыла', лит. *žirgas* 'конь', латыш. *ziņgs* 'лошадь'; лит. *arklīs* 'лошадь', 'конь', латыш. *afkls* 'лошадь'. Последнее слово образовано от тождественного названия 'плуга', 'сохи' (лит. *arklas* 'соха', латыш. *afkls* 'плуг', Mühlenbach / Endzelin 1923—1932, I : 141), что указывает на использование 'лошади' для пахоты, ср. использование 'лошади' в сельскохозяйственных работах в классической греческой и других поздних индоевропейских культурах.

(1.13) «ЛОШАДЬ» В СЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИИ. СЛАВЯНСКИЕ НАЗВАНИЯ «ЛОШАДИ»

В славянской традиции в наиболее явном виде культовая роль 'коня' отражена в средневековых известиях о балтийских славянах, у которых дольше, чем у остальных славян, сохранялось язычество. Каждый из трех основных богов балтийских славян характеризовался своим 'священным конем' особой масти. Священные кони использовались и при гада-

¹ Датирование заимствования рассматриваемого кельто-германского слова из восточноазиатских языков периодом до I тысячелетия до н. э. (см. также Новикова 1979 : 67 и след.) исключает возможность проникновения его в кельто-германский из языка гуиннов во время их расселения в Европе первых веков н. э.

ниях (Иванов/Топоров 1965: 32—45 и табл. 2). В восточнославянском жертвеннике IX в. н. э. славянского 'божества Грозы на коне' — Перуна (на Перыни, возле Новгорода), отождествляемого этимологически и функционально с хеттским богом на коне *Pirca-*, найдены останки принесенной в жертву лошади (Седов 1953). В той же области, примерно в те же века (до XI в. н. э.) засвидетельствовано принесение в жертву коня в качестве строительного обряда, который сопровождался и водружением на крышу нового дома изображений двух коней — 'коньков', ср. Миронова 1967 (как и в балтийской и германской традициях). В славянском фольклоре сохранилось множество отголосков древних поверий о 'коне' как священном животном (Иванов/Топоров 1974: 340 и др.).

При сохранении обрядов и мифологических мотивов, отражающих древний индоевропейский культ 'коня' и связанный с ним комплекс представлений, в славянских языках полностью теряется общиндоевропейское слово, обозначавшее 'лошадь', которое заменяется новыми лексическими образованиями (см. Трубачев 1960: 47 и след.):

Ст.-слав. *konjĭ* 'ἵππος', 'конь', 'лошадь', др.-рус. *конь* 'конь'; *комонь* 'боевой конь'; ст.-слав. *kobyła* 'ἵππος', 'кобыла', рус. *кобыла* (очевидно, миграционный термин, отраженный в лат.-галл. *caballus* 'лошадь', греч. *καβάλλης* у Гесихия, а также в ряде азиатских языков: др.-тюрк. *keväl*, *kevil* 'скакун', перс. *kaval* 'быстрая лошадь'); к числу поздних заимствований из азиатских языков в отдельные славянские принадлежат, в частности, рус. *лошадь*, диал. *лошá* 'жеребенок' из тюрк. (а) *laša* 'лошадь', 'мерин', Дмитриев 1962: 540; др.-рус. *меринъ* (с 1500 г.) из монг. *morin* и некоторые другие.

1.14. ДРЕВНЕБАЛКАНСКИЕ НАЗВАНИЯ «ЛОШАДИ»

В группе древних балканских индоевропейских диалектов слова, обозначающие 'лошадь' или 'жеребенок', представлены ареальным новообразованием от основы, видимо, со значением 'кормить грудью', 'сосать' (алб. *mënt* 'сосу', 'кормлю грудью', др.-в.-нем. *manzon* 'вымя', ср. брет. *menp* 'маленькое животное', Pokorny 1959: 729): алб. *mës* 'жеребенок', 'осленок', иллир. *mandos* 'лошадка', диал. *tannus*, лат. *tannus* 'маленькая галльская лошадка', мессап. *Iuppiter Menzanas* 'бог, которому приносили в жертву коня' (слово заимствовано в другие балканские и средиземноморские языки: рум. *mînz* 'жеребенок', нем. диал. тирольск. *Menz* 'яловая корова', баск. *mando* 'мул', ср. Solta 1974: 57).

1.15. РОЛЬ «ЛОШАДИ» У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Сопоставление древних индоевропейских традиций, связанных с культом 'лошади' и ее применением в транспорте и военном деле, позволяет реконструировать для общиндоевропейской эпохи наличие 'домашней лошади' *ek[h]uos, имевшей большое культовое значение (приношение 'коня' в жертву, связь его с богами, в том числе 'божественными близнецами', и

с 'Мировым деревом') и применявшейся уже как упряжное животное, которое впрягалось в колесные повозки и боевые колесницы. Лишь в позднейших традициях появляется широкое использование 'лошади' для верховой езды в военном деле и транспорте, тогда как для архаичного периода следует допустить лишь применение верховой езды с целью объезжания и укрощения коней, в том числе при одомашнивании диких животных.

1.16. ПРОБЛЕМА ДОМЕСТИКАЦИИ «ЛОШАДИ» И ЕЕ ДИКИХ ПРЕДКОВ

'Домашняя лошадь' (*Equus caballus* L.), включая все ее ранние разновидности, распространенные в Древнем мире, по-видимому, происходит от строго определенного биологического вида 'дикой лошади'. Известно несколько типов диких лошадей — крупные лошади с массивным скелетом и широкими копытами, сложившиеся в приледниковой полосе Европы, и несколько типов менее крупных и массивных 'диких лошадей' вдали от ледниковой зоны на востоке Европы и в Азии (Громова 1949; Azzaroli 1966). Один из этих менее крупных типов диких лошадей, по-видимому, благодаря своим физическим данным более удобных для процесса одомашнивания, и явился предком 'домашней лошади'.

'Лошадь Пржевальского' (*Equus przewalskii*), водившаяся в Центральной и Восточной Азии и сохраняющаяся до сих пор отдельными небольшими группами в Монголии (в областях близ пустыни Гоби), не может считаться таким предком, так как, согласно новейшим данным, она отличается генетически от домашней лошади по набору хромосом (66 пар хромосом в диплоидном наборе у 'лошади Пржевальского' при 64 у 'домашней лошади'). Поэтому территория первоначального распространения 'лошади Пржевальского' исключается как очаг одомашнивания лошади. С этим связано отсутствие 'домашней лошади' в Восточной Азии, в частности в Китае, вплоть до Иньского периода, когда она вводится с запада, по-видимому, под влиянием культур западноазиатского происхождения (Васильев Л. 1976 : 278—279)¹.

Из других типов эквидов, близких к дикой лошади — возможных предков современной домашней лошади — остается несколько биологически близких разновидностей: тарпан (*Equus gmelini*), водившийся в Европе к северу от Черного моря (между Днепром и Волгой) и сохранявшийся вплоть до XIX в. (Берг 1955 : 136; Бибилова 1967; Nobis 1955;

¹ В свете этих новейших данных представляется неверной точка зрения, высказывавшаяся ранее (Поливанов 1968), согласно которой домашняя лошадь, произошедшая от прирученной "лошади Пржевальского", была названа термином *tor- в алтайских языках, откуда слово было заимствовано в китайский и другие южноазиатские языки. И это название должно было первоначально относиться к той же 'домашней лошади', произошедшей не от "лошади Пржевальского" и, следовательно, попавшей в Центральную Азию с запада.

1971)¹ и европейская лесная дикая лошадь, вымершая уже в XVIII в. (ср. *Drower 1969*; *Bökönyi 1974*). От этих возможных предков домашней лошади отличался полуосел 'онагр' (*Equus hemionus onager* Bodd.), который рано начал использоваться в качестве тягловой силы, *Noble 1969*. Онагр водился в широкой степной полосе севернее Месопотамии (Джармо, около VII тысячелетия до н. э., ср. *Berger/Protsch 1973*: 225), включая Малую Азию и Закавказье (*Zeuner 1963*)².

Остается неясным вопрос об отношении к онагру или дикой лошади лошадиных останков из Анау (юго-западная Туркмения; ок. 4800 г. до н. э., ср. дискуссию по этому вопросу *Кузьмина 1976*: 151; *Matolcsi 1973*). В случае признания близости костных остатков из Анау к предку 'домашней лошади' ареал Средней Азии следовало бы считать древнейшим очагом доместикации лошади (ср. *Harlan 1976*: 92), откуда она могла попасть в наиболее восточные области Европы. Характерно, что явные следы развитого коневодства обнаруживаются именно в наиболее восточной области к востоку от Днепра (*Бибикова 1969*).

Наиболее древние свидетельства использования лошадей (по остеологическим данным — домашних), в частности при жертвоприношениях (о чем говорит находка двух черепов лошадей на жертвенной площадке рядом с погребениями в могильнике в Съезжем), и культа лошадей, отраженного в их костяных фигурках (в могильнике Липовый Овраг Хвалынского района Саратовской области), недавно обнаружены в Нижнем Поволжье в могильниках, которые согласно калиброванным радиоуглеродным датам для Хвалынского могильника (по любезному сообщению *Е. Н. Черных*) относятся к концу V тысячелетия до н. э. Эта культура Нижнего Поволжья обнаруживает (в частности, по характеру жертвенных площадок с черепами животных) тесные связи с более южными областями Прикаспия (*Васильев 1979*).

(1.17) ПРОБЛЕМА ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО АРЕАЛА ДОМЕСТИКАЦИИ «ЛОШАДИ»

В принципе эти ареалы распространения диких лошадей типа 'тарпана' могут считаться первоначальной территорией одомашнивания лошади³. Не случайно, что в этих ареалах распространения 'диких лошадей' засвидетельствованы древнейшие следы 'домашней лошади'. Древнейшие находки домашней лошади в Северном Причерноморье датируются второй половиной IV тысячелетия до н. э. (поселение Деревка на правом берегу

¹ Хромосомный набор тарпана, исчезнувшего в прошлом веке, неизвестен, и поэтому не представляется возможным генетически строго судить об его отношении к 'домашней лошади' (*Equus caballus*), ср. *Кузьмина 1976*: 150.

² Следы дикой лошади (*Equus ferus*) обнаружены в Закавказье, в частности в Бармаксызской мезолитической стоянке на Цалкинском плоскогорье в Грузии, где 'дикая лошадь' была основным объектом охоты (*Куфтин 1941*: 123; *Мунчаев 1973*: 73).

³ Обнаруживается еще один пункт раннего появления дикой или домашней лошади — Южная Германия, Бавария, около 3670 г. до н. э., *Berger/Protsch 1973*: 222.

Днепра, Бибилова 1967 : 113; ср. Ковалевская 1977 : 19; Bökönyi 1974: 238). Позднее на этой территории обнаруживается значительное число костных остатков домашних лошадей¹ в частности как в восточном ареале (от Дона до Заволжья), где количество костей лошади значительно больше, так и в западном ареале (Бибилова 1967). При этом показательно, что кости дикой лошади *Equus caballus Missii*, являющейся, возможно, предком этого типа домашних лошадей, обнаруживаются значительно восточнее — в поволжских степях, ср. Бибилова 1969.

В южном переднеазиатском ареале 'домашняя лошадь' засвидетельствована для IV тысячелетия в памятниках материальной культуры Месопотамии, Элама (Сузы) и смежных областей древнего Ирана (ср. изображения древних коней на вазах и статуэтках из Хафаджи близ Багдада), Wiesner 1939; Hermes 1936a; 1936b; Potratz 1938; Hančar 1955; к хронологии появления лошади в III тысячелетии до н. э. на Ближнем Востоке ср. также Thomas 1970 : 260; Кузьмина 1974; 1976a; 1977.

Аналогичная картина в еще более древний период устанавливается и для Малой Азии. Костные остатки домашней лошади были недавно обнаружены в Демирджи-Хююк, Ярыккая и Норшун-тепе в Восточной Анатолии. Они встречаются уже в слоях медного века второй половины IV тысячелетия до н. э. (ср. Bökönyi 1978 : 54; Zarins 1979 : 60; Piggott 1979:10; Mellaart 1981).

Древнейшие письменные свидетельства о наличии 'лошадей' в Малой Азии содержатся в староассирийских табличках из Кюльтепе (*kārum Kaniš*), в которых упоминаются в большом количестве *rabī sisē* 'главные над лошадьми' и иногда также говорится о транспортном использовании 'лошади' (*sisā'um*), ср. Kammenhuber 1961 : 13.

Одновременность древнейших свидетельств появления 'домашней лошади' в этих возможных ареалах ее одомашнивания делает менее вероятным допущение независимого параллельного одомашнивания в означенных областях. Налицо скорее диффузия этого новшества из одного ареала в другой через возможные пути, их соединяющие. Такими путями могли быть Балканы, где на Дунае 'лошадь' засвидетельствована в третьем тысячелетии (ср. Семенов 1974 : 294), и Закавказье, где следы лошади обнаруживаются уже в самом начале третьего тысячелетия до н. э. (Квацхелеби), ср. Кушнарева/Чубинишвили 1970:110. Третьим путем мог бы быть путь восточнее Каспийского моря через Южную Туркмению, где обнаруживаются отдельные иконографические свидетельства наличия лошади уже в IV тысячелетии (Сарианиди 1973 : 113), хотя на этой территории лошади широко распространяются лишь в II—I тысячелетиях до

¹ Палеозоологи вместе с тем отмечают трудности различения костей домашней лошади от ее дикого предка, особенно на ранних этапах доместикизации. В частности, в находках на юге Украины и в Баварии не всегда вполне ясно, представляют ли костные остатки вид дикой или домашней лошади (Matolcsi 1973; Кузьмина 1976), что затрудняет решение вопроса о возможных ареалах доместикизации лошади и появления вида *Equus caballus*.

н. э., то есть в период, следовавший за временем почти безраздельного господства 'верблюда' как основного транспортного средства (ср. Цалкин 1970 : 155—156; Массон 1976 : 437, 447).

Даже те исследователи, которые считают, что 'лошадь' была одомашнена в нескольких центрах, одним из очагов признают Юго-западную Азию, откуда 'лошадь' могла проникнуть в Центральную Европу.

В некоторых из древневосточных цивилизаций, находящихся в ареале возможного одомашнивания дикой лошади, тем не менее 'домашняя лошадь' была нововведением, заимствованным из чужой культурной традиции. Это проявляется, в частности, в древнем шумерском наименовании лошади как 'осла гор' — ANŠE.KUR.RA, что указывает на импорт лошадей из горных областей¹.

1.18 СВЯЗЬ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО НАЗВАНИЯ «ЛОШАДИ» С ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИМИ

Культурно-исторические и лингвистические данные, относящиеся к 'лошади' и процессу ее одомашнивания, дают некоторые основания связать этот процесс с индоевропейским этносом, с племенами, говорившими на индоевропейских диалектах. Все известные древнейшие названия 'лошади' в языках, в историческое время расположенных в ареалах возможной одомашнивания лошади, так или иначе увязываются с общеиндоевропейским названием 'лошади' *ek^[h]wo-. Отдельные древние ближневосточные названия 'лошади' — такие, как хур. ešši, iššija- 'лошадь' (Otten 1953a : 25; Goetze 1962a : 35; Laroche 1978 : 85), аккад. sisû 'лошадь' < sisû'um (ср. написание ANŠE.ZI.ZI, читаемое в некоторых контекстах, возможно, как ANŠE.sî-sî в документах из Южной Месопотамии периода III династии Ура, конец III тысячелетия до н. э., Civil 1966), угарит. ssw, араб. sūsġā, др.-евр. sūs 'конь' (Gesenius 1968 : 692), егип. šsm.t 'лошадь' (Erman/Grapow 1955, IV : 276) могут быть сопоставлены с индоевропейской формой *ek^[h]wo- (ср. Soden 1972, II : 1051)². Сюда же могут относиться и некоторые кавказские названия 'лошади' и слова, связанные с 'лошадьми', типа абх. и убых. 1a'čy 'лошадь'; авар. и лак. ču, ахвах. ičwa 'лошадь', а также груз. аси (слово для понукания лошадей), асиа 'лошадь' (слово детского языка).

¹ О территории древней Месопотамии как одном из возможных первичных ареалов одомашнивания лошади можно судить и по обнаруживаемым следам лошади на этой территории, восходящим еще к VII тысячелетию до н. э. Аналогичные следы, обнаруживаемые в палестинских палеолитических пещерах, относятся, по-видимому, к диким лошадям (Ковалевская 1977: 18).

² Аккад. sisû (и шум. sî.sî ?), др.-евр. sūs и егип. šsm.t могут быть редуцированными формами от индоевропейской основы с уже ассимилированным *k^[h]. Другой, хотя и весьма проблематичной, возможностью формального соотнесения этих названий 'лошади' с индоевропейским словом для 'лошади' было бы постулирование его в форме с начальной палатализованной сибилантной фонемой *sek^[h]wo-, ср. к аналогичной индоевропейской праформе Goetze 1962a : 35. Такое начальное *s теряется в большинстве индоевропейских диалектов (ср. выше, стр. 119 и след.), тогда как в греческом ἵπλος след его можно было бы видеть в начальном придыхании (spiritus asper).

Широкое распространение по различным переднеазиатским языкам соотносимых друг с другом форм для обозначения 'лошади' может служить основанием для отнесения слова к типу миграционных терминов. Источником этих терминов в данном случае могут быть диалекты общиндоевропейского языка, в которых осуществлялась ассимиляция палатализованного *k[h] (то есть *satəm*-ные диалекты или диалекты типа анатолийских, в которых этот процесс происходит в комбинаторно обусловленной позиции перед -и-, см. выше, стр. 100 и след.).

1.19. ПРОБЛЕМА ДРЕВНЕГО ВЛИЯНИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО КОНЕВОДСТВА НА ВОСТОЧНУЮ АЗИЮ (КИТАЙ)

Поскольку "лошадь Пржевальского", распространенная на обширной территории Восточной Азии, исключается как предок домашней лошади, домашняя лошадь как транспортное животное была импортирована из западных областей Азии, где она и была впервые приручена, очевидно, племенами индоевропейского происхождения. Вместе с 'лошадью' в районы Центральной и Восточной Азии был занесен и весь комплекс ритуально-мифологических представлений о 'лошади' и связанных с ней обрядов, возникших, очевидно, в связи с одомашниванием этого животного. Этим и следует объяснить то разительное сходство комплекса таких представлений, связанных с лошадью, у индоевропейцев и народов, говоривших на алтайских языках.

В алтайских традициях обнаружены сходное с индоевропейским 'жертвоприношение коня', связываемое с культом бога Неба и его сыновей (Koppers 1929; 1935), и аналогичная древнеиндоевропейской связь 'коня' с 'Мировым деревом' (Toporov 1973 : 159, 190)¹.

Весь комплекс таких ритуально-мифологических представлений, связанных с 'лошадью', был, очевидно, занесен вместе с лошадью далее на восток — в Китай (Васильев 1976 : 278—279 и след.; Pulleyblank 1966). Для иньской культуры Китая середины II тысячелетия до н. э. характерна роль 'лошади' как главного культового животного, которому поклоняются и которое приносится в жертву при погребальном обряде в честь покойного правителя. При этом в китайских культовых изображениях ранней бронзы обнаруживается и связь 'Мирового дерева' с конем (Toporov 1973 : 190).

Такое воспроизведение всего индоевропейского комплекса ритуально-мифологических представлений в восточноазиатских культурах трудно объяснить без допущения длительных контактов с племенами-носителями этих представлений. Это, в свою очередь, предполагает миграции индоевропейских племен вместе с лошадьми из первоначальных ареалов их расселения и, соответственно, областей одомашнивания 'лошади' в значи-

¹ С этой точки зрения может представить интерес формальное и семантическое сходство и.-е. *ek[h]wos с "общеиньскими" названиями 'кобылы' и 'мерина' *kut-// *kus-: арин. quše, quš, асан. реп-гуш, реп-куш, коттск. репкуш, пумпокольск. kut 'кобыла'; 'мерин' (Toporov 1967 : 318).

тельно продвинутом на восток направлении и вхождение их в длительное соприкосновение с восточноазиатскими племенами и народами. Остатком таких продвинувшихся значительно на восток племен—носителей индоевропейских диалектов могут считаться тохары, в историческое время обитавшие на территории современного Китайского Туркестана (ср. Pulleyblank 1966).

2. «ОСЕЛ»

2.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ОСЛА» И ПРОБЛЕМА ИХ ПЕРЕДНЕАЗИАТСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Первичные названия 'домашнего осла' (*Equus asinus* L.) в древних индоевропейских языках обнаруживаются в греческом (начиная с микенского периода) и латинском: греч. мнк. *o-no* 'ослы', греч. *ὄνος* 'осел', мн. ч. *ὄνοι*, лат. *asinus* 'осел', уменьшит. *asellus*; с латинской формой *asinus* или, возможно, *asellus* увязываются древнегерманские слова: гот. *asilus* 'осел', др.-в.-нем. *esil* (нем. *Esel*). Из германского в конечном счете выводится общее для балтийских и славянских языков название 'осла': прус. *asilis*, др.-рус. *осьль* 'осел' (о других балтийских словах см. Топоров 1975-1: 122, там же литература).

Ограниченность первичного названия 'осла' греческим и латинским не дает возможности считать слово относящимся к периоду общности всех индоевропейских диалектов¹. Но возможность формального этимологического соотношения латинской и греческой форм (лат. *asinus*: греч. *ὄνος* < *os^ho^hnos по Бругману) предполагает возникновение этого слова в некоторой древней индоевропейской общности (с последующей его утратой в ряде диалектов)².

Формальное сходство предполагаемого диалектного индоевропейского архетипа с шумерским *anšu//anše* 'осел' делает вероятным происхождение слова из некоторого переднеазиатского обозначения 'осла', ср. Watkins 1971: 1507.

На Ближнем Востоке 'осел' принадлежит к числу наиболее древних одомашненных животных. Областью его первоначального одомашнивания считается северо-восточная Африка (ср. Vogel 1973: 119). В Египте еще в додинастическую эпоху 'осел' стал использоваться как транспортное животное. Из Африки осел распространяется в древней Передней Азии (Боголюбовский 1959: 464—467; Вёккюни 1974: 299). В египетском засвиде-

¹ Хеттское слово для 'осла' неизвестно. В текстах это слово всегда передается шумерограммой ANŠE. Ср. также шумерограмму ANŠE.GIR.NUN.NA 'мул' в хеттских текстах. 'Мул' в хеттской традиции по своему статусу объединяется с 'лошадью' (ср. "Хеттские законы", § 200 A), что согласуется с названием 'мула' по 'лошади' в других индоевропейских традициях (ср., например, др.-инд. *aśva-tarā-* 'мул').

² В индо-иранском возникает новое название 'осла': др.-инд. *khāga-* (отсутствует в "Ригведе", где засвидетельствовано название 'дикого осла' *pāgasvant-* и 'домашнего осла' *gāsabha-*, запряженного в колесницу Ашвинов), др.-перс. **hağa-*, перс. *хаг*, осет. *хæгæг* 'осел' (Абаев 1949, 1: 57).

тельствовано несколько названий для 'осла': ʕ3 'осел' (и в культовом значении, в частности как священное животное бога Сета), šw 'осел' и šk 'ослик' (*Erman/Grapow 1955, I : 165; IV : 315, 433*). В древней Передней Азии важная хозяйственная роль 'осла' засвидетельствована в ассирийских торговых колониях в Анатолии в начале второго тысячелетия до н. э., где 'ослы' выступают как основные транспортные животные (*Veenhof 1972*).

2.2. «ОСЕЛ» КАК КУЛЬТОВОЕ ЖИВОТНОЕ У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

В древней индоевропейской традиции 'осел' как культовое животное играет значительную роль. Уже в древнехеттских представлениях 'осел' выступает как культовый символ плодородия, с которым сопоставляется плодородие 'женщины-царицы', произведшей множество детей: *nu-ца ANŠE-iš arkattia* "и осел совершает акт оплодотворения" (*КВо XII 2 Vs. 9—10*). В такой же культовой функции 'осел' выступает в иранской традиции (в осетинской версии "Нартовского эпоса", где, проклиная свою сестру, нарты говорят: "Пусть осел Боратов — осет. *Voiriaty-xæræg* — бросится на тебя", *Dumézil 1968 : 512—513*), а также в древнегреческих и древнеримских ритуалах, в частности связанных с Дионисом, Аполлоном и Вестой, ср. сохранившееся у *Гесихия* древнее изречение, относящееся к Элевсинским мистериям: *ὄνος ἄγει μυστήρια* "осел совершает таинства" (*Cook 1894 : 84—86; ср. Фрейденберг 1936 : 99—100*). Эти представления об 'осле' как символе плодородия отражены и в поздней античной литературе вплоть до "Золотого осла" Апулея. Такая роль 'осла' могла сказаться и в легенде о фригийском царе Мидасе, которому Дионис даровал чудесное свойство превращать вещи в золото. Сам царь Мидас в наказание за алчность превращается в 'осла'.

Следы культовой роли 'осла' сохранялись и в древней Индии, где он был божеством смерти, а также участвовал в ритуальных состязаниях — скачках, что находит аналогию в сходных ритуальных соревнованиях в римской традиции (*Dumézil 1966 : 278*); о культовой роли 'осла' в различных древних традициях см. также *Vogel 1973 : 181 и след.*

2.3. ТИПОЛОГИЯ РИТУАЛЬНО-КУЛЬТОВОЙ РОЛИ «ОСЛА» В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ. СВЯЗЬ НАЗВАНИЙ «ОСЛА» И «ЛОШАДИ»

Культовая роль 'осла' в некоторых древних индоевропейских традициях перекликается с культовой значимостью 'осла' в древних традициях Ближнего Востока, начиная с Египта, Шумера и древних семитов¹.

¹ В Египте осел связывается с несколькими основными божествами, в частности с Сетом, *Kees 1956 : 72*. В Шумере в третьем тысячелетии до н. э. Гудеа жертвует богу плодородия Нингирсу колесницу, запряженную ослами. В древнесемитской традиции, отраженной в книгах Ветхого Завета и Нового Завета, 'осел' выступает как одно из основ-

Особый культ 'осла' на Ближнем Востоке может считаться связанным и с большой значимостью осла как основного транспортного животного, долгое время сохранявшего особую роль в хозяйственной жизни и после появления 'лошади', ср. *Veenhof 1972*. В древних культурах с преимущественным использованием 'осла' появившаяся позднее 'лошадь' обозначается как особая разновидность 'осла', что естественно связано и с самим внешним обликом этих животных (особенно дрезних малорослых лошадей). Характерно, что шумеры называют лошадь 'ослом гор' (ANŠE.KUR.RA), а в некоторых языках для обозначения 'осла' и 'лошади' применяется одно и то же слово: ср. абхазско-адыгские названия 'осла' - 'лошади': абх. *а̄су* 'лошадь', *а̄сада* 'осел', адыг. *šy* 'лошадь', *šy-dy* 'осел' и др.

Отсутствие в общеиндоевропейском явно реконструируемой формы для 'осла' (при наличии 'осла' на значительной части территории доместикации лошади, где должны были находиться и племена, говорившие на диалектах индоевропейского языка) можно было бы объяснить более ранним употреблением слова *ek^hl^huos и в значении 'осел' (наряду со значением 'дикая лошадь', 'лошадь')¹.

В таком случае любопытно сходство реконструируемой древнейшей индоевропейской праформы *ek^hl^huo- или, возможно, еще более архаичной *sek^hl^huo- (см. выше, стр. 560₂) с некоторыми древними ближневосточными названиями 'осла', представлявшими один из весьма ранних миграционных терминов: ср. егип. *šk* 'ослик', копт. *sēḡ* при др.-тюрк. *eškäk ~ ešgäk ~ ešjäk ~ ešäk* 'осел'²; монг.-письм. *eljigen* 'осел' (*Владимирцов 1929*: 224, 353), предполагающих наличие соответствующей формы с палатализованной фонемой (тюрк. *š* ~ монг. *l*) уже в тюрко-монгольском³. Наличие в тюрко-монгольском термина для обозначения 'осла', сходного по своей форме с египетским, предполагает миграцию соответствующего термина вместе с обозначаемым им животным из древнего ближневосточного ареала в районы Центральной и Восточной Азии, где по данным палеозоологии домашний 'осел' является позднейшим нововведением.

ных священных животных, связанных с торжественными ритуалами въезда царя в город, отъезда и путешествия на ослах, откровения о воле бога (ср. 'Валаамову ослицу', 'пропавшие ослицы', разыскиваемые Саулom и др.), ср. *Ball 1910*.

¹ Сохранение такого древнего значения индоевропейского *ek^hl^huo- можно было бы видеть в арм. *eš* 'осел', возводимом к указанной индоевропейской праформе (соотнесение арм. *eš* с лат. *asinus*, греч. *ὄνος* менее удовлетворительно по формальным признакам), см. выше, стр. 454₁.

² Из этой поздней тюркской формы заимствуется (к XVI в. н. э.) рус. *ишак*, ср. *Дмитриев 1962*: 534.

³ Характерна уменьшительная форма егип. *šk* 'ослик', соответствующая родовому названию 'осла' в тюрко-монгольском. Ср. типологически аналогичное заимствование латинской уменьшительной формы *asellus* 'ослик' в германские языки и в качестве родового названия 'осла'. Заимствование слов в уменьшительной форме с превращением их в нейтральные термины или развитие уменьшительных форм с превращением их в основной термин, вытесняющий первоначальное название в пределах одного языка, как известно, типологически весьма распространенное явление.

3. «БЫК», «КОРОВА», «КРУПНЫЙ РОГАТЫЙ СКОТ»

3.1. ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «БЫКА», «КОРОВЫ»

Общеиндоевропейская основа, засвидетельствованная по всем основным древним индоевропейским диалектам без формального различия мужского и женского родов: и.-е. *k^oou-, *k^ou-:

Др.-инд. *gāuh* 'бык', 'корова'; авест. *gāuš* 'бык', 'корова', 'крупный рогатый скот'; перс. *gāv* 'корова', осет. *qūg'ǰog* 'корова' (Абаев 1973, II: 312), арм. *kov* 'корова';

Греч. мик. *qo-u-ko-ro* = *βουκόλοι* 'пастухи быков и коров', греч. аттич. *βοῦς*, дор. *βῶς*, род. пад. *βο(F)ός*; 'бык', 'корова', ср. *βού-τῦρον* 'масло' (буквально: 'коровий сыр', ср. греч. *τυρός* 'сыр', отсюда лат. *būtūrum*, нем. *Butter*, англ. *butter*);

Лат. *bōs*, род. пад. *bovis* 'бык', 'корова' (оскско-умбрское заимствование, ср. умбр. *but* 'bovem', 'быка', *bie* 'bove' 'быку', вольск. *bim* 'быка');

Др.-ирл. *bó* 'корова', др.-валл. *buch*, др.-корн. *buch*, брет. *bis'h* 'корова';

Др.-в.-нем. *chuo* (нем. *Kuh*), др.-англ. *cū* 'корова' (англ. *cow*), др.-исл. *kýr*, латыш. *gīvous* 'корова';

Ст.-слав. *goveždī* 'крупный рогатый скот', др.-рус. *говядо* 'бык', чеш. *hovado* 'крупный рогатый скот'; ст.-слав. *gumīno* 'гумно' (буквально: словосложение 'бык'+ 'мять' = 'место, где скотина мнет, топчет скошенный хлеб', Фасмер 1964—1973, I: 474);

Тох. А *ko*, В *keu* 'корова'.

Хеттская форма со значением 'крупный рогатый скот' представлена в текстах неизменно в виде шумерограммы GUD (GUD-иш, и.м. пад., GUD-ип, вин. пад.), хеттское чтение которой неизвестно¹.

В архаических сложных словах корень выступает в нулевой огласовке: др.-инд. *śata-gu-* 'владеющий сотней коров', др.-перс. *šatagu-* 'название страны' (первоначально народа, 'имеющего сотню коров'), точно соответствующее этимологически греч. *ἑκατόμ-βη* 'жертва', 'жертвоприношение' (первоначально: 'принесение в жертву ста быков'), Thieme 1952: 62 и след.²

¹ Фридрих с учетом фонетических комплексов: и.м. пад. -иш, вин. пад. -ип допускает возможность хеттского чтения в соответствии с и.-е. *k^o(o)u- (Friedrich 1952: 257); вероятное хеттское чтение при таком допущении было бы *k(u)uauš, и.м. пад.; *k(u)uauip, вин. пад.

² С этой же общеиндоевропейской основой увязывается формально и семантически производное от нее *k^oou-, *k^ou- в первичном значении 'коровий навоз': др.-инд. *gū-tha-* 'экскременты', авест. *gū-tha-* 'грязь', арм. *ku*, род. пад. *kuou* 'навоз, помет', ср. др.-макед. *γοτάν·δν* 'свинью' (из 'грязную'), Pokorny 1959: 484; слав. *govŭno: чеш. *hovno*, сербо-хорв. *gónvo* 'экскременты', первоначально: 'коровий навоз', Фасмер 1964—1973, I: 424.

3.2. ДИАЛЕКТНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НАЗВАНИЙ «БЫКА» И «КОРОВЫ»

Свидетельство древних индоевропейских диалектов указывает на недифференцированность основы в отношении выражения различия между 'быком' и 'коровой' (ср. соответствующие формы в древнеиндийском, древнеиранском, греческом, итальянском, славянском). Семантическая дифференциация этих двух значений с вторичным выражением данной основой одного из них возникает лишь позднее в отдельных диалектах. В тохарском, армянском, кельтском, балтийском, германском древняя основа выражает только значение 'корова', тогда как для выражения значения 'бык' используются другие основы:

И.-е. **uk[h]s-en-* (с первоначальным значением 'увлажнять', 'проливать': др.-инд. *ukṣāti* 'увлажняет', 'окропляет', авест. *uxšyeiti* 'окропляет'): тох. В *okso* 'бык', валл. *ych* 'бык', брет. *ouhen*, корн. *ohan* 'быки'; тот. *aúhsa*, др.-исл. *oxi*, *ixi*, др.-в.-нем. *ohso* (нем. *Ochse*), др.-англ. *оха* (англ. *ox*); ср. также др.-инд. *ukṣá* 'бык', авест. *uxšan-* 'бык';

И.-е. **uērs-en-*, **uṛs-en-* (с первоначальным значением 'изливающий семя', 'мужской', ср. авест. *varəšna-* 'мужской', др.-инд. *uṛṣñi-* 'мужской', *uṛṣañau* дв. ч. 'яички'): тох. А. *kayurs*, В. *kaurse* 'бык' (из **k^ʷou-uṛs-*), латыш. *vērsis* 'бык', ср. ст.-лит. *veřšis* 'бык', др.-инд. *uṛṣā* 'бык'.

И.-е. **k[h]le/or-ṛ-* (с первоначальным значением 'рогатый', ср. хет. *ka-raṣar* 'рог', авест. *srū-* 'рог', греч. *κεράβος* 'рогатый', см. выше, стр. 484): алб. *ka* 'вол', прус. *surwis* 'бык', польск. диал. *karw* 'старый ленивый вол' (Трубачев 1960 : 40)¹.

Сопоставление приведенных выше индоевропейских форм со специальным значением 'бык', 'самец крупного рогатого скота', противостоящих первичной основе **k^ʷou-* с недифференцированным значением 'бык', 'корова' ~ 'крупный рогатый скот', позволяет реконструировать в индоевропейских диалектах процесс лексического маркирования с помощью особых слов значения 'самец крупного рогатого скота'. Это приводит к параллельному сосуществованию форм, обозначающих 'самца' крупного рогатого скота, и первоначального индоевропейского слова, обозначающего 'крупный рогатый скот' в общем видовом значении (то есть как 'быка', так и 'корову'), как, например, в древнеиндийском². При дальнейшем развитии в условиях наличия особых слов со значением 'бык', 'самец крупного рогатого скота' рефлексy первоначальной формы **k^ʷou-* в отдельных диалектах теряют общее видовое значение и становятся специ-

¹ От этой основы мужского рода образуется как производное женского рода на **-ā* (в отдельных диалектах, по-видимому, уже в балто-славянском) форма с соответствующим значением 'самки крупного рогатого скота', 'коровы': рус. *корова*, лит. *kárvė* 'корова'.

² При этом уже в древнеиндийском наличие особых слов со значением 'бык', 'самец крупного рогатого скота' приводит к некоторой специализации значений форм от основы *gav-*, *gu-* в сторону обозначения 'коровы', 'самки крупного рогатого скота' (ср. Grassmann 1873 : 407 и след.).

альными терминами для обозначения 'коровы', 'самки крупного рогатого скота', противопоставляясь тем самым специальным названиям для 'быка'¹.

Характерно, что особому лексическому маркированию подвергается значение 'бык', 'самец крупного рогатого скота', а не 'корова', 'самка крупного рогатого скота'². Следовательно, можно допустить, что в немаркированном, нейтральном контексте основа *k'оу- выступала обычно в значении 'самки крупного рогатого скота', 'коровы' при особой спецификации для употребления слова в значении 'самца крупного рогатого скота', 'быка'.

3.3. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ФУНКЦИЯ «КОРОВЫ» ПО ДАННЫМ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ И ПРОБЛЕМА МОЛОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ. ДИАЛЕКТНЫЕ СЛОВА ДЛЯ «МОЛОКА»

Описанное словоупотребление форм, восходящих к индоевропейскому *k'оу-, сохраняется еще в "Ригведе". В ведийском в немаркированном, нейтральном контексте gāu- толкуется во многих случаях именно как 'корова' (ср., например, гимн Индре, III 31, 4; Заговор на возвращение 'скота' ~ 'коров', X 19, 6 и след. и другие весьма многочисленные аналогичные контексты). В древнеиндийском gāuḥ 'корова' — это прежде всего 'дойное животное, дающее жирное, сладкое, как мед, молоко'³:

urūcy àstmai ghṛtāvad bhārantī mādhu svādma duduhe jēnyā gāuḥ
(III, 31, 11)

"Широко распростертая, несущая ему жирное молоко, благородная корова дала подоить сладкого меда".

Символика "Ригведы", отражающая, очевидно, и более раннюю индоиранскую культовую традицию, часто использует образы 'дойной коровы' и ее молока как символы космического плодородия и словесного изобилия,

¹ В армянском такое новое специальное название для 'быка' с'ul, противостоящее исходному слову kov в значении 'корова', заимствуется, вероятно, из кавказских языков, ср. адыг. с'у 'вол', 'бык', абх. а-с'о 'вол', 'бык' и др., ср. Яковлев/Ашхамф 1941 : 240; Шагиров 1977, I : 107.

² В последнем случае наблюдался бы процесс, обратный описанному выше, то есть возникновение особых слов для обозначения 'коровы' при семантическом сужении общего термина *k'оу- в сторону специального обозначения 'быка'. Только в поздней самостоятельной истории отдельных диалектов можно обнаружить именно такой процесс семантического преобразования значений. Возникшая в балто-славянском форма от основы *k^hlor̥mos в специальном значении 'бык' дает по противопоставлению грамматических родов форму женского рода *k^hlor̥mā в значении 'корова', 'самка быка'. Утеря формы мужского рода со значением 'бык' в славянском приводит позднее к дальнейшему переосмыслению производного от и.-е. *k'оу- в сторону специального обозначения 'быка' *gov-ēd-, противопоставляемого форме женского рода *kōrvā 'корова'.

³ В древнеиндийском и древнеиранском уже представлена разветвленная терминология, связанная с 'коровой' как с 'дойным животным': др.-инд. dhēpā 'дойная корова', dōgdhi, duhāti 'он доит', перс. dōxtap 'доить' и др. (ср. Абаев 1958, I : 371).

связанного с обрядовой песней. Такая 'песня' сама уподобляется 'корове' или 'потокам молока'.

Хозяйственная функция 'коровы' как 'дойного животного' реконструируется уже для глубокой древности, соотносимой с общеиндоевропейской эпохой или во всяком случае с древними индоевропейскими диалектными общностями.

Такая функция 'коровы' видна прежде всего в наличии в древних диалектных общностях особых слов со значением 'молоко':

Греч. γάλα, род. пад. γάλακτος (с дальнейшими фонетическими преобразованиями в позднейших диалектах) 'молоко'¹, лат. lac, род. пад. lactis (из *glakt-, с диссимилятивной утерей начального заднеязычного).

К этой группе слов следует отнести этимологически и хет. galaktar// galattar 'приятный, сладкий сок растений, используемый в ритуалах', galank- 'накармливать досыта' (Friedrich/Kammenhuber 1975-, I : 61); ср. причастие galankant- 'насытившийся': ...aš-šan kuiš kururi para galankanza "кто враждой/войной вдоволь насыщен", КВо XVI 24+25 I 35/46².

Этимологическое соотнесение хеттских слов с соответствующими формами греческого и латинского языков дает по схеме диалектного членения индоевропейского языка общеиндоевропейскую древность соответствующей формы со значением 'молоко'. Это положение подкрепляется дополнительно наличием в древнекитайском формы *lac в значении 'молока', попавшей, согласно Карльгрену (Karlgren apud Pokorny 1959 : 401), в древнекитайский из определенного восточного диалекта индоевропейского языка.

Обнаружение этимологически соотносимых слов в хеттском и крайне восточном диалекте (типа тохарского), с одной стороны, и в греческом, а также латинском, с другой, позволяет считать соответствующую форму в значении 'молоко' (согласно схеме диалектного членения общеиндоевропейского языка), наличествовавшей уже в общеиндоевропейской язы-

¹ Уже у Гомера как обозначение хозяйственного продукта, получаемого при доении: ср. в "Одиссее" (δ 87—89):

ἔνθα μὲν οὖτε ἀναξ ἐπιδευῆς οὖτε τι ποιμήν
τυροῦ καὶ κρεῖων οὐδὲ γλυκεροῖο γάλακτος,
ἀλλ' αἰεὶ παρέχουσιν ἐπηγεῖτον γάλα θῆσθαι
"В той стороне и полях господин и пастух недостатка
В сыре, и мясе, и жирно-густом молоке не имеют."
Круглый там год изобильно бывают доимы коровы".

(Перевод Жуковского)

² Оба этих значения хеттских форм от основы galak- можно возвести к первичному значению 'молоко как жидкость, выделяемая дойным животным' и 'молоко как сытный продукт питания'. В первом значении 'молоко' метафорически переносится на '(белый, молочный) сок, выделяемый растениями', ср. лат. lac (herbāgum) 'белый растительный сок (трав)'; lactens annus 'весенняя пора года, когда растения наливаются соками'; греч. γάλα 'сок растений', γάλακτος 'образование сока растений' (ср. при этом многочисленные типологические аналогии связи обозначений 'древесного растительного сока' и 'молока' в разных традициях, Иванов 1974 : 127).

ковой системе с предположением дальнейших ее замен в отдельных диалектах¹.

Достаточно архаичным словом для 'молока', 'масла' должна считаться также по схеме диалектного членения форма, представленная в арийском и кельтском и, следовательно, восходящая к периоду начального членения общиндоевропейского языка: ср. др.-инд. *ghṛtām* 'жирное молоко', 'сливки', 'масло' (множественно в "Ригведе" с большим числом производных) при ср.-ирл. *gert* 'молоко' (Pokorny 1959 : 446).

Общиневропейским следует считать также и термин **melk*'- со значением 'доить':

Греч. ἀμέλω 'дою', лат. *mulgeō* 'дою', ср.-ирл. *bligim* 'дою', алб. *mjel* 'доить', др.-в.-нем. *milchu* 'дою' (нем. *melken*); др.-англ. *melcan* (англ. *to milk*), лит. *mélžti*, др.-рус. *млѣсти* 'сбивать', тох. А *mälklune* 'доить', 'дойка'².

Отсутствие этимологически соотносимого с этой основой слова со значением 'доить' в индо-иранском³ следует истолковывать как замену первичного слова на производное ст основы **d[h]euǵ[h]*- с первоначальным значением 'давать молоко', 'выдавливаться', 'удаваться': др.-инд. *duhāti, dōgdhi* 'доит', пехл. *dōxtan, dōšidan* 'доить', перс. *dōxtan*, осет. *dūcyn* Абаев 1958, I : 371—372)⁴.

¹ Такая замена названия 'молока' в части древних индоевропейских диалектов может объясняться табуированием слова для 'молока', игравшего магическую роль в представлениях древних индоевропейцев, ср. Devoto 1962: 275.

² В частности, в контексте: *sne mälklune yo mälkanē kowī* "и без дойки доятся коровы", 63 b 5, ср. Sieg/Siegling 1921, I.

³ Приводимое, хотя и с оговорками, под этим корнем индо-иранское слово (др.-инд. *mṛjāti* 'трет', 'очищает', авест. *mərəzaiti* 'задевает' и др., Pokorny 1959 : 722) соотносится скорее с греч. ἀμέρω 'обрываю', лат. *mergae* 'внлы' (основа **merk*'-, ср. об иранских словах Абаев 1958, I; 1973, II: 101) и не должно быть связано с индоевропейской основой **melk*'- со значением 'доить'.

⁴ Такие первичные значения для данной основы можно реконструировать, учитывая семантическое развитие этой основы в различных индоевропейских диалектах. К этой основе можно возвести прежде всего диалектные слова со значением 'дочь': др.-инд. *duhitār-* 'дочь', авест. *dugədar-*, арм. *dustr*, греч. θυγάτηρ, гот. *daúhtar*, др.-в.-нем. *tohter* (нем. *Tochter*), прус. *duckti*, рус. *дочь*, тох. В *tkācer* (в первоначальном значении, вероятно, 'вскормленная грудь', Трубачев 1959 : 66). Сюда же относятся такие образования, как др.-инд. *Kāma-duh(ā)*, имя мифологической 'коровы, исполняющей любые желания' (первоначально: 'в изобилии дающая молоко'); вторая половина имени *-duhā* соответствует имени греческой богини Τύχη (первоначально, вероятно, 'корова, исполняющая желания'), при τυχεύω 'удачно попадаю', 'достигаю', ср. Pokorny 1959 : 271. С образом 'молочного изобилия' связано и восходящее к той же основе др.-ирл. *dúan* 'песня', 'стих'.

В качестве символа 'изобилия', связанного с молоком, в индоевропейской традиции выступает также общиндоевропейская основа **ēud[h]*- с первичным значением 'вымя': ср. др.-инд. *ūdhar* 'вымя' (в "Ригведе" — 'вымя коровы' как образ всяческого изобилия, Grassmann 1873 : 271—272), греч. гом. οὔδαρ 'вымя' (как символ изобилия: "Ἄργος... οὔδαρ ἀρούρης, I, 141 "в Аргос—вымя плодородной пашни"; οὔδαγα γὰρ σφαραγέειτο, ι 440 "вымя (у них) расперло (молоком)"; лат. *uber* 'вымя, сосец, грудь'; 'плодородие, изобилие поля, плодородное поле'; др.-в.-нем. *ūtrīp*, ср.-в.-нем. *ūter* (нем. *Euter*) 'вымя', др.-англ.

Характерно, что в индо-иранском заменяется как первичное слово для 'доения' от основы **melk*'-, так и общиндоевропейское слово для 'молока', что можно было бы объяснить спецификой развития молочно-скотоводческого хозяйства у скотоводческих индо-иранских племен после их отделения от некоторых других индоевропейских племен.

Такие новые диалектные термины, обозначающие 'молоко', объединяют индо-иранские языки с некоторыми другими диалектами:

Др.-инд. *kṣīrām* 'молоко' (6 раз в "Ригведе"), осет. *æxsyr*, мундж. *xšīr*, перс. *šīr* 'молоко', алб. *hīrrë* 'сыворожка'; авест. *xšvid-* 'молоко', лит. *svīestas* 'масло', латыш. *sviēsts* 'масло';

Др.-инд. *rāyas-* 'молоко' (часто в "Ригведе"), авест. *raētan-* 'материнское молоко', перс. *pīnū* 'кислое молоко', лит. *pienas* 'молоко', латыш. *piēns* 'молоко'.

Оба этих слова для 'молока' объединяют индо-иранские языки с балтийскими (и в одном случае — с албанским).

Примерно в этом же диалектном ареале выделяется диалектное слово для 'кислого молока', 'сыра': авест. *tūiri-* 'створожившееся молоко', 'сыворожка', греч. гом. *τῦρός* 'сыр', ср. *βού-τῦρον* 'масло', рус. *творог*.

Такой же ареал распространения имеет и другой термин, обозначающий некоторые разновидности 'молока':

Др.-инд. *dādhi*, *род. пад. dadhnás* 'простокваша', 'кислое молоко' (также, видимо, в культовом употреблении, откуда в "Ригведе" *Dadhyañs-* 'имя жреца'); прус. *dadān* 'молоко' (ср. *ructan-dadān* 'кислое молоко'), алб. *djathë* 'сыр', *dhállë*, гер. *dhálltë* 'снятое молоко', 'пахтанье', 'сбивание молока' — редуплицированная форма при нередуплицированной в греч. *θῆλυον* 'молоко', арм. *dal* 'молозиво', 'молочная жидкость' от индоевропейского корня **dhleH(i)-* с первоначальным значением 'сосать грудь', 'кормить грудью', 'давать молоко' (др.-инд. *dháyati* 'сосет молоко из материнской груди', греч. *θῆσατο* 'он сосал', арм. *diem* 'сосу', др.-ирл. *denaid* 'он сосет', лат. *fēlō* 'сосу', гот. *daddjan*, ср.-в.-нем. *dien* 'давать сосать грудь', латыш. *dēju* 'сосу', ст.-слав. *dojiti* 'давать грудь')¹.

В другой группе диалектов (кельтском, германском, славянском, то-

ūder (англ. *udder*), др.-исл. *júgr* 'вымя', ср. лит. *ūdróti* 'быть супоросой' (о свинье; из 'быть беременной', первоначально: 'набухать'); др.-рус. *вымя*, рус. *удить* 'набухать'.

¹ С этим основным древним значением корня связаны как приведенное выше диалектное обозначение 'молока', так и засвидетельствованные по отдельным диалектам семантические производные от основных значений:

'Сосать грудь' → 'сосущий грудь', 'сосунок': лат. *filius* 'сын' (ср. выше, стр. 569₄, о названии 'дочери'), др.-ирл. *dínu* 'ягненок', др.-исл. *dilkr* 'ягненок', ст.-слав. **děti* 'дитя', латыш. *dēls* 'сын', лит. *pirm-dėlė (kávė)* '(корова), отелившаяся впервые';

'Кормить грудью' → 'дающая грудь', 'дающая молоко', 'кормилица': др.-инд. *dhātrī* 'кормилица', *dhenu-* 'дающий молоко', ср. авест. *daēnu-* 'самка четвероногого животного', пехл. *dāyag* 'кормилица', греч. *θηλυς* 'женский', 'самка', *τιθηνη* 'кормилица', лат. *fēmīna* 'женщина' (буквально: 'кормящая'), *fēlix* 'плодоносный', 'ечастливый' (из *'дающий молоко'), ст.-слав. *děva* 'дева' <'женщина'), алб. *dële* 'овца'.

С этими значениями увязывается семантически значение 'дойная корова' и 'дойть': ср., с одной стороны, др.-инд. *dhēnd* 'дойная корова', ср.-ирл. *delech* 'дойная корова';

харском) слово для 'молока' образуется от первоначальной основы **melk*'-со значением 'доить': ср.-ирл. *melg* 'молоко', *bó-milge*, *pod. pad.* 'коровье молоко', *mlicht*, *blicht* 'молоко'; гот. *miluks* 'молоко', др.-в.-нем. *miluh* (нем. *Milch*), др.-англ. *teolc* (англ. *milk*), др.-исл. *mjolk* 'молоко' (из германского обычно выводят ряд славянских названий: ст.-слав. *mlěko*, рус. *молоко*); сербо-хорв. *mlâz* 'количество молока, выдаиваемое за один раз', др.-рус. *млѣзу*, *млѣсти* 'пахтать масло'¹; тох. А *malke*, В *malkwēr* 'молоко'.

Обилие рассмотренных выше диалектных слов для 'молока', 'молочных продуктов', 'доения' и образованных от них названий домашних животных, в частности 'молодняка', свидетельствует о разветвленности скотоводческой терминологии, отражающей развитое молочное хозяйство уже в общеиндоевропейскую эпоху. С этим связана и общеиндоевропейская символика 'вымени' и 'дойной коровы' как поэтических образов всеяческого изобилия. Этн образы изобилия, связанные с 'молоком' и выражающие их языковые символы, становятся уже в общеиндоевропейскую эпоху атрибутами поэтической и древней культовой речи, что и отражено в соответствующих литературных, мифологических и обрядовых традициях.

3.4. «КОРОВА» КАК КУЛЬТОВО-РИТУАЛЬНОЕ ЖИВОТНОЕ У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Другая основная физиологическая и хозяйственная функция 'коровы' отражена в древнеиндийской традиции в особых ритуалах прине-

с другой стороны, греч. *θηλαί* 'доить', ср. рус. *доить*, *доёное молоко* (ср. *Топоров 1975*, I : 285), а также 'сосок', 'материнская грудь' (греч. *θηλή* 'материнская грудь', ср.-ирл. *del* 'сосок', др.-в.-нем. *tila* 'женская грудь', др.-англ. *delu* 'сосок').

Система значений распределенных по диалектам производных от этого слова может представить определенный интерес с точки зрения типологии развития данного семантического поля. При недифференцированности первоначальных значений 'сосать', 'кормить грудью', 'давать молоко' все остальные значения, в том числе и значения 'доить', 'дойный', могут быть сведены к этим исходным значениям, ср. типологически егип. *thr*, объединяющее в себе все эти значения: 'доить', 'сосать грудь', 'давать молоко' (о 'корове'), 'кормить грудью ребенка', отсюда же обозначения 'сосунка' и предметов молочного хозяйства (*Erman/Gradow 1955*, II: 115—116). Поэтому затруднительно дифференцировать исходное значение для семантемы 'доить': связано ли оно со значением 'сосать' или со значением 'давать молоко'. В первом случае (связь значений 'сосать'—'доить') это могло бы служить некоторым отражением первоначального способа 'доения' путем 'сосания' (ср. *Трубачев 1960*: 9—10; *Топоров 1975*, I : 285). Это, однако, не означает, что носители общеиндоевропейских диалектов, где, как было показано выше (стр. 569), выделяется специальная основа с собственным значением 'доить' **melk*'-, не знали 'доения' как метода добывания молока. Такая связь значений в индоевропейском между 'сосать' и 'доить' является скорее следом более ранних хозяйственных методов, связанных с использованием домашних животных и соответствующих символических представлений. Окончательное решение данной проблемы зависит от выводов семантической типологии, полученных на широком этнолингвистическом материале.

¹ При вторичном развитии значения 'сосать' в словацк. (моравском) *mlze* 'сосет' (о детях, о телятах), *Фасмер 1964—1973*, II : 645; ср. выше о семантических переходах в словах данного семантического поля.

сения в жертву стельной ‘восьминогой’ (*aṣṭāpadi*)¹ коровы, у которой из чрева извлекали плод, преподносимый богам. Общендоевропейский характер этого ритуала явствует из наличия в Риме точно такого же обряда жертвоприношения ‘стельной коровы’ (*forda boue*), называвшегося *Fordicidia* ‘убийство стельной коровы’ (*Dumézil 1966 : 364—366*).

В свете этого арийско-италийского ритуально-мифологического соответствия особую значимость приобретает аналогичная символика, засвидетельствованная уже в древнехеттский период (в “Завещании Хаттусили”, *Sommer/Falkenstein 1938*) и предполагающая наличие аналогичного обряда жертвоприношения ‘стельной коровы’ и в хеттской традиции: *apaš annaš-šiš-ma GUD-uš maṣ ḫiṣṣanti-ṣa-ma-kan GUD-iš UR šarrir* “она же, мать его, подобно корове (заревела): Живой-де корове чрево вырвали!”².

3.5. ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ «КОРОВЫ» И «БЫКА» В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

Весь комплекс функций ‘дойной коровы’ как производящей молодняк и вскармливающей его, определяет особую хозяйственную ценность коровы по сравнению с другими домашними животными, в особенности быками³.

В древнехеттских “Законах” (§ 67) ‘корова’ оценивается значительно выше рабочего ‘быка’; в Древнем Царстве за одну украденную корову давали двенадцать голов быков.

В отличие от этого ‘племенной бык’, необходимый для той же функции размножения, ценился выше ‘коровы’. Кражу одного племенного быка в Древнехеттском царстве нужно было возместить тридцатью рабочими быками и телятами (“Хеттские законы”, § 57).

В хеттской, как и в других древних индоевропейских традициях, отражена и функция быков как пахотных животных (хеттская шумерограмма GUD.APIN.LAL ‘пахотный бык’). Согласно “Хеттским Законам” (§ 178) ‘пахотный бык’ ценился выше всего (12 сиклей серебра), далее следовал ‘племенной бык’ — GUD. MAṢ (10 сиклей), ‘стельная ко-

¹ В самом этом термине проявляется специфическая особенность индоевропейской классификационной системы названия ‘живых существ’ по признаку числа ‘ног’, ср. выше о ‘двуногих’ и ‘четвероногих’ (стр. 473 и след.). В этой связи интересно также греческое обозначение морского чудовища — ‘осьминога’, мик. ro-gi-ro-de-, греч. *πολύποδος*, род. пад. *πολύποδος*, буквально: ‘многоногий’, а также древнеиндийское a-rād- ‘безногий’ (в “Ригведе” о змее Вритре, которого поражает бог Индра) и éka-rād- ‘одноногий’ (в “Ригведе” о ‘козле’ у ‘Мирового дерева’), а также греч. *τρίπους* ‘треногий’ в полном тексте загадки сфинкса (ср. *Porzig 1968 : 172*).

² Типологическую параллель обряду жертвоприношения ‘стельной коровы’ и ‘вырывания плода’ из чрева можно видеть в некоторых скотоводческих африканских обществах, где, как и в индоевропейских традициях, плод, вырванный из чрева, преподносится богам (*Dumézil 1966 : 365*).

³ В описываемых исторических индоевропейских традициях ценность ‘коровы’ по сравнению с ‘быком’ была тем более ощутима после появления ‘лошади’ как транспортного средства.

рова' — GUDĀB *armahant-* (8 сиклей), 'взрослая корова' — GUDĀB.GAL (7 сиклей), тогда как 'упряжная лошадь' (ANŠE.KUR.RA *turijaš*) стоила 20 сиклей (§ 180).

В этой стоимостной иерархии отражен факт особой ценности пахотного быка по сравнению с обыкновенным быком, даже племенным быком и стельной коровой. Но упряжная лошадь ценится неизмеримо выше крупного рогатого скота, что соответствует и проанализированным выше данным древних индоевропейских ритуалов.

В это время, то есть в первой половине второго тысячелетия до н. э., 'лошадь' уже становится основным транспортным животным, вытесняя 'быка'.

Для древнейшего периода до одомашнивания 'лошади', превращения ее в основное транспортное животное, впрягаемое в тяжелые повозки, и соответствующего развития самой упряжи (см. об этом подробнее ниже, в разделе о терминологии 'транспорта' и 'упряжи'), 'бык' был основным средством передвижения и упряжным животным. Следы этого более древнего назначения 'быка' можно видеть еще в исторических индоевропейских традициях.

3.6) ПРОБЛЕМА ДОМЕСТИКАЦИИ «БЫКА» И СВЯЗЬ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ОБОЗНАЧЕНИЯ «БЫКА», «КОРОВЫ» С ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИМИ И ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИМИ МИГРАЦИОННЫМИ ТЕРМИНАМИ

Доместикация дикого 'быка' (*Bos taurus* L.) и появление 'быка' и 'коровы' как домашних животных начались в глубокой древности задолго до одомашнивания 'дикой лошади'. Следы домашнего 'быка' и 'коровы' обнаруживаются уже в раннем неолите. При этом в Евразии известны два основных ареала приручения быка — европейский, где дикими предками были огромные быки-зубры (*Bos primigenius* Voij.), и западноазиатский, где дикими предками домашнего быка и коровы были особые разновидности быка — 'короткорогий' (*Bos brachyceros*) и 'длиннорогий'. Западноазиатский ареал считается первичным очагом доместикации 'дикого быка' (Curwen/Hatt 1953 : 43—44; Кларк 1953 : 130—131; Семенов 1974 : 292—293; Perkins 1973). Характерно, что в Малой Азии — в Чатал-Хююке — в культуре, датируемой VII—VI тысячелетиями, обнаружены изображения 'быков' и 'всадника на быке', что указывает на факт объезжания быка при его одомашнивании (см. Рис. 8).

Процесс доместикации нескольких разновидностей 'дикого быка' продолжался, очевидно, в течение длительного периода в двух намеченных выше ареалах. Этот процесс постепенно приводил к изменению внешнего вида приручаемого рогатого скота и образованию специальных пород домашних животных (Кларк 1953 : 130)..

Обращает на себя внимание большая хронологическая дистанция в датировке появления домашнего крупного рогатого скота на Ближнем Востоке (Чатал-Хююк, около 7000 г. до н. э., Северная Месопотамия и се-

веро-западный Иран того же времени, около 7000 г. до н. э.), включая Грецию (Фессалия) и прилегающие области Балкан (которые некоторые ученые считают древнейшим местом находки крупного рогатого скота, *Vökönyi 1974 : 109*), с одной стороны, и на юге Восточной Европы (рубеж V и IV тысячелетий), с другой (ср. *Berger/Protsch 1973 : 220, 224*).

В этом длительном процессе могли участвовать различные этнические элементы, что отражается в распространенности соответствующих терминов, не ограниченных определенными рамками языковых единств. Термины эти — названия 'дикого' и 'домашнего быка' — являются по своему характеру миграционными.

Рис. 8. Изображение человека на быке (Чатал-Хююк, VII—VI тыс. до н. э.).

Сохранившиеся в индоевропейских диалектах слова от общей основы *t^hlaŋgo- с первоначальным значением 'дикий бык', представляющей собой переднеазиатский миграционный термин, указывают на знакомство носителей этих диалектов с диким быком, водившимся именно в Передней Азии (*Bos brachyceros* и *Bos longifrons*). Доместикация именно этой разновидности 'дикого быка' и должна была привести к возникновению породы 'домашнего рогатого скота', 'быка' и 'коровы', которые были обозначены общим словом *k^ou¹. Этот вывод согласуется с другим лингвистическим доводом, согласно которому обозначение для европейского дикого быка — 'зубра' (*Bos primigenius* Воj.) возникает позднее в отдельных группах диалектов как новообразование, получившееся путем

¹ Наряду с этим новым обозначением в некоторых диалектах для 'домашнего быка' и 'вола' сохраняется в фонетически преобразованном виде и первоначальное название 'дикого быка': авест. staoga- 'крупный рогатый скот', осет. sturjstör 'бык', 'корова', пехл. stōr, перс. sutūr, гот. stūr 'бык', др.-исл. stjógr 'бык', др.-англ. stēor, др.-в.-нем. stior и др.

фонетического видоизменения первоначальной основы *t^hlauro- (см. выше, стр. 521).

Отражение факта участия и носителей общеиндоевропейского языка в процессе доместикации 'дикого быка' можно было бы видеть в наличии в индоевропейских диалектах особого обозначения 'быка', образованного от основы *t^hemH- 'укрощать', 'обуздывать', 'насилловать':

Др.-ирл. *dam* 'бык', вед. *dama-* 'бычок, которого следует укротить', алб. *det* 'бычок' (*Maurohofer 1963, II : 35*), греч. *δαμάλης* 'бычок, которого следует укротить', *δαμάλη* 'телка' (см. об этом корне выше, стр. 483₃).

В свете этих данных становится более вероятным давно уже предположенное сопоставление и.-е. *k[']o^u-, *k[']o^u- с шумерским GUD 'бык', 'крупный рогатый скот' (*Ipsen 1923 : 175 и след.*). Слово, отраженное в шумерском [gu(d) 'бык', 'крупный рогатый скот' (истолковываемое фонетически как *gu*=[nu]), ср. *Дьяконов 1967 : 49*), является, очевидно, переднеазиатским миграционным термином, охватывающим широкий ареал. Его наличие обнаруживается в египетском (начиная с Древнего Царства) в форме *ng3w* 'вид больших быков с длинными рогами, особенно как жертвенное и упряжное животное', 'боги в образе быка' (*Erman/Grapow 1955, II : 349*), ср. также позднее засвидетельствованную форму *gw* 'вид быка' (там же, V : 159).

Сопоставление шумерской формы [nu] с египетской *ng3w* делает весьма вероятной связь (возможно, и опосредованную) этих форм с постулируемой индоевропейской формой *k[']o^u-, *k[']o^u-. Сочетание назализованной веларной фонемы /n/ с последующей ларингальной в египетской форме сопоставимо с глоттализированной лабиовеларной в индоевропейской^{1/}

Далее на восток сходное название для 'быка', 'крупного рогатого скота' обнаруживается в древней Восточной Азии, в частности в древнекитайском в формах *'kuo* и *.ngi²u* (ср. *Nehring 1935 : 73—77*), в целом ряде алтайских языков (*Ramstedt 1946—1947 : 25*), с характерным сдвигом значений 'корова', ⇒ 'самка четвероногого' ⇒ 'кобыла': маньчж. *geo* 'кобыла', 'корова', 'самка' (о четвероногих), ср. *geo murin* 'кобыла' (буквально: 'самка коня'), чжурчжен. *k' ó mù-lín* 'кобыла', эвенк. *gēγ* 'кобыла', *goγo* 'самка дикого оленя', письм.-монг. *gegün* 'кобыла' (*Цинциус 1975 : 145*).

Согласованное свидетельство разных лингвистических данных, касающихся нескольких терминов, связанных с обозначениями 'дикого' и 'домашнего быка', определяет ареал первоначального знакомства с 'диким быком' и с 'быком одомашненным' как переднеазиатский.

3.7. КУЛЬТОВАЯ РОЛЬ «БЫКА» У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Общность индоевропейских названий 'дикого' и 'домашнего быка' и переднеазиатских миграционных терминов, как и переднеазиатский аре-

^{1/}Сходная основа *gu-* со значением 'скотный двор' предполагается и для западнокавказских языков, ср. абх. *a-gur* 'коллектив пастухов', *a-g^oarta* 'стадо', *Бжания 1973 : 85*.

ал одомашнивания 'быка', согласуются и со сходством архаических представлений в древних индоевропейских традициях о космических божествах как 'быках' с соответствующими образами египетской, шумерской и древнесемитской мифологий.

В "Ригведе" 'быками' постоянно называются такие боги грома и грозы, как Индра и Парджанья (а иногда и Ашвины). В "Гимне сну о Луне" говорится:

sahāsraśṅgo vṛṣabhó yáḥ samudrād udācarat

(VII 55, 7)

"Тысячерогий бык, который поднялся из моря".

Аналогичная символика лунного божества как 'быка' известна в древнем Двуречье (Labat 1970 : 280) и выявлена в последнее время и в древней культуре Южной Туркмении III—II тысячелетий до н. э. (Массон 1976 : 435—436).

Вместе с тем в "Ригведе" священный бык связан опосредованно и с 'солнцем': в свадебном гимне в колесницу богини Солнца Сурьи впряжены 'два быка' (*gāvaū*, дв. ч., X 85, 11). Далее 'двух быков' закалывают под 'созвездием Агха' (*aghāsu hanyante gāvo*, X 85, 13), в чем можно видеть след космического жертвоприношения, связанного с Солнцем.

Аналогичное жертвоприношение 'быка' в связи с божеством засвидетельствовано в анатолийской традиции в хеттско-палайском ритуале KBo XIX 153 III 14 : EGIR.ŠU-ma GUD.MAḤ ṣi-pa-an-ti nu SAL.ŠU.GI ma-al-ti "затем же он приносит в жертву племенного быка и Старая Женщина молится" (ср. в старой русской традиции 'молить быка' в смысле 'приносить в жертву').

В древней греческой традиции засвидетельствованы "буфонии" — праздник обрядового убийства 'священного быка', который представляет собой целый комплекс ритуальных действий, подготавливающих закалывание быка (съевшего 'жертвенный хлеб') и разделенных между исполнителями отдельных функций: 'девы-водоносицы' приносят воды для омытия топора и ножа, 'первый резник' оглушает быка топором, 'второй' закалывает ножом и поспешно убегает (Фрейденберг 1936 : 95). Эта традиция уходит корнями в глубокую древность и перекликается с тавромахией на Крите (Пендлберн 1950 : 238, рис. 36, 4 и др.; Webster 1958) и еще более древними следами 'культы быка' в древней Малой Азии в Чатал-Хююке (VII—VI тысячелетия до н. э., Mellaart 1967); в то же время эта восходящая к Малой Азии средиземноморская традиция 'сакральной игры с быком', кончающаяся его жертвенным закалыванием, продолжается в преобразованном виде в современном бое быков — корриде.

В греческой традиции известна также и замена принесения в жертву быка 'жертвенной лепешкой', изображающей 'быка' (Фрейденберг 1936 : 197, 402). Сходный обычай отражен в древнеиндийской и особенно в славянской традициях, где до недавнего времени сохранялся ритуал выпечки хлеба — 'коровая' (выступавшего как свадебный мужской символ), наз-

ванного по древнему имени быка *koru- (ср. польск. диал. *karw* 'старый вол'; см. о 'коровае'/ 'каравае' Иванов/Топоров 1974: 244—258).

По сообщению Прокония (VI в. н. э.), славяне приносили быков в жертву богу — "творцу молний". Этот обычай, соответствующий древнеиндийским и древнегреческим представлениям о бoге Грозы (Индре, Зевсе) как быке, у восточных славян сохранялся в обряде заклания 'ильинского быка' на Ильин день (Илья пророк-громовержец как замена старого языческого имени бога, Иванов/Топоров 1974: 169).

Обряды принесения в жертву быка известны по археологическим данным и у древних германцев (Beck 1965: 58, 62, 65, 182).

На основании совпадения метафор в древнеиндийской, греческой и древнеирландской традициях восстанавливается образ героя-мужчины как 'быка' и женщины, девушки как 'коровы' (Campanile 1974); ср. в этой связи отражение образа женщины как 'телки-коровы' (GUD) в хеттской традиции (в молитве царицы Пудухепы богине Аринны, KUB XXI 27).

Совокупность всех этих данных разных индоевропейских традиций не оставляет сомнения в древности культовой, как и хозяйственно-транспортной роли 'быка' у древних индоевропейцев, лишь в поздней общиндоевропейской традиции — после появления 'лошади' — уступившего ей первенство.

4. «ОВЦА», «БАРАН», «ЯГНЕНОК»

4.1. ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ОВЦЫ», «БАРАНА» И «СКОТА»

Общиневропейская основа со значением 'овца' восстанавливается в форме *H₂o₁i-:

Лув. *h₂o₁i-* 'овца', иер. лув. *hawa/i-* (Laroche 1959a: 44—45, 151), др.-инд. *āvi-* 'овца', *avikā* 'овца', *avi-pā(lā)-* 'пастух овец', арм. *hoviw* 'пастух' (из 'овечий пастух', ср. др.-инд. *avi-pālā-*), греч. ζ(F)ις 'овца', 'баран', лат. *ovis* 'баран', 'овца', др.-ирл. *oí* 'овца'; др.-исл. *ætr*; др.-англ. *ēow* (англ. *ewe*), др.-в.-нем. *ou* 'овца', гот. *awistr* 'овечье стойло'; лит. *avis*, латыш. *avs* 'овца', ст.-слав. *ovīca* (<*ovi-ka) 'овца'.

По диалектному распределению соответствующих форм (совместное свидетельство анатолийского и греко-армяно-арийского, а также "древнеевропейских" диалектов) слово постулируется для эпохи индоевропейской языковой общности.

Иранские диалекты показывают, при отсутствии рефлексов формы *H₂o₁i-, формы со значением 'овца', 'мелкий скот' от индоевропейской основы *p^hleḱ[h₁-(u)-]: авест. *pasu-* 'скот', 'мелкий скот', согд. *psw* 'мелкий скот', осет. *fys/fus* 'овца', 'баран'.

Следы употребления форм от корня *p^hleḱ[h₁-] в значении 'овца' можно обнаружить и в латинском и германских языках: лат. *pecus*, ср. р.,

род. пад. *pecoris* 'скот; домашние животные', 'мелкий скот', преимущественно 'овцы' (ср. *pecus capraeque* 'овцы и козы', поэтич. *pecus lanigerum* 'шерстеновые овцы'); *pecus*, ж. р., род. пад. *pecūdis* 'домашнее животное', 'мелкий скот', преимущественно

Рис. 9. Ритуальный сосуд с головой барана (Древнебалканская культура, V тыс. до н. э.)

'овцы' (ср. *armenta et pecudes* 'крупный и мелкий скот', *pecus Hellēs* 'животные Геллы', 'баран', по мифу: 'золоторунный баран', на котором Гелла перелетала Геллеспонт); др.-исл. *fær* 'овца'.

4.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ШЕРСТИ» И ТЕРМИНОЛОГИЯ ОБРАБОТКИ «ШЕРСТИ»

Наряду с основой **Ноци-* в значении 'овца' в некоторых индоевропейских диалектах выступают производные от корня **p[hl]ek[hl]-*. Древность этого последнего названия 'овцы'

можно было бы видеть в специфическом употреблении образований от корня **p[hl]ek[hl]-* в индоевропейских диалектах со значением 'чесать', 'чесало', 'шерсть', 'руно', 'волос':

Греч. *πάχω*, *πίχτω*, *πέχτω* 'чесу', 'стригу'; *πέχος* 'руно', 'шерсть', гом. *πόχος* 'шерсть', 'обстриженная овечья шерсть', лат. *pectō* 'чесать (шерсть)', 'расчесывать (волосы)', *pecten* 'гребень', 'чесалка' (для шерсти), др.-в.-нем. *fahs*, др.-англ. *feax* 'волосы', *feht* 'руно', лит. *pašyti* 'щипать' (*vilna* 'шерсть'), ср. арм. *asr* 'шерсть овец', 'руно'; сюда же относится, по-видимому, др.-инд. *pákṣma* 'ресницы', 'волосы', 'шерсть', авест. *pašna-* 'веко', пехл. *pašm* 'шерсть', осет. *fæsm* 'шерсть осенней стрижки' (ср. Pokorny 1959 : 797)¹.

¹ Наряду и параллельно с этим корнем в значении 'чесать', 'чесалка' засвидетельствованы производные от основы **k[hl]es-*: хет. *kišai-* 'чесать' (шерсть, в частности овец), SFG *kišri-* 'шерстяное изделие', рус. *чесать*, ср.-ирл. *cír* 'гребень', греч. *ξάμιον* 'гребень', 'чесалка для шерсти' и др.

Основное название для 'шерсти' (овечьей) в индоевропейском представлено основой **Нцл-п-*: хет. *ḫulana-*, др.-инд. *úgrā*, авест. *vaḡnā-*, греч. *λήνος*, лат. *lāna*, гот. *wulla* 'шерсть', др.-в.-нем. *wolla* (нем. *Wolle*), лит. *vilna*, латыш. *vilna*, др.-рус. *вълна*, рус.-диал. *вълна* 'овечья шерсть'.

В хеттском еще сохраняется связь названия 'шерсти' *ḫula-na-* с обозначением действия обработки — 'наматывания' шерсти (*ḫulaliija-* 'наматывать' о шерсти) и орудия работы с 'шерстью' — 'веретена' (хет. *ḫula-li-*).

Это позволяет реконструировать для общиндоевропейского две формы со значением 'овца': это, в первую очередь, *Ноуі- и, с другой стороны, производные от корня *p^hleḱ[h]-. От последнего корня *p^hleḱ[h]- образуется в общиндоевропейском и другая основа — на -u: *p^hleḱ[h]-u- со специфическим значением 'скот вообще' (в частности, 'крупный и мелкий рогатый скот как совокупность домашних животных', см. выше, стр. 469₂)¹

С этим последним значением увязывается и значение 'имущество', 'деньги':

Др.-инд. *páśu-*, род. пад. *páśvāḥ* 'скот', *puru-kṣú-* 'богатый' (буквально: 'имеющий много скота'), лат. *pecū*, род. пад. *pecūs* 'скот' (крупный и мелкий), *pecūnia* 'движимое имущество', 'богатство', 'собственность', ср. *pecūlium* 'собственность, движимое имущество'; гот. *faíhu* 'деньги', 'собственность' (ср. *Benveniste 1969, I : 53—57*), др.-исл. *fé* 'скот', 'имущество', 'деньги', др.-англ. *feoh* 'скот', 'движимое имущество', 'деньги', др.-в.-нем. *fihu* 'скот' (нем. *Vieh*); прус. *pecki* 'скот', лит. *pėkus* 'скот'.

Таким образом, для общиндоевропейского следует различать формально-семантически два различных образования от корня *p^hleḱ[h]-: это, с одной стороны, основа на *-u- со значением 'скот вообще', крупный и мелкий, и связанным с ним значением 'движимое имущество', а с другой, — ряд производных со специфическим значением 'овца', 'руно', 'шерсть', 'волос' (при параллельном термине *Ноуі- в значении 'овца'). В ряде исторических диалектов сохраняются оба названия 'овцы' (ср. лат. *ouis* и *pecus*, род. пад. *pecoris* при основе на -ud- в *pecus*, род. пад. *pecūdis*; др.-исл. *éir* и *fáir*) или производные от обоих названий 'овцы' (ср. арм. *hoviw* 'овечий пастух' и *asr* 'овечья шерсть', 'руно'², греч. *ὄφις* и *πόκος* и др.).

Полное преобразование соотношений общиндоевропейских названий 'скота' (как крупного, так и мелкого) и 'овцы' происходит в иранских диалектах. Формы, восходящие к индоевропейским основам *k^oou- 'корова', 'бык', *t^hlauro- 'дикий бык', приобретают тут значение родового термина

¹ В этом общем значении 'рогатый скот' индоевропейское слово *p^hleḱ[h]u- попадает в центральноазиатские, в частности алтайские языки: др.-тюрк. *ōküz* 'бык', 'вол', узбек. *hokuz*, чуваш. *vākär*, монг. *ūxeg* 'крупный рогатый скот', *ūxeg žil* 'год быка' (второй год животного цикла), тунгусо-маньчжур. *hukig* 'бык', 'скот' (*Ramstedt 1946—1947 : 25*; ср. *Щербак 1961 : 98*). Закономерные фонетические соотношения, проявляемые соответствующими формами алтайских языков, указывают на исключительную древность заимствования индоевропейской формы *p^hleḱ[h]u-, по-видимому, еще в период алтайского диалектного единства.

² Арм. *asr*, род. пад. *asu*, прилагат. *asu-et* 'шерстистый' следует считать производной формой от корня *p^hleḱ[h]- с гетероклитическим суффиксом -r/-u, исторически отличным от негетероклитического -u-, представленного в общиндоевропейском *p^hleḱ[h]u-. К армянскому типу образования ср. арм. *metr*, род. пад. *metu* 'мед', прилагательные типа *barjr*, род. пад. *barju* 'высокий' и др. (ср. *Benveniste 1955 : 62*).

‘крупный рогатый скот’ (ср. авест. *gav-* ‘скот’, *gāuš urvan-* ‘душа скота’, *gāo-dāyah-* ‘ухаживающий за скотом’), вытесняя при этом первичное название ‘скота’ **phlek[h]u-*, которое занимает в системе значений данного семантического поля место древнего **Ноци-*, вышедшего из употребления и утерянного еще в общеиранском.

Тем самым **phlek[h]u-* приобретает в иранском специальное значение ‘мелкого скота’, ‘овцы’, ‘барана’ и объединяется в этом значении с древними производными от корня **phlek[h]u-*, образуя с ними формально недифференцированную группу слов:

Авест. *pasu-* ‘скот’, ‘мелкий скот’, согд. *psw* ‘овца’, хотано-сакск. *pas-* ‘овца’, ‘мелкий скот’, пехл. *pah*, курд. *pes, pas*, тальш. *pas*, афган. *psə* ‘овца’, ‘мелкий скот’, осет. *fys* ‘овца’ (ср. *Абаев 1958, I : 500—501*). Наличие в общеиндоевропейском двух различающихся названий ‘овцы’ **Ноци-* и **phlek[h]u-* должно свидетельствовать о различении в хозяйстве разновидностей ‘овцы’.

Этимологическая связь основы **phlek[h]u-* ‘овца’ со словами, обозначающими ‘стрижку шерсти’ и ‘чесание шерсти’, могла бы служить основанием для определения соответствующей разновидности ‘овцы’, шерсть которой стригли и использовали в хозяйстве. Другое название ‘овцы’ **Ноци-* могло служить общим видовым названием или обозначать какую-либо другую разновидность овец (см. ниже об этимологическом объяснении этого термина).

Вместе с тем не подлежит сомнению первоначальная этимологическая связь между **phlek[h]u-* ‘крупный и мелкий рогатый скот’, ‘скот вообще’, ‘движимое имущество’, ‘богатство’, с одной стороны, и основой **phlek[h]u-* с первичным значением ‘чесать’ (шерсть), далее ‘овца’ — с другой. Можно заключить, что первоначальное название ‘скота’ вообще, как крупного, так и мелкого, было образовано в праиндоевропейском по названию ‘овцы’. Это можно было бы объяснить в принципе характером стада домашних животных со значительным преобладанием ‘овец’ как основных и наиболее распространенных животных на раннем этапе истории носителей индоевропейского языка.

4.3. «ОВЦА» И «ОВЦЕВОДСТВО» У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ И ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ С ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИМ ОВЦЕВОДЧЕСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ

Реконструируемая картина раннего индоевропейского скотоводческого хозяйства с преобладанием ‘овцы’ в стаде (на этом этапе отождествляемом со ‘стадом овец’) предполагает такие географические области расселения индоевропейцев, где уже в то время одомашненные ‘овцы’ были представлены в большом количестве.

Выводы палеозоологии, касающиеся domestikации овец, протекавшей первоначально в горных областях, определяют в качестве древнейшего

основного ареала одомашнивания овцы область одомашнивания муфлона (*Ovis aries musimon*), простирающаяся от острова Кипр и Малой Азии до Ирана. По хромосомному набору все современные породы овец считаются происходящими от одного типа, одомашненного в переднеазиатском ареале, ср. *Matolcsi 1973; Perkins 1973; Ucko/Dimbleby 1969 : 149.*

В более восточных областях от Средней Азии и Афганистана до Тибета был позднее одомашнен уриал (*Ovis ammon vignei*); еще далее на восток лежит ареал одомашнивания аргали (*Ovis ammon* L.) в Центральной и Восточной Азии от Памира до Камчатки (*Семенов 1974 : 290—291*). В Европе до позднего бронзового века (то есть до I тысячелетия до н. э.) овцы составляли относительно небольшую часть всего стада (см. количественные данные по европейскому ареалу *Кларк 1953 : 124—125*). Древние европейские виды овец происходят от муфлона (европейский вид *Ovis aries palustris*) и связаны с ближневосточно-кавказской группой овец (*Perkins 1973; Ucko/Dimbleby 1969*).

Появление домашней овцы на юге Восточной Европы совпадает по времени с появлением там крупного рогатого скота (*Curwen/Hatt 1953 : 41*). Самые ранние находки торфяниковой овцы относятся к неолиту Британии (2500—2000 лет до н. э.); с этим связано и полное отсутствие следов шерсти в неолите Европы (*Кларк 1953 : 235—236*).

Наличие развитого овечьего хозяйства с большим количеством овец, составляющих основную массу скота, естественно, следует предположить для доисторического периода в первую очередь в областях первичной доместикизации овец, что свидетельствует в пользу локализации первоначальной индоевропейской территории в ареале, близком к области доместикизации 'муфлона'. Как известно, позднее именно в определенной части этого ареала — в Малой Азии — были выведены тонкорунные овцы, которых вывозили из Милета и Сард. С этим сопоставляют и легенду о "Золотом руне и аргонавтах" в Колхиде, где овцеводство было развито с глубокой древности.

4.4. КУЛЬТОВАЯ ЗНАЧИМОСТЬ «ОВЦЫ», «ШЕРСТИ», «ПРЯЖИ» В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

Значительная роль овцы в хозяйстве древних индоевропейцев отражена и в культовой значимости 'овцы' и 'шерсти' в индоевропейской культурной традиции.

'Овца' наряду с 'конем' и 'коровой' является одним из трех основных жертвенных животных, посвящаемых богам. При этом овца приносится в жертву кровно — путем закалывания (в древнеиндийской, древнеиранской, римской, германской, славянской традициях) и бескровно — в виде остриженной или оципанной шерсти.

В хеттских текстах отражен специальный обряд, связанный со 'стрижкой овец' и посвящением шерсти женскому божеству — Камрусепе

(Goetze 1938 : 88 и след.). В хетто-лувийском ритуале KUB IX 4 II 10—43 и других, ему подобных, 'овца' выступает как основное культовое животное, с которым "Старая Женщина" совершает различные магические действия. 'Овца' (лув. *ḫaḫiṣ*) должна помочь изгнать 'беды', подробно перечисляемые в ритуале (ср. ниже о библейском 'козле отпущения').

В мифе об исчезающем и возвращающемся боге плодородия Телепину перед ним воздвигается 'Мировое дерево' (GIŠ *eja*-), на которое 'навешивается руно овцы-барана' (UDU-aš KUS *kur-ša-aš kán-kán-za*), и внутри 'жир барана кладется' (UDU-aš IĀ-an *ki-it-ta*) и далее внутрь помещают 'быка и овцу' (GUD UDU *ki-it-ta*), KUB XVII 10 IV 27 и след., ср. Naas 1977 : 117 и след.

В римской традиции 'овца' (*ovis*) посвящается Квирину — главному богу-покровителю хозяйства (Dumézil 1966 : 240).

В ряде архаичных индоевропейских традиций с культом 'овцы' связана сакральная роль 'шерсти', имевшей широкое применение в хозяйстве. Обычно культ 'шерсти' связан с женским божеством 'Нижнего мира', атрибутом которого является 'веретено', символизирующее обычно хозяйственную функцию 'божества'.

Характерно, что в древнехеттских ритуалах, где часто упоминается 'шерсть' (*ḫulana*-) и 'веретено' (*ḫula-li*-), они связываются с 'Нижним миром' и с обитателем 'Нижнего мира' — 'змеем' (змея — MUŠ — сидит на 'шерсти', ее 'связывают' и 'развязывают' на 'шерсти': MUŠHI.A-uš *an-da ḫu-u-la-[ni-i] ḫa-mi-ik-ta* "змей на шерсти (он) связал", KBo III 8 III 8); в ритуале KUB XXIX 1 Vs. II 6—9 'нижние' (*kattereš*) боги, которых видит 'орел', держат в руках 'веретена' (GIŠ *ḫulali*-), символизирующие продолжительность жизни: ср. *nu LUGAL-ya-aš MU.KAMHI.A-uš ta-al-di-ja-an-zi ú-it-ta-an-na ku-ut-ri-eš-mi-it kap-pu-ú-ya-ú-ya-ar...* "... и царя годы молят, их лет краткость, счет...".

Такого же типа женские божества 'Нижнего мира' представляют собой древнегреческие 'мойры' и древнеисландские 'норны', прядущие судьбу, то есть продолжительность лет и последовательность жизней и смертей (ср. у Гете образ 'ткацкого станка времени' — *Webstuhl der Zeit*). Представления о 'богине-женщине', держащей 'веретено' и символически 'прядущей шерсть', могли, естественно, возникнуть только в культурах с широким распространением 'шерстеносных овец', игравших существенную роль в хозяйстве.

В Средней Азии у таджиков сохранился культ женского божества — покровительницы ткачества и прядения, к которой обращаются за помощью бесплодные женщины.

Аналогию такому 'женскому божеству' в славянской традиции представляет богиня Мокошь, входившая в основной древневосточно-славянский пантеон и связывавшаяся со 'стрижкой овец' и 'прядением'.

Как славянская Мокошь, так и иранское божество (в "Авесте" *Aradvi Sūra Anāhita*), могут относиться к тому же типу представлений о 'женском божестве', прядущем шерсть.

(4.5.) ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ СЛОВ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ, ОБРАЗОВАННЫХ ОТ КОРНЯ В ЗНАЧЕНИИ «ТКАТЬ», «ОВЕЧЬЯ ШЕРСТЬ»

Представление о 'прядении шерсти' как источнике 'богатства' и символе 'судьбы' отражается также и в этимологически соотносимых друг с другом формах исторических диалектов, главным образом, германских, обозначающих 'прядение' и 'пряжу', 'ткань', с одной стороны, и 'судьбу', 'удачу', 'богатство', с другой: ср. др.-исл. *váð* 'пряжа', 'ткань с ткацкого станка', др.-англ. *wæd* 'одежда', 'платье' (англ. *weeds*), др.-в.-нем. *wāt* 'одежда' при др.-исл. *audna* 'судьба', 'удача', *audr* 'богатство', др.-англ. *ēad* 'богатство', 'удача'. Такую связь значений можно объяснить представлением о 'пряющей или ткущей богине судьбы', распределяющей 'богатство' (ср. *Pokorny 1959 : 76*).

Рассмотренная выше семантическая связь между элементами единого семантического поля 'овца' ~ 'овечья шерсть' ~ 'прядение шерсти' ~ 'тканье' позволяет предположить возможную общность происхождения соответствующих обозначений. Такую связь можно было бы видеть, во-первых, между общеиндоевропейскими названиями 'овцы' ***H₂oi-** и 'шерсти' ***H₂u|n-**, которые следует соотносить изначально с корнем ***He/ou-** / ***H₂u-** в значении 'ткать': др.-инд. *ótum* 'ткать', *ótave*, *vátave* 'он ткёт', перф. 3 л. мн. ч. *ūvuh* 'они наткали', прич. *ūtá-*; ср. также *váyati* 'ткет', *vāyá-* 'ткач', *vāna-* 'тканье'¹.

В таком случае форма ***H₂oi-** 'овца' анализируется как древнее производное на ***-i-** от корня ***H₂ou-** (в полной ступени с огласовкой ***o**), тогда как форма ***H₂u|n-** 'шерсть' предстает как производная на ***-i-** от того же корня с нулевой огласовкой (ср. также хет. *hula-li-* 'веретено', *hula-li-ja-* 'наматывать шерсть' от той же основы).

Возможно, к тому же первичному корню ***H₂u-** с суффиксом ***(e)b[hl]** восходит в конечном счете и наиболее распространенное в диалектах индоевропейское обозначение 'тканья': др.-инд. *vābh-* в вед. *orṇa-vābhá-* 'приходящий от прялки' (в "Ригведе" прозвище демона), *ubhnāti* 'связывает'², авест. *ub-daēna-* 'из ткани', греч. гом. *ὑφαίνω* 'тку', *ὑφή* 'тканье', др.-в.-нем. *wewan* 'ткать' (нем. *weben*), др.-англ. *wefan*, *wębbian* 'ткать' (англ. *weave*), др.-исл. *vaf* 'веретено', тох. В *wār-* 'ткать'.

(4.6.) РАЗНОВИДНОСТИ «ОВЦЫ», «БАРАНА» И ИХ ДИАЛЕКТНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Все приведенные выше данные свидетельствуют о наличии развитого овцеводства у древних индоевропейцев с использованием различных видов

¹ В древнеиндийских формах представлены ступени огласовки корня—полная ***He/ou-**: *ótum*, *ótave* и нулевая ***H₂u-**: *vátave*, *váyati*, *vāna-* и ***Hu-**: *ūvuh*, *ūtá-* (ср. к долготу *ū* др.-инд. *ūpā* из ***H₂u|n-**); нулевая ступень от этого корня ***Hu-** лежит в основе производной на ***-d^{hl}-**: ***Hu-d^{hl}-**, ***H₂u-elod^{hl}-**, которые и представлены в разобранных выше германских формах типа др.-исл. *aufna* 'счастье' и *vád* 'ткань'.

² О связи корней др.-инд. *ubhnāti* и *vátave* см. *Pokorny 1959 : 1114*.

овец (***Ноци-**, ***p[h]eġ[h]u-**) и широким применением 'овец' и 'овечьей шерсти' (***Нулп-**) в хозяйстве.

Еще у хеттов засвидетельствована разветвленная терминология с перечислением разных видов 'овец'. При общем обозначении 'овцы' шумерограммой UDU в хеттских текстах различаются виды овец: UDU.A.LUM, UDU.ĀŠ.SAL.GĀR 'молодая овца', 'овечка', UDU.KUR.RA 'горная овца', UDU.NITÁ 'баран', UDU.SĪG + SAL 'шерстеносная овца', UDU.ŠE 'жирная овца', 'жирный баран', UDU.ŠIR 'племенной баран' (Friedrich 1952 : 298).

Особые обозначения 'молодой овечки', 'ягненка' сохраняются в определенных древних индоевропейских диалектных общностях. Такой древний диалектный термин ***ag[h]no-**, в частности, отражен в греч. *ἀγνός* 'ягненок', 'овечка', *ἀγνή* 'овечка', лат. *agnus* 'ягненок', *agnā* 'овечка', др.-ирл. *úan* 'ягненок', др.-англ. *ġanian* 'ягниться' (англ. *yeap*), ср. слав. **agniti* (*se*) 'ягниться', ст.-слав. *agne* 'ягненок', с многочисленными производными уже в праславянском, ср. Трубачев 1974, I : 54—57. Термин ограничен итало-кельто-германо-славяно-греческой диалектной общностью, представляющей один из самых древних диалектных ареалов.

Другой диалектный термин ***ug-en-** засвидетельствован со сходным кругом значений в греко-армяно-арийском ареале: др.-инд. *úrā* (ж. р., в "Ригведе" в значении 'овца'), *úraṇa-* 'баран', 'ягненок'; пехл. *warrag* 'баран', перс. *barra* 'ягненок', осет. *wær* 'ягненок'; греч. гом. (F) *ἀρήν*, *pod. nad. ἀρνός* 'овца', 'ягненок', мик. греч. *we-re-ne-ja* 'относящаяся к ягненку' (Risch 1976 : 313), арм. *garn*, *pod. nad. gafin* 'ягненок'. В случае отнесения сюда же лат. *ueruex* 'холощенный баран' корень слова может считаться значительно более древней, восходящей к общиндоевропейской эпохе, формой, обозначавшей определенный вид 'овцы', 'барана'.

К диалектным терминам, обозначающим 'ягненка', 'барана', относится также основа ***er(i)-**: лат. *ariēs*, *pod. n. arietis* 'баран', умбр. *erietu* 'барана', *вин. nad.*, арм. *oroġ* 'ягненок', прус. *eristian* 'ягненок', лит. *ėras* 'ягненок', латыш. *jērs* при др.-рус. *ярѣка* 'молодая овца', *ярѣ* 'ягненок', рус. *ярина* 'овечья шерсть' (ввиду фонетической формы начала слова предполагается контаминация в славянском с корнем, обозначавшим 'весну', ср. Трубачев 1960 : 77—78). При отнесении сюда же слов с суффиксом ***b[h]l-** и с некоторым переносом значения (греч. *ἔρφος* 'козленок', др.-ирл. *heirp* 'коза', *erb* 'корова') слово может считаться восходящим к более широкой и, соответственно, более древней диалектной общности.

Вторичные названия 'барана' от первичной основы ***Ноци-** образуются уже в пределах сравнительно поздних узких диалектных общностей типа балто-славянской: прус. *awins* 'баран', лит. *āvinas*, латыш. *āuns*, ст.-слав. *овѣнѣ* 'баран'.

Уже к истории отдельных исторических индоевропейских диалектов относятся новообразования в таких словах или словосочетаниях, обозначающих 'мелкий рогатый скот', 'овец', 'баранов' (часто сосуществующих и со старыми названиями), как хет. UDU *iġanza* 'овца идущая', греч. *τὰ πρόβατα* (буквально: 'идушие впереди', откуда 'движимое имущество')

во', 'овцы', *Benveniste 1969, I : 37—45*), ср. др.-исл. *gangandi fé* 'идуший скот' (ср. к типологии др.-тюрк. *baran* 'идуший', откуда рус. *баран*, см. *Трубацев 1960 : 76*). Семантическую связь с этой группой названий 'овцы', 'мелкого рогатого скота' обнаруживает и специфическое тохарское обозначение 'овцы': тох. А *śoś* 'овца', 'скот', связываемое этимологически с и.-е. **t'euǵ[h]*- 'тянуть', 'вести' (лат. *dūcō* 'веду', др.-англ. *tiegan*, др.-в.-нем. *ziohan*, нем. *ziehen* 'тянуть', 'тянуться', 'отправляться').

Любопытно, что древнейшие названия 'овцы' и 'мелкого скота' связываются этимологически с названием 'шерсти' и обозначениями действий, производимых с 'шерстью' (**Ноу-і-* 'овца'; **Ну|-n-* 'шерсть', **Ну-eb[h]*- 'ткать'; **р[h]ek[h]u-* 'скот'; **р[h]ek[h]*- 'овца', 'чесать', 'шерсть'), тогда как позднейшие названия 'овцы' и 'мелкого скота' происходят от глаголов, обозначающих 'движение', 'переход' стада (греч. *πρόβατον*, тох. А *śoś* и др.). В этих последних названиях можно было бы видеть отражение способности перехода мелкого рогатого скота на большие расстояния, что, очевидно, приобрело значимость в период ранней истории отдельных индоевропейских племен. В условиях полукочевого хозяйства 'овцы' двигались вместе со всем населением, перебирающимся на новые места жительства.

5. «КОЗЕЛ», «КОЗА»

5.1. АРЕАЛЬНЫЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «КОЗЛА» — «КОЗЫ»

Индоевропейские названия 'козла', 'козы' показывают главным образом ареальное распределение, указывающее на существование соответствующих слов в определенных диалектных общностях:

**q[h]ok'*- : ср. ст.-слав. *koza* 'коза', др.-рус. *коза* 'коза', *козьль* 'козел', *козьле* 'козленок'; алб. *keth, kedhi* 'козленок'; ср.-голл. *hoekijp*, др.-англ. *hēcen* 'козленок' (ср. *Pokorny 1959 : 517*) при др.-инд. *ajā-* 'козел', *ajā* 'коза', *ajikā* 'коза' (к форме ср. *avikā* 'овца'), ср.-перс. *azak* 'коза', перс. *azg*, лит. *ožys* 'козел', *ožkà* 'коза', прус. *wosux* 'козленок', *wosee* 'коза'; сюда же относятся названия 'козлиной шкуры': др.-инд. *ajīnat*, др.-рус. *язьно* (к соответствию # *k* ~ # *∅* см. выше, стр. 129 и след.).

Форма архаична уже ввиду наличия в архетипе поствелярного **q[h]*-. По распределению в исторических диалектах (основные восточные группы языков и балто-славяно-германские) основу следует постулировать уже на начальных этапах распада индоевропейского языка. Сохранение поствелярного в такой относительно поздний период может объясняться особенностями слов со специфической семантикой, определяющей и возможность аномальной фонетической структуры. Такое поствелярное **q[h]* могло в это время уже представлять не отдельную фонему, а особый фонетический вариант велярного **k[h]* (в начальной позиции в подобных специфических формах, ср. выше названия животных с начальным **q[h]*:- **q[h]uǵ[h]*- и **q[h]e/op[h]*-, стр. 515; 523).

Другим в фонетическом отношении аномальным ареальным словом,

обозначавшим 'козла' в определенной диалектной общности, является *b[hl]uk'o- (редкое сочетание в корне звонкой придыхательной и глоттализированной)¹:

Авест. *būza-* 'козел', [перс. *buz* 'коза', 'козел'; арм. *buc* 'ягненок'; ср.-ирл. *bosc* (форма с геминацией *-kk-*), валл. *bwch*, брет. *boisc'h* 'козел'; др.-исл. *bukkr*, *bokkr*, *bokki*, др.-англ. *bucca* (англ. *buck*), др.-в.-нем. *boc* (нем. *Bock*) 'козел'. Форма с геминацией представлена и в др.-инд. *bukka-* 'козел' (у лексикографов), *Mayrhofer 1963, II: 436*.

По диалектному распределению (арийско-армянский, кельто-германский) форма является древней, постулируемой примерно для того же хронологического уровня, что и *q[hl]ok'- (ср. также *Порциг 1964: 172*).

Другие названия 'козла' ограничены более узкими диалектными ареалами и постулируются соответственно для поздних этапов членения индоевропейского языка, ср. лат. *haedus* 'козленок', гот. *gaitis*, др.-англ. *gāt* 'коза' (англ. *goat*) (итало-германское слово, ср. *Порциг 1964: 171—172*).

При наличии нескольких названий 'козы', постулируемых для определенных диалектных общностей, обращает на себя внимание участие германского в каждом из этих ареалов (ср. также другое общее итало-германское слово для 'козы': лат. *capra*, др.-исл. *hafra*, др.-англ. *hæfer* от первоначального названия 'вепря' *q[hl]uēp[hl]-, см. выше, стр. 515)². Особая распространенность в германском различных обозначений 'козы', 'козла' должна, естественно, отражать значительную роль этого животного для древних германцев. С этим согласуется и особая культовая значимость 'козла' в древнегерманской традиции.

5.2. РИТУАЛЬНО-МИФОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ «КОЗЛА» В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

'Козел' выступает в древнеисландской мифологии как животное, впрягаемое в 'колесницу божества'. В 'Эдде' бог грома Тор ездит на колеснице, запряженной парой козлов (*hafrar*, "Þrymskviða", 21 и др.). Исключительная древность этого образа видна из аналогичных свидетельств ряда индоевропейских традиций: балтийской, где бог грома Перкунас ездит на 'козлах', славянской, где мифологические персонажи сидят 'на козлах' и в особенности древнеиндийской, где 'козлы' (*ajā-*) как средство передвижения богов приравниваются к 'коням' (ср. вед. *ajāśva-* 'козел-конь' как обозначение животных, впряженных в колесницу бога

¹ Такие же отклонения от закономерностей распределения фонем в корне показывают и архетип, предполагаемый на основании соответствия др.-в.-нем. *ziga* 'коза' (нем. *Ziege*), норв. диал. *tikka*, греко-фрак. *diça·aiξ* 'коза', арм. *tik* 'бурдюк', 'мех для вина': *t'ig[hl]- (ср. общекартвельское *dqa- 'коза': груз. *txa*, мегр.-лаз. *t̃xa*, сван. *daq-əl*; ср. также др.-тюрк. *tekä* 'козел', монг. *tex* 'дикий горный козел').

² Единственной ареальной изоглоссой по названию 'козла', в которой не участвует германский, является греко-армяно-ирайская: греч. *aiξ*, род. пад. *aiγός* 'коза', мнк-греч. *aizā* 'козья' (*Risch 1976: 313*), арм. *aus* 'коза', авест. *izaēpa-* 'из кожи'.

Пушана, ср. *Watkins 1970a*; ср. обращение к Пушану: *ajāśvaḥ paśurā* “тот, у кого козлы-кони, тот, кто охраняет скот”, VI 58, 2).

В ведийском описании архаического ритуала приношения в жертву лошади—“ашвамедхи”—перед конем убивают козла, отправляемого к богам как вестника, возвещающего о начале обряда жертвоприношения (I, 162, 4):

*ātrā puṣṇāḥ prathamō bhāgā eti
yajñāt devébhyaḥ prativedāyann
ajāḥ*

“Так при этом сначала идет жертвенная доля Пушана -- Козел, предвещающий богам жертвоприношение”.

Связь ‘козла’ (*ajā-*) с ‘лошадью’, ‘конем’ (*āśva-*) в “Ригведе” проявляется и в том, что ‘одноногий козел’ (*ajā- ékapad-*) представляется стоящим у средней части ‘Мирового дерева’ *aśv-atthá-*.

Рис. 10. Позднехеттский рельеф с изображением козла у ‘Мирового дерева’

Ритуал жертвоприношения ‘козла’ засвидетельствован также и в других древних индоевропейских традициях, в частности в германской (*Beck 1965 : 62—63, 65, 68*), римской (*Dumézil 1966 : 342*).

5.3. «КОЗА» И «КОЗЬЕ ХОЗЯЙСТВО» У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

При всей естественности ритуальной значимости ‘козла’ в индо-иранской традиции, объясняемой экологическими условиями существования древних индо-иранцев, в хозяйстве которых известны многочисленные стада коз, ‘козел’ как значимое ритуальное животное для древних германцев, а также балтов и славян не может выводиться из характера среды их обитания в исторический период.

В доисторической Европе ‘козы’ появляются из Азии позднее, чем ‘овцы’. Они нехарактерны для лесных и лесостепных районов Европы (не более 8—10% мелкого рогатого скота), но и в Северном Причерноморье их распространение в железном веке (то есть в первом тысячелетии до н. э.) связано с позднейшими переселениями иранцев и греков (*Цалкин 1966 : 29, 88*)¹.

Следовательно, разветвленность и архаичность германской терминологии, обозначающей ‘козла’, ‘козу’, а также ритуальная значимость этого животного в культурной традиции германцев, балтов и славян должны

¹ С этой картиной в Европе первого тысячелетия до н. э. контрастирует структура скотоводства на иранском юге Средней Азии того же периода, где козы составляли почти 2/3 всей популяции мелкого рогатого скота, см. *Цалкин 1966 : 131*.

отражать древнейший этап развития индоевропейских диалектов и соответствующий ему период истории материальной и духовной культуры носителей этих диалектов, в хозяйстве которых 'коза' играла существенную роль.

5.4. ПОЯВЛЕНИЕ «КОЗЫ» В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ КАК ДОМАШНЕГО ЖИВОТНОГО И ЕЕ ДВИЖЕНИЕ НА ВОСТОК

Наиболее ранние иконографические свидетельства об одомашненной 'козе' типа *Capra prisca*, с извитыми рогами, которая позднее попадает в Европу и в отдельных местах ее сохраняется до нашего времени, известны из Месопотамии. Это — изображения 'коз' на ранних печатях и статуэтках козлов ритуального назначения, открытые в погребении царицы Шубад в Уре середины III тысячелетия до н. э. На этих печатях и ритуальных статуэтках 'козел' изображается стоящим на задних ногах у дерева, символизирующего, очевидно, 'Мировое дерево'¹, ср. известную статуэтку козы из Ура.

Козел преимущественно горное животное, и в переднеазиатском ареале, где он известен с древних времен, одомашнивание и раннее распространение его произошли именно в горных районах, в поясе от Малой Азии и Северной Месопотамии до исторического Ирана.

Следы одомашненного козла, обнаруженные в этом ареале, относятся еще к рубежу IX—VIII тысячелетий до н. э. (Berger/Protsch 1973: 221, 223). Характерно, что в этом горном ареале козы до настоящего времени составляют основной вид домашнего скота (ср. Вавилов 1959 — 1965, I: 106, 109, 131, 136). Лишь позднее происходит распространение коз в равнинные районы, где они адаптировались к новым условиям и получили широкое распространение. В исторический период козы составляют существенную часть не только горного, но и равнинных районов Средней Азии и прилегающих к ней областей Центральной и Восточной Азии (ср. Семенов 1974: 292).

5.5. МИГРАЦИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ НАЗВАНИЙ «КОЗЫ» В ВОСТОЧНОМ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ НАПРАВЛЕНИЯХ

Движение в исторический период 'домашней козы' (*Capra prisca*) из первоначального ареала распространения в Передней Азии в восточном и северо-восточном направлениях естественно содействует миграции названий 'козы' и превращению их в миграционные термины, общие для целого ряда языков на обширной территории Евразии.

¹ Такой древнепереднеазиатский образ 'козла', стоящего (как бы подобно человеку) на задних ногах у 'Мирового дерева', мог послужить источником постоянного эпитета священного козла в "Ригведе" ёкарад- 'одноногий'. Это — символ четвероногого животного (ср. др.-инд. *cātuṣpād-* 'четвероногое'), поднявшегося на задние ноги и тем самым превратившегося как бы в 'одноногое' животное (ёкарад-) в отличие от 'двуногого' человека (*dvipād-*).

В этом отношении особый интерес вызывают названия 'козы' в тюркских и монгольских языках, которые могут быть сопоставлены с рассмотренными выше индоевропейскими названиями 'козы' (ср. Трубачев 1960: 87—88) и, по-видимому, выведены из них. Это, в первую очередь, др.-тюрк. *keçi* 'коза' (ср. татар. *käjä*, башк. *käzä*, чуваш. *kaçaka* 'коза', Егоров 1964: 95), прототипом которого могла послужить индоевропейская диалектная *satam*-ная форма, восходящая к основе $*q^{[h]}ok^{[h]}$ с уже аффрицированным $*k^{[h]}$ (ср. алб. *keth*, ст.-слав. *koza* 'коза')^{1/}.

Другая группа относящихся сюда же тюркских и монгольских слов представлена в виде др.-тюрк. *eçkü* 'коза' (узб., кирг. *äçki*, казах. *äski*), монг. *išig* 'козленок', 'молодой козел'. В основе этих форм могла лежать заимствованная из *satam*-ных индоевропейских диалектов дублетная форма от того же корня $*q^{[h]}ok^{[h]}$ с нулевым отражением начального поствелярного и с суффиксом $*-k^{[h]}la$, ср. др.-инд. *ajikā* 'коза', ср.-перс. *azak*, лит. *ožka* 'коза', 'козленок'^{2/}.

Проникновение этих слов, обозначающих 'козу', 'козла' из индоевропейских *satam*-ных диалектов в тюркские и монгольские языки, может свидетельствовать о движении носителей этих диалектов в центральноазиатском ареале в восточном и северо-восточном направлениях. В этом ареале они могли контактировать с носителями тюркских и монгольских языков, результатом чего является распространение данных слов, превратившихся в миграционные термины.

II «ЖИВОТНЫЕ», РИТУАЛЬНО ОТДАЛЕННЫЕ ОТ «ЧЕЛОВЕКА». «ЧЕТВЕРОНОГИЕ» И «НЕЧЕТВЕРОНОГИЕ»

1. «СОБАКА»

1.1. ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «СОБАКИ»

Общендоевропейское название 'собаки' восстанавливается в форме $*k^{[h]}uon-$ / $*k^{[h]}un-$, отраженной во всех основных древних индоевропейских диалектах:

^{1/} Предположение о направлении заимствования из тюркских языков в древние индоевропейские диалекты неприемлемо уже по чисто лингвистическим соображениям: соответствующие тюркские формы с аффрикатой или спирантом не могли отразиться в индоевропейском в форме заднеязычного смычного $*k^{[h]}$, предполагаемого в индоевропейском архетипе ввиду наличия в ряде диалектов *sentum*-ных форм.

^{2/} В конечном счете к той же индоевропейской основе $*q^{[h]}ok^{[h]}$ может восходить и др.-тюрк. *qoçqar* 'баран' (с переносом значения); к возможным следам более древнего значения 'козел' ср. название среднеазиатского (туркменского и казахского) орнамента: казах. *қазақ ат тиңіз* 'бараний рог', которое толкуется как образ двух рогатых копытных животных, размещавшихся симметрично по двум сторонам 'Мирового дерева', и возводится к древнеперсиднеазиатской традиции (Шнейдер 1927), где в качестве таких животных выступали 'козлы'.

Иер. лув. *sù-wa-nà-i*, др.-инд. *ś(u)vā*, род. пад. *śunaḥ*, кафир. вай-гали *ссī*, *tšun*, авест. *span-*, *spānət*, перс. *sag*, арм. *šun*, род. пад. *šan*, греч. *κύων*, род. пад. *κυνός*, лат. *canis*, др.-ирл. *cú*, род. пад. *con*; гот. *hunds*, др.-исл. *hundr*, др.-в.-нем. *hunt* (нем. *Hund*); лит. *šib*, род. пад. ст.-лит. *šunès*, латыш. *suns*; тох. А *ku*, косв. п. *kon*, В *ku*.²

1.2. СМЕШЕНИЕ НАЗВАНИЙ «ВОЛКА» И «СОБАКИ» В ОТДЕЛЬНЫХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ. ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ «СОБАКИ» И «ВОЛКА» И РИТУАЛЬНО-МИФОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ «СОБАКИ»

В некоторых индоевропейских диалектах наряду со значением 'собака' слово выражает также и значение 'волк': др.-инд. *śvaka-* 'волк' (ср. иранские названия 'собаки' с тем же суффиксом: авест. *spaka-* 'собачий', мидийск. *спākā*), перс. *sag* 'собака', парф. *'spg* 'собака'³), др.-ирл. *cú* 'пес', 'волк'. Такое перенесение названия 'собаки' на 'волка' объясняется близостью внешнего облика примитивной 'собаки' к 'волку' (*Canis lupus L.*), древнейшие одомашненные разновидности которого явились предками позднейших собак.

Смешение 'волка' и 'собаки' характерно и для различных мифологических традиций, где 'волки' могут называться 'собаками' и — наоборот. Так, например, в германской традиции два 'волка' — священных животных Один и Вотана постоянно называются его 'собаками'. 'Воины', в германской традиции связываемые с богом войны Одином, обозначаются как 'волки' (др.-исл. *vargr*) и как 'псы', 'собаки', которые кричат, 'как псы' (*sem hundar*), Jacoby 1974 : 82—83. Интересно отметить в этой связи, что целый ряд мотивов, связанных с 'волком' и превращением 'человека' в 'волка', распространяется и на соотношение между 'человеком' и 'собакой', в которую человек может превратиться, принимая вид собако-голового чудовища: ср. германские представления о *Hundingas* как о 'людях-собаках', 'потомках собак' с собачьими головами (Plassmann 1961 : 109). Такие же собакоголовые чудовища, ср. галл. *Cyno-pennus* 'собакоголовый' (?), известны и в кельтской традиции. Аналогичный образ 'собачьих людей' (LÚMEŠ UR.ZÍR) весьма распространен в хеттской ритуальной тра-

¹ К фонетической интерпретации латинской формы см. выше, стр. 101.

² Славянское название 'собаки': ст.-слав. *рїзї* (др.-рус. *пѣсъ*, рус. *пес*) образовано от другой индоевропейской основы и восходит к форме **r^hl(e)k^hl-o-*, с нулевой огласовкой корня и первоначальным значением 'шерсть', 'волосы'. Слав. **r* отражает редуцированную гласную, возникающую между двумя смычными в форме с нулевой огласовкой корня. 'Собака' названа в славянском этим словом, очевидно, по признаку 'мохнатости', ср. рус. *густопсовый*, *псовина* 'длинная шерсть у собаки' и др. К другому объяснению слав. **rїsї* из и.-е. **r^hl(e)k^hl-* 'пестрый', 'пятнистый' (греч. *ποικίλος*) см. Фасмер 1964—1973, III : 248—249; Трубачев 1960 : 19 и след.

³ Иранская форма с суффиксом *-ka* лежит, возможно, в основе др.-рус. *собака*, польск. диал. *собака*, кашуб. *словин. собака* и др., Фасмер 1964—1973, III : 702—703; ср., однако, возражения Трубачева 1960 : 29—33, выводящего эти славянские формы из тюрк. *кōрāk*, *кōбāk* 'собака' при допущении отражения тюркского начального палатального *k* в славянском как *s*.

диции (ср., например, КУВ X 65, 66; XLVI 18, 19; КВо VII 48 IX 105) и может быть сопоставлен с 'волчьими людьми' (LŪMEŠ UR.BAR.RA, см. выше, стр. 493). В хеттском ритуале "Божества Войны" (КВо IV 9; КУВ XXV II 5 IV 30) о 'людях-псах' (LŪMEŠ UR.ZÍR) говорится, что они облачаются в соответствующие одежды; в том же ритуале упоминаются 'люди-волки'¹

В древних индоевропейских традициях отражается миф об убийстве чудовищного Пса-Волка, враждебного людям: ср. цикл кельтских преданий о героях (Кухулине, Кельтхаре), убивающих Пса; меонийское предание о Кандавле как 'душители Пса' (κυνάγχα), с которым связывается сохранившийся в столице Лидии в Сардах до второй половины первого тысячелетия до н. э. обряд принесения в жертву щенков².

Особый интерес в этом отношении представляет аналогичный обряд принесения в жертву щенков в хеттской традиции (среднехеттский ритуал *Maštigga*, КУВ XXXII 115+XXXIV 84; ритуал Туннави, I 61—62, III 17—18), а также совместное принесение в жертву собаки и война (пленного?), КВо XV 3; КУВ XVII 17 10' и др. Это перекликается с древнегерманским обрядом принесения в жертву богу войны Одину-Вотану совместно 'людей, волков и собак' (ср. *Schlerath 1954*).

1.3. ВЛИЯНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О «СОБАКЕ» НА ВОСТОЧНУЮ АЗИЮ (КИТАЙ)

Индоевропейский обряд совместного жертвоприношения человека и животного, преимущественно собаки, находит разительную аналогию в обряде ритуального жертвоприношения воинов с собаками, засвидетель-

¹ Обращает на себя внимание аналогичная традиция объединения 'волка' и 'собаки' в едином образе и в древнекартвельской традиции: сванское обозначение 'собак-волков' *žeuag*, сопоставляемое с хевсурскими *ps'evaḡpi* (буквально: 'псы'), которые отождествляются с 'сами-волками' богов (*Бардавелидзе 1957: 243—244 и др.*). Обозначение 'волка' 'собакой' в картвельском может отражать некоторую эвфемистическую тенденцию к замене древнего названия 'волка', что и привело к утрате первоначального названия 'волка', замененного другими словами (см. выше, стр. 496). Отождествление 'волков' с 'собаками' — обычное явление и в общекавказской традиции, отраженной в 'Нартовском эпосе'. Для кавказской, в частности картвельской, мифологической традиции характерно также изображение 'собаки' как спутника и помощника человека в охоте, ср. *Вирсаладзе 1976*, что находит полное соответствие в хеттско-хурритском мотиве 'волшебного охотника с собакой', который по воле богов проводит в горах много месяцев (ср. миф об охотнике Кешши, *Friedrich 1949*).

² 'Собака' (ср. лат. *canis*, греч. *κῆρυ*) являлась и определенным символом в игре (первоначально ритуальной), означавшим 'неудачный бросок при игре в кости'. Соответственно, 'убийца собаки' (др.-инд. *śva-ghnīp-*) уже в 'Ригведе' означает 'удачливого игрока в кости'. Игре в кости в 'Ригведе' посвящается особый гимн. Сюда же относится, возмозможно, и греч. *κίνδυνος* 'опасность' (из **κιν-δυνος*, буквально: 'собачья игра', то есть 'неудачная игра', ср. др.-инд. *duṣṭāp* 'игра в кости'). К такой же древней метафоре возводятся и русское выражение *съесть собаку на чем-либо*, то есть 'научиться что-либо делать', 'приобрести опыт в чем-либо', ср. *Pokorný 1959: 633; Фасмер 1964—1973, III: 702; Pisani 1957: 766 и след.* (но ср. возражения *Knobloch 1975* против объяснения таким образом греч. *κίνδυνος*).

ствованном в древнем Китае с иньского времени (с середины второго тысячелетия до н. э.) многочисленными археологическими находками.

Отсутствие в древнем Китае аналогичных жертвоприношений в более ранний период дает основание предположить, что обычай явился результатом воздействия некоторой западной культуры (Васильев 1976 : 283—284).

Индоевропейский характер описанного выше обряда совместного жертвоприношения 'человека-воина' и 'пса' делает вероятным предположение

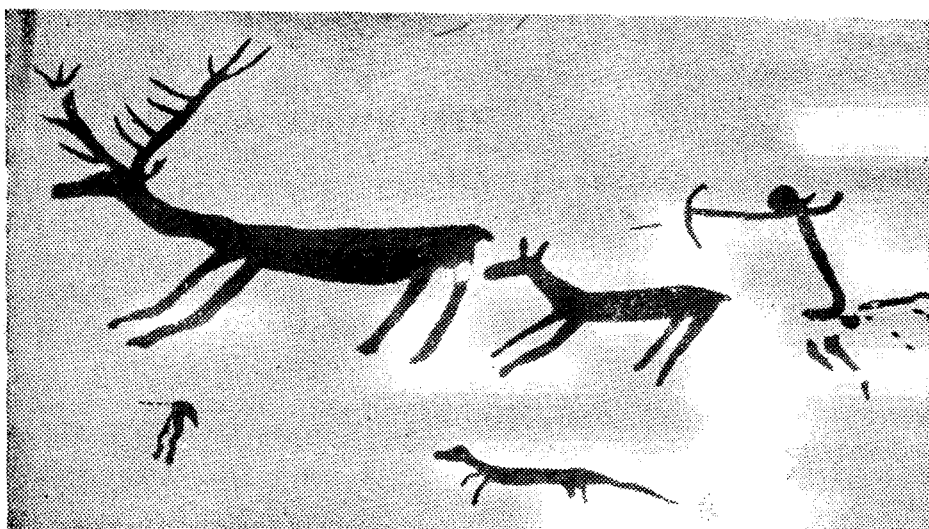

Рис. 11. Изображение охоты на оленей с собакой (Чатал-Хююк, VII—VI тыс. до н. э.)

о возникновении его в Китае под влиянием носителей индоевропейских культурных традиций, соприкасавшихся с населением иньского Китая. Это тем более вероятно, что само древнекитайское название 'собаки' *k'iwep* является, очевидно, заимствованием из раннего индоевропейского диалекта (ср. Conrady 1925).

Это же индоевропейское обозначение 'собаки', становящееся миграционным термином, проникает и в некоторые другие языки Восточной Азии.

'Собака' является одним из древнейших животных, одомашненных человеком. Костные остатки собаки обнаруживаются уже в пещерах мезолита. Очевидно, уже в древности собака использовалась человеком в различных хозяйственных и ритуальных целях : в пищу, как сторож дома и стада, помощник в охоте; с комплексом этих функций связано и ритуальное назначение собаки как 'жертвенного животного'. Сохранилась удивительно живописная композиция из Чатал-Хююка (около 5800 г. до н. э.), изображающая человека с собакой, преследующих убегающего оленя, Рис. 11.

В Западной Европе в неолитический период известна разновидность

собак *Canis familiaris palustris*, обнаруживающая сходство с восточноазиатским типом, в частности с китайскими собаками (Кларк 1953 : 129), что, очевидно, указывает на определенные связи между западной и восточной частями Евразии¹.

2. «СВИНЬЯ», «ПОРОСЕНОК»

2.1. ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «СВИНЬИ», «ПОРОСЕНКА»

Общеиндоевропейская основа, представленная по всем древним индоевропейским диалектам в виде производных от корня *sū-

Авест. *hū-* 'свинья' (род. пад.), мик. греч. *su-ḡo-ta* 'свинопас' (ср. греч. гом. *συ-βώτης*), греч. *σῦς*, род. пад. *σῦός* 'свинья', ср. также *ῥς*, род. пад. *ῥός* 'свинья', лат. *sūs*, род. пад. *suīs*; алб. *thi*, галл. **su-tegis* 'свинарник', др.-в.-нем., др.-англ. *sū* (нем. *Sau*), др.-исл. *sýr* 'свинья', тох. В *suwo*².

Производные от основы на *-n-

Лат. *suīnus* 'свиной', ст.-слав. *svinŭ* 'свиной', ср. латыш. *svīns* 'загрязненный', тох. В *swāñana misa* 'свиное мясо'; гот. *swēin*, др.-исл. *svín*, др.-в.-нем., др.-англ. *swīn* (нем. *Schwein*, англ. *swine*), ст.-слав. *svinija* 'свинья';

Производные от основы на *-k[h]-:

Лат. *sucula* 'молодая свинья', ср. др.-инд. *sūkará-* 'свинья' (Benveniste 1969, I : 28), пехл. *xūg*, осет. *хору* 'свинья'; др.-ирл. *socc sáil* 'морская свинья' (рыба), брет. *hoc'h* 'свинья'; др.-англ. *sugu* 'свинья'.

Общеиндоевропейская основа *sū- обозначала 'взрослую домашнюю свинью' в отличие от 'дикой свиньи', 'вепря', имевших особое название *q[h]uer[h]- (см. выше, стр. 514 и след.).

Это значение основы *sū- еще явно отражается в греческом, латинском и других древних индоевропейских диалектах, где 'дикая свинья', 'вепрь' обозначаются особыми словами, отличными от основы *sū-, ср. Benveniste 1969, I : 27 и след.³

¹ Любопытно, что древнейшее свидетельство об одомашненной собаке обнаруживается пока в Северной Америке. Радиоуглеродным методом датировки устанавливается дата ок. 8400 л. до н. э., ср. Bökonyi 1974 : 316.

² Хеттское чтение шумерограммы ŠAḤ 'свинья' неизвестно. Фонетическое дополнение -aš в именительном падеже ŠAḤ-aš указывает на тематическую основу на *-o-.

³ В греческом, при наличии особых слов для 'вепря', 'дикая свинья' может обозначаться как *μέγας σῦς* (буквально: 'большая свинья', см. выше, стр. 516), *σῦς ἄγριος* 'свинья дикая'. В том же смысле как название 'дикой свиньи', образованное от общего названия 'свиньи' ŠAḤ (ср. ŠAḤ.ŠE 'откормленная свинья', ŠAḤ ḫilappaš 'дворовая свинья', "Хеттские законы", § 82, ср. UR.ZÍR ḫilappaš 'дворовая собака', там же, § 89), следует понимать хеттские шумерограммы для обозначения 'недомашней дикой свиньи': ŠAḤ IZ.ZI 'свинья леса' (аккад. *iṣu* 'дерево') и ŠAḤ GIŠ.GI 'свинья тростников'. В некоторых индо-иранских диалектах формы от основы *sū- относились и к дикой разновидности свиньи, что можно объяснить позднейшими преобразованиями в структуре хозяйства носителей этих диалектов, постепенно перестававших заниматься разведением свиней (об отсутствии упоминаний о 'свиноводстве' в древнеиранских текстах ср. Benveniste 1969, I : 29).

Основе *sū- со значением 'взрослая домашняя свинья' противостоит в индоевропейском основа *p^hlork^hlo- 'поросенок', 'молодая свинья':

Хотано-сакск. *pā'sa* (<**parśa*), курд. *purs* 'свинья', лат. *porcus* 'поросенок' (у Катона, ср. *Benveniste 1969, I: 30*), умбр. *purka*, ср.-ирл. *orc* 'поросенок', др.-в.-нем. *far(a)h*, др.-англ. *feorh* 'свинья'; др.-в.-нем. *farheli* 'поросенок' (нем. *Ferkel*), ср. лат. *porculus* 'поросенок', лит. *paršēlis* 'поросенок' при *paĩšas* 'боров', *paršienà* 'поросятина', прус. *prastian* 'поросенок', др.-рус. *пороса*, рус. *поросенок*, *супоросая* 'беременная' (о свинье), ср. чеш. морав. *sprasná (svině)* 'супоросая свинья'¹.

Несмотря на то, что слово не представлено во всех основных индоевропейских диалектах (оно отсутствует в тохарском, греческом, армянском), его диалектное распределение (иранские, балто-славянские и другие "древнеевропейские") свидетельствует о древности формы и принадлежности ее во всяком случае уже к периоду возникновения ранних диалектных общностей.

Такой вывод, основанный на ареальных диалектных соотношениях, согласуется с возможностью объяснения слова как производного от индоевропейской основы *p^hlerk^hl- 'пестрый', 'пятнистый' (др.-инд. *p^hṣni-* 'пестрый', 'пятнистый', в "Ригведе" обычно о 'корове', ср. ср.-ирл. *erc* 'пятнистый', 'темнокрасный', а также 'лосось', 'корова'; греч. гом. *περχνός* 'чернокрылый', 'черноватый', 'темный'), очевидно, по характерной пятнистой окраске поросенка, ср. *Benveniste 1949a: 77 и след.*

2.2. «СВИНЬЯ» И СВИНОВОДСТВО В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

Постулирование в общеиндоевропейском особого слова для 'домашней свиньи' *sū-, а, возможно, и для поросенка *p^hlork^hlo-, предполагает относительно развитое свиноводство у древних индоевропейцев. Прямое продолжение и развитие этого вида хозяйства можно видеть у древних хеттов и микенских греков. В соответствующих хеттских и греческих микенских (а позднее и гомеровских) текстах отражена разветвленная терминология, относящаяся к 'свинье' и 'уходу за свиньями'. В частности, древние "Хеттские законы" включают особые параграфы (§§ 81—86), предусматривающие возмещение за кражу или повреждение домашних свиней разных видов. Различается компенсация в зависимости от кражи или повреждения 'откормленной (зерном—ŠE) свиньи' (ŠAḤ.ŠE), 'дворовой свиньи' (ŠAḤ *hilannaš*), 'супоросой свиньи' (ŠAḤ *armant-*) и 'поросенка' (ŠAḤ.TUR). Известно и специальное обозначение в хеттском и лувийском *ḫumta-* для 'свиного хлева': хет. ŠAḤ-aš *ḫu-um-ta-aš* = аккад. *ir-ri-tu ša šaḫi* 'хлев свиньи' (*Friedrich 1952: 74; ср. Laroche 1959a: 47*)². По

¹ В хеттском особое название 'поросенка' скрывается за шумерограммой ŠAḤ.TUR 'молодая, маленькая свинья'. Форма аккузатива ŠAḤ.TUR-an указывает на тематическую основу на *-o-.

² Слово встречается в хеттских текстах с глоссовым клином: 4^hḫumta-, указывающим на его иноязычное происхождение. По внешнему облику форма напоминает производ-

“Хеттским законам” даже ‘собаку’, съевшую ‘свиное сало’ (IA. ŠAḪ), убивают (§ 90). Само употребление ‘свинины’ в пищу у хеттов еще в Древнем Царстве было некоторой приметой, отличавшей ‘хеттов’ от представителей другого этноса. Сохранился хеттский рассказ о ‘людоедах’ (2 ВOTU 21), в котором описывается ритуальное употребление в пищу свинины как способа отличения ‘человека’ от ‘людоедов’, которые не ели ‘свинину’, а питались ‘человечиной’, убивая тучных людей на мясо (*Güterbock 1938 : 105—113*).

В микенской Греции стада ‘свиней’ (греч. гом. *σὺβόσιον*) пасутся под надзором особых пастухов — ‘свинопасов’ (*su-go-ta*, гом. *σὺβώτης*). В гомеровской Греции особые ‘свинопасы’ (*σὺβώτης*, ср. также *σὺφορβός*) связаны с наличием ‘свиных стад’, которые не смешиваются со стадами других животных, ср. *Benveniste 1969, I : 41*. У Гомера засвидетельствовано также и особое слово для ‘свиного хлеба’ *σὺφείός*¹.

В ряде позднейших индоевропейских культур утрачивается древняя значимость свиноводства в хозяйстве, что объясняется экологическими и культурно-историческими условиями обитания носителей этих традиций в новой среде.

2.3. ИСТОРИЯ ДОМСТИКАЦИИ «СВИНЬИ» И РАСПРОСТРАНЕНИЕ СВИНОВОДСТВА В ЕВРАЗИИ

‘Свиньи’ (*Suidae*) были одомашнены в глубокой древности на территории Передней Азии, включая Грецию (Фессалия). Древнейшее датированное свидетельство относится к Джайенью (юг Малой Азии, VII тысячелетие до н. э.), *Berger/Protsch 1973 : 221, 225; Harlan 1976 : 94*. ‘Домашняя свинья’ (*Sus scrofa dom. L.*) широко использовалась в хозяйстве для получения мяса и сала. Особое развитие свиноводство получает в районах, богатых лесом, при оседлом (или полукочевом) хозяйстве.

В ряде культурных ареалов, в особенности в жарких южных районах, на употребление в пищу ‘свиного мяса’ и соответственно на свиноводство накладывались ограничения, связанные с опасностью отравления и заболеваний. Это приводит в таких ареалах и культурах к резкому сокращению поголовья свиней или же к полному отказу от свиноводства. Такое сокращение может быть связано и с кочевым хозяйством или с переходом к нему².

ное на *-ta-* от индоевропейского названия ‘свиньи’ **sū-* с развитием начального **s→h*, как в греч. *ὑς*.

¹ Так, в частности, называется ‘свиной хлеб’, куда Цирцея запирает спутников Одиссея, превращенных ею в свиней: *ἄβροφ' πεπληγυῖα κατὰ σὺφείοισιν ἐέρηνυ* (κ 238) “жестом коснувшись, в свином хлеву заперла”. Поразительное совпадение с этим образом богини, запирающей в свином хлеву людей, обращаемых в свиней, обнаруживается в хеттской мифологии: богиня Иштар, запирающая (хет. *ištar-*) как свинью ‘в хлеву’ (*ишпа-*) Урхитешуба (“Автобиография Хаттусили”, XII, 26).

² Характерно отсутствие развитого свиноводства в Африке, в частности в Египте (где свиньи использовались преимущественно для обмолота зерна посредством вытаптывания зерен из колосьев, *Семенов 1974 : 295*) и у древних семитов, заселявших первоначально

Подобное сокращение или даже полное прекращение свиноводства можно предположить у ряда древних индоевропейских племен, в частности у некоторых индо-иранских.

В древней Индии индо-арийского времени не обнаруживается следов развитого свиноводства, с чем связана и утрата в древнеиндийском особом названии для 'домашней свиньи'¹. На территории обитания ираноязычных племен (в области Древнего Хорезма в Средней Азии) по археологическим и палеозоологическим данным с VII в. до н. э. наблюдается свиноводство в очень ограниченном объеме, угасающее на протяжении двух последних тысячелетий (Цалкин 1966 : 132, 151 и след.). В отличие от этих ираноязычных племен Средней Азии родственные им по языку скифо-сарматские племена Северного Причерноморья сохраняют свиноводство в несколько большем масштабе: свиньи составляют в археологических памятниках скифского времени около 1/5 всего поголовья скота, однако самый тип скифо-сарматских свиней близок к типу древнего Хорезма (Цалкин 1966 : 73—74, 132), что указывает на общеиранские истоки скифо-сарматского свиноводства².

В Восточной Европе в археологических памятниках первого тысячелетия до н. э. наблюдается значительное возрастание роли свиноводства в ряде лесостепных и лесных районов, где в составе общего стада свиньи выходят на первое место, оттесняя крупный рогатый скот и коней (Цалкин 1966 : 77).

В Западной Европе в неолите (II тысячелетие до н. э.) свиньи составляют существенную часть скота, преобладая над овцами; такое соотношение меняется лишь в позднем бронзовом и железном веках — к римскому периоду (Кларк 1953 : 124—125).

2.4. КУЛЬТОВО-РИТУАЛЬНАЯ РОЛЬ СВИНЬИ КАК СИМВОЛА ПЛОДОРДИЯ У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Развитое свиноводство у древних индоевропейцев и наличие большого количества свиней отражено и в культовой роли этого животного в разных древних индоевропейских традициях.

но крайне южные районы Западной Азии. Показательно, что и после переселения семитов к северу в Месопотамию для обозначения 'свиньи' — аккадское šaḫū — заимствуется шумерское слово šaḫ.

¹ Любопытно, что при отсутствии следов 'свиньи' в индо-арийский период, 'свинья' обнаруживается в глубокой древности в культурах Мохенджо-Даро и Хараппы (около III тысячелетия до н. э.), Berger/Protsch 1973 : 225. Отсутствие 'свиньи' в Индии, начиная с ведийского периода, у индо-арийцев могло бы свидетельствовать о влиянии на них со стороны некоторого южного этноса, исключавшего 'свинью' из числа разводных домашних животных, ср. выше древнехеттское противопоставление этносов по признаку 'едающий свинью' — 'неедающий свинью'.

² Прямое продолжение скифо-сарматского свиноводства можно видеть в историческое время у осетин, что отражается в осетинском языке в наличии ряда специальных свиноводческих терминов, образованных от основы х₀у- 'свинья' (и.-е. *sū-): х₀удоп 'свиной хлев', х₀угас 'свинопас' (ср. сходный тип словосложения с су- в равнозначных греческих свиноводческих терминах).

Основное символическое значение, связанное со 'свиньей', — это плодородие. 'Свинья' приносится в жертву богам плодородия как особенно плодovitое животное, дающее богатое потомство. Это — основной мотив, связанный со свиньей, в древнеримской традиции. Вслед за принесением в жертву 'богине Земли' (*Tellūs*) 'стельной коровы' (*Fordicidia*) в жертву богине растительного плодородия *Cerēs* приносилась 'супоросая свинья'; в других ритуалах 'супоросая свинья' (*sūs plēna*) жертвуется богине Земли *Tellūs* (*Dumézil 1966* : 240, 368—369, 584 и др.).

Особая плодovitость 'свиньи' могла быть тем признаком, по которому она и была названа в индоевропейском. Название (самца и самки) 'свиньи' **sū-* можно увязать с корнем **seu-/ *sū-* 'производить', 'рождать':

Ср. др.-инд. *sū-h*, м., ж. р. 'родитель', 'производитель', 'производительница' (в этих значениях в "Ригведе"), *sūte*, *sūyate*, *savati* 'рождает', 'производит на свет', *sutá-* 'сын'¹, авест. *hav-* 'рождать', 'производить на свет', др.-ирл. *suth* 'рождение', 'плод' (из **sut^hu-*, ср. др.-инд. *sātu-* 'беременность')². Такая этимология названия 'свиньи' **sū-*, давно уже предложенная в компаративистике, делает несомненным исконно индоевропейский характер данного слова как производного от первичной глагольной основы.

В римской традиции сохранена как архаичная культовая функция 'свиньи' в качестве символа плодородия, так и место 'свиньи' в иерархии жертвенных животных. Последовательность домашних животных, приносимых в жертву, в архаической римской традиции обозначалась как *su-ove-aurilia* в восходящей по значимости животных последовательности: 'свинья-овца-бык'. В соответствующем тексте *Катона*, где речь идет о жертвоприношении 'молочных животных' (*suovetaurilia lactentia*), последовательность определяется порядком: *porcus—agnus—vitulus* 'поросенок'—'ягненок'—'теленки'.

Соблюдение определенной последовательности при перечислении 'священных животных', приносимых в жертву, отражает, несомненно, значимость данного животного и его удельный вес в хозяйстве. Характерно, что при аналогичном перечислении священных жертвенных животных в

¹ От этой же основы в древнеиндийском образовано название бога *Savitṛ* (м. р.) 'олицетворение силы, дающей жизнь' (многokrato упоминается в "Ригведе").

² От того же корня **sū-* образовано производное на *-n-* в значении 'сын': др.-инд. *sūpá-*, авест. *hupá-*, гот. *supus*, др.-исл. *supr*, др.-в.-нем., др.-англ. *supu* (нем. *Sohn*, англ. *son*), лит. *sūnūs*, ст.-слав. *supŭ* 'сын'; сюда же относится греч. *υἱός*, род. пад. гом. *υἱός*, тох. В *soy* 'сын' (образование на **-jō-* от того же корня).

Разительный параллелизм со всем комплексом этнэтимологически связанных слов в индоевропейском (**seu-/ *su-* 'рождать' и **sū-* 'свинья'), обнаруживается в южнокавказском (картвельском), где корни **šew-*, **šw-* 'рождать', 'производить на свет' (отсюда груз. *šv-ili* 'сын'; -*mšo* < **-m-šw-e*, мегр. *skua*, сван. *əmsge* 'сын' (*Гамкрелидзе 1959*: 58—59) и **šw-* 'свинья, кабан' (отсюда груз. *e-šv-i* 'клык', мегр. *o-sku* 'свинарник', ср. *Климов 1964* : 81), совпадая с соответствующими индоевропейскими корнями по форме и семантике, показывают те же соотношения. Вызывает также интерес сопоставление др.-груз. *r'ig-mšo* 'первородный' (из **r'ig-m-šw-e*) с др.-инд. *pūva-sū-* 'первородный' (уже в "Ригведе").

древнеиндийской традиции 'свинья' вовсе не упоминается и ее место обычно занимает 'козел' (Dumézil 1966 : 238, 530). Любопытно, что в культурах с развитым свиноводством, преобладающим над овцеводством (как во многих древних европейских культурах, и в частности ранней славянской) 'свинья' в подобных перечислениях священных животных стоит перед 'овцой' (ср. о восточнославянских сказках Иванов/Топоров 1974 : 39).

В соответствии с этим можно заключить, что в Риме продолжалась древняя индоевропейская традиция животного, в которой 'свинья', играя определенную хозяйственную роль, занимала тем не менее последнее место по удельному весу в хозяйстве, уступая 'лошади', 'быку' и 'овце'. Из материально фиксируемых археологическими данными ранних индоевропейских культур такую структуру в хозяйстве обнаруживают, в частности, скифо-сарматские племена Северного Причерноморья первого тысячелетия до н. э., в составе скота которых 'свинья' занимает последнее место (Цалкин 1966 : 74).

2.5. ДИАЛЕКТНЫЕ НАЗВАНИЯ «СВИНЬИ» И ИХ СВЯЗЬ С ВОСТОЧНОАЗИАТСКИМИ

В диалектных отражениях общеиндоевропейского названия 'свиньи' *sū- обращают на себя внимание два варианта древнегреческих рефлексов: греч. ὄς (с закономерным отражением начального индоевропейского *s- в виде *spiritus asper*, ср. греч. υἱός 'сын' от того же корня) и греч. οἶς, мик. греч. *si-* (с необычным отражением начального индоевропейского *ʃs-). Такое же двойное отражение начального индоевропейского *ʃs- засвидетельствовано в греческом и в производных от корня *saus-, *sus- 'сухой': ср. греч. αἶψα 'сушу', αἶος 'сухой' и σαυσαρός 'сухой' при др.-инд. *śuśyati* 'высыхает', авест. *huška-* 'сухой', лат. *sūdus* 'сухой', лит. *saūsas* 'сухой': ст.-слав. *suchŭ* 'сухой', рус. *сухой*. Такому "аномальному" отражению начального индоевропейского *ʃs- в греческом соответствует начальное *th-* в албанском в этих двух словах: алб. *thi* 'свинья', *thanj* 'сохну' (при закономерном отражении и.-е. *ʃs- → алб. ʃsh- в начале слова: алб. *shoh* 'видеть': гот. *saīvan* 'видеть' и др.), ср. Pisani 1959 : 102. Такие "аномальные" отражения индоевропейского *ʃs- в греческом и албанском, дающие дублетные формы, могут быть истолкованы как след наличия фонетических дублетов в соответствующих словах уже в ранних диалектах индоевропейского. В этом отношении может представить особый интерес также "аномальная" форма, засвидетельствованная в латыш. *cūka* 'свинья' (форма с начальной аффрикатой *ts*). Это позволяет реконструировать в индоевропейском дублетные формы для названия 'свиньи': основную форму с начальным *ʃs- (с закономерным отражением по большинству индоевропейских диалектов) и дублетную форму с фонетической разновидностью начальной фонемы *s- (возможно, аффрикатой), отразившейся в виде начального σ- в греческом, *th-* в албанском, *ts-* в латышском.

Постулирование подобных дублетных форм для общеиндоевропейского названия 'свиньи' на основании внутренних соотношений исторически

засвидетельствованных основ делает вероятной увязку древнекитайского названия 'свиньи' *chi* ~ **ijo* с предполагаемым индоевропейским архетипом на начальную аффрикату (ср. *Поливанов 1968*). Такая вероятная связь древнекитайского слова с древнеиндоевропейским могла бы быть объяснена заимствованием слова древнекитайским из некоторого древнего индоевропейского диалекта¹.

3. «КОШКА»

1. МИГРАЦИОННЫЙ ТЕРМИН ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ «КОШКИ» В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Соотносимые друг с другом слова для 'кошки', восходящие к старому миграционному термину, засвидетельствованы в ряде «древнеевропейских» языков: прус. *catto*, лит. *katė* 'кот', 'кошка', латыш. *kaķe* 'кошка', др.-рус. *котъ*, рус. *кот*, польск. *kot*, н.-луж. *kot*, чеш. диал. *kot*, словац. *kot*, болг. *кѡтка* 'кошка'; сюда же относятся ирл. *catt* 'кошка', народ. лат. *cattus* 'дикая кошка'. Балтийские и славянские слова часто считают заимствованиями из народной латыни, ср. *Фасмер 1964—1973, II : 350*. В таком случае нужно было бы допустить проникновение народно-латинского слова порознь в общепалтийский и общеславянский (при допущении общепалто-славянского заимствования, ср. *Trautmann 1923 : 120*, возникают хронологические трудности).

Слово для 'кошки' трудно отделить от близких по форме и семантике слов со значением 'котиться', 'рожать' (о мелких животных), ср. в славянском: рус. *котиться* (о кошке, овце, кролике, зайце), польск. *kocić się*, чеш. *kotiti se*, сербо-хорв. *kōtiti (se)* 'котиться', ср. также прилагательное рус. диал. *сукѡтная* 'беременная' (о кошке и других мелких животных), *сукѡтая* 'щенная собака', сербо-хорв. *skōtna* 'беременная' (о собаке, лисице), *kōt* 'выводок', *Трубачев 1960 : 97*.

Со своей стороны, слав. **kotiti (se)* 'котиться', 'рожать' (мелких животных) связано этимологически с такими образованиями, как лат. *catulus* 'детеныш' (в особенности 'котенок', 'щенок'), *catula* 'собачка', *catulire* 'находиться в состоянии течки' (о собаках), др.-исл. *hǫfna* 'козленок', 'козочка', ср.-в.-нем. *hatele* 'коза', что предполагает значительную древность всего комплекса этих слов, в основе которых лежит название 'кошки' **kʰlʰatʰlʰl-*, и основанных на нем глаголов со значением 'котиться' и производных названий 'детенышей' мелких животных.

¹ Такое заимствование слова для 'свиньи' в китайском, как и в случае заимствования др.-кит. *k'iwep* 'собака' из индоевропейского (см. выше, стр. 592), не предполагает незнакомства с самим домашним животным. Имеется в виду культурное влияние, которое могло быть связано с некоторыми новыми аспектами хозяйственного и ритуального использования животного, в результате чего заимствованное новое слово занимает соответствующее место в системе, вытесняя более древнее.

3.2. КУЛЬТОВАЯ ЗНАЧИМОСТЬ «КОШКИ» В ОТДЕЛЬНЫХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

Допущение древности названия 'кошки' в группе диалектов, включающей балтийские и славянские (а не заимствование этого слова в две последние группы в поздний период из народной латыни), подтверждается особой культовой значимостью 'кошки' уже в древнейший период в славянской и балтийской традициях. Характерно, что в IX в. н. э. великоморавский князь носил имя *Kocilŭ*, образованное от названия 'кошки', что согласуется и с западнославянскими легендами того времени о 'мышях' и 'кошках'.

Аналогичный принцип образования имени засвидетельствован и в итальянской традиции, ср. имя *Catulus* — *cognōmen* в роде Лутациев в Риме, что свидетельствует об исключительной древности в латинском основы *cat-* в первоначальном значении 'кошка', 'котиться'.

Еще более показательны данные балтийской традиции, где в литовских фольклорных мифологических текстах часто описывается превращение бога грозы Перкунаса или его противника в кошку (и в других мелких животных), ср. *Иванов/Топоров 1974 : 77, 145*; в древнегерманской мифологии 'кошка', поднимаемая богом грозы Тором, оказывается 'Мировым змеем'.

Все эти данные могут свидетельствовать о древних корнях культовой значимости 'кошки' и соответственно ее названия в указанной группе индоевропейских диалектов. В свете археологических данных о малочисленности 'домашних кошек' (*Felis domestica* Briss.) в Восточной Европе первого тысячелетия до н. э. (*Цалкин 1966 : 57*) такая культовая значимость ее в соответствующих традициях может объясняться отражением более древних представлений.

3.3. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ НАЗВАНИЯ «КОШКИ» И ЕГО СВЯЗЬ С ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИМИ ТЕРМИНАМИ

В других древних индоевропейских диалектах название 'кошки' со сходным фонетическим обликом обнаруживает звуковые вариации, не позволяющие свести его к одной исходной форме с основой **kʰlatʰl-*. Такие фонетически сходные слова со значением 'кошка' охватывают широкий ареал не только древних индоевропейских диалектов, но и всей Передней Азии и Кавказа.

Формы осет. *gædy* 'кот', 'кошка', арм. *katu* 'кот', 'кошка' при герм. **kattuz*: др.-англ. *catt*, ср.-англ. *catte* (англ. *cat*), нижн.-нем. *katt* (нем. *Katze*) могли бы указывать на некоторую древнюю общую основу с двумя глоттализированными согласными **kʰatʰ-u-*, что является фонетической аномалией для индоевропейского. Слово может считаться заимствованием миграционного термина, представленного в индоевропейских диалектах в разных вариантах: **kʰatʰ-u-* и **kʰlatʰl-*, с позднейшими преобразованиями в отдельных индоевропейских диалектах (ср. также ср.-греч. *κάττα*).

Первоначальной областью распространения 'домашней кошки' и ее

названия может считаться Северная Африка, где и засвидетельствовано, очевидно, первичное название 'кошки', лежащее в основе этого миграционного термина¹: ср. в нубийских языках форму *kadīs* в значении 'кошка'². Отсюда, по всей вероятности, распространяются как древние индоевропейские диалектные слова для 'кошки', так и соответствующие слова, представленные в широком ареале ближневосточных языков: ср. араб. *ḵitt-*, арам. *ḵaṭṭā*; груз. *k'at'a*, лаз. *k'at'u*; кабард. *gedu*, адыг. *gedu*; табас. *gatu*, анд. *gedu*, дид. *k'et'u*, авар. *ketō*; турецк. *kedī*.

В свете всего вышеизложенного обращает на себя внимание наличие следов связей с переднеазиатскими языками и культурами в тех индоевропейских традициях (балтийской, славянской), которые в историческое время представлены вдали от Ближнего Востока на территории Европы.

4. «ДОМАШНЯЯ ПТИЦА», «ПЕТУХ», «КУРИЦА»

4.1. АРЕАЛЬНЫЕ НАЗВАНИЯ «ПЕТУХА»—«КУРИЦЫ» КАК ОНОМАТОПОЭТИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Звукоподражательное по происхождению название для 'домашней птицы' — 'петуха', 'курицы' (производное от основы **k^hlerk^h*-) засвидетельствовано в ряде индоевропейских диалектов. Ареальное распределение этого названия по диалектам дает основание судить о его общиндоевропейском характере:

Др.-инд. *kr̥ka-vāku-* 'петух', авест. *kahrka-* 'курица', пехл. *kark* 'курица', перс. *kark* 'домашняя птица', 'курица', греч. *κέρκος* 'петух', ср.-ирл. *cercc* 'наседка'; тох. В *krañko* 'петух'³.

Ономатопозитический характер общиндоевропейского названия для 'петуха' можно сопоставить с новообразованиями для обозначения 'петуха' в отдельных позднейших диалектах, связываемыми со значением 'петь', 'кричать': ср. лат. *gallus* 'петух' (сопоставляемое со ст.-слав. *glasij* 'голос', рус. *голос*); гот. *hana* 'петух', др.-в.-нем. *hano* 'петух' (нем.

¹ Характерно, что в древних культурах на территории Северной Африки обнаруживаются мотивы, аналогичные указанному выше литовскому мифу о боге грозы, превратившемся в 'кошку' (ср. известный египетский миф о боге Ра, в образе кота убивающем Змея).

² Любопытно, что это слово, распространившееся практически на всем Ближнем Востоке, отсутствует в египетском, где 'кот' обозначается словом *mjw*, очевидно, звукоподражательного происхождения. В Египте, где 'кошка' является одним из основных священных животных, происходит, по всей вероятности, табуирование более древнего названия 'кошки' и его замена эвфемистическим словом звукоподражательного характера. Не исключено, что аналогичные процессы привели к преобразованию или замене первоначального индоевропейского слова, обозначавшего 'кошку'.

³ Неясно название 'домашней птицы', 'петуха', 'курицы' в хеттском. Не исключено, что шумерограмма MUŠEN GAL означает 'курицу' (буквально: 'большая птица'). В хеттской традиции, как и в римской, птицеводство, по-видимому, связано с ритуальными гаданиями по птицам (лат. *auspicium*) и не играет особой роли в хозяйстве, ср. значение шумерограммы LUMUŠEN.DU, буквально: 'птицедетель' — 'человек, разводящий птиц', 'гадающий по птицам'.

Наһн), др.-англ. *henn* 'курица' (англ. *hen*), др.-исл. *hani* (сопоставляемые с лат. *canō* 'пою'); ст.-слав. *kurŭ* 'петух', рус. *кур*, *кура* (сопоставляемое с лат. *caurire* 'рычать', др.-инд. *kāuti* 'кричит', 'ревет'), ср. др.-рус. *пѣтьль* 'петух', рус. *петел*, *петух* при рус. *петь* и т. п.

Птицеводство как особый вид домашнего хозяйства было, очевидно, слабо представлено у древних индоевропейцев, чем и объясняется то, что большинство названий 'домашних птиц' образуется уже по отдельным диалектам и не может быть возведено к общиндоевропейской эпохе¹. Ряд названий 'домашних птиц' в отдельных диалектах образуется от индоевропейских названий их диких предков, ср. названия 'дикого гуся' и 'утки' (см. выше, стр. 542 и след.).

5. «ПЧЕЛА» И «ПЧЕЛОВОДСТВО»

5.1. ПРОБЛЕМА ОБЩИНДОЕВРОПЕЙСКОГО НАЗВАНИЯ «ПЧЕЛЫ» И ЕГО ТАБУИРОВАНИЕ

Единое название 'пчелы' восстанавливается с уверенностью лишь для определенной группы древних индоевропейских диалектов в виде основы *b^hle(i)-:

Др.-исл. *bjú-fluga*, др.-англ. *bēo* (англ. *bee*), др.-в.-нем. *bīa*, ж. р. *bīni* (нем. *Biene*) 'пчела';

Образования на суффикс *-t^hl-:

Лит. *bitė*, *bitis*, латыш. *bite* 'пчела', прус. *bitte*; ср. валл. *bydaf* 'пчелиный улей';

Образования на суффикс *-k^hl-:

Др.-ирл. *bech* 'пчела', ст.-слав. *bīčela* 'пчела', лат. *fūcus* 'трутень' (из *b^hloj-k^hl-)², ср. *Нарп* 1971: 184 и след.

При допущении определенных табуистических преобразований начала слова в форме *b^hle(i)- можно предположить связь последней с др.-инд. *makṣ-* 'пчела' (уже в "Ригведе", обычно в сочетании с *mádhu* 'мед'; предполагается замена первоначального *b^h- на *m-* в синтагме под влиянием *mádhu*, ср. к другим объяснениям др.-инд. *mákṣ-*, авест. *maxši-* 'муха', *Нарп* 1971: 184, 187), а также с лат. *apis* 'пчела', *apicula* 'пчелка'.

Наряду с частичным табуистическим преобразованием первоначально-го индоевропейского названия 'пчелы' в целом ряде диалектов наблюдается полная его замена новообразованиями от названий насекомых (ср. *Gau-*

¹ Так, например, названия 'домашнего голубя' ограничены узкими диалектными группами типа лит. *balaiñdis* 'голубь' и осет. *bælon* 'голубь домашний' (*Абаев* 1958, I: 249); ср. также ст.-слав. *golobŭ* 'голубь' и лат. *columba* 'голубь' (*Фасмер* 1964—1973, I: 432—433) и др.

² Лат. *fūcus* можно возвести и к праформе *b^hlou-k^hl-. Такая форма в нулевой огласовке могла бы лежать в основе слав. *bīčela 'пчела' (ст.-слав. *bīčela*), *bičati 'жужжать', 'гудеть' (рус. диал. *бучать* 'жужжать', 'гудеть' о пчелах, *Филин* 1965, III: 328), ср. *Трубачев* 1974, III: 105. Хеттское название 'пчелы' неизвестно. В текстах употребляется шумерограмма NIM.LĀL.

thiot 1910): тох. А, В *kronše* 'пчела' (с переносом значения из индоевропейского названия 'шершня', см. выше, стр. 535); пехл. *wabz* 'пчела', 'оса', белудж. *gvabz* 'пчела', 'оса', осет. *ævz-*, *æfs-* 'пчела'; др.-инд. *bambhara-* 'пчела', греч. *βομβόλη* 'порода пчел' (с переносом значения от первоначального названия 'овода', 'жука', ср. лит. *baĩbalas* 'слепень', 'овод', латыш. *baĩbals* 'жук'); др.-инд. *bhasalah*, *bhasanaḥ* 'пчела' (ср. греч. *φήν* 'оса') и др.

К другой группе замен первоначального названия 'пчелы' относятся замены, основанные на назывании 'пчелы' по 'меду' или в назывании ее 'медовой мухой': греч. гом. *μέλισσα* (из **melitja*) 'пчела' (ср. *μέλι* 'мед'); др.-инд. *madhu-tāraka-* 'пчела' (ср. *mádhu* 'мед'); арм. *metu*, род. пад. *metui* 'пчела' (ср. *metr* 'мед'); осет. *тудубунз*, буквально: 'медовая муха', алб. *tjal-cë*, арм. *metrčanč* 'медовая муха' (ср. Mann 1948 : 288; Абаев 1973, II : 136; Туманян 1978 : 201, 300, 301).

Рис. 12. Культовое изображение пчелы (древнебалканская культура, V тыс. до н. э.)

5.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «МЕДА» КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ДРЕВНОСТИ ПЧЕЛОВОДСТВА У ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Несмотря на диалектную ограниченность первичного индоевропейского названия 'пчелы' общеиндоевропейский характер пчеловодства и слова для 'пчелы' не может вызывать сомнений (с учетом определенных табуистических замен в ряде диалектов), ввиду индоевропейской древности слов для 'меда', особо развитого пчеловодческого хозяйства у индоевропейцев и культовой значимости 'пчелы' во всех древних индоевропейских традициях.

Для обозначения 'меда' в индоевропейском восстанавливаются два древних слова— **mel-i-tʰl-* и **medʰl-*, которые в историческую эпоху показывают распределение по языкам с пересечением их в некоторых диалектах:

Хет. *melit* 'мед' (шумерограмма LĀL-it), лув. *mallit-*, твор. пад. *mallit-ati* 'мед', пал. *mālit-* 'мед'; мик. греч. *me-ri-* 'мед', гом. *μέλι*, род. пад. *μέλιτος* 'мед' (при греческом архаическом производном *βλίττω* 'подрезаю соты'); арм. *metr*, род. пад. *metui*; лат. *mel*, род. пад. *mellis*; др.-ирл. *mil*, род. пад. *mela*, галл. *Melidūsus* (имя собственное), ср. хет. *milittu-* 'сладкий', валл. *melyn* 'желтоватый' (буквально: 'цвета меда'), гот. *milip* 'мед', др.-англ. *milisc* 'сладкий как мед'.

По типу образования слово является архаическим, показывающим маркер **-tʰl-* при следах гетероклитического склонения на **-i-/*-u-/*-n-*: ср. лат. род. пад. *mellis* < **mel-n-es*, арм. род. пад. *met-u*. Слово представлено во всех анатолийских языках, греческо-армянском, итало-кельто-

германском, что по схеме диалектного членения индоевропейского языка дает общиндоевропейскую древность слова.

Другое название 'меда' **med^hlu-* сохраняется в некоторых исторических диалектах в значении 'медового (опьяняющего) напитка', приготавливаемого из вареного меда:

Др.-инд. *mádhu* 'мед', 'сладкий опьяняющий напиток' (в ведийском и с переносом значения на другие сладкие опьяняющие напитки помимо 'вареного меда'); ср. др.-инд. *madh(u)v-ád-* 'поедатель меда', авест. *тади-* 'вино', 'мед' ('медвежий напиток'), осет. *туд* 'мед', согд. *тэw* 'вино', перс. *тау* 'вино';

Греч. *μέθυ* 'сладкий напиток', 'вино' (уже у Гомера), гом. *μεθύω* 'напиваюсь', 'насыщаюсь', 'пропитываюсь' (вином, жиром и т. п.);

Ст.-слав. *medŭ* 'мед' (ср. слав. **medvǣdĭ* 'медведь', буквально: 'едящий мед'), др.-рус. *медъ* 'мед', 'опьяняющий напиток', лит. *medūs* 'мед', латыш. *mēdus* 'мед', 'напиток', прус. *meddo* 'мед';

Др.-исл. *mjǫðr* 'медовый напиток'; др.-англ. *meodu* (англ. *mead*), др.-в.-нем. *metu* 'напиток из меда' (нем. *Met*);

Др.-ирл. *mid*, род. пад. *medo* 'медовый напиток', ср.-ирл. *medb* 'опьяняющий', валл. *meddw* 'опьяненный';

Тох. В *mit* 'мед'.

По диалектному распределению слова (индо-ирано-греческий, кельтский, балто-славяно-германский, тохарский) **med^hlu-* должно считаться формой общиндоевропейского происхождения¹.

Наличие формы **melit^hl-* наряду с **med^hlu-* в общиндоевропейском, выводимое на основании ареальных диалектных соотношений, позволяет видеть в этих словах уже первоначальное семантическое различие, которое отражается в значении соответствующих слов и в исторических диалектах. Особенно показательны в этом отношении те диалекты, которые сохраняют оба этих слова. При этом **melit^hl-* (греч. *μέλι*-, гот. *milip*, др.-ирл. *mil*) сохраняет значение собственно 'меда', а **med^hlu-* (греч. *μέθυ*, др.-исл. *mjǫðr*, др.-ирл. *mid*) употребляется уже только в значении 'опьяняющий медовый напиток'. Диалекты, в которых представлена только основа **med^hlu-*, наряду со значением 'мед' (индо-иранские, балто-славянские, тохарский) выражают и значение 'опьяняющий медовый напиток'; отсюда уже в ряде диалектов развивается значение 'вино' при позднейшей утере значения 'мед' (ср. греч. *μέθυ*, перс. *тау* и др.). Характерно, что в диалектах, сохранивших только основу **melit^hl-*, она выражает исключительно значение 'мед', 'сладкое вещество', но не 'напиток'.

Эти соотношения должны отражать общиндоевропейские семантические характеристики основ **melit^hl-* и **med^hlu-*. При обозначении ос-

¹ И.-е. **med^hlu-*, возможно, сохраняется пережиточно и в анатолийском в форме хет. **middu-* (≈ лув. *maddu-*) в названии города *Midduwa*, который соответствует ново-хет. *Meliddu* (совр. *Malatya*), увязываемому этимологически с хет. *melit*, лув. *mallit* 'мед' (см. *Durnford 1975* : 49).

новой *melit^hl- собственно ‘пчелиного меда’ *med^hu- могло выражать значение ‘напитка, приготовляемого из меда’, ‘вареного меда’. Эти особенности терминологии, относящейся к ‘меду’ и его использованию, могут свидетельствовать о значении ‘пчеловодства’ в хозяйстве древних индоевропейцев. Такой вывод согласуется с данными древних исторических индоевропейских культур с высоким уровнем пчеловодства и особой ритуальной и мифологической значимостью ‘пчелы’ и ‘меда’ в древних индоевропейских традициях.

5.3. ПЧЕЛОВОДСТВО И ЕГО КУЛЬТОВАЯ РОЛЬ ПО ДАННЫМ ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЙ

Уже в древних “Хеттских законах” охране ‘пчел’ и ‘ульев’ отводятся особые параграфы (§§ 91—92), где указывается возмещение за кражу ‘пчел в рое’ (NIM.LĀL^{H1-A}-an kammarī) или ‘ульев’ (É.NIM.LĀL) в древнейшей традиции и в последующей юридической практике. Характерно также наличие специальных ‘пчеловодов’ (шумерограмма LU NIM.LĀL ‘человек пчелы’).

Особую роль играют ‘пчела’ в хеттской мифологии и ‘мед’ в хеттских ритуалах. В цикле хеттских мифов об исчезающем и возвращаемся боге (Телепину, боге Грозы, боге Солнца) после безуспешных розысков исчезнувшего божества, уносящего с собой плодородие, богиня-Мать (Han-paḥanna-) посылает на розыски ‘маленькую (ammiḡant-) пчелу’. ‘Пчела’ должна найти бога, ужалить его, намазать ему ‘воском’ глаза и руки, освятить его и привести обратно. Только ‘маленькой пчеле’ удастся разыскать исчезнувшего бога и вернуть его вместе с утраченным плодородием. При этом совершается обряд ‘умиротворения бога’ посредством заклинаний, призывающих бога смягчиться подобно ‘воску’, ‘меду’ (melit) и ‘молочному соку’ (galaktar), ср. Haas 1977 : 85 и след.

Подобные заклинания отражают, видимо, древнюю общепанатийскую практику умиротворения божества или злого духа путем уподобления его ‘меду’ (лув. mallit-), ср. лув. malitiḡa-aš aḡaru ‘пусть он станет медом’, KUB XXXII 8+5 III 27 и др.

Наиболее ранние свидетельства сакрального использования ‘пчелы’ и ‘меда’ в древнегреческой традиции относятся еще к микенскому периоду. В микенских текстах упоминаются многочисленные ‘служители меда’ (‘пчелы’?) te-ri-da-ma-te (*μελί-δαμαρ, Lejeune 1958 : 195).

У Гомера ритуальное использование ‘меда’, смешанного с ‘молоком’ (μελί-κρητος), засвидетельствовано в образе жертвоприношения ‘всем умершим’ (πᾶσιν νεκρόεσσιν), которым возливают три напитка : вначале им совершают жертву ‘медом с молоком’ (μελικρήτω), затем ‘сладким вином’ (ἡδέϊ οἶνον), и ‘в-третьих — водой’ (τὸ τρίτον αἶθ’ ὕδατι), λ 26—28.

В “Одиссее” описывается каменная пещера женских божеств ‘нимф-наяд’, прячущих на каменных ткацких станках, с каменными ‘сосудами’, в которых ‘гнездятся пчелы’ (τιθαιβώσσοισι μέλισσαι), ν 106. Такие ‘каменные сосуды’ представляют собой метафорический образ ‘пчелиных ульев’,

ср. такой же метафорический образ 'каменных ткацких станков' (*ιστοί λιθνοί*, v 107).

Описанная традиция гомеровского времени, где женские божества упоминаются вместе с гнездящимися возле них 'пчелами', отражена, видимо, и в позднейших мотивах, связываемых со святилищем Артемиды в Эфесе (Малая Азия). 'Пчела' была культовым символом верховного женского божества Артемиды (а в других местах Малой Азии и Кибелы), чьи жрицы назывались 'пчелами' (*μέλισσαι*), а все святилище уподоблялось 'пчелиному улью' (ср. *Ransome 1937*).

Постоянно обнаруживаемая связь 'пчелы' с божествами женского пола может свидетельствовать о пчеловодстве как преимущественно женском занятии на первоначальных и последующих ранних этапах домашнего пчеловодства. В этом смысле любопытно и сопоставление эфесского комплекса представлений о 'пчелах' с мифом об "амазонках" (*Топоров 1975a : 36—37*).

В древнеиндийской традиции (в "Ригведе") 'мед' (*mádhu*) мыслится как божественный напиток 'бессмертия' (ср. *amṛta*- в сочетании с *mádhu*). В архаичных гимнах "Ригведы", славословящих 'мед', сохранились древние формулы, которые близки к приведенным анатолийским и отражают тем самым общеиндоевропейскую традицию и словоупотребление, ср. в "Ригведе", I 90, 6—8:

mádhu vātā ṛtāyatē mádhu kṣaranti śindhavaḥ
mádhwīr naḥ santv ośadhīḥ
mádhu náktam utóśaso mádhumat pārthivam rájaḥ
mádhu dyaur astu naḥ pitá
mádhumān no vānaspátir mádhumāñ astu sūryaḥ
mádhwīr gávo bhavantu naḥ

"Мед (навевают) ветры благочестивому, мед струят реки.

Медовыми для нас да будут растения!

Мед—ночью и на утренней заре! Медоносным (да будет) земное пространство!

Медом пусть будет (нам) Небо—наш отец!¹

Медоносным (пусть будет) нам дерево!

Медоносным пусть будет солнце!

Медовыми пусть станут нам коровы!"

(Елизаренкова 1972 : 196)

В отдельных иранских традициях развито пчеловодство, характеризующееся древними атрибутами, терминологией и культом пчел с соответствующим женским божеством, сохраняется пережиточно до нашего времени. В осетинской традиции представлено древнее пчеловодство с особым 'божеством-покровителем', а в фольклорной традиции засвидетельство-

¹ Ср. аналогичное по словоупотреблению место в лувийском ритуале *malitiya-aš aḡaru* 'пусть он станет медовым, медоносным' и в хеттском обряде в мифе о Телепии и у.

вана роль древнего 'хмельного медового напитка', который в осетинском называется *гопг*¹/ ср. *Абаев 1949, I : 61*.

В исторических индоевропейских традициях в Европе сохраняется весь комплекс древних индоевропейских мифологических представлений о 'меде' и 'пчеле', совпадающих в общем с древнейшими индоевропейскими.

У германцев приготовление и употребление напитка из меда засвидетельствовано уже в сведениях античных авторов — *Пифея*, посетившего Туле - Скандинавию, IV в. до н. э., и *Тацита*. "Эдда" вся пронизана мотивами мифологии 'меда' и 'медового напитка', которые в древнеисландской мифологии, вместе с 'молоком', являются главными напитками умерших в Вальгалле, что напоминает обычай у гомеровских греков давать 'всем умершим' 'мед, смешанный с молоком'. Женские мифологические персонажи "Эдды" (*Вэльва*, *Гульвейг*, *Гуннлёд* и другие), как и само верховное божество — *Один*, добывают 'мед' и пьют 'медовый напиток', дающий им мудрость, знание магических рун и дар поэтической речи (ср. *Мелетинский 1968 : 169 и след.*). О важной роли представлений, связанных с 'пчелой' и 'медом' у германцев, свидетельствуют и имена собственные, содержащие название 'пчелы' и 'меда', ср. др.-англ. *Bēowulf* 'пчелиный волк', то есть 'медведь', др.-исл. *Gullveigr*, буквально: 'золотой напиток' и др.²

У древних балтов сохранялось особое божество 'пчел и меда' — *Vibilas* (*Топоров 1975a : 17—18, 23*), соответствующее 'пчелиному богу', который долгое время бытовал и у восточных славян и позднее был отождествлен со святым *Зосимой*. Многочисленные следы почитания 'пчел' сохраняются в балтийском и славянском фольклоре: пчелы приурочены к середине 'Мирового дерева'; 'пчела' символизирует начало весны и плодородие и т. д.

5.4. ТИПОЛОГИЯ ДОБЫВАНИЯ «МЕДА» И ВИДЫ ПЧЕЛОВОДСТВА У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Сопоставление исторических индоевропейских традиций, относящихся к 'пчеле' и 'пчелиному меду', позволяет заключить, что уже на древнейших этапах индивидуального развития отдельных культур (хеттской, греческой и других), разведение 'пчел' и 'пчеловодство' были одной из существенных отраслей хозяйства. У хеттов уже в древнейший период зафиксировано наличие 'ульев' в собственности отдельных лиц. О наличии пче-

¹ Любопытно, что в осетинском слово, восходящее к **medh^hu-* > осет. *муд*, означает только 'мед', тогда как первоначальное значение 'медовый напиток' переносится на новое слово — *гопг*, образованное от иран. **frāna-* 'дух', 'дыхание', 'жизненная сила' (ср. др.-инд. *grāna-*), *Абаев 1973, II : 421—422*; ср. аналогичное новообразование в восточнославянском: др.-рус. *сыта* 'вода, подслащенная медом', 'сваренный мед' (*Срезневский 1958, III : 877*; *Фасмер 1964—1973, III : 820*) при польск. *woda miodem nasyciona* 'вода, насыщенная медом'.

² О ролях 'пчелы' и 'пчелиного роя' в мифологии и обрядах древних германцев ср. также *Spreiter 1978*.

ловодства с 'ульями' и 'домашними пчелами' можно заключить и по древнегреческим данным уже гомеровского времени.

В развитии пчеловодства выделяются (три) последовательных этапа: первобытное или собирательное, бортническое или лесное и домашнее или пасечное пчеловодство. Самой древней и наиболее примитивной формой является добыча меда и воска диких пчел в лесу,

Рис. 13. Наскальный рисунок на стене пещеры Альпера (VII тыс. до н. э.)

где пчелы гнездятся в дуплах деревьев. Древним иконографическим свидетельством такого добывания 'пчелиного меда' из дупла является наскальный рисунок на стене пещеры Альпера (Восточная Испания, VII тысячелетие до н. э.), изображающий женщину с кувшином в руке, которая, поднявшись на дерево, собирает дикий мед, окруженная подлетающими пчелами (Кларк 1953 : 44; см. Рис. 13). Некоторая аналогия этому обнаруживается примерно в то же время (VII—VI тысячелетия до н. э.) на другой окраине средиземноморского ареала, в Чатал-Хююке (Малая Азия), где пчелы и пчелиные соты изображаются как главные атрибуты женского божества (Mellaart 1967), см. Рис. 14.

Именно в средиземноморском ареале происходит переход от примитивной формы пчеловодства к более развитым его формам — 'бортничеству' (разведению пчел в лесу в дуплах, специально выдолбленных в дереве пустотах— бортах, или же в колодах, устанавливаемых на деревьях в лесных пасеках) и 'пасечному' домашнему пчеловодству, при котором на специальных домашних пасеках устанавливаются искусственные ульи с прирученными домашними пчелами.

Предполагается, что в Египте еще с III тысячелетия до н. э. было известно домашнее или пасечное пчеловодство. Характерно, что в Египте,

как и в древних индоевропейских традициях, из меда приготавливали 'опьяняющий напиток', называвшийся по названию 'пчелы' *bj.t* 'пчела', 'мед', 'напиток'¹. Известен специальный титул 'пчеловода' *bj.tj* (*Erman/Gradow 1955, I: 434*), ср. LÚ.NIM. LĀL 'пчеловод' у хеттов.

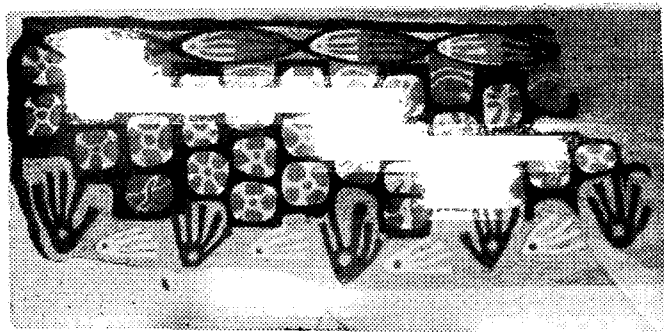

Рис. 14. Изображение пчелиных сот из Чатал-Хююка (VII—VI тыс. до н. э.)

В Египте используется, в частности в обрядах, не только 'пчелиный мед', но и 'пчелиный воск' (*mnh*). У мумий 'воском' заклеивали глаза, нос и рот; из 'воска' изготовлялись маски с покойников. С этим обычаем любопытное сходство обнаруживается в хеттском мифе о Телепину, где 'пчела' натирает 'воском' глаза и руки 'спящего' Телепину.

5.5. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «УЛЬЯ» И «ВОСКА»

При всей значимости 'пчелы', 'пчеловодства' и домашнего пчелиного хозяйства в Египте, обращает на себя внимание отсутствие специального термина для 'улья'.

Такое же отсутствие соотносимых друг с другом названий 'улья', которые бы позволили постулировать общиндоевропейское слово для 'улья', наблюдается и в индоевропейских диалектах².

¹ Характерно, что другое название 'меда' егип. *ḥd.t* означает помимо 'меда' также 'напиток для жертвоприношений', 'молоко' и в переносном смысле 'красноречие' (*Erman/Gradow 1955, III: 211*), что свидетельствует об исключительной значимости и изобилии меда и молока, сравниваемых с 'красочной речью'; образ, весьма напоминающий индоевропейские представления о 'меде' и 'молоке', 'меде' и 'красноречии' ('меде поэзии'), хорошо сохранившиеся в древних традициях.

² Специальные термины для 'улья' не выходят за пределы узких диалектных границ: ср. лит. *aulys*, латыш. *aulis*, рус. *улей* при значении 'полость' в других индоевропейских диалектах (греч. *αὐλός* 'полый стержень', норв. диал. *aul* 'трубка', 'стебель') и при семантическом сходстве с балто-славянским названием в лат. *alveus* 'желоб'; 'дупло', 'улей'. В прусском название 'улья' *drawine* образовано от первоначального названия 'дерева'; в литовском *dravis, dravė* (ср. *drevėti* 'подрезать ульи', *Vūga 1958—1961, III: 206*) и латышском *drava, dreve* соответствующие слова означают 'борть', 'полость в дереве'; ср. также рус. *дрови́на* 'полено', 'плаха' (*Топоров 1975-, I: 372*).

К тому же диалектному ареалу относится и название 'борти' — полого пространства, выдолбленного в живом дереве для пчел, слав. **bŭrti*: др.-рус. *бѣрть* 'колода для пчел', 'дерево с ульем', польск. *bagó*, др.-чеш. *brt* 'борть', 'улей', словен. *brt* 'дерево

Отсутствие общеиндоевропейского слова для 'улья' могло бы означать, что индоевропейское пчеловодство находилось все еще на стадии 'бортичества', при котором пчелы разводились в естественных условиях в лесу, в дуплах деревьев. Однако это заключение, основывающееся на отсутствии специального слова для 'улья', не может считаться единственно возможным ввиду наличия ряда культур с высокоразвитым пчеловодством, в которых не обнаруживаются специальных слов для 'улья', выражаемого описательно (ср. шумерограмму É. NIM.LĀL 'дом пчелы', осет. *tydy k'yrġæd* 'улей', буквально: 'медовый короб', ср. нем. *Bienenkorb* и др.)^{1/}

В этой связи примечательна также крайняя диалектная ограниченность общего названия 'пчелиного воска', представленного соотносимыми формами лишь в балто-славяно-германском: др.-в.-нем. *wahs* (нем. *Wachs*), др.-англ. *weax* (англ. *wax*), др.-исл. *vax*; лит. *vāškas*, латыш. *vasks, vaska*, рус. *воск* (*Stang 1972: 61*)². Пчеловодство даже на ранних его стадиях предполагает наличие 'пчелиного воска', употребляемого в ритуально-хозяйственных целях, и при устанавливаемом уровне развития пчеловодства у древних индоевропейцев они несомненно должны были производить и применять 'воск' (что и отразилось в явной форме в древних индоевропейских традициях). Отсюда можно сделать вывод, что обнаруживаемый узко диалектный термин для 'воска' является продолжением древнего индоевропейского названия (ср. древнее название 'пчелы' **blhlej-*, ограниченное в основном той же диалектной общностью) или же этот термин является нововведением, заменившим утерянное во всех исторических традициях древнее название 'воска'. ба
?

5.6. НАПРАВЛЕНИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПЧЕЛОВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА И СВЯЗЬ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТЕРМИНОВ ПЧЕЛОВОДСТВА С ЕВРАЗИЙСКИМИ

Устанавливаемый уже для VII—III тысячелетий до н.э. очаг первоначального пчеловодства в широком ареале Средиземноморья, с особым развитием домашнего пасечного пчеловодства в Древнем Египте третьего тысячелетия до н. э., постепенно расширяется в северном и восточном направлениях. В этой связи не может не обратить на себя внимания совпаде-

с пчелиной бортью'; сюда же может относиться лит. *būr-to-is* 'колдун', 'чародей' (с переносом значения), *Трубачев 1974, III: 132—133*.

Примечательно, что именно в этих индоевропейских диалектах, которые в историческую эпоху оказались вдали от основных переднеазиатских очагов пчеловодства, сохраняется (а отчасти и вновь развивается) пчеловодческая терминология (названия 'пчелы', 'медового напитка', 'улья' и др.).

¹ Характерно, что в древней Греции в качестве 'ульев' применялись специальные плетеные корзины.

² Интересно сопоставление этой группы слов со значением 'воск' с осет. *tyd-az* 'воск', где -аз выводится из **waz* (ср. *Абаев 1973, II: 135*). Такое **waz* можно было бы сравнить с приводимыми терминами для 'воска' в балто-славяно-германском, причем осет. *з* могло бы соотноситься со *-sk-||*-ks-.

ние древнего индоевропейского слова для 'пчелы' *b^hleǵ- с египетским названием 'пчелы' *bj.t* (с показателем женского рода *-t*).

В том же ареале 'пчела' с глубокой древности играет особую культовую и ритуальную роль в качестве женского божества или бога плодородия, что отразилось как в целом ряде древних индоевропейских традиций (древнехеттской, древнегреческой и других), так и в других сопредельных областях с индоевропейским населением.

В Закавказье, где пчеловодство имеет давние истоки, обнаруживается широкое распространение культа женского божества — 'покровительницы пчел и пчеловодства'. Это сванская *Lamaria* (ср. *Charachidzé 1968 : 486 и след.*; ср. также сванские божества с аналогичными функциями *žgaräg-Lenčaš*, *Bav-bednieri*), мегрельская *žgeraguna*, абхазская *Anapagunda*, черкесская *Merisa* и другие, ср. *Робакидзе 1960 : 175; Лекиашвили 1979*. Любопытна также связь сванского ритуала *Melia-t'elepia* с мотивами малоазиатского мифа о Телепину (*Бендукидзе 1973*)¹.

Влияние тех же малоазиатских представлений о 'пчеле' и 'божестве плодородия', восходящих в конечном счете к хаттской традиции (хат. *Talipinu*), предполагается и в греческом мифе о Телеефе, вскормленном Артемидой и связываемом с аналогичными мотивами (*Топоров 1975a : 37 и след.*).

В течение длительного времени, вплоть до первого тысячелетия до н. э., пчеловодство как особая форма хозяйства было ограничено пределами Западной Азии. Дальнейшее распространение пчеловодства в восточном направлении можно проследить и по миграции соответствующих терминов. Индоевропейское название 'меда' обнаруживается в древнекитайском языке уже в IV—III вв. до н. э. в форме *mjēt* 'мед', которую можно увязать с такими диалектными индоевропейскими названиями 'меда', как тох. В *mit* < **myät* < **med*^h*lu* (ср. *Поливанов 1916; Conrady 1925*). Слово проникает в Восточную Азию вместе с медом и пчеловодством, занесенными мигрировавшими в восточном направлении индоевропейскими племенами.

В центральноазиатском ареале по мере распространения пчеловодства вместе с индоевропейскими племенами, его практиковавшими, могло произойти заимствование того же индоевропейского названия 'меда' финно-угорскими языками в форме **mete* : венг. *méz*, фин. *mesi*, морд. *med'*. Любопытно, что в древнем финском эпосе "Калевале" обнаруживаются мотивы, разительно напоминающие миф о Телепину: убитого врагами героя **Лемминкяйнена** воскрешает с помощью 'волшебного меда' пчела, **приносящая** мед по просьбе матери героя с девятого неба.

¹ Обращает также на себя внимание фонетическое сходство картвельского названия *ბეჭი* (груз. *bet'i* 'пчела', *bet'i* 'мед') с индоевропейскими образованиями от древнейшего названия 'пчелы': **b^hloi-k^hl-el-* || **b^hlou-k^hl-el-* (слав. *бѣчъ* || *бѣчъ*, лат. *fūcus*); **b^hli-i^hl-* (балт. **bit-*).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «РАСТЕНИЙ». ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАСТЕНИЙ И ИХ РИТУАЛЬНО-КУЛЬТОВАЯ РОЛЬ У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

I. РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР. ДЕРЕВЬЯ

1. «ДЕРЕВО», «ДУБ»

1.1. «ДЕРЕВЬЯ» ВНУТРИ «РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА»

‘Растительный мир’, характеризующийся признаком ‘неодушевленности’, объединяет ‘деревья’ разных видов, а также ‘травы’, ‘злаки’ и ‘цветы’. При этом различаются дикие виды растений и культурные (одомашненные). Сравнительный анализ лексем, обозначающих эти виды растений, позволяет реконструировать некоторые древнейшие названия деревьев и растений и связанные с ними представления.

1.2. ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ДЕРЕВА», «ДУБА»

Общеиндоевропейское слово со значением ‘дерево’ (в некоторых диалектах ‘дуб’) представлено основой с чередованиями *t'e/oru- / *t're/oru- во всех основных индоевропейских диалектах:

Хет. *taru* ‘дерево’, др.-инд. *dāru* ‘дерево’ (род. пад. *dróh, drúnah*), *drú-* ‘дерево’, *dravya-* ‘деревянный’, *drumá-* ‘дерево’; авест. *dāuru-* ‘древесный ствол’, *drvaēna-* ‘деревянный’;

Греч. мик. *du-ru-to-to* ‘дровосеки’ (греч. *δρυ-τόμοι*), *do-we-jo* ‘деревянный’ (**dorwejos*), греч. гом. *δῶρον* ‘древесный ствол, дерево’, ‘древко’ (копья), род. пад. гом. *δοῦρός*, арх. *δοῦρατος* < **дорФητος*; *δρῦς*, род. пад. *δρῦός* ‘дерево’, ‘дуб’, *τὰ δρυιά* ‘дубовый лес’ (у Гомера), *δένδρον* ‘дерево’ (редупликация из **δερ-δραФον*), аттич. *δένδρον*; макед. *δάρυλλος* ‘дуб’;

Алб. *dru* ‘дерево’, *drush-k* ‘дуб’;

Др.-ирл. *daur*, род. пад. *daro* ‘дуб’, *daurde* ‘дубовый’, *derucc* ‘желудь’, галл. **d(a)rullia* ‘дуб’ (ср. др.-макед. *δάρυλλος*), валл. *derwen* ‘дуб’;

Гот. *triu* ‘дерево’, др.-исл. *tré*, др.-англ. *trēo!w!* (англ. *tree*), др.-сакс. *trio* ‘дерево’, ‘бревно’;

Лит. *dervà* ‘сосна’, *darvà* ‘смола’, латыш. *dařva* ‘смола’, ст.-слав. *drěvo* ‘дерево’, ‘бревно’, рус. *дерево*, *дром* ‘чаща’, ‘заросли’, ‘бурелом’;

Сюда же относится тох. А, В *or* ‘дерево’ с не вполне ясным отсутствием начальной согласной¹.

¹ Такое же соотношение: тох. # *θ*- ~ # *d*- (в таких диалектах, как греческий) наблюдается и в другом слове: тох. А *ākār*, *мн. ч.* *ākrip* ‘слеза’ ~ греч. *δάκρυ*, лат. *lacrima* ||

1.3. СЕМАНТИКА ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕКСЕМЫ *t'e/oru-, *t're/oru- И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЗНАЧЕНИЯХ СООТВЕТСТВУЮЩИХ СЛОВ В ОТДЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Значение этой основы 'дуб', обнаруживаемое в диалектах двух разных древних ареалов (с одной стороны, в кельтском, а с другой, в древнегреческом, македонском, албанском), дает основание постулировать это значение и для общиндоевропейской основы. Наряду с этим для общиндоевропейского восстанавливается и значение 'дерево' (как 'растение', так и материал — 'древесина'), по свидетельству хеттского, тохарского, индо-ирано-греческого, балто-славяно-германского. Такое постоянное соединение значений 'дерево' ~ 'древесина' может объясняться отнесением слова к древнему инактивному классу. Формально это выражается в принадлежности слова к древнейшему типу имен гетероклитического склонения на *-u-/*-n-tlh1- (ср. греч. *род. п. δοῦρατος*, др.-инд. *drūṇaḥ*), позднее отнесенных грамматически к среднему роду.

С этими первичными значениями слова 'дерево', 'древесина', 'дуб' увязывается и значение 'крепкий', 'твердый', очевидно, по характеру древесины 'дуба' ¹/ др.-инд. *dāruṇá-* 'прочный', 'крепкий', арм. *tram* 'прочный', лат. *dūrus* 'твердый', 'крепкий', 'сильный' (из **druros*); др.-ирл. *dron* 'крепкий'; др.-англ. *trum* 'твердый', 'крепкий', 'здоровый', лит. *drūtas* 'сильный', 'прочный', ст.-слав. *sū-dravŭ* 'здравый', рус. *здоровый*.

Признак прочности, твердости 'дерева' - 'дуба' может лежать в основе целого комплекса понятий 'верный' ~ 'прочный' ~ 'надежный' ~ 'доверять(ся)', выражаемых родственными словами. Этот комплекс значений засвидетельствован в основном в германских языках: гот. *triggws* 'верный', др.-в.-нем. *gi-triuwi* (нем. *treu*), др.-исл. *tryggr* 'верный'; гот. *trauan* 'доверять', др.-англ. *trūwian*, др.-в.-нем. *trū(w)ēn* 'доверять' (нем. *trauen*) и др., *Osthoff 1901, I*; ср., однако, *Benveniste 1966a : 298—301; Friedrich P. 1970 : 141—143*.

С этим кругом значений может связываться и значение 'вера', выражаемое той же основой и представленное в более широком диалектном ареале: др.-исл. *trú* 'вера', 'убеждение', прус. *druwis* 'вера'.

1.4. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ДУБА», «СКАЛЫ»

В отличие от рассмотренной формы среднего рода со значением 'дерево', 'дуб', относившейся первоначально к 'инактивному классу' имен,

laeguta (*Hamr 1972a*). Древнеиндийский и балтийский показывают соответствующие формы, аналогичные тохарскому: др.-инд. *śágu* 'слеза', лит. *šága*. Любопытно, что и в слове для 'дерева' с начальной индоевропейской глоттализованной *t'- латинский и древнеиндийский обнаруживают фонетические особенности, не укладывающиеся в общую схему фонемных соотношений между индоевропейскими диалектами: ср. лат. *lagix* 'лиственница', др.-инд. *tagú-* 'дерево' (при обычном др.-инд. *dágu*).

¹ Характерно, что по прочности материала 'дерево', называемое этим словом, сравнивается с 'камнем', ср. гом. *ἀπὸ δῦρος ὀδὸν ἀπὸ πέτρης* 'ни с дуба, ни с камня', X 126; в языке комедии *Δρυ-αχαρνῆς* 'ахарнеяне, твердые, как дуб', и др., ср. *Friedrich P. 1970 : 141*.

другая индоевропейская основа *p^hlerk^hl^hu- с тем же значением 'дуб' относится к явно выраженному "активному классу", преобразованному позднее в класс слов несреднего рода. Характерно, что эта основа в индоевропейском при выражении значения 'дуб', 'лес' никогда не обозначает 'древесины':

Лат. *quercus* 'дуб'; кельт. *Hercynia silva* 'Лес Эркиния' (в латинской передаче, ср. уже у Аристотеля 'Архбуиа ἄρη 'гора Аркиния', ср. Holder 1961—1962, I: 1458 и след.), ἔρκος 'дубовый лес' (в греческой передаче); др.-англ. *firgen* 'горный лес'; лангобард. *fereha* 'вид дуба', др.-в.-нем. *Fergunna*, название среднеевропейских гор, ср.-в.-нем. *Virgunt* 'название лесистых гор', 'Судеты'; др.-исл. *fjorr* 'дерево', др.-в.-нем. *forha* 'сосна', др.-англ. *furh* 'сосна', др.-исл. *fura* 'сосна', *fýri* 'сосновый лес', нем. *Forst* из *forh-ist 'сосновый лес';

Др.-инд. *parkaṭi* (вариант *plakṣá-*) 'священное фиговое дерево' (Turner 1966), ср. панджаби *pargāi* 'каменный дуб' (*Quercus robur*).

Эта группа соотносимых друг с другом названий 'дуба' по диалектному распределению (кельто-итало-германский, древнеиндийский) определяется как весьма древняя, восходящая к общиндоевропейской праформе.

Семантика слова явно указывает на связь 'дерева' с гористой местностью, на чем и основано "древнеевропейское" название лесистых гор (от Судет до Карпат). В этом отношении показательны этимологически родственные слова, имеющие значение 'гора': гот. *fairguni* 'горная местность' (ср. др.-в.-нем. *Fergunna*).

С этими словами связаны формы со значением 'гора', 'скала': др.-инд. *párvata-* 'скала', 'гора' (часто в "Ригведе"); хет. *peru*, им.-вин. пад. ср. р., дат. пад. *peruni* 'скала', Eichner 1973: 75, 98; *peruna-* 'скала' (неср. р.), восходящие к той же основе без суффиксального *-k^hl^h-. Согласие древнеиндийского с хеттским уже удостоверяет по схеме диалектного членения общиндоевропейский характер слова.

Таким образом, для общиндоевропейского выделяются два варианта основы: основа с *-k^hl^hl^hu-: *p^hlerk^hl^hu-¹ и основа без *-k^hl^hl^hu-: *p^hlergu-.

1.5. СВЯЗЬ НАЗВАНИЯ «БОЖЕСТВА» С НАЗВАНИЕМ «ДУБА»

Первоначальная связь этих основ, рассматриваемых как два варианта единой формы, особенно наглядно проявляется в названиях 'бога грома', связываемого с 'дубом' и 'скалой', 'камнями' в древних индоевропейских традициях. Эти названия представляют собой производные на *-n-o- от тех же двух индоевропейских вариантов основ *p^hlerk^hl^hu-//*p^hlergu-, распределяемых по диалектам:

¹ Итальянская форма от основы *p^hlerk^hl^hu- обнаруживает позднюю ассимиляцию *perk^wu- → *k^werku-, лат. *quercus* 'дуб' (ср. также венет. *Quarq̄ēni*, название племени, буквально: 'дубовые люди').

Общевалтийский 'бог грома' — лит. *Perkūnas*, латыш. *Pērķūns* (ср. также лит. *perkūnija* 'гроза с громом и молнией', прус. *percunis* 'гром') связан с 'дубом', 'дубовой рощей' (ср. названия священных деревьев — лит. *Perkūno aižuolas*, латыш. *Pērkuona uõziõls* 'дуб бога грома')¹ и 'горой', 'скалой', 'камнями' (ср. лит. *Perkūnkalnis* 'гора бога Грома', поверья о 'горе' как древнем обиталище бога Перкунаса и др.);

Др.-исл. *Fjörgyn* 'мать бога грома Тора' (основа ж. р. на *-uni*, ср. такой же тип образования в кельт. *Hercynia silva* 'лес Эркиния', лит. *perkūnija* 'гроза');

Др.-инд. *Parjanya-* 'бог грома и дождя' (в 'Ригведе') — вероятно, с позднейшим озвончением рефлекса индоевропейского *k^hl⁰, аналогичным др.-рус. *перегыня* (название мифологического существа, ср. *Яacobсон 1970: 612*).

Названия того же божества в других диалектах образованы от той же основы без элемента *k^hl⁰:-

Общеславянский бог грома **Perunij* (ср. укр. *перун* 'гром', белорус. *пярún*, чеш. *perun* 'гром', польск. *piorun* 'гром') связан с 'дубом' и с 'горой' (ср. др.-рус. *Перуновъ дубъ*² на горе, *Иванов/Топоров 1974: 14 и след.; Nagy 1974*);

Алб. *Perën-di* 'бог', 'небо' (ср. *Pisani 1959: 124*), в частности в песнях с обращением к 'богу' с просьбой принести дождь;

Хет. *Perunaš* 'Скала' (женщина, рождающая сына богу Кумарби, "Песнь об Улликумми", I, 14); древнехеттский бог *Perušaš*, имя которого образовано от той же основы, связан со скалой É^{NA}₄ *ḫegur*^D *Peruša-* 'Дом—скала бога Пирвы';

Кафирское имя бога войны *Pärun* ср. также название созвездия "Плельд" в афганском: *Pērüne*, *Scherer 1953: 142*; ср. *Яacobсон 1970: 612*).

Связь общеиндоевропейского имени 'бога грома' *p^hler(k^hl⁰)u-n- с названием 'горного дуба', 'дубового леса на горе', 'горы', 'скалы' *p^hler(k^hl⁰)u- легко объясняется древнейшими представлениями о 'молнии', поражающей мощные дубы на вершинах гор. Такие представления должны были отражать постоянно наблюдаемые явления в высокогорных районах обитания древних индоевропейских племен.

1.6. РАЗНОВИДНОСТИ «ДУБА» И «ГОРНОГО ДУБА» В ЕВРАЗИИ

Известно несколько разновидностей 'дуба' (*Quercus L.*), широко распространенных в Западной Евразии главным образом в областях с умеренным и южным климатом. В Передней Азии, включая Закавказье, широко распространены дубы нескольких разновидностей: 'кавказский дуб' (*Quercus iberica*), 'малоазиатский дуб' (*Quercus cerris*), 'горный дуб' южных и восточных областей (*Quercus macranthera*), 'высокогорный дуб'

¹ Старое название 'дуба' в балтийском заменено новообразованием: лит. *aižuolas*, латыш. *uõziõls*, прус. *ansonis* 'дуб' (ср. *Топоров 1975-, I: 93*).

² В общеславянском древнее название 'дуба' заменено новообразованием (рус. *дуб*, др.-рус. *дубъ*), ср. *Фасмер 1964—1973, I: 547—548*.

Юго-западной Азии (*Quercus ilex*), 'имеретинский дуб' (*Quercus imeretina*) и другие (см. *Берг 1955* : 241, 244, 265, 289 и др.).

В Атлантический период (около VII—IV тысячелетий до н. э.) дубовые леса распространяются в Европе, в частности в Северном Причерноморье (*Нейштадт 1957* : 302). В более позднее время в лужицкой культуре (первое тысячелетие до н. э.) больше половины древесины, используемой в строительных целях, представляла собой 'дубовое дерево' (*Firbas 1949* : 169).

В Суббореальный период (3300—400 гг. до н. э.) в Европе дубовые леса в более северных областях были оттеснены хвойными деревьями и березами; дубовые леса играют подчиненную роль по отношению к 'сосне' (*Кларк 1953* : 26). Не удивительно поэтому, что в ранней истории в германских языках древнее название 'горного дуба', 'дубового леса' (еще отраженное в первоначальном значении в кельто-германском, ср. древнее название Судет-Карпат как 'дубового горного леса') меняется на 'сосну', 'сосновый бор'.

В высокогорных районах Передней Азии (в широком смысле, включая Закавказье, Иран и Афганистан), представляющих собой более древний ареал распространения 'дуба' и 'дубовых лесов', дуб составляет основной фон ландшафта¹. В отдельных горных областях этого ареала на высоте около 2300—2600 м (и ниже) лиственные леса состоят в основном из гигантских дубов, множество которых гибнет от гроз и частых ударов молний². Молния, поражающая самое прочное из деревьев — 'дуб' (как и каменную скалу), естественно вызвала в воображении образ всемогущего божества грома, именуемого по названию 'горного дуба'.

1.7. КУЛЬТОВАЯ РОЛЬ «ДУБА» В КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

'Дуб' считается священным деревом в широком переднеазиатском ареале. На Кавказе широко представлен культ 'дуба'. Это особенно проявляется в картвельской традиции, где у горцев в Пшав-Хевсурети все еще сохраняется обращение при молитвах к 'духу дуба' (*Джавахишвили 1960*, I : 86). 'Дуб' здесь мыслится как огромное мифическое дерево (в сущности 'Мировое дерево'), вершина которого прикована к небу золотой

¹ Название 'дуба' реконструируется и для общесемитского: **all-(ān-)*, *Fronzaroli 1968*, V : 277.

² Любопытно в этом отношении описание высокогорного ландшафта Нуристана (области Восточного Афганистана, занимаемой кафирами — носителями нуристанских языков, составляющих особую ветвь индо-иранских языков) *Н. И. Вавиловым*, путешествовавшим по этим местам: "дуб... здесь гибнет естественной смертью, от бурь; по дороге огромные пни, сожженные стволы... дуб здесь достигает мощных деревьев до 10 м, в среднем 7—8 метров" (*Вавилов 1959—1965*, I : 130); тут же упоминается заросший дубовым лесом перевал *П а р у н*, который по форме представляет, по-видимому, индо-иранский вариант индоевропейского названия 'горного дубового леса' (ср. в этой связи название бога войны у кафиров *Rāgun*).

цепью; по нему спускаются и поднимаются к небу ангелы (*Важа Пшавела*).

В Абхазии почитание дуба связано с тем, что во время грозы 'бог грома' поражает 'дуб'. Поэтому дуб вырывают с корнем, если он растет у дома. 'Дуб' и 'гора' считаются местом, где приносится особенно важная клятва, в частности на горных перевалах (*Малия 1970 : 90 и след.*). Сходные представления о 'дубе' обнаруживаются и у осетин: 'дуб' (осет. $t\ddot{u}l\ddot{z}/tol\ddot{z}\grave{a}$)¹ здесь не сажают вблизи дома, считая, что это приносит несчастье (*Миллер/Фрейман 1927—1934, II : 1226*).

1.8. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ РОЛЬ «ДУБА» У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ И ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ЖЕЛУДЯ»

У древних индоевропейцев 'дуб', с которым связан целый комплекс важнейших мифологических и ритуальных представлений, должен был играть существенную роль в хозяйстве. Прежде всего 'дуб' давал особенно прочный материал для строительства и для изготовления различных орудий и других предметов (об этом подробнее ниже). Очевидно, форма среднего рода (древнего инактивного класса) *t'ogu- и обозначала первоначально именно 'дуб' как 'древесину', 'материал для изготовления различных предметов и сооружений'²; тогда как само растущее дерево 'дуб' выражалось словом несреднего рода (древнего активного класса) *p^hler(k^hl^o)u-s.

Помимо использования 'дуба' для древесины особое хозяйственное значение имели дубовые леса, по-видимому, и для развития у древних индоевропейцев свиноводства. Специальные 'свинопасы' должны были пасти свиней именно в дубовых лесах, богатых желудями.

Название 'желудя' *k^oeIH-, судя по диалектному распределению (армяно-греческий, италийский, балто-славянский), восстанавливается как общиндоевропейское:

Арм. *katip*, род. пад. *katipou* 'желудь'; отсюда название 'дуба' *katni* (ср. *Туманян 1978 : 198*), греч. *βάλανος* 'желудь' (уже у *Гомера* как пища свиней, которых пасут в горных местах, поросших дубовым лесом³);

¹ Осетинское слово с неясной этимологией для 'дуба' *tūlz* является заменой первоначального названия, легко подвергавшегося табуированию ввиду связываемых с 'дубом' представлений.

² Ср. названия предметов и орудий, образованных от основы *t'e/oru-: др.-инд. *dṛuvāya-* 'деревянный сосуд', *dṛūpat* 'меч', *dṛuṇī* 'ведро', *dṛu-ghṇī* 'деревянный молот'; авест. *dāuṇu-* 'оружие из дерева', 'палица'; арм. *targal* 'ложка', греч. *δόρυ* 'древко', 'копье', *δρόπη* 'корыто'; ср.-нрл. *droshta* 'бочка', *droschat* 'мост'; др.-англ. *tīg* 'поднос' (англ. *tray*), др.-в.-нем. *trog* 'корыто' (нем. *Trog*), др.-англ. *trog*, *troh* 'корыто', др.-в.-нем. *truha* 'ларь', 'ларец' (нем. *Truhe*) и др.

³ Ср. в "Одиссее" (v 407—410):

*θήεις τόγγε σέεσαι παρήμενον. αἱ δὲ νέμονται
πᾶρ Κόρακος πέτρῃ ἐπὶ τῆ κρήνῃ Ἀρεθοῦσῃ,
ἰεθεῖσαι βάλανον μενοεικέα καὶ μέλαν ὕδωρ
πίνεσαι, τὰ δ' ὕεσαι τρέφει τεθαλυῖαν ἀλοιοφῆν
"Встретивши его ты у стада свиней: близ утеса Коракса,
Подле ключа Аретузы лазоревой стадо пасется,*

лат. *glāns*, род. пад. *glandis* 'желудь' (с дальнейшим переносом на косточковые плоды — каштан, финик и другие¹), лит. *gylė* 'желудь', *gilėndra* 'богатый урожай плодов', латыш. *zīle* 'желудь', прус. *gile* 'желудь', 'дуб', рус. *желудь*, польск. *żółqdź* 'желудь'.

1.9. ТАБУИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕНЫ НАЗВАНИЯ «ДУБА» В ОТДЕЛЬНЫХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Название 'дуба', с которым в индоевропейском связан широкий комплекс мифологических представлений, подвержено частому табуированию в отдельных индоевропейских диалектах путем замены его другими словами с не всегда ясной этимологией (ср. выше о балтийском, славянском и осетинском названиях 'дуба') или фонетических преобразований, меняющих его первоначальный облик².

Одним из древнейших примеров такой табуистической замены первоначального названия 'дуба' может служить основа **aǵk'*-, представленная в основном в германских языках как главное название 'дуба':

Др.-исл. *eik* 'дуб', 'корабль' (в поэтическом языке), др.-англ. *āc* 'дуб', 'судно из дуба' (англ. *oak*), др.-в.-нем. *eih* (нем. *Eiche*) 'дуб'³.

Обнаружение соотносимого с этой основой слова в греческом языке

*Жадно питаяся там желудями и водой запивая
Пищу, которая тушу свиную густым наливает
Жиром'* (перевод Жуковского).

¹ Такой перенос значения 'желудь' → 'финик', 'косточковый плод' может иллюстрировать семантическое развитие др.-инд. *paṅkaṭī* 'фиговое дерево' из первоначального индоевропейского значения 'дуб'. Смена экологических условий древних индо-арийцев приводит как к исчезновению 'свиней' и 'свиноводства', так и к переосмыслению древнего названия 'дуба' как священного дерева, дающего хозяйственно ценные плоды. В этой роли в древней Индии выступает уже 'фиговое дерево'.

² Примерами таких фонетических преобразований первоначального названия 'дуба' могут служить индо-арийские термины, обозначающие 'дуб', и связанные с ним представления: ср. позднейшее озвончение в др.-инд. *Paṅjāpuṅa-* и *paṅjāta-* 'райское дерево' (*Quercetum*), а также и панджаби *paṅgāī* 'вид дуба'; наряду с этой формой в панджаби засвидетельствованы названия разных видов 'дуба' (в том числе 'горного дуба' — *Quercus ilex*): *kars*, *karś*, *karśu*, сопоставляемые с прус. *karige* 'рябина' и герм. **karkūs* 'роща'; 'жрец', 'идол'; 'куча камней': др.-англ. *hearg* 'идол', др.-в.-нем. *hagu(g)*-, др.-исл. *hagr* 'куча камней', 'место жертвоприношений' (ср. *Friedrich P. 1970: 150; Иванов/Топоров 1974: 32; Топоров 1975-, III: 228—231*).

К такой индоевропейской форме с начальным **k-* может восходить и картвельское **k'ṭk'o-* 'желудь' (груз. *gk'o*, диал. туш. *k'urk'o*, пшав. *girk'o*; мегр. *k'ə*, *k'i*; сюда же относится, очевидно, груз. *k'urk'a* 'косточка плода'); ср. также формы типа итальянского **k^werkus*: лат. *quercus*, венет. *Quarquēni*, а также иллирийское имя острова Корфу *Коркура*, *Кёркура* (ср. *Шанидзе 1947*). Как табуистическое преобразование и переосмысление можно было бы объяснить и греч. гом. *κεραυβός* 'громовой удар, молния, посылаемая богом-громовержцем Зевсом' (из **reg^hk'aupos?*).

³ Характерно, что древнее название 'дуба' в исторических германских языках часто переносится на 'сосну', см. выше. Ср., с другой стороны, др.-сев. *deppia* 'ель', др.-в.-нем. *taupa* 'ель', засвидетельствованная в XI в. также в значении 'дуб' (герм. **dapwō*), которые сопоставляются с др.-инд. *dhanvana-* 'вид плодового дерева', ср. *Pokorny 1959: 234*.

позволяет реконструировать такую основу со значением 'дуб', 'горный дуб' уже для некоторой древней диалектной общности с довольно ранней заменой им первоначального названия:

Греч. αἰγίλωψ 'вид дуба' (*Quercus aigilops*, восточносредиземноморский дуб со съедобными желудями), древнее словосложение, по-видимому, со второй частью, родственной греч. λώπη, λοπός 'кора'; ср. лат. *aesculus* 'горный дуб' (из производного на *-sclos*?, Pokorny 1959 : 13) при сохранении общего названия 'дуба' *quercus*.

Характерно, что греческий заменяет первоначальное индоевропейское слово со значением 'дуб' на основу *t'(o)ru-, превращая ее в форму не-среднего рода — греч. δρῦς 'дуб' (как растущее дерево), тогда как форма от основы *aik'- послужила для обозначения особой (местной?) разновидности 'дуба' — Лишь табуистически преобразованное слово κεραυνός 'удар грома', 'молния', насылаемая громовержцем Зевсом, сохраняет след древней индоевропейской основы *p^hlerk^hu-.

2. «БЕРЕЗА»

2.1. ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «БЕРЕЗЫ»

Название 'березы' (*Betula* L.) восстанавливается для общиндоевропейского по схеме диалектного членения в виде основы *b^hlerHk'. Оно объединяет такие диалектные ареалы, как индо-иранский, итальянский, балтославяно-германский:

Др.-инд. *bhūrjā*- 'вид березы', из коры которой изготовлялся материал для письма (засвидетельствовано в ведийском в "Яджурведе"); в дардских языках горных северо-западных районов Индии — пхалура *brhuḷ*, дамели *brūṣ*, гавар-бати *bluz* 'береза' (Mayrhofer 1963, II : 514 — 515); в кафирском (вайгали) *brūj* 'береза' (Morgenstierne 1954 : 238), хотано-сакск. *brañja* 'береза', *brumjā*- 'береста' (кора березы как материал), памир. вахан. *furz*, санглечи *barež*, шугнан. *baruḷ* 'береза', осет. *bærz* || *bærgzæ* 'береза', афган. *barj* 'лыко' (полоса бересты, березовой коры); тадж. *burz*, *burs* 'арча' (с переносом значения);

Др.-исл. *björk* 'береза', др.-в.-нем. *birihha* (нем. *Birke*), др.-англ. *beorc*, *birce* (англ. *birch*) 'береза';

Прус. *berse* 'береза', лит. *bėržas* 'береза', *biržtva* 'березняк', латыш. *bērzs*, *bērze* 'береза', рус. *береза*, сербо-хорв. *brěza*, др.-чеш. *břieza* 'береза', рус. *береста* 'верхний слой березовой коры', др.-рус. *бересто* 'березовая кора' рус. диал. *бересто* 'береста', 'письмо', 'бумага' (Филин 1965 —, II :

¹ По Х и р т у (Hirt 1968 : 20) к этой же основе относится и греч. гом. αἰγανέη 'дротик', употреблявшийся на охоте и в играх, и αἰγίς 'эгида', 'нагоняющий страх щит Зевса', котрым он насылал грозу и ужас на людей, то есть αἰγίς — это первоначально 'дубовый щит бога Дуба' ('Eichenschild des Eichengottes'), посылающего молнии.

257), чеш. *břesta* 'береста', польск. *brzesta* 'кора вяза', с переносом значения (древняя основа на *-t(hl-))¹.

Лат. *fraxinus* 'ясень', *farnus* 'ясень' (с переносом значения);

Фрак. *Berzovia* (название места на юго-западе Дании, толкуемое как 'березовый (ручей)')².

2.2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО НАЗВАНИЯ «БЕРЕЗЫ» ОТ ОСНОВЫ В ЗНАЧЕНИИ «БЛЕСТЕТЬ»

Общеиндоевропейский характер названия 'березы' подтверждается связью его с первичной основой *b^hlerHk'- в значении 'светиться', 'блестеть': ср. др.-инд. *bhrājate* 'блестит', 'сияет', авест. *brāzaiti* 'блестит', 'сияет'; гот. *bairhts* 'светлый', 'ясный', 'блестящий', др.-англ. *beorht* 'блестящий', 'яркий' (англ. *bright*).

Связь этих значений ('светлый', 'яркий' ⇒ 'береза') легко объяснима характерным цветом блестящей коры 'березы', по которой и было названо само растение.

2.3. ХОЗЯЙСТВЕННОЕ И РИТУАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ «БЕРЕЗЫ» У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Основная хозяйственная ценность 'березы' определяется тем, что она служила в древности (и до сих пор служит в отдельных традициях) материалом для изготовления самых разнообразных предметов от обуви, посуды, корзин до материала для письма в отдельных культурах, в частности у восточных славян и в Индии до XVI в. н. э.³

'Белизна', 'блестящий цвет' коры березы послужили, по-видимому, основанием в древних представлениях для употребления 'березы' в качестве символа ритуальной 'чистоты' и 'невинности'. В частности, в фольклоре балтийских народов сохранились устойчивые словоупотребления, при которых слово 'береза' выступает в значении 'чистоты', 'невинности', ср., например, латыш. *brūte vēl bērza galā* (вар. *bērzagalā*) 'жених еще (у) вершины березы' (о юных, невинных девушках и юношах), *Mühlenbach/Endzelin 1923—1932, I : 292*. Аналогичные мотивы выступают и в германской традиции, ср. *Friedrich P. 1970 : 157—158*.

¹ Такой перенос значений засвидетельствован уже в ранних славянских формах от *berstū: рус. *берест* 'вяз', сербо-хорв. *bresten* 'ulmeus', 'вязовый' (в текстах XI в.) и др. Перенос значений объясним сходством коры 'березы' с корой 'вяза', для обозначения которого и стало применяться древнее слово, образованное от названия 'коры березы', ср. *Трубачев 1974-, I : 199*.

² Устанавливаемый по диалектному распределению общеиндоевропейский характер названия 'березы' предполагает утрату его в некоторых исторических диалектах или сдвиг его значения. Косвенным подтверждением этого может служить баскское слово для 'березы' (*b)urki* (*Tovar 1970: 269*), по-видимому, заимствованное из какого-то индоевропейского диалекта, все еще сохранявшего незвонкий характер древнего палатализованного *k'.

³ Любопытно в связи с этим название германской руны *ḅ* именем 'березы': др.-исл. *björka*, др.-англ. *bēorc*, гот. *bērka* (**bairka*), *Grienberger 1896 : 185* и след.

В свете этих положений приобретает особое значение сопоставление с индоевропейским названием 'березы' и производными от него хеттской основы *parku-* в значении 'ритуально чистый', 'невиновный'¹. Хеттская форма восходит к индоевропейской основе на *-u-: *b^hl(e)ṛnk'-u-², засвидетельствованной в балто-славянском (слав. *berzovъ-: др.-рус. березовий, Бархударов 1975-, I : 145, сербо-хорв. brèzov, с XIV в. н. э., болг. брязов; слав. *berz-u-jǐ в топониме др.-рус. Березуй, Трубачев 1974-, I : 206—207; ср. хеттское прилагательное *parku-i-* 'чистый', лит. Bėržuvis, Топоров 1975-, I : 213) и фракийском: *Berzovia*.

Морфологическое строение хеттской формы на -u-, как и ее значение предполагают образование ее от индоевропейского названия 'березы' в метафорическом значении 'ритуальной чистоты', 'невиновности'. Первичное значение основы 'береза' в этой группе хеттских слов было утеряно при сохранении лишь производного значения.

2.4. ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ РАЗНОВИДНОСТЕЙ «БЕРЕЗЫ»

Разновидности березы (*Betulaceae*) встречаются в настоящее время по всей умеренной (и северной) зоне Евразии, а также в горных районах более южных зон, где она растет до высоты около 1500 м (в частности на Кавказе, на отрогах Гималаев и в горных районах Южной Европы). В Суббореальный период (около 3300—400 гг. до н. э.) береза была распространена и в более южном поясе (ср. Хотинский 1977; Герасимова/Величко 1982 : 121—123).

Наличие общего слова для 'березы' в индоевропейском предполагает знакомство с ней древних индоевропейских племен, что было возможно либо на территории зоны относительно умеренного климата (в Европе на широтах от севера Испании до севера Балкан и далее на восток к низовьям Волги), либо в гористых областях более южного ареала Передней Азии.

3. «БУК»

3.1. ОБЩЕИНДРОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «БУКА»

Индоевропейское название 'бука', восстанавливаемое в форме *b^hl^ank'o-, показывает в исторических диалектах семантические преобразования, затрудняющие точное установление первоначального значения:

Лат. *fāgus*, ж. р. 'бук', 'буковое дерево' (ср. галл. *bāgos* в топониме *Bāgācon*); др.-в.-нем. *biuhha* 'бук' (нем. *Buche*), др.-исл. *bók*, ж. р. 'буковое дерево', др.-англ. *bōc* 'бук' (ср. у Цезаря: *esse silvam ibi infinitae*

¹ От этой исходной основы образованы в хеттском адективная форма на -i: *parkui-* 'чистый', 'невиновный', им. пад. *parkuiš*, род. пад. *parkuišaiš*; отыменная глагольная основа *parkueš-* 'очиститься', 'оказаться невиновным'; абстрактное имя существительное *parkuešsar*, род. пад. *parkuešnaš* 'очищение'.

² Сопоставление хет. *parkui-* с гот. *baírhts* 'блестящий' и родственными словам было предложено еще Стертевантом (*Sturtevant* 1933 : § 115), ср. *Pokorny* 1959 : 140.

magnitudinis, quae appellatur Bacēnis “есть там лес бесконечной протяженности, называемый *Bacēnis*” (“*De bello Gallico*”, 6, 10);

Сюда же относится греч. φηγός, дор. φῆγός, ж. р. ‘дуб’¹.

Ряд форм, относимых к этой же группе слов, показывает возможные следы *-u* после корневого гласного (связанного с ларингальным ?): др.-исл. *beuki* ‘буковый лес’, др.-англ. *bēce* (англ. *beech*) ‘бук’, ‘буковый лес’ (если не из **bōkjo-*, *Watkins 1971 : 1508*; ср. *Lane 1967 : 202—205*).

Славянское название ‘бука’ **bukŭ* (др.-рус. *букъ*, рус. *бук*) по фонетическому облику считается заимствованием формы с незвонким **-k-* (из и.-е. **k’*), вероятно, германского **bōk-* (ср. *Трубачев 1974-, III : 90—91, с литературой*); заимствованной по той же причине признается и балтийская форма — лит. *būkas*, прус. *bucis* ‘бук’, но источник заимствования не вполне ясен (*Топоров 1975-, I : 262—263*)².

3.2. РИТУАЛЬНАЯ РОЛЬ «БУКА» В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

В древних индоевропейских традициях ‘бук’ является священным деревом, связываемым с главными божествами, в частности Юпитером и Дианой в римской традиции. Особое сакральное значение ‘бука’ в германской традиции связано с использованием букового дерева и гладкой его коры как материала и средства для письма, что и отражено в значениях соответствующих слов (*Feist 1939 : 102*):

Гот. *bōka* ‘буква’, мн. ч. *bōkōs* ‘письмо’, ‘письменный документ’, ‘кни-

¹ У Гомера по отношению к дубу Зевса: ὄπ’ αἰγίδχοιο Διὸς περιμλλέει φηγῶ (Е 693) “под прекрасным дубом эгидодержавного Зевса”, и к дубу, у которого встречаются боги Афина Паллада и Аполлон, сын Зевса: ἀλλήλοισι δὲ τῶ γε συναντήσῃην παρὰ φηγῶ (Н 22) “оба друг против друга ступая, сошлись у дуба”. Судя по употреблению слова *φηγός* у Гомера, греческое значение слова ‘дуб’ следует считать заменой первичного индоевропейского значения (очевидно, ‘бук’) на значение ‘божественного дерева’, ‘дуба бога Громовержца’, название которого в греческом не сохранилось (ср. в этой связи рассмотренное выше греч. *κεραυνός* ‘молния’).

² Обращает на себя внимание то, что носители балто-славянских диалектов, обитавшие в исторический период в областях распространения ‘букового дерева’, теряют унаследованное древнее его название и заимствуют его вновь из другого диалекта. Не исключена, однако, возможность отражения в балто-славянских названиях ‘бука’ первоначальной индоевропейской формы с аномальным сохранением незвонченного глоттализованного **k’*, пережиточно сохраняющегося в некоторых особых названиях, ср., например, др.-ид. *taḡu-* ‘дерево’ при закономерном *dāgu* (и.-е. **t’oru-*). Альтернативным решением проблемы было бы допущение переноса значения унаследованной индоевропейской формы в славянском на обозначение другого растения, возможно, ‘бузины’ при заимствовании названия ‘бука’. В таком случае индоевропейскую праформу следовало бы постулировать с палатализованной фонемой **kʰʰ*: ср. слав. **bŭzŭ* (ст.-чеш. *bez* ‘бузна’, полаб. *bāz* ‘бузина’, ‘сирень’, др.-рус. *бозъ* ‘бузина’, *Бархударов 1975-, I : 274*), **bŭzina* (ст.-укр. *бзина*), **buzina* (рус. *бузина*, словин. *bēsānā* ‘бузина’); однако этимология вызывает возражения из-за корневого гласного *u* и в особенности значения слова, ср. *Трубачев 1974-, III : 104, 143—146*. По форме сюда же относят алб. *bupgë* ‘дуб’ (*Hamp and Friedrich P. 1970 : 108*) и курд. *büz* ‘вяз’, ср., однако, возведение курдского слова к **vīz* ‘вяз’, *Eilers/Mayrhofer 1962*.

га', *bōkareis* 'книжник', 'грамотей', др.-исл. *bók*, др.-англ. *bōc* (англ. *book*), др.-в.-нем. *buoh* (нем. *Buch*) 'письменный документ', 'книга', *buohstap* (нем. *Buchstabe*) 'буква' (из 'буковая палочка для письма')¹.

В этом значении германские слова заимствуются и славянским: ср. ст.-слав. *bukŭ* 'буква', *bukarŭ* 'грамотей' (ср. гот. *bōkareis*); полаб. *bŭkvoi* 'книги', др.-рус. *букы*, *букъвь* 'буква', *мн. ч.* 'письмена', 'письменность', 'письмо', 'послание' (Бархударов 1975-, I : 352)².

3.3. ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ «БУКА» И «АРГУМЕНТ БУКА» В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ «ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАРОДИНЫ»

'Бук' (*Fagus silvatica* L.) в историческую эпоху в Европе строго ограничен в своем распространении с востока по линии, идущей от Балтийского моря примерно по течению Вислы и к югу до среднего течения Дуная. Это и послужило одним из основных аргументов сторонников помещения индоевропейской прародины в Европе (ср. *Wissmann 1952; Krogmann 1954; 1955; Lane 1967*, с дальнейшей литературой).

Однако по новейшим данным палеоботаники отеснение 'бука' на запад и продвижение его на север в его исторические границы в Европе происходило не ранее Суббореального периода (конец IV— I тысячелетий до н. э.), ср. *Нейштадт 1957 : 305—311*. При этом некоторые разновидности 'бука' (*Fagus orientalis*) были распространены и в Передней Азии — от северных областей Малой Азии до Закавказья и Северного Ирана³.

Поэтому принятие "аргумента бука" как фактора, определяющего локализацию индоевропейской "прародины", допускает выбор между территорией западноевропейского ареала (включая западные области Восточной Европы) и переднеазиатского ареала от Малой Азии до (северного) Ирана, при исключении территории к северо-востоку от Причерноморья до низовьев Волги, где 'бук' отсутствует на всем протяжении послеледникового периода.

¹ Ср. аналогичное использование 'березовой коры', 'бересты' для письма в славянской и индийской традициях, см. выше, стр. 620. Само германское слово : др.-в.-нем. *stap* 'палка', 'деревянная палка', др.-исл. *stafr* 'палка', 'деревянный посох' выражает также значение 'буквы рунического письма', 'письменности': руническое *stAba* 'руническая палочка', 'руна' (*Макаев 1965 : 138*), др.-англ. *stæf* 'буква', *мн. ч.* 'письменность', 'литература'.

² Общеславянский (или, во всяком случае, раннеславянский) характер германских заимствований ставит особый вопрос о наличии письменности у славян до создания "глаголицы" Константином-Кириллом в IX в. н. э. В этой связи любопытны данные Черноярца Храбра о "чертах и резах", с помощью которых славяне "читали и гадали" (ср. *Якубинский 1953 : 71—76*).

³ Показательно наличие и общекартвельского слова для 'бука' **c'ip*-: груз. *c'ipela*, мегр. *c'ipig-*, лаз. *c'ip(u)g-*, сван. *c'ip-га*, ср. *Гамкрелидзе/Мачавариани 1965 : 76*.

4. «ГРАБ»

4.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ГРАБА»

Примерно сходное с 'буком' диалектное распределение и аналогичную семантическую дистрибуцию показывает название 'граба' *(s)k'rōb^hlo-:

Рус. *граб*, *грабина*, чеш. *habr*, *hrabr*, польск. *grab*, полаб. *grōbē* 'грабовая роща', сербо-хорв. *grāb*, *grābar*; прус. *wosi-grabis* 'бересклет' (буквально: 'козий граб', *Būga* 1958—1961, II: 104); латыш. *Gruōbiņa* (топоним от **gruōbas*), лит. *Gruobūnas*, диал. *Groubūnc* (топоним, *Būga* 1958—1961, III: 736);

Умбр. *Grabouio-* (эпитет трех умбрских богов), *Dumézil* 1966: 155 (с литературой).

Ряд форм показывает основу с начальным s-: лит. *skrōblas* 'граб', 'бук лесной', латыш. *skābarde* 'граб', алб. *shkozë* 'граб', 'бук', ср. аномальное в смысле соответствий лат. *carpinus* 'граб'.

Разные виды 'граба' (*Carpinus* L.) растут в Западной и Восточной Европе (*Carpinus betulus* L.), а также в горных местностях Передней Азии и Кавказа (*Carpinus orientalis*, *Carpinus caucasica*, *Carpinus schuschaensis*), где он известен с Бореального периода (*Heijtmadt* 1957: 269)¹.

4.2. ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАЗВАНИЯ «ГРАБА» В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Название 'граба', как и 'бука', увязывается этимологически с глагольными формами в значении 'царапать', 'наносить метки', позднее 'писать', что указывает на специфическое использование 'граба' в древности для нанесения на дерево определенных графических символов. Само название 'граба' *(s)k'rōb^hlo- возникло, очевидно, как производное от глагола *(s)k'reb^hl- в значении 'царапать', 'скрести', 'чертить': ср. греч. γράφω 'царапаю', 'пишу'² (из *k'rb^hl-), γράμμα 'буква', др.-в.-нем. *kerban* 'делать зарубки' (нем. *kerben*), ст.-слав. *žrěbijǫ* 'жеребий', прус. *girbin* 'число' (из 'число зарубок'), др.-англ. *scrapan* 'царапать' (англ. *scrape*), рус. *скребу* и др.

4.3. СВЯЗЬ НАЗВАНИЙ «ДЕРЕВЬЕВ» С ТЕРМИНАМИ ДЛЯ НАНЕСЕНИЯ «ЗНАКОВ» НА ДЕРЕВО

Связь названий деревьев — 'березы', 'бука', 'граба' с терминологией письма указывает на технику письменности и изготовление материалов

¹ Ср. наличие общекартвельского слова для 'граба': **kṛsxetl-*: др.-груз. *kṛsxetl-* (груз. *гсхiლა*), мегр. *схетиг-*, *схитиг-*; лаз. *схетиг-*, *тсхибг-*, сван. *схэт*, *схит*, *схwит* (*Климов* 1964: 200). Сопоставление древнегрузинской формы *kṛsxetl-* с западнокартвельскими (мегрело-лазской и сванской) позволяет реконструировать скорее сложную праформу **gr-sxetl-*, с начальным элементом **gr-* (с ассимилятивным оглушением в грузинском), который не представлен в западнокартвельских диалектах.

² У Гомера еще в обоих значениях: 'оцарапало его до кости копье Полидамаса' и 'начертать', 'написать' (*γράφας ἐν πίνακι πτυκτῶ*, Z 169 'написав на складной дощечке из дерева').

для письма в древнейших индоевропейских культурах. Возникновение письма и письменности основано в этих культурах на использовании дерева и древесного материала, на который наносились знаки или зарубки с помощью особых деревянных палочек. Такая техника письма, характерная для ряда ранних индоевропейских культур, отражает, очевидно, типологически более архаичную ступень развития письменности, чем высечение знаков на камне или нанесение их на глиняные таблички или на специально обработанную шкуру животного (ср. в этой связи проблему письменных документов на дереве GIŞ.ḪUR в древней Анатолии; об этом подробнее — ниже).

5. «ЯСЕНЬ»

5.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ЯСЕНЯ»

По схеме диалектного распределения название 'яsenя' *Hos- (с возможным суффиксальным образованием на *-k^hl-, *-i- и *-n-, первоначально, очевидно, гетероклитического происхождения) может быть отнесено к древнеиндоевропейскому состоянию (греческо-армянский, балто-славянский, албанский, германский, кельто-италийский). Древнее слово для 'яsenя' было утеряно в остальных индоевропейских диалектах:

Арм. *hac'i* 'яsenя'; греч. *δξύη* 'бук', 'древко копья' (с переносом значения); алб. *ah* 'бук';

Др.-рус. *яsenь* 'яsenя', рус. *яsenь*, польск. *jasień*, полаб. *josén* 'яsenя', сербо-хорв. *jāsēn*; лит. *úosis*, латыш. *uōsis*, прус. *woasis* 'яsenя';

Др.-исл. *askr* 'яsenя', 'копье', 'судно', др.-англ. *æsc* 'яsenя' (англ. *ash*), др.-в.-нем. *asc* (нем. *Esche*) 'яsenя';

Лат. *ornus* 'горный яsenя', др.-ирл. (*h*)*uinnius*, др.-корн. *onn-en*, брет. *ounn-enn* 'яsenя'; ср. лигур. 'Oσκίλα 'ясеневый лес' (*Pokorny 1959 : 782*)¹.

5.2. ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ «ЯСЕНЯ»

Разновидности 'яsenя' (*Fraxinus* L.) распространены в средиземноморском ареале — на юге, включая Северную Африку, а также в Малой Азии, на севере Месопотамии, на Кавказе и в прикаспийских степях (*Fraxinus oxycarpa*), на северном берегу Средиземного моря (от Малой Азии до Иберийского полуострова, *Fraxinus ornus*), тогда как в более северных областях Европы наряду с разновидностью *Fraxinus ornus* представлен с древности 'горный яsenя' (*Sorbus aucuparia* L.).

5.3. СМЕЩЕНИЕ ЗНАЧЕНИЙ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ НАЗВАНИЙ «ДЕРЕВЬЕВ» В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Перенос значения 'яsenя' ⇒ 'бук' в греческом (и, возможно, в албанском) входит в систему семантических сдвигов в семантическом поле назва-

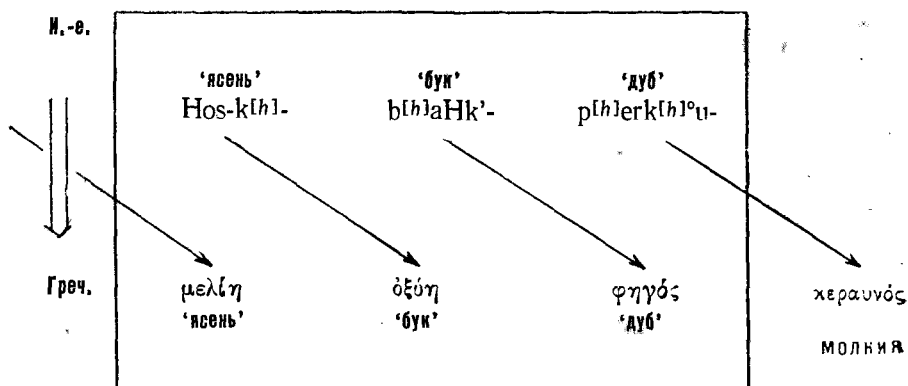
¹ Обращает на себя внимание также марийск. *oško* 'яsenя', заимствованное из индоевропейского диалекта (раннего балтийского?) с формой на суффикс *-k^hl-.

ний деревьев, мотивированных, очевидно, специфическими экологическими и культурными условиями.

Греческая лексема *φηγός*, этимологизируемая исторически как индоевропейское название 'бука', переносится в греческом на обозначение 'дуба', тогда как значение 'бук' стало выражаться древним словом для 'ясень' *δξύη*. В свою очередь для выражения "освободившейся" семантемы 'ясень' было введено собственно греческое новообразование *μελίη*, многократно засвидетельствованное уже у Гомера в значении 'ясень', 'ясеневое копье'.

Описанные переносы значений иллюстрируют системные преобразования в пределах определенного семантического поля с взаимосвязанными семантемами. Изменение одного из элементов поля влечет за собой сдвиги целых рядов, приводящие к формальному преобразованию выражаемых семантических соотношений (см. *Схему 3*):

Схема 3

6. «ОСИНА», «ТОПОЛЬ»

6.1. ДИАЛЕКТНЫЕ НАЗВАНИЯ «ОСИНЫ», «ТОПОЛЯ»

Несмотря на крайнюю диалектную ограниченность названий 'осины', 'тополя' (балто-славяно-германский, ср. *Stang 1972 : 13*) можно с определенной долей вероятности предположить более древний характер основы *(H)osp[h]l- ввиду наличия заимствований этого слова в центральноазиатских языках и возможных отражений в древнеиндийском и греческом:

Прус. *abse* 'осина', латыш. *apse*, лит. *ārišė, ėrišė* 'осина', др.-рус. *осина* 'осина', н.-лужицк. *wosa, wōsa* 'серебристый тополь', болг. диал. *ясика* 'осина', 'береза', 'вид тополя'¹.

¹ Некоторые из южнославянских форм с суффиксом -ika имеют значение 'осоколь', 'черный тополь'. Само славянское название этого дерева *asokog-ŭ/-ĭ может быть истолковано как словосложение *aso-kog- 'с корой осины'; ср. глоссовое греч. *ἄσκρα·δρύς ἀσκρα·δρυός* 'вид дуба' и возможное баскское заимствование *azkáf* 'вид дуба' (ср. *Трубачев 1974, I : 82*).

Др.-исл. *ǫsþr* 'осина', др.-англ. *ǣspe* 'осина', др.-в.-нем. *aspa* (нем. *Espe*).

Здесь же относится, вероятно, др.-инд. *sphyá-* 'кусок дерева', 'орудие из дерева', 'весло', 'лопата' (Janert 1964), а также перс. *fih* 'весло', вахан. *pēi* 'лопатка', 'плечо' (ср. Mayrhofer 1976, III: 547);

Ту же индоевропейскую 'осину' видят в греч. гом. *ἄσπις* 'щит' (при *ἄσπρις* 'вид дуба'); ср. выше, стр. 619₁, греч. *αἰγίς* 'щит Зевса' от названия 'дуба' (ср. Friedrich P. 1970: 50); ср. также греческое глоссовое *ἄσπρα* 'вид дуба'. Начальное α- в таких формах может объясняться и из "ларингальной" *H.

6.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ СЛОВА ДЛЯ «ОСИНЫ», «ТОПОЛЯ» В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Особое значение для установления древности рассматриваемой основы имеют заимствования из индоевропейских диалектов тюркские языки, что свидетельствует о более широком диалектном распространении древнего названия 'осины', 'тополя': тюрк. алт. *apsaq* 'тополь', диал. *aspaq* 'тополь', тобольск. *awsaq* 'тополь', чуваш. *ǎǎs* 'осина'. Тюркские формы предполагают в качестве источника индоевропейские диалекты типа иранских (ср. Hoops 1905: 122—124).

6.3. ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ «ОСИНЫ»

'Осина' (*Populus tremula* L.) распространена на широкой территории Евразии от Восточной Европы до Западной Сибири, а также в Средиземноморье¹, включая Северную Африку; 'тополь' (*Populus nigra* L., *Populus alba*, *Populus canescens*) распространен в более южных областях Европы и в Передней Азии.

Ввиду повторяющихся семантических колебаний в каждом из диалектов в отношении значений 'осина' ~ 'тополь' (не) представляется возможным определить исходное значение древней индоевропейской лексемы. При близости этих видов деревьев основа могла относиться к обоим из них при поздней дифференциации значений в отдельных диалектах².

Обращает на себя внимание также фонетическая близость индоевропейских форм *Hos- 'яшень' и *(H)osp[hl]- 'осина', 'тополь', которые в конечном счете могут рассматриваться как образования от некоторого первичного общего корня *Hos-.

¹ Ср. общекартвельское *werxw- 'осина': груз. werxw-, мегр. verxv-, vex-, сван. jaxw, wexw, Климов 1964: 84.

² Соподобные новые названия 'тополя' возникают лишь позднее в отдельных диалектах, ср. лит. *populus* 'тополь' (ср. рус. *тополь*, Фасмер 1964—1973, IV: 79), слав. *agnedŭ 'черный тополь' и др.

7. «ИВА», «ВЕТЛА»

7.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ИВЫ», «ВЕТЛЫ» И ЕГО ПОЗДНЕЙШИЕ ЗАМЕНЫ

Название 'ивы' (*Salix* L.), сохранившееся в итало-кельтском, германском и греческом, восстанавливается по схеме диалектного членения для общеиндоевропейского в архаичной форме $*s^o(e)lik^{[h]}$ -, с начальной лабиализованной сибилантной фонемой (см. выше, стр. 122 и след.):

Лат. *salix* 'ива', ср.-ирл. *sail*, род. пад. *sa(i)lech*, валл. *helyg-en* 'ива', галл. *Salicilla* (имя собственное); др.-в.-нем. *sal(a)ha*, ср.-в.-нем. *salhe* (нем. *Salweide*), др.-англ. *sealh*, др.-исл. *selja* 'ива';

Ср.-н.-нем. *wilge* 'ива', др.-англ. *welig* 'ива'; греч. $\acute{\epsilon}\lambda\iota\kappa\eta$ 'ива', $\acute{\epsilon}\lambda\iota\kappa\acute{\omega}\nu$ 'гора Геликон', буквально: 'ивовая гора' из $\text{F}\acute{\epsilon}\lambda\iota\kappa\acute{\omega}\nu$ (*Frisk* 1954, I : 494; *Chantraine* 1968, I : 338).

Специальное название для 'ивы' в древних индоевропейских диалектах при архаичности реконструируемой формы с лабиализованной сибилантной фонемой позволяет считать слово общеиндоевропейским образованием, сохранившимся лишь в некоторых диалектах при замене его другими образованиями в остальных диалектах.

В этих последних диалектах древнее название 'ивы' было, по-видимому, заменено описательными образованиями типа 'дерево с ветками для витья'¹

Авест. *vaēiti-* 'ива', 'ветла'; 'ивовые прутья', ср. др.-инд. *vetasāh* 'камышы', 'тростники', 'путья'; лит. *vytis* 'ивовые прутья', латыш. *vītuōls* 'ива', прус. *witwan* 'ива', рус. *ветла* 'ива' (от индоевропейского корня $*wej-$ 'вить' с расширителем $*-t^{[h]}$).

Даже и в тех диалектах, в которых сохраняется древнее название 'ивы', 'ветлы' $*s^o(e)lik^{[h]}$ -, могут параллельно возникать и новообразования от корня 'вить': ср. греч. $\iota\tau\acute{\epsilon}\alpha$ 'ива' (у Гомера также и 'лоза', буквально: 'витое', ср. лат. *uītis* 'лоза' от того же корня), эол. $\text{F}\iota\tau\omega\varsigma$ 'ива', др.-исл. *vīdir* 'ива', др.-англ. *wīdig* 'ива', др.-в.-нем. *wīda* 'ива' (нем. *Weide*, ср. также *Salweide* 'ива' с соединением обеих основ).

Разновидности 'ивы' или 'ветлы' (*Salix pendula*, *Salix alba*, *Salix vitellina*) распространены на широкой территории Евразии, включая Гималаи, Переднюю Азию и Кавказ (*Salix babylonica*)²

8. «ТИС»

8.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ТИСА»

Индоевропейское название 'тиса' (*Taxus*), вечнозеленого дерева (или кустарника) с большой продолжительностью жизни (до трех тысяч лет),

¹ Ивовые ветви и побеги широко использовались для плетения корзин и других предметов и украшений. Интересно в этом отношении гом. греч. $\text{F}\acute{\epsilon}\lambda\iota\kappa\epsilon\varsigma$ 'витые застежки для ващпиливания одежды на груди', образованное от названия 'ивы'.

² Характерно наличие древнего названия 'ивы' в общесемитском: $*h\tilde{il}\tilde{a}p-$ (*Fronzaroli* 1968, V : 278) и общекартвельском: $*z\acute{e}\acute{c}'\eta-$: груз. $z\acute{e}\acute{c}'\eta$ -па-, мерк. $z\acute{e}\acute{c}'\eta$ -оп-, сван. $\acute{c}\acute{i}\acute{c}'\eta$ -ānd-

предполагается в форме *eĭ- / *oĭ- (с аблаутными чередованиями), осложненной суффиксами *-uo-, *-k[h]o- или *-o-, на основании свидетельств целого ряда древних индоевропейских диалектов. При этом в некоторых диалектах наблюдается перенос значения при сохранении унаследованной формы:

Др.-ирл. *eo* 'тис', валл. *ywen*, др.-корн. *hiuin*, брет. *ivin*, галл. *ivo* 'тис' (Pokorny 1959 : 297);

Др.-в.-нем. *iwa* (нем. *Eibe*) 'тис', др.-англ. *iw*, *ēow* (англ. *yew*), др.-исл. *ýr* 'тис'; в германских языках представлены и параллельные формы на суффикс *-k[h]o-: др.-в.-нем. *īga*, др.-англ. *ih*, *ēoh* 'тис' (также название руны [e]);

Прус. *iwwis* 'тис'; др.-чеш. *jíva* 'тис', 'ива'.

С переносом значения на различные виды растений (по-видимому, по определенным внешним признакам):

Рус. *ива* 'ива' (ср. др.-чеш. *jíva* 'тис' и 'ива'), сербо-хорв. *íva* 'ива'; лит. *ieva*, латыш. *īeva* 'черемуха'; лат. *īua* 'виноградная гроздь', 'кисть', греч. *οἴη*, *δῆ*, *δα* 'рябина' (*oĭća); арм. *augi* 'виноградный куст' (*oĭciā), ср. Pokorny 1959 : 297.

Характерно, что в некоторых диалектах с семантическим сдвигом, при которых первоначальное название 'тиса' переносится на другие растения, сам 'тис' выражается другими словами, возможно, друг с другом связанными: ср. лат. *taxus* 'тис', рус. *тис*¹.

8.2. К ПРОБЛЕМЕ ЭТИМОЛОГИИ ХЕТТСКОГО *Gišēia*. РИТУАЛЬНО-МИФОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ «ТИСА» В ОТДЕЛЬНЫХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

К этой же группе слов от корня *eĭ- следует отнести и хеттскую форму *Gišēia*- (образование на -o-: *eĭo-) в значении 'священного вечнозеленого дерева'. Тем самым группа слов от корня *eĭ- с разными суффиксами в значении 'вечнозеленого дерева тиса' возводится с несомненностью к общиндоевропейскому.

Вечнозеленое дерево *Gišēia*- в хеттской традиции, символизирующее, очевидно, 'Мировое дерево' в представлениях древних хеттов, выступает как растение неиссякаемой жизненной силы, никогда не сбрасывающее

Общекартвельская основа может быть анализирована как словосложение **žel-δ'η-* 'дерево' + 'вить' (ср. Чикобава 1942 : 33), что повторяет семантическую структуру индоевропейского названия 'ивы' как 'дерева с ветками для витья'. Такая связь названия 'ивы' с ~~словом~~ 'вить' сохраняется и при истолковании архетипа **žel'η-* (или **zel'η-?*, ср. мегр. *zēl*) в качестве редуцированной формы от корня **ē'an-īē'η-* 'вить', 'плести' (о ~~форме~~ редуцированных основах см. выше, стр. 257 и след.).

¹ **Родственные** латинскому *taxus* 'тис' слова видят также в греч. *ταξων* 'лук' (предполагается: 'из тиса'), др.-инд. *taxāka-* 'название дерева', перс. *taxš* 'лук' (оружие), ср. ~~ср.~~ Friedrich P. 1970: 126—129.

листьев¹. Формула пожелания многолетия царю и царице строится на уподоблении их жизни вечноживому и обновляющемуся дереву $GI\check{S}e\check{i}a-$:

$GI\check{S}e\check{i}a-an\ ma-a\check{h}-\check{h}a-an\ uk-tu-u-ri\ i-\check{i}a-at-ni-\check{i}a-an\ ni\ \check{h}ur-pa-a\check{s}-ta-nu-u\check{s}\ ar-\check{h}a\ \check{U}.UL\ i\check{s}-\check{h}u-\check{u}a-i\ LUGAL-\check{s}a\ SAL.LUGAL-\check{s}a\ QA.TAM.MA\ i-\check{i}a-at-ni-an-te-e\check{s}\ a-\check{s}a-an-du\ ud-da-a-ar-a\check{s}-ma-a\check{s}\ QA.TAM.MA\ uk-tu-\check{u}-ri\ e-e\check{s}-du$ “подобно тому, как дерево $e\check{i}a-$ вечно зеленеет и листьяв прочь не сбрасывает, также царь и царица да будут зеленеющими (процветающими) и дела их также да будут вечными” (KUB XXIX I 4 17 и след.).

Аналогичные ритуальные и мифологические мотивы в других индоевропейских традициях связываются именно с ‘вечнозеленым тисом’. В германской традиции ‘вечнозеленый тис’ служит символом возрождения после смерти. В руническом поэтическом тексте из Норвегии на древнескандинавском языке ‘тис’ ($\check{y}r$) воспевается как “самое зеленое из деревьев ($vetr\ gr\check{o}enstr$) в течение зимы”. Как символ вечной жизни и возрождения после смерти ‘тис’ ($\check{e}oh$, $\check{e}ow$) сажали на кладбищах у древних англо-саксов (Wrenn 1965; Page 1968). Близость этих представлений с хеттскими обрядами в связи с деревом $GI\check{S}e\check{i}a-$ очевидна.

‘Тис’ почитался как ‘священное дерево’ и в древнекельтской традиции.

Такая ритуальная и мифологическая роль ‘тиса’, восстанавливаемая для древнейшей индоевропейской традиции, возможно и общиндоевропейской, объясняется характером его ботанических особенностей, в частности его вечнозеленым цветом и исключительным долголетием.

8.3. ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ «ТИСА» В ЕВРАЗИИ.

‘Тис’ распространен в Европе от Скандинавии до устья Дуная; его восточная граница примерно совпадает с границей ‘бука’. Обилие ‘тиса’ в Германии и Галлии цезаревских времен было отмечено в “*De bello Gallico*”, 6, 31, где говорится о *taxo*, *cuius magna in Gallia Germaniaque copia est* “о тисе, которого великое множество в Галлии и Германии”.

‘Тис’ в историческое время не встречается в Восточной Европе и Северном Причерноморье, ср. *Firbas* 1949 : 270.

Особо распространен ‘тис’ (*Taxus baccata*) в более южных областях: на Кавказе (начиная с Северного Кавказа, ср. *Berg* 1955 : 265), в Малой Азии и некоторых частях Балкан, *Friedrich P.* 1970 : 123.

Характерно, что в индоевропейских диалектах, занимающих в исторический период территории, для флоры которых ‘тис’ не является типич-

¹ Ритуальный характер дерева $GI\check{S}e\check{i}a-$ отчетливо виден в мифе о Телепину, где ‘дерево’ выступает как символ возвращения плодородия и благоденствия. Миф завершается водружением ‘Мирового дерева’ $GI\check{S}e\check{i}a-$, на которое навешивается ‘овечья’ или ‘козья шкура’ (UDU-aš kuršaš), внутрь же кладется ‘жир барана’ (UDU-aš IĀ), в него — ‘зерно бога полей’ и ‘вино’, в него — ‘бык и овца’ (GUD UDU), в них же — ‘долголетие и юность’. В “Хеттских законах” (§ 50) водружение дерева $GI\check{S}e\check{i}a-$ в воротах (aški) дома в жреческом городе Аринна делает человека ‘свободным’ (агацап) от налогов.

ным вечнозеленым растением, древнее название 'тиса', унаследованное, очевидно, из общиндоевропейского языка, переносится по внешнему сходству на другие деревья, а иногда и кустарники: ср. славянское название **(j)iva* в значении 'ива' (в большинстве славянских языков), лит. *ieva*, латыш. *iēva* 'черемуха' и другие.

С переносом древнего названия 'тиса' **eǵ-* на другие растения в поздних индоевропейских традициях связаны, по-видимому, и функциональные сдвиги в первоначальных индоевропейских представлениях о культовой значимости 'вечнозеленого дерева'. В некоторых поздних индоевропейских традициях место 'тиса' занимают в этом отношении другие виды вечнозеленых растений как символов вечной жизни и периодически обновляющейся жизненной силы. В поздних европейских традициях (поздних исторических германских и части славянских, ср. *Богатырев 1971*) — это уже 'ель' (др.-в.-нем. *tanna*, нем. *Tannenbaum*), или другое 'вечнозеленое дерево', воспринятое в христианском переосмыслении как 'рождественское дерево' (ср. англ. *Christmas tree*).

9. «ПИХТА», «ЕЛЬ», «СОСНА»

9.1. ДИАЛЕКТНЫЕ НАЗВАНИЯ «ВЕЧНОЗЕЛЕННЫХ ДЕРЕВЬЕВ» В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Среди названий 'вечнозеленых деревьев', помимо 'тиса', сравнительно полно по диалектам (нуристанские, греческий, "древнеевропейские") представлено название 'пихты', 'сосны': **p^hleuk^h- / *p^huk^h-*:

Кафир. вайгали *pic* 'вид сосны', кати *pāci* 'сосна' (*Morgenstierne 1954: 162, 289*), греч. *πέχη* 'пихта', 'сосна' (уже у Гомера), ср.-ирл. *ochtach*, ж. р. 'пихта', 'копье', др.-в.-нем. *fiuhtha* 'пихта' (нем. *Fichte*), др.-сакс. *fiuktia* 'пихта'; прус. *peuse* 'сосна', лит. *pušis* 'сосна'.

Другая, отчасти фонетически сходная основа в значении 'сосна', 'пихта' восстанавливается в форме **p^hlit^h-* с дальнейшими суффиксальными преобразованиями:

Греч. *πίτος* 'сосна' (возможно, также 'пихта'), памир. *pit* 'пихта' (ср. вахан. *pit* 'название породы дерева', *Грюнберг/Стеблин-Каменский 1976: 414*), ср. др.-инд. *pītu-dāru* 'вид дерева'; лат. *pīnus* 'сосна', 'пихта', 'ель' (из **pit-s-nu-s*), алб. *pishë* 'пихта' (из **pit-s-īā*).

Диалектное распределение соотносимых слов (греческо-арийский, италийский, албанский) удостоверяет общиндоевропейский характер основы **p^hlit^h-* в значении 'сосна', 'пихта'.

Отнесение к этой же группе слов по семантической близости греч. *πίσσα* 'смола', аттич. *πίττα*, лат. *pix*, род. пад. *picis* 'смола' (основа **p^hlik^h-*) дает основание рассматривать основы **p^hlit^h-* 'сосна', 'пихта' и **p^hlik^h-* 'смола' как производные соответственно на суффиксы **-t^h-* и **-k^h-* от общего корня **p^hleǵ-/ *p^hli-*, ср. *Pokorny 1959: 794*.

9.2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ НАЗВАНИЙ «ВЕЧНОЗЕЛЕННЫХ ДЕРЕВЬЕВ» И ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ СВЯЗ ЭТИХ НАЗВАНИЙ С ОБОЗНАЧЕНИЕМ «СМОЛЫ» И «КРАСОК»

Такой анализ сопоставимых друг с другом основ $*p^{[h]i-t[h]l-}$ и $*p^{[h]i-k[h]l-}$ позволяет видеть и в основе $*p^{[h]euk[h]l-}$ в значении 'пихта' корень $*p^{[h]eu-}$ в сочетании с суффиксом в нулевой ступени $*-k[h]l-$. Корни $*p^{[h]eu-}$ и $*p^{[h]ei-}$ в названиях 'пихты', 'сосны' при таком анализе предстают как фонетически весьма близкие варианты для обозначения определенных видов хвойных вечнозеленых смолистых деревьев.

Обращает на себя внимание формальное сходство, вплоть до совпадения, древней основы $*p^{[h]i-k[h]l-}$ в значении 'смола сосны' и общеиндоевропейской глагольной основы $*p^{[h]ik[h]l-}/*p^{[h]eik[h]l-}$ (с вариантами на $*-k-$ и $*-k[h]l-$) в значении 'писать красками', 'раскрашивать' (Pokorny 1959 : 794):

Др.-инд. *piṅkte* 'пишет красками', др.-перс. *ni-pišta-* 'написанный', авест. *fra-pixšta-* 'украшенный'; греч. *ποικίλος* 'пестрый';

Лат. *pingō, pinxi, pictum* 'пишу красками', 'вышиваю одеяние иглой' (*togam acu*); тох. А *pik-, pek-* 'живописать', 'писать красками', 'писать'; В *piṅk-, paiyk-* 'писать';

Др.-исл. *fá* 'расписывать красками', 'украшать', *fá rúnar* 'вырезать руны', лит. *piēšti* 'живописать', 'писать', прус. *peisāi* 'пишут', ст.-слав. *pišō* 'пишу' и другие.

Наличие архаических инфиксальных форм (др.-инд. *piṅkte*, тох. В *piṅk-*, лат. *pingō*) позволяет выделить корень $*p^{[h]ei-}/*p^{[h]i-}$ с заднеязычным суффиксальным элементом.

Формальную связь слов $*p^{[h]i-k[h]l-}$ 'смола' и $*p^{[h]eik[h]l-}/*p^{[h]i-k[h]l-}$ 'красить', 'писать красками' можно истолковать как первоначальное тождество слов, объясняемое, по-видимому, использованием в древней технике 'смолы' как 'черной растительной краски'¹ для нанесения определенных символических пиктографических знаков и рисунков, а позднее и для письма. Именно это слово становится индоевропейским обозначением процесса письма и писания красками².

¹ 'Смола', 'смолистое вещество' характеризуется черным цветом, ср. гомеровское *μέλαντερον ἢ ὅτε πίσσα*, Δ 277 'чернее, чем смола', ср. также рус. *черный как смоль* и другие подобные архаические фольклорные формулы.

² Использование индоевропейского слова для 'черной смолы' $*p^{[h]ik[h]l-}$ для обозначения процесса 'письма' и 'писания красками' $*p^{[h]eik[h]l-}/*p^{[h]ik[h]l-}$ ('писать', 'живописать', 'красить') может быть сравнено с использованием древнего слова для 'черного цвета' (или 'темного цвета'), 'черной или темной (растительной) краски' (Mann 1968 : 249) в отдельных диалектах в значении 'писать', 'писать красками': ср., с одной стороны, греч. *μέλας* 'черный', ж. р. *μέλαινα* (ср. *τὰ μέλαινα* 'чернила'), др.-инд. *mā-pa-* 'черный, темный', латыш. *mēlīns* 'черный', алб. *mëllenjë* 'вяз', с другой стороны, гот. *mēljan* 'писать', *mēla* 'письменный знак', др.-в.-нем. *mālōp* (нем. *malen*) 'писать красками', 'живописать', др.-норв. *māla* 'красить', 'писать красками'.

9.3. ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ «СОСНЫ», «ПИХТЫ» В ЕВРАЗИИ

В свете вышеизложенного становится несомненным общиндоевропейский характер всей рассмотренной группы связанных друг с другом слов со значениями 'сосна', 'пихта', 'смола' (при потере соответствующих слов, замененных новообразованиями в других диалектах).

'Пихта' (*Abies* Mill.) в разных её видах (*Abies alba*; *Abies Nordmanniana*) известна со среднего и позднего Атлантического периода (VII — IV тысячелетия до н. э.) в Закавказье и Передней Азии, а также в низовьях Волги, в Восточной Европе в бассейне Припети-Десны. Позднее 'пихта' оттесняется некоторыми другими видами деревьев, сохраняясь преимущественно в горных районах Европы, Кавказа, Передней Азии и Восточной Евразии, ср. Берг 1955 : 269 и след.

'Сосна' (*Pinus* L.) с ее разновидностями (*Pinus mughus*; *Pinus hamata*) с древности представлена в горных областях Кавказа и Карпат, а также в Причерноморье (Нейштадт 1957 ; 248; Firbas 1949 : 140).

Бвиду близости этих видов хвойных деревьев в индоевропейских диалектах наблюдаются частые колебания в отнесении названия то к одному виду, то к другому (по-видимому, в зависимости от преобладания того или иного вида в естественной среде носителей этих диалектов). Поэтому не представляется возможным с точностью установить, какая из основ — *p^hleuk^hl- или *p^hlit^hl- означала первоначально 'пихту', а какая — 'сосну'. Судя по греческому языку, сохранившему оба этих слова с распределением значений: πέυκη — преимущественно 'пихта', πίτυς — преимущественно 'сосна', можно было бы предположить аналогичные семантические соотношения в индоевропейском.

9.4. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ЕЛИ»

К этим видам хвойных деревьев примыкает и 'ель' (*Picea* L.), различающая несколько разновидностей (*Picea orientalis*; *Picea excelsa*; *Picea obovata*). В древности 'ель' была представлена только в высокогорных районах, в частности на Кавказе и в горных районах Центральной и Южной Европы.

Названия 'ели' восстанавливаются только для определенных диалектных общностей:

Прус. *addle* 'ель', лит. *ėglė*, латыш. *egle*; польск. *jodla* 'ель', польск. диал. *jedlina* 'пихта', ст.-польск. *jedl(a)*, др.-чеш. *jedla* 'ель' (ср. *jedle* 'пихта'), рус. *ель*. Родственные слова в кельто-италийском имеют значение 'бузины': лат. *ebulus*, *ebulum*, галл. *odocos*. Эта группа предполагает архетип *ed^hllo- с не вполне ясным первичным значением: 'хвойное дерево типа ели' или 'невысокое лиственное растение типа бузины'(?). Возможное соотнесение слова с корнем *ed^hl- (лит. *adyti* 'штопать', *adata* 'игла') решает как будто в пользу первичного значения 'хвойного дерева', 'ели': *ed^hllo- этимологизируется в таком случае как 'колючий' (ср. Pokorny 1959 : 289—290).

В древнегреческом ‘ель’ обозначается словом $\epsilon\lambda\acute{\alpha}\tau\eta$ (<*el- η -tā); уже у Гомера также и в значении ‘весло’. Высокие ели, достигающие неба ($\sigma\upsilon\beta\alpha\nu\omicron\mu\eta\chi\eta\varsigma$ ‘высотой до неба’, ε 239), служили в гомеровской Греции материалом для кораблестроения. То же значение в родственном слове обнаруживается и в армянском *etevin* (*el-e ν -) ‘ель’, ‘елка’, также ‘кедр’ (*Ачарян 1971, II : 18*). Сюда же относят обычно рус. диал. *яловец* ‘можжевельник’, чеш. *jalovec* (ср., однако, *Фасмер 1964—1973, IV : 554*).

Таким образом, для названия ‘ели’ восстанавливаются две распределенные по диалектам формы: *ed^hl^o- и производные от корня *el-¹. Тем самым не представляется возможным реконструировать единую общиндоевропейскую форму в значении ‘ель’.

9.5. ИРАНСКИЕ НАЗВАНИЯ «ХВОЙНЫХ ДЕРЕВЬЕВ» И ИХ КАРТВЕЛЬСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Еще одно диалектное название для ‘хвойного дерева’ предполагается в иранском на основании др.-перс. **armiš ha ν a naušaina* ‘дерево (вяз) типа сосновидного кипариса’, где форму **nauša*- можно постулировать для древнеиранского с рефлексам перс. *nōj*, *nōž*, *nōz*, пехл. **nōč* (заимствованное в арм. *noč*, *noči* ‘кипарис’). В иранских диалектах параллельно засвидетельствованы формы с другой, но фонетически сходной структурой: перс. *nājū* ‘сосна’, *nāžūn* ‘можжевельник’, *nāžwān* ‘хвойные деревья’, осет. *næzy* || *naz* ‘сосна’ (ср. *Абаев 1973, II : 177—178*).

Близкие к этим иранским названиям формы обнаруживаются в картвельских языках: груз. *пазш*- ‘ель’², мегр. *пизу* || *пизу*, сван. *le-nz* ‘пихта’, *пезшра* ‘сосна’, ‘ель’, которые предполагают общекартвельскую основу **пазш*-.

Изолированность древнеиранской формы **nauša*-, а также более поздних форм — перс. *nājū*, осет. *næzy*, (не)находящих соответствий (ни) в одном из известных индоевропейских диалектов³, предполагает заимствование с незначительными фонетическими преобразованиями этих иранских форм из картвельских языков (ср. *Vogt 1938 : 335*; *Андроникашвили 1966 : 347—348*). При допущении обратного пути заимствования, из иранского

¹ С тем же корнем **el*- связывают и другие названия деревьев в отдельных диалектах, в частности итало-кельто-германское название ‘вяза’: лат. *ulmus* ‘вяз’ (**ol-mos* или **l-mos*, *Pokorny 1959 : 303*), ср.-ирл. *lem* (**letmos*), др.-в.-нем. *ēlmboum* ‘вяз’ (нем. *Ulme*), др.-англ. *elm* (англ. *elm*), др.-исл. *almr*.

Наряду с этой основой в некоторых диалектах в значении ‘вяз’ (*Ulmus L.*) выступают другие слова, общие для балто-славянского, германского, албанского, а также иранского: латыш. *viķsna*, лит. *viņkšna*, др.-рус. *вязь*, рус. *вяз*, алб. *vith*, курд. *viz* ‘вяз’, а также др.-англ. *wice* (англ. *wych-elm*), нижн.-нем. *wike* ‘вяз’: исходные основы **ueiḱ*’-, **uiṅk*’- (*Pokorny 1959 : 1177*); не вполне ясно соотношение между формами реконструируемых основ.

² Отсюда более позднее осет. *паз* || *пазу* ‘ель’.

³ Если не считать это изолированное иранское название ‘ели’, ‘сосны’ связанным в конечном счете с общиндоевропейским названием ‘ладья’ **nāu*-: др.-инд. *nāu-ḥ* ‘судно’, ‘ладья’, греч. гом. *νηῶς* ‘судно’, др.-ирл. *nāu* ‘судно’.

в картвельский, контакты между этими языками следует предположить уже для периода общности картвельских языков, не позднее первой половины II тысячелетия до н. э.

10. «ОЛЬХА»

10.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ОЛЬХИ»

В индоевропейском восстанавливаются две различные формы в качестве названия 'ольхи' (*Alnus Gaertn.*). Это прежде всего основа **eliso-*/**aliso-*, засвидетельствованная в "древнеевропейских" диалектах:

Лат. *alnus* 'ольха', кельт. **alisā-* в многочисленных топонимах и именах собственных типа *Alisia*, *Alisontia*, *Alisanos* (последнее, возможно, имя божества, связанного с 'деревом');

Гот. **alisa* 'ольха' (откуда исп. *aliso* 'ольха', ср. баск. *altza* 'ольха'), др.-в.-нем. *elira/erila* (нем. *Erle*), др.-исл. *alr*, др.-англ. *alor* 'ольха';

Прус. **alskande* (в графике *abskande*), лит. *alksnis*, ст.-слав. *jelīcha* 'ольха', рус. *ольха*.

Сюда же можно отнести др.-макед. *ἄλιζα* 'белый тополь': *ἡ λευκὴ τῶν δένδρων. Μακεδόνες* (*Гесихий*).

Более древней, судя по диалектному распределению, представляется другая основа: **цег-п-*, семантика которой не так ясна ввиду позднейших сдвигов в отдельных диалектах: наряду со значениями 'ольха' и 'тополь' в одних диалектах, основа выражает значение 'бревно', 'балка', 'мачта' — в других:

Др.-инд. *varana-* 'вид дерева с целебными свойствами' (ср. *Mayrhofer 1976, III : 149*), арм. *geran* 'бревно', алб. *verrë* 'белый тополь', брет. *gwern* 'ольха', 'мачта', др.-корн. *guern* 'мачта', *guern-en* 'тополь', ср.-ирл. *fern* 'ольха', 'мачта'.

Разные виды 'ольхи' (*Alnus barbata*; *Alnus viridis*, *Alnus glutinosa*) широко распространены с Атлантического периода от Кавказа и Закавказья до более северных областей Европы и Центральной Азии (ср. *Hei-штадт 1957 : 293*). Термин **eliso-*/**aliso-*, характерный в значении 'ольхи' только для "древнеевропейских" диалектов, распространившихся в областях с обилием 'ольхи', может считаться новообразованием этой группы диалектов, заменившим более древнее название 'ольхи' **цег-п-*.

11. «ОРЕХОВОЕ ДЕРЕВО», «ОРЕХ»

11.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ОРЕХА»

В исторических индоевропейских диалектах выделяются две различные основы в качестве названия 'ореха':

Греч. *κάρυον* 'орех' (в особенности 'греческий орех'), *κάρυα* 'ореховое дерево'; ср. греч. *ἄρρα* 'орехи' (*Гесихий*), алб. *arrë* 'орех', 'ореховое дерево', др.-рус. *орѣхъ* 'орех', *орѣшие* 'ореховые деревья', сербо-хорв. *òrah*; лит. *riešutas* 'орех', *ruošutỹs* 'орешек', *riešutỹnas* 'орешник'. Исходная

основа со значением 'орех', 'ореховое дерево' восстанавливается в форме *q^hlag- с диалектным отражением †k- ~ †∅- начальной постствелярной фонемы *q^hl- (см. выше, стр. 131). Возможно, к этим же формам относится хет. GiS^haraṣ- 'тополь' (ср. Tischler 1977-, I : 172), с особым семантическим развитием и отражением и.-е. *q^hl- в виде хет. ḫ-.

Вторая основа *k^hneṣ- ограничена итало-кельто-германским:

Лат. *nux*, род. пад. *nucis* 'орех' (образование с суффиксом *-k^hl-), др.-ирл. *sní*, валл. *sneuen*, ср.-корн. *knyfan* 'орех'; др.-исл. *hnot*, др.-англ. *hnutu* (англ. *nut*), др.-в.-нем. *(h)nuz* (нем. *Nuss*) 'орех' (образование с суффиксом *-t'-).

В этой последней группе диалектов в значении растения — 'орешника' восстанавливается отличная от названия 'ореха' основа *k^hlos(e)lo-:

Лат. *corulus* 'ореховый куст', *colurnus* (из **korulinos*) 'из орехового дерева'; др.-ирл. *coll* 'орешник', др.-в.-нем. *hasal(a)* (нем. *Hasel*), др.-англ. *hæsel* (англ. *hazel*), др.-исл. *hasl* 'орешник'; др.-в.-нем. *hesilin*, др.-англ. *hæslen* 'из орехового дерева'.

Фонетическая архаичность основы *q^hlag- в значении 'орех', 'ореховое дерево', как и ее большая диалектная распространенность (греко-арийский, албанский, балто-славянский), свидетельствуют в пользу древности этой основы по сравнению с итало-кельто-германской основой *k^hneṣ- в значении 'орех'.

В последней группе диалектов происходит, очевидно, замена древнего слова на новообразования *k^hneṣ- в значении плода — собственно 'ореха', 'орешка' и *k^hlos(e)lo- в значении растения — 'орешника'. Такое новообразование в одной группе "древнеевропейских" диалектов было связано, по-видимому, с появлением новых видов 'орешника' и 'ореха' в новых экологических условиях обитания носителей этих диалектов.

Специфика "древнеевропейских" названий 'ореха' и 'орешника' проявляется в том, что они относились первоначально к 'мелкому лесному ореху' и 'ореховым кустам', 'орешнику' (*Corylus avellana* L.), широко распространенному после начала Атлантического периода в Центральной Европе (Heijtmadt 1957 : 282). Плоды орешника — мелкие лесные орехи с древнейших времен широко использовались в пищу, как и желуди дуба (ср. Кларк 1953 : 66 и след.).

Названия 'мелкого лесного ореха' *k^hneṣ- и 'орешника' *k^hlos(e)lo- в "древнеевропейских" диалектах не означали первоначально 'грецкого ореха' (*Juglans regia* L.) и 'орехового дерева', которые становятся известными в Центральной Европе значительно позднее. Характерно, что в латинском 'грецкий орех' и 'ореховое дерево' называются *iūglāns* (этимологически: 'желудь — *glāns*—Юпитера—*Iouis*', Ernout/Meillet 1967 : 326), тогда как в германских языках названия 'грецкого ореха' (др.-англ. *wealh-hnutu*, англ. *walnut*) образуются из словосложения со значением 'галльский или иностранный орех' (ср. лат. *nux gallica* с тем же значением)¹.

¹ В Западной Европе грецкий орех еще с мезолита известен на юге Франции, ср. Семенов 1974 : 27.

Другая древняя индоевропейская основа *q̥h₁ag- означала, по-видимому, преимущественно 'греческий орех' (*Juglans regia* L.), что отражено в греческом и албанском значениях соответствующих слов.

11.2. ТЕРРИТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ «ГРЕЦКОГО ОРЕХА»

'Греческий орех' в древности известен в области от Закавказья и Ирана до Малой Азии и юга Балкан. Уже в античное время в Греции были известны не только дикие, но и культивированные сорта 'греческого ореха'. В Центральной Европе и в Северном Причерноморье следы его древности отсутствуют, хотя они и обнаружены в низовьях Волги (Нейштадт 1957 : 267; Frenzel 1960 : 391; Семенов 1974 : 27).

При миграциях индоевропейских племен в области, где отсутствовал 'греческий орех' (*Juglans regia* L.), но был широко распространен 'мелкий лесной орех' (*Corylus avellana* в Европе, при других видах 'мелкого ореха' в Передней Азии, ср. *Corylus colurna* в Малой Азии, *Corylus maxima* и *Corylus caucasica* на Кавказе), древнее название 'ореха', 'греческого ореха', могло либо переноситься на 'мелкий орех' (ср. латыш. *riēksts* 'мелкий орех', 'водяной орех', 'желудь', прус. *buccareisis* 'буковый орешек'), либо утрачиваться, заменяясь на новообразования в значении 'мелкого ореха' и 'орешника' (кельто-италийский, германский)¹.

12. «ЯБЛОНЯ», «ЯБЛОКО»

12.1. ДРЕВНЕЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ЯБЛОКА»

Название 'яблока' с особой полнотой засвидетельствовано в "древнеевропейских" диалектах: кельтском, германском, балто-славянском. В качестве исходных основ для этих индоевропейских диалектов предполагаются формы *ǎb̥lu-, *ǎb(a)lo- и *ap̥lu-, *ap(a)la- (для германского):

Галл. *avallo* 'яблоко', также топонимы *Aballō* (основа на -n-), франц. *Avallon*, др.-ирл. *ubull* (*ablu) 'яблоко', валл. *afal*, корн., брет. *aval* 'яблоко', ср.-ирл. *aball* (из *abalnā) 'яблоня' (ср. Holder 1961—1962, III : 470);

Ст.-слав. *ablŭko* 'яблоко' (*ablŭ-ko-), болг. диал. *аблѣко*, *йабол* 'яблоко', чеш. *jablko*, *jablo* 'яблоко', ст.-польск. *jabło* 'яблоко', др.-рус. *яблѣко* 'яблоко', *яболонь* 'яблоня';

Прус. *woble* 'яблоко' (*ǎbl-), *wobalne* 'яблоня' (*ǎboln-), лит. *obuolas*, *obalas*, латыш. *ābele* 'яблоко';

Др.-исл. *apal-grár* 'яблочно-серый', *erpli* 'яблоко', *apaldr* 'яблоня'; др.-англ. *æppel* (англ. *apple*) 'яблоко', *apuldor* (англ. *apple-tree*) 'ябло-

¹ Характерно, что и в тех диалектах, которые сохраняют унаследованное слово и в ~~древности~~ 'мелкого ореха', образуются специальные слова для обозначения 'орешника', 'орехового куста': ср. лит. *lazda*, латыш. *lazda*, прус. *laxde* 'орешник', алб. *lethí* 'ореховый куст' при сербо-хорв. *lijëska* 'ореховый куст' (Mühlenbach/Endzelin 1923—1932, II : 46).

ня', др.-в.-нем. *apful, afful* (нем. *Apfel*) 'яблоко', ср.-в.-нем. *apfalter* 'яблоня', гот. (крымск.) *apel* 'яблоко'.

Сюда же может относиться латинский топоним *Abella*, оскский город в Кампании, ср. *Abella malifera* "Абелла яблоконосная" у Вергилия, "Энеида", VII, 740, ср. выше аналогичные галльские топонимы.

Для всей этой группы слов, обозначающих 'яблоко' и 'яблоню', характерно противопоставление названия 'плода' названию 'дерева', образованному обычно от основы на *-n- (в германском—словосложение с *t'reu- 'дерево'):

	Кельт.	Слав.	Балт.	Герм.
'яблоко'	* <i>ablu</i>	* <i>ablu</i>	* <i>ābl-</i>	* <i>aplū</i>
'яблоня'	* <i>abalnā</i>	* <i>abl-on-</i> , * <i>abol-n-</i>	* <i>ābol-n-</i>	* <i>ap(a)l-triu</i>

В форме, обозначающей 'яблоко', во всех этих диалектах представлена основа без гласной между -b-/p- и -l-, тогда как в производном названии 'яблони' между -b-/p- и -l- может появляться гласная. Исходные формы несколько специфичны в фонетическом отношении.

Необычность фонетического облика определяется прежде всего структурой корня и наличием в высшей степени редкой для древнеиндоевропейского лабиальной фонемы *b, что давало основание некоторым исследователям предполагать заимствование слова в эти "древнеевропейские" диалекты из какого-то неиндоевропейского источника. Однако, несмотря на некоторую необычность фонетического облика названия 'яблока' и 'яблони', рассматриваемые формы показывают достаточно закономерные соотношения в этих диалектах¹, что указывает на исконность формы в "древнеевропейских" диалектах.

12.2. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ И КУЛЬТОВАЯ ЗНАЧИМОСТЬ «ЯБЛОКА» В ДРЕВНЕЙ ЕВРОПЕ

Вывод об исконности "древнеевропейского" названия 'яблока' оправдан и особой значимостью 'яблока' как съедобного плода, а вместе с тем и культового символа в древних европейских традициях.

'Яблоня' (*Malus pumila* Mill.) широко распространена по всей Евразии за исключением наиболее северных и тропических областей. В неолите Европы уже известны яблони, лишь значительно позднее частично культивированные (Firbas 1949 : 189; Кларк 1953 : 122; Семенов 1974 : 26). Позднее 'яблоко' становится существенной частью пищи племен, населявших древнюю Европу. По сообщению Тацита ("Germania", 23), германцы питались главным образом 'дикими яблоками' (*poma agresta*, возможно, и другими 'дикими плодами'), 'олениной' и 'кислым молоком'.

¹ Поэтому нет оснований считать эти формы заимствованными из кельтского в другие диалекты; ср. аналогичный вывод об исконности этих слов в рассматриваемых диалектах: Pokorny 1959 : 2; Friedrich P. 1970 : 63; Трубачев 1974-, 1 : 46 (с указанием дальнейшей литературы).

12.3. НАЗВАНИЕ «ЯБЛОКА» КАК ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКАЯ ЛЕКСЕМА

Ограниченность формы **ablu- // *aplu-* ‘яблоко’ лишь “древнеевропейскими” диалектами могла бы считаться признаком появления слова в этом ареале на сравнительно позднем этапе членения индоевропейского языка. Такой вывод поддерживался отсутствием надежного соответствия в каком-либо другом древнем диалектном ареале¹.

Обнаружение формы, соотносимой с этой группой слов, в какой-либо другой группе древних диалектов, позволило бы проецировать исходную форму в значении ‘яблоко’ на более ранний уровень индоевропейской диалектной общности.

В этой связи вызывает особый интерес хеттская форма *šam(a)luṣanza* в значении ‘яблоко’, ‘яблоня’:

В хеттском тексте КВо XVI A 16 шумерограмме *G1ŠHAŠHUR-lu-ṣa-an-za* ‘яблоня’ соответствует фонетическое написание *ša-ma-lu-ṣa-an-za*, на основании чего устанавливается их идентичность и выводится значение: *šamaluṣanza* ‘яблоня’ (*Laroche 1971a : 149*). Форма в значении ‘яблоня’ является производным с активным суффиксом *-ant-* от основы *šam(a)-lu-* ‘яблоко’ (ср. относящееся, очевидно, сюда же пал. *šamluṣa-*, *Laroche 1971a : 149*).

Сопоставление хет. *šam(a)lu-* ‘яблоко’ с рассмотренной выше группой “древнеевропейских” слов для ‘яблока’ и ‘яблони’ позволяет считать их соотносимыми друг с другом образованиями от общиндоевропейской основы **šam(a)lu-* в значении ‘яблоко’. Начальное индоевропейское $\#*š-$ отражено в хеттском как *š-* при \emptyset - в другой группе индоевропейских диалектов (ср. соотношение хет. *š-* ~ \emptyset - в формах типа хет. *šankui-* ‘коготь’, ‘ноготь’ ~ лат. *unguis* ‘коготь’, ‘ноготь’, греч. *ὄνυξ* ‘коготь’; хет. *šakuni-* ‘источник’ ~ слав. **oknǫ* ‘источник’, лит. *akis* ‘глаз воды’, то есть ‘источник’, см. выше, стр. 119 и след.).

В соответствии с этим, в качестве исходной основы для “древнеевропейских” диалектов в значении ‘яблоко’ можно постулировать форму **amlu-*²

¹ Если не считать дард. (пашаи) *wālī* ‘яблоко’ (*Fussman 1972, 11 : 280—282*) как-то связанным этимологически с “древнеевропейским” названием яблока **ablu- // *aplu-*.

² Теоретически предполагаемая форма **amlu-* ‘яблоко’, лежащая в основе соответствующих слов “древнеевропейских” диалектов, отражена в действительности в общетюркском **alma-* ‘яблоко’, считавшемся многими тюркологами индоевропейским заимствованием из неопределенного источника (ср. *Севортян 1974 : 138*; также *Morgenstierne* — устное сообщение); при этом следует исключить заимствование из иранского по фонетическим причинам: иранское *-g-* при тюркском *-l-* (к иранским формам см. ниже). В тюркском “древнеевропейское” **amlu-* ‘яблоко’ дает историческое *alma* в результате незначительных фонетических преобразований. Тем самым можно с достаточной степенью уверенности установить источник общетюркск. **alma-* ‘яблоко’. Весьма характерен процесс заимствования в тюркские языки (еще в общетюркский период) “древнеевропейского” слова, что может свидетельствовать о наличии в определенное время тесных контактов между этими языками.

В середине слова индоевропейская последовательность *-ml-, отразившаяся в хеттском закономерно как -m(a)l-, дает в других диалектах *-bl-, *-pl- (в германском), по-видимому, через промежуточный этап *-mbl-, *-mpl-¹. Тем самым кельто-балто-славянское *āblu-, германское *aplu- и хет. šam(a)lu- можно возвести к общему архетипу *šamlu- и проецировать слово в значении 'яблоко' на общеиндоевропейский уровень периода перед началом диалектного членения².

¹ Развитие -ml- → -mbl- → -bl- и -mr- → -mbr- → -br- является, очевидно, общefonетической тенденцией к преодолению последовательности сонорных путем вставки шумного лабиального смычного (гоморганного начальному сонорному), что засвидетельствовано во многих индоевропейских диалектах (ср. отчасти сходное преодоление в индоевропейских диалектах последовательности фрикативного и сонорного sr → str, см. выше, стр. 405); ср. греч. βλίτω 'подрезаю соты' (из *mlitiō), ἀμβροτος 'бессмертный' (из *amrtos) арм. t'm(b)rim 'оглушаюсь'; ср.-ирл. bláith 'мягкий' (ср. др.-ирл. mláith), ср.-ирл. bli-gim 'дою' (из *mligim), blicht 'молоко' (при mlicht); др.-рус. блинъ (при млинъ), в.-луж. blinc, mlinc 'блин' и др.

В индоевропейском названии 'яблока' *šamlu- такой переход *-mbl- → *-bl- в одной группе диалектов нужно предположить в ранний период их обособленного исторического развития. Близкую аналогию такому развитию сочетания *-ml- в этих диалектах может представить историческая эволюция древнего сочетания *-mr- в индоевропейских образованиях на *-ro- от корня *om-/*m- 'сырой', 'острый': др.-инд. amlá-, amblá- 'кислый', др.-макед. ἀβρο-'сурово', алб. tamlë 'кислое молоко', tēmbëlë (tēmbël) 'желчь'; германский показывает основу *ampra-~*арга- (с появлением глухого лабиального смычного *-p- в отличие от звонкого -b- в других языках, ср. и.-е. *šamlu-: герм. *aplu- при *ablu- в других диалектах): др.-англ. ampra, др.-в.-нем. ampraго 'щавель' (нем. Aupfer), др.-исл. arg 'острый'. Появление в группе *-mr-, *-ml- глухого лабиального смычного [p] в германском, а не [b] (как в других индоевропейских диалектах) объясняется, очевидно, отсутствием звонкого смычного [b] в таких позициях в раннегерманском, где древние "звонкие придыхательные" уже были представлены в это время спирантами (см. выше, стр. 36). Аналогичное фонетическое развитие в более позднее время дает звонкое -b- и в отдельных германских диалектах, поскольку к этому времени в них уже оформились независимые серии звонких смычных: ср. др.-исл. timbr 'строительный лес', др.-англ. timber, др.-в.-нем. zimbar 'строительный лес', 'строение' при гот. timrjan 'строить' (из и.-е. *t'em-r- 'строить'); др.-англ. sim(b)le, simblon, др.-в.-нем. simble(s), simblum 'всегда' при гот. simlë 'некогда' (из и.-е. *sem-l-).

Таким образом, появление глухого смычного -p- в германском при преодолении древней последовательности *-ml- в слове для 'яблока' (-*ml- → *-mpl- → -pl-) объяснимо спецификой фонетики древних германских диалектов. След такого сочетания *-mpl- можно было бы видеть и в геминированном *-prpl-, ср. др.-англ. æppel 'яблоко'.

В других диалектах возникшая последовательность *-mbl- упрощается в -bl-, засвидетельствованную в исторических формах кельтского и балто-славянского.

² При такой реконструкции общеиндоевропейского названия 'яблока', 'яблони' сюда же можно было бы отнести и древнеиндийское слово āpṛgā- в значении 'дерево манго' (āmṛāḥ, м.р.) и 'плод манго' (āmṛām, ср.р.) с переносом первоначального значения на обычное в условиях Индии плодовое дерево. В кафирском то же слово имеет значение 'гранат': ашкун am'ar, кати am'ar, amrā, прасун am'ar и др. (Fussman 1972, I: 183). Более раннее индо-иранское значение этого слова ('яблоко', а не 'гранат') отражено, вероятно, в финно-угорском заимствовании из иранского: лив. upāg, морд. upaḡ, paḡ 'яблоко' (Севортян 1974: 138).

Предлагавшаяся ранее этимология др.-инд. āpṛgā- и связь его с корнем *om- 'сырой', 'горький' (Pokorny 1959: 777) неудовлетворительна как по семантическим соображениям

12.4. ПАРАЛЛЕЛИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОМУ НАЗВАНИЮ «ЯБЛОКА» В НЕИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Реконструируемая общиндоевропейская форма **ǵamlu-* ‘яблоко’, ‘яблоня’ и происходящая от нее с сохранением начального сибиланта хеттская форма *ǵam(a)lu-* ‘яблоко’ весьма близка фонетически к хаттскому *ǵaṣat* ‘яблоко’, ‘яблоня’ (Friedrich 1952 : 318; Hoffner 1974 : 114). При допущении в хаттской форме *-t*, чередующегося с *-l*, как и в ряде других случаев (ср. хат. *tabarna* ‘правитель’ при хет. *Labarna-* и др., о чередованиях *-t* ~ *-l* в конце слова в хаттском см. также Kammenhuber 1969 : 460—461), а также при учете возможной вариативности *-t* / *-m* хаттское название ‘яблока’ оказывается почти тождественным реконструируемому индоевропейскому названию.

В этой связи весьма любопытна также фонетическая близость к этим древним названиям ‘яблока’ и общекартвельского слова для ‘яблока’, реконструируемого в форме **wašl-*: груз. *vašl-*, мегр.-лаз. *iškur-*, сван. *wisgw/usgw*.

Можно считать, что название ‘яблока’ было древним миграционным термином, проникшим еще в древности в целый ряд языков ближневосточного культурного ареала.

Древним очагом одомашнивания ‘яблони’ (*Malus pumila* Mill.) считаются горные области к югу от Закавказья, ср. Friedrich P. 1970 : 58. Одомашнивание ‘яблони’ было одним из важных культурных достижений после неолитической революции на Ближнем Востоке. Отсюда домашние сорта яблок в дальнейшем проникают и в другие области Евразии. Поэтому распространение миграционного термина, обозначающего ‘яблоко’, из этой области, где и было, очевидно, осуществлено одомашнивание ‘яблони’, представляется весьма вероятным.

12.5. ДРУГОЕ ДРЕВНЕЕ ДИАЛЕКТНОЕ НАЗВАНИЕ «ЯБЛОКА» И ХЕТТСКАЯ *maḫla-* «ЛОЗА»

В качестве другого древнего слова для ‘яблока’ и ‘яблони’ в индоевропейских диалектах выступает греч. гом. *μῆλον* ‘яблоко’, *μηλέα* ‘яблоня’, дор. *μᾶλον* ‘яблоко’, также ‘груша’, ‘древесный семенной плод’; производное от этого значения можно видеть в поэтическом *μῆλον* ‘щеки’.

Родственное этому слово можно видеть в алб. *móllë* ‘яблоко’, а также, возможно, в тох. А *malañ* (pl. *tantum*), тох. В *meli* ‘нос’ (с первоначальным значением ‘щеки’[?]) — как в греческом — при утере изначального значения ‘яблоко’, что могло быть связано с экологическими условиями обитания племен, говоривших на тохарских диалектах, ср. Friedrich P. 1970 : 60)¹.

ям, так и по фонетическим, ср. древнеиндийское образование от того же корня на суффикс *-го-: *amlá-*, *amblá-* ‘кислый’, лат. *amāgus* ‘горький’.

¹ ‘Яблоня’ имеет ограниченное распространение в Центральной Азии; ее значимость уменьшается в зависимости от продвижения далее на восток (Вавилов 1959—1965, I : 347), тогда как в тропических областях Южной Азии, в частности в Индии, она отсутствует (с чем

Сюда же относятся латинские формы: *mālum* 'яблоко' и *mālus* 'яблоня', показывающие закономерные фонетические соотношения с греч. μήλον и другими родственными словами¹.

С рассмотренной группой форм следует связать и хет. *maḥla-* 'виноградная лоза'. Связь хеттской формы со словами, обозначающими 'яблоко', 'яблоню', может быть оправдана допущением семантического сдвига в хеттском: 'яблоня', 'плодовое дерево' ⇒ 'виноградная лоза'. При наличии в хеттском слова *šam(a)luçant-* в значении 'яблоня' такой семантический переход в слове *maḥla-* и обозначение им другого вида 'плодового растения' — 'виноградной лозы' может считаться вполне возможным. Переход значения 'яблоня' ⇒ 'плодовое дерево' ⇒ 'виноградная лоза' может объясняться спецификой использования плодов этих растений и продуктов, из них получаемых (ср. *Friedrich P. 1970: 61 и след.*); к аналогичному переносу значения 'дерево' на 'виноградник' ср. лат. *ūna* 'виноградная гроздь', соответствующее др.-исл. *ýr* 'тис', рус. *ива* и т. п. (см. выше, стр. 629).

Сопоставление друг с другом приводимых выше слов позволяет реконструировать индоевропейский архетип в форме **maHlo-* со значением 'яблоко', 'яблоня', 'плодовое дерево'.

Тем самым для индоевропейского языка постулируются две формы со значением 'яблоко', 'яблоня': **samli-* и **maHlo-*, которые первоначально могли относиться к двум разновидностям 'яблока', 'яблони' (возможно, культивированной и дикой)², весьма распространенной, по-видимому, на первоначальной территории обитания древних индоевропейцев и игравшей существенную роль в их хозяйственной жизни и представлениях.

12.6. МИФОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ «ЯБЛОКА» В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

При всем многообразии мифологических мотивов, связанных с 'яблоком' в отдельных древних индоевропейских культурах (ср., например,

и может быть связан сдвигом значения др.-инд. *āpṛā-*, см. выше). Поэтому представляется маловероятным возведение индоевропейского названия 'яблока' к бурушаски (*Berger 1956: 27—34*; ср. *Watkins 1971: 1500*) при возможной связи термина бурушаски с памирскими. Формы большинства памирских языков возводятся к **maḡpa-* (шугн. *tīp*, рушан. *tāwp*, язг. *tawp*, ишкап. *tep*, сангечи *te*), мунджан. *atipā*, пашт. *taḡa*), ср. *Пахалина 1975: 224*; *Грюнберг/Стеблин-Каменский 1976: 394*. К форме **amgi-* с переносом значения 'яблоко' → 'груша' могло бы восходить перс. *amūd* 'груша'.

¹ В случае лат. *mālum* невозможно однозначно решить на основании фонетических соотношений, является ли данное слово отражением закономерных соответствий между греческим и латинским в унаследованном исконном слове или же заимствованием из одного языка в другой (в данном случае из греческого) с полным совпадением форм. Налицо пример соотносимых друг с другом форм, характер которых можно определить лишь с учетом некоторых экстралингвистических факторов. Но в этом случае и культурно-исторические факторы не определяют однозначности решения в пользу заимствования латинского *mālum* из греческого.

² Ср. в хеттском разновидности 'яблони': *GIŠḤAŠḤUR* 'яблоня' и *GIŠḤAŠḤUR.ḲUR.RA* 'горная (т. е. дикая) яблоня'.

миф о 'яблоке раздора' у греков, возможно, восходящий к представлению о 'яблоке' как победном даре, Dumézil 1968 : 584), некоторые из них повторяются в разных традициях, что может указывать на общность их происхождения и отражать общеиндоевропейские ритуальные и мифологические представления.

Общеиндоевропейским можно считать мотив 'золотых яблок', дарующих 'бессмертие' и 'вечную молодость' и поэтому часто похищаемых. Их стережет женское божество.

Этот мотив в греческой мифологии проявляется в виде мифа о "золотых яблоках", которые растут на 'острове Блаженных' на западном краю света под охраной Гесперида (дочерей Геспера) и дракона.

В древнеисландской мифологии 'золотые яблоки', дарующие 'вечную молодость' и 'бессмертие', принадлежат Идунн — жене бога поэзии Браги (Bragir, ср. др.-исл. *bragr* 'поэзия'). Их вместе с Идунн крадут сначала у 'асов' — древних богов-великанов, а потом 'боги' похищают их у великанов, которые, лишившись "яблока бессмертия", начинают стареть (Мелетинский 1970).

В балтийской и славянской традициях мотив "золотых яблок" (латыш. *zelt' ābuoli*) также связывается с мифологическими персонажами — 'сыновьями Бога' (латыш. *dieva dēli*), которые должны 'катать' (латыш. *ritēt*) яблоки (в латышских народных песнях), и 'Молнией' (сербо-хорв. *Mūnja*), которая играет 'яблоками' с Громом (в сербо-хорватских народных песнях, Иванов/Топоров 1974 : 18, 21). В славянском фольклоре 'яблоня' выступает и как 'Мировое дерево', на вершине которого растут четыре яблока и сидит птица, а в корнях гнездится Змей (Иванов/Топоров 1965 : 81).

Древнегерманский мифологический мотив, в котором "яблоки бессмертия" связаны с 'богом Поэзии' *Bragir* (этимологически связанным с основой *bhlhgeu- 'бродить' [о напитке], 'приготавливать напиток': ср. др.-англ. *brēowan* 'варить напиток', англ. *brew*, др.-в.-нем. *briuwān*, нем. *bräuen*, ср. также ст.-лат. *ferctum* 'жертвенный пирог из крупы, масла и меда', лит. *biŗgelas* 'пиво' и др.), может служить указанием на использование 'яблока' для изготовления ритуального напитка, функционально соответствующего другим видам пьянящих напитков типа 'меда' и 'вина'¹.

13. «КИЗИЛ», «ВИШНЯ»

13.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «КИЗИЛА», «ВИШНИ»

Специальные этимологически соотносимые друг с другом слова в значении 'кизил' можно видеть в греч. *κράνος*, м., ж. р., 'кизиловое дерево', *κράνου* 'кизил', гом. *κράνεα* 'кизиловое дерево', лат. *cornus* 'кизило-

¹ Использование в древности 'яблока' в качестве продукта, из которого изготовлялся (первоначально, очевидно, в ритуальных целях) пьянящий напиток наподобие 'меда' и 'виноградного вина', может объяснить рассматривавшийся выше семантический переход 'яблоня' → 'виноградная лоза', который предполагается для хеттского *pařla-*.

вое дерево', *cornum* 'кизил'. Слова восходят к исходной индоевропейской форме в нулевой ступени *k^hl^hgno-.

Сюда же относится, вероятно, алб. *thánë* 'кизил' и, очевидно, ст.-лит. *Kirnis* '*deus cerasorum*', 'бог вишен' (при точном совпадении формы с греческой и латинской формами, наблюдается отклонение в значении: 'вишня', а не 'кизил', что может объясняться преобладанием 'вишен' в районе позднейшего обитания балтийских племен; 'вишня' и 'кизил' характеризуются известным сходством внешнего облика и вкуса плодов).

Тот же корень *k^hl^heg- может лежать в основе греч. *κέρσος* 'вишневое дерево' (ср. *κερασία* 'вишневое дерево', *κεράσιον* 'вишня'), возможно, малоазийского происхождения, ср. название города в Малой Азии у Понта *Κερασσός*, ср. *Frisk 1954, I: 7¹*.

Судя по диалектному распределению, слово может считаться архаичным индоевропейским образованием в значении 'кизилового или вишневого дерева', ср. *Friedrich P. 1970: 115 и след.*

13.2. РАСПРОСТРАНЕНИЕ, ХОЗЯЙСТВЕННОЕ НАЗНАЧЕНИЕ И МИФОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ «КИЗИЛА» И «ВИШНИ»

'Кизил' (*Cornus mascula* L.) распространен преимущественно в относительно более южных районах Европы, на Кавказе и в Передней Азии. 'Вишня' (*Prunus cerasus*) распространена на значительно более обширных территориях Евразии, причем культивирование 'вишни' в Передней Азии начинается с VII—VI тысячелетий до н. э. Характерно, что в балтийской традиции засвидетельствован специальный бог *Kirnis*—'покровитель вишен'²

Плоды 'кизилового дерева' в древности наряду с 'дубовыми желудями' и 'буковыми орехами' широко использовались как корм для свиней. Характерно в этом отношении известное место из "Одиссеи":

...τοῖσι δὲ Κίρκῃ
πάρ ῥ' ἄκυλον βάλανόν τ' ἔβαλεν καρπὸν τε κρανείης
ἔδμεναι, οἷα σύες χαμαιαιωνάδες αἰὲν ἔδουσι (κ 241—243)

"...им Цирцея

бросила поесть буковых орехов, желудей и плодов кизилового дерева,
которые всегда едят валяющиеся на земле свиньи".

Примерно тот же круг значений ('растущие плоды' как 'корм для скота') выражается индоевропейским корнем *k^hl^heg-, от которого образова-

¹ Греч. *κέρσος* 'вишня' заимствуется в латинский в виде *cerasus* 'вишня', народно-лат. **cerasia*, откуда ст.-франц. *cherise*, франц. *cerise*, из которого, в свою очередь, ср.-англ. *cheri*, англ. *cherry* 'вишня'. Из этого же народнолатинского источника, вероятно, возникает др.-в.-нем. *kersa*, нем. *Kirsche* 'вишня'. Из этого же слова выводят обычно и славянскую форму **čeršinja* (рус. *черешня*), *Фасмер 1964—1973, IV: 343*.

² Более поздние названия 'вишни' в балтийском (прус. *wisnaitos* 'вишни', латыш. *vīksna*) считаются заимствованными из славянского, ср. рус. *вишня*. В свою очередь славянское название 'вишни' сопоставимо с греч. *ἰξός* 'омела', 'птичий клей', лат. *uiscum* 'омела', 'птичий клей из ягод омелы' и др.-в.-нем. *wichsila* 'черная вишня' (нем. *Weichsel*), в.-е. **μῆκ^hls-*.

ны алб. *thjer* 'желудь', *thjerrë* 'чечевица' (*k^[h]ler-n-), др.-в.-нем. *hirso* 'про-со', лит. *šerti* 'кормить (скот)', *pāšaras* 'корм для скота', лат. *crēscō* 'расту', *crēber* 'густо растущий'; сюда же относится имя италийской богини плодородия: лат. *Cerēs* 'Церера', оск. *Kerri* (ср. *Pokorny* 1959 : 577).

Характерно, что италийская богиня *Cerēs* была покровительницей 'плодовых деревьев', 'фруктовых садов' (ср. оск. *hūrtin Kerriin* 'священный сад Цереры') и в этом смысле эквивалентна литовскому богу вишен *Kirnis*. Во время ритуалов *Ceriālia* богине приносились в жертву свиньи (*Dumézil* 1966 : 367—368).

κ-з-л

Предположение о связи основ *k^[h]l̥r-n- 'кизил', 'вишня' и *k^[h]ler- 'расти', 'корм' ставит вопрос о формальном соотношении велярного *k^[h]l- в основе k^[h]l̥r-n- и палатального *k^[h]l- в корне *k^[h]ler-. Сведение этих основ к общему исходному корню *k^[h]ler- становится возможным при допущении нейтрализации противопоставления по признаку палатализации в позиции перед сонантом *r, возникающей в нулевой ступени огласовки корня, то есть *k^[h]ler-: лит. *šerti* ~ *k^[h]l̥r-n-: лит. *Kirnis* (см. выше, стр. 109 и след., о нейтрализации противопоставления "палатализованный" ~ "непалатализованный", отражаемой в формах типа лит. *kárvė* 'корова' ~ *stirna* 'косуля').

14. «ТУТОВОЕ ДЕРЕВО», «ШЕЛКОВИЦА»

14.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ТУТОВОГО ДЕРЕВА»

Индоевропейское слово для 'тутового дерева' и 'плода тутового дерева' можно предположить в форме *mōgo-, засвидетельствованной в ряде древних индоевропейских диалектов:

Греч. *mórou* 'плод тутового дерева', 'тутовое дерево', 'шелковица', 'ежевика' (уже у Гомера производное *mórovεις* 'тутовый', 'темноцветный': *ἔρματτα μόροευτα* 'серьги шелковичного цвета'); арм. *mor*, *tori*, *moreni* 'ежевика'; лат. *mōrus* 'тутовое дерево', *mōrum* 'плод тутового дерева', 'ежевика' (древние образования на -s в значении 'дерева', 'растения', на -m в значении 'плода', 'ягоды'), валл. *merwydden* 'плод тутового дерева' (корень с огласовкой *e).

Диалектное распределение форм (греческий, армянский, итало-кельтский)¹ свидетельствует о древности слова в индоевропейском в значении 'тутового дерева', 'ежевика' и плодов этих растений.

Более древнее значение 'тутовое дерево' и соответственно 'плоды тутового дерева' можно видеть в раннем греческом значении формы *mórou* и ее производных у Гомера, а также в наличии в латинском древнего типа противопоставления образований на -s и -m в значении 'растения' и 'плода' этого растения при форме *mōrus*, обозначающей исключительно 'тутовое дерево' (тогда как *mōrum* обозначает уже как 'тутовую ягоду', так и 'ягоду ежевики'); для 'ежевика' как растения в латинском используется

¹ Германские формы (др.-в.-нем. *mūg-*, *mōgbere*, ср.-в.-нем. *mūlber* 'тутовая ягода') и лат. *mōras* 'тутовая ягода' считаются заимствованиями из латинского (*Pokorny* 1959 : 749).

другое древнее слово *rubus* (от индоевропейского **ur̥d[h]o-s*, ср. *Schulze 1933* : др.-инд. *vārdhati* 'растет', *vṛddhá-* 'выросший'). Соединение значений 'плод тутового дерева' и 'ежевика' могло произойти по внешнему и цветовому сходству плодов этих растений.

Характерно, что в кельтском форма засвидетельствована только в значении 'плода тутового дерева'. В армянском засвидетельствовано вторичное значение 'ежевика' при значении 'тутовое дерево', выраженном заимствованным словом *tuł*, вероятно, из арамейского, *Hübschmann 1972* [1897] : 155.

Индоевропейский характер слова в значении 'тутового дерева с темными плодами', 'темный плод тутового дерева' может быть подкреплен возможностью этимологической связи его с корнем **mer-*, **mor-* 'темный', 'черный' (*Pokorny 1959* : 734) : греч. гом. *μόρστω* 'загрязняю', 'черню', *μυμωρῦμένω* 'загрязненный', *μόρῦχος* 'черный (от копоти)'¹.

14.2. РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ НАЗНАЧЕНИЕ «ТУТОВОГО ДЕРЕВА»

'Тутовое дерево с темными плодами' (*Morus nigra* L.) — характерное плодовое дерево Средиземноморья и Юго-западной Азии; его древней родиной считается Передняя Азия (*Вавилов 1959—1965, I* : 344). Крупные плоды *Morus nigra* L., характеризующиеся густой фиолетовой, почти черной окраской, в ряде высокогорных районов Передней и Центральной Азии (на Памире) используются в пищу (из сушеных плодов шелковицы изготавливается мука, заменяющая муку из зерна), листья его идут на корм скоту, а древесина ценится как строительный материал (*Вавилов 1959—1965, I* : 205, 343).

Характерно, что близкий к этому вид тутового дерева (*Ficus sycomorus*, тутовая смоковница) использовался для судостроения в Древнем Египте (*Семенов 1974* : 28). Египетская сикомора *nh.t* является 'священным деревом богов', имевшим большое ритуальное и мифологическое значение.

На востоке Азии известен другой тип 'тутового дерева с белыми плодами' (*Morus alba* L.), родиной которого считается Китай (*Вавилов 1959—1965, V* : 146), где оно впервые стало использоваться для разведения шелковичных червей. Отсюда этот вид 'тутового дерева с белыми плодами' распространяется вместе с шелководством на запад. Распространение 'шелковицы' в новой хозяйственной функции могло послужить причиной вы-

¹ Возможно, к тому же первичному корню восходит в греческом другое название 'дерева с черными плодами' — *μορία* 'священная маслина в Афинах, посвященная богине Афине', ср. *μόριος Ζεὺς* 'Зевс, защитник священных масличных деревьев'. Однако при архаичности образования греческое слово в этом значении не обнаруживает соответствий в других языках. Другое греческое слово для 'оливкового дерева' *ἔλα(φ)ιον*, засвидетельствованное уже в микенском (ср. e-га-wo), имеет соответствие в лат. *oleum* 'оливковое дерево' и по схеме диалектного членения (если лат. *oleum* не является заимствованием) может считаться достаточно древним, восходящим к определенной ранней диалектной общности.

теснения древнего слова для 'тутового дерева' в целом ряде индоевропейских диалектов, утративших старое слово (как индо-иранские языки¹) или сохранивших его только во вторичном значении 'ежевика'.

II. РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР. КУЛЬТУРНЫЕ РАСТЕНИЯ И ЗЛАКИ

1. «ВИНОГРАД», «ВИНО»

1.1. НАЗВАНИЕ «ВИНА» В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

При всем многообразии в исторических индоевропейских языках лексем в значениях 'виноград' и 'виноградная лоза' исключительным постоянством по данным основных древних индоевропейских диалектов характеризуется название 'вина' *u(e/o)ino-, показывающее закономерные фонемные соотношения по основным древним диалектам²:

Хет. *uiana-* 'вино', лув. клин. *uiniyant-* 'вино', лув. иерогл. *wiana-* 'вино', *Laroche 1959a : 111* (и.-е. форма в нулевой ступени *uioino-);

Мик. греч. *wo-no-* 'вино' (в частности, в сложных словах типа *wo-no-wo-so* = *Φοῦνοϕ*, ср. гом. *οἶνοϕ* 'темнокрасный', буквально: 'винно-красный'); гом. *οἶνος* 'вино' (виноградное, темно-красное, ср. *οἶνον ἐρυθρόν*, μ 19 'красное вино') с многочисленными производными (ср. *οἶνο-πάζου* 'виноградник' и другие): и.-е. форма с огласовкой корня *o: *uoino-; ср. арм. *gini* 'вино' (*uoino), алб. *vënë*, тоск. *verë* 'вино' (*uoina);

Лат. *uinum* 'вино' (ср. фалиск., вольск. *uini*, умбр. *vinu*, *uini* как возможные заимствования из латинского): и.-е. форма корня с огласовкой *e: *ueino-; такая же исходная индоевропейская форма лежит в основе соответствующих германских и славянских слов³, восходящих соответственно к общегерманскому и общеславянскому:

Гот. *wein* 'вино', *weina-* в сложных словах типа *weinatriu* 'виноградная лоза', *weinagards* 'виноградник', др.-англ. *wīn* 'вино' (англ. *wine*, ср. также *wīn-trēow* 'виноградная лоза', *wīn-bērige* 'виноградная гроздь', *wīngeard* 'виноградник'), др.-в.-нем. *wīn* 'вино', нем. *Wein* (также в производных *wīn-garto* 'виноградник', *wīnreba* 'виноградная лоза');

¹ Связь нового названия 'тутового дерева' с культурой разведения на 'шелковице' шелковичных червей отчетливо видна в таких новообразованиях, как кафирское, вайгали *kuṣṣā'ik* 'тутовое дерево', объясняемое из *kṛmika-likā- (*k^hmi- 'червь', см. выше, стр. 527₂), *Morgenstierne 1954 : 267*.

² В этом проявляется наблюдаемая и в других случаях большая стабильность названия основного продукта по сравнению с названием его источника, подверженным частым лексическим заменам в процессе развития отдельных диалектов (ср. исторические соотношения в названиях 'меда' — продукта и 'пчелы' — его производителя, см. выше, стр. 602 и след.).

³ Кельтские формы: др.-ирл. *fín*, валл. *gwin* 'вино', судя по огласовке, могут рассматриваться как заимствование из латинского, *Pokorny 1959 : 1121* (если не считать эти слова восходящими к индоевропейской форме в нулевой огласовке, как в анатолийском, и в таком случае исконно кельтскими).

Ст.-слав. *vinо* 'вино', рус. *вино*, польск. *wino* 'вино'¹. Сюда же относится древнее общеславянское образование, сохранившееся лишь в южнославянском: ст.-слав. *vinjaga*, сербо-хорв. *vinjaga*, словен. *vinjaga* 'виноград' (ср. *Bezljaj 1976: 217*), вторая составная часть которого *-aga* в значении 'плод' соответствует лит. *uoga* 'ягода', латыш. *uoga* 'ягода', тох. *oko* 'плод' и представляет общеславянскую архаическую форму, сохранившуюся только в этом сложном слове (при общеславянском же производном от той же формы с суффиксом *-d-*, ст.-слав. *agoda* 'ягода', 'плод', рус. *ягода*)².

Обнаружение соотносимых друг с другом слов для 'вина', с одной стороны, в анатолийских языках, а с другой, в греческом, армянском, албанском и латинском, а также в германских и славянских языках, является достаточным основанием для постулирования и в общиндоевропейском форме **u(e/o)in-o-* в значении 'вино'³.

1.2. СВЯЗЬ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ОБОЗНАЧЕНИЯ «ВИНА» С ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИМИ НАЗВАНИЯМИ

Сходные по фонетическому облику слова для 'вина' обнаруживаются в целом ряде древних ближневосточных языков. Название 'вина' в форме **wajn-* восстанавливается для семитского (ср. *Fronzaroli 1971, VII: 613 и след.*): аккад. *inu*, араб. *wajn-*, угарит. *jn*, др.-евр. *jajin*. В египетском,

¹ Из славянского заимствованными считаются соответствующие балтийские формы: лит. *uinas* 'вино', латыш. *uins* (последняя форма иногда возводится к ср.-н.-нем. *wīn*).

² Нет достаточных формальных оснований считать германские и славянские названия 'вина' заимствованными из латинского, вопреки *Pokorny 1959: 1121, ср. Фасмер 1964—1973, I: 316*. Против такого допущения говорит уже то, что в каждой из этих групп названия 'вина' возводятся соответственно к общегерманской и общеславянской исходным формам. Об исконном характере этих слов свидетельствуют и древние словосложения типа общегерманского названия 'виноградника': гот. *weina-gards*, др.-англ. *wīn-geard*, др.-в.-нем. *wīn-garh* и общеславянских названий 'винограда' и 'виноградника' (ст.-слав. *vinjaga*, *vinogradij*; совпадение структуры последнего славянского слова с германским не предполагает обязательно германского заимствования в славянском). Допущение заимствования германской и славянской форм названия 'вина' из латинского основывалось в конечном счете не на фонетических особенностях самих форм, которые показывают закономерные соответствия, а на культурно-исторических предпосылках, касающихся распространения 'винограда' и территории обитания древних индоевропейцев, ср. в последнее время *Bonfante 1974*.

³ Даже при допущении этимологической соотнесенности лишь анатолийского, греческо-армянского и латинского названий 'вина' (и признании заимствованного характера не только кельтских и балтийских, но и германских и славянских форм) по схеме диалектного членения общиндоевропейского языка исходную форму, отразившуюся в этих диалектных ареалах, следует считать общиндоевропейской.

С другой стороны, принятие для определенной группы диалектов исходного архетипа в форме нулевой огласовки с растяжением: **uino-*, давшей лат. *uīnum* (ср. лат. *līnum* 'лен' из **lino-*), снимает все формальные затруднения, препятствующие признанию кельтских и балтийских форм исконно индоевропейскими. В таком случае индоевропейская форма в нулевой ступени с растяжением может считаться исходной (без допущения альтернативной формы с огласовкой **e: *ueino-*) для всех 'древнеевропейских' диалектов.

начиная с Древнего Царства, засвидетельствована форма *wnš* в значении 'съедобного плода', 'винограда' и 'вина'; ср. также *wnš.t* 'вино' (*Erman/Gradow 1955, I : 325*). В хаттском выделяется как часть сложного слова форма *ṁindu-* в значении некоторого напитка (возможно, 'вина'?), ср. *LUṁindu-kḫaram* 'человек, разливающий напиток', 'человек сосуда с напитком', 'кравчий', ср. *Kammenhuber 1969 : 496*¹. В южнокавказском (картвельском) восстанавливаются формы **ḡwino-* в значении 'вино' (груз. *ḡwino*, мегр. *ḡwin-*, лаз. *ḡwlin-*, сван. *ḡwinel*) и **wenaq-* в значении 'виноградник', 'виноградная лоза'² (др.-груз. *wenaq-*, мегр.-лаз. *binex-*, сван. *wenāq*), ср. *Климов 1964 : 203—204* и *83*.

1.3. НАЗВАНИЕ «ВИНА» КАК ДРЕВНИЙ ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ МИГРАЦИОННЫЙ ТЕРМИН. МИГРАЦИОННЫЙ ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ ТЕРМИН ДЛЯ «ВИНА» КАК ИСКОННО ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ СЛОВО И ЕГО ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Широкий ареал распространения уже в глубокой древности по разным языковым группам Ближнего Востока сходных по фонетическому облику слов в значении 'вино', 'виноград' позволяет охарактеризовать соответствующие слова как 'миграционные термины', относящиеся к 'винограду' и 'вину'. Наличие соответствий между названиями 'вина', 'винограда' в каждой из групп языков (индоевропейской, семитской, картвельской) дает возможность судить об исключительной древности миграционного термина, переходившего из одной языковой группы в другую на протоязыковом хронологическом уровне, то есть еще в период, предшествовавший их распаду на отдельные диалекты.

Формальные характеристики общеиндоевропейского слова для 'вина' с закономерными аблаутными ступенями чередования (**ḡe¹ ~ *o ~ нуль*) позволяют считать слово, построенное по правилам древнеиндоевропейского словообразования, исконной принадлежностью индоевропейской системы и соответственно *этимологизировать его на индоевропейской основе*.

Наиболее естественной представляется давно уже предполагавшаяся этимологическая связь общеиндоевропейского названия 'вина' с корнем **uei-/ *ui-* в значении 'вить', 'плести' (*Walde 1910*; ср. *Георгиев 1954 : 62*; *Merlingen 1968 : 411*): ср. др.-инд. *vāyati* 'плетет', вед. *vūyati* 'заворачивает', *vūāna-* 'заворачивание'; лат. *uieō* 'связываю', 'плету', лит. *vejū* 'вью', слав. *viti* 'вить' и др.

Характерно, что от этого индоевропейского корня в значении 'вить', 'плести' образуются в индоевропейских диалектах многочисленные ар-

¹ Любопытно совпадение второй части хаттского слова с аккад. *kaḡānu* в значении 'виноградная лоза', 'вино'. Не исключена возможность возникновения сложной хаттской формы в результате соединения собственно хаттского слова с хаттизированным аккадским обозначением 'вина', 'винограда'.

² Обращает на себя внимание особое фонетическое сходство картвельского слова **wenaq* 'виноградник' с индоевропейской формой **uein-āk'*-, лежащей в основе славянского *vinjaga* 'виноградная лоза'. О связи слов для 'вина' в индоевропейских, семитских и картвельских языках см. также *Цертели 1947 : 18* и след.

ханчные производные, обозначающие 'выющиеся гибкие растения', 'ветви', 'прутья', 'виноградную лозу':

Образования на *-tʰli-: и.-е. *ц(e)i-tʰli-:

Лат. *uītis* 'виноградная лоза'; авест. *vaḡiti-* 'ива', 'ивовые прутья', лит. *vytis* 'ивовые прутья'; ср. *žil-vītis* 'ива ломкая', 'лоза', слав. *viťi* 'витая работа' (ср. сербо-хорв. *raŭit* 'виноградная лоза'); др.-ирл. *féith* 'волокна', валл. *gŵden* 'завязка'; др.-исл. *víðir* 'ива', др.-англ. *wīðig* 'ива';

Образования на *-tʰliu-: и.-е. *ц(e/o)i-tʰliu-:

Греч. *ἴτυς*, эол. *Ἰτύς* 'ива', 'обод колеса', лат. *uitus* 'обод колеса'¹; греч. *οἴσουον* (из) **Φοῖτυο-* 'вид ивы', прус. *witwan* 'ива', *apewitwo* 'верба', ст.-слав. *větvŭ* 'ветвь' и др.;

Образования на *-n-: и.-е. *цoj-n-:

Ст.-слав. *věničŭ* 'венец', сербо-хорв. *viǰenas*, чеш. *věnes*, *vinek*, лит. *vainikas* 'веночек', 'венец';

Атематические и тематические образования на *-o-, *-ā-: и.-е. *ц(e/o)j-o-/-ā-:

Греч. *νίην · ἄμπελον* 'виноградная лоза', ср. *εὐιάδες · ἄμπελοι* 'виноградные лозы' (*Гесихий*), др.-инд. *vaŭā* 'ветвь', ст.-слав. *věja* 'ветвь'; латыш. *viĵa* 'плетеная изгородь'; ср.-ирл. *fé* 'прутья' (ср. валл. *gŵial-en* 'ветка').

Семантика приведенных образований на корень *цej-/ *цi-, как и значение самого корня 'вить', 'плести', делает весьма вероятным предположение об образовании индоевропейского слова для 'винограда', 'вина' как 'плода выющегося растения' от того же корня *цej- в различных его огласовках.

Такое название 'винограда', 'вина' могло быть уже в раннем индоевропейском дифференцировано по грамматическому роду (первоначально, по-видимому, по 'активному' и 'инактивному' классам). При этом форма на *-s могла означать 'растение', 'виноградную лозу', тогда как форма на *-m могла означать 'плод растения', 'виноград', 'вино'.

Индоевропейские образования в значении 'винограда', 'вина' распространяются в дальнейшем по языкам сопредельных ареалов и превращаются в типичный миграционный термин. Он проникает уже в древнеегипетский в форме *wnš* 'плод растения', 'виноград', 'вино' (отражающей, по-видимому, индоевропейскую форму в нулевой ступени с окончанием *-s). В семитский язык индоевропейская форма заимствуется в огласовке *o (ср. сем. **wajn-*), тогда как в хаттский (*ḡindu-*) и общекартвельский (**γwino-*) индоевропейское название 'вина' попадает в форме с нулевой огласовкой².

¹ Точное совпадение формы и значения в греческом и латинском позволяет ставить вопрос о возможном заимствовании латинского слова из греческого (ср. *Pokorný 1959: 1122*); однако, строго говоря, такое предположение не обязательно ввиду фонетической закономерности соотношений.

² Предположение обратного заимствования из египетского или семитского в индоевропейский менее вероятно по культурно-историческим причинам (отсутствие винограда в древнейшем ареале распространения этих языков). Заимствование индоевропей-

Допущение столь раннего заимствования древними ближневосточными языками слова для 'винограда' и 'вина' из индоевропейского пред-полагает, во-первых, контакты индоевропейского языка с указанными языковыми системами в это время в Передней Азии, а также знакомство древних индоевропейцев с виноградарством и виноделием уже в эпоху таких контактов, не позднее третьего тысячелетия до н. э. (судя по данным семитских, египетского и хаттского языков).

1.4. ДРЕВНЕЙШИЙ ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ ОЧАГ ВИНОГРАДАРСТВА

Древнейший очаг культивирования и одомашнивания 'винограда' (*Vitis vinifera*) локализуется обычно в юго-западноазиатском (переднеазиатском) ареале, с выделением в нем закавказской области формообразования видов культурного винограда с разнообразием разновидностей дикого и культурного винограда и наличием ряда промежуточных форм между ними (ср. Вавилов 1959—1965, II : 371; V : 145, 160, 166).

В Закавказье следы виноградарства обнаружены уже в культурном слое V—IV тысячелетий до н. э. (Кушнарева/Чубиншвили 1970 : 170).

1.5. «ВИНОГРАД», «ВИНО» В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

В древних "Хеттских законах" (§§ 101 и след.) значительное место отводится законам, относящимся к возмещению за кражу, потраву и повреждение 'виноградника', 'винограда', 'виноградной лозы', что свидетельствует о широком распространении уже в Древнехеттском Царстве виногра-

ским названия 'вина' из картвельского (что могло бы согласоваться с приводимыми ниже культурно-историческими соображениями о древнейших очагах разведения винограда) предполагает такое преобразование заимствованного слова в индоевропейском, которое привело бы к переосмыслению его как производного от собственно индоевропейского корня **weǵ-* 'вить'. С другой стороны, не может быть установлена с несомненностью древность самого картвельского слова **γwino-* 'вино' внутри картвельских языков, а также его связь с такими производными образованиями, как **wepaq-* 'виноградник', обнаруживающего явно заимствованный характер. В этой связи следует отметить, что заимствование специализированных культурных терминов из одного языка в другой не предполагает с необходимостью отсутствия в заимствующей такие слова культуре вещей и понятий, ими обозначаемых; ср. заимствованный характер славянских или восточноиранских (осетинских) терминов 'коневодства' в условиях наличия в соответствующих культурах более ранних эквивалентов этих терминов, вытесненных последующими заимствованиями, ср. выше, стр. 556. При всей развитости виноградарства и виноделия в древнейшем Закавказье старые, исконно картвельские слова для основных понятий, связанных с культурой виноделия, могли быть вытеснены заимствованиями из других языков, которые и заняли в системе место исконных терминов. Помимо **γwino-* 'вино' и **wepaq-* 'виноградник' такими иноязычными новообразованиями являются груз. *q'ugzeḡ-* 'виноград' (ср. урарт. *GISuldini* 'виноградник', ср. Меликишвили 1960 : 411), а также, возможно, груз. *vaz-* 'виноградная лоза' (ср. арм. *vaz* 'виноградная лоза', ~~ср.~~ вполне ясной этимологией, а также иранск. **gaz-*: пехл. *gaz*, перс. *gaz* 'виноградная лоза' и др.).

дарства и виноделия. Такая картина согласуется с количественными данными хеттских дарственных грамот, в которых указываются относительно большие площади земли, отведенной под виноград, см. *Riemschneider 1958*.

В Восточном Средиземноморье данные о разведении винограда известны в бронзовом веке (*Кларк 1953 : 122*). Значительную роль виноделие играло в микенской Греции, где обнаружены обширные винные склады в пилосском дворце (*Блаттская 1966 : 77*).

У Гомера уже описываются большие виноградники (ἀλώη), отягощенные тяжелыми 'черными гроздьями' (μέλανες βότρυες), и массовый сбор винограда; юноши и девушки несут плетеные корзины, в которые собирают 'медово-сладкий плод' (μελιηδέα καρπόν), Σ 561—568.

1.6. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ ТЕРМИН ДЛЯ «ЖЕРТВЕННОГО ВОЗЛИЯНИЯ ВИНА»

Ритуально-культурная значимость 'вина' в индоевропейской традиции уходит корнями в глубокую древность. В отдельных древних индоевропейских традициях совпадает не только общий характер ритуалов винных жертвоприношений, но и структура словосочетаний — обрядовых формул, их описывающих, ср., например, греч. гом. οἶνον σπένδω 'вино возливаю', 'вином окропляю' (жертвенное животное, принесенное Зевсу): σπένδω αἶθοπα οἶνον ἐπ' αἰθόμενοις ἱεροῖσι *'окропляя темным вином горящие части жертвы'* (быка), Δ 775, и хет. *uḫanit šipant-* 'вином окроплять' (жертву, принесенную верховному божеству): DUTU-i I UDU GEŠTIN-it šī-ra-an-ti (KUB XXXV II 10) "богу Солнца одну (жертвенную) овцу вином окропляет" (ср. сочетание ^{GIŠ}GEŠTIN išpanduzzi- 'сосуд для жертвенного вина'). След аналогичного словоупотребления названия жертвенного 'вина' в сочетании с индоевропейским глаголом *splh^hlent'- 'совершать возлияние', 'окроплять' можно видеть и в лат. *spondeō* уже в переносном значении 'клятвенно обещаю', 'торжественно обязуюсь' (о любом ритуальном обязательстве, ср. *Ernout/Meillet 1967 : 643*), к значению ср. греч. σπένδω 'обещаю', *мед.* 'торжественно заключаю соглашение', σπονδαί, *мн. ч.* 'мир', 'союз', 'договор' (у Гомера еще в синтагматическом сочетании с 'вином' в значении 'возлияние вина' при заключении союза, ср. σπονδαί τ' ἄρητοι: возлияние неразбавленного (вина)', В 341, Δ 159; "неразбавленное" вино приносилось в жертву, люди обычно пили разбавленное вино: ср. αἶθοπα οἶνου... κέρωνται "искристое вино разбавляют", Δ 259—260).

Культ 'вина' связан в древних индоевропейских традициях с верховным божеством — Зевсом-Спасителем (Ζεὺς Σωτήρ) в греческой мифологии (ср. о 'боге Вина', *Фрейденберг 1936 : 82*), с Юпитером — в римской. В Риме существовал особый обряд *Vinālia*, во время которого 'вино' посвящалось Юпитеру (*Dumézil 1966 : 188—189*). В этом отношении характерно возлияние вина у хеттов на жертвенное животное, приносимое в жертву верховному 'божеству Солнца'.

1.7. ОТСУТСТВИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ТЕРМИНА ДЛЯ «ВИНА», «ВИНОГРАДА» В ИНДО-ИРАНСКОМ И КУЛЬТ «БОЖЕСТВЕННОГО» НАПИТКА «СОМЫ-ХАОМЫ»

Вывод об общеиндоевропейском характере переднеазиатского миграционного названия 'вина' и этимологической связи его с первичным индоевропейским корнем ставит вопрос о причинах отсутствия соответствующих слов в значении 'вина' и 'винограда' в ряде древних индоевропейских диалектов типа индо-иранского¹ и тохарского.

Можно предположить, что место 'вина' как культового и бытового напитка в индо-иранской традиции начинают занимать другие 'пьянящие напитки', приготовляемые не из винограда, а из других растений, заменивших виноград в новых экологических условиях обитания древних индо-иранцев. Таким новым культовым напитком, посвящавшимся высшему божеству, можно считать 'сому': др.-инд. *sóma*- 'напиток сома' (в "Ригведе" напиток бога-громовержца Индры, ср. 'вино' как напиток Зевса и Юпитера соответственно в греческой и римской мифологиях). Обожествленному напитку Соме (авест. *haoma*- 'напиток хаома') посвящается в "Ригведе" больше ста гимнов, восхваляющих "самый сладкий, самый опьяняющий напиток, выжатый Индре для питья": *soádis̥ṭhayā mádis̥ṭhayā... índrāya pátave sutáh* (IX 1, 1).

Наркотический напиток 'сома' приготовлялся с помощью выжимания сока из растений давящими камнями. В качестве таких растений в более поздних индо-иранских традициях используется 'хвойник' (*Ephedra*), распространенный в пустынных областях Средней Азии и Афганистана и называемый в иранских языках производными от иранского **hauma*-²

Другим опьяняющим напитком у древних индо-иранцев было др.-инд. *sūrā* (упоминается дважды в "Ригведе"); согласно древнеиндийской традиции, грубый опьяняющий напиток, используемый низшей кастой *śūdrá*-; ср. авест. *hurā*- 'кумыс', пехл. *hur*, авест. *xvarəθō.bairya*-, парф. *ḥwrybr* 'кравчий', Дьяконов/Лившиц 1960 : 63.

Названия обоих этих напитков образованы от индоевропейского корня **seu-*/**su-* в первоначальном значении 'выжимать (жидкость)', 'давить сок', 'выгонять': др.-инд. *sunóti* 'выжимает', 'давит' (сок), авест. *hunaoiti*; др.-инд. *sutá*- 'выжатый', др.-ирл. *suth* 'сок', 'молоко', др.-в.-нем. *sou*, др.-англ. *seaw* 'сок'³

¹ Не исключен пережиточный характер терминов типа памирского язгулям. *wiḡg'*- 'виноград'.

² Ряд исследователей считает индийскую 'сому', иранскую 'хаому' изготовлявшейся первоначально из особой разновидности грибов-мухоморов (*Amanita muscaria*), см. Wasson 1968; Елизаренкова 1972 : 300—301; Стеблин-Каменский 1974 : 138—139. Относительно греческой традиции ср. Ruck 1976 : 238 и след. О грибе в мифологии и ритуалах различных индоевропейских традиций см. также Топоров 1979.

³ К этому же корню относятся образования на лабиальный: др.-инд. *sūra*- 'похлебка', 'суп', др.-исл. *súra*, др.-англ. *sūrap*, др.-в.-нем. *sūfan* 'хлепать, пить' (нем. *saufen*), *sūf* 'похлебка'.

Любопытно, что сама технология приготовления пьянящего напитка 'сомы', описыва-

Полная замена по ритуальной и бытовой функции пьянящего напитка — 'вина' напитком 'сома' в индо-иранской культуре была вызвана прежде всего сменой экологических условий обитания, а также некоторыми опьяняющими особенностями напитка, получаемого из флоры новых мест жительства¹. Это, в свою очередь, обусловило вытеснение исконных, унаследованных из индоевропейского слова для 'вина', 'винограда', 'виноградника'. Древние производные от индоевропейского корня *uei- 'вить', от которого образовывались в индоевропейском слова для 'вина', 'винограда', употребляются в индо-иранском уже лишь в качестве обозначений некоторых видов вьющихся растений, без явной связи с 'вином' и 'виноградом'.

Сходные причины, очевидно, вызвали утерю исходного слова для 'вина', 'винограда' и в тохарских диалектах.

1.8. СЛЕДЫ ДРЕВНЕЙ ТЕРМИНОЛОГИИ, ОТНОСЯЩЕЙСЯ К ВИНОГРАДАРСТВУ В ИРАНСКОМ. НАЗВАНИЕ «ЛОЗЫ»

Наряду с этим в иранском (во всяком случае, в западноиранских диалектах) сохраняется частично древняя диалектная терминология, касающаяся 'виноградарства', что видно в таких иранских словах, как др.-перс. **raza-* (в эламской передаче *ra-ša-*) 'виноградник', **razakara-* (элам. *ra-ša-ka-ra*) 'винодел', парф. *rz-* (*raz*) 'виноградник', *rzkr* (*razkar*) 'винодел', *nwršī(k)* (*navrāštak*) 'новое (молодое) вино', Дьяконов/Лившиц 1960 : 44, пехл. *raz*, перс. *raz* 'виноградная лоза', соотносимых со ст.-слав. *loza* 'виноградная лоза', др.-чеш. *loza*, рус. *лоза*².

В восточноиранских языках в отличие от западных, сохранивших некоторые следы связей с древней индоевропейской терминологией виноградарства, полностью заменяются древние слова для 'вина' как опьяняющего напитка и 'винограда'. В этих языках появляется целый ряд новых слов, обозначающих другие виды напитков, приготовляемых из соответствующих растений, и меняется значение древних терминов виноградарства. В частности, в авестийском, а также осетинском слова, соответствующие западноиранскому (и диалектному индоевропейскому) названию 'лозы', используются уже в других значениях: авест. *razura-* 'роща', осет. *razæ* 'плоды', 'фрукты', 'овощи' (Абаев 1973, II : 398—399).

емя в "Ригведе" (выжимание сока под 'давящими камнями'—*grāvaṇ-* и разливание по сосудам, где 'сома' разбавлялась водой), весьма напоминает в общих чертах более древнюю технологию приготовления 'вина', известную древним индоевропейцам (предполагается, что в таких традициях, как греческая, в вино добавлялись травы для крепости, так как древние греки из чистого винограда получали относительно слабые напитки, см. Ruck 1976 : 241—242).

¹ Характерно, что в Индии, куда переселяются индо-арийцы, полностью отсутствует виноград (ср. Вавилов 1959—1965, I : 356).

² В качестве исходной формы предполагается индоевропейское диалектное **lëǵ[h]l-* с первичным значением 'ползти', 'стелиться': ст.-слав. *-lěsti* 'лезть', 'войти', н.-луж. *lěść* 'ползти', Фасмер 1964—1973, II : 476, 512.

Для обозначения 'хмельного одурманивающего напитка' появляется новое слово **san-*, известное уже в скифском, ср. осет. *sæn* 'вино', адыг. *sanä* 'вино' (ср. *Абаев 1949, I: 180*). В осетинском эпосе сохраняются позднейшие термины для двух ритуальных опьяняющих напитков: 'медового напитка' *rong* (см. выше, стр. 606—607) и сказочного густого напитка *ælüton* 'пиво', *Абаев 1949, I: 338—347; 1958, I: 129—131*. Исконные индоевропейские слова для 'вина' и 'винограда' и в этих диалектах полностью утрачены.

2. «ЗЕРНО», «ЯЧМЕНЬ»

2.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ЗЕРНА», «ЯЧМЕНЯ»

Древним индоевропейским словом в значении 'зерно' следует считать форму **hat'*-, восстанавливаемую на основании свидетельств ряда древних индоевропейских языков, которые по схеме диалектного членения удостоверяют праиндоевропейский характер слова: авест. *ādū.frađana-* 'изобилующий зерном', согд. будд. *'dw-k* 'зерно', др.-арм. *hat* 'зерно', гот. *atisk* 'семья', др.-в.-нем. *ezzesc* 'семья', лат. *ador* 'особый вид злака' (*Poetto 1976a*)¹.

'Ячмень' как зерновая культура предполагается с несомненностью у древних индоевропейцев на основании явно устанавливаемых соотношений языковых форм в значении 'ячмень' по основным древним индоевропейским диалектам; свидетельство хеттского, индо-иранского, кельтского позволяет с уверенностью реконструировать значение общеиндоевропейской формы **jeuo-* 'ячмень' (с позднейшими семантическими сдвигами в сторону общего значения 'злаки' или отдельных других видов злаков):

Хет. *ецап*, ср. р. (шумерограмма ŠE-и-ца-ап), род. пад. *ецаš* 'ячмень' (*Laroche 1963: 75—76*);

Др.-инд. *yáva-* 'зерно', 'ячмень', кафир. ашкун, вайгали *yū* 'ячмень', (*Morgenstierne 1954: 316*), 'просо', авест. *yava-* 'злак', перс. *jav* 'ячмень', курд. *jaw*, белудж. *jaw*, *ǰō*, ягн. *yaц* 'ячмень' (ср. осет. *jaxw* 'просо', *Абаев 1958, I: 563—564*), ирл. *éorna* 'ячмень'²; греч. гом. ζεῖα 'вид хлебного растения', 'полба', ср. ζεῖ-δωρος 'дарующий хлеб', лит. *jāvas* 'вид злака',

¹ В хеттской подгруппе анатолийских языков общеиндоевропейское название 'зерна' заменено другим словом — хет. *halki-* 'зерно' с более узким диалектным распространением: ср. ст.-слав. *zlakŭ* 'злак', фриг. ζέλκια 'злак, зерно' (ср. *Нерознак 1978: 153*). Вытесненное в этом значении древнее слово сохраняется, однако, в этих языках в глагольном значении: хет. *hat-* 'сушить (плоды)'. К единичным случаям сохранения древнего значения слова в анатолийской группе языков ср. также лик. *kððase* 'относится к зерну', *Neumann 1974: 113—114*.

² Кельтская форма, как и хеттская, показывает отсутствие начального **i-*. Совпадение хеттской и кельтской форм в значении 'ячменя' придает большую уверенность сопоставлению этих последних с формами с начальным **i-* в соответствующих словах других языков. Кельтская и хеттская формы в таком случае характеризуются утерей начального **i-*, засвидетельствованной и в других формах: ср. и.-е. **iek'*- при ср.-ирл. *aig*, род. пад. ср.-ирл. *áig* 'лед' (из **jegis*, *Pokorny 1959: 503*) и хет. *екупаš* 'холодный'; ср. также др.-инд. *jeṣṣ-* 'близнецы' при ср.-ирл. етоп 'близнецы'.

мн. ч. *javāī* 'хлеба', латыш. *jāīja* 'рига', др.-рус. *овинъ* 'сушилка для зерна', 'рига', рус. *овин*.

Другое слово для 'ячменя' *ǵ^[h]l(e)rd^[h]- восстанавливается для более узких диалектных ареалов: с одной стороны, для греческо-армянского и албанского, с другой, для итальянского и германского(?):

Греч. гом. *κρί* 'ячмень'; *κρίθῆ*, мн. ч. *κρίθαι* 'ячмень (в зерне)' из [*grīd^[h]l-], алб. *drithë* 'ячмень' (ср. *Pisani 1959 : 118*), арм. *gari* 'ячмень' (из *g^[h]lṛi-, с нейтрализацией противопоставления заднеязычных по палатализованности в позиции перед *-r, ср. выше, стр. 113);

Нулевая ступень индоевропейской основы [*ǵ^[h]lṛd-] представлена в лат. *hordeum* 'ячмень' (диал. *fordeum* из *d^[h]lṛd-, по дентальной ассимиляции)¹.

Германская форма — др.-в.-нем. *gersta* (нем. *Gerste*) 'ячмень' выводится из той же праформы в полной ступени огласовки [*ǵ^[h]lerd-] с последующим преобразованием *-rd- → -rst-, возможно, под влиянием дентального суффикса.

Строго говоря, это слово для 'ячменя' в индоевропейских диалектах обнаруживает две вариативные формы: *ǵ^[h]lṛid^[h]- и *ǵ^[h]l(e)rd^[h]-, формально трудно сводимые друг к другу (ср. *Meiße 1938 : 398*). Это может указывать на независимые преобразования исходных форм в каждой из диалектных групп.

Эти диалектные слова для 'ячменя', возникшие, очевидно, позднее общиндоевропейского названия 'ячменя' *ǵeuo- и обозначавшие первоначально, вероятно, какую-то его разновидность, вытесняют более древнее название в ряде диалектов, что приводит к утере или изменению первоначального значения слова *ǵeuo- (ср. греч. *κρί*, *κρίθῆ* 'ячмень' при *ζειά* 'полба', а также и другие диалектные новообразования в значении 'ячменя', 'ячменной крупы': ср. гом. *ἄλφιτον*²).

2.2. АРЕАЛ ДРЕВНЕЙШЕГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ «ЯЧМЕНЯ»

'Ячмень' (*Hordeum* L.) является одним из древнейших культурных злаков. Первичный ареал культивирования 'ячменя' локализуется в Передней Азии и Северной Африке³, где именно и обнаруживается 'дикий

¹ Эта латинская форма может служить дополнительной иллюстрацией правил распределения придыхательных и непридыхательных аллофонов индоевропейских фонем серии Π в итальянском в последовательности "придыхательный" — "непридыхательный" в отличие от греческого распределения "непридыхательный" — "придыхательный", см. выше, стр. 26.

² Сходное слово обнаруживается и в албанском в форме *eṛ* 'ячмень'. Предполагается и наличие соответствующего слова в иранском в форме **arba-*, откуда др.-тюрк. *агра* 'ячмень' с многочисленными производными уже в древнетюркском: *аграла-* 'кормить ячменем', 'задавать ячменя' (лошадям), *агралан-* 'получить ячмень' и др. ('Древнетюркский словарь', 1969 : 53), ср. *Vasmer 1921 : 16* и след.

³ Характерно обилие терминов для 'ячменя', выражающих, очевидно, различные его виды, в древнеегипетском: *it*, *'nh.t*, *šm'j*, *šr.t*, *k3m.wt.t* (*Erman/Grapow 1955, VI : 64*). Восстанавливается слово для 'ячменя' и в общесемитском: **šu'ār-(at-)*, *Fronzaroli 1969, VI : 296—297*.

ячмень' (*Hordeum spontaneum*), ср. Вавилов 1959—1965, V : 32—36, рис. 3; 112; Harlan 1976 : 92; Лисицына 1978 : 102 и след. Следы возделывания 'ячменя' известны во всех ранних земледельческих культурах Передней Азии после неолитической революции (начиная с десятого тысячелетия до н. э.) : в Иерихоне и Бейде, Палестине десятого—восьмого тысячелетий до н. э. (двурядный ячмень в шелухе), в древнем Западном Иране, в Чатал-Хююке VI тысячелетия до н. э. (шестирядный ячмень без шелухи), Helbaek 1964; Семенов 1974 : 22, 31 и след., 44; Renfrew 1969; Haudricourt/Hédin 1943 : 115—125.

В Европе 'ячмень' обнаруживается лишь в конце неолита и становится преобладающей культурой в Бронзовом веке (четвертое—первое тысячелетия до н. э., Кларк 1953 : 115). В микенской Греции 'ячмень' шел в пищу людям и служил зимним кормом для скота (Блаватская 1966 : 76).

3. «ПШЕНИЦА»

3.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ПШЕНИЦЫ»

Такой же древней земледельческой культурой, как 'ячмень', является 'пшеница' (*Triticum* L.) с тремя древнейшими разновидностями: диплоидной (с семью парами хромосом) с очагом доместикации в юго-восточной Турции, и двумя тетрапloidными (с четырнадцатью парами хромосом), из которых одна разновидность локализуется в Палестине и/или юго-восточной Турции, а другая (*Triticum timopheevi*) — на территории Грузии (Harlan 1976 : 91; Лисицына 1978 : 99 и след.). Ареал одомашнивания пшеницы частично совпадает с древней областью распространения ячменя.

Общеиндоевропейская основа в первоначальном значении 'пшеница' может быть восстановлена в форме *p^hl^hǵr-:

Греч. πῦρός 'пшеничное зерно', 'пшеница', гом. πύρο! 'пшеница'¹, πύρον 'хлеб', ср. др.-инд. p̥ṛga- 'пирог'², лит. pūraĩ, мн. ч. 'озимая пшеница', латыш. pūri 'озимая пшеница', прус. pūre 'плевел'; рус. ц.-слав. пыро 'полба', 'просо', сербо-хорв. p̥ir 'полба', словен. p̥ir 'полба', рус. пырей; др.-англ. furs 'пырей';

В германском, прусском и частично в славянском наблюдается сдвиг значения в сторону выражения словом 'сорных растений', растущих вместе с пшеницей, при замене названия 'пшеницы' новообразованиями.

В германских языках возникает новое слово, связанное с 'белым цветом' пшеницы : гот. hwaiteis, др.-англ. hwæte (англ. wheat), др.-в.-нем. weizzi (нем. Weizen), др.-исл. hveiti; в славянском и прусском новое слово для 'пшеницы' образуется в качестве производного от глагола со значением

¹ У Гомера πύρο! 'пшеница' перечисляется совместно с ζεια! 'полба' и κρι λευκόν 'белым ячменем' как 'злаки широких полей' (πιδίοιο εδρέος, ед. ч.), д 603—604. В другом месте "Одиссеи" 'пшеница' πύρο! выступает рядом с κριδα! 'ячменем' и 'виноградной лозой': ἀμπέλοι, ι 110.

² В древнеиндийском слово сохраняется лишь в переносном значении 'испеченного из пшеничной муки', ср. греч. πύρον, при утере первичного значения 'пшеница'.

‘толочь’, ‘тереть’: ст.-слав. *přšenica*, рус. *пшеница* при прус. *sompisinis* ‘хлеб из муки грубого помола’, др.-инд. *piṣṭām* ‘мука’, *piṣṭá-* ‘толченый’; ср. также лат. *triticum* ‘пшеница’ при *terō* ‘толку’, ‘мелю’.

3.2. АРЕАЛ ДРЕВНЕЙШЕГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ «ПШЕНИЦЫ». СВЯЗЬ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО НАЗВАНИЯ «ПШЕНИЦЫ» С ЕВРАЗИЙСКИМИ

Древнейшими очагами одомашнивания ‘пшеницы’ признаются области Передней Азии, где найдены дикие виды пшеницы. Особым разнообразием видов пшеницы выделяется Закавказье, где издревле сходилась большое число средиземноморских и западноазиатских видов и форм (Вавилов 1959—1965, III : 371—372, V : 20—32).

Именно из этого древнего переднеазиатского ареала происходит распространение ‘пшеницы’ и проникновение ее в Европу (в частности на Балканы из Малой Азии, Титов 1966 : 26, 27, 36; Renfrew 1969 : 152; Zohary 1969 : 59), где следы некоторых ее видов обнаруживаются уже в неолите (Кларк 1953 : 115). Вместе с культурой распространяются обозначающие ее слова. Этим и следует объяснить наличие созвучных с индоевропейским **p^[h]īr-* ‘пшеница’ слов в целом ряде неиндоевропейских языков Центральной Азии, в частности в тюркских языках и в монгольском: др.-тюрк. *buḡdaj* ‘пшеница’, узб. *bugdoj*, чув. *pāri* ‘полба’, ст.-монг. *buḡdaj*, монг. *buudai* ‘пшеница’.

Слово тем самым может быть квалифицировано как миграционный термин, охватывающий широкий круг языков Передней и Центральной Азии.

4. «ПРОСО», «РОЖЬ», «ОВЕС»

4.1. ДИАЛЕКТНЫЕ НАЗВАНИЯ «ПРОСА», «РЖИ», «ОВСА»

В качестве диалектных названий злаков, ограничивающихся узкими диалектными общностями, следует рассматривать термины для ‘проса’, ‘ржи’ и ‘овса’. Эти слова нужно считать новообразованиями, возникшими в сравнительно позднее время после обособления отдельных диалектных групп.

Слово для ‘проса’ при всей его диалектной ограниченности обнаруживает архаическую форму и связь с первичной индоевропейской основой **mel-* ‘тереть’, ‘размалывать’: греч. *μᾶλινη* (слово отсутствует у Гомера), лат. *miliūm*, лит. *málnos*, мн. ч. ‘зерна проса’.

Любопытно отметить, что просо (*Panicum miliaceum* L.) как культурный злак проникает в Европу уже в неолите через Центральную Азию, Северное Причерноморье и Балканы (Семенов 1974 : 23; ср. Вавилов 1959—1965, V : 40—42).

Слово для ‘ржи’ **urug^[h]jo-* обнаруживается только в ‘древнеевропейских’ диалектах: др.-исл. *rigr*, др.-англ. *ryge* (англ. *rye*), др.-в.-нем. *rokko* (нем. *Roggen*); лит. *rugj̄s*, латыш. *rudzis*, др.-рус. *рѣжь*, рус. *рожь*.

4.2. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О РАСПРОСТРАНЕНИИ «РЖИ» И «ОВСА»

Как культурный вид злака 'рожь' (*Secale cereale* L.) появляется значительно позднее 'ячменя' и 'пшеницы', в Европе не ранее эпохи бронзы (IV—I тысячелетия до н. э.) и к концу этой эпохи заменяет 'пшеницу' в более северных районах Европы (Семенов 1974 : 23). К этому времени можно отнести и образование слова для 'ржи' в "древнеевропейских" диалектах.

Исторически культурные виды 'ржи' возникли из сорных растений, растущих вместе с пшеницей. След такого происхождения 'ржи' сохраняется в назывании этой культуры в целом ряде азиатских языков как 'растение, терзающее ячмень или пшеницу' (Вавилов 1959—1965, V : 61).

Другим видом культурных злаков, возникших из сорных растений и растущих вместе с пшеницей, является 'овес', название которого также ограничено "древнеевропейскими" диалектами: лат. *aviēna*, лит. *avižā*, латыш. *āiža*, прус. *wyše*, др.-рус. *овѣсь*, рус. *овес*.

'Овес' (*Avena* L.) считается преимущественно европейским злаком, в культивируемой форме найденным только в поселениях железного века (около середины первого тысячелетия до н. э.), Семенов 1974 : 23. К тому же времени можно приурочить примерно соответствующее название 'овса' в "древнеевропейских" диалектах.

5. «ЛЕН», «КОНОПЛЯ»

5.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ЛЬНА»

Индоевропейское слово для 'льна' **l̥no-* представлено этимологически достоверными формами в греческом, балто-славянском и латинском:

Греч. *λίνοϋ* 'лен', 'нить', 'полотно' (у Гомера); лит. *līnāī*, мн. ч. 'лен', латыш. *līni*, мн. ч., прус. *lyppo* 'лен'; ст.-слав. *līnъnъj* 'льняной', рус. *лен*, польск. *len*; лат. *linum* 'лен'. Заимствованием из латинского считаются алб. гег. *līni*, тоск. *liri* 'лен'; гот. *lein* 'холст', др.-в.-нем., др.-англ. *līn* 'лен', а также др.-ирл. *līn* 'сеть', валл. *llin* 'лен'; отличную огласовку, однако, показывает валл. *lliaïn* 'полотно' (Pokorný 1959 : 691).

Нет, однако, формальных оснований считать кельтские и германские формы (с долгим *ī*) заимствованными из латинского при допущении искоинного характера балто-славянских форм (с кратким *ī*). Допущение заимствования этих форм из латинского мотивируется скорее соображениями культурно-исторического характера, чем формально-лингвистическими данными.

5.2. ТЕРРИТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ «ЛЬНА»; ХОЗЯЙСТВЕННАЯ И МИФОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ «ЛЬНА» У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Культура 'льна' (*Linum usitatissimum* L.) с глубокой древности известна в Египте, где 'лен' выращивали уже в неолите Фаюма и Бадари. Льняные ткани в Египте известны уже с первых династий. 'Лен', считавшийся

специфически средиземноморской культурой, обнаруживает уже в древности гораздо более широкий ареал распространения от Малой Азии до Индии. Не исключено, что культурные формы 'льна' и в Египет пришли из Западной Азии. Характерно, что уже достаточно рано египетские виды 'льна' стали отличаться от западноазиатских (Вавилов 1959—1965, V : 42—54; Семенов 1974 : 29).

Способы приготовления волокон 'льна' для пряжи в древней Европе совпадают со значительно более ранними египетскими, в чем видят свидетельство распространения культуры 'льна' в Европе с Ближнего Востока (Кларк 1953 : 235 и след.)¹.

'Лен' уже с древнейших времен играет существенную роль в качестве материала для приготовления тканей. В древних культурах 'лен' используется в хозяйстве параллельно с 'шерстью', позднее в культурах с менее развитым овцеводством даже вытесняя 'шерсть'. 'Шерсть' заменяется 'льном', на который переносятся соответствующая техника изготовления тканей и мифологические представления, связывавшиеся ранее с 'шерстью'².

Судя по диалектному распределению слова для 'льна' (греческий, балто-славянский, латинский, а, возможно, также кельтский и албанский), форму **lino-* следует считать древним индоевропейским образованием, отразившимся в большинстве индоевропейских диалектов в значении 'лен', 'полотно', 'льняная нить'.

5.3. ЗАМЕНА НАЗВАНИЯ «ЛЬНА». МИГРАЦИОННЫЕ ТЕРМИНЫ ДЛЯ «КОНОПЛИ»

Такое допущение предполагает утерю этого слова в ряде других древних индоевропейских диалектов, и в частности в индо-иранском, где произошла замена исконного слова новообразованиями в значении 'льна' или близкого к нему растения. Таким новообразованием в иранском служит, очевидно, слово для 'конопли' (*Cannabis sativa* L.), волокна которой, так же как и волокна 'льна', широко применялись в определенных ареалах Центральной и Восточной Азии для изготовления тканей.

Дикая 'конопля' известна в большом количестве на Северном Кавказе, Закавказье, в Средней Азии, на Алтае и в Западной Сибири. Ее культивацию связывают с кочевыми культурами (Вавилов 1959—1965, V : 81—90). Согласно Геродоту, до V в. до н. э. 'конопля' (*κάνναβις*) не была известна в античной культуре; греки с ней познакомились через скифов.

Термин для 'конопли' возникает как диалектное слово (возможно, миг-

¹ Любопытно, что рассматриваемое индоевропейское слово для 'льна' **lino-* не обнаруживает сходства ни с одним из многочисленных слов для 'льна' в египетском.

² Ср. уже у Гомера 'нить жизни' *λίον*, которую прядут и разрезают женские богини (У 128). Аналогичные представления связаны с 'льном' и в славянской мифологии: восточнославянская богиня *Мокошь* связывается запретами прядь в определенные дни не только 'шерсть', но и 'лен', Иванов/Топоров 1965 : 20.

рационального происхождения) в индо-иранском, вытесняя слово *īno- в значении 'льна', и распространяется по многим языкам Евразии)

Особенно широко представлено слово для 'конопли' в иранских языках: хотанско-сакск. *kumbā, kāmbā*, согд. *kyrp'*, хорезм. *knb*, перс. *kanab, kana*, осет. *gæn||gænæ* 'конопля', *kættag* 'полотно' (словосложение из *kæn- 'конопля', 'лен' + -tag, *Абаев 1958, I : 513, 590—591*).

В древнеиндийском и авестийском древнее слово для 'конопли' можно видеть в видоизмененной форме (с метатезой) в авест. *banha-* 'наркотик, приготовляемый из конопли', 'гашиш', др.-инд. *bhaṅgā* 'гашиш', 'конопля', ср. *Schrader/Nehring 1917—1923, I : 441; 1929, II : 645; Mayrhofer 1963, II : 461*.

Наряду с этой формой в древнеиндийском засвидетельствовано и другое название 'конопли' *śaṅā-*, которое сопоставляется с названиями 'конопли' в иранских языках с начальным велярным; такие дублетные формы на *ś-* и *g-/k-* можно объяснить при допущении дублетных исходных форм с палатализованным и непалатализованным начальным велярным. *Satəm*-ную форму этого слова отражает, вероятно, и скифско-осетинское **san-* в значении 'опьяняющего, одурманивающего напитка', 'вина' (при параллельном варианте слова с непалатализованным велярным в осет. *gæn* 'конопля')², ср. *Mayrhofer 1976, III : 292*.

Такие же колебания отражены, вероятно, в скифском *σαυάπια* 'мѣдусои', 'пьяные'; *σάυαπτις* 'σάυαπότης'. *Σάβδα* 'винопийца' при скиф. *καυαβρις* 'конопля' (ср. *Абаев 1949, I : 170, 180*).

Древнее миграционное слово для 'конопли' обнаруживает наряду с

¹ Практика приготовления наркотика-гашиша из дикой конопли была, очевидно, распространена в более южной части Центральной Азии, где по мере продвижения на юг увеличивается содержание наркотического вещества в растении, *Вавилов 1959—1965, V : 89; ср. Семенов 1974 : 29*.

В других иранских языках то же слово, происшедшее благодаря метатезе (возможно, табуистического характера) из первоначального названия 'конопли', лежит в основе согд. *βу'пу* 'хмельной напиток', хорезм. *bakaṅji* 'пиво', перс. *bagṅi* 'напиток из риса, проса или ячменя', осет. *bægəny || bægəni* 'пиво'. Исходное значение всех этих слов должно было быть 'наркотик, приготовляемый из конопляного семени', с дальнейшими переносами на различные виды опьяняющих напитков, *Абаев 1958, I : 245*. Иранское слово заимствуется и в древнетюркский: др.-тюрк. *bekni* 'пиво, брага, алкогольный напиток из пшеницы, проса или ячменя', ср. *bekmäs* 'виноградный сироп', "Древнетюркский словарь", 1969 : 92.

² Связь скифско-осетинского слова для 'вина' **san-* с первоначальным названием 'конопли' (ср. др.-инд. *śaṅā-* 'конопля') можно объяснить практикой изготовления опьяняющего вещества-наркотика из 'конопли', широко распространенной в Центральной Азии, где были богаты заросли дикой конопли. Перенос значения 'одурманивающее вещество', 'наркотик' → 'вино', 'опьяняющий напиток' легко объясним по воздействию этих возбуждающих средств на человека. В этом отношении весьма характерны значения, выражаемые осетинскими словосложениями с *sæp-* в первоначальном его смысле: *sæntzurdæj* 'в мечтаниях', 'в бреду', *sæntzurd* 'безумно, безрассудно говорящий', *sænt-*

колебаниями начального велярного также и варианты основы с конечным лабиальным и без лабиального: ср., с одной стороны, народно-лат. **caparis*, **capnaris* (отраженное в рум. *săperă* 'конопля', итал. *săpara*), др.-исл. *hampr*, др.-англ. *hæper*, др.-в.-нем. *hanaf* (нем. *Hanf*), рус. *конопля*, польск. *konop*, болг. *коноп*, хорезм. *knb*, хотано-сакск. *kāmbā*, *kumbā*, согд. *кунр'*, перс. *kanab*; с другой стороны, др.-в.-нем. *hana*, др.-инд. *śaṇá-*, перс. *kana*, осет. *gæn* 'конопля', *sæn* 'вино'.

Миграционный характер термина для 'конопли', объясняющий несводимость друг к другу приведенных индоевропейских диалектных форм, проявляется и в наличии слова в широком круге языков Евразии: ср. аккад. *kinib(h)u* 'вид гороха'(?), см. *Soden 1965—1981, I: 507*, сван. *кан*, абх. *a-k'ənə* 'конопля', груз. *k'anap-* 'конопля', 'веревка', др.-тюрк. *ken-dir* 'конопля', казах., туркм. *kenär* 'конопля', марийск. *кәпә* 'конопля'.

Форма в разных ее вариантах представляется древним индоевропейским диалектным образованием.

III. РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР. КУСТАРНИКИ, ТРАВЫ

1. «ВЕРЕСК»

1.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ВЕРЕСКА»

Древнее индоевропейское слово для обозначения вечнозеленого кустарника 'вереска' отражается по диалектам в виде производных от корня **uer-*. Судя по диалектному распределению слов для 'вереска' (греческий, балто-славянский, кельтский), индоевропейское название может считаться древним образованием, восходящим к хронологическому уровню ранней диалектной общности в пределах индоевропейского языка:

Греч. (F) *ερεϊκη* 'вид вереска', др.-ирл. *froech*, валл. *grug* 'вереск' (**uroj-khlō-*), лит. *viržės* 'вереск', латыш. *viřzis* 'вереск'; рус. *верес*, *вереск*.

1.2. ТЕРРИТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ «ВЕЧНОЗЕЛЕНОГО КУСТАРНИКА», «ВЕРЕСКА»

К семейству вересковых (*Ericaceae*) относится множество разновидностей вечнозеленых кустарников, растущих в различных климатических поясах — от северных арктических районов до субтропиков и горных областей тропиков. Определить, какую (или какие) из этих многочисленных разновидностей могло обозначать древнее индоевропейское слово, не представляется возможным. По наличию этого слова можно судить только о

zogæg 'говорящий безумно', 'безумный', *Миллер/Фрейман 1927—1934, II: 1059*. При миграции восточных иранцев-скифов в западном направлении название наркотика-гашиша **sal-* переносится на виноградное вино, которое в местах исторического поселения племен, говоривших на осетинских диалектах, являлся важнейшим опьяняющим напитком (ср. др.-тюрк. *бекпй* 'пиво, брага, алкогольный напиток' и *бектās* 'виноградный сироп' — с переносом значения).

знакомстве носителей древних индоевропейских диалектов с различными видами вечнозеленых цветущих кустарников¹ / см. Алексеев и др. 1971, 1 : 94—98).

2. «РОЗА», «ШИПОВНИК»

2.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «РОЗЫ», «ШИПОВНИКА»

Индоевропейское название для 'розы' предполагается в форме с чередованием **urot*'-, **urt*'-. Несмотря на диалектную ограниченность названия (греческо-иранский, латинский), слово по схеме диалектного членения может считаться древним индоевропейским образованием:

Греч. *ῤοδον* 'роза' (ср. у Гомера: *ῤοδο-δάκτυλος* 'розо-перстый', *ῤοδόμενος* 'розовый' о масле); авест. *varəda-* 'роза', *Bartholomae 1904 : 1369* (ср. арм. *vard* 'роза', груз. *vard-* 'роза'), перс. *gul* (откуда др.-тюрк. *gül* 'цветок', 'роза'); лат. *rosa* < **urod-ia* (отсюда заимствования в различные языки Европы: др.-в.-нем. *rōsa*, нем. *Rose*, др.-англ. *rose*, англ. *rose*, чеш. *ruže*, польск. *roża* 'роза' и др.).

Индоевропейский характер названия 'розы' согласуется с возможностью соотнесения его с индоевропейской основой **ur(ā)t*'-/**ur(o)t*'- в значении 'ветка', 'корень': греч. *ῤάδιξ* 'ветвь' (ср. лат. *rādix* 'корень'), *ῤάδαμνος*, эол. **ῤρόδαμνος* 'побег'; др.-ирл. *frén* 'корень' (**urt-no-*), гот. *wairtis* 'корень', др.-в.-нем. *wurz* 'трава', 'растение', 'корень'; др.-исл. *urt* 'трава'.

Предполагаемое для индоевропейского название розы **urot*'-/**urt*'- могло означать как культурное растение, из цветов которого получали 'масло', так первоначально и дикую 'розу', 'шиповник' — очень широко распространенное в Передней Азии растение типа кустарника (*Rosa pimpinellifolia*; *Rosa foetida*), плодоносящее и на больших высотах — до 3700 м (ср. Вавилов 1959 — 1965, I : 204, 343, 352; Берг 1955 : 225, 228, 257).

3. «МОХ»

3.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «МХА»

Индоевропейская основа **m(e)us*- с производными образует группу слов с кругом значений 'мох', 'болотное растение', 'плесень'²:

¹ Поэтому не представляется возможным придавать индоевропейскому слову значение одного вида 'вереска' и по границам распространения этого вида 'вереска' делать заключения о территории распространения общеиндоевропейского языка, см. *Март 1968 : 248 и карту на стр. 226*. Характерно, что уже в исторических языках производные от корня **uer-* передают совершенно различные виды, что было давно замечено в классической филологии при установлении значения греч. поэт. *ἔρεικη* (название вида вереска с толстым стеблем, существенно отличного от североевропейского вереска *Calluna vulgaris*).

² Различные виды растений, относящихся к 'мхам', распространены в северных и лесных районах Евразии, а также в горных и высокогорных частях более южных областей.

Др.-англ., др.-в.-нем. *mos* 'мох', 'болото' (нем. *Moos*), др.-исл. *most* 'мох', 'болото'; др.-в.-нем. *mios*, др.-англ. *mēos* 'мох', др.-исл. *mýrr*; лит. *mūsaĩ*, мн.ч. 'плесень'; др.-рус. *мъхъ* 'мох', рус. *мох*, сербо-хорв. *māh* 'плесень';

Лат. *mūscus* 'мох'; др.-инд. *musta-* 'осока', 'болотная трава', арм. *tamur* 'мох' (с редупликацией).

Индоевропейская форма засвидетельствована явными примерами в "древнеевропейских" диалектах (включая и латинский). Более широкую диалектную общность для соответствующих слов можно предположить в случае этимологической соотнесенности с этой группой слов др.-инд. *musta-* и арм. *tamur*, показывающих несколько отличный тип образования.

ОКРУЖАЮЩАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА, КЛИМАТ. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ НЕБЕСНЫХ ТЕЛ

1. ОБОЗНАЧЕНИЕ ЯВЛЕНИЙ НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ

1.1. РЕКОНСТРУКЦИЯ КАРТИНЫ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ ПО ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Проанализированные индоевропейские названия животных и растений позволяют восстановить в первом приближении картину животного и растительного мира, окружавшего “древних индоевропейцев”. Часть этих названий удастся реконструировать не для эпохи единства индоевропейских диалектов, а для более поздних диалектных общностей, образовавшихся в результате членения общеиндоевропейского языка. Тем самым полученная картина животного и растительного мира древних индоевропейцев мыслится как известная им совокупность фауны и флоры, меняющаяся в зависимости от переселений носителей отдельных индоевропейских диалектных общностей на территории их позднейшего обитания.

Реконструкция древнейших индоевропейских названий, относящихся к неживой природе, позволяет восстановить фрагменты картины той географической среды, в которой приходилось обитать “древним индоевропейцам” в эпоху существования общеиндоевропейского языка. При этом такая реконструкция дает возможность восстановить некоторые названия, соотносимые с эпохой общеиндоевропейского языка, и новообразования более позднего времени, возникшие в отдельных диалектных общностях после членения исходной языковой системы.

2. ОБОЗНАЧЕНИЯ ЛАНДШАФТА

2.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ГОРЫ»

Общеиндоевропейское слово для ‘горы’, ‘вершины’ восстанавливается как чередующаяся основа ***Нек**^oг- / ***Нк**^oе/ог- / ***Нк**^oг- :

Хет. *hekur* ‘вершина скалы, горы’, др.-инд. *ágra-* ‘вершина’, ‘верх’, ‘верхний край’, ‘начало’ (в “Ригведе” в противоположность *budhná-* ‘низший’, ‘внизу’, *mádhyā-* ‘в середине’, ‘средний’), авест. *agra-* ‘вершина’, ‘начало’, ‘первый’, ‘верхний’, латыш. *agrs* ‘ранний’: и.-е. ***Нек**^oг-¹;

¹ Обращает на себя внимание фонетическая близость этой индоевропейской основы в разных ее аблаутных проявлениях с шумерским названием ‘горы’, ‘горной страны’ *kiĝ*.

Греч. *δειρός* 'холм' (*Гесихий*), *δειράς*, крит. *δηράς* 'холм', 'возвышенность', гом. *βορέης* 'борей', 'северный ветер' (из *βόρειος* 'монтанус', 'горный', *Schwyzler 1939, I: 461*; форма с огласовкой *o); фрак. *Ἰπερ-βορέοι* 'живущие по эту сторону горы, гиперборейцы'; ст.-слав. *gora* 'гора', *gorě* 'верх', рус. *гора*, сербо-хорв. *gòra* 'гора', 'лес', болг. *гора* 'лес', прус. *garian* 'дерево': и.-е. *Hk²⁰e/or-;

Др.-инд. *giri-* 'гора', авест. *gairi-* 'гора', алб. *gur* 'скала', 'камень', лит. *girià, girė* 'лес', латыш. *dzīra* 'лес': и.-е. *Hk²⁰r-i-.

Характерен семантический сдвиг 'гора' ⇒ 'лес' ⇒ 'дерево', обнаруживаемый в балтийских и некоторых славянских формах. Носители балтийских диалектов, оказавшиеся в условиях негористой местности, переносят первоначальное значение 'гора' на 'лес' и 'дерево', очевидно, через промежуточную ступень 'горный лес'. К аналогичному семантическому сдвигу: 'гора' ⇒ 'лес' ср. типологически др.-тюрк. *taγ 'гора'* при якут. *təa 'лес'*, саам. *varr* 'гора', 'лес' при эрзя-мордов. *vir* 'лес', япон. *jama* 'гора', диал. *jama* 'лес' (ср. *Мурзаев 1967; Поливанов 1928: 32*).

Этимологическая связь хет. *ḫekur* 'вершина' с др.-инд. *giri-* 'гора' подкрепляется наличием родственных словосочетаний (возможно, с уже частично разошедшимися значениями), которые отражают словосочетания общеиндоевропейской древности: ср. др.-инд. вед. *párvata-giri-* и хет. *ḫekur Pirça-*.

В "Ригведе" *párvata-* в сочетании с *giri-* употребляется в атрибутивной функции в значении 'мощная (скалистая) гора'—древнее асиндетическое сочетание двух существительных в первоначальном значении 'скала-гора' (ср. *párvata-* 'гора', 'скала'). В хеттском сочетании *ḫekur Pirça-* с этимологически соотносимыми составными элементами должно было первоначально выражать аналогичное значение 'скалистая вершина' (возможно, обожествляемая, см. выше, стр. 615), ср. *Imparati 1977*.

В ведийском *párvata-* 'гора', 'скала' сочетается в аналогичной атрибутивной функции также с другим древнеиндийским названием 'скалы' *ádri-*: *párvata-ádri-* 'мощная скала' (буквально: 'гора-скала'). Сопоставление др.-инд. *ádri-* с кельтским названием 'скалы', 'горы' (ср.-ирл. *ond, onn*) позволяет реконструировать древнюю индоевропейскую праформу *ont²-/*nt²- в значении 'горы', 'скалы', 'камня' (ср. *Pokorny 1959: 778*), которая по схеме диалектного членения (индо-арийский, кельтский) должна быть признана общеиндоевропейской.

В тех же периферийных диалектах обнаруживается еще одна индоевропейская основа *m(e)n-t[h]- в значении 'горы', 'возвышенности': авест. *mati* 'предгорье', лат. *mōns, rod. nad. montis* 'гора' (ср. *mentum* 'выступ', 'подбородок'), др.-брет. *-monid*, валл. *tynydd*, корн. *meneth*, брет. *menez* 'гора'¹.

¹ Ср. одно из египетских слов для 'горы' mn.(tj), сходное с индоевропейским *m(e)n- (*Erman/Grarow 1955, II: 69*). С тем же индоевропейским корнем *men- в значении 'возвышаться', 'выделяться' (*Pokorny 1959: 726*) связана, очевидно, основа *molo- 'шея': др.-

2.2. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ВЫСОКИХ ГОРАХ» У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Существенной особенностью древних индоевропейских представлений о 'горе' и 'скале' является огромная высота 'гор', возвышающихся до небес. С этим и должно быть связано возникновение общиндоевропейского образа 'каменного неба'. В индоевропейском само слово 'камень' означает также и 'небо', мыслимое как 'каменный свод': ср. др.-инд. *aśman-* 'скала', 'каменное орудие', 'каменный молот', 'камень Громовержца', 'небо'; ср. авест. *asman-* 'камень', 'небо'.

След аналогичного словоупотребления еще сохраняется в греческом, где *ἄσμιον*, этимологически родственное др.-инд. *aśman-*, авест. *asman-* в значении 'наковальня из камня', относится и к 'небу' (*ἄσμιον ὁ οὐρανός*). Характерно, что у Гомера Зевс подвешивает к ногам Геры, висящей с неба головой вниз, 'две наковальни' (*ἄσμιονας δύο*, О 19), то есть два огромных камня, ср. Reichelt 1913.

Родственные слова в значении 'камень' в некоторых других индоевропейских диалектах относятся к 'камням' бога-Громовержца, который с неба бросает их на землю: ср. лит. *Perkūno akmiņ* 'камень Перкунаса', польск. *kamień piorunowy* 'камень Перуна'. Образ самого бога-Громовержца, обитающего на небе на высокой скале в балтийско-славянской мифологии, является отражением именно этих общиндоевропейских представлений о 'каменном небе' и 'скалах, достигающих небес'.

2.3. СВЯЗЬ «ГОРЫ» С «ТУЧАМИ», «ОБЛАКАМИ» В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

С тем же образом 'высоких гор' связано и древнее индоевропейское представление о 'тучах' и 'облаках' как 'горах' (Потебня 1914 : 176) и о 'дожде', посылаемом божеством гор.

Характерно, что в "Ригведе" общиндоевропейские слова в значении 'гора', 'скала' *párvata-*, *giri-*, *ádri-* означают в то же самое время и 'тучу', 'облако'. В старолатышском ритуале вызывания дождя во время засухи к древнему богу горы Перкуну обращаются с молитвой на холмах в густых рощах (Иванов/Топоров 1974 : 9).

Сочетание значений 'горы' и 'облака', 'тучи' в одном слове, объясняемое особенностями конкретного ландшафта ('высокие горы, достигающие облаков'), представляет собой семантическую многозначность того же типа, что и в индоевропейской основе **nebh1-* со значениями 'небо', 'туман', 'облако', 'туча', отражающую некоторую физическую реальность (частое состояние 'неба' с 'облаками' и 'тучами'), ср. др.-инд. *nábhaḥ* 'облако', 'тучи', 'небо', 'воздушное пространство'; латыш. *debess* 'небо', 'туча'.

α α

инд. *śápuā* 'шея' (ср. митан. армянск. *šapí-npi-* 'ожерелье'), авест. *šapaodgī-* 'шея', лат. *popile* 'ожерелье', др.-ирл. *shíneí* 'шея', *for-tnae* 'плечо' (буквально: 'пред-шея'). К типологии сходных переносов значений ср. груз. *ked-i* 'шея', 'горный хребет'. О назывании элементов ландшафта по названиям частей тела см. подробнее ниже.

Такая первоначальная многозначность индоевропейской основы *neb^[h]- преобразуется в большинстве исторических диалектов в сторону сохранения одного из двух значений. В одних диалектах основа *neb^[h]- отражается в значении 'небо' при появлении специальных слов для обозначения 'облака', 'тучи'. в других диалектах это же слово сохраняется в значении 'облака', 'тучи' при создании специальных слов, обозначающих 'небо'.

Ср. хет. *periš* 'небо' (при *alpa-* 'туча'); авест. *nabañ-* 'небо', 'воздушное пространство' (при *awra-* 'облако', 'дождь'); ст.-слав. *nebo*, род. п. *nebesa* 'небо', рус. *небо*;

Греч. *νέφος* 'туча', 'туман', 'мгла', *νεφέλη* 'туча', 'туман' (при *οὐρανός* 'небо'), лат. *nebula* 'туман', 'туча', 'облако' (при *caelum* 'небо'), др.-ирл. *nél* 'туча', 'туман', др.-в.-нем. *nebul* (нем. *Nebel*) 'туман', др.-англ. *nifol* 'туман', 'мгла' (при др.-в.-нем. *himil*, нем. *Himmel* 'небо', др.-англ. *heofon*, англ. *heaven* 'небо'), лит. *debesis* 'туча' (при *dangùs* 'небо').

Таким образом, семантическая многозначность слов скругом значений 'гора', 'облако', 'туча' (параллельная семантической многозначности 'небо', 'облако', 'туча') отражает реальную картину ландшафта древних индоевропейцев: у вершин 'высоких гор' собираются 'тучи', чем и можно объяснить семантическую связь этих значений, прослеживаемую в древних индоевропейских традициях.

24. ОБОЗНАЧЕНИЕ «ГОРЫ» КАК «ВЫСОКОЙ»

Слова в значении 'гора' в древних индоевропейских диалектах часто сочетаются с атрибутивными производными от основы *b^[h](e)rg^[h]- в значении 'высокий', образуя с ними единую лексическую синтагму.

Такое словоупотребление хорошо еще сохраняется в анатолийских языках: ср. хет. *parku-* 'высокий' в *parga(m)uš* HUR.SAG^{MES}-uš, *вин. пад. мн. ч.* 'высокие горы', KUB XXXIII 9 Vs. II 7, лув. *parrat-* 'высокий' в сочетании *parrajanza* HUR.SAG^{MES} 'высокие горы', KUB XXXV 45 II 5 (ср. *Laroche 1963*).

В "Ригведе" такое же словосочетание образует производное от той же индоевропейской основы *bṛh-ánt-* в значении 'высокий' с обозначением 'горы' *párvata-*: ср. *bṛhatás párvatāt*, *отлож. пад. ед. ч.* 'от высокой горы', *bṛhatás párvatān*, *вин. п. мн. ч.* 'высокие горы' и др.²; ср. арм. *lerna-berj* 'высокий как гора' (при *erkna-berj* 'высокий как небо').

¹ Поэтому не представляется возможным реконструировать для основы *neb^[h]- первичное значение 'небо' со сдвигом в сторону 'облако', на чем основывается предположение о "переселении индоевропейцев из области континентального климата в область умеренного климата" (в зависимости от появления туч на небе, ср. *Brandenstein 1952 : 24 и след.*). Такое заключение неприемлемо уже на том основании, что формы, восходящие к основе *neb^[h]-, выражают значения 'небо' и 'облако', 'туча' порознь в близкородственных диалектах, распространенных примерно в одинаковых климатических условиях.

² Любопытно, что *bṛhánt-* в значении 'высокий' употребляется в словосочетаниях только с названиями 'горы' и 'неба' (многократно в "Ригведе", ср. *bṛhántam dyám*, *вин. пад. ед. ч.* 'высокое небо' и др.).

Такое архаическое употребление основы *b^hl^herǵ^hl- в атрибутивном значении 'высокий'¹ в сочетании с названиями 'горы' приводит в ряде случаев к субстантивации производных от этой основы и к выражению ими значения собственно 'горы': 'высокая гора' ⇒ 'высокая', 'высота' ⇒ 'гора':

Авест. *bərəzant-* 'высокий' (перс. *buland*), *bərəz-* 'высокий', 'высота', 'гора' (перс. *burz* 'гора'), *barəzah-* 'высота', *barəšnu-* 'высота', 'возвышенность', 'небо', осет. *bærzond* 'высокий', 'высота', 'гора'; арм. *-berj* 'высота'; ср. *barjr* 'высокий';

Галл. *Brigantes*, Βρίγαντες этноним 'бриганты' (буквально: 'горцы'), др.-ирл. *brí* 'гора', *Brigit* (женское божество); ср. *Vendryès 1948 : 271; de Vries 1961 : 80;*

Гот. *bairgahei* 'горная местность', др.-исл. *bjarg*, др.-в.-нем. *berg* 'гора' (нем. *Berg*), др.-англ. *beorh*, *beorg* 'гора'; в германском эти новые названия 'горы' заменяют исчезнувшие первичные названия 'горы'.

2.5. ОБОЗНАЧЕНИЯ «ГОРЫ», «ВОЗВЫШЕННОСТИ»

В индоевропейском можно постулировать еще одно слово в значении 'горы', 'возвышенности', образованное от корня *k^hl^hel- :

Хет. *kalmara-* 'гора'² (*k^hl^hl^h-mor-o-), лат. *culmen*, *columen* 'вершина', 'верхушка', *columna* 'колонна' (*k^hl^hl^h-men-), *collis* 'холм' (*k^hl^hl^h-ni- или *k^hl^hol-ni-); ср.-ирл. *coll* 'глава' (*k^hl^hol-n-), ср. ст.-слав. *čelo* 'чело, лоб'; др.-англ. *hyll*, англ. *hill* 'холм' (*k^hl^hl^h-ni-), др.-исл. *holmr* 'островок' (*k^hl^hol-m-); лит. *kálnas* 'гора', латыш. *kalns* 'гора'; греч. гом. *κολώνη* 'пригорок', 'холм', *κολοφών* 'вершина'.

Наличие в хеттском формы *kalmara-*, этимологически соотносимой с рассмотренной группой слов "древнеевропейских" диалектов, а также греческого, удостоверяет общиндоевропейский характер производных от корня *k^hl^hel- в значении 'горы', 'возвышенности'.

2.6. РАЗВЕТВЛЕННАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ, ОБОЗНАЧАЮЩАЯ «ГОРЫ» В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Таким образом, в общиндоевропейской лексике выделяется особая группа слов в значении 'гора', 'скала', 'возвышенность'. Это, в первую очередь, основа *p^hl^her(k^hl^ho)u- 'гора', 'горный дубовый лес', 'скала', см. выше, стр. 613 и след., выступающая в сочетаниях с другими названиями 'горы', 'скалы' в атрибутивной функции со значением 'высокий', 'мощ-

¹ Первоначальное грамматическое значение индоевропейской основы *b^hl^herǵ^hl- можно определить как глагольное: 'подниматься', 'вставать', 'быть высоким', что отражается в некоторых архаичных производных типа вед. *bḡh-*, тох. А, В *pārk-* 'подниматься', 'вставать' (о солнце), хет. *paḡkeš-* 'подниматься' и др. (ср. выше, стр. 296 и след., об архаичном типе глагольных образований, выражающих атрибутивный признак или состояние). Соответственно общиндоевропейская основа на *-ni^hl- от того же корня (др.-инд. *bḡhānt-* 'высокий', авест. *bərəzant-* и др.) представляется как древнее причастное образование, ср. тох. А *-pārkānt* 'встающий' (о солнце).

² Значение 'гора' предполагается на основании отождествления хет. *kalmara-* с шумерограммой *ḪUR. SAG-g(i)*, аккад. *ḫuršānu* 'горы' (*Friedrich 1952 : 96; Meriggi 1953*).

ный' (ср. в аналогичной атрибутивной функции в значении 'большой', 'высокий' основу *b^hlerǵ^hl-, фонетически с ней соотносимую); далее — это основа *Hk^o(e/o)r-, дающая рефлексы по всем основным древним индоевропейским диалектам, и производные от *k^hlel-, сохранившиеся в "древне-европейских" диалектах, анатолийском и греческом; а также формы *(o)nt'- и *mpt^hl-, сохранившиеся в крайних периферийных индоевропейских диалектах.

При этом 'гора' мыслится как 'достигающая неба каменная громада', вершина которой скрывается в 'тучах'. Естественно допустить, что такая разветвленная горная лексика и связанные с ней представления могли возникнуть лишь в условиях обитания в горных областях.

3. ОБОЗНАЧЕНИЯ «ВОДНЫХ БАССЕЙНОВ»

3.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «РЕКИ», «ПОТОКА»

Первичное индоевропейское слово для 'реки' как 'потока' восстанавливается в форме *Hap^hl-, отраженной в основных древних индоевропейских диалектах:

Хет. *ḫara-* 'река', 'поток' (шумерограмма \overline{ID} 'река'); пал. *ḫarnaš* 'река' (Watkins 1973a); др.-инд. *āp-* 'река', *āraḥ* 'воды', авест. *āfš* 'поток', лат. *amnis* 'поток', др.-ирл. *ab* 'поток' (см. выше, стр. 72₁ об этой группе слов и их фонетической соотношенности); прус. *ape* 'ручей', 'речушка', лит. *ùpė*, латыш. *upe* 'река'.

3.2. ОБОЗНАЧЕНИЕ «РЕКИ» КАК «БЫСТРОТЕКУЩЕЙ»

Индоевропейское слово *Hap^hl-, относившееся к активному классу имен, обозначало, очевидно, 'быстротекущую реку', 'поток'. На это может указывать реконструируемое индоевропейское словосочетание *Hap^hl-os *t^hlek^hl^o-. (ср. авест. *āpō tačinti* 'воды текут', *tači-āp-* 'текущая вода', пал. *ḫarnaš ni tekanza* 'река не текущая', Watkins 1972 : 112; латыш. *strauja upe tēk* 'быстрая река течет', ср. *upes tēka* 'русло реки'). В этом словосочетании индоевропейский глагол *t^hlek^hl^o- обозначал первоначально 'быстрое течение', 'стремительный поток', что можно видеть в семантике таких рефлексов этой формы в исторических языках, как др.-инд. вед. *tākti* 'спешит', 'стремится' (о реках, птицах, конях и диких зверях), авест. *tačaiti* 'бежит', 'стремится', осет. *tæxun* 'лететь'; др.-ирл. *techid* 'убегает', лит. *tekù* 'бегу', 'теку', латыш. *teku* 'бегу', 'теку', ст.-слав. *tekō* 'бегу', др.-рус. *теча* 'скороход'; ср. тох. В *cake* 'река'.

Восстанавливаемый для индоевропейского образ 'быстротекущей реки' *Hap^hl- предполагает знакомство древних индоевропейцев со стремительно несущимися горными потоками.

¹ В этой связи интересно сравнение в "Ригведе" горных рек с лошадьми, вырывающимися на волю: *Prá párvatānām úsatī upásthād ášve iva viṣite hásamāpe* "с гор вырыва-

Быстрое течение 'реки' могло передаваться также глагольной формой *d^hlen- и ее производными, ставшими позднее в отдельных языках субстантивированным обозначением 'реки', 'источника':

Др.-инд. *dhānvati* 'быстро, стремительно движется' (в "Ригведе" и о 'потоках': *adbhís* 'потоками', твор. п. мн. ч.), др.-перс. *danuvatiy* 'течет'; тох. А *tsän-* 'течь';

Субстантивированные формы от этого корня в значении 'река', 'источник' представлены в лат. *fōns*, род. пад. *fontis* 'источник', в авест. *dānu-* 'река', осет. *don* 'река', 'вода', а также в многочисленных названиях рек иранского происхождения: *Τάναϊς* 'Дон' (у Геродота и Страбона), *Δάναπρις* 'Днепр', др.-рус. *Дънѣпръ*, *Δάναστρις* 'Днестр' (Аммиан Марцеллин), др.-рус. *Дънѣстръ*, *Δαυοῦβιος* 'Дунай' (Аристотель, Птолемей, Страбон), см. *Абаев 1949, I : 162; 1958, I : 366—367; ср. Трубачев 1968 : 214.*

3.3. ОБЩИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «ВОДЫ» В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Названию 'реки', 'потока' *Нар^hl- противостоит в индоевропейском общее название 'воды' *uet'-/*ut'- (ср. хет. *ṽiti*, мест. п. 'в воде', *ṽitaz*, отлож. пад. 'из воды'; др.-инд. *udā*, мн. ч. 'воды', 'волны', греч. *ὔδα*, дат. пад. 'воде', алб. *ujë* 'вода'), от которого образуется древняя инактивная форма на -r/n-t^hl: хет. *ṽatar*, род. п. *ṽetenaš*, греч. *ὔδαρ*, род. п. *ὔδατος* и др. (см. выше, стр. 273 и след.).

Наряду с этой последней формой в значении 'вода' выступает другой индоевропейский корень *ek^hl^o- с производными в глагольном значении 'пить (воду)' и в субстантивированном значении 'вода':

Ср., с одной стороны, хет. *ṽatar eku-* 'пить воду', тох. А *wār goktsi* 'пить воду', с другой, лат. *aqua* 'вода'.

В некоторых индоевропейских диалектах, в частности в германском, это субстантивированное значение 'вода' переносится на обозначение 'реки', 'потока'. В таких диалектах, как правило, отсутствует первичное индоевропейское название реки *Нар^hl-, заменяемое на *(e)k^hl^o-: гот. *ahva* 'река', др.-исл. *ó*, др.-англ. *ēa*, др.-в.-нем. *aĥa* 'река', ср. др.-исл. *áger* 'бог моря'.

3.4. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «МОРЕ», «ОЗЕРА»

Индоевропейское название 'морья' представлено различными основами в разных диалектных общностях. Это прежде всего хет. *aruna-* общ. р. 'море' (шумерограмма А.АВ.ВА), пал. *aruna-* 'море', которые могут быть сопоставлены с др.-инд. *árṇa-*, ср. р., *arṇavá-*, м. р., 'море', 'бушующие волны' (ср. *Mayrhofer 1956, I : 51*)¹.

Ющиеся как выпущенные на волю кобылицы" (III 33, 1). Такое сравнение 'быстротекущей реки', 'потока' с 'лошадью' весьма характерно для индоевропейской гидронимии (ср. *Порциг 1964 : 303—304*), ср., например, лит. *Ašvā*, *Ašvijā*; древнебalkanск. *Ουτασπιος* и др.

¹ Др.-инд. *arṇavá-*, м. р., выступает и в атрибутивной функции в сочетании со словом *sam-udgrá-* в том же значении 'море' (буквально: 'совокупность вод'): *arṇavá-* *samudgrá-*

В случае соотнесенности анатолийского *arupa-* и др.-инд. *arṇavá-* 'море', связанных этимологически с индоевропейским корнем **or-* в значении 'вставать', 'вздвигаться', это индоевропейское слово для 'морья' следует рассматривать как описательное образование от первичного глагола. Производное с такой семантикой могло, естественно, обозначать не только 'море' в строгом смысле слова, но и любые большие водоемы, на поверхности которых могло происходить волнение, в частности большие озера. Характерно, что хет. *arupa-* наряду с 'морем' обозначает также и 'большое озеро' (например, в *Анналах Мурсили I*, *Goetze 1933*).

Такая семантическая связь названия 'морья' с названием 'озера' или других водоемов наблюдается часто и в случае других слов для 'морья' в разных индоевропейских диалектах. При этом в исторических индоевропейских диалектах наблюдается процесс обновления терминов, обозначающих 'море', и появление новообразований в значении 'морья', основанных на более древних словах, обозначавших значительно более мелкие водоемы со стоячей водой — 'озера', 'пруды', 'болота' и другие. Это видно при сопоставлении слов со значением 'море' в одних диалектах при значениях 'озеро', 'болото', 'пруд', 'вода' — в других:

Греч. *θάλασσα* 'море' при др.-инд. *taṭākam*¹ 'пруд' (*Lévy 1972*);

Лит. *jūra* 'море'; латыш. *jūra*, 'море' (ср. *Jūrmala* 'Рижское взморье', буквально: 'берег морья'), прус. *iūrin* 'море', др.-англ. *ēar* 'море' при др.-инд. *vār-*, *vāri* 'вода', авест. *vār-* 'дождь', *vairi-* 'озеро', арм. *gayr* 'болото', тох. А *wār*, В *war* 'вода'.

3.5. ОБОЗНАЧЕНИЕ «МОРЯ», «ОЗЕРА», «БОЛОТА» В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Особую группу слов составляет основа **mor-*/**mag-* в значении 'море' в целом ряде "древнеевропейских" диалектов (при значении 'озеро', 'за-

'бушующее море'. В сочетании с прилагательным *maḥāp* слово *arṇavá-* означает 'Демон (Дух) моря' — *Maḥāp Arṇavá-*, ср. хеттское словосочетание (*Šalliš*) *Arṇavāš* 'Великий Океан' в перечислении богов. Можно допустить, что древнеиндийская форма *arṇavá-* представляет грамматически скорее субстантив, употребляемый также в атрибутивной функции в асиндетических словосочетаниях с другим существительным типа *arṇavá-samudrā-* 'бушующее море', ср. синтаксически аналогичное сочетание *pārvata-giri-* 'мощная гора' (см. выше, стр. 666). Это придает большую убедительность сопоставлению др.-инд. *arṇavá-* 'море' с хеттским существительным *arupa-* 'море'. Не исключено, что оба этих слова (как древнеиндийское, так и анатолийское) являются в конечном счете производными от корня **er-/or-/r-* в значении 'вздвигаться', 'подниматься', 'приходить в движение', ср. *Pokorny 1959 : 327* (ср. хет. *ar-* 'вставать', др.-инд. *rñóti* 'вздвигается', 'двигается', *iyarti* 'приводит в движение', в частности о море — *samudrām*, ср. вед. *samudrād ūrmīm úd iyarti* "из моря волну поднял", "Ригведа", X 123, 2); греч. *ὄρυσσι* 'поднимаюсь', 'вздымаюсь', лат. *origo* 'поднимаюсь', 'всхожу'. Не исключено, что анатолийское *arupa-* 'море' является отглагольным именем на суффиксе *-upa-/up-* от той же индоевропейской основы **or-*: **or-up-o-*.

¹ О соотношении церебральных в индийском с **l* других индоевропейских диалектов см. *Thumb/Hauschild 1958, I, 1 : 104, 241—242*.

лив', 'болото' — в других), что может рассматриваться как лексическая изоглосса для этой диалектной общности, ср.:

Лат. *mare*, род. п. *maris* 'море', др.-ирл. *tuir* 'море', валл., корн., брет. *mor* 'море'; гот. *marei* 'море', др.-в.-нем. *marī, merī* (нем. *Meer*) 'море', ст.-слав. *morje* 'море'; при хет. *marmar(r)a-*, *GISammarra-* 'болото', 'заросший растительностью водоем', осет. *mal* 'глубокая стоячая вода', 'омут' (Абаев 1965 : 5—7; 1958—1973, II : 69), арм. *mawr* 'болото' (ср. Poetto 1973 : 177—178). Промежуточные случаи—значение 'море' наряду со значением 'озеро', 'болото', отражающие переходный этап в семантическом сдвиге: 'болото', 'стоячая вода', 'озеро' ⇒ 'море'—засвидетельствованы в одной части тех же "древнеевропейских" диалектов (за исключением итало-кельтского): гот. *mari-saiwōs* 'озеро' (буквально: 'озеро-море'), др.-исл. *marr* 'море', 'озеро', др.-англ. *mere* 'море', 'озеро', 'пруд'; образования на суффикс *-*ǣk[hl]*:- др.-англ. *merisc* 'болото', ср.-н.-нем. *marsch* (нем. *Marsch*) 'болото'; лит. *mārė* 'море', *mārios* '(Куршский) залив', 'море', рус. диал. *море* 'озеро', словен. *morské oko* 'небольшое горное озеро' (Исаченко 1957; ср. Nehring 1959).

3.6. ДИАЛЕКТНЫЕ НАЗВАНИЯ «МОРЯ»

Новообразования со значением 'море' в ряде диалектов связаны с более ранним значением 'переходить вброд'. Такой семантический сдвиг, как и рассмотренный выше сдвиг 'болото', 'стоячая вода' ⇒ 'море' представляется возможным по отношению к большим водоемам или рекам с глубокой водой у берега, изрезанного небольшими мелкими заливами — фиордами, которые можно было переходить вброд: ср. др.-англ. *wæd* 'море', 'вода', при *wadan* 'переходить вброд', др.-в.-нем. *watan* 'переходить вброд', лат. *uadum* 'брод' и др. (Порциг 1964 : 173); осет. *furd/ford* 'большая река', 'море' (ср. скиф. Πόρτζα 'река Прут', Геродот; ср. Абаев 1949, I : 177) при авест. *pərətu-* 'переход', 'брод', 'мост', лат. *portus* 'гавань', ср. *angiportus* 'узкий проход', галл. *ritu-* 'брод', др.-в.-нем. *furt* 'брод' (нем. *Furt*), др.-англ. *ford* (англ. *ford*), др.-исл. *fjörðr* 'фиорд', 'небольшая морская бухта'.

Такие связанные с названием 'морья' лексические новообразования, происшедшие от древних индоевропейских слов в значении 'болото', 'стоячая вода', 'пруд' и др., могут объясняться изменением среды обитания носителей этих диалектов, утерявших древнее индоевропейское название 'морья' в значении 'бушующей, волнующейся водной стихии' и назвавших вновь встретившиеся на их путях 'морья' по другому семантическому признаку.

В некоторых диалектах 'море' называется по гладкой водяной его поверхности: ср. греч. πλάγος 'море' (образование от корня *p^hlel- 'гладкий', 'ровный', греч. πλάξ 'плоскость', Pokorny 1959 : 831—832), ср. лат. *aequor* 'гладь', 'ровная поверхность моря'.

3.7. ОБОЗНАЧЕНИЕ «МОРЯ» КАК «СОЛЕННОГО»

Наряду с индоевропейским названием 'моря' или 'большого озера' как 'бушующей водной стихии' обнаруживается и другое общеиндоевропейское название 'моря' или 'большого озера' по признаку 'солёности' воды, противостоящее всем названиям пресных водоемов (в том числе и большого озера) и рек¹. Это последнее название 'моря' или 'большого солёного озера' имеет общий корень с индоевропейским названием 'соли' *sal- (общий род названия 'моря' при среднем роде названия 'соли'):

Др.-инд. *sal-ilā-* 'море' (этимологически: 'солёный', *Thieme 1953* : 20, 27 и след.); греч. мик. *a₂-ro* (PY Ta 642) = *halos 'море', *Camera 1981*, гом. ἅλς ж. р., род. пад. ἅλός 'море', 'морская вода' (ср. ἅλς, м. р, 'соль'), ἅλιος 'морской', εἰν-ἅλιος 'морской', ἅλιεύς 'моряк', 'рыбак', ἅλιη 'морская вода', 'солёность';

Лат. *sāl*, м. р., род. пад. *sālis* 'море', 'морская вода' (ср. *sāl*, м. и ср. р. 'соль'), *salum* 'море', *insula* 'остров' (буквально: 'в море находящаяся', ἡ ἐν ἅλι οὖσα, ср. греч. ἐν-ἅλιος 'в море находящийся', *Pokorny 1959*: 878); валл. *heli* 'море'; ст.-слав. *slanŭ* 'морская вода', др.-рус. *сланьникъ* 'морской рыболов' (ср. греч. гом. ἅλιεύς 'рыбак', 'моряк'), норв. *sylt* 'затопленный морской берег'.

Общеиндоевропейское название 'моря' как 'солёного' восстанавливается по диалектному свидетельству греческо-арийского, итало-кельтского и славянского, что по схеме диалектного членения дает основание предположить наличие общеиндоевропейского *sal- в значении 'море'².

3.8. СУДОХОДСТВО И ТЕРМИНОЛОГИЯ СУДОХОДСТВА У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

О знакомстве древних индоевропейцев с 'морем' или большим озером и судоходной рекой можно заключить уже по наличию в общеиндоевропейском специальных слов в значении 'судно', 'лодка' (и.-е. *naH₂-) и глагола *p[h]leu- 'плыть', 'плавать' (о 'судне', 'лодке'):

Др.-инд. *nāu-* 'судно', 'ладья', *nāvya-*, авест. *nāvaua-* 'судоходная' (о реке), др.-перс. *nāviyā-* 'судоходная'; греч. гом. νηῦς, род. пад. νηός < *nāH₂ 'судно', аттич. ναῦς, род. пад. νεώς, лат. *nāuis* 'судно', др.-ирл. *nāu* 'судно', 'корабль', др.-исл. *nór* 'судно', др.-англ. *nōwend* 'мореходец'.

'Плаванье судна', 'ладьи' или 'лодки' в большом водоеме выражается

¹ Ср. типологически обозначение 'моря' и 'большой реки' в арабском *bahr-*, которое различается в этих двух значениях посредством спецификации его по признаку 'солёный' ~ 'несолёный' (пресный), ср. *Бартольд 1925*. Эти же значения — 'море' и 'большая река' — объединены и в др.-инд. *sindh-*, перс. *darū-*, ср. *Абаев 1958*, I: 486.

² Помимо 'моря', 'солёным' могут называться также некоторые озера, реки и источники, по-видимому, характеризующиеся примесями минеральных солей. Такого происхождения могут быть названия 'Аλυς' 'река Галис' (в Малой Азии, современный Кызыл-Ырмак), а также кельто-иллирийские гидронимы *Sala* (нем. *Saale*), иллир. *Sal-ar-ia* и многочисленные славянские названия типа др.-рус. *Соль Галичская*, ср. сербо-хорв. *Солит* 'минеральный источник', ср. *Фасмер 1964—1973*, III: 714—715.

общеиндоевропейским словом $*p^{hl}leu-$ ¹ от которого вторично образуется и название 'корабля', 'судна', 'ладьи': греч. πλοῖον 'судно', др.-исл. *fley* 'судно' (ср. др.-англ. *flota* 'судно'), тох. В *plewe* 'судно'; др.-инд. *plavá-* 'ладья', рус. *плов* 'челн, лодка' (ср. др.-рус. *пловыцѣ* 'мореплаватель').

Индоевропейское слово, обозначающее плавание в лодке или на корабле с помощью 'весел' сохраняется в исторических диалектах в форме др.-инд. вед. *aritra-* 'весло', *aritar-* 'гребец', греч. гом. ἐρέτης 'гребцы', ἐρετρῶν 'весло', ἐρέσσω 'гребу, плыву на веслах' (ср. греч. ἀλιήρης 'гребущий по морю'), лат. *rēmus* 'весло', др.-ирл. *rá-* 'грести', *imb-rá-* 'грести, плыть на кораблях', *rámae* 'весло', др.-исл. *róa*, др.-англ. *rōwan* 'грести', др.-в.-нем. *ruodar* (нем. *Ruder*), др.-англ. *rōdor* 'весло', лит. *iriū* 'гребу', *irklas* 'весло', прус. *artwes* 'плавание на корабле': и.-е. $*erH-$ / $*reH-$.

3.9. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «МОРЕ» У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ. МИФОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ «МОРЯ» В ДРЕВНЕЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

Многочисленность названий 'моря' в отдельных исторических диалектах, например, греческом (θάλασσα, πέλαγος) и древнеиндийском (*salilá-*, *arṇavá-*, *samudrá-*, *síndhu-*), иллюстрирует возможность постулирования для индоевропейского, как и позднее для отдельных диалектов, нескольких названий 'моря' или 'большого озера', основанных на передаче различных признаков водной стихии — 'соленая', 'бушующая' и др. Наличие общеиндоевропейских слов для 'моря' делает несомненным знакомство древних индоевропейцев с 'морем' или 'большими водоемами' типа 'больших озер' и 'судоходных рек'. В древней традиции 'море', 'большое озеро', 'большая река', объединяемые представлением о 'больших водных просторах', мыслились как нечто единое, и лишь эпитет 'соленый' противопоставлял собственно 'море' пресноводным 'большим озерам' и 'рекам'.

Характерно, что в древнем индоевропейском мифе о божестве 'водных просторов', 'вод' (др.-инд. *Apām Nápāt* 'Потомок Вод', авест. *Apam Napāt-*, кельт. *Nechtan*, лат. *Nep̄tūnus* 'бог Нептун'), реконструируемом по согласованному свидетельству индо-иранских и кельто-италийских мифологических источников, выступает мифологический водоем — 'большое озеро', 'море', 'источник' (вед. *samudrá-* 'море', 'совокупность вод', авест. *vairi-* 'озеро', др.-ирл. *topur* 'источник', лат. *lacus* 'озеро', 'источник'), из которого вытекают все реки, впадающие в море.

Общеиндоевропейский миф реконструируется как последовательность эпизодов, сходных в основных чертах в каждой из традиций: божество вод охраняет 'озеро', 'источник' (в римской традиции — *lacus Albanus* 'Албанское озеро', 'горное озеро'), в котором находится 'ослепительный огонь' (авест. $x^2arānah-$ 'фарн', 'ослепительный блеск глаз' в кельтском мифе)²;

¹ Ср. др.-инд. *plavate* 'плывет', греч. гом. πλέ(F)ω 'плыву' (на судне по морю), πλόος 'плавание судна', лат. *perplouēge* 'дать течь', рус. ц.-слав. *плавитися* 'плыть' (по морю).

² Индоевропейские названия 'источника' образуются от названия 'глаз': ср. хет. *šakuni-* 'источник' (при *šakuca* 'глаза'), ст.-польск. *okno* 'ключ, родник', сербо-хорв. *oko*

попытка похищения 'ослепительного огня' приводит к угрожающему истечению вод из озера, из которого вниз на землю уходят реки; так рождаются все 'реки' мира, идущие к 'морю' или возвращающиеся к 'озеру' — 'источнику' (*Dumézil 1973 : 21—89*).

Реконструируемый общеиндоевропейский миф о '(горном) озере' — 'источнике' хорошо сохраняет древние представления о единстве вод, связанных единым круговоротом. По мифу, особую опасность таит в себе уход вод из 'озера' — 'источника', что может быть предотвращено с помощью особого ритуала¹. Реалии мифа указывают на возможность интерпретации мифологического 'озера' как 'горного озера-источника'.

Водное божество, охраняющее 'источник вод', уже в отдельных традициях, например, в римской, превращается в божество собственно 'морей', ср. у Варрона (5, 72) женскую ипостась Нептуна *Salacia Nertūni*, производимую в римской традиции от *salum* 'море'.

Таким образом, реконструируемые общеиндоевропейские слова для 'моря', образованные по названию 'бушующей стихии', а также по признаку 'солёности' вод, могут обозначать не только 'море' в собственном смысле слова, но и большие водоемы вообще типа 'больших солёных озер'. Лингвистическая реконструкция не дает возможности дифференцировать слова, обозначающие собственно 'море', и слова в значении 'больших водных просторов' типа солёных озер, которые, как и собственно 'море' могли быть названы по признаку 'солёности'. Поэтому невозможно с уверенностью утверждать, что древние индоевропейцы различали 'море' от

'глаз', 'глубокое место в воде, где на дне есть родник' (*Толстой 1969: 207—210*), лит. *vandėis akis* 'глаз воды'. Характерно, что в древнегерманской мифологии под 'Мировым деревом' находится источник *Mimir*, представляемый в виде глаза бога Одина; ср. типологически отождествление 'глаза' с источником в семитском (араб. 'ајп- 'глаз', 'источник', аккад. *іпу* 'глаз', 'источник').

Другое индоевропейское обозначение 'источника' связано с общим названием 'воды' **uot*-or-/en^[h]-. хет. *uattaru* 'источник', др.-инд. *avatā* 'колодец', латыш. *avūds* 'источник', ср. лит. *Avantā* (название реки), галл. *Aventia* 'нимфа источника'. Диалектное распределение слов указывает на индоевропейский характер исходного архетипа в значении 'источник воды' и связи его с корнем **uot*- в общем значении 'вода'. При этом обращает на себя внимание отсутствие озвончения и.-е. **t*' в индийском, балтийском, кельтском и передача рефлекса этой фонемы путем удвоения знака для -*tt*- в хеттском. Слово может служить примером "остаточных форм" в целом ряде индоевропейских диалектов, в которых не происходит озвончения рефлексов глоттализованных фонем индоевропейской серии I.

¹ Ср. отчасти аналогичный хеттский обряд, имевший целью предотвращение изменения течения реки *Marasšanta-* (Галлис, современный Кызыл-Ырмак). В текст обряда включено и краткое упоминание о мифе, согласно которому "ранее река Марассанта текла по другому руслу. Но бог Грозы ее повернул и к богу Солнца, (божеству) богов, заставил течь": *ḪMa-ra-aš-ša-an-ta-aš-ца an-na-al-la-za ṣi-pa-at-tar-ma-ia-an a-ar-ša-aš DU-aš-ma-ца-ra-an ца-aj-пу-ut пу-ца-га-an DUTU-i DINGIR LIM-an ar-ša-пу-ut, KUB XXXVI 89 Rs. 12—14*). Ранее в тексте обряда упоминается 'ложе девяти морей' (а-гу-па-аš-ša-aš **IX-aš** ца-ар-пу, там же, Rs. 4) и 'русло великой (буквально: почтенной) реки' [**na-ak-ḫi-ia-ša-aš** **ID-aš** ца-ар-пу, там же, Rs. 5).

других водоемов типа 'больших соленых озер'. Большое соленое озеро могло восприниматься как 'море', и, наоборот, 'море' могло отождествляться с 'большим соленым озером'.

④ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ: «ВЕТЕР», «БУРЯ», «ДОЖДЬ», «СНЕГ», «ЛЕД».

4.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ВЕТРА» И «БУРИ»

'Ветер' и 'буря' обозначаются в индоевропейском различными производными от корня ***Нц**- 'дуть' (др.-инд. *vāti* 'дует', авест. *vāiti*, греч. *ἄησι* 'дует', гот. *waijan* 'дуть', др.-в.-нем. *wāen*, нем. *wehen*, ст.-слав. *vějati* 'вять'): хет. *ḥiṣant-* 'ветер', тох. А *want*, *wānt*, В *yente* 'ветер', лат. *uentus* 'ветер', валл. *gwynt* 'ветер', гот. *winds* 'ветер', др.-англ., англ. *wind*, др.-в.-нем. *wint* (нем. *Wind*): и.-е. ***Нцent**^[h]-.

В других индоевропейских диалектах в значении 'ветер', 'буря' выступают производные от того же корня с другими суффиксами: др.-инд. *vā-tah* 'ветер', 'бог ветра', авест. *vāta-* 'ветер'; ст.-слав. *větrŭ* 'ветер', прус. *wetro* 'ветер', лит. *vėtra* 'буря' (ср. образование с суффиксом ***-d[h]r-** типа др.-англ. *weder* 'погода', 'буря', 'ветер'); греч. *ἄελλα* 'буря', 'вихрь' (*ἄελλαι χειμέριαι* 'зимние бури'), ср.-ирл. *aial*, *ahél* 'ветерок', валл. *awel*, др.-корт. *aihel* 'ветерок' (к образованию на *-l-* ср. ст.-слав. *větrilo* 'ветер', а также формы в значении 'туман', 'облако' типа греч. *νεφέλη*, лат. *nebula*, др.-в.-нем. *nebul*, связанные с первичной основой ***neb**^[h]- в значении 'небо': хет. *periš*, ст.-слав. *nebo* и др., ср. Порциг 1964 : 280—281).

К этому же корню примыкают именные образования: др.-инд. *vāyūh* 'ветер', 'воздух'; 'бог ветра', авест. *vāyuš* 'ветер', 'воздух' и лит. *vėjas*, латыш. *vējš* 'ветер'.

4.2. «ВЕТЕР», «БУРЯ» В ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ МИФОЛОГИИ

'Ветер', 'буря' играют существенную роль в древних индоевропейских представлениях. Можно полагать, что уже в древнеиндоевропейском 'ветер', 'буря' представляются в виде некоторого обожествленного начала. Очевидно, не случайно и оформление основы на суффикс ***-nt**^[h]-, являющийся маркером имен активного класса (см. выше, стр. 302 и след.).

Согласующиеся друг с другом свидетельства о мифологических мотивах, связанных с 'ветром' в разных исторических индоевропейских традициях, должны отражать древнейшие общие индоевропейские мифологические представления.

В индо-иранской традиции мифологическая пара, состоящая из бога Ветра и бога Грома (в форме двойственного числа — др.-инд. *Indra-Vāyū-* 'Индра и Ветер', *Vātārajanuá* 'бог Ветра и бог Грома'), помещается во главу пантеона и считается прародителем всего поколения богов и мифологических героев (Dumézil 1968 : 47 и след.; Wikander 1941). При этом мифологический образ 'Ветра' как 'Великана' отражается и в отдельных иранских традициях вплоть до нашего времени, ср. осет. *wəjɯg* < **vayu-ka* 'великан', Абаев 1965 : 111—115.

Особое отношение к богам характеризует и Эола (Αἰολός) в гомеровской греческой мифологии. Он изображается как “друг бессмертных богов”, φίλος ἀθανάτοισι θεοῖσιν, κ 2, и обладает даром вызывать или усмирять ‘ветры’. Любопытно, что в греческом у Гомера и уже в микенский период ‘ветер’ и ‘обожествляемый ветер’ выражаются формой ἄνεμος (мик. греч. *a-ne-to i-je-re-ja* ‘ветер священный’, ср. *Morpurgo 1963*), связываемой с индоевропейским словом ‘дыхание’: др.-инд. *ánīla-h* ‘дыхание’, др.-ирл. *anál* ‘дыхание’, лат. *anima* ‘дыхание’, ‘душа’, др.-исл. *andi* ‘дыхание’, ‘душа’ (ср. выше, стр. 466), в противоположность производному от корня *H₂-ǵelǵ в специфическом значении ‘буря’.

Этимологическая связь греческого ἄνεμος ‘ветер’ с индоевропейской лексемой в значении ‘дышать’, ‘дыхание’ указывает на особое представление о ‘ветре’ как дыхании божества (что и отразилось в более поздней греческой традиции вплоть до Аристофана: ср. в “Птицах” Аристофана ὑπηνέμωυ как обозначение ‘мирового яйца, оплодотворенного божественным ветром’, *Morenz 1950*).

Такое представление о ‘ветре’ характерно в особенности для славянской мифологии и фольклора, где ‘ветер’ определяется как ‘дыхание бога’ (ср. восточнославянскую поговорку ветер — дух божий, также в “Голубиной книге”, см. подробнее *Афанасьев 1865, I : 285 и след.*). Такое же представление о ‘ветре’ как дыхании бога Варуны характерно и для ведийской мифологии.

7

4.3. «ВЕТРЫ ЧЕТЫРЕХ СТОРОН СВЕТА»

В некоторых индоевропейских традициях, в частности древнегреческой и славянской, обожествлялись ветры “четырёх сторон света”. Такая система отражена у Гомера, различающего ‘холодный северный ветер’ Βορέης ‘Борей’, ‘западный ветер’ Ζέφυρος (приносящий дожди и снег, τ 206), ‘влажный южный ветер’ Νότος и бурный тёплый ‘восточный ветер’ Εὔρος.

Для реконструкции древнейших индоевропейских представлений, связанных с ветрами, особое значение имеет ‘северный ветер’ Βορέης, название которого увязывается этимологически с индоевропейским словом для ‘горы’ *H₂ǵor- (см. выше, стр. 666). Βορέης, следовательно, мыслится первоначально как ‘горный ветер’, дующий с севера. Представления о ‘горах’, находящихся на севере, у греков возникает, очевидно, еще до прихода в исторические места жительства. Не случайно, что эти ветры мыслятся как дующие в “сказочной стране”, являющейся сохранившейся в памяти народа областью его былого обитания.

Весьма показательным в этом отношении свидетельством славянской традиции, где ‘северный ветер’ также обозначается названием, этимологически увязываемым с индоевропейским словом *H₂ǵor- в значении ‘гора’: ср. восточнославянские *Гора, Горыч* как обозначения ‘северного ветра’ (*Мурзаев 1967*). Полное совпадение славянского с греческим в обозначении ‘северного ветра’ как ветра ‘горного’ можно рассматривать как некоторое

указание на локализацию индоевропейских племен периода довольно ранней диалектной общности в областях с северными горами.

Заслуживает внимания представление ветров четырех сторон света как мифологических ‘сущест^в-брат^ьев’ в славянских и германских сказках (Афанасьев 1865, I : 313—317), в чем можно видеть след тех же древнейших представлений об обожествленных ветрах, дующих с четырех сторон света. В древнеиндийской мифологии ‘ветры четырех сторон света’ обожествляются не в виде специальных богов, а приписываются верховным божествам и рассматриваются как их дыхание, что может отражать результат некоторого урегулирования древнеиндийского пантеона с сохранением основных божеств, которым приписываются качества, проявлявшиеся, очевидно, на более раннем этапе, в виде самостоятельных божеств¹. Так, например, в качестве воплощения ‘западного ветра’ и западной стороны вообще в древнеиндийской мифологии выступает бог *Варуна*, обладающий множеством и других функций. След более ранних истоков такой системы можно было бы видеть в греческой традиции, а также в славянской и германской, где боги ветров характеризуются в основном монофункциональностью, представляясь исключительно воплощением ветров.

4.4. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ «ДОЖДЯ»

Общеиндоевропейское название ‘дождя’ или скорее глагол, обозначающий ‘вызывание дождя’, восстанавливается в виде основы **seu-/*su-* (в первоначальном значении ‘выжимать’, ‘выдавливать’, см. выше, стр. 653). ‘Вызывание дождя’ мыслится тем самым как ‘выжимание, выдавливание (воды)’ некоторым активным началом — божеством:

Греч. *βε* ‘идет дождь’, алб. *shi* ‘дождь’, прус. *suje* (графически *sige*) ‘дождь’, тох. А, В *su-*, *swās-* ‘лить (о дожде)’, А *swase*, В *swese* ‘дождь’.

По диалектному распределению этих слов (греческо-албано-балтийский и тохарский) **seu-/*su-* в значении ‘дождить’, ‘дождь’ представляется весьма древним, восходящим к периоду ранней диалектной общности.

4.5. «ДОЖДЬ» КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СИЛЫ БОЖЕСТВА. ТАБУИРОВАНИЕ НАЗВАНИЯ «ДОЖДЯ»

Активное начало — божество как источник дождя в древнеиндоевропейских представлениях явственно проявляется в специфическом словоупотреблении глагола **seu-/*su-* в синтагматическом сочетании с названием верховного божества: ср. у Гомера *βε δ' ἄρα Ζεῦς* (М 25; ξ 457) ‘а Зевс послал дождь’.

¹ Аналогичное урегулирование пантеона можно видеть и в хеттской мифологической системе, где ‘ветры’ выступают в качестве некоторого атрибута богов, способствующего их простому передвижению в пространстве. В хеттских ритуалах ‘Вызывания богов’ встречаются и ‘ветры четырех сторон света’ (KUB XXXVI 90, 39—40), хотя соответствующая терминология может и отражать влияние месопотамской традиции обозначения четырех сторон света по ветрам, ср. Naas 1970: 182—183.

В дальнейшем такая активная конструкция трансформируется в безличную, и \bar{u} приобретает в греческом значение 'идет дождь', 'дойдет'.

Связь акта 'посылания дождя' с верховным божеством, которое является 'источником дождя', посылаемого на землю и игравшего существенную роль в земледельческом хозяйстве, могла послужить причиной табуирования сакрального слова и замены его другими лексическими образованиями. Этим и следует объяснить относительную малочисленность исторических индоевропейских диалектов, сохранивших $*seu-$ / $*su-$ в значении 'дойдет'.

Древняя основа $*seu-$ / $*su-$ в значении 'дойдет', 'дождь' сохраняется лишь в греческом, албанском, прусском и тохарском. Во всех остальных диалектах она заменена другими словами. В хеттском — это $heu\check{s}$, мн. ч. $heja\check{c}e\check{s}$ 'дождь', имя существительное, выступающее в качестве субъекта или объекта действия (ср. $he-i-\acute{u}-in \acute{u}-e-ik-ta$ 'просил дождя', КВо III 7 II 25). Хеттское слово является, очевидно, заимствованием из египетского, вытеснившим первоначальное индоевропейское слово для 'дождя', ср. егип. hwj , копт. $ho:w$ 'идет дождь'.

В древнеиндийском в значении 'дойдет' употребляется глагол $v\acute{a}r\check{s}at\acute{i}$ 'идет дождь', связанный этимологически с индоевропейским $*uers-$ в значении 'лить', 'проливать'. К этой последней основе восходит и греч. $\xi\rho\sigma\eta$, $\xi\acute{\epsilon}\rho\sigma\eta$ 'роса'.

В латинском первоначальное слово 'дойдет' заменяется новообразованием $pluit$ 'идет дождь' (в безличной конструкции) от индоевропейской глагольной основы $*pl^h\check{u}eu-$ 'плыть (в воде)'; 'мочить'.

В германском древнее слово заменяется на новообразования от индоевропейской основы $*rek-$ 'мочить', 'орошать' (ср. лат. $irrig\grave{a}re$ 'орошать', $rig\grave{a}re$ 'проводить (воду)'; гот. $rign$, др.-исл. $regn$, др.-в.-нем. $regan$ (нем. $Regen$), др.-англ. $reg(e)n$, $r\acute{e}n$ 'дождь' (англ. $rain$)).

В славянском первичное индоевропейское слово заменяется описательным выражением $*d\ddot{u}z\check{d}\acute{i}$ (ст.-слав. $d\ddot{u}z\check{d}\acute{i}$, рус. *дождь*, польск. $deszcz$ 'дождь') из $*dus-d\acute{i}u-$ 'дурной день' (см. об этом образовании ниже).

4.6. РИТУАЛЫ ВЫЗЫВАНИЯ «ДОЖДЯ»

Табуирование первоначального названия 'дождя', образованного от основы $*seu-$ / $*su-$, связано, очевидно, с обрядовой значимостью 'дождя' в общеиндоевропейский период, что отражено в ритуалах 'вызывания дождя', сохранившихся в древних текстах.

В хеттских ритуалах обращаются к богу Грозы — верховному божеству с просьбой ниспослать 'дожди' (ср. КУВ XXIX 1 I 27). Описывается специальный ритуал жертвоприношения с просьбой ниспослать 'дождь', ср. КВо III 7 II 21—25. В балтийских и славянских обрядах важную роль играет обряд вызывания дождя, сохраняющийся до сегодняшнего дня в некоторых славянских традициях; девушки, участвующие в этих обрядах, носят имя, связанное с именем бога Грозы Перуна (Якобсон 1970; Иванов/Топоров 1974 : 104 и след.).

Свидетельства всех этих древних традиций, отраженных в ритуалах вызывания дождя, согласуются с приведенной выше гомеровской формулой $\beta\epsilon \delta' \acute{\alpha}\rho\alpha \text{ Ζεὺς}$ “а Зевс послал дождь”. Все это отражает общиндоевропейские представления о дожде, ниспосылаемом верховным божеством — богом грома и молнии, у которого люди и выпрашивают дождь. По-видимому, это предполагает повторяющиеся засушливые периоды, когда редкие дожди считались даром неба, который следовало выпрашивать у бога.

4.7. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «СНЕГА»

Более полно по диалектам представлено индоевропейское слово в значении ‘снежить’, ‘снег’ **sneig^{lh}*^o - :

Авест. *snaēzāt* ‘пойдет снег’, гом. $\nu\phi\acute{\alpha}\zeta$ ‘снег’, $\nu\phi\acute{\epsilon}\mu\epsilon\nu$ ‘снежить’, греч. $\nu\epsilon\lambda\phi\epsilon\iota$ ‘снежит’, ‘идет снег’, лит. *sniēgas* ‘снег’, *sniēga* ‘идет снег’, прус. *snaugis* ‘снег’, ст.-слав. *sněgŭ* ‘снег’, рус. *снег*, *снежит*, гот. *snaiws* ‘снег’, др.-исл. *snjór* ‘снег’, др.-в.-нем. *snēo* (нем. *Schnee*), др.-англ. *snāw* (англ. *snow*), лат. *nix*, род. пад. *niuis* ‘снег’, *ninguit* ‘снежит’, др.-ирл. *snechtāe* ‘снег’.

По диалектному распределению (иранский, греческий, балто-славянский, германский, кельто-италийский) слово должно считаться общиндоевропейским. Отсутствие слова в хеттском, как, видимо, и в тохарском, объясняется незасвидетельствованностью его в известных хеттских текстах.

В других индоевропейских диалектах происходит замена первичного индоевропейского слова иными лексическими образованиями, главным образом производными от слова **ǵ^hlejm-* ‘зима’: др.-инд. *himá-* (муж. р.) ‘холод’, ‘мороз’, ‘снег’, *himávant-* ‘покрытый снегом’ (вед. *himávantas páruvatās* ‘снежные горы’, отсюда название ‘Гималаев’) при *hēman*, *hemantá-* ‘зима’; памир. вахан. *zāt* ‘снег’ (Пахалина 1975 : 306).

Такой семантический процесс, то есть употребление производного от первоначального слова для ‘зимы’ в значении ‘снег’, можно видеть в греческом при сохранении, однако, древнего слова для ‘снега’, ср. греч. $\chi\acute{\iota}\omega\nu$ ‘снег’ при $\nu\phi\acute{\alpha}\zeta$ ‘снег’ и $\chi\epsilon\iota\mu\alpha$, $\chi\epsilon\iota\mu\acute{\omega}\nu$ ‘зима’. Такое лексическое новообразование (производное от названия ‘зимы’ в значении ‘снег’), наблюдаемое в греческом и индийском (а также памирском), можно считать некоторой древней греко-арийской лексической изоглоссой. Однако если в греческом наряду с диалектным новообразованием $\chi\acute{\iota}\omega\nu$ в значении ‘снег’ сохраняется и древнее индоевропейское слово $\nu\phi\acute{\alpha}\zeta$ ‘снег’, в индийском глагол *snih-* в значении ‘снежить’ преобразуется семантически и принимает значение ‘быть мокрым, мягким’, ср. причастие *snigdhá-* ‘мягкий’, ‘нежный’.

Аналогичное семантическое преобразование первичного индоевропейского глагола ‘снежить’ можно видеть и в кельтском : др.-ирл. *snigid* ‘капает’, ‘идет дождь’ при сохранении именным образованием (др.-ирл. *snechtāe*, валл. *nyf*) первоначального значения ‘снег’.

4.8. ОБОЗНАЧЕНИЯ «ХОЛОДА», «ЛЬДА» В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

К тому же семантическому полю, что и ‘снег’, относятся в индоевропейском лексемы со значением ‘холод’, ‘лед’. Лексемы с этим значением

в индоевропейском можно восстановить и в виде нескольких древних основ, показывающих различное (частично перекрывающееся в германском) диалектное распределение:

Хет. *ega*-, *egan* 'лед' (см. Hoffner 1971), *ekuna*- 'холодный', 'остывший', *ekunima*- 'холод', 'стужа', 'остывание' (*e-ku-ni IM-an-ti* 'холодному ветру', KUB VIII 35 II 11, 14; *i-ku-na-an* ^{UZUIA} 'остывший жир', KBo IV 9 V 47, ср. Goetze 1929 : 186), соответствующее ср.-ирл. *aig* 'лед', *rod. nad. ega*, валл. *iā*, др.-корн. *jeu* 'лед', ср.-корн. *yeun*, *yeu* 'холодный', брет. *ien*; др.-исл. *jaki* 'льдинка', *jokull* 'сосулька', что предполагает по схеме диалектного членения (хеттский, кельтский, германский) общеиндоевропейскую основу *(i)ek'- в значении 'холод', 'лед'.

Другая лексема в том же значении восстанавливается для индоевропейского на основании свидетельств германских и иранских языков, дающих по схеме диалектного индоевропейского членения хронологически раннее состояние:

Др.-в.-нем. *is* 'лед', 'ледник' (нем. *Eis* 'лед'), др.-англ. *is* 'лед' (англ. *ice*); авест. *aēxa*- 'лед', 'мороз', *isu*- 'ледяной', 'морозный', согд. *уудун* 'ледник' (из **уēх^oдан*, Gauthiot 1914—1923 : 98), *унун'к*- 'ледяной' (Андреев/Пещерева 1957 : 365), афган. *уахні* 'холод', 'мороз', памир. шугн. *ayd* 'замерзший', *iš* 'холодный' (Соколова 1967 : 87), вахан. *(y)ix* 'лед' (Пахалина 1975 : 301; Грюнберг/Стеблин-Каменский 1976 : 510).

Индоевропейская основа восстанавливается в форме **eis*-/**is*- с чередованием полной и нулевой ступеней аблаута.

Большую диалектную ограниченность показывает другая лексема со специфическим значением 'холод', 'стужа', обнаруживаемая в греко-италийском диалектном ареале, что по схеме диалектного членения указывает на сравнительную диалектную древность реконструируемой лексемы:

Греч. гом. *ῥίγος* 'холод', 'озноб', *ῥίγω* 'зябну' при лат. *frigus* 'холод', 'стужа', *мн. ч.* 'зимняя стужа', 'зима', *frigidus* 'холодный', 'леденящий', *frigeō* 'охлаждаюсь', 'стыну'.

Индоевропейская диалектная праформа восстанавливается в виде **srīk*'- со специфическим развитием начальной группы **sr*- в греческом и латинском.

Особое диалектное слово в значении 'лед', 'холод' обнаруживается в тохарском: тох. А *kuraś* (*krośś*-) 'холодный', В *krost*-, *krośś*-, тох. А *krośśune* 'холод', 'лед', греч. *κρύσταλλος* 'лед', 'стекло', 'кристалл', 'все, что замерзло', гом. *κρύος* 'мороз', 'стужа', *κρύμός* 'холод', 'стужа', 'мороз'. По схеме диалектного распределения данное слово также можно считать достаточно древним, относящимся к определенному раннему диалектному ареалу индоевропейского языка.

Еще одним словом, обозначающим 'мороз', 'холод' могла быть форма **pr̥h₁reǵ-so-*, представленная в ряде диалектов: лат. *pruina* 'иней', 'изморозь', др.-исл. *frjósa* 'мерзнуть', др.-англ. *frēosan* (англ. *freeze*), *forst* (англ. *frost*), др.-в.-нем. *frīosan* 'мерзнуть', валл. *rhew* 'мороз'; возможно, также др.-инд. *pruṣā* 'иней' (?), ср. Hamp 1973; Gerow 1973.

Любопытно отметить, что для индоевропейского восстанавливается целая группа терминов в значении 'лед', 'холод', что согласуется с заключением о горном ландшафте области первоначального обитания племен, говоривших на индоевропейских диалектах.

4.9. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «ТЕПЛА», «ЖАРЫ»

Наряду со словами со значением 'холод', 'лед' для индоевропейского восстанавливаются и слова, обозначающие 'тепло', 'жару'. Это прежде всего индоевропейское $*g^{[h]o}er-m-$, предполагаемое на основании следующего ряда соответствий:

Др.-инд. вед. *gharmá-* 'жара', 'тепло', авест. *garəta-* 'горячий', арм. *ĵerm* 'горячий', греч. гом. *θερμός* 'горячий', алб. *zjarr* 'огонь', прус. *gorme* 'жара', лат. *formus* 'жаркий', 'горячий', тох. А *šärme* 'летняя жара' (*Van Windekens 1969 : 477*).

Формы без суффиксального $*-m-$: др.-инд. *hāras-* 'пыл', 'жар' (огня), арм. *ĵer* 'теплота', 'тепло', греч. гом. *θερος* 'лето', др.-ирл. *gorim* 'согреваю' (ирл. *gor* 'жар'), прус. *garrewingi* 'горячо', 'пылко', ст.-слав. *gorěti* 'гореть', рус. *жар*, чеш. *žár* 'жара', 'жар', сербо-хорв. *žār* 'жар'.

Другой общеиндоевропейской основой для обозначения 'жары', 'тепла' является форма $*\{hlep[h]-$:

Др.-инд. *tāpaḥ* 'жара', 'тепло', 'пыл', авест. *tāpaiti* 'является теплым', ср. согд. *tph* 'лихорадка', памир. вахан. *tab* 'жар', 'лихорадка', лат. *tepidus* 'теплый', *tereō* 'являюсь теплым', *tepor* 'тепло'; др.-ирл. *té* 'горячий', ср.-ирл. *timme* 'жар', валл. *twym* 'жаркий'; прус. *Taplawken* 'Теплое' (топоним); ср. *Teplitz*, ст.-слав. *toplŭ* 'теплый', ср. др.-англ. *þefian* 'тяжело дышать', тох. В *tsāp-*, А *tsāw-* 'нагревать' (*Poucha 1955 : 355*).

Та же основа в значении 'жар', 'лихорадка' засвидетельствована и в анатолийском: хет. *tapišša-*, лув. *tapašša-* 'лихорадка', *tapašūant-* 'находящийся в лихорадке' (*Laroche 1959a : 92*). Слово считается некоторыми исследователями заимствованием др.-инд. *tāpaḥ* (*Friedrich 1952 : 211*). Однако семантика этого слова в ведийском *tāpaḥ* 'жар', 'пыл' дальше от значения хетто-лувийского, чем значения приведенных выше соответствующих иранских слов ('жар', 'лихорадка'). Если и предположить заимствование этого анатолийского слова из индо-иранского (ср. огласовку *a* в анатолийском *tapaš-* вместо ожидаемой огласовки *e*, а также не-сдвоенное написание *-p-*), то скорее в общеанатолийский, чем в отдельные анатолийские языки.

В самом хеттском языке древнее слово, выражавшее значение 'горячий', 'теплый', предстает в форме *çantemma-* с суффиксальным элементом $*-mo-$, часто выступающим в образованиях от разных корней с той же семантикой, ср. и.-е. $*g^{[h]o}er-mo-$ 'горячий', 'жаркий', ср.-ирл. *timme*, валл. *twym* 'жара', а также гот. *warmjan* 'нагревать', др.-в.-нем. *warm* 'теплый', нем. *warm* (от индоевропейской основы $*\{er-$ 'гореть', 'сжигать': ср. хет. *ṣar-* 'гореть', *ṣar-nu-* 'сжигать', арм. *vařem* 'зажигая', ср. ст.-слав. *varŭ* 'жара', *variti* 'варить'); хет. *ekunima-* 'холод', греч. *κρύος* 'холод' и др.

5. НЕБЕСНЫЕ ТЕЛА: «СОЛНЦЕ», «ЛУНА», «ЗВЕЗДА», «СОЗВЕЗДИЯ»

5.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «СОЛНЦА»

Для общиндоевропейского языка восстанавливается название 'солнца' в форме *s(a)uHel-/n- со следами гетероклитического склонения (Benveniste 1935 : 12):

Др.-инд. вед. *súvar-*, род. п. *súraḥ*, ср. п. 'солнце', 'свет', 'небо', 'блеск', 'сияние', *sáruah* 'солнце', 'божество Солнца'¹, *svárna-* 'светоносный', авест. *hvar-*, род. п. *xvāng* 'солнце', 'солнечный свет', греч. гом. *ἥλιος*, диал. крит. *ἄῤῥῆλιος*, лит. *saulė* 'солнце', прус. *saule*; ст.-слав. *slūnīce* 'солнце'; гот. *sauil*, ср. п., 'солнце', *sunpō*, ж. п., 'солнце', др.-в.-нем. *sunna* (нем. *Sonne*), др.-англ. *sunne* (англ. *sun*), лат. *sōl*, род. п. *sōlis*, ср. п., 'солнце', ср. с переносом значения алб. *hyll* 'звезда' и др.-ирл. *súil* 'глаз'; в хеттском и тохарском замена первичного слова соответственно на заимствование из хаттского (хет. *Ištanu-* 'солнце', 'Бог Солнца' при хат. *Eštan*) и на производное от обозначения 'раннего утреннего часа' (тох. А *korñ*, В *kaun* 'солнце', ср. др.-инд. *śona-* 'утренний час'). В лувийском и палайском 'Бог Солнца' — лув. *Tiḡat-*, пал. *Tiḡat-* обозначается производным от и.-е. *t'jeu- 'Бог Неба'. Армянское слово *arēw* 'солнце' сопоставляется с др.-инд. *ravi-* 'солнце' и, вероятно, хет. *ḫar(u)ḡanai-* 'рассветать' (ср. Eichner 1978).

5.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ЛУНЫ», «МЕСЯЦА»

Индоевропейское слово для 'луны' представлено в двух диалектичных вариантах *meH-s- (в индо-иранском) и *me(H)-n- как производное от индоевропейской основы *meH- 'мерить', 'измерять' (время)². 'Луна' мыслится, следовательно, как мерило времени:

Др.-инд. *māh*, *māsa-* 'месяц', 'луна', авест. *mā*, арм. *amis*, род. п. *amsoy*, перс. *māh* 'луна', греч. аттич. *μήν*, ион. *μῆς*, дор. *μής* 'луна', 'месяц', лит. *mėnuo*, *mėnesis* 'луна', 'месяц', ст.-слав. *měsęcī* 'луна', 'месяц', алб. *mija*, гот. *mēna* 'луна', тох. А *mañ*, *maññkāt* 'Бог Луны' (ср. Normier 1980), В *meñe* 'месяц', 'луна', ирл. *mí* 'месяц', 'луна', ср. лат. *mēnsis* 'месяц' как часть года.

В ряде диалектов наряду с характеристикой 'луны' как мерила времени это небесное светило образует позднее название по признаку 'светящегося', 'лучезарного' тела (ср. также о названиях 'луны' и 'месяца' в индоевропейских диалектах Ondruš 1968):

Ср. лат. *lūna* 'луна', 'Богиня Луны', ср.-ирл. *luan* 'луна', ст.-слав. *luna* 'луна', арм. *lusin* 'луна' (ср. от того же корня греч. *λouxάβῆς*

¹ Полное совпадение с этим словом обнаруживает название касситского божества Солнца *Surijaš*, которое выступает в перечислении рядом с неиндоевропейскими именами богов, ср. Scherer 1953: 48; Mayrhofer 1966; 1974; ср., однако, Kammenhuber 1961; 1968: 47 и след.

² Ср. др.-инд. *māti*, *mīmāti* 'мерит, измеряет', лат. *mētiore* 'мерю', ст.-слав. *měra* 'мера'; ср. хет. *meḡur* 'время', гот. *mēl* 'время', лит. *mėtai* 'год', алб. *mot* 'год' и др.

‘новолуние’) от и.-е. *louk^hl̥snā- ‘светящееся тело’, ‘светило’, сохраняющегося в авест. *raoxšna-* ‘свет’, прус. *мн. ч. lauxnos* ‘светила’, а также в славянских формах, польск. *luna* ‘отблеск пламени’, рус. диал. *лунь* ‘тусклый свет’.

Особую проблему представляют анатолийские названия ‘луны’, ‘месяца’, отличные от названий остальных древних индоевропейских диалектов: хет. *arma-*, лув. *arma-*. В отношении названий ‘луны’, как и ‘солнца’, анатолийские языки стоят особняком от всех остальных индоевропейских диалектов. При особой культовой значимости ‘солнца’ и ‘луны’ в анатолийском (ср. *Laroche 1955*) названия этих светил не совпадают с соответствующими названиями в большинстве древних индоевропейских диалектов, а представляют особые образования, не всегда с уверенностью этимологизируемые на индоевропейской основе.

Не исключено, что анатолийское название ‘луны’ *arma-* увязывается с глагольной формой *ar-* ‘вставать’, ‘подниматься’ с суффиксом *-ma-*, что символизировало бы в таком случае появление, вставание луны на ночном небе, выход луны. С этой общеанатолийской основой *arma-* связываются и такие семантические производные, как хет. *armahh-* ‘делать беременной’ (объясняемое физиологическими лунными циклами), а также *armaniija-*, *irmaniija-*, *irmaliija-* ‘заболеть’, *irma-* ‘болезнь’, отражающие культовые представления о ‘луне’ как источнике ‘зла’ и ‘болезни’.

5.3. МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЛУНЕ И СОЛНЦЕ У ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

В некоторых древних индоевропейских традициях ‘месяц’ и ‘солнце’ выступают как соотнесенная друг с другом пара существ, объединенных узлами брака (муж — Месяц, жена — Солнце) или кровного родства (близнецы), что может отражать уже общеиндоевропейские представления об этих небесных светилах (ср. *Mannhardt 1875*; *Иванов/Топоров 1974: 15—21*).

5.4. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ЗВЕЗДЫ» И ЕГО СВЯЗЬ С СЕМИТИСКИМ

В качестве общеиндоевропейского названия ‘звезды’ восстанавливается форма *Hast^hler-:

Хет. *hašter-* ‘звезда’; вед. *stṛ-bhiḥ*, твор. п. *мн. ч.* ‘звездами’ (*им. п. tāraḥ*), авест. *stərəbyō*, арм. *astt*, греч. *ἀστῆρ*, род. п. *ἀστέρως*, гом. *мн. ч. ἄστρα*, а также греч. род. пад. *мн. ч. τερέων* ‘созвездий’, гом. *им. п. мн. ч. τεῖρεα*, лат. *stella* < *stēl-na; ср.-ирл. *ser*, корн. *sterenn*; гот. *stairnō*, др.-в.-нем. *sterno* (нем. *Stern*), др.-англ. *steorra* (англ. *star*), др.-исл. *stjarna*; тох. В *šcirye*, *мн. ч. šciriñ*, тох. А *им. п. мн. ч. šreñ* (*Friedrich 1969*; *Watkins 1974a*).

В балто-славянском происходит замена первичного общеиндоевропейского слова на производные от основы со значением ‘сияющий’, ‘блестящий’: ср., с одной стороны, ст.-слав. *zvězda* ‘звезда’, польск. *gwiazda*, лит. *žvaigždė*, латыш. *zvaigzne* ‘звезда’ при прус. *swāigstan* ‘сияние’, ‘свет’, ‘блеск’; с другой стороны, прус. *lauxnos* ‘светила’, ‘созвездия’ (см. выше).

Индоевропейское *Hast^[h]er- в значении 'звезда' совпадает с общесемитским **attar*- в значении 'обожествленная звезда', 'Венера' (Fronzaroli 1965, IV : 248): аккад. *Ištar* 'богиня Иштар', обозначаемое древним знаком звезды, др.-евр. 'aštōreṯ ж. р., финик. 'šrt 'Астарт' (богиня плодородия и войны), южн.-арав. 'ttr (Henninger 1976), ср. егип. *īstr*¹.

Индоевропейская форма совпадает с общесемитской как в отношении начальной "ларингальной" фонемы (с уверенностью восстанавливаемой на основании хеттских данных), так и специфического отражения семитского интердентального спиранта *ṯ в виде палатализованного сибиланта *š, давшего в исторических диалектах рефлексы *s и Ø (ср. греч. τεῖρα, др.-инд. *tārah* и др.).

5.5. ДИАЛЕКТНЫЕ НАЗВАНИЯ «ЗВЕЗД» И «СОЗВЕЗДИЙ»

При многообразии названий 'звезд' и 'созвездий' в отдельных индоевропейских диалектах обнаруживается значительный семантический параллелизм, выражающийся в единообразном наименовании одних и тех же созвездий (ср. Scherer 1953; 1974). Так, например, созвездие 'Большой Медведицы' именуется 'повозкой' в древнегреческом (ἄμαξα), фригийском (κίχλην), латинском (*plaustrum*), германском (др.-в.-нем. *wagan*, др.-исл. *vagn*), хеттском (шумерограмма *GIŠGIGIR*)². Однако эти наименования не сводимы этимологически друг к другу и поэтому не дают основания для постулирования соответствующего слова на общеиндоевропейском уровне. Таким образом, мы можем предположить с определенной долей вероятности для общеиндоевропейского метафорическое название 'Большой Медведицы' как 'повозки', но это положение не может быть подкреплено путем реконструкции соответствующей лексемы. Тем самым в отношении целого ряда звезд и созвездий, отражаемых в отдельных исторических индоевропейских диалектах семантически сходными обозначениями, которые детально разбираются А. Шерером в специальном исследовании об астральных именах у индоевропейских народов (Scherer 1953), можно допустить общеиндоевропейские наименования, схожие семантически с историческими названиями, но тем не менее невозможна лексическая реконструкция таких наименований.

¹ О связи индоевропейского слова с семитским см. уже Zimmern 1917; Илич-Свитыч 1964. Возражения Шерера (Scherer 1953 : 23) против объединения этих слов, основанные на несущественных семантических различиях, не могут считаться убедительными, и в особенности после обнаружения хеттской формы, которая не учитывалась Шерером. Возражения Шерера в действительности мотивированы скорее предпосылками локализации индоевропейской прародины, исключающей связь с семитским языковым миром, чем принципиальной невозможностью их семантического соотнесения: и.-е. 'звезда' ~ сем. 'астральное божество', 'обожествленная звезда'.

² Типологически тождественное представление обнаруживается и в самом шумерском, где созвездие Большой Медведицы называется 'повозкой', ср. написание в шумерском тексте "Энки и порядок мира" *mul GIŠgigir* 'созвездие в виде повозки' (ср. Falkenstein 1964: 80 и 107).

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, МАТЕРИАЛЬНЫЙ БЫТ. РЕМЕСЛА И ТРАНСПОРТ

1. РЕКОНСТРУКЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ ПО ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ ДАННЫМ

1.1. ТЕРМИНОЛОГИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Реконструируемая по лексическим данным общеиндоевропейская фауна и флора, а также картина географической и экологической среды, в окружении которой находились носители индоевропейских диалектов, помогает с некоторым приближением восстановить и отдельные фрагменты их хозяйства и занятий.

В этом отношении особое значение приобретают общеиндоевропейские термины, отражающие хозяйственную деятельность и соответствующий материальный быт племен-носителей общеиндоевропейских диалектов. С этими данными естественно увязывается и проблема социальной организации этих племен, находящей свое выражение и в индоевропейских лексических свидетельствах.

Идя ретроспективно и восстанавливая отдельные общеиндоевропейские термины и более крупные отрезки текста с социально-хозяйственной семантикой, можно реконструировать картину общей структуры хозяйственной и общественной организации индоевропейских племен, которая может быть впоследствии приведена в соответствие с определенными археологическими культурами. Хронологическая соотнесенность и материальное совпадение целого комплекса данных, добытых при такой реконструкции, с соответствующей археологической культурой и может только служить основанием для отождествления таких культур.

2. ТЕРМИНОЛОГИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

2.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ПАХОТЫ» И «ПЛУГА»

И.-е. ***Har-** 'обрабатывать землю', 'пахать': хет. *ḫarš-* 'обрабатывать землю на посев' (в сочетании с *ter(i)pp-* в значении 'пахать', ср. греч. *δρέπανη* 'серп', *Rosenkranz 1967 : 501—502*)¹, ср. тох. А, В *äre* 'плуг', греч.

¹ Ср., однако, о возможной связи хет. *ḫarš-* с семитским, аккад. *ḫarāṣu* 'сажать', *ḫarāṣu* 'проводить борозду', *Puhvel 1964*.

гом. *āpōw* 'пашу'¹, лат. *arō* 'пашу, обрабатываю землю', др.-ирл. *airim* 'пашу', гот. *arjan* 'пахать', др.-исл. *erja* 'пахать', др.-в.-нем. *erran* 'пахать', лит. *ār̃ti* 'пахать', латыш. *ārt* 'пахать', ст.-слав. *orjō* 'пашу', *orati* 'пахать'.

От того же корня образуются производные формы в значении 'плуг' и 'пашня', хотя эти производные обнаруживают большую диалектную ограниченность и могли возникнуть, следовательно, в отдельных диалектных объединениях после распада общеиндоевропейского единства.

Диалектное слово для 'плуга' восстанавливается в форме ***Har-ŋ-t^[h]ro-m**: греч. гом. *ἄροτρον* 'плуг', диал. *ἄρατρον* 'плуг' (ср. арм. *arawor* 'плуг'), лат. *arātrum* 'плуг', ср.-ирл. *arathar* 'плуг', др.-исл. *arðr* 'плуг'. Наличие соответствующих друг другу форм в греческом, с одной стороны, и кельто-италийском, с другой, по схеме индоевропейского диалектного членения свидетельствует о древности этого термина, хотя и нет формальных оснований для отнесения его к общеиндоевропейскому. В других диалектах слово для 'плуга' может образовываться от того же корня ***Har-** с другими суффиксами: ср. тох. А, В *āre* 'плуг', лит. *ār̃klas* 'плуг', ст.-слав. *ralo* 'плуг'. В германском наряду с древней основой выступает и другая форма: др.-англ. *plōh*, мн. ч. *plōges* (англ. *plough*) с неясной этимологией; из германского слово заимствуется в славянский: др.-рус. *плузь* (ср. *Puhvel* 1964).

Примерно к той же диалектной общности относится и индоевропейское слово для 'пашни': греч. гом. *ἄροτρα*, микен. *a-ro-u-ra* 'пашня', ср.-ирл. *arbor* (<**arur̥*) 'злак', лат. *aruum* 'пахотное поле', 'пашня', *aruius* 'пахотный', 'вспаханный', ср. арм. *haravunkē* 'пашня', 'поле'. Большую древность данного индоевропейского слова для 'пашни' следовало бы допустить при этимологическом отнесении сюда же др.-инд. *urvātrā* 'пахотное поле' (ср., однако, формальные трудности, *Mayrhofer* 1956, I : 110).

2.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ «ПОСЕВА»

И.-е. ***seH(i)-** 'сеять': хет. *šai-/šija-* 'сеять', 'вдавливать в землю', *para šijatar* 'просев'² (*Laroche* 1963 : 75—76; *Rosenkranz* 1967 : 504 — 505), лат. *serō* 'сею', *sēui* 'сеял', *sātus* 'посеянный', гот. *saijan* 'сеять', др.-в.-нем. *sāen* (нем. *säen*), др.-англ. *sāwan* 'сеять' (англ. *sow*), лит. *sėjū* 'сею', ст.-слав. *sějō* 'сею'.

От того же корня образовано, по-видимому, именное производное на суффикс ***-men** в значении 'семя': лат. *sēmen* 'семя', др.-в.-нем. *sāmo* (нем. *Same*), лит. *sėmenys* 'льняное семя', прус. *semen* 'семя', ст.-слав. *sěmę* 'семя'; сюда же следует отнести хет. *šamana-* с несколько отличной семанти-

¹ Наряду с греч. *ἄροω* засвидетельствована форма *ἀράω*, которая вместе с балтийскими формами и некоторыми другими дает основание для реконструкции конечного слогового ларингального, вероятно, суффиксального характера: ***Har-ŋ-**.

² Общеиндоевропейский характер сочетания с приставкой ***plh¹rō-** можно предположить ввиду широкой диалектной распространенности данного сочетания, ср. наряду с хет. *para šijatar* 'просев', рус. *про-сев*, гот. *frasts* <***pro-s(a)-ti-s** 'ребенок' (*Pokorny* 1959 : 890), ср.-ирл. *goss* 'льняное семя'.

кой: 'фундамент', 'основание', символическое 'семья', 'корень дома'. По схеме диалектного распределения основу *sēmen- в значении 'семья' следует считать общиндоевропейской с допущением последующей замены ее на другие слова в некоторых исторических индоевропейских диалектах: авест. *taoxman-* 'семья', др.-перс. *taumā-* 'семья', 'зародыш', ср. др.-инд. *tókman-* 'росток'.

Более многочисленны индоевропейские образования на суффикс *-t[h]l- от того же корня *seH(i)- : хет. *šatta-* 'орудие для обработки поля' (*Rosenkranz 1967 : 504*), др.-инд. *sītā* 'борозда (в поле)' (*Thieme 1953 : 25*; см. там же о др.-инд. *sīra-* 'плуг', образование от того же корня с суффиксом *-ra-*), др.-в.-нем. *sāt* 'просев', 'семья' (нем. *Saat*), гот. *mana-sēps* 'человеческое семя' в смысле 'род человеческий', брет., валл. *had* 'семья'.

По диалектному распределению образований от корня *seHi- (участие хеттского наряду с другими индоевропейскими диалектами) рассматриваемый корень следует постулировать для периода общиндоевропейской общности.

2.3. ДИАЛЕКТНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «БОРОЗДЫ»

В отдельных диалектных объединениях в значении 'борозда' восстанавливаются формы *s^oelk[h]l-//*suelk[h]l- и *p[h]lerk[h]l-.

Форма *s^oelk[h]l- в первоначальном значении 'тянуть' (тох. В *sālk-* 'тянуть', греч. гом. ἔλκω 'тяну', авест. *varək-* 'тянуть', лит. *velkū* 'тяну', ст.-слав. *vlěkŕ* 'влеку', 'тяну') дает в ряде древних индоевропейских диалектов естественно значения, с одной стороны, 'плуг': греч. лакон. ἐλάχῃ 'плуг' (из ἐ-F/x-ā), др.-англ. *sulh* 'плуг'; с другой стороны, значение 'борозда', 'проводить борозду': лат. *sulcus* 'борозда', *sulcō* 'проводу борозду', 'пашу', греч. аттич. ὄλαξ 'борозда'.

Форма *p[h]lerk[h]l- в первоначальном значении 'царапать', 'делать в земле углубление, яму' (др.-инд. *pársāna-* 'углубление', 'пропасть', лит. *pra-paršas* 'яма') принимает в западном диалектном ареале также и значение 'борозда': лат. *porca* 'борозда', 'гряда', галл. *rica* 'борозда', валл. *rhŷch* 'борозда', др.-в.-нем. *furuh* (нем. *Furche*), др.-англ. *furh* (англ. *furrow*)².

2.4. ДИАЛЕКТНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «ПЛУГА», «ЧАСТЕЙ ПЛУГА» И «СОХИ»

Другим диалектным индоевропейским словом, относящимся к устройству 'плуга', является форма *uog[h]l^oni- (*Pokorny 1959 : 1179—1180*),

¹ Перенос значения 'тянуть' → 'плуг', 'борозда' естественно объясняется особенностями земледелия, при котором плуг должны были тянуть животные, ср. греч. гом. ἐλκόμενα... ἀροτρον, К 353, 'тянущие плуг'; отсюда уже и сам 'плуг' и оставляемая им на пашне 'борозда' начинают обозначаться словом с первоначальным значением 'тянуть'.

² Хет. *aggala-* 'борозда для посева' — вероятное заимствование аккад. *eḫlu* 'поле', st. constr. *eḫel*. Камменхубер связывает этимологически хет. *akkala-* с группой др.-инд. *ága-*, греч. ἀγρός (*Friedrich/Kammenhuber 1975-, I : 52*), что маловероятно из-за формальных трудностей сопоставления этих слов.

дающая рефлексы в греко-германо-балто-италийском диалектном ареале: греч. $\delta\rho\upsilon\iota\varsigma \cdot \delta\upsilon\upsilon\upsilon\iota\varsigma \cdot \acute{\alpha}\rho\omicron\tau\rho\omicron\nu$ (*Гесихий*), др.-в.-нем. *waganso*, др.-исл. *vangsní* 'лемех', лат. *uōmis*, *uōmer* 'сошник', 'лемех'.

К части той же диалектной индоевропейской области (славяно-германо-кельтская) относится специальный термин для обозначения 'сохи', 'плуга' * $k^{[h]}ak^{[h]}$ с первоначальным значением 'ветвь', 'кол', 'шест' (др.-инд. *śākhā*, ср.-ирл. *géc* и др.): слав. *socha* 'кол; соха', 'плуг', гот. *hōha* 'плуг' (ср. *Ramat 1974* : 72—74), др.-ирл. *cécht* 'плуг'. **СУКА**

2.5. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ПЛУГА

В типологии орудий для обработки земли и проведения борозды 'соха' значительно опережает появление 'плуга' — более массивного орудия, которое тянут животные¹. Самые древние свидетельства бороздовых палок относятся ко времени неолита. Значительно позже появляется уже собственно плуг. Около рубежа V и IV тысячелетий до н. э. на Древнем Востоке обнаруживаются первые свидетельства плуга в Шумере (*Семенов 1974* : 217). В Европу плуг проникает из Древнего Востока лишь не ранее середины II тысячелетия до н. э. (*Семенов 1974* : 218; *Кларк 1953* : 108 и след.; *Wailes 1970* : 280; *Haudricourt/Delamarre 1955*).

Восстанавливаемое индоевропейское название 'плуга' * $Har-ĥ-t^{[h]}ro-m$, соотносимое с определенной древней диалектной общностью, не могло возникнуть в таком значении позднее III тысячелетия, когда формируются отдельные исторические индоевропейские диалекты (в том числе и греческий, в котором отражена эта лексема), ср. *Cowgill apud Wailes 1970* : 301. Это указывает на очевидную связь рассматриваемой индоевропейской диалектной общности (греко-итало-кельто-германской) с переднеазиатским ареалом, где и возникают древнейшие образцы плугов и плужное земледелие.

2.6. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ВРЕМЕН ГОДА ПО СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫМ ЦИКЛАМ

И.-е. * $Ham-$ 'время созревания', 'жатва'; 'снимать урожай': хет. *ha-mešha-* 'время созревания' (ср. аккадское соответствие в билингве *i-[si]-en-ni* 'время созревания', KUB IV 3 I 13, *Friedrich 1952* : 49), отсюда в переносном значении 'весна', 'начало года'; греч. гом. $\acute{\alpha}\mu\acute{\alpha}\omega$ 'жну', 'снимаю урожай', $\acute{\alpha}\mu\eta\tau\acute{\eta}\rho$ 'жнец', $\acute{\alpha}\mu\eta\tau\omicron\varsigma$ 'жатва'².

¹ Типологическая древность 'сохи' по сравнению с 'плугом' не может служить, однако, основанием для обязательного признания абсолютной древности сохи в отдельных конкретных культурах. Культура, давно уже владевшая плугом, могла вернуться к сохе при возделывании земли ввиду изменившихся экологических условий. Так, например, отсутствие древнего названия 'плуга' у отдельных славянских племен может объясняться утерей древнего слова в результате переселения их в новые лесные области, где возделывание земли было возможно лишь с помощью сохи, ср. *Zelenin 1927* : 13 и след.

² В ряде диалектов в значении 'весна' отражена индоевропейская форма * $ues-r/n-(t^{[h]}-)$; др.-инд. *vasantā-* 'весна', *vāsarā-* 'утренний', авест. *varǵi* 'весной', арм. *garun* (из * $uesr-$)

И.-е. ***(e)s-en-** 'время жатвы, лето': хет. *zena-* 'осень' (ср. *zeni*, дат.-мест. п. 'осенью'), гот. *asans* 'жатва', 'лето', др.-исл. *qnn* 'жатва', 'усилие', др.-в.-нем. *agan* 'жатва' (ср. нем. *Ernte*), др.-рус. *осень* (мест.п. *осени* 'осенью'), прус. *assanis* 'осень' (Топоров 1975-1:130—131), ср. арм. *ašun* 'осень', греч. гом. *ὄπ-ὄρη* 'конец лета', 'осень', 'время жатвы' (греческая форма предполагает для индоевропейского чередующуюся основу на суффикс **-r-/*-n-*).

И.-е. ***meH(i)-** 'созревать', 'собирать урожай', 'время созревания урожая': хет. *mai-/miija-* 'созревать', 'расти', 'процветать', *медиум* — 'рождаться', ср. др.-инд. *mīmīte* 'зачинается', 'созревает' (о плоде во чреве матери, RV 632, 11); 'обнаруживает силу', ср. тох. В *maiyya* 'сила', *maiwe* 'молодой' (Rosenkranz 1967: 503), лат. *metō* 'жну', 'собираю урожай', ср.-ирл. *meithel* 'группа жнецов', др.-в.-нем. *māen* (нем. *māhen*), др.-англ. *māwan* (англ. *mow*) 'жать', 'убирать урожай'.

Следует отметить, что с этим индоевропейским корнем увязывается и корень ***meH-** в значениях 'измерять' и 'время': хет. *mehur* 'время', др.-инд. *māti*, *mīmāti* 'измеряет', гот. *mēl* 'время', лат. *mētiōr* 'измеряю'. При допущении первоначальной идентичности этих корней не представляется вполне ясным исходное значение. При допущении первоначальности значения 'созревать', 'убирать урожай' значения 'измерять' и 'время' можно было бы соотнести с обобщением сезонного времени созревания злаков и снятия урожая на время вообще¹.

Такая интерпретация развития этих значений могла бы указывать на особую значимость сельскохозяйственного цикла созревания земледельческих культур, связанного с временами года.

2.7. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «СЕРПА»

И.-е. ***serp^{h1}-** 'серп', 'орудие для уборки урожая': хет. *GIŠšarpa-* 'сельскохозяйственное орудие' (возможно, для уборки урожая), обожествляемое в ритуалах наряду с 'плугом' (KUB X 92 V 13), см. Gurney 1940: 90—91; греч. *ἄρπη* 'серп', осет. *æxsyrf* 'серп' (при др.-инд. *srñi* 'серп'), рус. *серп*, чеш. *srp* 'серп', латыш. *sirpis* 'серп', ср. также лат. *sarpō* 'режу', др.-в.-нем. *sarf* 'острый', 'грубый'. В древнеиндийском основа ***serp^{h1}-** в значении 'серп' заменяется производной от другой основы: др.-инд. *dātram* 'серп' (уже в "Ригведе").

Другая индоевропейская основа ***k^{h1}erp^{h1}-**, связанная с уборкой урожая, характеризуется, очевидно, большей диалектной ограниченностью (греко-кельто-германо-балтийский) и не может считаться общеиндо-

¹'весна', греч. *ἔαρ*, род. п. *ἔαρος* 'весна', лат. *uēg*, род. п. *uēgis*, др.-ирл. *eḡach* 'весна', лит. *uāsa* 'лето', латыш. *vasa* 'лето', ст.-слав. *vesna* 'весна'.

²Ср. типологически такое обобщение значения 'время роста и созревания злаков' — 'сезонное время' — 'время вообще' в производных от диалектного и.-е. ***jēr-** в его первоначальном значении, ср. сербо-хорв. *jaḡna* 'весенний или летний урожай', нем. *Jahr* 'ряд срезанных злаков' при греч. *ἄρος* 'время', 'год', авест. *uāgə* 'год', гот. *jēg*, др.-англ. *gēag* 'год' (англ. *year*), др.-в.-нем. *jāg* (нем. *Jahr*).

европейской основой в таком значении: греч. κρόμιον 'серп', ср. καρπός 'плод', ср.-ирл. *corrán* 'серп', др.-англ. *hærfest* 'осень' (англ. *harvest*), др.-в.-нем. *herbist* 'осень' (нем. *Herbst*), др.-исл. *harfr* 'борона', латыш. *ciņre* 'серп', лит. *kerpù* 'срезаю'.

В исторических индоевропейских диалектах соответствующие термины, восходящие к индоевропейским праформам **serp*^[hl]- и **k*^[hl]*lerp*^[hl]-, обозначали, очевидно, металлические орудия с деревянной рукояткой для срезания злаков¹. Для общеиндоевропейской эпохи такое сельскохозяйственное орудие могло быть кремневым с возможной последующей заменой его на металлическое.

Кремневые жатвенные ножи появляются в первых земледельческих поселениях от Центральной Азии (Ан а у) до Передней Азии (Ч а т а л-Х ю ю к и Х а д ж ы л а р, *Mellaart 1965: 117—118*) и позднее Европы, начиная с VII тысячелетия до н. э. Позднее на Ближнем Востоке они заменяются металлическими серпами по мере развития металлургии (в Египте в раннем медном веке — в IV тысячелетии до н. э., *Чайлд 1956*). В некоторых ареалах Передней Азии и Европы металлические и каменные серпы сосуществуют длительное время (*Семенов 1974: 259 и след.*; *Кларк 1953: 117*).

2.8. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ТЕРМИНЫ ДЛЯ «РАЗМАЛЫВАНИЯ ЗЕРНА» И ДЛЯ «СТУПОК»

И.-е. **phlejs*/**phlis*- 'толочь', 'измельчать' (зерно): др.-инд. вед. *pináṣṭi* 'толчет', 'размалывает', *piṣṭá-* 'растолченный', 'размолотый', авест. *pišant-* 'толкущий', греч. πτίσσω 'толку', 'размалываю', лат. *pīnsō* 'толку', 'размалываю', лит. *paisyti* 'вторично молотить ячмень, очищая его от остей, шелухи' (*Būga 1958—1961, I: 300*), чеш. *pěchovati* 'утрамбовывать'; именные образования: др.-инд. *peṣṭar-* 'тот, кто толчет', лат. *pistor* 'мукомол', 'пекарь', *pīsō* 'ступка', *pīlum*, *pistillum* 'пестик', ср.-н.-нем. *uīsel* 'ступка', ст.-слав. *pīšeno* 'пшено', рус. *пшено*, прус. *som-pisinis* 'хлеб из муки грубого помола'.

Рушение и размалывание зерна в ступках (деревянных и каменных) с помощью пестика является древнейшим видом обработки зерна, предшествовавшим появлению собственно зернотерок и мельниц. Архаичные виды таких деревянных (дубовых) ступок обнаруживаются в Литве (*ср. Семенов 1974: 275—277*).

И.-е. **mel-* 'дробить', 'толочь', 'молоть': хет. *malla-* 'толочь', 'молоть', тох. В *melye* 'они дробят', 'они толкут', тох. А *malywät* 'ты толчешь, дробишь', лат. *molō* 'мелю', 'размалываю', др.-ирл. *melim* 'мелю', гот. *malan*

¹ Об этом можно судить, в частности, и по древнейшему свидетельству об этом сельскохозяйственном орудии в индоевропейской традиции—хеттскому *GIŠ̄sarra*, которое могут и сжигать в ритуальных целях (т. е. сжигать его уничтожимую деревянную часть — рукоятку: *GIŠ̄sar-ra-aš ḫa-aš-du-ir me-ir-ga-an-da ца-ar-nu-zi*, VBoT 24 III 30—31 "серпа древо тленное сжигает") и 'выкладывает золотом': *GIŠ̄sarra GUŠKIN GAR.RA* (Bo 703, Vs. 9).

‘молоть’, др.-исл. *mala* ‘молоть’, лит. *malù* ‘мелю’, ст.-слав. *meljǫ* ‘мелю’¹.

Диалектное распределение слов в значении ‘молоть’ не оставляет сомнений в общеиндоевропейском характере корня **mel-* ‘дробить’, ‘молоть’. Лишь в некоторых исторических диалектах (греческо-армяно-арийском) происходит замена первичного слова в указанном значении на новообразования: греч. ἀλέω ‘мелю’, гом. καταλέω ‘мелю’, арм. *alam* ‘мелю’, авест. *aša-* (**arta-*) ‘молотый’, перс. *ārd* ‘мука’, хинди и бенгали *āṭā* ‘мука’.

2.9. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «МЕЛЬНИЦЫ», «ЖЕРНОВА»

С тем же корнем **mel-* ‘молоть’ связывается диалектное индоевропейское обозначение ‘зернотерки’ - ‘мельницы’ **m|-/mul-*, засвидетельствованное в отдельных исторических диалектах: греч. μύλη ‘мельница’, брет. *meil* (**meljā*) ‘мельница’, лат. *molina* ‘мельница’, др.-исл. *mylna* ‘мельница’, прус. *malunis* ‘мельница’.

Интересно, что в некоторых диалектах общее название ‘женщины’ связывается с обозначением ‘мельницы-зернотерки’ **m|-/mul-*, ср. лат. *mulier* ‘женщина’, ср. также арм. *aġ-ik* ‘молодая девушка’ при *alam* ‘мелю’, *atawri* ‘мельница’. Очевидно, молотба была в древности женским занятием. Характерны в этом отношении хеттские данные, указывающие на связь ‘мельницы’ (очевидно, ручной) с ‘женщиной’, ср. хеттскую идеограмму SAL NA₄ARĀ ‘мельничиха’, буквально: ‘женщина жернова’. Во многих ближневосточных культурах помол с помощью ручной мельницы-зернотерки является преимущественно женским занятием.

От того же корня **mel-* образуется в индоевропейском слово в значении ‘мука’, ‘крупа’, то есть результат ‘помола’, дословно — ‘перемолотое’: хет. *metal* (редуплицированная основа) ‘крупа’ (видимо, грубого помола), алб. *miëll* ‘мука’, др.-в.-нем. *gimulli* (нем. *Gemüll*), *mëlo* (нем. *Mehl*), др.-англ. *melu*, др.-исл. *mjǫl* ‘мука’, сербо-хорв. *mlêvo* ‘мука’.

Основной составной частью ‘зернотерки’, ‘мельницы’ является ‘жернов’ — и.-е. **k^ogrāu-*, представленный соответствующими лексемами в широкой группе индоевропейских диалектов: др.-инд. *grāvan-* ‘камень для выдавливания сомы’, арм. *erkan* ‘жернов’, др.-ирл. *bráu*, *pod. nad. broon* ‘жернов’, ‘ручная мельница’, гот. (*asilu*)-*qairnus* ‘(ослиная) мельница’, др.-исл. *kvorn* ‘жернов’, ‘мельница’, др.-англ. *sweorn*, др.-в.-нем. *quirn* ‘жернов’, прус. *girnoywis*, лит. *gìrna*, латыш. *dziřnus*, ст.-слав. *žrūnovŭ* ‘жернов’. Основа увязывается с и.-е. корнем **k^oer-* в значении ‘тяжелый’: др.-инд. *gurú-*, греч. βαρύς, лат. *gravis* и др., ср. *Vendryès 1952a*.

Самые ранние археологические свидетельства о ‘зернотерках-мельницах’ наиболее примитивного седловидного типа относятся к северному Ирану (культура Си алк, около V тысячелетия до н. э., Се-

¹ В древнеиндийском первичный корень *mṛgāti* сохраняется в неспециализированном значении ‘раздробить’, ‘разбить на мелкие кусочки’.

менов 1974 : 280); этот же тип отражен на памятниках египетского искусства V династии. Предполагается, что с Ближнего Востока мельницы-зернотерки этого типа проникают в Европу в значительно более позднюю эпоху (ср. данные о культуре колоколовидных кубков Триполья, около III в. до н. э., *Кларк 1953 : 120*).

Общеиндоевропейский термин для 'жернова' *k'gāu- предполагает наличие уже у индоевропейских племен мельницы-зернотерки для 'обработки зерна' *mel-, наряду с более примитивным орудием—'пестиком' и 'ступкой': *p^hlejs-/p^hlis-, что опять-таки свидетельствует о связях в общеиндоевропейский период с переднеазиатской земледельческой культурой¹.

2.10. ДИАЛЕКТНЫЕ ТЕРМИНЫ ДЛЯ «ЗЕРНА»

Общеиндоевропейское название для 'зерна' не прослеживается с достоверностью по всем диалектам. Обнаруживается лишь диалектно ограниченная основа *k'g-но-, выступающая в западном диалектном ареале: лат. *grānum* 'зерно', др.-ирл. *grán* 'зерно', гот. *kaúrn* 'зерно', др.-в.-нем. *korn* (нем. *Korn*), др.-англ. *corn* 'зерно' (англ. *corn*), лит. *žirnis* 'горох', прус. *syrne* 'зерно', ст.-слав. *zrīno* 'зерно'.

В других группах древних индоевропейских диалектов в значении 'зерно' выступают другие основы, что не позволяет реконструировать для общеиндоевропейского состояния единую лексему в этом значении: хет. *ḫalki* 'зерно', др.-инд. *dhānāḥ*, *мн. ч.* 'зерно', 'злаки', авест. *dānō* 'зерно' при лит. *dūona* 'хлеб' (ср. лит. *žirnis* в более узком значении 'горох').

3. ТЕРМИНОЛОГИЯ СКОТОВОДСТВА И ОХОТЫ

3.1. ТЕРМИНЫ ДЛЯ «ПАСТЬБЫ» И ОХРАНЫ «СТАДА»

Помимо рассмотренных выше, в главе о домашних животных, общеиндоевропейских терминов, относящихся к скотоводству, индоевропейское скотоводческое хозяйство находит отражение в целом ряде других общеиндоевропейских лексических единиц со специализированной семантикой:

И.-е. *Hak'ro- 'невозделанное поле для пастьбы домашнего скота' (*Thieme 1964 : 591—592*): др.-инд. *ájra*- 'пастбище', греч. гом. *ἀγρός* 'поле', 'пастбище' (ср., в частности, E 137), ср. *ἄγραυλος* 'ночующий в поле' (о пастухе, Σ 162, о стаде), лат. *agrestis* 'полевой', 'дикий', ср. *peregrē* 'вне дома, в чужих краях'. В некоторых исторических диалектах слово приобретает вторичное значение 'возделанного поля' (ср. *Grassmann 1863 : 23*): гот. *akrs* 'поле', др.-англ. *æcer* 'поле', 'пашня', 'акр' (англ. *acre*), др.-в.-нем. *ackar* (нем. *Acker*);

¹ Характерно, что и для общесемитского восстанавливается слово, обозначающее 'жернов' *rahaḡ-, а также глагольная форма *-ḫan- со значением 'размалывать (зерно)', ср. *Fronzaroli 1971. VII : 617—618*.

И.-е. *p^{lh}laH- // *p^{lh}loH(i)- ‘охранять’ (в частности, скот), ‘пасти’: хет. *paḥš-* ‘охранять’, тох. А *pās-*, тох. В *pāsk-* ‘охранять’, др.-инд. *pāti* ‘охраняет’, авест. *pāiti* ‘охраняет’, лат. *pāscō* ‘пасу’, ст.-слав. *pasq* ‘пасу’.

Производные от этой же основы в диалектных группах дают значения ‘стадо’, ‘пастух’: греч. гом. πῶν ‘стадо’, ср. др.-инд. *pāyū-* ‘защитник’ (в “Ригведе” о богах), греч. гом. ποιμήν ‘пастух’, лит. *piemiū* ‘пастух’; др.-инд. *go-pā-* ‘пастух’ (буквально: ‘защитник скота’), *avi-pā(lā)-* ‘овечий пастух’, ср. арм. *hoviw* ‘пастух’ (из *Hoi-p^{lh}laH-), лат. *pāstor* ‘пастух’, ст.-слав. *pastyrī* ‘пастырь’, *pastuchŭ* ‘пастух’.

3.2. ДРЕВНЕЕ НАЗВАНИЕ «ПАСТУХА»

И.-е. *ues-t^{lh}er- ‘пастух’: хет. *ueštara-* ‘пастух’, авест. *vāstar-* ‘пастух’; ср. хет. *uešija-* ‘пасти’, *ueši-* ‘пастбище’. Несмотря на ограниченную представленность слова фактически в двух языках (хеттский и древнеиранский), диалектное его распределение указывает на исключительную архаичность основы и делает возможным соотнесение ее с общиндоевропейским периодом. Во всех остальных индоевропейских диалектах эта основа вытесняется производными от рассмотренной выше основы *p^{lh}laH- / *p^{lh}loH(i)- в значении ‘охранять стадо’, ‘пасти’. В хеттском, как и тохарском, сохраняется первичное значение основы *p^{lh}laH- ‘охранять’, ‘соблюдать’ (не только и не столько по отношению к скоту), ср. хеттское выражение *uttar paḥš-* ‘соблюдать, хранить слово (заповедь)’, *paḥḥur paḥš-* ‘поддерживать огонь’ и др. Специализированное значение ‘охранять скот’ закрепляется за этим словом уже после обособления анатолийского и тохарского ареалов в пределах индоевропейской языковой общности.

Другое индоевропейское диалектное название ‘пастуха’ можно видеть в соответствиях производных от основы *k^{lh}el- : ср. греч. βουκόλος ‘пастух коров’ (мик. *qo-u-ko-ro-jo*) при ср.-ирл. *búachaill*, валл. *bugail* ‘пастух’ (ср. алб. *á-sull* ‘зимнее пастбище’); к индоевропейским обозначениям ‘пастуха’ и ‘пастбы’ см. также *Bader 1976a*.

3.3. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ТЕРМИНЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ОХОТЕ

При отсутствии общего индоевропейского термина, обозначающего ‘охоту’ как вид хозяйственной деятельности, удастся тем не менее реконструировать отдельные общиндоевропейские лексемы местного характера, соотносящиеся с различными сторонами занятий охотника. Такие лексемы позволяют судить о характере и особенностях этого вида занятий у индоевропейских племен и установить их типологические характеристики.

Устанавливаемые для отдельных индоевропейских диалектов термины с общим значением ‘охота’, ‘охотиться’, которые увязываются этимологически со значением ‘желать’, ‘домогаться’, ‘любить’ (ср. хет. *ḥurnai-* ‘охотиться’ и *ḥurnai-* ‘домогаться’, ‘оплодотворять’; лат. *uēnor* ‘охочусь’ и ‘домогаюсь’ — отсюда *uēnus* ‘любовь’; рус. *охота*, *охотиться*

и *хотеть*¹; др.-инд. *lubdhaka*- 'охотник' и *lubh-* 'желать', 'домогаться', родственное рус. *любить*² могут объяснять отсутствие общеиндоевропейского термина для 'охоты'. Такое слово должно было быть табуировано в отдельных индоевропейских диалектах или, возможно, еще ранее — в отдельных индоевропейских диалектных объединениях — и заменено эвфемистическими образованиями с почти одинаковой семантической окраской, ср. *Зеленин 1929—1930, I : 125*; *Фасмер 1964—1973, III : 176*.

Уже сам факт табуирования общеиндоевропейского названия 'охоты' и замены его эвфемистическими терминами должен указывать на большое хозяйственно-ритуальное значение этого вида деятельности, с которым у древних индоевропейцев были, очевидно, связаны разные суеверные представления. Это перекликается с рассмотренными выше многочисленными случаями табу названий диких зверей и животных.

К охотничьей терминологии индоевропейской древности следует отнести корень **s/sek^{lh}o-* в значении 'видеть', 'смотреть', 'глаз', 'взгляд', наряду со значением 'следовать':

И.-е. **se/ok^{lh}o-* 'видеть', 'глаз': хет. *šakuṣa* 'глаза', *šakuṣai-* 'видеть', 'смотреть', гот. *saihvān* 'видеть', др.-исл. *sjá* 'видеть', др.-англ. *sēon* (англ. *see*), др.-в.-нем. *sehan* (нем. *sehen*), др.-ирл. *rosc* 'глаз', 'взгляд' (**pro-sk^wo-*), алб. *shoh* 'видеть', 'смотреть' (см. также выше, стр. 121);

➤ И.-е. **sek^{lh}o-* 'следовать', 'преследовать': др.-инд. *sácate* 'следует', греч. ἔπομαι 'следую', лат. *sequor* 'следую', 'преследую' (например, *hostem* 'врага'), др.-ирл. *sechithir* 'следует', лит. *sėkti* 'следовать', *at-sėktas* 'выслеженный'.

При проецировании обоих этих значений в одном слове на общеиндоевропейский уровень (ср. сочетание этих значений в одном корне в кельтском: др.-ирл. *rosc* 'взгляд', 'глаз' и *sechithir* 'следует', и балтийском: лит. *sėkti* 'следить взглядом' и 'следовать', *Būga 1958—1961, II : 584*)³ следует постулировать общую лексему **s/sek^{lh}o-* в значениях 'глаз', 'взгляд', 'смотреть', 'видеть' и 'следовать', 'преследовать'. Объединение

¹ Ср. синтаксически схожие построения с индоевропейским глаголом **ei-/*i-* 'идти': хет. *ḫupṣanṣi pai-* 'идти охотиться', *Ehelolf 1930 : 148—149*; лат. *uēnātum ire* 'идти на охоту', рус. *идти охотиться*.

² Аналогичная семантика исторически характерна, очевидно, и для древнегерманского слова для 'охоты': др.-в.-нем. *jaḡōn* 'охотиться' (нем. *jagen, Jagd*), сопоставляемо с др.-инд. (ṛḡá-)уакṣа- 'стремиться', 'домогаться', *Grassmann 1873 : 1069*.

³ Сочетание этих значений в одном и том же слове можно предположить и для хеттского языка. Встречающийся в контекстах юридического содержания хеттский глагол *šakuṣai-*, обозначающий определенный вид наказания (*Friedrich 1952 : 177*), должен выражать значение 'следовать' (в специализированном юридическом смысле, ср. рус. *следовать ~ пре-следовать*, лат. *sequor* 'следую' ~ *pro-sequor* 'преследую'). При таком допущении становится понятной формально-этимологическая связь хет. *šakuṣai-* 'видеть' и *šakuṣai-* как обозначения 'вида наказания' (очевидно, особый вид преследования). В хеттском слово *šakuṣai-* в первоначальном значении 'следовать' сохраняется только в этом специализированном юридическом значении 'преследовать', в отличие от некоторых других древних индоевропейских диалектов, которые, однако, теряют значение 'видеть', 'смотреть'.

этих значений в общей основе становится понятным при допущении значения 'следить взглядом', 'не упускать из вида', 'следовать глазами', очевидно, за преследуемым зверем. Основу *s/sek^[h]⁰- следует отнести тем самым к древнейшей охотничьей терминологии общеиндоевропейского языка, ср. *Vendryès 1949/50; Pokorny 1959: 896—897*. Первичный охотничий характер индоевропейского термина *s/sek^[h]⁰- все еще сохраняется в некоторых исторических диалектах в специфических контекстах, ср. лат. *lupum sequor* 'преследую волка', лит. *sèkti paĩkšcio skridimq* 'следить за полетом птицы' и т. п.

Другим сохранившимся термином охотничьего языка, реконструируемым для общеиндоевропейского или во всяком случае для достаточно древней индоевропейской диалектной общности (арийско-германо-кельтской), является и.-е. *selk'-: др.-ирл. *selg* 'охота', *sleg* 'копье', др.-валл. *in-helcha* 'охотьясь', 'на охоте', *helgha-ti* 'охотьясь!', валл. *heliwr* 'охотник', брет. *di-elc'hat* 'выдохнуться'; др.-англ. *be-sylcan* 'обессилеть' (англ. *sulky* 'понурий', 'сникший'); др.-инд. *srjāti* 'спускает' (в частности, собак: *srjāti śunah*), авест. *harəzaiti* 'выпускает', 'высылает'. Сопоставление приводимых значений, выражаемых производными от основы *selk'- в рассматриваемых индоевропейских диалектах, позволяет реконструировать для определенной древней диалектной общности охотничий термин, выражавший, вероятно, специфический вид охоты, включавшей преследование зверя собаками. Охота с собаками является одним из древнейших типов охоты на дикого зверя, свидетельства которой известны из большого числа древних наскальных изображений, см. выше, рис. на стр. 592.

Обнаруживаемые следы специальной охотничьей терминологии в индоевропейском свидетельствуют о довольно развитой охотничьей деятельности, которая наряду с земледелием и скотоводством служила, очевидно, основным видом хозяйственных занятий у древних индоевропейцев.

Охота еще долго остается одним из видов хозяйственной деятельности и в условиях развивающегося земледелия и скотоводства. В таких земледельческих и скотоводческих обществах охотничья деятельность служит как для добывания пищи, так и для целей охраны хозяйства от диких животных.

4. ЭЛЕМЕНТЫ МАТЕРИАЛЬНОГО БЫТА ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

4.1. ОБЩИЕ ТЕРМИНЫ ДЛЯ «ЕДЫ» И «ПРИЕМА ПИЩИ»

Характер пищи древних индоевропейцев определяется типом их хозяйственной деятельности и состоит из продуктов скотоводческой, земледельческой и охотничьей деятельности. Сохранившиеся общеиндоевропейские слова, обозначающие разные виды пищи, дают возможность судить о характере пищи древних индоевропейцев.

Для общеиндоевропейского восстанавливаются общие термины в значении 'есть' и 'пить':

И.-е. *et'- 'есть': хет. *etmi* 'я ем', 3 л. мн. ч. *adanzi* 'они едят', др.-инд. *ádmi* 'ем', авест. *adāiti* 'пусть ест', арм. *uțem* 'ем', греч. *ἔδομαι*, лат. *edō* 'ем', др.-ирл. *estar* (*et'-s-tʰlʰro) 'ест' (конъюнктив), гот. *itan* 'есть', др.-англ. *etan* (англ. *eat*), др.-в.-нем. *ezzan* 'есть' (нем. *essen*), лит. *ėdu* 'ем', ст.-слав. *jamī* 'ем'.

Именные производные от этого корня дают субстантивные образования в значении 'пища', 'корм'. При этом разное суффиксальное оформление основы дает в отдельных диалектах семантическое противопоставление 'корм' (для скота) ~ 'пища' (человека):

Хет. *etri* 'корм для скота' (ср. хет. *etrija-*, лув. *adari-* 'кормить'), *La-roche 1955*: 82; греч. *ἔϊθρ* 'корм', 'пища', 'кушанье' (*Chantraine 1964*: 16); лит. *ėda* 'еда', рус. *еда*, болг. *яда* 'еда', др.-исл. *áta* 'пища', 'питание'.

От того же корня образуется основа на *-ntʰlʰ-, принимающая в ряде диалектов значение 'зуб': ср. хет. *adant-* 'едящий' и 'съеденный' при др.-инд. *dán*, вин. п. *dántam* 'зуб', арм. *atam*, греч. *ὀδών*, род. п. *ὀδόντος* 'зуб', лат. *dēns*, род. п. *dentis*, др.-ирл. *dēt*, гот. *tunþus*, др.-в.-нем. *zand* (нем. *Zahn*), др.-англ. *tōð* (англ. *tooth*), лит. *dantis* 'зуб'.

Особенно часто корень *et'- в значении 'есть' выступает в сложных словах в конструкциях с предшествующим объектом, что указывает на исключительную древность структуры:

Др.-инд. *madh(u)v-ád-* 'медо-ед', ст.-слав. *mědv-ědī* 'медведь'; ср. лит. *duon-ėdis* 'хлебо-ед' (*Būga 1958—1961*, II: 692); др.-инд. *kravy-ád-* (<*kravya-ad-*) 'мясо пожирающий' (об Агни, *Geib 1975*), греч. гом. *ὠμ-ηστῆς* 'плотоядный' (о животных, X 67), др.-инд. вед. *āmād-* 'сырое мясо едящий' (о хищных птицах).

4.2. ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ «СЫРАЯ ПИЩА» — «ВАРЕНАЯ ПИЩА»

Противопоставление 'сырая пища' ~ 'вареная пища' как характеристика 'нечеловеческой' и 'человеческой' пищи явно реконструируется уже для общеиндоевропейского и отражается в отдельных исторических диалектах, ср. хет. *huišyant-* 'сырое мясо' ~ *zaniçant-* 'вареное мясо' (в хеттских ритуалах).

В качестве общего слова для 'сырого мяса' в индоевропейском реконструируется форма *kʰlʰreuH-/*kʰlʰruH-, к которой восходят др.-инд. *kravīh* ср. р. 'сырая плоть', 'сырое мясо', *kravyát* 'сырое мясо', *krūrā-* 'кروавый', 'страшный', авест. *xrūra-* 'кروавый', 'страшный', *xrū-* 'кусочек кровавого сырого мяса', греч. *κρέας* 'мясо', лат. *cruor* 'густая кровь, текущая из раны', *cruentus* 'кروавый', ср.-ирл. *crú* 'кровь', др.-исл. *hrár* 'сырой', 'несваренный', др.-в.-нем. (*h)rō* 'сырой' (нем. *roh*), лит. *kraūjas* 'кровь', ст.-слав. *krŭvī* 'кровь'.

'Мясо' вообще как продукт, употребляемый в пищу, нейтральный по отношению к признаку 'вареный', 'несырой' ~ 'невареный', 'сырой', выражается общим словом *mēms-o-, засвидетельствованным по всем основ-

ным древним индоевропейским диалектам¹: тох. В *mīsa* ‘мясо’, др.-инд. *mānsām* ‘мясо’ (ср. вед. *mānsa-bhikṣā* ‘просьба о мясе’ того животного, которое хочется поест, *māns-rācana-* ‘варящий мясо’), арм. *mīs*, род. п. *msou* ‘мясо’, греч. гом. *μηρία, μηρα* ‘бедровые части, куски’, алб. *mish* ‘мясо’, лат. *membrum* ‘член’ (первоначально: ‘относящийся к частям туши, тела’), др.-ирл. *mír* ‘кусок’ (мяса), гот. *mitz* ‘мясо’, прус. *mensā* ‘мясо’, латыш. *mīesa* ‘мясо’, ст.-слав. *męso* ‘мясо’.

Семантическое противопоставление ‘сырой’ ~ ‘несырой’, отличающее человеческую пищу от пищи животных, которое реконструируется для индоевропейского, характерно типологически для многих культур, находящихся на различных ступенях развития (*Lévi-Strauss 1964*) и отличающихся от культур с менее последовательным разграничением этих категорий (ср. к такой типологии *Ingham 1971; Soler 1973*).

4.3. ОБРАБОТКА ПИЩИ НА «ОГНЕ»

Общее слово, обозначающее обработку человеческой пищи на огне, реконструируется в форме **p^hlek^hl^o*: тох. А *pāk-* ‘варить’, ‘вариться’, ‘готовить’, ‘быть готовым’, тох. В *pākω-* ‘варить’, др.-инд. *pācanti* ‘варят’, ‘жарят’, ‘готовят на огне’, греч. *πέσσω* ‘варю’, *ἄρτο-κόπος* ‘хлебопек’ (ср. арм. *hac* ‘хлеб’ из **p^hlok^hl^o-t^hli*), лат. *coquō* ‘пеку’, ‘варю’, ‘стряпаю’, лит. *kerū* ‘пеку’, *kėrti* ‘печь’, ‘жариться’, ‘печься’, ‘выпекаться’, ст.-слав. *pekō* ‘пеку’, алб. *pjek* ‘пеку’.

Предполагается наличие и других терминов в индоевропейском, связанных со значением ‘обработки пищи’: **b^hrek^h’-/*b^hruk^h’*: др.-инд. вед. *bhr̥jāti* (*dhānās*) ‘жарит (зерна)’, ср. греч. *φρύετρον* ‘сосуд для жарения ячменя’, *φρύω* ‘жарю’, ‘сушу’, др.-инд. *bharjana-* ‘жарящий’, ср.-перс. *barštan* ‘жарить’ (перс. *birištan* ‘жарить’), ст.-лат. *ferctum* ‘жертвенный пирог, приготовленный из ячменя, меда и масла’, причастие от **fergō* ‘жарю (зерна ячменя)’, оск. *fertalis* ‘ритуальная церемония, во время которой приносились жертвенные пироги’, лит. *biřgelas* ‘домашнее пиво’, латыш. *biřga* ‘чад’, ‘дым’, прус. *aubirgo* ‘кухмистер’ (*Топоров 1975-, I : 143—144*).

4.4. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «ОГНЯ» И «ОЧАГА»

Пища, естественно, готовилась на ‘огне’ **p^hl^hh^hur* (хет. *paḥḥur*, тох. А *por*, В *puwar*, арм. *hur*, род. п. *hrou* ‘огонь’, греч. *πῦρ* ‘огонь’, умбр. *pir* ‘огонь’, др.-исл. *furr* ‘огонь’, гот. *fōn*, др.-англ. *fȳr* ‘огонь’, англ. *fire*, др.-в.-нем. *fuir*, нем. *Feuer*, прус. *rapno* ‘огонь’²), горевшем в ‘очаге’ **Has-*

¹ Соответствующее хеттское слово скрывается за шумерограммой UZU (аккадское *šigu* ‘мясо’).

² Это слово, принадлежавшее в раннем индоевропейском к инактивному классу и противостоявшее обозначению ‘огня’ **ḡk^hni-* (др.-инд. *agni-*, лат. *ignis*, ст.-слав. *ogni*) как активной силы, вытесняется в дальнейшем в отдельных диалектах (древнеиндийском, латинском, литовско-латышском, славянском) этим последним обозначением. В других диалектах, наоборот, обобщается основа **p^hl^hh^hur*, вытесняя древнее активное слово и

хет. *ḫa-aš-ši*, *дат.-мест. п.* 'в очаге', *оск.* *aasaí* 'в очаге', *лат.* *āra* 'очаг'; ср. др.-хеттскую формулу *ḫa-aš-ši-i pa-aḫ-ḫu-ur*, *ВоТУ 10 β 23—25* 'в очаге огонь' с *оскской aasaí purasiaí* 'в очаге огнем'.

4.5. ОБРЯДОВАЯ РОЛЬ «ОГНЯ» И «ОЧАГА» В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

Поддержание 'огня' в 'очаге' и приготовление горячей пищи играло, очевидно, существенную роль в хозяйстве индоевропейцев и приобретало ритуальную значимость, что и отразилось в исключительной культово-ритуальной значимости 'очага' и обрядовой группы 'поваров—приготовителей пищи' в отдельных индоевропейских традициях.

В хеттской традиции имеются специальные инструкции для 'поддержания огня' (зачастую ритуального) в 'очаге'. Служителей храмов и других должностных лиц призывают 'раздувать' и 'охранять' огонь в очаге, ср. хет. *ḫa-aš-ši pa-aḫ-ḫu-ur pa-ra-iš-te-ni*, *2 ВоТУ 10 β 22* "в очаге огонь будете раздувать"; *nu IZI me-ik-ki pa-aḫ-ḫa-aš-tin* "и огонь чрезмерно охраняйте", *КUB XIII 4 III 44*. Имелись даже специальные 'люди огня' (*LÚMEŠ paḫḫuenaš*), которым вменялось в обязанность следить за 'огнем' (*КВо V II Vs. I 21—24*). Особые 'повара' (идеограмма *LÚMUḪALDIM*), занятые приготовлением пищи, в частности, во время религиозных обрядов и церемоний, формируются в отдельную касту должностных лиц, получающих надель за свои труды (ср. упоминания поваров *LÚMUḪALDIM* в дарственной грамоте Арнуванды, *КВо V 7 I Rs. 13*, *Riemschneider 1958 : 352*).

Аналогичные ритуальные группы с еще более сложившейся ритуальной функцией известны и в древнеримской традиции. Существовали специальные коллегии 'поваров'. Из архаической надписи фалисской коллегии поваров (*Ququei*) известно, что они преподносили дары 'высшим богам' (*Imperatoribus Summeis*) — Юпитеру, Юноне и Минерве.

В Риме долгое время сохранялся общественный культ огня, воплощаемый богиней Вестой. Известны очаги разных типов и разной формы: круглые, посвященные Весте, и четырехугольные, посвящаемые другим божествам, что аналогично противопоставлению четырехугольных и круглых очагов в древней Индии (*Dumézil 1966 : 311*; ср. о Греции *Vernant 1969*). Такой 'огонь' обычно разводился в середине 'дома' или всего 'селения', 'города' (ср. 'срединный огонь' в кавказских традициях).

В индийской традиции в течение длительного времени сохраняется, с одной стороны, культ 'огня' и 'очага' (к иранским названиям 'очага' ср. *Eilers 1974*), с другой стороны, ритуальные касты 'поваров', по своему типу сходные с хеттскими. Такие повара должны были готовить пищу во время религиозных праздников и общественных церемоний, *Hocart 1970 : 116, 125*.

стирая тем самым первоначальное индоевропейское противопоставление названий 'огня' по признаку активности—инактивности денотата. Слово, по-видимому, первоначально характеризовало специальную 'обработку зерен (в частности зерен ячменя) на огне'.

4.6. РИТУАЛЬНАЯ ПИЩА, ПРЕПОДНОСИМАЯ БОЖЕСТВУ

Сохранившиеся в отдельных исторических индоевропейских традициях ритуалы приготовления пищи и посвящения ее богам могут отражать древнейшие обычаи, относящиеся еще к общендоевропейской эпохе. Для индоевропейского можно даже предположить наличие особого термина *t'aHr[h]- в значении 'ритуальных яств, преподносимых божеству и съедаемых во время праздничных церемоний': лат. *daps* 'торжественная (культовая) трапеза', 'пища', 'обед', 'пиршество', ср. тох. А *tāp*- 'есть', арм. *tawn* 'празднество', др.-исл. *tafn* 'жертвенное животное', 'жертвенная пища'.

Следовательно, наряду с индоевропейским словом *et'- в общем значении 'есть', 'питаться' выделяется также основа *t'aHr[h]- в значении 'поедать ритуальную пищу, приносимую божеству'. Такое первоначальное значение этого слова явно прослеживается еще в его рефлексах в исторических индоевропейских диалектах и их производных.

Особенно ясно семантика этого слова проявляется в латинском. Лат. *daps* — это 'пиршественные яства, посвящаемые богам и изобилующие мясом и вином'; их поедают торжественно участники церемонии посвящения богам (*Benveniste 1966a : 323 и след.*). Образование на -l дает адъективную форму, обозначающую божество, которому посвящается жертвенное пиршество: *Jupiter Dapālis* 'Юпитер, которому посвящается торжественная трапеза'. Такое латинское образование на -l сопоставимо с тохарским А *tāpal*, употребляемым в некотором модальном значении: 'то, что должно быть съедено', 'пища' (*Thomas W. 1952 : 57, 62; ср. Van Windekens 1976 : 497*), ср. *šiškis tāpal mā pälskānt* 'они не думали о возможности поедания львом'. Формально совпадает с этими образованиями и хет. ^{LÜ}*tappala-* в значении 'должностного лица, связанного с придворной кухней' (*Friedrich 1952 : 210*). Такое формально-смысловое совпадение не оставляет сомнения в этимологической соотнесенности хет. *tappala-* с рассмотренными выше формами в других индоевропейских диалектах. Наличие этой основы в хеттском, тохарском и других исторических индоевропейских диалектах дает надежные основания для постулирования этого слова в общендоевропейском языке в значении '(поедать) обрядовые яства, приносимые божеству'.

4.7. «ОБМЕН» ПИЩЕЙ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ И БОГАМИ И ОБОЗНАЧЕНИЕ «ГОЛОДА»

Жертвоприношения божествам воплощают в древних обществах представление о некотором 'взаимном обмене', существующем между 'людьми' и 'богами'. Принесение пищи в жертву божествам предполагает изобилие пищи, посылаемое богами людям. При нарушении такого 'взаимного обмена' боги могут перестать посылать пищу на землю, что может привести к 'голоду'.

Восстанавливается и индоевропейское слово в значении 'голод' на основании свидетельств хет. *kašt-* 'голод', *kištant-* 'голод', тох. А *kašt* 'го-

лод', тох. В *kest* 'голод', ср. др.-инд. *jásuri-* 'изголодавшийся', 'тощий', *Mayrhofer 1956, I : 425; Van Windekens 1976 : 168*).

Фактор 'голода' людей и богов при нарушении нормального 'обмена' между ними играет существенную роль в хеттских ритуально-мифологических текстах, отражающих, очевидно, древнейшие индоевропейские представления. Так, в "Молитвах Мурсили во время чумы" высказываются опасения по поводу возможной гибели от голода богов, которым люди перестанут приносить в жертву хлеб и питье (*Goetze 1929 : 239*). В древнехеттском мифе о Телепину такая участь постигает людей из-за гнева бога. Подобные мотивы являются характерной особенностью древних земледельческо-скотоводческих обществ, к которым следует причислять и индоевропейцев.

4.8. ДРУГИЕ ТЕРМИНЫ ДЛЯ «ПРИЕМА ПИЩИ»

К общеиндоевропейской лексике, относящейся к 'еде', 'потреблению пищи', принадлежит и форма **k^oer-* 'глотать', дающая в диалектах специфические значения 'жадно есть, потреблять пищу и питье': др.-инд. *giráti* 'глотаает', *-gara-* 'глотающий' (в словосложениях типа *aṣa-gará-* 'заглатывающий козлов', о змее), авест. *ṣaraiti* 'проглатывает', ср. *aspō-gar-* 'заглатывающий лошадь', *garāman-* 'глотка', арм. *ker*, *kur* 'пища', *kokord* 'глотка', алб. *ngrānë* 'съеденный', греч. гом. βρώμη 'еда', 'пища', βρωσις 'еда', βρωτός 'пища', βιβρώσχω 'наедаюсь', греч. βωρός 'прожорливый', лат. *uorō* 'пожираю', ср. лат. *carni-uorus* 'плотоядный', др.-ирл. *[túarae]* 'пища', лит. *geriù* 'пью', ст.-слав. *po-žǐrō* 'пожру', ср. *Pokorný 1959 : 474—475*.

4.9. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ «ПИТЬЯ», «ПОГЛОЩЕНИЯ ЖИДКОСТИ»

Семантема 'пить' представлена в индоевропейском двумя основами: **ek^hl^o-* и **p^hl^oh(i)-*;

И.-е. **ek^hl^o-* : хет. *ekuzzi* 'он пьет', 3 л. мн. ч. *akuṣanzi* 'пьют', лув. *aku-*, иер. лув. *aku-*, пал. *aḥu-* 'пить', тох. А, В *yok-* 'пить'; сюда же относятся основы в значении 'вода': лат. *aqua* 'вода', гот. *ahva* 'река', др.-исл. *æger* 'бог моря';

И.-е. **p^hl^oh(i)-* : хет. *paš-* 'глотать', греч. πίνω 'пью', πῖσι 'пей!'; сюда же относится πῖμα 'питье', др.-инд. *ṛibati* 'пьет', лат. *bibō* 'пью', др.-ирл. *ibid* 'он пьет', прус. *poieiti* 'пьет', ст.-слав. *pijō* 'пью', алб. *pi* 'пить', арм. *ətrəp* 'пью'.

Наличие двух основ, восстанавливаемых для индоевропейского в значении 'пить', предполагает некоторую семантическую дифференцированность глагола в зависимости от подразумеваемого или примысливаемого объекта. Судя по семантике производных от этих первичных глагольных образований (ср., с одной стороны, лат. *aqua* 'вода', гот. *ahva* 'река', 'поток воды', с другой, лат. *ṛibus* 'питье', 'напиток', ст.-слав. *pivo* 'напиток', др.-инд. *ṛāpat* 'напиток' и др.), глагол **ek^hl^o-* должен был означать пер-

воначально 'пить воду' (ср. хет. *ṣatar ekuiteni* 'воду будете пить', тох. А *wār yoktsi* 'воду пить'), тогда как *p^hloH(i)-, по всей вероятности, означало 'пить какой-либо напиток', возможно *med^hu- 'мед', 'опьяняющий напиток', *ue/ojno- 'вино', а также, вероятно, 'молоко' (см. выше об этих продуктах и их обозначениях в индоевропейском).

Вместе с пищей в жертву богам приносили и напитки. Жертвенную пищу часто окропляли напитками. Акт такого жертвенного возлияния выражался специальным словом *sp^hlent'-, отразившимся в целом ряде древних индоевропейских диалектов (см. выше, стр. 652).

4.10. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «ПИЩИ, ПРИГОТОВЛЕННОЙ НА ОГНЕ»

Из названий приготовляемой на огне пищи, сохранившихся в отдельных индоевропейских языках, несомненно общеиндоевропейского происхождения *jeu-s- 'похлебка (мясная)', 'варево': др.-инд. *yūh / yūṣān-* 'суп', 'похлебка из мяса', лат. *iūs*, род. п. *iūris* 'похлебка', 'суп', 'подливка', прус. *juse* 'мясная похлебка', лит. диал. *jūšė* 'рыбная уха', 'варево', слав. **jucha*: др.-рус. *уха*, словен. *júha* 'суп', чеш. *jícha* 'похлебка'; сюда же относится, вероятно, греч. ζύμη 'закваска' (Pokorný 1959 : 507).

Другое диалектное слово в аналогичном значении 'похлебки', обработанной на огне или посредством брожения пищи, представлено формой *k^hlr-em-: др.-инд. *karam-bhá-* 'ячменная каша', 'похлебка', лат. *cremor* 'слизистый густой сок', галл. *хобрм* 'вид пива', др.-ирл. *coirm* 'пиво' (Pokorný 1959 : 572), ст.-слав. *krǫma* 'корм', рус. *корм* (Фасмер 1964—1973, II : 329).

4.11. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ «СОЛИ»

Для приготовления пищи из земледельческих и мясных продуктов была необходима 'соль', название которой в общеиндоевропейском восстанавливается в форме *sal-, по свидетельству тох. А *sāle*, тох. В *saluyiye*, греч. ἄλς 'соль', арм. *at* 'соль', лат. *sāl*, др.-ирл. *salann* 'соль', гот. *salt* 'соль', др.-в.-нем. *salz* (нем. *Salz*), др.-англ. *sealt* (англ. *salt*), латыш. *sāls* 'соль', ст.-слав. *solŭ* 'соль'. В древнеиндийском засвидетельствовано переносное значение 'соленый' ⇒ 'море': др.-инд. *sal-ilá-*, ср. греч. ἄλς 'море' (см. подробнее выше, стр. 674).

4.12. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «МАСЕЛ»

Общий термин для 'масла' (по-видимому, как животного, так и растительного) восстанавливается в индоевропейском в форме *selp^h-: тох. А *ṣalyup*, тох. В *ṣalyupe* 'масло' (сливочное или оливковое), 'жир', др.-инд. *sarpís-* 'топленое масло', 'жир', греч. ἔλπος 'растительное масло'; 'ἔλαιον' (Гесихий), алб. *gjálpë* 'масло', др.-в.-нем. *salba* 'мазь' (нем. *Salbe*),

1 Хеттское слово среднего рода для 'соли' скрывается за шумерограммой MUN-an; ср., однако, форму общего рода MUN-aš (Friedrich 1952 : 286).

salbōn 'намазывать' (нем. *salben*), др.-англ. *sealfian* 'намазывать' (англ. *salve*); ср. также выше, стр. 569 и след., о словах для обозначения 'сливочного масла'.

Другое слово для 'масла', преимущественно для натирания, намазывания, образовано от основы **ong^{lh}*⁰-: др.-инд. *añjānti* 'натирают', 'умасливают', *añjah* 'мазь', 'масло' (ср. *añjas-pā* 'пьющий масло'), арм. *aw-canet* 'намазываю' (Meillet 1936 : 37), лат. *unguō* 'мажу, намазываю мазью', 'умасливаю', 'покрываю салом', 'приправляю жиром', *unguentum*, *unguen* 'мазь', умбр. *umtu* 'натираю', др.-ирл. *imb* 'масло', прус. *anc-tan* 'масло', др.-в.-нем. *ancho* 'масло'.

Значения этого слова, засвидетельствованного в исторических индоевропейских диалектах, дают возможность реконструировать общеиндоевропейские значения 'мазь', 'масло для умащения'; 'мазать', 'намазывать', 'умасливать', что указывает на практику применения масел не только в пищу, но и для натирания тела и в других хозяйственных целях.

5. ТЕРМИНОЛОГИЯ РЕМЕСЕЛ И РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

5.1. ТЕРМИНЫ «ПРЯДЕНИЯ» И «ТКАЧЕСТВА», «ШИТЬЯ»

Среди основных занятий в домашнем хозяйстве, которые были обязанностью женщин уже в общеиндоевропейский период, выделяются 'ткачество' **Нцѣb^{lh}*-, 'прядение' **sneH*- и 'шитье' **sju*-(H)-.

Основные термины, связанные с ткачеством **Нцѣb^{lh}*-, и производные от этого корня, были рассмотрены выше, в главе о домашних животных в связи с описанием роли 'овечьей шерсти' и ее ритуально-хозяйственных применений (см. выше, стр. 581 и след.), а также в связи с добычей и производством 'льна' **l̥no*- и 'конопли' (стр. 659 и след.):

И.-е. **sneH*-(i-/u-) 'прясть', 'ткать', 'связывать', 'скручивать': греч. гом. *véw* 'пряду', *νῆμα* 'ткань', 'пряжа', *νῆσς* 'прядение', лат. *neō* 'пряжу', 'тку'; ср.-ирл. *sním* 'прядение', др.-в.-нем. *nāu* 'шью', *nājan* 'шить' (нем. *nähen*), латыш. *snāt* 'прясть', 'скручивать'; сюда же относятся образования на -u-: тох. В *šñaura*, мн. ч. 'жила', 'нерв', греч. гом. *νέβρον* 'жила', 'тетива из воловьих жил', 'шнур', *νέβρη* 'тетива', др.-инд. *snāvan*- 'жила', авест. *snāvarə* 'жила', арм. *neard* 'жила', ст.-слав. *snijō* 'сную', 'тку основу ткани' (ср. Трубачев 1966 : 90—91, 113);

И.-е. **sju*-(H)- 'связывать', 'шить', 'скручивать': хет. *šummanza(n)* 'веревка' (Oettinger 1980), др.-инд. *syūman*- 'веревка', 'шнур', 'пояс', греч. *βύβη* 'жила'; др.-инд. *śivayati* 'шьет', лат. *suō* 'шью', гот. *siujan* 'шить', лит. *siūti* 'шить', латыш. *šūt* 'шить', ст.-слав. *šijō* 'шью'; возможно, сюда же относится хет. *šuel* 'нить' (?) (Friedrich 1952 : 196);

И.-е. **seH*(i)- 'связывать', 'скручивать': хет. *išhija*- 'связывать' (отсюда *išhiul* 'договор'), лув. *hišhija*- 'связывать' (редуплицированная основа), др.-инд. *syāti* 'связывает', аор. 3 л. ед. ч. *āsāt*, латыш. *siet* 'связывать', лит. *siėti* 'связывать', *saĩtas* 'привязь', латыш. *saĩte* 'завязка', 'пута', 'бечевка', прус. *-saytan* 'ремень', ст.-слав. *seiti* 'петля', 'ловушка', 'запад-

ня', др.-в.-нем. *seito* 'веревка', 'петля' (нем. *Saite* 'струна'); сюда же относятся образования на *-m-*: хет. *išhimana-* 'веревка', 'бечевка', греч. гом. $\epsilon\mu\acute{\alpha}\varsigma$, род. п. $\epsilon\mu\acute{\alpha}\nu\tau\omicron\varsigma$ 'ремень', др.-исл. *sími* 'веревка', 'шнур'.

Формально-семантическое сопоставление индоевропейских основ **sju(H)-* и **seH(i)-* и их производных позволяет сделать вывод об их вероятной исторической соотнесенности. Представляется возможным основу **sju(H)-* считать древней формой нулевой ступени, оформленной на суффикс **-u-*: **seH(i)-* → **sHj-u-*.

5.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «ОДЕЖДЫ» И «ОДЕВАНИЯ»

Общеиндоевропейский термин для 'одежды' и 'одевания' вообще восстанавливается в форме **ues-*, отраженной во всех основных древних индоевропейских диалектах: хет. $\mu\epsilon\check{s}\check{s}(i\check{j}a)$ -, $\mu\check{a}\check{s}\check{s}(i\check{j}a)$ - 'одеваться', 3 л. ед. ч. медиопас. *mešta* (KUB IX 28 I 15), лув. $\mu\check{a}\check{s}$ -, тох. А *wās-* 'одеваться', тох. В *wās-* 'одеваться', др.-инд. *vāste* 'одевается', авест. *vaste* 'одевается', арм. *z-genum* 'одеваюсь' (из **ues-nu-*), греч. гом. $\xi\upsilon\upsilon\upsilon\mu\iota$ 'одеваю', мед. 'одеваюсь', алб. *vesh* 'одевать', *vishem* 'одеваться', гот. *wasjan* 'одевать', др.-исл. *verja* 'одевать'; именные производные: хет. $\mu\check{a}\check{s}pa$ - 'одежда', Goetze 1955 : 52—53; Watkins 1969a; лув. $\mu\check{a}\check{s}pa-nt-$, тох. А *wsāl* 'одежда', ср. др.-исл. *vesl* 'одежда'; др.-инд. *vāsana-* 'одежда' (ср. греч. $\epsilon\alpha\nu\acute{o}\varsigma$ 'женское одеяние'), авест. *vanhana-* 'одежда'; др.-инд. *vāstra-* 'одежда', авест. *vastra-* 'одежда'; арм. *z-gest* 'одежда', греч. $\epsilon\sigma\theta\eta\varsigma$ 'одежда', лат. *vestis* 'одежда', гот. *wasti* 'одежда'.

Основа **ues-* может этимологически увязываться с первичным корнем **eu-* (нулевая ступень с суффиксом **-es-*) 'надевать', 'натягивать', ср. Lane 1931 : 5; лат. *ex-uō* 'раздеваю', *ind-uō* 'надеваю', *ind-uuias* 'одежда'; арм. *aganim* 'надеваю', др.-ирл. *fuan* (из **uro-ou-no*, Pokorny 1959 : 346), лит. *avėti* 'носить обувь', *aūti* 'обувать', латыш. *āut* 'обувать', ст.-слав. *ob-ujo* 'обуваю', ср. авест. *aōtra-* 'обувь'.

Обнаруживаются также некоторые диалектные слова, являющиеся обозначениями отдельных частей одежды или ее типов, как, например, греч. $\zeta\omega\nu\eta$ 'пояс', $\zeta\omega\sigma\tau\acute{o}\varsigma$ 'опоясанный', гом. $\zeta\omega\sigma\tau\eta\rho$ 'кушак', $\zeta\omega\sigma\tau\rho\nu$ 'пояс', авест. *yāh-* 'пояс', *yāsta-* 'опоясанный', алб. *ngjesh* 'опоясывать', лит. *jūostas* 'опоясанный', *jūosta* 'пояс' и др., ср. Barber 1975.

5.3. ОБЩИЙ ТЕРМИН ДЛЯ «РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА» В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

К индоевропейской терминологии ремесленного производства в широком значении относится и основа **tʰlekʰls-* 'изготавливать', 'плести', 'обрабатывать' (преимущественно дерево острым орудием, топором), 'лепить'. Такой широкий спектр, восстанавливаемый по рефлексам этой основы в исторических индоевропейских диалектах, может указывать на собирательное обозначение соответствующим словом процесса ремесленного производства вообще (плотницкое ремесло, ткацкое дело, гончарное производство и др.):

45 Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов

Хет. *takš-*, *takkeš-*, *taggaš-* 'делать', 'соединять', 'составлять', 'строить', 'изготавливать'; др.-инд. *tákṣati* 'изготавливает', 'приготавливает', 'мастерит' (например, в "Ригведе" *rátham* 'колесницу', *caṣālam aśvayūpāya* 'венец жертвенного столба'), *taṣṭá-* прич. пр. вр., авест. *tašta-* 'чаша', ср. лат. *testa* 'кирпич', 'сосуд', 'горшок'; др.-инд. *tákṣan-* 'плотник', авест. *tašan-* 'создатель', 'творец', ср. греч. τέκτων 'плотник', др.-инд. *táṣtar-* 'плотник', ср. лат. *textor* 'ткач', авест. *tašaiti* 'изготавливает', 'плотничает', *taša-* 'топор' (перс. *taš* 'топор'); греч. τέχνη 'ремесло', 'искусство', 'мастерство', лат. *texō* 'плету', 'тку', 'составляю', 'строю', др.-ирл. *tál* (**tókslo-*) 'топор', др.-в.-нем. *dehsa*, *dehsala* 'топор', 'секира', ср.-в.-нем. *dehsen* 'ломать коноплю', 'лен', лит. *tašyti* 'тесать', латыш. *tēst* 'тесать', 'обрабатывать', ст.-слав. *tesati* 'тесать', рус. ц.-слав. *тесла* 'плотничий инструмент' (ср. Трубачев 1966 : 152).

5.4. ДИАЛЕКТНЫЕ ТЕРМИНЫ ДЛЯ РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Диалектно более ограничена другая индоевропейская основа **kʰlʰer-* примерно в том же значении 'делать', 'соединять', 'мастерить', 'формировать', отражающая некоторую общность процесса ремесленного производства:

Др.-инд. *karóti* 'делает', 'соединяет', 'приготавливает', *kárman-* 'ремесло', *Viśvá-karman-* 'Всех дел мастер' (божество в "Ригведе"), *karmāra-* 'кузнец', авест. *karənaoiti* 'делает', 'совершает', *čārā-* 'средство', 'способ', др.-ирл. *cruth* 'образ', 'форма', ср.-ирл. *creth* 'стихосложение', лит. *kūrti* 'создавать', 'творить', прус. *kūra* 'строит'.

Если сюда же относится и хет. *k̄er-/kur-* 'резать', 'отрезать' (Pedersen 1938 : 128; ср. Friedrich 1952 : 113), то основу следует считать относящейся к общиндоевропейской эпохе.

5.5. ТЕРМИНЫ ДЛЯ ОБРАБОТКИ ДЕРЕВА

К индоевропейским терминам, относящимся к обработке дерева, принадлежит и основа **pʰlʰekʰlʰ-* 'плести', 'переплести'¹:

Др.-инд. *praśna-* 'плетение', авест. *frašnəm* 'плетение', греч. гом. πλέκω 'заплетая', 'плету', лат. *plectō* 'плету', 'свиваю', 'сплетаю', др.-в.-нем. *flehtan* 'плести' (нем. *flechten*), *flahs* 'лен' (нем. *Flachs*), др.-англ. *fleax* 'лен' (англ. *flax*), ст.-слав. *pletq* 'плету'.

И.-е. **tʰlʰer-* 'тереть', 'сверлить': греч. гом. τείρω 'тру', τέρετρον 'бурав', лат. *terō* 'тру', 'обтачиваю', 'вытачиваю', 'выскабливаю',

¹ Основа **pʰlʰekʰlʰ-* может представлять Состояние II от индоевропейского корня **pʰlʰel-* 'складывать', см. Pokorny 1959 : 834; ср. Watkins 1971 : 1535: греч. δι-πλός 'двойной', лат. *di-plus*, *di-plex* 'двойной' (буквально: 'вдвойне сложенный'); гот. *twēi-fls* 'сомнение', др.-в.-нем. *zwiwal* 'сомнение' (нем. *Zweifel*); алб. *pálë* 'складка', др.-в.-нем. *faltan* 'складывать' и др. Состояние I от той же основы, возможно, представлено в индоевропейской форме **pʰlʰelʰkʰlʰ-* 'крутить, поворачивать': др.-в.-нем. *felga* 'обод колеса' (ср. выше о бинюмах Бенвениста, стр. 225 и след.).

др.-ирл. *tarathar* 'тот, кто сверлит', др.-в.-нем. *drāen* 'вращать' (нем. *drehen*), ст.-слав. *tŭrŭ* 'тру', лит. *trinti* 'тереть';

И.-е. *b^hler- 'обрабатывать острым орудием' (в том числе дерево, землю): авест. *tiži-bāra-* 'с острым резцом', арм. *brem* 'выкапываю', 'высверливаю', алб. *borig(ë)* 'щепка', *brimë* 'дыра', греч. *φάρω* 'пашу', *φάρος* 'плуг', лат. *forō* 'буравлю', 'просверливаю', 'продырявливаю', др.-в.-нем. *borōn* (нем. *bohren*), др.-англ. *borian* (англ. *to bore*), др.-исл. *bora* 'сверлить', рус. *борть* 'дупло', 'выдолбленное дерево'.

И.-е. *sk^hler- (с различными суффиксальными дополнениями) 'резать', 'стричь', 'кроить': др.-инд. *kṛnāti* 'режет', авест. *kərantaiti* 'режет', 'сдирает шкуру', 'свежает', греч. гом. *κείρω* 'режу', 'стригу', др.-исл. *skera* 'резать', др.-в.-нем. *sceran*, др.-англ. *sciëran* 'стричь', 'резать', рус. *крою*, полаб. *krüöje* 'режет', др.-ирл. *scara(im)* 'отделяю';

И.-е. *t^her- 'сдирать кору, кожу': греч. гом. *δέρω* 'сдираю шкуру', 'свежаю', 'сдираю кору', арм. *terem* 'сдираю шкуру, кору', гот. *dis-tairan* 'разрывать', др.-англ. *teran* 'разрывать' (англ. *tear*), др.-в.-нем. *zeran*, *fir-zeran* 'разрывать' (нем. *verzehren*), лит. *dirti* 'сдирать' (шкуру), 'лупить', 'драть', ст.-слав. *derŭ* 'деру'.

5.6. ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ГОНЧАРНОГО ДЕЛА

Специальные слова, относящиеся к гончарному делу, представлены в индоевропейском небольшим числом общих терминов. Это прежде всего *d^hleǵ^h- в специализированном значении 'глина', 'материал для гончарного производства', а также 'сооружение из глины', 'глинобитная стена'; *d^hleǵ^h- в глагольном значении: 'месить глину', 'лепить'. Все эти предполагаемые значения общиндоевропейского термина отражены в соответствующей семантике его рефлексов в исторических индоевропейских диалектах:

Тох. А *tseke* 'образ', др.-инд. *dehī* 'стена' (глинобитная), *dehayati* 'обносит стеной', авест. *pairi-daēzayeiti* 'обносит стеной', др.-перс. *didā-* 'крепость'; греч. гом. *τείχος* 'стена', 'твердыня', 'укрепление', 'вал'; оск. *fei-hüss* 'стены' (*вин. пад. мн. ч.*); лат. *figō* 'леплю', 'образую', 'формирую', *figulus* 'горшечник', 'гончар', ср. др.-в.-нем. *tegal* 'тигель' (нем. *Tiegel*), гот. *daigs* 'тесто', др.-в.-нем. *teig* 'тесто' (нем. *Teig*), др.-англ. *dāg* 'тесто' (англ. *dough*).

Отсутствие других терминов гончарного дела, относящихся несомненно к общиндоевропейскому языку, следует объяснить возможной утерей уже в отдельных исторических диалектах общих названий продуктов и приспособлений гончарного производства и заменой их новыми словами (к диалектным терминам гончарного дела см. *Трубачев 1966 : 173 — 308*), ср. невозможность реконструкции с несомненностью общиндоевропейского специального названия 'гончарного круга'¹.

¹Если, однако, в качестве такового не рассматривать индоевропейские названия 'колеса' *k^hl^hok^hl^hol^h- (др.-инд. *сакга-* 'круг', греч. *κύκλος* 'круг' и др.), *rot^hl^hol^h- (лат. *gota* 'колесо', 'гончарный круг'), ср. оба этих значения и у хет. *ḫurki-* 'колесо' и 'гончарный круг'

Такая нестабильность в отдельных диалектах названий керамических изделий общего происхождения, как, впрочем, и названий других видов продуктов ремесленного производства (сохраняются лучше термины, обозначающие определенный вид ремесленной деятельности, чем названия продуктов этой деятельности), объясняется, по-видимому, меняющейся технологией ремесленного производства и появлением новых предметов с новыми обозначениями. В таких условиях исследователь лишен возможности постулировать на общезыковом уровне термины, встречающиеся в отдельных диалектах, хотя эти термины и могут продолжать формы, существовавшие в период языковой общности.

Таким образом, даже при отсутствии разветвленной гончарной терминологии, восстанавливаемой для общеиндоевропейского, можно предполагать определенный уровень развития гончарного дела у древних индоевропейцев с соответствующими техническими приспособлениями для изготовления керамических изделий и обжигания их в печах.

В связи с этим можно предположить, что некоторые термины, относящиеся к гончарному делу и сохранившиеся лишь в определенных диалектных общностях, могут отражать и соответствующие термины общеиндоевропейской эпохи.

К таким ареальным терминам гончарного дела с возможным постулированием праформы на общеиндоевропейском уровне могут быть отнесены следующие: др.-инд. *ikhá-* 'горшок для варки', гот. *aúhns* 'печь' (ср. др.-англ. *ofnet* 'маленький сосуд', др.-в.-нем. *ovan* 'печь', нем. *Ofen*), греч. *ἰπυβός, ἰπυβός* 'печь', лат. *aula, aula* 'горшок' (ср. *Pokorny 1959 : 88*) на основании сравнения с хет. *ḫappina* 'в печь' (*направит. пад., Oettinger 1976 : 29*), прус. *witpnis* 'печь для выпечки хлеба';

Др.-инд. вед. *gharmá-* 'котел', 'жар', *ghṛná-* 'жар', лат. *formus* 'теплый', *fornus* 'печь', *fornāx* 'печь', *fornix* 'свод' (видимо, 'свод из горшков', *Трубачев 1966 : 199*), др.-рус. *гѣрнѣ* 'горн', 'плавильная печь'. Исходная индоевропейская основа **g^her-* в первоначальном значении определяется как 'жар', 'тепло' (др.-инд. *háras-* 'жара', греч. *θερμός* 'горячий' и др.), однако уже довольно рано слово могло приобрести специальное техническое значение термина гончарного дела (ср. *Ernout/Meillet 1967 : 248*).

Гончарное дело возникает на раннем этапе неолитической революции и после VII—VI тысячелетий до н. э. распространяется из Передней Азии на территорию Европы и на восток в Азию (ср. *Mellaart 1965 : 86, 105—106, 115 и след.*).

(шумерограмма G1ŠDUBBIN), ср. об этом подробнее ниже. В типологии культур устанавливается синхронная закономерность: гончарный круг предполагается в культурах, где наличествует колесо, *Childe 1954*. Несомненно устанавливаемое наличие 'колеса' у древних индоевропейцев, во всяком случае к периоду начала распада индоевропейской общности, делает вероятным наличие у них 'гончарного круга'.

5.7. ТЕРМИНОЛОГИЯ МЕТАЛЛУРГИИ. НАЗВАНИЯ «МЕДИ»

Гончарное производство является предпосылкой развития кузнечного дела и металлургии (*Wertime 1973a*). Нужные для этого температуры порядка 800°—1000°С достигались именно в специально оборудованных гончарных печах. Выплавка металлов могла происходить в специальных котлах, изолировавших металл от воздуха и не допускавших его окисления, ср. *Forbes 1955—1964, IX; Aitchison 1960*.

Для общиндоевропейского удается реконструировать целый ряд названий ‘металлов’, что само по себе свидетельствует о знакомстве древних индоевропейцев с определенными видами металлов и их использовании в хозяйстве для производства орудий:

И.-е. ***Haǵe/os-**: др.-инд. *áyah*, род. п. *áyasaḥ* ‘металл’, ‘железо’, ‘железное орудие’, ‘меч’, ‘нож’, авест. *ayah-*, род. п. *ayahñō* ‘металл’, ‘железо’, лат. *aes*, род. п. *aeris* ‘медь’, ‘бронза’; ‘медное, бронзовое изделие’, гот. *aiz* ‘руда’, др.-в.-нем. *ēr* ‘руда’, др.-исл. *eir* ‘руда’, ‘медь’; производное на *-no-: авест. *ayahnaēna-* ‘металлический’, ‘железный’, лат. *aēnus* ‘медный’, ‘бронзовый’, др.-англ. *æren*, др.-в.-нем. *ērīn* ‘рудный’.

Ввиду многообразия значений производных от основы ***Haǵe/os-** в исторических индоевропейских диалектах: ‘медь’, ‘бронза’ (‘железо’), не представляется возможным выбрать формально одно из двух значений — ‘медь’ или ‘бронза’ — в качестве первичного. Соображения типологического характера (первичность ‘меди’ по отношению к ‘бронзе’, представляющей собой сплав ‘меди’ с ‘оловом’ или его заменителями¹) свидетельствуют в пользу первоначального значения ‘медь’ для индоевропейского ***Haǵe/os-**. С появлением ‘бронзы’, известной в Передней и Юго-восточной Азии с IV тысячелетия до н. э. (*Forbes 1955—1964, IX; Wertime 1973 b : 876*), название ‘меди’ могло быть перенесено на ‘бронзу’, как позднее, уже в эпоху железа (в Западной Азии и Индии на рубеже II и I тысячелетий до н. э.), это же название переносится на ‘железо’, ср. в древнеиндийском описа-

¹ Древнейшие образцы ‘меди’ известны в Передней Азии начиная с Чатал-Хююка (VII—VI тысячелетия до н. э.), *Neuninger/Pittioni/Siegl 1964*.

В этом отношении интересны месопотамские ритуальные тексты, в которых воспеваются ‘огонь’ (шум. *gibil*), смешивающий ‘медь’ (шум. *ugudu*, аккад. *egú*) и ‘олово’ (шум. *ap-pag*, аккад. *appaqu*), *Levey 1959 : 211*. Любопытно, что в шумерском тексте “Энки и мировой порядок” говорится о ‘бронзе’ как о сплаве ‘меди с оловом’, ввозимом из восточной страны Мелухха, вероятно, Индии (ср. *Falkenstein 1964 : 76*): шум. *ugudu-zu pangaza-baḡ(-g[a] ḡé-ét)* “медь твоя (то есть страны Meluhḡa) олово-бронзы да будет” (то есть ‘содержит’). Очевидно, в шумерскую эпоху оловянистая бронза ввозилась в Месопотамию из страны Meluhḡa. Такая бронза в шумерском называется иногда просто ‘медью Meluhḡa’ (*ugudu-me-luḡ-ḡa*, *Sjöberg 1963 : 257*). Характерно, что уже давно было предположено происхождение шумерских ‘бронз’ из древних городов долины Инда, ср. *Aitchison 1960, I : 42—43, 62*. Только значительно позднее (вероятно, после разрушения городов долины Инда и нарушения торговых связей с Индией) ‘олово’ для производства ‘бронзы’ в Месопотамию и Малую Азию (*kārum Kaniš*) стали завозить с Запада, в частности с Пиренейского полуострова, ср. *Wertime 1973a, b*.

тельное название 'железа' от этого слова *kṛṣṇāyasa-* (*kṛṣṇa-*+*ayas-*), буквально: 'черный металл', ср. *Thieme 1964: 594*¹. Замена первичного названия 'меди' на 'бронзу' могла начаться довольно рано, возможно, еще в пределах общеиндоевропейского языка или отдельных его диалектных объединений. Этот процесс и отражен в соответствующих словах исторических индоевропейских диалектов, в которых наряду с обычным значением 'бронза' представлено и значение 'медь'.

5.8. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «МЕТАЛЛОВ» И ЦВЕТОВЫЕ ПРИЗНАКИ

Индоевропейское слово в значении 'медь', 'бронза' заменяется в ряде исторических диалектов на новообразования, возникающие путем заимствования или в результате обобщения названия определенного цвета на соответствующий металл. Так, к примеру, в хеттском уже не прослеживается это индоевропейское слово, и в значениях 'медь' и 'бронза' выступают другие слова: хет. *kuṣanna-* 'медь', 'драгоценный камень', 'купоросно-синий', лув. *kuṣanzi-* 'медь' (ср. *Laroche 1959a: 59*) при мик. греч. *kuṣa-no* 'синее стекло', греч. гом. *χάυνο* 'синий', 'медь', 'сталь'²; хет.

¹ Др.-инд. *kṛṣṇá-* 'черный' с соответствиями прус. *kirṣnap*, ст.-слав. *črǫpŭ*, лит. *kėršas* 'черно-белый (в пятнах)' (без суффиксального элемента *-no-). Слово является диалектным обозначением 'черного цвета', ограниченным индо-ирано-балто-славянской диалектной общностью, ср. *Порциг 1964: 247*; для той же диалектной области характерно и название 'черно-серого' цвета (по-видимому, как масти лошадей): др.-инд. *śyāvā-* 'черно-бурый', 'гнедой', авест. *syāva-* 'черный' (ср. личное имя *Sīiāušāspi-*, буквально: 'с гнедыми лошадьми', *Mayrhofer 1979: 1175*), прус. *sywan*, лит. *šjuas* 'серо-белый, сивый', ст.-слав. *siŭj* 'черный', *Порциг 1964: 246*.

В индоевропейском не восстанавливается общего слова для 'железа'. Слова для 'железа', несводимые друг к другу, возникают лишь в отдельных исторических индоевропейских диалектах, что само по себе указывает на появление 'железа' после расчленения индоевропейского языка на отдельные диалектные группы. Появление первых образцов 'железа' датируют III тысячелетием до н. э. (*Wertime 1973 a: 674, 676, 682; 1973b: 875, 882*); Распространение железа как выплавляемого металла относят ко времени после XII в. до н. э. (ср. *Coghlan 1956*), что согласуется с датировкой формирования отдельных исторических индоевропейских диалектов и, возможно, диалектных общностей. Возникающие в этих диалектах слова для 'железа' обнаруживают определенные связи с ареалом средиземноморских и ближневосточных языков:

Греч. гом. *χαλκός* 'металл', 'медь', 'сталь', мик. *ka-ko* 'металл', 'медь' (ср. *ka-ke-u*, греч. гом. *χαλκεύς* 'кузнец') формально сопоставимо с балто-славянским названием 'железа': прус. *gelso*, лит. *geležis*, диал. лит. *gelžis* 'железо', латыш. *dzēlzs*, ст.-слав. *želězo* 'железо'. Соответствующий диалектный архетип восстанавливается в форме **g^[h]elǵ^[h]-*, которая может быть связана с названием малоазиатского понтийского племени *χάλυβες*, известного в античной традиции как *οἰδοπρότεκτορες* 'искусные в обработке железа', ср. *Пиотровский 1959: 161; Planhol 1963*. С этим же увязывается и хаттско-хеттское название 'железа' *ḫapalki-* (*Laroche 1966*), вошедшее также в хурритский (*ḫabalgī* 'железо') и аккадский языки (*ḫabalkippu* 'железо'), *Diakonoff 1971: 79*.

Лат. *fergum* 'железо', греч. *βίρρη* (*Гесихий*) может быть связано с аккад. *parzillu* 'железо', араб. *parzel*, др.-евр. *barzel*, угар. *brd1* (*brš₂1*, ср. *Aistleitner 1963: 60*) 'железо', сванск. *berež* 'железо', ср. *Furnée 1972: 232, 251, 252*.

² Предлагается сравнение слова с шум. *KU.AN* 'металл (цвета) неба', *Halleux 1969*.

harašu- 'бронза' (заимствование аккад. *hurāšu* 'золото'?; к сдвигу значения ср. финское заимствование *vaski* 'медь' при индоевропейском 'золото', ср. арм. *oski*, тох. А *wās* 'золото' и др., ср. шум. guškin 'золото', см. ниже).

Названия других металлов, применяемых в качестве примесей к 'меди' при выплавке 'бронзы', в хеттском основаны на первичных индоевропейских словах, обозначающих цветовые признаки: ср. хет. dankuli- 'олово' (первоначально: 'темный', ср. хет. *dankui-* 'темный', др.-в.-нем. *tunkal* 'темный', нем. *dunkel*) и *šuli(ia)-* 'свинец', ср. лат. *lividus* 'синеватый', 'синева-серый', 'свинцового цвета', *liuor* 'синева', 'свинцовый цвет', др.-ирл. *lí* 'цвет', 'блеск', рус. *слива* (первоначально: 'плод темного цвета', ср. словен. *slīv* 'цвета сливы, голубоватый'), др.-в.-нем. *slēha*, нем. *Schlehe* 'терн', др.-англ. *slāh* 'терн' (англ. *sloe*)¹, ср. *Neumann 1957*.

Связь названия 'металла' и соответствующего 'цветового признака' особенно ясно видна в индоевропейской форме ***r(e)ud^{lh}**- в значениях 'красный металл', 'медь' и 'красный (цвет)': ср. др.-инд. *lohá-* 'красный металл', 'медь', 'железо', лат. *raudus*, мн. ч. *rūdera* 'кусочек меди', 'медяк', ст.-слав. *ruda* 'μέταλλον', 'металл', рус. *руда*, в.-луж. *ruda* 'железняк', 'красная земля', др.-в.-нем. *aruzzi*, *erizzi*, *aruz* 'руда', др.-сакс. *arut* 'руда', др.-норв. *ørtog* 'третья часть медной монеты' при др.-инд. *lōhita-* // *rōhita-* 'красный', *rudhirá-* 'красный', ср. тох. В *ratre* 'красный', тох. А *rtār* 'красный', хотанско-сакс. *rrusta-* 'красный', греч. гом. *ῥουθρός* 'красный' (*Dürbeck 1977 : 121 и след.*, ср. *ῥουθρός χαλκός* 'красный металл', I 865), лат. *ruber* 'красный', *rūbidus* 'темно-красный', умбр. *rufri* 'rubros', др.-ирл. *rūad* 'красный', др.-исл. *rjóðr* 'красный', *rauðr* 'красный', гог. *raups*

¹ Зачастую бывает сложно определить направление семантического перехода от одного значения к другому. В случае рассматриваемых выше лексем не вполне ясно, что нужно положить в основу первоначального значения: следует ли допустить семантический переход от цвета ('темный') к названию соответствующего металла ('свинец', *Neumann 1957*) или от металла ('свинец') к соответствующему цвету ('темный', 'с блеском', то есть 'с характерным металлическим блеском'). Наличие у латинского *lividus* значения 'свинцового цвета' и значение др.-ирл. *lí* 'блеск' делают вероятным именно второе допущение семантического развития — от 'металла' (то есть 'свинца') к 'цвету' (то есть 'темного как свинец цвета', 'со свинцовым блеском' и т. п.). Такое допущение дало бы основание постулировать для общиндоевропейского название 'свинца' в форме ***sl-i-**, которая сохранилась только в хеттском в этом значении и была заменена в других языках заимствованиями типа лат. *plumbum* 'свинец' (*Ernout/Meillet 1967 : 516*), греч. гом. *μολιβός* 'свинец' и другими. В других индоевропейских диалектах производные от этой основы выступают уже в семантически преобразованном значении цветового признака и блеска соответствующего металла. Связь с первичным индоевропейским значением этого слова ***sl-(i)-** можно было бы видеть и в греч. гом. *σβλος* 'расплавленная масса металла'. Сохранение начального ***s-** в греческом можно сравнить с аналогичными случаями типа *σῶς* 'свинья' наряду с *ῥς* (см. об этих формах выше, стр. 598).

‘красный’, др.-в.-нем. *rōt* (нем. *rot*), др.-англ. *rēad* (англ. *red*), лит. *raūdas* ‘красный’, др.-рус. *рудъ* ‘красный’ (ср. *Risch* 1979).

Диалектное распределение слова в значениях ‘руды’, ‘красного металла’ и в значении цветového признака ‘красный’ не оставляет сомнений в его общеиндоевропейском характере в обоих этих значениях, отразившихся соответствующим образом в исторических индоевропейских диалектах; характерно также наличие закономерных аблаутных чередований этой индоевропейской формы, представленной в вариантах как полной (**reud^{lh1}*-), так и нулевой (**rud^{lh1}*-) ступеней.

Значение ‘медь’ для рассматриваемого индоевропейского слова можно предположить как на основании семантического свидетельства его рефлексов в отдельных диалектах (ср. древнеиндийское, латинское ‘медь’), так и ввиду его семантической связи с цветovým признаком ‘красный’ — цветовой признак, характерный для ‘меди’ и ‘медной руды’.

При наличии в индоевропейском слова **Haie/os-* уже в значении ‘бронза’ (см. выше) форма **r(e)ud^{lh1}*- обозначала, очевидно, специализированное значение ‘меди’ или ‘красной руды’, ‘красного металла’ — основного продукта, из которого выплавлялась ‘бронза’ с помощью различных примесей.

5.9. СВЯЗЬ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО НАЗВАНИЯ «МЕДИ» С ДРЕВНЕМЕСОПОТАМСКИМ

И.-е. **r(e)ud^{lh1}*- ‘медь’ по своему звучанию и значению весьма близко к шумерскому слову *urudu* ‘медь’. Шум. *urudu* (восходящее, возможно, к “протошумерской” форме **burudu*, лежащей в основе названия реки Е в ф р а т, аккад. *Purattu*, то есть реки, по которой сплавляли ‘медную руду’, ср. *Limet* 1960), является общим термином для обозначения различных видов ‘меди’.

Медная металлургия в Месопотамии известна с конца VI тысячелетия, причем обнаруживается преемственность от культуры Х а с с у н ы (Телль-эс-Савван возле Багдада) до убейдской культуры (4400—4300 гг. до н. э.) и ранней шумерской (*Desch et al.* 1928—1936; *Levey* 1959 : 196—211).

Связь индоевропейского **reud^{lh1}*- с шум. *urudu* была предположена еще И. Ш м и д т о м (*Schmidt J.* 1890), ср. также *Hommel* apud *Pokorný* 1959 : 873. Такая связь может быть истолкована только в одном направлении: заимствование шум. *urudu* в общеиндоевропейский в форме **r(e)ud^{lh1}*- (вопреки предположению Ш е р е р а, *Scherer* 1947, об обратной направленности заимствования)¹.

Наличие в общеиндоевропейском слова, общего с шумерским языком (и, очевидно, заимствованного из шумерского), ставит вновь вопрос о контактах между этими языками и связях между ареалами их распространения.

¹ Заимствование шум. *urudu* из индоевропейского исключается уже на том основании, что шумерское *urudu* происходит из более древней формы **urudu*, далеко отстоящей от соответствующей индоевропейской формы и не сводимой к ней и по хронологическим соображениям.

5.10. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «СЕРЕБРА» И СВЯЗЬ С ПРИЗНАКАМИ «БЕЛЫЙ», «БЛЕСТЯЩИЙ»

Мин: АРУ = АК!

С первичным обозначением цвета 'белый', 'светлый' связано индоевропейское название 'серебра' *Hark'-: хет. *harki-* 'белый', 'серебро'¹ (ср. тох. А *ārki*, тох. В *ārkwī* 'белый'), греч. гом. *ἄργυρος* 'серебро' (ср. *ἀργύριος* 'белый', 'ослепительный'), арм. *arcat* 'серебро', др.-инд. *rajatá-* 'серебро' (ср. *árjuna-* 'белый', 'светлый', 'серебряного цвета'), авест. *arazata-* 'серебряный', др.-перс. *ardata-* 'серебро', лат. *argentum* 'серебро', оск. *aragetud* 'argento', др.-ирл. *argat* 'серебро'².

Обнаружение общеиндоевропейского слова для 'серебра' предполагает естественным образом знакомство древних индоевропейцев с 'серебром' и допускает возможность наличия металлургии серебра. Серебро, в отличие от золота, крайне редко встречается в виде самородков. Ранняя металлургия серебра предполагается обычно в местах, где серебро находят вместе со свинцом (*Forbes 1950* : 582—585; 1955—1964, VIII : 194—259; *Aitchison 1960*, I : 46—47). Обнаружение следов названия 'свинца' в индоевропейском может служить косвенным указанием на возможность металлургии 'серебра' у древних индоевропейцев.

5.11. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «ЗОЛОТА»

Общеиндоевропейское слово для 'золота' восстанавливается в форме *Hau-s- / *Hu-os- : лат. *aurum* (из **ausum*, ср. сабин. *ausom*), прус. *ausis*, лит. *áuksas* (из **auskas*); тох. А *wās* 'золото', тох. В *yasa* 'золото', арм. (*v*)*oski* 'золото'³; сопоставляется с шум. *guškin* 'золото' (ср. *Aalto 1959*).

В целом ряде исторических индоевропейских диалектов происходит замена первичного индоевропейского слова для 'золота' новообразовани-

¹ Ср. хет. DINGIRLIM-aš (или ši-ú-па-aš) KÜ.BABBAR-i 'серебро (вероятно, harki-) божества', *Hoffner 1968* : 41. К хеттским названиям цветов см. *Riemschneider 1957*.

² В германских, балтийских и славянских языках индоевропейское слово для 'серебра' заменяется другим названием, находящим параллели в широком ареале средиземноморских языков: гот. *silubr* 'серебро', др.-англ. *seolfor* (англ. *silver*), др.-в.-нем. *sil(a)bar* (нем. *Silber*), прус. *siablan* (*вин. п.*) 'серебро', латыш. *sidrabs*, *sudarbs* 'серебро', лит. *sidābras* 'серебро'; ст.-слав. *siębro*, *sūębro* 'серебро'. Германско-балто-славянское слово для 'серебра' может быть сопоставлено с баск. *zillar*, *zigar*, *zidar* 'серебро' (*Tovar 1970*: 271—272), [араб. *šarif-* 'серебро', хауса *zūřfa* 'серебро', лид. *Σίβρφ· έπ· ἀργυρέφ· ποταμῶ* 'в серебряной реке'. Более отдаленные связи проявляет эта группа слов с картвельским **werčx/-*, сопоставляемым некоторыми исследователями с хурри-урартским *ušḫi* 'серебро', *Меликишвили 1968* : 126—127; *Diakonoff 1971* : 167. Замена первичного индоевропейского слова для 'серебра' в германско-балто-славянском должна указывать на древние переднеазиатские связи носителей этой группы индоевропейских диалектов. С другой стороны, и первичное индоевропейское слово для 'серебра' *Hark'- находит аналогии в некоторых древних языках ближневосточного ареала, в частности кавказских: лак. агси, дарг. агс, табас. агс, арч. агсі, авар. шагас 'серебро', ср. *Lafon 1933* : 91—92. *Satəm-*ные формы, засвидетельствованные в кавказских языках, говорят о заимствовании из диалектов типа арийского.

³ Хеттское слово для 'золота' скрывается за шумерограммой KÜ.GI=GUSKIN 'золото'.

ями, связанными преимущественно с основой *ǵʰlʰel- 'желтый' (ср. др.-инд. *hári-* 'желтый', *zari-* 'желтый', греч. *χόλος* 'желчь', лат. *fel* 'желчь', др.-в.-нем. *gelo*, нем. *gelb* 'желтый' и др.): др.-инд. *hīraṇya-*, авест. *zaranya-*, др.-перс. *daraniya-* 'золото', гот. *gulþ* 'золото', др.-англ. *gold* (англ. *gold*), др.-в.-нем. *gold* 'золото' (нем. *Gold*), латыш. *zēlts* 'золото', вост.-лит. *želtas* 'золотой', ст.-слав. *zlato* 'золото'. В германо-балто-славянском слово для 'золота' образуется от основы *ǵʰlʰel- 'желтый', осложненной суффиксом *-tʰlʰ-. В индо-иранском выступает основа на -n-. В обоих случаях мы имеем дело, очевидно, с достаточно ранней заменой первичного слова для 'золота' на новообразование в отдельных диалектных общностях.

В греческом замена первичного индоевропейского слова 'золото' осуществлялась путем довольно раннего заимствования из семитского формы *χρῶς* 'золото', микен. греч. *ku-ru-so*, ср. аккад. *ḫurāṣu*, угар. *ḫrṣ*, др.-евр. *ḫārūṣ* (ср. *Masson 1967; Ventris/Chadwick 1973 : 558*).

5.12. СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ НАЗВАНИЯМИ МЕТАЛЛОВ И ЦВЕТОВ

Анализ названий 'металлов' в индоевропейском позволяет сделать вывод о тесной связи их с названиями 'цветовых признаков'. Каждый металл называется по его характерному цвету. С другой стороны, не исключено, что названия самих цветовых признаков возникли в соответствии с именами металлов, которые воспринимались по свойственным им цветовым признакам. Во всяком случае, анализ названий металлов в индоевропейском дает возможность установить некоторую систему цветовых противопоставлений, соотнесенных с металлами: **reudʰlʰ-* 'красный', 'темно-красный' ~ 'медь'; **harkʰ-* 'блестящий', 'белый' ~ 'серебро'; **ǵʰlʰel-* 'желтый', 'желто-зеленый'¹ ~ 'золото'.

Типологически такую индоевропейскую систему цветов, соотнесенных с металлами, можно считать характерной для социально достаточно развитых типов культур с символическими значениями цветов, соотносимых как с металлами, так и с явлениями иного порядка, в частности социального (см. ниже об индоевропейских социальных рангах), ср. к типологии *Крюков 1968*.

5.13. ТЕРМИНЫ КУЗНЕЧНОГО ДЕЛА

Устанавливаемые по лексическим данным следы металлургии и обработки металлов у древних индоевропейцев (см. об этом также ниже в разделе об изготовлении 'колесниц') предполагают наличие в индоевропейском общих слов для 'кузнечного дела', 'кузнеца' и инструментов кузнечного производства ('молот', 'наковальня' и др.). Однако обнаруживаются лишь диалектные слова более или менее широких диалектных ареалов в этом значении и почти что нет слов, относящихся к 'кузнечному делу', могущих

¹ Ср. к этому значению греч. *χλωρός* 'желто-зеленый' (*Dürbeck 1977 : 108*), лит. *žėliū* 'зеленое', прус. *saligan* 'зеленый', латыш. *zelt* 'зеленеть', ст.-слав. *zelenū* 'зеленый'.

претендовать на общиндоевропейскую древность. Такое явление может легко объясняться особой значимостью 'кузнецов' и 'кузнечного дела' в индоевропейскую эпоху и мотивированным этой значимостью табуированием в диалектных группах целого ряда общих терминов кузнечного ремесла и заменой их другими образованиями. Сохранившиеся лишь в отдельных исторических диалектах термины кузнечного ремесла, которые не обнаруживают закономерных соответствий в других группах индоевропейских диалектов, не могут быть формально сведены к общим архетипам индоевропейской древности, отражающим специальные термины кузнечного дела. Но каждая из таких групп слов может в принципе отражать и общиндоевропейскую лексику и быть непосредственно продолжением древних форм общиндоевропейского периода. Эти соображения дают методологическое основание рассматривать в исследовании, анализирующем общиндоевропейскую лексику, и некоторые из таких диалектных слов.

К числу подобных диалектных терминов кузнечного дела можно отнести форму *khljaHu-: лат. *cūdō* 'бью', 'колочу', 'кую, обрабатываю металл', др.-в.-нем. *houwan* 'бить', 'рубить', 'ковать' (нем. *hauen*), др.-англ. *hēawan* 'ударять', 'высекать' (англ. *hew*), др.-исл. *hoggva* 'бить', 'сечь', ст.-слав. *kovъ* 'кую', лит. *kaiju* 'бью', 'рублю', 'убиваю'; сюда же, возможно, относятся тох. А *ko-*, тох. В *kau-* 'убивать', ср. тох. А *košt-* 'бить', 'наносить удар'.

В том же диалектном ареале обнаруживается название кузнечного 'молота', также и в мифологическом значении 'молот' — 'оружие бога грома', 'молния', ср. ст.-слав. *mlatŭ* 'молот', лат. *malleus* 'молот', 'колотушка', а также др.-исл. *mjöllnir* 'молот бога грома Тора', 'молния', валл. *mellt* 'молния', прус. *mealde* 'молния', ст.-слав. *mlŭniji* 'молния'. Если др.-хет. *malatti-* 'боевое оружие' (*Sommer/Falkenstein 1938: 60*; ср. *Friedrich 1952: 133*) относится сюда же (полное формальное соответствие при семантической близости), то слово следует несомненно считать общиндоевропейским в значении 'орудия' в широком смысле, и в частности орудия кузнеца, которое в связи с индоевропейским культом 'бога-кузнеца'¹ обожествляется и становится обозначением космических сил.

¹ Наличие образа 'обожещенного кузнеца' — бога огня и кузнечного дела в отдельных древних индоевропейских традициях (хет. *Ḫaḫamili-* 'бог-кузнец, живущий в подземном мире', др.-инд. *Viśvakaḥman-* 'бог—всеобщий ремесленник', 'бог-кузнец', осет. *Kurd-alægon* 'бог-кузнец', греч. гом. *Ἡφαίστος* 'Гефест', 'бог огня иковки металлов', лат. *Volcānus* 'бог огня и кузнечного дела', др.-исл. *Vǫlundr* 'мифологический кузнец') позволяет реконструировать этот мифологический образ и в общиндоевропейской традиции, отражающий реального 'ремесленника-кузнеца' — мастера огня и кузнечного дела. Характерно, что при различии имен богов-кузнецов в отдельных индоевропейских традициях (очевидно, результат замены первоначального общего названия) образы их совпадают до мельчайших подробностей: в германо-греческо-латинской традиции бог огня и кузнечного дела предстает в виде хрѳового и чаще всего карлика-гнома, выступающего в сходных сюжетных мотивах (попытка изнасилования богини или дочери короля соответственно в греческой и германской традициях и др., ср. *Шрадер 1886: 236, 237*).

5.14. НАЗВАНИЯ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ОРУДИЙ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ: «ТОПОР»/«СЕКИРА»

С развитием металлургии и кузнечного дела было связано и появление целого ряда металлических орудий определенных типов. При этом наряду с появлением металлических орудий сохраняются в эпоху меди и отдельные каменные орудия, в частности 'каменный молот'. Любопытно, что слово для 'молота' в германских языках увязывается со словом для 'камня', ср. др.-в.-нем. *hamar* 'молот' (нем. *Hammer*) при др.-исл. *hamarr* 'скала', 'утес'; греч. ἄκμων 'наковальня' при др.-инд. *ásman-* 'камень'.

Одним из типов орудий, характерных для медного и бронзового века, является 'топор', ср. *Чайлд 1956 : 362—363*.

И.-е. **a/od^hles-* 'топор', 'секира': ср. хет. URUDU *ateš-*, *atešša-* 'топор' при герм. др.-англ. *adesa*, *adosa* 'топор' (см. *Tischler 1977-, I*); сюда же, возможно, относится и др.-инд. *-adhiti-* (в сложных словах: *sv-ádhitī-*, буквально: 'хороший топор', *van-ádhitī-*, буквально: 'деревянный топор', *Mayrhofer 1976, III : 804*); в таком случае общеиндоевропейскую праформу, реконструируемую на основе хетто-германо-индийских соответствий, следует постулировать с "ларингальной" в позиции после смычной: **a/od^hН-es-*.

В качестве другого, более узкого диалектного (греко-арийского) индоевропейского слова 'топор' выделяется форма **p^hleleḱ^hlu-*: др.-инд. *paraśú-* 'топор', 'секира', осет. *færgæt* 'топор' (*Абаев 1945 : 8—9; 1958, I : 451*), греч. гом. πέλεχος 'секира', 'топор', 'жертвенный нож с двумя лезвиями', мик. *pe-re-ke-we* (*Morpurgo 1963 : 240*). Греко-арийское **p^hleleḱ^hlu-* следует считать заимствованием семитского (аккадского) *pilakku* 'топор', *Schmidt 1890* [от аккад. I: *palāku(m)*, II: *pulluku(m)* 'убивать', 'зарубить топором']¹. Характерно, что заимствуется это семитское слово не арийским и греческим независимо друг от друга после оформления этих диалектов в качестве независимых языковых единиц, а еще в период греко-арийской диалектной общности. Заимствованное слово дает в дальнейшем закономерное развитие по *centum/satem*-ному признаку в арийском и греческом. Греко-арийская лексема **p^hleleḱ^hlu-* может служить поэтому указанием на ближневосточную локализацию ареала греко-(армяно)-арийской диалектной общности².

¹ Аккад. *pilakku(m)* 'топор' (ср. сир. *pelkā* 'топор', 'секира', манд. *pilka* 'id.') следует считать древнейшим семитским образованием, которое омонимично заимствованной (очевидно, из шумерского [шум. *bala^lg^ll*]) форме аккад. *pilakk/ḱku(m)* со значением 'веретено' (ср. *Soden 1972, II : 863*). Первичность значения аккад. *pilakku(m)* 'топор' выводится на основании этимологической связи данного слова с формами других семитских языков с аналогичным значением, а также ввиду несомненной соотнесенности данного именного образования с глагольным корнем сем. **p-l-ḱ* 'рубить; раскалывать': аккад. *palāku(m)* 'зарубить; убивать, истреблять' (см. *Soden 1972, II : 814*), араб. *falaka* 'раскалывать' (не следует с этим аккадским глаголом смешивать омонимичное — очевидно, шумерского происхождения — аккад. *palāku(m)* 'отделять округу', 'ограничивать территорию', ср. аккад. *pilku(m)* 'область, округа' (*Soden 1972, II : 813*).

² Ряд исследователей склонен отрицать связь греко-арийского **p^hleleḱ^hlu-* с аккад. *pilakku* 'топор' на том основании, что аккад. *pilakku* значит 'топор', а не 'секира',

Слово может считаться культурным заимствованием периода после индоевропейской общности, нашедшим широкое распространение в пределах азиатских языков. Соответствующее слово обнаруживается и в монгольском и в тунгусо-маньчжурском (в значении 'молот'), см. *Rorre 1954*.

На Ближнем Востоке, в частности в Месопотамии, металлические топоры, в том числе боевые, и топоры ритуального назначения обнаруживаются с IV тысячелетия до н. э. и получают широкое распространение в III тысячелетии до н. э. на всем Ближнем Востоке и прилегающих областях, *Чайлд 1956 : 243 и след.* В Ашшуре аккадской эпохи известны 'топоры-клевцы', совмещавшие функции 'топора-мотыги' и 'топора-кирки'. Такие топоры найдены в IV слое Гавры, а также известны по изображению на стеле Нарам-сина (ок. XX в. до н. э.). Можно предположить, что распространение определенных видов топоров переднеазиатского типа (через семитско-аккадское посредничество) привело к заимствованию соответствующих терминов в определенные индоевропейские диалектные группы.

6. ТЕРМИНОЛОГИЯ, ОТНОСЯЩАЯСЯ К СРЕДСТВАМ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ И ТРАНСПОРТУ

6.1. НАЛИЧИЕ МЕТАЛЛУРГИИ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КОЛЕСНЫХ ПОВОЗОК

Существование у древних индоевропейцев металлургии и кузнечного дела можно было бы определить уже по наличию у них повозок и колесного транспорта, производство которых с несомненностью устанавливается по языковым данным. Производство колесных повозок предполагает определенный уровень металлургии, которая была необходима для изготовления прочных деревообрабатывающих орудий, *Childe 1944; 1951; ср. Рындина 1971 : 7—8*.

то есть 'двойной топор', ср. *Порциг 1964 : 237; Thieme 1953 : 586—587*. Следует, однако, заметить, что значение 'секира' характерно только для греч. *πέλεκυς*, но не для др.-инд. *рагаśи-*, и возникло оно уже на греческой почве под влиянием критского 'двойного топора'. Поскольку семитское заимствование предполагается не непосредственно в греческий язык, а в диалектную общность периода греко-арийского единства с закономерным развитием слова в индо-иранском, с одной стороны, и в греческом, с другой, вторичное значение греч. *πέλεκυς* 'секира' не может, естественно, служить основанием для отрицания возможности связи др.-инд. *рагаśи-* и греч. *πέλεκυς* с семитским *рiлаққи*. Интересно в этой связи отметить, что и другие слова в значении 'топор' в ряде индоевропейских диалектов обнаруживают возможное семитское происхождение. Это, в частности, лат. *secūris* 'топор', 'секира' ('двойной топор', ст.-слав. *sekyra* 'топор', сопоставляемое с аккад. *šukurru*, др.-евр. *šēḏōg* 'топор' (ср. *Фасмер 1964—1973, III : 593*).

Противники происхождения греко-арийского **plʰeleleklʰi-* из семитского (аккадского) *рiлаққи*, мотивирующие отсутствие связи между этими словами семантическими расхождениями, на самом деле не принимают такую связь ввиду более существенных причин ареального порядка. Допущение такой связи греко-арийского и семитского слов естественно предполагает в качестве ареала для греко-арийской диалектной общности переднеазиатскую область, что несовместимо с теорией европейского очага распространения индоевропейских племен, которой придерживаются эти исследователи.

6.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ «КОЛЕСА» И «КОЛЕСНОЙ ПОВОЗКИ»

В индоевропейском восстанавливается разветвленная терминология, относящаяся к 'колесной повозке' и ее отдельным частям. В качестве общего термина для 'колеса' и 'колесной повозки' вообще можно реконструировать несколько форм, распределившихся в дальнейшем по отдельным диалектам и диалектным общностям с частыми пересечениями этих форм в соответствующих диалектных объединениях:

И.-е. *k^[h]l^oel- 'колесо', 'колесная повозка': др.-ирл. *cul* 'повозка', др.-исл. *hvel* 'колесо', прус. *kelan* 'колесо', латыш. *du-celis* 'двуколка', ст.-слав. *kolo*, род. пад. *kolese* 'колесо', им.-вин. п. мн. ч. *kola* 'повозка', ср. лат. *colus* 'прялка', 'пряденная нить'.

Слово является производным от глагольной основы *k^[h]l^oel- в значении 'вращаться', 'двигаться': др.-инд. *cārati* 'двигается', 'бродит', 'едет', авест. *čaraiti* 'поворачивается', греч. гом. πέλω, мед. πέλωμαι 'двигаюсь', 'нахожусь', алб. *siëll* 'поворачивать', 'приносить'. Связь значения 'движения' с 'вращением' понятна при допущении общего значения 'движения', 'передвижения на колесах'.

Возможно, более древним типом образования в значении собственно 'колеса' и 'колесной повозки' от данной глагольной основы выступает редуцированная форма *k^[h]l^o(e/o)k^[h]l^olo-, представляющая тип "визуальной ономотопеи" с редупликацией начальной согласной корня¹:

Тох. А *kukäl* 'повозка', тох. В *kokale* 'повозка', др.-инд. *cakrá-* 'колесо' (в "Ригведе" также о 'солнечном колесе' и 'колесе года'), авест. *čaxra-* 'колесо', греч. гом. κύκλος 'круг', 'колесо', мн. ч. κύκλα 'колеса', фриг. *κίχλην. τήν ἄρκτον τὸ ἄστρον* 'Большая Медведица — созвездие' (представляемая как 'повозка', ср. др.-рус. *кола* 'Большая Медведица', укр. *Віз* 'Большая Медведица'), др.-исл. *hjól, hvél* 'колесо', др.-англ. *hweogol, hwēol* 'колесо' (англ. *wheel*), ср.-н.-нем. *wēl* 'колесо'.²

В качестве второго индоевропейского слова для 'колеса', 'колесной повозки', выступающего в другой группе исторических диалектов, а также и в части тех диалектов, в которых наличествует и лексема *k^[h]l^oek^[h]l^olo- (индо-иранском, германском, кельтском), представлена форма *rot^[h]lo-: др.-инд. *rátha-* 'повозка', 'колесница', авест. *raða-* 'колесница', лат. *rota-* 'колесо', 'круг', 'гончарный круг', др.-ирл. *roth* 'колесо', др.-в.-нем. *rad* 'колесо' (нем. *Rad*), др.-исл. *rǫðull* 'солнце', др.-англ. *rador* 'небо', лит. *rātas*

¹ К типологии редупликации в образовании названия 'колеса' и 'колесной повозки' ср. картв. груз. *borbal-* 'круг', 'колесо' (из **bɔbar-*, ср. *br-un-av-s* 'вращается'), др.-евр. *gilgāl, galgal* 'колесо', араб. *galgal* 'колесо' (ср. груз. *gorgal-* 'колесо', 'круг'), шум. *gígig* 'боевая колесница'. При этом обращает на себя внимание также и внешнее фонетическое сходство семитских форм с индоевропейской. Фонетически недалеко отстоит от этих форм и шум. *gígig*, в чем можно было бы усмотреть определенные доисторические лексические связи, см. об этом ниже.

² Соответствующее хеттское слово в значении 'повозка' скрывается за шумерограммой *GIŠ GIGIR* ('боевая) колесница'; датив-локатив: *GIŠ GIGIR-ni, GIŠ GIGIR-ja*, *Friedrich 1952 : 273.*

‘колесо’, *мн. ч. rātai* ‘колесная повозка’, *dvi-rātis* ‘двуколка’, ср. лат. *birotus* ‘двухколесный’, латыш. *rats* ‘колесо’, ‘повозка’.

Допускается происхождение слова от основы **ret[h]*- в первичном значении ‘бежать’, ‘катиться’: ср. др.-ирл. *rethim* ‘бегу’, лит. *ritù* ‘качусь’ (*Pokorny 1959 : 866*).

Таким образом, в общиндоевропейском предполагается наличие обеих слов: **k[h]°ek[h]°lo-* и **rot[h]o-* в общем значении ‘круга’, ‘колеса’, ‘колесной повозки’ при естественной лексической дифференциации значений, выражаемых обеими лексемами. В дальнейшем слова распределяются по отдельным диалектам с утерей другого слова и лишь единичные диалектные общности (индо-иранский, германский, кельтский) сохраняют оба этих слова при некоторой дифференциации первоначальных значений: в индо-иранском основа **k[h]°ek[h]°lo-* означает ‘колесо’, ‘круг’ в собственном смысле, тогда как основа **rot[h]o-* передает уже только значение собственно ‘повозки’, ‘колесницы’ (ср. многочисленные индо-иранские производные от этого слова: др.-инд. *rathe-ṣthā-* ‘воин, стоящий на колеснице’, авест. *radāēštā-* ‘стоящий на колеснице’, ‘воин’, др.-инд. *rathī-* ‘возница’, *rāthya-* ‘относящийся к колеснице’ и др.); в германском **k[h]°ek[h]°lo-* означает только ‘колесо’, ‘круг’, тогда как основа **rot[h]o-*, суживая свое первоначальное значение, употребляется преимущественно в метафорическом смысле ‘круг’, ‘солнце’, ‘небо’ и др. (значение ‘повозка’ в германском передается другим индоевропейским словом, образованным от корня **ueǵ[h]*-); в кельтском **k[h]°el-* означает только ‘повозка’, тогда как **rot[h]o-* выражает значение ‘колесо’ (ср. обратное семантическое соотношение в индо-иранском).

6.3. СЛОВА, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ «ВРАЩЕНИЕ»

К семантической группе индоевропейских основ, давших производные в значении ‘колесо’, ‘круг’, ‘повозка’, примыкают основы **H₂er-t[h]*- и **H₂er-ǵ[h]*- в значении ‘вращаться’, ‘колесо’, ‘круг’, ‘повозка’¹.

И.-е. **H₂er-t[h]*-: др.-инд. *vārtati* ‘вращает’, *мед.* ‘крутится’, вед. *var-tanī-* ‘прокатывание’, ‘путь’, митан. арийск. *-ṣartanna* ‘круг, на котором тренируют лошадей’ (см. выше, стр. 546 и след.), согд. *wrtn* ‘колесница’, осет. *wærdon* ‘арба’ (*Абаев 1949, I : 54*), лат. *uertō* ‘поворачиваюсь’, гот. *wairþan* ‘становиться’, ст.-слав. *vřtěti se* ‘вертеться’;

И.-е. **H₂er-ǵ[h]*-: хет. *hurki-* ‘колесо’, тох. А *wärkänt* ‘колесо’, ‘круг’, тох. В *yerkwantai* ‘колесо’, ср. также хет. *hurkel* ‘чудовищное преступление’ (этимологически: ‘относящееся к колесу’, ‘колесное’, то есть ‘накаваемое у колеса’, *Imparati 1964 : 321—324*; см. там же о хеттском ‘колесе’ *hurki-*

¹ Наличие начальной ‘ларингальной’ в рассматриваемых формах предполагается на основании соотнесения их с корнем **H₂er-* ‘привязывать’, ‘располагать’, см. *Pokorny 1959 : 1150—1152*: греч. гом. *δείρω* ‘поднимаю; подношу’, лит. *vogà* ‘вереница’ и др. Подтверждается наличие такой начальной ‘ларингальной’ в этих формах соотнесением их с хеттской формой *hurki-*, см. ниже.

как космическом символе), др.-исл. *vargr* ‘преступник’, ‘волк’, *vargtré* ‘дерево преступника’, ‘волчье дерево’, ср. выше, стр. 487; 494₁.

Обнаружение особого слова для ‘колеса’ в тохаро-анатолийском, отличного от **k^hl^hek^hl^ho*- и **rot^hl^ho*-, представленных в других исторических индоевропейских диалектах, позволяет судить о диалектном характере данной основы в этом конкретном значении ‘колесо’. Устанавливаемые тохаро-анатолийские лексические изоглоссы типа **Нүер-ġ^hl*- (ср. также рассмотренные выше, стр. 701—702, лексемы хет. *kašt*-, тох. А *kašt* ‘голод’ и др.) могут свидетельствовать о некоторой тохаро-анатолийской диалектной близости в пределах общиндоевропейского еще до периода выделения из него анатолийского. Возникновение слова в этом диалектном ареале могло повлечь за собой некоторое перераспределение изначальных индоевропейских основ **k^hl^hel*-, **rot^hl^ho*- с семантическими преобразованиями или полной их утерей (ср. в тохарском А *kukäl*, В *kokale* исключительно в значении ‘повозка’ при тох. А *wärkänt*, В *yerk-wantai* ‘колесо’).

6.4. РИТУАЛЬНАЯ РОЛЬ «КОЛЕСА» В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

Для ряда древних индоевропейских традиций характерна ритуальная и мифологическая роль ‘колеса’ и обожествление его прежде всего как символа солнца, которому поклонялись.

Ритуальная символика ‘колеса’ довольно ясно проявляется в древнехеттской традиции. *GIŠDUBBIN* (хет. *hurki*-) ‘колесо’ выступает здесь в качестве символа, которому поклоняются, ср. уже в хеттских законах формулу: *ta hu-ur-ki-in ha-lil-en-zi* (§ 198) “и колесу поклоняются”. В одном из вариантов юридической формулы А.НА *GIŠDUBBIN lamnijat* (КВо III 6 I 36) “призвал к колесу” *GIŠDUBBIN* заменяется на обожествленный символ ‘колеса’ *DUBBIN* (АВоТ 62 I 36).

В древнеиндийской мифологии ‘колесо’ (*cakrá*-) выступает в качестве символа, связанного с богом Индрой, который выигрывает (или ‘похищает’—*muṣāya*-) ‘колесо’ у бога солнца *Сурья*, ср. в “Ригведе” (I 130, 9): *sūraś cakrām prā vṛhaj jātá ójasā* “колесо солнца сорвал он, рожденный силой”. Похищенное ‘колесо’ служит Индре оружием в борьбе с демонами (*Dumézil 1968 : 131; Елизаренкова 1972 : 287, 293*).

Аналогичные мотивы обнаруживаются и в иранской мифологии. В осетинском Нартовском эпосе выступает смертоносное оружие — ‘Небесное колесо’ (ср. *Dumézil 1930 : 190—199; Албаров 1968; Дюмезиль 1976 : 68 и след.*), повторяющееся и в других кавказских вариантах Нартовского эпоса, ср. в убыхском варианте *ž’an-č’arx* ‘Режущее колесо’, ‘Колесо гибели’ (*Vogt 1963 : 233, статья 2528*). Такое “катящееся колесо” поражало врагов нартов, разрезая ноги выше колен.

Отголосок этого мотива “катящегося колеса” при состязаниях можно видеть и в славянской мифологии, в частности в словацкой сказке о зимнем похитителе солнца и весеннем его освободителе. В сказке весенний ос-

вободитель предлагает похитителю обернуться колесами и покатиться с горы: чье колесо будет разбито, тот и будет побежденным (Афанасьев 1865, I : 209). В славянских традициях сохранились обряды и словесные формулы, обозначающие 'солнце как колесо': полес. *souneńko jest to bolszòje koleso* "солнце — это большое колесо" (Иванов/Топоров 1974 : 221).

На основании сопоставлений др.-инд. *sūraś cakrá-* с соответствующими словосочетаниями в германских, кельтских, славянских языках предлагается реконструкция общеиндоевропейской формулы со значением 'колесо солнца', Schmitt 1967 : 166—169.

6.5. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «УПРЯЖИ» И ЕЕ ЧАСТЕЙ: «ДЫШЛО», «ЯРМО», «ОСЬ»

Наряду с общими словами, обозначающими 'колесо', 'повозку' **k^[h]ek^[h]lo-*, **rot^[h]lo-*, отдельные индоевропейские диалекты сохраняют названия частей древних повозок и упряжи, которые позволяют реконструировать соответствующие общеиндоевропейские термины:

И.-е. **His-/*Hoi-es-/*Hojs-*: хет. *hišša-* 'дышло' (повозки, метафорически — 'Большой Медведицы'), др.-инд. *iṣā* 'дышло' (ср. в "Ригведе" *ékeṣa-* 'имеющий одно дышло'), греч. гом. *οἴηξ* 'кольца на ярме, куда продевались вожжи', *οἴη:ον* 'ручка руля' (с семантическим переносом), словен. *oje*, род. пад. *ojese* 'дышло', лит. *ielek(š)lis* 'оглобля сохи' (форма на суффикс **-el-*);

И.-е. **d^[h]ur-* 'упряжь'; 'запрягать' [или **d^[h]ṛ(H)-*, ср. Mayrhofer 1963, II : 111; 1979a : 38]: хет. *turija-* 'запрягать', ср. ANŠE.KUR.RA *tu-u-ri-ja-u-ṣa-aš* ("Хеттские законы", § 64, 66, 180) 'упряжная лошадь', GUD-li *tu-ri-ir* 'запрягли как быков' (2BoTU 12 A I 16), GiŠGIGIR *tu-u-ri-ja-an* 'запряженная повозка', др.-инд. *dhūr-* 'упряжь', вед. *dhūr-ṣād-* 'находящийся в упряжи' (об упряжном животном, о повозке, Grassmann 1873 : 690; Sommer 1949);

И.-е. **Hak^[h]s-* 'ось' (на которую насажены колеса): др.-инд. *ákṣa-* 'ось', греч. *ἄξων* 'ось' (ср. *ἄμαξα* 'телега', 'четырёхколесная повозка', 'Большая Медведица'), лат. *axis* 'ось повозки', ср. *axes amurcā unguere* 'смазать оси оливковым маслом', ср.-ирл. *ais* 'ось', прус. *assis* 'ось', лит. *ašis* 'ось', др.-рус. ц.-слав. *ось* 'ось', др.-в.-нем. *ahsa* 'ось' (нем. *Achse*), др.-англ. *eax* 'ось' (англ. *axis*);

И.-е. **juk^[h]om* 'иго', 'ярмо': хет. *jukan* 'ярмо', др.-инд. *yugá-* 'ярмо', 'пара', греч. *ζυγόν*, лат. *iūgum* 'ярмо', гот. *juk* 'иго', 'ярмо', др.-исл. *ok* 'иго', др.-в.-нем. *juch*, *joch* 'ярмо' (нем. *Joch*), лит. *jūngas* 'ярмо', ст.-слав. *igo* 'ярмо', валл. *iau* 'ярмо', арм. *luc* 'ярмо' (Ernout/Meillet 1967 : 327). Слово является производным от корня **jeu-k-* в значении 'связывать', 'соединять', 'впрягать': др.-инд. *yunákti* 'запрягает', 'связывает', авест. *yaōj-*, *yuǰ-* 'запрягать', греч. *ζεύωμι* 'связываю', 'запрягаю', лат. *iungō* 'связываю', лит. *jūngiu* 'связываю' и др.

6.6. РИТУАЛЬНАЯ РОЛЬ «ЯРМА» В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

В ряде древних индоевропейских традиций отражена культово-мифологическая функция 'ярма', ср. *Кожин 1969 : 38—39*. По известной скифской легенде, отражающей во всяком случае мотивы общеиндоиранской древности (см. *Dumézil 1968 : 446—448 ; Дюмезиль 1976 : 155 и след.*), 'ярмо' было одним из четырех священных предметов, с которыми связывается происхождение племени скифов (*Раевский 1977*).

В Риме существовали особые древние обряды 'гадания с ярмом' (*iuges auspicium*), предполагающие целую теорию мистических свойств 'ярма' (*Dumézil 1966 : 98*). 'Ярмо' в Риме выступает как символ покорения вражеского войска : существовал обряд проведения побежденного под 'ярмом'. Этот же мотив, охватывающий более широкий ареал Передней Азии, выступает и в древнехеттской традиции в связи с победой над внешними врагами и наказанием придворных; ср. в конце текста Хаттусили I сообщение о том, что побежденных врагов он 'запряг в ярмо'.

На образе, обратном символике подавления, основана метафора разрезания узла, соединяющего 'ярмо' с 'дышлом'. По фригийскому мифу о 'Гордиевом узле', отражающему эту метафорическую символику, разрезавший такой узел становится будущим властителем мира.

Древность общеиндоевропейского *juk'om 'иго', 'ярмо' и связанной с ним символики довольно ясно проявляется в метафорических значениях 'ярма' как единицы измерения пространства и времени. Такое метафорическое значение 'ярма' возникает, очевидно, в условиях развитого земледелия с применением 'ярма' в качестве приспособления для плуга, в который впрягаются тягловые животные. При этом 'ярмо' образует единое целое с 'плугом', что находит отражение в соответствующих терминах (ср. авест. *aēša yuyō. sēmi* 'лемех и ярмо с колышками', *Benveniste 1938 : 532—534*).

Символика 'пространства', связанная с 'ярмом', возникает, очевидно, как метафорическое обобщение понятия 'площади, обрабатываемой земледельцем за определенный временной период'. С другой стороны, символика 'времени', связанная с 'ярмом', возникает первоначально, вероятно, как метафорическое осмысление временного периода, необходимого для обработки определенного земельного участка. На основании подобных метафорических обобщений возникают такие значения, связанные с первоначальной основой *juk'om 'ярмо', как лат. *iūgerum* 'югер, единица измерения площади', др.-в.-нем. *juch, joch* 'единица земельного участка', хет. *juga-* 'годовалый', *da-juga-* 'двухлетний' (о животном), ср. лит. *dveigjys* 'двухлетний', др.-инд. *yugá-* 'временной период', вед. *tri-yugá-* 'охватывающий три периода времени' и др.

Еще одно древнее метафорическое значение производных от и.-е. *juk'om 'ярмо' могло выражать понятие 'друга', 'спутника': др.-инд. *yúj-* 'спутник', 'товарищ', 'находящийся в одной упряжи' (ср. *ayúj-* 'не имеющий товарища', 'непарный'), лат. *coniux* 'супруг; супруга'. Такая символика

возникает, очевидно, в условиях наличия двойной упряжи, ярма для двух тягловых животных (обычно быков), ср. лат. *bīgae* 'парная запряжка', словин. *dvjīgø* 'двойное воловье ярмо' (Трубачев 1972 : 82), ср. греч. $\alpha\zeta\upsilon\zeta$ 'незапряженный', формально соответствующее др.-инд. *ayūj-* 'не имеющий товарища'.

И.-е. **juk'om* 'ярмо' может быть сопоставлено с картв. **uy-el-* 'ярмо' (груз. *uyel-*, мегр. *uyi-*, сван. *йҭwa*), объясняемым как индоевропейское заимствование (Deeters 1957 : 390)¹; к метафорической семантике слова ср. также груз. *me-uyl-e* 'супруг', 'супруга'.

6.7. ДРУГИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ТЕРМИНЫ ДЛЯ «ЯРМА» И ЧАСТЕЙ УПРЯЖИ: «РЕМЕНЬ», «УЗДЕЧКА», «КРЮЧОК»

Более узким, чем **juk'om* 'ярмо', диалектным индоевропейским словом в близком значении является **Har-m-*: греч. мик. *a-to* 'колесо', греч. гом. $\alpha\rho\mu\alpha$ 'колесница', ст.-слав. *jarimŭ* 'ярмо', 'ярем', лат. *arma* 'приспособление', 'снаряжение'.

В хеттско-греческом ареале сохраняется общеиндоевропейское слово для 'ремня', 'уздечки': хет. *išmeri-* 'уздечка', *išmeriant-* 'взнузданный', *išmanalla-* 'конюх', греч. гом. $\iota\mu\acute{\alpha}\varsigma$, род. п. $\iota\mu\acute{\alpha}\nu\tau\omicron\varsigma$ 'ремень', 'постромки', 'переплет в кузове колесницы'.

К диалектной технической индоевропейской лексике следует отнести и форму **Hank^hl-*: авест. *aka-* 'крючок' (для привязывания лошадей к повозке), др.-инд. *āriká-* 'крючок', *ānikuśá-* 'крючок', лат. *uncus* 'крюк', 'крючок', 'палка с крючком', греч. гом. $\alpha\gamma\chi\acute{\upsilon}\lambda\omicron\varsigma$ 'согнутый', греч. $\alpha\gamma\chi\acute{\upsilon}\lambda\eta$ 'ремень'.

6.8. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ГЛАГОЛЫ, ОЗНАЧАЮЩИЕ «ЕЗДУ В ПОВОЗКЕ»

Общими словами, передававшими значения 'движения повозки' и 'перевозки, переезда на повозке', являлись, очевидно, производные от корня **ueǵ^hl-* 'везти' (в повозке), 'возить': др.-инд. *váhati* 'везет', 'едет', авест. *vazaiti* 'везет', греч. памфил. $\Phi\alpha\chi\acute{\epsilon}\tau\omega$ 'пусть принесет', лат. *uehō* 'везу' (обычно на животном или повозке), гот. *gawigan* 'двигаться', др.-в.-нем. *wegan* 'передвигаться' (нем. *bewegen*), лит. *vežù* 'везу' (в повозке); ст.-слав. *vezǫ* 'везу'. Именное производное от этого же корня (основа с огласовкой *o: **uoǵ^hlo-*) дает значение 'повозка', 'воз': греч. гом. $\Phi\acute{o}\chi\omicron\varsigma$ 'повозка', ср. $\delta\acute{\upsilon}\xi\omega$ 'везу', 'веду', ст.-слав. *vozŭ* 'воз', 'повозка'; именное производное на **-n-*: др.-инд. *vāhana-* 'животное, на котором ездят', митан. арийск. *uašanna* 'стадион' (см. выше, стр. 546), согд. *'nhr-wzn* 'круг зодиака', 'путь

¹ Суффикс **-el* в форме **uy-el-* 'ярмо' мог возникнуть на собственно картвельской почве, ср., однако, индоевропейские формы от этой основы на суффикс **-el*: др.-инд. *yugalá-* 'пара', греч. гом. $\zeta\epsilon\acute{\upsilon}\gamma\lambda\eta$ 'обложка, кожаная прослойка, прилегающая к шее животного, чтобы ярмо не терло', лат. *Iugula* 'двойное ярмо как образ созвездия Орион' (Scherrer 1953 : 222), архетип которых мог послужить источником для картв. **uy-el-* 'ярмо'.

звезд', др.-исл. *vagn* 'повозка', др.-англ. *wægn* (англ. *wagon*), др.-в.-нем. *wagan* 'повозка' (нем. *Wagen*), др.-ирл. *fén* 'вид повозки'.

Другим словом в значении 'ездить', 'ехать в повозке' могло быть и.-е. **ǵaH-* (связанное с корнем **eǵ-* 'идти')¹: хет. *iḷa-* 'ходить', 'ехать', 'идти походом (о войске)': 1 л. ед. ч. мед. *iḷahhari*, 3 л. ед. ч. *iḷattari*, 3 л. мн. ч. *iḷantari* (ср. в среднехеттском гимне богу Солнца, выезжающему на колеснице, запряженной (*turijan*) четырьмя конями, KUB XXXI 127 I 58—59: ^DUTU-*i* šar-ku LUGAL-u-e 4-an ḫal-ḫal-du-u-ma-ri uk-tu-ri iš-tar-na ar-ḫa i-ḷa-at-ta-ri 'о Бог Солнца! Высокий царь! 4 стороны света постоянно [в колеснице] объезжаешь'; тох. А *yā-* 'идти', 'передвигаться', др.-инд. *yāti* 'идет', 'едет', *yāna-* 'путь', 'повозка', авест. *yāiti* 'идет', 'едет', лат. *Iānus* 'Янус', 'бог ворот и начала года' (*Dumézil 1966 : 323 и след.*), др.-ирл. *á* 'дышло', 'повозка', лит. *jóti* 'скакать верхом', словен. *jāhati* 'ехать'.

6.9. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О РАСПРОСТРАНЕНИИ КОЛЕСНЫХ ПОВОЗОК У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ. ПОВОЗКИ У ХЕТТОВ

Наличие 'повозки' и 'колеса' у древних индоевропейцев, предполагаемое по лингвистическим данным, согласуется с культурно-историческими свидетельствами о наличии колесных повозок в каждой из древних индоевропейских традиций, начиная с древнейших датируемых материалов, как письменных, так и археологических.

В древнехеттской традиции 'повозки, запряженные лошадьми' и 'лошадиная упряжь' выступают в тексте Анитты. В нем упоминаются "40 лошадиных упряжек", ср. XL *ŠI.IM.TI ANŠE.KUR.RA*^{HI.A}, КВо III 22 Vs. 71 (замененный в одном из вариантов текста на шумерограмму *GIŠGIGIR*^{MES} 'боевые колесницы', *Neu 1974 : 35, 51*). Примерно к этой же эпохе и той же области относятся упоминания в каппадокийских табличках 'боевой колесницы' (ср. аккад. *a-na na-ar-ka-ab-tim*, *Salonen 1951: 45*) и 'легкой колесницы' (аккад. *ḫu/ilukannum*), а также изображения колесниц, запряженных лошадьми, в печатях на этих табличках (*Childe 1954a: 11—12*). В хеттском соответствующее слово в значении 'легкая колесница' представлено в форме *GIŠḫulukanni-*, *GIŠḫulukanna-* (*Friedrich 1952 : 74; Kammenhuber 1961 : 10*; предполагается общее заимствование в аккадском и хеттском из некоторого третьего источника — хурритского?).

В древнехеттских текстах более позднего периода засвидетельствованы особые 'тяжелые спальные повозки, предназначенные для отдыха и ночлега' (видимо, крытые): ср. в двуязычных анналах Х а т т у с и л и I (ок. XVII

¹ Ср. др.-инд. *émi* 'иду', *imāh* 'мы идем', 3 л. мн. ч. *yānti*; авест. *aēiti* 'он идет', греч. гом. *εἶμι* 'пойду', 1 л. мн. ч. *ἴμεν*, 3 л. мн. ч. *ἴαοι*, повел. накл. 2 л. ед. ч. *ἴθι* (ср. др.-инд. *ihí*, хет. *it* 'иди!'), лат. *eō* 'иду', 1 л. мн. ч. *īmus*; гот. *iddja* 'я шел', прус. *ēit* 'идет', ст.-лит. *eimi* 'иду', ст.-слав. *iti* 'идти' (ср. рус. *иди*). Ср. также лув. *iti* 'он идет' (*Lagroche 1959a : 50*); в хеттском в значении 'идти' употребляются производные от этого корня *rai-* и *iḷa-*, которые сохраняют при этом и значение 'ехать'.

в. до н. э.): III GIŠGIGIR^{MEŠ} MA.AD.NA.NU, КВо X 2 Vs. 1 “три спальные колесницы для ночлега”, соответствующее в аккадской фразе III GIŠma-ia-la-ti, буквально : ‘три постели’ (см. *Imparati 1965 : 60; Saparetti 1965 : 77*). Любопытно, что в хеттской части название ‘спальной повозки’ передается с помощью шумерской логограммы для ‘повозки’ GIŠGIGIR с аккадским определяющим словом в значении ‘постель’, ‘спальное место’ (*madnanu*), что было передачей соответствующего хеттского слова или словосочетания в этом значении; в соответствующей аккадской части в качестве эквивалента хеттской ‘спальной повозки’ употребляется слово *majjaltu* ‘ложе’, ‘постель’, очевидно, из-за отсутствия специального названия в аккадском для ‘спальной повозки’¹.

В тех же двуязычных “Анналах Хаттусили I” (КВо X 2 11 Rs. 7, 25 и след.) встречаются самые ранние упоминания ‘тяжелой, грузовой повозки’ (шумерограмма GIŠMAR.GÍD.DA, отождествляемая с хеттским GIŠti-ia-rit- в эпосе о Кумарби, возможно, словом хурритского происхождения, *Friedrich 1952 : 224; Güterbock 1946 : 76 и след.; Kammenhuber 1976*).

Соотношение хеттских повозок GIŠGIGIR и GIŠMAR.GÍD.DA можно установить из ритуального текста 512/i Rs. 2—6 (*Otten 1958 : 129*), где противопоставляются две повозки GIŠGIGIR^{TI}, запряженные ‘лошадьми’ (ANŠE.KUR.RA), и две повозки GIŠMAR.GÍD.DA, запряженные ‘быками’ (GUDHI.A). GIŠGIGIR представляет собой легкую двухколесную колесницу, запряженную лошадьми и предназначенную для военных целей, для торжественных церемоний и состязаний, тогда как GIŠMAR.GÍD.DA — это тяжелая четырехколесная повозка, обычно запрягавшаяся быками и предназначавшаяся для перевозки грузов, см. *Salonen 1951 : 40; Otten 1958 : 130; Kammenhuber 1961 : 30*. Такая тяжелая повозка GIŠMAR.GÍD.DA с дышлом (*hišša-*) и ‘четырьмя колесами’ (IV *hurkiuš*) отождествлялась у хеттов с созвездием ‘Большой Медведицы’, КUB XXXIV 16 II 10; КUB VIII 14 Rs. 8, 10, 12 и др.

‘Боевые колесницы’, запряженные лошадьми, и ‘колесничие’ (*iš-meri-iaš*, ср. *išmeri-* ‘уздечка’) упоминаются в среднехеттских анналах Тудхалии (КUB XXIII 11 II 34—35): 1 × 10000 ERÍN^{MEŠ} Ū VI ME ANŠE.KUR.RA GIŠGIGIR^{MEŠ} [LŪ.MEŠ]iš-me-ri-ia-aš BE.LUHI.A-uš URUKU.BABBAR-ši ú-ua-te-nu-un “...10000 пеших воинов и шестьсот боевых колесниц, запряженных конями, вместе с колесничими и военачальниками в Хаттусу я привел”.

Боевые колесницы в хеттской традиции выступают и в мифологическом контексте как средство объезжания Солнцем четырех сторон света. В среднехеттском гимне Солнцу говорится: *ni me-e-u-uš ku-i-uš DUTU-uš tu-u-ri-ia-an ḥar-ši... DUTU-i šar-ku LUGAL-u-e 4-an ḥal-ḥal-du-u-ma-ri*

¹ В надписи Идри-ми из Алалаха (ок. XVI в. до н. э.) при упоминании ночлега в колеснице выступает термин *šillu* ‘тень’, ‘навес, покрытие’, толкуемый в данном контексте как ‘крытая повозка’, *Littauer/Crowell 1974 : 31*.

uk-tu-ri iš-tar-na ar-ḥa i-ja-at-ta-ri (KUB XXXI 127 I 52, 58—59) “и четверки (коней), которых ты, Солнце, запряг...О Солнце! Высокий царь! Четыре стороны света постоянно ты объезжаешь”; далее в том же тексте упоминается ^D*Turešgala-* ‘Божественный Конюх’ (то есть ‘тот, кто запрягает’, ср. *turija-* ‘запрягать’).

Ритуальное назначение двух видов хеттских повозок проявляется и в царских погребальных обрядах.¹ Легкая колесница ^{GIŠ}GIGIR, которая именуется также ‘колесницей для сидения’ (^{GIŠ}GIGIR *ašannaš*, ср. в противовес этому ‘колесницу для лежания’ ^{GIŠ}GIGIR *MA.AD.NA.NU*, см. выше, стр. 725), служит для ‘усаживания’ на нее образа, изображения (*ALAM* ≈ хет. *ešri-*) ‘умершего’ (*GIDIM* ≈ хет. *akkant-*):

na-aš-ta ALAM É-ir-za pa-ra-a ú-da-an-zi na-at-ša-an ANA GIŠGIGIR a-ša-an-na-aš a-še-ša-an-zi (KUB XXX 19+20+21+22 Vs. I 6—7) “и затем изображение из дома выносят и они его на колесницу для сидения усаживают”.

Образ умершего подвозят на этой колеснице к ‘палатке’ (^{GIŠ}ZA. LAM.GAR), снимают с колесницы (*IŠ.TU GIŠGIGIR ašannaš katta danzi*), вносят в палатку и усаживают на золотой престол (^{GIŠ}GU.ZA *GUŠKIN ašešanzi*), после чего совершается обряд жертвоприношения.

В отличие от перевозки образа умершего останки его кладут на тяжелую повозку (^{GIŠ}MAR.GÍD.DA) и везут к месту сжигания трупов (*uk-turi-* ‘вечный огонь’), *Otten 1958* : 52, 88, 129.

6.10. КОЛЕСНАЯ ПОВОЗКА В ПЕРЕДНЕАЗИАТСКОМ ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ

Обнаруженные в широком ареале древнего Ближнего Востока погребения с четырехколесными повозками или с остатками от таких повозок (парадные балдахины) указывают на древние истоки обычая использования повозки в царском похоронном обряде. Такие захоронения с четырехколесными повозками, запряженными быками, обнаруживаются в Шуме и Эламе в первой половине III тысячелетия до н. э., ср. *Piggott 1969* : 272; *Массон 1973* : 108. На шумерских изображениях погребального обряда раннединастического периода представлена сцена, где на легкой двухколесной колеснице с дышлом и ярмом, в которую впряжены лошади (или онагры), стоит человеческая фигура, очевидно, образ умершего (*Чайлд 1956* : 231, рис. 84). Это изображение поразительно совпадает с погребальным обрядом у древних хеттов, восстанавливаемым по ритуальным текстам.

Несколько более поздние по сравнению с раннешумерскими захороне-

¹ Характерно, что ‘легкая колесница’ *ḥulugaḥni-* выступает в архаическом хеттском ритуале как символ царской власти: *LUGAL-u-e-mu ma-ni-ja-aḥ-ḥa-en GIŠḥu-lu-ga-an-pi-en GIŠDAG-iz a-gu-na-za ú-da-aš* (KUB XXIX 1 I 23—24) “мне, царю, царствование—колесницу Бог-Престол из-за моря принес” (ср. *Neu 1974* : 125).

ниями этого типа обнаружены в Малой Азии, в Аладжа-Хююке, где реконструируются царские погребения с повозками, *Mellaart 1965 : 31; 1966 : 155.*

На северной окраине ближневосточного ареала примерно синхронно с Анатолией (вторая половина третьего тысячелетия) обнаружены захоронения вождей племени на деревянной колеснице. Этот обряд обнаруживается как на Северном Кавказе (Майкоп), так и в Закавказье — Грузии (Бедени), *Кушнарева/Чубиншвили 1970 : 166; Массон 1973 : 104.* В первой половине II тысячелетия (что хронологически синхронно древнехеттской культуре) соединение того же обряда захоронения на четырехколесной повозке с кремацией трупа характерно для курганной культуры Триалети (см. *Куфтин 1941 : 63—100; Пиотровский 1955 : 6; Гегешидзе 1956 : 21 и след.; Джапаридзе 1969 : 270).*

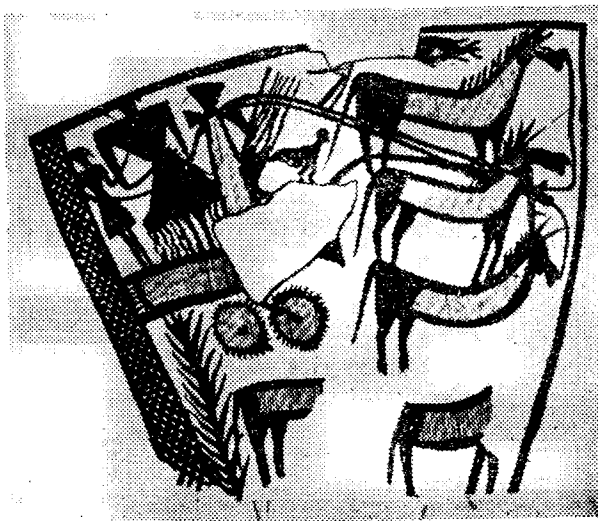

Рис. 15. Шумерское изображение погребального обряда с колесницами

6.11. «КОЛЕСО», «КОЛЕСНИЧИЙ», «КОЛЕСНАЯ ПОВОЗКА» В ИНДО-ИРАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

В индо-иранской традиции в трех ее древнейших разновидностях — митаннийско-арийской, древнеиндийской и древнеиранской — культовая и военно-хозяйственная значимость 'колесницы' особенно ясно проявляется как в многочисленных показаниях ранних текстов, так и в данных материальной культуры.

В митаннийско-арийском выделяется название особой касты (социальной группы) *marjanni*, засвидетельствованное в источниках из Угарита, Алалаха, Богаз-кёя, Телль-Амарны, ср. *Kammenhuber 1961 : 20.* Слово, связанное этимологически с др.-инд. *mārya-* 'молодой человек', 'мужчина, входящий в культовое объединение' (*Grassmann 1873 : 1010*), в митаннийско-арийском, как предполагают, приобрело значение 'колесничий', ср. *Mayrhofer 1966.* В Угарите оно означает представителей социальной группы, получавшей от царя землю, а из царских конюшен и складов — коней, повозки, оружие (*Diakonoff 1972 : 114*), ср. хур. *marjānardi* 'высший социальный ранг' (связанный по происхождению с лошадьми и колесными повозками). Характерно, что на печатях митаннийских царей с именами арийского происхождения известны изображения боевых колесниц (*Kammenhuber 1961 : 10*). В документах из Ме-

сопотомами касситской эпохи встречаются хурритские обозначения колесниц, в том числе *kešhi* (Laroche 1978 : 133; буквально: 'стул', ср. к семантике хеттские 'колесницы для сидения'). В этой связи интересно также отметить, что к иноязычным аккадским терминам касситской эпохи относится *sakrumaš* 'колесничий', 'возница боевых колесниц' (Soden 1972, II : 1013; Edel 1976 : 78). Представляется возможным и это касситское слово сопоставить с индо-иранским названием 'колеса': ср. др.-инд. *sakrá-*, авест. *šaxra-*. В свете наличия в касситском целого ряда слов индо-иранского круга сходство *sakrá-* ~ *sakr-umaš* может объясняться их возможной исторической связью.

В "Ригведе" отражается особенно четко культовая и мифологическая роль 'колесницы', запряженной лошадьми, и повозки, в которую впрягались быки.

В "Ригведе" (VI 47, 26—28) и "Атхарваведе" (VI 125, 1—3) сохраняется архаический "Гимн боевой колеснице", которая именуется 'божественной' и сама является предметом поклонения: *déva ratha práti havyaḥ gr̥bhāya* "о Божественная колесница, прими жертвенные возлияния" (RV VI 47, 28).

Такие колесницы изготовлялись из лесного дерева особой прочности (*vánas-páti-* буквально: 'хозяин леса', 'главный в лесу'; это же сложное слово обозначает в "Ригведе" особенно прочную часть колесницы, возможно, ее 'ось', Grassmann 1873 : 1208), чем и определялась мощь колесницы: *vánaspátibhyaḥ páry ābhṛtaṁ sáhaḥ* "от главных деревьев принесена (ее) мощь" (RV VI 47, 27). Деревянные части колесницы были связаны ремнями из коровьих шкур: *góbhiḥ sámñaddho asi* "ты связана коровами" (RV VI 47, 26).

Изготовление 'колесницы' (*rátha-*) из дерева обозначалось глаголом *takṣ-* 'мастерить', 'делать': *rátham tákṣan* 'колесницу они смастерили' (RV I 20, 3 и др.). Это сочетание слов индоевропейского происхождения (ср. др.-инд. *takṣ-*, греч. *τεκτ-*, хет. *takš-*, см. выше, стр. 705—706) может отражать общеиндоевропейское словоупотребление.

В гимнах "Ригведы" на подобных боевых колесницах разъезжают обычно боги, состязающиеся и воюющие друг с другом.

Такой колесницей, в которую впрягались лошади, возничий управлял стоя. Подобная техника езды на боевых колесницах, отражаемая в гимнах "Ригведы", является достаточно древней и восходит по крайней мере к общеиндоиранской эпохе, ср. др.-инд. *rathe-ṣṭhā-* 'стоящий на колеснице', 'колесничий' при авест. *raḍaē-štā-* 'стоящий на колеснице'. Характерно, что индийская и иранская формы соответствуют друг другу во всех деталях вплоть до совпадения в падеже (локативном) первого члена словосложения (Hauschild 1954 : 261).

Индо-иранское **ratha-* по своему назначению, по устройству и по тягловой силе (лошади) соответствует древнехеттскому ^{GI}ŠGIGIR 'боевая колесница'.

Другой вид 'колесниц'-'повозок', в индийском обозначаемый словом

ánaḥ (этимологически соответствующим лат. *onus* 'груз', *Mayrhofer 1956, I : 33*), использовался для перевозки грузов. На таких повозках, запряженных коровами или быками, могли ездить и женщины, ср. *Scheller 1975*. В "Ригведе", в частности, этим словом обозначается разбитая Индрой повозка богини Ушас: *ápoṣá ánaṣaḥ sarat sámpīṣṭād áha bibhyúṣi ní yát sīm ṣiṣnáthad vṛṣā* "прочь от разбитой повозки убежала Ушас, страшась, когда бык ее столкнул" (RV IV 30, 10; ср. *Елизаренкова 1972 : 121*).

Др.-инд. *ánaḥ* 'тяжелая грузовая повозка, запряженная коровами или быками; может быть функционально сопоставлена с хеттской 'грузовой повозкой' *GÍŠMAR.GÍD.DA*, в которую впрягались быки. Подобно тому, как в хеттском царском погребальном обряде останки умершего перевозятся к месту сожжения на повозке, запряженной быками, в древнеиндийской традиции повозку, на которой возлежал умерший, везли к месту сжигания коровы. После этого совершался обряд очищения коров, ср. *Елизаренкова 1976 : 253, 379*.

6.12. «КРЫТЫЕ ПОВОЗКИ» У ИНДО-ИРАНЦЕВ

Еще одно примечательное совпадение обнаруживается между древнехеттским и древнеиндоиранским видами повозок: это — особые 'крытые спальные повозки', предназначенные для длительного жилья в них и ночлега.

В древнеиндийском существование таких спальных повозок реконструируется на основании анализа преданий о 'дворцах-повозках богов' (*Hertel 1931 : 277*), а также по употреблению в "Ригведе" др.-инд. *ánar-viś-* 'живущий в тяжелой повозке (*ánaḥ*)'. То же представление лежит в основе ведийского гимна, в котором, в частности, говорится: *gṛhó yāmi árat-kṛto* "я еду в доме (на колесах), хорошо оснащенном" (RV X 119, 13), ср. *Hauschild 1954 : 285; Елизаренкова 1972 : 394*.

Давно уже было высказано предположение о том, что в этих древнеиндийских представлениях отражены особенности быта арийских кочевников в эпоху их вторжения в Индию (*Hertel 1931 : 279*)¹.

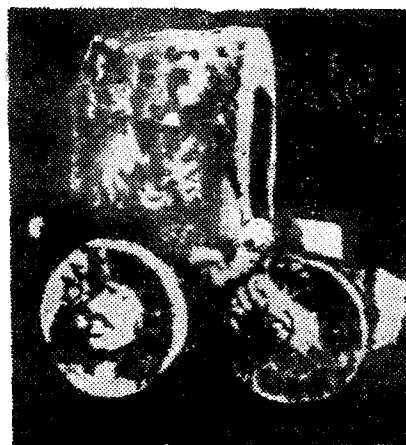

Рис. 16. Скифская повозка с крытым верхом (из Керчи)

¹ Такое предположение подтверждено и анализом др.-инд. *vandhūga-*, толкуемого самими индийскими авторами как *gáthapīḍa-* 'колесница-гнездо', то есть внутренняя часть крытой колесной повозки, где находился колесничий. Само слово *vandhūga-* этимологически трактуется как 'плетение из прутьев' (от и.-е. **wendh₁-* 'плести': гот. *wandus* 'прут', -*wīndan* 'плести' и др.), *Hauschild 1954 : 260—262*. Такое плетение из прутьев и образовывало верх крытой повозки.

Такие крытые повозки предполагаются не только для древних индоарийцев, но и для более широкого индо-иранского ареала. В этой связи обращают на себя внимание в первую очередь археологические данные (терракотовые модели крытых скифских повозок из Керчи), а также свидетельства античных авторов, согласно которым: ἐνταῦθα καὶ οἱ Σκύθαι διαιτεῦνται, Νομάδες δὲ καλεῦνται, ὅτι οὐκ ἔστι οἰκήματα, ἀλλ' ἐν ἀμάξῃσι οἰκεῦσι. αἱ δὲ ἀμάξαι εἰσι αἱ μὲν ἐλάχισται τετράκυκλοι, αἱ δὲ ἐξάκυκλοι. αὗται δὲ πῖλοις περιπεφραγμένοι εἰσὶ δὲ καὶ τετεχνασμένοι ὡσπερ οἰκήματα, τὰ μὲν διπλά, τὰ δὲ τριπλά. ταῦτα δὲ καὶ στεγνὰ πρὸς ὕδωρ καὶ πρὸς χιόνα καὶ πρὸς τὰ πνεύματα. τὰς δὲ ἀμάξας ἔλκουσι ζεύγεα, τὰς μὲν δύο, τὰς δὲ τρία βοῶν κέρως ἄτερ. οὐ γὰρ ἔχουσι κέρα ὑπὸ τοῦ φύχεος. ἐν ταύτῃσι μὲν οὖν τῆσιν ἀμάξῃσιν αἱ γυναῖκες διαιτεῦνται. αὐτοὶ δὲ ἐφ' ἵππων ὀχεῦνται οἱ ἄνδρες “здесь обитают и скифы, которые называются кочевниками, так как у них нет домов, а живут в повозках. Самые маленькие из этих повозок четырехколесные, другие же шестиколесные. Они покрыты войлоком и построены как дома, одни как двойные, другие — как тройные. Они являются защитой от воды, снега и бурь. Эти повозки тянут упряжки быков, то из двух быков, то из трех быков, без рогов. Они лишены рогов из-за мороза. В этих повозках живут только женщины, сами мужчины же ездят верхом на лошадях” (*Corpus Hippocraticum*, apud Schrader/Nehring 1929, II : 616—617).

Такие крытые передвижные дома обнаруживаются и в других архаичных индоевропейских традициях, в частности в южнославянской, где в горных районах Югославии известны передвижные дома, которые тянули быки.

Наличие таких домов-повозок у древних германских племен предполагается на основании факта причисления жилища к движимому имуществу в древнем германском праве.

На основании всех этих и других подобных данных давно уже делалось предположение об индоевропейском характере таких повозок для жилья, с помощью которых древние индоевропейцы расселялись по позднейшим историческим местам обитания (*Hauschild 1954 : 278*).

6.13. «КОЛЕСНАЯ ПОВОЗКА» И «КОЛЕСНИЦА» В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В греческой традиции, начиная уже с микенского периода, повозка и колесница выступают в качестве основного вида военного и хозяйственного транспорта, ср. *Кожин 1966; Lejeune 1968*. В микенском греческом само название колесницы *i-qi-ja* (= греч. ἵπιος) указывает на наличие ‘колесницы’, запряженной лошадьми. Другой вид ‘колесной повозки’ *wo-ka* (соответствующее греч. Φόχος и восходящее к и.-е. **uog^{h1}-o-*) представлял собой ‘повозку’, в которую запрягались, очевидно, мулы (*Wyatt 1970 : 100*).

Определенные части ‘колесницы’ характеризуются в микенских текстах, представляющих собой инвентарные списки, как *do-we-jo* (= **dorwejos*) ‘деревянные’. В пиловской табличке PY Vn 10, перечисляющей части ‘ко-

лесницы', упоминаются *du-ru-to-mo* (= греч. δρυτόμοι 'дровосеки'), которые подготавливают лес, нужный для изготовления деревянных частей колесниц (*a-mo-te-jo-na-de*), *Wyatt 1970 : 102*; ср. также название 'колесницы' или ее части *a-mo* (= [h]ar-mo, соотносимое с греч. ἄρμα 'колесница'). Другая часть 'колесницы' называется *a-ko-so-ne*, сопоставляемое с греч. ἄξονες 'оси'; слово с ясной индоевропейской этимологией, см. выше, стр. 721.

О распространенности боевых колесниц в микенской Греции можно судить также по изображениям на фресках, печатях, росписях на вазах и по терракотовым моделям. Отмечается единообразие типа легкой боевой колесницы и способов запряжки лошадей по всему ареалу распространения микенской греческой культуры (*Блаватская 1976 : 69*).

Микенская традиция использования боевых колесниц сохраняется в гомеровском эпосе уже в какой-то мере как воспоминание о периоде широкого распространения боевых колесниц, которые были вытеснены позднее верховой ездой в военных целях (*Greenhalgh 1973; Hill 1974*, ср. о Гомере *Webster 1958 : 103—104*).

В греческой традиции, начиная уже с микенской эпохи, обращает на себя внимание отсутствие тяжелых грузовых повозок и явных следов крытых повозок, что так характерно для древнехеттской, древнеиндоиранской и ряда других культур, вероятно, продолжающих в этом отношении индоевропейскую традицию. Такие 'повозки' были необходимы для массовых переселений индоевропейских племен по суше и расселения их в новых местах жительства. Такое значимое отсутствие 'повозок' этого типа в греческом может указывать на их утрату, вызванную особенностями путей переселения предков микенских греков в исторические места их жительства по морю.

В греческой традиции, как и в остальных древних индоевропейских традициях, длительное время сохраняется древняя символика 'колеса' и 'колесницы', запряженной лошадьми (ср. образ Г е л и о с а — бога Солнца, разъезжающего на такой колеснице), ср. *Фрейдберг 1936 : 211*.

6.14. РИТУАЛЬНАЯ РОЛЬ «КОЛЕСНИЦЫ» В ДРЕВНИХ ЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

Оттеснение боевых колесниц, запряженных лошадьми, исключительно в ритуальную сферу, наблюдается, как и в поздней греческой традиции, в ряде исторических индоевропейских традиций. В частности, в Риме колесница сохраняется пережиточно как транспортное средство при культовых состязаниях (*Dumézil 1966 : 212*).

В галльском известны названия для 'боевой двухколесной колесницы' *essedum* и 'четырёхколесной повозки для езды' *rēda*.

В других европейских традициях (части кельтских, германской, иллирийской и других) наличие как легких боевых колесниц, запряженных лошадьми, так и тяжелых колесных повозок, реконструируется на основании культовых изображений и обнаружения колесниц-катафалков. В этом отношении интересны находки обрядовых и погребальных четырехколес-

ных повозок позднегалльштатского и раннелатенского времени, в частности четырехколесная ритуальная повозка из Дейбьбергского болота (Ютландия) (Кларк 1953 : 302, рис. 168). Предполагается, что на подобных катафалках доставлялись к месту погребения урны с кремированными останками или же сами покойники. На изображении такой четырехколесной повозки, запряженной двумя лошадьми, из Эденбурга (Венгрия, Кларк 1953 : 302, рис. 169) на повозке стоит урна или 'образ' — изображение. Найдено и значительное число бронзовых погребальных урн, стоявших на деревянных повозках, и другие культовые изображения четырехколесных повозок (Schuldt 1954 : 61, рис. 49 и др.).

С погребальным обрядом связано и изображение легкой боевой колесницы 'микенского типа', найденное на каменной плите погребального помещения в Южной Швеции (Кларк 1953 : 303, рис. 170). Такого же типа запряженная конями колесница, везущая солнечный диск, найдена в Трундхольме (Hahne 1910 : 39, рис. 47). Следует полагать, что колесницы этих типов, доставлявшие покойников (или их 'образы' и урны после кремации) к месту погребения, распространились в Центральной Европе с Востока из Западной Азии (Childe 1950 : 222; Кларк 1953 : 301—302).

6.15. «ВСАДНИЧЕСТВО» И «ВЕРХОВАЯ ЕЗДА»

Оттеснение в центральноевропейских традициях (как и в позднегреческой) функции боевых колесниц исключительно в культовую сферу¹ следует объяснить распространением и утверждением к этому времени практики верховой езды, вытеснившей применение боевых колесниц в военных целях.

Всадничество или верховая езда зарождается в степных просторах Центральной Азии восточнее Волги. Самые ранние археологические свидетельства верховой езды относятся к XV в. до н. э. (Смирнов К. 1961; Sulimirski 1970 : 275). Но отработанность и разнообразие атрибутов всадничества в это время указывают на возможный длительный период предшествующего развития (Мерперт 1974 : 115; Ковалевская 1977) и зарождение его на рубеже III и II тысячелетий до н. э. или еще ранее. Практика всадничества, верховой езды могла зародиться именно в этих областях и распространиться затем в западном направлении, достигнув Европы в I тысячелетии до н. э.

В этой связи вызывает особый интерес восточноазиатское происхождение названия 'верховой лошади' **mar-k^[h]o-* в ряде европейских языков — германском и кельтском: ср. др.-исл. *marr* 'конь', др.-в.-нем. *marah* 'конь', др.-англ. *tearh* 'конь', др.-ирл. *marc*, валл. *march* 'лошадь', см. выше, стр. 554.

¹ Наличие тяжелых грузовых транспортных повозок, в которые, очевидно, впрягали быков, в доисторической Европе можно предположить по этнографическим данным, хотя археологический материал относится только к культовой функции таких повозок (Кларк 1953 : 300 и след.).

Именно носители древних европейских диалектов могли познакомиться с верховой ездой во время их соприкосновений с центральноазиатскими племенами и занести практику верховой езды (как и соответствующее название 'верховой лошади') в Европу, в исторические места их жительства.

6.16. ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ КАК ДРЕВНЕЙШИЙ АРЕАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ «КОЛЕСНЫХ ПОВОЗОК». ПУТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КОЛЕСНИЦЫ В ЕВРАЗИИ

Древнейшие свидетельства колесных повозок и колесницы обнаружены на Ближнем Востоке (*Childe 1951; 1954; Piggott 1968; 1969; 1974*). Они относятся к IV тысячелетию до н. э. и представляют собой пиктограммы (из архайческих слоев Урук, Месопотамия), изображающие 'жилье на колесах', очевидно, спальные четырехколесные повозки; позднее, с начала III тысячелетия в том же географическом ареале (Киш, Сузы, Хафаджа) обнаруживаются изображения и модели колесных повозок и колес; к этим древнейшим образцам примыкают находки в Южной Туркмении (Анау).

К середине III тысячелетия увеличивается число находок в Месопотамии, а также на Среднем Евфрате (Мари).

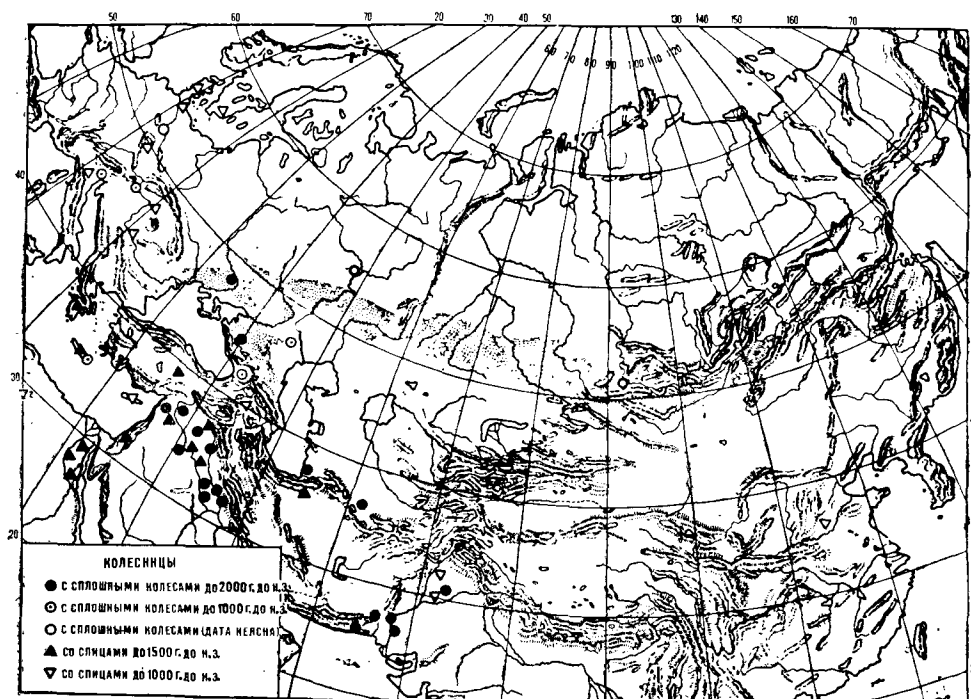
Во второй половине III тысячелетия значительно расширяется ареал распространения повозок: они обнаруживаются на востоке в Мохенджо-Даро, на Кавказе (Бедени, Майкоп, Элиста), в Северном Причерноморье и на Дунае в Венгрии (*Калиц 1976*). Приблизительно к этому времени относится и наиболее северо-восточная находка конской повозки (цельного колеса от нее) в Приуралье (Герасимовка, восточнее Волги, *Мерперт 1974: 94, 115*).

Около рубежа III—II тысячелетий обнаруживаются колесницы на Крите, в Западной Европе (Гессен) и на Волге существенно дальше к северу, близ Казани. К первой половине II тысячелетия относятся колесницы из Триалети (*Куфтин 1941; Джапаридзе 1969*) и из Австрии; к середине II тысячелетия относятся колесницы из Лчашена (озеро Севан), *Пиотровский 1959: 153*; ср. *Littauer/Crouwel 1977*. К концу II тысячелетия до н. э. колесницы достигают Северной Италии; их изображения известны в Южной Сибири и на оракулах для гаданий в Китае (Шанская эпоха), ср. *Childe 1954*.

Такая картина распространения колесной повозки подсказывает идею о диффузии этого культурного достижения из определенного центра его возникновения, который следует локализовать в пределах северной части ближневосточного ареала. Очагом создания повозок на Ближнем Востоке могли быть лишь области, богатые горным лесом, необходимым для получения твердых пород дерева; в этих областях должны были существовать и металлургия бронзы для изготовления бронзовых орудий, без которых невозможна или чрезвычайно затруднительна обработка твердых пород дерева. Такими очагами возникновения колесных повозок могли быть в пределах ближневосточного ареала области Северной Месопотамии (на верхнем течении Тигра или восточнее Тигра, *Childe 1951; 1954*) или же об-

ласть от Закавказья до Северной Месопотамии с центром между озерами Ван и Урмия (Piggott 1968; 1969; 1974; 1979; ср. также Шер 1980 : 198 и след.).

Обнаруживаемые остатки колесниц и колесных повозок вне пределов Передней Азии (Волжско-Уральский район — Герасимовка, Север-

Карта 1. Распространение колесниц в Евразии (по Childe 1954 : 15)

ное Причерноморье, Балканы, Центральная Европа) следует, таким образом, считать следами занесения колесниц в эти области из ближневосточного ареала в результате миграций племен, заселявших эти территории. На это указывает и хронологическая стратификация колесных повозок, древнейшие переднеазиатские образцы которых датируются рубежом IV и III тысячелетий до н. э., тогда как образцы, обнаруженные вне пределов этого ареала, отстоят по времени в определенной зависимости от расстояния до предполагаемого центра диффузии (ср. датировку обнаруживаемых в разных частях Европы колесниц II—I тысячелетиями до н. э.; Балканы и Причерноморье — III тысячелетием до н. э.).

Проникновение колесницы из Передней Азии в Северное Причерноморье и Балканы могло осуществиться через Малую Азию (на Балканы, ср. Калиц 1976) и через Кавказ в Северное Причерноморье (ср. Piggott 1968; 1969) и далее в Западную Европу.

Не исключена, однако, возможность и более восточного пути диффузии колесницы и колесных повозок и проникновения их в Северное Причерноморье через области восточнее Каспийского моря. На возможность

допущения такого восточного пути проникновения колесницы в Северное Причерноморье указывает, с одной стороны, обнаружение следов колесной повозки в Герасимовке восточнее Волги, а также устанавливаемый факт проникновения колесницы и колесных повозок далеко на восток, в Южную Сибирь (Минусинская котловина эпохи Карасукской культуры, *Новгородова 1970; 1977 : 131; Вайнштейн 1975*) и в Китай уже в середине II тысячелетия до н. э.

Колесницы в Китае Иньско-Шанской эпохи (середина II тысячелетия до н. э.) являются нововведением, занесенным в конечном счете с Ближнего Востока. По типу самих колесниц, их бронзовых частей, ярма и упряжи иньские колесницы (как и сходные с ними карасукские) проявляют очевидное происхождение от переднеазиатских образцов, *Кожин 1969; 1977; Piggott 1974*. Обнаруживается разительное сходство в царском погребальном культе, при котором происходило захоронение колесницы и лошади вместе с умершим царем (и людьми и животными, приносимыми в жертву), ср. *Васильев 1976 : 283—284; Массон 1973 : 108*.

Все эти данные, а также ряд других, в частности мифологический образ 'колесницы Солнца', которая запряжена священными лошадьми¹, и некоторые космические образы колесницы (в частности, отождествление созвездия 'Большой Медведицы' с колесницей, *Юань Кэ 1965 : 122*), дают основание предполагать индоевропейское происхождение иньских колесниц и колесных повозок вообще, ср. *Pulleyblank 1966 : 30 и след.; 1975 : 507; Васильев Л. 1976 : 275—279*.

Между конкретными центральноазиатскими находками колесниц (Анау, представляющее собой в начале III тысячелетия до н. э. крайне восточную точку древнего ареала распространения колесницы) и происходящими от переднеазиатских повозок того же типа иньскими и карасукскими колесницами лежит огромная территория с хронологически не вполне ясными находками колесниц, может быть, также относящихся ко II тысячелетию до н. э., *Кожин 1968; 1969 : 40*. Отсутствие ясных промежуточных звеньев следовало бы скорее всего объяснить недостаточной изученностью памятников эпохи бронзы на этой территории.

Этим же следовало бы объяснить и отсутствие промежуточных звеньев между наиболее восточной находкой колесницы в Волжско-Уральском районе (Герасимовка) и центральноазиатскими находками. Такие промежуточные находки могли бы восполнить картину продвижения ко-

¹ Тот же образ 'колесницы Солнца', запряженной лошадьми, встречается и в древнеегипетской мифологии амарнского периода (середина II тысячелетия до н. э.). В "Клятве Солнцу фараона Эхнатона" говорится о колеснице Солнца, запряженной конями, которая объезжает четыре стороны света. Считается, что этот образ был принесен в Египет вместе с другими представлениями о повозках и лошадях (ср. о них *Deines 1953*). В конечном счете эти представления в египетской традиции связаны с индоевропейскими воздействиями, занесенными в Египет из Сирии и Анатолии (*Deines 1953 : 6*), в частности через посредство хурритов (*Weippert 1975*). Любопытно также, что аналогичные представления о 'конях, которых ставили ... солнцу' и 'колесницах солнца', как о чем-то чуждом древней иудейской традиции, отражены и в Библейских книгах (*Mc Kay 1973*).

лесницы и колесной повозки в Северное Причерноморье также и по восточному пути через Среднюю Азию.

В этом отношении вызывают особый интерес петроглифические изображения колесных повозок и лошадей, обнаруживаемые в большом коли-

Рис. 17. Наскальные изображения повозок и колесниц (Саймалы-Таш, по Шер 1980 : 195)

честве по пути предполагаемого продвижения колесной повозки и колесницы из очага их возникновения на Ближнем Востоке в восточном направлении в сторону Средней Азии и далее на северо-восток. Такие наскальные изображения запряженных лошадьми колесных повозок, датируемые эпохой бронзы (III—II тысячелетия до н. э.), обнаружены в ареале от Ферганского хребта (С а й м а л ы - Т а ш) и далее до Южной Сибири и Монголии (ср. *Littauer 1977*; *Шер 1980 : 194 и след.*). Характерно, что исследователи истории колесных повозок и колесниц придают особое значение имен-

но центральноазиатскому “континууму”, в котором во II тысячелетии до н. э. отразилось их “движение” на восток — к Монголии и Китаю (ср. *Piggott 1979 : 12*).

6.17. ДРЕВНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ КАК ОБЛАДАТЕЛИ «КОЛЕСНЫХ ПОВОЗОК»

Древние индоевропейские племена, владевшие ‘колесницей’ и ‘колесной повозкой’ в общеиндоевропейский период и уже называвшие повозку и ее части специальными терминами, должны были находиться в ареале древнейшего распространения колесницы (в IV—начале III тысячелетия до н. э.) до ее диффузии за пределы Передней Азии во второй половине III тысячелетия до н. э.¹

Приурочение индоевропейских племен перед началом их разделения и распада индоевропейской общности к другой области вне древнейшего очага распространения колесницы, то есть за пределами Передней Азии, привело бы к существенным хронологическим противоречиям между допустимой хронологией распада праязыка (не позднее начала III тысячелетия до н. э., ср. наличие документально фиксированных, независимых и отличных друг от друга анатолийских языков — хеттского, лувийского, палайского — уже в начале II тысячелетия до н. э.) и временем распространения колесниц и колесных повозок из переднеазиатского ареала в прилегающие области (вторая половина III тысячелетия до н. э.).

При локализации древних индоевропейцев в пределах раннего ареала распространения колесных повозок именно племена, говорившие на индоевропейских диалектах, и могут считаться распространителями этого вида транспорта за пределами Передней Азии на территорию Северного Причерноморья, на Балканы и далее в Западную Европу, а также на восток вплоть до Центральной Азии и Китая. Характерно, что определенное ответвление индоевропейцев в I тысячелетии н. э. обнаруживается в лице тохаров далеко на востоке, в Восточном Туркестане, с языком, сохранившим древние общеиндоевропейские названия ‘колеса’ и ‘колесницы’.

Вывод о первичном очаге возникновения легких боевых повозок, запряженных лошадьми, как расположенном в Передней Азии, откуда и распространяются в дальнейшем эти повозки, делает вполне вероятным пред-

¹ Весьма любопытно, что разные этносы, жившие в пределах древнейшего очага зарождения и распространения ‘колеса’ и ‘колесной повозки’, обнаруживают фонетически сходные названия ‘колеса’ и ‘колесницы’ (что отчасти напоминает ситуацию с названием ‘лошади’, см. выше, стр. 560 и след.): ср. и.-е. **k^hl^hek^hl^ho-*, шум. GIGIR, сем. **galgal-*, картв. **grgar-*, **brbar-*, ср. также реконструируемую для предполагаемого древнекитайского заимствования (из индоевропейского) праформу с начальным **gr-* для названия ‘священных лошадей, впряженных в солнечную колесницу’, *Pulleyblank 1966 : 34*.

положение о доместикации 'лошади' и применении ее в качестве тягловой силы в определенном ареале в пределах Передней Азии при дальнейшем широком распространении лошади в этой функции вместе с легкой боевой колесницей.

Как подчеркивается в новейших специальных исследованиях, появление легких колесниц, в которые впрягались кони (а не быки, как раньше), было принципиально новым изобретением, благодаря чему скорость передвижения увеличилась не менее чем на порядок в 10 раз (ср. *Piggott 1979 : 11*).

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, ЭКОНОМИКА И СИСТЕМА РОДСТВА ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ПЛЕМЕН

1. ВОЙНА КАК ЗАНЯТИЕ И ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ БОЕВОГО ОРУЖИЯ

1.1. РЕКОНСТРУКЦИЯ НАЗВАНИЙ БОЕВОГО ОРУЖИЯ И ГЛАГОЛА, ОЗНАЧАЮЩЕГО «ПРЕСЛЕДОВАНИЕ, УНИЧТОЖЕНИЕ ПРОТИВНИКА»

Одним из основных занятий древних индоевропейцев была 'война', что и отразилось в наличии в общиндоевропейском целого ряда лексем, обозначающих боевое оружие и атрибуты, относящиеся к военному делу.

Помимо разобранных выше терминов, соотнесенных с боевым оружием типа 'боевого топора' (*p^hlelek^hu-) или 'боевой колесницы', в индоевропейском или его древних диалектных объединениях обнаруживается ряд слов, обозначающих определенные виды боевого оружия типа 'меча', 'копья' и других:

И.-е. *e^hnsi- 'меч': др.-инд. *así-* 'меч', 'резак', авест. *anhi-* 'меч', лат. *ensis* 'меч' (*Pokorny 1959 : 771*). По схеме диалектного членения слово, реконструируемое для итало-арийской диалектной общности, может считаться общиндоевропейским или по крайней мере относящимся к древнейшему диалектному ареалу периода распада общиндоевропейского языка. В каждом из исторических диалектов (древнеиндийском и итальянском) слово обозначает собственно 'железный меч' (ср. *Thieme 1964 : 593—594*). Такое значение этих слов отражает, несомненно, позднее семантическое развитие с переносом значения первоначального слова на оружие из железа (для более ранней эпохи следует предположить значение 'медный или бронзовый меч').

В качестве более узких диалектных слов, характерных для греко-арийской диалектной общности (того же ареально-хронологического уровня, что и *p^hlelek^hu- : др.-инд. *paraśú-*, греч. *πέλεκυς* 'боевой топор', 'секира'), выделяются некоторые названия боевого оружия: др.-инд. *īśu-* 'стрела', авест. *īśu-* 'стрела', греч. гом. *ίός* (<**isu-os*) 'стрела'.

Одно из древних названий 'щита' может быть представлено в лув. *palahša-* 'щит', др.-инд. *phálakam* 'щит', 'доска', др.-исл. *fjöl* 'доска': и.-е. *p^hlol- 'щит', ср. *Bomhard 1973 : 111*. Обращает на себя внимание сохранение признака придыхательности глухой лабиальной фонемы в древнеиндийском.

При разветвленности названий видов боевого оружия в отдельных исторических диалектах (ср. *Шрадер 1886 : 324—354*) почти не удается обнаружить этимологически соотносимые названия оружия, восходящие к

периоду общендоевропейской общности или хотя бы к достаточно древним диалектным общностям. Объяснение этому следует искать в постоянной замене названий боевого оружия в зависимости от изменения и усовершенствования технологии изготовления в отдельных исторических объединениях племен (ср. сходную ситуацию в отношении названий конкретных ремесленных орудий).

В отличие от нестабильности древнего словаря, относящегося к видам оружия, большую устойчивость обнаруживают древние слова, обозначающие общие понятия, связанные с 'ведением войны' типа 'убивать', 'ранить', 'захватить в плен' и др.:

И.-е. *g^h1^oep- 'убивать', 'уничтожить', 'преследовать' (неприятеля): хет. *kucenzi* 'он убивает', 3 л. мн. ч. *kunanzi* 'убивают' (в хеттском часто в значении 'разбивать, уничтожать войско противника'), др.-инд. *hānti* 'он убивает', 3 л. мн. ч. *ghnānti* 'убивают' (в ведийском часто в значении 'убивать', 'поражать бегущего противника', 'разрушать крепости'), *hatá-* 'разбитый', 'убитый' (≈ авест. *jata-*), авест. *ǰainti* 'бьет', 'убивает', арм. *ganem* 'ударяю', 'бую', греч. гом. *θελω* 'бую', 'ударяю', 'убиваю', *φόνος* 'убийство', 'резня', алб. *gjanj* 'преследую', 'гоню', лит. *genù* 'гоню', прус. *gun-twei* 'гнать', ст.-слав. *gŭnati* 'гнать', лат. *dē-fendō* 'защищаю' (ср. лит. *ginù* 'защищаю'), др.-ирл. *gonim* 'раню', 'убиваю', *guin* 'рана', др.-англ. *gūf* 'битва', 'война', др.-исл. *gudr*, др.-в.-нем. *gund-* 'битва', 'война'.

1.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «ЗАХВАТА ВОЕННОЙ ДОБЫЧИ»

И.-е. *se/oru- 'добыча', 'захватить добычу': хет. *šaru* 'добыча', *šar-ruca-* 'захватить добычу', 'грабить', валл. *herw* 'набег', 'беззаконие', *my-ned ar herw* 'отправиться в набег', ср.-ирл. *serb* 'воровство' (Watkins 1975b);

И.-е. *lau- 'добыча', 'захватить добычу': др.-инд. *lótam*, *lóttram* 'добыча', 'награбленное добро' (у лексикографов), греч. аттич. *λεῖᾱ* 'добыча', лат. *lucrum* (из *lu-tlo-m) 'выигрыш', 'преимущество', др.-ирл. *lóg* 'заработок', 'цена', др.-в.-нем. *lōn* 'жалованье', 'оплата' (нем. *Lohn*), гот. *laun* 'оплата', ср. ст.-слав. *lovŭ* 'лов'.

1.3. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «ВОЙСКА», «НАРОДА», «ВОЕННОЙ ЗАЩИТЫ, ОБОРОНЫ»

И.-е. *laH(u)o- 'народ', 'войско', 'поход': хет. *lahḫa-* 'поход', греч. гом. *λαῖός* 'народ', мн. ч. 'рать', 'войско' (ср. сложные слова типа гом. *λαῖο-σός* 'подстрекающий рать на бой'); в греческом слово означало 'народ' как 'совокупность людей, носящих оружие'¹, Benveniste 1969, II: 89—95, ср. микен. греч. *ra-wa-ke-ta = lāwāgetās* 'воевода', ср. дор. *λαγέτας* 'предводитель народа', фриг. *lawagtaei* 'воевода', ср. Chantraine 1968 — 1974, III: 619—620.

¹ К семантической типологии ср. др.-перс. *kāga-* 'войско', 'народ', хет. *tuzzi-* 'войско' при родственных словах других индоевропейских языков в значении 'народ', 'племя', ср. ниже.

Древним индоевропейским словом является также др.-перс. *kāra-* 'войско', 'народ' (ср. перс. *kār-zār* 'поле боя'), лит. *kāras*, *kārė* 'война', *kārias* 'войско', прус. *kargis* 'войско', греч. гом. *κοίρανος* 'повелитель', 'властитель' (*κοίρανε λαῶν* 'о повелитель войска!', Н 234), ср. др.-исл. *herjann* 'отец войска' (об Одине), *herr* 'войско', гот. *harjis* 'войско', др.-в.-нем. *heri* 'войско' (нем. *Heer*), ср.-ирл. *cuire* 'толпа';

И.-е. **uer-* 'защищать(ся)', 'спасать(ся)', 'оборонять(ся)': хет. *uarrai-* 'приходить на помощь', *итератив uarrešša-* 'спасать', 'приходить на помощь' (ср. *Pokorny 1959 : 1161*), др.-инд. *vr̥ṣṇóti* 'задерживает', 'защищает', 'покрывает', *várman-* 'защита', 'укрепление', ср. *varū-tár-* 'защитник', *várūtha-* 'защита', 'щит', 'войско', авест. *vərəθra-* 'сопротивление', 'защита', греч. гом. *ἐρούρα* 'берегу', 'охраняю', 'отвращаю', ср. *ἐρούρασις* 'защитница городов' (об А ф и н е), ср.-валл. *gwerthyr* 'крепость' (формально соответствует др.-инд. *vártra-* 'плотина' = 'защита от воды'), др.-ирл. *Ériu* 'Ирландия' (ср. *Pokorny 1959 : 1161*), гот. *warjan* 'защищать', др.-исл. *verja* 'защищать', др.-в.-нем. *weren* 'защищать' (нем. *wehren*).

2. «ЖИЛИЩЕ» И «ПОСЕЛЕНИЕ» КАК ЕДИНИЦЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

2.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ «ДОМА», «ЖИЛИЩА»

Общеиндоевропейская лексема **t'om-* в значении 'дом', 'строение' обозначает элементарную социальную единицу индоевропейских племен, которая предполагает объединение и совместное проживание людей, связанных определенными родственными узами. Основа засвидетельствована в основных древних индоевропейских диалектах (кроме хеттского и тохарского):

Др.-инд. *dāma-* 'дом', 'жилище', 'жилье' (в "Ригведе" *вин. п. dāmat*, *лок. dāte*), авест. *dqm*, *dqmi* (*лок.*) 'в доме', арм. *tun* 'дом', греч. гом. *δῶμος* 'дом', 'жилище', 'обитель', 'кров', лат. *domus* 'дом', 'жилище', 'семья', *лок. domi* 'дома', 'в доме', ст.-слав. *domŭ* 'дом', ср. лит. *pāmas* 'дом', 'жилище', *Pokorny 1959 : 199*¹

В анатолийских языках и в тохарском первичная индоевропейская основа заменена на новообразования: хет. *pir* (шумерограмма *Ē-ir*), *род. пад. parnaš* 'дом', 'хозяйство'²/тох. А *wašt-* 'дом', В *ost* 'дом'³. В германском

¹ Высказывалось, однако, предположение, что лит. *pāmas* 'дом', латыш. *paņs* связано скорее с греч. *νέμω* 'обитаю, живу', 'пасу', *Фасмер 1964—1973, I: 527*.

² Общеанатолийское слово (ср. иер. лув. *paḡa-* 'дом', лик. *rg̃paḡa-* 'строить', лид. *biḡa-* 'дом'), находящее параллели во многих переднеазиатских языках: ср. егип. *pr* 'дом', хур. *pr(u)li* 'дом', *Naas 1975 : 56*.

След первичной анатолийской формы, отражающей индоевропейскую основу **t'om-*, можно было бы видеть в иерогл. лув. *taḡa-* 'строить', ср. *Szemerényi 1977 b: 96*.

³ Слово соответствует др.-инд. *vāstu-* 'жилище', 'дом и двор', 'дом', греч. гом. *δορυ* 'жилище', 'город': слово является древним производным от глагола **H₂es-* 'жить, быть', заменившим в тохарском первичное индоевропейское слово для 'дома', 'жилья' **t'om-*.

в значении 'дом' выступает основа *hūs 'дом', вытеснившая, очевидно, древнее индоевропейское слово в этом значении (ср. *Lehmann 1968 : 11*): др.-в.-нем. hūs 'дом' (нем. Haus), др.-англ. hūs (англ. house)^{1/2}

'Дом' как единицу социальной структуры у древних индоевропейцев можно вывести ввиду наличия таких производных от основы *t'om-, как др.-инд. dātpati- 'хозяин дома' (ср. к семантике лат. pater familiās 'глава семейства'), в др. ч. 'главы дома', 'супруг и супруга', pātir dān 'хозяин дома', авест. dāng.pati- 'глава дома', 'глава семьи', dāng patōiš 'хозяина', род. пад.; греч. δεσπότης 'хозяин (дома)'; лат. dominus 'хозяин (дома)', 'главный в доме'^{3/2}. В этом отношении интересны также греческие (гомеровские) термины, образованные от основы в нулевой ступени: δμῶς 'слуга', δμῶή 'служанка', 'пленница'.

Таким образом, индоевропейский 'дом' *t'om- — это жилище, объединяющее людей по определенному социально-семейному признаку, с 'главой дома' и со 'служителями'^{3/3}.

Наличие в 'доме' очагов двух форм — круглых и четырехугольных, противопоставляемых друг другу как символы 'Земли' и 'Неба' (*Dumézil 1966 : 308—315; Vernant 1969 : 180*), позволяет предположить у древних индоевропейцев жилища двух основных форм — круглых и четырехугольных. Характерно, что оба этих типа жилищ встречаются в более широком ареале древнесредиземноморских культур Верхней Месопотамии и Южного Кавказа (жилище круглого плана является особо характерным для Южного Кавказа, см. *Джавахишвили А. 1973 : 300 и след., 346*).

2.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ «ПОСЕЛЕНИЕ» КАК «ОБЪЕДИНЕНИЕ ДОМОВ»

'Объединение домов' давало более крупную социальную единицу *ue/oik^hl-, типа 'поселения' нескольких семейств, объединенных по определенным социальным признакам; это — 'дома', сгруппированные в общинные поселения. Такая первоначальная организация 'поселения' *ue/oik^hl-.

^{1/2} Высказано предположение относительно связи германского *hūs 'дом' с енис. qus 'чум, дом', *Дульзон 1971 : 174*. В таком случае германское заимствование наряду с аналогичным заимствованием одного из названий 'лошади' (из алт. *mor-k-, см. выше, стр. 554) могло бы служить иллюстрацией связей некоторых "древнеевропейских" диалектов с носителями центральноазиатских языков.

² С образованием от основы *t'om- на *-n- типа лат. dominus сопоставляется образование на *-r- типа мик. греч. da-pa-te 'служители' (*Lejeune 1958 : 187—201*), греч. гом. δάμαρ, род. пад. δάμαρτος 'супруга', отражающие древнее гетероклитическое чередование -r/-n-.

³ Вопреки мнению Бенвениста (*Benveniste 1969, I : 293—307*) основу *t'elom- 'дом' можно увязать этимологически с корнем *t'em- в значении 'строить', 'воздвигать': иерлув. tapa- 'строить', хотано-сакск. radam- 'делать', греч. δέμα 'строю', νεβ-δματος 'вновь выстроенный', гот. gatiman, др.-сакс. tetan, др.-в.-нем. zetan 'быть признанным, подходить'; др.-исл. timbr 'строительный лес', др.-англ. timber 'строительный лес', 'строение' (англ. timber), др.-в.-нем. zimbar 'строительный лес', 'жилище' (нем. Zimmer), ср. гот. timrjan 'строить', др.-в.-нем. zimberen 'строить' (нем. zimbern), ср. *Szemerényi 1977 b : 96*. В таком понимании н.-е. *t'elom- — это 'выстроенное жилище', под кровом которого живет группа людей, связанных друг с другом социально-семейными отношениями.

все еще отражена в отдельных исторических индоевропейских традициях. Это видно прежде всего из авест. *vis-* 'род', 'объединение нескольких семейств' (ср. др.-перс. *viš-*), *vis-paitiš* 'главный в роду', ср. др.-инд. *viś-pāti-* 'хозяин дома, племени' при др.-инд. *viś-* 'жилище', 'племя', 'род', 'род человеческий'; лит. *viēšpats* 'господин', 'господь', прус. *waispattin*, *вин. п.* 'хозяйку' (ср. др.-инд. *viśpāni* 'хозяйка дома'); греч. гом. *ὄϊκος* 'большой дом', 'жилище', 'хозяйство'¹, лат. *uicus* 'деревня', 'поселок', 'группа домов', умбр. *uoci-com* 'строение', 'здание', гот. *weihs* 'деревня', ст.-слав. *vŭsŭ* 'деревня', 'поселок', др.-рус. *вьсь* 'весь', 'деревня' (ср. Срезневский 1958, I : 473), ср. *gradě... vesi* 'в городе и селении'.

2.3. «ДВЕРЬ» КАК «ВЫХОД ИЗ ДОМА» И ОППОЗИЦИЯ «ДОМА»~«ВНЕ ДОМА», «В ПОСЕЛЕНИИ»~«ВНЕ ПОСЕЛЕНИЯ»

Выход из 'дома' шел через 'дверь' **d^hlur-*, ведущую 'вовне' на 'двор' вокруг дома. О таком расположении 'дома' и 'двора' можно заключить на основании многозначности основы **d^hlur-*, отраженной в отдельных исторических диалектах:

Тох. В *twere* 'дверь', др.-инд. *dvār-* 'дверь', *мн. ч.* 'двустворчатые двери' (в 'Ригведе' и как божества), авест. *dvarəm* 'ворота', 'двор'; арм. *duṛn* 'двери', 'ворота', 'двор', *мн. ч.* *durk* 'двери', *i durs* 'вовне', греч. гом. *θύρη* 'двери', 'ворота', 'вход', 'двор' (ср. *θύρητρα* 'створки', 'двери', 'ворота'), *θύρηξ* 'вон', 'прочь!', алб. *dërë* 'дверь', лат. *forēs* 'двустворчатая дверь', 'вход', *forās* 'наружу', 'снаружи', 'вне дома', др.-ирл. *dorus* 'дверь', гот. *daúr* 'дверь', др.-в.-нем. *turi* 'дверь' (нем. *Tür*), др.-англ. *duru* 'дверь', др.-в.-нем. *tor* 'ворота' (нем. *Tor*), др.-англ. *dor* 'ворота' (англ. *door*); лит. *dūrys* 'дверь', 'двери', прус. *dauris* 'большие двустворчатые ворота', ст.-слав. *dvŕi* 'дверь', *dvorŭ* 'двор'².

Естественно ожидать, что подобно оппозиции 'в доме'~'вне дома' (ср. Benveniste 1969, I : 312—313), выражаемой соответственно лексемами **t^om-* ~ **d^hlur-*, должна была существовать оппозиция 'в поселении' **uoik^hl-* ~ 'вне поселения'. Такая 'граница' поселения **uoik^hl-* предположительно выражалась лексемой **e/orH-*: хет. *erḫa-* 'граница', 'край', *arḫa-* 'граница', 'область'; 'вовне', 'прочь', *araḫza* 'вокруг', 'вне', 'за пределами', *araḫzena-* 'живущий вокруг, по соседству, за пределами', латыш. *āra* 'граница', 'край', 'предел', 'область', лит. *oras* 'воздух', 'погода', *iš oro* 'снаружи'. < Э? - ?

2.4. «ОГРАДА» КАК ГРАНИЦА «ДОМА» ИЛИ «ПОСЕЛЕНИЯ»

'Поселение' (или, возможно, индивидуальный 'дом с двором', 'дворец') в защитных целях могло обноситься 'оградой', обозначавшейся специаль-

¹ В греческом *οἶκος* принимает и конкретное значение 'отдельного дома, строения', ср. сложное слово *οἰκοδόμος* 'строитель дома'.

² Характерное для производных от основы **d^hlur-* значение 'двустворчатая дверь' (ср. др.-инд., лат., прус.), часто выражаемое формами двойственного или множественного числа, может дать основание для допущения этого значения и для основы общиндоевропейского периода.

ным наименованием *g^hl(e)rd^hl-, давшим соответствующие рефлексы в исторических индоевропейских диалектах: хет. *gurta* 'крепость' (ср. угаритское заимствование *krdš* 'укрепление', Friedrich 1952: 119), тох. В *kerciyi* мн. ч. 'дворец', др.-инд. *gṛhā-* (из *g^hrdha-) 'жилье', 'дом', авест. *gərəda-* 'логово дэвовских существ' (ср. заимствованное из раннего иранского общеперм. **gort-* 'дом', 'жилье', 'место жительства', удм. *gurt* 'деревня', 'селение', 'село', коми-зырян. *gort* 'дом', см. об этом подробнее—ниже); алб. *gardh* 'огороженное место', лит. *gārdas* 'загородка', 'огороженное место', 'загон', 'стойло', гот. *gards* 'дом', др.-исл. *garðr* 'ограда', 'двор', ср. др.-англ. *geard* 'загородка', 'сад', 'огород' (англ. *yard*), др.-в.-нем. *garto* 'сад' (нем. *Garten*); ст.-слав. *gradŭ* 'крепость', 'город', 'сад', чеш. *hrád* 'крепость', 'дворец'.

Основа *g^hl(e)rd^hl- восходит к корню *g^hler-||ǵ^hler- в значении 'огораживать', который, оформляясь суффиксом *-t^hl-, дает сходные значения: греч. гом. *χόρτος* 'огороженное место', 'ограда', лат. *cohors* (из *ko-gh^h-ti-s) 'огороженное место', 'двор', 'скотный двор', 'когорта', 'часть легиона', валл. *garth* 'огороженное место'; приведенные выше германские формы др.-в.-нем. *garto*, др.-англ. *geard* можно вывести и из основы на суффикс *-t^hl-.¹

2.5. «УКРЕПЛЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ», «КРЕПОСТИ»

Обычной формой укрепленных поселений у древних индоевропейцев были поселения на возвышенностях, скалах. Слова, обозначавшие такие 'укрепленные поселения', связаны обычно по происхождению с основами в значении 'высокий', 'гора', 'скала':

И.-е. *p^hlel- 'крепость', 'укрепленный город'²; др.-инд. *pūr* 'укрепление', 'крепость', греч. гом. *πόλις* 'город', 'укрепленный город', ср. *ἀχρό-πολις* 'верхняя часть города на горе' (ср. греч. *πόλις* 'город'), лит. *pilis* 'замок', 'крепость', латыш. *pils* 'замок', 'крепость'. Слово характеризуется диалектной ограниченностью: арийско-греко-балтийский ареал, хотя наличие в урартском заимствованной формы *patari* 'город' (Меликишвили 1960: 403) может указывать на существование слова в форме, близкой к греч. *πόλις* и в других древних индоевропейских диалектах.

В этом отношении вызывает особый интерес другое индоевропейское слово для 'крепости', 'укрепления' *b^hl(e)rǵ^hl-, показывающее некоторые фонетические аномалии в отражении его в ряде древних индоевропейских диалектов. Слово представляет собой ту же основу, что и форма

¹ Обнаруживаются и некоторые другие термины, связанные с защитой и укреплением 'домов' или 'поселений', ср. др.-инд. *pastiām* 'дом, жилие' при значениях арм. *hast* 'крепкий', др.-исл. *fastr*, др.-англ. *fæst* (ср. англ. *steadfast* 'стойкий'), др.-в.-нем. *festi* 'крепкий', 'прочный' (нем. *fest*).

² Слово можно этимологически связать с и.-е. основой *p^hlel- в значении 'скала': др.-исл. *fjall* 'скала', др.-в.-нем. *felis* 'скала' (нем. *Fels*), ср.-ирл. *all* 'круча', пашт. *paṣā* 'круча', 'обрыв', др.-инд. *pāṣāṇā-* 'камень', *pāṣyā-* 'камень', 'каменное укрепление, оплот' (RV I 56, 6). Для сопоставления этих основ особенно показательны приведенное значение др.-инд. *pāṣyā-*, совпадающее со значением основы *p^hlel- 'крепость'.

*bhl̥erǵl̥h̥l̥- в значении 'высокий' и 'гора', см. выше, стр. 668 и след.: гот. *baúrgs* 'город', 'башня', др.-в.-нем. *burg* 'крепость' (нем. *Burg*), греч. гом. *πύργος* 'башня', 'оплот', 'крепость', 'вал', арм. *burgn* 'башня'; греческая форма, как и соответствующая армянская, незакономерна с точки зрения фонетического отражения исходной индоевропейской праформы. Фонетическое сходство греческой и армянской форм и совпадение их с формами в том же значении в ряде неиндоевропейских ближневосточных языков (урарт. *burgana-* 'оплот', 'крепость', ср. *Diakonoff 1971 : 82*; сир. *būrgā* 'башня') может указывать на происхождение этих форм из некоторого древнего centum-ного индоевропейского диалекта с закономерным отражением индоевропейских звонких придыхательных и слогового сонанта *r̥ в виде *ur* (ср. *Hübschmann 1972 [1897] : 393*).

Наличие этого слова в значении 'крепость', 'укрепление' в таких диалектах, как древнеиндийский, латинский и тохарский, можно вывести косвенным путем ввиду значений таких слов, как др.-инд. *br̥m̥hāti* 'укрепляет', 'усиливает', лат. *fortis*, ст.-лат. *forctus* 'сильный', 'твердый' 'крепкий' и тох. А *prākār* 'твердый', 'прочный', тох. В *prākre* 'твердый'. Эти значения следует рассматривать как производные от несохранившегося в этих диалектах слова в значении 'укрепление', 'крепость'.

Постулирование данного слова в значении 'крепость', 'укрепление' в рассмотренной группе древних индоевропейских диалектов дает основание считать его общеиндоевропейским словом, обозначавшим 'укрепленное поселение'; 'крепость на возвышенности, скале'.

В качестве более узкого диалектного слова, обозначавшего 'поселение на возвышенном месте', в древних европейских диалектах (кельто-германском) выступает основа *d̥hl̥eun-: др.-ирл. *dún* 'крепость', ср. лат. *fūnus* 'погребение', 'похороны' (первоначально, вероятно, 'погребальный холм', *Pokorný 1959 : 260, 263*), др.-англ. *dūn* 'высота', 'гора' (англ. *down* 'дюна'), *tūn* 'город' (англ. *town*) из кельтского *d̥ūn-.

В качестве другого узко диалектного индоевропейского слова в значении 'поселение' выступает основа *sel- 'жилое пространство': др.-в.-нем. *sal* 'жилище', 'зала' (нем. *Saal*), лит. *salà* 'деревня', ст.-слав. *selo* 'село' (ср. *Stang 1972*).

Такие и другие подобные им слова, связанные с обозначением 'жилья' и 'поселения', могли возникнуть у индоевропейских племен на относительно более поздних этапах их расселения в западных областях Евразии.

2.6. «УКРЕПЛЕНИЕ», «КРЕПОСТЬ» В ОТДЕЛЬНЫХ ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

Традиция строительства крепостей на возвышенностях сохраняется во всех ранних индоевропейских традициях. С самого начала ранней хеттской истории хетты выступают как хорошие строители 'городов-крепостей' с каменными стенами и укреплениями на возвышенностях. Хеттский тип строительства крепостей-фортификаций продолжает древние ближневосточные традиции, ср. *Bittel/Naumann 1952*.

В гимнах “Ригведы” упоминаются ‘каменные крепости’, которые разрушает Индра: *śatām aśmanmáyiṇām purām indro vy āsyat* (RV IV 30, 20) ‘сто каменных крепостей Индра разрушил’.

Уже в микенской Греции в XV—XIV вв. до н. э. в очень широком масштабе производилось построение крепостных стен из крупных грубоотесанных камней (позднее, в XIII в.—из каменных глыб), *Блатская 1976 : 97*. В доисторической Европе продолжается древняя индоевропейская традиция строительства укрепленных городищ на вершинах холмов (*Кларк 1953 : 169*).

3. ОБЩИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ ПО ДАННЫМ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

3.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ СЛОВА В ЗНАЧЕНИИ «ИМУЩЕСТВО», «СОБСТВЕННОСТЬ», «БОГАТСТВО»

В реконструированных выше типах индоевропейских ‘поселений’, объединяющих отдельные ‘дома’ или ‘группы домов’, велась хозяйственная деятельность, приводившая к накоплению имущества и богатства. В индоевропейском реконструируется социальный термин, связанный с ‘богатством’ и его приобретением в результате определенной деятельности. Это — общеиндоевропейская основа *Нор^{lh1-r/n-}, реконструируемая в значениях ‘добро’, ‘богатство’, ‘имущество’ (и связанном с ними значении ‘торговля’, засвидетельствованном уже во всяком случае в анатолийском):

Хет. *ḫar-* ‘быть в изобилии’¹, *ḫarrar* ‘цена’, ‘стоимость’, ‘торговля’, *ḫarrarai-* ‘продавать’, ‘передавать’, ‘отдавать’ (*Neu 1974 : 80—82*)², *ḫar-pinant-* ‘богатый’, *ḫarpineš-* ‘богатеть’, *ḫarpinaḫḫ-* ‘делать богатым’ (ср. *ḫappira-* ‘город’, этимологически: ‘место, где производится торговля’), др.-инд. *ápnas-* ‘имущество’, ‘богатство’, ‘работа’, авест. *afnah-vant-* ‘богатый имуществом’, греч. гом. ἀφνειός ‘состоятельный, богатый (деньгами)’ (к фонетическому облику слова: *ph* вместо ожидаемого **p-*, см. выше, стр. 63), лат. *opes*, мн. ч. ‘имущество’, ‘изобилие’, ‘богатство’, *Ops* ‘божество изобилия’³, *opus* ‘работа’, *officium* (из **opi-ficium*) ‘долг’, ‘обязанность’, ‘услуга’, др.-исл. *efna* ‘делать’, др.-англ. *efnan* ‘делать’, др.-в.-нем. *uoben* ‘выполнять’, ‘исполнять’ (нем. *üben*).

¹ Ср. *takku-šmaš UL-та ḫarzi* ‘если нет у них достатка’, *КВо XI 34 I 1*.

² Значение ‘торговля’, ‘торговать’ в анатолийском следует рассматривать как производное от общеиндоевропейского значения ‘богатство’, ‘достаток’. ‘Торговля’ тем самым рассматривалась как хозяйственная деятельность, доставляющая ‘изобилие, богатство’. При синхронном семантическом анализе хеттских значений делается вывод о первичности значения ‘торговать’ в хеттском (*Neu 1974 : 81*), что, возможно, верно для хеттского, но не для общеиндоевропейских соотношений.

³ Богиня ‘плодородия’, ‘изобилия’ *Ops* является одной из основных древних богинь Рима, которой посвящались особые праздники в конце августа. Святилище богини находилось в ‘храме царя’ *Rēgia*. Имя богини было тайным священным именем города Рима, *Dumézil 1966 : 162—163; 178—179, 260—267, 269* (ср. в этом отношении хет. *ḫappira-* в значении ‘город’).

Другое древнее индоевропейское слово в значении 'имущество', 'собственность' представляла основа *reH(i)-¹: др.-инд. *rayi-* 'добро, имущество, богатство'², авест. *raēvant-* 'богатый', лат. *rēs*, *род. пад. rei* 'вещь', 'имущество'.

3.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ТЕРМИНЫ «КУПЛИ»—«ПРОДАЖИ»

Наличие 'богатства' ведет к развитию 'торговли', в свою очередь увеличивающей накопление 'богатства', и развитию 'обмена' и 'купли'—'продажи'. Для общеиндоевропейского можно реконструировать термины, восстанавливающие и этот вид деятельности древних индоевропейцев:

И.-е. **ce/os-(n-)* 'продавать', 'покупать'; 'цена', 'торговая стоимость': хет. *caš-* 'покупать', *uš(a)niša-* 'продавать'³, др.-инд. *vasnám* 'цена', *vasnáyāntā* (прим., дв. ч.) 'торгующие', *vásnya-* 'торговый', арм. *gin* 'цена', греч. *ᾠνόρααι* 'торгуюсь', мик. греч. *o-no, o-na* (Chantraine 1976), гом. *ᾠνος* 'цена', 'покупка', *ᾠνητός* 'купленный', лат. *uēnum*, *вин. п.* 'продажа', др.-рус. *вѣно* 'плата', 'цена за невесту', ср. тох. В *was-*, *wäs-* 'давать', ср. Watkins 1975a.

В качестве другого древнего индоевропейского термина, связанного с торговлей, выступает основа **klhl^oer-/klhl^or-ej-* 'покупать': тох. А *kygar* 'торговля', *kuryart* 'торговец', тох. В *karyor* 'торговля', др.-инд. *kri-ñāti* 'покупает', греч. *πράμααι* 'покупаю', др.-ирл. *cren(a)im* 'покупаю', ст.-лит. *krienas* 'цена за невесту', латыш. *kriens* 'дары жениха невесте и ее родителям', др.-рус. *крънути* 'купить, взять', ср. Benveniste 1969, I : 129—137.

3.3. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ: «ОБЕЗДОЛЕННЫЙ», «НЕИМУЩИЙ», «ВОР»

Накопление 'богатства' в городах, поселениях и развитие 'торговли' приводит к имущественной и социальной стратификации общества и к возникновению 'бедных' и 'неимущих' наряду с 'богатыми' и 'имущими'. Наличие такой социальной стратификации у древних индоевропейцев отражено в соответствующих терминах, реконструируемых для общеиндоевропейского:

И.-е. **orb^hlo-* 'обездоленный', 'лишенный имущества'. Такое первичное значение слова можно реконструировать по семантике его отражений в исторических индоевропейских диалектах. Первичное значение 'обездоленный' дает в одних диалектах значение 'сирота', 'ребенок, лишенный родителей и имущества, наследства' (греч. гом. *ὀρφανός* 'осиротелый', 'сирота', арм. *orb* 'сирота', лат. *orbis* 'сирота' — при сохранении первичного значения 'лишенный чего-либо', 'обездоленный'; др.-инд.

¹ К форме реконструированной основы ср. Барроу 1976 : 232; Szemerényi 1956.

² Также выступает в "Ригведе" как имя божества *Rayi-*, воплощающего 'богатство'.

³ Часто уже в "Хеттских законах" (§ 185, § 186 и др.): *ku-iš-(ki) ca-a-ši* 'который покупает'; ср. в ХЗ, § 35* соединение *išnešk-* (итератив от *išniša-* 'продавать') и *ḫarpar* 'цена'.

arbha- 'маленький, слабый', 'ребенок', ср. относимое сюда же хет. *arpa-* 'неудача', Pokorny 1959 : 782)¹ /а в тех же или других диалектах — значение 'слуга', 'раб' (см. об этом значении также выше, стр. 479; там же о других обозначениях 'несвободных людей' в индоевропейских диалектах): арм. *arbaneak* 'слуга', ст.-слав. *rabŭ* 'раб', ср. гот. *arbaiþs* 'работа', др.-в.-нем. *arabeit* 'работа' (нем. *Arbeit*) и, возможно, *ar(a)m* 'бедный' (если из **arb-ma-*, ср. Pokorny 1959 : 782).

Наряду с особыми словами в значении 'обездоленный' в индоевропейском можно предположить существование особых описательных выражений в этом значении, связанных с наименованием 'бога'. Это как бы люди, которых боги лишили 'добра', 'имущества'. Эта словообразовательная модель в значении 'лишенный', 'обездоленный', 'нищий' прослеживается в ряде древних индоевропейских диалектов и может быть постулирована и для общеиндоевропейского: ср. хет. *ašiqant-* 'нищий' из **ṛ-t'iq-ontlh-*, буквально: 'не-бог' (ср. др.-хет. *šiu-* 'бог'), др.-рус. *у-богъ* 'убогий', 'нищий', *не-богъ* 'нищий', ср. греч. *ἄθεος* 'оставленный [богами]' (Laroche 1969 : 174).

С имущественным неравенством связано и существование 'воровства' у древних индоевропейцев, что можно установить по соответствующему реконструируемому слову:

И.-е. **(s)tʰlhaNi-* 'воровать', 'утаивать'; 'вор': хет. *taja-* 'воровать, красть', 3 л. ед. ч. *ta-ja-az-zi*, *ta-a-i-iz-zi* 'крадет', 'ворует', *tajazzil* 'воровство', др.-инд. *(s)tāyú-* 'вор', *stéyam* 'воровство', *stená-* 'вор', авест. *tāyu-* 'вор', *tāya-* 'воровство', греч. *τητάομαι* 'лишаюсь', 'нуждаюсь', др.-ирл. *táid* 'вор', ст.-слав. *taŭ* 'вор', *tajiti* 'скрывать', 'утаить', рус. *таить*; сюда же относится, вероятно, и греч. *σύνεταί* 'грабит' (из **tʰli-n-je-*), ср. Hollifield 1978 : 174.

Восстанавливаемые по лингвистическим данным следы древнего индоевропейского общества, которое включало людей, обладавших 'богатством' и занимавшихся 'торговлей', а также 'лишенных имущества', 'обездоленных' и 'воров', указывают на далеко зашедшее социальное расслоение, связанное с имущественными различиями.

4. ТЕРМИНЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ И ИХ ПРЕДВОДИТЕЛЕЙ

4.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «РОДА»

Одной из основных структурных единиц древнего индоевропейского общества было **k'en-(tʰl)*- 'совокупность людей, связанных родственными отношениями', 'род', 'племя'. Основа слова увязывается этимологически с корнем **k'en-* в значении 'рождать' (ср. др.-инд. *janati* 'рождает', ст.-лат. *genō* 'рождаю', греч. *γενέομαι* 'происхожу' и др.).

¹ Более позднее семантическое развитие слова со значением 'сирота' предполагается в кельтском и германском: др.-ирл. *ogbe* 'наследство', гот. *arbi* 'наследство', др.-в.-нем. *arbi* 'наследство' (нем. *Erbe*), Порциг 1964 : 181—182.

Индоевропейское название 'рода', 'племени' образуется как производное от этого корня с суффиксом *-tʰl- . Такое образование хорошо еще сохраняется в ряде древних индоевропейских диалектов.

В индо-иранском устанавливается строгая социальная иерархия единиц в возрастающей последовательности: 'дом' *t'e/om- ~ 'селение' *uoiḱʰl- ~ 'племя' *k'en-tʰl-, выражаемой соответственно лексемами авест. *dāman-* 'обиталище', др.-инд. *dām-* 'дом' ~ авест. *vīs-* 'селение', др.-инд. *vīś-* 'селение' ~ авест. *zantu-* 'племя', др.-инд. *jantú-* (в "Ригведе" — 'племя', 'род'), ср. *Benveniste 1969, I : 294—316*.

В италийском основа представлена в форме лат. *gēns, род. пад. gentis* со значением 'род', 'родовая община', 'племя'.

В германском соответствующая основа предполагается на основании производного гот. *kindins* 'предводитель рода' (из *k'entʰli-nos), ср. *Benveniste 1969, I : 302, 315*.

Засвидетельствована и другая, тематическая форма этого слова в значении 'род', 'племя' без суффиксального *-tʰl-: др.-инд. *jāna-* 'род', греч. *γένος* 'род', лат. *genus, род. пад. generis* 'род', 'племя', ср. также производное на *-i- в германском от того же корня: гот. *kuni* 'род', др.-в.-нем. *chunni*, др.-англ. *cynn* 'род' (англ. *kin*).

Обнаруживаются также в исторических диалектах и другие суффиксальные образования от того же корня *k'ep- в значении 'племенных объединений' и других сходных значениях ('потомка', 'происхождения'): лат. *nātiō* 'род', 'племя', 'народность' (из *gnātiō), др.-инд. *jāti-* 'рождение', 'семья', др.-англ. *(ge)cynn* 'род', 'природа', 'происхождение' (англ. *kind*).

В качестве еще одного индоевропейского слова в значении 'род'; 'потомок' можно предположить основу *Hrdʰl-, восстанавливаемую на основе сопоставления хет. *ḫardu-* 'потомок', лув. *ḫarduḫatt-* 'потомство' (*Laroché 1959a : 43*), иер. лув. *há+ra/i+tu-sa* (*Hawkins/Morpurgo Davis/Neumann 1973 : 148*) со слав. *rodŭ: ст.-слав. *rodŭ*, рус. *род*.

4.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ СЛОВА В ЗНАЧЕНИИ «ПЛЕМЯ, НАРОД»

В качестве обозначения широкой социальной группы людей, включающей отдельные 'племена' и 'роды' и объединяющей их в наиболее крупную социальную единицу, выступает ареальное ("древнеевропейское" и хеттское) *tʰleu-tʰl-: ср. хет. *tuzzi-* 'войско' (то есть 'совокупность людей, носящих оружие') при "древнеевропейском" названии 'народа, общины': гот. *þiuda* 'народ', др.-исл. *þjóð* 'народ, люди', др.-в.-нем. *diot* 'народ', *diutisc* 'народный' (отсюда нем. *deutsch* 'немецкий'); оск. *touto* 'община', умбр. *totam, вин. пад.* 'общество', др.-ирл. *túath* 'народ', 'племя', 'страна', лит. *tautà* 'народ', латыш. *tauta* 'народ', прус. *tauto* 'страна'. От этого слова образовано диалектное производное на *-ono- в значении 'предводитель народа': гот. *þiudans* 'царь', др.-исл. *þjóðann*, ср. галльское собственное имя *Toutonos* (ср. *Szemerényi 1977b : 100 и след.*).

4.3. ДРЕВНЕЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «РОДА» И «ПРЕДВОДИТЕЛЯ РОДА»

Наряду со словом *k'en- в значении 'рождать' в индоевропейском следует постулировать и другое слово в том же или близком значении 'рождать', 'производить', 'род', 'совокупность людей, связанных родственными узами' — чередующуюся по аблауту основу *Hons-/*Hns-.

В этом первичном значении основа сохраняется лишь в анатолийских языках: хет. *ḫaš-* 'рождать', *ḫaššatar* 'род' (ср. *ḫaššannaš-šaš* 'человек его рода', 'его кровный родственник', 2 BoTU 23 C 13), *ḫašša ḫanzašša* 'внуки и правнуки', лув. *ḫamša-* 'внук', иер. лув. *ḫamasa-* 'внук' (ср. Oettinger 1976 : 24), *hasu-* 'потомство'¹.

Предводитель, вождь такого 'рода' мог, естественно, обозначаться словом от того же корня². В анатолийском слово в значении 'царь' (хет. *ḫaššu-* 'царь', *ḫaššu-ššara-* 'царица', иер. лув. *hasusara-* 'царица', ср. также женское имя *ḫašušar* в каппадокийских табличках) соотносится именно с корнем хет. *ḫaš-* 'рождать', *ḫaššatar* 'род'. Слово обнаруживает широкие связи в других индоевропейских языках и может считаться лексемой общеиндоевропейского происхождения: авест. *ahū-* 'господин', *ahura-* 'повелитель', 'господин', 'князь', *Ahura-Mazdā-* 'Ахура Мазда' (буквально: 'Мудрый Господин'), др.-перс. *Auramazdā-* 'имя бога', др.-инд. *ásura-* 'бог', 'дух', 'высшее существо', др.-исл. *áss* 'бог', рун. *alnlisuR*, гот. *ansēs* 'полубоги' (в латинской передаче), др.-англ. *ōs* 'бог' (Polomé 1953; 1970 : 65)³.

Несмотря на то, что хет. *ḫaššu-* уже в древний период означает 'царь' в широком смысле, историческая связь этого термина с названием 'рода' все еще сохраняется в хеттской традиции. Характерно, что еще древнехеттский царь-*ḫaššuš* Х аттгусил и I (XVII в. до н. э.) всех своих подданных считает членами одного рода, рожденными от одной матери: *šī-i-e-el ĪRMES.ŠU I.NA I AMA ḫa-aš-ša-an-te-eš* (HAB II 46—27) "его (то есть царя — *ḫaššuš*) подданные от одной матери рождены".

Обнаружение в индоевропейском двух основ *k'en- и *Hons-/*Hns- в значении 'рождать', 'производить' и производных от них в значениях 'род', 'племя', 'родственник' (а также 'предводитель племени', 'властелин', 'царь') ставит вопрос о распределении этих основ в соответствующих

¹ В тех же табличках в анатолийских собственных именах встречается в качестве второго члена *-ḫši* с предположительным значением 'сын, потомок', Goetze 1954 : 355; Laroche 1966a : 297, 301; Gusmani 1968 : 94—95.

² К типологической возможности такой семантической связи слов, то есть 'рождать', 'род', с одной стороны, и 'властелин', 'предводитель', 'царь', с другой, ср. в частности общегерманское **kuningaz* 'предводитель, царь' (др.-в.-нем. *chuning*, нем. *König*; др.-англ. *cuping*, англ. *king*), связанное со словом **kunja* 'род' (ср. гот. *kunī*, др.-в.-нем. *chunpi*, др.-англ. *cupp*, англ. *kin*), родственным греч. *γένος* 'род', др.-инд. *jāna-*, лат. *genus* 'род' и др. (ср. Gusmani 1968 : 100—101 и др.); иначе у Szemerényi 1977b : 49.

³ В древнеиндийском и германском предполагается семантический переход 'господин', 'властелин' → 'бог'. След такого семантического перехода можно еще обнаружить в авестийском ('повелитель, господин' как эпитет бога).

значениях в исторических индоевропейских диалектах. Ряд диалектов в процессе исторического развития теряет производные от корня *k'en- (хеттский, тохарский, балто-славянский)¹; в других диалектах теряется основа *Hons-/*Hns- при сохранении в первичном значении 'рождать', 'род' основы *k'en- (в частности, индо-иранский, греческий, латинский).

4.4. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «СВЯЩЕННОГО ЦАРЯ»

В качестве другого термина общеиндоевропейской древности в значении 'предводитель', 'царь', выделяется слово *rek'-, связываемое этимологически с основой *rek'- в значении 'направлять', 'выправлять', 'выравнивать'².

Др.-инд. *rājan-* 'царь', 'правитель', *rājñi* 'царица', *rājya-* 'царский'; лат. *rēx* 'царь', *rēgina* 'царица', *rēgius* 'царский'; др.-ирл. *rí*, род. пад. *ríg* 'царь', *rígain* 'царица', ср.-ирл. *ríge* 'царство'; гот. *reiki* 'царство', 'государство', др.-в.-нем. *rīhhi* 'царство', 'государство' (нем. *Reich*), *Pokorny 1959* : 854—857.

Обращает на себя внимание полное совпадение целого комплекса ритуалов, связанных со 'священным царем' (*rēx sacrorum*) и царским святилищем *Rēgia* в Риме (ритуал *Equus October* 'Конь октябрьский', см. выше, стр. 552), с аналогичным древнеиндийским комплексом обрядов Ашвамеджи, совершавшимся при церемонии коронации 'царя' (см. выше, стр. 482). То же самое можно сказать и об особом комплексе обрядов, совершаемых особым 'жрецом-друидом' при древнекельтском царе *rí* (*Dumézil 1966* : 31). Такие совпадения ритуалов с одинаковыми наименованиями в разных исторических индоевропейских традициях позволяют реконструировать у древних индоевропейцев образ 'священного царя'

¹ В анатолийских языках основа *ḫaš-* в значении 'рождать' (ср. также хет. *ḫaššatar* 'род') вытесняет основу *k'en- в этом значении. Не исключено, однако, что последняя может быть отражена в хет. *g/ka-e-pa-aš* в значении 'свойственники', 'зятья' (в тексте Теллепиу: хет. *LUMES* *kaepaš-ziš* в аккадском варианте соответствует *LUMES* *ḫATNI.SU* 'люди его свойства', аккад. *ḫatani* 'зятья'). Формально хет. *g/kaep-* может отражать и.-е. *k'en- 'род', 'родство' (при допущении графических особенностей написания слова: *g/ka-* вместо *g/ki-*); семантика слова ('свойство' вместо 'родства') может объясняться наличием в хеттском другого широко употребляемого корня в значении 'рождать', 'родство' *ḫaš-*. К возможности такого семантического развития ср. ст.-слав. *zělъ* (рус. *зять*), лит. *žentas* 'зять' от и.-е. основы *k'en-^{1h1}- при замене в славянском этого слова в значении 'рождать' и 'родственник' новообразованием *rod- (рус. *род*, *рождать*), вытеснившим в этом значении образование от корня *k'en-.

² Этот круг значений данной основы реконструируется на основании засвидетельствованных слов типа *ḡjánti* 'устремляются вперед по прямому пути', *ḡjún-* 'прямой', 'правый', *ḡjati* 'направляет, царствует', авест. *gazap-* 'порядок', *ḡštəm* 'в прямом направлении', греч. *ὄρεκτος* 'устремленный', лат. *rectus* 'прямой' и др.

На основании формальных (наличие долгой гласной) и семантических соображений *Sihler (1977)* предлагает увязывать данное индоевропейское слово не с корнем *rek'- 'направлять'; 'выравнивать', а с постулируемой им основой *reHk'- в значении 'сильный, действительный': др.-инд. *ṛg-* 'пища'; 'сила', 'изобилие'; греч. *ἀρήνω* 'прихожу на помощь' и др.

*rek'-, символизирующего единство и благополучие всего сообщества, ср. также *Dubuisson 1978*.

4.5. ДИАЛЕКТНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «ЦАРЯ», «ПОВЕЛИТЕЛЯ»

В греческой традиции, начиная уже с микенской эпохи, аналогичная функция принадлежала *wa-na-ka* (греч. *Βάναξ* 'царь' толкуется как 'повелитель', 'господин', 'царь — глава государства', 'бог', *Лурье 1957: 211—216; Ventris/Chadwick 1973: 486*). Слово находит соответствие в тох. А *nātāk* 'господин', с развитием группы **wn-* > *n-* (*Winter 1970: 53*), ср. также тох. А *ñkāt* 'бог', тох. В *ñakte* 'бог' (*Normier 1980*).

В качестве основного слова в значении 'царь' в тохарском выступает основа тох. А *wäl*, тох. В *walo* 'царь'. В этом значении слово находит соответствие в кельтском и германо-балто-славянском (основа на *-*dhl-*): др.-ирл. *fol-n-* 'господствовать', *flaith* 'господство'; гот. *waldan* 'управлять', др.-в.-нем. *waltan* 'править' (нем. *walten*), прус. *wāldnikans*, вин. п. мн. ч. 'королей', лит. *valdyti* 'править', 'управлять', ст.-слав. *vlado* 'господствую', 'владею'.

Такие термины, обнаруживаемые в отдельных древних диалектных общностях, возникают для обозначения 'правления', 'властвования' (иногда наряду с более древними терминами в этом значении) в период начала распада общиндоевропейского языка и выделения отдельных диалектных объединений.

5. ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ «ОБМЕНА»

5.1. ОБЩИЙ ТЕРМИН «ОБМЕНА» *t'oH-

У древних индоевропейцев, как и в любом другом архаическом обществе, обнаруживаются следы отношений между людьми, строящихся на принципе обмена между ними. Такой 'обмен' в широком смысле предполагает как обмен материальными ценностями (принесение 'даров' как ранняя форма обмена, предшествующая развитию торговых отношений, взаимные 'угощения' и др.), так и обмен взаимными услугами (в том числе в обряде) и духовными ценностями (включая обмен языковыми высказываниями и знаковыми символами).

Особое место в таком процессе обмена занимает 'обмен женщинами', которых берут в жены. От такого 'обмена' и зависит определенный характер брачных и родственных отношений, свойственных данному типу общества (ср. *Lévi-Strauss 1967; Baal 1970*).

Отношения между человеком и богом в древних обществах также можно рассматривать в рамках 'теории обмена' как обмен 'дарами' между богом и человеком, приносящим 'дары' — жертвоприношения богу — взамен благорасположения и благодеяния, ниспосылаемых божеством человеку (ср. о жертвоприношениях в индоевропейских традициях выше, стр. 701 и след.).

Общий термин, отражающий отношение взаимности в процессе обмена, — это и.-е. **t'oH-*, которое означало как 'давать', так и 'брать'. При этом в одних исторических диалектах эта основа наследуется в значении 'давать', в других — в значении 'брать', что приводит к превращению изначального термина, относящегося к 'обмену', в слово, обозначающее одностороннее отношение без взаимности. В этих словах таких диалектов можно усмотреть лишь отдельные следы древнего отношения взаимности, предполагаемой процессом 'обмена'.

Значение 'брать' индоевропейского корня **t'oH-* 'давать' ~ 'брать' лучше всего сохраняется в анатолийских языках:

Хет. *da-a-ah-ḫi* 'беру', иер. лув. *tà-a* 'он берет', лув. *la(i)-* 'брать', ср. лид. *dāv* 'даю', *dēt* 'имущество'; хеттская медиальная форма *dattari* 'берется' (то есть 'дано') служит иллюстрацией взаимосвязи значений 'брать' ~ 'давать' (ср. лат. *datur* в том же значении 'дается', 'дано' от глагола *dāre* 'давать'). Хеттское *daḫ-* 'брать' означает также 'брать в жены' (соответствует аккад. *ahāzu* 'брать в жены' при хет. *daḫ-* 'брать вообще', соответствующем аккад. *leḫū* 'брать').

Значение 'давать' выражается в анатолийском уже особой основой с приставкой *re-*, что и вызвало семантическое преобразование и.-е. **t'oH-* в анатолийском и выражение двух сторон 'обмена': 'давать' ~ 'брать' разными глаголами: хет. *rai-* 'давать' (1 л. ед. ч. *ri-iḫ-ḫi* 'даю', прош. вр. *ri-iḫ-ḫi-un* 'я дал'), лув. *rija-* 'давать', иер. лув. *ria-*, пал. *riša-* 'давать' (императив, ср. хет. *rešk-*); тот же глагол в значении 'давать' обнаруживается в тохарском: тох. В *ai-*, тох. А *e-* 'давать' (также с приставкой *p-*: тох. А *paṣ*, 2 л. ед. ч. прош. вр., ср. хет. *raišta* 'он дал').

Анатолийско-тохарская форма **(p)-ai-* 'давать' обнаруживает более широкие этимологические связи (Pokorny 1959 : 10—11): ср. греч. *αἰμα* 'беру', 'схватываю', *αἶσα* 'удел', 'судьба', авест. *aēta-* 'положенная доля', оск. *aeteis*, род. пад. 'части'.

Значение 'давать' индоевропейского корня **t'oH-* 'давать' ~ 'брать' сохраняется в большой группе древних индоевропейских диалектов (исключая анатолийский и тохарский):

Др.-инд. *dādāmi* 'я даю', авест. *dadāiti* 'он дает', др.-перс. *dadātuv* 'он должен дать', арм. *tam* 'даю', греч. *δίδομι* 'даю', лат. *dō* 'даю', лит. *dūomi* 'даю', прус. *dāst* 'дает', ст.-слав. *damī* 'даю'.

Специально в значении 'брать' в этой группе диалектов выступают уже другие основы, не связанные этимологически с корнем **t'oH-*: др.-инд. *āpnóti* 'получает' (ср. *dānā-* арна- 'дары принимающий'), *aśnóti* 'принимает', греч. *αἰρέω* 'беру', лат. *prehendō* 'хватаяю', 'беру' и др.

В древнеиндийском и древнеиранском у корня **t'oH-* сохраняются следы и значения 'брать'; это — медиальные формы с приставкой *ā-*: *ā-dā-* 'брать', 'принимать', *ādadāthe*, дв. ч. мед. перф. 'вы взяли, вы приняли' RV I 139, 2 (Grassmann 1873 : 590; ср. Benveniste 1966a : 316—317).

Следы первоначального сочетания значений 'давать' — 'брать' в едином корне в смысле взаимности обмена или во всяком случае первоначальной нерасчлененности этих значений видны также в производных на **-r-/*-n-*

от того же корня *t'oH- в значении 'дар', 'подарок', то есть 'то, что дают' или 'то, что берут': греч. гом. δῶρον 'почетный дар', 'свадебный подарок', арм. tur 'дар', ст.-слав. darŭ 'дар'; др.-инд. dána- 'дар', 'подарок', лат. dōnum 'дар', др.-ирл. dán 'дар', лит. duonls 'дань', ст.-слав. danŭ 'дар'; ср. также другие древние производные от того же корня: греч. δῶσις 'дар', др.-инд. dīti-ḥ 'дар', лат. datiō 'дар', лит. dovanà 'дар' и др.

5.2. ДРУГИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ТЕРМИНЫ ДЛЯ «ОБМЕНА»

В качестве другого индоевропейского слова, однако, диалектно более ограниченного, относящегося к терминологии 'обмена' у древних индоевропейцев, выступает основа *nem- 'давать', 'наделять' ~ 'брать':

Авест. nēmah- 'дача взаймы', 'одалживание', греч. гом. νέμω 'распределяю'; гот. niman 'взять', 'брать', др.-в.-нем. nēman 'брать' (нем. nehmen), латыш. nēmt 'брать'; др.-ирл. nem 'дар'.

С этим индоевропейским корнем, возможно, связан по происхождению корень с вокалическим началом *em- примерно с тем же кругом значений: лат. emō 'беру', 'покупаю', др.-ирл. em- 'брать', 'принимать', лит. imū 'беру', ст.-слав. imq 'беру'.

Древним индоевропейским словом, обозначающим самый процесс 'обмена' в широком смысле, можно считать основу *mei-(n-) 'менять', 'обмениваться': др.-инд. máyate 'обменивает', латыш. mīt 'менять' (в частности, о брачных обменах), лат. commūnis 'общий', mīnus 'обязанность', 'служба', 'повинность', 'дар' (ср. Palmer 1956; Benveniste 1969, I : 187), др.-ирл. móin 'ценность', 'сокровище', dag-móini 'благие дары', гот. gamains 'общий' (первоначально: 'взаимный'), др.-в.-нем. gimeini 'общий' (нем. gemein), лит. maĩnas 'обмен', латыш. maĩna 'обмен', ст.-слав. mēna 'обмен'.

Производные от того же корня *mei- на суффикс *-t[h]1- дают значения 'взаимности' и 'парности': др.-инд. mitháti 'меняется', mithá- 'взаимный', авест. miθwara- 'парный', лат. mūtō 'меняю', mūtūus 'взаимный', гот. maipms 'дар', др.-инд. Mitrá- 'божество договора', то есть 'взаимного соглашения', ср. в тех же значениях ст.-слав. mirŭ 'сообщность', 'договор', Toporov 1968.

5.3. «ГОСТЕПРИИМСТВО» И «УГОЩЕНИЕ»

Институт обмена в древних обществах делает понятным и обычаи, связанные с 'гостеприимством' и 'угощением'. Это тоже своеобразный обмен между 'хозяином' и 'гостем', которые могут меняться ролями. Этим и объясняется возможность соединения в одном слове значений 'хозяин' и 'гость', то есть 'тот, кто принимает' и 'тот, кого принимают'. Именно такую семантику следует приписать индоевропейскому *g[h]ost[h]1- 'хозяин' ~ 'гость', соответственно отраженному в исторических диалектах:

Лат. *hostis* 'чужеземец', *hospes*, *род. над. hospitis* 'чужестранец', 'гость', 'оказывающий гостеприимство', 'хозяин' (из **hosti-* + **pot-s* 'гость' + 'хозяин'); гот. *gasts* 'гость', др.-исл. *gestr* 'гость', др.-англ. *giest* 'гость' (англ. *guest*), др.-в.-нем. *gast* 'гость' (нем. *Gast*), ст.-слав. *gostŭ* 'гость'.

Засвидетельствованные в этих диалектах лексические соответствия позволяют реконструировать ареальное индоевропейское слово $*g^{hl}ost^{hl}i-$ в значении 'гость' ~ 'хозяин'. В случае, если лув. *kaši-* 'посещение' относится сюда же (Иванов 1965 : 39), основа должна возводиться к эпохе индоевропейской общности.^{1/}

Более очевидно отнесение к общеиндоевропейскому другому слову в аналогичном значении 'господин', 'хозяин' ~ 'гость', 'чужестранец' — и.-е. $*ar(i)o-$:

Хет. *ara-* 'друг', 'товарищ', *araš aran* 'друг друга', др.-инд. *arī-* 'друг', 'чужак', 'чужестранец' (Thieme 1938), *aryá-* 'хозяин дома' (уже в индо-иранском — в собирательном смысле как самоназвание индо-иранцев: др.-инд. *árya-* 'арий, индо-ариец', др.-перс. *ariya-čiça-* 'иранского рода' в надписи Дария; *ariyānām*, род. пад. мн. ч. 'страна ариев', откуда *ērān*, перс. *īrān* 'Иран', ст.-осет. $*Alani$ 'аланцы' из $*Aryana$, см. Benveniste 1969, I : 369—372); ср. др.-ирл. *aire* 'благородный', 'свободный', *airech* 'благородный', сюда же *Ériu* 'Ирландия'.^{2/}

Первоначальное значение этого слова 'хозяин', 'гость', 'товарищ' развивается в отдельных исторических традициях в 'товарищ по племени'^{3/} далее 'самоназвание племени' (*árya-*) и 'страны' (*īrān*, *Ériu*).

6. СИСТЕМА БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ И СИСТЕМА «СВОЙСТВА» У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

6.1. «БРАК» КАК «ОБМЕН» ЖЕНЩИНАМИ И ДРЕВНЕЙШАЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Брачные отношения, которые определяют характер родственных связей и тем самым тип социальной организации на ранних этапах развития,

¹ Лув. *kaši-* засвидетельствовано в контексте лувийской формулы, произносимой хеттской жрицей Т у н а в и: *a-ti-ia-ad-da-li-i-š DIM-an-za šar-gi ka-ši-i ħu-e-ħu-i-ia tar-ra-aš-ša-it šar-gi ti-ia-mi ħu-i-ħu-i-ia* (Tuprawi, I, 59) 'дружественный (?) Бог Грозы, сверху для посещения (в гости) поспеши, с неба вверху на землю поспеши!'. Слово *ka-ši-i* (основа на -i), выступающее в данном контексте в дательном падеже и означающее 'для посещения', может отражать по форме и по значению и.-е. $*g^{hl}ost^{hl}i-$. И.-е. сочетание $*-st^{hl}i-$ отражается в лувийском как $-š(š)-$, ср. лув. *ħašša-* 'кости' при хет. *ħaštai*.

² Ср., однако, Szemerényi 1977b : 125 и след., где отрицается связь кельтских слов с индо-иранскими и на этом основании высказывается сомнение в общеиндоевропейском характере данного слова. При этом хет. *aga-* и индо-иранские слова рассматриваются как заимствования из семито-хамитских языков: ср. угар. *'arij* 'родственник', 'товарищ', егип. *irj* 'товарищ'. Допуская возможность связи индоевропейских слов с древнеближневосточными, трудно, тем не менее, отрицать общеиндоевропейский характер слова $*ar(i)o-$, реконструируемого на основании свидетельства исторических индоевропейских диалектов (включая и кельтские). Связи слов общеиндоевропейского происхождения с древнеближневосточными наблюдаются, как было показано выше, и в ряде других случаев (ср. общеиндоевропейские лексемы $*i^{hl}auro-$ 'бык', $*k'oq-$ 'бык', 'корова', $*reud^{hl}i-$ 'руда', $*b^{hl}eġ-$ 'пчела' и др.).

³ Ср. близкие значения производных от семантически сходного диалектного слова $*d^{hl}reyg^{hl}i-$: лит. *draūgas* 'друг, товарищ', ст.-слав. *drugŭ* 'друг, товарищ', др.-исл. *drótt* 'боевая дружина', 'свита князя' при авест. *draoga-*, др.-перс. *drauga-* 'ложь', 'живый', *adurijua* 'лгал', др.-инд. *drūh-* 'враждебное демоническое существо'.

в древних обществах регулируются общими правилами 'обмена' и зачастую обозначаются теми же словами и терминами, что и другие виды 'взаимного обмена'.

Уже сам индоевропейский корень *t'oH- в широком значении 'давать' ~ 'брат' обозначал и 'братъ женщину в жены', что и отразилось в ряде древних индоевропейских диалектов. Этим и следует, по-видимому, объяснить почти полное отсутствие терминологии собственно бракосочетания вне связи ее с терминами общего обмена. Характерно, что такие специальные термины бракосочетания в отдельных индоевропейских традициях формируются на базе общих слов, обозначающих обмен (ср. ст.-слав. *brakŭ* 'брак' от **brati* 'брать').

Древним индоевропейским термином брачных отношений можно считать основу *H₂ed^{h1}- 'вести, уводить невесту' (силой): хет. *huittija* 'тащить', 'тянуть', авест. *vādayeiti* (*каузатив*) 'заставляет идти', 'тянет', ср. др.-инд. *vadhū-* 'невеста', 'молодая женщина', авест. *vadū-* 'замужняя женщина', др.-ирл. *fedid* 'ведет', лит. *vedù* 'веду', 'женюсь', ст.-слав. *vedq* 'веду', 'женюсь', *nevěsta* 'невеста', др.-рус. *водити (жену)* 'жениться'.

6.2. ПРАКТИКА «УМЫКАНИЯ ЖЕНЩИН» КАК ДРЕВНЕЙШИЙ ВИД БРАКА

Уже само наличие специфического термина, не совпадающего с терминологией 'обмена', может указывать на одну из форм бракосочетания, выпадающую из системы 'взаимного обмена', то есть на обычай похищения, умыкания, насильственного увода невесты. Следы такого вида бракосочетания у древних индоевропейцев можно обнаружить в значениях этого слова в отдельных исторических индоевропейских диалектах и в сохранившемся обычае умыкания невест в исторических индоевропейских традициях.

В хеттской традиции умыкание невесты, при котором имеются жертвы, называется особым образом — 'похититель становится волком':

Ср. в "Хеттских законах": *ták-ku SAL-an ku-iš-ki pít-te-nu-uz-zi... ták-ku 2 LŪMEŠ na-aš-ma 3 LŪMEŠ ak-kán-zi šar-ni-ik-zi-il NU.GÁL zi-ik-ya UR.BAR.RA ki-ša-at* (X3, § 37) "если кто-либо женщину похитит... (и) если два или три человека (при этом) погибнут, нет возмещения: тыде стал волком!"

Точное совпадение с такой практикой похищения женщины у хеттов обнаруживается в обычае умыкания невесты в древнеиндийских законах: *hatvā chittvā ca bhittvā ca krośantīm rudatīm gṛhāt prasahya kanyāharaṇan rākṣaso vidhir usyate* "обычаем ракшаса называется насильственный увод плачущей девушки из дома при убийстве, ранении (ее сородичей) и взломе" ("Законы Ману", III, 24).

В ирландской традиции сохраняется особый термин "насильственного увода невесты" *lánatus foxail*, ср. в римской традиции "Миф о похищении сабинянок", в описании которого обычно употребляется выражение *rapere virgines* 'умыкать девушек' (Watkins 1970a : 324; Peruzzi 1970 : 87 и след.).

Похищение девушек с целью женитьбы, отражающееся в римской традиции в виде легенды и относящееся тем самым для этой традиции к доисторической древности, обнаруживает общие черты с аналогичным обычаем женитьбы путем насильственного увода невесты в древнегреческой традиции (η ἀρπαγή τῶν γυναικῶν). Этот древний обычай, уже в классическую греческую эпоху сохранявшийся только в легендах, иллюстрируется мифами о похищении Медеи аргонавтами, гомеровскими мифами о похищении Персефоны и похищении Елены (*Peruzzi 1970 : 87 и след.*). Характерно при этом, что похищаются, как правило, женщины “чужого” племени (ср. похищение сабинянок римлянами¹, похищение колхидянки Медеи греком Язоном, похищение гречанки Елены троянцем Парисом и др.). Все это указывает на широкое распространение обычая умыкания невест в доисторической греко-италийской традиции, о котором сохраняются в классическую эпоху воспоминания в виде легенд.

В “Авесте” обычай похищения невест отражен в формуле *us-uādaua-*, которая означает ‘похитить женщину’, ‘увести силой’.

Такое первоначальное значение глагола **Hued^{lh1}*- ‘уводить насильно женщину’, ‘похищать невесту’, сохраняющееся в авестийском, видно и в значениях (хотя уже и преобразованных) родственного хеттского слова *huittiya-* ‘тянуть’, ‘тащить’ (и.-е. **Hued^{lh1}*-); нулевая огласовка основы (и.-е. **Hud^{lh1}*-) представлена в хеттском в глагольной форме с префиксом *pehute-* ‘уводить’, ‘уносить’ (ср. глагол с префиксом противоположного направления *ucate-* ‘приносить’, ‘приводить’, *Pedersen 1938 : § 87; Benveniste 1962a : 38—39; Szemerényi 1977b : 199 и след.*).

6.3. РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ «БРАКА» У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Индоевропейское **Hued^{lh1}*- ‘уводить силой’, ‘похищать невесту’, существовавшее наряду с другим термином, относящимся к обряду бракосочетания, который был связан с терминологией обмена (возможно, корень **t'oH-* ‘брать’ ~ ‘давать’, в том числе ‘брать’ ~ ‘давать жену’), теряет со временем в отдельных исторических диалектах свое первоначальное значение ‘насильственного бракосочетания’ и становится общим термином для ‘женитьбы’ вообще, от которого образуются другие производные, относящиеся к терминологии ‘брака - обмена’ в пределах общей системы ‘обмена’. Этим путем возникают в отдельных исторических индоевропейских диалектах такие термины ‘брака - обмена’ (производные на *-*mpo-*), как греч. гом. $\xi\delta\nu\alpha$, $\xi\epsilon\delta\nu\alpha$ *мн. ч.* ‘брачные дары’, ‘выкуп жениха невесте или ее отцу’, ‘приданое’, $\epsilon\text{F}\epsilon\delta\nu\omega\tau\eta\varsigma$ ‘отец невесты’, ‘выдавальщик’, $\epsilon\text{F}\epsilon\delta\nu\omicron\omega$ ‘выдаю’, ‘снабжаю приданым’, др.-англ. *wegotoma*, *wituma*, *wetma* ‘цена за невесту’, др.-в.-нем. *widoto*, *wideto* ‘приданое’, ср. хет. *kušata-* ‘брачный выкуп’ (к этимологии ср. греч. $\chi\omicron\beta\omicron\theta\omicron\varsigma$ ‘женский стыд’, *Weitenberg 1975*).

¹ В легенде о “Похищении сабинянок”, описываемой римским историком Титом Ливием в “Истории Рима”, под сабинянками следует понимать женщин разных родов, среди которых сабиняне составляли самый зажиточный и богатый народ, ср. *Peruzzi 1970 : 88*.

Такой переход значений слова с 'насильственного брака' путем 'умыкания' на 'обменное бракосочетание' еще ясно виден в авестийском, где представлены оба этих значения в одном глаголе *uādaua-* с разными приставками: ср. *ura-uādaua-* 'отдать женщину в жены' при *us-uādaua-* 'похищать', 'умыкать женщину'.

Обнаруживаемые следы двух видов бракосочетания у древних индоевропейцев (брак как часть системы обмена и брак путем насильственного увода женщины) могут отражать некоторые аспекты социального устройства индоевропейских племен периода их расселения на новых территориях и столкновения с иноязычными племенами. Основным видом бракосочетания в таких условиях могло быть 'похищение невест' при соблюдении обряда обменного бракосочетания с представителями своего племени или родственных племен, отношения с которыми регулировались сложной системой социальных установлений.

6.4. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «МУЖЧИНЫ» И «ЖЕНЩИНЫ» КАК СУПРУГОВ

Лица, вступающие в брачные отношения, могут обозначаться общими терминами, выражающими соответственно значения 'женщина', 'хозяйка' и 'хозяин', 'мужчина':

И.-е. *k^oep- 'женщина', 'жена': тох. А *šān* 'жена', 'супруга', В *šana*, др.-инд. *jāni-* 'жена', 'женщина' (ср. др.-инд. *gnā* 'богиня', 'жена бога'), авест. *jaini-* 'жена', 'женщина', перс. *zan* 'женщина', 'жена', арм. *kin* 'женщина', греч. гом. *γυνή*, род. п. *γυναῖκος* 'женщина', 'жена', гот. *qinō*, др.-в.-нем. *quena* 'женщина', 'жена', др.-англ. *swene* 'женщина', 'жена', др.-ирл. *ben*, *bé* 'женщина', алб. *zōnjë* 'женщина', 'хозяйка', прус. *genno*, *zvat. n.* 'женщина!', ст.-слав. *žena* 'женщина', 'жена'.

И.-е. *p^hlot^hl- 'хозяин', 'повелитель', 'муж': тох. А *pats* 'муж', 'супруг', др.-инд. вед. *pāti-* 'господин', 'хозяин', 'муж', авест. *paiti-* 'господин', 'властитель', 'супруг', греч. гом. *πάσις* 'муж', 'супруг', гот. *brūp-faps* 'жених' (ср. *hunda-faps* 'сотник', 'повелитель над сотней людей'), лит. *pàts* 'муж', 'супруг' (= 'сам', ср. авест. *x^oaē-pati-* 'он сам'), ср. ст.-слав. *polipřega* 'жена, разведенная с мужем'.

¹ Древнехеттское слово для 'женщины', 'жены' скрывается за шумерской логограммой SAL 'женщина' с фонетическим дополнением -п-: вин. п. SAL-пап, дат.-мест. п. SAL-пи (Friedrich 1952: 290). Элемент -п- в основе хеттского слова делает возможным предположение о связи хеттского названия 'жены', 'женщины' с рассматриваемым индоевропейским словом для 'женщины'; о родственном лувийском слове *цапа-/цанатти- 'женщина', увязываемом с той же индоевропейской основой, см. также Starke 1980.

² В хеттском слово для 'мужа' скрывается за шумерограммой LÜ с фонетическим дополнением -iš: LÜ-iš (ср., например, "Хеттские законы", § 197). Не исключена связь хеттского слова для 'мужа' с основой на -i с группой др.-инд. *pāti-*, греч. *πάσις* и др. В этом отношении характерно наличие в хеттском эмфатической частицы -pat, по функции и форме совпадающей с литовской частицей *pāt*, увязываемой этимологически со словом *pàts* 'сам', 'муж'.

Общеиндоевропейский характер основы *p^hlot^hl- в значении 'хозяин', 'повелитель', 'муж' сказывается в диалектном распределении данного слова, которое проявляется в этом значении во всех основных древних диалектных группах: (хетто?-)тохаро-германо-балто-славянском, индо-иранско-греческом¹. Отсутствие данного слова в значении 'муж' в латинском следует объяснить сравнительно поздним диалектным расширением значения слова *uir* 'мужчина' (ср. др.-инд. *virá-* 'мужчина', 'герой', лит. *vý-ras* 'мужчина' и др.) в значении 'муж'; ср. аналогичное семантическое развитие в германском и славянском древнего индоевропейского слова *ma-ni- 'мужчина' (др.-инд. *mánuṣ-* 'человек', 'мужчина'), приобретающего и значение 'муж': гот. *manna*, др.-в.-нем. *mann* 'мужчина', 'муж', др.-рус. *мужь* 'человек', 'муж'.

Семантика индоевропейского обозначения 'мужа' *p^hlot^hl-, первичное значение которого определяется как 'повелитель', 'хозяин', ср. выше о терминах типа др.-инд. *viś-pátiḥ* 'хозяин селения' (от глагольного корня *p^hlot^hl- 'мочь', 'повелевать', ср. лат. *potis* 'могущественный' при *potior* 'могу', 'обладаю', др.-инд. *pátyate* 'господствует'), указывает на патриархальный характер индоевропейской семьи и главенствующее положение 'мужа' в семье, являющегося 'отцом семейства' — лат. *pater familiās*, ср. Watkins 1971 : 1500; Friedrich P. 1966 : 16; Benveniste 1969, I : 246.

Уже в качестве производного от этой основы возникает форма *p^hlot^hlⁿi в значении 'госпожа', 'жена': др.-инд. *pátni* 'госпожа', 'жена', авест. *padni-* 'госпожа', греч. мик. *po-ti-ni-ja* 'госпожа', 'хозяйка', гом. *πότνια* 'госпожа', 'жена', лит. *višpatni* 'госпожа'.

6.5. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ВДОВЫ»

Брачные отношения и узы брака 'жены' и 'мужа' представляют собой настолько обычный уклад социальных отношений древних индоевропейцев, что стоящие вне этих отношений мужчина или женщина (в результате смерти одного из супругов или невступления в эти отношения) получают особое обозначение от слова со значением 'отделенный', 'опустошенный'².

И.-е. *uid^hleu-: др.-инд. *vidhāvā* 'вдова', авест. *vidavā-* 'вдова', греч. гом. *ἡ(ῥ)ῖδος* 'холостой', 'юноша', лат. *uidua* 'вдова', 'разведенная или незамужняя женщина', др.-ирл. *fedb* 'вдова', гот. *widuwō* 'вдова', др.-англ. *widuwe* (англ. *widow*), др.-в.-нем. *wituwa* (нем. *Witwe*), прус. *widdewu*, ст.-слав. *vŭdova* 'вдова'.³

¹ Такое заключение расходится с мнением Бенвениста об отсутствии в индоевропейском специальном названии 'мужа' (Benveniste 1969, I : 246). В качестве такового некоторые исследователи предлагали считать название, отраженное в лат. *uir* (ср. Gales 1971 : 52—53).

² Ср. др.-инд. *vidhāte* 'является пустым, испытывает недостаток', *vidhū-* 'одинокый', лат. *uiduus* 'пустой, лишенный чего-либо' и др.

³ Если хет. SALudati- 'вдова' связано с тем же словом (ср. Friedrich 1952 : 237), то общеиндоевропейский характер данной формы можно было бы считать окончательно установленным. SALudati- можно интерпретировать как преобразование ранней хеттской

6.6. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ТЕРМИНЫ «СВОЙСТВА»

Можно утверждать, что брачные отношения составляют основу всего уклада индоевропейской социальной организации, на которой зиждется дальнейшая разветвленная сеть родственных отношений 'свойства' (то есть приобретенного родства между кровными родственниками с обеих сторон, выражаемого в индоевропейском, по-видимому, общим термином *k'ep-, см. выше, стр. 748 и след.).

Характерно, что в общеиндоевропейской терминологии родства значительное число терминов выражает отношения приобретенного родства или 'свойства' (родства "in-law"):

И.-е. *t'aiuǵ- 'брат мужа', 'деверь': др.-инд. *devár-*, арм. *taygr*, греч. гом. *ἑνὴρ*, лат. *lēuir*, др.-в.-нем. *zeihhur*, др.-англ. *tācor*, лит. *dieveris*, латыш. *diēveris*, рус. ц.-слав. *дѣверь* (Pokorny 1959 : 179);

И.-е. (диал.) *k'al(ou-) 'сестра мужа', 'золовка': греч. гом. *γαλόως*, лат. *glōs*, род. пад. *glōris*, ц.-слав. *зълѡва*, ср. также фриг. *γέλαρος, γάλλαρος, ἀδελφοῦ γυνή* 'жена брата' (со сдвигом первоначального значения), Szemerényi 1977b : 88 и след.;

И.-е. *(j)enHt^[h]er- 'жена брата мужа', 'жена деверя': др.-инд. *yātār-*, пашто (афган.) *yōr* (из *yādr-), греч. гом. *εἰνατέρης*, лат. *ianitricēs* 'жены братьев мужа', рус. *ятровь* 'жена брата мужа', др.-чеш. *jatruše* 'uxor fratris mariti', 'жена брата мужа', лит. *jentė*, латыш. *ietere* 'жена брата мужа' (ср. Трубачев 1959 : 137—138); Szemerényi 1977b : 92.

6.7. ТЕРМИНЫ «СВОЙСТВА», ОТРАЖАЮЩИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ НУЛЕВЫМ ПОКОЛЕНИЕМ Ego И ПОКОЛЕНИЕМ РОДИТЕЛЕЙ (ПОКОЛЕНИЕМ -1)

И.-е. *s^oek^[h]ruH- 'мать мужа', 'свекровь': др.-инд. *śvaśrū-*, перс. *xusrū*, арм. *skesur*, греч. гом. *ἐκυρά*, лат. *socrus*, род. п. *socrūs*, гот. *swaihrō*, др.-в.-нем. *swigur*, др.-англ. *sweger*, ст.-слав. *svekry*;

И.-е. *s^oek^[h]luro- (по диссимилиации из *s^oek^[h]ru-ro-) 'отец мужа', 'свекор': др.-инд. *śváśura-*, авест. *x^oasura-*, греч. *ἐκυρός*, лат. *socer*, гот. *swaihra*, др.-в.-нем. *swehur*, лит. *šėšuras*, слав. *svekrŭ (ср. Szemerényi 1964 : 291 и след.).

И.-е. *s^oek^[h]ruH- разлагается, возможно, на *s^oe⁻¹ 'свой', 'принадлежащий к данному коллективу, данной семье' и *k^[h]r- 'глава', 'голова'. И.-е. *s^oek^[h]r- могло, таким образом, означать 'глава семьи', 'глава своих людей' (ср. Szemerényi 1964 : 313 и след.; 1977a : 392). В этом можно видеть проявление главенствующей роли в 'большой семье' отца семейства, которому подчиняются сыновья и их жены.

формы *uidacati- (с диссимильативным выпадением слога -ца-, наблюдаемым и в других случаях), которая должна отражать индоевропейское *uid^[h]leu-, см. Szemerényi 1977b : 85.

¹ Архаичная индоевропейская форма содержала вероятнее всего начальную лабиализованную сибиллянтную фонему *s^o-, которая позднее распадается на последовательность *sm-, см. выше, стр. 122 и след.

Эти последние в пределах семьи обозначаются специальным термином **snuso-* 'невестка', 'сноха': др.-инд. *snuṣā*, арм. *nu*, род. пад. *nuou*, греч. гом. *νύς*, лат. *nigus*, род. п. *nigūs*, др.-в.-нем. *snur*, др.-англ. *snoru*, слав. *snūcha*.¹

Термин **snuso-* может относиться и к жене родственника нулевого поколения, то есть к 'жене брата', что отражено, в частности, в значении греч. гом. *νύς*, употребляемого в широком смысле 'жены кровного родственника, сына или брата', ср. *Gates 1971 : 24—25*.

6.8. ОБЩАЯ СТРУКТУРА ОТНОШЕНИЙ «СВОЙСТВА» И ИХ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Анализ общиндоевропейских терминов 'свойства' обнаруживает одну весьма существенную особенность индоевропейской системы родства. Реконструируется исключительно общиндоевропейская система терминов, обозначающих отношения 'жены' к 'родственникам мужа', при полном отсутствии терминов, обозначающих отношения 'мужа' к 'родственникам жены'.² То есть возникает асимметричная односторонняя система, фиксирующая лишь родственников мужа с точки зрения жены (см. *Табл. 1*):

ТАБЛИЦА 1

		Пол связующего родственника		
		Мужа	Жены	
Поколение	0	Брат	t'aṣṣēr-	—
	0	Сестра	k'al(oṣ-)	—
	-1	Отец	ś°ek[ɫ]uro-	—
	-1	Мать	ś°ek[ɫ]ruH-	—

Это, очевидно, отражает такую систему родственных отношений, при которой 'свойство' возникает у 'женщины', входящей в 'семью мужа', тогда как родственники жены не рассматриваются в качестве лиц, связанных каким бы то ни было родством с мужем.

¹ К древней основе ср. также форму *(s)neṣb[ɫ]h1-: лат. *pībō* 'брат в жены', *sōpībium* 'брак' (из **so-spībīom*), греч. *νύμφη* 'невеста', 'нимфа' (гом. *νύμφιος* 'новобрачный'), ср. *Pokorný 1959 : 978*.

² Обнаруживаемое в отдельных диалектах специальное обозначение 'брата жены', 'шурина': др.-инд. *suā́ā-*, др.-рус. *шуринь*, даже в случае принятия закономерности их соответствия, ограничивается узкой диалектной областью (ср. *Friedrich P. 1966 : 17*) и не может восходить к общиндоевропейскому периоду или даже к периоду какой-либо достаточно древней диалектной общности.

С другой стороны, показательное отсутствие особых индоевропейских терминов для обозначения 'мужа сестры' и 'мужа дочери', 'зятя'¹ (см. Табл. 2):

ТАБЛИЦА 2

Пол связующего потомка \ Пол супруга	Сына	Дочери	Брата	Сестры
Муж		—		—
Жена	spuso		spuso	

Вступая в брачные отношения и приобретая новые родственные связи, 'сестра' и 'дочь', естественно, уходят из дома своих родителей и тем самым порывают родственные отношения с семьей. Поэтому ее новые родственники не являются родственниками для членов старой семьи.

6.9. ПАТРИЛОКАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ «БОЛЬШОЙ СЕМЬИ»

Описанные отношения свидетельствуют недвусмысленным образом о патрилокальном характере брака и брачных отношений у древних индоевропейцев, при котором женщина, входящая в дом мужа, порывает связи со своей старой семьей и всецело включается в систему родственных отношений в новой семье (ср. *Risch 1944*; *Watkins 1971 : 1500*; ср. также о гомеровском греческом *Gates 1971 : 25*).

Такая система брачных отношений у древних индоевропейцев вполне согласуется с описанной выше практикой умыкания невест, при которой порывались всякие связи женщины с ее бывшей семьей и возникали новые отношения приобретенного родства в семье мужа.

Тем самым "большая семья" определяется для индоевропейского как совокупность людей, объединяемых кровным родством, в которую включаются женщины из 'чужой семьи', связанные брачными узами с мужчинами, входящими в 'свою семью'². Женщины "большой семьи", находящиеся

¹ Лат. *geger* 'зять', 'муж сестры', 'жених', ст.-слав. *zělī* 'зять', лит. *žentas* 'зять' отражают результат сравнительно позднего семантического развития общеиндоевропейской формы **k'en-* в значении 'родство', 'свойство': латыш. *zņibōs* 'зять, свояк', греч. *γυνωτός* 'родственник', др.-инд. *jñātī-* 'родственник', ср. также выше (стр. 751₁) хетт. *kaena-* '(люди) свойства'.

Любопытно, что такая односторонняя система обозначения родственных отношений 'свойства' (наличие терминов, обозначающих родственников мужа, при почти полном отсутствии терминов, обозначающих родственников жены) сохраняется в греческом еще до времен Гомера, ср. *Gates 1971 : 25*.

² В индоевропейском реконструируется даже особый термин **nes-* в значении 'возвращаться домой', 'воссоединяться со своими': тох. А *paṣu* 'друг', др.-инд. *pāsate* 'сое-

ся в кровном родстве с другими женами этой семьи, вступая в брачные отношения, покидают свою семью и входят в другую семью, где у них возникают соответствующие отношения 'свойства'. Кровные родственники женского пола любой "большой семьи" нулевого поколения и поколения ниже нулевого (+1), то есть 'сестры' и 'дочери', выступают в качестве объектов брачного обмена. Они обычно уходят из своей семьи в чужую, а взамен в эту семью принимаются женщины другой семьи.

7. СИСТЕМА «КРОВНОГО РОДСТВА» У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

7.1. ТЕРМИНЫ КРОВНОГО РОДСТВА НУЛЕВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Наряду с реконструируемыми терминами свойства (см. Табл. 3) для общиндоевропейского состояния можно реконструировать целую систему терминов, отражающих отношения кровного родства:

ТАБЛИЦА 3

ТЕРМИНЫ СВОЙСТВА

Наименование свойства	Термины свойства
Муж	p[h]ot[h]-
Жена	k'oep-
Отец мужа	š'ek[h]uro-
Отец жены	—
Мать мужа	š'ek[h]ruH-
Мать жены	—
Брат мужа	t'aiçĕr-
Брат жены	—
Сестра мужа	k'al(ou-)
Сестра жены	—
Жена брата мужа	(i)epH[h]ler-
Муж сестры	—
Муж дочери	—
Жена сына	spuso-
Жена брата	spuso-

дняется, собирается, воссоединяется', греч. гом. *νέομαι* 'возвращаюсь (домой)', *Νέστορ* (буквально: 'постоянно возвращающийся'), *νόστος* 'возвращение, прибытие' (ср. нулевые формы корня в др.-инд. *ásta-*, авест. *asta-* 'родина', 'место жительства'), др.-исл. *nest* 'пища в дорогу', др.-в.-нем. *perī*, *para* 'спасение', 'пища' (нем. *Nahrung*) и др., ср. *Watkins 1971 : 1499, 1531*.

И.-е. *b[h]raHt[h]ler- 'брат', 'мужской кровный родственник поколения Ego', 'мужчина — член большой семьи на уровне поколения Ego': тох. A *pracar*, В *procer*, др.-инд. *bhrātar-* 'брат' (ср. вед. *bhrātṛtvā-* 'братство', 'содружество мужчин — кровных родственников одного поколения', ср. рус. *братва*); авест., др.-перс. *brātar-* 'брат', осет. *æroad* 'член того же рода', 'родич', арм. *eibayr* 'брат', греч. ион. *φρήτηρ* 'брат', *ἀδελφός*¹, аттич. *φράτηρ* 'член фратрии', 'член содружества, братства'¹, лат. *frāter* 'брат', др.-ирл. *bráth(a)ir* 'брат', 'член большой семьи', гот. *brōþar*, др.-исл. *bróðir*, др.-в.-нем. *bruoder* (нем. *Bruder*); др.-англ. *brōþor* (англ. *brother*), прус. *brāti* 'брат', лит. *broterēlis*, ст.-слав. *brat(r)ŭ* 'брат'.²

Индоевропейское *b[h]raHt[h]ler- реконструируется скорее всего как классификационный термин, обозначающий не собственно 'родного брата Ego', а 'мужчину — члена большой семьи', принадлежащего к одному поколению с Ego. Следовательно, этот термин может обозначать как сиблинга-брата, так и сыновей брата отца, членов той же 'большой семьи', ср. *Benveniste 1969, I : 214; Абаев 1949, I : 62—63; Трубачев 1959 : 59, 66.*

И.-е. *s^oesor- 'сестра', 'женщина — член большой семьи, принадлежащая поколению Ego': тох. A *ṣar*, В *ṣer* 'сестра', др.-инд. *svāsar-* 'сестра' (ср. вед. *svasṛtvā-* 'содружество женщин — кровных родственниц одного поколения'), авест. *x^oanhar-* 'сестра', осет. *x^oæraæ* (*xo*) 'любая женщина моего рода' (*Абаев 1949, I : 62—63*), арм. *koṙr* 'сестра', греч. *ἕορ* 'дочь', 'двоюродная сестра', 'кузина', 'родственница', *ἑτερογάτηρ, ἀνεψιός, προσήγου-τες*³; ср. *Gates 1971 : 38*, лат. *soror*, др.-ирл. *siur*, гот. *swistar*, др.-исл. *syster*, др.-англ. *sweostor* (англ. *sister*), др.-в.-нем. *swester* (нем. *Schwester*), прус. *swestro*, ст.-слав. *sestra*.

Семантика реконструируемой индоевропейской формы *s^oesor- 'сестра', 'любая женщина — кровная родственница, принадлежащая поколению Ego', 'член большой семьи' позволяет видеть в ней сложное образование, состоящее из элементов *s^oе- (архаичное *s^oe-, с лабиализованной сибилантной фонемой, ср. *Szemerényi 1964 : 313 и след.*) и морфемы *sor- в значении 'женщина'⁴. Следовательно, и.-е. *s^oe-sor- первоначально означало 'своя женщина', то есть 'женщина своего рода, своей семьи' (ср. *Otrębski 1967; иначе Normier 1980a : 48 и след.*)⁵.

Женщина в древнем индоевропейском обществе оставалась 'своей',

¹ В значении собственно 'брат' греческий показывает новообразование: *ἀδελφός*, *Gates 1971 : 38.*

² Соответствующее хеттское слово для 'брата' скрывается за шумерограммой *ŠEŠ*, ср. *им. п. ед. ч. ŠEŠ-aš, вин. п. ŠEŠ-an, дат.-мест. п. ŠEŠ-ni*. В лувийском в значении 'брат' засвидетельствована форма *папi-*, очевидно, слово детского языка.

³ В значении 'единоутробной сестры' греческий показывает новообразование: *ἀδελφῶν*.

⁴ Ср. элемент *sor- в качестве маркера женского рода в формах типа др.-инд. *tisrā-* 'три', *ж. р.*, хет. *ḫaššu-šaga-* 'царица' при *ḫaššu-* 'царь', ср. также др.-инд. *stṛi* 'женщина' из *stṛi.

⁵ Сама форма *s^oe- возводится *Семереньи* к первоначальному индоевропейскому *sū- в значении 'большая семья' (*Szemerényi 1977a : 391*).

‘членом большой семьи’ до вступления ее в брак, в результате чего она переходила в другую семью и образовывала новые отношения ‘свойства’ уже вне семьи своих родителей. В этом смысле термин *š^oe-sor-, семантически параллельный с классификационной точки зрения термину *b^hlraHt^hler-, обозначает отношения кровного родства в пределах ‘большой семьи’, в принципе отличные от отношений кровного родства, выражаемые термином *b^hlraHt^hler-.

В анатолийских языках термин *š^oe-sor- заменяется новообразованиями типа хет. *neka*- ‘сестра’ (также ‘дочь’, ‘кровная родственница’, Otten 1973 : 35—36; Neumann 1974), лув. *papa-š(a)ri*- ‘сестра’ (Дунаевская 1966).^{1/}

7.2. ТЕРМИНЫ КРОВНОГО РОДСТВА ПОКОЛЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ (ПОКОЛЕНИЯ —1)

И.-е. *p^hlHt^hler- ‘отец’: тох. А *pācar*, В *pācer*, др.-инд. *pitár-*, авест. *pitár-*, арм. *hayr*, греч. *πατήρ* (ср. Gates 1971 : 5 и след.), лат. *pater*, др.-ирл. *athir*, гот. *fadar*, др.-англ. *fæder* (англ. *father*), др.-в.-нем. *fater* (нем. *Vater*);²

И.-е. *maHt^hler- ‘мать’: тох. А *mācar*, В *mācer*, др.-инд. *mātár-*, авест. *mātar-*, арм. *mayr*, греч. *μήτηρ*, лат. *māter*, др.-ирл. *máthir*, др.-в.-нем. *muoter* (нем. *Mutter*), др.-англ. *mōdor* (англ. *mother*), латыш. *māte*, прус. *mūti*, *mothe*, ст.-слав. *mati*.^{3/}

7.3. ТЕРМИНЫ КРОВНОГО РОДСТВА ПОКОЛЕНИЯ +1

И.-е. *suīo- // *sūnu- ‘сын’, ‘потомок мужского пола’: тох. А *se* ‘сын’, *seya-ši*, *sewā-si*, мн. ч. ‘сыновний’, ‘сына’, В *soy*, род. пад. *seyi*, греч. *υἱός*, *υἱός* (Gates 1971 : 11), арм. *ustr* ‘сын’ (по аналогии с *dustr* ‘дочь’); др.-инд. *sūnú-*, авест. *huniš*, гот. *sunus*, др.-исл. *sunr*, др.-англ. *sunu* (англ. *son*), др.-в.-нем. *sunu* (нем. *Sohn*), лит. *sūnūs*, ст.-слав. *synŭ*.^{4/}

Индоевропейские слова для ‘сына’ увязываются этимологически с корнем *seuH-/*suH- ‘рождать’, ср. др.-инд. *sūte* ‘рождает’, *sutá-* ‘сын’, ‘рож-

¹ Šor 1979 : 21 предлагает считать хет. *neka*- ‘сестра’ архаизмом, отражающим индоевропейско-уральские связи.

² В анатолийских языках произошла замена древнего индоевропейского слова на слова детского языка : хет. *attaš*, лув. *tatiš*, пал. *papaš* ‘отец’. Аналогичная замена древнего слова для ‘отца’ словами детского языка наблюдается в ряде других индоевропейских языков, в частности славянских, ср. ст.-слав. *oŭci* ‘отец’, рус. *тятя*, *тата* и др. (ср. Трубачев 1959 : 25 и след.) и, вероятно, балтийских : прус. *tāws*, лит. *tėvas*, латыш. *tēvs* (Mühlenbach/Endzelin 1923—1932, IV : 176). Наличие в славянском вплоть до письменного периода следов основы *p^hlHt^hler- можно видеть в др.-рус. *стрии* ‘дядя по отцу, брат отца’, являющемся производным на *-и- от этой основы, ср. также объясненне др.-рус. *Стрибогъ* из сочетания с этой же основой.

³ В анатолийских языках произошла замена первоначального слова для ‘матери’ словом детского языка : хет. *appa-*, лув. *appi-* ‘мать’.

⁴ Соответствующее хеттское слово для ‘сына’ скрывается за шумерограммой DUMU.DUMU-aš, им. пад. ; ср. также шумерограмму DUMU-la-, которая интерпретируется как форма неиндоевропейского происхождения *aḫaḫala-* ‘сын’ (Melchert 1980).

денный', авест. *hav-* 'рождать'. От этого ²первичного корня образуется индоевропейский термин для 'сына' путем добавления суффикса *-п- или тематического гласного: *su(H)-o- // *su(H)j-o- и *su(H)-pu-, ср. *Szemerényi 1974*: 320; *1977b*: 11 и след.; *Трубачев 1959*: 48 и след.;

И.-е. *d[h]ug[h]t[h]er- 'дочь', 'потомок женского пола': тох. А *skācar*, В *tkācer*, др.-инд. *duhitār-*, авест. *dugadar-*, *duḡdar-*, перс. *duxtar*, *dux* (ср. *dukšiš* 'дочь', 'жена' в эламском из др.-перс. **duxδri*¹/, ср. *Benveniste 1966 b*: 43—48), арм. *dustr*, греч. *θυγάτηρ* (*Gates 1971*: 11), оск. *futir*, гот. *daūhtar*, др.-в.-нем. *tohter* (нем. *Tochter*), др.-англ. *dohtor* (англ. *daughter*), прус. *duckti*, лит. *duktė*, ст.-слав. *dŭštŭ* 'дочь'²; к этимологии слова см. выше, стр. 569₄ (ср., однако, отличное от этого толкование *Szemerényi 1977a*: 387 и след.).

7.4. ТЕРМИНЫ КРОВНОГО РОДСТВА ПОКОЛЕНИЯ — 2

И.-е. ***Нап-** 'бабушка', 'мать отца': хет. *ḥannaš*, дат.-мест. н. *ḥanni* 'бабушка' (ср. имя хеттского женского божества *Ḥannaḥanna-*, редуцированная форма), лик. *ḫḥna* 'мать' (?) (*Pedersen 1945*), арм. *han* 'бабушка', греч. *ἀννίς* 'бабушка', 'мать отца или матери', 'πατρὸς ἢ μητρὸς μήτηρ', лат. *anus* 'старая женщина', 'старуха', 'сибиλλα', 'прорицательница', др.-в.-нем. *ana* 'бабушка', лит. *anŭta* 'мать мужа' (*Delbrück 1889*: 451; *Benveniste 1969*, I: 224; *Friedrich P. 1966*: 5—6; *Gates 1971*: 54). Судя по полному отсутствию терминов, обозначающих кровных родственников жены, можно сделать вывод о первоначальном значении и.-е. ***Нап-** как 'родительницы мужа (с точки зрения жены)' или (что то же самое) 'матери отца (с точки зрения сына)'. Такое значение все еще хорошо сохраняется в лит. *anŭta*, обозначающем 'мать мужа' (*Fraenkel 1962—1965*, I: 10);

И.-е. ***НауНо-** 'дед', 'отец отца': хет. *ḫuḫḫa-* 'дед', *ḫuḫḫant-* 'дед', 'предок' (мн. ч. *ḫuḫḫanteš* 'предки'), *ḫuḫḫatalla-* 'дедовский', ср. также *ḫuḫḫa-ḥanniš* 'деды и бабушки', то есть 'предки', арм. *haw* 'дед', лат. *avus* 'дед', 'предок', ср. др.-исл. *afi* 'дед' (производное от того же корня).³

¹ Форма, засвидетельствованная в эламском, отражает, очевидно, результат замены, суперации акцессивной последовательности *-kt- в иранском названии дочери на последовательность -kš- (об акцессивных консонантных последовательностях и их суперации в отдельных индоевропейских диалектах см. выше, стр. 144 и след.).

² Хеттское слово для 'дочери' представлено неизменно шумерограммой DUMU.SAL, хеттское чтение которой неизвестно. Родственное слово *sbatru* 'дочь' в ликийском (ср. *Benveniste 1969*, I: 257) может указывать на возможность существования соответствующего слова в некоторых древнеанатолийских диалектах, вероятнее всего лувийском.

³ В некоторых индоевропейских диалектах слово, образованное от основы ***НауНо-**, имеет значение 'внук', ср. др.-ирл. *áue*, ср.-ирл. *óa*. Объяснение этого и подобных ему фактов (ср. также др.-в.-нем. *enipchil* 'внук', нем. *Enkel*, уменьшительное к *apo* 'дед', как и родственное ему лит. *anŭhau* 'внук', слав. *оуникъ* 'внук', ср. *Benveniste 1969*, I: 234) нужно искать в типологически распространенной практике «инверсии называния» при которой 'старший' обращается к 'младшему' ('дед' или 'бабушка' к 'внукам', 'родители' — к 'детям'), применяя к ним свое обычное название с точки зрения младшего (как правило, в уменьшительной форме), ср. в грузинском *babuk'a* 'дедушка', *bebik'o* 'бабушка'

7.5. СЕМАНТИКА И СООТНОШЕНИЕ ТЕРМИНОВ ***НauHo-** И ***nep^[h]ot^[h]**. И ПРОБЛЕМА КРОСС-КУЗЕННЫХ БРАКОВ У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Первоначальное значение ***НauHo-** 'отец отца' (а не 'матери', как полагал *Delbrück 1889 : 482*) следует прежде всего из данных хеттского языка, где *ḫuḫḫa-* относится к предку по линии отца, ср. последовательность *attalla- ḫuḫatalla-* 'отцовский' — 'дедовский'; при этом форма *ḫuḫḫanteš* означает 'деды', 'предки', 'отцы' (ср. *Benveniste 1969, I : 226*).¹ Характерно, что латинские авторы определяют *avus* как *pater patris* 'отец отца', ср. также определение *patris mei pater avus meus est* 'отец моего отца является моим *avus*' (*Benveniste 1969, I : 226*).

Такое заключение согласуется с общей картиной распределения терминов в системе родственных отношений в пределах древней индоевропейской семьи, в которой фиксированы родственники 'мужа' при отсутствии терминов для кровных родственников 'жены'.

Кровные родственники 'жены' ***k^oen-** появляются в такой системе лишь с точки зрения ее 'сына' (а не 'мужа' ***p^[h]ot^[h]**), который называется ***su(Н)-nu-** 'сын' с точки зрения 'матери' (***maHt^[h]er-**) и 'отца' ***p^[h]Ht^[h]er-**, и ***nep^[h]ot^[h]** 'внук'² с точки зрения 'деда по отцу' (***НauHo-**).

Дело в том, что термин ***НauHo-**, обозначающий 'деда по отцу' с точки зрения внука ***nep^[h]ot^[h]**, обнаруживает в некоторых диалектах и значение 'дядя по матери', 'брат матери': прус. *awis* 'дядя по матери', лит. *avūnas* 'дядя по матери', слав. **uji* 'дядя по матери' (*Трубачев 1959 : 81—84; Топоров 1975-, I : 179—180*), лат. *avunculus* 'дядя по матери', 'брат матери' (ласкательное от основы, связанной с *avus* 'дед'), брет. *eontr* 'дядя', др.-англ. *ēam* 'дядя', ср. др.-в.-нем. *ōheim* 'дядя'.³

Свидетельство приведенных форм ряда индоевропейских диалектов позволяет реконструировать для индоевропейской основы ***НauHo-** и для производных от нее наряду со значением 'дед по отцу' параллельно и значение 'дядя по матери', 'брат матери' (так же как для основы ***p^[h]Ht^[h]er-** и производных от нее реконструируется значение 'отец' и 'дядя по отцу').

как названия 'внуков' и *mamik*'о 'папенька', *dedik*'о 'маменька' как названия 'детей' при обращении к ним соответственно 'дедушки', 'бабушки' и 'отца' и 'матери'.

¹ Поэтому значение лик. **χyga* 'дед по матери' следует считать позднейшим новообразованием, ср. также *Pokorny 1959 : 89*.

² И.-е. ***nep^[h]ot^[h]** 'внук' отражено в исторических диалектах как др.-инд. *pārāt* 'внук, потомок', авест. *parāt-*, *partar-*, др.-перс. *parāt-*; греч. гом. *υέποδες* 'потомки' (ср. *Gates 1971 : 21*), лат. *perōs* 'внук', ст.-лит. *peruotis* 'внук', ср. производное на *-ī в значении 'внучка': др.-инд. *partī-* 'внучка', 'женский потомок', лат. *peritis* 'внучка', ст.-лит. *perīē* 'внучка'. Слово этимологизируется как **ne- + p^[h]ot^[h]-is* 'немогущий, несамостоятельный' (ср. *Фасмер 1964—1973, III : 68; Pokorny 1959 : 764*). Термин ***nep^[h]ot^[h]** имеет скорее социальный смысл и обозначает 'молодого неженатого члена большой семьи, не являющегося главой отдельной семьи' в противовес 'главе семьи' — 'мужу' ***p^[h]ot^[h]**. В этом смысле он является как бы отрицанием ***p^[h]ot^[h]**, то есть **ne-p^[h]ot^[h]* (ср. *Pokorny 1959 : 764*).

³ 'Дядя по отцу', в отличие от 'дяди по матери', название которого увязывается с названием 'деда по отцу' ***НauHo-**, называется производным от основы ***p^[h]Ht^[h]er-** 'отец': и.-е. ***p^[h]Ht^[h]er-** *guio-*: лат. *patruus* 'дядя по отцу', др.-в.-нем. *fetiro*, *fatirro*, *faturo*, др.-англ. *fædera* 'дядя по отцу', др.-рус. *стрии* 'дядя по отцу'.

Со своей стороны, для 'деда по отцу' ***НауНо-** и для 'дяди по матери' ***НауНо-** (или производных от этой основы) соответственно 'внук' ('сын сына') и 'племянник' ('сын сестры'), называются одним и тем же словом ***nep^[h]ōt^[h]**-¹. Таким образом, и.-е. ***nep^[h]ōt^[h]**-, наряду со значением 'внук' характеризуется и значением 'племянник, сын сестры' (см. Табл. 4).

Такое совпадение названий отличных друг от друга лиц, занимающих различные места в сети родственных отношений (ср. 'дед по отцу' и 'брат матери', с одной стороны, и 'внук' и 'племянник, сын сестры', с другой), можно объяснить, допустив наличие родственной связи между этими лицами, то есть предположив некоторое отождествление их в определенном смысле с точки зрения соответствующего родственника. Иными словами, такая система отношений предполагает близкую кровно-родственную связь между 'дедом по отцу' и 'дядей — братом матери', которая возможна при дуально-экзогамной системе кросс-кузенных браков, при которой мужчина может жениться на кросс-кузине, дочери дяди по матери или дочери сестры отца, относящихся к другой дуальной половине (ср. об индоевропейском Hocart 1928; Benveniste 1969, I : 226—229; Szemerényi 1977a : 399 и след.)²

У Ср. и.-е. ***nep^[h]ōt^[h]**- в значении 'племянник', 'сын сестры': ср.-ирл. *p̄a*, род. пад. *nīath* 'сын сестры', сербо-хорв. *něbāk* 'племянник', 'сын сестры', ст.-слав. *netijī* 'племянник', алб. *pīr* 'внук', 'племянник', др.-в.-нем. *pevo* 'племянник, родственник', др.-англ. *pefa* 'племянник', 'внук', др.-исл. *pefe* 'племянник', 'родственник', ср. также др.-ирл. *pecht* 'племянница', др.-в.-нем. *pift* 'племянница' (нем. *Nichte*), рус. ц.-слав. *нестера* 'племянница, дочь сестры', алб. *mbēsë* 'племянница' < ***nep^[h]ōt^[h]iā**, ср. также греч. *ἀνεψιός* 'сын брата или сестры'.

С другой стороны, 'племянник, сын брата' в отличие от 'племянника, сына сестры' обозначался, по-видимому, тем же термином, что и 'сын' (***su(H)-nu-**), ср. сербо-хорв. *si-povac* 'сын брата, племянник' (см. Gates 1971), ср. также др.-англ. *subterga* 'племянник'. Возражения, выдвигаемые против допущения значения 'племянник' для формы ***nep^[h]ōt^[h]**- уже в индоевропейском (см. Beekes 1976), не могут считаться убедительными. Во-первых, было бы трудно допустить появление этого значения у формы ***nep^[h]ōt^[h]**- независимо друг от друга в таком числе индоевропейских диалектов (германских, славянских, кельтских, албанском, латинском, ср. также греч. *ἀνεψιός* 'племянник'). Факт сравнительно поздней фиксации лат. *perōs* в значении 'племянник' (вероятно, со II в. н. э.; ранее в текстах—описательное образование: *fratris filius* 'сын брата', *sogoris filius* 'сын сестры', ср. Szemerényi 1977 b : 62) может указывать только на раннюю замену этого многозначного латинского слова ('внук', 'племянник') в текстах историко-юридического характера однозначным описательным образованием терминологического типа с точным указанием отношения родства. Позднее *perōs* в первоначальном значении 'племянник' наряду со значением 'внук' обнаруживается в латинском и в письменных памятниках разных жанров.

² Возражения, выдвигаемые против этого положения: отсутствие особого термина для 'кросс-кузенов' и некоторых терминов для 'свойственников по женской линии' (ср. Friedrich P. 1966 : 27—28), не могут считаться убедительными. Отсутствие терминов для обозначения свойственников через женщину (включая и кросс-кузенов) объясняется самой системой брачно-родственных отношений, при которой женщина, вступающая в брак, покидает прежнюю семью, порывая тем самым с ней родственные отношения. Лишь в следующем поколении 'кросс-кузина', которая как член другой семьи специально никак не обозначается, может войти в прежнюю семью в качестве 'жены'.

ТАБЛИЦА 4

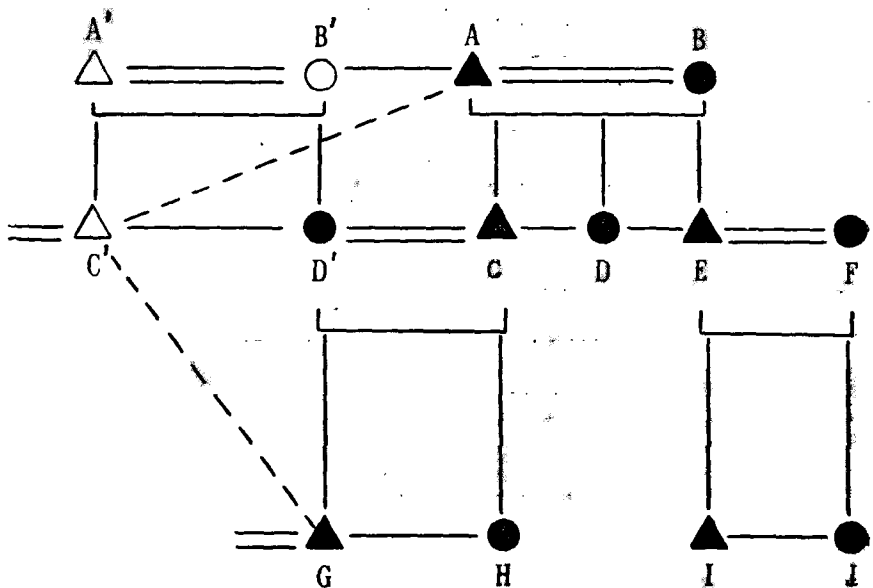
ТЕРМИНЫ РОДСТВА

Наименование родства	Термин родства
Отец	p[h]t[h]er-
Мать	maht[h]er-
Брат	blhraht[h]er-
Сестра	s'esor-
Сын	suHnu-
Дочь	d[h]ug[h]t[h]er-
Отец отца	HauHo-
Мать отца	Haп-
Отец матери	—
Мать матери	—
Брат отца	p[h]t[h]ruo-
Брат матери	HauHo-
Сестра отца	—
Сестра матери	—
Сын брата	suHnu- (?)
Сын сестры	per[h]ot[h]-
Дочь брата	d[h]ug[h]t[h]er- (?)
Дочь сестры	—
Сын сына	per[h]ot[h]-
Сын дочери	—
Дочь сына	per[h]t[h]i
Дочь дочери	—

7.6. ОБЩАЯ СИСТЕМА И ТЕРМИНОЛОГИЯ БРАЧНО-РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Индоевропейская система брачно-родственных отношений может быть представлена в виде *Схемы 4*:

СХЕМА 4

Треугольник Δ — символ лица мужского пола;

О — символ лица женского пола;

Цвет треугольников и кружков — соответственно, темный и светлый — символизирует принадлежность к двум разным 'семьям'; двойной линией \equiv символизируется отношение брака: $\Delta \equiv \text{O}$ означает: « Δ является 'мужем' *p[h]ot[h]- для O» и, симметрично, «O является 'женой' *k'oen- для Δ »; горизонтальной линией символизируется отношение кровного родства сиблингов: $\Delta \text{ --- } \text{O}$ означает: « Δ является 'братом' *b[h]raht[h]er- для O» и симметрично, «O является 'сестрой' *s'esor- для Δ »; вертикальными линиями, исходящими от символов обоих родителей, символизируется отношение потомства: « $\Delta \text{ --- } \text{O}$ являются соответственно 'сыном' *suHnu- и 'дочерью' *d[h]ug[h]ht[h]er- по отношению к $\Delta \equiv \text{O}$ *p[h]ht[h]er- \equiv *maht[h]er-»; ломаной линией - - - символизируется отношение кровного родства через 'сестру', входящую в другую семью:

- A:** *HauHo- 'дед' по отношению к G и H, I и J
 *p[h]ht[h]er- 'отец' по отношению к C, D и E
 *s'ek[h]uro- 'свекор' по отношению к D' и F
 *HauHo- 'дядя по матери' по отношению к C'
 *b[h]raht[h]er- 'брат' по отношению к B'
 *p[h]ot[h]- 'муж' по отношению к B
- B:** *Han- 'бабушка' по отношению к G и H, I и J
 *maht[h]er- 'мать' по отношению к C, D и E
 *s'ek[h]ruH- 'свекровь' по отношению к D' и F
 *k'oen- 'жена' по отношению к A
- B':** *maht[h]er- 'мать' по отношению к C' и D'
 *s'esor- 'сестра' по отношению к A
 *k'al(ou-) 'сестра мужа', 'золовка' по отношению к B
- C:** *p[h]ht[h]er- 'отец' по отношению к G и H
 *p[h]ot[h]- 'муж' по отношению к D'

- *b^[h]raHt^[h]er- 'брат' по отношению к **D** и **E**
 *t'ajuëŕ- 'деверь' по отношению к **F**
 *suHnu- 'сын' по отношению к **A** и **B**
- C'**: *HauHo- 'дядя по матери' по отношению к **G** и **H**
 *b^[h]raHt^[h]er- 'брат' по отношению к **D'**
 *suHnu- 'сын' по отношению к **A'** и **B'**
 *nep^[h]öt^[h]- 'племянник', 'сын сестры' по отношению к **A**
- D**: *s^oesor- 'сестра' по отношению к **C** и **E**
 *k'al(ou)- 'сестра мужа', 'золовка' по отношению к **F**
 *d^[h]ug^[h]Ht^[h]er- 'дочь' по отношению к **A** и **B**
- D'**: *maHt^[h]er- 'мать' по отношению к **G** и **H**
 *k'°ep- 'жена' по отношению к **C**
 *snuso- 'сноха', 'жена брата' по отношению к **E** и **D**
 *(j)enHt^[h]er- 'жена брата мужа', 'ятровка' по отношению к **F**
 *s^oesor- 'сестра' по отношению к **C'**
- E**: *p^[h]Ht^[h]ruuio- 'дядя по отцу' по отношению к **G** и **H**
 *b^[h]raHt^[h]er- 'брат' по отношению к **C** и **D**
 *t'ajuëŕ- 'деверь' по отношению к **D'**
- G**: *b^[h]raHt^[h]er- 'брат' по отношению к **H**
 *b^[h]raHt^[h]er- 'брат', 'двоюродный брат' по отношению к **I** и **J**
 *suHnu- 'сын' по отношению к **D'** и **C**
 *suHnu- (?) 'сын' по отношению к **E**
 *nep^[h]öt^[h]- 'племянник', 'сын сестры' по отношению к **C'**
 *nep^[h]öt^[h]- 'внук' по отношению к **A** и **B**
- H**: *s^oesor- 'сестра' по отношению к **G**
 *d^[h]ug^[h]Ht^[h]er- 'дочь' по отношению к **D'** и **C**
 *d^[h]ug^[h]Ht^[h]er- (?) 'дочь', 'дочь брата' по отношению к **E**
 *nep^[h]t^[h]-i 'внучка' по отношению к **A** и **B**

'Сын' **C** может брать себе в жены **D'** — 'дочь сестры отца' **B'**. Ее 'брат' **C'** является тем самым одновременно 'племянником' 'отцу' **A** и 'братом жены сына'. Ее 'сын' **G** является 'внуком' ее собственного 'дяди' **A** (он же является отцом ее 'мужа' **C**), а ее 'брат' **C'** — 'дядя ее сына' **G**. Поэтому для этого последнего 'дядя' **C'** — 'брат' его 'матери' **D'** в определенном смысле отождествляется с дедом **A** — 'отцом отца' и 'дядей по матери' его собственного 'дяди по матери' **C'**. При таком отношении 'дед по отцу' **A** является как бы 'двойным' 'дядей по матери' **D'**.

Со своей стороны 'дед по отцу' **A** и 'дядя по матери' **C'**, для которого этот последний, то есть **A**, является 'дядей по матери', могут называть **G**, соответственно своего 'внука' и 'племянника', 'сына сестры', одним и тем же наименованием.

При этом 'сестра деда' **B'**, вступившая в брачные отношения с **A'**, ушла в другую семью и происшедшие от этого брака дети: 'сын' **C'** и 'дочь' **D'** принадлежали, естественно, другой семье, пока 'дочь' **D'** не вступила в брачные отношения с 'сыном' **C** деда **A** (ее кросс-кузеном), в результате

чего *D'* “возвращается” в семью деда *A*. В таких симметричных в определенном смысле брачных отношениях проявляется процесс обмена женщинами между двумя родами или семьями. Со своей стороны, каждая из женщин первой семьи (*D* или *H*), вступив в брачные отношения, должна покинуть свою семью и перейти в другую, с которой поддерживаются подобные дуальные отношения, в обмен на женщину из этой последней семьи, связанную подобным же родством. В результате между первыми семьями или родами, обменивающимися своими женщинами, возникают сложные брачно-кровно-родственные отношения, которые, накладываясь друг на друга, приводят к упрочению связанных между собой дуальных половин или более сложных форм социальной организации.

7.7. ДРЕВНИЕ БРАЧНО-РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ДУАЛЬНО-ЭКЗОГАМНАЯ СИСТЕМА

Брачно-родственные отношения, при которых две дуальные половины обмениваются женщинами, тогда как все потомки по мужской линии остаются в пределах обеих половин, приводит естественным образом к значительному разрастанию каждой семьи и к выходу ее за пределы одного ‘дома’ *t’om-. ‘Семья’ через несколько поколений при таких правилах брачно-родственных отношений вырастает в ‘большую семью’, включающую несколько супружеских пар как в одном поколении, так и в нескольких поколениях по мужской линии, живущих вместе с детьми под одним кровом.

Дальнейшее разрастание ‘большой семьи’ в пределах каждого поколения и в разных коленах могло приводить к дроблению ее на отдельные семьи, объединяемые общностью происхождения по мужской линии в особые сообщества — ‘роды’ или ‘фратрии’. Общеиндоевропейское *k’ep-o- (др.-инд. *jāna-* ‘род’, ‘рождение’, ‘место рождения’, греч. *γένος* ‘род’, ‘место рождения’, арм. *cin* ‘рождение’, лат. *genus* ‘род’, ‘совокупность потомков одного прародителя’ и др., ср. выше, стр. 748 и след.) могло обозначать именно такое объединение семей, осознававших свое общее происхождение по мужской линии.

Увеличение численности таких объединений должно было привести к дроблению половин на новые дуальные половины и к расселению на более обширных территориях, что в конце концов могло вызвать разрыв бывших родственных связей между отдельными ‘родами’ и объединениями ‘родов’. В таких условиях при дальнейшем развитии системы родства сохраняются древние черты дуально-экзогамной организации и использование определенных терминов родства и родственных отношений, соответствующих отдельным чертам модели типа “омаха”, ср. *Lounsbury 1964; Gates 1971 : 39—50; Barlaui 1976; Соселия 1979*.

7.8. ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ «ПЛЕМЯННИКОМ» И «ДЯДЕЙ ПО МАТЕРИ» В ДУАЛЬНО-ЭКЗОГАМНОЙ СИСТЕМЕ И СЛЕДЫ ИХ В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

Выделение особой категории ‘дяди по матери’ в индоевропейской системе родства, который может называться уменьшительно-ласкательным

производным от названия 'деда' ***НауНо**- (ср. лат. *avunculus* и др.), что, как было показано выше, объяснимо системой кросс-кузенных браков, находит широкие типологические параллели в системах родства самых различных этносов и может рассматриваться как этнологическая универсалия, мотивированная изначально особым типом брачно-родственных отношений.

В очень большом числе обществ наблюдается определенная взаимозависимость отношений, существующих между 'дядей по матери' и 'племянником', с одной стороны, и между 'отцом' и 'сыном', с другой. При этом строгие отношения между 'отцом' и 'сыном' предполагают особо теплые и близкие отношения между последним (то есть 'племянником') и 'дядей по матери' и наоборот: близкие отношения между 'отцом' и 'сыном' сочетаются со строгими отношениями между последним и его 'дядей по матери', ср. *Lévi-Strauss 1958; 1964a : 45 и след.*

Особые отношения между 'племянником' и 'дядей по матери', реконструируемые для общеиндоевропейской системы родства, все еще прослеживаются, хотя и в преобразованном виде, в отдельных древних индоевропейских традициях.

В древнехеттском обществе особое положение 'племянника', 'сына сестры' можно усмотреть в известном завещании Хаттусили I (начало XVII в. до н. э.), направленном против его племянника—сына сестры, которого особым указом он отстраняет от престола, призывая при этом, чтобы в будущем цари не воспитывали своих племянников — сыновей сестер, ср. в аккадском тексте: DUMU SAL+KU *ta-am-ma-an ú-ul ú-ra-ab-ba* "сына сестры никто (пусть) не воспитают" (HAB 2 I/II 9). Из этого видно, что племянник Хаттусили был ранее намечен наследником престола, что, вероятно, указывает на древний тип наследования, сохранявшийся у хеттов вплоть до исторического времени¹/ ср. *Менабде 1965 : 216*. Это, в свою очередь, отражает специфику общеиндоевропейской социальной системы с особым положением племянника — 'сына сестры'.

В древнеиндийской традиции, уже начиная с "Ригведы", отражены следы почитания 'дяди по матери' (*Hocart 1925*), в частности в гимне RV X 35, 7—8, где в связи с совершением обряда о 'дочери дяди по матери' говорится, что она является 'долей' (*bhāgá-*) для мужчины. Любопытно, что др.-инд. *mātulá-* 'дядя по матери', образованное от основы *mātár-* 'мать', представляет собой новообразование, заменившее в индо-арийском и кафирском (ср. *ашкун māi*, вайгали *mól* 'дядя по матери', *Morgenstierne 1954 : 275*) древнее индоевропейское название 'дяди по матери', восходящее к и.-е. основе ***НауНо**-. В древнеиндийском при сохранении особой значимости родственного отношения меняется признак, по которому это

¹ Любопытно, что сам Хаттусили I в начале своей летописи KBo X 1, 2, 3, называет себя 'сыном брата Тавананны' (то есть 'сыном брата царицы'); ср. аккадский текст: *šaggu rabū ta-ba-ar-na i-na URUḫattiṭi šarru-ut-ta i-te-pu-uš ša SAL-ta-ṣa-an-na-an-na māgu aḫi-šu* "царь великий Табарна в Хаттусе царствие выполнял (будучи) сыном брата Тавананны".

отношение называется: взамен отождествления этого отношения с отношением к 'деду' оно связывается прежде всего с 'матерью'.

Аналогичная картина обнаруживается и в гомеровской греческой традиции, где сохраняется отношение особой эмоциональной близости между 'племянником' и 'дядей по матери', который именуется $\mu\eta\tau\rho\omega\varsigma$. В "Илиаде" (П 715—720) изображается явление Аполлона Гектору в образе его 'дяди по матери' ($\mu\eta\tau\rho\omega\varsigma$) с целью большего воздействия на него, что может служить свидетельством особого авторитета 'дяди по матери' для племянника. При этом сам термин в греческом, как и древнеиндийском, образуется от названия 'матери'.

В древнеримской традиции особый статус 'дяди по матери' и его связь с 'дедом' сохраняется до классического времени. Это видно как в этимологически прозрачном (еще для самих римлян)¹ названии 'дяди по матери' *avunculus* как уменьшительно-ласкательного производного от *avus* 'дед', так и в существовании в Риме особого института — "авункулата".

У кельтов в древнеирландском эпосе отражена особо тесная связь героя Кухулина и брата его матери Конхобара. По свидетельству Тита Ливия (*Ab urbe condita*, V, 39), галльский царь Амбикатус послал двух сыновей своей сестры (*sororis filios*) отвести часть племени на новую территорию для того, чтобы избавиться от лишнего населения (и, видимо, создать новую дуальную организацию, необходимую для продолжения рода).

В германской традиции, по свидетельству Тацита, "*Germania*", XX, 5: *sorum filiis idem apud avunculum qui ad patrem honor* "у сыновей сестер в отношении дяди по матери такое же почитание, как и в отношении отца". С этим согласуются данные древнеанглийского эпоса и среднеанглийской поэмы: герой Беовульф особо чтит своего 'дядю по матери' Хигелака, а Гавайн — своего 'дядю по матери' Артура (*Cummerc* 1901).

В славянской традиции особые отношения между 'племянником' и 'дядей по материнской линии', характерные для института "авункулата" (см. *Bremner* 1976), проявляются с древнейших времен вплоть до настоящего времени. У южных славян (в частности, в Сербии и Черногории) особое почитание брата матери, превосходящее в ряде отношений почитание отца, обнаруживается в целом комплексе обрядов — свадебных, траурных и других, см. *Gasparini* 1973 : 277—297.

7.9. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕЙ СИСТЕМЫ БРАЧНО-РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И НАРУШЕНИЕ ПРИНЦИПА ПАТРИЛОКАЛЬНОСТИ В ОТДЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ

Описанная выше сложная древнеиндоевропейская система брачно-родственных отношений основана в принципе на одной существенной особен-

¹ Любопытно, что сами римские авторы трактуют термин *avunculus* как 'брат моей матери' (*matris meae frater*), получивший такое название от того, что он "находится в третьей ступени по отношению ко мне, как и *avus*" (*trahit appellationem ab eo quod... tertius a me, ut avus... est, Festus*).

ности : бинарно-экзогамной патрилокальности брачных отношений, при которой все свободные женщины — члены семьи покидают в конечном счете эту семью, вступая в брачные отношения, а в нее взамен могут придти женщины дуальной по отношению к ней 'семьи' (или 'рода'), являющиеся в определенном смысле кровными родственниками членов первой 'семьи' (или 'рода').

Легко видеть, что нарушение этого древнего основного принципа патрилокальности, то есть прихода в эту семью извне при сохранении всех мужских потомков в пределах 'семьи' или 'рода', должно было привести к коренным изменениям в унаследованных брачно-родственных отношениях и разрушению старого понимания 'семьи' и 'рода'.

Это именно то, что произошло в отдельных древних индоевропейских традициях, в частности анатолийской. Уже в период Древнего Царства у хеттов возникает институт *antijatar* 'вхождение зятя (*antijan̄za*) в семью жены'. Само название такого 'зятя' *antijan̄za* представляет собой сложное слово, составленное из *anda* + *ijant-* 'внутри входящий', 'в дом входящий', и обозначает 'зятя', которого поселяют у себя в доме¹. Такой институт возникает у хеттов, вероятно, под влиянием аккадского брака *errēbu*, при котором 'муж' поселяется в доме 'жены' (ср. *Imparati* 1964 : 218 и след.; *Balkan* 1948). Такая практика брака распространена в Малой Азии и на Кавказе и по сей день, ср. турецк. *içgüveylik* (из *iç* 'в', *güvey* 'зять'), типологически сходное с груз. *çasizeba* (из *ça-* 'в', *size-* 'зять'). → Кизяч

Этот обычай брака, принципиально отличный от реконструируемых индоевропейских правил бракосочетания, постепенно закрепляется в древнехеттской традиции и получает юридическое оформление в хеттском праве. Любопытно, что в законе о престолонаследии Телепину (XVI в. до н. э.) § 29, 36, в случае отсутствия сына — прямого наследника, предлагается взять в царский дом зятя—мужа 'первой' (старшей) дочери и сделать его царем: *nu-uš-ši-iš-ša-an LU an-ti-ja-an-ta-an ap-ra-a-an-du nu LUGAL-uš a-ra-a-aš ki-ša-ru* "и ей мужа пусть возьмут, и царем пусть он станет". ?

Такой отход от основного принципа общиндоевропейской системы брачно-родственных отношений приводит естественным образом в отдельных исторических индоевропейских традициях, и в частности хеттской, к коренным преобразованиям всей сети родственных отношений, явившимся, по-видимому, одной из причин почти полной замены в анатолийских языках общиндоевропейских терминов родства новообразованиями из индоевропейских слов, частично детского языка, а также заимствований из других языков сопредельных ареалов.

¹ Ср. в § 36, 28 "Хеттских законов" выражение *na-an LU an-ti-ja-an-ta-an e-ip-zi* "и его как зятя берет".

СВЯЗЬ ДРЕВНЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СО СТРУКТУРОЙ ДУХОВНЫХ ПОНЯТИЙ И МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНОЙ МИРА

1. ДУАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ЕГО ПРЕЛОМЛЕНИЕ В РИТУАЛАХ И МИФОЛОГИИ

1.1. ДВОИЧНОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Дуальная социальная организация древнего индоевропейского общества, основанная на дуалистическом характере брачно-родственных отношений, при которых происходит обмен женами между объединяемыми кровным родством двумя половинами социальной структуры, накладывает глубокий отпечаток на характер всей духовной жизни древних индоевропейцев и определяет бинаризм, двоичность во многих основных сферах религиозных и мифологических представлений и некоторых черт модели реального мира.

В этой связи прежде всего можно сослаться на уже разобранный двоичность классификации животного и растительного мира в представлениях древних индоевропейцев (см. выше, стр. 468 и след.). Такая же двоичность характеризует их религиозные и мифологические представления, отдельные фрагменты которых реконструируются на основании сопоставления соответствующих данных индивидуальных исторических культур.

1.2. ДРЕВНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ДВУХ ПРЕДВОДИТЕЛЯХ ПЛЕМЕНИ»

В сфере мифологических и ритуальных представлений такой бинаризм проявляется, в частности, в реконструируемых для общиндоевропейской традиции повериях о двух мифологических царях — ‘родоначальниках всего племени’. Такое представление можно видеть еще в обычаях некоторых древних индоевропейских племен, прославляющих одновременно двух царей, двух предводителей племени или рода, действующих одновременно и сообща.

У Гомера в каталоге кораблей (“Илиада”) приводится целый ряд

двойных правителей или предводителей, стоящих во главе определенной социальной организации — города или области. Позже обычай дуального царствования, своего рода двоевластия, засвидетельствован в Спартанском государстве (Геродот, “История”, VI, 56). У древних германцев известно предание о двух предводителях англо-саксов, возглавивших их при переселении в Британию, — *Hengist* и *Horsa* (см. выше, стр. 553, Ward 1968 : 54 и др.). Следы аналогичного дуального царствования предполагаются и в древней Индии (Hocart 1970 : 167—168 и след.).

1.3. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ БЛИЗНЕЧНЫЙ КУЛЬТ

С тем же бинарным представлением общества и картины мира в целом связан и широко распространенный в индоевропейской мифологии ‘близнечный культ’. К общеиндоевропейской древности восходит миф о двух божественных близнецах — детях бога Солнца. Этот миф проявляется во всех основных древних индоевропейских традициях. При этом повторяются не только одинаковые мотивы, но и обнаруживаются соответствия в названиях героев мифа, что указывает на общеиндоевропейский характер этого мотива и персонажей, в нем участвующих. Близнецы называются ‘детьми бога’, ‘детьми Солнца’: др.-инд. вед. *Divo napātā*, дв. ч. ‘два потомка бога Неба (*Dyáuh*)’, греч. гом. *Διοσκυροί* ‘Диоскуры’, ‘дети бога Зевса (*Ζεύς*)’, лит. *Diėvo sūnėliai* ‘дети бога’, латыш. *Dieva dēli* ‘дети бога’ (ср. de Vries 1957, II : 244 и след.).

Само верховное божество древних индоевропейцев, детьми которого являются божественные близнецы, ‘бог Солнца—отец’ *t^h1yeu(s)-p^h2ter-: др.-инд. *Dyáuṣ pitā*, греч. зват. н. *Ζεὺ πάτερ*, лат. *Iūpiter, Diēspiter*, умбр. *Iupater* (ср. лув. *tališ tiyaz*), пал. *iijaz... paraz* ‘бог Солнца—отец’ (с заменой второй части словосочетания) и др.-рус. *Стрибогъ* (с заменой второй части индоевропейского сочетания и перестановкой элементов), ср. хет. *attaš Ištanuš* ‘отец—бог солнца’ (где *Ištanuš* — заимствование из языка хатти).

Согласно индоевропейскому мифу, дети бога Солнца ухаживают за своей сестрой — ‘дочерью Солнца’, имя которой также совпадает в основных традициях: др.-инд. *duhitā sūryasya* ‘дочь Солнца’, лит. *saulės duktė*, латыш. *saulis meita* (Ward 1968). В мифе в разных традициях совпадают также мотивы езды близнецов на ‘солнечных конях’ и на ‘лодке’ по морю. В индийской традиции божественные близнецы благодаря их ритуальным связям с конями (др.-инд. *áśva-*) именуются *Aśvīnau*.

1.4. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ МИФ ОБ ИНЦЕСТЕ БЛИЗНЕЦОВ

Для разных вариантов индоевропейского близнечного мифа характерно представление об ‘инцесте близнецов’ — брата и сестры, с которых начинается род человеческий. Всего отчетливее это выступает в индо-иранском ‘мифе о Яме’, позднейший отзвук которого сохраняется в диалоге Ямы (по мифу, первого человека) и его сестры Ями, которая склоняет его

к инцесту¹ (RV X 10), ср. *Schneider 1967; Humbach 1974*. Само индийское имя *Yamá-* восходит к общеиндоевропейскому названию 'близнеца', архаическому и.-е. *q'emo-: др.-инд. *yamá-* 'близнец', авест. *yāta-* 'близнец', лат. *geminus* 'близнец', ср.-ирл. *emuin* 'близнец', латыш. *jumis* 'сдвоенный плод', 'сдвоенный колос'; 'сельскохозяйственное божество', ср. *Ernout/Meillet 1967: 268—269*; ср. также *Güntert 1923: 334 и след.* Отголоски этого мотива слышны и в древнехеттском мифе о близнецах, согласно которому царица Канеша рождает тридцать сыновей-близнецов, которые вступают в брак со своими тридцатью сестрами (*Otten 1973: nu-uz-za DUMU.SAL^{MES} ŠA A.NA DUMU.NITA^{MES}.ŠA pa-iš* "и она (то есть их мать — *AMA.SU.NU*) своих дочерей за своих сыновей выдала", КВо XXII 2, 16. Архаичность этого мотива как в хеттском, так и в индийском мифе видна в моральном/неодобрении/инцеста как основном мотиве рассказа, ср. в индийском мифе неодобрительное отношение Ямы к инцесту с сестрой, к которому она его старается склонить, и в хеттском рассказе в словах "последнего" из братьев: *nu le-e ša-li-ik-tu-ma-ri [U.UL] a-a-ra* "и не грешите; не праведно!" (19)²; ср. *Haas 1977: 14 и след.*

В соответствующем кельтском мифе, как и в сходном хеттском, близнецов больше двух: в кельтском мифе — три брата-близнеца и сестра, которой удается уговорить своих братьев сожительствовать с ней, чтобы не остаться бездетной (*Dumézil 1971: 346—347*).

Этот архаичный мотив инцеста между 'братом' и 'сестрой' можно рассматривать как некоторый сохранившийся в мире мифа прототип освященного законом бракосочетания между кросс-кузенами, то есть между 'братом' и 'двоюродной сестрой' — дочерью сестры отца или брата матери.

Нужно полагать, что изначально каждый из соотносимых близнецов

¹ Аналогичный мотив кровосмешения обнаруживается и в других индо-иранских традициях, как мифологема в осетинском Нартовском эпосе (ср. мотив соблазнения Сатаной ее брата *Урызмага*) и как обычай, допускаемый зороастрийской религией, согласно которой высшая форма брака — брак между ближайшими родственниками, братом и сестрой, ср. *Дюмезиль 1976: 79—80, 246*.

² Высказано предположение, что хеттская царица Тацапаппа в древности была не собственно матерью царствующей персоны, а его сестрой, находящейся с ним в браке, см. *Vin-Nun 1975*. В свете приведенных выше данных о древней практике бракосочетания между братом и сестрой такая связь между Таваананной и хеттским царем не представлялась бы необычной, хотя конкретные данные для такого вывода еще нуждаются в дальнейшей проверке и уточнении. То, что царь называет наследника престола, сына Таваананны *DUMU.NIN* 'сын сестры' не может служить недвусмысленным указанием на наличие между ними брачных отношений. Наследником в древнехеттском обществе мог считаться, как известно, 'сын сестры'.

Типологически брачные узы между родными братом и сестрой в таких социально развитых обществах должны рассматриваться уже не как непосредственное продолжение древнейшего брачного обычая, а скорее как некоторая его реминисценция, некоторый возврат к нему в самых верхних слоях кастово замкнутого общества, стремящегося к "чистоте династии", ср. обычай бракосочетания между братом и сестрой в царствующем роде у египетских фараонов, у инков в древнем Перу, в Гавайском царстве и ряде других, ср. *Золотарев 1964: 191—193 и др.*

представлял символически свою 'половину' племени, которая устанавливала брачно-родственные отношения с другой половиной.

1.5. ДУАЛИСТИЧЕСКИЕ РИТУАЛЫ В ОТДЕЛЬНЫХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

При дальнейшем развитии общества и усложнении социальных отношений изначальный дуализм древней индоевропейской социальной структуры мыслится уже как нечто символическое и переносится в миф и ритуал как некоторый отголосок древнего социального уклада. Такой дуализм в мифе и ритуале явственно прослеживается в отдельных древних исторических индоевропейских традициях. У хеттов сохранился ритуал (КUB XVII 35 III 9—14, ср. *Kummel 1967 : 161*), при котором мужчины, способные носить оружие, делятся на две группы — 'половины' (хет. *takšan*), условно называемые "люди Хатти" и "люди Маса". Первые вооружены бронзовым оружием, вторые — тростниковым. "Люди Хатти", владеющие бронзовым оружием, в ритуале побеждают "людей Маса" и взятого в плен посвящают божеству (ср. *Ардзинба 1982 : 80 и след.*).

В древнеиндийском эпосе и легендах отражен цикл мифов о соперничестве двух фратрий — кауравов и пандавов (*Held G. 1935; Bosch 1960 : 86—87; Золотарев 1964 : 217*) и двух династий — Солнечной и Лунной (ср. *Hocart 1970*).

Особенно наглядно проявляется социальная основа мифологически-ритуального дуализма и в древнеримской традиции, где сохраняется вплоть до конца республики обряд *Lupercālia*, суть которого состояла в ритуальном соперничестве двух групп, называвшихся именами двух родов — *gentes* — 'фабиев' и 'квинтилиев' (*Dumézil 1966 : 565*). Согласно мифу об основании общества Луперков, каждый из близнецов — основателей Рима начальствовал над одной из групп, фабии следовали Рему, квинтилии — Ромулу. Самый миф о близнецах Ромуле и Реме в свете выявленных индоевропейских социальных структур можно интерпретировать как отражение древнейших представлений, связанных с дуализмом древнеиндоевропейского общества.

1.6. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «ПОЛОВИНЫ»

Дуалистическая структура древнего индоевропейского общества и связанные с этим дуалистические представления о мире находят отражение и в лексике и соответственно семантике реконструируемых общеиндоевропейских структур. Самая индоевропейская лексема в значении 'половина' увязывается с глаголом 'складывать пополам' (то есть 'получать две половины из одного целого'):

И.-е. *p^[h](o)l- 'половина', 'пара' / *t^hei-p^[h]lo- 'двойной', 'сдвоенный' (буквально: 'дву-половинный'): греч. гом. δι-πλόος 'двойной', лат. *duplus*

¹ Ср. связанное с этим корнем производное на *-t^(h)o- в значении 'складывать': др.-инд. *puṭa* 'складка' (из **pulta-*), ср.-нрл. *alt* 'складка', гот. *falpan* 'складывать', др.-англ. *fealdan* 'складывать' (англ. *fold*), др.-в.-нем. *faltan* 'складывать' (нем. *falten*).

‘двойной’, *duplex* ‘состоящий из двух частей’, др.-ирл. *díabul* ‘двойной’, гот. *twei-fls* ‘сомнение’ (с метафорическим переносом значения: ‘колебаться между двумя возможностями выбора’), др.-в.-нем. *zwiwal(i)* ‘сомнительный’ (нем. *Zweifel*). В славянском это слово наряду с древним значением ‘половина’ (ст.-слав. *polŭ*) имеет и значение ‘пола’ (женского или мужского) как ‘половины общества’, что может являться отражением довольно древней семантической особенности данного слова, ср. алб. *rálë* ‘сторона’, ‘партия’, ‘раздел’, ‘отделение’, ‘пара’, ‘парная упряжка’.

1.7. ПАРЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ АНТОНИМОВ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Восстанавливаемый для индоевропейского целый ряд лексических антонимов типа ‘хороший’ ~ ‘плохой’; ‘высокий’, ‘верхний’ ~ ‘низкий’, ‘нижний’; ‘широкий’ ~ ‘узкий’; ‘полный’ ~ ‘пустой’; ‘большой’ ~ ‘маленький’; ‘толстый’ ~ ‘тонкий’; ‘длинный’ ~ ‘короткий’; ‘тяжелый’ ~ ‘легкий’; ‘новый’ ~ ‘старый’; ‘белый’ ~ ‘черный’; ‘правый’ ~ ‘левый’ и другие могут осмысляться в исторических индоевропейских традициях как символизирующие атрибуты двух мировых начал:

uesu-*/su-* ‘хороший’ ~ **t’us-* ‘дурной’

Лув. *uašui-* ‘хороший’, *uašu-* ‘добро’, ‘благо’; хет. *aššu-* ‘хороший’, *aššu* ‘добро’, др.-инд. *vásu-* ‘хороший’, *su-* ‘хороший’, авест. *vaŋhu-*, *hu-* ‘хороший’, греч. *έυς* ‘хороший’, *δ-* ‘хороший’ (в словосложении); герм. *Wisu-* (в сложных именах), галл. *Vesu-* (в сложных именах), др.-ирл. *feib*, *дат. п. ед. ч.* ‘совершенство’, *fó* ‘хороший’, ст.-слав. *unje* ‘лучше’ (ср. гот. *iusiza* ‘лучше’).

Др.-инд. *duṣ-* ‘дурной’, авест. *duš-* ‘плохой’, греч. *δυσ-* ‘дурной’ (в словосложении); арм. *t-* ‘не-’ (в сложении), лат. **dis-* в *difficilis* ‘трудный’, гот. *tuz-*, др.-англ. *tor-*, др.-в.-нем. *zur-* ‘не-’.

Противопоставление ‘хорошего’ **uesu-*/**su-* ~ ‘плохому’ **t’us-* пронизывает индоевропейскую лексику определенного семантического круга, связанного с мифологическими представлениями, ср., например, др.-инд. *su-mánas-* ‘благорасположенный’ ~ *dur-manāh* ‘мрачный’, ‘враждебный’; авест. *hu-manah-* ‘в хорошем настроении’, *vohu-manah-* ‘хорошее настроение’, микен. греч. *e-u-te-ne* (собственное имя), греч. гом. *εὐμενέτης* ‘благомыслящий’, *εὐμενής* ‘благорасположенный’ ~ *δυσμενής* ‘злонамеренный’, ‘враждебный’; др.-инд. *su-srávas-* ‘имеющий добрую славу’, авест. *haosra-uuaŋha-* ‘благая слава’ ~ авест. *dəuš. srauuah-* ‘дурная слава’; греч. гом. *εὐκλέης* ‘славный’, *εὐ-κλείη* ‘добрая слава’ и др., ср. *Schmitt 1967 : 85 и след.*; др.-инд. *su-dyút-* ‘благое сияние’ (эпитет Бога Агни, ср. хет. *Aššu-Siyatt-* ‘Благой день’) ~ ст.-слав. *dŭždĭ* ‘дождь’ из **duš-dĭu-*, буквально: ‘дурной день’ (ср. *Trubetzkoy apud Watkins 1974 : 107*).

*bʰlerǵʰl- 'высокий', 'верхний' ~ *nī- 'низкий', 'нижний'

Хет. *parku-* 'высокий', тох. А, В *pärk-* 'подниматься', др.-инд. *bṛhánt-* 'высокий', 'возвышенный', авест. *bərəz-* 'высокий', арм. *barjɛr* 'высокий' (ср. также выше в значении 'гора', 'возвышенность', стр. 668 и след.).

Др.-инд. *nī* 'вниз', ср. *nīrá-* 'глубоко внизу находящийся' (о воде), авест. *nitama-* 'низший', арм. *nī-* 'вниз', др.-в.-нем. *nidar* 'вниз' (нем. *nieder*), ст.-слав. *nizŭ* 'вниз'; в противопоставлении к *bʰlerǵʰl- 'гора', 'возвышенность', ср. греч. *νείος* 'поле' (из 'низменность'), ст.-слав. *niva* 'поле', 'нива'.

*pʰl(е)l-H-/-tʰl- 'широкий', 'плоский' ~ *Hanǵʰl-u- 'узкий'

Хет. *palh-i-* 'широкий', лат. *plānus* 'плоский', латыш. *plāns* 'плоский', 'ровный' (производные на *-no-); хет. *paltana-* 'плечо', др.-инд. *pṛthú-* 'широкий', авест. *pərəθu-* 'широкий', греч. *πλατύς* 'широкий', арм. *laɥn* 'широкий', ст.-слав. *plešte* 'плечо'.

Др.-инд. *arṇhu-* 'узко-' (в сложном слове), греч. *ἀμφήν* 'затылок' (как узкая часть головы), лат. *angi-* 'узкий' (в *angi-portus* 'тесный проход'), гот. *aggwus* 'узкий', др.-англ. *enge*, др.-в.-нем. *angi, engi* 'узкий' (нем. *eng*), ст.-слав. *oǵŭ-kŭ* 'узкий'.

Производные от корня *pʰlelH- приобретают в ряде диалектов значение 'земля', то есть 'плоская'; др.-инд. *pṛthivī* 'земля', 'земная поверхность' (ср. греч. *Πλάταια*, наименование города в Беотии), арм. *hoł* 'земля', 'страна', др.-ирл. *láthar* 'место', ст.-слав. *polje* 'поле'. В древнеиндийском *pṛthivī* 'земля' приобретает мифологический смысл в противопоставлении 'земля' ~ 'небо': *dyāvā-pṛthivī* (в форме двойственного числа, символизирующего в данном случае единство двух противоположных начал). В ведийском гимне—диалоге между Ямой и Ями, RV X 10, 9, сестра Ямы говорит ему: *divā pṛthivyaṁ mithunā sábandhū* 'у (нашей) пары (mithunā) такое же родство, как у неба и земли'.

*pʰl(е)lH-(no)- 'полный' ~ *uāstʰlo- 'опустошенный', 'пустой'

Др.-инд. *pṛāna-* 'полный', *pṛ-ṛnā-* 'полный', авест. *pərəna-* 'наполненный', *frāna-* 'наполнение', арм. *li* 'полный' (из *pʰlelH-jo-s, ср. греч. *πλέος* 'полный'), лат. *plēnus* 'полный', 'наполненный', др.-ирл. *lán* 'полный', гот. *fulls* 'полный', др.-англ. *full* (англ. *full*), др.-в.-нем. *fol* (нем. *voll*), лит. *pilnas*, ст.-слав. *plŭnŭ* 'полный'.

Хет. *uāstul* 'опустошение', 'недостаток'; 'преступление', 'грех' (ср. *Laroche 1973*), лат. *uastus* 'опустошенный', 'пустой', др.-ирл. *fás* 'пустой', *fásach* 'пустыня', 'пустошь', др.-в.-нем. *wuosti* 'необработанный', 'пустой', 'опустошенный' (нем. *wüst, Wüste*), др.-англ. *wēste* 'пустой'.

*mekʹH- 'большой' ~ *d^hleb^hl- 'маленький'

Хет. *mekki-* 'многочисленный', тох. А *māk*, В *māka* 'многочисленный', др.-инд. *mahi-* 'большой', *mahānt-* 'большой', авест. *mazant-* 'большой', греч. *μέγας* 'большой', арм. *mes* 'большой', алб. *madh* 'большой', лат. *magnus* 'большой', др.-ирл. *mochtae* 'большой', гот. *mikils* 'большой'.

Хет. *teru-* 'маленький', *terpu-* 'уменьшать', 'уменьшать', 'унижать', др.-инд. *dabhnóti* 'вредит', авест. *dabənaotā*, 2 л. мн. ч. наст. вр. 'вы обманываете'.

*b^hlenǵ^hl- 'толстый', 'плотный' ~ *t^hlen- 'тонкий'

Др.-инд. *bahú-* 'многочисленный', 'плотный', 'густой', греч. *παχύς* 'толстый', 'густой', латыш. *biezs* 'плотный', 'густой'.

Др.-инд. *tanú-* 'тонкий', греч. *τανύ-* 'длинный', лат. *tenuis* 'тонкий', др.-ирл. *tanae* 'тонкий', др.-исл. *þunnr* 'тонкий', др.-в.-нем. *dunni* 'тонкий' (нем. *dünn*), ст.-слав. *тънѹкѹ*.

*t^helH(n)ǵ^hl^o- 'длинный' ~ *mreǵ^hl^u- 'короткий'

Хет. *daluki-* 'долгий', 'длинный', *dalugašti-* 'длина', др.-инд. *dīrghá-* 'длинный', авест. *darəga-* 'длинный', др.-перс. *darga-* 'длинный', ср.-перс. *drang* 'длинный', греч. *δολύχος* 'длинный', ст.-слав. *dlügŭ* 'долгий', лит. *ilgas* 'длинный'; лат. *longus* 'длинный', гот. *laggs* 'длинный', др.-англ., др.-в.-нем. *lang* 'длинный' (англ. *long*, нем. *lang*).

Др.-инд. *múhu* 'внезапно', авест. *mərəzi-* 'короткий', греч. *βραχύς* 'короткий', лат. *breuis* 'короткий', гот. *gamaúrgjan* 'сокращать'.

*kʷ^o(e)g- 'тяжелый' ~ *leg^hl^o- 'легкий'

Др.-инд. *gurú-* 'тяжелый', авест. *gouru-* 'тяжелый', лат. *gravis* 'тяжелый', ср.-ирл. *bair* 'тяжелый', гот. *kaúrjōs* 'тяжелый', латыш. *grūts* 'тяжелый'.

Др.-инд. *laghú-*, вед. *raghú-* 'легкий', 'проворный', греч. *ελαχύς* 'небольшой', 'малый', лат. *leuis* 'легкий', гот. *leihts* 'легкий', др.-в.-нем. *liht(i)* 'легкий' (нем. *leicht*), др.-англ. *leoht* (англ. *light*), ст.-слав. *лѣгѹкѹ* 'легкий'.

*neuo- 'новый' ~ *uet^{[h]o-} 'старый'

Хет. *neca-* 'новый', *necahḥ-* 'обновлять', тох. А *ñu*, В *ñuwe* 'новый', др.-инд. *nāva-* 'новый', авест. *nava*, греч. *νέ(F)ος*, лат. *novus*, лит. *paĩjas*, ст.-слав. *новѣ* 'новый'.

Хет. *uett-* 'год', др.-инд. *vatsá-* 'год', согд. *wtcnyu* 'старый', греч. *Ἔτος* 'год', лат. *vetus* 'старый', ст.-слав. *vetŭchŭ* 'старый'.¹

*alb^{[h]o-} 'белый', 'светлый' ~ *mel- 'черный', 'темный'²

Хет. *alpa-* 'облако', греч. *ἀλφός* 'белое пятно на коже, бельмо', ср. *ἀλφούς λευχούς* 'белых' (*Гесихий*), лат. *albus* 'белый', умбр. *alfu* 'белая', 'alba', др.-в.-нем. *albiz* 'лебедь', ст.-слав. *lebedŭ* 'лебедь' (название по характерному белому цвету птицы); ср. диалектное слово для 'олова': лит. *álvas* 'олово', прус. *akwis* 'свинец', рус. *олово*, буквально: 'белый', 'блестящий металл' (*Топоров 1975-1: 81*).

Др.-инд. *maliná-* 'грязный', 'черный', *mlāna-* 'черный', 'темный', *māla-* 'грязь', 'грех', греч. *μέλας* 'черный', лат. *mulleus* 'красный', 'багряный', 'пурпурный' (обувь консулов, преторов и курульных эдилов), гот. *mēla* 'письменный знак', *mēljan* 'писать', др.-в.-нем. *ana-mali* 'пятно', латыш. *mēl̃ns* 'черный', прус. *melne* 'синее пятно', лит. *mēlas* 'синий', ср. рус. *малина*.

*t'ek^{[h]l-s-} 'правый' ~ *ЛЕВЫЙ

Др.-инд. *dákṣiṇa-* 'правый', авест. *dašina-* 'правый', лит. *dėšinas* 'правый', ст.-слав. *desnŭ* 'правый', греч. *δεξιτερός* 'правый', лат. *dexter*, др.-ирл. *dess* 'правый', гот. *taihswa* 'правый'.³

Греч. *λαίος* 'левый', лат. *laeius* 'левый', ст.-слав. *lěvŭ* 'левый'; греч. *σκαίος* 'левый', лат. *scaeius* 'левый'; др.-инд. *savyá-* 'левый', авест. *haoya-* 'левый', ст.-слав. *šujŭ* 'левый', тох. А *šālyās* 'слева', В *šwālyai* 'слева' (ср. лув. *ipala-* 'левый', хет. *GÜB-la-* 'левый'⁴, *Сор 1971: 3—5, 23*).

¹ Другим древним словом в значении 'старый' можно считать основу *sen-: др.-инд. *sāpa-*, авест. *hapa-*, арм. *h̄ip* 'старый', греч. *ἔνος* 'старый', 'прошлогодний', *δί-ενος* 'позапрошлогодний' ('двухлетней давности'), лат. *senex*, *род. п. senis* 'старый' (ср. др.-инд. *sapaká-*), др.-ирл. *sep* 'старый', гот. *sinista* 'старейший', лит. *sėnas* 'старый'.

² Ср. также и.-е. *šer- 'темный цвет': перс. *xvāl* (из *šer-d- 'копоть'), согд. *хвгп-* 'цвет', осет. дигор. *хṷāгп* 'раскрашивать', *хṷāгп* 'цвет', ср. др.-иран. *hvāga- в названии *Хорезма*, буквально: 'черноземная страна'; сюда же относится лат. *sordēs* 'грязь'; гот. *swarts*, др.-исл. *sorta* 'черный цвет', др.-англ. *sweart*, др.-в.-нем. *swarz* (нем. *schwarz*) 'черный', др.-ирл. *sorb* 'грязь', *Bailey 1976*.

³ В хеттском и тохарском происходит замена первичного индоевропейского слова в значении 'правый' на хет. *kuppa-* 'правый' (в противопоставлении *GÜB-la-* 'левый') и тох. А *rāsi* 'правый'.

⁴ Фонетическое дополнение шумерограммы *GÜB-la-* позволяет видеть в хеттском слове, соответствующее лув. *ipala-* 'левый'. В таком случае в хеттском следует предположить

1.8. СИМВОЛИКА «ПРАВОГО» И «ЛЕВОГО» В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Обращает на себя внимание при почти полном единообразии в индоевропейских диалектах для лексемы 'правый', восстанавливаемой для общеиндоевропейского в праформе *t'ek^[h]-s-, невозможность реконструкции общеиндоевропейской праформы в значении 'левый'. Семантема 'левый' выражается общими лексическими формами лишь в отдельных диалектных объединениях (греческо-итало-славянский, индо-ирано-кельто?-славянский, тохаро-анатолийский). Причину этого нужно искать, очевидно, в символическом значении семантемы 'левый' в индоевропейском, табуировании ее и частой замене соответствующих лексем в отдельных диалектах и диалектных объединениях.

Табуирование лексемы 'левый' объясняется символической связью противопоставления 'правый' ~ 'левый' с оппозицией 'благоприятного' ~ 'неблагоприятному', 'праведного' ~ 'неправедному', 'хорошего' ~ 'дурному'.

Значимость семиотической оппозиции 'левый' ~ 'правый' в индоевропейской символической системе подтверждается совпадением данных, относящихся к отдельным индоевропейским традициям (ср. также Kraig 1978 : 163).

Такие ассоциации ясно прослеживаются уже в самых древних индоевропейских традициях, начиная с древнехеттской. У хеттов понятие 'левый', выражаемое шумерограммой GÜB-la-, ассоциируется с неблагоприятным исходом гадания, с лжесвидетельством и проигранным судом (ср. Werner 1967 : 78), с чем-либо отрицательным и плохим (Kammenhuber 1965 : 191): ср. m[al]n-kan ŠA É.ŠĀ ŠA LUGAL GÜB-an uttar kuitki aul[ti]len, KUB XXI 42 IV 3 и след. "если вы увидите какое-либо дурное (буквально: 'левое') дело, касающееся царских покоев", ср. о социальной символике 'правого' и 'левого' у хеттов также Riemschneider 1958.

В древней Индии по принципу 'левый' ~ 'правый' противопоставлялись друг другу мифологические фратрии: фратрия кауравов считалась 'левой', 'нижней', 'лунной' и поэтому имеющей отрицательный символический смысл, фратрия пандавов — 'правой', 'верхней', 'солнечной' и поэтому — положительной (Bosch 1960). Это же противопоставление 'левый' ~ 'правый' связывается в индийской традиции с противопоставлением 'женского' ~ 'мужскому', см. Hocart 1950.

В древнегреческой традиции 'правый' и 'левый', связанные с 'мужским' и 'женским' началами, превращаются уже у пифагорейцев в основные философские категории, через которые описывается внешний мир (ср. Lloyd G. 1962; 1966)¹.

форму *g/kipala- (ср. хет. keššar при лув. iššari- 'рука', хет. gimtaga- при лув. imtagi- 'поле, степь'), ср. Van Windekens 1981. Предполагаемая хетто-лувийская форма *(k)ip-ala- при сопоставлении с тох. В šwāl позволяет реконструировать праформу *g^[h]ib^[h]olo-, которая при выделении суффикса *-ol- напоминает шум. GÜB 'левый' (заимствование из шумерского?).

¹ Характерно, что позднее в ряде индоевропейских диалектов происходит обратный семантический переход 'праведный', 'правильный' → 'правый', 'правая сто-

Такая ассоциация значений 'правого', 'правой стороны' с 'благоприятным', 'хорошим', 'положительным', а 'левого', 'левой стороны' — с 'неблагоприятным', 'дурным', 'отрицательным' может считаться некоторой семантической универсалией, характерной для семантической системы языка вообще.

Подобная семантическая ассоциация сводится, естественно, к различению 'правой' и 'левой' руки человека, которые в норме характеризуются физиологически различием способностей. 'Правая рука' воспринимается как наиболее активная, функционально основная, с которой естественным образом связывается понятие 'положительного' и 'благоприятного' в противоположность более пассивной 'левой руке', уступающей правой во всех основных функциях и уже поэтому ассоциирующейся в представлениях древнего человека с чем-то 'неблагоприятным', 'неполноценным'.

Понимание 'правой руки' и 'правой стороны' как основной находит конкретное выражение и в отдельных древних индоевропейских культурах. В подобных понятиях можно видеть следы общеиндоевропейских представлений о руках [и.-е. *ǵʰl̥h₂es-r̥/*ǵʰl̥h₂es-tl̥h₂o- : хет. *keššar* 'рука', лув. *iššari-* 'рука' (ср. *išarūili-* 'правый'), лик. *izre*, тох. А *tsar* 'рука', В *šar*, греч. гом. *χεῖρ* 'рука', арм. *jeṛn*; др.-инд. *hāsta-*, авест. *zasta-*, др.-перс. *dasta-*, ср. лат. *praestō* 'под рукой' (из **prai-hestōd*)¹, лит. *pa-žastis* 'подмышка']. В гомеровском эпосе 'правая рука' описывается как агрессивная рука, направляющая копье, 'левая' — как защищающаяся, держащая щит² (Cuillandre 1944). У хеттов роль 'правой руки' и соответственно 'правой стороны' определяется как более значительная и почетная по сравне-

рона': ср. значения германских форм: др.-в.-нем. *geht* 'прямой, правильный' (нем. *gecht*), др.-англ. *giht* (англ. *right*) 'истинный, правильный, прямой' (родственные лат. *gēctus* 'прямой' и др., в которых появляется новое значение 'правый' (как противоположность 'левому')). Ср. также в славянских языках : ст.-слав. *grāvŭ* 'прямой, правильный', с переносом значения также 'правый' (в противоположность 'левому').

¹ В итальяском в обычном значении 'рука' выступает другая основа: ср. лат. *manus*, род. п. *manūs* 'рука', умбр. *mānuv-e*, оск. *вин. п. manim*, при греч. *μᾶρη*, др.-исл. *mund* 'рука' (Pokorny 1959 : 740—741), см. подробнее ниже. В значении 'предплечья', 'верхней части руки' для индоевропейского можно предположить основу **arH-mo-/r̥H-mo-*: др.-инд. *īgmā-* 'верхняя часть руки, предплечье', авест. *agəpa-* 'предплечье', арм. *agmukn* 'локоть', лат. *agmus* 'верхняя часть руки', 'предплечье', 'лопатка (у человека)', 'передняя лопатка' (у животных), гот. *agms*, др.-в.-нем. *agm*, др.-англ. *eaġm*, прус. *igmo* 'верхняя часть руки', ст.-слав. *гато* 'плечо'.

Другой древний термин **bʰl̥h₂aǵʰh₂u-* мог обозначать 'локоть' и 'руку ниже локтя': тох. А *роке*, В *рокаі* 'верхняя часть руки', др.-инд. *bāhū-* 'рука ниже локтя', у животных: 'передние лапы', авест. *bāzāuš* 'рука выше кисти', греч. *πῆχυς* 'локоть', 'рука ниже локтя', др.-исл. *bógr* 'рука', 'плечо'; др.-англ. *bōg* 'плечо', 'рука', др.-в.-нем. *buog* 'плечо'; 'бедро', у животных: 'лопатка' (нем. *Bug*), ср. *Бенвенист 1965 : 71—82*.

² Ср. обычай многих народов, в частности скифов (по *Геродоту*, IV, 62) и древних осетин (*Дюмезиль 1976 : 44—45*), по которому у убитого врага после его низвержения отрубят правую руку, как бы символизируя тем самым его полное обезвреживание.

нию с 'левой стороной'. Любопытно, что царь Анитта в знак особого уважения к правителю Бурусханды обещает усадить его справа от себя: ср. ҚВо III 22+Rs. 78—79: *a-ra-a-ša ré-e-ra-am-ti-it ku-un-na-az e-ša-ri* "и он предо мной справа усядется".

1.9. ОБОЗНАЧЕНИЕ ПАРНЫХ ЧАСТЕЙ ТЕЛА В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Противопоставление 'рук' как 'правая' ≈ 'активная' и 'левая' ≈ 'пассивная', имеющее под собой естественное физиологическое основание, могло переноситься и на другие парные органы, как-то 'глаза'¹ и 'ноги'², 'колени'³, 'уши'⁴, которые, в зависимости от нахождения справа или слева, расцениваются как 'положительные, мужские' или 'отрицательные, женские'.

В древнеиндийской традиции, согласно "Упанишадам" (*Bṛhadāraṇyaka-Upaniṣad*, IV, 2. 2—3; *Maitrāyaṇīya Upaniṣad*, V, 11), в качестве образа человека в правом глазу выступает бог Индра, в левом глазу — женское божество, его супруга.

В славянских традициях, согласно многочисленным восточнославянским и южнославянским приметам, левый глаз связан с бедой, огорчением, правый — со счастьем; сходно с этим при обрядах (в частности свадебных) правая нога обувается до левой и т. п. (ср. *Иванов/Топоров 1974: 268*).

¹ И.-е. **se/ok^hlo-*: хет. *šakuca* 'глаза', др.-ирл. *gosc* 'глаз, взгляд', гот. *saihan* 'видеть'; [тох. А *ak*, В *ek*, др.-инд. *ákṣi* 'глаз', греч. *ὄσος*, *ὄσ. ч.* 'глаза', арм. *акп* 'глаз', лат. *oculus* 'глаз', гот. *augō*, др.-исл. *auga*, др.-в.-нем. *ouga* (нем. *Auge*), др.-англ. *ēage* 'глаз' (англ. *eye*), лит. *akis* 'глаз', ст.-слав. *oko* 'глаз'.

Параллельно с названием 'глаза' можно рассмотреть название 'брови', и.-е. **b^hruH-* 'бровь, брови': тох. А *rāgwān-*, В *rāgwān-p-*, *дв. ч.* 'брови', др.-инд. *bhṛgū-* 'бровь', авест. *brvat-*, *дв. ч.* 'брови', греч. *ὄφρυς* 'брови', ср.-ирл. *brúad*, *род. п. дв. ч.* 'бровей', др.-англ. *brū* 'бровь' (англ. *grow*), лит. *brūvis* 'бровь', ст.-слав. *brūvī*.

² И.-е. **p^hlet-*: хет. *pata-* 'нога', тох. А *pe*, В *paīyue*, др.-инд. *pad-* 'нога', авест. *pad-* 'нога', арм. *ot-p* 'нога', греч. *πόδς*, *род. п. ποδός*, лат. *pēs*, *род. п. pedis*, гот. *fōtus*, др.-исл. *fótr*, др.-англ. *fōt* (англ. *foot*), др.-в.-нем. *fuoz* (нем. *Fuss*).

³ И.-е. **k^henu-* 'колени': хет. *gi-e-pu* 'колени', *gi-e-pu-iš-* 'коленный сустав', *Eichner 1979*, тох. А *kapweñ*, В *kenipe* (*дв. ч.*), др.-инд. *jāpu*, авест. *žpūt*, арм. *սւղ*, греч. гом. *ῥόνυ*, лат. *genū*, *род. п. genūs*, гот. *kni*, др.-в.-нем. *kneo* (нем. *Knie*), др.-англ. *spēo* (англ. *knee*).

⁴ И.-е. **o(H)us-*: авест. *ušī*, *дв. ч.* 'уши', 'разум', арм. *սկո* 'ухо', греч. дор. *ὠς* 'ухо', *мн. ч. ὠφατα* 'уши', алб. *vesh* 'ухо', лат. *auris* 'ухо', др.-ирл. *áui*, *ó* 'ухо', гот. *ausō*, др.-в.-нем. *ōga* (нем. *Ohr*), др.-англ. *ēage* (англ. *ear*), лит. *ausis*, ст.-слав. *ucho*, *род. п. ušese*. К этой же основе формально можно отнести этимологически неясную хеттскую глагольную форму *auš-* 'видеть': 1 л. ед. ч. *uḫḫi*, 2 л. *autti*, 3 л. *aušzi*, 1 л. мн. ч. *aumēni*, *umēni*, 2 л. мн. ч. *auttenī*, *auštenī*, *uštenī*, 3 л. мн. ч. *uḫanzi*; 1 л. претерита *uḫḫun*, 2 л. *aušta*, 3 л. *aušta*. К семантике 'ухо' → 'видеть' ср. картв., груз. *q'ur-i* 'ухо' при *q'ur-eba* 'смотреть'.

2. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ С ТРЕМЯ И ЧЕТЫРЬМЯ РАНГАМИ. ОТРАЖЕНИЕ ТАКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В "ДУХОВНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ" И МИФОЛОГИИ

2.1. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕЙ ДУАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Дуальность брачно-родственных отношений у древних индоевропейцев, определявшая на самых ранних стадиях развития индоевропейского общества общую дуальность его социальной структуры, начинает постепенно преобразовываться в зависимости от осложнения социального устройства общества и образования в нем нескольких функционально различающихся друг от друга социальных групп.

Если на начальных этапах социального развития общества отдельные социальные группы людей определялись не своей хозяйственной деятельностью, а принадлежностью к той или иной дуальной половине, роду или семье, то на более поздних ступенях общественного развития такие группы людей, которые характеризуются различными видами занятий, приобретают уже самодовлеющий характер, и их общественное положение определяется их социальной функцией, а не семейной или родовой принадлежностью; формируются определенные социальные группы людей, занятых той или иной хозяйственно-общественной деятельностью.

2.2. ФОРМИРОВАНИЕ ТРЕХ ИЛИ ЧЕТЫРЕХ СОЦИАЛЬНЫХ РАНГОВ В ОТДЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ОБЩЕСТВАХ

Уже на довольно поздней стадии социального развития индоевропейцев, по-видимому, к периоду распада индоевропейской общности, можно выделить по крайней мере три оформившиеся группы, которые отразились в древнейших индоевропейских обществах как три или четыре социальных ранга, характеризовавшихся ясно очерченными общественными функциями.

В древнехеттском обществе среди свободных людей выделяются социальные группы 'жрецов' (хет. *šankunni-*, ср. аккад. *šangū*, шум. *LÚSANGA*), 'воинов' [*(ERÍN)MES ANŠE.KUR.RA*^{MES} 'пешие воины и колесничие', ср. *tuzzi-* 'войско') и 'земледельцев', различавшихся степенью своей зависимости от владельцев земли (*LÚMES GIŠTUKUL* 'человек оружия', 'ремесленник' и зависимые от них *LÚMES APIN.LAL* 'плугари' и *LÚMES SIPA* 'пастухи', а также ремесленники разных типов, в частности, *LÚMES UŠ.BAR* 'ткачи', *LÚMES NAGAR* 'плотники', *LÚMES AŠGAB* 'кожевники' и др., ср. *Гиоргадзе 1973 : 19 и след.*).^{1/}

¹ Термин *LÚMES GIŠTUKUL* обозначает социальный ранг, помещаемый между 'войнами' и 'зависимыми земледельцами' и 'ремесленниками'. Это — люди, получившие

В древней Индии существовало три основных социальных ранга (“варны”): ‘жрецы’ ≈ брахманы (*brāhmaṇā-*), ‘воины’ ≈ кшатрии (*kṣatriyam*)¹ ‘земледельцы’ (*vaiśya-*)², а также ремесленники, соотносимые с четвертой варной — ‘шудрами’ (*śūdrā-*)³. Близкая этой система отражена в авестийских текстах, где различаются ‘жрецы’ (*āθravan-*, в “Гатах” *zaotar-*), ‘воины’ (*raθaēštā-*, в “Гатах” *nar-*), ‘земледельцы’ и ‘скотоводы’ (*vāstryō fšuyant-*, в “Гатах” *vāstar-*)⁴ и ‘ремесленники’, относимые к четвертому социальному классу (*hūiti-*), ср. *Benveniste 1932a; 1969, I : 279 и след.*⁵

Аналогичная социальная система предполагается и для раннего древнегреческого общества, о чем можно судить по отраженным в древнегреческих мифах отношениям между отдельными социальными группами: ‘жрецами’ (*ἱερεῖς, ἱεροποιοί*), ‘воинами’ (*μάχιμοι*, ср. *φύλακες* ‘стражники’, ‘привратники’ по мифу, передаваемому Страбоном), ‘земледельцами’ (*γεωργοί*) и ‘ремесленниками’ (*δημιουργοί*), *Benveniste 1969, I : 289*; ср. там же о возможности социальной троичности в умбрских игувинских таблицах (ср. *Palmer 1955 : 16*).

землю в надел, которые в случае необходимости могли нести воинскую повинность, *Diakonoff 1967*.

¹ Термин индоевропейского происхождения, связываемый этимологически с греч. *πράομαι* ‘приобретаю’, *πρήμα* ‘приобретение, надел’, микен. греч. *ki-ti-me-pa ko-to-pa* = *κτιμένα κτοίνα* ‘земельный надел’; *ḱṣatráp*, с которым связывается в индийском термин *ḱṣatṛiya-*, первоначально должно было значить ‘надел’, получаемый ‘воином’ *ḱṣatṛiya-*, см. *Palmer 1955 : 17*.

² Термин связывается с др.-инд. *vís-* ‘селение’ (греч. *Φοῖχος* ‘дом, хозяйство’, лат. *vīscus* ‘селение’, ст.-слав. *vīsl* ‘селение’ и др., см. выше, стр. 742 и след.) и первоначально означал ‘совокупность людей данного поселения’, ‘земледельцев’, ср. *Palmer 1955 : 17*.

³ В основе названия таких рангов *vágra-* (буквально: ‘цвет’) лежит цветовая символика: с каждой ‘варной’ связывается определенный цвет: *брахманы* ассоциировались с ‘белым цветом’, *кшатрии* — с ‘красным’, *вайшья* — с ‘желтым’, *шудры* — с ‘синим’.

⁴ Все эти иранские наименования имеют индоевропейские этимологии и могут рассматриваться как собственно иранские слова для обозначения соответствующих социальных групп: авест. *āθravan-* ‘жрец’ соответствует др.-инд. *ātharvā* ‘жрец-колдун’ (возможно, родственно *авест. ātar-* ‘огонь’, сербо-хорв. *vātra* ‘огонь’, ирл. *áith* ‘печь’); авест. *raθaēštā-* восходит к обозначению ‘колесничего’, ср. др.-инд. *gathe-ṣṭhā-* ‘стоящий на колеснице’, авест. *vāstar-* родственно хет. *ueštara-* ‘пастух’.

⁵ Аналогично индийским ‘варнам’ иранские социальные ранги также ассоциируются с ‘цветом’ (*pištra-* буквально: ‘цвет’, позднее — ‘ремесло’, *Benveniste 1969, I : 279*): у *жрецов* — ‘белый цвет’, у *воинов* — ‘красный’, у *земледельцев* — ‘синий’. Любопытно, что у кельтов аналогичные социальные ранги ассоциируются с теми же цветами: ранг *жрецов-друидов* символизирует ‘белый цвет’, ранг *воинов* — ‘красный’, *Dumézil 1954 : 45*. Характерно, что во всех этих традициях, как древнеиндийской, так и авестийской и кельтской, первые два ранга — жрецов и воинов — характеризуются одинаковыми цветами, соответственно ‘белым’ и ‘красным’, при цветовом различии по отношению к третьему рангу (земледельцев и ремесленников). Такие одинаковые цветовые ассоциации у первых двух рангов в индо-иранской и кельтской традициях позволяют сделать вывод о древности такого противопоставления и его принадлежности к общиндоевропейской эпохе. Согласно *Пальмеру*, уже в праиндоиранском ‘владельцы земельных наделов’ назывались *агуа- (от *аг- ‘получать, приобретать, владеть’). Лишь позднее термин *агуа- приобретает функцию этнического обозначения, *Palmer 1974 : 11, 17—18*. Ср. к такому толкованию первоначального значения индо-иран. *агуа- хет. *агпцала-* ‘люди, взятые в плен и получающие затем земельный надел’, образованное от той же индоевропейской основы **elor-*.

2.3. ВОПРОС О ХРОНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ТРЕХ СОЦИАЛЬНЫХ РАНГОВ В ОТДЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ И ПРОБЛЕМА ТЕРМИНАРНОЙ СТРУКТУРЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА И МИФОЛОГИИ

При всем сходстве схемы членения рассмотренных древних индоевропейских обществ на социальные ранги наблюдается несоответствие в терминах, их обозначающих¹. В таких условиях не представляется возможным, даже при допущении такого социального членения уже к концу общеиндоевропейского периода, реконструировать соотносимые с этими социальными группами общеиндоевропейские обозначения.

2.4. ПЕРЕСТРОЙКА ДРЕВНИХ БРАЧНО-РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЭНДОГАМИИ В ОТДЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ

Образование в обществе социальных рангов с различными функциями влечет за собой и коренную перестройку первичных брачно-родственных отношений, основывавшихся ранее на дуально-экзогамном принципе. Появление подобных социальных группировок постепенно разрушает древние принципы семейно-родственных связей и приводит к установлению новых брачно-родственных отношений в пределах каждой из образовавшихся социальных групп. Это в сущности уже переход принципа экзогамных отношений между дуальными половинами к эндогамному принципу в пределах образовавшейся социальной группы. Рассмотренные выше случаи нарушения древних принципов брачно-родственных отношений в древнехеттском обществе являются, по-видимому, отголоском имевшего место процесса перехода на новые принципы брачно-родственных отношений в результате социальной перестройки общества и формирования отдельных социальных групп.

¹ Это не может относиться в полной мере к хеттским терминам, поскольку они скрываются за шумерограммами или являются относительно поздними иноязычными заимствованиями, ср. хет. šapkuḫpi- 'жрец'. Древнеиндийский термин brahmān-, обозначающий социальный ранг 'жрецов', сопоставляется обычно с латинским термином flāmen 'жрец' как обозначением высшего жреческого звания (от и.-е. *bʰl̥h₂ǵʰl̥-men-, ср. Pokorny 1959 : 154; Dumézil 1966 : 90—91); ср., однако, фонетические трудности сравнения этих форм (отсутствие рефлекса *gʰl̥h- в латинском), а также семантические несоответствия с другими индоиранскими словами, связанными этимологически с др.-инд. brahmān- (как, например, др.-перс. braxša- 'форма, видимость'), ср. Benveniste 1969, I : 282—285; Топоров 1974. Индоиранские слова можно сопоставить с греч. гом. μορφή 'форма' (из *morbʰl̥h₂a, Thieme 1968 d : 203). В латинском 'жрец' обозначается сложным словом pontifex, этимологически: 'водружающий дорогу', ср. др.-инд. adhvaṅyú- 'жрец' при adhvaṅá- 'дорога', Dumézil 1966 : 553—554. В кельтском название 'жреца', 'друида' образуется от древнего индоевропейского названия 'дерева': др.-ирл. drúí 'друид', галл. Druides, Druidae, мн. ч. 'друиды'. Отсутствие общего индоевропейского родового термина для обозначения социального ранга 'жрецов' может объясняться табуированием первоначального слова и заменой его позднейшими описательными образованиями в отдельных исторических индоевропейских традициях.

В этом отношении характерны также встречающиеся в хеттских текстах указания на ограничения брачного обмена, приводящие в конечном счете к эндогамии в пределах определенной социальной группы людей. В среднехеттском тексте о “Каменном доме” читаем: *A.NA LU^{MES} É.NA₄-ia-kán AŠ.ŠUM É.GI₄.A^{TIM} an-da-an pí-eš-kán-du pa-ra-a-ma-kán DUMU. NITA DUMU.SAL AŠ.ŠUM É.GI₄.A^{TIM} LU^U an-da-i-ia-an-da-an-ni-ia li-e ku-iš-ki pa-a-i*, KUB XIII 8 Vs. 13—15 “людям ‘Каменного дома’ невестку в дом пусть дают, из дома же сына (или) дочь в качестве невестки и зятя пусть никто не выдает”.

В Индии в процессе формирования из символических группировок-варн настоящих социально замкнутых каст закреплялась практика эндогамного брака, в особенности в пределах высших каст, и гипергамных браков, при которых высшая каста могла дать женщину в низшую касту, но не наоборот (*Dumont L. 1966 : 153 и след.; Hocart 1950*).

Возникающая в таких условиях эндогамная практика брачных союзов в пределах больших социальных групп приводила к образованию новых родственных отношений между членами общей социальной группы. Легко видеть, что при малочисленности определенной кастовой группировки эндогамия могла привести к браку между ближайшими кровными родственниками. Такие кровосмесительные браки и явились результатом эндогамной практики в пределах узких кастовых групп, каковой является правящая династия, в которой по этим причинам могли быть узаконены брачные союзы между родными братом и сестрой. Это является крайним случаем эндогамного брака, примеры которого засвидетельствованы во многих традициях, в том числе и древних индоевропейских: у хеттов, греков, древних иранцев, в древней Армении и других странах (*ср. Довгяло 1968 : 141; Bin-Nun 1975 : 141*).

3. СТРУКТУРА ДРЕВНЕГО ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПАНТЕОНА

3.1. СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ СОЦИАЛЬНЫМИ СТРУКТУРАМИ И СТРУКТУРОЙ ПАНТЕОНА

Устанавливаемая для древнейшего индоевропейского общества дуальная социальная структура, определявшаяся дуальным характером брачно-родственных отношений, при дальнейшем усложнении общества с образованием различных социальных групп предполагает наличие аналогичных структур в религиозных представлениях древних индоевропейцев, которые отражают в мифологически преобразованной форме существующие на земле соотношения.

Религиозные представления и соотношения между элементами пантеона — это в сущности проецирование на небеса существующих в данной социальной среде взаимоотношений отдельных социальных групп. Пантеон, существующий в той или иной традиции, и созданная в соответствии с ним мифологическая система являются некоторым отображением, неко-

торой моделью реальных социальных соотношений, бывших характерными для данного общества на определенном этапе его развития.

В этом смысле и следует понимать устанавливаемые Дюмезилем соотношения между трехчастью древнего индоевропейского общества и тремя функциями, характерными для индоевропейской мифологии. Реконструкции по крайней мере трех единиц общиндоевропейского пантеона должны отражать три вида социальных функций и соответствующих видов деятельности в древнем индоевропейском обществе (см. Dumézil 1958; 1966; 1968; 1971; 1973; Дюмезиль 1976; ср. Littleton 1973; Haudry 1981: 20 и след.).

3.2. ДУАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ДРЕВНЕГО ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПАНТЕОНА

Для общиндоевропейского пантеона восстанавливаются с несомненностью по крайней мере два основных божества, дающих закономерные соответствия в отдельных древних индоевропейских диалектах как в плане выражения, так и в плане содержания.

3.3. ВЕРХОВНОЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ БОЖЕСТВО «НЕБО-ОТЕЦ»

И.-е. $*t^h_{1}ie_{1}(s)-p^{[h]}t^{[h]}er-$ 'бог-отец': др.-инд. *Dyáuṣ pitā* 'бог-отец' (эпитет верховного божества), 'Небо-отец', греч. *зват. n. Ζεῦ πάτερ*, лат. *Iūpiter* 'Юпитер', лув. *tatiš Tiṣaz* 'бог-отец', ср. др.-рус. *Стрибогъ*.

Первая компонента сложного слова $*t^h_{1}ie_{1}$ - реконструируется в качестве общего названия 'бога' и, в частности, 'бога Солнца', 'бога Неба': хет. *šiuš*, *вин. n. šiun*, *род. n. šiunaš* 'бог', 'бог Солнца' (ср. Neu 1974: 116—131; Watkins 1974); лув. $D^{D}Tiṣaz$ 'Бог Солнца', др.-инд. *dyāuḥ* 'небо', греч. *Ζεύς* 'бог Неба', *род. пад. Διός*, *дат. n. Διί*, микен. *di-we*, ст.-лат. *Dio-mis*, *им. n., Iouis*, *род. n.* 'Юпитера', оск. *Diúvei* 'Iovi'.

Основа в нормальной ступени огласовки $*t^h_{1}ie_{1}uo-$: др.-инд. $\underline{devā}$ - 'бог', авест. $\underline{daēva}$ - 'демон', лат. *deus* 'бог', *diius* 'божественный', др.-ирл. *dia*, *род. пад. dé* 'бог', др.-исл. *tívar* 'боги', прус. *deiws*, лит. *dīvas* 'бог'.

Общиндоевропейское название 'бога' увязывается этимологически с корнем $*t^h_{1}e_{1}$ - 'светить', 'блестеть': др.-инд. *dīdeti* 'светит', 'сияет', греч. гом. $\delta\acute{\epsilon}\alpha\tau\omicron$ 'казалось'.

Производные от этого же корня образуют слово в значении 'день': хет. *šiyatt-* 'день', лат. *diēs* 'день', др.-ирл. *die* 'день'; др.-инд. *divā* 'днем', ср. *naktám-divam* 'ночь и день', арм. *iw* 'день', греч. $\xi\upsilon\delta\iota\omicron\varsigma$ 'среди дня', лат. *dies* 'днем' (и.-е. $*t^h_{1}ie_{1}$ -)¹.

¹ В качестве антонима слова в значении 'день' в индоевропейском выступает форма $*ne/ok^{[h]}l^{[h]}l^{[h]}$ - 'ночь' (с утерей лабиализации $*k^{[h]}l^{[h]}$ в ряде диалектов): хет. *pekut-* 'вечер', тох. В *пексуе* 'вечером', др.-инд. *nák* 'ночь', *náktam* 'ночью', греч. *νύξ*, *род. пад. νυκτός* 'ночь', алб. *nátë* 'ночь', лат. *пох*, *род. пад. noctis*, др.-ирл. *in-nocht* 'этой ночью', гот. *nahts*, др.-в.-нем. *naht* (нем. *Nacht*), др.-англ. *neaht*, *niht* (англ. *night*) 'ночь', лит. *paktis*, латыш. *pakts*, прус. *paktip* 'ночь', ст.-слав. *poštĭ* 'ночь'. Допущение утери лабиализа-

Главенствующее положение в индоевропейском пантеоне 'божества неба' $*t'i_{e}u-$, который именуется также $*t'i_{e}u(s)-p^{[h]}h_{t}^{[h]}er-$, можно вывести из верховной функции божеств, восходящих к этому общеиндоевропейскому божеству, в отдельных древних индоевропейских мифологических традициях.

В анатолийском божество $*Tiu-$ (хет. $\tilde{S}iu-$, лув. $Ti\check{u}a-$, пал. $Ti\check{i}a-$) занимает центральное положение среди остальных многочисленных божеств пантеона. В древнехеттском тексте царя Анитты бог $\tilde{S}iu-$ выступает в качестве главного бога племени, именуемого 'нашим богом Солнца' ($\tilde{S}iu\check{s}ummi\check{s}$), которому воздвигают храм и статую которого царь Анитта возвращает в Несу.

В ранней древнеиндийской традиции согласно "Ригведе" $Dy\acute{a}u\check{s} pit\acute{a}$ 'бог Неба-отец' выступает как прародитель всех небесных богов, в чем следует видеть его главенствующее положение в древнейшем индо-иранском пантеоне.

В греческой мифологии Зевс, бог ясного неба, который именуется также 'богом-отцом' ($Z\epsilon\upsilon\ \acute{\rho}\alpha\tau\epsilon\rho$), возвышается над всеми богами греческого пантеона. Аналогичное положение занимает в итальянском пантеоне Юпитер, являющийся эквивалентом греческого Зевса в итальянской мифологической традиции.

Первоначальная функциональная идентичность этих божеств в древних индоевропейских мифологических традициях при соотнесенности их наименований позволяет постулировать верховное божество $*t'i_{e}u\check{s}-p^{[h]}h_{t}^{[h]}er-$ в общеиндоевропейском пантеоне в качестве главного бога.

Верховное положение 'бога-отца' $*t'i_{e}u(s)-p^{[h]}h_{t}^{[h]}er-$ отражает главенствующую роль 'отца' $*p^{[h]}h_{t}^{[h]}er-$ в патриархальной индоевропейской семье, где ему подчинены дети (ср. выше, стр. 777, о сыновьях-близнецах и дочери верховного божества).

При постулировании различных социальных рангов уже к концу общеиндоевропейского периода и выделении особой социальной группы 'жрецов' верховное божество общеиндоевропейского пантеона $*t'i_{e}u(s)-p^{[h]}h_{t}^{[h]}er-$ можно соотнести именно с этой социальной группой и считать ее функциональным эквивалентом в мифологической системе.

3.4. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ БОЖЕСТВО «ГРОМА» И «БОЕВОЙ ДРУЖИНЫ»

Рядом с верховным божеством $*t'i_{e}u(s)-p^{[h]}h_{t}^{[h]}er-$ реконструируется 'бог грома и боевой дружины', 'покровитель походов'. Это божество ассоциируется с высокой скалой, достигающей небес, откуда низвергаются громы и молнии:

И.-е. $*p^{[h]}er(k^{[h]o})u-no-$: хет. $^D Pir\check{u}a-$ 'божество Пирва', 'бог на коне', ср. $\check{h}ekur\ Pir\check{u}a-$ 'гора Пирва' (см. выше, стр. 615) при хет. $peruna-$ 'ска-

ция в ряде диалектов (кроме хеттского и греческого, где происходит перенос лабиализации, см. выше, стр. 85 и след.) позволяет сопоставить формально все эти формы (вопреки мнению Peeters 1974a).

ла'; др.-инд. *Parjanya-* 'бог грома', 'бог дождя', ср. др.-инд. *parjanya-* 'дождевое облако' и др.-инд. *Párvata-* 'божество Горы' (ср. сложное слово *Índrāpárvata-* 'Индра и Парвата') при др.-инд. *párvata-* 'гора', 'горные облака' (см. выше, стр. 666), лит. *Perkūnas* 'бог грома', латыш. *Pērķūns* 'бог грома', др.-рус. *Перунъ* 'Перун', 'бог княжеской дружины', ср. др.-исл. *Fjörgyn* 'мать бога грома Тора', при гот. *faírguni* 'скала' (из формы женского рода на *-ī). В греческом и римском пантеонах индоевропейское божество 'дружины' и 'военного дела' представлено под другими наименованиями, соответственно греч. Ἄρης 'Арес', 'бог войны' и лат. *Mārs* 'Марс', 'бог войны'.

Индоевропейское божество походов и военного дела *p^[h]ler(k^[h])u-по- сопоставимо функционально с индоевропейским социальным рангом 'воинов'.

3.5. СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ВЕРХОВНЫМИ БОЖЕСТВАМИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПАНТЕОНА

Два высших индоевропейских божества *t'ieṅ(s)-p^[h]ler- и *p^[h]ler(k^[h])u-по-, символизирующие соответственно 'Солнце' и 'Грозу', противопоставлены друг другу и как олицетворения главных природных сил, обуславливающих 'солнечную' (*su-t'ieṅ- 'хороший день') и 'дождливую' погоду (*t'us-t'ieṅ- 'дурной день'). Тем самым наряду с социальными функциями они совмещали в себе хозяйственные функции, связанные с силами природы, обуславливающими плодородие земли и изобилие.

Эти последние функции могли в дальнейшем олицетворяться особым божеством, возникшим, очевидно, уже на сравнительно позднем этапе развития индоевропейской общности и соотносимым функционально с социальным рангом или рангами земледельцев и ремесленников. На сравнительно поздний характер этого особого индоевропейского божества—покровителя разных видов хозяйственной деятельности указывает уже и то, что названия отдельных божеств в древних индоевропейских традициях не сводимы этимологически друг к другу и не могут поэтому считаться производными от общей индоевропейской праформы¹. Поэтому реконструкцию этого божества в общеиндоевропейском пантеоне следует считать весьма условной и относящейся к периоду распада индоевропейской общности и выделения индивидуальных исторических индоевропейских традиций, где появление особых божеств—покровителей хозяйственной деятельности вызывает перенос хозяйственных функций с существовавших двух главных божеств на вновь появившиеся в соответствующих пантеонах божества, со специальными хозяйственными функциями.

Таким образом, для общеиндоевропейского пантеона с большой долей вероятия можно постулировать два главных божества:

¹ Это — бог плодородия *Телепину* у хеттов, *Ашвины* (*Aśvinau*) или *Насатья* (*Nāsatya*) в древнеиндийской традиции, *Квирип* (*Quirīpus*) — покровитель хозяйственной деятельности у римлян, др.-исл. *Фреуг* и др., ср. *Dumézil 1958; 1966*.

I *t^[h]ieu(s)-p^[h]ht^[h]er-, совмещающее в себе функции:

- a) верховное божество
- b) божество ясного неба и солнца
- c) божество, сопоставимое с функцией жречества
- d) божество—покровитель плодородия

II *p^[h]ler(k^[h])u-no-, совмещающее в себе функции:

- a) неверховное божество
- b) божество грозовой небесной скалы и молнии
- c) божество военной функции, сопоставимое с социальным рангом воинов
- d) божество—покровитель хозяйственной деятельности и плодородия

В отдельных исторических индоевропейских традициях при сохранении основных функций каждого из этих божеств и их обозначений происходит перераспределение некоторых из этих функций и перенос отдельных функций на появившиеся новые единицы пантеона. Это приводит к существенным преобразованиям в системах пантеонов отдельных исторических индоевропейских традиций по сравнению с исходной общиндоевропейской.

3.6. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ ПАНТЕОНА В АНАТОЛИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

В анатолийском пантеоне, в котором в историческую новохеттскую эпоху выделяется уже “тысяча богов”, функции верховного божества выполняются первоначально древним индоевропейским божеством, богом Солнца *Tiu- (хет. Šiu-, лув. Tiyaз), рядом с которым в пантеоне стоит бог Грозы DIM-unna- (DU, DIŠKUR)¹, лув. DTarhunza (этимологизируется от основы *tarh-, ср. хет. tarh- ‘побеждать’, Laroche 1959a : 127). Лувийское название божества предполагает совмещение богом Грозы военной функции, что может являться отражением общиндоевропейской особенности пантеона. В этом отношении характерно, что у хеттов при военной клятве (в отличие от других видов клятвы, ср. Oettinger 1976 : 41, 48), бог Грозы (DIŠKUR-aš) выступает как действующее лицо, мстящее клятвopеступнику : ki-e li-in-ga-uš šar-ri-iz-zi nu-uš-ši DIŠKUR-aš GIŠAPIN ar-ḫa du-ṣa-ar-na-a-ū “кто клятвы нарушит, тому бог Грозы плуг пусть напрочь разломает”, KUB XL 13+Rs. III 39—40.

Этимологически связанное с общиндоевропейским богом Грозы *p^[h]ler(k^[h])u-no- древнехеттское божество на коне Pirya- в хеттском пантеоне теряет функцию громовержца, отесняется на периферию и постепенно исчезает из пантеона. В наиболее архаичных древнехеттских текстах

¹ Ср. в тексте А н и т т ы : ne-pi-iš-za-aš-ta DIŠKUR-un-ni a-aš-šu-uš e-eš-ta “богу Грозы неба он был мил”, KBo III 22 Vs. 2.

ryam ‘колесо-солнце’, RV IV 30, 4 и др.), нападает на ‘дочь Неба’ (*duhitāraṇi divāh*), мнящую себя великой (*mahīyāmānām*, RV IV 30, 9) Ушас (*Uśās-*), и разбивает ее колесницу, чтобы ее унижить. В таких столкновениях Индры с другими богами можно видеть процесс постепенного его возвышения, приведший к превращению его в главное божество пантеона “Ригведы”.

Функцию покровителей хозяйственной деятельности—‘скотоводства’ и ‘земледелия’—в древнеиндийском пантеоне представляют Ашвины (*Aśvīnau*), два близнеца—сына верховного божества *Dyáuṣ pitā*. Колесница (*rātha-*) Ашвинов, в которую впряжены кони (*áśva-*), привозит блага ‘двуногим и четвероногим’ (*dvipáde cātuspadē*, RV I 157, 3).

Любопытно, что функция покровительства плодородию, которую в индоевропейском пантеоне совмещает в себе верховное божество **tʰi̯eu(s)-pʰh₂ter-*, переносится на его сыновей, Ашвинов, становящихся основными выразителями функции плодородия в древнеиндийском пантеоне.

Рассмотрение древнеиндийского пантеона в исторической перспективе (отчасти отраженной и в самих гимнах “Ригведы”) позволяет реконструировать процесс переноса основных функций верховного индоевропейского божества **tʰi̯eu(s)-pʰh₂ter-* на другие, вновь появившиеся божества при оставлении за др.-инд. *Dyáuṣ pitā* лишь символического значения небесного бога—праотца, прародителя всех остальных небесных божеств древнеиндийского пантеона.

3.8. ОТРАЖЕНИЕ ДРЕВНЕГО ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПАНТЕОНА В ГРЕЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ

В греческой мифологии Зевс (*Ζεύς*, род. п. *Διός*, он же *Zeū páter*, *зват. форма*) продолжает непосредственно верховное общиндоевропейское божество **tʰi̯eu(s)-pʰh₂ter-*, являясь главным богом греческого пантеона. Зевс—бог ясного неба, ‘обитающий на небесах’ (*αἰθέρι ναίω*), ‘с высоты правящий’ (*ὀψίζυγος*), ‘эгидодержец’ (*ἀγίοχος*); он—прародитель множества богов и мифологических существ.

На Зевса в греческом пантеоне переносятся функции второго индоевропейского божества **pʰh₂ter(kʰ)u-no-* (функции II b и c): функция громовержца, бога, связанного с ‘молнией’ и ‘высокой горой’, и военная функция. Зевс выступает и как ‘гремящий в высоте’ (*ὄψι-βρεμέτης*), ‘собирающий туч’ (*νεφέλη-γερέτα*), ‘мечущий молнии, перуны’ (*τερπι-κέραυνος*, *ἀστεροπητής*), ‘сверкающий молнией’ (*ἀργι-κέραυνος*), ‘обитающий на горе Олимпе’, ‘олимпиец’ (‘*Ολύμπιε Ζεῦ* ‘о, Зевс Олимпиец!’ А 508), ‘управитель боя’ (*ταμίης πολέμοιο*). Таким образом, греческий Зевс совмещает в себе все основные функции двух главных божеств общиндоевропейского пантеона. Это, очевидно, произошло в результате склеивания различных функций в одном божестве, что может отражать некоторые социальные преобразования в раннем греческом обществе со стиранием отчетливых границ между социальными рангами ‘жрецов’ и ‘воинов’, ср. *Hocart 1970: 304*.

Характерно, что уже для микенской Греции отмечается малочисленность жречества, не составлявшего к этому времени отдельной привилегированной группы. Ритуальные действия стали выполняться главой семьи или его домочадцами (ср. Блаватская 1976 : 153—154).

Такой перенос функций, связывавшихся с индоевропейским божеством $*p^{[h]}ler(k^{[h]})u-no-$, на верховное божество $*t^{[h]}ieu(s)-p^{[h]}Ht^{[h]}ler-$ (греч. Ζεὺς πατήρ) вызвал полное исчезновение в греческом пантеоне этого божества, функции которого вобрал в себя Зевс (Ζεύς). Лишь отдельные функции божества $*p^{[h]}ler(k^{[h]})u-no-$ стали выражаться новыми, собственно греческими божествами, подчиненными Зевсу (например, военная функция воплощалась особым божеством Аресом, Ἄρης, сыном Зевса и его супруги Геры, Ἥρα; ремесленная функция огня иковки металлов—их же сыном Гефестом, Ἥφαιστος и др.).

3.9. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕГО ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПАНТЕОНА В ИТАЛИЙСКОМ

В италийской традиции происходит перераспределение функций в пантеоне божеств, также как и в греческой, но в отличие от последней верховное италийское божество *Iūpiter*/*Iuppiter* 'Юпитер', продолжающее непосредственно и.-е. $*t^{[h]}ieu(s)-p^{[h]}Ht^{[h]}ler-$, переносит на себя не все функции второго общеиндоевропейского божества $*p^{[h]}ler(k^{[h]})u-no-$, а лишь функцию *Ib*, связанную с громом и молнией. Он, верховное божество, 'царь (*rēx*) неба', 'отец богов и людей' в то же время является 'громовержцем', 'блистающим молнией' (*Leucesie*, зват. ф., и. н. *Lūcetius*, ср. Dumézil 1966 : 183 и след.). Однако в отличие от греческого Зевса ему чужда военная функция (функция *Ic*) и все, что с ней связано¹. Эта функция, а также функция *Iid* (покровительство хозяйственной деятельности и плодородия), связывавшаяся в индоевропейском пантеоне с богом $*p^{[h]}ler(k^{[h]})u-no-$, переносится полностью на особое италийское божество $*mart-$ (римское *Mārs*, под. н. *Martis*), которое в древнем италийском пантеоне выступает как бог войны, связанный с конем², бог переселений³ и покровитель сельского хозяйства⁴ (при полной утере в италийском имени древнего индоевропейского божества $*p^{[h]}ler(k^{[h]})u-no-$).

¹ В древнем Риме 'жрец Юпитера' *flāmen Dīālis* не должен был ни в коем случае видеть войска, не должен был садиться на коня, не должен был видеть трупы или окровавленную плоть, ср. Dumézil 1966 : 158—159.

² *Марсу* приносится в жертву конь *Equus October* (ср. выше, стр. 552) на Марсовом поле (*Campus Martius*), Dumézil 1966 : 160, 217—220, 277.

³ *Марс* считался покровителем юношей, которые согласно обету *uer sacrum* 'весна священная' должны были переселяться по достижении совершеннолетия с обжитых мест на новые территории. *Дю мезиль* возводит этот обычай к древнему индоевропейскому, заставлявшему индоевропейцев двигаться все дальше от своей первоначальной территории, ср. Dumézil 1966 : 211.

⁴ К богу *Марсу* в древнем Риме обращались с молитвой о сельскохозяйственном изобилии и плодородии. В молитве, приводимой *Катоном*, обращаются к *Марсу-отцу* (*Mars pater*) с просьбой защитить от болезней, отвратить недород и голод, послать рост и

В римском пантеоне в качестве особого бога—покровителя хозяйства рядом с Марсом выступают боги *Quirinus* и *Ops* (буквально: 'Изобилие').¹ Относительно поздний характер этих божеств в римском пантеоне виден уже из того, что в умбрских игувинских таблицах место Квирина занимает *Uofione* (*Dumézil 1966: 148, 155*). Характерно, что при функциональной и этимологической соотнесенности друг с другом первых двух божеств в разных исторических индоевропейских традициях третье божество, связанное преимущественно с хозяйственной функцией, показывает этимологическую несводимость друг к другу уже в пределах близкородственных традиций. Это может явиться лишним свидетельством наличия двух основных божеств в индоевропейском пантеоне, совмещавших в себе определенные функции и отразившихся в несколько преобразованном виде в отдельных исторических индоевропейских традициях при отсутствии четко оформленной третьей единицы пантеона, которая, наделенная конкретными хозяйственными функциями, формируется уже в истории отдельных традиций.

3.10. СЛЕДЫ ДРЕВНЕЙ СИСТЕМЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПАНТЕОНА В ДРУГИХ «ДРЕВНЕЕВРОПЕЙСКИХ» ТРАДИЦИЯХ

В балтийской мифологии еще реконструируется противопоставление двух основных богов, восходящих к главным индоевропейским богам: балт. **Deiças* (прусс. *deiws*, лит. *diēvas*, латыш. *dievs* 'бог'), о котором в литовских и латышских фольклорных текстах сообщается, что он живет на небесах, и балт. **Percūnas* 'бог грозы' (лит. *Perkūnas*, латыш. *Pērķūns*), который считается жившим раньше на земле, а позднее взятым на небо богом **Deiças* (ср. *Skardžius 1964; Иванов/Топоров 1974: 21—22 и след.*).

В славянской мифологии сохранялось индоевропейское божество грома и военной дружины **Perunŭ*. Оно становится на первое место, вытесняя верховное божество, название которого заменилось в славянском термине иранского происхождения **bogŭ* (ср. *Нарр 1978*). Название древнерусского бога *Стрибогъ* (из **ptr- + *bogŭ*) еще отражает статус верховного славянского божества при замене славянского эквивалента общеиндоевропейского **t'ieŭ-* на слово иранского происхождения. Однако в древнерусской традиции *Стрибог(ъ)* представляет уже не верховное божество, а выражает, по-видимому, функции, связанные с некоторыми природными явлениями. В этом (как, впрочем, и в соотношениях в балтийской мифологии) можно усмотреть некоторую типологическую аналогию с

благоденствие злакам, хлебу, лозам и посадкам, сохранить здоровыми 'пастухов и скот' (*pāstōres rescuāque*), ср. *Тронский 1953: 139*.

¹ Ср. древнехеттскую формулу LUGAL-i Piḡaš ḥarriḥzi 'царю Пирва дает богатство' (см. выше, стр. 746) с глагольной формой ḥarriḥ-, этимологически родственной лат. *Ops*. К ритуальному употреблению общеиндоевропейского **H₂or^{h1}*- ср. также др.-в.-нем. *iuoba* 'праздник'.

ограничением роли верховного божества *Dyáuš pitā́*, оттесняемого в ведийском пантеоне Индрой.

В германской и, по-видимому, кельтской мифологиях при сохранении в общем функциональных соотношений божеств индоевропейского пантеона почти полностью заменяются древние индоевропейские их названия на новообразования более позднего периода, ср. *Polomé 1970*.

В германском пантеоне верховное божество, совмещающее в себе функции жреческого бога и предводителя воинов, носит название др.-исл. *Óðinn*, др.-англ. *Wōden*, др.-в.-нем. *Wuotan*, ср. *Höfler 1974* (от и.-е. **ǵatlh₁-*; лат. *uāiēs* 'прорицатель', 'пророк', др.-ирл. *fáith* 'пророк' и др., *Meid 1974* : 32; *Pokorny 1959* : 1113); это — бог магического знания, ведающий 'руны', бог—предводитель войска мертвых. В качестве бога-громовержца, имеющего и военные функции, выступает др.-исл. *Þórr*. Рядом с ним в древнеисландском пантеоне еще сохраняется имеющее юридические функции божество *Týr*, восходящее к германскому **teiwaz* (и.-е. **t'eiuos*), но уже не находящееся на высшем уровне в пантеоне, ср. функцию этимологически соответствующего лит. *Dīēvas*, а также др.-рус. *Стрибогъ* (см. *de Vries 1956, I; 1957, II; Tonnelat 1948*).

В древнекельтском пантеоне соответствующие божества представлены богами галл. *Lug* (бог магических сил и бог—предводитель в войне), др.-ирл. *Dagda* (высший бог жрецов-друидов) и некоторыми другими, см. *de Vries 1961; Vendryès 1948*.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ РИТУАЛОВ.
ПРАВОВЫЕ, МЕДИЦИНСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ. ИДЕЯ
ЗАГРОБНОГО МИРА И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБЩИЕ ДУХОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И РИТУАЛЫ

1.1. РИТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ПРАКТИКА РАНГА «ЖРЕЦОВ»

Допущение в общиндоевропейском социальном устройстве особого ранга 'жрецов', занимавшихся в сущности всей многообразной духовно-правовой и религиозно-ритуальной деятельностью, характерной для древних обществ, предполагает наличие в общиндоевропейском целой сети разветвленной терминологии, отражающей эту деятельность и соответственно правовые и религиозно-ритуальные нормы древнего индоевропейского общества.

1.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ОСНОВНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ПОНЯТИЙ

Общиндоевропейское значение 'верить', 'уповать', 'питать доверие' выражается древним словосочетанием (позднее словосложением) *k^hlret'-d^hleH-, буквально: 'класть сердце':

Др.-инд. *śrad-dhā* 'доверие', *śrād-dadhāti* 'доверяет' (ср. *śrāt te dadhāmi* 'я тебе верю', RV X 147, 1), авест. *zrazdā-* 'верить', лат. *crēdō* 'верю', др.-ирл. *cretim* 'верю'. Сомнения относительно связи и.-е. *k^hlret'-d^hleH- со словом для 'сердца' *k^hler-t'-, на основании чего предлагается другая этимология этого словосочетания (ср. *Benveniste 1969, I : 171—179*)¹, не могут считаться убедительными уже в свете новейших данных древнехеттского языка, где представлено словосочетание *k(a)ratan dai-* 'вложить сердцевины' (от слова *k(a)rat-* 'сердцевина', 'внутренность', *общ. р.* при

¹ Сомнения Бенвениста вызваны, прежде всего, формальным отличием *k^hlret'- в *k^hlret'-d^hleH- от основы *k^hler-t'- 'сердце': греч. *κῆρ*, гом. *κράδιη*, арм. *sirt*, лат. *cor*, *род. п. cordis*, др.-ирл. *críde*, гот. *hairtō*, др.-в.-нем. *herza* (нем. *Herz*), др.-англ. *heorte* 'сердце' (англ. *heart*), лит. *širdis* 'сердце, сердцевина', ст.-слав. *srūdīce* 'сердце' (ср. *Szemerényi 1970a*) при др.-инд. *hṛd-* 'сердце', авест. *zərəd-* 'сердце'. При этом в древнеиндийском и среднеиранском слово др.-инд. *śrad-*, пехл. *sgād-* означало 'залог', 'доверие'. Но само это значение следует считать производным от значения 'верить, уповать, доверять', выражаемого данным словосочетанием, но не наоборот. Ср. значение лат. *sgē-*

ker, род. п. *kardiiaš* ‘сердце’, ср.п.): *nu-uš-ma-aš* DINGIR^{DIDL}-*ēš ta-ma-i-in ka-ra-a-ta-an da-i-ir* (КВо XXII 2 I 16) “и им боги другую сердце-вину вложили”. В словосложении **k^hret^h-d^hleH*- древнее индоевропейское слово для ‘сердца’ выступает в Состоянии II: **k^hret^h-et^h*- (активный класс) при Состоянии I: **k^hret^h-t^h*- (инактивный класс) ‘сердце’ как орган; И.-е. **sak^h*- ‘священный’, ‘освящать’, ‘обряд’: хет. *šaklai-* ‘обряд’, ‘ритуал’, ‘священный обычай’¹, лат. *sacer*, ср. п. *sacrum* ‘священный’, ‘святой’, ‘внушающий благоговейное уважение’ (ср. *sacra publica* ‘общественные обряды’, ‘священные праздники’, *sacra gentilitia* ‘родовые священные обряды’). В латинском с этим словом связан целый ряд производных — форма с назальным инфиксом *sanctus* ‘святой’², *sancio* ‘освящаю’, ‘учреждаю’; словосложения *sacerdos*, род. п. *sacerdotis* ‘жрец’, ‘жрица’ и *sacrificāre* ‘совершать жертвоприношение’ (из древних сочетаний *sacr-* с **d^hleH*- ‘клясть’).

И.-е. **eisHro-* ‘наделенный священной силой’, ‘священный’: др.-инд. *īśirá-* ‘мощный’, ‘могущественный’ (по отношению к мифологическим существам), греч. дор. *ἰερός*, аттич. *ἱερός* ‘священный’, ‘сильный’, ‘подвижный’.

Признание общиндоевропейского характера слова зависит в большой степени от трактовки его возможной связи с итальянскими формами: оск. *aisusis* ‘sacrificiis’, умбр. *esono-* ‘sacer’, ‘sacrificalis’, вольск. *esaristrom* ‘sacrificium’, ср., однако, этрус. *aisuna*, *aisna*, *eisna* ‘божественный’; в случае связи итальянских форм с этрусским **ais-* ‘бог’ вопрос о соотношении их с индоевропейскими (греческой, древнеиндийской) отпадает (ср. *Benveniste 1969, II : 197*), что сделало бы сомнительным общиндоевропейский характер этого слова и превратило бы его в греческо-индо-иранскую ареальную изоглоссу.

К ареальным лексическим изоглоссам в значении ‘священный’, ‘наделенный священной силой’ могут относиться также авест. *spənta-* ‘священный’, лит. *šveñtas* ‘священный’, прус. *swent-* (в сложных именах), латыш. *svinēt* ‘освящать’, ‘праздновать’, ст.-слав. *svetŭi* ‘святой’, рус. *святой* (и.-е. **k^huen-t^hlo-*, ср. также выше, стр. 102₁). Это слово рифмуется с ареальным и.-е. **suent^hlo-* ‘крепкий’, ‘здоровый’, реконструируемым на основании германских форм: гот. *swinþs* ‘крепкий’, ‘здоровый’, др.-исл. *svinnr* ‘мощный’, ‘мудрый’, др.-англ. *swið* ‘крепкий’, др.-в.-нем. *gisunt* ‘здоровый’ (нем. *gesund*), др.-англ. *gesund* (ср. англ. *sound* ‘здоровый’). Рифмованность, но не тождественность, индоевропейских ареальных образований **k^huen-t^hlo-* // **suent^hlo-* устанавливается (вопреки Уоткинсу,

ditum ‘ссуда, долг, кредит’ как производное от *scēdō* ‘верю, доверяю’ и др. При этом следует отметить, что ‘сердце’ часто выступает в различных языках в словосочетаниях, выражающих расположение к чему-либо, доверие к кому-либо и др., ср. рус. *сердце лежит к чему-либо*, *доверять всем сердцем*, др.-рус. *вложити в(ъ) сердце* и др.

¹ Ср. в гимне Богу Солнца KUB XXXI 127 I 16—17: *ud-ni-ia-an-da-an ša-ak-la-in iš-ḫi-ú-ul zi-ik-pát ḫa-an-te-iš-ki* “стран обряд, договор ты именно учреждаешь”.

² Ср. *Sanctum est quod ab iniuria hominum defensum atque tūpitum est* “священно то, что защищено и ограждено от несправедливости людей” (ср. *Benveniste 1969, II : 189*).

Watkins 1971 : 1502) на основании литовской формы *šveĩtas*, которая предполагает начальное *k^(h)u-, но не *su-.

И.-е. *aiu- 'жизненная сила', 'вечность', 'продолжительность жизни': др.-инд. *āyu-* 'жизненная сила' при прилагательном *āyú-* 'подвижный', 'сильный', авест. *āyū* 'продолжительность жизни', греч. гом. *αἰεῖ* 'всегда', 'постоянно', *αἰών* 'жизненная сила', 'продолжительность жизни', лат. *aevus*, *aevum* 'время жизни', 'век', 'вечность', *aetās* 'время жизни', *aeternus* 'вечный', гот. *aiws* 'время', 'вечность', 'мир', др.-в.-нем. *ēwig* 'вечный' (нем. *ewig*). И.-е. слово *aiu-*, судя по семантике его производных в отдельных исторических индоевропейских диалектах (в особенности индоирано-греческом), выражало понятие некоторой циклической жизненной силы, которая переходила от одной жизни к другой и с которой была связана идея 'вечности', ср. *Benveniste 1937*. Вместе с тем от этой же основы образовывалось индоевропейское название 'юноши', 'самого юного': лат. *iouiste* (религиозный эпитет, ср. *iuuenis* 'молодой', 'полный сил'), др.-инд. *yáviṣṭha-* 'самый молодой' (*Watkins 1975i*).

И.-е. *Hner-(t^hl)- 'жизненная сила', 'мужская сила': хет. *innaraṣatar* 'жизненная сила', 'высшая сила', *innaraṣant-* 'сильный', лув. *annarummi-* 'сильный', *annarummaḥit-* 'жизненная сила' (≈ хет. *innaraṣatar*), др.-инд. *nár-* 'мужчина', 'человек', авест. *nar-*; др.-инд. *sūnára-* 'полный жизненной силы', 'юношеский', авест. *hunara-* 'чудесная сила', др.-инд. *nṛtū-* 'герой', *sūnṛtā* 'жизненная сила' (ср. др.-ирл. *so-nirt* 'сильный', валл. *hy-nerth* 'сильный'), осет. *Nart-* 'нарт' (см. выше, стр. 190); древнегерманское божество *Nerthus* (*Polomé 1954; 1970 : 57—58*), арм. *ayr, rod. n. aín* 'человек', 'мужчина', греч. *ἀνήρ* 'мужчина', гом. *ἡγορέη* 'мужественность', алб. *njerí* 'человек', 'мужчина', лат. *neriōsus* 'сильный', валл. *ner* 'герой', *nerth* 'мужественность', др.-ирл. *nerí* 'мужественность'.

В анатолийском индоевропейское *Hner-(t^hl)-, связывавшееся преимущественно с чудодейственной мужской силой, приобретает значение 'жизненной силы' вообще, вытесняя тем самым в этом значении индоевропейское *aiu-, которое не отражено в анатолийском и заменено производным от *Hner- в расширенном значении. Наличие обеих этих лексем в общиндоевропейском со специфической метафизической семантикой достоверно устанавливается сопоставлением этих слов в исторических индоевропейских диалектах. При этом *aiu- означало, по-видимому, 'юношескую жизненную силу' при *Hner-(t^hl)- — обозначении 'мужской силы', 'зрелости'.

1.3. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБРЯДОВ

И.-е. *aru- 'молиться, возносить молитву': хет. *aruṣaizzi* 'молится', 'склоняется', греч. гом. *ἀράομαι* 'молюсь', 'возношу мольбу', *ἀρή* 'мольба'; 'проклятие' (из *arFā), ср. умбр. *aroes* 'precibus' (*Gusmani 1968 : 63—64*);

И.-е. *or- 'молить, запрашивать богов': хет. *ariia-* 'устанавливать с помощью оракула' (*Kammenhuber 1976*), др.-инд. *āryati* 'восхваляет', лат.

ōrāre (*deōs*) 'молиться богам', 'просить', 'говорить', *ōrāculum* 'оракул' (первоначально: 'место, где обращались к божеству', *Benveniste 1948a: 120*), оск. *urust* 'ōrāverit', рус. *орать*, сербо-хорв. *ōriti se* 'отдаваться' (о звуке);

И.-е. **muk*¹- 'молиться', 'произносить молитвенные слова': хет. *tu-gai*- 'молиться', *tugaṣar* 'молитва', умбр. *tuga*- 'шептать', 'произносить тихим голосом' (*Gusmani 1968: 64*), ср. лат. *con-mūgentō* 'сопвочантō', 'созываю', 'призываю', *mūgiō* 'мычу' (ср. выше значение рус. *орать* при лат. *ōrāre* 'молиться', хет. *ariṣa*- 'устанавливать с помощью оракула');

И.-е. **meld*^[h]- 'молиться, совершая жертву', 'возносить молитвенные слова богам': хет. *maldai*- 'молиться', 'обращаться к богам с торжественным обещанием принести жертву', арм. *maltē* 'молюсь', лит. *meldžiu* 'молюсь', ст.-слав. *moliti* 'молиться', др.-рус. *молить* 'молить, принося жертву', др.-в.-нем. *meldōn* 'сообщать', 'доносить' (нем. *melden*), др.-англ. *meld* 'ознакомление', ср. *Benveniste 1932b*¹;

И.-е. **Heug*^[h]⁰-/**Hueg*^[h]⁰- 'торжественно восхвалять, принося жертву', 'возносить молитву': др.-инд. *vāghāt*- 'молящийся, приносящий жертву', 'устроитель жертвоприношений', авест. *aog-* (*aogadā*, *aoxta*) 'торжественно объявлять', 'произносить', греч. *εὐχομαι* 'молюсь', 'торжественно обещаю', 'даю обет', *εὐχή* 'мольба', 'молитва', 'обет', лат. *uoued* 'торжественно обещаю', 'даю обет', 'жертвую', *uōtum* 'жертва', 'обет'. С этой группой слов следует увязать, по всей видимости, хет. *ḫuek-/ḫuk*- 'заклинать', 'произносить заклинание' (3 л. ед. ч. *ḫuekzi*, 3 л. мн. ч. *ḫukanzi*). Формально — это слово, восходящее к основе в состоянии II **Hueg*^[h]⁰- (хет. *ḫuek*-), с нулевой огласовкой суффикса в форме **Hu-g*^[h]⁰- (хет. *ḫuk*-)² к нулевой ступени ср. арм. *uzet* 'я хочу', *u-uzet* 'ищу'.

Такая этимология хеттского слова дает основание объединить его с хет. *ḫuek-/ḫuk*- в значении 'закалывать', 'расчленять'. Объединение этих слов как разных семантических вариантов одного и того же слова оправдано семантикой исходного индоевропейского слова с предполагаемым значением 'восхвалять', 'возносить молитву с жертвоприношениями'. В хеттском следует допустить определенный сдвиг значения: 'восхвалять', 'возносить молитву' ⇒ 'заклинать', что и могло повлечь за собой семантическое расщепление и обособление слова *ḫuek-/ḫuk*- в значении 'закалывать' (первоначально, очевидно, 'закалывать жертвенное животное')³;

¹ *Семереньи* возводит это слово к корню **mel-* 'говорить, произносить' (хет. *malai-* 'одобрять', греч. *μέλος* 'песня', *Szemerényi 1954*).

² Предлагаемая *Стертевантом* связь хет. *ḫuek*- с лат. *uōx* 'голос', др.-инд. *uōk* (и.-е. **Huek*^[h]⁰-), см. *Sturtevant 1933: 80*, наталкивается как на семантические трудности, так и на формальные (отсутствие удвоения *-kk-* в хеттских формах). Отсутствие конечного *-ц-* в хеттском слове, ожидаемого в качестве рефлекса конечного индоевропейского **-g*^[h]⁰- (хет. *ḫuek*- вместо ожидаемого **ḫuekц-*), можно было бы объяснить его диссимиллятивной утерей (как, впрочем, и при допущении связи этого слова с и.-е. **uek*^[h]⁰-).

³ В отличие от рассмотренного выше слова, общиндоевропейский характер которого удостоверяется окончательно при принятии связи его с соответствующими хеттскими

И.-е. *kʰlʰens- ‘торжественно провозгласить’, ‘предписать’, ‘объявлять’: др.-инд. *śámsati* ‘восхваляет’, ‘провозглашает’, *śámsa-* ‘восхваление’, ‘хвала’, ‘хвалебная молитва’, ‘благословение’; ‘проклятие’, авест. *sānghaite* ‘торжественно произносит’, др.-перс. *ḫātiy* ‘говорит’, ‘провозглашает’ (ср. в надписях Ахеменидов: *ḫātiy Dārayavauš* ‘так говорит Дарий’, *adāha* ‘предписал’, ср. *Benveniste 1969, II: 147*), алб. *thom* ‘говорю’, лат. *cēnsēō* ‘сужу’, ‘оцениваю’, ‘определяю’, ‘полагаю’ (ср. лат. *cēnsor* ‘цензор’, ‘магистрат’, оск. *kenzsur, keenzstur* ‘цензор’, др.-инд. *śamstar-* ‘тот, кто торжественно провозглашает’). К этой группе слов можно отнести греч. κόσμος ‘порядок мира’, ‘построение’ (ср. *Watkins 1971: 1522—1524*).

И.-е. *naH- ‘бояться’, ‘почитать’ (богов), ‘стыдиться’: хет. *naḫ-* ‘бояться’, ‘почитать’, ‘благоговеть’, *naḫḫan* ‘почтение’, ‘благоговение’¹, *naḫḫant-* ‘боязливый’, ‘осторожный’², *naḫḫarija-* ‘бояться’, *naḫḫaratt-* ‘страх’, ‘благоговение’, др.-ирл. *nár* (из **nā-sro-*) ‘боязливый’, ‘застенчивый’, *náire* ‘стыд’. Общеиндоевропейский характер корня удостоверяется формальным соответствием между анатолийским и кельтским. Первичность анатолийской семантики по сравнению с кельтской можно вывести по общетипологическим семантическим соображениям: ‘боязливый’, ‘благоговейный’, ‘почтительный’ ⇒ ‘стыдливый’, но не наоборот.

К этой же группе слов общеиндоевропейского происхождения, связанных с почитанием бога и с жертвоприношениями богам, относится целый ряд других лексических образований, рассмотренных выше в связи с терминологией, отражающей жертвенные подношения (‘жертвенные животные’, ‘еда’, ‘напитки’, см. выше, стр. 701 и след.).

И.-е. *kʰen-/*kʰʷn- (в активной или медиальной форме с суффиксом и превербом) ‘признавать’, ‘опознать’; ‘признаваться’, ‘сознавать вину, грехи’: хет. *kaneš-* ‘признать’, ‘опознать’; ‘сознавать вину, грехи’ (ср. *ni-tu ušdul-mit teddu n-e-z-an kaneš-mi* ‘пусть он [т. е. мой бог] назовет мои грехи и я их признаю’); вед. *prati-jñā-* ‘признавать’, ‘сознаваться’; греч. *συνγυνώσχω* ‘осознаю’ (*σύνγνωθί μοι* ‘дай мне осознать’), лат. *agnōs-*

формами, выделяется несколько слов с аналогичной семанткой, ограниченных отдельными диалектными общностями (в основном, греческо-арийским и ‘древнеевропейским’ диалектными объединениями): др.-инд. *uájati* ‘читит молитвой и жертвоприношениями’, *ijúá* ‘жертва’, *uájā-* ‘почитание богов’, ‘жертва’, авест. *uzaitē* ‘читит’ (ср. *uzamaide* ‘мы чтим’ как начальную формулу авестийских гимнов и молитв, *Thieme 1968 e: 204 и след.*), *uzapa-* ‘почитание богов’, ‘жертва’ (название части ‘Авесты’), греч. *ἄζομαι* ‘страшусь’ (богов), *ἄγιος* ‘святой, священный’, и.-е. **jakʷ-* (греко-арийское диалектное слово); лат. *uicītima* ‘жертвенное животное, жертва’, гот. *weihs* ‘священный’, др.-в.-нем. *wīh, wīhi* ‘священный’ (ср. ср.-в.-нем. *wīhen* *pahten*, откуда нем. *Weihnachten* ‘праздник рождества’), др.-англ. *wēoh, wīg* ‘образ бога’ (и.-е. **weikʰlʰ-*, итало-германская лексическая изоглосса в ритуальном значении); лат. *faueō* ‘благоговейно безмолвствую, молчу, благоволю’, ст.-слав. *говѣјо* ‘что, преклоняюсь’ (в религиозном смысле), ср. рус. *говеть* (и.-е. **gʰlʰo-*, итало-славянская лексическая изоглосса в ритуальном значении).

¹ Ср. в ‘Автобиографии Хаттусили’: *A.NA D1ŠTAR GAŠAN.IA naḫḫan ešdu* ‘да будет благоговение по отношению к Иштар, моей госпоже’.

² Ср. в ‘Наставлении служителям храма’: *mekki naḫḫanteš eštin* ‘(по отношению к огню) будьте очень осторожны!’.

cō (<*ad*+<*gnō*-) 'признавать', 'сознаваться', др.-англ. *opcñawan* 'признавать', лит. (*pri*)*pažinti* 'признавать', латыш. *pažīt* 'узнать', *atziť* 'признать (свои ошибки)', ст.-слав. *sŭznati* (*se*) 'сознаться', рус. *сознавать(ся)*, алб. *njoh* 'знать, узнавать', 'признавать (права)', см. *Watkins 1978*.

1.4. ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ОБРЯДОВ ГАДАНИЯ

Общеиндоевропейскую ритуальную терминологию предсказаний отражают слова, связанные с обрядами гаданий:

И.-е. **sak*'- 'узнавать по приметам', 'спрашивать (волю богов)': хет. *šagai*- 'предзнаменование', 'знак', *šakiša*- 'открывать (посредством оракула)', лат. *sāgus* 'вещий', *sāga* 'предвещательница', *praesagium* 'предзнаменование' (ср. *Kammenhuber 1976 : 196*), др.-ирл. *saigim* 'допытываюсь', 'ищу', гот. *sōkjan* 'искать', 'обсуждать', др.-англ. *sācan* (англ. *seek*), др.-в.-нем. *suohhen* (нем. *suchen*) 'искать', ср. греч. ἡγέομαι 'веду', 'предводительствую'. Первичное ритуальное значение индоевропейского слова проявляется в хеттском и латинском — в двух древних традициях, где практика испрашивания воли богов и гадания сохраняется вплоть до исторического времени. В германском слово приобретает уже общее значение 'расспрашивание, допытывание', превращаясь отчасти в юридический термин: ср. др.-исл. *sok* 'судебное дело', др.-англ. *sacu* 'судебное разбирательство', 'судебное дело' (англ. *sake*), др.-в.-нем. *sahha* 'судебное дело' (нем. *Sache*) и др. Особый путь семантического преобразования должно было пройти греч. ἡγέομαι, приобретшее значение 'предводительства';

И.-е. **Ho-* 'считать истинным', 'верить в предзнаменование': хет. *ha*- (1 л. ед. ч. *hami*) 'верить', 'считать истинным', 'верным', лат. *omen* 'знак', 'предзнаменование', 'торжественный обычай', 'обряд, сопряженный с наблюдением примет' (ср. лат. *omen ... accipere* 'принимать за истинное', *Benveniste 1962a : 11*). Хетто-италийское лексическое соответствие дает основание по схеме диалектного членения постулировать данное слово в сходном значении для общеиндоевропейского.

1.5. ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ РИТУАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

Общеиндоевропейская правовая терминология смыкается с обрядовой терминологией, что указывает на невычлененность правового института из ритуально-обрядовых представлений, которыми и определялись правовые нормы древних индоевропейцев. Правовые нормы этого общества — это часть целой системы ритуальных установлений, контролируемых "жречеством", которое объединяло в себе все функции духовной деятельности и регулирования основных социальных норм:

И.-е. **ieco-* 'установление', 'ритуальное правило', 'ритуальная норма': др.-инд. *yoh* 'здравие, благополучие' (в сочетании *śam yoh* 'счастье и здоровье'), авест. *yaōzdā-* 'сделать соответствующим культовой норме' (из **yaoš*+**dā*- 'класть'), *yaōzdāti*- 'ритуальное очищение' (*Benveniste 1969, II : 113*); ст.-лат. *iouis* (лат. *iūs, под. n. iūris*) 'право', 'система правил',

‘власть’, *iūstus* (ст.-лат. *iouestōd*) ‘справедливый’, ‘законный’, ‘сообразный с законом’, *iārō* ‘произношу клятву’, др.-ирл. *huisse* ‘справедливый’, ‘законный’ (из **iūs-tijos*, Pokorny 1959 : 512). Обнаружение соответствий в арийско-итало-кельтском позволяет считать данное слово с ритуально-правовой семантикой общеиндоевропейским по происхождению;

И.-е. **t'eikʰl-* ‘предназначение’, ‘указание’, ‘направление’, ‘закон’: хет. *tekkuššai-* ‘указывать’, ‘представлять’ (*ištarna tekkuššai-* ‘среди [других] выделить’, ‘отметить’, ‘узаконить’), *tekkuššanu-* ‘указывать’, ‘обнаружить’, ‘представить’ (Friedrich 1930, 2 : 220), др.-инд. *diśāti* ‘показывает’, ‘указывает’, *diṣṭi-h* ‘указание’, ‘предписание’, *diśā* ‘направление’, греч. δεικνύμι ‘показываю’, ‘указываю’ (ср. хет. *tekkušša-nu-*), δίκη ‘право’, ‘знак’, ‘знамение’ (бога) (ср. Palmer 1950 : 158), δίκασ-πόλος ‘творящий суд’, ‘судья’, δίκαιος ‘справедливый’, ‘приличествующий’, лат. *dīcāre* ‘торжественно возвещать’, ‘посвящать’, ‘освящать’, ‘жертвовать’¹ / *iūdex* ‘судья’² / гот. *ga-teihan* ‘показывать’, ‘объявлять’ (ср. *taikns* ‘знак’, ‘знамение’, ‘чудо’, др.-в.-нем. *zeihhan* ‘знак’, нем. *Zeichen*, др.-англ. *tæcan* ‘учить’, (англ. *teach*)³ / др.-в.-нем. *zeigōn* ‘указывать’ (нем. *zeigen*);

И.-е. **leik-* ‘связывать’, ‘давать обязательство’, ‘клясться’, ‘связывать обязательством’: хет. *lingai-*, *lingan* ‘клятва’: *linkijaš* DINGIR^{MES} ‘боги клятвы’, *linkijanteš* ‘боги клятвы’ (Oettinger 1976 : 41); лат. *ligō* ‘связываю’, ‘соединяю’, *obligatiō* ‘долг’, *alligō* ‘привязываю’, ‘закрепляю’, ‘обязую’ (*lex alligat* ‘закон обязывает’, *caput suum alligāre* ‘поручиться своей головой’ и др.), ср. Gusmani 1968 : 64. Из форм других диалектов ср. греч. λυγώντιον ‘φρατρία’ (Гесихий), лит. *laigōnas* ‘брат жены’, укр. *полигатиця* ‘сойтись, связаться с кем-либо’;

И.-е. **mHr-/n-(tʰl)-* ‘рука’, ‘власть’, ‘отдавать во власть’, ‘править’: хет. *maniḫaḫ-* ‘вручать’, ‘передавать (власть)’, ‘править’, *maniḫaḫai-* ‘правление’, ‘власть’⁴ / ср. ^{LU}*maniḫaḫhatalla-* ‘правитель’, ‘наместник’, лат. *manus* ‘рука’, ‘власть’, *aliquid in manu alicuius ponere* ‘что-либо во власть чью-либо предоставить’, *manus viri* ‘власть мужа по отношению к жене’ (ср. *in manum autem feminae tantum conveniunt* ‘во власть — *manum* — только женщины переходят’, ср. Watkins 1970a : 325), *mandō* ‘вручаю’, ‘передаю’ (из **manu-* + **dhē-*, к семантике ср. хет. *maniḫaḫ-*), умбр. *manuv-e* ‘in manu’, ср.-ирл. *montar*, *muinter* ‘законная жена’, др.-исл. *mund*

¹ В латинских значениях слова все еще проглядывает связь с первичной ритуально-религиозной семантикой.

² Словосложение из **ieṭ-t* + **deik-* в значении ‘указывающий закон, предписания’.

³ Указанные германские формы показывают рефлекс индоевропейской фонемы **kʰl*, не перешедшей в соответствующий спирант ввиду отражения в них непридыхательного аллофона фонемы, см. выше, стр. 28 и след.

⁴ Ср. в архаическом ритуале KUB XXIV 1 I 17—18, 23—24: LUGAL-i-ma-mi DINGIR^{MES} DUTU-uš DIŠKUR-aš-ša ut-pe-e É-ir-mi-it-ta ma-ni-ia-aḫ-ḫi-ir... LUGAL-ú-e-mi ma-ni-ia-aḫ-ḫa-en GIŠḫu-lu-ga-ap-pi-en GIŠDAG-iz a-ḡu-pa-za ú-da-aš ‘мне же, царю, боги Солнца и Грозы страну и дом свой во власть передали... Мне, царю, власть (царскую), повозку (Бог) Престола из-за моря принес’.

ж. р. 'рука', *tundr*, м. р. 'брачный выкуп за невесту и приобретенная мужем по выкупу власть опекуна', др.-англ. *tund* 'рука', 'защита, охрана', др.-в.-нем. *foratundo* 'опекун' (нем. *Vormund*, ср. нем. *mündig* 'совершеннолетний', *Paul* 1956, II : 710); ср. греч. *μᾶρη* 'рука' (по толкователям Гомера то же, что *χεῖρ*), ср. гом. *μάρκτω* 'хватать, держать'.

Индоевропейская праформа восстанавливается, таким образом, в значении 'рука' как 'символ власти', что и отражено в анатолийском, в итало-кельтском и германском. В ряде диалектов слово сохраняет еще значение собственно 'руки' (италийский, отчасти греческий). Это индоевропейское слово в значении 'рука как символ власти' противостояло лексеме **ǵʰles-ǵ-/*ǵʰles-tʰlo-* в значении 'рука как часть тела'. В исторических индоевропейских диалектах происходит перераспределение значений этих форм и закрепление за одной из них специфического значения: в анатолийском в значении 'рука как часть тела' продолжает функционировать основа **ǵʰles-ǵ-* (ср. также греч. *χεῖρ*, см. выше, стр. 785), тогда как другая основа **mǵr-/n-* сохраняется лишь в производных образованиях в переносном значении 'власть', 'правление' (в греческом реликтовом слове *μᾶρη* также в значении 'рука'). В италийском вытесняется основа **ǵʰles-ǵ-*, и другая основа **mǵr-/n-* становится основным названием 'руки' как части тела при сохранении символического значения 'власти', 'правления';

И.-е. **serkʰl-* 'возмещать причиненный убыток': хет. *šarnink-* 'возмещать убыток' (за кражу, повреждение), 'искупать вину (перед богом)', *šarnikzel* 'возмещение', 'искупление вины'¹/лат. *sarciō* 'возмещаю (ущерб)' (ср. в архаических юридических контекстах *noxiam sarcire* 'возместить ущерб', см. об этом *Watkins* 1970a : 329); ср. относящееся этимологически к этому же корню греч. гом. *ῥρκος* 'клятва', *ῥρκιον* 'клятва, присяга', 'жертва при клятвах'.

1.6. ОСОБЕННОСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ РИТУАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ТЕРМИНОВ ПО ДИАЛЕКТНЫМ АРЕАЛАМ

При сопоставлении индоевропейских терминов, относящихся к ритуально-правовой сфере, обращает на себя внимание их диалектное распределение. Основные термины этого круга, а также общеиндоевропейские слова, употребляемые в специальном ритуально-правовом терминологическом значении, ограничены, как правило, анатолийским и италийским: ср. и.-е. формы **sakʰl-* 'священный', **or-* 'запрашивать богов', **mukʰ-* 'молиться', **sākʰ-* 'узнавать (волю богов)', **Ho-* 'считать истинным', **leikʰ-* 'связывать обязательством', **serkʰl-* 'возмещать (убыток)', ср. также общее для кельтского и анатолийского **naH-* 'бояться', 'почитать'.

¹ Ср. в хеттских "Молитвах Мурсили во время чумы", KUB XIV 14 Rs. 19—20: *am-mu-uk-[m]a šu-ma-a-aš A.NA DINGIRMEŠ ENMEŠ.[A] šar-ni-ik-zi-el maš-kán-na QUR-e... še-ir šar-ni-ip-ki-iš-ki-mi* "я же вам, богам, господам моим, искупление и дары ради страны принесу" (буквально: "искупление искуплю"). В "Хеттских законах" слово употребляется и в связи с возмещением за кражу, хет. *taša-* 'воровать' (об индоевропейских терминах, относящихся к 'краже' и 'имуществу', см. выше, стр. 748).

Такую диалектную ограниченность этих слов анатолийским и италийским можно было бы объяснить утерей соответствующих слов в других индоевропейских диалектах (или утерей соответствующего терминологического значения при сохранении лексемы).¹ В таком случае подобные слова со специальной ритуально-правовой семантикой следует постулировать на общеиндоевропейском языковом уровне.² С другой стороны, не исключено, что в случае некоторых из этих слов мы имеем дело с древнейшей анатолийско-италийской (и кельтской) лексической изоглоссой, ареально ограниченной в пределах общеиндоевропейского языка (см. выше схему диалектного членения общеиндоевропейского языка). В таком случае следовало бы говорить в отношении подобных слов не об общеиндоевропейских терминах в ритуально-правовом значении, а о лексемах, характерных для древнейшего анатолийско-кельто-италийского ареала в пределах общеиндоевропейского языка. В пользу такого предположения свидетельствуют как будто слова общеиндоевропейского происхождения, которые приобретают специальное ритуально-правовое терминологическое значение только лишь в анатолийско-италийском ареале и соответственно представлены в этом значении только в анатолийских и италийских языках.

Ср. в этом отношении такое показательное индоевропейское слово, как **ueg-* 'смотреть', 'обращать внимание', 'быть осторожным':

Греч. *βρομι* 'смотрю за чем-либо', *βρε·φύλασσει* (*Гесихий*) 'охраняет', гом. *оброс* 'стражник', *δράω* 'вижу', гот. *war(s)* 'осторожный', др.-англ. *wær* 'осторожный', 'внимательный' (англ. *ware*), др.-в.-нем. *giwar* 'осторожный', 'внимательный', *biwarōn* 'охранять' (нем. *bewahren*); гот. *dairawards* 'привратник' (ср. нем. *Torwart*), др.-в.-нем. *wart* 'стражник', *wartēn* 'обращать внимание', 'ожидать' (нем. *warten*), латыш. *vēru* 'смотрю', 'замечаю'.

¹ К таким словам этого же семантического поля можно отнести и и.-е. **Has-* 'ритуальный очаг', 'алтарь' (хет. *ḥašša-*, лат. *āga*, ср. выше, стр. 699—700), при отражении в древнеиндийском этого слова в преобразованном значении: др.-инд. *āsa-* 'пепел', ср.-исл. *agípp* 'возвышенное место для разведения огня', а также и.-е. **sp^hle/ont-* 'совершать жертвенное возлияние, приносить жертву' (хет. *šipant-*, лат. *spondeō*, греч. *σπέω*, см. выше; слово утрачено в других индоевропейских диалектах).

К подобным же диалектно ограниченными ритуальными терминами, представленными в анатолийском и в одном из западных диалектов (в данном случае германском), относятся следующие формы: хет. *talliija-* 'торжественно взывать к богу с просьбой о помощи': др.-исл. *þulr* 'устный исполнитель священной обрядовой речи'; хет. *aḫapza-* 'заклинание': рун. др.-сев. *alu* 'магическое (заклинание)' и др., см. *Polomé 1975*.

² Аналогичные проблемы встают и в связи с другими ритуально-правовыми терминами, связанными с иными диалектными ареалами, признание общеиндоевропейского характера которых зависит от обнаружения соответствий за пределами конкретных ареалов, составлявших историческое диалектное единство. Так, например, связь таких правовых терминов, как ирл. *dligim* 'заслуживаю', *dliged* 'долг', гот. *dulgs* 'долг', ст.-слав. *dlügŭ* 'долг', дает основание считать их отражением общего кельто-германославянского термина в подобном значении; однако возможность этимологического соотношения их с индо-иранским ритуально-правовым термином (иран. **dgaug-* 'виновность, ответственность' и др., ср. *Периханян 1973: 469—474*) переносит слово в эпоху индоевропейской общности.

В хеттском и латинском (следовательно, уже в анатолийско-италийском диалектном ареале) слово приобретает специальное значение ‘бояться’ (в ритуальном смысле: хет. *cerite* ‘бояться’, ‘трепетать’¹, *ceritema-* ‘страх’, ‘боязнь’²; лат. *cerēri* ‘почитать’, ‘бояться’, ‘преклоняться’, ср. др.-ирл. *сó(a)ir* ‘подходящий’, ‘правильный’, что может отражать специальное ритуально-юридическое значение).

1.7. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ «КРОВНОЙ МЕСТИ»

В индоевропейском можно выделить и такие соотносимые друг с другом слова с ритуально-правовой семантикой явного общеиндоевропейского происхождения, которые, будучи представлены почти во всех древних индоевропейских диалектах, не обнаруживаются в анатолийском и италийском. К ним относится, в первую очередь, индоевропейское **k^hl^ho^oi-(nā-)* ‘наказывать’, ‘возмещать’, ‘платить цену’, ‘мстить’: др.-инд. *сáyate* ‘мстит’, *сeṭár-* ‘мститель’, *ápa-citi-* ‘возмездие’ (ср. греч. *ἀπότισις* ‘плата’, ‘месть’), авест. *kāyu-* ‘платить’, ‘возместить’, *kaēnā-* ‘искупление’, ‘наказание, возмездие’, греч. гом. *τίω* ‘плачу’, ‘возмещаю’, ‘наказываю’, ‘мщу’, *τίσις* ‘плата’, ‘кара’, ‘мщение’, ‘искупление’, *ποινή* ‘возмездие’, ‘месть’, ‘кровная месть’, ‘плата за чье-либо убийство’, лит. *káina* ‘цена’, ‘плата’ (в том числе за ‘невесту’), ст.-слав. *сѣна* ‘цена’, ‘плата’ (ср. авест. *kaēnā-*, греч. *ποινή*, лит. *káina*), *kajō (sę)* ‘каюсь’.

Семантическое сопоставление этой группы соотносимых друг с другом индоевропейских лексических образований позволяет судить о недифференцированности для индоевропейского понятия ‘платы’, ‘возмещения’ в ритуально-правовом смысле. Кровная месть считается таким же возмещением (платой за кровь), как и возмещение за убыток или плата за невесту.

В анатолийском такое слитное обозначение ‘возмещения вообще’ дифференцируется на разные категории, выражаемые особыми терминами. ‘Плата за кровь’ обозначается описательным выражением *ešhar šanḫ-* ‘жаждать крови’ (о богах, то есть ‘требовать совершения человеком кровной мести’: ср. в тексте Телепину: DINGIR^{MES} *ešhar šanḫir* ‘боги жаждали крови’). ‘Плата за невесту’ выражается особым термином *kušata-*, ‘возмещение за убыток и причиненный вред’ — древним словом *šarnikzel*, а ‘плата’, ‘цена предмета’ — также архаическим термином *ḫappar* (см. выше, стр. 746).

В италийской традиции древний индоевропейский термин **k^hl^ho^oi-(nā)* в общем значении ‘платы’, ‘возмещения’, ‘мщения’ был вытеснен, по-видимому, сформировавшейся в латинском развернутой системой юридичес-

¹ Ср. в тексте предсказаний KUB VIII 1 II 4: *ta-me-ta ú-e-ri-ti-iz-[zi]* ‘в другом месте он будет трепетать’.

² Ср. в среднехеттском гимне Солнцу KUB XXXI 127 I 59—60: *ZAG-az-te-it na-aḫ-ša-ra-at-eš ḫu-i-ia-ap-te-eš GÜB-la-az-ma-at-ta ú-e-<ri>-te-ma-aš ḫu-i-ia-ap-te-eš* ‘справа от тебя ужасы несущиеся, слева от тебя — страхи несущиеся’.

кой терминологии, относящейся к дифференцированной системе возмещения ущерба, платы и искупления вины.¹

1.8. РИТУАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ФОРМУЛЫ, ВКЛЮЧАЮЩИЕ КОРНИ С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ

Кроме рассмотренных выше специальных лексем с ритуально-правовой семантикой для общеиндоевропейского можно реконструировать целые обороты-формулы ритуально-правового характера, выраженные производными от корней с общим значением типа *es- 'быть', *d^hleH- 'класть' и др.:

И.-е. *s(o)nt^hl- (партиципиальная форма от *es- 'быть') 'истинный', 'действительно совершивший' ⇒ 'виновный': хет. *ašant-* 'правильный', 'истинный', др.-инд. *sánt-*, *sát-* 'истинный', 'сущий', *satyá-* (*s^hnt^hljo-) 'истина', авест. *haiθya-* 'истинный', 'верный', *hant-*, *hat-* 'истинный', греч. τὰ ὄντα 'истина', 'действительность', 'имущество', лат. *sōns* 'виновный' (Watkins 1967a), герм. *sanþa- 'истинный': др.-в.-нем. *sand*, др.-сакс. *sōð* 'истинный', 'тот, чья вина несомненна', др.-англ. *sōð* 'истинный' (англ. *sooth*); гот. *sunja* 'истина' (из *sunðja-z), др.-англ. *synn* 'грех' (англ. *sin*), Watkins 1971 : 1515;

И.-е. *d^hleH-m- (производное от *d^hleH- 'ставить, класть') 'относящийся к ритуально-правовому установлению': др.-инд. *dhāman-* 'священный закон, обычай', греч. гом. ἀνά-θημα 'ритуал' ('пение и пляски во время пира'), 'священный дар', θεμς 'закон', 'приговор', 'права' (ср. выражение ἡ θεμς ἐστίν 'как положено'), θεμς 'Фемида', 'богиня правосудия', гот. *dōms* 'приговор', 'слава', *dōtjan* 'приговаривать' (аблаутная ступень ð), др.-англ. *dōm* 'приговор', 'суд' (англ. *doom*), др.-в.-нем. *tuom* 'приговор', 'обычай'. Сама первичная основа *d^hleH- имеет также ритуально-правовую семантику в ряде словосочетаний типа *k^hret'-d^hleH-, *jeu(o)-d^hleH- (см. выше, стр. 800, 805); ср. также фразеологические обороты ритуального содержания типа хет. ŠAPAL NĪŠ DINGIR^{MEŠ} dai- 'положить под клятву богов'; др.-инд. *nāmadhā-* 'имен установитель' (от *nāma*+*dhā-* 'имя установить'), греч. δνομαθέτης 'установитель имен', хет. *laman te-* 'имя нарицать' и др.;

И.-е. *ar-(t^hljo-) 'подходить', 'соответствовать', 'соединять'; в ритуально-правовом смысле 'приличествовать', 'соответствовать установлению': хет. *ara* 'по закону', *UL ara* 'не подобает, не по закону', ^D*Ara-* 'Благо', 'Право' (обожествленное понятие 'приличествующего', Otten 1958 : 98—99), др.-инд. *ṛtá-* 'священный закон', 'установление', авест. *arəta-*, др.-перс. *arta-* 'закон', 'право', 'священное право', авест. *aša-* (= *arta) 'то, что приличествует, соответствует закону', греч. ἀρσιον·δίκησιον 'справедливое', 'праведное' (Гесихий), ἀν-άρσιος 'враждебный'.

¹ Ср. также отсутствие в латинском, как и в хеттском, и особого термина для 'платы', образованного от основы *k^hl^oer-/k^hl^or-(eǵ-) (см. выше, стр. 747), связанной, вероятно, в конечном счете с той же основой *k^hl^oeǵ-.

2. ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ. МЕДИЦИНСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КАК ЧАСТЬ РИТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

2.1. ОБЩЕЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ РИТУАЛЬНОГО ВРАЧЕВАНИЯ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

К словам с широким семантическим спектром ритуально-правовых значений относится индоевропейская основа **met'*, которая выступает в исторических диалектах в многочисленных производных, относящихся к сфере умственной деятельности, права, ритуала и врачевания:

Др.-инд. *masti-* 'измерение', 'взвешивание', арм. *mit* 'мысль', 'разум', греч. гом. *μέδομαι* 'думаю', 'обдумываю', 'размышляю', лат. *meditor* 'размышляю', умбр. *meŕs, mers* 'jus', 'право', *mersto* 'justum', 'законный', оск. *med-diss* 'judex', 'судья', др.-ирл. *midiur* 'размышляю', 'сужу', 'принимаю судебное решение', *mess* 'судопроизводство', *med* 'весы', гот. *mitan*, др.-англ. *metan*, др.-в.-нем. *mezzan* 'измерять' (нем. *messen*), др.-исл. *mjǫtuðr* 'судьба'; к этим значениям слова примыкает и значение 'мудреца-врачевателя': авест. *vi-mad-* 'врачеватель, исцелитель', ср. *vi-mādayanta* 'они должны применить врачевание', греч. *Μήδη* || *Μήδεα* 'Медея' (как 'исцелительница'), *Ἀρχιμήδη*; лат. *medeor* 'лечу', 'врачую', 'исцеляю', *medicus* 'врач' (*Pokorny 1959 : 706*).¹

2.2. СТРУКТУРА РИТУАЛОВ ВРАЧЕВАНИЯ БОЛЕЗНЕЙ

Общеиндоевропейские представления о врачевании и лечении болезней все еще тесно связаны с ритуалами². Процесс лечения и восстановления 'здоровья' рассматривается как отправление определенных ритуалов

¹ В отдельных исторических индоевропейских традициях функцию врачевания выполняют специальные боги (иногда солнечные): это древнеиндийские *Ашвины* — *dévuā bhīśājā* 'божественные целители' (ср. *Ward 1968*), а также *Варуна* и *Рудра* (*Puhvel 1970b*), греческие *Аполлон* и его сын *Асклепий* (*Ἀσκληπιός*), особый прусский бог-исцелитель *Auschauts* (буквально: 'отгоняющий болезни', *Топоров 1975-, I : 165—166*), галльские божества-исцелители (*de Vries 1961 : 78—80*) и др.

² Общеиндоевропейское слово 'болеть' (то есть по древним представлениям 'испытывать вредное воздействие силы, враждебной человеку') реконструируется в форме **s(t^h)erk'*- с двойким значением 'сторожить, следить (за больным); беречь, любить' и 'болеть': ср. греч. *στέργω* 'люблю', 'забочусь' (в частности, родители о детях), др.-ирл. *serg* 'любовь', ст.-лит. *sérgmi* 'стерегу', лит. *sárgas*, латыш. *saŕgs* 'сторож', ст.-слав. *stražŭ*, рус. *сторож*, при хет. *ištark-* 'быть больным' (ср. конструкцию типа *antušāp ištarakzi* 'человек заболел', буквально: 'человека сделает больным'; у хеттов обычно о богине *Ишхара*, которая насылает болезни, *Burde 1974 : 12—16*), тох. *A sārĕk*, в *sārĕk* 'болезнь', лит. *siŕgti* 'болеть', латыш. *sirgt* 'болеть', др.-ирл. *serg* 'болезнь' (ср. *Топоров 1975-, I : 52*). Сочетание этих двух значений в одном слове объяснимо первоначально общим ритуальным значением 'охранять больного от враждебных сил', ср. рус. *сторожить больного* и др. Возможное общеиндоевропейское слово в значении 'ухаживания за больным' восстанавливается в форме **sok^(h)l^(h)o-*: хет. *šaktaizzi* 'выхаживает больного', ср.-ирл. *socht* 'оцепенение' (см. *Watkins 1975d*).

в соответствии с предписанными правилами¹. Анализ соответствующих ритуальных текстов в различных индоевропейских традициях позволяет восстановить древнейшую картину общеиндоевропейских представлений о заклинании и врачевании болезней, в результате которого человек освобождается от своих недугов. Реконструируются частично и древнейшие представления о физиологии и анатомии человека и частях его тела, и в особенности об анатомическом строении (жертвенных) животных. Перечисление частей тела в известном порядке определяет характер структуры ритуалов врачевания, исцеления в разных индоевропейских традициях (для древнеиндийского и древнегерманского см. уже *Kuhn 1968 [1864] : 11 и след.*; ср. *Schlerath 1968a : 325 и след.*; *Puhvel 1970b : 379, 382*), в том числе в анатолийских (см. хеттский ритуал *Т у н н а в и*, *Goetze 1938*; ср. *Burde 1974*, и аналогичные по структуре лувийские ритуалы: *Laroche 1959a : 149*).²

2.3. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ЧАСТЕЙ ТЕЛА»

Помимо таких рассмотренных выше парных частей тела, как *ǵʰles-ǵʰ/*ǵʰles-tʰlo- 'рука', *pʰle/ot'- 'нога', *se/okʰlʰo- 'глаз', *bʰlʰruH- 'бровь', *o(H)us- 'ухо' (см. стр. 786), а также названия 'сердца' *kʰler-t'- (см. стр. 800₁), для общеиндоевропейского восстанавливаются следующие слова, обозначающие части тела человека или животного:

И.-е. *tʰlʰoekʰlʰ- 'тело', 'части тела', 'оболочка', 'шкура': хет. *тцекка*- 'тело', 'личность' (*Kammenhuber 1965*)³, *тцеккеš* мн. ч. 'части тела', др.-инд.

¹ К индоевропейскому обозначению 'здоровья, целостности' *sol-(u-), ср. тох. A salu 'целый', B solme 'целый', др.-инд. sāgva- 'невредимый, целостный, весь', sagvātāti- 'невредимость, здоровье', авест. haugva-, др.-перс. haugva- 'невредимый, целый', авест. haugvatāt- 'целостность, совершенство, благополучие', арм. oʃj 'здоровый, целый', греч. ὄλος 'совершенный', 'целый', гом. ὄλος 'целый, непочатый', лат. salūs 'невредимость, здоровье', saluus 'целый, невредимый, здоровый', умбр. sal(u)uom 'salvum', алб. ngjáll 'оживлять, оздоравливать'. Диалектно ограничено другое слово в аналогичном значении 'здоровый, невредимый' — *kʰlʰaj-lo-: гот. hails, др.-исл. heill, др.-в.-нем. heil (нем. heil) 'здоровый, целый', др.-англ. hāl 'целый' (англ. whole); др.-в.-нем. heil 'здоровье, удача', др.-англ. hæl 'благоприятное предзнаменование' (ср. валл. coel 'предзнаменование'), прус. kailüstiskaп, вин. п. 'здоровье', ст.-слав. cělŭ 'здоровый, целый, невредимый'.

² Ср. в лувийских и аналогичных хеттских ритуалах перечисление 'двенадцати частей тела' (хет. XII UZUŪRHI.A, лув. XII ḫarpišati при хет. ḫarpeššar как чтении UZUŪR, *Otten 1953a : 100*): на первом месте IV-ti pa-a-ar-ta-ti (KUB XXXV 43 Rs. III 24) 'четыре части (животного)'. см. *Laroche 1959a : 80*. Лув. parta- 'часть (тела)', связываемое с хет. paḫš- 'рассекать, делить на части, расчленять', может быть сопоставлено с лат. pars, род. п. partis 'часть' (ср. также др.-ирл. gaпп 'часть'); ср. также формально относящееся к этой же группе др.-инд. ved. pūrti- в значении 'богатое преподношение' (очевидно, жертвенное) (*Pokorny 1959 : 817*) и семантически близкое др.-инд. pāḥṣu-, авест. paḥasu- 'ребро', осет. fars 'бок' (*Абаев 1949, I : 18*). Аналогичное представление о 12 основных частях тела засвидетельствовано и в кельтской традиции — в древнеирландских медицинских текстах, где '12 врат души (или жизни)' означают 12 основных частей тела, заболевание которых может быть смертельным, *Meid 1974 : 28*.

³ Ср. в хеттском ритуале "Лечения глазных болезней" (KUB XXXIII 66 Vs. II 16 и след.) перечисление частей тела, начинающееся с A.NA DUMU.LŪ.ULŪ.LU-ma tu-ik-ki-

tvacas-, *им. п.* вед. *tvák-* ‘кожа’, ‘шкура’, ‘оболочка’, ‘покрышка’, ‘поверхность’, греч. гом. *σάκος* ‘щит’ (из кожи, из шкуры); к фонетическому соответствию хет. *tu-*: вед. *tu-*: греч. *σ-* см. выше, стр. 134;

И.-е. **k^[h](e)rHs-r/-n-* ‘голова’, ‘вместилище мыслей и мозга’¹. др.-хет. *ḫaršar*, *под. пад.* *ḫaršanaš*, ново-хет. *ḫaršan-* ‘голова’². др.-инд. вед. *śirśán-*, *под. п.* *śirśnáḥ* ‘голова’, ‘вместилище мыслей’, ср. *Grassmann 1873: 1398*), греч. *κάρᾱ* ‘голова’ (из **k^[h]rHs-η > *καραα*), *καράρα* ‘κεφαλή’ (*Гесухий*) из **караα*, лат. *cerebrum* ‘мозг’ (из **k^[h]erHs-ro-*, ср. греч. *καράρα*). Чередующиеся формы на *-r/-n-* сохраняются в пределах одной парадигмы только в древнехеттском. В новохеттском и в других древних индоевропейских диалектах — древнеиндийском, древнегреческом, латинском — обобщается на всю парадигму одна из чередующихся форм: форма на *-r* (лат. *cerebrum*, греч. *καράρα*) или форма на *-n-* (ново-хет. *ḫaršan-*, др.-инд. *śirśán-*, греч. *κάρᾱ*).³

И.-е. **men-* ‘мысль’, ‘разум’, ‘думать’, ‘помнить’: тох. *A mni* ‘мысль’, *B mañi* ‘желание’, др.-инд. *mānaḥ* (авест. *manah-*) ‘мысль’, *mānyate* ‘думает’, авест. *mainyeite* ‘думает’, греч. гом. *μενοινάω* ‘обдумываю’, ‘размышляю’, *μέμνηα* ‘помню’, ср. *μένος* ‘ярость’, ‘гнев’, арм. *i-manam* ‘понимаю’, лат. *mēns*, *под. п.* *mentis* ‘разум’, *memini* ‘вспоминаю’, др.-ирл. *menne* ‘дух’, ‘мысль’, *do-moiniur* ‘верно’, ‘полагаю’, гот. *muns* ‘мысль’, ‘мнение’, *munan* ‘думать’, ‘намереваться’, *ga-munds* ‘память (о)’, др.-исл. *munr* ‘мысль’, ‘желание’, др.-англ. *ge-mynd*, др.-в.-нем. *gi-munt* ‘память’, ‘воспоминание’, лит. *meni* ‘думаю’, *mintis* ‘мысль’, ст.-слав. *mъnjъ* ‘мню’, *памѣти* ‘память’. ‘Мысль’, ‘разум’, ‘душа’ (*ištanzana-*) как часть человеческого тела все еще фигурирует, в частности, в хеттских погребальных ритуалах, перечисляющих духи разных частей тела (см. выше, стр. 473).⁴

-iš-ši ‘у сына человеческого же в его теле (есть)’. Затем идет перечисление частей тела в следующем порядке: ‘голова’ (*šaḫap-*), ‘глаза’ (*šakuca*), *caḫula* (?), ‘глазной белок’ (*ḫarki-*), ‘лоб’ (*ḫapt-*), ‘брови’ (*epera-*) и ‘ресницы’ (*ḫapliḫa-*).

¹ Специальное слово для ‘черепа’, ‘мозга’ ограничено ареальными терминами, не дающими основания считать их безусловно общиндоевропейскими. Это, с одной стороны, греч. *βρεχμός*, *βρέχμα* ‘передняя часть головы’, при др.-англ. *brægen* ‘мозг’ (англ. *brain*) (ср. *Pokorny 1959: 750; Watkins 1971: 1500, 1530*); ср. сюда же тох. *A, B mḡs* ‘голова’: и.-е. **mreg^[h]-*; с другой стороны, тох. *māššunt* ‘костный мозг’, др.-инд. *majjān* ‘костный мозг’, *mastiṣka-* ‘мозг’, *māstaka-* ‘череп’, авест. *mazga-* ‘мозг’, ‘костный мозг’, др.-в.-нем. *maḡ(a)k* (нем. *Mark*), др.-англ. *meaḡ* (англ. *mark*), др.-исл. *meḡgr* ‘костный мозг’, прус. *musgelo* ‘костный мозг’, ст.-слав. *mozgŭ*.

² В хеттском, по-видимому, произошла еще в дописьменный период диссимилятивная субституция начального согласного *#k → ḫ*: хет. *ḫaršar* < **k^harḫsar* < и.-е. **k^[h]rHsor/n-*.

³ Другое, ареально более ограниченное обозначение ‘головы’ восстанавливается в форме **k^[h]ap^[h]ut^[h]-*, **k^[h]ap^[h]el-*: ср. др.-инд. *karúschala-* ‘волосы на темени’, лат. *caput* ‘голова’, др.-исл. *haufud* ‘голова’, др.-англ. *heafod* (англ. *head*) при гот. *haubif* ‘голова’, др.-в.-нем. *houbit* (нем. *Haupf*) ‘голова’, др.-инд. *karāla-* ‘череп, чаша’, др.-англ. *hafola* ‘голова’. Древнее диалектное слово для ‘головы’ можно восстановить и в форме **g^[h]leb^[h](-e)l-*: тох. *A špāl* ‘голова’, греч. гом. *κεφαλή* ‘голова’ (в греческом также ‘вершина’), гот. *gibla* ‘фронтон, крыша дома’, др.-в.-нем. *gibilla*, *gebal* ‘череп’.

⁴ К типологии рассмотрения ‘мысли’, ‘разума’ в общем комплексе частей человеческого тела, характерного для индоевропейских представлений о ‘человеке’, ср. сходные системы, описанные у ряда современных ‘примитивных’ народов, *Franklin 1963*.

И.-е. *Hant^[h]l- 'лоб', 'передняя часть головы', 'лицо': хет. *hant-* 'лоб', 'передняя часть', ср. лат. *antiae* 'волосы, падающие на лоб' (из *Hant^[h]ljo-, ср. др.-исл. *enni*, др.-в.-нем. *andi* 'лоб'), др.-ирл. *étan* 'лоб'; в большинстве других индоевропейских диалектов слово употребляется уже только в значении 'передней части', ср. греч. гом. *ἀντί* 'перед, лицом к лицу', *εἰς-ἀντα* 'в лицо', лат. *ante* 'перед', гот. *anda-* 'против, супротив', др.-в.-нем. *ant-* (ср. нем. *Antlitz* 'лицо');

И.-е. *nas- 'нос': др.-инд. *nāsā*, *дв. ч.* 'нос' (буквально: 'ноздри'), авест. *nāh-* 'нос', др.-перс. *nāham*, *вин. п. ед. ч.* 'нос', ст.-лат. *nāsum*, лат. *nās(s)us* 'нос' (с экспрессивным *ss*), др.-в.-нем. *nasa* 'нос' (нем. *Nase*), др.-англ. *nasu* 'нос' (древнее *дв. ч.* 'ноздри'), лит. *nósis* 'нос', ст.-слав. *nosŭ* 'нос';¹

И.-е. *ojs- // *oHs- // *ous-t^[h]l- 'рот', 'уста', 'губы'²: хет. *aiš*, *род. пад.* *iššaš* 'рот'; др.-инд. *áḥ* 'рот', авест. *āh-* 'рот', лат. *ōs*, *род. п.* *ōris* 'рот', 'лицо', ср.-ирл. *á* (*род. п.*) 'рот'; др.-инд. *óṣṭha-* 'губа', авест. *aošta-* 'губа', лат. *ōstium* 'вход', 'устье', прус. *austo* 'рот', *āustin*, *вин. п. ед. ч.* 'морда', 'рот', лит. *úostas* 'устье', ст.-слав. *usta* 'уста', рус. *устье* (ср. *Топоров 1975-, I: 172—173*);

И.-е. *t^[h]ŋuH- 'язык' как 'часть тела' и как 'орган речи'³: тох. А *kāntu*, В *kantwo* (с метатезой смычных), др.-инд. *jihvá*, авест. *hizū-*, *hizvā-* 'язык' (*Benveniste 1954a: 30—32*), арм. *lezu*, *род. п.* *lezui* 'язык', ст.-лат. *lingua*, лат. *lingua*, оск. *fanguam*, др.-ирл. *teng* 'язык' (при *ligur* 'язык'), гот. *tuggō* 'язык', др.-англ. *tunge* 'язык' (англ. *tongue*), др.-в.-нем. *zunga* 'язык' (нем. *Zunge*), лит. *liežūwis* 'язык', прус. *insuwis* 'язык', ст.-слав. *językŭ* 'язык';⁴

И.-е. *(e)t^[h]-ont^[h]l- 'зуб' (партиципиальная форма от *et^[h]- 'есть', буквально: 'едающий')⁵: др.-инд. *dān*, *вин. п.* *dāntam* 'зуб', авест. *dantan-* 'зуб', арм. *atamn* 'зуб', греч. *δδών*, *род. п.* *δδόντος*, лат. *dēns* (из *dnt^[h]-s), *род. пад.* *dentis*, оск. *dunte's*¹ (*отлож. п.*), др.-ирл. *dét*, гот. *tunþus*, др.-в.-нем. *zand*

¹ В ряде языков 'нос' по известным ассоциациям табуируется и выражается словами с первоначальным значением 'нюхать', 'разнюхивать', ср. тох. А *krañ*, В *kor* 'нос', др.-инд. *ghrāṇā* 'нос' от *ghrāti* 'чует, обнюхивает'; др.-англ. *posu* 'нос' (англ. *pose*) от основы др.-англ. *þeosian* 'разнюхивать', с которой связано и рус. *нюхать*.

² Фонетическое многообразие исходной формы можно было бы объяснить экспрессивным характером и ее ассоциациями с обычно табуируемыми понятиями (ср. выше о табуировании обозначения 'носа').

³ Общая праформа, реконструируемая по фонетическим соответствиям для части индоевропейских диалектов. В других диалектах исходная форма фонетически видоизменена ввиду частых экспрессивных и эфемистических фонетических преобразований, вызванных разными ассоциациями, ведущими к табуированию слова, ср. *Havers 1946: 123* и след.

⁴ В азиатском произшла замена слова на экспрессивное образование: хет. *lala-*, лув. *lali-* 'язык'.

⁵ Возможно, древнее описательное название 'зуба', возникшее в результате эфемистической замены первоначального слова.

(нем. *Zahn*), др.-англ. *tōð* (англ. *tooth*), лит. *dantis* 'зуб'¹. Ряд индоевропейских диалектов произвел замену древнего слова новообразованием от основы *k'em-bhl- 'разрывать', 'раздроблять': тох. А *kat*, В *kete* 'зуб', алб. *dhëmb*, гег. *dâm* 'зуб', латыш. *zûobs*, ст.-слав. *zobŭ* 'зуб'; ср. также др.-инд. *jâmbha*- 'большой коренной зуб', греч. $\gamma\acute{\upsilon}\mu\phi\omicron\varsigma$ 'гвоздь', др.-в.-нем. *kamb* 'гребень, расческа' (нем. *Kamm*), др.-англ. *comb* 'гребень, расческа' (буквально: 'зубчатый');

И.-е. *k'enu- 'челюсть', 'подбородок': тох. А *šanwetn*, дв. ч. 'челюсти', др.-инд. *hânu*- 'челюсть', авест. *zânu*-, греч. $\gamma\acute{\epsilon}\nu\upsilon\varsigma$ 'подбородок', 'челюсть', др.-ирл. *gi(u)n* 'рот', валл. *gen* 'щека', 'подбородок', гот. *kinnus* 'щека', др.-англ. *cinn* 'подбородок' (англ. *chin*), др.-в.-нем. *kinni* 'подбородок' (нем. *Kinn*). К этой группе слов может относиться и хет. *ganu*- 'челюсть' (?) (ср. *Watkins 1972a*);

И.-е. *mono- 'затылок', 'шея': др.-инд. *mânyâ* 'затылок', митан. арийск. *mani*-(*nni*) 'ожерелье', авест. *minu*- 'ожерелье', *manaodri*- 'шея', 'затылок', др.-перс. *bara-man*- 'носящий ожерелье', *Mayrhofer 1974*: 290—291, ср. лат. *monile* 'ожерелье' (на шее), др.-ирл. *tuin*- 'шея', *tuinél* 'шея', ср. др.-исл. *mon*, др.-англ. *manu* (англ. *mane*), др.-в.-нем. *mana* (нем. *Mähne*) 'грива', ст.-слав. *monisto* 'ожерелье';

И.-е. *p[h]l(e)u-mop- 'легкие' (этимологически: 'плывущие', корень *p[h]leu- 'плавать'², см. выше, стр. 674—675): др.-инд. *klōman*- 'правое легкое', греч. $\pi\lambda\epsilon\acute{\upsilon}\mu\omega\nu$ 'легкое', лат. *pulmō*, род. п. *pulmōnis*, лит. *plaušiai*, латыш. *plāušī*, прус. *plauti* 'легкие', ст.-слав. *plušta*, мн. ч., др.-рус. *плюча* 'легкое'; ср. также выше, стр. 466 и след., индоевропейские термины со значением 'вдох', 'выдох', 'душа';

И.-е. *sp[h]lelǵ[h]l- 'селезенка': др.-инд. *plihân*-, авест. *spərəzan*-, арм. *pausatn*, греч. $\sigma\pi\lambda\acute{\eta}\nu$ 'селезенка' (ср. гом. $\sigma\pi\lambda\acute{\alpha}\gamma\chi\nu\alpha$ 'внутренности жертв', γ 9 и др.), лат. *liēn*, др.-ирл. *selg*, слав. **selezenī*, рус. *селезенка* (см. *Pokorný 1959*: 987)³;

И.-е. *iek[h]r/n-[h]l- 'печень': др.-инд. *yākrī*, род. п. *yaknāh*, авест. *yākarə*, перс. *jigar*, греч. $\eta\pi\alpha\rho$, род. п. $\eta\pi\alpha\tau\omicron\varsigma$ (*- η -tos), лат. *iecur*, род. п. *iecoris* и *iecinoris* (из **iecinis*), лит. *jāknos*, латыш. *akna* 'печень'; другая группа диалектов обнаруживает в этом слове начальное *l*- при некоторых других табуистических преобразованиях: хет. *lišša*- 'печень',

¹ Хеттское название 'зуба' скрывается за шумерограммой KA×UD. Хет. *adapt*-, соответствующее формально разобранным словам в значении 'зуб' в других индоевропейских диалектах, представляет собой партиципальное образование нейтрального залога в значении 'съеденный; едящий'. В хеттском обнаруживается новообразование *gagaš* 'зуб', сопоставляемое Ларошем с др.-в.-нем. *hako* (нем. *Naken*), др.-англ. *hōc* (англ. *hook*) 'крюк', *Laroche 1973*: 90—91. Не исключено, однако, происхождение этого хеттского слова от шум. *gag* 'колышек'. Шумерское заимствование могло проникнуть в хеттский через посредство какого-либо другого языка.

² Образ 'легких' как 'плавающих' или 'всплывающих' органов понятен ввиду особенности легких всплывать на воде. Очевидно, название этого органа связано с эмпирическим наблюдением.

³ Исторические формы обнаруживают табуистические преобразования, в результате которых слова формально несводимы друг к другу.

арм. *leard*, *под. n. lardi*; ср. также германские формы : др.-исл. *lifr*, др.-англ. *lifer* (англ. *liver*), др.-в.-нем. *libera*, *lebara* (нем. *Leber*) 'печень'; в свете таких форм прус. *lagno* может и не быть опиской (вместо *iagno*), ср. *Ernout/Meillet 1967* : 307;

И.-е. *ǵ^hlel- 'желчь' (от 'желтый', см. выше, стр. 714): греч. гом. *χόλος* 'желчь', 'злоба', лат. *fel*, *под. n. fellis* (из **fel-n-is*) 'желчь', 'горечь', 'злоба', др.-исл. *gall* 'желчь', 'яд', др.-англ. *gealla*, др.-в.-нем. *galla* (нем. *Galle*) 'желчь', рус. *желчь* (при ст.-слав. *zličĭ* 'желчь'). Диалектное распределение слов в значении 'желчь' (греческо-латино-германо-славянский) дает основание по схеме членения диалектов индоевропейского языка постулировать слово в этом специфическом значении уже для общиндоевропейского;

И.-е. *ešHr/-n-(t^hl)/*ešHr/n-(k^hl) 'кровь': хет. *ešhar*, *под. n. ešhanaš* 'кровь', лув. *ašhantiš* 'окровавленный', тох. А *ysār*, В *yasar* 'кровь', др.-инд. *ásrk*, *ásrt*, *под. над. asnáḥ*, вед. *asrjā*, арм. *ariwn* 'кровь', греч. поэт. *ἔαρ*, *εἶαρ* 'кровь', ст.-лат. *aser* (*asser*), *assy* 'кровь', латыш. *asins* 'кровь';

И.-е. *t'ak^hru- 'слезы': тох. А *ākār*, *мн. ч. ākrunt* 'слезы', др.-инд. *ásru* 'слезы', арм. *artasuk* 'слезы', греч. *δάκρυ*, *δάκρυμα* 'слезы', лат. *lacrima*, др.-ирл. *dér*, валл. *deigr*, *мн. ч. dagrau* 'слезы', гот. *tagr* 'слезы', др.-англ. *tæhher*, *tēar*, *teagor* (англ. *tear*), др.-в.-нем. *zahar* (нем. *Zähre*), лит. *āšarà* 'слеза'¹ (ср. *Hamp 1972a*).

Как и в названии для 'языка', в индоевропейском слове для 'слезы' наблюдается фонетическое многообразие рефлексов в исторических диалектах (ср. чередование по диалектам начального *t'- : *l- : Ø-), что можно было бы объяснить фонетической лабильностью формы ввиду экспрессивного характера лексемы;²

И.-е. *sneu-r/-n- 'сухожилие': тох. В *šāura* 'жилы', 'сухожилия', 'нервы', др.-инд. *snāvan-* 'сухожилие'; ср. основу на -r- в *a-snāvirá-* 'без жил', авест. *snāvarə* 'сухожилие', арм. *neard* 'жила', 'волокно', греч. гом. *νεῦρον* 'жила', 'тетива' (из воловьих жил), *νευρή* 'тетива', лат. *neruus* 'сухожилие', 'жила', 'нерв'; 'член тела', 'шкура';

И.-е. *q^hle/os-t^hl- 'кость': хет. *ḫaštai* 'кость', ср. *É ḫešta-* 'дом костей' (также *ḫaštiḫaš É*), лув. *ḫašša-*, *мн. ч.* 'кости', лат. *costa* 'ребро', ст.-слав. *kosīl* 'кость'; др.-инд. *ásīhi* 'кость', авест. *asti-* 'кость', греч. *ὀστέον* 'кость', лат. *ossu(m)*, *ossua* 'кости' (к соответствию хет. *ḫḫ-*, лат. *ḫḫ-*, слав. *ḫḫ-* : др.-инд., греч., лат. Ø- как рефлексу поствелярной смычной *q^hl- см. выше, стр. 129 и след.);

И.-е. *k^oelb^hl- 'матка', 'плод', 'детеныш животного': др.-инд. вед. *gārbha-* 'матка', 'плод', 'новорожденный, отпрыск', авест. *garabuš* 'детеныш животного', греч. *δελφύς* 'мать-роженица', гом. *ἀδελφεός* 'брат'

¹ В некоторых диалектах слово для 'слезы' образуется от названия 'крови', ср. хет. *ešharu-* 'слезы', *ešharuḫa-* 'плакать', др.-инд. *ásram* 'слеза', ср. сюда же авест. *asrū-* 'слеза', латыш. *asara* 'слеза'.

² Литературу вопроса см. *Van Windekens 1976a*.

(Gates 1971 : 14, буквально: 'единоутробный', ср. др.-инд. *sá-garbhya-h* 'eozem utero natus', 'рожденный из той же матки'), δέλφαξ 'поросенок', δελφίς, род. п. δελφίνος 'дельфин', δολφός ἡ μήτρα (Гесихий). При отнесении сюда же хет. *h̥welpi-* 'детеныш животного'; 'молодой, свежий', Friedrich 1952 : 70 (ср. также германские формы в значении 'детеныш животного': др.-в.-нем. *[h]welf*, нем. *Welf*, др.-англ. *hwēlp*, англ. *whelp*), индоевропейскую праформу следовало бы реконструировать с начальной поствелярной смычной *q^o;

И.-е. *nob^hl-/*ṛb^hl- → *ṛb^hl- (по ассимиляции) 'пупок': др.-инд. *nābhi-* 'пупок', 'родство', *nābhya-* 'втулка' (как образ "пупка" колеса), *nābhīla-* 'пупочное углубление', 'низ тела', авест. *nabā-nazdišta-* 'ближайший по родству', греч. гом. ὀμφαλός 'пупок', 'выпуклость щита', 'пуговка на ярме', лат. *umbilicus* 'пупок', *umbō*, род. п. *umbōnis* 'выпуклость в середине щита', др.-ирл. *imbliu* 'пупок', др.-в.-нем. *naba*, др.-англ. *nafu* 'втулка ("пупок") колеса', др.-в.-нем. *nabalo* (нем. *Nabel*), др.-англ. *nafele* (англ. *navel*), др.-исл. *nafli* 'пупок', прус. *nabis* 'пупок', латыш. *naba* 'пупок';

И.-е. *p^hles-os-|penis: др.-инд. *pāsas-*, греч. πῖος, лат. *pēnis* (из **pesnis*), др.-в.-нем. *fasel*, др.-англ. *ǰæsl* (ср. Weitenberg 1975);

И.-е. *orǵ^hl-i- 'testiculus': хет. *arki-* 'futuege', авест. *arəzi* (дв. ч.) 'оболочка мужского яичка', арм. *orji-kē* 'testiculi', *mi-orj-i-kē* 'с одним яичком' (≈ греч. μόνорχης), греч. ὄρχις 'testiculus', ср.-ирл. *uirgge* 'id.', ср. рус. *ерзать* (Watkins 1975h; ср. выше, стр. 498¹);¹

И.-е. *ors- 'ягодицы, задница': хет. *a-ar-ra-aš*, арм. *or*, греч. ὄρος, др.-в.-нем. *ars*, др.-англ. *ears*, др.-исл. *ars*, ср. с переносом значения др.-ирл. *err* 'хвост', 'задок (повозки)';

И.-е. *āno- 'заднепроходное отверстие', также 'кольцо': хет. *anna-* (Friedrich/Kammenhuber 1975-, I), лат. *ānus*, др.-ирл. *áinne*, ср. арм. *anur* 'ожерелье', 'кольцо'; ср. также Poetto 1979 : 205;

И.-е. *sehur- 'жидкость, истекающая из человека и животного', 'моча': хет. *šeḫur* 'моча', тох. В|*sūrme* 'глазная болезнь', др.-исл. *saurr* 'семя животного', 'грязь', *súrr* 'кислый', 'острый', латыш. *sūrs* 'солёный', 'горький', 'терпкий', словен. *sirǰu* 'сырой, невареный', 'грубый';

И.-е. *sk^hler/n-(t^o-) 'испражнения человека и животного': хет. *šakkar*, род. пад. *šaknaš* // *zakkar*, род. п. *zaknaš* 'испражнения', авест. *sairya-* 'удобрения', 'навоз', пехл. *sargēn* (перс. *sargin*), греч. σκῶρ, род. пад. σκατός 'испражнения', лат. *mūscerda* 'мышинный помёт', *sūcerda* 'свиной помёт', *būcerda* 'коровий помёт', *ovicerda* 'овечий помёт', др.-исл. *skarn*, др.-англ. *scearn* 'навоз', ср. латыш. *sārņi* 'менструация', 'испражнения', лит. *šárvaĩ* 'менструация' (ср., однако, Fraenkel 1962—1965, II : 966), общ.-слав. **sūratĩ* 'сacāge', рус. *сop* при *скарעד* (Фасмер 1964—1973, III : 634, 720);

¹ В качестве другого диалектного слова в значении 'futuege' восстанавливается основа *eǵ^hl-/*ǵ^hl-: др.-инд. *yábhati*, греч. οίφω, рус. *jetĩ*.

И.-е. *тец-/*ти- ‘семя’, ‘сперма’: хет. *тица-* ‘мужское семя’, ‘плодоносящая жидкость’, греч. *μυελός* ‘спинной мозг’ (гом. *μυελὸν ἀνδρῶν*, β 290 ‘спинной мозг мужчин’), ср. *Poetto 1979 : 207*.

2.4. ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ В РИТУАЛЕ ЧАСТЕЙ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ И ПРАКТИКА ЗАКЛИНАНИЙ

Реконструированная система названий частей тела, внутренних органов и некоторых их функций у человека и животных позволяет судить о наличии у древних индоевропейцев довольно разветвленных знаний о строении человеческого тела. Первоначально эти знания основывались, очевидно, на ознакомлении с внутренностями животных (в особенности, жертвенных животных), туши которых разделялись и расчленялись на определенные части. Неразграниченность большинства названий частей человеческого тела и внутренностей человека и животных следует объяснить отождествлением органов животных с соответствующими человеческими. Это должно было вызвать перенос обозначений, применявшихся к животным, на обозначения соответствующих человеческих органов. Тем же отождествлением может объясняться и распространенная в древности практика воздействия на человеческие болезни путем ритуальных манипуляций с соответствующими органами у животных и заклинаний, связанных с этими магическими действиями.

В отдельных древних исторических индоевропейских традициях сохраняются ритуалы принесения в жертву животных, которые связываются с ритуалами врачевания людей.

В древнехеттской традиции наряду с такими более поздними типами врачевания, близкими к собственно медицине, как ‘кровопускание’ (хет. *iš-ḫar ar-ḫa tar-na-i* ‘кровь пускает’, KUB XLIV 63 II 8’ и след.), лечение ‘свинцом’ (A.BĀR, KUB XLIV 61 Rs. IV 27’, возможно, о венерическом заболевании; ср. в контексте там же, IV 19’—27’ аккад. *UZU.I.ŠA.RI.ŠU* ‘репис’ и хет. *paššari-* [?]), все еще сохраняются обряды заклинания при врачевании, ср. *Burde 1974 : 1—11*. Врач неоднократно произносит формулу заклинания, ср. хет. *LUA.ZU ḫukkiškizzi* ‘‘врач заклинает’’, I BoT I 36 II 46.¹

Такие стереотипные формулы заклинания, состоящие из перечисления

¹ Ср. возможные следы такого индоевропейского слова в значении ‘заклинять, лечить’, ‘упрашивать, молить’: греч. гом. *ἀθεομαι* ‘лечу’, ‘починяю’, ‘утоляю жажду’, *ἄθεσμα* ‘успокоительное, целебное средство, зелье’, греч. *ἀθεοτωρ* ‘врачеватель, спаситель’ (эпитет Аполлона), *ἀθεοτήρ* ‘врач, исцелитель’, др.-ирл. *hícc* ‘исцеление’, валл. *iach* ‘здоровый’: и.-е. **ieHk^{h1}-/*iHk^{h1}-*; ср. также *Pokorny 1959 : 504* о возможной связи этого корня с и.-е. **iek^{h1}-* ‘говорить, упрашивать, торжественно произносить’: тох. В *yāsk-* ‘просить, упрашивать’, А *yāšsuce*, В *yāšsūca* ‘нищий, просящий милостыню’, др.-инд. *yācati* ‘просит, упрашивает’, лат. *iocus* ‘шутка’ (ср. лит. *juokas* ‘шутка’), умбр. *iuka* ‘молитва’, оск. *iúklei* ‘in consecratione’, др.-в.-нем. *jehan* ‘говорить, произносить’, *jiht* ‘признание’, *bijiht* (нем. *Beichte*), ср. *Gicht* ‘подагра’ (буквально: ‘вызванная наговором болезнь’).

частей тела и органов, подлежащих лечению¹, являются чрезвычайно архаичными и могут частично воспроизводить древние схемы заклинаний, восходящие к индоевропейской эпохе.²

К общеиндоевропейским ритуальным фрагментам типа заклинаний следует отнести и соотносимые друг с другом по содержанию на уровне семантем тексты древнеанглийских и хетто-лувийских “Заклятий от бед”, где после нескольких абстрактных обозначений опасностей, грозящих человеку, следует завершающее упоминание ‘языка толпы’ (или ‘злоречия человека’):

Древнеанглийский

and wið andan “и против зла”,
and wið æminde “и против зависти”,
and wið þā micelan mannes tungan “и против этого большого языка человека”;
 (Meissner 1916; Spamer 1978);

Хеттский

DINGIR^{MES}-*aš karpin* “гнев богов”
paŋgauca EME-an “и язык толпы (собрания)”;

Лувийский

tatarriaman ‘проклятие’
ḫirun ‘клятвопреступление’
majaššin EME-in ‘язык толпы’ (или ‘взрослого человека’),
 Laroche 1959a : 65, 149—150.

¹ Ср. в хеттских ритуальных текстах такие перечисления внутренних органов и частей тела, как в KUB VII 1 III 16 и след.: UZUGAB ‘грудь’, UZUḫaḫri- ‘легкие’, ‘диафрагма’, UZUNfG.GIG ‘печень’, UZUŠA ‘сердце’, UZUḫantūpan ‘желудок’, UZUaḡgaš ‘зад’; KBo XV 10 I 24 след.: ŠA.SU ‘его сердце’, ḡpzu-šet ‘его гениталии’ (?), ḡpu-šet ‘его колено’, QA.TI.SU ‘его руки’ и др., ср. Burde 1974: 41—42. Такие перечисления частей тела в хеттской традиции, как и в других индоевропейских традициях, могут отражать веру в исцеление человека как бы путем сложения его в единое целое с помощью последовательного перечисления его частей (что находит широкие аналогии в разных фольклорных традициях, ср. Puhvel 1970b : 379), ср. выше семантическую связь терминов ‘лечить, исцелять’ ~ ‘целый’, ‘цельный’.

² Наряду с заклинательной практикой, обнаруживаемой в ряде исторических традиций и восходящей к эпохе индоевропейской общности, наблюдаются (главным образом в древнеиндийской и греческой традициях) и схожие представления о лечебной (или вредной) для человеческого организма функции разных элементов или стихий: *воздуха-ветра, воды, огня* (Esser 1935; Kirfel 1951; ср. Benveniste 1945). Такое соответствие между древнеиндийской и древнейшей греческой медицинскими теориями могут восходить не к общеиндоевропейской древности, а к более поздней греко-арийской общности, ср. также Puhvel 1970b : 369—371.

2.5. СООТВЕТСТВИЕ ЧАСТЕЙ ТЕЛА ЧАСТЯМ МИРОЗДАНИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Заклинания могли основываться также на представлениях о соответствии частей тела человека частям мироздания и основным социальным членениям. Сама вселенная в ряде древнейших индоевропейских традиций мыслится как происшедшая из отдельных частей расчлененного жертвенного существа и тем самым воспринимается как некоторая модель человеческого тела.

Отчетливее всего такие представления выражаются в древнеиндийской традиции в ведийском гимне *Пуреше* — мифологическому человеку, из частей тела которого происходит мироздание¹, чему находятся параллели в ряде других индоевропейских традиций: иранской, германской, славянской.

В ведийском гимне сначала говорится о расчленении *Пуреша* на части: *yát púruṣam vy ádadhuḥ katidhā vy ákalpayan múkham kít asya kaú bāhū ká úrú pádā usyete* “когда Пурешу разделили, на сколько частей расчленили его? Как его рот, как его руки, как его бедра, (как его) ноги называются?” (RV X 90, 11). В ответе называются четыре ‘варны’ — социальных ранга, происшедшие соответственно из четырех частей тела: *brāhmaṇò 'sya múkham āsíd bāhū rājanāḥ kṛtāḥ úrú tād asya yád vaiśyaḥ padbhyām śūdró ajāyata* “его рот стал браманом, его руки сделались раджанья², то, что (было) его бедра, (стало) вайшья³ из ног родились шудры⁴”. В соответствии с представлениями о расчленении тела *Пуреша* описывается и возникновение мироздания (RV X 90 13—14):

candrāmā mānaso jātás cákṣoḥ sūryo ajāyata
múkhād índras cāgnís ca prāṇād vāyúr ajāyata
nābhya āsíd antārikṣam śirṣṇó dyauḥ sám avartata
padbhyām bhūmir dīśaḥ śrótrāt táthā lokāñ akalpayan
 “Луна из (его) духа рождена, из глаза солнце родилось.
 Из уст—Индра и Агни, из дыхания ветер родился.
 Из пупа возникло воздушное пространство, из головы небо образовалось.
 Из ног—земля, стороны света из уха. Так они устроили миры”.

Аналогичный мотив происхождения мироздания, совпадающий в деталях на уровне мифологем с древнеиндийскими представлениями, обнаруживается в древнегерманской традиции, а также частично и в ряде других индоевропейских традиций — иранской, итальянской, славянской, что

¹ О ведийском обряде *puṣamedhá-* (буквально: ‘принесение в жертву человека’) и его предполагаемом индоевропейском прототипе см. выше, стр. 483.

² Варна *gājanuā-* ‘раджанья’ соответствует названию ранга кшатриев, к которому в древней Индии относился и сам ‘предводитель’ *gājan-*.

³ Др.-инд. *vaiśya-* ‘варна земледельцев’ от *vís-* ‘селение’.

⁴ Др.-инд. *śūdrā-* ‘шудра’ — варна, включавшая в себя в древности всех ремесленников (см. выше, стр. 788).

может указывать на весьма древний общиндоевропейский характер таких представлений (ср. *Ebenbauer 1974; Lincoln 1977*).

В древнеисландской традиции в “Старшей Эдде” части мироздания описываются как возникшие из частей тела принесенного в жертву мифологического человека — Имира (*Ymir*):

Ór Ymis holdi vas jörð of skorpð,
en ór beinum björg,
himinn ór hausi ens hrímkalda jötuns,
en ór sveita sér
“Имира плоть стала землей,
Стали кости горами,
Небом стал череп холодного мужа,
А кровь его — морем”.
(*Váfrúðnismál, 21*)

2.6. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О «ЧЕЛОВЕКЕ» КАК «ПРОИСХОДЯЩЕМ ИЗ ЗЕМЛИ»

Представления о создании вселенной и человеческого общества из расчлененных частей человеческого тела, все еще сохранившиеся в отдельных древнейших индоевропейских традициях и восходящие, очевидно, к периоду индоевропейской общности (ср. *Топоров 1973а*), существенно отличаются от мифов о сотворении мира, распространенных в отдельных древневосточных (особенно месопотамской) традициях — шумерской, аккадской, хурритской (и под их влиянием попадающих в позднейшую хеттскую традицию), ср. *Littleton 1970*. При этом следует, однако, отметить, что ряд мифологических мотивов, и в частности мотив первоначального единства ‘человека’ и ‘земли’, является общим для семитской и индоевропейской традиций. В этом отношении характерно этимологическое тождество обозначения ‘человека’ и ‘земли’ в индоевропейском:

И.-е. *d^hl(e)ǵ^hlom- ‘земля’; ‘человек’ (этимологически: ‘земной’):
‘Земля’: хет. *tekan*, род. п. *tagnaš*, тох. *A tkam*, род. п. *tkanis*, В *ken*, др.-инд. *kṣam-*, авест. *zamt*, вин. п., греч. χθών (с метатезой согласных в формах с нулевой огласовкой, см. выше, стр. 149), алб. *dhé*, лат. *humus* ‘земля’, др.-ирл. *dú*, род. п. *don* ‘место’, лит. *žėmė*, латыш. *zeme*, прус. *same*, *setmē*, ст.-слав. *zemlja* ‘земля’ (формы с упрощением начального комплекса согласных путем потери первой или второй согласной);

‘Человек’: тох. *A šom* ‘юноша’, В *šauto*, мн. ч. *šātna* ‘человек’, лат. *homō*, род. п. *hominis* ‘человек’ (ст.-лат. *hetō*, вин. п. *hetōnem*), оск. *huminis* ‘homines’, умбр. *homonus* ‘homīnibus’, гот. *guma*, др.-исл. *gumi*, др.-англ. *guta*, др.-в.-нем. *gomo* ‘человек’, ‘мужчина’ (ср. нем. *Bräuti-gam* ‘жених’), ст.-лит. *žmiō* ‘человек’, прус. *smoy*, *smūnents* ‘человек’, *smūni* ‘личность’, ср. др.-ирл. *duine*, валл. *dyn* ‘человек’.

В ряде древних индоевропейских диалектов происходит замена первичного слова в значении ‘человек’ на новообразования типа хет. *antuḫ-šaš*, лув. *ziti-*, др.-инд. *pūruṣa-*, *pūṛīs-* / *pūṛātīs-*, греч. ἀνδρωπος, мик. *a-to-ro-ḡo* (*Morpurgo 1963* : 43) и др.

3. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

3.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ «СМЕРТИ» КАК НЕОТВРАТИМОГО «РОКА»

Лингвистические данные, а также анализ свидетельств ритуалов из ряда древних индоевропейских традиций позволяют восстановить древние индоевропейские представления об 'умирании', 'смерти' и 'загробной жизни' человека.

'Смерть' рассматривается как 'предопределенное заранее несчастье', постигающее человека. Сама 'смерть' в таком понимании — это и есть 'судьба или рок', о чем можно заключить по семантике общиндоевропейского слова для 'смерти', отраженного в отдельных исторических индоевропейских диалектах:

И.-е. *Henk^[h]-/*Hnek^[h]- 'смерть', 'мор', 'судьба', 'принуждение': хет. *henkan*, род. п. *hinganaš* 'чума', 'мор', 'умирание', 'смерть'¹; греч. гом. *ἀνάγκη* 'принуждение', 'необходимость', 'судьба', 'рок' (редуплицированная основа *Hnk^[h]-), др.-ирл. *écen*, валл. *angen* 'необходимость', 'нужда'; основа в Состоянии II *Hnek^[h]- представлена в тох. А *nāk*- 'исчезать', 'погибать', В *nāk*-, *nek*- 'уничтожать', 'погибать', др.-инд. *násyati* 'умирает', 'исчезает', авест. *nasyeiti* 'исчезает', 'умирает', *nas*- 'нужда', 'несчастье', *nasu*- 'труп', греч. *νέκρς*, род. п. *νεκρός* 'труп', лат. *neq*, род. пад. *neqis* 'смерть', 'убийство', *neco* 'убиваю' (др.-ирл. *éc* 'смерть'), брет. *negein* 'убивать'.

3.2. «НАПИТОК БОГОВ, ПРЕОДОЛЕВАЮЩИЙ СМЕРТЬ»

Никакие человеческие средства не способны предотвратить 'смерть' *Hnek^[h]-. Только особый напиток, именуемый *Hnek^[h]-t^[h]h²- 'одолевающий смерть'³, которым владеют боги, может избавить того, кто его пьет, от 'смерти', *Thieme 1952; 1968a.*⁴

¹ В хеттском с *henkan* 'смерть' 'чума', 'мор', 'эпидемия' связано представление о всеобщем умирании. Когда страну постигает это несчастье, царь обращается с постоянными мольбами к богам, прося их остановить смерть и оставить в живых немногих еще не затронутых болезнью, *Goetze 1929*.

² И.-е. *t^[h]erH-/*t^[h]h²- 'побеждать, одолевать': хет. *tarh*- 'побеждать', др.-инд. *tápati* 'побеждает, одолевает, борется' (ср. вед. *viśva-túr* 'всех побеждающий', *ṛtsu-túr* 'битву выигрывающий', *āji-túr* 'в сражении побеждающий').

³ И.-е. *Hnek^[h]-t^[h]h²- отражено в греческом закономерно в виде гом. *νεκταρ* 'розовое, благоуханное питье богов':

*Oi δὲ θεοὶ παρ Ζηνὶ καθήμενοι ἠγορεύοντο
Χρυσέφ' ἐν δαλέρφ, μετὰ δὲ σφισι πότνια 'Ηβη
νέκταρ ἐφροχόμε (Δ 1—3)*

«Боги собрались в совет, на помосте из золота сидя,
Подле Зевса-отца, а в середине почтенная Геба
Черпала нектар для них» (перевод Н. М. Минского).

⁴ Возможность сочетания глагола *t^[h](e)h²- со словом, обозначающим 'смерть', предполагаемую этимологией индоевропейского словосложения *Hnek^[h]-t^[h]h²- (греч.

Боги, владеющие 'напитком бессмертия' *Hnek^{[h]l-t[h]rH-}, считаются бессмертными: *n-mr^{t[h]lo-}, в отличие от людей — смертных: *mr^{t[h]lo-} (см. выше, стр. 474 и след.).

3.3. ЗАГРОБНЫЙ МИР КАК «ПАСТБИЩЕ»

Представления о "загробном мире" и пребывании в нем человеческих 'душ' (*d^{h]eϥ-H/s-} и *anH-, см. выше, стр. 465 и след.) определяются у древних индоевропейцев в основном характером скотоводческого общества, существенные признаки которого переносились в 'мир мертвых'. Загробный мир представлялся в виде 'пастбища', на котором паслись души умерших людей и принесенных в жертву животных.

В хеттском царском погребальном обряде KUB XXX 24 Vs. II 1—6 содержится архаическая молитва, которую произносит жрица 'Старая Женщина' SALŠU.GI:

1. ku-un-na-ṣa-aš-ši U.SAL^{LAM} DUTU-uš a-a-ra i-ja-an ḥar-ak
2. nu-ṣa-ra-aš-ši-ša-an šar-ri-iz-zi ḥa-an-na-ri le-e
3. ku-iš-ki nu-ṣa-aš-ši-kán ke-e-da-ni A.NA U.SAL GUD^{HI.A} UDU^{HI.A}-ja
4. ANŠE.KUR.RA^{MES} ANŠE.GİR.NUN.NA^{HI.A} ú-še-ed-du

“О бог Солнца! Сделай ему пастбище (хет. *ṣellu-*) на право и на благо!
Пусть никто у него не отнимает, не оспаривает (по суду),
И пусть ему на этом пастбище быков, овец, лошадей и мулов пасут!”¹

Аналогичные представления о загробном мире как о 'пастбище', где пасется скот, можно обнаружить и в индо-иранской традиции. В "Ригведе" мир умерших в "Похоронном гимне Яме" называется *gávyūti-* 'пастбище' (для крупного рогатого скота):

*yamó no gātúm prathamó viveda náśśā gávyūtir ápabhartavā u/
yátrā naḥ púrve pitáraḥ pareyúr enā jajñānāḥ pathyā ánu svāḥ//*

“Яма первым нашел (корень *ved-/vid-*) наш путь,

Это пастбище (*gávyūti-*) назад не отобрати!² Где некогда прошли наши отцы,
Там живые (вновь рожденные) найдут свой путь” (RV X 14, 2).

В "Авесте" индийскому царю Яме (*Yama-gāja-*), которому как владыке загробного мира (первоначально: первому человеку — 'близнецу', см. выше, стр. 777 и след., впервые узнавшему смерть) посвящается цитированный

véhtar), можно иллюстрировать конкретным ведийским примером *tarāṇi mṛtyúm* 'да преодолею я смерть' ("Atharvavedasaṁhitā", IV 35), ср. *Schmitt 1967* : 190; ср., однако, *Knobloch 1967*, где греч. *véhtar* сопоставляется с хет. *pink-* 'пить' и этимологизируется просто как 'питье'.

¹ Ср. также в тех же хеттских погребальных ритуалах выражение *pa-a-an-ṣa-káṇ U.SAL-ṣa ra-a-i-ši* "когда ты пойдешь на пастбище" ('на луг'—хет. *naṣp. n. ṣelluṣa*), KUB XXX 19 Rs. IV 13, ср. *Otten 1958* : 139.

² Ср. чрезвычайно близкое к этому значение *le kuiški šarrizzi* "пусть никто не отнимет, не отберет" (о пастбище—*ṣellu-*) в приведенном выше хеттском погребальном гимне.

гимн “Ригведы”, соответствует царь Йима: *Yimō Xšaētō*¹, обладающий ‘прекрасными стадами’ (*hwqθwō*, ср. *Yasna* 9, 5, ср. *Thieme* 1968с : 148) и по мифу связанный с происхождением пастбищ (ср. *Dumézil* 1971 : 247).

В авестийском гимне—молитве “Души Скота” (*gāuš urvan-*, см. выше, стр. 467), ‘душа скота’, обращаясь к богам, восклицает: *nōiṭ mōi vāstā xšmāṭ anyō* “нет у меня другого пастуха, кроме вас” (*Yasna* 29, 1), ср. *Duchesne-Guillemín* 1973. Эта арханческая молитва обнаруживает соответствие (частично и на уровне текста) с хеттской формулой ^D[U]TU ŠA.ME.E EN.IA ŠA DUMU. LÜ.ULÜ.LU LÜ *ú-e-eš-ta-ra-aš* “бог Солнца небесный, господин мой, человечества пастух”, KUB VI 45 III 13; 46 III 52 (хет. *ueštara-* ‘пастух’ ≈ авест. *vāstar-* ‘пастух’, *Benveniste* 1962a : 99—100, ср. *uešija-* ‘пасти’ в приведенном выше погребальном обряде).

С общими для хеттской и индо-иранской традиций представлениями о загробном мире как о ‘пастбище’ для людей и скота согласуется и греческое обозначение потустороннего мира, “Аида со славными жеребцами” (*’Aīdi κλυτοπόλω*, E 654), посредством слова *λαζών* ‘луг’ (*Thieme* 1968с : 144 и след.). Само греческое название ‘мира (а также бога) мертвых’, *’Aīdης* ‘Аид’ этимологизируется как **smu-id-* ‘свидание’, ‘встреча’ (в смысле ‘встречи’, ‘свидания’ с предками; ср. древнеиндийскую формулу в погребальном гимне *pitṛbhiḥ sañ-vidānā-* ‘чтобы увидеться с отцами’, см. *Thieme* 1968с).

3.4. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ «МИРА МЕРТВЫХ»

Общеиндоевропейские представления о потустороннем мире как ‘пастбище’, ‘луге’, на котором пасутся души (скота и людей), подтверждается не только сходными образами в отдельных исторических индоевропейских традициях, но и самими обозначениями ‘мира мертвых’ и соответственно ‘бога мертвых’ этимологически родственными друг другу лексемами, которые восходят к общеиндоевропейскому слову **uel-* первоначально в значении ‘пастбище’, ‘луг’:

И.-е. **uel-* ‘пастбище’, ‘луг’, ‘обиталище мертвых’ (далее ‘бог мертвых’ и ‘смерть’): хет. *uelli-* ‘луг’, ‘пастбище мертвых’, ср. лув. *u(ua)lant-* ‘мертвый’ (ср. *Hawkins* 1980), тох. А *walu* ‘мертвый’, *[wāl-]* ‘умирать’, *wlalune* ‘смерть’, греч. *Ἠλύσιος λαζών*, гом. *Ἠλύσιον πεδῖον* ‘Елисейские поля’, ‘поля мертвых’ (к этимологии *Ἠλύσιος* из **uel-* см. *Puhvel* 1969), валл. *gweli*, корн. *goly* ‘рана’, др.-исл. *val-höll* ‘Вальгалла’, ‘жилище воинов, павших на поле боя’, *val-kyria* ‘Валькирия’, ‘дева, выбирающая героя среди мертвых на поле боя и отводящая его к богу Одину, в мир мертвых’, лит. *vėlinės* ‘поминовение мертвых’, латыш. *Veļu laiks* ‘обряд поминовения мертвых’, лит. *Veliiuonā* ‘бог мертвых’ (ср. *Иванов/Топоров* 1974), др.-рус. *Велесь* ‘скотий бог’ (*Jakobson* 1969; *Якобсон* 1970).

¹ Отсюда пехлев. *jamšēt*, *jamšid*—в персидском классическом эпосе, см. подробно об этом *Dumézil* 1971 : 246 и след.

3.5. «ВОДА» КАК ГРАНИЦА МЕЖДУ «МИРОМ ЖИВЫХ» И «МИРОМ МЕРТВЫХ»

‘Пастбище мертвых’, куда направляются души умерших, отделяется от ‘мира живых’ водой, через которую нужно переправиться, чтобы попасть в потусторонний мир. Переправляет души умерших в потусторонний мир ‘старый человек’, ‘старик’ (и.-е. *k^her[ont]h^hl-], ср. греч. Χάρων, др.-исл. karl, см. Lincoln 1980). Такие представления у древних индоевропейцев можно реконструировать как по мифологическим мотивам, совпадающим в отдельных традициях и по лингвистическим данным, так и по свидетельству древнейших индоевропейских ритуальных обрядов.

В древнеиндийской традиции в “Ригведе” с мировым Океаном связывается архаический бог Варуна (ср. Lüders 1951, I; 1959, II). Показателен “Гимн Варуне” (RV VII 89), в котором певец просит не отправлять его в ‘земной дом’ (*mṛṇmāyaṁ grhāṁ*), то есть в могилу, куда сожженный прах опускают после кремации. Метафорически певец изображает себя находящимся ‘посреди вод’ (*arām mādhye*).

Древнее представление, по которому на тот свет отправляются на корабле, отражено в брахманической формуле: *naur ha vā eṣā svargyā yad agnihotram* “жертвоприношение богу Агни (Агнихотра) — это корабль (*naur*), который ведет к небу” (*Satapatha-Brahmana*, 2, 3, 3, 15). Согласно “Упанишадям”, умерший должен пересечь (глагол *tṛ-*) вначале ‘озеро’, далее ‘реку’.

Такой же мифологический образ обнаруживается в греческой традиции. У Гомера в “Одиссее” Цирцея в разговоре с Одиссеем объясняет ему, как переплыть на корабле Океан и достигнуть Аида, которого “никто из смертных на черном корабле (*vḥi*) пока не достигал”: εἰς Ἄϊδος δ' οὐ πῶτις ἀφίκετο *vḥi* μελαίνῃ (к 502), ср. о сопоставлении индо-иранских представлений с греческими Thieme 1968с : 150 и след.

Любопытно, что само индоевропейское слово *nāu-s- (см. выше, стр. 634₃) в значении ‘корабль’, ‘судно’, на котором переправлялись в ‘потусторонний мир’ (ср. др.-инд. *nāuḥ*, греч. *vḥis*), могло приобретать вторично и значение ‘смерть’. Такое значение данной основы и ее производных отразилось в ряде индоевропейских диалектов: гот. *naus* ‘труп’, *ga-nawis-trōn* ‘похоронить’ (этимологически: ‘отправить на ладье’), др.-исл. *nár* ‘труп’, др.-англ. *nē(o)*- ‘труп’, др.-рус. *навь* ‘труп’, др.-чеш. *nau* ‘могила’, ‘преисподняя’, ‘тот свет’, латыш. *nāve* ‘смерть’ и др.

На тех же представлениях о ‘воде’ как стихии, связанной со смертью и с загробным миром, основаны общеиндоевропейские ритуалы принесения ‘водных клятв’ в древнеиндийской и греческой традициях. Древнеиндийская клятва водами “Варуны” символизирует ‘воды смерти’ (Lüders 1951, I: 28; 1959, II: 667), соответствующие греческим водам Стикса, которыми клянутся гомеровские боги: ср. гом. *δρκου γάρ δαινοῦ Στυγὸς ὕδατος*. (В 755) “стиксовых вод, ужасных для клятвы”, ср. Thieme 1968с : 150 и след.

В этой связи особый интерес представляют хеттские “Водяные клятвы”, во многом перекликающиеся с соответствующими древнеиндийскими и греческими, см. *Oettinger 1976* : 70—73.

3.6. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ. ДРЕВНЕХЕТТСКАЯ ТРАДИЦИЯ КРЕМАЦИИ ТРУПОВ

Погребальные обряды у древних индоевропейцев могут быть в общих чертах восстановлены путем сопоставления погребальной практики в разных древних индоевропейских традициях и установления в них сходных характерных признаков, которые могут отражать общность их происхождения.

Общей чертой погребальных обрядов большинства древних индоевропейских традиций является широко представленная наряду с другими видами погребения практика сжигания трупов и собирания и захоронения останков после сжигания в особых сосудах.

В древней хеттской традиции засвидетельствованы многочисленные царские погребальные обряды, совершавшиеся до и после сжигания трупа, *Otten 1958*. Умершего отвозят на повозке к месту сжигания трупов, где горит вечный огонь: ср. *nu ak-kán-za ku-e-da-aš uk-tu-[ri]-ja-aš ȳa-ra-a-ni...* (KUB XXX 15 Vs. 10) “и в вечный огонь (*ukturi-*), на котором умерший (*ak-kánza*) сжигается (*ȳarani*)¹. После сжигания в течение двенадцати дней² совершаются различные жертвоприношения перед образом умершего, который также отвозят к месту сожжения на колеснице (см. выше, стр. 726).

Уже на второй день после сжигания трупа приходят женщины к ‘вечному огню’ и собирают кости, заливая огонь пивом, вином и медоносным напитком *ȳalhi-*: *ma-a-an I.NA UD II^{KAM} lu-uk-kat-ta nu SAL^{MEŠ} uk-tu-[u-ri]-ja ȳa-aš-ti-aš le-eš-šu-u-ȳa-an-zi pa-a-an-zi na-aš-ta IZI IŠ.TU X DUG KAŠ X [DUG GEŠTIN] X DUG ȳa-al-ȳi ki-iš-ta-nu-ȳa-an-zi* “когда рассветает на второй день, женщины направляются к вечному огню, чтобы собрать кости (*ȳastiȳaš leššũanziz*)³ и затем огонь они гасят десятью

¹ Хет. *ȳag-* ‘гореть’, ср. *ȳagpi-* ‘сжигать’; слово общиндоевропейского происхождения, родственное арм. *vařem* ‘зажигаю’, *vařim* ‘горю’, др.-в.-нем. *warm* ‘теплый’ (нем. *warm*), лит. *virti* ‘кипеть’, ст.-слав. *variti* ‘варить’.

В качестве другого общиндоевропейского слова в значении ‘гореть’, ‘сжигать’ выступает основа **eus-*: др.-инд. *ořati* ‘горит’, прич. *uřtá-*, *uřtá-* ‘горячий’, греч. гом. *εβω* (из **eusō*) ‘обжигаю, опаляю’, лат. *ũgō* ‘жгу, палю, уничтожаю огнем’, др.-исл. *uřja* ‘огонь’, *uřti* ‘сожженный’, др.-англ. *ǣm-ugie* ‘горящие угли’ (англ. *embers*).

Наряду с этими основами в общиндоевропейском реконструируется в значении ‘гореть, сжигать’ и форма **d^hleg^hlo-*: тох. А *tsāk-*, В *tsāk-* ‘гореть’, др.-инд. *dřhati*, авест. *dařaiti* ‘горит’, греч. *τέφρα* ‘пепел’, алб. *djek* ‘сжигаю’, лат. *foeub* ‘грею, согреваю’, *fa-uilla* ‘раскаленный пепел’, ср.-ирл. *daig* ‘огонь’, лит. *degũ* ‘горю’, ‘жгу’.

² В этом, возможно, следует видеть некоторую связь с представлениями ‘о двенадцати частях тела’, составляющих, согласно анатолийским представлениям, цельное человеческое тело.

³ Хет. *leš-* ‘собирать’ сопоставимо с германо-балтийским корнем **les-* ‘собирать, подбирать’: гот. *lisan* ‘собирать, подбирать’, др.-исл. *lesa* ‘собирать, подбирать’, др.-англ.

«сосудами пива, десятью сосудами вина и десятью сосудами *malhi-*», KUB XXX 15 Vs. 1—2.

Останки с костями мертвого, подобранные на месте сожжения, уносят и помещают в «Каменный дом» Ё.НА₄, хет. *ḫaštijaš pir*, Ё *ḫešta-*.

Археологическое подтверждение практике сжигания трупов у хеттов дают находки значительного числа погребальных урн с останками кремнированных трупов в двух местах, в скалах по дороге в Язылыкайя. Захоронение в Османкайясы датируется XVII—XIV вв. до н. э. (*Otten 1958: 6*); основная часть захоронений (50 из 72) представляла собой кремнированные трупы, что указывает на широкое распространение практики кремации, не ограниченной только царским родом.

Наряду с кремацией у хеттов, по-видимому, практиковалось и захоронение в землю. Хаттусили I (XVII в. до н. э.) в своем завещании просит «женщину» похоронить его тело в земле (*Sommer/Falkenstein 1938*).

3.7. ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ТРУПОСОЖЖЕНИЯ

Оба вида захоронения — кремация (в более редких случаях — на Кноссе и Пилосе, ср., однако, древние следы кремации уже в раннем неолите Фессалии, см. Γαλλης 1975) и погребение в земле выявляются и у микенских греков (*Webster 1958: 110*).

Поразительная аналогия хеттскому обряду сжигания трупа и собирания костей женщинами обнаруживается у Гомера. После сжигания трупа П а т р о к л а огонь заливают «темно-красным вином» (αἶθοπι οἶνω). Родные и друзья умершего «собирают» (λέγωμεν)¹ «белые кости» (ὄστέα λευκά), кладут их в «золотой сосуд» (ἐς χρυσεῖην φιάλην), который устанавливают в палатке (ἐν κλισίῃσι δὲ θέντες, Ψ 236—257). Аналогичный обряд, длящийся девять дней, описывается при сжигании трупа Гектора, Ω 788—795):

ἦμος δ' ἤριγένεια φάνη βοδοδάκτυλος ἥως,
τῆμος ἄρ' ἀμφὶ πυρὴν κλυτοῦ Ἑκτορος ἤγρετο λαός.
αὐτὰρ ἐπεὶ β' ἤγερθεν ὀμηγερέες τε γέροντο,
πρῶτον μὲν κατὰ πυρκαϊῆν σβέσσαν αἶθοπι οἶνω
πᾶσαν, ὀπόσσον ἐπέσχε πυρὸς μένος. αὐτὰρ ἔπειτα
ὄστέα λευκὰ λέγοντο κασίγνητοὶ θ' ἔταροί τε
μυρόμενοι, θαλερὸν δὲ κατεΐβετο δάκρυ παρειῶν.
καὶ τὰ γε χρυσεῖην ἐς λάρνακα θῆκαν ἐλόντες

lesap, др.-в.-нем. lesap (нем. lesen), лит. lesù «собирать, подбирать, клевать зерна», латыш. lasīt «собирать, подбирать».

¹ Буквально: «соберем»: греч. λέγω «собираю», «соединяю», лат. legō «собираю», «подбираю», алб. mb-ledh «собирать; собирать урожай», и.-е. *lek'-. В германском эта основа выражает значение «лечения» (*Pokorny 1959: 658*): гот. lēkeis, др.-исл. læknir, др.-англ. læce, др.-в.-нем. lāchi «врач», «заклинатель», lāchin «лечение» (отсюда ст.-слав. lěčiti «лечить», *Фасмер 1964—1973, II: 477*). Обращает на себя внимание формально-семантическая близость и.-е. *lek'- и *les- «собирать, подбирать».

“Чуть лишь из сумерек ранних заря розоперстая вышла,
 Стал собираться народ у костра знаменитого мужа,
 И, многолюдной толпою поспешно собравшись, троянцы
 Весь погасили костер, заливая вином темнокрасным.
 Все орошая пространство, где сила огня бушевала.
 После того и дружина, и Гектора братья родные
 Белые кости собрали, и слезы по лицам струились,
 Вместе собрав, в золотую их урну немедля вложили”

(перевод Н. М. Минского).

Ср. также в “Одиссее”: $\alpha\upsilon\tau\alpha\rho\ \epsilon\pi\epsilon\iota\ \nu\epsilon\chi\rho\acute{o}\varsigma\ \tau\ \epsilon\chi\acute{\alpha}\eta$ (μ 13) “когда труп был сожжен”.

3.8. ОБРЯД КРЕМАЦИИ В ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

В древнеиндийской традиции в погребальных гимнах “Вед” (“Ригведы” и “Атхарваведы”) обнаруживаются погребальные обряды, схожие с соответствующими хеттскими и гомеровскими греческими ритуалами (ср. также археологические данные о кремации в северо-западной Индии, *Stacul 1971*). Покойника привозили к месту сжигания на повозке, после чего разводили первый костер, на котором сжигали труп (RV X 16, 1—8). После этого разжигали второй костер, на котором бог огня Агни, ‘пожиратель мяса-жертву’ (*Agni-krauyā́d-*, ср. *Geib 1975*) и ‘увозящий жертву’ (*krauyavā́hana-*, ср. *Bloomfield M. 1924*), сжигает жертвоприношения, приносимые богам (RV X 16, 9—10). Кости, оставшиеся после сжигания трупа, складывают в виде человеческой фигуры, у которой ставятся блюда с ритуальной пищей (ср. в хеттском обряде образ умершего, которому приносят жертву после сжигания трупа). Кости в индийском ритуале умащаются жиром сезама, зерна которого смешаны с ячменем, и заворачиваются в ткань, “сделанную из трав” (“Атхарваведа”, XVIII 4, 31), ср. умащивание жиром и заворачивание в льняную ткань костей (после сжигания) в греческом гомеровском ритуале. Перед захоронением костей сооружается небольшой домик на столбе, а после захоронения — надгробие (ср. в хеттском обряде палатку, куда сначала везут ‘образ’ покойника, и ‘каменный дом’, где помещают урну с костями, а в гомеровском обряде — палатку для костей Патрокла и яму, перекрытую камнями, для костей Гектора).

Древнеиндийский обряд сжигания умершего как бы очищает его с помощью огня (*Agní-*), в результате чего части тела покойника сливаются со стихиями, берущими начало от соответствующих частей мифологического человека Пуруши: *sūryam cákṣur gachatu vātam ātmā* “к солнцу да идет глаз, к ветру — душа” (RV X 16, 3).

Следы обряда кремации в северо-западной Индии установлены и археологически (ср. *Stacul 1971*).

Свидетельства существования разных способов погребения, сменивших друг друга (в зависимости от социальных условий), установлены в древнеиранской традиции, ср. *Humbach 1961; Benveniste 1962c*. В “Авесте” отра-

жена древняя практика кремации трупов (*nasu-pāka* — ‘трупосожжение’, *Bartholomae 1904: 1059*) и предания их земле (*zamē ni-kan-*, *Benveniste 1962c: 39—43*; ср. *Периханян 1973: 356, 501*). Наряду с этим у иранцев существовала практика оставления умерших в особых ‘домах смерти’ — обычай, который сохранился до наших дней в некоторых областях с кафирским и дардским населением (ср. *Jettmar 1966; Литвинский 1972*).

3.9. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ И ПРАКТИКА ТРУПОСОЖЖЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ ЕВРОПЕ

В Риме сосуществовали обычаи ингумации и кремации трупов, причем, по свидетельству Плиния, кремация считалась нововведением (*Dumézil 1966: 75, 361—362*)¹.

Согласно древнегерманской мифологической традиции героя сжигали на костре в корабле² вместе с его женой, свитой и лошадью. Бог Один установил обычай кремации трупов: мертвые должны быть сожжены вместе с их земным имуществом, которым они смогут пользоваться в потустороннем мире — в Вальгалле (ср. *de Vries 1957, II: 374 и след.; Polomé 1970: 77 и след.*).

Древнегерманский обычай сожжения умершего воина вместе с его конем описывается уже Тацитом, что находит подтверждение и в археологических данных (ср. *Могильников 1974: 180*).

Обычай трупосожжения у древних славян описывается различными средневековыми авторами еще во второй половине I тысячелетия (полабские славяне) и в начале II тысячелетия (восточные славяне). На основании данных этих источников устанавливается следующая картина обряда: Плакиваемое тело умершего доставляли к общему кострищу, после чего родственники поджигали костер. На следующий день пепел с обгоревшими остатками костей собирали и складывали в урну, которую зарывали в землю или ставили на камень (часто у дороги), ср. *Нидерле 1956: 206 и след.*

Аналогичные сведения о трупосожжении сообщаются в источниках начала II тысячелетия н. э. о балтийских племенах — литовцах (*Mansikka 1921*) и пруссах. Обряд кремации был известен также у галльских племен.

В Европе периода распространения племен, говоривших на “древне-европейских” диалектах, начиная с конца II тысячелетия до н. э. до на-

¹ У римлян глагол *sepelire*, родственный др.-инд. *sāpati* ‘почитает, совершает обряд, служит богу’, греч. *ἔπιω* ‘служу, przygotowляю’ (и.-е. **sep^h1-*, ср. *Pokorny 1959: 909*) означает ‘хоронить, погребать, закапывать’ (о костях *ossa*), а также ‘сжигать’; ср. также лат. *sepulcrum* ‘могила, могильный холм’, ‘надгробный камень’, ‘покойник’. Можно реконструировать также некоторые детали ритуального омовения и одевания покойного перед погребением. Умершего одевали в одежду — лат. **uespa* (ср. хет. *цаṣра* ‘одежда’, в частности в древнехеттской погребальной песне), откуда производное слово лат. *uespillō*, которое могло означать ‘вора, крадущего похоронную одежду’, см. *Watkins 1969a*.

² Обычай погребения в ладьях известен и у древних славян, что связывали с германским влиянием (*Нидерле 1956: 210, ср. рис. 7*); ср. выше (стр. 825) о значении ‘судно’ = ‘смерть’ в славянском и германском.

чала I тысячелетия н. э., можно установить по археологическим данным наличие двух видов погребения — кремации и захоронения в землю. При этом кремация, сменяющая ингумацию и заменяющаяся труположением, распространяется постепенно преимущественно из более южных, придунайских районов, где она известна с начала бронзового века, по направлению к северу (ср. Никитина 1974 : 8, рис. 2 и др.). Захоронения в древнеевропейских культурах этого времени осуществляются в урнах — преимущественно сосудах бытового назначения (реже в специальных моделях домиков). В урну после сожжения трупа на костре складывали кости (иногда в порядке, соответствующем анатомическому, ср. Могильников 1974 : 171). Нередко сама урна помещалась в каменный ящик.

3.10. ДВА СПОСОБА ЗАХОРОНЕНИЯ У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РАЗНЫХ ВИДАХ СМЕРТИ

Данные отдельных индоевропейских традиций, относящиеся к погребальным обрядам, позволяют предположить наличие у древних индоевропейцев двух основных способов захоронения трупов: кремации — сжигания трупов с последующим захоронением останков, и ингумации — погребения в земле.¹

Наличие двух способов захоронения умерших могло определяться некоторыми социальными факторами (рангом покойника, а также, возможно, полом и возрастом), вероятно, и характером смерти, которой умирал покойник. В этом отношении весьма показательным различием у древних индоевропейцев двух видов смерти. Следы этого различия можно реконструировать на основании восстановления словосочетания со значением “умереть своей смертью”: **suo- mrt^{lh}li-m mer-/mr-*, то есть “естественной смертью” (первоначально: смертью **sue-* ‘своего рода’, ‘своих предков’); ср. др.-перс. *uvāmaršiyuš amariyatā* “своей смертью умер” (в Бехистунской надписи соответствует необычному аккадскому словосочетанию *mi-tu-tu ra-ma-ni-šu mi-i-ti* “смертью своей собственной умер”, ср. Дандамаев 1962), лит. *jis mirė sãvo mirtimĩ* “он умер своей смертью”, ср. рус. *умереть своей смертью*;² ср. также семантически тождественные сочетания типа лат. *fato suo mori* (Schulze 1933 : 135; Фасмер 1964—1973, III : 686) и возможные хеттские параллели (ср. Puhvel 1969a).

¹ Тезис о наличии практики сожжения трупов у древних индоевропейцев предполагает определенный уровень техники разжигания огня для достижения температуры порядка 800°—1000°C, необходимой для осуществления кремации, см. Никитина 1974 : 100. Такой вывод согласуется со сделанными выше выводами о наличии у древних индоевропейцев технических предпосылок для гончарного дела и металлургии меди и бронзы, см. выше, стр. 709.

² Ср. древний славянский обычай хоронить ‘умерших не своей смертью’ (*самоубийц, утопленников, детей*) способом, отличным от ‘умерших своей смертью’: их относили в лес или отправляли в водную стихию, ср. Зеленин 1916.

3.11. ОБЩЕИНДРОЕВРОПЕЙСКИЙ ХАРАКТЕР ПРАКТИКИ ТРУПОСОЖЖЕНИЯ И КУЛЬТ ОГНЯ У ДРЕВНИХ ИНДРОЕВРОПЕЙЦЕВ

Обряд сжигания умерших на огне у древних индоевропейцев, предполагающий наличие достаточно сложной по тому времени технологии, должен был иметь определенный символический смысл, отличавший этот обряд от более простого способа захоронения умершего в землю. Такой символический смысл обряду кремации придавал 'огонь' (и.-е. **ǵk'ni-*), знаменовавший очищение человека, освобождение его 'духа', переходившего в потусторонний мир на 'луг', на 'пастбище', отделенное от мира живых 'водой', которую преодолевали на 'корабле', 'ладье' или переходя по 'мосту'¹. В некоторых позднейших индоевропейских традициях 'огонь' как символ очищения становится основным предметом поклонения (в частности в древнеиндоиранской). Самое происхождение обряда трупосожжения могло бы быть связано с теми мерами, которые обязательно вырабатываются у древних народов, постоянно сталкивающихся с опасностью смертоносных инфекционных заболеваний (и в первую очередь чумы). У народов Древнего Мира (в том числе и у таких древних индоевропейских народов, как хетты, — о чем можно судить по известным "Молитвам Мурсили во время чумы", см. *Goetze 1929*), 'чума' (хет. *henkan*) была обычно связана с воздействием волн эпидемий, вызванных *Pasteurella pestis antiqua* (географически намечается очаг в Египте, откуда чума была занесена и к хеттам; в Египет же она проникла из области великих африканских озер, см. *Le Roy Ladurie 1978 : 50—51*). Сожжение не только умершего, но и его скота и имущества, предполагаемое обрядом кремации, могло бы первоначально представлять собой необходимую защитную меру против распространения чумы.

¹ Ср. в германской мифологии 'мост в преисподнюю', 'огненный мост' — в индийской традиции и аналогичные символы в римской (*Dumézil 1966 : 556—557*) и ряде других традиций, в том числе славянской (*Пропп 1946*).

РЕКОНСТРУКЦИЯ ФРАГМЕНТОВ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ТЕКСТА. ФРАГМЕНТЫ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ И ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ МЕТРИЧЕСКИЕ СХЕМЫ. СИСТЕМА СЧЕТА И ЧИСЛОВАЯ СИМВОЛИКА

1. ФРАГМЕНТЫ МИФО- И РИТУАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

1.1. РЕКОНСТРУКЦИЯ ФРАГМЕНТОВ РЕЧИ, БОЛЬШИХ, ЧЕМ СЛОВО

Сопоставление друг с другом соотносимых слов, словосложений и словосочетаний различных индоевропейских диалектов позволяет реконструировать для общеиндоевропейского состояния не только отдельные слова с определенной семантикой, формально-семантический анализ которых был дан выше, но и целые словосочетания, отражающие фрагменты общеиндоевропейского текста. Такие фрагменты, образывавшие некоторые фразеологические и смысловые единства, сохранялись в ряде исторических индоевропейских диалектов, что и дает возможность проецировать их на общеиндоевропейский языковой уровень.

Таким образом мы получаем представление не только об отдельных словах праиндоевропейского языка с определенной семантикой, но и о единствах, больших, чем слово, — словосочетаниях, представляющих минимальные фрагменты текста.¹

¹Реконструкция праязыкового словесного текста правомерна только в указанном здесь смысле, то есть при обнаружении соответствий в словосочетаниях, представленных в различных родственных диалектах и позволяющих предположить их исходный прототип в праязыке. Процедура реконструкции праязыкового текста путем применения правил, определяющих сочетаемость друг с другом отдельных слов (ср. известную реконструкцию индоевропейского текста — «басни», предложенную Шлейхером, а позднее Хиртом), дает не конкретный реальный текст праязыка, а является лишь иллюстрацией правил сочетаемости слов, отражающих определенное состояние знаний о индоевропейском праязыке.

С другой стороны, праязыковой текст может быть восстановлен на семантическом уровне (но не на словесном) при обнаружении в различных родственных диалектах единообразных стереотипных формул различного содержания (ср. Meid 1978: 8 и след.). Так, например, стереотипные схемы заклинаний, обнаруживаемые в древнеиндийской и германской (а также и некоторых других, ср. Kuhn 1968; Schlerath 1968; Топоров 1971)

1.2. НЕКОТОРЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Характер реконструируемых этим способом словосочетаний позволяет судить об особом назначении таких фрагментов, отражающих части ритуально-поэтического или мифологического текста. Такое назначение этих фрагментов проявляется прежде всего в их своеобразной семантике и поэтической образности, что вместе с их формальными характеристиками дает основание сделать вывод о наличии в древнем индоевропейском обществе ритуально-поэтической речи.

К числу фрагментов индоевропейской ритуально-поэтической речи следует отнести прежде всего словосочетания типа:

И.-е. *nom(e/o)n *d^hleH- ‘устанавливать имя’: хет. *laman de-*, иер. лув. *adamain tuha* ‘имя установил’ (Каратеппе), др.-инд. *nāma dhā-*, авест. *nāmąm dhā-*, ср. греческое словосложение *δομαδέτης* ‘установитель имен’ (в мифологическом контексте у пифагорейцев и Платона: *ὁ θεμελιος τὰ δομάτα* ‘тот, кто установил имена’ — о древнем мифологическом герое — установителе имен), др.-чеш. *dieti jmě*, Иванов 1976 : 45. Это словосочетание, восходящее к общеиндоевропейской эпохе, указывает на то, что древние индоевропейцы размышляли о происхождении имен предметов и вещей. Это и отразилось в отдельных индоевропейских традициях в виде ведийского мифа о мудрецах — ‘установителях имен’ (и в греческом мифе о первом человеке, который дал имена вещам, ср. Тронский 1936);

И.-е. *k^h(e/o)re/ot’-d^hleH-, буквально: ‘вложить в сердцевину’, в переносном смысле ‘доверять’, ‘верить’: хет. *karatan dair* ‘вложили сердцевину’ (см. выше, стр. 800 и след.), др.-инд. *śrad-dhā-* ‘доверять’, ‘ве-

традициях, позволяют восстановить лишь структуру текста, то есть последовательность семантем, но не конкретные слова, выражавшие эти семантемы.

В частности, сопоставление древнеиндийского текста заклинаний из ‘Атхарваеды’ с аналогичными германскими заклинаниями (ср. de Vries 1957, II : 169 и след.):

“Атхарваеда”

majjā majjā sam dhīyatām

“костный мозг с костным мозгом да соединится!”;

saḡmaṇā saḡma rohatu

“да соединится сустав с суставом”;

aḡk te asthi rohatu

“да обрстет у тебя кровь-кость”.

Норвежское заклинание

...lagde marv i marv

“сложил костный мозг с костным мозгом”;

Мерзебургское заклинание

bēn zi bēna,

bluot zi bluoda,

lid zi geliden,

sōse gelīmidā sīn!

“кость к кости,

кровь к крови,

член к члену,

да будут они соединены!”

дает возможность предположить существование подобного заклинания уже в общеиндоевропейскую эпоху. Однако исторически засвидетельствованные тексты этих заклинаний не позволяют довести индоевропейскую реконструкцию до словесного уровня и ограничивают ее лишь постулированием общей схемы исходного типа заклинаний.

ритель', ср. авестийское сложное слово *zrazdā-* 'верить', 'доверить' (*Benveniste 1969, I : 171—179*), лат. *crēdō* 'верю', др.-ирл. *cretim* 'верю';

И.-е. **k^hlleuo-d^hleH-* 'класть (себе) славу', 'приобретать славу': др.-инд. *śráva-dhā-* 'добывать славу' ("Ригведа", I 40, 4; 73, 7; 91, 18 и др.), греч. κλέος καταθέσθαι, *Schmitt 1967 : 70, 71*; ср. общеславянское сложное слово-имя **Sŭ-dě-slavŭ* (др.-рус. *Сдеславъ*, серб.-хорв. *Zdeslav*, польск. *Zdziestaw*, ср. *Тупиков 1903 : 408; Milewski 1969*).

Еще более широкое диалектное распространение показывает словосочетание др.-инд. *urugāyām... śrávo* 'широкая слава', греч. гом. κλέος εὐρύ при словосложении в личных именах: др.-инд. *Uruśravas-*, кельт. *Verucloetiŭs* (у Цезаря, *De bello Gallico*, I, 7, 3, ср. *Schmitt 1967 : 72—75*).

Любопытно, что индоевропейское слово **k^hlleuo-* 'слава' не представлено в анатолийских языках, хотя о его древности свидетельствует наличие в тохарском производного глагола от этой основы: тох. А *klāw-*, В *klāw-* 'обозначать', 'объявлять' (*Van Windekens 1976 : 218*). Наличие слова в тохарском и в других индоевропейских языках (даже при отсутствии слова в анатолийском) свидетельствует по схеме диалектного членения об общиндоевропейской древности слова; ср. показательное совпадение тох. А *ñom-klyu*, В *ñem-kälywe* 'знаменитый', др.-инд. *śrútyam náma*, греч. *δνομα κλυτός > δνομάκλυτος* 'знаменитый именем' (*Schmitt 1967 : 91*).

Интересно, что мотив известности, славы является одним из излюбленных мотивов индоевропейской поэтической речи.¹

Диалектно более ограничены другие словосочетания с **k^hlleuo-* (представленные, главным образом, в греко-арийском ареале): ср. др.-инд. *śráva áksitam* 'немеркнущая слава', греч. гом. κλέος ἀφθιτον (I 413) 'неувядающая слава' (ср. также совпадающие словосочетания с тем же эпитетом: др.-инд. *útsam áksitam* 'неиссякающий источник вод', греч. ἀφθιτον ὕδωρ; др.-инд. *śrávo amítam ajuryám* 'слава бессмертная нестареющая', греч. κλέος ἀγήρατον 'слава нестареющая', *Schmitt 1967 : 69—70; Nagy 1974a*).

Значительное число ритуально-поэтических оборотов диалектно ограничено и определяется греко-арийским диалектным ареалом. Вообще говоря, греко-арийский ареал наряду с другими общими чертами проявляет особую общность и в отношении словосочетаний, отражающих фрагменты ритуально-поэтической речи; ср., например, др.-инд. *iṣiréṇa mánasā* 'яростный священный духом', греч. гом. ἱερὸν μένος 'священная сила' (σ 34 — об Антиное), *Schmitt 1967 : 111—114*; др.-инд. *súrya-... spás-* 'солнцеглядящее', греч. гом. Ἡέλιον... σκρόπον, др.-инд. *svādór mádhvaḥ* 'сладкого меда', греч. μέθυ ἡδύ 'сладкий мед', др.-инд. *uśásam vibhātīm* 'заря сверкающая', греч. гом. φασίμβροτος ἡώς 'сверкающая заря' и др. Дальнейшие примеры см. *Schmitt 1967 : 111 и след.*

¹ Можно предположить, что такую 'славу' приобретал человек, особо отличившийся в боевых походах и военном искусстве; это согласуется с представлением о древних индоевропейцах как воинственных племенах.

1.3. МЕТАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Существование особой ритуальной поэтической речи у древних индоевропейцев проявляется и в наличии специальных терминов, обозначающих такую речь в отличие от обычной разговорной речи. Это прежде всего и.-е. *sHomen- ‘песня’, ‘песнопение’: хет. *išhamai-* ‘песня’, *išhamai-* ‘петь’, *išhamanatalla-* ‘певец’, др.-инд. *sāman-* ‘песня’, ‘песнопение’, а также и.-е. *uek^[h]l^o- ‘говорить’, ‘сочинять’, ‘восхвалять’: тох. А *wak*, В *wek* ‘голос’, *wesk-* ‘говорить’, тох. В *wāktasurñe* ‘восхваление’, др.-инд. *vākti*, *vīvakti* ‘говорит’, ‘вещает’, *vācaḥ* ‘слово’, ‘речь’, *vāk* ‘богиня Речи’ (в “Ригведе”), авест. *vak-* ‘говорить’, *vačah-* ‘слово’, ‘речь’, *vāxš* ‘слово’, ‘речь’, арм. *gočem* ‘зову’, ‘призываю’, ‘кричу’, греч. (F) *ἔπος* ‘речь’, ‘эпическая песня’, ‘повесть’, ‘рассказ’, *ἔπος πτερόεντα* ‘крылатые слова’ (α 122, ср. *Durante 1968 [1958]*), *Καλλιόπη* ‘Каллиопа’, ‘муза эпической поэзии’ (этимологически: ‘красивоголосая’), лат. *uōx* ‘голос’, *iuocō* ‘зову’, ‘призываю’, *inuocatiō* ‘призывание’, др.-ирл. *foccul* ‘слово’; ср. *anocht* ‘ошибка’ (отступление от поэтической нормы) при др.-инд. *anuktā-* ‘несказанное’, ‘несказываемое’ (*Watkins 1970*), а также др.-в.-нем. *giwahanen* ‘вспоминать’, *giwaht* ‘слава’, ‘упоминание’, др.-исл. *vátta* ‘говорить’, ‘упоминать’ (<герм. **wahta-*), *váttr* ‘свидетельство’, *ómun* ‘голос’.

Одной из характерных особенностей индоевропейских металингвистических обозначений поэтической речи представляется метафорическое применение к поэтическому искусству терминов ремесленного производства, таких как **[h]lek[h]s-* ‘изготавливать’, ‘плести’, ‘обрабатывать’, ‘лепить’ в значении ‘сложить песнь’, ‘сочинять’ (др.-инд. *takṣ-* ‘сложить песнь’, RV I 130,6; III 38,1 и др., греч. гом. *τέχνη* ‘искусство’ и др.); **seH(i)-* ‘связывать’, ‘скручивать’ в значении ‘песнь’, ‘песнопение’ (очевидно, ‘нечто сплетенное, соединенное, сложенное’), ср. хет. *išhamai-* ‘петь’, *išhamai-* ‘песня’, др.-инд. *sāman-* ‘песнь’, ‘ведийский стих’; **siu(H)-* ‘связывать’, ‘шить’, ‘скручивать’, в значении ‘связного поэтического текста’, ‘произведения’ (ср. др.-инд. *sūtram* ‘сутра’, ‘текст’, ‘произведение’) и др. (об этих индоевропейских формах в их первичном, “ремесленном” значении см. выше, стр. 704 и след.).

Можно полагать, что в индоевропейской поэтической речи была распространена и этимологическая фигура — сочетание повтора глагола с существительным типа др.-инд. *vacas-vac-* ‘молвить слова’, греч. гом. *ἔπος εἶπεῖν* ‘слово молвить’ (*Schmitt 1967* : 264—265); ср. аналогичные фигуры в хеттском типа *ḫaneššar ḫannai-* ‘судить дело’, *kurṣattin kur-* ‘замысел замышлять’ и др.

Представляется возможным реконструировать для индоевропейского слово **uāt[h]l-*, обозначавшее ‘состояние возбуждения, экстаза, вдохновения’; связанное с процессом поэтического творчества: др.-инд. *api-vat-* ‘вдохновить’ (ср. *āpi vātaya mānaḥ* ‘вдохнови на мысль’¹, RV X 20, 1),

¹ Само др.-инд. *māpas-* ‘мысль, дух’, обнаруживающее соответствие в греч. гом. *μῆνος* ‘влечение, позыв, гнев, жизненная сила’, тох. А *тпи* ‘дух, желание’, В *тапи*

Thieme 1968d; авест. *api-vatāite* 'вдохновляет', лат. *uālēs* 'прорицатель', 'провидец', 'пророк', 'вдохновенный песнопевец', 'поэт', ср. *uālēs Maeonius* 'Гомер', др.-ирл. *fáith* 'прорицатель', 'пророк', 'поэт' (ср. *Meid 1974* : 32), валл. *gwawd* 'поэма', 'стихотворение', гот. *wōds* 'одержимый', др.-исл. *óðr*, др.-англ. *wōd*, др.-в.-нем. *wuot* (нем. *Wut*) 'одержимый'; др.-англ. *wēdan*, др.-в.-нем. *wuoten* (нем. *wüten*) 'буйствоваться', 'быть одержимым'; ср. др.-исл. *Óðinn* 'бог Один', др.-англ. *Wōden*, др.-в.-нем. *Wuotan* 'Вотан' (древнегерманский бог поэтического вдохновения, *Höfler 1974*), др.-исл. *óðr* 'поэзия', др.-англ. *wōð* 'песня', 'голос', 'стихотворение', ст.-слав. *věti(ji)* 'оратор', 'вития' (*Топоров 1958* : 86—88; *Pohl 1977* : 17; *Meid 1978* : 17).

Другим общеиндоевропейским словом, связанным с обозначением поэтического творчества, могло быть и.-е. **k^hle/ou-* 'провидеть', 'воспринимать', 'знать', 'предвидеть'¹ др.-инд. *kavi-* 'мудрый', 'мудрец', 'провидец', 'поэт' (ср. *kavyātā* 'мудрость'), авест. *kavau-* 'вождь', лид. *kaveš* 'жрец', 'поэт' при греч. *κβδοσ* 'слава', 'почет', ст.-слав. *čudo* 'чудо', *čuju* 'чую'; ср. позднейшее производное значение: греч. *ακοῦω* 'слышу', лат. *caueō* 'остерегаюсь', 'берегу себя', гот. *hausjan*, др.-англ. *hieran* (англ. *hear*), др.-в.-нем. *hōr(r)en* (нем. *hören*) 'слышать'.

Особое положение песнопевца и стихотворца, являющегося 'провидцем', 'пророком', 'прорицателем', приравнивает его к 'жрецу', 'религиозному предводителю', осуществляющему связь между землей и небом. С этим может быть связано то, что некоторые специфически ритуальные индоевропейские термины, относящиеся к культу, в отдельных традициях приобретают значение обозначений 'поэта', 'стихотворца'. Так, например, от индоевропейского **uel-* в значении 'загробного мира' и терминов, связанных с загробным культом (др.-исл. *Valkyria* 'Валькирия', 'дева, сопровождавшая убитого воина на тот свет', *Valhöll* 'дом мертвых воинов', ср. выше, стр. 824), образовано и название профессионального 'поэта' при вожде в кельтском: др.-ирл. *fili* (ср. *Watkins 1963* : 214; *Meid 1974* : 24), ср. др.-рус. *Велесовъ вьнукъ* (о поэте Б а я н е), *Jakobson 1969*; ср. также ср.-ирл. *creth* 'поэзия', валл. *prydydd* 'поэт' при лит. *kerai*, мн. ч. 'чары', ст.-слав. *čaroději* 'чародей' (*Watkins 1963*; *Ward 1973* : 140).

В представлениях древних индоевропейцев, особенно ясно отраженных, в частности, в индо-иранской традиции, стихотворная форма представляет собой выражение божественной мысли, которая вкладывается в

'желание' (*Van Windekens 1976* : 301), лат. *mēns* 'ум, гнев, мышление' и связанное с глаголами 'говорения' от того же корня (хет. *meta-* 'говорить', ст.-слав. *mǐnjo* 'говорю') и с обозначениями мыслительной деятельности (др.-инд. *mānati* 'упоминает') типа греч. гом. перф. *μέμολα* 'думаю, решаюсь', *μυμύομαι* 'вспоминаю', лат. *memini* 'помню', предполагается индоевропейское слово **men-* в общем значении умственной деятельности: 'думать, запоминать, говорить'.

¹ В более широком смысле 'знать, воспринимать' употребляется, очевидно, глагол **u(o)it-*: др.-инд. *vēda* 'я знаю', греч. *οἶδα* 'знаю', др.-англ. *wita* 'мудрец', *witan* 'знать', ст.-слав. *vědě* 'знаю', при производном значении 'видеть' в форме нулевой ступени, лат. *uideō* 'вижу'; ср. также производное на **-men*: др.-инд. *vidmān-* 'знание', греч. *ἰδμων* 'знающий, сведущий', тох. А, В *ime* 'память, сознание' (*Van Windekens 1976* : 184).

сердце человеку (ср. разобранный выше *k^[h]ret'-d^[h]leH- 'вкладывать в сердце') и передается словосочетаниями искусственной формы, ср. Schlerath 1974 : 220.

Обнаружение общеиндоевропейских слов, обозначающих музыкальные инструменты, могло бы служить указанием на то, что обрядовые песнопения исполнялись обычно при музыкальном сопровождении. Одним из таких слов является, в частности, индоевропейская форма *g^[h]olg^[h]ol-. Хет. *galgalturi-*, обозначающее 'цимбалы' или определенную разновидность ударных инструментов (Gurney 1977 : 35) и сопоставимое этимологически с др.-инд. *gárgara-* 'музыкальный инструмент' (ср. *áva svarāti gárgaro* 'музыкальный инструмент звучит', RV VIII 69, 9) и с общ.-слав. **golgolū* 'слово', 'речь', 'звучание' (Грубацев 1979, 6 : 205), дает основание предположить для общеиндоевропейского редуцированную основу *g^[h]olg^[h]ol- (возможно, звукоподражательного характера) в значении некоторого музыкального инструмента.

2. ЗВУКОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

2.1. ЗВУКОВЫЕ ПОВТОРЫ, АЛЛИТЕРАЦИЯ, АНАГРАММЫ

Принадлежность к поэтической речи некоторых из восстанавливаемых таким способом словосочетаний проявляется и в их фонетических характеристиках, выражающихся в звуковых повторах, которые как бы объединяют такие словосочетания в единое звуковое целое: ср. индоевропейские словосочетания типа *g^[h]en- *gg^[h]im 'убить змея' (ср. др.-инд. *áhann áhim*, RV I 32, 1, 2 и др. 'убил дракона'), *b^[h]erǵ^[h]- *Hek^ʔo- 'высокая гора', *ek^[h]u- *ek^[h]uo- 'быстрая лошадь' (ср. др.-инд. *āśúm áśvam*, *вин. п.*, словосложение *āśvāśva-* 'обладающий быстрыми конями', авест. *āsu.aspam* 'имеющий быстрых коней', греч. гом. *ὄχέες ἵπποι* 'быстрые кони', ср. Schmitt 1967 : 238—242).

Этот общеиндоевропейский принцип аллитерации, обнаруживаемый в отдельных реконструируемых фрагментах поэтической речи, продолжает использоваться и в поэтических традициях на отдельных исторических диалектах.

Уже в хеттских фрагментах стихотворной речи можно обнаружить явную тенденцию к аллитерациям, ср., например, в "Гимне богу Пирве":

ašši mekki aššu piṣaṣeni
LUGAL-i ^DPirvaš ḥarinaḥzi
"И ему много добра мы принесем,
Царю бог Пирва подарит"

(Laroche 1965c : 114).

В архаическом армянском стихе-гимне, сохранившемся у Моисея Хоренского (ср. Dumézil 1969), аллитерация является основным средством художественного выражения:

erknēr ekrin ew erkir
erknēr ew cirani sov
 “В муках рождения находились Небо и Земля,
 В муках рождения было и пурпурное море”.

Аллитерация является одним из основных приемов построения стиха и в древнеиндийской поэзии. При этом аллитерационные повторы характеризуются семантической направленностью, при которой выделяется слог (или группы фонем) опорного слова, несущего основную семантическую нагрузку в пределах данного стихотворного отрезка; ср., например, гимн богине Речи (*Vāk*), RV X 125, 8, где аллитерационные повторы основаны на слоге *va-*, входящем в само название богини, которое является семантическим центром гимна, хотя прямо в нем и не называется. Аллитерация выступает здесь как средство скрытого называния имени богини *Vāk*:

ahām evā vāta iva prā vāmy ārabhamānā bhūvanāni vīśvā
parō divā parā enā pṛthivyaitāvati mahinā sām babhūva
 “Я вею, как ветер, я обнимаю собой все сущее, и то, что по ту сторону неба, и то, что по сию сторону земли — такой я стала по своей огромности” (RV X 125, 8), ср. *Топоров 1965*.

Такой принцип аллитерационного повтора и звукописи стиха, основанный на слоге или звуковом комплексе семантически опорного слова, был присущ и греческому¹ и раннему латинскому² стиху и может считаться поэтому художественным средством, характеризовавшим общиндоевропейский стих. Этот принцип аллитерационного повтора с семантической направленностью в стихе был назван Соссюром (*Saussure 1964: 111 и след.*) “анаграммами”, которые он возводил к общиндоевропейской поэтической традиции, ср. *Starobinski 1971*.³

В германском стихе общиндоевропейский семантический принцип аллитерации преобразуется в чисто формальный признак обязательного фо-

¹ Этот принцип широко представлен у Гомера, ср., например, такие строки, как: *βρασ ἀργαλέων ἀνέμων ἀιέγαργον ἀδτιμήν*

“Подняв сильных ветров бурный порыв” (л 400), которые своим слоговым составом перекликаются с именем *Ἀγαμέμνων*, упоминаемым двумя строками выше, ср. *Соссюр 1977: 645*.

² Это особенно ясно проявляется в так называемом сатурническом стихе, еще свободном от греческого влияния, *Cole 1969*. В гимне, обращенном к богу *Марсу*, аллитерация строится на повторе начального звука *m* (ср. *West 1973*):

<i>ego tui memini.</i>	“Тебя я заклинаю;
<i>medere meis pedibus.</i>	приди на помощь моим ногам;
<i>terra pestem teneto.</i>	пусть земля заберет болезни;
<i>salus hic maneto</i>	здоровье пусть здесь останется,
<i>in meis pedibus</i>	в моих ногах”

³ Принцип аллитерационного повтора в стихе, при котором слова располагаются в синтагматической последовательности по максимальному фонетическому сходству означающих, отражает тенденцию к усилению фактора мотивированности знаков на уровне горизонтальных отношений (ср. *Gamkrelidze 1974*). Семантически связанные друг с другом означаемые в пределах стиха стремятся к выражению с помощью фонетически сходных означающих.

нетического повтора начальных ударных слогов. Возникает система, при которой число аллитерирующих слогов определяется числом ударных слов уже безотносительно к их содержательной стороне. Безударные слова не характеризуются аллитерацией. Возникает своего рода внутренняя начальная консонантная рифма, связывающая по признаку фонетического сходства все ударные слова стихотворной строки, ср. *Lehmann 1956; Pope 1966 : 247 и след.*

Ср. в “Беовульфе”:

*Stræt wæs stānfāh, stig wīsode
gumun ætgædere. Gūðbyrne scān
heard hōndlocen, hringīren scīr
song in searwum... (320—324)*

“Дорога была вымощена скалами, путь вел
Воинов вместе, воинные кольчуги сияли,
Твердые, собранные руками. Колец железо ярко
Пело в оружии”.

2.2. РЕКОНСТРУКЦИЯ АРХАИЧЕСКИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ МЕТРИЧЕСКИХ СХЕМ. ТИПОЛОГИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ МЕТРИКИ

Обнаружение словесных фрагментов поэтической речи, восходящих к общиндоевропейской эпохе, ставит вопрос о характеристике метра общиндоевропейского стиха. Поскольку устанавливаемые поэтические словосочетания могут представлять собой неполные отрезки строк, то есть составлять лишь часть стихотворной строки, становится возможным судить о метре индоевропейского стиха лишь на основании сопоставления наиболее архаичных метров в различных индоевропейских стихотворных традициях при сведении их к общей метрической схеме.

Наиболее архаичные стихотворные метры в отдельных индоевропейских традициях характеризуются постоянством числа слогов в пределах строки. Минимальная строка составляет последовательность слов, состоящую из 7 или 8 слогов со словесной цезурой по схеме 5//3, 4//4, 4//3. Конец строки характеризуется определенными отношениями кратких и долгих слогов, причем обычно предпоследний слог — краткий при долготе ему предшествующего слога.

Такая ритмическая схема обнаруживается в древнехеттском стихе, в частности в погребальных гимнах; ср. в древнехеттской песне 2 *BoTU 14 I 13* и след.:

1. *Nešaš ıašpaš, Nešaš ıašpaš*
 2. *tija-mmu tija*
 3. *ni-mmu annaš-maš katta-arnut*
 4. *tija-mmu tija*
 5. *ni-mmu ıaš-maš katta-arnut*
 6. *tija-mmu tija*
- “Несы саван, Несы саван
Надень на меня, надень,

*И мне (одежду) моей матери принеси,
Надень на меня, надень,
И мне (одежду) моего предка принеси,
Надень на меня, надень*, ср. *Watkins 1969a*.

Строки 1, 3, 5 состоят из 8 слогов. При этом первая строка характеризуется структурой 4//4, тогда как восьмисложные 3-я и 5-я строки — структурой 5//3, 5//3.¹

Аналогичная ритмическая схема характерна и для стихов, произносившихся во время царского погребального обряда (KUB XXX 27 Rs. 1—2):

kuit-ua-šši kuit eššaceni 8 : 3//5
nu-uar-at-ši ara ešdu 8 : 4//4
“Что бы мы ему ни делали,
Все то ему да пойдет на благо” (ср. *Otten 1958 : 98—99*).

Подобная структура стиха все еще обнаруживается и в позднеанатолийском лидийском, ср.:

sarokak... nikumēk savēnt 8 : 3//5
“...никогда однако больше не процветать (?)”,
ср. *Miller 1968 : 220*.

В древнеиндийском, в “Ригведе” обнаруживаются тождественные метрические схемы: восьмисложный стих со словесной цезурой 4//4 и 3//5 или 5//3:

agnīm iḥe puróhitam 8 : 4//4
yajñásya devám ṛtvījam 8 : 3//5 или 5//3
hótāram ratnadhātamat 8 : 3//5
(RV I, 1)

“Агни я призываю как поставленного во главе,
Как бога жертвы, жреца.
Как жертвоприносителя, приносящего самые большие сокровища”.

К такой метрической схеме примыкает и архаический греческий стих, засвидетельствованный уже в микенских греческих текстах:

to-ko-do-mo de-me-o-te 8 : 4//4
τοχοδομοι δεμεοτες
“Плотники строящие”
(*Webster 1955; Kuryłowicz 1956 : 283*).

Близок к греческому паронимическому стиху ранний латинский сатурнический стих первоначально с восьмисложной строкой при цезуре 4//4

¹Словосочетание *katta arnut*, обнаруживающее одинаковые граничные гласные составляющих слов, следует, очевидно, читать с элизией одного из гласных: *katta arnut—katt' arnut*.

(ср. Cole 1969 : 69, 174), позднее с семисложной строкой 7=4//3 или 3//4:

<i>poiom uetus uinum bibo</i>	8 : 4//4
“Старый (я) новое вино пью”	
<i>pastores te inuenerunt</i>	8 : 4//4
“Пастухи тебя нашли”	
<i>ego tui temini</i>	7 : 4//3
“Я тебя заклинаю”.	

В самых архаичных образцах славянского стиха обнаруживается восьмисложная строка с цезурой 3//5 или 5//3 и 4//4, Jakobson 1966 : 448, ср. в сербском эпосе:

<i>Што се Јанко не ожени</i>	8 : 4+4
“Что Янко не женится”.	

В русском народном стихе восьмисложник (с членением 5//3, 3//5, 4//4) представлен в качестве языка исторических песен, начиная с древнейшей строки, известной уже из летописи:

<i>Погибоша аки шбрѣ</i>	8 : 4//4
“Погибли как авары”.	

Ср. в песнях об Иване Грозном (Jakobson 1966 : 447):

<i>Не-у-нас во-святой Руси</i>	8 : 4//4
--------------------------------	----------

Аналогичные метры известны в западнославянских исторических песнях и реконструируются для общеславянского (Jakobson 1966; ср. Watkins 1963).

В стихе литовских народных песен наряду с другими размерами обнаруживается и весьма архаичный тип восьмисложника с таким же членением 4//4 и 3//5, ср. в дайне о месяце, солнце и Перкунасе:

<i>Saulužė anksti kėlės,</i>	8 : 4+4
<i>Mėnužis atsiskyrė</i>	7 : 3+4
<i>Mėnuo viens vaikštinėjo</i>	8 : 4+4
“Солнце рано встало, С месяцем рассталось, Месяц один прогуливался”.	

В ряде разобранных выше древних индоевропейских метрических традиций возникают и более сложные метры в результате сложения составных частей первоначального восьмисложника или семисложника. Так, например, архаический шестнадцатисложный стих в славянских свадебных и календарных песнях возникает из удвоения восьмисложных строк (Земцовский 1975 : 163—164), ср. в принципе аналогичное сочетание восьмисложных отрезков (лад) в шестнадцатисложную строку в “Ведах”, а также и в греческом (ср. West 1973; Nagy 1974a):

Наряду с комбинацией двух восьмисложников в шестнадцатисложную строку возможна комбинация друг с другом отдельных его частей, то есть 5//5, 5//4, в результате чего возникают строки соответственно в 10 и 9 слогов с соответствующими цезурами. Такие “комбинированные” метры засвидетельствованы как в древнеиндийской поэзии, так и в архаической греческой, славянской и некоторых других древних индоевропейских версификационных системах, ср. об этих производных комбинированных метрах специальные исследования *Meillet 1923; Jakobson 1966; Watkins 1963; Nagy 1974a*.

Разительную параллель индоевропейской версификационной системе при цезуре структуры 4//4 или 3//5, 5//3 обнаруживает общекартвельский силлабический стих с шестнадцатисложной строкой, образующейся при соединении двух восьмисложных частей с силлабическими сегментами 4//4 и 3//5 или 5//3. Эта общекартвельская версификационная система, представленная в грузинском классическом стихе Руставели, в сущности типологически изоморфна реконструируемому архаичному индоевропейскому стиху, см. *Церетели 1973; 1974*.

3. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ И СИСТЕМА СЧЕТА

3.1. ПРИНЦИПЫ РЕКОНСТРУКЦИИ СИСТЕМЫ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ. ДЕСЯТИЧНАЯ СИСТЕМА СЧЕТА В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Древнеиндоевропейская система счета реконструируется по системе числительных, засвидетельствованных в исторических индоевропейских диалектах. Этимологически соотносимые друг с другом имена числительные в исторических языках позволяют реконструировать соответствующие общиндоевропейские архетипы и предположить для индоевропейской общности перед распадом десятичную систему счета, отразившуюся в основном без существенных преобразований в отдельных исторических индоевропейских традициях.

3.2. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ «ОДИН» И «ПЕРВЫЙ» И ИХ ТИПОЛОГИЯ

В индоевропейском не восстанавливается общее слово для числительного ‘один’. По диалектам выделяются в значении ‘один’ основы:

**se/om-*: хет. *šanna-* ‘раз’, ‘один’, тох. *A sas* (м. р.), *sāñ* (ж. р.), В *še* (м. р.), *sana, sono* (ж. р.), греч. гом. *εἷς* ‘один’ (из **sems*), ж. р. *μία* (из **smia*), ср. р. *ěv*, ср. лат. *semel* ‘однажды’, ‘однократно’, ‘раз’. Само слово, очевидно, местоименного происхождения, и употребление его в значении ‘один’, ‘образующий единство’ (*Anttila 1972 : 366—367*)¹ результат сравнительно позднего развития в отдельных индоевропейских диалектах. Адъективно-местоименное происхождение слова проявляется еще

¹ Предполагается (*Sihler 1973*), что слово могло быть древним обозначением ‘пары’.

в таких формах, как связанные с ним др.-инд. *samá-* 'равный', 'одинаковый', авест. *hāta-*, др.-перс. *hama-* 'равный', 'тот же самый', греч. *ὁμός* 'общий', 'тождественный', *ὄμοσ* 'вместе', др.-ирл. *-som* 'тот же самый', ст.-слав. *самъ* 'самый', 'сам', ср. др.-рус. *самъ другъ* 'один с другим', *самъ пятъ* 'пятый в ряду других' (ср. *Супрун 1969: 7*), гот. *sama* 'тот же самый', др.-англ. *same* 'тот же самый' (англ. *same*).

С этим же корнем следует увязать и.-е. **sēm-* с другой ступенью огласовки в словосложениях: **sēm-i-*¹ 'половина' (то есть равная часть целого): др.-инд. *sāmī-*, греч. *ἡμί-*, лат. *sēmi-*, др.-в.-нем. *sāmi-* (*sāmi-queck* 'полуживой', греч. *ἡμίβιος*).

В качестве другой основы в значении числительного 'один' (при перечислении, ср. *Anttila 1972: 366—367*) по диалектам выделяется основа **oi-*, оформленная различными суффиксами:

**oi-no-*: ст.-лат. *oino-*, лат. *ūnus* 'один', др.-ирл. *ōen*, греч. *οἷνῆ* 'один' (на игральной кости), гот. *ains*, др.-в.-нем. *ein* (нем. *eins*), др.-англ. *ān* (англ. *one*), прус. *ains*, ст.-слав. *in ŭ* в *jed-in ŭ* 'один' (при *in ŭ* 'иной', 'другой');

**oi-k^{hl}-*: митан. арийск. *aika-*, др.-инд. *éka-*, ср. лат. *ūnicus* 'единственный', 'исключительный', гот. *ainaha*, др.-в.-нем. *einac* (нем. *einig*) 'некоторый', 'отдельный', др.-англ. *ænig* 'некоторый' (англ. *any*), ст.-слав. *ino-kŭ* 'отшельник' (буквально: 'одинокий');

**oi-uo-*: др.-перс. *[aiwa]* авест. *aēva-*, ср. греч. *οἷος* 'единственный', 'одинокий', др.-инд. *evām* 'так', 'только'.

Порядковое числительное 'первый' образуется супплетивно от основы **p^{hl}(e)ḡ-N-*, осложненной различными суффиксами по диалектам:

**p^{hl}ḡ-N-uo-*: тох. В *pārweṣṣe* 'первый', др.-инд. *pūva-*, авест. *paurva-* 'прежний', 'первый', алб. *pārë* 'первый', ст.-слав. *prŭvŭ* 'первый';

**p^{hl}ḡ-N-mo-*: др.-англ. *forma* 'первый' (англ. *former*), др.-сакс. *formo*, прус. *pirmas*, лит. *pirmas*;

**p^{hl}ḡ-is-mo-*: лат. *primus* 'первый' (ср. лат. *priuus* 'единственный' < **p^{hl}reĭ-uo-*);

**p^{hl}ḡ-is-f^{hl}o-*: др.-в.-нем. *furisto* 'первый', 'самый высокий' (ср. нем. *Fürst* 'князь'), др.-англ. *fyrst* 'первый' (англ. *first*).

Отсутствие особого числительного в значении 'один' наблюдается и в других праязыковых системах. В частности, в семитских языках числительное 'один' выражается по диалектам различными словами: аккад. *iš-tēn*, араб. *wāḥid-*, 'ahad-, ж. р. 'ihdā, др.-евр. 'ehād, ж. р. 'ahat. Аналогичная ситуация реконструируется и для пракартвельского языка, ср. груз. *ert-*, мегр.-лаз. *art-* 'один' при сван. *eṣxi* 'один', восходящем к адъектив-

¹ В словосложении любой суффикс прилагательного может заменяться на **-i-*, являющееся как бы связующим элементом между прилагательным и последующим словом, ср., например, авест. *bəgəzi-šaxga-* 'высококолесный' при *bəgəzant-* 'высокий', греч. *κλυδι-ἀνερα* 'прославляющая мужей', ср. *Meiße 1938: 297*.

Сходным же образом следует объяснить суффикс *-i-* в числительном 'два' **i'uo-i-* в словосложении типа **i'uo-i-p^{hl}elot'* 'двуногий', **i'uo-i-t'k^{hl}ḡt^{hl}* 'два десятка' и др.

ному образованию *šxwa- 'другой', 'иной'; ср. груз. *sxwa-* 'другой', мегр. *šxva-* 'другой', Климов 1964 : 178—179; к семантике ср. славянское *inŭ* 'один', 'другой', см. выше.

Отсутствие в системе числительных особого числительного в значении 'один' можно проиллюстрировать также на материале многих древних языков, где при наличии числительных от 2 до 10 не обнаруживается специального слова в значении числительного 'один'. Так, например, в шумерском число 'один' выражается разными словами именного происхождения: *deš*, *dili*, *aš*, *gè*, возможно, с первоначальным значением 'мужчина', 'человек' (ср. Рифтин 1927 : 183—184; Дьяконов 1967 : 60).

В хурритском не обнаруживается специального обозначения числа 'один' (Дьяконов 1967 : 141; Diakonoff 1971 : 106).¹

Отсутствие особого числительного 'один' в системе счета указанных древних языков становится понятным при учете типологии счета. Собственно счет или исчисление предметов начинается с 'двух' и более, тогда как 'один' предполагает не счет, а название предмета с помощью его специального обозначения. В дальнейшем такие названия становятся специальными обозначениями числа 'один' и входят в ряд числительных как его начальный элемент. Этим и объясняется разноречивость в обозначении числа 'один' в близкородственных диалектах.

3.3. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ ПЕРВОГО «ДЕСЯТКА»

Начиная с 'двух' и более, в индоевропейских диалектах выделяются формы числительных со строгими фонемными соответствиями, позволяющими реконструировать полную систему индоевропейских числительных:

И.-е. *tʰwo- (ранее *tʰo-, см. выше, стр. 133) 'два'; *tʰu-i- (в сложных словах): хет. *da-* (в словосложении *daḫuga-* 'двухлетний'), *dan* 'второй'; тох. *A wi* (м. р.), *we* (ж. р.), *B wi* 'два', др.-инд. *dvāu* (форма *dv. ч.*), *dvā* (м. р.), *dvé* (ж. р., ср. р.), *dvi-* в сложных словах (ср. *dvi-pād-* 'двуногий'), авест. *dva* (м. р.), *baē* (ж. р.), *bi-* в сложных словах (*bi-māhya-* 'двухмесячный'), арм. *erku*, *erki-* в сложных словах (*erke-am* 'двухлетний'), греч. гом. *δύ(F)ο*, *δύω*, *δι-* в сложных словах (*δι-πους* 'двуногий'), алб. *dy*, лат. *duo*, ст.-лат. *dui-*, лат. *bi-* в сложных словах (ст.-лат. *dui-dēns*, лат. *bidēns*, первоначально: 'двузубый'), др.-ирл. *dáu*, *dó*, ж. р. *dí*, гот. *twai* (м. р.), *twōs* (ж. р.), *twa* (ср. р.), др.-исл. *tvair* (м. р.), *tvær* (ж. р.), *tvau* (ср. р.), др.-англ. *tū* (м. р.), *twā* (ж. р.) (англ. *two*); в сложных словах *twi-* (*twi-fēte* 'двуногий'), др.-в.-нем. *zweine* (м. р.), *zwa*, *zwo* (ж.

¹ В урартском выделяют форму *šusini* в значении числительного 'один' или прилагательного 'единый': *šusini šale* 'за один год, в один год'; засвидетельствована и форма местного падежа этого слова, Меликишивили 1960 : 65, 408. Однако употребление данного слова в таких контекстах, как *šú-si-na MUMÉŠ* (УКН, 264, 28) = аккад. *i-na lib-bi ša-na-te MÉS* 'в продолжение (буквально: среди) [многих] лет' указывает скорее на значение, отличное от числительного 'один'. В соответствии с этим такие выражения, как *šú-si-ni MU za-du-ú-bi* (УКН, 127, 2₂₄, 3₁₉, 45 и др.) следует понимать не как 'за один год совершил', а 'в течение, в продолжение года совершил'.

р.), *zwei* (ср. р.), в сложных словах *zwi-*: *zwi-houbit* 'двуглавый' (нем. *zwei*), лит. *dù* (м. р.), *dvi* (ж. р.), *dvi-* в словосложении: *dvigubas* 'двойной', прус. *dwai*, *dvi-* в словосложении: *dwigubbus* 'двойной', 'сугубый', ст.-слав. *dŭva* (м. р.), *dŭvě* (ж. р., ср. р.); и.-е. **t'uis* 'дважды': др.-инд. *dvih*, авест. *biš*, греч. *δίς* ст.-лат. *duis*, лат. *bis*, ср.-в.-нем. *zwir*;

И.-е. **tʰlʰrei-* ('три') в сложных словах **tʰlʰri-*: хет. *terianna-* 'третий', 'в третий раз', *terianna-* (*tarianna-*) 'напиток' (шумерограмма III-*ianna-*); тох. А *tre* (м. р.), *tri* (ж. р.), В *trey*, *trai*; в сложных словах *tri-* (*tri-wsälum* 'имеющий три одежды'), др.-инд. *trāyaḥ* (м. р.), *tisrá-* (ж. р.); с диссимилятивной утерей предшествующего *-r-*), *trini* (ср. р.), *tri-* в сложных словах (*tri-pád-* 'треногий'), авест. *θrayō* (м. р.), *tišrō* (ж. р.), *θri* (ср. р.); в сложных словах *θri-* (*θri-kamərada-* 'трехглавый'), арм. *ereġ*, греч. *τρεῖς*; в сложных словах *τρι-* (*τρι-πους* 'треножник'), алб. *tre* (м. р.), *tri* (ж. р.), лат. *trēs*; в сложных словах *tri-* (*tri-pēs* 'треногий', ср. о латинских словосложениях с *tri-*, Risch 1976 : 886—887), др.-ирл. *tri* (м. р.), *téoir* (ж. р.), гот. *þreis*, ср. р. *þrija*, др.-англ. *þrie* (м. р.), *þrēo*, ж. р. (англ. *three*), др.-в.-нем. *dri* (нем. *drei*), прус. *tris*, лит. *trỹs*, латыш. *trīs*, ст.-слав. *trije* (м. р.), *tri* (ж. р., ср. р.); и.-е. **tʰlʰris* 'трижды': др.-инд. *trih*, авест. *θriš*, греч. *τρίς*, ст.-лат. *terr*;

И.-е. **kʰlʰetʰlʰe/or-* 'четыре', порядк. **(kʰlʰ)ʰlʰur-jo-*, **kʰlʰetʰlʰur-tʰlʰo-* 'четвертый': тох. А *stwar*, В *stwer*, *swer*, др.-инд. *catvāraḥ* (м. р.), *cātasraḥ* (ж. р.), с диссимилятивной утерей предшествующего *-r-*; *catvāri* (ср. р.), авест. *čaθwārō* (м. р.), перс. *čahār*, арм. *č'orġ*, мик. греч. *qe-to-ro-*, гом. *τέσσαρες*, лат. *quattuor*, др.-ирл. *ceth(a)ir*, ж. р. *cethéoir*, гот. *fidwōr*, др.-англ. *fēower* (англ. *four*), др.-в.-нем. *fior*, *feor* (нем. *vier*), лит. *keturi*, латыш. *četri*, ст.-слав. *četyre* (м. р.), *četyri* (ж. р., ср. р.);¹ тох. А *štärt*, В *štwerne* 'четвертый', др.-инд. *caturthá-*, *turīya-*, *túrya-*, авест. *tūrya-*, арм. *č'orir*, *č'orr-ord*, греч. гом. *τέτρατος*, лат. *quārtus*, др.-ирл. *cethramad*, др.-в.-нем. *fiordo*, др.-англ. *fēorða*, др.-исл. *fjórði*, лит. *ketviřtas*, ст.-слав. *četrŭitŭ* 'четвертый';

И.-е. **pʰlʰenkʰlʰe* 'пять', порядк. **pʰlʰenkʰlʰ-tʰlʰo-* 'пятый': иер. лув. *panta*, тох. А *pāñ*, В *piš*, др.-инд. *pāñca*, авест. *panča*, арм. *hing*, греч. *πέντε*, алб. *pēsë* (гег. *pēsë*), лат. *quinque*, др.-ирл. *cóic*, др.-валл. *pimp*, гот. *fimf*, др.-исл. *fimm*, др.-в.-нем. *fimf*, *finf* (нем. *fünf*), др.-англ. *fiſ* (англ. *five*), лит. *penki*, ст.-слав. *peŭtŭ*; тох. А *pānt*, В *piñkte* 'пятый', др.-инд. *pañthá-*, авест. *pañda-*, греч. *πέμπτος*, лат. *quintus*, гот. *fimfta-*, др.-в.-нем. *fimfto*, *finfto*, др.-исл. *fin(m)ti*, лит. *penktas*, ст.-слав. *peŭtŭ*;

И.-е. **š^oekʰlʰs-* 'шесть', порядк. **š^oekʰlʰ-tʰlʰo-* 'шестой': тох. А *šāk*, В *škas*, др.-инд. *šat* (из **saṣṣ*), авест. *xšvaš*, арм. *vec*, греч. *ἕξ* (диал. *Ἑξ*), алб. *gjashitë*, лат. *sex*, др.-ирл. *sé*, гот. *saihs*, др.-исл. *sex*, др.-в.-нем. *sehs* (нем. *sechs*); др.-англ. *si(ē)x* (англ. *six*), лит. *šeši*, ст.-слав. *šestŭ*; тох. А *škäšt*, В *škaste* 'шестой', др.-инд. *šaṣṭhá-*, авест. *xštua-*, арм. *vec'erord*, греч. *ἕκτος*,

¹ В анатолийском первичное индоевропейское слово для 'четырёх' заменяется на хет. *me(i)u-*, лув. *таца-*.

алб. *i-gjashhtëtë*, лат. *sextus, sestus*, др.-ирл. *sessad*, гот. *saihsta*, др.-в.-нем. *sehsto, sehsto*, др.-исл. *sétte*, лит. *šėštas*, ст.-слав. *šesŭ*;

И.-е. **sep[hl]t[hl]m* ‘семь’, *порядк.* **sep[hl]t[hl]-mo-* ‘седьмой’: хет. *šipta-*, тох. А *špāt*, В *šuk(t)*, др.-инд. *saptá*, авест. *hapta*, арм. *ewfn*, греч. *ἑπτά*, лат. *septem*, др.-ирл. *secht n-*, гот., др.-в.-нем. *sibun* (нем. *sieben*), др.-англ. *seofon* (англ. *seven*), лит. *septyni*, ст.-слав. *sedmŭ*; др.-инд. *saptamá-* ‘седьмой’, перс. *haftum*, греч. *ἑβδόμος*, лат. *septimus*, др.-ирл. *sechtm-ad*, ст.-лит. *sėkmas*, прус. *sep(t)mas*, ст.-слав. *sedmŭ*;

И.-е. **ok[hl]t[hl]ō(u)* ‘восемь’: тох. А *okāt*, В *okt*, др.-инд. *aṣṭā, aṣṭāu*, авест. *ašta* (ср. авест. *ašti-* ‘ширина в четыре пальца’), арм. *uf* (вероятно, из **op[hl]t[hl]ō* с *p[hl]* под влиянием предшествующего числительного **sep[hl]t[hl]m* ‘семь’, ср. *Pokorny 1959 : 775*), греч. *ὀκτώ*, алб. *tétë*, лат. *octō*, др.-ирл. *ocht n-*, гот. *ahtau*, др.-исл. *átta*, др.-в.-нем. *ahto* (нем. *acht*), др.-англ. *eahta* (англ. *eight*), лит. *aštuoni*, ст.-слав. *osmŭ*;

И.-е. **neu(e)n-* ‘девять’: тох. А, В *ñu*, др.-инд. *náva*, авест. *nava*, арм. *inn*, греч. *ἑννέα*, алб. *nëndë*, лат. *noiet*, др.-ирл. *noí n-*, гот., др.-в.-нем. *niun* (нем. *neun*), др.-англ. *niġon* (англ. *nine*), лит. *devyni*, ст.-слав. *devęti*; *порядк.*: тох. В *ñunte*, греч. *ἑννατος* ‘девятый’, гот. *niunda*, др.-в.-нем. *niunto*, др.-англ. *nigoða*, лит. *deviñtas*, прус. *newints*, ст.-слав. *devęti*;

И.-е. **t'ek[hl]m* ‘десять’: тох. А *šāk*, В *šak*, др.-инд. *dáśa*, авест. *dasa*, арм. *tasn*, греч. *δέκα*, лат. *decem*, др.-ирл. *deich n-*, гот. *taihun*, др.-англ. *tien* (англ. *ten*), др.-в.-нем. *zehan* (нем. *zehn*); с основой на суффикс **-t[hl]-*: **t'ek[hl]m-t[hl]-*: прус. *dessimpts*, лит. *dėšimts*, ст.-слав. *desęti* ‘десять’ (первоначально: ‘десяток’, ‘декада’, отсюда **k[hl]mt[hl]om* из *(*t'*)*k[hl]mt[hl]om* ‘сто’, ср. *Pokorny 1959 : 192*—тох. А *kānt*, В *kānte*, др.-инд. *śatām*, авест. *satam*, греч. *ἑκατόν*, лат. *centum*, др.-ирл. *cét*, гот. *hunda*, др.-англ. *hund*, лит. *šimtas*, латыш. *simts*, ст.-слав. *sŭto*).

3.4. ДЕСЯТИЧНОСТЬ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ СЧЕТА. НАЗВАНИЯ «СТА» И «ДЕСЯТКОВ»

Десятичность системы счета в индоевропейском проявляется прежде всего в том, что название ‘ста’ образовано от названия ‘десяти’, ср. **k[hl]mt[hl]om* ‘сто’ при **t'ek[hl]m* ‘десять’.

На названии ‘десяти’ основаны и названия следующих ‘десятков’:

И.-е. **ui-k[hl]mt[hl]-(iH)-* ‘двадцать’ (буквально: ‘два десятка’, ср. и.-е. *(*t'*)*ui-* ‘два’ и *(*t'*)*k[hl]mt[hl]-* ‘десяток’, ср. *Pokorny 1959 : 1177*; *Szemerényi 1960 : 129—136¹*): тох. А *wiki*, В *ikām* (ср. тох. В *ikante* ‘двадцатый’, *Van*

¹ Форма **ui-k[hl]mt[hl]-(iH)-* с долгим *i* восходит к **t'ui-i-k[hl]mt[hl]-(iH)-* ‘два десятка’, в результате утери глоттализованной фонемы **t'* в акцессивном комплексе **-t'k[hl]-* с компенсаторным удлинением предшествующего сонанта **i*, очевидно, не без влияния признака глоттализации смычной (об акцессивных и децессивных комплексах согласных см. выше, стр. 144 и след.). Такое влияние признака глоттализации на предшествующий гласный или сонант можно сравнить с воздействием ‘ларингалных’. Аналогично объясняется долгота сонанта или гласного и в названиях следующих ‘десятков’ (к сходной интерпре-

Windekens 1976 : 572), др.-инд. *vimśatī-*, пали *vīsaṃ*, авест. *visaiti*, арм. *ksan*, греч. дор. беот. фесс. *Ἔξαστι*, аттич. *ἔξασσι*, алб. *një-zet*, лат. *uiginti*, др.-ирл. *fiche*; ср. аналогичную структуру в более поздних германских и балто-славянских образованиях (Szemerényi 1960 : 130); по этой же модели (ср. Мажюлис 1956) гот. *twai-tigjus* 'двадцать' (буквально: 'два десятка'), др.-исл. *tuttugu*, др.-англ. *twen-tig* (англ. *twenty*), др.-в.-нем. *zwein-zug* (нем. *zwanzig*); лит. *duodešimt*, ст.-слав. *dūvadesęti* 'двадцать' (буквально: 'два десятка');

И.-е. **t[hl]ri-k[hl]omt[hl]-* 'тридцать' (буквально: 'три десятка') от и.-е. **t[hl]ri-* 'три' и **(t')k[hl]omt[hl]-*: тох. А *taryāk*, В *tāryāka*, др.-инд. *triṃśat*, авест. *θrisat-*, арм. *eresun*, греч. *τριῶκοντα*, лат. *trīgintā*, др.-ирл. **tricho*; ср. более поздние образования в гот. **preis-tigjus* 'тридцать' (буквально: 'три десятка'), лит. *tridešimt*, ст.-слав. *tridesęti*.

И.-е. **k[hl]oet[hl]uř-k[hl]omt[hl]-* 'сорок' (буквально: 'четыре десятка') от и.-е. **k[hl]oet[hl]ue/or-* 'четыре' и **(t')k[hl]omt[hl]-*: тох. А *štwarāk*, В *ś(t)wārka*, др.-инд. *catvāriṃśat*, пали *cattarisam*, авест. *čaθwarasatəm*, арм. *kařasun*, греч. дор. *τετρῶκοντα*, лат. *quadrāgintā*, др.-ирл. *cethorcho*; ср. более поздние образования в гот. *fidwōr-tigjus* 'сорок' (буквально: 'четыре десятка'), лит. *keturiasdešimt*;

И.-е. **p[hl]enk[hl]e-k[hl]omt[hl]-* 'пятьдесят' (буквально: 'пять десятков') от и.-е. **p[hl]enk[hl]e* 'пять' и **(t')k[hl]omt[hl]-*: тох. А *pñāk*, В *pśāka*, др.-инд. *pañcāśat*, авест. *pančāsāt*, арм. *yisun*, греч. *πεντήκοντα*, лат. *quīnquāgintā*, ср. более поздние образования в гот. *fimf-tigjus* 'пятьдесят' (буквально: 'пять десятков'), лит. *penkiasdešimt*;

И.-е. **s^oek[hl]s-k[hl]omt[hl]-* 'шестьдесят' (буквально: 'шесть десятков') от и.-е. **s^oek[hl]s-* 'шесть' и **t'k[hl]omt[hl]-*; начальная смычная **t'* в комплексе **t'k[hl]-* второго компонента словосочетания бесследно теряется ввиду согласного характера предшествующей фонемы первого компонента словосочетания¹: тох. А *sāksāk*, В *šaska*, арм. *vatsun*, греч. *ἑξήκοντα*, лат. *sexāgintā*, ср.-ирл. *sesca*; в греческом *ἑξήκοντα* и лат. *sexāgintā* долгие соединительные гласные возникают по аналогии с формами греч. *πεντήκοντα*, лат. *quīnquāgintā* (Szemerényi 1960 : 5); ср. также позднейшие образования в гот. **saihs-tigjus* 'шестьдесят' (буквально: 'шесть десятков'), лит. *šešiasdešimt*.

таци долгого сонанта или гласного ср. Szemerényi 1960 : 136). Допущение собственно "ларингальной" в середине словосложения этого типа, предлагавшееся в традиционных интерпретациях названий 'десятков', не имеет никаких морфологических оснований и объяснимо лишь необходимостью интерпретировать долгий гласный или сонант. Между тем объяснение этих долгот становится вполне реальным при учете глоттализованного характера начальной согласной второго компонента **t'k[hl]omt[hl]-* в словосложении.

¹ При допущении "ларингальной" фонемы в сочетаниях числительных типа **mi-k[hl]omt[hl]-*, **t[hl]ri-k[hl]omt[hl]-*, **k[hl]oet[hl]uř-k[hl]omt[hl]-* и т. д. (ср. выше) в качестве связующего элемента следовало бы ожидать след "ларингальной" и в форме для 'шестьдесят'. Отсутствие такового является прямым свидетельством неправомерности допущения "ларингальной" фонемы как связующего элемента в названиях 'десятков' и естественности объяснения долгот сонанта и гласной как результата утери последующей глоттализованной фонемы.

И.-е. *sep[h]t[hl]m̄-k[hl]omt[hl]-¹ ‘семьдесят’ (буквально: ‘семь десятков’) от и.-е. *sep[h]t[hl]m̄ ‘семь’ и *(t')k[hl]omt[hl]-, с утерей начального *t'- в комплексе во втором компоненте словосочетания и удлинением предшествующего сонанта *-m̄-: тох. А *ṣāptuk*, В *ṣuktanka*, арм. *ewfanasan*, греч. ἑβδομήκοντα, лат. *septuāgintā*, др.-ирл. *sechtmogo*, ср. также гот. *sibun-tēhund* (*Szemerényi* 1960: 27—44) при более поздних образованиях в др.-исл. *siau tiger* ‘семьдесят’ (буквально: ‘семь десятков’), лит. *septyniasdešimt*;

И.-е. *ok[hl]t[hl]ō-k[hl]omt[hl]- ‘восемьдесят’ (буквально: ‘восемь десятков’) от и.-е. *ok[hl]t[hl]ōu ‘восемь’ и *t'k[hl]omt[hl]- ‘десяток’: тох. А *oktuk*, В *ok-tanka*, арм. *uṣsun*, греч. гом. ὀκτώκοντα², лат. *octōgintā*, др.-ирл. *ochtmoga*, ср. гот. *ahtau-tēhund* при позднейших образованиях в др.-исл. *átta tiger* ‘восемь десятков’, лит. *aštuoniasdešimt*;

И.-е. *neū-k[hl]omt[hl]- ‘девяносто’ (буквально: ‘девять десятков’) от и.-е. *neū(e)n- ‘девять’ и *t'k[hl]omt[hl]- ‘десяток’, с утерей начального *t'- в комплексе во втором компоненте и удлинением предшествующего сонанта *-n̄-: тох. А *nmuk*, В *ñumka*, арм. *innsun*, греч. гом. ἐννῆκοντα, греч. ἐνενηκοντα, лат. *nōnāgintā*, ср.-ирл. *nócha*, ср. гот. *niun-tēhund* при более поздних образованиях в др.-исл. *nío tiger* ‘девять десятков’, лит. *devyniasdešimt*.

Все индоевропейские названия ‘десятков’ с ‘двадцати’ до ‘девяноста’ представляют собой в сущности словосочетания, возникшие в результате сложения названий чисел с ‘двух’ до ‘деяти’ и названия ‘десятка’. Слияние этих двух слов с определенными фонетическими изменениями дает общиндоевропейские названия ‘десятков’ от ‘двадцати’ до ‘девяноста’.

Названия чисел от ‘одиннадцати’ до ‘девятнадцати’, а также названия ‘сотен’ (‘двести’, ‘триста’ и т. д.) предполагаются в индоевропейском уже в виде свободного соединения слов для ‘единиц’ и соответственно ‘десятков’ или ‘сотен’. Такие сочетания слов могут дать по отдельным диалектам слияния типа греч. *ἑνδεκα* ‘одиннадцать’, *δωδεκα* ‘двенадцать’ и т. д.; др.-исл. *þrettán*, др.-англ. *þrēo-tiene* (англ. *thirteen*) ‘тринадцать’, или лат. *quadrīngenū* ‘четыреста’, *quīngenū* ‘пятьсот’ и т. д.

В индоевропейском не восстанавливается единого слова для ‘тысячи’. В различных диалектных объединениях ‘тысяча’ обозначается разными словами, выражавшими первоначально значение ‘большого множества’ или ‘большого числа’: ср. гот. *þūsundi*, др.-исл. *þúsund*, др.-англ. *þūsend* (англ. *thousand*), др.-в.-нем. *dūsunt*, *thūsunt* (нем. *tausend*), прус. *tūsimtōns*, лит. *tūkstantis*, ст.-слав. *tysęšti* ‘тысяча’ (этимологически: *t[hl]us-k[hl]mt[hl]om ‘сильная сотня’, к семантике ср. тох. А *wälts*, В *yältse* ‘тысяча’, буквально: ‘большое, великое число’, ср. ст.-слав. *velijŭ*, *velikŭ* ‘большой’, ‘великий’); др.-инд. *sa-hásram* ‘тысяча’, авест. *hazarp̄rəm*, греч. χίλιοι, лат. *mille* ‘тысяча’ и др.

¹ К доказательству долготы сонанта *m̄ в индоевропейском слове для ‘семидесяти’ см. *Szemerényi* 1960: 6—11.

² Об отражении в гомеровском ὀκτώκοντα ‘восемьдесят’ общиндоевропейской формы числительного см. *Szemerényi* 1960: 12—13.

3.5. СЛЕДЫ АРХАИЧНОЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ СЧЕТА ПО ПАЛЬЦАМ РУКИ

Десятичная система счета, характерная для позднего индоевропейского языка периода перед распадом его на отдельные диалекты, не первична для праиндоевропейской системы, в которой обнаруживаются следы типологически более архаичного счета. Такая архаичная система проявляется при анализе древних индоевропейских чисел от 'двух' до 'десяти':

И.-е. **t̥u-* 'два' — первичное название числа, с которого начинался счет в праиндоевропейском;

И.-е. **t̥h₁reǵi-* 'три' — первичное индоевропейское слово для числа, следовавшего при счете за 'двумя';

И.-е. **k̥h₁et̥h₁e/og-* 'четыре' — первичное индоевропейское слово для числа, следовавшего при счете за 'тремя';

И.-е. **p̥h₁enk̥h₁e* 'пять'; слово можно этимологизировать как название 'руки', 'пяти пальцев', в чем и проявляется след архаичного способа 'счета по пальцам'. Такое первоначальное значение индоевропейского названия 'пяти' можно усмотреть в этимологически относящихся сюда же формах на *-r* типа гот. *figgrs*, др.-исл. *fingr*, др.-англ. *finger* (англ. *finger*), др.-в.-нем. *fingar* (нем. *Finger*); сюда же, возможно, относится и хет. *pankur* в значении 'совокупность', 'род', *panku-* 'весь', 'целый' (очевидно, из первоначального индоевропейского значения 'вся совокупность пальцев руки', см. *Lehmann 1970*). Индоевропейское слово для 'пяти' **p̥h₁enk̥h₁e* в первоначальном значении 'вся рука', 'вся совокупность', 'все пять пальцев', а в дальнейшем и в значении 'пять', могло выступать и осложненное суффиксом **-t̥h₁-* в форме **p̥h₁(e)nk̥h₁e-t̥h₁-* (ср. выше о маркере слов инактивного класса **-t̥h₁-* в формах типа **iek̥h₁eḡ-t̥h₁-* 'печень', **u(e/o)t̥ḡ-t̥h₁-* 'вода' и др.): ср., с одной стороны, др.-инд. *pañktī-* 'пять', ст.-слав. *peŕŕi* 'пять' и, возможно, др.-исл. *fimt*, умбр. *puntis* (ср., однако, *Szemerényi 1960 : 105—113*); с другой стороны, др.-в.-нем. *fūst* (нем. *Faust*) 'кулак', др.-англ. *fūst* (англ. *fist*) 'кулак', ст.-слав. *peŕŕi*, др.-рус. *пясть*, лит. *kūmstė* 'кулак' (из **punkstė*, *Saussure 1922*; *Szemerényi 1960 : 113*, там же более старая литература). Эта же форма, осложненная суффиксом **-t̥h₁-*, может лежать в основе греч. *πᾶς*, *род. пад. παντός* 'весь', 'вся совокупность', тох. А *pont-*, *puk*, В *po*, *pont-* 'весь', 'каждый' (*van Brock 1972*), с упрощением группы **-nk̥h₁e-t̥h₁-*;

И.-е. **s̥ek̥h₁s-* 'шесть' — неэтимологизируемое первичное обозначение числа, следующего при счете непосредственно за **p̥h₁enk̥h₁e* 'пятью', 'совокупностью пальцев руки'. Связь слова с корнем греч. *αἰξω* 'увеличиваю' (ср. *Szemerényi 1960 : 79*, примеч. 55) представляется маловероятной ввиду формальных трудностей сопоставления этих слов;

И.-е. **sep̥h₁t̥h₁m̥* 'семь' — неразложимое обозначение числа 'семь', которое считается рядом исследователей заимствованием из семитского (ср. *Илич-Свитыч 1964 : 7*, с дальнейшей литературой);

И.-е. **ok̥h₁t̥h₁ō(u)* 'восемь'; форму двойственного числа этого числительного нужно понимать как обозначение удвоения первоначального чис-

ла, дающего в результате 'восемь', то есть 'четырёх'. Форма *ok[h]t[h]ō(u) должна была, следовательно, первоначально значить 'дважды четыре'. Выводимое таким путем первоначальное значение 'четыре' для формы *ok[h]t[h](o)- отражено еще в авест. *ašti-* 'ширина в четыре пальца'¹. Таким образом, для раннего праиндоевропейского языка можно предположить две формы для обозначения 'четырёх', из которых одна, вероятно *ok[h]t[h]o-, обозначала конкретно 'четыре пальца'. При этом 'восемь' понимается как 'дважды четыре' и образуется от одной из форм, выражавших 'четыре'. В этом проявляются остатки архаичного четверичного счета, смененного в дальнейшем десятичным, ср. *Bremer 1924; Knobloch 1952; Барроу 1976: 244; Erhart 1965*.

Характерно, что следующее за 'восемью' число обозначается словом *neup- 'девять', связываемым этимологически с индоевропейским *neuo- 'новый', то есть 'новое' число после определенного цикла, заканчивающегося 'восемью', ср. *Pokorny 1959: 319; Szemerényi 1960: 173*.

И.-е. *t'ek[h]mt[h]l- 'десять'—число, занимающее особое место в системе архаичного индоевропейского 'счета по пальцам'. Специальное слово для 'четырёх пальцев' *ok[h]t[h]l- (наряду с общим словом для 'четырёх' *k[h]oet[h]ue/or-) противопоставляется обозначению *p[h]enk[h]o(t[h]l)- 'всех пальцев руки', то есть 'пяти (пальцев)' (собственно: 'руки со сжатыми пальцами'). 'Десять' — это собственно 'пальцы на обеих руках' как завершение первого этапа всей системы счета по пальцам.

Действительно, форма *t'ek[h]mt[h]l- может быть этимологизирована как 'две руки', то есть *t'o- 'два' + *k[h]mt[h]l- 'рука' ['рука с вытянутыми пальцами'], ср. гот. *handus*, др.-англ. *hand* (англ. *hand*), др.-в.-нем. *hant* (нем. *Hand*), ср. *Jensen 1952; Szemerényi 1960: 69*, там же более старая литература].

Выделяемые в первой десятке архаических индоевропейских названий чисел два класса числительных от 'двух' до 'четырёх' (первичные названия чисел) и от 'пяти' до 'десяти' (названия чисел, этимологизируемые в большинстве случаев как названия 'рук' или 'пальцев руки', что в принципе отражает архаичную индоевропейскую систему счета по пальцам) находят подтверждение и в грамматических особенностях их структуры и функционирования в синтагме. Такое заключение можно сделать на основании согласованного свидетельства большого числа древних индоевропейских диалектов: тохарских, индо-иранских, армянского, греческого, балто-славянских, кельтского.

Числа от 'двух' до 'четырёх', представляющие, очевидно, древние адъективы, согласуются в роде, числе и падеже с определяемым словом, тогда как с числами от 'пяти' до 'десяти', представляющими собой древние

¹ К типологической возможности обозначения 'восьми' с помощью различных преобразований обозначения числа 'четыре' ср. древнеяпонское *ya* 'восемь' при *yd* 'четыре', ср. *Miller R. 1971: 227—229*; бурушаски *w-älti* 'четыре', *ält-ambi* 'восемь' (*Климов/Эдельман 1970: 46*); юкагирское *jalaklan* 'четыре' и *mälajlaklan* 'восемь'—два раза четыре, *Крейнович 1958: 182—184*; ср. некоторые североавстронезийские числительные (*Dyren 1971: 43*).

существительные, определяемое имя сочеталось в синтаксической аппозитивной связи, ср. *Мейе 1938 : 410; Супрун 1969 : 92 и след., 144—145, 196.*

4. СИМВОЛИКА ЧИСЕЛ И СЛЕДЫ АРХАИЧНОГО ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО КАЛЕНДАРЯ

4.1. ОСНОВНЫЕ ЧИСЛА С СИМВОЛИЧНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Уже в архаической индоевропейской традиции некоторые числа приобретают особый символический смысл. Это—прежде всего 2, 3, 4, а также 7 и 12. Такая “числовая символика” отражена во многих древних индоевропейских традициях.

Символика числа ‘два’ проявляется в особой значимости близнецного культа и его парных символов, в парных мифологических обозначениях типа др.-инд. *dyāvā-prthivī* ‘Небо и Земля’ (дв. ч.) и в принципе бинаризма, пронизывающего всю мифологическую и семантическую систему архаической индоевропейской модели мира (см. об этом подробнее выше, стр. 776 и след.).

4.2. СИМВОЛИКА ЧИСЛА «ТРИ». ТРОИЧНОСТЬ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

Число ‘три’ имеет сакральное значение в представлениях древних индоевропейцев и часто определяет количество основных значимых ритуально-мифологических единиц. Выделяются три главных бога пантеона—римские *Iūpiter, Mārs, Quirīnus* (см. выше, стр. 797—798), образующие капитолийскую триаду, которая имеет соответствие и в умбрской традиции (*Dumézil 1966 : 281—306*); в древнеисландской традиции: *Óðinn, Þórr, Njǫrðr* (*Polomé 1970*). Трехглавые персонажи, носящие соответствующие обозначения, известны из многих индоевропейских традиций. Это—трехглавое чудовище в “Ригведе” и “Авесте” и их убийцы, носящие имена, образованные от числа ‘три’, ср. др.-инд. *Tritá- āptiá-* (один из трех братьев), авест. *θrita-*; ср. также трехглавое чудовище в славянском фольклоре.¹

В индоевропейском мифологическом эпосе нередко объединяются три персонажа или три персонажа выступают как единое целое (ср. три богатыря в эпосе восточных славян). В кельтском эпосе один персонаж является сыном трех отцов—*Mac Tri Con* (буквально: ‘Сын Трех Псов’, ср. *Vendryès 1952 : 237*). В архаическом кельтском мифе об инцесте (ср. выше, стр. 778) от любви трех братьев *Findemna* (буквально: ‘прелестная тройня’) и их сестры у нее рождается сын *Lugaid tri riab n-derg* ‘Лугайд с тремя красными шрамами’ (*Dumézil 1971 : 346—347*). Этот мотив перекликается с еще более архаичным хеттским мифом о тридцати братьях-близнецах, которые

¹ Наряду с ‘трехглавыми чудовищами’ в этих традициях выступают и ‘девятиглавые чудовища’ (ср. *Иванов/Топоров 1965 : 86*), т. е. ‘трижды трехглавые’.

соединяются в кровосмесительном браке со своими тридцатью сестрами (ср. *Otten 1973*). Число 'тридцать' в данном случае, как и в ряде других (ср. символику 'тридцати' и 'тридцати трех' в римских обрядах¹), можно рассматривать как некоторое преобразование символики числа 'три' ('тридцать' как 'три десятка').

Особая значимость числа 'три' в мифологических представлениях древних индоевропейцев сказывается и в троичности индоевропейской модели мира и соответственно в членении 'Мирового дерева' на три части — 'Верхний мир', 'Средний мир' и 'Нижний мир', с которыми соотносится все живое, распределяющееся соответственно по этим трем мирам (см. выше, стр. 485 и след.).

4.3. СИМВОЛИКА ЧИСЛА «ЧЕТЫРЕ» И ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СИСТЕМА ВРЕМЕН ГОДА

Символика числа 'четыре' в архаичной индоевропейской традиции более ограничена и уступает по своей значимости символике числа 'три'. Символика 'четырех' проявляется главным образом в структуре ритуала, определяя его строение и пространственно-временные характеристики. В древней Индии и Риме различалось два вида алтарей, а позднее храмов — четырехугольные, ориентированные по четырем сторонам света и считавшиеся алтарями или храмами Неба, и круглые, которые считались храмами Земли (*Dumézil 1966 : 308—315*); такую же картину можно реконструировать и для архаической греческой религии, что отразилось в противопоставлении 'акрополя' (гом. ἀκρόπολις) и 'агоры' (гом. ἀγορή 'место собрания', 'площадь'), *Vernant 1969 : 180*.

В ряде традиций отражается связь числа 'четыре' с культом 'бога Грозы', соотносимого, в частности, с четвертым днем недели: в балтийской традиции — это лит. *Perkūno diena* 'день Перкунаса', 'четверг', в славянской традиции — полаб. *Peräune dän* 'День Перуна' (*Pisani 1956*), в германской традиции — это др.-исл. *þórsdagr* 'день Тора — четверг' (ср. др.-англ. *þúresdæg*, англ. *thursday*); нем. *Donnerstag* 'четверг — день Бога Грозы', ср. лат. *Iouis diēs* 'день Юпитера' (франц. *jeudi*); все это находит точное соответствие в древнеиндийской традиции, где с 'четвергом' связан бог Грозы Индра (*Иванов/Топоров 1974 : 24—25*). С этим связано, вероятно, и представление самого бога Грозы (как и некоторых других богов) в четырех ипостасях, в частности в литовской и некоторых славянских традициях (ср. *Яacobson 1970 : 611*).

Особый интерес с точки зрения символической значимости числа 'четыре' представляют в разных индоевропейских традициях мифологические образы 'четырех ветров', соотношенных с четырьмя сторонами света (о 'четырех ветрах' в общеиндоевропейской традиции см. выше, стр. 678 и след.), ср. также 'четыре карликов' при 'четырех углах неба', соотно-

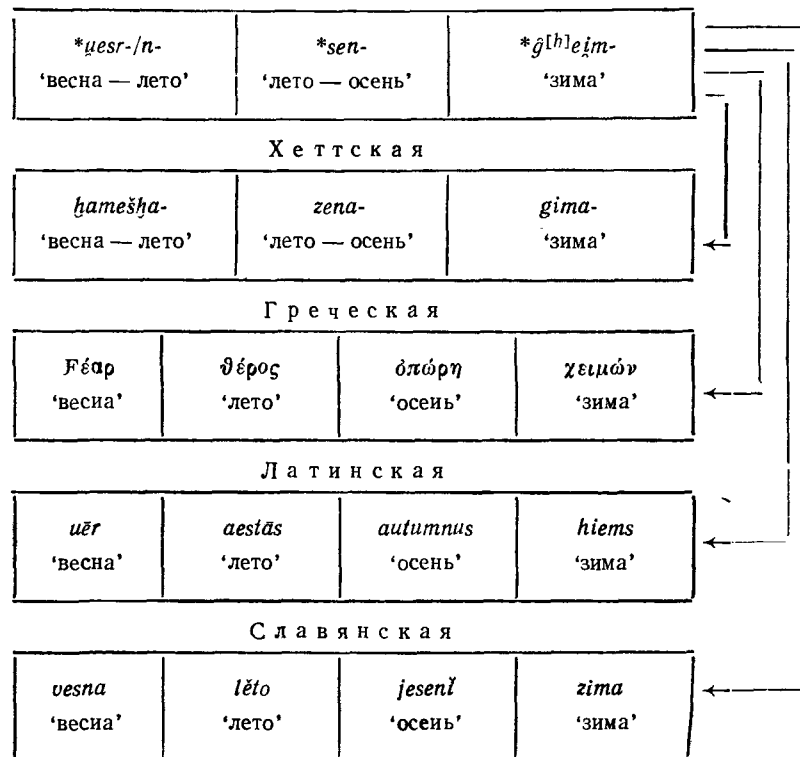
¹ В частности, в римских *comitia curiata* каждая из древних трех триб Рима была представлена десятью людьми и одним прорицателем-авгуром; всего, таким образом, 30 персонажей и 3 авгура, *Dumézil 1948*.

симых с четырьмя сторонами света в “Эдде” и именуемых соответственно *Austri, Vestri, Norðri, Suðri* (ср. de Vries 1956, I : 255);

Такое четырехчленное деление вселенной по частям света, восходящее к весьма архаичному периоду, вызывает, по-видимому, позднейшую четырехчленную классификацию других явлений. Так, например, в ранней Греции уже налицо соотношение деления мира на четыре стороны с четырьмя временами года¹, четырьмя делениями ионийско-аттичес-

¹ Греческие обозначения ‘четырёх времен года’ — гом. *Ἔαρ* ‘весна’, *ἔρος* ‘лето’, *ὀπώρα* ‘осень’, ‘конец лета’, *χειμὼν* ‘зима’ образуют новую четырехчленную систему, отличную от древнейшей трехчленной индоевропейской (см. уже Nilsson 1911), строившейся, по-видимому, по сельскохозяйственным сезонам, см. выше, стр. 690 и след. Такая трехчленная общиндоевропейская система хорошо сохраняется еще в хеттском с тремя ‘временами года’, названия которых отражают индоевропейскую терминологию, ср. хет. *gim-*, *gimant-* ‘зима’, *zena-*, *zenant-* ‘осень’, *ḫamešḫa-*, *ḫamešḫant-* ‘весна-лето’ (заменяющее, очевидно, более древнее **mes-r/-n-*), Goetze 1951 (ср., однако, предположение о четырехсезонном членении года у Hoffner 1974 : 15 и след.). В большинстве других архаичных индоевропейских диалектов сохраняются индоевропейские названия ‘зимы’ и ‘весны-лета’, но возникает новое название ‘лета’, а название ‘осени’ заменяется в большинстве диалектов, кроме анатолийских, армянского и балто-славянских. При этом наблюдается тенденция к образованию четырехчленной системы типа греческой. Ср. также латинскую четырехчленную систему: *uēr* ‘весна’, *aestās* ‘теплое время года’, ‘весна и лето’, *autumnus* ‘осень’, *hiems* ‘зима’ (от 22 сентября до 22 декабря), *hiems* ‘зима’. При сохранении некоторых древних

Общиндоевропейская система

кого племени (у *Аристотеля*), с четырьмя элементами мира (в космогонии ионийцев), с четырьмя жидкостями человеческого тела (у *Гиппократ*а), ср. *Томсон 1959 : 119*.

4.4. СИМВОЛИКА ЧИСЛА «СЕМЬ» И СЛЕДЫ ЛУННОЙ НЕДЕЛИ

Древняя индоевропейская символика числа 'семь' проявляется особенно явно в мифологии и в ритуалах. 'Семь' является числом, определяющим особую группу божеств или мифологических персонажей.

В индо-иранском выделяется как особое единство 'семь богов', ср. др.-иран. *Hafta-daiiva-* 'семь богов' (авест. *Ahura- Mazdā-, Vōhu- Manah-, Aša- Vahista-, Xšaθra- Vairya-, Spanta- Ārmaiti-, Haurvatāt-, Amərətāt-*), ср. *Абаев 1962*; ср. также возможное понимание др.-рус. *Семаргль* как 'семиглавое (семичленное) божество', *Иванов/Топоров 1965*¹. Древнее мифологическое значение числа 'семь' обнаруживается и в наличии групп из семи жертвенных животных, в частности в индоевропейском (раннедревнеиранском) захоронении в Синташте (первая половина II тысячелетия до н. э.).

Нужно полагать, что сакральное значение числа 'семь' основано на выделении семидневной недели как календарной единицы. Особенно наглядно это проявляется в авестийском календаре, где первые семь дней месяца, составляющие неделю, называются приведенными выше именами семи бессмертных древнеиранских богов, ср. *Лившиц 1976*.²

Выделение 'лунной недели' как календарной единицы у древних индоевропейцев можно считать вполне вероятным. Об этом свидетельствует хотя бы устанавливаемый факт названия четвертого дня 'днем бога Грозы'. Однако не удастся реконструировать с достаточной долей вероятия названия других дней недели, а также слово, обозначающее 'неделю' в целом.

4.5. СИМВОЛИКА ЧИСЛА «ДВЕНАДЦАТЬ»

Сакральное значение числа 'двенадцать' в общиндоевропейском устанавливается прежде всего по согласованному свидетельству ритуалов архаичных индоевропейских традиций. 'Двенадцать' является числом основ-

обозначений времен года (греч. *Ἔαρ* 'весна', лат. *уег*, греч. *χειμὼν* 'зима', лат. *hiems*), в греческом (как и латинском) возникает отличная от исходной система названий четырех сезонов, благодаря чему меняются значения и унаследованных названий в новой системе отношений. Ср. также возникновение четырехчленной системы в славянском при сохранении древнего названия 'осени': *vesna* 'весна', *lěto* 'лето', *jesenī* 'осень', *zima* 'зима', где инновация *lěto* еще сохраняет древнее значение 'год' наряду с 'лето' (время года?). Ср. выше схему преобразований общиндоевропейской трехчленной системы времен года и их названий.

¹ Интересно в этом отношении и древнехеттское женское собственное имя, засвидетельствованное уже в каппадокнйских табличках: *Šapta-m-pi-ga-* ('седьмая сестра' от хет. *šapta(ma)-* 'семь' + *pega-* 'сестра', *Neumann 1974 : 278*).

² Высказывается предположение, что 'семичленной неделе' могла предшествовать еще более древняя 'четырёхчленная', дни которой могли называться по именам богов, ср. *Strutynski 1975*.

ных частей тела, на которые рассекается жертвенное животное при совершении обряда лечения человека в хеттской и анатолийской традициях (см. выше, стр. 811 и след.). Этому соответствует 'двенадцать врат души' в древнеирландских медицинских текстах (*Meid 1974 : 28*), 'двенадцать' мифологических воплощений болезней в славянских традициях (*Иванов/Топоров 1965; Топоров 1971*). В древней Греции число 'двенадцать' в ранний период было основным, определявшим число богов (ср. 'двенадцать богов' у Платона и Фидия), число подразделений племени и т. д. (*Vernant 1969 : 164*).

Подобное сакральное значение числа 'двенадцать' было связано, вероятно, уже в индоевропейскую эпоху с делением года на двенадцать месяцев. Такое деление года на двенадцать месяцев известно в целом ряде архаичных индоевропейских традиций (индо-иранской, греческой, италийской, славянской и др.).

*Wer sich selbst und andre kennt,
Wird auch hier erkennen,
Orient und Okzident
Sind nicht mehr zu trennen.*

*“Если ты в сердцах знаток,
Эту мысль пойми ты.
Ныне Запад и Восток
Неразрывно слиты”.*

Goethe, West-östlicher Divan
(Перевод С. Шервинского)

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

**ХРОНОЛОГИЯ
ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО
ЯЗЫКА. ПРОБЛЕМА
ИНДООЕВРОПЕЙСКОЙ
„ПРАРОДИНЫ“ И ПУТИ
МИГРАЦИЙ ИНДООЕВРОПЕЙСКИХ
ПЛЕМЕН В ИСТОРИЧЕСКИЕ
ОБЛАСТИ РАССЕЛЕНИЯ**

EX ORIENTE LUX
“Свет идет с Востока”

ВРЕМЕННЫЕ И АРЕАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА ПО ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИМ ДАННЫМ

1. ХРОНОЛОГИЯ ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

1.1. ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ РЕАЛЬНОСТИ ПРАЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

Основной вопрос, связанный с проблемой реального существования праязыка, и в частности общеиндоевропейской системы, в пространстве и времени — это вопрос хронологии и территории распространения общеиндоевропейского языка, распад которого приводит к образованию родственных исторических диалектов.

1.2. ХРОНОЛОГИЯ ИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ПРАЯЗЫКА В СВЕТЕ ДАННЫХ ОБ АНАТОЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ. ДРЕВНЕЙШАЯ АНАТОЛИЙСКАЯ ОНОМАСТИКА И ГИДРОНИМИКА

Нижняя хронологическая граница для установления времени существования праязыка выводится, в первую очередь, на основании датировки письменных свидетельств, касающихся отдельных происшедших от него исторических языков. В случае праиндоевропейского языка такой нижней хронологической границей *post quem non* является самое начало II тысячелетия, к которому относятся древнейшие свидетельства хеттского и других анатолийских языков.

В каппадокийских табличках из староассирийских торговых колоний в Малой Азии, датирующихся рубежом III—II тысячелетий и началом II тысячелетия до н. э., засвидетельствовано большое количество собственных имен, этимологизируемых на основании отдельных анатолийских языков. Это является явным свидетельством наличия уже давно сформировавшихся к данному времени отдельных анатолийских диалектов — хеттского и лувийского. Особенно показательны следующие типы анатолийских имен из каппадокийских табличек (ср. *Laroche 1966a* : 298 и след.):

Суффикс *-итан* (ср. хеттский реляционный суффикс принадлежности *-итан-*, *-итп-* при лув. *-ицан-*): *Ar-nu-ma-an* (ср. хет. *ar-ni* — 'приносить'), *Ta-ak-ša-nu-ma-an* (ср. хет. *takš-* 'делать', 'мастерить', *takšan-* 'половина'), *Ha-ar-šu-um-nu-ma-an* (ср. хет. *ḫarš-* 'взрыхлять'), *Ša-ak-ri-ú-ma-an* (ср.

хет. *šakkar* ‘грязь’, ‘нечистоты’), *Ša-li-nu-ma-[an]* (ср. хет. *šalli-* ‘большой’), *Šu-pi-ú-ma-an* (ср. хет. *šuppi-* ‘чистый’), *Hi-iš-tù-ma-an* (ср. хет. *LÜ he-eš-tu-u-um-ni* ‘люди дома костей—É *hešta-*’, ср. *haštai* ‘кость’), *Ta-ua-ú-i-ma-an* (ср. лув. *taui-* ‘глаз’), *Goetze 1954 : 351—352*;

Суффикс *-nika* (ср. хет. *nega-* ‘сестра’ при лув. *nanašri-* ‘сестра’): *Ha-šu-ša-ar-ni-kà* (ср. хет. *haššušara-* ‘царица’), *Šu-pi-a-ni-kà* (ср. хет. *šuppi-* ‘чистый’), *Ša-ar-ta-ma-ni-kà* (ср. хет. *šepa[m]-* ‘семь’, *Friedrich 1952 : 303*; ср. идеографическое написание ‘единства из семи’^{DVII. VII.BI} в списках хеттских богов, *Goetze 1953 : 266*), *Ša-am-na-ni-kà* (ср. хет. *šamana-* ‘основа’, ‘фундамент’, *Neumann 1974 : 279*; *Goetze 1954 : 352—353*);

Суффикс *-šar* в женских именах (хет. *-šara-*, суффикс названий женщин: *haššu-* ‘царь’, *haššuššara-* ‘царица’), часто с предшествующим элементом *-aḫšu-*¹: *Hi-iš-ta-aḫ-šu-šar* (ср. хет. *hesta-* ‘кости’), *Ni-ua-aḫ-šu-ša-ar* (ср. хет. *neua-* ‘новый’).

Имена со вторым элементом *-aš(š)u-* (ср. хет. *aššu-* ‘хороший’ при лув., пал. *uašu-*): *Ha-al-ki-a-šu* (ср. хет. *halki-* ‘зерно’), *Ni-ua-šu* (ср. хет. *neua-* ‘новый’), *Ša-ar-ni-kà-šu* (ср. хет. *šarnink-* ‘возместить’), *Ut-ru-ua-šu* (ср. хет. *uattaru-* ‘источник’);

Имена с суффиксом *-att* (ср. хеттский абстрактный суффикс *-att-*, например, *šiuatt-* ‘день’): *A-ši-at* (ср. хет. *aššija-* ‘любить’ и имя божества *Aššijat-*, ср. *Goetze 1953*), *Tá-ar-ḫa-ši-at* (ср. хет. *tarḫ-* ‘побеждать’).

Сюда же относятся такие каппадокийские имена собственные, как *Ši-ua-aš-me-i* от хет. *šiu-*, *šiu-a-* ‘бог’ (при лув. *Tiḫat-* ‘Бог Солнца’, пал. *Tiḫat-*), *I-na-ar* (ср. хет. *innara-* ‘сила’ и имя божества при лув. *annari-*), *Na-na-a* (ср. лув. *nani-* ‘брат’), *Na-na-pi* (ср. позднейшие хеттские имена на *-pi* типа *Hanta-pi*), *Ša-ar-pa* (ср. хет. *šarpa-* ‘серп’), *Tár-ḫu-a-an* и *Ta-ar-ḫu-a-lá* (ср. хет. *tarḫ-* ‘побеждать’) и др.

Из анатолийской ономастики каппадокийских табличек, относящихся к рубежу III—II тысячелетий до н. э., можно сделать недвусмысленный вывод о чрезвычайно длительном периоде развития и формирования уже обособившихся друг от друга отдельных анатолийских языков, что произошло после времени выделения анатолийской общности из общеиндоевропейского языка.²

¹ Ср., например, такие каппадокийские имена на *-aḫšu-*, как *A-ḫa-ua-aḫ-šu* (ср. хет. *aga-ua-* ‘свободный’), *I-lá-li-aḫ-šu* (ср. хет. *ilaliḫa-* ‘желать’ и образованное от него имя бога в древнехеттском тексте ^D*Ilaliḫa-*, *Laroche 1965c : 114*), *I-na-ḫa-aḫ-šu* (ср. хет. *inna-ḫa-* ‘сила’), *Pé-eg-ua-aḫ-šu* (ср. хет. *Piḫa-* ‘имя бога’), *Šu-pi-a-aḫ-šu* (ср. хет. *šuppi-* ‘чистый’). Относительно возможного древнего значения *-ḫšu-* ‘сын’, связанного, вероятно, с *ḫaš-* ‘рождать’, *ḫašša ḫanzašša* ‘внуки правнуки’, см. выше, стр. 201.

² Уже к началу II тысячелетия до н. э. хеттский и лувийский языки в пределах анатолийской общности обнаруживают существенные структурные различия, возникновение которых предполагает длительный период развития этих диалектов после выделения общеанатолийского из пранидоевропейского языка. К отмечавшимся выше различиям в фонетической структуре этих языков (хет. *e* ~ лув. *a*: ср. хет. *ešdu* ‘да будет!’ ~ лув. *ašdu*; хет. *ešḫa-* ‘хозяин’ ~ лув. *uašḫa-*; хет. *ši-* ~ лув. *ti-*: ср. хет. *šiuatt-* ‘день’ ~ лув. ^D*Tiḫat-* ‘бог Солнца’; хет. *-zi* ~ лув. *-ti*: ср. хет. *paizzi* ‘он идет’ ~ лув. *iti* ‘он идет’;

Это заставляет отнести выделение анатолийской общности из индоевропейского праязыка и тем самым начало распада праязыка к периоду не позднее IV тысячелетия до н. э., а возможно и значительно ранее.

При этом есть основания полагать, что формирование и развитие отдельных исторических анатолийских диалектов из общепантолийского (после его выделения из праиндоевропейского) происходило в течение длительного времени в Малой Азии, то есть в пределах исторического обитания носителей анатолийских диалектов. Такой вывод представляется возможным сделать в свете данных анатолийской гидронимии.

Древнейшие наименования рек и водоемов Малой Азии интерпретируются именно на основе древнеанатолийских языков, причем в гидронимах обнаруживаются и такие формы, восходящие к общепантолийскому состоянию, которых уже нет в отдельных исторических языках — хеттском, лувийском, палайском. Так, в частности, уже в надписи Анитты (XVIII в. до н. э.) встречается название реки *Hulana*- в Анатолии (ср. *Neu 1974* : 33—34), этимологизируемое как древнеанатолийское слово **Hulna*- в значении 'волна'¹ и сопоставляемое с индоевропейским названием 'волны' **Hul-no*- : ст.-слав. *vlŭna*, лит. *vilnis*, др.-в.-нем. *wella* 'волна', ср. др.-инд. *ūrmī*- 'волна'.²

Вилльно

хет. *g-/k-* ~ лув. *θ-*: ср. хет. *keššar* 'рука' ~ лув. *iššari-*, лик. *izre* 'рука'; хет. *š-* ~ лув. *t-*: ср. хет. *šakića* 'глаза' ~ лув. *taçi-*, хет. *hūišćant-* 'живой' ~ лув. *huitçali-* и др.) можно добавить различия в грамматической структуре: парадигма глагола прошедшего времени спряжения на *-hi* : 1 л. ед. ч. лув. *-hja* при хет. *-hup*, 3 л. мн. ч. лув. *-nta* при хет. *-ir*; парадигма множественного числа имени: лув. (и иер. лув., ср. *Hawkins/Morpurgo Davis/Neumann 1973*) им. п. мн. ч. *-pzi*, вин. п. мн. ч. *-pza* при хет. им. п. мн. ч. *-eš*, вин. п. мн. ч. *-uš*; лув. отлож.-твор. п. ед. ч. *-ati*, мн. ч. *-pzati* при хет. *-az* и *-it* в формах единственного и множественного числа; ср. также характерные различия в лексике: хет. *antubša-* при лув. *ziti-* 'человек, мужчина', хет. *rai-* при лув. *i-* 'идти', хет. *pega-* при лув. (и иер. лув., *Дунаевская 1966*) *paṇa-šri-* 'сестра', хет. *atta-* 'отец' при лув. (и иер. лув.) *tati-*, лик. *tedi*, ср. пал. *papa-*; хет. *akkant-* при лув. *u(ua)lant-* 'мертвый'; хет. *-ta* (частица) при лув. *-ra* 'же', 'однако, но'; хет. *-(i)a* (частица) при лув. *-hja* 'и' (частица); хет. *le* при лув. *niš* 'не' (запретительная частица); хет. *kinup* при лув. *paṇup* 'теперь'; хет. *šiuṇa-* 'бог' при лув. *maššana-*, лик. *maṇana-* 'бог'; хет. *paṇkui-* 'чистый' при лув. *ḫalali-* (древнее семитское заимствование, ср. аккад. *ellu* 'светлый, чистый'); хет. *dalugi-* при лув. (и иер. лув.) *aga-*, *agi-* 'длинный, долгий' и др. Сюда же следует отнести и слова типа хет. *aššu-* 'хороший' при лув. (и иер. лув.) *cašu-*, хет. *ešja-* при лув. *cašja-* 'хозяин', фонетические различия которых (отсутствие начального *ц-* в хеттском) могут отражать древнейшие индоевропейские ареальные противопоставления, иллюстрируемые такими формами, как греч. *εὖς* при др.-инд. *vāsu* 'добро, имущество', галл. *Vesu-*, др.-герм. *Wisu-* в сложных именах. В этом отношении характерно и противопоставление лексем — хет. *daluki-* 'долгий' (объединяемого в одну изоглоссу с др.-инд. *dīrghá-*, авест. *darəga-*, греч. *δολιχός*, ст.-слав. *dlŭgŭ*, прус. *ilga*, лат. *longus*, гот. *laggs* 'долгий') и лув. *aga-* 'долгий' (объединяемого в одну изоглоссу с тох. А *aryu* 'долгий', *Van Windekens 1976* : 150—151).

¹ Характерно, что в хеттском уже не известно это слово в значении 'волна'; известно лишь название 'шерсти' *ḫulapa-* (ср. *ḫulaliṇa-* 'заворачивать'), которое этимологически, возможно, связано с тем же индоевропейским корнем, см. выше. Отсутствие в хеттском особого слова *ḫulapa-* в значении 'волна' может служить указанием на вероятный общепантолийский характер гидронима *ḫulapa-*.

² К названию реки по основе **Hul-n-* 'волна' в других индоевропейских диалектах ср., например, балтийское *Vilnia* (река, по которой назван город *Vilnius*) и многочис-

Также весьма архаичны по своей структуре и характеру компонентов восходящие, вероятно, к общеанатолийскому периоду гидронимы, которые представляют собой сложные слова со вторым элементом *-ḫara-* (ср. хет. *ḫara-* 'река'): др.-хет. *ḫa-ra-aš-ḫa-ra-aš* 'Орел-Река' (КВо III 54 В 13), совпадающее с центральноевропейским топонимом *Arlape* (> *Erlaf*), ср. *Топоров 1975-1*: 102 (ср. к семантике выше, стр. 539), см. также *Watkins 1973a*: 84; ¹*Dpar-ma-aš-ḫa[-ra-aš]*, название обожествляемой реки одноименного города (к первому компоненту этого гидронима ср. греческий гидроним *Παρμόβς*, *Rosenkranz 1966*: 126); *šu-ra-an-ḫa-ra-aš* (с элементом **šuran-*, не засвидетельствованным в исторических анатолийских диалектах): ср. аналогичные гидронимы (балтийские—прус. *Serenappe*, *Serappin*, *Sarape*, иллирийские — *Serapilli* и др., *Топоров 1975-1*: 98; *1977*: 94,— при *Ser-* во фрак. *Ser-inis*, *Σέρ-μη*, *Syr-mus*, см. *Poghirc 1976*: 336), со вторым элементом *-ar-* из и.-е. **Har^hl-* 'вода', 'река', см. об этом типе гидронимов со вторым компонентом **Har^hl-* в иранской, фракийской, балтийской, иллирийской, кельтской и шире "древнеевропейской" гидронимике *Krahe 1960*; *Топоров/Трубачев 1962*: 171—172; *Трубачев 1968*: 156.

С индоевропейским словообразовательным типом гидронимов на **-nt^hl-* можно сравнить многочисленные малоазийские гидронимы, засвидетельствованные в исторических анатолийских языках и восходящие еще к анатолийской общности: ср. показательное название реки *Maraššanta-* (античная река Галис, современный Кызыл-Ырмак, главная внутренняя река Хеттского Царства), содержащее, вероятно, кроме суффикса *-anta-*, также суффикс *-ašša-* (ср. на Балканах дак.-фрак. *Marus*, *Marisia*, *Μορήσις*) и основу **mar-*, этимологизируемую как 'море', 'болото' (ср. хет. *tammarra-* 'болото', ср. выше, стр. 673); о других индоевропейских гидронимах с элементом *mor-* (*Mor-ava-* в бассейне Дуная, а также на верхней Висле, в бассейнах Днепра и Днестра; ср. там же *Murakwa*, с вероятным германским отражением второго элемента, при античном древнебалканском *Marus*) см. *Трубачев 1968*: 51; *Poghirc 1976*: 336, 337.

К другим гидронимам общеанатолийского происхождения, имеющим широкие индоевропейские связи, следует отнести название малоазийской реки *Alda* (КUB XXV 48 IV 18, ср. название источника *Alda*, КВо II 13 Vs. 23; ср. хет. *aldanni-* 'источник'), *Rosenkranz 1966*: 129, 131, 138. Аналогичные названия реки и болота обнаруживаются в бассейнах Днепра (*Альта*, др.-рус. *Ильтица*, *Льтица*, *Льто*), Дуная ('*Алоубас* у Птолема, ср. рум. *Olt*), в Македонии ('*Алтос*), Иллирии (*Alto*), Паннонии, Нижней Мизии (*Altina*, ср. к суффиксу хет. *aldanni-*) и в Центральной и Западной Европе, *Krahe 1964*; *Трубачев 1968*: 167. К другим возможным сопоставлениям общеанатолийской гидронимики с другими индоевропейскими гидронимами ср. *Rosenkranz 1966*.

ленные другие балтийские и славянские названия рек от той же основы, с которыми связывают и балтийские гидронимы типа *Vēlījs*, *Vīlija* (см. *Vanagas 1981*). В этой связи вызывает интерес отмечаемое *Розенкранцем* (*Rosenkranz 1966*: 131) анатолийское название излучин двух рек *ḫulaḫa-* (КВо IV 10 Vs. 25, 26), которое соотносится с названием *ḫulapa-* и аналогично отмеченным литовским названиям.

Кроме названий рек на раннее заселение центральной Малой Азии анатолийцами-индоевропейцами указывает и ряд древних топонимов этих областей: в “Анналах Хаттусили I” называются завоеванные им города, в их числе *Ḫaššuša-* (упоминаемый уже в текстах из Эблы — середина III тысячелетия до н. э., см. *Pettinato 1980: 52*) и *Sallaḫšuša-*, анализируемые как древнеанатолийские, ср. хет. *ḫaššu-* ‘царь’, *šalli-* ‘большой’ и *-aḫšu-* в древнеанатолийской ономастике каппадокийских табличек.

1.3. ХРОНОЛОГИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПРАЯЗЫКА В СВЕТЕ ДАННЫХ О ВРЕМЕНИ РАСПАДА «ГРЕКО-АРМЯНО-АРИЙСКОЙ» ДИАЛЕКТНОЙ ОБЩНОСТИ. МИКЕНСКИЙ ГРЕЧЕСКИЙ В ЕГО ДИАЛЕКТНОМ ПРИУРОЧЕНИИ. ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ ЯЗЫК КАК ЯЗЫКОВАЯ ОБЩНОСТЬ, СООТНОСИМАЯ С ПЕРИОДОМ V—IV ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ ДО Н. Э.

Установление наличия дифференцировавшихся из анатолийского хетто-лувийских языков на рубеже III тысячелетия до н. э. и предположение ранней дифференциации анатолийской общности в пределах Малой Азии¹ относят период выделения самого анатолийского праязыка из общиндоевропейской системы и, соответственно существование общиндоевропейского праязыка к значительно более раннему периоду, определяемому V—IV тысячелетиями до н. э.

С датировкой существования праиндоевропейского языка, выведенной на основании данных анатолийских языков, согласуются и свидетельства о выделении из праязыка и других языковых общностей.

Индоевропейская языковая общность, оставшаяся после выделения из праязыка общанатолийской и соответственно тохарской языковых общностей, объединяемых по схеме диалектного членения в единую группу, начинает примерно к этому же периоду распадаться на соответствующие диалектные группы, которые впоследствии дали отдельные исторические диалекты. В частности, примерно к тому же времени следует отнести обособление греко-армяно-арийской диалектной общности и последующее распадение ее на индо-иранскую, греческую и армянскую диалектные общности.

Установление в середине II тысячелетия до н. э. наличия особого митаннийского арийского языка, отличного от древнеиндийского и древнеиранского (см. выше о формах типа *aika-ṣartanna*, *ṣašanna* и др., стр. 546 и след.), должно свидетельствовать о раннем начале процесса распада арийской диалектной общности, вероятно, не позднее III тысячелетия до н. э.

Примерно то же время следует предположить и для начала процесса распада греческой языковой общности на отдельные диалекты. Уже микенский греческий (засвидетельствованный начиная с XV в. до н. э.²) об-

¹ Об этом же позволяют судить и некоторые общанатолийские лексические заимствования, в частности анатолийское *pir/pagn-* ‘дом’ (хет. *pir*, *род-п.* *paḡnaš*, иер. лув. *paḡpa-* ‘дом’, лик. *pr̥paḡa-* ‘строить’, лид. *biḡa-* ‘дом’), восходящее, очевидно, к др.-егип. *pr* ‘дом’, см. выше, стр. 741.

² Микенские греческие надписи датируются периодом XV—XIII вв. до н. э. (см. *Ventris/Chadwick 1973; Morpurgo 1963*; к хронологии отдельных микенских надписей см.

наруживает диалектные черты, сближающие его с аркадо-кипрским диалектом, но заставляющие считать его самостоятельным греческим диалектом наряду с аркадо-кипрским, ионийским, эолийским.

Характерными структурными чертами микенского греческого по сравнению с другими родственными диалектами являются следующие фонетические и морфологические признаки: отражение слогового сонанта **ɾ* в микенском (в определенных фонетических позициях, ср. *Morphurgo Davis 1967*) в виде *-ro-* (ср. мик. *qe-to-ro-po-* ‘четырёхножник’), а также в аркадском, кипрском и эолийском, при *-ra-* в ионийском (ср. ион. *τετράποδα*); переход общегреческого **ti* в *si* (мик. *e-ko-si=ἔχουσι* ‘имеют’, *di-do-si=δίδωσι* ‘дает’, *3 л. ед. ч.*), как и в аркадо-кипрском и ионийском, при сохранении **ti* в остальных греческих диалектах: *ἔχοντι, δίδωτι*; окончание *дат. п. мн. ч.* *-o-i, -a-i*, как и в аркадском и кипрском, при более архаичном *-οισι, -α(ι)σι* в ионийском, староаттическом, лесбийском, памфилийском; окончание *3 л. ед. ч. мед.* мик. *-to = -toi* (ср. *e-u-ke-to=εὔχεται* ‘объявляет’), как и в аркадском, при *-ται* в остальных греческих диалектах, ср. ион., аттич. *εὔχεται* ‘объявляет’ и др., ср. *Risch 1955a; 1979a; Chantraine 1955: 32; Schmitt 1977*.

Не подлежит сомнению, что все греческие диалекты этого периода, то есть середины II тысячелетия до н. э., формируются независимо друг от друга из определенной греческой диалектной общности, которую следует датировать значительно более ранним периодом. Нужно полагать, что к середине II тысячелетия до н. э. существовали уже как обособившиеся диалекты аркадский, ионийский, эолийский (ср. *Lejeune 1967*), которые возводятся к более ранней “восточной” диалектной общности, относимой к рубежу III—II тысячелетий до н. э.

С другой стороны, вся эта греческая диалектная группа, определяемая общностью происхождения аркадо-кипрского, эолийского и других диалектов, противостоит дорийскому диалекту (и некоторым другим западно-греческим диалектам), сохранившему наиболее архаические черты общегреческой языковой общности¹, ср. *Durante 1967*. Дорийский наряду с западными греческими диалектами составлял вместе с “восточной” диалектной группой еще более раннюю греческую диалектную общность, которую соответственно следует отнести к эпохе не позднее III тысячелетия до н. э. Распад этой общности к концу III — началу II тысячелетия до н. э. должен был дать, с одной стороны, “восточную” диалектную общность, из которой возникают аркадо-кипрский, ионийский, эолийский и другие диалекты, а с другой стороны, диалектную общность с дорийским и некоторыми западными диалектами.

¹Кносса ср. также *Heubeck 1976*). По времени они совпадают примерно с периодом Среднехеттского и Новохеттского Царств.

²Характерными архаическими чертами дорийского считаются глагольное окончание *1 л. мн. ч.* *-μεσ* (при *-μεν* в других диалектах), ср. *λέγομεσ* ‘мы говорим’; особая форма будущего времени на **-s*, ср. дор. *δωσέοντι*; неассибилрированное окончание *3 л. ед. ч.* *-τι* (ср. дор. *φᾶτι* ‘говорит’) и *3 л. мн. ч.* *-πι* (ср. дор. *δίδονται* ‘дают’, ср. придыхательное *δ* в *3 л. мн. ч.* в беотийском: *καλεονδι* ‘звуют’, *εχονδι* ‘имеют’).

Тем самым греко-армяно-арийская диалектная общность, выделяемая по схеме диалектного членения, должна быть датирована соответственно не позднее III тысячелетия до н. э. и, следовательно, выделение её из праиндоевропейского языка следует отнести примерно к периоду, последовавшему непосредственно за выделением анатолийской диалектной общности.

Все вышеизложенное определяет на основании древнейших ареальных данных период существования общеиндоевропейской языковой системы временем не позднее V—IV тысячелетий до н. э., к которому и следует отнести начало диалектного членения общеиндоевропейского языка.

2. АРЕАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА И ПРОБЛЕМА ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ «ПРАРОДИНЫ»

2.1. ВОПРОС О «ПЕРВОНАЧАЛЬНОСТИ» ПРАЯЗЫКОВОЙ ТЕРРИТОРИИ

Тезис о реальном существовании праязыковой системы, соотнесенной с определенной временной перспективой, предполагает и примерное определение границ территории первоначального обитания носителей этого языка¹. Общеиндоевропейский язык, функционирование которого до членения его на отдельные диалектные общности и выделения из него независимых языковых единиц следует отнести к эпохе не позднее IV тысячелетия до н. э., должен был быть распространен первоначально в определенной географической области.

2.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ «ПРАРОДИНА» КАК ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ С ГОРНЫМ ЛАНДШАФТОМ

Первоначальным ареалом обитания носителей общеиндоевропейского языка можно считать такую географическую область, которая своими экологическими, географическими и культурно-историческими характеристиками соответствует картине среды обитания, получаемой на основе лингвистической реконструкции лексики праязыка.²

¹ Проблема первоначальной территории обитания носителей индоевропейского праязыка или проблема «индоевропейской прародины» является почти такой же старой, как и само сравнительное индоевропейское языкознание. Начало ее исследования относится ко времени зарождения «лингвистической палеонтологии» и первых попыток археологов соотнести археологические данные с языковыми. К истории проблемы см. *Devoto 1962: 40 и след.; Mallory 1973; Schlerath 1973.*

² Термин «первоначальный» в отношении распространения индоевропейского праязыка на определенной территории следует понимать, строго говоря, в хронологических рамках истории этого языка, то есть «первоначальная» территория распространения—как область праязыка, которая должна была быть занята его носителями к определенному историческому периоду. При этом в рамках настоящего исследования не ставится вопрос о том, откуда мог быть занесен индоевропейский праязык на эту «первоначальную» территорию. Не исключено, что эта «первоначальная» территория распространения индоевропейского праязыка вовсе не окажется первоначальной с точки зрения еще более древней истории этого праязыка и его носителей. Такой вопрос научно закономерен в свете теории возможного родства праиндоевропейского с отдельными праязыка-

Первое, что можно утверждать с достаточной уверенностью относительно индоевропейской прародины, это то, что она представляла собой область с горным ландшафтом. Об этом свидетельствует прежде всего многочисленность индоевропейских слов, обозначающих 'высокие горы' и 'возвышенности', ср. выше о словах **H(e/o)kʷ(e/o)r-* 'вершина горы', **ontʷ-/ *ntʷ-* 'гора', 'скала', 'камень', **m(e)n-tʰl-* 'гора', 'возвышенность', **kʰlhol-* 'возвышенность', **bʰlerǵʰl-* 'высокий' (о горе). Это — ландшафт с широким распространением горного 'дуба' (**pʰler-kʰlʰo-u-* 'дуб', 'скала', **aǵkʷ-* 'горный дуб') и ряда других деревьев и растений, растущих в высокогорных местностях.

С такой картиной высокогорного ландшафта согласуются и данные о 'горных озерах' (ср. **or-u-n-* 'большое озеро', 'море', ср. также и.-е. **sal-* 'море или озеро как соленое') и 'быстрых, стремительных реках' (**Hapʰl-* 'река', 'поток', **tʰlekʰlʰo-* 'быстро течь'), а также данные о высокогорном характере климата с пасмурным небом и частыми грозами: **neblʰles-* 'облако', 'туча', 'небо', **Huentʰl-* 'ветер', **Hkʷor-* 'горный, северный ветер', **seu-/ *su-* 'дождь', **sneǵʰlʰo-* 'снег', **ǵʰleǵm-* 'зима', **(i)ekʷ-* и **eis-/ *is-* 'холод', 'лед'.

Другой ряд слов, связанных с климатическими понятиями, исключает приурочение индоевропейской прародины к северным областям Евразии: ср. **ǵʰlʰoer-m-* и **tʰlepʰl-* 'жара', 'тепло'.

Такая картина праиндоевропейского ландшафта естественно исключает те равнинные районы Европы, где отсутствуют значительные горные массивы, то есть северную часть Центральной Евразии и всю Восточную Европу, включая и Северное Причерноморье.

2.3. ОБЩЕИНДРОЕВРОПЕЙСКАЯ ФЛОРА И ФАУНА КАК ПАЛЕОБОТАНИЧЕСКИЕ И ПАЛЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ НА СООТНЕСЕННОСТЬ ИНДРОЕВРОПЕЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СРЕДЫ С ЗОНОЙ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ — ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

Данные об индоевропейских названиях 'деревьев' и 'растений' (**tʷe/orǵ-* 'дерево', 'дуб', **pʰler(kʰlʰo)-/ *pʰleru-* 'дуб', 'скала', **aǵkʷ-* 'горный дуб', **kʷelH-* 'желудь', **bʰlerHkʷ-* 'береза', **bʰlaHkʷo-* 'бук', **(s)kʷrǵbʰlʰo-* 'граб',

выми системами типа прасемитского (из последних работ по этому вопросу см. *Bomhard 1975; 1977*), прауральского (*Collinder 1934*) и других, или в свете теории родства всех этих систем, вместе взятых (так называемая "ностратическая гипотеза", *Иллич-Свитыч 1971; 1976*; ср. *Collinder 1974*). Носители праиндоевропейского языка как определенной ветви еще более древней языковой общности должны были переселиться в таком случае на "первоначальную" территорию их обитания предположительно из других областей, где можно допустить реальные условия существования еще более древнего праязыкового единства, объединяющего индоевропейский с другими группами языков.

Те же соображения относятся и к "прасемитскому", "пракартвельскому" и другим "праязыкам" и первоначальным областям расселения носителей этих праязыковых систем. В частности, "первоначальная" территория для прасемитского — очевидно, где-то в определенной области Ближнего Востока — должна считаться вторичной с точки зрения более ранней истории этой языковой общности, некогда отделившейся от "афразийского" единства, ср. *Дьяконов 1965; Diakonoff 1975*.

*Hos- 'ясень', *Hosp^hl- 'осина', *š^o(e)lik^hl- 'ива', 'ветла', *ei-//*oi- 'тис', *p^hlit^hl- 'сосна', 'пихта', *q^hlar- 'грецкий орех', 'ореховое дерево', *uer- 'вереск', *uort'-/*urt'- 'роза', *m[e]jus- 'мох'), согласующиеся с характеристиками горного ландшафта индоевропейской прародины, локализируют ее в сравнительно более южных областях Средиземноморья в широком смысле, включая Балканы и северную часть Ближнего Востока (Малую Азию, горные области Верхней Месопотамии и смежные ареалы).¹ Дубовые леса нехарактерны для северных областей Европы, где они распространяются лишь начиная с IV—III тысячелетий, ср. выше, стр. 615 и след.

Исследования последнего времени, касающиеся 'Мирового дерева' как основного символа, вокруг которого строится индоевропейская модель мира, образуемая всеми живыми существами, располагающимися по нескольким ярусам — 'верхнему', 'среднему', 'нижнему' (см. выше, стр. 485 и след.), подводят также к выводу, что такие представления могли возникнуть лишь в зоне, богатой лесами, и только позднее могли быть перенесены в более северную степную полосу (ср. также Kraig 1978 : 160).

Такой сравнительно южный характер экологической среды индоевропейской прародины, предполагаемый на основании данных о географическом ландшафте и растительности, подкрепляется анализом общиндоевропейских названий животных: *u^lk^hl^o-//*u^lp^hl- 'волк', *Hrt^hl^hk^hl- 'медведь', *p^hlars-//*p^hlart'- 'барс', 'леопард', *leu- 'лев', *leuk^hl- 'рысь', *ul-o-p^hlek^hl- (ā) 'лиса', 'шакал', *q^hluer^hl- 'дикий вепрь', 'кабан', *el-(e)n-//*el-k^hl- 'олень', 'лось', 'антилопа', *t^hlauro- 'дикий бык', 'тур', 'зубр', *k^hlas-(no-) 'заяц', *q^hle/op^hl- 'обезьяна', *ieb^hl-//*Heb^hl- и *leb^hl-ont^hl-//*leHb^hl^o- 'слон', 'слоновая кость', *og^hl^oi-//*ang^hl^oi- 'змея', *mūs- 'мышь', *k^hlark^hlar- 'краб', *mus- 'муха', *lūs- 'вошь', *g^hlnit'- 'гнида', *d^hlg^hlū- 'рыба', *Huei- 'птица', *He/or- 'орел', *k'er- 'журавль', *k^hler- 'ворон', *t^hlet^h(e)r- 'тетерев', *(s)p^hlik^hl^o- 'дятел', 'маленькая птичка', 'зяблик', *g^hlans- 'водяная птица', 'гусь', 'лебедь'. Некоторые из этих животных (*p^hlars-//*p^hlart'- 'барс', 'леопард', *leu- 'лев', *q^hle/op^hl- 'обезьяна', *ieb^hl-//*Heb^hl- и *leb^hl-ont^hl- 'слон', 'слоновая кость', *k^hlark^hlar- 'краб') специфичны именно для южной географической области, что исключает Центральную Европу в качестве возможной первоначальной территории обитания индоевропейских племен.²

¹ С такой локализацией согласуется и так называемый "аргумент бука", исключаящий из прародины часть Восточной Европы к северо-востоку от Причерноморья до низовьев Волги, см. выше, стр. 623, но совместимый с локализацией ее от Балкан до Ближнего Востока.

² Весьма характерно, что примерно такой же набор названий животных, птиц и насекомых реконструируется и для общесемитского (ср. Fronzaroli 1968, V : 280 и след.): *najt- 'лев', *labi- 'львица', *nimr- 'леопард', *di'b- 'волк', *dabu- 'гиена', *ta'lab- 'лиса', *dabb- 'медведь', [*pil- 'слон', *nūb-(at-) 'обезьяна', *ri'm- 'тур', *par- 'онагр', 'дикий осел', *zabj-(at-) 'газель', *ajjal- 'олень', *wa'l- 'горный козел', *arnab- 'заяц'; *gārib- 'иорон', *našr- 'орел': *našaš- 'змея', *baṭm- 'ядовитая змея', *akbar- 'мышь'; 'крыса', *duparda- 'лягушка', *raḳḳ- 'черепаха', [*warn- 'вид ящерицы', *šaršar- 'сверчок, кузнечик', *dubb- 'муха', *baḳḳ- 'мошка', *naml-(at-) 'муравей', *ḳalm-(at-) 'вошь', *parḡuṭ- 'блоха', *taxla'-(at-) 'червь', *alāḳ-(at-) 'пиявка', *nūn- 'рыба'.

2.4. ХАРАКТЕР РАЗВИТОГО СКОТОВОДСТВА И ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ОБЩЕИНДООЕРОПЕЙСКУЮ ЭПОХУ КАК АРГУМЕНТЫ ПРОТИВ ОТНЕСЕНИЯ ИНДООЕРОПЕЙСКОЙ «ПРАРОДИНЫ» К ОБЛАСТЯМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Вывод о невозможности приурочить индоевропейскую прародину к Центральной и Восточной (но не Юго-Восточной) Европе, полученный на основании свидетельств о ландшафте и экологической среде обитания, согласуется и с данными культурно-исторического характера о домашних животных и культурных растениях, с которыми должны были быть знакомы древние индоевропейцы. Для IV тысячелетия до н. э., то есть в период существования общиндоевропейского языка и его носителей — древних индоевропейцев, скотоводство (как и земледелие) в Центральной Европе было в зачаточном состоянии (Кларк 1953), тогда как в общиндоевропейском восстанавливается развитая система скотоводства с наличием основных домашних животных: *ek^hl^huо- 'конь', 'лошадь', *osono- 'осел', *k^o(o)u- 'бык', 'корова', *Houⁱ- 'овца', 'баран', *q^hlok'- 'козел', 'коза', *k^hl^huon- 'собака', *sū- 'свинья', *p^hlor^ho- 'поросенок'; ср. также обозначения продуктов скотоводства и термины, связанные с 'пастьбой': *Hak'-го- 'невозделанное поле для пастьбы домашнего скота', *p^hlaH- 'охранять скот', 'пасти', *ues-t^hler- 'пастух'. Для Восточной Европы, в частности для Северного Причерноморья и приволжских степей, такое развитое скотоводство известно лишь в III тысячелетии до н. э. (см. Goodenough 1970 : 255 и след.; Мерперт 1974). В центральной Европе овцеводство, сильно развитое у древних индоевропейцев, что видно из развитой овцеводческой терминологии (см. выше, стр. 577 и след.), почти полностью отсутствует до I тысячелетия до н. э. Это согласуется и с отсутствием 'шерсти' в неолите Европы (Кларк 1953 : 124—125, 235—236; Curwen/Hatt 1953 : 41).

Разведение коз отмечается в Европе еще позднее, в том числе и Восточной (Цалкин 1956).

Характерно для общиндоевропейской культуры и наличие развитого пчеловодства (ср. *b^hleⁱ- 'пчела', *mel-it^hl-, *med^hu- 'мед'), с глубокой древности известного на Ближнем Востоке.

Характерное для древнего индоевропейского общества развитое земледелие, устанавливаемое на основе реконструируемых индоевропейских названий сельскохозяйственных растений (*je^uo- 'ячмень', *p^hl^hūr- 'пшеница', *l^hno- 'лен'), плодовых деревьев (*sam[a]lu- 'яблоко', 'яблоня', 'плодовое дерево', *k^hl^hgno- 'кизил', 'вишня', *moro- 'тутовое дерево', *maHlo- 'яблоко', *u(e/o)ino- 'виноград'), специальных орудий для обработки земли (*Har- 'пахать', *Har-H-t^hro-m 'плуг', *seH[i]- 'сеять', *s^oelk^hl- и *p^hlerk^hl- 'борозда', *serp^hl- 'серп'), названий сельскохозяйственных сезонов (*[e]s-en- 'время жатвы', *Ham- 'время созревания', *meH[i]- 'созревать', 'собира́ть урожай'), названий сельскохозяйственных продуктов (*selp^hl- и *ong^hl^o- 'масло'), названий орудий и действий обработки продуктов земледелия (*b^hrek'- 'обрабатывать зерна ячменя на огне', *p^hleⁱs- 'толочь', 'измельчать зерно', *mel- 'молоть', 'дробить', 'толочь', *k^ogāu- 'жернов'); такие орудия проникают в Европу из переднеазиатского

ареала лишь к железному веку, то есть к I тысячелетию до н. э., *Кларк 1953 : 120*), также может служить убедительным свидетельством в пользу возможности локализации индоевропейской общности в областях с наиболее развитым (в IV тысячелетии до н. э. и ранее) земледелием, то есть на той же южной территории, простирающейся от Балкан до Ирана. Наличие развитой терминологии земледелия и виноградарства, в свою очередь, исключает более северные области Европы. Такие злаки, как 'ячмень', становятся в Европе преобладающей культурой лишь к концу II — началу I тысячелетия до н. э. (*Кларк 1953 : 115*).

Примерно этот же переднеазиатский ареал первоначального расселения индоевропейских племен следует предположить и на основании свидетельств генетического фактора усваиваемости молока в человеческих популяциях. Развитость молочного хозяйства у древних индоевропейцев, устанавливаемая на основе многочисленных индоевропейских названий 'молока', 'молочных продуктов', 'доения' (**melk*'-), а также реконструируемой общиндоевропейской символики 'вымени' (**eud*^[h]-) и 'дойной коровы' (**k*'^o*o*^u-) как поэтических образов всеяческого изобилия (см. выше, стр. 567 и след.), указывает на отсутствие в их популяциях генетически обусловленного плохого усвоения молока, с которым связано слабое развитие молочного хозяйства у многих народов Южной Азии (в том числе южной Индии) и Африки.

Этот генетический признак объединяет древние индоевропейские народы, для которых особую роль имело молочное хозяйство, и некоторые народы севера Передней Азии (ср. *Simoons 1979 : 61, 63, 74*).

2.5. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ КОЛЕСНЫЙ ТРАНСПОРТ И МЕТАЛЛУРГИЯ БРОНЗЫ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ЛОКАЛИЗАЦИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ТЕРРИТОРИИ В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

Особую ценность для установления первоначальной среды обитания древних индоевропейцев и локализации индоевропейской прародины представляет индоевропейская терминология транспорта — названия 'колесных повозок' (**k*^[h]*el*-, **k*^[h]*ek*^[h]*lo*- 'колесо', 'колесная повозка', 'колесница', **rot*^[h]*lo*- 'колесо', **Нцег*-^[h]-, **Нцег*-^g^[h]- 'вращать', 'колесо', 'круг', 'повозка', **His*- 'дышло', **d*^[h]*ur*- 'упряжка', **Нак*^[h]*s*- 'ось', **ju*^k*'om* 'ярмо', **цег*^[h]- 'везти (в повозке), возить', **ja*ⁿ- 'ездить в повозке'), названия металлов — 'бронзы' (**Ha*^{je}/*os*-), необходимой для изготовления колесных повозок из твердых пород горного леса, и тягловой силы — 'лошади' (**ek*^[h]*цo*-), которую следует предположить уже в период существования общиндоевропейского языка, то есть в IV тысячелетии до н. э. Весь этот комплекс данных опять-таки ограничивает территорию первоначального распространения индоевропейского языка областью от Балкан до Ближнего Востока и Закавказья, вплоть до Иранского плоскогорья и Южной Туркмении (ср. выше, стр. 717 и след.).

Изготовление колесных повозок датируется временем около IV тысячелетия до н. э. Очагом их распространения признается ареал от Закавказья

казья до Верхней Месопотамии (см. *Childe 1954; Piggott 1969; 1974*). Из ближневосточного очага колесные повозки распространяются в Волжско-Уральском районе (*Генинг 1977*)¹, Северном Причерноморье (*Кузьмина 1974; 1976; 1977*), на Балканах, в Центральной Европе (см. выше, стр. 733 и след.; ср. карту распространения в Евразии колесных повозок). К этому же времени относится и начало эпохи бронзы на Ближнем Востоке (*Forbes 1950*).

Та же территория является одной из возможных областей одомашнивания (или во всяком случае распространения уже одомашненной) лошади и использования ее в качестве тягловой силы (см. выше, стр. 557 и след.).

Разветвленная общеиндоевропейская терминология для 'транспортных повозок', 'упряжи' и ее частей, а также для 'лошади' и 'бронзы', дает основание локализовать индоевропейскую прародину в IV тысячелетии до н. э. в пределах намеченного ареала от Балкан (включая Ближний Восток и Закавказье) вплоть до Южной Туркмении.

Есть основания для реконструкции у индоевропейцев и водного транспорта: *erH-/*reH- 'плавать в лодке или на корабле с помощью весел', *naH₂- 'судно', 'лодка', *p^[h]leu- 'плыть (на судне)'. В IV—III тысячелетиях до н. э. развитый водный транспорт известен в ареале Ближнего Востока, в частности в древней Месопотамии, ср. *Чайлд 1956; Комороци 1976: 17 и след.*

3. КОНТАКТЫ ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА С ЯЗЫКАМИ ДРЕВНЕЙ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

3.1. АРЕАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ПРАИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА С ОБЩЕСЕМИТСКОЙ И ОБЩЕКАРТВЕЛЬСКОЙ СИСТЕМАМИ В ПРЕДЕЛАХ ДРЕВНЕЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ

Реконструируемая праиндоевропейская лексика различных семантических групп, отражающих фауну, флору, хозяйство и материальную культуру, позволяет примерно наметить географическую область, в пределах которой могла находиться индоевропейская прародина и откуда должны были начаться миграции индоевропейских племен, приведшие к распространению их на обширной территории Евразии в историческое время.

Свидетельства другого порядка, такие, как элементы духовной культуры, реконструируемые по лингвистическим данным, а также лексические заимствования и факты взаимодействия индоевропейского с другими языками, позволяют еще более сузить эту намечаемую обширную область возможной 'прародины' индоевропейцев и ограничить ее характерным более компактным ареалом.

Такой праиндоевропейский языковой ареал следует локализовать в той части намечаемой области, где могли осуществляться взаимодействие и

¹ К распространению в волжско-зауральской области деталей упряжи, по самой форме связанных с колесом и засвидетельствованных во II тысячелетии до н. э. (в микенский период) также в Северном Причерноморье и на Балканах, ср. *Оансеа 1976*.

контакты праиндоевропейского языка с семитскими и картвельскими языками, которые обнаруживают целый пласт заимствованной из одного языка в другой лексики, а также целый ряд схожих структурных черт, предполагающих взаимодействие этих языков в течение длительного периода.

Фактор взаимодействия праиндоевропейского языка с семитскими и картвельскими (южнокавказскими) языками предполагает в качестве индоевропейской прародины определенный ареал в пределах Ближнего Востока, где могли осуществляться такие контакты, и исключает тем самым Балканы как возможную территорию первоначального распространения индоевропейского праязыка.

Характерно, что общеиндоевропейский, картвельский и семитский проявляют изоморфную структуру в системе консонантизма с тремя сериями смычных, определяемыми как “глоттализированные” (*resp.* фарингализованные), “звонкие” и “глухие”, ср. выше, стр. 134 и след.¹ В картвельском и индоевропейском при этом обнаруживается тождественная система сонантов со слоговыми и неслоговыми вариантами в зависимости от занимаемой ими позиции в слове. Тождественна и схема построения в этих языковых системах корневых и аффиксальных морфем и правил их соединения в многоморфемные последовательности с механизмом чередования гласных по аблауту, см. об этом подробнее выше, стр. 252 и след. Такое сходство вплоть до изоморфизма в схеме оформления языковых структур могло быть результатом длительного взаимодействия этих языков в пределах определенного ареального единства — союза языков — и вступления их в аллогенетические соотношения друг с другом, ср. *Церетели 1968*.

Об этом же свидетельствуют и многочисленные лексические заимствования, обнаруживаемые в языках этого исторически общего ареального союза языков.

3.2. СЕМИТСКИЕ И ШУМЕРСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Особый интерес представляет лексический пласт в общеиндоевропейском, который можно рассматривать как заимствование из семитского. Это,

¹ Показательно, что все три системы смычных характеризовались первоначально серией *глоттализированных*. Это может объясняться их длительным взаимодействием в пределах определенного географического ареала. Следует отметить, что аналогичные общие фонологические характеристики наблюдаются и в отношении целого ряда других групп языков, входящих в один языковой союз. Типологическое сходство с наличием глоттализированных серий смычных в индоевропейском, картвельском и семитском праязыках можно видеть в наличии глоттализованной серии в америндейских языках, распространенных на территории от Южной Аляски до Центральной Калифорнии и представляющих по крайней мере четыре разные генетические группы. Э. Сепир (*Sapir 1921: 198 и след.*) по этому поводу замечает: “нельзя избежать вывода о том, что существует тенденция у определенных речевых звуков или определенных различительных способов артикуляции распространиться на определенную непрерывную область примерно так же, как элементы культуры излучаются из некоторого географического центра”. Аналогичным образом признак глоттализованности распространился на Кавказе на такие поздние индоевропейские диалекты, как осетинский, ср. *Szemerényi 1977: 376 и след.*

в первую очередь, лексемы, обозначающие домашних животных, культурные растения, орудия, числительные, то есть слова, в силу семантических особенностей наиболее подверженные заимствованию:

И.-е. **t^hl^hauro-* 'дикий бык' ~ сем. **tawr-* 'бык', 'вол': аккад. *šuru*, угар. *tr*, др.-евр. *šôr*, сир. *tawrā*, араб. *tawr-*, южн.-арав. *twr*, ср. *Lewy H. 1895 : 4; Ipsen 1924 : 227—228; Иллич-Свитыч 1964 : 3; Soden 1981, III : 1287*. Заимствование из семитского в индоевропейский, но не наоборот, более вероятно ввиду структуры корня и передачи семитского глухого интердентального **t̥* с помощью глухого (придыхательного) индоевропейского **t^hʔ* (при обратном направлении заимствования следовало бы ожидать в семитском глухого [придыхательного] **t^hʔ*; см. также выше, стр. 519 и след.);

И.-е. **g^hl^hait'* 'козленок', 'коза' ~ сем. **gadj-* 'козленок', 'коза': аккад. *gadū* 'козленок', др.-евр. *gēdī*, араб. *gadjā*, араб. *ğadj-* 'коза', ср. *Иллич-Свитыч 1964 : 3*. Слово в индоевропейском ограничено определенным диалектным ареалом — итало-германским (ср. лат. *haedus*, сабин. *faedus*, гот. *gaitis*, др.-исл. *geit*, др.-англ. *gāt*, англ. *goat*, др.-в.-нем. *geiz*, *Порциг 1964 : 172*). Весьма показательно для определения первоначального индоевропейского ареала обнаружение древнесемитского слова в "западных" индоевропейских языках. При этом заимствованное индоевропейское слово обнаруживает и некоторые отступления от нормальной для индоевропейского фонетической структуры (ср. сочетание в корне фонем серий II и I при их акцессивной последовательности; к структуре индоевропейского корня см. выше, стр. 215 и след.);

И.-е. **ag^hl^hno-* 'ягненок', 'овечка' ~ сем. **igl-* 'молодое животное': аккад. *agalu* 'осел', угар. *gl*, др.-евр. *ēgel*, араб. *iglā*, араб. *igl-* 'теленка', *Иллич-Свитыч 1964 : 4, 11*, прим. 35. Сопоставление индоевропейской формы с семитской, заимствованием которой она является, дает основание предположить для общиндоевропейского еще более древний архетип **Heg^hl^hno-* с начальной "ларингальной" **H-*, эквивалентной семитской **t-*. В индоевропейской форме **-n-* вместо семитского **-l-* может быть объяснено включением этого слова в распространенный в индоевропейском класс домашних животных с суффиксом **-n-* (к названиям животных на **-n-* в индоевропейском ср. также чередование **-n-/*-l-* в формах типа лат. *asinus* 'осел': ст.-слав. *osilū* 'осел', см. выше, стр. 562);

И.-е. **q^hle/op^hl-* 'обезьяна' ~ ср. в семитском аккад. *uḫūru*, др.-евр. *ḫōr*, араб. *ḫōrā* 'обезьяна' (при егип. *gjf* 'обезьяна'), *Soden 1981, III : 1427*. В семитском слове обращает на себя внимание фарингализованная (эмфатическая) фонема **ḫ*, замененная в индоевропейском поствелярной фонемой, которая дала в исторических языках соответствующие рефлекссы (см. также выше, стр. 129 и след.);

И.-е. **b^hlar(s)-* 'зерно', 'крупа' ~ сем. **burr-/*barr-* 'зерно', 'обмолоченное зерно': др.-евр. *bar* 'обмолоченное зерно', араб. *burr-* 'пшеница', южн.-арав. сокотри *bor*, мехри *barr* 'зерно', 'пшеница', *Hrozny 1913 : 38; ср. Möller 1911 : 34; Иллич-Свитыч 1964 : 4—5; Bronzarioli 1969, VI : 296; 1973 : 21—22; Cohen D. 1976 : 87*. Заимствованный характер слова проявляется и в особой огласовке корня **a*. В индоевропейском — ареальное

слово, ограниченное “древнеевропейскими” диалектами: лат. *far*, род. п. *farris* ‘полба’ (*Triticum spelta*), оск., умбр. *far*, гот. *barizeins* ‘из ячменя’, ‘*χρίθινος*’, др.-исл. *barr* ‘зерно’, ‘ячмень’, др.-англ. *bere* ‘ячмень’, ср. др.-ирл. *bairgen* ‘хлеб’, сербо-хорв. *bâr* ‘род проса’, ср. Порциг 1964: 164 — 165. Ареальная ограниченность этого семитского заимствования в индоевропейском указывает на его проникновение в определенную диалектную общность, давшую впоследствии “древнеевропейские” диалекты (италийский, кельтский, германский, славянский) и находившуюся первоначально в контакте с семитской языковой общностью в определенном ареале Ближнего Востока;

И.-е. *d^hloHnā- ‘зерно’, ‘хлеб’ (др.-инд. *dhānā*- ‘зерновые’, перс. *dāna* ‘зерно’, ‘просо’, лит. *dūona* ‘хлеб’, тох. В *tāno* ‘зерно’, Van Windekens 1976: 497) ~ сем. *duḥn- ‘просо’ (ср. Fronzaroli 1969, VI: 297): аккад. *duḥni*, др.-евр. *dōhan*, араб. *dōḥinā*, араб. *duḥn*- (ср. Hrozný 1913: 33; Иллич-Свитыч 1964: 5). В индоевропейском—диалектно ограниченное слово, относящееся к арийско-тохаро-балтийской общности. В семитском слове, заимствованном в индоевропейские диалекты, велярный спирант *ḥ заменяется на “ларингальную” *H, под влиянием которой в исторических диалектах возникает долгая гласная *ō (можно было бы допустить даже утерю чуждого для индоевропейского спиранта *ḥ при компенсаторном удлинении *ō без предварительной замены спиранта *ḥ на *H). Допущение обратного направления заимствования, то есть из индоевропейского в семитский менее вероятно, поскольку трудно объяснима замена индоевропейской “ларингальной” фонемы *H на велярный спирант *ḥ (в условиях наличия в общесемитском ларингальных и фарингальных фонем);

И.-е. *Hand^hl- ‘растения; употребляемые в пищу’ (др.-инд. *āndha*- ‘растение, из которого получали сому’, греч. *ἄνθος* ‘цветок’, *ἄνθινον*. *εἰδάρ* ‘растительная пища’, ‘лотос’, арм. *and* ‘поле’) ~ сем. *hīnṭ-(at-) ‘пшеница’, ‘злаки’ (ср. Fronzaroli 1969, VI: 297): угар. *hīt* ‘пшеница’ (ср. Aistleitner 1963: 101), аккад. (зав.) *ūtṭetu* ‘ячменное зерно’, (ассир.) *ūtṭutu* ‘злаки; зерно’, др.-евр. *hittā* ‘пшеница’, араб. *hittā* ‘пшеница’, араб. *hīnṭa* ‘пшеница’, южн.-арав. сокотри *hīnṭeh*, мехри *hejṭ* ‘пшеница’, ср. Möller 1911: 10; Иллич-Свитыч 1964: 4. Индоевропейское слово ограничено греко-армяно-арийским диалектным ареалом и свидетельствует о контакте этой индоевропейской диалектной группы с семитским языковым миром в определенном ареале Ближнего Востока. Обращает на себя внимание передача семитского эмфатического (фарингализованного или глоттализированного) *ṭ посредством индоевропейского звонкого придыхательного звука *d^hl. Нужно полагать, что в ряде семитских диалектов этот звук уже в древности воспринимался как звонкий, ср. Иллич-Свитыч 1964: 10;

И.-е. *k^oern- ‘жернов’ ~ сем. *gurn- ‘гумно; ток’: угар. *grn* ‘ток’, ‘судилище’, аккад. *maḵgrattu* ‘ток’, ‘место судилища’, др.-евр. *gōren* ‘ток’, араб. *ḡarāna* ‘молоть’, ‘размалывать’, *ḡurn*- ‘ток’, (диал.) ‘ступка’, ср. Möller 1911: 99—100; Иллич-Свитыч 1964: 5. Заимствование из семитского в индоевропейский, а не наоборот, можно установить ввиду мотивирован-

ности/основы в семитском, где имеется и глагольная форма наряду с именной;

И.-е. *med^hu- ‘мед’, ‘медовый напиток’ ~ сем. *mVtq- ‘сладкий(?)’: аккад. *matku* ‘сладкий’, ‘растение, дающее сладкий сок’, угар. *mtk* ‘сладкий’, др.-евр. *m-t-ḳ* ‘быть сладким’, *mātoḳ* ‘сладкий’, араб. *m^htaḳ*, геез *metūḳ* ‘сладкий’, ср. Möller 1911 : 157; Иллич-Свитыч 1964 : 5. Продуктивность корня *m-t-ḳ в качестве глагольной и именной основы в семитском позволяет считать слово собственно семитским, заимствованным в общиндоевропейский язык. Семитский фонетически сложный комплекс *-tq- передается в индоевропейском с помощью одной звонкой придыхательной фонемы *d^h. В отличие от собственно индоевропейского слова для ‘пчелиного меда’ *meli(t^h-), заимствованное семитское слово в форме *med^hu- стало обозначать в индоевропейском ‘сладкий пьянящий напиток’;

И.-е. *p^hlelek^hu- ‘секира’, ‘топор’ ~ сем. *p-l-ḳ ‘раскалывать’, ‘топор’: аккад. *pilakku* ‘топор’, *pulluku II* ‘убивать (топором)’, ‘рубить’, сир. *pelkā* ‘топор’, манд. *pīkā* ‘топор’, араб. *falaka* ‘расщеплять’, ‘раскалывать’, ср. Zimmern 1917 : 12; Wüst 1956 : 17—23 (с литературой); Brockettmann 1966 : 576; Иллич-Свитыч 1964 : 6. Слово показывает своеобразную структуру корня, не характерную для исконно индоевропейских форм. Семитское слово проникает в греческо-(армяно-)арийскую диалектную общность, где оно в дальнейшем уже развивается по закономерностям этого круга диалектов (ср. особое отражение палатализованного *k^h в *satam*-ных диалектах — индо-иранских). Семитское слово могло проникнуть в греческо-арийскую диалектную общность в определенном ареале в пределах Ближнего Востока; ср. также выше, стр. 716 и след.;

И.-е. *sek^hūr- ‘топор’, ‘секира’: лат. *secūris* ‘топор’, ‘боевая секира’, ст.-слав. *sekyra* ‘топор’, ‘боевая секира’ ~ сем. аккад. *šukurru* ‘дротик’ (шумерское заимствование [?], см. Soden 1981, III : 1266), др.-евр. *šegōr* ‘топор’, Георгиев 1953; ср. Фасмер 1964 — 1973, III : 593; Pohl 1977 : 15—16. Слово в индоевропейском характеризуется ограниченностью “древнеевропейским” ареалом; оно должно было быть заимствовано из семитского еще во время пребывания носителей этих диалектов на Ближнем Востоке. Любопытно, что древние диалектные индоевропейские слова для специфического вида оружия *p^hlelek^hu- и *sek^hūr- заимствуются из семитского источника, очевидно, в определенных областях древней Передней Азии;

И.-е. *k^hlaHu- ‘запирать’, ‘ключ’ (греч. дор. *κλάτς* ‘ключ’, лит. *kli-ūti* ‘попадать’, ‘застревать’, ст.-слав. *ključī* ‘ключ’, лат. *clāuis* ‘ключ’, *claudō* ‘запираю’, др.-ирл. *cló* ‘гвоздь’) ~ сем. *k-l- ‘удерживать, задерживать’, ‘запирать’: аккад. *kalū* ‘удерживать’, ‘задерживать’, др.-евр. *kālā* ‘препятствовать’, ‘запирать’, *kele* ‘тюрьма’, араб. *kelā* ‘препятствовать’, араб. *kala’a* ‘охранять’, геез *k-l-* ‘запирать’, ‘удерживать’ (Möller 1911 : 133; Иллич-Свитыч 1964 : 6). Индоевропейское *H является отражением семитской ларингальной *;

И.-е. *naHu- ‘судно’, ‘сосуд’ ~ сем. *^hunw-(at-) ‘сосуд’, в зап.-сем. также ‘судно’ (ср. Fronzaroli 1971, VII : 627): аккад. *unūtu* ‘сосуд’, угар. *’anjt* ‘судно’, др.-евр. *’ōnī* ‘флот’, *’ōnijjā* ‘судно’, араб. *mānā* ‘сосуд’,

араб. *'inā'*-, геез *nawāj* 'сосуд', *Иллич-Свитыч 1964 : 6*. В индоевропейском заимствовании происходит метатеза начальной "ларингальной", приводящая к удлинению корневой гласной;

И.-е. **k^hl^hr(e)j-* 'покупать', 'торговать' ~ сем. **k-r-j* 'торговать': др.-евр. *kārā* 'торговать', *kīrā* 'покупка', араб. *k-r-j* 'сдавать в наем', *kirā* 'плата за наем', южн.-арав. *krj*, *мн. ч.* 'арендная плата', ср. *Möller 1911 : 141—142; Иллич-Свитыч 1964 : 6*;

И.-е. **t'ap^hl-* 'жертвоприношение' ~ сем. **-ḏbaḥ-* 'приносить в жертву', 'закалывать', **ḏibḥ-* 'жертва', 'жертвенное животное' (ср. *Fronzaroli 1965, IV : 255*): аккад. *zibu* 'жертва', угар. *dbḥ* 'жертвоприношение', *mdbḥ* 'алтарь', др.-евр. *zebah* 'жертвенное животное', *zābah* 'приносить в жертву'; *mizbēāḥ* 'алтарь', сир. *debhō* 'жертвоприношение', араб. *ḏabaḥa* 'приносить в жертву', *ḏibḥ-* 'жертва', ср. *Möller 1911 : 44 — 45; Иллич-Свитыч 1964 : 6*. Заимствованный характер индоевропейского слова виден уже в том, что корень построен по чуждому для индоевропейского типу акцессивной последовательности смычных и в наличии в корне гласного **a*;

И.-е. **Hast^hler-* 'звезда' ~ сем. **attar-* 'обожещенная звезда', 'Венера': аккад. *Ištar* 'богиня Иштар', др.-евр. *'aštōret*, финик. *'šrt* 'богиня Астарты', араб. *'tr*, южн.-арав. *'ttr*, *Henninger 1976*. Индоевропейский начальный ларингальный, отраженный в хеттском в виде *ḫ-* (ср. хет. *ḫāšter-* 'звезда'), стоит в заимствованном слове на месте семитского фарингального **ʕ*; см. об этих словоформах подробнее выше, стр. 685 и след.¹

И.-е. **sep^hl^hl^hm* 'семь' ~ сем. **sab^h-* 'семь', **sab^h-at-*, *ж. р.*: аккад. *seba*, *ж. р. sebetu*, др.-евр. *šeba'*, *šib'ā*, араб. *š'ba'*, *šib'ā*, араб. *sab^h-*, *ж. р. sab^h-at-*, геез *sab^hū*, *sab^hatū*, ср. *Möller 1911 : 227; Иллич-Свитыч 1964 : 7*. В общеиндоевропейский язык числительное 'семь' проникает в форме женского рода в функции абстрактного имени, то есть 'семерка', с семитским окончанием **-t-* и с вторичным оформлением его собственно индоевропейским суффиксом **-m*. В этом отношении интересен аналогичный факт заимствования семитского числительного 'семь' в форме женского рода также и в общекартвельский язык в форме **šwid-* (со спирантизацией семитского лабиального смычного *-b-*, ср. *Иллич-Свитыч 1964 : 7; Климов 1967a*). Заимствование числительных (в особенности выше 'пяти') является

¹ Восстанавливаемое для протосемитского слово **attar-* в значении 'астральное божество', 'обожещаемая утренняя звезда', которое как по форме, так и по семантике совпадает с праиндоевропейской формой **Hast^hler-*, не этимологизируется на собственно семитской основе. Поэтому связь между протосемитской и праиндоевропейской формами, объясняемая обычно заимствованием семитской формы в праиндоевропейский язык, можно было бы интерпретировать и предполагая заимствование в обратном направлении, то есть из индоевропейского в семитский. На вероятность такой направленности заимствования может указывать возможность анализа данной формы с точки зрения индоевропейского словообразования (форму **Hast^hler-* можно разложить на корень **Has-* и широко засвидетельствованный индоевропейский деривационный суффикс **-l^her*), а также вероятный сдвиг значения в заимствованном слове от общего ('звезда' вообще) к более конкретному ('обожещенная звезда').

весьма распространенным явлением во многих языках и может объясняться особенно тесными контактами и культурными воздействиями.

Семитские слова с фарингальными и ларингальными согласными заимствуются в общиндоевропейский язык с субституцией этих семитских фонем посредством индоевропейской “ларингальной” фонемы. В дальнейшем эти заимствованные семитские слова развиваются в индоевропейских диалектах согласно правилам индоевропейской фонологии, то есть индоевропейские ларингальные в составе этих слов ведут себя так же, как и исконные “ларингальные” фонемы.

Обнаруживается и противоположная направленность заимствования — из индоевропейского в семитский. К числу таких заимствований следует отнести прежде всего сем. **ḵarn-* ‘рог’: аккад. *ḵarnu*, угар. *ḵrn*, др.-евр. *ḵeren*, араб. *ḵarn*, повторяющее индоевропейскую производную основу **kʰlh₁r-* ‘рог’: лат. *cornū*, гот. *haurn*, др.-англ. *horn* (англ. *horn*), др.-в.-нем. *horn* (нем. *Horn*), ср. также латыш. *sirna* ‘серна’, ‘косуля’, др.-инд. *śṛiṅga-* ‘рог’. Об индоевропейском происхождении данного семитского слова (а не наоборот) можно заключить на основании производного характера данной индоевропейской основы от индоевропейского корня **kʰlh₁er-* ‘вершина’, ‘голова’, греч. гом. *κάρ* и др. (ср. также выше сем. **ʿattar-* при и.-е. **Hastʰh₁er-*).

Обнаруживаются и пранидоевропейско-египетские лексические связи:

И.-е. **bʰh₁eǵ-* ‘пчела’ ~ егип. *bj.t* ‘пчела’. Сопоставление особо показательно ввиду роли Ближнего Востока как древнего очага домашнего пчеловодства, в Египте датируемого временем не позднее III тысячелетия, см. выше, стр. 610 и след. Слово могло попасть в пранидоевропейский язык лишь в ареале Ближнего Востока в условиях возможных контактов с египетским.

На ближневосточный ареал первоначального распространения общиндоевропейского языка указывает и ряд лексических заимствований в индоевропейский праязык из шумерского, локализуемого в IV тысячелетии до н. э. в области Месопотамии.

Здесь в первую очередь следует отметить следующие общиндоевропейские лексемы, проявляющие вероятную связь с шумерскими словами:

И.-е. **kʰoǵ-* ‘бык’, ‘корова’ ~ шум. *nu[d]* (= *gud*, *gu*) ‘бык’, ср. егип. *ng3w* ‘вид больших быков’, ср. *Ipsen 1923: 175 и след.* (ср. выше, стр. 575);

И.-е. **r(e)udʰh₁-* ‘руда’, ‘медь’, ‘красный’ {шум. *urudu*, *Schmidt J. 1890*, см. подробно выше о связи индоевропейского с шумерским, стр. 712. Слово представляет особый интерес для подтверждения связей металлургии общиндоевропейского периода с древневосточной (ср. о хронологии месопотамской металлургии *Мерперт/Мунчаев 1977; Desch et al. 1928—1936*);

И.-е. **(a)ǵes(kʰh₁)-* ‘золото’ {шум. *guškin*, см. выше, стр. 713; ср. наличие того же миграционного термина шумерского происхождения (иногда с семантическим развитием ‘золото’ ⇒ ‘медь’) в ряде других семей языков: уральской, *Aalto 1959; Иванов 1976: 85*; дагестанской (при вероятном *m-<*ǵ-*): авар. *mesed*, анд. *misidi*, ахв. *mišidi*, (дарг) *murhi*, (лак) *musi*, арч. *misir-təu* (< **misid-təu* ‘золото’), удин. *mis*, хин. (*mis*) ‘медь’ (ср.

Гудава 1964а : 83; Гигинейшвили 1977 : 26, 119). Исторически металлургия золота датируется той же эпохой, к которой может относиться и термин для 'меди';

И.-е. *ak'ro- 'поле', 'нива' ~ шум. *agar* (= *a.gár*) 'орошаемая территория', 'нива', Schott 1936 : 83; ср. Devoto 1962 : 37. Сопоставляемые слова могут служить указанием на связь индоевропейского земледелия с методами обработки земли в Шумере;

И.-е. *d^hu^{er}- 'двор', 'дверь' ~ шум. *tùr* 'двор'; 'скотный двор', 'загон для скота', Schott 1936 : 83;

И.-е. *H(e/o)k'or- 'вершина горы' ~ шум. *kúr*, 'гора', 'горная страна'.

3.3. КАРТВЕЛЬСКО-ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ НА ПРЯМЫХ ЯЗЫКОВОМ УРОВНЕ

В том же смысле следует истолковать и наличие заимствованной индоевропейской лексики в общекартвельском (южнокавказском). Праиндоевропейский язык, или во всяком случае некоторые его древние диалектные объединения, контактировал с общекартвельским языком в определенном ареале Ближнего Востока. Индоевропейскими по происхождению в картвельском можно признать следующие лексемы:

Картв. *u^{er}-el- 'ярмо': груз. *u^{er}el*- 'яго', 'ярмо', мегр. *u^{er}u*, сван. *ū^{er}*-*wa* 'ярмо' ~ и.-е. *iuk'-om 'ярмо', ср. Климов 1964 : 186;

Картв. *e-šw- 'кабан', 'свинья': груз. *ešw*- 'клык', мегр. *o-sk-u* 'свинарник' (Климов 1964 : 81) ~ и.-е. *sū- 'свинья'¹;

Картв. *mat'ǀ- 'червь': груз. *mat'ǀ*-, мегр.-лаз. *tunt'ur*-, сван. *mət'* ~ и.-е. *mat^hl-//*mot^hl- 'кусающееся насекомое', 'червь' (ср. Джаукян 1967а : 93) : арм. *matil* 'вошь', гот. *mafa*, др.-в.-нем. *tado* (нем. *Motte*), др.-англ. *maða* 'червь', Pokorny 1959 : 700;²

Картв. *dqa- 'коза': груз. *txa*, мегр.-лаз. *txa*, сван. *daq*- ~ и.-е. диал. *t'ig^hl- 'коза', ср. Климов 1964 : 77;

Картв. *diqa- 'глина': др.-груз. *tiqa*-, груз. *tixa* 'глина', 'грязь', мегр. *dixa*, *dexa* 'почва', 'земля', 'место', лаз. (n)*dixa* ~ и.-е. *d^hleḡ^hl-om- 'земля', Климов 1964 : 95, ср. также сван. *gim* 'земля' при и.-е. диал. *ḡ^hlem- 'земля; почва' из *d^hlḡ^hlem-;

Картв. *dew-/*dw- 'лежать', 'класть': груз. *dew*-/*dw*-, мегр. *d(w)*-, лаз. *d(w)*-, сван. *d*- ~ и.-е. *d^hleH- 'класть';

Картв. *lag/*lg- 'класть', 'сажать' (растение): груз. *lag*- 'класть' /*rg*- 'сажать растение', мегр. *rg*-, лаз. *rg*-, сван. *laž*-/*lž*- ~ и.-е. *leg^hl- 'лежать', Vogt 1938 : 337;

¹ Диалектное (грузино-занское) картвельское слово для 'свинья' *yog- : груз. *yog*-, мегр.-лаз. *yēž*- можно увязать с индоевропейским диалектным словом *ḡ^hlorio- 'свинья'; греч. *χοῖρος* 'поросенок', ср. также алб. *deḡ* 'свинья' (из *ḡ^hlor-n-), *deḡkús* 'поросенок' (из *ḡ^hlor-*n*-*k*^hl-, Pokorny 1959 : 445), ср. Джаукян 1967а : 100.

² В случае анализа картв. *mat'ǀ- как *ma-i'ǀ- (с префиксальным *ma-/*m- от корня *t'ǀ- 'тлеть, гнить', ср. груз. *t'ǀ*-ob-a- 'тление') картвельское слово следовало бы увязать с и.-е. формой *t^halH-l-/*t^hl^hl- (представленной рядом славянских соответствий: ст.-слав. *tǐlǐti* 'тлеть, гнить', *tǐlǐja* 'тление', ср. рус. *тление*, *тля* (см. Сарджвеладзе 1980).

Картв. *den-/din- 'течь', *dn- 'топить(ся)', 'таять': груз. den-/din- 'течь', dn- 'топиться', 'таять', мегр. dən-, din- 'исчезать', 'терять(ся)', лаз. din-, (n)dun-, сван. n- 'таять', 'топиться' ~ и.-е. *dhlēn- 'бежать', 'течь' (ср. Андроникашвили 1966 : 85);

Картв. *gen-/gn- 'слышать', 'понимать', 'сознавать': груз. gen-/gn-, мегр. gən-, gin-, лаз. gn-; картв. *gon- 'думать', 'вспоминать': груз. gon-, мегр. gon-, лаз. (n)gon- ~ и.-е. *k'en-/*k'n- 'знать', 'познавать' (Климов 1964 : 63—64);

Картв. *zixl- 'кровь': груз. sisxl-, мегр. zixir-, лаз. dixir-, сван. zix ~ и.-е. *esH-г- 'кровь', ср. Климов 1964 : 87. Заимствованная картвельская форма показывает редупликацию с озвончением корневого сибиланта *s- (характерный для картвельского тип редупликации);

Картв. *m-k'erd- 'грудь': груз. mk'erd-, мегр. k'idir-, сван. mə'wed, mič'od ~ и.-е. *khlert'- 'сердце', ср. Чикобава 1942 : 99. Индоевропейское глоттализованное *t' отражено в картвельском в виде звонкого *d в результате диссимилятивного озвончения (правило несовместимости двух глоттализованных в основе); к семантике картвельского слова (и.-е. 'сердце' → картв. 'грудь') ср. значение 'грудь' грузинского слова gul- 'сердце' в словосочетании gul-mk'erd-i 'грудь';

Картв. *up'e//op'a 'пуп': груз. up'e 'пуп', лаз. отр'a, умр'a 'пуп', мегр. отр'a 'верхнее бревно крыши дома' ~ и.-е. *ombhl- 'пуп', ср. Мэпп 1910a : 192; Климов 1964 : 185;

Картв. *km-ar-/*km-г-: груз. kmar-i 'муж', мегр. komonž-i, лаз. komož-i 'id.' ~ греч. γαμβρός 'родственник по брачным связям', 'зять', 'шурин', др.-инд. jāmatar-, авест. zāmātar- 'зять'; ср. также греч. γαμέω 'вступаю в брак', гом. γάμος 'свадьба', 'брак', 'бракосочетание' (ср. Джаукян 1967a : 77);

Картв. *šw- 'рождать(ся)': груз. šw- 'рождать(ся)', ср. šv-il-i 'сын', p'ir-mšo- 'первородный' из *p'irmšwe- (ср. др.-инд. pūrva-sū- 'первородный'), мегр. skw- 'нести яйца' (о птице) (ср. skua 'сын'), сван. sg- 'рождать(ся)', ср. əmsge 'сын' ~ и.-е. *seц- 'рождать(ся)', Ворт 1847 : 43, 74; ср. Дондуа 1975 : 235;

Картв. *ber- 'дуть', 'надувать': груз. ber-, мегр. bar-, лаз. bar-, сван. bēl- 'дуть', 'пучить живот' ~ и.-е. *bhlēl- 'дуть', 'надувать' (лат. follis 'меха', др.-исл. bollr 'мяч');

Картв. *k'rep- 'собирать (плоды, цветы)': груз. k'rep-/k'rip- 'собирать (плоды, цветы)', мегр. k'orop-; картв. *k'reb-/*k'erb-/*k'rb- 'собирать(ся)': груз. k'erb-/k'reb-/k'rib-, мегр.-лаз. k'orob- ~ и.-е. *khlērp[hl]- 'собирать (урожай, плоды)' (лат. carpō 'срываю', греч. καρπός 'плод', др.-англ. hærfest, англ. harvest 'урожай', др.-в.-нем. herbist 'урожай', нем. Herbst 'осень', ср. Джаукян 1967a : 69);

Картв. *ekšw- 'шесть': груз. ekws-, мегр. amšv-, лаз. a(n)š-, сван. usgwa 'шесть' ~ и.-е. *s^oek[hl]- 'шесть' (ср. Ворт 1847 : 38); заимствованный характер числительного 'шесть' в картвельском становится более вероятным

в свете семитского происхождения числительного *šwid- 'семь' (ср. выше, стр. 874) и *rwa-/*arwa- 'восемь', ср. Климов 1967а.

К заимствованным числительным в картвельском можно добавить также и картв. *(o)stx(o)- 'четыре': груз. otx-, мегр. otx-, лаз. otxi, o(n)txo, сван. woštixw ~ и.-е. *ok[h]t[h](o)- 'четыре пальца' (см. выше, стр. 849—850), ср. уже Ворт 1847 : 37; Климов 1977а. В заимствованной картвельской форме следует допустить метатезу *k[h]t[h]l → *t[h]k[h]l с последующей спирантизацией *k[h]l и ассибиляцией начальной части комплекса;

Картв. *k'b-en-/*k'b-in- 'кусать'; *k'b-il- 'зуб': груз. k'ben-/k'bin-, мегр. k'ibir-, лаз. k'ibin- 'кусать'; груз. k'bil- 'зуб', мегр. k'ibir-, лаз. k'ibi(r)-, k'ibr- 'зуб' ~ и.-е. *k'eb[h]l-/*k'ep[h]l- 'челюсть', 'рот'; 'есть', 'жрать'; к этому же корню относится и назализованная форма *k'emb[h]l-, *k'mb[h]l- 'кусать', *k'omb[h]l-o- 'зуб' (Pokorný 1959 : 369, 382): тох. А kam, В kete 'зуб', др.-инд. jámbha- 'зуб', греч. ῥόμφος 'шип', 'кол', ст.-слав. zqbŭ 'зуб' (ср. Джаукян 1967а : 81);

Картв. *brg- 'крепкий', 'сильный', 'высокий', 'крупный': груз. brge 'высокий', 'представительный (мужчина)', сван. bæg-i 'крепкий' (Гамк-релидзе/Мачавариани 1965 : 99) ~ и.-е. *b[h]lerg[h]l-/*b[h]rǵ[h]l- 'высокий', 'большой', 'сильный': хет. parku- 'высокий', др.-инд. brhánt- 'большой', 'высокий', 'славный', 'сильный', ст.-лат. forctus 'сильный', 'смелый', арм. barjr 'высокий';

Картв. *t'ep-/*t'p- 'греть(ся)'; 'теплый': груз. t'ep-, t'p- 'греть(ся)', t'p-il-i 'теплый', мегр. t'əbi, t'ibi, лаз. t'ibi, t'ubu 'теплый', сван. t'ebdi ~ и.-е. *t[h]ep[h]l- 'теплый', ср. Ворт 1847 : 25, 75; ср. Дондуа 1975 : 236. Слово в индоевропейском обнаруживает аномалию в строении корня с акцессивной последовательностью, см. выше, стр. 146₃—147.¹

В сфере приведенных выше картвельско-индоевропейских лексических соположений обращает на себя внимание широкий семантический спектр заимствованных слов, охватывающий не только культурные термины, но и ряд слов основного словаря языка : ср. семантемы 'рождать', названия частей тела и др. Это должно указывать на особо тесные контакты в пределах единого языкового союза между взаимодействующими языковыми системами, чем собственно и должен объясняться структурный изоморфизм, устанавливаемый между индоевропейским и картвельским (ср. Меликишвили 1970 : 335 и след.).

Некоторые колебания, наблюдаемые в отражении индоевропейских фонем в рассмотренных картвельских заимствованиях, обусловлены, очевидно, различной хронологией заимствований. Так, например, передача в

¹ И.-е. *t[h]ep[h]l- как аномальная структура корня (акцессивная последовательность смычных) представляет собой исключение из правил распределения согласных в пределах корня и должно, вероятно, считаться заимствованием в индоевропейском языке, ср. выше о заимствованном характере и.-е. *t'ap[h]l- (из семитского) с аналогичной структурой корня. Не исключено, что и в отношении этого индоевропейского корня следует допустить иноязычное происхождение, в данном случае из картвельского (южнокавказского), где обнаруживается его прототип *t'ep-, вполне нормальный с точки зрения картвельской структуры.

картвельском индоевропейских глоттализированных в ряде форм звонкими согласными (ср. картв. *gen-/*gn- при и.-е. *k'en-/*k'n-) объясняется происхождением этих форм в картвельском из определенного древнего индоевропейского диалекта, уже озвончившего серию глоттализированных.¹

3.4. ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ И АРЕАЛЬНАЯ СООТНЕСЕННОСТЬ ПРАИНДООЕВРОПЕЙСКОЙ, ПРАСЕМИТСКОЙ И ПРАКАРТВЕЛЬСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМ

Ареальные контакты индоевропейского праязыка с семитским и картвельским языками, выявляемые на материале лексических заимствований, хорошо укладываются в рамки временного и ареального распределения семитской и картвельской праязыковых систем.

Существование общесемитского языка следует отнести к периоду не позднее IV тысячелетия до н. э. Обнаружение в древней Эбле (*Eb-la*^{K1}, современный Телль-Мардих в Северной Сирии) нового, ранее не известного семитского языка середины III тысячелетия до н. э. (до эпохи Саргона Аккадского, ок. 2350 — 2250 гг. до н. э.), так называемого «палеоханаанейского», представляющего собой особый диалект семитского и проявляющего целый ряд лингвистических черт, сближающих его как с западносемитскими, так и с восточносемитскими языками (*Petitino 1975; Gelb 1977*), дает основание отнести распад общесемитского языка к периоду не ранее IV тысячелетия до н. э., что совпадает хронологически с датировкой общендоевропейского языка. Ареалом прото-семитского должна была служить определенная область на Ближнем Востоке, где могли происходить контакты семитских языков как с индоевропейской праязыковой системой, так и с системой южнокавказского (картвельского) праязыка.²

¹ Помимо приведенных выше общекартвельских слов, сопоставляемых с общендоевропейскими, в картвельских языках выделяются слова, которые обнаруживают сходство со словами отдельных диалектов праиндоевропейского, в частности италийского, балто-славянского («древнеевропейского»): ср.

Картв. *k'wad-/k'ud- (груз. k'ud-, мегр.-лаз. k'udel-, сван. ha-k'wād 'хвост') при лат. cauda 'хвост' (с неясной этимологией, *Egnout/Meillet 1967: 106*), ср. *Джаукян 1967а: 100*;

Картв. *k'rk'o- 'желудь' (груз. rk'o, диал. k'irk'o, girk'o, мегр. k'э, k'i; ср. также связанное с тем же словом груз. k'irk'a 'косточка плода' при диалектизм тушин. k'irk'o 'желудь') при и.-е. *p^hl^herk^ho- (италийск. *querqu-: лат. quercus 'дуб', венет. Quarquēpi), ср. *Шанидзе 1947*;

Груз. zik'pa 'сука' (вероятно, zi- 'самка' + *k'n-a 'собака', ср. лат. canis 'собака', иллир. can-, и.-е. *k^hl^hen-/k^hlon-, ср. *Меликишвили 1965а*;

Груз. bosel- 'хлев', сопоставляемое с формами типа италийск., лат. bōs 'бык' (из и.-е. *k'o-); груз. bosel- можно в таком случае этимологизировать как bos-el- ('место для скота'), ср. *Джаукян 1967а: 85*;

Картв. *k'wenr- 'куница': груз. k'werna-, мегр. k'wipor-, лаз. k'wepu(r), сван. rk'wen, k'(w)ep- при балто-славянском названии 'куницы': лит. kiauñė, латыш. сайпа, прус. саупе, др.-рус. куна (ср. *Джаукян 1967а: 100*);

Картв. *rka- 'рог': груз. rka, мегр. ka, лаз. kga при балто-славянском названии 'рога': лит. gāgas, латыш. gags, прус. gāgis, ст.-слав. rogi 'рог', ср. *Джаукян 1967а: 100*.

² Общекартвельский (южнокавказский) язык следует датировать периодом IV—III тысячелетий до н. э. Дифференциация общекартвельского языка относится по глоттохро-

3.5. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА С ДРЕВНИМИ ЯЗЫКАМИ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ (ХАТТСКИМ, ЭЛАМСКИМ, ХУРРИТО-УРАРТСКИМ)

Общеиндоевропейский язык показывает лексические контакты и с другими древними языками Ближнего Востока — шумерским (см. выше, стр. 875—877), эламским, хаттским (“протохеттским”), которые обнаруживают ряд лексем общего происхождения.

Это в первую очередь касается слова для ‘вина’ — лексемы, очевидно, индоевропейского происхождения, проникшей в широкий ареал языков Передней Азии:

И.-е. *ue/oj-но- ‘вино’ ~ сем. **wajn*-: аккад. *īnu*, угар. *jn*, др.-евр. *jajin*, [араб. *wajn*- ‘черный виноград’, южн.-арав. *wjn* ‘вино’, геэз *wajṅ* ‘виноград’, ‘вино’ (Möller 1911 : 214; Иллич-Свитыч 1964 : 5); ср. егип. *wnš* ‘съедобный плод’, ‘виноград’, ‘вино’, *wnš.t* ‘вино’ ~ картв. **γwino*-: груз. *γwin*-, лаз. (γ)*win*-, сван. *γvinäl*¹ (ср. Ворт 1847 : 28) ~ хат. *γindu-kkaram* ‘виночерпий’, ср. выше, стр. 648 и след.;

И.-е. *šam[- ‘яблоко’ ~ картв. **wašl*[- ‘яблоко’: груз. *wašl*-, мегр. *uškur*-, лаз. *oškur*-, *uškur*-, сван. *wisk’w / usk’w* ~ хат. *šauat* (**šaual*). Слова

этимологическим данным к самому началу II тысячелетия до н. э., (а возможно и значительно ранее), когда из него выделяется сванский язык и общекартвельский распадается на два обособившихся ареала — сванский и грузино-занский, с последующим делением этого последнего на собственно грузинский и занский (или колхский) языки, ср. Гамкрелидзе/Мачавариани 1965 : 1.

Общекартвельский язык периода перед его распадом можно локализовать, судя по архаичным лексическим и топонимическим данным, в горных местностях западной и центральной части Малого Кавказа (Закавказского нагорья).

Первая волна картвельских миграций, направленная к западу и северо-западу, в сторону Колхидской низменности, должна была выделить из общекартвельского языка в III тысячелетии до н. э. один из его западных диалектов и положить начало образованию сванского языка, распространившегося в Западном Закавказье и наслоившегося здесь на местные языки, по всей вероятности, северо-западнокавказского типа, которые тем самым послужили субстратом для сванского.

Сванский язык был постепенно оттеснен к северу, к хребтам Большого Кавказа следующей миграционной волной, следовавшей примерно девятью столетиями позже (судя по глоттохронологическим данным) и достигшей берегов Черного моря при переселении из областей первоначального распространения общекартвельского языка, от которого отделился его западный диалект (этот диалект и дал впоследствии “колхский” — “занский” или мегрело-лазский язык — один из языков древней Колхиды).

Диалекты общекартвельского языка, оставшиеся в пределах Западного Малого Кавказа — этого древнейшего очага картвельских племен, легли в основу грузинского языка, носители которого уже в историческую эпоху распространились в западном направлении, наслоившись на определенной территории на носителей колхского языка, что вызвало разделение его на два самостоятельных диалекта и образование в дальнейшем мегрельского и чанского (лазского) языков, а также в северном и северо-восточном направлениях, оттеснив распространение здесь языки восточнокавказского типа.

Эти миграции картвельских племен обусловили распад общекартвельского языка и экспансию его диалектов за пределы первоначальной области его распространения.

¹ Ср. также соответствие в названии ‘виноградника’: груз. *vepaq*-, мегр.-лаз. *vinex*- при древнем диалектном индоевропейском **uejnak*-: ст.-слав. *vinjaga*, ср. выше, стр. 649.

могут считаться связанными друг с другом по происхождению, однако не представляется возможным с уверенностью установить источник заимствования. Таковым могла бы являться каждая из приводимых языковых форм, ср. выше, стр. 641.

Приведенные выше лексические формы могут служить определенным ориентиром для установления примерных границ первоначального распространения индоевропейского языка и локализации его в пределах возможных контактов с переднеазиатскими языками — такими, как семитский, южнокавказский, хаттский.

Из хаттского языка проникает в индоевропейские диалекты, очевидно, слово для ‘барса’: и.-е. **p^hlars-//p^hlart’*- ‘барс’, ‘леопард’, ср. хат. *(ḥa-)parš-* ‘барс’, см. выше, стр. 505 и след.

С другой стороны, и в хаттском можно обнаружить слова индоевропейского происхождения, более ранние, чем возможные хетто-лувийские заимствования:

Хат. *aḥa-lija-/li-* ‘давать’¹, *Kammenhuber 1969 : 453, 487, 526*. Слово является заимствованием из индоевропейского, ср. индоевропейское **ai-*: тох. В *ai-* ‘давать’, тох. А *e-*, греч. *αἶσα* ‘жребий’, *αἴνυμαι* ‘беру’, лат. *ae-mulus* ‘соперник’, хет. *p-ai-*, *p-i-ja-* ‘давать’, *Pokorny 1959 : 10—11*; ср. *Van Windekens 1976 : 174*. В хаттский язык слово заимствовано из какого-то древнего индоевропейского диалекта, возможно, еще из общиндоевропейского или из определенной индоевропейской ареальной диалектной общности, отличной от анатолийской. Заимствование этого слова хаттским из анатолийского исключается уже на том основании, что в общепанатоллийском эта индоевропейская основа была уже оформлена префиксом **p^hl-*: хет. *pai-*, лув. *pi-ja-*, иер. лув. *pi-*, пал. *piša-*, ср. редупликацию в лув. *pirišša-*, лик. *pibije-* ‘давать’ (*Laroche 1973 : 94—95*), лид. *bi-*;

Хат. *u-ra-i* ‘источник’ (в билингвах переводится с помощью шумерской логограммы TUL), *DÜ-ri-e-it* ‘богиня вод и источников’ (*Kammenhuber 1969 : 462*) следует считать древним индоевропейским заимствованием, ср. и.-е. **ueg-* ‘вода’: тох. А *wār*, В *war* ‘вода’, др.-инд. *vār-* ‘вода’, *vāri* ‘вода’, ‘дождь’, авест. *vairi-* ‘море’, алб. *hurdhë* ‘пруд’, др.-исл. *vári* ‘вода’, ‘влага’. Возможность заимствования данного слова из анатолийского исключается ввиду отсутствия этой основы в хетто-лувийских языках.

Аналогичные индоевропейские заимствования обнаруживаются и в другом древнем языке Ближнего Востока—эламском. Наряду с анатолийскими заимствованиями типа элам. *api(e)* (анафорическое местоимение), *akka* ‘который’, *pini* ‘дар’, ‘посвящение’ и др. (ср. соответственно хет. *ара-* ‘этот’, *ка-* ‘тот’, *pai-/pi-ja-* ‘давать’ и др.) в эламском выделяются формы индоевропейского происхождения, отличные от анатолийских и восхо-

¹ Ср. в хеттско-хаттской билингве KUB II 2+§ I II 40/43: хат. *ia-e i-malḥip* при хет. *pa-aš-ši ri-ue-ni SIG₅-an-du-uš NA₄HI.A* ‘и мы ему даем хорошие камни’; KUB XXVIII 80 I 8’: *taš-te-ia-ia* ‘да не даст ему/ей’; *aḥa tabarna katte-ia* ‘они должны дать правителю, царю’, *Kammenhuber 1969 : 508; 526*; в билингвах переводится с помощью хет. *pai-*, *pi-ja-* ‘давать’.

дящие, очевидно, к более древнему источнику, возможно, еще к диалекту общиндоевропейского языка: элам. *ta-* 'ставить', *tatta-* 'поставить' (ср. др.-инд. *dādhāti* 'ставит', греч. $\tau\acute{\iota}\theta\eta\mu\iota$: и.-е. $*d^{hl}eH-$), элам. *baḥa* 'защита', 'защитник' (ср. др.-инд. *pā-* 'защитник', 'защищать' при хет. *paḥṣ-* 'защищать': и.-е. $*p^{hl}aH-$), элам. *luk-* 'огонь' (ср. лат. *lux* 'свет', греч. $\lambda\epsilon\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ 'белый', 'светлый', при хет. *lukatta* 'светает', только в глагольной форме: и.-е. $*l(e)uk^{hl}-$), элам. *pari* 'идти походом', 'маршировать' (ср. греч. $\pi\acute{o}\rho\omicron\varsigma$ 'проход', лат. *portus* 'гавань': и.-е. $*p^{hl}orH-$) и др., ср. *Rosenkranz 1971*.

Индоевропейские заимствования обнаруживаются и в хурритском и урартском, что указывает на древнейшие связи хурро-урартского с индоевропейскими диалектами, и, возможно, с общиндоевропейским. В свете обнаружения аналогичных древних заимствований в хаттском и эламском контакты общиндоевропейского с хурро-урартским представляются вполне вероятными: ср. хур.-урарт. *ag-* 'вести': и.-е. $*ak'$ - 'вести'; хур. *ašš-* 'сидеть', урарт. *aš-* 'посадить': и.-е. $*es-$ 'сидеть', 'садиться'; урарт. *parile* 'до, к': и.-е. $*p^{hl}r-i-$; урарт. *burgana-* 'крепость': и.-е. $*b^{hl}r̥g^{hl}-$; урарт. *gunu-še* 'битва', 'бой', 'война', 'сражение': и.-е. $*g^{hl}o(e)n-$ 'разбивать', 'поражать'; 'сражение', ср. *Diakonoff 1971 : 82; Джаукян 1967a*.

К общим индоевропейско-хаттско-хурритским культурным терминам, возникшим в результате заимствования из одного языка (по-видимому, индоевропейского) в языки смежного ареала (хаттский и хурритский), можно отнести также название 'зерна': ср. и.-е. $*Hat^{hl}-$ 'зерно' (см. выше, стр. 655) при хаттском *kait* 'зерно', 'богиня зерна' (*Kammenhuber 1969 : 460—461*), хур. *kad/te* 'ячмень', 'зерно' (*Laroche 1978 : 133; Haas/Thiel et al. 1975 : 23*).¹

Общее слово для 'зерна' в праиндоевропейском, хаттском и хурритском могло бы согласоваться с представлением о развитии земледелия и культур определенных злаков в ареале праиндоевропейского языка, близком к ареалам распространения хаттского и хурритского языков.

4. ТИПОЛОГИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ДРЕВНЕВОСТОЧНЫМИ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ

4.1. УРОВЕНЬ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ПРИЗНАК БЛИЗОСТИ К ДРЕВНИМ БЛИЖНЕВОСТОЧНЫМ ЦЕНТРАМ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Проведенный выше анализ индоевропейской лексики и семантики текстов позволяет реконструировать культуру и социальные отношения об-

¹ Сопоставление совпадающих по смыслу и.-е. $*Hat-$ с хаттско-хурритским $ka(i)ṭ$ не представляет особых сложностей и с формальной точки зрения, и поэтому они могут считаться общими по происхождению словам. Индоевропейское начальное $*H-$ могло быть передано при заимствовании слова в хаттский язык (а также и хурритский) с помощью чередующегося звука h/k . Чередование $k \sim h$ засвидетельствовано как в хаттском (ср. хат. *Kattaḥḥa*, *Ḥatagga*, *Ḥataḥḥa* 'царица'), так и в хурритском (ср. хур. *kešḫi*, *keški*, *ḫešḫi* 'трон', ср. *Diakonoff 1971 : 50*).

щества, говорившего на общиндоевропейском языке. Весь характер протоиндоевропейской культуры и социальных отношений указывает на близость данной культуры к древневосточным цивилизациям. Все это может служить дополнительным аргументом в пользу положения о ближневосточной локализации индоевропейской прародины, на которой оформлялась и развивалась культура праиндоевропейского общества в контакте и тесных взаимоотношениях с культурными ареалами народностей древнего Ближнего Востока.

Общиндоевропейская лексика и реконструированные фрагменты текстов дают возможность установить относительно высокий уровень материальной культуры: значимо не только скотоводство, но и земледелие, продукты которых использовались и в таких ремеслах, как 'тканье' (ср. термины **k^hles-* и **p^hlek^hl-* 'чесать шерсть', **H^uln-* 'шерсть', **H(o)u-*/**H^{ue}b^hl-* 'ткать', **sneH-* 'прясть', **sⁱu(H)-* 'шить'; термин для 'льна' **lⁱno-*); засвидетельствовано знакомство с металлами, в частности 'бронзой', и металлургией; развито ремесленное производство (ср. термины **t^hlek^hl^hs-* 'изготавливать', **p^hlek^hl-* 'плести', 'переплетать', **t^hler-* 'тереть', 'сверлить', **b^hler-* 'обрабатывать острым орудием', **sk^hler-* 'резать', 'стричь', 'кроить', **t^{er}-* 'сдирать кору, кожу'; термины гончарного производства: **d^hleiġ^hl-* 'глина', 'материал для гончарного производства').

Восстанавливаются специальные слова, обозначающие различные виды оружия (**[e]n^si-* 'меч'), а также лексика военного дела (**g^hl^oen-* 'убивать', 'уничтожать', **se/oru-* и **lau-* 'добыча', 'захватывать добычу' и др.; **laH(u)o-* 'войско', 'поход', **uer-* 'защищать', 'оборонять'); широко развита техника колесного транспорта.

Восстанавливаются различные достаточно высокие проявления духовной деятельности, ср. в особенности результаты восстановления индоевропейских метрических форм и поэтического языка, а также ритуала, представленного в разветвленной жреческой терминологии и мифологии: ср. **sp^hlent^o-* 'совершать возлияние', **t^oanp^hl-* 'поедать ритуальную пищу, приносимую божеству', **Has-* 'очаг', 'алтарь', **k^hlret^o-d^hleH-* 'верить', 'уповать', **sak^hl-* 'освящать', 'священный', **eⁱsġro-* 'наделенный священной силой', **aⁱu-* 'жизненная сила', 'вечность', **H^{ner}-t^hl-* 'жизненная сила'; ритуальные и правовые термины: **[muk^o]-* 'молиться', **aru-* 'молиться', 'возносить молитву', **naH-* 'почитать богов', 'бояться', **sāk^o-* 'узнавать по приметам', **Ho-* 'считать истинным', **ieuo-* 'ритуальное правило', **t^oeⁱk^hl-* 'предназначение', **leik^o-* 'давать обязательство', **serk^hl-* 'возмещать' и др.

Не только самый тип общиндоевропейской мифологии близок к древневосточным мифологическим традициям, но и мифологические мотивы и образы (ср. мифологический мотив первоначального единства 'человека' и 'земли', мотив бога как 'пастуха душ умерших', мифологические образы 'быка', 'льва', мифологический мотив 'кражи яблока' и другие, см. выше об отдельных традициях) находят аналоги в древневосточных мифологиях, под влиянием которых должна была складываться праиндоевропейская мифологическая традиция. Здесь налицо такие типологические параллели и

совпадения, что нельзя не прийти к выводу о тесных взаимоотношениях между различными мифологическими традициями в пределах общекультурного ареала. Особенно характерны некоторые общеиндоевропейские обряды, совпадающие с древневосточными, в частности обряд погребения предводителя на колеснице, завершающийся сжиганием трупа и собиранием праха в особые сосуды, см. выше, стр. 826 и след.

В сфере социально-экономических отношений праиндоевропейского общества следует особенно подчеркнуть наличие особых 'поселений' $*uej\acute{k}^{[h]}$ -, которые внутри своей 'границы' ($*e/orH-$) и 'ограды' $*g^{[h]}lerd^{[h]}$ объединяют группу 'домов' $*t'om-$; в таких 'домах' живут большие семьи патриархального типа, что видно из структуры терминов родства. Обычной формой 'огороженных поселений' были, очевидно, поселения на возвышенностях или скалах: $*p^{[h]}lel-$ 'укрепленный город', $*b^{[h]}lerg^{[h]}$ 'высокий' (о поселении), см. выше, стр. 742 и след.

Поселения объединяются в 'племена' и 'роды' $*k'en-$ и $*Hons-$, основанные на принципе дуально-экзогамной организации, чему соответствует система родства $o\ m\ a\ x\ a\ -\ k\ r\ o\ u$ (о терминах родства и структуре брачных отношений см. подробнее выше, стр. 755 и след.); наличие терминов, обозначающих 'богатство', связанное с 'обменом' ($*t'oH-$ 'давать ~ брать', $*(n)em-$ 'давать', 'наделять', 'брать', $*mej-$ 'менять', 'обменивать') и 'торговлей' ($*ue/os-$, $*k^{[h]o}er-$), 'имуществом', 'богатством' ($*Hop^{[h]}-r/n-$, $*reH[i]-$), 'обездоленных' или 'нищих', 'лишенных наследства' ($*orb^{[h]}o-$), 'воров' ($*[s]t^{[h]}aH-$), а также терминологизированное противопоставление 'свободных' ($*ar\acute{c}o-$ 'свободный земледелец', $*leud^{[h]}ero-$ 'свободный') и 'несвободных'.

В праиндоевропейском обществе реконструируется наличие трех (в отдельных традициях четырех) социальных рангов, соотносившихся с символической и мифологической классификацией.

Для типологической характеристики праиндоевропейского общества существенно наличие ранга 'жрецов'. Имеется особый термин для 'царя' ($*r\acute{e}k'-$), являвшегося также и 'верховным жрецом', как и в древневосточных цивилизациях (ср. выше, стр. 787 и след.).

В V—IV тысячелетиях до н. э., то есть в период, к которому предположительно относится существование индоевропейского праязыка и соответственно праиндоевропейского общества до начала широких миграций, весь этот комплекс признаков культуры и социально-экономического строя характерен типологически для ранних цивилизаций древнего Ближнего Востока. Праиндоевропейская цивилизация относится типологически к кругу древневосточных цивилизаций.

Наряду с существенными сходствами этих цивилизаций, для которых характерна роль 'жречества', обнаруживается и ряд типологически важных для развитых древневосточных культур взаимосвязанных категорий, не совпадающих полностью с данными, реконструируемыми для индоевропейского общества IV тысячелетия до н. э.

Для общеиндоевропейского характерно отсутствие письменности, централизованной государственной власти (термин $*r\acute{e}k'-$ обозначал персона-

чально только 'сакрального царя'), искусственной ирригации, сословия 'торговцев', противопоставленного другим рангам.

Причиной отсутствия письменности при наличии 'жречества' и достаточно высокой социальной организации могло быть то, что хозяйство не требовало еще особого учета, так как не стало достаточно развитым и разветвленным. Не было единой государственной власти, объединявшей все общины. По-видимому, не было и предполагающей централизованную власть большой системы искусственной ирригации; ср. относительно более позднее проникновение египетского слова *mr* 'канал', 'оросительный водоем' в отдельные диалекты: хет. *amiğara* 'канал', уже в "Хеттских законах", греч. гом. *ἀμάρη* 'ров', 'канавка', 'канал', Φ 259, Ἀμάρυδος 'обозначение места, связанного с водоснабжением Эретрии', мик. греч. *A-ma-ru-ta* (ср. *Morpurgo* 1963 : 16), ср. алб. *amë* 'русло реки'.

При наличии централизованной государственной организации, связанной с фиксированной в письменности культурой, не произошли бы столь широкие миграции индоевропейских племен из первоначальных областей их расселения. Этот фактор (отсутствие централизованной власти) должен был содействовать в существенной степени распаду общиндоевропейского единства и самостоятельному развитию индоевропейских диалектов.¹

Миграции носителей определенных диалектов в новые места жительства могли осуществляться как в форме постепенного проникновения нового этнического элемента сравнительно небольшими группами в гущу местного населения, так и посредством завоевания новых областей и покорения местного населения страны. При этом диалекты мигрирующих племен, переносимые в новые места их жительства, могли либо раствориться в языках местного населения, оставив в виде суперстрата некоторые

¹ Вместе с тем, спецификой миграций племен, обладающих земледельческим хозяйством (наряду со скотоводческим), являются частичные миграции отдельных групп населения в отличие от миграций чисто кочевых племен, которые переселяются всей компактной массой, забрасывая старые места обитания. Согласно выводам акад. Н. И. Вавилова, интенсивные миграции характерны именно для земледельческих обществ в горных областях вследствие быстрого роста населения и ограниченности географического ландшафта, занятого численно возрастающим населением.

При этом нужно полагать, что первоначальные миграции индоевропейцев из их гористой "прародины" происходили путем такого расселения, которое характерно для эпохи после возникновения "производящего хозяйства", то есть после неолитической революции. В это время осуществлялся резкий рост народонаселения, ведущий к демографическому взрыву. Это, в свою очередь, вызывало несоответствие между избытком населения и производительными силами, что вело к миграциям посредством расселения на новых смежных территориях. Для этой эпохи характерно неравенство регионов — таких, в которых уже возникло производящее хозяйство и происходил демографический взрыв, и значительно более обширных областей, где еще сохранялось архаическое "присваивающее хозяйство" (типа охоты и собирательства), и соответственно плотность населения была очень невелика. В этот период расселение осуществлялось из областей с "производящим хозяйством" (в частности из Передней Азии) в прилегающие к ним районы, где хозяйство еще было "присваивающим" — вторая модель миграций по И. Я. Мерперту в отличие от первой модели, характерной для более древних эпох, когда хозяйство во всех регионах без исключения было "присваивающим" (ср. *Мерперт* 1978 : 10—11).

следы своей структуры и лексики в сохраняющихся старых языках автохтонного населения, либо вытеснять местные языки автохтонного населения, становясь основным языком страны. След древних местных диалектов автохтонного населения страны проявляется в таком случае в виде субстрата, оставляющего следы, иногда весьма существенные, во всей структуре и лексике новых диалектов, занесенных племенами, которые переселились на новые места жительства (ср. Schlerath 1973 : 21 и след.).

Такие субстратные влияния могут вызывать значительные преобразования в первоначальной структуре и звуковом составе занесенных в новые области диалектов, отдаляющие их от первоначальной структуры.

В подобных случаях распространения нового языка в областях, которые были заняты мигрирующими племенами, на этот новый язык фактически переходит старое местное население областей, с которым ассимилировались вновь прибывшие племена; старое население меняет свой прежний язык, переходя на новый язык пришельцев, ранее мигрировавших в эти области и постепенно слившихся с местным населением страны.¹

Другим случаем распространения нового языка в областях, куда переселяются его носители, может быть оттеснение местного населения из их древних мест жительства и заселение освободившихся земель.

Каждый из этих типов контакта языков коррелирует с отчасти аналогичными типами культурного и антропологического взаимодействия носителей этих диалектов, в частности со смешением или оттеснением определенных антропологических типов. Так, например, в случае распространения языков на новых территориях при оттеснении старого, местного населения этих областей наблюдается более однозначное проникновение в эти области нового культурного и антропологического типа из областей первоначального обитания носителей этих языков, тогда как при ассимиляции пришлого населения древними местными жителями этот процесс может менее явно отражаться в культурных и антропологических инновациях.

4.2. ПРОБЛЕМА ДРЕВНЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ПИСЬМА. ХРОНОЛОГИЯ И ИСТОКИ ХЕТТО-ЛУВИЙСКОЙ ИЕРОГЛИФИКИ

Отсутствие сложившейся системы письма у “древних индоевропейцев” может считаться одним из основных отличий праиндоевропейского общества от развитых древневосточных цивилизаций IV—III тысячелетий до н. э. К периоду существования праиндоевропейского языка (V—IV тысячелетия до н. э.) письменность только зачиналась в Шумере и Египте (Gelb 1963 : 60 и след.; ср. Schmandt - Besserat 1978; 1979). К моменту

¹ В свете этих положений становится очевидной условность в чисто этническом отношении таких терминов, как “древние индоевропейцы”, “арийцы”, “германцы”, “балты”, “славяне”, “кельты”, “анатолийцы” и др. Всякий раз под такими терминами следует понимать не какую-то этнически компактную и однородную массу людей со специфическими этническими характеристиками, а условное название племен, говоривших соответственно на праиндоевропейском, арийском, германском, балтийском, славянском, кельтском, анатолийском и других диалектах. В настоящей работе термины “индоевропейцы”, “арийцы” и другие употребляются лишь в этом специальном значении.

распада индоевропейского праязыка письменность еще не была настолько развита и распространена, чтобы она могла перейти к соседним народам, находившимся в пределах культурной сферы влияния. Это могло произойти только позднее, в течение III тысячелетия до н. э., когда общеиндоевропейский язык был уже дифференцирован на диалекты, сместившиеся в разные стороны. Примерно к этому времени и следует отнести возникновение у одного из диалектов индоевропейского языка — хеттского — письменности, заимствованной из староаккадского варианта клинообразного письма, распространившегося в Северной Сирии к началу II тысячелетия до н. э., ср. *Gamkrelidze 1961*. Наличие в Северной Сирии уже во второй половине III тысячелетия, в эпоху Саргона Аккадского (около 2350—2250 гг. до н. э.), особой разновидности аккадского клинообразного письма было подтверждено новейшими находками в Эбле, где обнаружены многочисленные клинописные таблички на семитском языке, именуемом условно «палеоханаанейским» (середина III тысячелетия до н. э.).

Нужно полагать, что племена, говорившие на индоевропейских диалектах, не создают письменности сами, а заимствуют систему письма, возникшую на базе других языков. Так, в историческую эпоху микенские греки заимствуют силлабическую линейную письменность В для своего языка из другого источника. Им могла быть линейная письменность А, созданная, по-видимому, для неиндоевропейского языка со структурой слова с открытыми слогами (ср. *Ventris/Chadwick 1973; Morpurgo 1963; Гамкрелидзе 1980*).

Позднее, в начале I тысячелетия, греками заимствуется уже финикийская разновидность «консонантно-силлабического» старосемитского письма, которая преобразуется в алфавитную систему письма, ср. *Gelb 1963: 166 и след.*

Единственным примером собственно индоевропейского происхождения древней системы письма, с самого начала примененной к индоевропейскому языку, является, возможно, лувийское иероглифическое письмо, *Laroche 1960*. Есть основания предполагать древний характер этого письма и применение его для записи не только лувийского, но и хеттского (неситского) языков.¹

¹ Распространенная в период староассирийских торговых колоний в Каппадокии (начало II тысячелетия до н. э.) староассирийская разновидность аккадской клинописи в принципе могла быть перенята хеттами для нужд хозяйственного учета. Однако эта разновидность клинообразного письма не была заимствована хеттами, по-видимому, вследствие наличия у них уже своей письменности, вероятно, иероглифического письма, с помощью которого и записывались данные хозяйственной отчетности и другие тексты. В эпоху Древнехеттского Царства, когда хетты выходят на широкое историческое поприще, возникает необходимость в составлении хроник и историко-политических документов, для записи которых не была пригодна иероглифическая система письма, ибо сфера употребления последней ограничивалась, очевидно, нуждами ритуала и хозяйственного учета. Слабая развитость иероглифического письма в ранний период его развития не позволяла записывать на нем тексты типа исторических хроник, что и должно было заставить хеттов прибегнуть к аккадскому клинообразному письму, которое и было заимствовано в Северной Сирии в начале II тысячелетия до н. э.

Существует предположение, что еще до возникновения у хеттов клинообразной системы письма иероглифическая письменность применялась для записи текстов на дереве. Сохранился даже специальный термин, обозначающий 'надписи на дереве' GIŠ.ḪUR, которые могли быть выполнены только иероглифическим письмом, а также обозначение 'писцов на дереве' DUB.SAR.GIŠ. Многие клинописные хеттские тексты, по-видимому, возникли благодаря последующему переписыванию хеттских текстов, составленных первоначально иероглифическим письмом. Такие тексты помечены формулой A.NA GIŠ.ḪUR(TE)-kan *handan* "согласно деревянной надписи"¹, Bossert 1952; Kronasser 1962. В случае, если можно будет неопровержимо доказать использование хеттами этого письма, его следовало бы признать весьма древним и в сущности единственной известной пока древней системой письма, созданной собственно для индоевропейского языка.²

Рис. 18. Знаки на печатях из староассирийской торговой колонии в Малой Азии (начало II тыс. до н. э.), совпадающие с письменными знаками лувийской иероглифики³

Отдельные графические прототипы знаков хетто-лувийского иероглифического письма обнаруживаются уже на каппадокийских табличках³, что свидетельствует об исключительной архаичности этой разновидности

¹ Возможно, что один и тот же текст переписывался многократно, о чем может свидетельствовать выражение типа [ki-]i rāg-ku-i TUP.PU [A.]NA GIŠḪUR.TE-kán ḫa-an-da-an (ср. Goetze 1948 : 231) "это — чистовая (то есть 'начисто переписанная') таблица в соответствии с первоначальной надписью на дереве'".

² В этом отношении заслуживают внимания также данные о наличии на обширной территории практически всего Иранского плоскогорья следов древнейшей письменности, именуемой "протоэламской" по признаку предшествования собственно эламской письменности, появившейся начиная со второй половины III тысячелетия до н. э. примерно в том же ареале западного Ирана (Lamberg-Karlovsky 1978; Amiet 1979; ср. Komoróczy 1975). При современном состоянии дешифровки и исследования этой разновидности пиктографии невозможно судить о характере отраженного в надписях языка, но представляет особый интерес выяснение соотношений между этой вновь открытой письменностью и более известными другими пиктографическими письменностями переднеазиатского ареала типа раннешумерской и иероглифической лувийской.

³ Ср., например, комплекс знаков 'Солнечный Бог Неба', знаки 'Жизнь', 'Дерево', 'Голова Быка', 'Голова Козла', 'Птица', 'Ваза', 'Рука', 'Звезда', 'Круг' (простой и двойной), 'Треугольник', 'Ветвь', см. Börker-Klähn/Börker 1976 : 11—12. 24; Canby 1975.

иероглифической письменности. Возможно, что она применялась в качестве определенных мнемонических знаков в ритуале и в хозяйстве уже в общеанатолийский период, причем эти знаки, которые в дальнейшем оформляются в хетто-лувийскую иероглифическую письменность, должны были наноситься на дерево, что может отражать общеиндоевропейскую практику применения отдельных мнемонических знаков, в частности для нужд культа и хозяйства¹. В этой связи приобретают особый смысл реконструируемые для архаичного индоевропейского данные о применении коры деревьев (в особенности 'березы' и 'бука') для нанесения пиктографических знаков, см. выше, стр. 620 и след.

Весь комплекс рассмотренных выше данных, относящихся к духовной и социальной жизни племен, говоривших на общеиндоевропейском языке — характер мифов, ритуалов и социальной организации праиндоевропейского общества, проявляющих близость к переднеазиатским культурам, исключает возможность формирования такого объединения племен на обширных территориях Восточной Европы в V—IV тысячелетиях до н. э. в отрыве от цивилизаций Древнего Востока.

5. СООТНЕСЕНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ «ПРАРОДИНЫ» НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ С АРХЕОЛОГИЧЕСКИМИ КУЛЬТУРАМИ ДРЕВНЕЙ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

5.1. ПРОБЛЕМА УСТАНОВЛЕНИЯ В ПРЕДЕЛАХ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ, СООТНОСИМОЙ С ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ

С учетом всего комплекса рассмотренных лингвистических и культурно-исторических данных можно локализовать индоевропейскую общность в пределах Ближнего Востока, вероятнее всего, в областях на северной периферии Передней Азии, то есть к югу от Закавказья до Верхней Месопотамии. В этих областях и могли осуществляться языковые и культурные контакты на протяжении IV тысячелетия до н. э. между праиндоевропейским, с одной стороны, и семитским, шумерским, южнокавказским и другими древневосточными языками, с другой. С некоторыми из этих языков, в частности с южнокавказским и семитским, можно предположить и тесные языковые взаимоотношения (в некоторых случаях субстратного характера) в пределах единого культурно-исторического и языкового ареала на протяжении длительного времени.

Определение ареала первоначального распространения общеиндоевропейского языка и соответственно племен, на нем говоривших, ставит воп-

¹ В случае обоснования общеиндоевропейского происхождения архаичных знаков хетто-лувийского иероглифического письма в качестве первоначальных мнемонических знаков представил бы существенный интерес анализ этой системы письма с целью установления соответствий между пиктографическими знаками и элементами системы культуры, которые отражаются в иероглифической письменности. Это могло бы дать определенные критерии для заключений о характере дописьменной хетто-лувийской культуры, а возможно и культуры, близкой к общеиндоевропейской.

рос об отождествлении археологической культуры в пределах Ближнего Востока и Передней Азии, с которой можно было бы соотнести протоиндоевропейскую.

Следует с самого начала отметить, что в намечаемом для праиндоевропейского первоначальном ареале распространения в V—IV тысячелетиях до н. э. не обнаруживается такая археологическая культура, которая могла бы быть явным образом соотнесена с праиндоевропейской. В данном случае можно говорить лишь о возможных связях, прямых или косвенных, известных переднеазиатских археологических культур соответствующего периода с индоевропейской. Такие связи древних археологических культур с реконструируемыми признаками протоиндоевропейской духовной и материальной культуры могли бы служить некоторым косвенным свидетельством возможности отождествления рассматриваемых культур.

В очерченных областях Ближнего Востока, соотносимых с ареалом первоначального распространения праиндоевропейского языка, к V—IV тысячелетиям до н. э. обнаруживается ряд археологических культур, весьма схожих с некоторыми чертами реконструируемой протоиндоевропейской культуры.

5.2. ПРИЗНАКИ ХАЛАФСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕЙ МЕСОПОТАМИИ V—IV ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э., СОПОСТАВИМЫЕ С ИНДОЕВРОПЕЙСКИМИ

К V—IV тысячелетиям до н. э. относится Халафская культура в Северной Месопотамии. Культура характеризуется возделыванием злаков, — пшеницы двузернянки и ячменя, наличием двух пород крупного рогатого скота, а также овец, коз и свиней. Судя по наличию веретен, имелось текстильное производство. Найдены мелкие бусы из меди. Существование металлургии предполагается на основании знакомства с колесом и колесной повозкой. В гончарных печах, где изготовлялась богатая керамика, создавалась температура до 1200° С. Из знаков на керамике особо следует отметить условные изображения бычьих голов и рогов быка — *bucrania*; известны и модели бычьих голов в качестве талисманов. Среди других талисманов встречаются изображения птиц, двойных топоров, полумесяцев. Из наличия знаков собственности можно заключить о приобретении богатств, личной собственности и товарообмене (*Чайлд 1956 : 174—177; ср. Мерперт/Мунчаев 1971*). Покойников хоронили в скорченном положении внутри селения.

Отмечается сходство культуры и, в частности, символики между Халафом (Северная Месопотамия) и Западной Анатолией VI тысячелетия до н. э. — Чатал-Хююком. Здесь можно говорить о совпадении целого набора культурных (в частности, культовых) символов — использование рогов быков (а иногда и голов баранов) как знаков мужского начала, ритуальные изображения леопардовой шкуры (в Халафе на сосудах), ср. *Mellaart 1965*.

Культурно-исторические связи, прослеживаемые между Халафской культурой и еще более ранней культурой Чатал-Хююка, можно было бы

интерпретировать в смысле миграций малоазиатской чатал-хююкской культуры в направлении северной Месопотамии, относимых к VI—V тысячелетиям до н. э. В свете этого положения чатал-хююкскую археологическую культуру можно было бы увязать изначально с древнейшим слоем индоевропейского этноса, сместившегося в восточном направлении.

Помимо сходства халафской культуры с чатал-хююкской обнаруживаются определенные связи ее и с древнейшими культурами Кавказа. Круглая форма жилищ халафской культуры, известная наряду с прямоугольной, связывается с взаимным влиянием культур Древнего Востока и Кавказа в V тысячелетии до н. э. (*Джавахишвили А. 1973 : 300—301, 346, 350*). Воздействие халафской культуры прослеживается и на западе, в Анатолии и Северной Сирии (ср. *Woolley 1953 : 26—27*), и востоке, в Иране.

Поселения халафской культуры в IV тысячелетии до н. э. разрушаются вследствие прихода носителей убейдской (предшумерской) культуры. В более отдаленных районах горных лесов Северной Месопотамии, в дальнейшем отстававших в своем развитии от культурных центров Древнего Двуречья, могли еще долго сохраняться следы халафской культуры (ср. *Чайлд 1956 : 179, 313 и след.*).

Следует отметить, что именно расселение халафских племен за пределами Месопотамии и передвижение групп, близких куро-араксской культуре (см. ниже), из ограниченной области Северной Месопотамии в северо-западную часть Ирана и Восточную Анатолию приводятся в качестве характерных примеров древнего типа миграций, свойственных эпохе после возникновения «производящего хозяйства» (вторая модель по *Мерперту 1978 : 15, 20*).

5.3. ЭНЕОЛИТИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЮЖНОГО КАВКАЗА V—IV ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ, КУРО-АРАКССКАЯ КУЛЬТУРА III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э. И ПРОБЛЕМА ЕЕ ЭТНИЧЕСКОГО СООТНЕСЕНИЯ

Отчасти аналогичная культура в это же время (V—IV тысячелетия), синхронная халафской и убейдской культурам, обнаруживается в областях Южного Кавказа (Шулаверинская—Шомутепинская культура)¹; для энеолита Южного Кавказа характерны земледельческо-скотоводческое хозяйство при ведущей роли земледелия, посевы ячменя, пшеницы, полбы, культура винограда, наличие зернотерок, серпов, преобладание в стаде крупного рогатого скота, круглые дома из глинобитного или сырцового кирпича, развитое гончарное производство, зачатки металлургии меди, наличие символических изображений (зерен злаков, солнечного и лунного дисков), ср. *Кушнарева/Чубиншвили 1970 : 170—171; Кигурадзе 1976*.

¹ По данным радиоуглеродной датировки, осуществленной в лаборатории C₁₄ «Ла Хойа» Калифорнийского университета, памятники шулаверинской культуры относятся к VI—началу IV тысячелетиям до н. э., в основном к V тысячелетию, что совпадает по времени с культурой Х а л а ф а (ср. *Кигурадзе 1976 : 133 и след.*).

Исследование керамики, орнаментов и других особенностей культуры Шулавери—Шомутепе позволяет судить о некоторой общности синхронных культур Закавказья с древней Анатолией (Чатал-Хююк) и Месопотамией (Халаф) и о наличии связей между ними.

При всем сходстве материальной культуры рассматриваемых археологических ареалов, свидетельствующем о их вероятной культурной общности и возможных контактах между ними, естественно допустить наличие этнически разнообразного населения в пределах всей этой культурной области. Каждая из отдельных этнических групп, входивших в эту культурную общность, должна была характеризоваться своим языком и локальными культурными особенностями, что и проявлялось в наличии локальных особенностей археологических культур.

К этой раннекавказской археологической культуре, обнаруживающей связи с синхронной северомесопотамской, примыкает хронологически за ней следующая и ее сменяющая археологическая культура так называемого куро-араксского круга (названная по месту ее первоначального обнаружения в районе рек Куры и Аракса, ср. *Куфтин 1940*), охватывающая широкий культурный ареал, включающий Восточную Анатолию, Южный Кавказ и Иранское плоскогорье (ср. *Пиотровский 1949; 1955; Burney 1958*). С куро-араксской керамикой связывают хирбеткеракскую второй половины III тысячелетия до н. э. в Палестине, которая считается свидетельством кратковременного вторжения носителей куро-араксской культуры в Палестину (*Woolley 1953 : 31 и след.; Кушнарева/Чубинишвили 1970 : 15, 16, 60*).

Наряду с признаками, общими с культурами энеолита Южного Кавказа, куро-араксская культура III тысячелетия до н. э. характеризуется увеличением плотности населения и числа крупных поселений, устройством поселений на высоких берегах рек и склонах гор, увеличением площади круглых домов наряду с прямоугольными, появлением (к концу периода) больших погребальных камер иногда со срубом внутри, перекрытых огромными курганными насыпями; увеличением набора злаков, уборкой урожая металлическими серпами, выращиванием винограда, использованием колесного транспорта, лошадей и мулов, ср. *Кушнарева/Чубинишвили 1970 : 172—173; Джапаридзе 1976 : 62 и след.*

Перечисленные черты куро-араксской культуры в широком смысле совместимы с признаками материальной культуры и социальных отношений, реконструируемых по лингвистическим данным для индоевропейского общества, в особенности для некоторых его более поздних ответвлений.

Не подлежит сомнению, что ареал куро-араксской культуры в широком смысле включал различные этнические объединения и группы, которые должны были создавать схожую в общем (хотя и с наличием локальных различий)¹ материальную культуру. В качестве создателей и носителей

¹ Так объясняется, в частности, различие типов погребений в рамках куро-араксской культурной традиции: наличие погребений в селении и вне селения, захоронения в грун-

куро-араксской культуры предполагаются: хурритский этнический элемент (*Birney 1958; Дьяконов 1966*), южнокавказский этнос (*Джапаридзе 1969; 1976 : 286*); в эту группу носителей куро-араксской культуры следует включить и определенные индоевропейские этнические объединения, к этому времени отделившиеся от праиндоевропейского общества и сместившиеся с первоначальных мест их жительства (ср. *Меликишвили 1965a : 244; Мачавариани 1966 : 9*).

На мысль о возможном участии индоевропейского этноса в формировании и развитии куро-араксской культуры наводят также и особенности средств транспорта, характерные для носителей этой культуры: применение колесного транспорта и лошади как тягловой силы¹. Использование лошади как тягловой силы и распространение колесного транспорта, вероятно, следует приписать участию именно индоевропейских племен в культурной истории этого ареала.

Возникновение колесного транспорта и колесниц и применение лошади в качестве тягловой силы, что широко использовалось индоевропейскими племенами, можно рассматривать как переворот в транспорте, сделавший возможным такие миграции широкого масштаба, которые характерны для индоевропейских племен (ср. *Piggott 1979*).

Влияние индоевропейских племен на создание культуры этого ареала можно видеть и в погребальных обрядах, распространившихся к концу куро-араксского периода. К этому времени в ряде областей куро-араксской культуры, в частности в Малой Азии (Аджая-Хююк, *Mellaart 1965*) и на Южном Кавказе (к первой половине II тысячелетия до н. э., Триалети и позднее Лчашен, *Джапаридзе 1969; Массон 1973*), распространяется обычай захоронения вождя на колеснице с его последующей кремацией в полном соответствии с той картиной погребального обряда, которая восстанавливается для общиндоевропейской культурной традиции (ср. *Пиотровский 1955 : 6; 1959 : 153*).

В этом проявляются уже результаты распада общиндоевропейского единства и начало миграций племен—носителей диалектов общиндоевропейского языка, которое можно приурочить к Бронзовому веку, до распространения железа.

товых могилах, каменных ящиках, курганах, в отдельных случаях — использование кремации (в поздний период — в связи с погребениями вождей—предводителей племени), ср. *Mellaart 1965 : 31 и др.*

¹ Колесные повозки известны по памятникам куро-араксского круга из Анатолии (*Mellaart 1965*) и Южного Кавказа (Бедени, *Кушнарера/Чубинишвили 1970 : 111*; ср. *Пиотровский 1955 : 6*). Кости лошади обнаружены в ряде погребений куро-араксской культуры — в Шенгавите и Эларе (Армения), Дядубе и Квацхелеби (Грузия), Каразе (Восточная Анатолия), *Мунчаев 1973 : 71*.

МИГРАЦИИ ПЛЕМЕН-НОСИТЕЛЕЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ С ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ РАССЕЛЕНИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В ИСТОРИЧЕСКИЕ МЕСТА ИХ ОБИТАНИЯ В ЕВРАЗИИ

1. ВЫДЕЛЕНИЕ АНАТОЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ ИЗ ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКОГО И МИГРАЦИИ ПЛЕМЕН—НОСИТЕЛЕЙ АНАТОЛИЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ

1.1. СООТНЕСЕНИЕ АРЕАЛОВ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДРЕВНЕЙШИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ С ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИЕЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

При допущении территории индоевропейской прародины, совпадающей пространственно с областью в пределах восточной Анатолии, Южного Кавказа и Северной Месопотамии V—IV тысячелетий до н. э., можно легче объяснить историческое распределение и пути переселения таких основных древних индоевропейских этнических групп, которые первыми выступают в древних письменных памятниках, — хетто-лувийцев, индо-иранцев, греков (крито-микенских греков и Аххиявы хеттских источников). Для определения путей их переселения в исторические места жительства не нужно в таком случае предполагать, что они покрыли огромные расстояния, двигаясь из области своего первоначального расселения. Достаточно допустить лишь небольшие смещения по отношению к этой области. Примечательно, что эти диалекты, которые предполагают минимальное смещение относительно данного ареала, являются древнейшими документально фиксированными индоевропейскими языками.

1.2. НАПРАВЛЕННОСТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ СМЕЩЕНИЙ ПЛЕМЕН—НОСИТЕЛЕЙ АНАТОЛИЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ В ПРЕДЕЛАХ МАЛОЙ АЗИИ С ВОСТОКА НА ЗАПАД

Древнейшей языковой общностью, выделившейся из праиндоевропейского языка и продолжавшей независимое существование уже в отрыве от него, следует считать анатолийскую диалектную группу (ср. выше схему диалектного членения общеиндоевропейского праязыка). Смещение общеанатолийского по отношению к первоначальному ареалу распространения общеиндоевропейского языка было сравнительно небольшим. Этим и объясняется исключительная архаичность анатолийских языков, рано фиксированных письменными памятниками.

В историческую эпоху анатолийские языки (клинописный хеттский, лувийский, палайский) распространены уже в пределах Малой Азии в центральных областях Анатолии.

Такое расположение анатолийских диалектов в центральных областях Анатолии — результат движения носителей анатолийских диалектов с востока на запад. В начале исторического периода движение хеттов с востока на запад (а позднее с севера на юг) может быть предположено на основании хеттских исторических источников. Об этом свидетельствует привилегированное положение восточных городов в древнехеттской традиции. Определенные категории жителей таких городов, как Нерик, Аринна, Циппаланда, расположенных в восточной части Хеттского государства, были освобождены от повинностей (§ 50 “Хеттских законов”), ср. *Sommer 1947*¹. В том же смысле можно истолковать и хеттский миф о “Солнце, встающем из-за моря” (или ‘большого озера’, хет. *aruna*-). Согласно этому предположению, такое ‘море’ или ‘большое озеро’ (*aruna*-) должно было находиться к востоку от места первоначального расселения хеттов (и, возможно, племен, говоривших на общеанатолийском языке, ср. аналогичный миф у палайцев). Таким ‘морем’ могло быть Каспийское море или одно из больших озер, в пределах северных областей Ближнего Востока — Ван или Урмия². Нужно полагать, что в этих мифологических мотивах могут проявляться отдаленные реминисценции миграций анатолийских племен с востока на запад с первоначальных мест их расселения.

В Северной Анатолии, населенной ко времени распада анатолийского языкового единства хаттскими (протохеттскими) племенами, говорившими, вероятно, на языке кавказского (возможно, западнокавказского) типа⁴ (ср. *Дунаевская 1960; 1961; Kammenhuber 1969; Ардзинба 1979*), распространяются отдельные, уже обособившиеся анатолийские диалекты — хеттский и палайский. На протяжении длительного периода осуществляется взаимодействие хеттского и палайского языков с хаттским, из которого в эти языки заимствуется большое число ритуальных и социальных терминов, ср. *Kammenhuber 1969*.

¹ Характерно, что такое движение анатолийских диалектов в западном направлении не прекращается на всем протяжении их существования. Об этом свидетельствуют позднеанатолийские языки: лидийский, ликийский (являющиеся поздними формами анатолийских языков — соответственно хеттского и лувийского), распространенные в середине I тысячелетия до н. э. уже на крайнем западе Малой Азии в исторической Лидии и Ликии, на восточном берегу Эгейского моря.

² Ср. KUB VI Vs. III 13—14: *ša-ga-a-kán u-ú[a-š]i ne-pi-ša-aš DUTU-uš a-gu-na-az* “встаешь (буквально: вверх приходишь), о Бог Солица небесный, из-за моря”.

³ Аналогичным образом следует, очевидно, толковать символ ‘моря’, по ту сторону которого царь получает свою ‘власть и царственную повозку’: LUGAL-u-e-ti ta-pi-*-ja-ab-ja-en GIŠ_u-lu-ga-an-pi-en GIŠDAG-iz a-gu-na-za ú-da-aš* (KUB XXIX 1 I 23—24) “мне, царю, из-за моря власть (и) повозку Бог Престола принес”. Толкование в этом контексте агипа- как ‘Черного моря’ (*Neu 1974: 125*, прим. 303) лишь на основании URU Zal-раз агипаз ‘из-за моря Цальпы’ т. е. ‘Черного моря’ (*Otten 1973: 20*), не может считаться оправданным.

⁴ Вероятно, этим следует объяснять сходство в археологической культуре Аланджа-Хююка (Центральная Анатолия, конец III тысячелетия до н. э.) и определенных типов кавказской куро-араксской керамики, ср. *Woolley 1953: 32—37*.

На всем протяжении III тысячелетия до н. э. археологическая культура Анатолии показывает непрерывную линию развития, не обнаруживающую явных следов внезапного насильственного появления нового этнического элемента, *Bittel 1953*.¹

Нужно полагать, что расселение анатолийских племен происходило в древней Малой Азии не в результате их внезапного нашествия, сметавшего на своем пути местные, веками сложившиеся культурные традиции, а осуществлялось путем постепенного проникновения нового пришлого этнического элемента в гущу местного населения этих областей, *Gamkrelidze 1970 : 142*.

В свете новейших археологических данных, связанных с обнаружением в восточной Анатолии костных остатков лошади (раскопки немецких археологических экспедиций в Демирджи-Хююк, Ярыккая и Норшунтепе), появление индоевропейских племен в этих областях Малой Азии относят к еще более раннему периоду, к концу IV тысячелетия до н. э. (см. *Mellaart 1981*).

1.3. АНАТОЛИЙСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЯЗЫКАХ ДРЕВНЕГО ЮЖНОГО КАВКАЗА (КАРТВЕЛЬСКИЙ, УРАРТСКИЙ)

Первоначально более восточное и северо-восточное расположение анатолийских языков в доисторическую эпоху по отношению к расположению этих языков в исторический период может быть выведено также и на основании свидетельств древнего заимствования слов из анатолийских языков в языки Южного Кавказа — урартский и картвельский:

Ср. урарт. ^D*Si-u-i-ni* 'Бог Солнца': хет. *šiu-*, *šiuna-* 'бог', *šiqatt-* 'день'²; урарт. *kari* 'мера сыпучих тел': хет. ^{DUG}*kappi-* 'мера сыпучих тел' (*Diakonoff 1971 : 81*); урарт. *atu-* 'есть', 'кушать': хет. *et-*, *at(u)-* 'есть', 'кушать';

Картв. **štum-* 'ухо': сван. *šdim* 'ухо', груз. *sa-stum-al-* 'изголовье' (*Осидзе Е.* — устное сообщение) сопоставимо с хет. *ištam-* в *ištam-aš-* 'слышать', *ištam-ana-* 'ухо'³, лув. *tumman-* 'ухо' (?) (*Laroche 1959a : 99*);

¹ Полихромная каппадокийская керамика на юго-востоке Анатолии ставится обычно в связь с появлением индоевропейских племен в Малой Азии, *Goetze 1957*. Однако эта полихромная керамика, отличная от монохромного типа, характерного для местной традиции с глубокой древности, не нарушает картины непрерывного развития местной анатолийской культуры, начиная с III тысячелетия до н. э. вплоть до конца Хеттского Царства. Каппадокийская керамика представляет собой не замену одного стиля другим, а параллельное развитие другого стиля, тем более, что основные места находок каппадокийской керамики лежат вне центра хеттской культуры, ср. *Bittel 1950 : 47*.

² Древнехеттское заимствование в дописьменном значении 'бог Солнца' в урартский, очевидно, до появления в самом хеттском хаттского названия 'бога Солнца': хат. *eštan* ~ хет. *ištanu-*. Собственно хеттский (но не общеанатолийский) характер урартского заимствования проявляется в воспроизведении начального сибиланта *s-*, возникающего в хеттском из сочетания **tš-* (и-е. **t'-*), ср. лув. *tišaz*, пал. *tišaz* как этимологические соответствия хет. *šiqatt-*.

³ Сама хеттская основа *ištam-* может быть связана с сем. **s-m-*, которое, возможно, представлено и в картв. **sm-* 'слышать': груз. *e-sm-i-s* 'слышит', *масдар sm-ep-a*, мегр. *si m-in-u-a*, лаз. *i-si-min-s* 'слушает'. В рефлексивной породе в семитском возникает форма с инфиксальным *t*: **s-t-m-*, которая в принципе совпадает с хеттской формой *ištam-*. Не

ср. также хет. *ištata-ḫura-* ‘серьга’ с возможной второй частью *-ḫura-*, сопоставляемой с груз.-зан. **q'ur-i* ‘ухо’: груз. *q'ur-i*, лаз. *q'už-i*¹;

Картв. **wel-* ‘поле’: груз. *vel-i*: ‘долина’, мегр. *ve(l)*, ср. хет. *cellu-* ‘луг’, ‘долина’ (Гиоргадзе 1979), и.-е. **uel-*;

Груз. *dum-* ‘молчать’, *dum-il-i* ‘молчание’; сопоставимо с хеттской редуцированной основой *duddumili* (возможно, из **dum-dum-ili*) ‘тайно’, ‘тайком’ (Гиоргадзе 1979). Не исключена возможность и обратной направленности заимствования.

Показательны в этом отношении и связи хеттско-сванских мифологических мотивов, которые могут быть объяснены более южным местом обитания сванов по сравнению с исторической областью их расселения (ср. Меликишвили 1965а : 60 и след.; Микеладзе 1974 : 9 и след.). Сванский ритуал *melia-t'elepria*, где *melia* интерпретируется в связи с хет. *melit* ‘мед’, мог возникнуть под влиянием хеттского ‘Мифа о Телепину’, см. Бендукидзе 1973; ср. в этой связи заклинание Телепень в русских заговорах (Топоров 1975а), проникшее, вероятно, через кавказское посредничество.

2. РАСПАД ГРЕКО-АРМЯНО-АРИЙСКОГО ДИАЛЕКТНОГО ЕДИНСТВА И МИГРАЦИИ НОСИТЕЛЕЙ ГРЕЧЕСКИХ ДИАЛЕКТОВ

2.1. «ГРЕКО-АРМЯНО-АРИЙСКАЯ» ДИАЛЕКТНАЯ ОБЩНОСТЬ И ЕЕ РАСПАД. РАННЕЕ ВЫДЕЛЕНИЕ ИНДО-ИРАНСКОГО

За выделением из праиндоевропейского языка общеанатолийской диалектной группы должно было последовать обособление от общеиндоевропейской языковой системы греко-армяно-арийской диалектной общности, которая распадается в дальнейшем на греческий, армянский и индо-иранский диалекты. Широкие миграции племен, затрагивающие эту диалектную общность, начинаются, очевидно, после распада ее на отдельные диалекты и возникновения греческого, протоармянского и индо-иранского как обособившихся индоевропейских диалектов.

Распад этой общности начался, очевидно, с выделения еще в пределах общеиндоевропейской языковой системы арийского диалектного ареала при сохранении армяно-греческого диалектного единства.

исключена связь в конечном счете всех этих форм названных языков — картвельской хеттской и семитской. Если лувийская форма *tumtap-* ‘ухо’ (?) увязывается этимологически с хет. *ištam-apa-* (ср. Oettinger 1980 : 61), то наличие данной словоформы со значением ‘слышать’; ‘ухо’ следует предположить уже для общеанатолийского.

¹ Не исключена возможность картвельского источника для хет. *-ḫura-* в качестве второго компонента в сложном слове *ištata-ḫura-* ‘серьга’. Картвельское заднеязычное глоттализованное **q'*, отсутствующее в хеттском, заменяется велярным спирантом *ḫ*; ср. в этом отношении также хет. *puḫi-* ‘губа’ (с неясной этимологией), которое можно сопоставить с картв. **p'ir-i* ‘рот’, ‘губа’: груз. *p'ir-i* ‘рот’, мегр.-лаз. *p'iz-* ‘рот’, сван. *p'il* ‘губа’.

После выделения индо-иранского из греко-армяно-арийского диалектного ареала греко-армянский образовывал еще некоторое время диалектную общность, оставаясь на старой территории расселения, где эта греко-армянская общность могла контактировать с другими индоевропейскими диалектами, в частности тохарскими и “древнеевропейскими”: ср. формы типа греч. μήν, арм. *amis* (из **mensos*), тох. А *mañ*, В *meñe* ‘месяц’, лат. *mēnsis*, умбр. *menzne*, др.-ирл. *mí* (из **mens*), гот. *mēna*, лит. *mėnuo*, ст.-слав. *měsęcĭ* (при основе *mās-* в индо-иранском); греч. ἄρῶν ‘пашу’, ἄροτρον ‘плуг’, арм. *arawr* ‘плуг’, тох. А, В *äre* ‘плуг’, лат. *arātrum*, др.-ирл. *airim* ‘пашу’, гот. *arjan* ‘пахать’, лит. *ariù* ‘пашу’, ст.-слав. *orjq* ‘пашу’ (при отсутствии этого слова в индо-иранском и анатолийском).

В это же время в греко-армянской общности (без индо-иранского) и могли возникнуть характерные для греческого и армянского в отдельности общие структурные и лексические изоглоссы: вокалическая протеза типа греч. ἄδουζ, арм. *atamn* ‘зуб’; отсутствие начального *r-* (инновация, возможно, субстратного происхождения); многочисленные лексические изоглоссы типа греч. ἔνυψι: арм. *z-genum* ‘одеваюсь’; греч. ἄλειω ‘мелю’, ἄλευρον ‘мука’: арм. *alam* ‘мелю’; греч. ἔψω ‘варю’: арм. *erem* ‘варю’; греч. ἡμαρ: арм. *awr* ‘день’; греч. κίον ‘колонна’: арм. *siwn* ‘колонна’ и др., ср. Порциг 1964 : 230—233; Mann 1963.

Предположение о локализации индоевропейской прародины в ближневосточном ареале естественным образом определяет направление миграций носителей греческих диалектов в исторические места их жительства на Пелопоннесе и островах Эгейского моря через Малую Азию.

Если допустить, что миграция носителей греческих диалектов, предшествовавшая переселению дорийцев (видимо, отколовшихся от основной волны переселения и временно обосновавшихся севернее на Балканах), осуществлялась через Малую Азию, то следы этих ранних переселений можно было бы обнаружить в древнейших данных о греках в Милете и Аххиве. Об этом же свидетельствуют и связи, обнаруживаемые между археологическими культурами запада Малой Азии, с одной стороны, и Пелопоннесом и островами Эгейского моря, с другой.¹

На рубеже III—II тысячелетий до н. э. (но, по-видимому, и существенно ранее — около середины III тысячелетия, Thomas 1970 : 201), на северо-западе Малой Азии (Бейдже-Султан) распространяется серая минийская керамика того типа, который становится примерно столетием позднее (около 1900 г. до н. э.) преобладающим в материковой Греции. Устанавливается непосредственная связь между этими археологическими культурами, причем предполагается направление распространения этой культуры с востока на запад (Mellaart 1958; Lloyd 1961; ср. уточнения Thomas 1970 : 201 и след.).

¹ Эти связи между Анатолией и Пелопоннесом и островами Эгейского моря были настолько сильны, идущие с Востока культурные влияния на страны Эгейского мира были так значительны, что можно даже говорить о существовании в эпоху Ранней Бронзы некоторого “анатолийско-эгейского культурного койна” (ср. Schachermeyr 1955 : 173).

В качестве этнического субстрата этих культур можно предположить ранних греков-протоэллинов (видимо, за вычетом дорийцев¹) или, возможно, связанные с ними другие группы индоевропейцев, направившихся с востока на запад² под натиском анатолийских племен. Среди таких групп, в частности, могли быть «пеласги», которые должны были еще до прихода собственно греков обосноваться на Пелопоннесском полуострове.³

След таких догреческих индоевропейских диалектов можно видеть в широкой распространенности в материковой Греции и по всей Малой Азии топонимических названий с суффиксами $-(s)s^{-4}$ и $-nth-$ (ср. выше о типе гидронимов на $*-nth-$), ср. *Schachermeyr 1955 : 55 и след.*; *Hester 1957*; *Solta 1958 : 30 и след.*; *Chadwick 1969.*⁵

2.2. МИГРАЦИИ ПРОТОЭЛЛИНОВ В МАТЕРИКОВУЮ ГРЕЦИЮ И НА ОСТРОВА ЭГЕЙСКОГО МОРЯ ЧЕРЕЗ МАЛУЮ АЗИЮ. ВОПРОС О ДОГРЕЧЕСКОМ СУБСТРАТЕ

Помимо возможного индоевропейского субстрата следует допустить и наличие некоторого неиндоевропейского (вероятно, даже доиндоевропейского) субстрата в материковой Греции и на островах Эгейского моря. Такой субстрат проявляется в наличии целого неиндоевропейского лексичес-

¹ Протогреческий, выделившийся в качестве особого диалекта из греко-армяно-арийской диалектной общности, должен был дифференцироваться на основные диалектные группы где-то в Малой Азии еще до переселения греков в материковую Грецию. Следует во всяком случае допустить членение греческого к этому времени на две основные диалектные группы, одна из которых в лице дорийцев двинулась в северо-западном направлении на Балканы, откуда много позднее, к концу II тысячелетия дорийцы совершают нашествие на материковую Грецию (ср., однако, ниже, стр. 957₁).

² Возражения *Кроссленда* против такой гипотезы (*Crossland 1957 : 38—41*), основанные исключительно на лингвистических данных, не могут в настоящее время считаться убедительными, поскольку языковые ареальные свидетельства могут быть истолкованы и в соответствии с этой гипотезой.

³ «Пеласгский» язык мог послужить субстратом наслонвшегося на него греческого языка. «Пеласгские» слова, проникшие в греческий, дают возможность реконструировать в общих чертах структуру субстратного языка, сохранившего целый ряд архаических черт (см. *Georgiev 1941—1945*; *Merlingen 1962*). В частности, в «пеласгском» сохраняется незвонкий характер серии I индоевропейских смычных и придыхательный характер серии III.

⁴ Ср., например, топоним *Παρνασσός* (гора Парнас) и *Ραπαῖσα* — название города с культовым святилищем в Каппадокии (ср. при этом общеанатолийское название «дома»: хет. *riḡ*, *род. пад.* *рапаῖ* «дом»). Толкование этого топонима как «храмовый», «принадлежащий храму» вполне вероятно, хотя нет достаточных оснований считать слово собственно лувийским по происхождению, ср. *Palmer 1965 : 26, 241—242, 254*; можно скорее думать, что оно имеет более широкие индоевропейские связи в пределах анатолийского. В этом отношении обращает на себя внимание хеттская формула *рапаῖ-ṣea ṣiṣaizzi*, встречающаяся в древних законах и означающая определенный вид компенсации за преступление и нанесенный ущерб (к различным толкованиям ср. *Imparati 1964 : 189—194*). В форме *рапаῖṣea* можно было бы видеть образование от *riḡ/raḡp-* «дом» на тот же суффикс принадлежности $-ṣṣ-$, то есть *рапаῖṣi* (ср. *р., мн. ч.*) «домашнее имущество» + *а 'и'*: *рапаῖṣe-а*. *Ραπαῖṣea ṣiṣaizzi* может, следовательно, означать: «и домашнее имущество отдает» (не по своей воле), буквально: «отбрасывает, выталкивает».

⁵ Литературу вопроса см. *Гиндин 1967*; *Merlingen 1962*.

кого пласта в греческом, ср. *Furnée 1972*. С ним связан, очевидно, и характер ранней минойской культуры, а также, возможно, и надписей, выполненных линейным письмом А и другими древнейшими письменностями восточносредиземноморского мира (ср. *Гундин 1967; Birnbaum 1974*).

2.3. ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ ОБЛАСТИ ЗАПАДНОЙ АНАТОЛИИ (МИЛЕТ, АХХИЯВА) КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ИСТОРИЧЕСКИХ МИГРАЦИЙ ПРОТОЭЛЛИНОВ ЧЕРЕЗ МАЛУЮ АЗИЮ

Гипотеза о приходе греков в материковую Грецию с востока через Малую Азию ставит в новом свете и вопрос о греческих малоазийских “колониях” и, в частности, проблему Милета. Эти “колонии” в свете восточной гипотезы можно рассматривать как древнейшие греческие поселения на пути переселения греческих племен в исторические места их жительства на островах Эгейского моря и в материковой Греции.

В Милете обнаружена крепость микенского времени, датируемая XVI—XIV вв. до н. э., погребения микенского типа со следами захоронения коня (бронзовые удила, ср. *Mellink 1976 : 270*); найдены также развалины храма Афины и керамика микенского типа, ср. *Kleiner 1969—1970*. Характерно, что в пилосских табличках обнаруживаются упоминания ‘женщин из Милета’ — *mi-ra-ti-ja = Milātai* ‘милетские’, *им. п. мн. ч. ж. р.* (ср. позднее *Μιλῆσιος* ‘милетский’), и из некоторых других малоазиатских городов — Галикарнасса (Зефирии), Иасоса, Эфеса (ср. *Ventris/Chadwick 1973 : 410*). Такие археологические культуры микенского типа обнаружены и в других пунктах западного берега Малой Азии, который должен был явиться местом последнего поселения греков в Малой Азии перед их движением дальше на Эгейские острова и в материковую Грецию, ср. также *Pisani 1959 : 193*.

Об этом же свидетельствуют упоминания в хеттских источниках страны *Aḫḫiḫa-*, *Aḫḫiḫa*, отождествляемой с самоназванием греков-ахейцев.¹

Все традиционные трудности, связывавшиеся с проблемой Аххиявы², объясняются предвзятой точкой зрения, согласно которой для греков исконным было поселение на Пелопоннесе. Принятие гипотезы об их пере-

¹ Ср. *DINGIRLUM URU*Aḫ-ḫi-ḫa-ḫa-kān pu-iš *DINGIRLUM URU*La-az-ra-ja ‘божество страны Аххиява и то божество, которое из страны Лазпа (Лесбоса)’, *KUB V 6 II 57, 60*, ср. *Carratelli 1950*; *LÜ URU*A-ḫ-ḫi-ḫa ‘человек страны Аххия, ахеец’, *КВб XVI 97*; *KUB XIV 1 Rs. 89* (текст Маддуватты, датируемый XV в. до н. э., *Otten 1969*). Хеттское слово передает, очевидно, греческое самоназвание, ср. гом. *Ἀχαιοί* ‘ахейцы’ (родовое название всех греков). Название обнаруживается уже в микенских надписях: *A-ka-wi-ja-de* (*Ventris/Chadwick 1973 : 209, 436—437, 529, 539*).

² Ср. возражения *Ф. Зоммера* против возможности отождествления хет. *Aḫḫiḫa-* с греч. *Ἀχαιοί*, основывавшиеся на гиперкритической оценке фонетического сходства (“созвучия”) этих названий, см. *Sommer 1932; 1934; 1937*. В настоящее время отождествление названий *Aḫḫiḫa-* и *Ἀχαιοί* не вызывает сомнений у большинства исследователей, ср. *Steiner 1964; Harmatta 1968; Muhly 1974* (к ранней истории вопроса см. *Schachermeyr 1935 : 20 и след.*).

селении через Малую Азию, где они могли частично надолго обосноваться, снимает эти трудности.

Судя по хеттским источникам, страна URU *Aḫḫija* локализуется в Малой Азии неподалеку от самого Хеттского Царства¹, ср. *Goetze 1957 : 183*.

2.4. ГРЕЧЕСКО-АНАТОЛИЙСКИЕ СВЯЗИ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБИТАНИЯ НОСИТЕЛЕЙ ГРЕЧЕСКИХ ДИАЛЕКТОВ В МАЛОЙ АЗИИ

Историческое присутствие греков в Малой Азии после распада греко-армяно-арийской диалектной общности отражено и в многочисленных лексических и культурно-исторических связях греческого с малоазийским языковым миром. Следы этих связей видны как в заимствованной из этих языков лексике, так и в общих мифологических и ритуальных мотивах, возникших в период обособленного существования греческого.²

К числу таких слов, проникших в греческие диалекты из языков Малой Азии, которые могут свидетельствовать, очевидно, о контактах между этими языками в период пребывания греческих диалектов на территории Малой Азии³, можно отнести следующие:

Греч. гом. ἰχὼρ 'бессмертная кровь богов' (ἄμβροτον αἷμα θεῶν, E 339—340), позднее 'кровь': ср. хет. *ešhar, išhar* 'кровь' (*Kretschmer 1951; Neumann 1961 : 18*);

Греч. гом. δέπας 'сосуд', мик. греч. *di-pa* : ср. хет. *tapišana-* 'сосуд' (*Neumann 1961 : 20*);

Греч. βύρσα 'шкура', 'кожа': ср. хет. *kurša-* 'кожа', 'шкура', 'руно', 'щит', *Laroche 1947 : 75*, прим. 4 (с переходом *k* → *b* в греческой форме, ср. выше, стр. 60₁);

Греч. θύρσος 'тирс'; 'жезл вакханок, увитый плющом', ср. иер. лув. *tuwarsa* 'виноградная лоза' (*Heubeck 1961 : 80; Neumann 1961 : 86—87*).

¹ В тексте письма *Тавагалавы* говорится о том, что знатные люди и представители царских родов Аххиявы и Хеттского царства ездили в страну на колесницах, что противоречило бы допущению о нахождении Аххиявы во всяком случае только на островах. Постоянная забота хеттов об установлении дружеских и мирных отношений с Аххиявой также свидетельствует о территориальной близости Аххиявы к Хеттскому Царству, ср. текст *Маддуватты* (*Olsen 1969*).

² В этом отношении особо показателен типично малоазиатский характер таких древнегреческих этнонимов как "ионийцы" Ἴά(φ)ωνες (из *Ya-wapa-, с малоазиатским — анатолийским суффиксом -wapa-, лув. -цап- от Ya- 'Кипр', ср. лнк. iyāpatiya, где -tiya — другой малоазиатский суффикс, родственный хет. -zzi) и "данайцы" Δαναοί (сопоставляется с иер. лув. Adapa-wapa, откуда *Danawappi и далее аккад. Dānūpa, егип. D3y-puwp3, при точной параллели в валл. Dopwy [название реки] и ряде семитских заимствований в названиях рек), см. *Arbeitman/Rendsburg 1981*.

³ С другой стороны, обнаруживаемые в греческом (уже в микенском) слова семитского происхождения, такие, как мик. *ku-gi-so* 'с золотом', греч. гом. χρυσός 'золото' (ср. др.-евр., *hārūš*, аккад. *hurāšu*), мик. *ki-u-ro-i* 'сосуд', 'горшок' (др.-евр. *kijjōr* 'горшок'), мик. *sa-sa-ta* 'сезам', греч. οἶσαμον (аккад. *šamašamtu*, ср. хет. *šam-tatpa-*) и др. (ср. *Masson 1967*), как и некоторые древнеегипетские (ср. *Ernstedt 1953*), могли быть заимствованы греческим как в Малой Азии, так и уже во время пребывания греков в материковой Греции и на островах Эгейского моря в результате интенсивных торговых и морских контактов.

В двух последних словах обращает на себя внимание передача в греческом последовательности *-rs-*, которая в исконно греческих словах преобразуется обычно в *-(ρ)р-*;

Греч. *κίανος* ‘медь’, ‘сталь’, *κυάνεος* ‘синий’, мик. *ku-wa-no* ‘стекло синего цвета’; ср. хет. *kuṣanna-* ‘медь’, ‘купорос’, ‘медно-синий’, *Halleux 1969*;

Греч. *κίρβαχος* ‘шишак шлема’; ср. хет. *kirah(h)i-* ‘головной убор’, *Szemerényi 1974 : 153*.¹

Сюда же может быть отнесено и греч. *τραγωιδός* ‘трагик’, ‘актер’ (ср. *τραγωιδία* ‘трагедия’), сопоставляемое с хет. *tarkuṣa(i)-* ‘танцевать’, ‘неистовствовать’ (*Szemerényi 1975 : 319—332*).

В качестве иллюстрации обратного древнего заимствования из греческого в анатолийский (хеттский) может быть приведено хет. *dammara-*, лув. *dammaranza* ‘женщины-служительницы’ (в одном случае ‘служитель’) при мик. *da-ma-te* ‘служители’, греч. гом. *δάμαρ*, род. пад. *δάμαρτος* ‘жена’, ‘супруга’ (*Neumann 1961 : 37*; *Gusmani 1968 : 86*).

Особенно показательно с точки зрения древних связей греческого с малоазийским культурным миром единство мотивов греческой и малоазийской мифологии (ср. *Harmatta 1959 ; 1968a*). Уже греческий миф о мизийском царе Теллесе (*Τήλεφος*, сокращение формы *Τηλεφάνης*) обнаруживает разительное совпадение с малоазийскими мифами о Телепину и с мифом о детях царицы Канеса как по мифологическим мотивам, так и по именам героев мифа: ср. имя сына Теллеса Тархон при хет.-лув. *Tarhunt-* (ср. *Barnett 1956*; *Топоров 1959 : 36—45*).

Весь цикл греческих мифов о теогонии, борьбе нескольких поколений богов на небесах отражает в конечном счете древневосточные мифологические мотивы, которые в преобразованном виде (через хурритскую мифологию) перешли в анатолийскую мифологию, а через анатолийское посредничество — в греческий миф. Это видно как в построении мотивов, так и в целом ряде эпитетов богов, ср. название греческого бога Урана (*Οὐρανός* ‘Небо’) как перевод хурритско-хеттского *Anu-* при шумер. *AN* ‘Небо’, аккад. *Anum* (*Laroche 1966a : 294*); предполагаемый эпитет Зевса **Zawt-* при лув. *Šanta-* (эпитет бога Грозы), ср. *Houwink ten Cate 1961 : 136*; *West 1971 : 50—52*; ср. также эпитет богов у Гесиода *πρότεροι θεοί* ‘минувшие боги’ (*West 1966 : 301*) при хет. *karuileš šiuneš* ‘прошлые боги’, хур. *ammattina* ‘прошлые’ (в мифологическом) контексте о богах, ср. *Salvini 1977 : 89, 91*; *Laroche 1978 : 47*. При этом совпадает порядок поколений богов и соотношения между ними, ср. *Webster 1958 : 64—90*; *Littleton 1970*.

Целый ряд мотивов, в особенности “Одиссеи”, восходит к древневосточным прототипам — шумеро-аккадским и малоазиатским: гомеровский миф о циклопе Полифеме (и, возможно, само имя *Πολύφημος*, сопоста-

¹ Слово представляет интерес и с точки зрения передачи хет. *h(h)* греческим *χ*; ср. в этой связи одно из основных возражений Зоммера против отождествления хет. *ḫiṣṣa-* с греч. *ἄχαιοί* ввиду необходимости допущения в таком случае фонетического соотношения хет. *-ḫḫ-*: греч. *χ* [*k^h*], *Sommer 1934 : 74*.

вимое с именем древнемесопотамского героя Гильгамеша, ср. шумерский вариант имени *Dbil.ga.meš*, хур. *Dbil.ga.miš*, хет. *DGIŠ.GIM.MAŠ*; греческая форма предполагает исходный архетип **bala-g^{wh}-āmo-*, см. *Obenhuber 1974*); мотив клятвы Одиссея, связанной с путешествием в загробный мир (ср. древневосточные мифы о хождении богов в преисподнюю, *Steiner 1971*), и др.

Нужно полагать, что эти и им подобные мифологические мотивы в греческом возникают в период пребывания греческих диалектов в Малой Азии и их интенсивных культурно-исторических контактов начиная со II тысячелетия до н. э. Мифологические сюжеты, возникшие на анатолийской почве, преобразуются в дальнейшем в греческой мифологии, приобретая собственно греческие черты, при сохранении первоначальных признаков, общих с древневосточным эпосом.

2.5. ПРИХОД ГРЕКОВ В МАТЕРИКОВУЮ ГРЕЦИЮ С ВОСТОКА. ГРЕЧЕСКО-КАРТВЕЛЬСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И «МИФ ОБ АРГОНАВТАХ»

Гипотеза о приходе греческих племен в исторические места их жительства на островах Эгейского моря и в материковой Греции с Востока через Малую Азию делает понятным и наличие в греческом целого лексического пласта картвельского (южнокавказского) происхождения. Целый ряд греческих слов с неясной этимологией, находящихся в свете новейших исследований недвусмысленные параллели в картвельском (ср. *Gordesiani 1969*; *Гордезиани 1970 : 217 и след.*; *Furnée 1979*), может свидетельствовать о языковых контактах, существовавших в древнейшую эпоху между греческими и картвельскими диалектами (*Furnée 1979 : 14 и след.*):

Ср. греч. *ῥαπριου* 'шелушные овощи', 'плоды', 'бобы' при груз. *osp'-i*, *osp'n-i* 'чечевица' (без соответствий в других картвельских языках);

Греч. *ῥέδροπα*, мн. ч. (ед. ч. *ῥέδροψ*) 'шелушные овощи': ср. картв. **qnd-(u)r-*: груз. *qndur-i* 'бобы', сван. *ῥeder* 'id.' (с наращением в греческой форме суффикса *-οπ-*; ср. форму без такого суффикса *ῥεδρία = ῥέδροπα*. Обращает на себя внимание отражение картв. **η* в греческой форме в виде гласного *e*, как и в сванском);

Греч. *ἰσχάς* 'молочай' (*Euphorbia* L.); ср. картв. **(η)sx-al-*: груз. *(m)sxal-i* 'груша', мегр. *sxul-i*, лаз. *mxul-i*, сван. *icx* 'id.' (в заимствованной греческой форме появляется протетическая гласная *i-* перед комплексом *οχ-*);

Греч. *δέλλης* (в надписи из Писидии, I в. до н. э.) = *δέλφαξ* 'поросенок': ср. груз. *tel-i* 'поросенок', мегр. *tu*, лаз. *tila* 'id.' (картв. **tel-*);

Греч. *ἀγὼρ·ἀετὸς·Κύπριοι* (*Гесихий*) 'орел': картв. **kor-* 'ястреб': груз. *kor-i*, мегр. *kir-i*, лаз. *kur-i, m-kir-i* (с гласной протезой *a-* в греческой форме);

Греч. *ζάρως* 'хищная птица': ср. груз. *zer-i, zera* 'коршун' (без соответствий в других картвельских языках); греческая форма показывает огласовку *α*, которая должна была быть характерна для предполагаемого обще-

картвельского слова в его западном варианте, с уже осуществленным вокалическим переходом *e→*a;

Греч. γάνα χέρσος γῆ (Гесихий) 'суша', 'земля': картв. *q'ana-: груз. q'ana 'поле'; 'земля', мегр. 'ona, лаз. q'ona 'id.';

Греч. σφερτα τὰ ἄφορα δένδρα (Гесихий) 'неплодоносящие деревья': ср. картв. *berč'- / *barč'- 'бесплодный', 'яловый (о животных)': груз. berc'-i, мегр. burč'-i (в таком случае начальное σ- в греческой форме следует считать последующим экспрессивным наростом);

Греч. ἐσχάρῃ 'очаг', 'огонь на очаге', 'жертвенник', мик. e-ka-ra: ср. картв. *čx- 'гореть', 'греть', *ze-čx-!- 'огонь': груз. cx- 'греть', 'печь', cx-el- 'горячий', cx-ar- 'горячий',] 'острый'; 'горячиться'; sescxl-i 'огонь', мегр.-лаз. čxe 'горячий', dačxir-i, dačxur-i 'огонь'; сван. čx- 'сжигать' (начальную гласную e- в греческой форме следует рассматривать в таком случае как гласную протезу, появившуюся на собственно греческой основе);

Греч. *γῦᾶ 'искривление'; 'выпуклость' (ср. γύης 'кривая часть плуга', отсюда — 'пахотная земля', 'пашня'; γύαλον 'выпуклость'; 'вогнутость'; 'вогнутые бляхи панциря'): ср. картв. *q'ua-: груз. q'ua 'спинка', 'выпуклая часть (орудия, лодки)', сван. q'u(w)a 'id.', мегр. 'ua, лаз. q'ua, k'ua 'лоб';

Греч. *μασχάλη 'подмышка'; 'плечо'; с этой формой связано и μάλη 'id.' (исключительно в выражении ὑπὸ μάλης 'подмышкой';] 'украдкой', 'тайно'): ср. картв. *mqar- 'плечо': груз. mxar-i, мегр. xиж-i, лаз. mxиж-i, сван. meqār (с экспрессивно-уменьшительным преобразованием картвельского слова в греческом: -σχ- вместо -χ-);

Греч. δαγκλον δρέπανον (Гесихий) 'серп', 'коса', 'кривой нож'; ζάγκλον 'id.', ζάγκλιον = σχολίον 'кривой', 'искривленный': ср. груз. i-daq'u-i, ni-daq'u-i, dlaq'u-i 'локоть', мегр. du'-i, лаз. duq'u, durq'u 'id.';

Греч. ὕβος 'горб'; 'бугорок'; ὕβος 'горбатый', 'согнутый': ср. груз. ube 'выпуклость'; 'пазуха', мегр. (l)uba, лаз. uba, oba 'id.';

Греч. δαιδάλλω 'искусно отделяю', 'обрабатываю', 'украшаю', δαίδαλος 'искусно', 'мастерски отделанный' (гом. πολυδαίδαλος), с экспрессивной редупликацией из *δα-δαλ- < *δαλ-δαλ-(?), ср. картв. *tal-/*il-: груз. tl-/tal- 'резать', 'обрабатывать (дерево, камень)'; 'чистить (фрукты)', мегр. tol- 'id.';

Греч. νάσσω, аттич. νάττω; аор. гом. ἐνάσσει, перф. мед. νένασμαι 'сжимаю', 'утаптываю', 'удавливаю' (*nag-): ср. груз. naq'- 'раздавливать', 'толочь (в ступке)' (без соответствий в других картвельских языках);

Греч. ἰσχύς 'сила', 'крепость', 'могущество', ἰσχυρός 'сильный', 'могущественный': ср. картв. *šxu- 'быть толстым, большим', *m-šxu-il- 'толстый', 'большой': груз. gan-sxu- 'делаться толстым, большим', msxvil- 'толстый', 'большой', мегр. šxu, лаз. (m)čxu 'id.' (с протетическим гласным :- в греческой форме);

Греч. ζάφελος, гом. ἐπιζάφελος 'сильный', 'пылкий', 'горячий': ср. груз. m-zarg-i 'сильный', 'резкий', 'интенсивный', 'ожесточенный' (без соответствий в других картвельских языках);

Греч. ζαροῦν · καθεύδειν (*Гесихий*) ‘покоиться’, ‘лежать’, ‘спать’; первоначальная основа предполагается в форме ζαυ-, которую, очевидно, можно увязать с общекартвельской основой *žep-/ *žin- ‘лежать’, ‘спать’ (ср. груз. *m-zin-av-s* ‘сплю’, лаз. *di-žin-u* ‘лег спать’) в ее западном варианте с огласовкой *a: *žan- (ср. мегр. *žan-uln¹*, лаз. *žan-s* ‘лежит’);

Греч. δαύω ‘сплю’; ἔδασα · ἐχομήθη (*Гесихий*): ср. картв. *dew-/ *dw- ‘лежать’; ‘класть’, с огласовкой *a основы в полной ступени, т. е. *daw-, которая должна была быть первоначально характерна для западнокартвельского диалектного ареала (при последующем распространении в мегрело-лазском формы с нулевой огласовкой *dw- на всю парадигму (см. *Гамкрелидзе/Мачавариани 1965* : 221—222);

Греч. γαμέω ‘вступаю в брак’, гом. γάμος ‘свадьба’, ‘брак’, ‘бракосочетание’; γαμῆρος ‘родственник по брачным связям’, ‘зять’, ‘шурин’ и др.: ср. картв. *km-ar- ‘муж’, ‘супруг’: груз. *kmari* ‘муж’, мегр. *komonž-i*, лаз. *kotož-i* ‘id.’;

Греч. ἄρ ‘супруга’, ‘жена’ (из *δFαρ?), отсюда ἀριζω ‘любезничаю’, ‘нахожусь в интимных отношениях’: ср. картв. *q’war-: груз. *q’var* ‘любить’, мегр. ‘or-, лаз. (q’)or- ‘id.’;

Греч. βάζειν · καχολογείν (*Гесихий*) ‘говорить дурно’, ‘злословить’, ‘околдовывать’, ‘клеветать’, βάζωνος ‘злоречивый’, ‘завистливый’, ‘клеветник’: ср. картв. *bežγ-/ *bažγ-: груз. *bežγ* ‘доносить’, ‘клеветать’, мегр. *beržγ-el* ‘кричать’, лаз. *bežγ* ‘гневаться’, ‘ругать’ (в греческой форме отражена, очевидно, общекартвельская основа с первоначальной западнокартвельской огласовкой *a);

Греч. ἄκμα · νηστεία, ἔνδεια (*Гесихий*) ‘пост’; ‘недостаток’, ‘нужда’, ἄκμηνος ‘не принимавший пищи’, ‘не евший’: ср. картв. *q’m- ‘голод’; ‘голодать’: груз. *si-q’m-il-i* ‘голод’, мегр. ‘ut-en-i, лаз. (q’)ot-in- ‘жажда’, сван. *q’m* ‘голодать’ (в греческой форме гласная протеза α-);

Греч. κύλλαιος · βόστρυχος (*Гесихий*) ‘локоны’, ‘кудри’: ср. груз. *k’ul-ul-i* ‘id.’ (без соответствий в других картвельских языках);

Греч. γοδᾶν · κλαίειν (*Гесихий*) ‘рыдать’, ‘плакать’, ‘оплакивать’, ср. груз. *god-eb-a* ‘воплъ’, ‘плач’ (без соответствий в других картвельских языках);

Греч. *τᾶδος ‘желание’ (предполагаемая основа лексем гом. ἐπιτηδῆς, дор. ἐπιτᾶδῆς ‘с намерением’, ‘с целью’, ‘нарочно’; отсюда ἐπιτηδεύω ‘стараюсь’, ‘забочусь’; ‘делаю с намерением’: ср. картв. *č’ad- ‘желание’: груз. *s’ad* ‘желать’, ‘жаждать’, *s’ad-il-i* ‘желание’, сван. *hadw* ‘желать’ (сопоставление весьма проблематично).

Многочисленные лексические схождения между греческим и картвельским, проявляемые именно в “догреческих” лексемах неиндоевропейского происхождения¹, следует интерпретировать в том смысле, что ряд карт-

¹ В работе *Furnée (1979: 19 и след.)* приводится более ста таких греческо-картвельских лексических схождений. Из этого длинного списка слов нам представляются наиболее вероятными греческими лексемами картвельского происхождения приведенные выше формы. Другие могут быть отведены как сомнительные по причинам семантического или формального характера.

вельских слов был заимствован греческим, очевидно, в процессе соприкосновения греческих племен с картвельскими в определенных областях ближневосточного региона в период греческих миграций с доисторической “пра-родины” в западном направлении в исторические места их жительства. С другой стороны, некоторые из приведенных выше (стр. 877 и след.) общеиндоевропейских форм в картвельском могли бы быть формально соотнесены именно с греческими и рассмотрены в качестве доисторических греческих заимствований в картвельском, иллюстрирующих взаимность процесса греческо-картвельских лексических заимствований в период соприкосновения греческих и картвельских племен в ареале исторического расселения последних (ср., в частности, картв. **km-ar*/**km-r* ‘муж’ при греч. *γαμβρός* ‘зять’).

Именно эти исторические контакты картвельских племен с грекоязычными племенами в период миграций этих последних с востока на запад в исторические места их жительства и могут быть отражены в известном греческом мифе об аргонавах. Древнейший слой этого мифа, повествующий о появлении Фрикса (греч. *Φρίξος*) на летящем баране и об “ове-чьем руне”, висящем на священном дубе, отражает факт прихода греков в Колхиду во II тысячелетии до н. э. (ср. *Лордкипанидзе 1979*). Характерно, что этот обычай помещения бараньей шкуры на священном дереве (в частности, дубе) сохраняется у западнокартвельских племен до позднего времени (ср. *Бендукидзе 1973*; *Рорко 1974* : 228—229; 1978 : 114 и след.) и отражает общий для этого ареала, включая и север Малой Азии, ритуал помещения сакральной шкуры барана на священном дереве (ср. дерево *Gl̥seia* в хеттской ритуальной традиции, см. подробно выше, стр. 582).^{1/}

Самое раннее появление греков в Колхиде с материковой Греции морским путем через Мраморное море, Босфор и Дарданеллы и далее по Черному морю (что предполагается поздними версиями мифа о Язоне, греч. *Ἰάσων*, *Ἰήσων*, и корабле “Арго”, гом. *Ἀργώ*, μ 70) маловероятно ввиду непригодности в это время для мореплавания Мраморного моря (древней Пропонтиды, греч. *Προποντις*, то есть ‘Пред-Черного-Моря’), бывшего в глубокой древности несудоходным водоемом.^{2/}

Остается допущение сухопутного пути первоначального проникновения греков в Закавказье, в частности Колхиду. Таким путем мог быть путь с юга на север к причерноморскому побережью Закавказья в процессе движения грекоязычных племен, направлявшихся с востока на запад из первоначальных мест расселения индоевропейских племен. Именно

¹ В этой связи обращает на себя внимание совпадение с этим словом древнейшего названия страны колхов Айа (греч. *Αἶα*), которое упоминается в различных версиях мифа об аргонавах (ср. *Урушадзе 1970* : 28—29). Наименование “Колхида” (греч. *Κολχίς*) возникает, по всей видимости, позднее и употребляется уже в эту эпоху (например, у Геродота) параллельно с древнейшим наименованием страны *Αἶα*: *...ἔς Αἶάν τε τὴν Κολχίδα* “...и в (страну) Айа, в Колхиду” (см. *Каухчишвили 1960* : 48—49).

² “Физик” Стратон (конец IV — первая половина III в. до н. э., глава школы “перипатетиков”) отмечает, что “Эвксин (то есть *Черное море*) прежде не имел прохода у Византии, но впадающие в него реки прорвали его силою своего течения и затем вода излилась в Пропонтиду (то есть *Мраморное море* и *Геллеспонт*)...” (*Латышев 1947* : 182).

здесь греческие племена могли войти в соприкосновение с картвельскими, в частности западнокартвельскими племенами, уже заселившими к этому времени прибрежные области Закавказья и, по-видимому, назвавшими их страной “Арг(о)”, что можно вывести из самоназвания западнокартвельских племен *m-arg-al-i* ‘мегрел’, то есть ‘житель страны *Arg-*’ (ср. грузинское название Западной Грузии *Egr-is-i*). Этим и можно было бы объяснить название в позднейших версиях этого мифа греков, прибывших в Колхиду в поисках золотого руна, “аргонавтами” (греч. ἀργοναῦται), то есть ‘мореплывателями, прибывшими в страну *Arg(o)*’ (С. С. Джикия — устное сообщение). В дальнейшем это первоначальное наименование “страны золотого руна” *Arg(o)*- переосмысливается, очевидно, как название центра дорийского племенного союза Ἰαργός, смещавшегося географически вместе с историческими перемещениями дорийских племен, для которых одной из священных культовых областей оставался Ἰαργολίς (Beyen/ Vollgraff 1947) — имя, весьма напоминающее самоназвание западнокартвельских племен.¹ Все это дает основание понимать под “греками”, проникшими сухопутным путем с юга на север в Колхиду, наряду с другими греческими племенами также и дорийские, сохранявшие память о пребывании в стране *Arg(o)*- и продолжавшие называть этим именем (не имеющим собственно греческой этимологии) свои позднейшие культовые центры.

И вторая часть мифологического имени “аргонавтов” -ναύτης ‘мореплыватель’ должна быть продуктом позднейшего переосмысления мифа как предания о проникновении греков-мореплывателей в Колхиду морским путем на корабле Ἰαργώ. Такое переосмысление, естественно, стало возможно после установления, уже в историческое время, морского пути между материковой Грецией и побережьем Черного моря.

Основное греческое название ‘руна’, ‘золотого руна’ χρῶμα, ср. р., мн. ч. χρῶμα не находит объяснения на индоевропейской почве (см. Chantraine 1968 — 1974, I : 604) и должно считаться иноязычным заимствованием. Оно фигурирует в тексте древнейших версий мифа об аргонавтах и засвидетельствовано уже у Гомера (I 661; γ 38 и др.), а еще ранее — в микенских текстах в форме ko-wo (то есть kōwos = греч. χρῶμα, см. Morpurgo 1963 : 166), в которой сохраняется интервокальное -w-, утерянное позднее в греческом. Это греческое слово, восстанавливаемое в форме *kōw-a/o-, также может считаться заимствованием местного слова в значении ‘кожи’, ‘шкуры’, а именно картвельского *tʰqʰaw-/tʰqʰaw- (груз. tʰqʰav-i ‘шкура’, ‘кожа’, мегр.-лаз. tʰqʰeb-i /tʰkʰeb-i ‘id.’ из *tʰqʰob-i/*tʰkʰob-i), с упрощением в греческой форме начального картвельского комплекса tʰqʰ- в k- и отражением в ней западнокартвельской (занской) огласовки *o. Такое преобразование слова в греческом происходит в соответствии с законами изменения начальных комплексов согласных. В данном случае

¹ Хенигсвальд (Hoenigswald 1980) выделяет в данном топониме суффикс -ολί-, представленный и в топониме Ἰαολίς ‘Эолида’. В этой последней форме автор предполагает производную от названия страны Αἴα, и соответственно этноним Ἰαολεῖς ‘эолийцы’ этимологизируется им как ‘жители страны Αἴα’.

изменение выразилось не в метатезе начального комплекса, как в большинстве исконных индоевропейских слов в греческом (см. выше, стр. 149), а в его упрощении, аналогично греческим формам типа $\chiαίνω$ 'убиваю' при $\chiτείνω$ 'id.'¹

Датировка возникновения основы мифа о греках-аргонавтах и "золотом руне" II тысячелетием до н. э. согласуется и с данными о другом греческом названии 'шкура', 'руна' $\betaύρσα$, представляющем собой, очевидно, заимствование хеттского слова $kurša-$ в ритуальном значении 'руно', 'руно Бога-Защитника' (ЛАМА $KUŠkuršaš$, Попко 1974 : 226; засвидетельствовано в текстах хаттского круга, относящихся к культовым центрам Севера Малой Азии: ритуал $purulli-$, миф о Телепину и др., ср. Haas 1978).² Все это лишний раз подтверждает выводы о ранних контактах греческих племен с иноязычными племенами в ареале Севера Малой Азии и Закавказья.³

3. ДРЕВНИЕ БАЛКАНСКИЕ ЯЗЫКИ И ИХ ДИАЛЕКТНАЯ И АРЕАЛЬНАЯ СООТНЕСЕННОСТЬ. ПРОБЛЕМА ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ МИГРАЦИЙ ЧЕРЕЗ БАЛКАНЫ

3.1. ФРИГИЙСКИЙ ЯЗЫК И ЕГО СООТНЕСЕННОСТЬ С ГРЕКО-АРМЯНО-АРИЙСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ОБЩНОСТЬЮ

Дорийский диалект греческого языка не был, очевидно, единственным индоевропейским диалектом среди диалектов греко-армяно-арийской диалектной общности, проделавшим путь в северо-западном направлении из Малой Азии на Балканы. Наряду с близким к греческим диалектам древнемакедонским языком (ср. Hoffmann O. 1906; Τσοπανάκης 1970) к таким индо-

¹ Хорошей иллюстрацией такого упрощения $*t'k' \rightarrow k'$ начального комплекса при заимствовании картвельского слова $*t'q'ow-$ || $*t'k'ow-$ 'шкура' в архаическом греческом в виде $[*kow-$ 'шкура, руно' может служить также передача в греческом картвельского названия реки 'Куры' $*\eta t'k'war-/*\eta t'k'ur-$ (груз. $mt'k'war-i$, *род. п.* $mt'k'wr-is$) в форме $K\acute{\upsilon}\rho\omicron\varsigma$, $K\acute{o}\rho\omicron\varsigma$ (ср. Tischler 1977a : 86), с упрощением начального комплекса $[mt'k'- \rightarrow$ греч. $k-$ (ср. Джикия 1960).

² Древность хеттского слова удостоверяется наличием его в староассирийских табличках в форме $gursānūt$ 'меха', 'кожаный сосуд для жидкости', ср. угар. $krsp$ с тем же значением (Gelb 1969a).

³ В свете этих новых данных следует пересмотреть принятую в картвелистике хронологию распада общекартвельского языка-основы, начало которого обычно относилось к первой половине II тысячелетия до н. э. (с выделением из общекартвельского языка сванского и последующим распадом — примерно через одно тысячелетие — грузино-занского единства), см. Гамкрелидзе/Мачавариани 1965 : 17. Обнаружение в греческом заимствованных картвельских форм с характерным занским вокализмом предполагает занское передвижение гласных $*e \rightarrow *a$, $*a \rightarrow *o$ осуществленным уже во II тысячелетии до н. э., что отодвигает начало процесса распада общекартвельского языка-основы и выделение сванского диалектного ареала по крайней мере к III тысячелетию до н. э. (ср. также выше, стр. 880₂).

Такая заниженная хронология распада общекартвельского языка-основы (выделение сванского в начале III тысячелетия и распад грузино-занского диалектного единства в начале II тысячелетия до н. э.) прекрасно согласуется с хронологизацией распада индоевропейского и семитского праязыков, относимого к периоду не позднее IV тысячелетия до н. э. (см. выше, стр. 859 и след.).

европейским диалектам следует отнести фригийский язык, а также, по-видимому, албанский язык в той мере, в какой он является продолжением балканских диалектов, восходящих, судя по сохранившимся языковым фрагментам, к определенной древней индоевропейской диалектной общности.¹

Фригийский язык, известный нам по немногочисленным надписям первой половины I тысячелетия до н. э., найденным в Малой Азии, обнаруживает структурные черты, сближающие его с диалектами греко-армяно-арийского ареала: наличие аугмента в древнефригийских глагольных формах типа *edaes* = греч. ἔθηξε 'поставил', ср. позднефриг. εσταεε (= греч. ἔστηξε 'поставил'); относительное местоимение ιοε (ср. греч. ἴος, др.-инд. *yáh*); запретительное отрицание με (ср. греч. μή, др.-инд. *mā*, арм. *mi*) и др., ср. *Naas O. 1966*; *Дьяконов/Нерознак 1977* : 184, 193; *Нерознак 1978*: 66 и след.

Наряду с изоглоссами, объединяющими фригийский язык с диалектами греко-армяно-арийской группы, фригийский обнаруживает и ряд архаических черт, в особенности в фонологической структуре. Фригийский, также как и армянский, германский и ряд других индоевропейских диалектов, сохраняет древнюю структуру трех серий индоевропейских смычных, отражая серию I как незвонкую, серию II как звонкую² и серию III как глухую придыхательную: ср. фриг. τιοε 'dei' при др.-инд. *diváh*, греч. Διῖβός; др.-фриг. *edaes* = греч. ἔθηξε, фриг. θρι- 'три' (в сложении θρίαμβος 'трехшаговый танец'). Возможный *centum*-ный характер фригийского при наличии вторичных палатализаций³ перед гласным переднего ряда в словах типа ζεμελω- 'человек' (и.-е. *ǵ[h]lem- и др.) ставит этот диалект в ряд языков с элиминацией первоначального палатального ряда "гуттуральных" и слияния его с нейтральным велярным рядом.

Ряд грамматических форм фригийского может быть истолкован и как свидетельство наличия связей фригийского и с диалектами иной группы — хетто-тохаро-итало-кельтской: ср. медиальные формы на *-tor* типа αἰδῶξε-тор (от основы *dak-* 'ставить', 'делать'), αἰζερεтор (от *ber-* 'нести'), ср. *Naas O. 1966*; *Дьяконов/Нерознак 1977*.

¹ К числу таких диалектов мог относиться и фракийский, известный по отдельным глоссам и фрагментам текста, ср. *Detschew 1957*; *Георгиев 1958* : 112—145; *Нерознак 1978* : 21 и след.

² Существуют косвенные указания на то, что фригийские звонкие смычные, передававшиеся во фригийском письме греческими по происхождению знаками для *b, d, g*, могли в действительности произноситься как звонкие придыхательные *b^h, d^h, g^h*. Такое предположение становится вероятным при учете колебаний в греческой передаче названия 'фригийцев' — Βρύγες, Βρίγες наряду с Φρύγες. Греки могли передавать звонкое придыхательное [b^h] то как *b*, то как *r^h*, ср. *Порциг 1964* : 106; ср. показательную передачу в греческом древнеиндийского *b^h* через *φ* в названии реки 'Кабул' (в Афганистане): греч. Κῶφης, Κῶφῆν при др.-инд. *Kúbhā*. При таком предположении устанавливается полное сходство вплоть до идентичности в отражении серий смычных во фригийском и армянском диалектах с незвонкими, звонкими (придыхательными) и глухими придыхательными.

³ Ср. сведения античных авторов (Платон, "Кратил", 410) о сходстве фригийского названия 'собаки' с греч. *κύων* 'собака'. На этом основании предполагается для фригийского форма типа *κύεε*, ср. *Naas O. 1966* : 166 (с литературой).

Пребывание фригийцев в письменную эпоху на Балканах удостоверяется как сведениями древних авторов¹, так и анализом археологической культуры Балкан и Малой Азии². Отсюда они двигаются вместе с “народами моря” египетских источников в конце II тысячелетия в Малую Азию и обосновываются здесь после разрушения Хеттского Царства ок. 1200 г. до н. э.

* 3.2. ПРОТОАЛБАНСКИЙ И ЕГО ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ДИАЛЕКТНЫЕ СВЯЗИ

Близость албанского языка первоначально к греко-армяно-арийской диалектной группе, часть диалектов которой направилась из Малой Азии на Балканы, может быть предположена на основании ряда структурных (фонетико-морфологических) особенностей албанского языка. К числу таких изоглосс можно отнести *род.-дат. п. мн. ч. -ve* < **-bhljios* (при др.-инд. *-bhyaḥ*, арм. *твор. п. мн. ч. -bê*), запретительное отрицание *to-s* (при греч. *μή*, арм. *mi*, фриг. *me*, др.-инд. *mā*), возможный след аугмента (алб. *hē-ngra* ‘я ел’, арм. *e-ker*), *Pisani 1959 : 110 и след.*

Оказавшись на Балканах, протоалбанский испытывает сильное воздействие появившихся позднее на этой территории “древнеевропейских” диалектов, что в значительной мере меняет первоначальную лексику языка и отчасти его грамматическую структуру, отдаляя его от структурного типа, близкого к греко-армяно-арийской диалектной общности, ср. о позднейшем типе протоалбанского, испытавшего воздействие “древнеевропейского”, *Десницкая 1968; Solta 1980.*³

3.3. ДРЕВНЕЙШИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ОЧАГ НА БАЛКАНАХ V—IV ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э. И ЕГО СВЯЗЬ С МАЛОАЗИАТСКИМ (ЧАТАЛ-ХЮЮК)

Еще до появления перечисленных индоевропейских диалектов на Балканах из Малой Азии балканский ареал представлял собой древнейший в Европе очаг цивилизации, истоки которой восходят к V тысячелетию. Археологические открытия последних лет обнаружили на Балканах существование развитой цивилизации, близкой по типу к древневосточной и связываемой с еще более древней цивилизацией запада Малой Азии — Ч а т а л - Х ю ю к о м (VI тысячелетие до н. э.).

¹ “По словам македонян, пока фригийцы жили вместе с ними в Европе, они назывались ‘бригами’ (*Βρύγες*). А после переселения в Азию они вместе с переменной местопребывания изменили и свое имя на ‘фригийцев’ (*Φρύγες*)” (*Геродот*, История, VII, 73).

² Курганные могильники Болгарии (как и ряд предметов материальной культуры (керамика, бронзовые изделия) в точности совпадают с типом захоронений в области Гордюза-Анкары, ср. *Akurgal 1961*).

³ В свете предположения о восточномалоазиатском происхождении протоалбанского как некоторого диалекта, близкого к греко-армяно-арийской общности, обращает на себя внимание совпадение названия ‘албанцев’ (греч. *Ἀλβανοί*) с кавказскими ‘албанцами’ — жителями Албании (*Ἀλβανία* греческих источников), ср. *Pisani 1959a : 111*.

Культура древних Балкан V и IV тысячелетий до н. э. (Старчево в Югославии, Караново I—в Болгарии, Криш—в Румынии, Кёрёш—в Венгрии, Сескло—в Фессалии) характеризуется развитым земледелием и использованием знаков древнеближневосточного происхождения (Титов 1966), металлургией меди, сформировавшейся также под вероятным малоазиатским влиянием (Рындина 1971), наличием достаточно сложной религии и соответствующей симво-

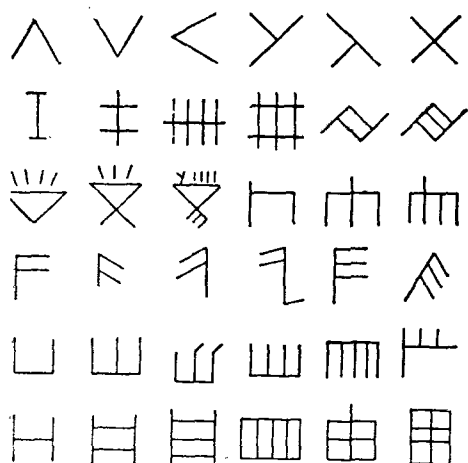

Рис. 19. Линейные знаки древнебалканского письма, VII—VI тыс. до н. э. (по Gimbutas 1973a)

гии и соответствующей символики, в том числе и пиктографических знаков линейного характера, ср. Rosenkranz 1975 : 10 и след.; Gimbutas 1973a : 13; 1974; Birnbaum 1974 : 363 и след.

Принадлежность этой культуры (как типологически, так и генетически) к ближневосточному культурному ареалу может быть истолкована как свидетельство того, что она является ранним ответвлением переднеазиатского очага цивилизации. Установление более конкретного этнического характера этой древнебалканской культуры (как, впрочем, и древнейшей малоазиатской цивилизации ти-

па Чатал-Хююка) в настоящее время не представляется возможным. На эту древнебалканскую культуру V тысячелетия до н. э. позднее, начиная, по-видимому, с III тысячелетия до н. э., наслаиваются миграционные волны носителей индоевропейских диалектов, исходящие из общеиндоевропейского ареала на Ближнем Востоке.

4. ПРОТОАРМЯНСКИЙ ДИАЛЕКТ И ПУТИ ЕГО ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ

4.1. КОНТАКТЫ ПРОТОАРМЯНСКОГО С ХЕТТО-ЛУВИЙСКИМИ ЯЗЫКАМИ. ВОПРОС ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЯЗЫКА СТРАНЫ ХАЙАСА

При допущении ближневосточной прародины индоевропейцев предполагается сравнительно небольшое смещение протоармянского в пределах малоазиатского ареала, где он мог соприкоснуться с анатолийским языковым миром. Отсюда протоармяне в дальнейшем распространяются в исторической Армении на Армянском нагорье, наслаиваясь на хуррито-урартский субстрат, ср. Дьяконов 1961 : 366 и след.; 1968.

Контакты протоармянского с хетто-лувийскими языками удостоверяются рядом слов, заимствованных из анатолийских языков типа:

Арм. *ap-ašxarel* 'каяться', 'искупить вину слезами', *ašxar* 'плач', ср. хет. *ešhaḫru-* 'слезы', *ešhaḫruca-* 'плакать'; арм. *spand* 'жертва', 'жертвоприношение', ср. хет. *išpant-* 'совершать жертвенное возлияние' и др.¹

Особую проблему представляет вопрос о связи протоармян со страной Хайаса (^{URU}Ḫaiša-), упоминаемой в хеттских источниках XIV—XIII вв. до н. э. и локализуемой на северо-востоке Малой Азии, ср. *Капанцян 1956*. Не предвешая вопроса о языковой принадлежности жителей Хайасы и связи с протоармянским их языка (который не может быть в настоящее время уяснен ввиду скудости языковых свидетельств²), можно, однако, предположить определенную связь топонима *Ḫaiša-* с самоназванием армян *hay-*. Выделение в форме *Ḫai-aša-* суффикса принадлежности *-š(š)a-* может быть подкреплено наличием и других топонимов с основой *Ḫai-*. В частности, обнаруживается название города *Hayi*, локализуемого вблизи верховьев Евфрата, в лувийской иероглифической строительной надписи X в. до н. э. из Кархемыша (*Hawkins 1972*); город *Ḫaiḫani* на Амане назван рядом с Кархемышем, Наири и Хатти в надписи Салманасара III (858—824 гг. до н. э.), ср. также *Laroche 1966a: 371*.

Даже при допущении отсутствия генетических связей между протоармянами и жителями страны Хайаса и соответственно их языками, можно считать вероятным наличие таких взаимоотношений между этими этническими группировками, которые бы сделали возможным перенятие протоармянами названия *hay-* в качестве их этнонима.³

¹ Об анатолийских заимствованиях в армянском см. *Капанцян 1956; Schultheiss 1961; Greppin 1982*.

² Эти свидетельства ограничиваются двумя-тремя десятками топонимов, имен людей из Хайасы и наименований хайасских богов, ср. *Джаусян 1964: 24—26*. Выяснение неармянского характера этих названий не означало бы еще, что язык населения Хайасы не мог быть протоармянским.

Характер ономастики зачастую не отражает реальной картины языковых соотношений в той или иной стране. Так, например, только на основании свидетельств хеттской ономастики времени Нового Царства при всем ее богатстве было бы почти невозможно сделать заключение об индоевропейском характере хеттского языка. Следует заметить, что позитивное свидетельство ономастики может дать основание для заключения о характере языка данной страны, тогда как негативное свидетельство еще не может считаться основанием для отрицания существования данного языка на этой территории.

³ Выведение этнонима *hay-* из топонима *Ḫatti* (ср. ^{LU} ^{URU}Ḫatti 'человек страны Хатти' хеттских источников), ср. *Дьяконов 1968: 234 и след.*, представляется менее убедительным, поскольку такое допущение предполагает действие в протоармянском процесса *VtV* → арм. *VyV* (ср. и.-е. **p^hl^hter-* → арм. *hayt* 'отец'; и.-е. **māt^her-* → арм. *mayt* 'мать' и др.) даже после заимствования протоармянами формы *ḫat(t)i* (т. е. в сущности названия 'хет', 'житель страны *Ḫatti*') для самоназвания. Такое допущение представилось бы более вероятным, если бы автору удалось показать действие в армянском указанного фонетического процесса еще в историческую эпоху (на примере какой-либо заимствованной формы). Так или иначе, при допущении обеих возможностей этимологизирования этнонима *hay-* протоармяне должны были заимствовать такое название в западных областях Передней Азии, сместиться позднее в восточном направлении, в сторону территории их исторического обитания на Армянском нагорье и наслоиться на ранее обосновавшийся здесь хурро-урартский этнический элемент.

5. РАСПАД ИНДО-ИРАНСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ОБЩНОСТИ И ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЕ СООТНЕСЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ МИГРАЦИОННЫХ ВОЛН НОСИТЕЛЕЙ ИНДО-ИРАНСКИХ ДИАЛЕКТОВ

5.1. РАННИЕ АРИЙСКИЕ ДИАЛЕКТЫ: МИТАННИЙСКИЙ АРИЙСКИЙ, КАФИРСКИЙ, ИНДО-АРИЙСКИЙ. ХРОНОЛОГИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ АФГАНИСТАНА И СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ИНДИИ

На основании таких надежных арийских терминов, как *aika-çartanna* ‘один поворот’, *panza-çartanna* ‘пятикратный поворот’ и других (см. выше, стр. 545 и след.), удостоверяется древность арийских элементов на Ближнем Востоке уже к середине II тысячелетия до н. э. Взаимодействие арийцев и хурритов можно рассматривать как первый исторически засвидетельствованный случай контактов индоевропейского диалекта с неиндоевропейскими, хронологически и пространственно близких к предполагаемому общеиндоевропейскому ареалу. В хурритском же обнаруживается название ‘лошади’ *ešši* (*Laroche 1978 : 85*), очевидно, индо-иранского происхождения (из индоевропейского **eḱ[h]ṛo-*, уже со спирантизованным палатальным **ḱ[h]*).

Satəm-ная форма индо-иранского названия ‘лошади’ (ср. др.-инд. *áśva-*, авест. *aspa-*, др.-перс. *asa-*) проникает и в целый ряд древних переднеазиатских языков — шум. *śi.śi*, аккад. *sisû* ‘лошадь’, угар. *ssw*, др.-евр. *sûs* (ср. егип. *šsm.t* ‘лошадь’), см. выше, стр. 560. Этот факт свидетельствует об исключительной древности обособления древнеиндоиранского диалекта из греко-армяно-арийской общности и его контактов с целым рядом ближневосточных языков, в особенности с семитскими.¹

При этом характерно, что анатолийские языки не обнаруживают контактов с индо-иранским и обратно. Это должно свидетельствовать о довольно раннем разрыве связей между анатолийским и арийским диалектами в пределах общеиндоевропейского языка и достаточно раннем начале движения носителей этих диалектов в разные стороны при отсутствии и последующих ареальных контактов между ними.²

Восточная окраина общеиндоевропейской территории — северная часть Иранского плоскогорья — и должна была быть историческим ареалом индо-иранского. По археологическим данным появление индо-иранских племен на севере Ирана следует отнести к первой половине III тысячелетия до н. э. (культура Хиссар II В), *Thomas 1970 : 200—201*. Серая керамика, появляющаяся в этот период на севере Ирана, сопоставима с серой минийской керамикой в Западной Анатолии, см. выше, стр. 899;

¹ В свете выявляемых лексических свидетельств о контактах индо-иранского диалекта с семитскими становится вероятной гипотеза *Семереньи* о трансформации индоевропейского вокализма **e* **o* **a* → *a* в индо-иранском под влиянием семитских языков с треугольной системой *a~i~u*, *Szemerényi 1964a*, ср. также *1977 : 362 и след.*

² Здесь, естественно, не имеются в виду арийские слова в хеттских текстах хурритского происхождения, которые свидетельствуют о хуррито-арийских ареальных связях, а не о собственно хетто-арийских.

ср. также *Deshayes 1960; 1969*. Отсюда через Афганистан первые волны арийцев должны были пройти далее на восток в северо-западную Индию.

Одна из первых таких волн отражается в исторических кафирских (нуристанских) языках, сохранивших некоторые архаизмы ранней индо-иранской эпохи (отсутствие ассимиляции палатальных, ср. кафир. *śuna* 'собака' при др.-инд. *śuvā*, кафир. *duć* 'десять' при др.-инд. *dāśa* 'десять'; отсутствие перехода $s \rightarrow \check{s}$ после *u*, ср. кафир. *mūsa* 'мышь' при др.-инд. *mūṣ-* и др., см. выше, стр. 105 и след.). Нужно полагать, что арийский диалект, из которого развились кафирские языки, очень рано выделился из общеарийского языка и первым был занесен к востоку, к границам исторической Индии, ср. *Morgenstierne 1975*. Дальнейшие миграционные волны носителей индо-арийского оттеснили их на север, в труднодоступные горные долины, где "кафиры" обитают до настоящего времени (*Barrou 1976 : 35*).

Такое движение древних индо-арийских племен в восточном направлении с первоначального места их жительства отражено и в мифологических представлениях о востоке, связываемом с движением вперед, соответственно о западе как о 'задней' стороне, о юге, как о стороне 'правой'; ср. др.-инд. *pūrva-* 'передний', 'идуший впереди' и 'восточный', *paścā* 'задний' и 'западный', *dākṣiṇa-* 'правый' и 'южный'.

Такие представления о частях света могут, естественно, возникнуть у переселяющихся племен, которые обращены в своем движении лицом на восток, тогда как запад находится сзади, юг — справа, а север — с левой стороны.¹

Это движение древнеиндийских племен с Иранского плоскогорья на восток по направлению к исторической Индии отражено еще в архаичных гимнах "Ригведы", где встречаются названия *Dāsa*, *Hariyūpīyā* и другие, указывающие на обитание древнеиндийских племен еще в юго-восточном Иране и Афганистане, ср. *Топоров 1962 : 63; Burrow 1973*.

Проникновение древнеиндийских племен на северо-запад Индии соотносится археологически с появлением типа захоронений с трупосожжением (*Stacul 1971*) и датируется второй половиной II тысячелетия до н. э. Примерно к этому времени относится и гибель древних городов долины Инда—Мохенджо-Даро и Хараппы, по мнению многих ученых, разрушенных вторгшимися древнеиндийскими племенами, *Heine-Gelber 1956; Fairervis 1956; Kumar 1973*. Уже в это время начинаются контакты древнеиндийского языка с доарийскими языками древней Индии — дравидийскими, мунда и другими, ср. *Barrou 1976 : 348—361; Suijper 1948; Kirfel 1953*.

Особый аспект при установлении общего направления движения мигрировавших в исторические места жительства древнеиндийских племен мо-

¹ В древнеиндийском *śavyā-* 'левый' не обнаруживается значения 'северный', что можно объяснить табуированием значения 'северный' в частыми колебаниями в значении этого слова, ср. *dākṣiṇa-* — 'правый' и 'южный'.

жет представить генетический подход к наследственно передаваемым иммунологическим характеристикам популяций. В частности, предполагается, что в древней Малой Азии и других странах восточного Средиземноморья существовала связь между ареалами распространения малярии (от юга Греции и Малой Азии на восток до Индостана) и одного из генетически передаваемых вариантов молекулы гемоглобина, характеризующего вид анемии — талассемию, ген которой в гетерозиготном состоянии увеличивает сопротивляемость организма к малярии (Харрисон/Уайнер/Тэннер/Барникот/Рейнолдс 1979 : 284—290, 572). Этот фактор приобрел особое значение при распространении земледелия, когда влажные леса стали срубать, делая на их месте пашни, что способствовало увеличению числа комаров (ср. Angel 1940). Если предположить, что популяции древнеиндийских племен, вторгшихся в Индостан, не имели этих генетически выработанных способов резистентности к малярии, они не смогли бы выжить в таких условиях. Поэтому переселение в Индостан с запада (из переднеазиатского ареала талассемии) представляется более вероятным, чем традиционно предполагаемая миграция с севера из Центральной Азии, где нет талассемии.

На это же указывает и характер костных остатков древнейшего населения этих областей. Согласно новейшим краниологическим данным, население таких областей, как ареал Индостанского полуострова и, в частности, древние города протоиндийской цивилизации (Мохенджо-Даро, Хараппа), а также некоторые из наиболее южных частей европейского континента (южные оконечности Пелопоннесского и Апеннинского полуостровов), систематически вымирало от последствий эпидемий малярии, вызывавших в широких слоях популяций наследственно передаваемые дефекты костной (черепной) ткани (так называемый порозный гиперостоз). Показательно, что почти все доиндоевропейское население этих областей характеризуется именно такими черепами, исследованными в последнее время с этой точки зрения (ср. Kennedy 1981).

Вполне вероятно предположить, что индо-арийские племена, пришедшие в Индостан, как и греческие и италийские племена, пришедшие соответственно в южные области европейского континента, которые не обнаруживают подобных краниологических характеристик, должны были обладать иммунным механизмом, действовавшим против малярии и ее летальных последствий. Такой иммунный механизм мог быть приобретен этими племенами только в областях распространения тропической малярии, что исключает все более северные области первоначальной территории обитания индоевропейских племен в Евразии (см. карту распространения тропической малярии по Харрисон/Уайнер/Тэннер/Барникот/Рейнолдс 1979 : 570).

5.2. СЛЕДЫ АРИЙСКОГО ДИАЛЕКТА В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ПРОБЛЕМА ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ МИГРАЦИИ ЧЕРЕЗ КАВКАЗ

Следы арийских племен и соответствующих названий обнаруживаются и в районе Северного Причерноморья в области Кубани, а также в Прикаспии. К числу таких слов арийского происхождения, более

архаичных, чем позднейшие иранские формы¹, относят название реки *Sindes* и племени *Σινδοι*, *Σινδοί* (в античных источниках, ср. др.-инд. *Sīndhu*- 'река Инд'; 'Индия'), реки Кубань (*Cuphis*, *Κοβφίς*, ср. др.-инд. *Kūbhā* 'река Кабул' в "Ригведе"); название прикаспийского племени *Daser* (ср. др.-инд. *Dāsa*, *dāsyu*- 'чужеземное племя', др.-перс. *da-hyu*- 'область империи'), см. *Kretschmer 1943 (1944)*; ср. уже *Услар 1881: 451*; *Thumb/Hauschild 1958, I, 1: 87*; *Трубачев 1976*; ср. также *Трубачев 1977*, где дается список названий этого географического региона с возможными индо-арийскими этимологиями.²

Такая изолированная локализация этих ранних арийских терминов в области, прилегающей с севера к Кавказу, дает основание предположить проникновение в эти области определенных арийских племен с Ближнего Востока через Кавказ.

Распад индо-иранской общности на основании археологических данных следует отнести к периоду не позднее конца IV тысячелетия до н. э., поскольку можно установить, что индо-арийцы, начиная примерно с рубежа IV и III тысячелетий до начала I тысячелетия до н. э., не имели контактов с восточноиранскими племенами, см. *Ghirshman 1977: 45, 70, 73*. Этот вывод, сделанный на основании археологических данных, прекрасно согласуется с излагаемой картиной независимых миграций разных индо-иранских племен (индо-арийцев, митаннийских арийцев, кафиров, иранцев) начиная с IV тысячелетия до н. э. Именно в этот период одна ветвь индо-арийцев могла проникнуть, очевидно, через Кавказ, в северокавказские степи.

Таким образом, еще в конце IV и начале III тысячелетий до н. э. южнее Кавказа, в пределах первоначальной территории обитания индоевропейских племен были распространены различные арийские диалекты, один из которых документально фиксирован в митаннийском арийском в середине II тысячелетия до н. э. Носители этих диалектов, оснащенные колесницами и лошадьми, могли совершать дальние переходы как в восточном направлении, что привело определенную часть их в Афганистан и в историческую Индию, так и в западном (митаннийские арийцы), северном и южном³ направлениях. Северное направление таких переходов и могло привести определенные арийские племена через Закавказье на Северный Кавказ.

Следы подобных передвижений индоевропейских племен на Северный Кавказ можно проследить и археологически. Уже во второй половине IV

¹ Большая архаичность этих форм по сравнению с соответствующими иранскими проявляется в сохранении в них звонких придыхательных и сибиланта s-, переходящего в иранском в š-. В этом проявляется ранний общиндоиранский или диалектный арийский (или во всяком случае индо-арийский) характер этих слов.

² Ср., однако, возражения против выдвинутых Кречмером сопоставлений Eilers/May-hofe 1960.

³ В этом смысле любопытен ряд имен и наименований в Сирии и Палестине, этимологизируемых на арийской основе, ср. *Барроу 1976: 30*; ср. в этой связи название реки 'Иордан' (др.-евр. *Jardēn*, егип. *jrđn*) со вторым элементом -*dan*, ср. также название *Rādāni* восточного притока Тигра, *Rosenkranz 1966: 136*; ср. также *Tischler 1977a: 11.*

тысячелетия до н. э. в раинемайкопской культуре на Кубани обнаруживается целый комплекс черт, объединяющих эту культуру с древнеближневосточной культурой Амук-Гавры, которая охватывала ареал к югу от Закавказья—от озера Ван и Киликии на западе до озера Урмия на востоке. Такой вывод о связи майкопских памятников с позднеэнеолитическими культурами Передней Азии основывается как на данных материальной культуры, так и на анализе произведений искусства. Археологически такие связи интерпретируются как свидетельства передвижения групп переднеазиатского населения через Закавказье на Северный Кавказ, см. *Андреева 1977*.¹

Истолкование связей этих культур как результата движения с юга на север через Закавказье, а не с севера на юг из Причерноморья к Ближнему Востоку, основывается на хронологии соответствующих типов предметов материальной культуры, которые распространяются однозначно из Передней Азии.

Уже поэтому древнейшие миграции носителей индоевропейских диалектов в этих ареалах следовало бы рассматривать как движение их с Ближнего Востока через Закавказье в Причерноморские и Прикаспийские степи, а не наоборот.²

¹ Уже *Услар 1881* указывал на возможность древнего продвижения из Передней Азии через Закавказье—в Дагестан. Лингвистические следы такого движения и можно видеть в дагестанских лексемах индоевропейского происхождения, ср. ниже.

² При этом последнем предположении следовало бы допустить, что распад индоиранского единства на индо-арийское и иранское произошел уже в Северном Причерноморье и что индо-арийские и иранские племена из этого ареала мигрировали, уже независимо друг от друга, в исторические места их жительства. Но такое предположение о распаде индоиранского единства на иранское и индо-арийское еще в ареале Причерноморья (то есть, в сущности, в пределах традиционно принимаемой общиндо-европейской «прародины») снимает уже само собой возможность допущения существования индоиранского единства на территории Средней Азии, куда индоиранцы приходят, согласно такому допущению, из предполагаемой причерноморской «прародины». Такая точка зрения, нашедшая распространение среди одной части исследователей (ср. *Дьяконов 1956 : 124; Дьяконов М. 1961 : 42; Литвицкий 1964; Грантовский 1970; Смирнов/Кузьмина 1977*), сводится к отождествлению древнего населения степной полосы Средней Азии (в частности, андроновской культуры) с носителями общиндоиранского языка, при предположении о последующем распаде этого единства на территории Средней Азии и проникновении носителей индо-арийского диалекта на Индостанский полуостров через Гиндукушский хребет (ср. также *Шер 1980 : 210*).

Прежде всего, вызывает сомнения археологическое отождествление степной андроновской культуры именно с носителями общиндоиранского языка (ср. по этому вопросу *Сарианиди 1977 : 149*), не говоря уже о трудности допущения проникновения больших масс населения в Индостан с преодолением высочайших горных массивов Гиндукуша (характерно, что близкие по языку к индо-арийцам кафиры оседают в Нуристане на северных отрогах Гиндукушского хребта). И как следовало бы объяснить при таком допущении индоиранской общности в пределах Средней Азии явно обнаруживаемые следы специфически индо-арийских языковых элементов (то есть лингвистически отличных от иранского) в ареале Причерноморья, с одной стороны, и Ближнего Востока (митанийский арийский), с другой?

Но даже если стать на точку зрения о существовании некоторого единства индоиранских диалектов на территории Средней Азии, то такое предположение можно было

След таких передвижений носителей древних индоевропейских диалектов, и в частности индо-арийского, на территории Закавказья и Северного Кавказа, можно было бы видеть в наличии целого ряда слов в кавказских языках, обнаруживающих близость к *satəm*-ным арийским формам:

Ср. груз. *ašua* 'лошадка' (слово детского языка), *aš* (междометие для понукания лошадей); абх. и убых. *alčy* 'лошадь'; авар., лак. *š*и, ахвах. *ičwa* 'лошадь', анд. *iča* (ср. *Гигинейшвили 1977 : 91*) с отражением индоевропейского палатального **k̥[h]* по архаичному индо-иранскому типу с сохранением шипящей аффрикаты **č* из **k̥[h]*: ср. древнеиндийскую *satəm*-ную форму *ásva-*, авест. *aspa-*, др.-перс. *asa-* (уже с переходом аффрикаты в спирант);

Картв. **qarq-/qrq-* 'глотка', 'горло': сван. *qarq-*, груз. *qorq-*, мегр.-лаз. *xurx-*: ср. др.-инд. *kṛkāṭam* 'шейный позвонок', *kṛkaḥ* 'глотка' (с неясной этимологией, ср. *Mayrhofer 1956, I : 256*), ср. *Джаукян 1967a : 71*. Слово может представлять собой диалектную арийскую лексему, близкую по форме и значению к соответствующей картвельской;

Картв., груз. *parto* 'широкий': ср. др.-инд. *pr̥thú-* 'широкий' при авест. *prəθdi-*, арм. *layn*, греч. *πλατύς* 'id.' (в данном случае не исключена формально и возможность древнеиранского источника заимствования);

Кабард. *ažǎ*, адыг. *ačǎ* 'козел-производитель' (*Шагиров 1977, I*): ср. др.-инд. *ajā-* 'козел', *Dumézil 1963 : 17*. Западнокавказские слова отражают *satəm*-ный характер соответствующей арийской формы;

Абх. *gu-* 'скотный двор' в словах типа *a-gu-p* 'коллектив пастухов', *a-g^o-arta* 'стадо' (*Бжания 1973 : 85*): ср. др.-инд. *gu-*, *gav-* 'бык', 'крупный рогатый скот'. Слово можно соотносить с тем же индо-иранским источником, несмотря на невозможность формальной дифференциации слова в отношении диалектов *centum* и *satəm*.

К этой группе слов, возможно, примыкает и восточнокавказское название 'серебра' с характерным *satəm*-ным отражением индоевропейского палатального в форме **Har̥k̥*': ср. авар. *warac*, анд. *orsi*, ахвах. *ači* < **arči*, лак. *arci*, дарг. *arc*, табас. *ars*, арч. *arsi*; ср. др.-инд. *árj-una-* 'светлый, серебристого цвета', *rajatám* 'серебро', авест. *arəzata-*, ср. арм. *arcat*, греч. *ἄργυρος*, ср. *Lafon 1933 : 90—95*; *Гигинейшвили 1977 : 90—91*.

Несомненно сходство с *satəm*-ными арийскими формами типа др.-инд. *śmáśru-* 'борода' < **smok̥[h]ru-* (при *centum*-ной форме в хет. *zamankur* 'борода', где последовательность **k̥[h]ur*, сходная с порядком фонем в дагестанском, должна была предшествовать изменению **k̥[h]u-* > *-šu-* в анатолийском, ср. также отражение палатального **k̥[h]* как *k* в позиции перед

бы скорее согласовать с допущением первоначального общиндоевропейского единства в Передней Азии, нежели с его локализацией в степной полосе Северного Причерноморья, при которой и появились бы упомянутые выше непреодолимые трудности фактического характера, просто не возникающие при переднеазиатской локализации индоевропейской "прародины".

сонантом в лит. *smakrà*, алб. *tjékër* ‘борода’) и общедагестанского **mVžVr* // **mVčVr* ‘борода’: лезг. *čsuru*, табас. *mižir*, агул. *mižur* с озвончением глоттализованного, при глухой аффрикате в дарг. *muçur*, лак. *çiri*, арч. *moçor*, рут. *miçri*, цах. *miçgu*, хин. *miçeš* (<**miçeri*), ср. Гигинейшвили 1977 : 135.

Таким образом, первоначальную индо-иранскую диалектную общность, отделившуюся от греческой и армянской, следует локализовать в определенном ареале Передней Азии, с последующей ее дифференциацией на индо-арийскую и иранскую и проникновением с Ближнего Востока ранних ее диалектных групп в ареалы (в том числе и северокавказский), смежные с первоначальным.

5.3. ВЫДЕЛЕНИЕ ИРАНСКИХ ДИАЛЕКТОВ ИЗ АРИЙСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ОБЩНОСТИ. СЛЕДЫ РАССЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ ИРАНЦЕВ В СРЕДНЕЙ АЗИИ И АФГАНИСТАНЕ

Свидетельство о выделении в рамках индо-иранской общности наряду с другими группами особой диалектной группы, в дальнейшем положившей начало иранским языкам, можно обнаружить уже в архаичных гимнах “Ригведы”. В них встречается целый ряд иранских гидронимов, топонимов юго-восточного Ирана и Афганистана и личных имен уже со специфически иранскими звуковыми особенностями (ср. в частности название *Hariyūpīyā*, отождествляемое с иранским названием *Haliāb* или *Ariob* в Афганистане, ср. выше, стр. 862, об индоевропейских гидронимах со вторым элементом **Nap[h]*- ‘вода’, ‘поток’; ср. также др.-инд. *Kuruṅgáḥ* [имя собств., буквально: ‘перешедший Куруш’] при иранском гидрониме *Kūruš*; личные имена типа *Vṛṣayá-*, *Svanāya-* и др., ср. Топоров 1962 : 63 и др.).

Не позднее X в. н. э. (а может быть и значительно ранее) ираноязычное население известно в историческом Западном Иране, см. Грантовский 1970¹. В “Авесте”, созданной в конце II—начале I тысячелетия до н. э., описывается расселение восточных иранцев в областях Средней Азии и Афганистана : авест. *airyanəm vaējō* (позднейшее *ērān-wēz*) ‘арийский простор’ (нижнее течение Аму-Дарья, Хорезмийский оазис), который в “Авесте” описывается как “первое лучшее из мест и стран, созданных для иранцев” (Benveniste 1934), *gava-* (греческая Согдиана), *taṛḡau-* (Мервский оазис, греческая Маргиана), *bāxdi-* (Бактриана, юго-восточная часть Средней Азии и Северный Афганистан), *nisāya-* (Нисая, в Средней Азии), *haraiiva-* (область Герата в Северном Афганистане), *vaēkarata-* (долина Кабула в Афганистане), *haraxvaiti-* (Арахозия, южный Афганистан), *haētumant-* (Центральный и юго-западный Афганистан) и некоторые другие, ср. Spiegel 1979, I : 26, 33; Оранский 1960 : 57—60.

Историческое движение ираноязычных племен в южном направлении, возможно в сторону Афганистана, отражено, по-видимому, в представлении о “юге” как о стороне света, в направлении которой осуществляется

¹ О различных точках зрения на вопрос о путях проникновения ираноязычных племен в Переднюю Азию см. также Пьянков 1979.

движение, ср. авест. *paivva-* 'юг', 'вперед' (ср. соответствующее др.-инд. *pūvva-* 'передний', означающее 'восток' и отражающее движение в восточном направлении).

С другой стороны, происходят и интенсивные передвижения ираноязычных племен, в особенности восточных иранцев, через Центральную Азию и северные прикаспийские степи (ср. *Смирнов/Кузьмина 1977*) к Северному Кавказу и Крыму, что отражено и в ираноязычных гидронимах Восточной Европы (см. выше, стр. 671, о названиях типа Дон, Днепр, Днестр, Дунай), ср. также более поздние археологические данные о близости крымских и горно-алтайских скифов, *Руденко 1961*.

В последнее время на территории Северного Афганистана (древней Бактрии) обнаружены археологические материалы, свидетельствующие о продвижении индо-иранских племен в исторические места их жительства именно с запада, через Иранское плоскогорье, а не с севера, через Центральную Азию. Устанавливаемые древние археологические связи североафганских культур бронзового века с переднеазиатскими являются наглядным тому свидетельством (см. *Сарианиди 1977 : 5, 83, 90, 145 и след.*).

5.4. РАННИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА МИГРАЦИЙ ИРАНОЯЗЫЧНЫХ ПЛЕМЕН В СРЕДНЮЮ АЗИЮ И ДРЕВНЕЙШИЕ ИРАНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ФИННО-УГОРСКОМ

Еще более ранние свидетельства миграций ираноязычных племен через Среднюю Азию в северном и западном направлениях можно видеть и в многочисленных заимствованиях в финно-угорских языках. Эти финно-угорские слова следует толковать именно как раннеиранские, а не арийские и тем более древнеиндийские заимствования. Фонетический анализ этих финно-угорских форм позволяет связать их с языковыми особенностями, характерными именно для раннего иранского диалекта непосредственно после выделения его из арийской диалектной общности:

Фин.-перм. **rešmä* : саам. *ræš'me* 'тонкий шнур', мордов. эрзя *fišme* 'цепь', мокша *fišmε* 'веревка'. Заимствовано из иранского источника с позднейшим преобразованием *a* → *æ* типа осет. *rætæn* 'толстая веревка' (из **raðana-*, *Абаев 1973, II : 382 — 383*), ново-перс. *resen* при *rasan* 'веревка', 'шнур' (ср. др.-инд. *raśanā* 'веревка', 'ремень', 'пояс', 'узда'). Поэтому нет достаточных оснований видеть в этой финно-пермской форме отражение доарийск. **rešm-* с первичным индоевропейским вокализмом (ср. *Joki 1973 : 308*);

Фин.-перм. (или фин.-угор.) **poršas* // **porčas* : фин. *porsas* 'свинья', вепс. *porzaz*, эст. *põrsas*, лив. *puoraz* 'свинья', мордов. эрзя *purtsos*, мокша *purts* 'свинья', коми-зырян. *porš* 'свинья', удм. *parš* 'свинья', *Лыткин/Гуляев 1970 : 226*. Из раннеиранского с отражением **a* перед сонантом **r* в виде **o* в финно-угорском, ср. хотано-сакск. *pā'sa* 'свинья' < **parsa*, курд. *purs*, лат. *porcus* 'домашняя свинья', ср.-ирл. *orc* 'свинья', лит. *pařšas* 'поросенок';

Общеперм. и угор. **šarsa* // **šasra* : удм. *šurs* 'тысяча', коми-зырян. *šurs* 'тысяча', ср. манс. *sōtar* 'тысяча', *Joki 1973 : 318*. Заимствовано из ранне-

иранского с позднейшей метатезой: и.-е. *ǵ^hleslo- > общеиран. *džasra- > *žasra- > *zahra-, ср. согд. z'r, афган. zər, арм. hazar, хотано-сакск. ysāra-, авест. hazarəm, пехлев. и ново-перс. hazār, с метатезой h—z. Финно-угорская форма — из раннеиранского с компактным (шипящим) спирантом. В отличие от иранской формы др.-инд. sahásram 'тысяча' характеризуется дополнительным начальным sa-, которого нет в финно-угорском;

Общеперм. *sarid'ž < *džaris: удм. zarid'ž, zariž 'море', коми-зырян. sarid'ž 'море', 'теплые края, куда летят перелетные птицы', 'теплое море', ср. sar 'море', Sar-dor 'район нижней Печоры' (буквально: 'приморский район'). Раннеиранское заимствование, отражающее шипящую аффрикату (от индоевропейской палатальной), ср. авест. zrayō, zrayah- 'море', др.-перс. drayah- 'море', пехлев. zrēh [zlyh] 'море', 'озеро', парф. zryh 'море' (ср. др.-инд. jráyah 'движение', 'бег'), Joki 1973: 349 и 310; Лыткин/Гуляев 1970: 249;

Фин. *punta: марийск. pündakš, pñndaš 'дно', удм. pides 'дно', коми-зырян. pides 'дно'. Из раннеиранского, ср. авест. būna- < *bundna-, пехлев. bun, ново-перс. bun 'дно', хотано-сакск. buna 'почва', осет. byn//bun 'основание', 'дно' (ср. др.-инд. budhnáḥ 'дно', пали bunda- < *bundha- 'корень', лат. fundus 'почва'), Joki 1973: 304—305;

Общеперм. *kur3g 'курица': удм. kureg 'курица', коми-зырян. kureg 'курица', Лыткин/Гуляев 1970: 147. Заимствовано из иранского, ср. парачи kury, афган. čərg 'петух', čərga 'курица', ново-перс. диал. kārge 'домашняя птица', 'курица', осет. kark, пехлев. kark, авест. kahrka- 'курица' (kahrkāsa- 'коршун' ← 'куроед'), Joki 1973: 276. Перм. -g может быть объяснено как форма с -g (*karg), исходная для осетинского и персидского (Абаев 1958, I: 572);

Общезин. *aiwa: фин. (арх.) aiwa 'только', 'исключительно', 'целиком', эст. aiwa, aeva 'только'. Из иран. *aiwa-: др.-перс. aiwa- 'один', авест. aēva- 'один'; 'единственный'; 'какой-либо' (ср. др.-инд. evá 'так', 'так именно', 'только', греч. οἷφος 'единственный'). Нет формальных оснований считать прафинскую форму заимствованной из общеиндоиранского, ср. др.-инд. éka-, митан. арийск. aika- 'один'. Прафинская форма может считаться собственно иранским заимствованием (что допускает и Joki 1973: 247);

Общезин. *aiša 'оглобля': мордов. эрзя ažiža, ažiža, мокша ažiže 'оглобля', удм. џајиž 'оглобля', коми воž 'оглобля'. Сопоставляется формально скорее с раннеиранской формой *aiša- (авест. aēša- 'плуг'), чем с др.-инд. iṣá 'оглобля', хет. ḫišša-, и.-е. *Hojs-: *His- 'оглобля', ср. Joki 1973: 253—254. Исторически засвидетельствованное значение 'плуг' в отдельных иранских языках является производным от первоначального индоевропейского значения.¹

Фин.-угор. *ertä: саам. *ær'te 'сторона', 'край', мордов. эрзя ifd'es 'ребро', марийск. őrдәž 'бок', 'сторона', коми ord- 'сторона', ord-li 'ребро',

¹ Значение 'оглобля плуга' представлено в прибалтийско-финском в форме фин. oja, вепс. ojad, являющейся, очевидно, поздним заимствованием, возможно, из славянских языков, ср. польск., чеш. oje 'оглобля плуга' (Joki 1973: 293—294).

удм. *urd* ‘ребро’, *Лыткин/Гуляев 1970 : 206*. Заимствование из иранского (ср. *Jacobsohn 1922 : 206; Joki 1973 : 255*) с более поздним вокализмом переднего ряда на собственно иранской почве, ср. осет. *ærdæg* ‘половина’, ‘сторона’, согд. *’rδ* (**ard-*), авест. *arəda-* (ср. др.-инд. *ardhá-ḥ* ‘половина’, ‘сторона’);

Фин.-угор. **asʹrʹʹ*: морд. эрзя *azoro, azor*, мокша *azār* ‘господин’, удм. *uzjir* ‘богатый’, манс. *ātər, ȳtər* ‘князь’. Согласно *Joki 1973 : 253*, финно-угорская форма может восходить к раннеиранскому заимствованию (ср. колебания в передаче спиранта): авест. *ahura-* ‘господин’, ‘князь’, *Ahura-Mazdā-* ‘Ахура [Мазда]’ (буквально: ‘мудрый господин’), др.-перс. *Aura-mazdā-* (имя бога);

Фин.-угор. **mekše*: фин. *mehi-läinen* ‘пчела’, эст. *mehi-läne* ‘пчела’, мордов. эрзя *mekš, mäkš*, мокша *mēš*, марийск. *mükš*, коми-зырян. *moš* ‘пчела’, венг. *méh* ‘пчела’, *Лыткин/Гуляев 1970 : 169; Joki 1973 : 281—282*. Заимствовано из раннеиранского до изменения комплекса **kš* > **xš*, ср. авест. *maxši-* ‘муха’, согд. будд. *mwṣṣk-*, хотанско-сакск. *māva-*, курд. *mēš* ‘муха’, ‘пчела’ (ср. др.-инд. *mākṣa-* ‘муха’). Вокализм *e* финно-угорской формы можно было бы объяснить влиянием вокализма семантически с ним соотнесенного слова **mete*/**meke* ‘мед’. Поскольку данная индо-иранская форма не показывает явных соответствий в других индоевропейских языках (о предложенном Вагнером сравнении с ново-ирл. *b’ax, m’ax, b’ax’ig* ср. критику *Hamp 1971*), гипотезу о доарийском источнике финно-угорской формы в виде **mekš-* нельзя считать удовлетворительной. Следует отметить, что достоверные индо-иранские заимствования в финно-угорском относятся к периоду начиная исключительно с раннеиранского. При объяснении финно-угорского вокализма в **mekše* следует учитывать также возможность сравнительно раннего появления переднеязычного вокализма в данной форме уже на иранской почве, ср. курд. *mēš* ‘муха’, ‘пчела’;

Фин.-угор. **ora*: фин. *ora* ‘острый металлический предмет’, ‘сверло’, вепс. *ora* ‘сверло’, вод. *gra* ‘острие’, эст. *ora*, лив. *(v)orā* ‘железное острие’, мордов. эрзя *uro*, венг. *ár*. Предполагается заимствование раннеиранского слова, постулируемого на основании соответствий: др.-инд. *ārā* ‘шило’, др.-в.-нем. *āla*, ср. лит. *ýla* ‘шило’. Начальный вокализм финно-угорской формы объясним как отражение позиционного развития *a* → *ā* перед сонантами /*r, n*/. Такое развитие можно допустить в отношении некоторых позиционных аллофонов фонемы **a* уже в раннеиранском, что и отразилось в соответствующих финно-угорских заимствованиях в виде гласного *o* в позиции перед *r*; ср. частое отражение *ā* как *ā* в отдельных иранских языках. В этом отношении представляет интерес дистрибутивный анализ звуков, обозначаемых разными вокалическими знаками в “Авесте” и установление фонетических и фонологических соотношений между различными вокалическими сегментами языка “Авесты”. В этом смысле интересно и более позднее отражение балт. *a* в финских и финно-угорских языках как *o*: фин. *lohi* ‘лосось’: лит. *lašis* ‘лосось’, ср. *Joki 1973 : 238—239*;

Фин.-волж. **oraś* (**voras*) : фин. *oras* 'холощенный кабан', 'кабан', *oras* 'кобель', вепс. *orač* 'самец', 'кабан', 'кобель', мордов. мокша *uršš*, *urozi* 'холощенный кабан' (ср. *Joki 1973* : 296). Заимствование из раннеиранского с компактным спирантом : ср. авест. *varāza* 'кабан', перс. *varāz* 'кабан', ново-перс. *gurāz* 'кабан' (ср. др.-инд. *varāha* 'кабан', 'свинья'). Вторичность начального **o* в финно-угорском видна и из того, что слово является исключительно индо-иранским, без этимологических связей с другими индоевропейскими языками. Трудно предположить на основании всего лишь нескольких финно-угорских заимствований отражение в них того состояния в развитии общеиндоиранского, при котором индо-иранский консонантизм предстает со всеми специфическими изменениями согласных при системе вокализма, отражающей общеиндоевропейское состояние, то есть до слияния гласных **a*, **e*, **o* в **a* (как это предполагается некоторыми исследователями финно-угорских языков, ср. *Ravila 1959*). Это тем более трудно предположить, что такое "первичное" отражение общеиндоиранских гласных до слияния видят лишь в формах, в которых такое **o* предстает в строго определенных комбинаторных условиях — в позиции перед **r*. Исключение в финно-угорских заимствованиях форм из общеиндоиранского позволяет соотносить эти заимствования с более поздним состоянием в развитии индо-иранского, в частности с раннеиранским (или общеиранским) состоянием, для которого характерны еще преимущественно шипящие (компактные) рефлексy индоевропейских палатальных;

Фин.-волж. **orja* : фин. *orja* 'раб', вепс. *orj* 'раб', эст. *ori* 'раб', саам. *årjel* 'южный', *årjån* 'далеко на юге или юго-западе', *oar'je* 'юго-западный', *oarji* 'юго-запад', *orjalaš* 'горный лопарь', *vuarjal* 'северо-запад', *vuarje* 'север' (прасаам. **orja* 'юг'), мордов. эрзя *ufe* 'раб', 'наемный работник', *Joki 1973* : 297. Заимствование из раннеиранского с отражением начального **a* перед *r* в виде **o*, ср. авест. *airyō*, *airya* 'арийский', др.-перс. *ariya* 'арийский', ср. парф. *'ry*, пехлев. *ērān* 'страна ариев', ново-перс. *ērman* 'гость', осет. *æcægælon* 'чужой', *allon* (этнический термин, *Абаев 1958*, I : 101); ср. др.-инд. *arīh* 'чужой', *aryāh* 'хозяин', *āryah* 'арийский', 'ариец'. Любопытна семантика слова в финно-угорских языках. С точки зрения направления заимствования характерно значение 'юг' (в прасаам. **orja*), отражающее взаимную пространственную ориентацию двух групп носителей контактирующих языков. Значение 'раб' в финно-угорском может указывать на социальное положение среди финно-угров носителей раннеиранского языка. Последние могли наниматься местным населением в качестве сельскохозяйственных рабочих для скотоводства или земледелия, ср. наличие в финно-угорском значительного числа земледельческих и скотоводческих терминов иранского происхождения;

Фин.-угор. **onča* 'часть': фин. *osa* 'часть', 'доля', вепс. *oza* 'счастье', 'доля', вод. *ęsa* 'часть', эст. *osa* 'часть', диал. 'мясо'; лив. *voza* 'часть', саам. *oaž'že* 'мясо', мар. *uža-š* 'часть', *Joki 1973* : 298; ср. *Иллич-Свитыч 1971*, I : 253. Заимствование из раннеиранского с компактной аффрикатой (из индоевропейского палатального **kʰl*) и отражением начального **a* в

виде *o перед сонантом n, ср. авест. *qsa-* 'группа приверженцев' (др.-инд. *ámśah* 'часть', 'доля', греч. *ἄμως* 'груз', и.-е. *onk^hlo-);

Фин.-перм. **šoru(a)* ~ угр. **šaru(a)*: фин. *sarvi* 'рог', вепс. *sarv* 'рог', лив. *sōra* 'рог', саам. *šoar've* 'рог', мордов. эрзя *šuro*, мокша *šurā* 'рог', марийск. *šur*, удм. *šur*, коми-зырян. *šur* 'рог'; ср. манс. *šōrəp* 'оленок', хант. *t'ərpe* 'оленок', венг. *szaru* 'рог'. Заимствовано из раннеиранского **šraw-/ *šarw-* с отражением иранского *a в позиции перед *r (*ār*?) в виде фин.-перм. *o, ср. в этой связи выше также формы типа фин.-угор. **ora*, **orja*, **pors* и др.¹ В исторических иранских языках родственные формы представлены в авест. *srwā-, srū-* 'рог', *srvara-* 'с рогами', 'рогатый', пехлев. *srū* 'рог', хотано-сакск. *ššū-* 'рог', ново-перс. *surūn, soru, serū(n)*, парачи *šī*, вахан. *šəw*, сангличи *šōu*, йидга *šū*, белудж. *srō*. К другому словообразовательному типу относится др.-инд. *śṅgam* 'рог', ср. *Joki 1973 : 311*;

Фин.-угор. **marta-s*: фин. *marras* (основа *marta-*) 'дряхлый', 'бесплодный', 'мертвый', эст. *mardus* 'привидение, предвещающее смерть'; удм. *muri* 'яловая (корова)', коми-зырян. *murka* 'яловая', ср. *Лыткин/Гуляев 1970 : 178 и 175; Joki 1973 : 280—281*. Заимствовано из иранской формы, отражающей нулевую ступень огласовки **mṛta-* ввиду отражения *ar в прибалтийско-финских и пермских языках (при отражении раннеиранской последовательности *ar в финно-угорском в виде *or), ср. авест. *mārata-* 'умерший', 'мертвый'. Другая, более поздняя хронология заимствования иранской формы предполагается в **mertā* (мордов. эрзя *mird'e* 'человек', 'муж', удм. *murt* 'человек', 'муж', коми-зырян. *mort* 'человек'), с вторичной иранской огласовкой переднего ряда как в хотано-сакск. *mārāre* 'они

¹ Соотношение иран. *ar (*ār*) ~ фин.-угор. *or не имеет места в фин.-угор. *arva: фин. arvo 'цена, вес, значение, достоинство', вод. arvo 'понимание, ясность', эст. aru 'понимание, ясность; количество', arv 'число, количество'; лив. *āra* 'мысль'; 'счет; направление', венг. *ár, árt* 'цена'. Слово общеиндоиранского происхождения ввиду наличия в форме *r < и.-е. *l: ср. др.-инд. *arbhā-* 'достоинство', 'цена', *arhati* 'заслуживает, стоит', авест. *arəja-* 'ценный', *arəjah-* 'цена', *arəjaiti* 'стоит, достоин', согд. 'rγ (= *arγ) 'цена', ягноб. *arz-* 'стоять' (*Андреев/Пещерева 1957 : 226*), пехлев. *arz* 'цена', перс. *arz* 'цена', греч. *ἀρφή* 'прибыль', *ἀρφεῖν* 'зарабатывать', лит. *algà* 'плата': и.-е. *olg^hl^ho-/*l^hg^hl^ho-. Не исключена возможность заимствования формы еще с позиционным сохранением лабиовелярного до обобщения на всю парадигму палатализованного варианта: *(a)rg^hl^hoa- > *arva → прафин. *arva (с упрощением комплекса *rgu → ru). В этом отношении интересна согдийская форма *arγ 'цена' (*Абаев 1958, I : 65*) с обобщением непалатализованного рефлекса древней лабиовелярной фонемы; ср. также к сохранению велярного в иранском предполагаемый Педерсенем иранский источник арм. *uargem* 'цено', *uargip* 'ценный', ап-arg 'недостойный', 'ничтожный' (ср. *Hübshmann 1897 : 477*).

Слово является миграционным термином, широко распространенным на Ближнем Востоке, ср. хет. *arkamta-* 'дань', лув. *arkamta-* 'дань', угар. 'argmp 'дань; пурпур'. аккад. *argamtu* 'пурпур; дань' (*Friedrich 1952 : 30*). Этим и следует объяснять отклонение от закономерного фонетического отражения обычных раннеиранских заимствований в финно-угорском (a вместо o перед r; -ru- вместо -rg-). Слово могло попасть в прибалтийско-финский не непосредственно из индо-иранских языков. Поэтому оно не может служить примером наличия общеиндоиранского или древнеиндийского слова в финно-угорском.

умирают', осет. *mærdæ* 'смерть', ср. к семантике иранские формы с полной ступенью огласовки: авест. *marəta-* 'смертный', *maša-* 'человек', 'смертный', согд. *mrī mrī* 'каждый человек', пехлев., ново-перс. *mard* 'человек' (ср. др.-инд. *mārta-* 'человек', 'смертный');

Фин.-угор. **šata*: фин. *sata* 'сто', вепс. *sada* 'сто', эст. *sada*, лив. *sadā* 'сто'; 'число', 'количество', саам. *šuohte* 'сто', мордов. эрзя *šado*, мокша *šadä*, марийск. *šūḍa*, удм. *šu*, коми-зырян. *šo*, манс. *sāt*, хант. *sot*, венг. *száz*. Заимствовано из раннеиранского **šata-*, ср. авест. *satəm*, др.-перс. *pa-ta-*, хотанско-сакск. *sata-*, *sa-*, согд. *st-*, пехлев. *sat*, ново-перс. *sad*, осет. *særdæ*. Др.-инд. слово *śatām* 'сто' практически совпадает с реконструируемой раннеиранской формой, однако нет достаточных оснований считать в данном изолированном случае древнеиндийскую форму источником для финно-угорской, ср. *Joki 1973*: 311;

Прамордов. **sasar*: мордов. эрзя *sazor*, мокша *sazər* 'младшая сестра', 'двоюродная сестра', 'дочь брата или сестры'; 'невестка'. Заимствовано из раннеиранского **s^oasar-* 'сестра' (до перехода иран. **s→x*, **s^o→x^o*), ср. авест. *x^oanhar-* 'сестра', пехл. *xwahar*, ново-перс. *x^oāhar*, афган. *xōr*, осет. *xo* 'сестра'. Характерно отражение в финно-угорском еще единой на этом хронологическом уровне лабиализованной фонемы **s^o* (позднеиранское **x^o*) в виде простого сибиланта *s*; ср. др.-инд. *svásar-* 'сестра', лат. *soror*, ст.-слав. *sestr-a* и др., ср. *Joki 1973*: 312;

Угор. **säptä*: манс. *sāt* 'семь'; 'неделя', хант. *tāpət*, *lāṣət*, *iāṣət*. Заимствовано из раннеиранского, реконструируемого в форме **sapta/*säptä* 'семь': авест. *hapta*, согд. *βt(')*, алан. *αβḏα*, осет. *avd* 'семь', *ævdæm* 'седьмой', пехлев., ново-перс. *haft* 'семь', парачи *hōt* (ср. дард. *sat*, *sāt*, кафир. прасун *sētē*, др.-инд. *saptá*). Переднеязычный вариант **ä* фонемы **a* в раннеиранском предполагается в определенных позиционных условиях (ср. вариант *ā* фонемы **a* перед сонантами). Вторичность этого варианта очевидна во втором слоге, где во всех индоевропейских диалектах в форме **sep[h]f[h]m* представлено слоговое **ŋ*, отразившееся в виде *a* в индо-иранском (авест. *hapta*, др.-инд. *saptá*) и греческом (*ἑπτá*) при отражении его в виде *-em* в лат. *septem* 'семь'. Поэтому предположение относительно отражения угорским общеиндоевропейской формы не может считаться приемлемым, ср. *Joki 1973*: 313;

Фин.-волж.-перм. **šuka*: фин. *suka* 'гребень', вепс. *suga*, эст. *suga*, саам. *šokkot* 'причесывать', мордов. эрзя *šuva* 'мякина', мокша *šuva* 'ость' (у хлебных злаков), марийск. *šu* 'отруби', 'мякина', коми-зырян. *šu* 'рожь', 'зерно', 'хлеб'. Заимствование раннеиранской формы с шипящим спирантом:

¹ Таким образом, в приведенных финно-угорских заимствованиях из иранских языков отражены две аблаутные ступени огласовки в двух разных по семантике производных: раннеиранское слоговое **r* отражается в финно-угорском как **ar*: фин.-перм. **mar̥ta-* 'мертвый; бесплодный' <иран. **mr̥ta-* 'мертвый'; раннеиранское **ar* отражается как **or* (ср. **porsa-*, **ora*, **orja* и др.), тогда как в более поздний период на собственно иранской почве возникают формы с вокализмом переднего ряда из **ar*, которые могли отразиться в заимствованных формах: перм. **mer̥tä* 'смертный, человек' при иранск. авест. *marəta-*, *maša-* 'человек, смертный', ново-перс. *mard* 'человек', осет. *mærdæ* 'смерть'.

ср. авест. *sūkā* 'ость злака', ново-перс. *sōk* 'ость', ягноб. *suk* 'ость', 'усики у злаков'; ср. др.-инд. *śūkaḥ* 'ость или усики (злака или насекомого)', формально совпадает с раннеиранской, ср. также *Joki 1973 : 315—316*;

Общеперм. **šumīs* : удм. *šumīs* 'сыромятная кожа', коми-зырян. *šumīs* 'полоска сыромятной кожи'. Заимствовано из раннеиранского : осет. *хијун*, *х₀јн* 'шить', ср. основу на **-m(en)* в др.-инд. *syūtan-* 'пояс', 'ремень', 'связь', 'цепь', 'узы', ср. *Лыткин/Гуляев 1970 : 274; Joki 1973 : 318*;

Фин.-перм. **tarna* : фин. *tarna* 'осока', 'трава', 'сено', эст. *tarn* 'осока', удм. *turjн* 'трава', коми-зырян. *[turun]* 'трава', ср. *Лыткин/Гуляев 1970 : 287; Joki 1973 : 325*. Предполагается заимствование из раннеиранского, ср. хотано-сакск. *tarra-* 'трава', пехлев. *tarrag (ilk)* 'растение', ново-перс. *tara, tarra* 'маленькая веточка'. Предполагаемая иранская форма **trna-* совпадает с др.-инд. *tṛṇa-* 'трава'. Вокализация слогового сонанта в виде **ar/*er* отражается в финно-пермской форме в виде последовательности *ar* (но не **or*, как при отражении фонемной последовательности *a+r* в раннеиранском);

Волжск.-перм. **set3//*sejt3* : мордов. эрзя *sed'* 'мост', мокша *śed'* 'мост', 'пол', коми-зырян. *sod* 'мост', 'ступень', 'лестница', *Лыткин/Гуляев 1970 : 259*. Раннеиранское заимствование (ср. авест. *haētu-* 'плотина', хотано-сакск. *hi* 'мост', афган. **hēl* 'плотина', парачи *hi* 'мост', осет. *xid, xed*, сарык. *yeid*, шугн. *yēd, yēid* 'мост') с преобразованием дифтонга *ai>ei>e*, ср. типологически сходное сравнительно позднее развитие в др.-инд. *sétuḥ* 'связывающий'; 'повязка', 'плотина', 'мост', дард. *ser*, кафир. *sēw* 'мост', ср. также *Joki 1973 : 313—314*;

Угор. **šegk3(?)* : манс. *sāgk₀à* 'кол', *šegk, saḡ₀k₀, sūg*, венг. *szeg, szög* 'гвоздь', 'кол'. Заимствовано, возможно, из раннеиранского. Исторически иранские формы представлены фрагментарно : афган. *sāgga* 'ветвь', сангличи *zanggiāk* 'деревянные колышки', согд. *šnx*; ср. др.-инд. *śāṅkúḥ* 'деревянный гвоздь', 'колышек' (и.-е. **[h]ank[h]1-*). Неясен вокализм реконструируемой угорской формы, ср. *Joki 1973 : 312*;

Фин.-угор. **kara-* : мордов. мокша *karams* 'рыть', 'прорыть', 'ковырять', эрзя *karams* 'отковырять', 'отрыть', марийск. *korem* 'проводить борозды', удм. *kyryny* 'прорвать', 'размыть водой (плотину)', коми-зырян. *kjrnj* 'прорваться', 'быть размытым', 'обваливаться'. Слово считается заимствованным из иранского, ср. авест. *kar-* 'бороздить', 'проводить борозды', пехлев. *kār-* 'возделывать землю', 'пахать', 'сеять', афган. *karal* 'сеять', *Joki 1973 : 266*. В таком случае вокализм *a* перед *r* в финно-угорской праформе предполагал бы слоговое **r* в иранском источнике. Следует отметить, что соответствующая древнеиндийская форма *kar-* 'сыпать', 'метать', 'рассеивать' не выражает значений, связанных с земледелием. Это лишний раз указывает на иранский источник разбираемого финно-угорского слова. С другой стороны, семантически не все финно-угорские слова соответствуют предполагаемому иранскому значению, что может вообще поставить под сомнение индоевропейский источник данной финно-угорской праформы, ср. *Лыткин/Гуляев 1970 : 153*;

Фин.-угор. *kan3 : коми-зырян. *kundi-* 'закопать', 'зарыть', 'схоронить', 'похоронить', манс. *χün-* 'черпать ложкой', венг. *hányu* 'бросать', 'швырять', 'выгребать'. Предполагается заимствование иранского *kan- 'рыть', 'бросать', ср. др.-перс. *kan-* 'рыть', авест. *kan-*, пехлев. *kandan*, *kan-* 'копать', ново-перс. *kandan* 'копать', дард. *khan-* 'копать', кашмири *khanun* 'копать', ср. *Joki 1973 : 275*. Однако вокализм *a* перед *n* в финно-угорской форме не закономерен. Следует в этой связи отметить, что для коми-зырян. *kundi-* предполагаются и другие соответствия (мордов. мокша *kalmats* 'зарыть'), с другой праформой *kʷlm3 (*Лыткин/Гуляев 1970 : 146*), не связываемой с индоевропейской;

Фин.-угор. (прауральск.) *aše- : фин. *ase-*, *asu-*: *asetta-* 'ставить', 'класть', *asema* 'место'; *asu-* 'жить', 'быть', 'находиться', мордов. мокша *ežə́n* 'место', мордов. эрзя *ežem* 'место', ср. ненецк. *ηesō-* 'остановиться на ночлег и разбить палатку'. Форма сопоставляется с и.-е. *es- 'быть' (др.-инд. *as-*, авест. *ah-*, хет. *eš-/aš-* и др.) и *es- 'сидеть' (др.-инд. *ās-*, авест. *ās-/āh-*, хет. *eš-*, греч. *ἕσται* 'сидит'), *Joki 1973 : 252—253*. В отношении этих форм допускается также исконное родство (*Иллич-Свитыч 1971, I : 268—270*). Огласовка реконструируемой уральской формы и характер спираанта могут свидетельствовать в пользу заимствования данной формы из раннеиранского источника с фонетическим варьированием спираанта *s ~ š ~ h* в иранской форме;

Фин.-угор. *jüvā < *jeva 'ячмень', 'злак' : фин. *jyvā* 'зерно', 'злак', 'семя', эст. *iua*, *jüvā*, мордов. мокша *juv* 'мякина', эрзя *juvodoms* 'отсеивать', 'отделять мякину от зерна', удм. *ju* 'посевы', 'хлеб', 'зерно', 'жито', коми-зырян. *jiki* 'мякина', 'охвостье' (ср. *kj* 'ость', 'усик колоса'), *Лыткин/Гуляев 1970 : 111*. Заимствовано из иранского источника с вторичным передним гласным первого слога типа осет. *jəw* 'просо' (ср. авест. *yava-* 'злак', др.-инд. *yāvah* 'злак', 'ячмень', 'просо', лит. *jāvas* 'злак', и.-е. *jēuo-), *Joki 1973 : 265*;

Фин.-волж. *vašara : фин. *vasara* 'молот', эст. *vasar*, лив. *vazar*, саам. *væšcer* 'молот', мордов. эрзя *užef(e)*, мокша *užəf* 'палица'. Заимствование из раннеиранского с компактным (шипящим) спирантом, ср. авест. *vazra-* 'палица Митры', хотано-сакск. *vašāra* 'перун', 'палица', 'алмаз', пехлев. *wazr*, *warz* 'палица' (ср. др.-инд. *vājraḥ* 'палица Индры'), ср. *Joki 1973 : 339*;

Коми-зырян. *virun* 'шерсть (овечья)' < *vorn3? Заимствовано из раннеиранской формы с отражением фонемы *a* перед *r* в виде вокализма *o*, ср. авест. *varəpā-* 'шерсть' при бартанг. *wōwp* 'шерсть', хуф. *wōwp*, шугн. *wōp* (*Соколова 1967 : 60*), ср. др.-инд. *ūrṇā* 'шерсть', *Joki 1973 : 348—349*;

Коми-зырян. *gu-* 'воровать', *guš* 'вор'. Заимствовано из общеиранского (ср. авест. *gaða-*, согд. **gaða-* 'красть', афган. *γal* 'вор', вахан. *γūd* 'вор'), судя по отражению иран. **a* в виде гласного *u*, ср. *Joki 1973 : 262*;

Коми-зырян. *burjš*, *burši* 'грива (конская)'. Заимствование из иранского, ср. авест. *barəša-* 'спина лошади', пехлев. и ново-перс. *buš* 'шея', 'грива (конская)', ср. осет. *bars* 'грива', *Абаев 1958, I : 237*; *Лыткин/Гуляев*

1970 : 42. Вокализм *u* в коми-зырянском указывает на древность заимствования формы с иранским *a* (Joki 1973 : 256).

5.5. МИГРАЦИИ ВОСТОЧНОИРАНСКИХ ПЛЕМЕН И РАННЕИРАНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

Наряду с древнейшими иранскими заимствованиями в финно-угорских языках обнаруживаются лексические заимствования из иранского языкового источника более позднего периода, совпадающие с историческими иранскими формами и отражающие, очевидно, более поздние переселения восточных иранцев:

Удм. *ana* 'без' : ср. иран. *ana-* 'без' в авест. *ana-zqθa-* 'бесплодный', осет. *ænæ-zad* 'бесплодная', 'нерожавшая' (ср. арм. *an-* в *an-anun* 'безымянный', кельт. *an-*, др.-в.-нем. *āno* 'без'), ср. Абаев 1958, I : 149—150; Joki 1973 : 249;

Удм. *andan* 'сталь', коми *jendon* : ср. осет. *ændon* 'сталь', Joki 1973 : 249—250; Абаев 1958, I : 156—157; Schwartz M. 1974 : 409;

Обск.-угор. **ärγz* : хант. *ärγz* 'песня'; 'древняя героическая песня', манс. *ērīγ* 'песня'. Из среднеиранского **ārγa-*/**arγa-*, ср. осет. *arǧaw* 'сказка', согд. **ni-γrāy-* 'петь', 'воспевать' (ср. др.-инд. *arkāh* 'песня', 'луч', 'сияние', арм. *erg* 'песня', хет. *arkuiai-* 'молиться'), Joki 1973 : 254;

Общеперм. **bazd'un* : удм. *ba(d')d'žin* 'большой', 'многочисленный'. Заимствовано из иранского, ср. осет. *bæz-* 'толстый', 'жирный', 'густой', *bæzǧyn* 'толстый', 'густой', авест. *bazah-* 'величина' (ср. др.-инд. *bahūh* 'густой', 'многочисленный', греч. *παχύς* 'толстый', 'густой'), ср. Joki 1973 : 255; Абаев 1958, I : 257;

Общеперм. **berid'ž* : удм. *beriz* 'липа', коми-перм. *beriš* (Лыткин/Гуляев 1970 : 39). Заимствовано из иранского (Joki 1973 : 255), ср. осет. *bærzæ* 'береза', шугн. *bəruj*, *bərūž* 'береста', сангличи *bərež* (ср. др.-инд. *bhūrjā-* 'береза'), Абаев 1958, I : 253—254;

Общеперм. **das* 'десять' : удм. *das* 'десять', коми-зырян. *das* 'десять'. Заимствование из иранского, ср. осет. *dæz* 'десять', согд. **das* (*ds*), авест. *dasa* (ср. др.-инд. *dāśa*), Лыткин/Гуляев 1970 : 86; Абаев 1958, I : 359. Из подобного западноиранского источника происходит, возможно, и венг. *tíz* 'десять', Joki 1973 : 257 и 329;

Удм. *erdzi* 'орел'. Заимствование из среднеиранской формы с начальным гласным **ä-*, ср. авест. *ərəzi-fya-* 'орел' (ср. Грантовский 1970 : 291), др.-перс. *ərəzī:fōs* 'орел' (ср. др.-инд. *rjiryáh*, арм. *arcui*), ср. Joki 1973 : 259;

Мордов. эрзя *erua* 'каждый', 'всякий'. Заимствовано из иранского **harva-* : авест. *hairva-* 'весь', 'каждый', др.-перс. *harwa-* 'целый' (ср. др.-инд. *śárva-*), ср. Joki 1973 : 259;

Обск.-угор. **ért* 'ясный' : хант. *etar* 'ясный', 'светлый', манс. *etər* 'ясный'. Заимствование из среднеиранского, ср. осет. *ird* 'ясный', йидга *ləroγo* 'ясное небо' < **idrakä-*, Joki 1973 : 260;

Фин. *vermen* 'верхний слой кожи', *verme* 'одежда', 'оружие', саам. *vierlmē* 'сеть'. Прибалтийско-финские и саамские слова сопоставимы со

среднеиранскими словами с переднеязычным вокализмом, ср. предполагаемый иранский источник арм. *vermak* 'покрывало на постели' (при *varm* 'сеть'), ср. осет. *wormeg* 'верхняя одежда', 'шуба'. Слово слабо представлено в финских языках; раннеиранское заимствование предполагало бы отражение в финно-угорском иранского *a перед r в виде o, ср. авест. *vārdman-* 'кольчуга' (иран. *var-* 'покрывать', др.-инд. *vṛṇóti* 'покрывает', 'окутывает'), ср. *Joki 1973 : 343*;

Мордов. эрзя *véfges*, мокша *vəf-ga-s* 'волк'. Из среднеиранского, ср. авест. *vāhrka-* 'волк', согд. *wyrk-*, хотано-сакск. *birgga-*, осет. *wærx-æg* 'имя героя — родоначальника нартов', йидга *wərg*, ново-перс. *gurg*, курд. *varg* 'волк'. Форма заимствована из языков с озвончением конечного *-k-, ср. *Joki 1973 : 342—343*;

Обск.-угор. **wat3* : манс. *wāt*, *wāt* 'ветер', хант. *wōt*. Заимствование из иранского : авест. *vāta-* 'ветер', пехлев. *w't*, хотано-сакск. *bāta-* (ср. др.-инд. *vātah* 'ветер'), ср. *Joki 1973 : 340—341*;¹

Фин.-волж. **was* : фин. *vasa* 'теленок', вепс. *vaza*, эст. *vasikas* 'теленок', лив. *va'iški*, *vask*, саам. *uyesi* 'оленок', мордов. эрзя *vaz*, мокша *vaza*. Заимствовано из иранского, ср. ягноб. *wāsa* 'теленок', осет. *wæs*, язгул. *wūs* (ср. др.-инд. *vatsāh* 'теленок', 'дитя'), ср. *Joki 1973 : 338—339*;

Фин. *vars* 'жеребенок', вепс. *varz*, эст. *vars*, лив. *vārza*. Вероятное заимствование иранской формы со слоговым *r̥ типа осет. *urs*, *uurs* 'кобыла', чем и объясняется вокализм a перед r, ср. авест. *varšni-* 'баран', *varšna-* 'мужской', согд. *wšn-*, вахан. *wišəgg* 'бык-производитель' > **wšānaka-*, ср. др.-инд. *vśā* 'мужчина', 'самец'. Прибалтийско-финская форма обнаруживает сходство с осетинской формой как в отражении слогового сонанта *r̥, а также группы *rs, так и по семантике ('жеребенок' в противовес 'барану', 'быку' и т. д.). Этимологически относящиеся сюда же мордовские формы с вокализмом *ä (мордов. эрзя *veriske*, мокша *verskā* 'ягненок') могут объясняться сравнительно поздним заимствованием из балтийских языков (ср. лит. *veřšis* 'теленок', латыш. *vėrsis* 'бык'), ср. также *Joki 1973 : 337* (с различными объяснениями мордовского слова);

Доперм. **var̥ka* : фин. *vanko* 'железный крюк', эст. *vang* 'рукоятка', 'ручка (двери)', 'скоба', 'дужка', лив. *var̥ga*, удм. *vug* 'ручка', 'скоба (двери)', 'дужка (ведра, котла)', коми-зырян. *vug* 'скобка', 'дужка', *Лыткин/Гуляев 1970 : 69*. Заимствование из иранского, ср. согд. *yw'nk* (< **vi-van-ka-*), осет. *wæng*, *wong*, *ong*, *jong* 'член', 'сочленение' (ср. ср.-инд. пали *vaṅka-* 'кривой', 'изгиб', др.-инд. *vaṅku-* 'криво идущий', *vāṅgati* 'хромает'). Наблюдается отклонение в отражении древней фонемы *a перед носовым *n (а вместо ожидаемого *o, ср. выше **onka-*, **onsa-*), что может объясняться разной хронологией; ср. относящиеся к этой же форме угорские, вероятно, более поздние, заимствования с вокализмом *ä: манс.

¹ В Западной Сибири в обско-угорских диалектах отражаются, очевидно, и другие слова, главным образом культурные термины из среднеиранских или древнеиранских, см. *Korenchy 1972; Joki 1973 : 372; 1973a*.

węgka-r 'крюк', хант. *wągręp* 'крюк' (обск.-угор. **vąrk(3)-r(3)p*, Joki 1973 : 336 и 341; ср. сходное отражение в таких единичных среднеиранских заимствованиях в угорском, как хант. *wārās*, *wārās* 'грива': авест. *varāsa-* 'волосы людей и животных', согд. *wrs*, пехлев. *wars* [*wls*] 'волосы', хотаносакск. *bilsa-*, ново-перс. *gurs* 'локон', Joki 1973 : 336; ср. также отдельные поздние заимствования в пермских языках: коми-зырян. *varnös* 'годовалая овечка', ср. пехлев. *warrag* 'овца', ягноб. *barrá* 'ягненок', афган. *wraу* (др.-инд. *úrānah*);

Фин.-угор. **verd3-*: марийск. (*w*)*urdem* 'кормить', 'воспитывать', коми-зырян. *verdnj* 'кормить'. Заимствовано из (ранней) среднеиранской формы с переднеязычным вокализмом типа осет. *awærdyn* 'щадить', 'жалеть', 'экономить' (Абаев 1958, I : 86—87), ср. авест. *varad-* 'растить', 'увеличивать', 'содержать', *vərəzda-* 'большой', *vərəd-* 'увеличение', Joki 1973 : 348. Переднеязычный вокализм финно-угорской формы устанавливается неоднозначно, ср. Лыткин/Гуляев 1970 : 52;

Фин.-перм. **viša-*: фин. *viha* 'ненависть', 'гнев', 'яд', эст. *viha* 'гнев', 'озлобление', 'злоба', коми-зырян. *vež* 'злоба', 'зависть', Лыткин/Гуляев 1970 : 49. Заимствовано из иранского (после перехода и.-е. **s* → *š* в позиции после **i*), ср. авест. *viša-* 'яд', пехлев. *wiš* 'яд' (ср. кафир. вайгали *wiš*, кати *wiš*, др.-инд. *viśām* 'яд'), ср. Joki 1973 : 346—347;

Праманс. **man13*: манс. *mant* 'маленькая лопатка', 'совок'. В противоположность Lewy 1961 : 408, форму следует считать заимствованием не из древнеиндийского (ср. др.-инд. *mānthā-* 'палка для сбивания масла'), а из среднеиранского, ср. шугн. *māp*, сарык. *māp*, йидга *mōxē* 'палка', 'шест', ср. будд. согд. *mṇḍ-* (= *manḥ-*), хотаносакск. *manth-* 'трясти', 'мешать', осет. *æz-mæntyn* 'смешивать', Joki 1973 : 279—280;

Общеперм. [**gort-* 'дом', 'жилье', 'место жительства': удм. *gurt* 'деревня', 'селение', 'село', 'дом', 'родина', коми-зырян. *gort* 'дом'. Заимствовано из иранского, ср. авест. *garəda-* 'логово дэвовских существ' (из *'дом', ср. др.-инд. *gṛhāḥ* 'жилище', 'дом'), ср. Joki 1973 : 262—263;

Марийск. *marij* 'мужчина', 'муж', 'мариец'. Заимствовано из иранского (возможно, среднеиранского), ср. авест. *mairya-* 'молодой человек', 'член мужского союза', пехл. *mērag* 'супруг', 'любовник', 'молодой человек' (ср. др.-инд. *māryah* 'молодой человек', 'любовник'). В марийском на основании наличия в форме фонемы *a* можно отнести заимствование к первому тысячелетию до н. э., ср. Joki 1973 : 280;

Прамордов. **rava*: мордов. эрзя *rav*, *ravo* 'волна'; 'море', 'разлив', мокша *rava* 'поток'. Заимствовано из иранского, ср. авест. *ravan-* 'поток', *raodah-* 'поток', др.-перс. *rautah-* 'река', 'поток' (ср. др.-инд. *srava-* 'течение', *srāvati* 'течет'), ср. Joki 1973 : 307.

5.6. МИГРАЦИОННЫЕ ТЕРМИНЫ В ДРЕВНИХ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ЯЗЫКАХ

Кроме рассмотренных выше иранских заимствований в финно-угорских языках выделяется и определенный древний лексический пласт, который может быть возведен к другим индоевропейским диалектам (см. об

этом ниже), а также целый ряд терминов, общих со многими индоевропейскими и неиндоевропейскими языками и являющихся миграционными.

К числу таких миграционных терминов в финно-угорских языках нужно отнести следующие формы:

Фин. *olut* 'пиво', эст. *õlu*, *õlut*, лив. *vo'l* 'пиво'. Широко распространенный миграционный термин, ср. осет. *ælüt-on* 'пиво' (груз. *ludi*, диал. *aludi* 'пиво'); др.-англ. *ealu* 'эль', др.-сакс. *alc-* 'пиво' (герм. **alub*), лит. *alus* 'пиво', латыш. *alus* 'пиво', прус. *alu* 'напиток', ст.-слав. *olŭ*, см. Абаев 1958, I : 129—131; Joki 1973 : 294—295;

Фин.-угор. **kota*: фин. *kota* 'жилище', 'палатка', 'юрта', 'хижина', 'шалаш', *koti* 'дом', вод. *keṭa* 'комната', эст. *koda* 'дом', лив. *k^uodā* 'жилище', 'дом', саам. *goatte* 'медвежья берлога', 'палатка лопаря', мордов. эрзя *kudo* 'дом', 'жилище', марийск. *kuḍḍ* 'марийский летний шалаш', удм. *kuca* 'летний шалаш', коми-зырян. *-ka* в *kerka* 'дом'. Миграционный термин, встречающийся в некоторых индоевропейских (авест. *kata-* 'землянка', греч. *κοτύλη* 'пещера', гот. *hēþjō* 'комната', ц.-слав. *котьць* 'келья', 'гнездо', хет. *kutt-* 'стена') и ряде неиндоевропейских языков Евразии (монг. *qota[n]* 'селение', 'дом', тюрк. *kota* 'дом', кет. *qota* 'место для ночлега', айнск. *kot* 'место для дома', *kotan* 'место', груз. *k'ed-el-* 'стена' и др.), ср. Joki 1973 : 272—273; Иллич-Свитыч 1971, I : 316—317;

Мордов. *tarvas* 'серп'. Вероятно, миграционный термин, заимствованный также и в кафирские языки (прасун *tarw^aaž* 'меч', кати *terwōč*) и в древнеиндийский (др.-инд. *taravāri-* 'резак-меч'). Сопоставление мордов. *tarvas* с предполагаемым арийским **darghas* (и.-е. **d[h]olg[h]o-* 'серп'), ср. Joki 1973 : 325, неприемлемо уже по фонетическим причинам;

Урал. **paṛka-*: мордов. эрзя *paṛgo* 'гриб', мокша *paṛga*, марийск. *paṛgā*, манс. *pāṛx*, хант. *paṛx*, *paṛk* 'мухомор', *paṛṛḍ-*, *paṛkā-* 'от мухомора приходит в состояние опьянения', 'пророчествовать'. Миграционное слово, засвидетельствованное в различных языках Евразии, ср. греч. *σπόγγος* 'гриб', арм. *sunk(n)*, лат. *fungus* 'гриб', ср. авест. *banha-* 'имя растения', см. Joki 1973 : 300—301; Wasson 1968; Елизаренкова/Топоров 1970; Ernout/Meillet 1967 : 262, ср. также картв. **sok'o-* 'гриб': груз. *sok'o*, мегр.-лаз. *sok'o*, сван. *sok'(w)*, а также нахско-дагестанские формы: гунз. *zoḡo*, цезск. *zuḡu*, бацб. *zok'* (ср. Климов 1964 : 165);

Урал. **vaške/vaske* 'медь', 'бронза': фин. *vaski* 'медь', 'бронза', эст. *vask* 'медь', лив. *vaš'k* 'медь', саам. *veški* 'железо', 'медь'; марийск. *waž* 'руда', мордов. эрзя *ušk'v* 'проволока', удм. *-veš* в *az-veš* 'серебро', коми-зырян. *-iš* в *ez-iš* 'серебро', хант. *waḡ* 'металл', 'железо', венг. *vas* 'железо', Лыткин/Гуляев 1970 : 69 и 332. Миграционное культурное слово с фонетическими вариациями по разным языкам, ср. в индоевропейских языках: тох. А *wās* 'золото', В *yasa* 'золото' < **vas ~ vās*), арм. *oski* < *vask-*, лит. *auksas*, прус. *ausis* 'золото'. Слово может быть исторически связано с шум. *guškin* 'золото', ср. Joki 1973 : 339—340; Aalto 1959;

Урал. **kur3-*: фин. *kuras* 'нож', саам. *korr* 'маленький ножик'. Сопоставляется с формами с аналогичным значением в индоевропейских (лит.

kiřvis 'топор'; гот. *hairus*, др.-исл. *hjorr* 'меч') и неиндоевропейских языках Евразии (кор. *khal* 'нож', 'меч', маньчж. *χal-mari* 'волшебный нож шамана'); предполагается заимствование из какого-то общего источника, ср. *Joki 1973* : 275—276.

5.7. СЕМАНТИКА РАННЕИРАНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ФИННО-УГОРСКОМ. ХАРАКТЕР ЗАНЯТИЙ РАННЕИРАНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Анализ заимствований из иранского в финно-угорском выявил вне сомнения факт отсутствия в последних общендо-иранской или специфически древнеиндийской лексики¹. Индоевропейская лексика, квалифицировавшаяся в ряде работ как индо-иранская или даже древнеиндийская² (ср.

¹ Предложенное Вагнером сопоставление имени эрзя-мордовского бога *niške*, *niški* 'бог неба' с др.-инд. *niškāh* 'золотое нашеиное украшение' (слово отсутствует в иранском и может быть заимствованием в древнеиндийском, *Mayrhofer 1963*, 111 : 69) не может считаться убедительным, поскольку мордовское имя бога *niške* представляет собой словосложение из *ihe* 'большой' и **ški* = *ineške-pas* 'великий бог неба', *Joki 1973* : 293.

² Помимо разобранных выше финно-угорских форм, к числу таких лексем, в которых видели заимствование из древнеиндийского, относится группа слов, ограниченных главным образом прибалтийско-финскими языками и представляющих собой, очевидно, заимствования из балтийского:

Фин.-перм. **tala-s*: фин. *tala* 'шалаш, лабаз', лив. *talāzD*. Связи со словами пермских языков (коми-зырян. *tjēs* 'охотничьи уголья', *teļēs* 'шалаш' и др.) проблематичны (ср. *Joki 1973* : 324). Поэтому соответствующие прибалтийско-финские слова скорее могут быть объяснены как относительно поздние заимствования балтийских слов типа прус. *talus* 'пол', лит. *pā-talas* 'кровать'. Следовательно, связь, предположительно допускаемая с праарийским, ср. *Joki 1973* : 324 (при др.-инд. *tala-m* 'почва; поверхность'), не имеет оснований;

Фин. *tiine* 'беременная', вепс. *tiñeh*, *tiñeh*, эст. *tiine* 'беременная' (о самке домашних животных), лив. *tīn* (<**teip*-?) скорее можно считать заимствованиями из балтийского (лит. *dieņi* 'беременная'), нежели из иранского (или индийского): авест. *daēnu* 'самка; относящийся к женщине' (ср. др.-инд. *dhēnā* 'самка'), ввиду значения этих слов и их распространения только в прибалтийско-финских языках. Связь этих слов с венг. *tehén* 'корова', для которого предположен среднеиранский источник (*Joki 1973* : 329), проблематична;

Прибалт.-фин. **taivas*: фин. *taivas* 'небо', вепс. *taivaz*, эст. *taevas*, лив. *tōvaz* 'небо', 'гроза'. Слово формально может быть выведено из иранского и древнеиндийского (ср. др.-инд. *devā-* 'божество', авест. *daēva-* 'демон', др.-перс. *daiva-* 'демон, дэв', пехлев. *dēw* 'демон', 'дьявол', ново-перс. *dēv*). Однако ограниченность распространения данного слова лишь прибалтийско-финскими языками указывает скорее на сравнительно поздний источник из балтийских языков, ср. лит. *diēvas* 'бог', прус. *deuwis*, *deiws* 'бог', ср. *Joki 1973* : 323;

Фин. *udar* 'вымя', вепс. *udar*, вод. *uhar*, эст. *udar*, лив. *udār*, мордов. *odar*, марийск. *wādar* 'вымя'. На основании ограниченного распространения данного слова в прибалтийско-финских и финно-волжских языках можно допустить происхождение слова из балтийских языков, в которых оно восстанавливается в виде **ūdar* - || **ūder* - 'вымя' (*Thomsen 1890* : 233), ср. лит. *ūdrōti* 'забеременеть', *ūdrotas* 'беременная', *paūdrē* 'свиное подбрюшье, подчеревок', ср. *Joki 1973* : 332—333. Слово отсутствует в иранском (по причине табу) при наличии его в древнеиндийском: *ūdhar* 'вымя', ср. греч. *οὐδάρ*, лат. *ūber*, ср.-в.-нем. *ūter* 'вымя'. Не исключено, однако, что источником финно-волжского слова могла послужить и раннеиранская форма **ūdar*, которая могла быть рано вытеснена в самом иранском по причинам табу. Также прибалтийско-финскими языками ограничено слово — фин.

Lewy 1961), оказывается собственно раннеиранским лексическим пластом в финно-угорском.

В некоторых случаях трудно формально разграничить раннеиранское от древнеиндийского, ср. **sata*, **marta*, **śuka* и др. Однако весь комплекс рассмотренных лексических заимствований не оставляет сомнений в принадлежности этих форм к раннеиранскому пласту, а не к древнеиндийскому.

В финно-угорском выделяются раннеиранские заимствования, относящиеся к терминам скотоводства и земледелия: **marta-s* 'бесплодный' (о скоте), **porśas* 'свинья', **oraś* 'кабан', **śoru(a)* 'рог', **śumīs* 'сыромятная кожа', **kur3g* 'курица', **jūvā* 'ячмень', **śuka* 'ость злаков', **tarna* 'трава', **mekše* 'пчела'; термины транспорта и передвижения: **aiša* 'оглобля', **set3//sejt3* 'мост'; названия сельскохозяйственных орудий: **ora* 'сверло', **sep̄k3* 'гвоздь', 'кол'; социальные термины: **aštr̄* 'господин', **orja* 'раб', **sasar* 'сестра', 'невестка'; термины, относящиеся к торговле и счету: **śarsa* 'тысяча', **sata* 'сто', **das* 'десять', **sāptā* 'семь', 'неделя', **onā* 'часть'; термины, связанные с южной ориентацией, указывающие на движение с юга на север: **śarid'z* 'море', 'теплые края' и др.

Семантический анализ раннеиранских заимствований в финно-угорских языках позволяет судить об отношениях между финно-уграми и иранцами и о занятиях иранцев в финно-угорской среде.¹

Основная масса раннеиранских переселенцев занималась, по-видимому, скотоводством и земледелием, разными ремеслами и нанималась местным финно-угорским населением в качестве слуг, выполнявших разные сельскохозяйственные (технические) работы (ср. **orja* в значении 'служитель', 'раб').

Раннеиранские заимствования в финно-угорском указывают на выделение ираноязычных племен в достаточно древний период, видимо, уже к концу III тысячелетия до н. э.², из общиндоиранского и движение части

terni 'молозиво', эст. *ternes* 'молозиво', лив. *teř-zēmd'a*, сопоставлявшееся с авест. *taugupa-* 'маленький'; 'ребенок', осет. *tægna* 'ребенок', др.-инд. *tár(u)ṇa-* 'юный; нежный'; 'звереныш'. По фонетическим, семантическим и историко-географическим причинам не может считаться приемлемым сближение с индийским или иранским источником, ср. *Joki 1973: 328*.

¹ С другой стороны, показательны для характера контактов и некоторые обратные заимствования из финно-угорского в иранские диалекты:

Общеуральское название 'рыбы' **kala*, сохраняющееся в фин. *kala* 'рыба', мордов. *kal*, марийск. *kol* 'рыба', могло быть заимствовано иранцами в форме, отраженной в авестийском названии мифологической рыбы Кага-, обитавшей в реке *Raphā-* ('Волга'), *Yašt 14, 29*; ср. *Joki 1973: 266*. Это же слово из западнофинно-угорских языков (ср. саам. *guole* 'рыба') могло попасть в германские языки (др.-исл. *hvalr* 'кит', др.-в.-нем. *hweliga* 'сом') и в балтийские (прус. *kalis* 'сом'), ср. *Иллич-Свитыч 1971, 1: 288; Топоров 1975-, III: 168—171*.

² Распад финно-угорского языкового единства относят ко времени не позднее середины II тысячелетия до н. э., и, следовательно, проникновение иранских слов в финно-угорский нужно отнести, соответственно, к периоду, предшествовавшему этому времени. Это определяет сам процесс выделения иранского диалекта из индо-иранской общности и обособленного существования собственно иранского диалекта периодом не позднее конца III тысячелетия до н. э.

этих племен в северо-западном направлении по пути передвижения, который в дальнейшем не раз совершали ираноязычные племена, оставившие свой след в поздних иранских заимствованиях в финно-угорских языках (ср. выше о среднеиранских и позднеиранских заимствованиях).

Эти древнейшие передвижения ираноязычных племен последовали за их миграцией из первоначальных областей обитания в районы Средней Азии, откуда они должны были распространиться далее на север и северо-запад, а также в южном направлении в сторону Афганистана.

6. ВЫДЕЛЕНИЕ ТОХАРСКОГО ИЗ ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА И МИГРАЦИИ НОСИТЕЛЕЙ ТОХАРСКИХ ДИАЛЕКТОВ

6.1. ТОХАРСКИЕ МИГРАЦИИ НА ВОСТОК И ИНДООЕВРОПЕЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В КИТАЙСКОМ

Племена, говорившие на тохарских диалектах, довольно рано выделяются из общиндоевропейского языка и вместе с другими диалектами общности продолжают находиться на первоначальной территории расселения индоевропейских племен. В этот период и могли возникнуть изоглоссы тохарского, объединяющие его с диалектными ареалами, включающими анатолийский, италийский и кельтский (см. выше схему диалектного членения).

Однако еще до выделения италийского и кельтского из праязыка тохарский должен был отделиться от анатолийского в результате перемещения носителей тохарских диалектов с первоначальных мест расселения в восточном направлении в сторону Центральной Азии.

Тохарские диалекты были, очевидно, первой, самой ранней (предшествовавшей и индо-иранским миграциям) миграционной волной в восточном направлении от ареала первоначального распространения праиндоевропейского языка.

В историческую эпоху, в I тысячелетии до н. э., тохарские диалекты, судя по данным китайских источников, обнаруживаются в Восточном Туркестане, ср. *Pulleyblank 1966*. Отсюда проникают в китайский (и некоторые другие восточноазиатские языки) индоевропейские слова типа др.-кит. *mǐēt* 'мед', ср. тох. В *mit* < **mǐät* 'мед'; кит. *k'üan*, др.-кит. *k'iwen* 'собака', ср. тох. В *ku*, *вин. п. kweñ* 'собака'; кит. *niu*, др.-кит. *ngǐzu* 'бык', ср. также кит. *ku*, др.-кит. 'kuo 'бык' при тох. А *ko, ki* (*вин. г.*), В *keu* 'корова'¹; кит. *chu* 'свинья', ср. тох. В *suwo* 'свинья', *swǎñana* 'свиной' (ср. *Karlgren 1923* и *1940*).

¹ Возможно, с тем же индоевропейским словом связано и туйгусо-маньчжурское название 'коровы' (> 'кобылы', *Цинциус 1975, I: 145*) типа маньчж. гео 'корова', 'кобыла', 'самка' (см. выше, стр. 575), хотя однозначно по фонетическим критериям невозможно определить конкретный источник заимствования. Слово могло проникнуть в туйгусо-маньчжурские языки и из других индоевропейских диалектов, носители которых проходили через Среднюю Азию.

Из этого же источника в китайскую мифологию могли проникнуть и представления о 'священных лошадях', везущих колесницу Солнца (*Puleyblank 1966 : 31—32*), а также представление о "Большой Медведице" как повозке.

Не только данные языка и мифологии свидетельствуют о контактах Древнего Китая с племенами—носителями индоевропейских диалектов, но и сами материальные остатки колесниц, запряженных лошадьми, которые обнаружены в последнее время на территории Древнего Китая иньского периода; в частности, в Сяоминьтун и найдена повозка-двуколка западноазиатского типа со скелетами двух впрягавшихся в них лошадей. К эпохе Инь относятся и жертвенные ямы со скелетами лошадей и других жертвенных животных, см. *Кучера 1977 : 132—142, 182—185*.

Характерно при этом, что проникновение в Китай иньского периода этого типа колесниц осуществилось, по мнению археологов, благодаря контактам с мощными группировками центральноазиатского населения, обладавшего колесницами раннеближневосточного типа. Эти племена должны были находиться на достаточно высоком уровне социально-экономического и государственного развития, что и позволило им пронести через всю Центральную Азию с Ближнего Востока новый способ военной организации (*Кожин 1977 : 284—285*).

Древние лингвистические связи индоевропейского с китайским не оставляют сомнения в том, что носителями этой центральноазиатской культуры были именно индоевропейские племена, проникшие на своих колесницах в восточную часть Центральной Азии из древней Передней Азии. Более полную картину продвижения этих племен из древней Передней Азии в Восточную Азию можно надеяться получить лишь в результате ~~детального археологического~~ изучения малообследованных обширных областей Средней Азии, являвшихся промежуточным регионом на пути передвижения древних индоевропейских племен в восточном направлении.¹

6.2. ТОХАРСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ФИННО-УГОРСКОМ

Еще более раннее пребывание носителей тохарских диалектов на востоке, в областях Средней Азии, на их пути в Восточный Туркестан, удостоверяется и целым рядом тохарских заимствований в финно-угорских языках, к числу которых относятся следующие формы:

¹ В последнее время получены антропологические доказательства значительности вклада европеоидной примеси населения, проникшего в китайскую провинцию Ганьсу из Средней Азии (*Гохман/Решетов 1981*). Установлены пути миграции европеоидного населения на Алтае и Верхнем Приобье (где они могли контактировать с уральскими в языковом отношении народами), причем истоки этой миграции археологи находят в "постсредиземноморском" населении Таджикистана (*Дремов 1980*). Недавние находки европеоидных черепов эпохи бронзы в Монголии (*Мамонова 1980*) и Туве (*Гохман 1980; Гохман/Решетов 1981*) указывают на близость европеоидов (=кавказоидов) и азиатских монголоидов в этот период; антропологи указывают на необходимость пересмотра прежних взглядов на антропологический состав населения Центральной Азии и Южной Сибири. 7

Фин.-угор. *mete 'мед': фин. *mesi* 'цветочный нектар', 'мед', вепс. *me-ži*; вод. *mesi*; эст. *mesi*, лив. *me'iz*, *me'ž* 'мед', саам. *mieta* 'мед', мордов. эрзя *med'* 'мед', удм. *mi*, коми-зырян. *ma* 'мед', венг. *méz* 'мед', ср. Лыткин/Гуляев 1970 : 167. Можно предположить заимствование из раннетохарского *met (*mät): тох. В *mit* 'мед'. Допущение происхождения данной финно-угорской формы как результата заимствования общеиндоевропейского (или доарийского) *med^hu- (ср. Joki 1973 : 283) трудно принять, ввиду значительных фонетических расхождений этих форм (отражение *dh как глухого *t, отсутствие в общефинно-угорской форме конечного -u¹). Заимствование же из более позднего индо-иранского (др.-инд. *mádhu* 'медовый напиток', авест. *mađu-*, согд. *mδw-* 'вино') исключается ввиду различий и в вокализме (фин.-угор. *e* ~ инд.-иран. *a). Древний финно-угорский вариант этого слова *teke 'мед' (марийск. *tü*, *tüj* 'мед', манс. *mag*, *ma'j* [тау-], хант. *māx*, *māy*, *maц*) мог возникнуть в результате контаминации *mete 'мед' с *mekše 'пчела', ср. Joki 1973 : 284;

Урал. *nim(e): фин. *nimi* 'имя', саам. *nâmmâ*, мордов. эрзя *l'äm*, мокша *l'em*, марийск. *lät*, *lüt*, удм. *nim*, коми-зырян. *nim*, манс. *nam*, *näm*, хант. *net*, венг. *név*, ненецк. *nim*. Заимствование ранне-тохар. *n'em-: ср. тох. А *ñom*, тох. В *ñem* (Pedersen 1950). Заимствование общеиндоевропейского *en(o)mn-, *(o)pmn- 'имя' (Pokorny 1959 : 321) или раннеиранского слова (ср. авест. *nāma*) исключается ввиду фонетических расхождений этих форм;

Волж.-перм. *o/uška: марийск. *üškə-ž*, *üškü-z* 'бык', 'вол', удм. *oš* 'бык', 'бычок', 'вол'; коми-зырян. *eš* (*ešk-*), *eška*, коми-перм. *oška* 'бык', 'бычок'. Заимствование вероятнее всего из раннетохарского, ср. тох. В *okso* 'бык', ср. Joki 1973 : 334; не исключена, однако, возможность, ввиду наличия формы с начальным *u-*, и раннеиранского источника заимствования, ср. авест. *uxšan-* 'бык', др.-инд. *ukṣā* 'бык' (ср. Лыткин/Гуляев 1970 : 213);

Фин.-перм. *sal3: фин. *suola* 'соль', вепс. *sola*, эст. *sool*, лив. *suol*, мордов. *sal* 'соль', марийск. *šind'žal* < *čan-sal3, удм. *šjal* 'соль', коми *sol* (Joki 1973 : 316); заимствовано из раннетохарского (или из западных индоевропейских языков, ср. ст.-лат. *sale* 'соль', см. ниже): ср. тох. А *sāle* 'соль'. Слово не характерно для индо-иранских языков; пережиточно сохраняется только в др.-инд. *sal-ilā-* 'море', см. выше, стр. 674.

Обнаруживаются и следы обратного заимствования — из финно-угорских языков в тохарские диалекты:

Тох. А *kālk-* 'идти', В *kalāk-* 'следовать', ср. фин. *kulkea* 'идти', 'гулять', Van Windekens 1976 : 625; Joki 1973 : 191;

Тох. В *ālp-* 'отражать(ся)'; ср. манс. *al'p-t* 'окрашивать', Van Windekens 1976 : 622.

¹ Такое -u выступает в прибалтийско-финской форме (фин. *metu* 'мед', вод. *mōtu* 'пиво', эст. *mōdu* 'напиток', считающийся поздним балтийским (*medu-) или германским (*medu-) заимствованием (Joki 1973 : 284).

Выделяющийся в финно-угорских языках целый пласт лексических заимствований из тохарского: **mete* 'мед', **nim(e)* 'имя', **oška* 'бык', **sal3* 'соль', а также возможные уральские заимствования в тохарском (тох. А *kälk-* 'идти' и др.) являются свидетельством наличия древних исторических контактов между этими языками. Такие контакты финно-угорского с тохарским могли происходить не позднее начала II тысячелетия до н. э. в ареале распространения финно-угорских диалектов к югу от Урала и севернее Аральского моря (к локализации финно-угорского ср. *Смирнов А. 1975*). Отсюда тохары могли попасть в исторические места жительства в Восточном Туркестане. Такое предположение о контактах между тохарскими и финно-угорскими диалектами предполагает движение тохароязычных племен по тем же путям, по которым шли (вероятно, позднее) носители раннеиранских диалектов.

7. ВЫДЕЛЕНИЕ «ДРЕВНЕЕВРОПЕЙСКИХ» ДИАЛЕКТОВ ИЗ ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА И ПРОБЛЕМА МИГРАЦИЙ ИНДООЕВРОПЕЙСКИХ ПЛЕМЕН ЧЕРЕЗ ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

7.1. СОВМЕСТНЫЕ МИГРАЦИИ ПЛЕМЕН — НОСИТЕЛЕЙ ТОХАРСКОГО И «ДРЕВНЕЕВРОПЕЙСКИХ» ДИАЛЕКТОВ

Иранские, в особенности скифские переселения могут служить хорошим примером дальних миграций индоевропейских племен на запад по восточному пути. Именно такой путь предполагается для более раннего времени в отношении «древнеевропейских» диалектов — кельто-италийских, иллирийских, германских, балтийских, славянских. Все эти языки обнаруживают ряд лексических изоглосс, общих с тохарским (см. выше схему диалектного членения на хронологическом уровне 5, стр. 421 и след.), что весьма трудно объяснить без допущения контактов между ними, вероятно, в процессе совместных миграций носителей этих языков вместе с носителями тохарских диалектов.¹

Существуют слова, сближающие тохарский со всеми «древнеевропейскими» языками или с частью из них, но не с арийскими диалектами, ср. *Бенвенист 1959 : 100—101; Van Windekens 1976 : 614—617*; см. также выше, стр. 423. К словам, объединяющим тохарский со всеми «древнеевропейскими» диалектами, относятся следующие формы:

Тох. А *wäl*, В *walo* 'царь': др.-ирл. *fol-n-* 'господствовать', *flaith* 'господство', лат. *ualēre* 'быть сильным', гот. *waldan* 'управлять', др.-исл. *valda*, др.-в.-нем. *waltan* (нем. *walten*), лит. *vėldu* 'правлю', прус. *вин. п. мн. ч. wāldnikans* 'королей', ст.-слав. *vladq* 'владею', ср. *Порциг 1964 : 211, 295*;

¹ К этому периоду можно отнести, вероятно, некоторые индоевропейские заимствования в алтайские языки типа тунг.-маньчж. *hukig* 'бык, скот', др.-тюрк. *öküz* 'бык, вол', узб. *həkyz* 'крупный рогатый скот', монг. *ūxeg* 'крупный рогатый скот', восходящие, видимо, еще ко времени алтайской языковой общности (индоевропейская центумная форма **p^hleǵ^hlu-*: лат. *pecus* 'скот', гот. *faihu* 'имущество').

Тох. А, В *kronše* ‘пчела’: лат. *crābrō*, др.-в.-нем. *hornūz*, лит. *širšiuō*, слав. **širšenī* ‘шершень’;

Тох. А *wās*, В *yasa, ysā* ‘золото’: лат. *aurum*, лит. *auksas*, прус. *ausis* (см. выше, стр. 713 и след., о миграционном характере этого слова переднеазиатского происхождения).

7.2. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ «ДРЕВНЕЕВРОПЕЙСКИХ» ДИАЛЕКТОВ С ЯЗЫКАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО МИГРАЦИЙ ИНДООЕВРОПЕЙСКИХ ПЛЕМЕН В ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ ЧЕРЕЗ СРЕДНЮЮ АЗИЮ

Носители тохарских диалектов из Средней Азии направляются позднее дальше на восток в сторону Восточного Туркестана, где они и находятся ко времени появления письменности на этих языках. Остальные “древнеевропейские” диалекты следуют через Среднюю Азию и Поволжье в западном направлении в историческую Европу. Таким восточным путем миграций древних индоевропейских диалектов и объясняются некоторые лексические связи западной группы индоевропейских языков с алтайскими, из которых они заимствуют некоторые термины типа **mork^hl-* ‘конь’, ср. др.-ирл. *marc*, валл. *march*, галл. *мáрхав*, др.-в.-нем. *mar(i)ha* (нем. *Mähre*), др.-англ. *tearh* (англ. *mare*) при монг. *morin*, тунг.-маньчж. *murin*, кор. *mal* (ср. также кит. *ma* < **mra*, др.-бирм. *mrar*, др.-тиб. *rmang*, тамил. *mā*), см. выше, стр. 554; ср. также Новикова 1979: 67 и след.

С другой стороны, обнаруживаются и заимствования из “древнеевропейских” диалектов в языки Центральной Азии типа енисейских, которые до конца I тысячелетия до н. э. по данным топонимики занимали значительную часть территории Средней Азии. Поэтому переселившиеся в Среднюю Азию племена должны были вступить в контакт с енисейскими. Такое слово, как общеенисейское название ‘кобылы’, ‘мерина’ **kus-*, должно было проникнуть в эти языки из “древнеевропейских” диалектов в *centum*-ной форме, ср. лат. *equus* ‘лошадь’, галл. *epo-* ‘конь’, гот. *aiwa-* ‘конь’, ‘лошадь’, ср. тох. А *yuk*, В *yakwe* ‘конь’, ‘лошадь’ (см. выше, стр. 561).¹

Наоборот, в некоторых “древнеевропейских” диалектах, в частности германском, следует допустить заимствование из енисейских языков названия ‘дома’ **hus*: др.-в.-нем. *hūs* (нем. *Haus*), др.-англ. *hūs* (англ. *house*), ср. енис. *qus* ‘чум’, ‘дом’, Дultzон 1971: 174, см. выше, стр. 742.

Любопытно, что под влиянием индоевропейских культурных традиций у алтайских народов в древности возникает жертвоприношение коня, связываемое с культом бога Неба (Koppers 1929; 1935; Кузьмина 1974: 44), см. также выше, стр. 561.

К возможным заимствованиям в алтайские языки из “древнеевропейских” диалектов *satem*-ного типа следует отнести и др.-тюрк. *keçi* ‘коза’

¹ Любопытно, что древнее индоевропейское название ‘лошади’ проникает в кавказские языки (южнокавказский и северокавказский) в *satem*-ной форме, тогда как в центральноазиатских языках заимствуется это же слово в *centum*-ной форме. Это полностью противоречит традиционным представлениям о “западном” и “восточном” распределении в отношении друг друга соответственно *centum*-ных и *satem*-ных диалектов.

(ср. ст.-слав. *koza* 'коза'), др.-тюрк. *ečkü* 'коза', монг. *išig* 'козленок' (ср. лит. *ožkà* 'коза'), см. выше, стр. 588 и след.

Еще одним вероятным заимствованием из "древнеевропейских" диалектов в тюркские, иллюстрирующим ранние контакты этих языков в Центральной Азии, может служить др.-тюрк. *öküz* 'река' (*Древнетюркский словарь 1969* : 383), не имеющее собственно тюркской этимологии. Слово может отражать *centum*-ную форму *e/ok^[h] - 'вода', 'поток', отраженную в "древнеевропейских" языках в формах типа лат. *aqua* 'вода', др.-исл. *æger* 'бог моря', др.-англ. *ēg-* (*ē, ēa*), 'поток', 'течение (моря)', гот. *ahva* 'река', 'поток'.¹

С другой стороны, к вероятным заимствованиям из "древнеевропейских" диалектов в тюркские в период их нахождения в Центральной Азии может быть отнесено тюркское название 'осины', 'тополя': алт. *aspaq*, *arsaq*, чуваш. *äväs*, хак. *os* 'осина' (ср. *Севортян 1974* : 607—608) при др.-исл. *qsp* 'осина', др.-англ. *æspe* 'осина', др.-в.-нем. *aspa* (нем. *Espe*), прус. *abse* 'осина', латыш. *apse* 'осина', др.-рус. *осина*, см. выше, стр. 627. Сюда же следует отнести заимствование "древнеевропейского" **amlu-* 'яблоко' в виде **alma* 'яблоко' в общетюркский, см. выше, стр. 639₂.

Можно допустить, что из индоевропейских диалектов этого же круга заимствованы в древнекитайский язык формы типа др.-кит. **lac-* 'молоко' (ср. лат. *lac*, род. п. *lactis*, см. выше, стр. 568), для которых не обнаруживаются источники в тохарском.

О миграции носителей "древнеевропейских" диалектов через Среднюю Азию в западном направлении свидетельствует, по-видимому, и наличие индоевропейских лексических заимствований в финно-угорском, источником которых можно считать диалекты именно этого структурного типа.²

К таким индоевропейским заимствованиям относятся следующие финно-угорские слова (в той мере, в какой их нельзя отнести к проявлениям возможного первичного родства индоевропейского с финно-угорским, ср. *Collinder 1974*; *Иллич-Свитыч 1971, I*; *1976, II*):

Фин.-угор. **orpa-s* ~ **orva(-s)* : фин. *orpo* 'сирота', саам. *oarbes* 'осиротелый', мордов. эрзя *uros* 'сирота', хант. *-urci, -uri*: *įəŋk-u* 'сирота', венг. *árova* 'сирота', ср. *Joki 1973* : 297—298; *Collinder 1974* : 365. Древнее

¹ Другие вероятные центральноазиатские отражения этой "древнеевропейской" формы можно было бы видеть в сохранных античными авторами названиях основных рек Средней Азии — *Аму-Дарья* (античное 'Οξος, лат. *Ochsus*) и *Сыр-Дарья* (античное 'Ιαξάρτης). *Oks-*, *Iaks-* в этих названиях возможно интерпретировать в качестве того же "древнеевропейского" названия 'реки, потока' **ek^[h]lo-^{os}/*ok^[h]lo-^{os}* (ср. аналогичное фонетическое развитие того же корня в тох. А уок- 'пить'). К этому же названию может восходить и позднейшее иранск. *Vaxš-* 'приток *Сыр-Дарьи*'. В свете этих сопоставлений обращает на себя внимание второй элемент в названиях рек Кавказа и Прикаспия, в частности *Аг-акс* 'река Аракс' и *Аг-агw-* 'река Арагви' (при первом элементе *аг-*, восходящем, возможно, к индоевропейскому корню **g-* 'двигаться', 'течь').

² Однако в некоторых случаях не представляется возможным формально дифференцировать заимствования этого структурного типа от раннеиранских.

общешинно-угорское заимствование из индоевропейского (ср. лат. *orbus* 'сирота' и др., см. выше, стр. 747 и след.), отражающее первоначальный вокализм и передающее звонкий (придыхательный) путем чередующихся звуков $p \sim v$. Допущение иранского происхождения затруднено ввиду отсутствия соответствующей формы в иранском (ср. др.-инд. *ārbhah* 'ребенок' с отличной семантикой);

Фин.-угор. **aja-*: фин. *aja-* 'гнать'; 'везти', 'возить', эст. *aja-* 'гнать'; 'ехать', лив. *aja-* 'гнать', саам. *uooggjet* 'возить', удм. *uj(i)-* 'преследовать', коми *voj-* 'прорваться через что-либо', *voj-li-* 'бежать', манс. *uij-t* 'преследовать'. Предполагается заимствование формы **aġ*- < **aġ*'- (ср. лат. *agō* 'веду', др.-исл. *aka* 'ехать', тох. В *āk-* 'вести') с субституцией **ġ* → фин.-угор. **j* (*Joki 1973* : 247—248). В качестве источника могли послужить индоевропейские диалекты с озвончением серии I смычных (италийский, кельтский, балтийский, славянский). Не исключена, однако, возможность заимствования данного слова и из раннеиранского источника с постулируемой формой **až-* < **aġ-* с субституцией ранне-иран. **ž* → фин.-угор. **j*;

Фин.-угор. (или фин.-волж.) **oŋke*: фин. *onki* 'крючок', вепс. *oŋg*, эст. *õng*, саам. *uoog'gâ* 'крючок', марийск. *oŋgâ*, *oŋgo* 'крючок'; 'кольцо', ср. *Joki 1973* : 295—296; *Collinder 1974* : 365. Слово могло бы быть заимствовано из индоевропейской формы типа лат. *uncus* 'крючок' (и.-е. **onk^hl-o-*). Не исключается, однако, возможность и раннеиранского заимствования (ср. авест. *aka-* 'крючок', *anku-pasātma-* 'украшающий себя крючками', с отражением иранского *a* в позиции перед сонантом *n* в виде *o*, ср. выше **onća*, стр. 924);

Фин.-угор. **luke*: фин. *lukea* 'считать', 'читать', 'говорить', 'учить'; *luke* 'число', 'счет'; 'чтение', саам. *lokkât* 'читать', 'считать', 'рассказывать', мордов. эрзя *lovoms* 'считать', 'считать за что-нибудь', марийск. *ludam* 'считать', удм. *lid* 'число', манс. *loŋant* 'считать' (*Joki 1973* : 278). Сопоставляется с и.-е. **lek'*-/**lok'*': ср. лат. *legō* 'выбираю', 'читаю', алб. *mb-ledh* 'собирать'; 'собирать урожай'. Может считаться ранним заимствованием из индоевропейского (*Joki 1921* : 111—112; *Collinder 1955* : 131). Заимствование можно предположить на основании семантики финно-угорской формы, отражающей производное культурное значение индоевропейского слова ('считать', но не 'собирать'). Обращает на себя внимание звуковая форма финно-угорского слова, отражающего глоттализированный характер индо-европейской фонемы **k'* в виде незвонкого смычного *-k-*. Интересно, что раннеиранские формы со звонкими (восходящими к индоевропейским глоттализированным серии I) передаются в финно-угорском регулярно как звонкие. В этом отражаются различные типы индоевропейских заимствований в финно-угорском из архаичных индоевропейских диалектов, еще сохраняющих неозвонченные глоттализированные, и из других индоевропейских диалектов, преимущественно иранских, с преобразованиями первоначальной системы индоевропейских смычных;

Фин.-угор. *vos(a)- : фин. osta- 'покупать', эст. *ostaa* 'покупать', лив. *vostā*, саам. *āsēs* 'торговля', марийск. *и́ža* 'цена', *вə́žale-* 'продавать', удм. *viz* 'товар', 'торговля', *vizal-* 'торговать', коми *viz-ēs* 'товар', *vizal-* 'продавать', манс. *вəта, wāta(-χum)* 'купец', *Лыткин/Гуляев 1970 : 70*. Слово заимствовано из индоевропейского, ср. лат. *уēно*, дат. н. (из **уесно-*) 'продажа', ср. *Joki 1973 : 298*;

Фин.-волж. *oks(a)//*oska : мордов. эрзя *иксо, uks* 'ясень', марийск. *о́škā*, *о́шко* 'ясень'. Из индоевропейского **osk^hlā*, ср. др.-исл. *askr*, др.-англ. *æsc* 'ясень', ср. *Joki 1973 : 333*; *Friedrich P. 1970 : 95*; см. выше, стр. 625.

Фин.-угор. *kal-w3 : фин. *käly* 'жена брата', 'сестра жены', эст. *käli* 'брат мужа', 'жена брата мужа', лив. *kālu* 'жена брата', мордов. мокша *k'el* 'жена брата мужа', удм. *kali* 'обращение младшей снохи к старшей', коми-зырян. kel 'невестка' (жена одного брата для жены другого). Сопоставляется с индоевропейским названием 'свойства', ср. лат. *glōs* 'золовка', 'жена брата', ц.-слав. *зълъва* 'золовка'; ср. к этому также сем. **kall-at-* 'невестка' (жена сына или брата), тюрк. **kalin* 'сноха', *Иллич-Свитыч 1971, I : 295—296*; *Joki 1973 : 267—268*; *Collinder 1974 : 366*;

Фин.-угор. (урал.) *teke- : фин. *teke* 'делать', саам. *dākkāt* 'делать', мордов. эрзя *t'eje-* 'делать', мокша *t'ijə-* 'делать', венг. *tenni* 'делать'. Сопоставляется с индоевропейским **dl^hleH-*, ср. ст.-лат. *fēcī* 'сделал', *Joki 1973 : 327—328*; *Иллич-Свитыч 1971, I : 224*; *Collinder 1974 : 367*;

Фин.-угор. *veta- : фин. *vetä-* 'вести', марийск. *wiđe-*, мордов. эрзя *вед'а-*, венг. *vezet-* 'вести'. Сопоставляется с индоевропейским **H^ued^hl-*, ср. лит. *vėdinti* 'вести', 'жениться'; см. выше, стр. 756;

Урал. *toke : фин. *tuoda* 'нести', 'вести', саам. *duokə-* 'купить', мордов. эрзя *tuje-* 'нести', 'давать', манс. *tū-* 'нести', хант. *tū-* 'нести'. Сопоставляется с и.-е. **t'oH-* 'давать', *Joki 1973 : 331*;

Фин.-угор. *weye//*wiye (*Collinder 1974 : 366*) : фин. *vie-* 'вести', саам. *wijke-*, *vi'kkə-* 'вести', мордов. эрзя *vije-*, мокша *vije-* 'нести', коми-зырян. *vai-* 'нести', венг. *viv-* 'нести'. Сопоставляется с индоевропейским **ueǵ^hl-* 'везти', ср. лат. *vehere* 'везти', 'ехать', лит. *vežti* 'везу', ст.-слав. *vezq* 'везу', *Joki 1973 : 345—346*;

Урал. *uete : фин. *vesi* 'вода', мордов. эрзя *ved*, мокша *ved'*, марийск. *wat*, коми-зырян. *va*, манс. *wit*, венг. *víz*. Сопоставляется с индоевропейским **uet'* 'вода', ср. гот. *watō* 'вода', *Joki 1973 : 344*.

Таким образом, рассмотренная выше небольшая группа слов, обнаруживающая формальную близость с индоевропейскими лексемами и отличающаяся (за малыми исключениями) от раннеиранских и тохарских форм, легко может быть отождествлена с формами тех индоевропейских диалектов (так называемых "древнеевропейских"), которые выделились на раннем этапе миграции и позднее направились на запад — к европейской части Евразийского континента при возможных контактах с племенами, говорившими на финно-угорских диалектах, расположенных на путях их следования в исторические места жительства.

7.3. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО СОВМЕСТНОГО РАЗВИТИЯ «ДРЕВНЕЕВРОПЕЙСКИХ» ДИАЛЕКТОВ

“Древнеевропейские” диалекты в период миграций их носителей и в процессе их движения в западном направлении из Средней Азии должны были представлять собой еще слабо расчлененную на отдельные диалекты языковую общность, которая характеризовалась целым рядом лексических новообразований по сравнению с другими индоевропейскими диалектами, уже дифференцировавшимися к этому времени. Такие инновации “древнеевропейских” диалектов охватывают в основном среду лексической семантики и проявляются в применении древних слов в новом, специфическом для этой диалектной общности значении, а также в появлении некоторых новых слов, не представленных в остальных индоевропейских диалектах.

К числу характерных для этой группы семантических инноваций, противопоставляющих ее остальным индоевропейским диалектам, можно отнести следующие:

И.-е. **tl̥heṷ-^hl̥h-* в значении ‘община’, ‘народ’: др.-ирл. *túath* ‘народ’, валл. *tūd* ‘страна’, галл. *Teut-* (в личных именах), оск. *τωῦτο*, *touto*, умбр. *вин. п. ед. ч. totam* ‘civitatem’, гот. *þiuda*, др.-исл. *þjóð*, др.-англ. *þēod*, др.-в.-нем. *diot(a)* ‘народ’, ‘люди’, *diutisc* ‘народный’ (нем. *deutsch*); иллирийские собственные имена с первым элементом *Teut-*; прус. *tauto* ‘страна’, лит. *tautà*, латыш. *tāuta* ‘народ’, *Krahe 1954 : 63—70; 1968; Порциг 1964 : 294—295* (ср. отличное от этого значение в остальных группах индоевропейских диалектов: хет. *tuzzi-* ‘войско’, ср. *Schmid 1977 : 107; Szemerényi 1976 : 100—108*);

И.-е. **mor(i)-* в значении ‘море’: др.-ирл. *muir*, лат. *mare*, гот. *marei*, др.-в.-нем. *marī* (нем. *Meer*), лит. *mārės* (мн. ч), ст.-слав. *morje* (при значении ‘стоячая вода’, ‘болото’ в остальных индоевропейских диалектах: хет. *marmara-* ‘болото’, осет. *mal* ‘глубокая стоячая вода’, арм. *maṵr* ‘болото’, *Poetto 1973*).

К лексическим новообразованиям, общим для этих диалектов, относятся также слова:

Др.-европ. **pl̥heṷskl̥h-* ‘рыба’: др.-ирл. *iasc* ‘рыба’, лат. *piscis*, гот. *fisks*, др.-исл. *fiskr*, др.-англ. *fisc* (англ. *fish*), др.-в.-нем. *fisc* (нем. *Fisch*), *Порциг 1964 : 165*;

Др.-европ. **pl̥hl̥-ā-r-/n-* ‘земляной пол’, ‘гумно’, ‘поле’: др.-ирл. *lár* ‘пол (земляной)’, ‘гумно’, др.-исл. *flórr* ‘пол коровьего хлеба’, др.-англ. *flōr* ‘пол’ (англ. *floor*), ср.-в.-нем. *vlur* ‘пол’, ‘луг’ (нем. *Flur*), *Порциг 1964 : 178—179*;

Др.-европ. **kʷr̥no-* ‘зерно’: др.-ирл. *grán* ‘зерно’, лат. *grānum*, гот. *kaúrn*, прус. *syrne*, лит. *žirnis*, ст.-слав. *zrīno* ‘зерно’;

Др.-европ. **bhl̥ar-*: лат. *far*, *под. п. farris* ‘полба’, умбр. *far*, др.-ирл. *baírgen* ‘хлеб’, гот. *barizeins* ‘из ячменя’, др.-исл. *barr* ‘зерно’, ‘ячмень’, др.-англ. *bere* ‘ячмень’, сербо-хорв. *bâr* ‘род проса’. Слово считается заимствованием из семитского: ср. др.-евр. *bar* ‘обмолоченный хлеб’, араб. *burr-*

‘пшеница’, см. выше, стр. 871 и след. Оно должно было проникнуть в эти диалекты еще в период их пребывания в пределах Ближнего Востока и контактирования с семитским.

7.4. СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ПРИВОЛЖЬЕ КАК ОБЛАСТИ СОВМЕСТНОГО ОБИТАНИЯ НОСИТЕЛЕЙ «ДРЕВНЕЕВРОПЕЙСКИХ» ДИАЛЕКТОВ. ПРОБЛЕМА «ВТОРИЧНОЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАРОДИНЫ»

Движение “древнеевропейских” диалектов в Центральной Азии с последующей ориентацией в сторону запада Евразии осуществлялось, по-видимому, в виде повторных миграционных волн, направленных с востока на запад Евразии, где в дальнейшем эти племена оседали и заселяли определенную общую территорию. Вновь прибывавшие племена присоединялись к уже осевшим на этой территории, и таким образом образовывался общий промежуточный ареал для мигрировавших с востока индоевропейских племен, позднее заселивших более западные области Европы. Тем самым этот общий промежуточный ареал становится областью контактов и вторичного сближения ранее уже частично отделившихся друг от друга индоевропейских диалектов, где и могли возникнуть подобные лексические и семантические инновации.

Такое взаимодействие этих диалектов можно рассматривать как пример возникновения “вторичного языкового союза” изначально родственных диалектов. Распространение диалектов из этого общего “вторичного ареала” — в некотором смысле “вторичной промежуточной прародины” племен, говоривших на соответствующих диалектах — на новые территории в Центральной и Западной Европе кладет начало постепенному возникновению отдельных языков (италийского, кельтского, иллирийского, германского, балтийского, славянского), условно именуемых по территории, ими занимаемой в историческую эпоху, “древнеевропейскими”.

Тем самым для “древнеевропейских” языков общим исходным ареалом распространения (хотя и вторичным) можно считать область Северного Причерноморья и Приволжские степи. Теория, локализирующая в этой области “прародину индоевропейцев”, принимает в таком освещении новый смысл как гипотеза о прародине для западной группы индоевропейских языков. Этот временный ареал совместного обитания племен—носителей древних индоевропейских диалектов мог служить областью, где двигались различные миграционные волны носителей этих диалектов и формировались вторичные изоглоссы, наложившиеся на старые; последние объединяют эти диалекты с другими индоевропейскими языками, носители которых мигрировали из первоначальных областей их расселения в других направлениях.

Именно на путях к этим областям “вторичной прародины”—Причерноморья и Заволжья—и могли происходить контакты “древнеевропейских” диалектов с носителями языков Центральной Азии (ср. заимствования в финно-угорские языки из этих диалектов, а также заимствования в эти диалекты из алтайских языков: ср. выше слова типа **mork[ɫh]*- ‘конь’ и др.).

7.5. СЛЕДЫ СОВМЕСТНОГО ПРЕБЫВАНИЯ НОСИТЕЛЕЙ «ДРЕВНЕЕВРОПЕЙСКИХ» ДИАЛЕКТОВ НА «ВТОРИЧНОЙ ПРАРОДИНЕ» В ДРЕВНЕЙШЕЙ ГИДРОНИМИКЕ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Следы пребывания носителей “древнеевропейских” диалектов на территории “вторичной прародины” можно видеть и в специфическом характере гидронимов Северного Причерноморья (территории Украинской и Молдавской ССР и РСФСР), обнаруживающих за вычетом позднейших наслоений (в частности, славянских и иранских, ср. выше о названиях типа Дон, Днепр и др.) специфические черты ранней индоевропейской гидронимии, которые засвидетельствованы и в центральноевропейских гидронимах. К числу таких гидронимов можно отнести следующие типы, проявляющие сходство по суффиксам и основам с “древнеевропейскими”, что само по себе должно отражать их общиндоевропейский характер:

Солуч-ка (из *solqtj- < *salantiā), ср. Трубачев 1968 : 131—132; ср. лит. *Sālantas*, *Salontia* (в Швейцарии, приток Роны), основа на *-ntlh-, Krahe 1960; *Бреща* (из *brent-), ср. гидроним *Brenta* в Венеции (*Brendisium* в Нижней Италии), Трубачев 1968 : 177; *Мурава*, совпадает с дунайским центрально-европейским гидронимом *Morava*, *Morawa* на верхней Висле (ср. античное *Marus*, *Maraššanda* в древней Анатолии, см. выше, стр. 861); *Альта*, др.-рус. *Льтица*, совпадает с Ἄλτος в Македонии, *Alto* в Иллирии, *Altinum* в Венеции (ср. Krahe 1960) и с анатолийским *Alda* (ср. хет. *aldanni* ‘источник’); гидронимы на -ра типа *Стрыпа*, допускающие интерпретацию на основе различных древних индоевропейских диалектов, ср. Топоров/Трубачев 1962 : 171, 176, 197 и др.; Трубачев 1968 : 152—158 (ср. при этом анатолийские гидронимы на -ḫar-, см. выше, стр. 861); *Ромен* (ср. лит. *Armenā*); *Армено* в области Триента; древнеевропейские *Armenta*, *Armantia*, ср. Трубачев 1968 : 209; группа гидронимов на -ква типа *Мираква*, *Иква*, сопоставляемые с иллирийскими и балтийскими (ср. *Ikva* в Западной Венгрии), Трубачев 1968 : 62—67.

Характерно, что древние индоевропейские гидронимы сохраняются за мелкими реками и притоками крупных рек, тогда как сами крупные реки переименовываются при появлении новых этнических групп, ср. иранские названия крупных рек Восточной Европы (*Дон*, *Днепр*, *Днестр* и др.).

Недостаточная изученность в историческом аспекте древнейшей гидронимии Приволжья и Средней Азии не позволяет в настоящее время полностью выявить возможные следы прохождения древних индоевропейцев через эти области.¹

¹ Особую проблему представляет вопрос о возможности переноса некоторых переднеазнатских названий рек в Восточную Европу при посредстве носителей “древнеевропейских” диалектов. В этом отношении представляет исключительный интерес распространенный в Северном Причерноморье гидроним *Оврад*, *Owrad*, сопоставимый с названием ‘Евфрата’, но не признаваемый иранизмом (см. Трубачев 1968 : 94, 260).

7.6. «ВТОРИЧНАЯ ПРАРОДИНА» КАК АРЕАЛ ФОРМИРОВАНИЯ ДРЕВНЕ-ЕВРОПЕЙСКО-ВОСТОЧНОИРАНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ. «СКИФО-ЕВРОПЕЙСКИЕ» ИЗОГЛОССЫ

На подступах к причерноморским и приволжским степям, которые представляли ареал концентрации шедших с востока индоевропейских племен, могли происходить и контакты с реннеиранскими диалектами. В этом отношении представляет особый интерес ряд слов, а также мифологических мотивов, общих у восточноиранских языков с «древнеевропейскими» диалектами, так называемые «скифско-европейские изоглоссы», см. Абаев 1965;

Др.-исл. *ql*, др.-англ. *ealu* (англ. *ale*), др.-сакс. *alo-* 'пиво'; прус. *alu*, лит. *alūs* 'пиво', ст.-слав. *olŭ*, др.-рус. *оль*, *олуй*: осет. *ælūton* 'пиво', Абаев 1949, I : 338—347; 1958, I : 129—131;

Лат. *uirga* (<**uis-ga*) 'прут', 'хворостина', слав. *věcha* 'шит' (из **uejsa*): осет. *wis/wes* 'прут', 'хворостина', Абаев 1965 : 20—21;

Лат. *armus* 'предплечье', 'лопатка', гот. *arms* 'рука', др.-в.-нем. *arm* (нем. *Arm*), др.-англ. *earm* (англ. *arm*), ст.-слав. *ramo* 'плечо': осет. *arm* 'рука', памир. вахан. *yurt*, йидга *yārmē* (Абаев 1958, I : 68; 1965 : 30—31). Обнаружение слова в памирских языках может указывать на большую древность контактов между «древнеевропейскими» диалектами и иранским еще в Средней Азии;

Лат. *grānum*, др.-ирл. *grán*, гот. *kairn*, прус. *syrne*, лит. *žirnis*; афган. *zəna* (из **zr̥na-ka*) 'зерно', Абаев 1965 : 13. Слово может свидетельствовать о более ранних контактах восточноиранских и «древнеевропейских» диалектов на территории Средней Азии;

Лат. *portus* 'гавань', *angi-portus* 'узкий проход', галл. *ritu-* 'брод', др.-в.-нем. *furt* 'брод', др.-англ. *ford*, др.-исл. *fjörðr* 'фиорд', 'небольшая морская бухта': осет. *fürd/ford* 'большая река', скиф. *Πόρρατα* 'река Прут', авест. *pərətu-* 'переход', 'брод', 'мост'. Восточноиранское заимствование из «древнеевропейского» лексического обозначения перехода через водоем, см. выше, стр. 673;

Др.-в.-нем. *lahs* (нем. *Lachs*), др.-исл. *lax* 'лосось', прус. *lasasso* 'лосось', лит. *lāšis* 'лосось': осет. *læsæg* 'лосось', ср. тох. *laks* 'рыба'. В специальном значении 'лосось' (вместо возможного первоначального значения 'пятнистая рыба', ср. выше, стр. 536) слово является общим для «древнеевропейских» диалектов и восточноиранского (осетинского). Такое значение этого слова могло естественно возникнуть в тех областях, где водится 'лосось' — в районах, прилежащих к Аральскому или Каспийскому морям. Тохарский показывает смещение значения в сторону 'рыба' вообще;

Ст.-слав. *přsati* 'писать', лит. *piěšti* 'чертить', 'писать'; осет. *fysyn* 'писать', согд. *'py'st-* 'украшенный'; тох. А *pik-*, *pek-*, В *pik-*, *paik-* 'писать'. Семантическая инновация в балто-славянском, восточноиранском и тохарском при сохранении древнего значения 'украшать', 'рисовать' в части древнеиранских диалектов (ср. авест. *raēs-* 'украшать'), древнеиндийском

(др.-инд. *piṁśāti* ‘украшает’), латинском (*pingō* ‘рисую’, ‘раскрашиваю’). Такое специфическое новое значение слова могло возникнуть в части “древнеевропейских” диалектов, восточноиранском и тохарском в процессе контактов этих диалектов в Центральной Азии;

Ср. также ирл. *cercc* ‘курица’: осет. *kark* ‘курица’, памир. вахан. *kərk*, афган. *čərg* ‘петух’, тох. В *krañko* ‘петух’, см. *Wagner 1969 : 227*.

7.7. «ВТОРИЧНАЯ ПРАРОДИНА» И ПРОБЛЕМА БАЛТО-СЛАВЯНО-АРИЙСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИЗОГЛОСС

Носители “древнеевропейских” диалектов направлялись из Центральной Азии, по-видимому, повторными миграционными волнами и расселялись в промежуточном ареале Причерноморья и Приволжья, где они могли образовывать в течение определенного периода особую диалектную общность. В этом ареале они должны были прийти в соприкосновение с появившимися здесь, возможно в еще более ранний период, арийскими племенами, которые, очевидно, пришли кавказским путем (см. выше, стр. 916 и след.).

Следы такого соприкосновения “древнеевропейских” диалектов с арийским можно было бы видеть и в балто-славяно-арийских лексических изоглоссах, соотносимых с поздним хронологическим уровнем 5 диалектного членения общеиндоевропейского языка, см. выше, стр. 417:

Лит. *šyvas* ‘серо-белый’, ст.-слав. *sivŭ* ‘сивый’, ‘серый’ (масть лошади): др.-инд. *śyāvā-* ‘черно-бурый’, ‘гнедой’, авест. *syāva-* ‘черный’;

Прус. *kirsnan* ‘черный’, ст.-слав. *črŭnŭ*: др.-инд. *kṛṣṇā-* ‘черный’;

Лит. *māras* ‘мор’, ‘эпидемия’, ст.-слав. *morŭ* ‘смерть’, ‘мор’: др.-инд. *māra-* ‘смерть’;

Лит. *dēšinas*, ст.-слав. *desnŭ* ‘правый’: др.-инд. *dākṣiṇa-* ‘правый’, авест. *dašina-* ‘правый’.

Сравнительно поздний характер этих балто-славяно-арийских лексических изоглосс, соотносимых с хронологическим уровнем 5 по схеме диалектного членения индоевропейского языка, проявляется и в специфической семантике рассматриваемых слов, относящихся к специально терминологическому словарю.

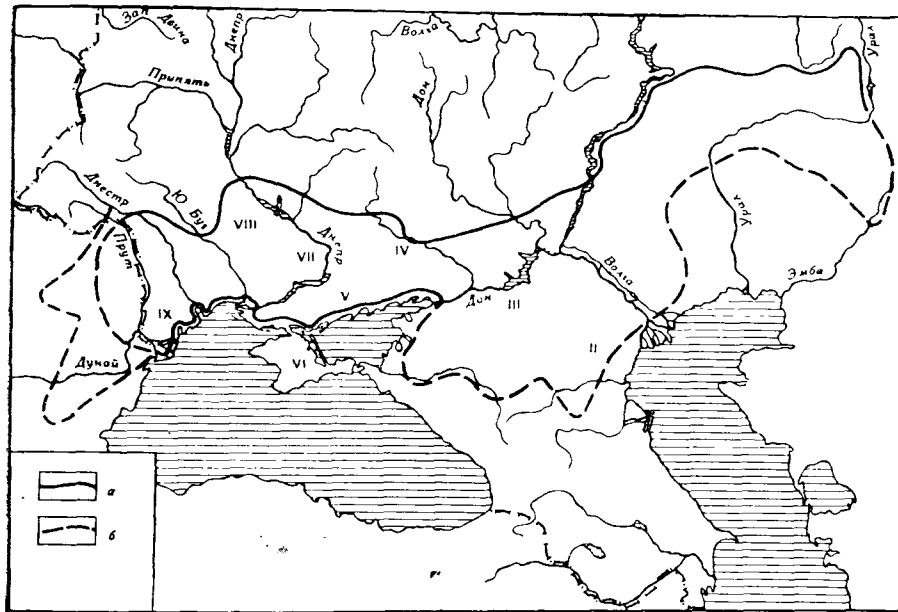
7.8. ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЕ СООТНЕСЕНИЕ «ВТОРИЧНОЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАРОДИНЫ» С КУРГАННОЙ (ДРЕВНЕЯМНОЙ) АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ ПРИУРАЛО-ВОЛЖСКИХ СТЕПЕЙ III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

Предполагаемый промежуточный ареал расселения носителей индоевропейских диалектов в таком понимании можно рассматривать как в определенном смысле “вторичную” их прародину, то есть территорию их совместного обитания на протяжении определенного времени, перед началом нового периода миграций дальше на запад.

Этот предполагаемый ареал расселения индоевропейских племен—носителей “древнеевропейских” диалектов, а также арийцев и, возможно, других индоевропейских племен, которые должны были появиться в этом

ареале к III тысячелетию до н. э., является в этот период областью так называемой «курганной» или «древнеямной» культуры.¹

Эта культура распространена на территории от Северного Причерноморья до приволжских степей и Аральского моря. Атрибуты «курганной» (древнеямной) археологической культуры, восстанавливаемые по остаткам материальных памятников, совместимы с атрибутами древней культуры, реконструируемой для индоевропейского по лингвистическим данным.

Карта 2. Древнеямная культурно-историческая область и ее варианты (ср. Мерперт 1974: 153)

«Курганная» (древнеямная) культура III тысячелетия до н. э. характеризуется наличием скотоводства и земледелия, колесных повозок, при-

¹ Уже по хронологическим соображениям было бы трудно считать более поздние слои «курганной» культуры Приволжья и Причерноморья, датирующиеся по новейшим радиоуглеродным данным III тысячелетием до н. э., культурой протоиндоевропейской — то есть культурой племен-носителей праиндоевропейского языка, и соответственно признавать этот ареал «первичной» общиндоевропейской прародиной, откуда происходили миграции древних индоевропейцев в исторические места их жительства, ср. Schmitt 1974a. Хронологически эта археологическая культура и соответственно этот ареал могут быть соотнесены именно с определенной частью расселившихся индоевропейцев (ср. также Goodenough 1970: 261; Watkins 1971: 1502), вероятнее всего, с носителями «древнеевропейских» диалектов. О хронологии древнеямной культуры см. также Thomas 1970; Мерперт 1974.

В последнее время М. Гимбутас предлагает стратиграфию с соотнесением курганной культуры I к V тысячелетию до н. э., культуры II — к концу V и первой половине IV тысячелетия до н. э. при датировке последующей культуры III концом IV тысячелетия до н. э., культуры IV — началом III тысячелетия до н. э., см. Gimbutas 1974; 1977; ср. также Mallory 1977. При неполной выясненности возможности объединения всех археологи-

менением домашней лошади как тягловой силы, развитой металлургией меди, а затем бронзы, сооружением крепостей на возвышенностях. Для этой культуры характерно уже и выделение социальных рангов, наличие предводителей племени и особого ранга воинов, наличие значительного числа религиозных символов (колесница Солнца и др.); захоронение трупов в некоторых случаях с трупосожжением, см. *Gimbutas 1968; 1973b; 1974*.

Существенным моментом в свете предлагаемой интерпретации “курганной” (древнеямной) культуры является то, что она обнаруживает связи с переднеазиатским миром, которые шли через Среднюю Азию (*Мерперт 1974*) и через Кавказ (*Gimbutas 1973 b*). На это указывают колесные повозки переднеазиатского типа, характер изделий из металла с изображениями таких животных, как львы, скипетры из диорита и других драгоценных камней и др.

Недостаточная изученность раннего бронзового века областей к югу и западу от Аральского моря¹, лежащих между ареалом ямной культуры III тысячелетия до н. э. и югом Средней Азии — Южной Туркменией IV тысячелетия, находившейся в орбите древневосточного культурного мира (ср. *Лисицына 1978 : 21 и след.*), не позволяет более полно осветить характер исторической связи между этими районами и реконструировать недостающее археологическое звено, связывающее эти культуры (ср. *Мерперт 1974; Leriche 1973*). Восстановление его, возможно, позволило бы представить непрерывную линию миграций индоевропейской культуры из ближневосточного ареала через Среднюю Азию в исторические области Восточной Европы — на новую “прародину” индоевропейцев.²

ческих культур этого широкого ареала в единую “курганную” культуру остается открытым и вопрос о точной абсолютной хронологии ее ранних периодов даже при применении радиоуглеродного метода датировки, ср. *Neustupný 1970; Schmitt 1974a; Мерперт 1974; Mallory 1976; Merpert 1977*.

Определение “курганной” культуры как собственно “протоиндоевропейской”, что утверждается *М. Гимбутас* в ее многочисленных исследованиях (ср. также *Mallory 1977*), наталкивается и на трудности, касающиеся предполагаемых ею же траекторий перемещения в пространстве племен—носителей этих культур. При утверждении у *М. Гимбутас* об исключительно западной направленности смещения этих “протоиндоевропейских” культур становится непонятным отсутствие археологически устанавливаемых следов проникновения из этого ареала в восточном и юго-восточном направлениях носителей таких древних индоевропейских диалектных объединений, как тохарский, индо-иранский (если исключить проникновение этого последнего по кавказскому пути с севера) и других.

¹ Для исследования точных путей миграций существенным представляется и палеогеологическое обследование безводной пустыни вокруг Аральского моря (в прошлом имевшего значительно меньшие размеры и более высокую соленость), ср. *Мартинсон 1976: 131—133*.

² По имеющимся уже в настоящее время в распоряжении науки археологическим данным можно предположить связь культуры Северного Ирана с центральноазиатским ареалом вплоть до Каспийского моря и далее на запад, ср. о серой керамике Северного Ирана и ее центральноазиатских связях *Deshayes 1960; 1969* (автор считает возможным сопоставить эти археологические связи с индоевропейскими миграциями), ср. о сопоставлении серой керамики Ирана, Малой Азии и Балкан *Thomas 1970*.

Следует также учитывать возможность индоевропейских переселений и водным путем (по Каспийскому морскому пути). Индоевропейская лексика, отражающая термины судоходства (ср. выше слова **erH-/*reH-* 'плавать в лодке или на корабле с помощью весел', **naH₂-* 'судно', 'лодка', **pʰl̥leu-* 'плыть на судне'), указывает на знакомство носителей этих диалектов со способами передвижения по большим водоемам. В таком случае становится понятным почти полное отсутствие археологических и ономастических следов, связывающих ареалы первоначального и более позднего расселения индоевропейских племен.

С древними индоевропейскими, а возможно и раннеиранскими миграциями, осуществлявшимися не позднее конца первой половины II тысячелетия до н. э., соотносится могильник Синташта в Южном Зауралье (поселок Рымнинский, Брединский район Челябинской области), где обнаружены захоронения людей со следами колесницы и очень обильными жертвоприношениями животных (главным образом, коней, но также быков, телят, овец, коз, собак), см. *Генинг 1977*. Некоторые детали ритуала, так же как ряды бычьих голов, имеют разительные аналогии не в иранском, а в древнеближневосточном материале начиная с Чатал-Хююка.

Рис. 20. Саймалы-Таш.
Наскальные изображения повозок

Можно также проследить траекторию движения повозок, запряженных лошадьми, из очага их возникновения на Ближнем Востоке в восточном направлении в сторону Средней Азии и далее на северо-восток по петроглифическим изображениям таких повозок и лошадей, обнаруживаемых в большом количестве в ареале от Ферганского хребта (Саймалы-Таш) и далее до Южной Сибири и Монголии и датируемых эпохой бронзы (III—II тысячелетия до н. э.), ср. *Littauer 1977; Piggott 1979; Шер 1980 : 194 и след.* Лю-

бопытно, что картина распространения колесных повозок, запряженных лошадьми, восстанавливаемая на основании географии этих наскальных изображений, совпадает в общем с предполагаемыми путями распространения носителей индоевропейских диалектов, направлявшихся из Ближнего Востока через Иранское плоскогорье в Среднюю Азию и

далее на северо-восток, к ареалу древней локализации тюрко-монгольских диалектов.

Такое предположение делает вполне вероятным, при проведении соответствующих археологических исследований, обнаружение на территории распространения петроглифических изображений колесниц, реальных остатков таких колесниц и сопутствующих предметов материальной культуры, которые должны были быть занесены в эти области мигрировавшими носителями индоевропейских диалектов.

Движение носителей индоевропейских диалектов, из которых позднее развиваются тохарские, "древнеевропейские" (и примыкавшие к ним восточноиранские) языки, осуществлялось, по всей видимости, в соответ-

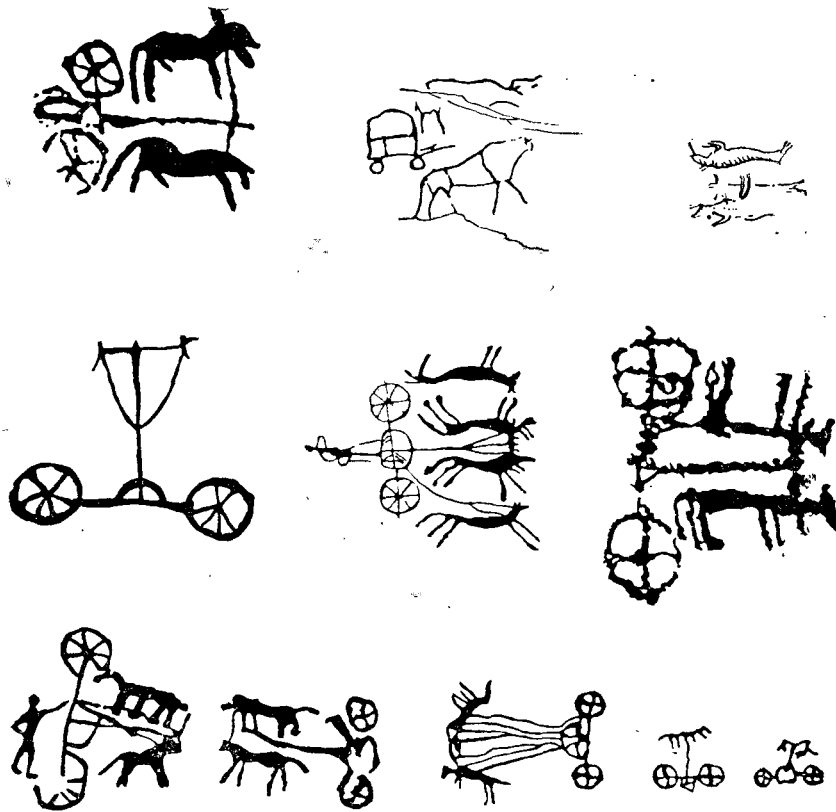

Рис. 21. Наскальные изображения повозок и колесниц из Южной Сибири и Монголии (по Шер 1980 : 197)

ствии с хозяйственными особенностями, специфическими для степной зоны Евразии после рубежа IV и III тысячелетий до н. э. В этот период хозяйство определялось прежде всего скотоводством, что требовало освоения новых территорий пастбищ и частых передвижений. В связи с этим формируются гигантские общности, внутри которых выделяются большие племенные объединения. Характер миграций при этом меняется. Осущест-

вляется быстрое перемещение больших масс населения, объединяемых в мощные (хотя и временные) племенные союзы. Миграции этого типа привели к распространению культурных и экономических достижений на огромных территориях (третья модель миграций по *Merpertу 1978 : 12—13*); ср. также *Schlerath 1973 : 18 и след.*

Представляется, что именно миграции этого типа могли привести к расселению племен—носителей тохарских, “древнеевропейских” и восточноиранских диалектов на обширных территориях евразийских степей и далее на запад в направлении к Центральной Европе к концу III тысячелетия до н. э.

В последнее время высказана гипотеза, согласно которой обширные миграции в конце III тысячелетия до н. э. (как и следующая волна миграций, связанная с “народами моря”. ок. 1200 г. до н. э.) могли быть отчасти вызваны также существенным потеплением климата, происходившим именно в это время. Сокращались (в частности и в Центральной Азии) земельные площади, пригодные для использования, что приводило к необходимости откочевания на новые территории большей части населения (ср. *Brentjes 1979*).

7.9. ПРОДВИЖЕНИЕ НОСИТЕЛЕЙ «ДРЕВНЕЕВРОПЕЙСКИХ» ДИАЛЕКТОВ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ ЕВРОПУ И ОБРАЗОВАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКОЙ ГИДРОНИМИКИ. ФОРМИРОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ ДРЕВНЕЙ ЕВРОПЫ

Дальнейшее движение древних индоевропейских племен на запад, северо-запад и юго-запад, начавшееся еще в середине III тысячелетия до н. э., становится особенно интенсивным к концу III тысячелетия до н. э. К этому времени следует отнести появление культур шнуровой керамики и боевых топоров в Европе. Внутри общего типа культур шнуровой керамики в Восточной Европе выделен ряд подтипов — Среднеднепровская (*Артеменко 1967*), Подкарпатская (*Свешников 1974*), Городско-Здолбицкая, Стрижовская и другие (*Березанская 1972; 1975*). Предполагается, что как эти подтипы культур шнуровой керамики, так и близкие к ним более западные и юго-западные подтипы берут начало в восточноевропейской курганной культуре (ср. *Gimbutas 1973b : 185—186; Thomas 1970 : 208*; ср. уже *Sulimirski 1968*, а также *Childe 1950 : 151*).

Движение носителей “древнеевропейских” диалектов из областей Северного Причерноморья в западном направлении можно определить и по типам захоронений, обнаруживаемых в Европе, и их символике, совпадающей с носителями “курганной” или “древнеямной” культуры (ср. *Kraig 1978*).

Траекторией движения носителей “древнеевропейских” диалектов с Востока на Запад (из Центральной Азии в Европу) можно было бы объяснить и целый ряд иммунологических явлений, наблюдаемых исторически в миграционной картине Евразийского континента. Допущение того, что древние индоевропейцы долго обитали в определенной области Перед-

ней Азии, подверженной воздействию инфекционных заболеваний и в особенности чумы, имевшей египетский (африканский) очаг (см. выше, стр. 831), могло бы разъяснить позднейшую географию распространения того типа популяции, который иммунологически мало подвержен этому заболеванию: он идет “клином” от Центральной Азии к Восточной Европе, постепенно уменьшаясь в направлении к Западной Европе. Характерно, что чума восточноазиатского происхождения повлияла на население Европы (если исключить Грецию, и в этом отношении примыкавшую к Древнему Востоку) только в эпоху “переселения народов”, когда опасной стала *Pasteurella pestis mediaevalis* (ср. *Le Roy Ladurie 1978 : 51*). Иначе говоря, носители “курганной” или “древнеямной” культуры не занесли чумы в Европу при движении с Востока на Запад. Это можно объяснить только допущением того, что этнос, из которого происходят носители этой культуры, задолго до этого прошел соответствующий длительный иммунологический отбор, подвергаясь систематическому воздействию древних эпидемий чумы.

Характерно, что в “древнеевропейских” диалектах и в греческом представлено название ‘сурка’, ‘суслика’, ‘землеройки’, являющейся опасным носителем этой инфекции: лат. *sorex*, латыш. *susuris*, болгар. *съсар* (редупликация), греч. *βραξ*; дублетная форма с *-l-* вместо *-r-* типа рус. *суслик*, болгар. *съсел*, возможно, проникла и в тюркский. Следует отметить, что связь ‘землеройки’ со ‘смертью’, предполагаемая захоронениями землероек в могилах жриц уже в Чатал-Хююке, сохраняется и далее в греческо-эгейско-малоазийском ритуальном комплексе (ср. *Grégoire 1949*).

Такое проникновение индоевропейских племен в Центральную и Западную Европу из областей их “вторичного расселения” в Причерноморье и Приволжье приводит к образованию особой общности племен уже на территории Центральной Европы. Относительная пестрота культур II тысячелетия до н. э. сменяется единообразием к началу I тысячелетия до н. э., когда в Центральной Европе формируется единая культурная общность сначала Унетичкой культуры, затем — полей погребальных урн (*Gimbutas 1965 : 296—355*).

С этой единой археологической культурой соотносятся ареалы распространения пракельтов (Верхний Рейн), праиталиков (в области вокруг Альп), иллирийцев (на юго-востоке Европы и на востоке до южной Польши, ср. *Milewski 1964; Malinowski 1974*), прагерманцев — в Центральной Европе, балтов и славян — к востоку от германцев и северу от иллирийцев, ср. *Седов 1976 : 85—86; Bosch-Gimpera 1968; Birnbaum 1973; Тоар 1977*.

С этой единой археологической областью лингвистически соотносится также территория “древнеевропейской” гидронимии, общность которой устанавливается благодаря совпадению большого числа основ и суффиксов: ср. формы на *-a* (*Alba, Ara, Ava*), *-na* (*Adrana, Albina, Regana*), *-ma* (*Alma, Arma*), *-ma/ena* (*Almana, Warmena*), *-ra* (*Alara, Visara*), *-ntia* (*Alantia, Arantia, Avantia*), *-mantia* (*Armantia*), *-sa, -sia* (*Amisia, Varisia*) и др. (ср.

Krahe 1954: 58; 1968 [1957]: 435 — 436; Dauzat et al. 1978: 18; Tischler 1977a: 26). Характерно, что многие из этих гидронимов проявляют близость к гидронимам древней Анатолии; ср. также совпадение центральноевропейского (кельто-иллирийского) топонима *Arlape, Erlaf* (*Топоров 1975-1: 102*) с хет. *Ḫaraṣḫapaš*, иллирийского *Serapilli*, балтийско-прус. *Serap-ppe, Serappin, Sarape* (*Топоров 1977: 94*) с хет. *Suranḫapaš* (при вед. *Hariyūrīyā*, иран. *Haliāb, Ariob* и т.п.). При огромных территориальных и хронологических дистанциях, отделяющих друг от друга носителей различных индоевропейских диалектов, тем не менее, все еще сохраняются древнейшие модели образования названий мест и водоемов, унаследованные еще из праиндоевропейского языка.

Носители этих «древнеевропейских» диалектов, появляющиеся компактно в Центральной Европе, наслаиваются на местные культуры, постепенно их ассимилируя. Вначале еще остаются отдельные островки древних культур; некоторые из них сохраняются на протяжении раннего бронзового века.

Остатками этих неиндоевропейских племен на севере Пиренейского полуострова, заселявших некогда весь Европейский континент, и могут быть современные баски, язык которых чудом устоял перед натиском и экспансией в историческую эпоху индоевропейских языков — потомков «древнеевропейских» диалектов (ср. *Wilbur 1980*).

В последнее время высказано предположение о большой древности некоторых доиндоевропейских культур Западной Европы¹, послуживших субстратом для культур индоевропейских пришельцев. Языки носителей этих культур проявляются в субстратной лексике, обнаруживаемой в исторических «древнеевропейских» языках (ср. *Hubschmid 1960; 1963; 1965*).

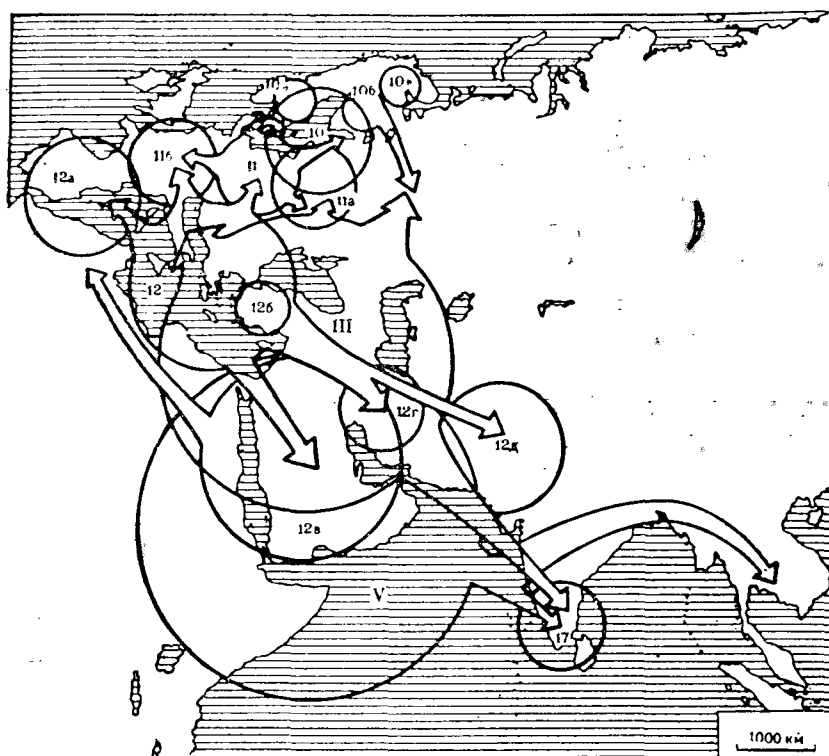
Отличительной особенностью этих доиндоевропейских культур в прибрежной полосе на всем протяжении от Скандинавии до Средиземноморского ареала (южные оконечности Норвегии и Швеции, Дания, Оркнейские острова, Ирландия, Великобритания, Голландия, северонемецкие земли; далее к югу — Бретань, юго-западная Франция, запад и юг Пиренейского полуострова; Северная Африка; острова Средиземноморья, западный Кавказ) является наличие особых мегалитических сооружений культового назначения — дольменов, менгиров, кромлехов, ср. *Маркович 1978*; см. карту распространения мегалитических сооружений там же, стр. 312. Предполагалось, что западноевропейская мегалитическая культура возникла под влиянием импульсов, шедших из Восточного Средиземноморья (ср. *Daniel 1941; 1958*). Однако радиоуглеродные датировки последнего времени, обнаруживающие глубокую древность мегалитических сооружений на Пиренейском полуострове и в Бретани (ок. V—IV тысячелетий до н. э., *Renfrew C. 1974; 1976*) ставят под сомнение такое предположение (ср. *Хазанов 1978: 17*), заставляя по-новому интерпретировать вопросы соотношения различных локальных разновидностей древних мегалитических культур.

¹ См. о хронологии древней Западной Европы по данным радиоуглеродного анализа *Renfrew C. 1974; 1976*.

8. ДИФфуЗИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ТИПОВ В ЕВРАЗИИ В СООТНЕСЕНИИ С КАРТИНОЙ МИГРАЦИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ПЛЕМЕН

8.1. ДИФфуЗИЯ ДРЕВНЕГО ПЕРЕДНЕАЗИАТСКОГО АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА В ЗАПАДНОЙ АЗИИ И ЕВРОПЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ЭТНИЧЕСКОГО СМЕШЕНИЯ

Неиндоевропейские языковые субстраты автохтонного населения древней Европы содействуют постепенному отдалению друг от друга проникших сюда “древнеевропейских” диалектов и образованию отдельных кельтской, италийской, иллирийской, германской, балтийской, славянской языковых групп, между которыми были еще возможны контакты и возникновение общих лексических изоглосс, отраженных на схеме диалектного членения, см. выше, стр. 416 и след., хронологический уровень 6.

Карта 3. Очаги расообразования на территории Европы, Передней и Южной Азии и предполагаемые пути расселения древнейших человеческих коллективов (по Алексеву 1974 : 237)

Представленная картина траекторий переселения племен—носителей праиндоевропейского языка в новые места их обитания на Евразийском континенте из первоначального очага их расселения в пределах Передней

Азии и их контактов с носителями других языков коррелирует в известной мере с устанавливаемой антропологически картиной миграций и смешения рас в Западной Евразии, см. *Карту 3* распространения антропологических типов.¹

Антропологически устанавливается восточносредиземноморский балкано-кавказский очаг расообразования с центром, тяготеющим к Малой Азии (*Алексеев 1974 : 224—225*). В частности, вокруг этого очага выделяется переднеазиатская группа популяций, широко представленная и по древним памятникам Передней Азии (*Luschan 1911; Бунак 1927; Field 1961*). Можно предположить, что этот антропологический тип (характеризующийся резко выраженной брахицефалией, усиленным развитием волосяного покрова на лице и теле, своеобразной формой носа, ср., например, изображения такого антропологического типа на хеттских рельефах) характеризовал на определенном хронологическом уровне контактировавшие между собой племена древнего ближневосточного ареала, включая Южный Кавказ, Малую Азию и Северный Иран (*Абдушеливили 1966*).

Отсюда этот антропологический тип с определенными изменениями распространяется в Афганистан (в частности Нуристан, *Herrlich 1937*) и Северную Индию (так называемая индо-афганская раса, *Дебец 1967*). С этим антропологическим типом связан и тип древнего населения Средней Азии эпохи бронзы и современный памиро-ферганский тип (*Алексеев 1974 : 222—223*).

Восточносредиземноморский тип представлен и на территории Европы, где он смешивается с более древними типами — северным, южным, а также центрально-восточноевропейским с монголоидной примесью (*Алексеев 1974 : 225—241*).

8.2. КОНЕЧНЫЕ ЭТАПЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ МИГРАЦИЙ В II—I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯХ ДО Н. Э.

Конечным этапом интенсивных переселений и распространения носителей древних индоевропейских диалектов является обнаруживающееся во второй половине II тысячелетия до н. э. давление части «древнеевропейских» племен на юго-восточные области Европы — Балканы (а несколько позднее и на Аппенинский полуостров). На Балканах они вступают во взаимодействие с обитавшими там ранее (после древнего переселения из Малой Азии) носителями индоевропейских диалектов — древнебалканского «фракийского», а также фригийского, македонского и дорийского диалекта греческого языка. В результате этих позднейших контактов возникают фракийско-иллирийские языковые образования типа албанского, включившие в себя значительный пласт иллирийского «древнеевропейского», ср. *Pisani 1959; Десницкая 1968; Solta 1980*.

С другой стороны, давление с севера приводит в движение обосновавшиеся ранее на Балканах индоевропейские диалекты (дорийский, фри-

¹ К обзору предшествующих антропологических теорий в связи с индоевропейскими миграциями см. *Devoto 1962 : 47 и след.*

гийский), которые начинают перемещаться на юг Балкан в материковую Грецию (дорийское нашествие¹) или в Малую Азию (фригийцы). Эти интенсивные перемещения больших масс населения включаются в общее движение народов Восточного Средиземноморья, отраженное в египетских источниках как нашествие “народов моря” (Kimmig 1964). Это нашествие и привело к гибели около 1200 г. Хеттского государства и Микенской Греции (ср. Deger-Jalkotzy 1977 : 62 и след.; 1978 : 28 и след.).²

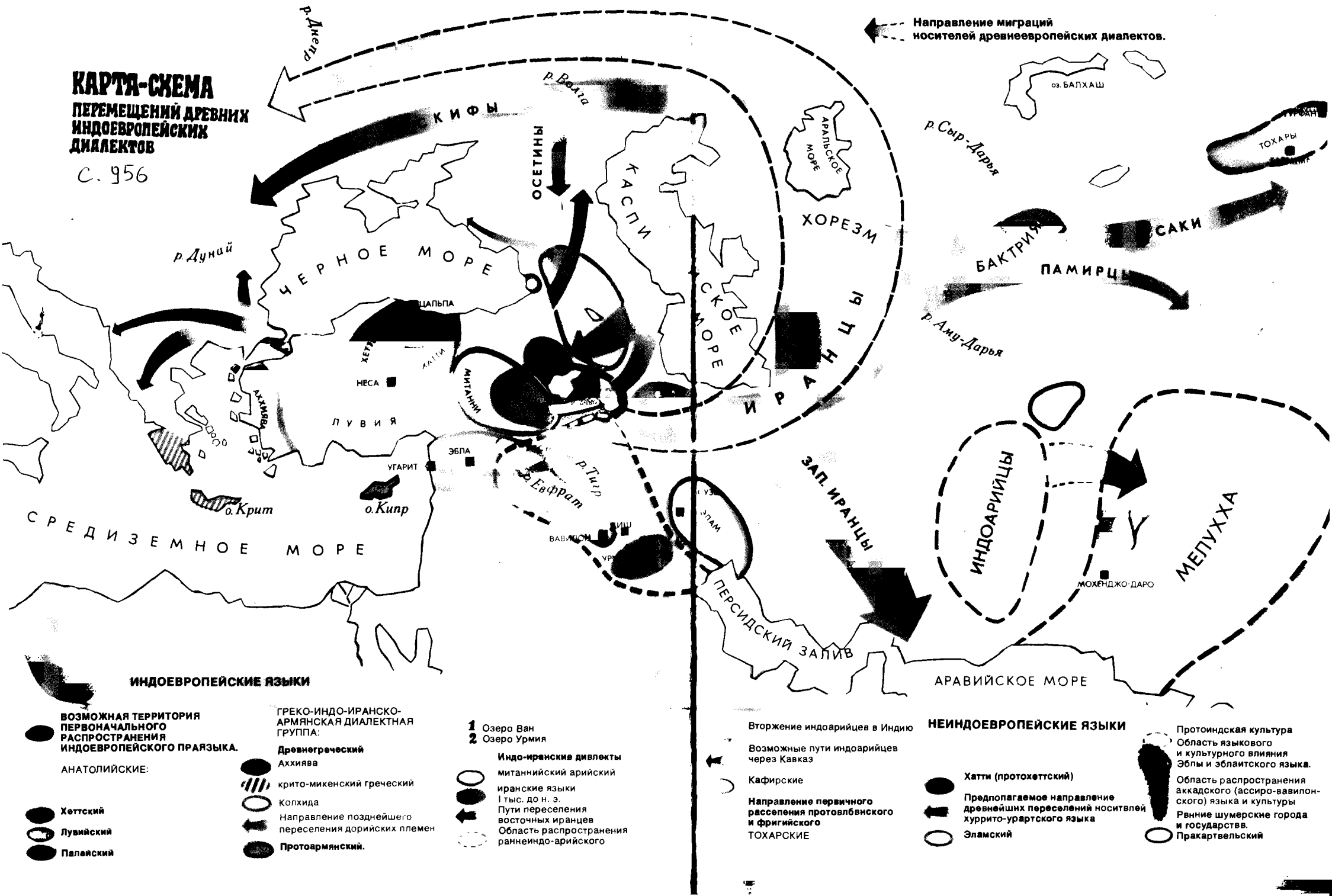
Описанные выше миграции индоевропейских племен с первоначальных мест их обитания на Ближнем Востоке и в Передней Азии, их переселение на новые места обитания и взаимодействие с исконным населением этих областей (см. выше Карту—Схему перемещений древних индоевропейских диалектов) привели к распространению древних индоевропейских диалектов на обширных пространствах Евразийского континента и к возникновению того географического распределения отдельных индоевропейских языков, которое и устанавливается к началу исторического периода (см. Карту исторического распределения языков Евразии, стр. 427).

¹ Этой точке зрения противостоит тезис, согласно которому никакого “дорийского нашествия” с севера не было, а “дорийцы” (греч. Δωριεῖς) с самого же начала жили в Микенской Греции совместно с другими греческими племенами, будучи в социальном отношении “подчиненным” населением страны, которая управлялась “микенской аристократией”, говорившей на особом “микенском диалекте” греческого языка. Этим и объясняется близость дорийского диалекта к микенскому. Само название Δωριεῖς ‘дориец’ увязывается с микенским греческим словом *do-e-ro* (ион.-аттич. δούλος) ‘служитель’, ‘раб’ (ср. Szemerényi 1982a). С принятием этого тезиса отпала бы необходимость допущения раннего отделения дорийцев, направившихся предположительно на Балканы, от остальной массы греческих племен, мигрировавших с востока на запад через Малую Азию в области их исторического расселения на Пелопоннесе и островах Эгейского моря (ср. выше, стр. 900₁).

² По поводу “народов моря” и последовавшего за их нашествиями “темного периода” в истории Ближнего Востока и Эгейского мира см. также материалы специального симпозиума по различным аспектам (историческому, археологическому, лингвистическому и др.) этой проблемы, изданные отдельным томом в серии «Публикаций комиссии по микенологии» Австрийской Академии Наук: Griechenland, die Ägäis und die Levante während der “Dark Ages” vom 12. bis zum 9. Jh. v. Chr. [Akten des Symposiums von Stift Zwettl, 11. — 14. Oktober 1980, hrsg. von Sigrid Deger-Jalkotzy (Veröffentlichungen der Kommission für Mykenische Forschung, Bd. 10. Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse. Sitzungsberichte, 418. Band, Wien 1983)].

КАРТА-СХЕМА ПЕРЕМЕЩЕНИЙ ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ

С. 956

← Направление миграций носителей древнеевропейских диалектов.

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

- ВОЗМОЖНАЯ ТЕРРИТОРИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА.**
- АНАТОЛИЙСКИЕ:**
- Хеттский
 - Лувийский
 - Палайский

- ГРЕКО-ИНДО-ИРАНКО-АРМЯНСКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ГРУППА:**
- Древнегреческий**
- Аххиява
 - крито-микенский греческий
 - Колхида
 - Направление позднейшего переселения дорийских племен
 - Протоармянский.

- 1** Озеро Ван
2 Озеро Урмия
- Индо-иранские диалекты**
- митанийский арийский
 - иранские языки
 - 1 тыс. до н. э.
 - Пути переселения восточных иранцев
 - Область распространения раннеиндо-арийского

- Вторжение индоарийцев в Индию
- Возможные пути индоарийцев через Кавказ
- Кафирские
- Направление первичного расселения протовлбвнского и фригийского**
- ТОХАРСКИЕ

НЕИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

- Хатти (протохеттский)
- Предполагаемое направление древнейших переселений носителей хуррито-урартского языка
- Эламский

- Протоиндская культура**
- Область языкового и культурного влияния Эблы и эблайтского языка.
- Область распространения аккадского (ассиро-вавилонского) языка и культуры
- Равнины шумерские города и государств.
- Пракартвельский

The decision to reject one paradigm is always simultaneously the decision to accept another, and the judgment leading to that decision involves the comparison of both paradigms with nature and with each other.

“Решение отвергнуть одну парадигму всегда предполагает одновременно решение о принятии другой, и соображения, ведущие к такому решению, означают как сопоставление обеих парадигм с природой вещей, так и сравнение их друг с другом”.

Thomas S. Kuhn, *The structure of scientific revolutions.*

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

За время подготовки настоящей книги к печати и процесса ее печатания появился целый ряд работ, выдержанных в духе излагаемой нами лингвистической и культурно-исторической теории, а также первые критические отклики на предварительные публикации авторов. Не ставя перед собой задачи детальной оценки и разбора всех многочисленных появившихся работ, имеющих прямое или косвенное отношение к излагаемой в этой книге теории, считаем необходимым тем не менее коснуться основных из них с целью отразить в какой-то степени существующие взгляды на излагаемую авторами концепцию реконструкции индоевропейского праязыка и протокультуры и доисторических миграций индоевропейских диалектов.

Следует отметить, что уже первые публикации авторов, посвященные пересмотру индоевропейской фонологической системы, в частности подсистемы консонантизма, вызвали оживленную дискуссию в кругу специалистов, в ходе которой появились работы, исходящие из предложенной новой теории фонологической системы протоиндоевропейского языка. Появление этой теории было, очевидно, естественным следствием наметившейся в сравнительно-историческом языкознании тенденции к переоценке с типологической точки зрения предлагавшихся праязыковых построений, что было стимулировано в теоретическом языкознании уже ставшим классическим докладом Р. О. Якобсона на VIII Международном конгрессе лингвистов в Осло в 1957 г. Не случайно поэтому, что почти одновременно с авторами и, очевидно, независимо от них аналогичную теорию выдвинул американский лингвист П. Хоппер (*Hopper 1973*) и французский ученый А. Одрикур (*Haudricourt 1975; ср. также Hagège/Haudricourt 1978: 165 и след.*), предложившие систему праиндоевропейского консонантизма, хотя и несколько отличную (в отношении фонологической интерпретации звонких придыхательных и глухих смычных) от обосновываемой в настоящей книге, но лежащую в русле аналогичных предпосылок. Эту новую теорию вслед за одним из самых ранних ее сторонников и продолжателей — американским исследователем А. Бомхардом — стали именовать в специальной литературе “Глоттальной теорией”. Сам А. Бомхард по этому поводу писал: “Глоттальная теория выделяется как самый значительный вклад в реконструкцию индоевропейской фонологической

¹ Характерно, что в своих последующих работах и в особенности в последней статье П. Хоппер (*Hopper 1982*) в сущности принимает нашу фонетическую интерпретацию серий II и III индоевропейских смычных в качестве соответственно звонких придыхательных и глухих придыхательных.

кой системы на протяжении нашего столетия. Ее единственная возможная соперница — ларингальная теория — возникла в последние десятилетия прошлого века” (*Bomhard 1979: 80*). В этом же смысле в последнее время высказались *Г. Бирнбаум (Birnbauм 1978)* и *Э. Поломэ*, предполагающий, что “Глоттальная теория” означает пересмотр реконструированной фонологической системы индоевропейского праязыка, представляющий собой “самое радикальное изменение, предложенное со времени появления Ларингальной теории” (*Polomé 1982: VIII*).

Известный австрийский лингвист *М. Майрхофер* — один из крупнейших современных индоевропейцев — историю развития индоевропейских штудий рассматривает как процесс постепенного отхода от древнеиндийской модели, как “десанскритизацию” (*Entsanskritisierung*) модели праиндоевропейского языка. В этом процессе автор выделяет пять последовательных этапов развития: *Шлегель—Шлейхер* — “Закон палатализации” — “Ларингальная теория” — “Глоттальная теория” (*ср. Mayrhofer 1983*).

Вполне естественно поэтому, что новая теория сразу же нашла последователей и продолжателей, исходящих в своих построениях из реинтерпретированной системы праиндоевропейского языка. В частности, немецкий лингвист *Р. Нормье (Normier 1977)* предлагает оригинальную интерпретацию германской фонологической системы (включая и “Закон Вернера”) на базе “Глоттальной теории” в ее варианте, полностью совпадающем с моделью, излагаемой в настоящей книге. Голландский лингвист *Ф. Кортландт* в своих уже многочисленных публикациях на эту тему интерпретирует классические “фонетические законы” и некоторые недавно отмеченные закономерности в развитии индоевропейских диалектов при допущении “глоттализированных” согласных. При этом его интерпретации в некоторых случаях, в частности в истолковании “Закона Лахмана” (*Kortlandt 1977*), согласуются с предложенными авторами настоящей книги толкованиями. Любопытно, что *Ф. Кортландт*, трактуя некоторые закономерности долготно-акцентуационных отношений в балто-славянском в свете постулирования глоттализированных согласных, считает, что предлагаемая им интерпретация может служить таким же фактическим доказательством “Глоттальной теории”, каким для “Ларингальной теории” послужило обнаружение в хеттском *Е. Курловичем* согласного *ḫ*, соотносимого с постулированными *Соссюром* “сонантическими коэффициентами” (*Kortlandt 1979*). В этом отношении представляет интерес и предложенная *П. Хоппером* интерпретация признака звонкости в др.-инд. *pībati* ‘пьет’ при греч. *πῖναι* ‘пей!’, *πῖσις*, лат. *pōtus* ‘питье’ и др. (*Hopper 1982: 133*). При истолковании одной из “ларингальных” фонем как глоттальной смычки /ʔ/, можно допустить, что индоевропейский корень **p^hleʔ-* ‘пить’ в нулевой ступени давал последовательность **pʔ-*, которая отождествлялась с “глоттализированной” лабиальной смычной, развившейся

в дальнейшем аналогично глоттализированным согласным, в частности, озвончаясь в древнеиндийском: *p^hli-p^h-e-t^hli ⇒ др.-инд. *pí-b-a-ti*.¹

По аналогии с *centum/satəm*-ной классификацией индоевропейских диалектов П. Х о п п е р предлагает ареальную классификацию по признаку отражения в них “глоттализированных” (Серия I) в виде глухих или соответствующих звонких согласных, называя ее классификацией по языкам *decem* и языкам *taihun* (в соответствии с отражением в них индоевропейской формы *t^hek^hl^hm ‘десять’, с начальной глоттализированной фонемой *t^h-), Норрег 1981.

При постулировании глоттализированных смычных в праиндоевропейском становится возможным, как показала И. Меликишвили, вывести структурную черту индоевропейского корня, в частности “принцип сонорности” строения двусогласного корня, согласно которому в структуре корня существует некоторая тенденция к равновесию по степени сонорности начального и конечного согласного. В этом проявляется еще одна структурная особенность индоевропейского корня, сближающая ее типологически со структурой корня в общекартвельском (Меликишвили И. 1980).

Индоевропейская “Глоттальная теория” с самого же начала нашла сторонников и среди отечественных исследователей (ср. *Нерознак 1981*). Принимаются также попытки отдельными исследователями привести данные “Глоттальной теории” в соответствие с собственным пониманием праиндоевропейской фонологической структуры, в частности в вопросах взаимодействия реконструируемых праиндоевропейских тонов с тремя сериями индоевропейской системы консонантизма (ср. *Герценберг 1981*).

Принятие новой модели индоевропейского консонантизма влечет за собой естественным образом необходимость полного пересмотра сложившихся в классическом индоевропейском языкознании выводов относительно формирования фонологических систем индоевропейских диалектов и диалектных объединений. Такой пересмотр предполагает реинтерпретацию традиционно принятой картины развития звуковой системы индоевропейского праязыка и его диалектов, то есть полную замену традиционных идей и представлений об их доисторическом развитии. Классическая парадигма сравнительно-исторического индоевропейского языкознания заменяется в таком случае на новую парадигму, в свете которой все траектории фонетических трансформаций индоевропейской праязыковой системы приобретают противоположную традиционной направленность.²

¹ В этой связи следовало бы отметить работу Э. Сэпиро о “глоттализированных” сонантах в индоевропейском (*Sapir 1938*), в которой так называемые “долгие сонанты” *ḡ, *ḷ, *ḡ̃, *ḷ̃, возникновение которых было связано еще Соссюром с действием “сонантических коэффициентов” в последовательности *ḡN, *ḷN, *ḡ̃N, *ḷ̃N, интерпретируются Сэпиром фонетически как *ḡ', *ḷ', *ḡ̃', *ḷ̃'.

² Строго определяемое понятие “парадигмы” применительно к истории развития научной мысли было введено в науку Томасом Куном (*Kuhn 1970*). Несмотря на целый ряд возражений против применения этого понятия в истории науки (и в особен-

По этому поводу американский лингвист Ф. Б о л ь д и (*Baldi 1981 : 52—53*) замечает: “Ясно, что глоттальная теория представляет собой новую парадигму в индоевропейском языкознании, сравнимую по масштабам с ларингальной теорией, и принятие этой теории приведет к необходимости полного пересмотра всех основ индоевропейского языкознания... Тот факт, что это потребует радикальной переработки всех словарей и руководств, так же как и отмены таких освященных временем общепринятых положений, как “Закон Гримма” и армянское передвижение согласных, не может служить оправданием для того, чтобы от этой теории отказаться”.

На сегодняшний день — по прошествии более десяти лет со времени первой публикации в 1972 г. предложенной авторами системы индоевропейского консонантизма (*Гамкрелидзе/Иванов 1972*) — лишь часть индоевропейцев (главным образом младшего и среднего поколений) высказалась определенно в пользу “Глоттальной теории”. Другая же часть специалистов весьма осторожна в своих суждениях и высказываниях, что субъективно вполне объяснимо и лишний раз подтверждает характер “Глоттальной теории” как новой **П а р а д и г м ы** в индоевропейском сравнительно-историческом языкознании. Старшее поколение специалистов обычно неохотно отказывается от старых идей и представлений и предпочитает продолжать как бы по инерции работать в русле традиционной и поэтому более привычной парадигмы даже тогда, когда становятся очевидными слабые стороны и противоречивый характер этой последней. В этой связи могут представить определенный интерес соображения П. Х о п п е р а по поводу возможной стратегии поведения этой части специалистов по сравнительно-историческому индоевропейскому языкознанию (*Hopper 1982 : 129—130*): “Будут ли они пытаться показать, что факты, приводимые при обосновании теории, неправильны (ограничения, налагаемые на структуру корня, дистрибуция фонемы *b, морфофонемные характеристики индоевропейских звонких, частотное распределение смычных по месту образования)? Будут ли они утверждать, что эти факты хотя и верны, но не имеют отношения к делу или же что они совместимы с другими типологическими данными? Будут ли они утверждать, что теория вероятна, но применима к “прединдоевропейскому” и поэтому она может спокойно не приниматься во внимание индоевропейцами? Будут ли они подвергать сомнению самый метод “внешней” (типологической) реконструкции в надежде на то, что внутрен-

ности в лингвистике, *ср. Percival 1976*), понятие “парадигмы” в несколько модифицированном виде представляется нам тем не менее весьма плодотворным для общей характеристики этапов развития науки вообще, в том числе и лингвистической (*ср. Koerner 1980*).

¹ П. Х о п п е р имеет в виду высокую частотность традиционной звонкой лабиовелярной *g^w по сравнению со звонкой придыхательной g^wh и глухой k^w, *ср.* по статистике Г. Жюкуа (*Jacquois 1966*): звонкие звонкие придыхательные глухие

Лабиальные	0	129	149
Лабиовелярные	37	12	18

Такие частотные соотношения могут быть только объяснены фонетическими особенностями глоттализированных лабиовелярных согласных, выделяющихся более высокой частотностью по сравнению со звонкими и глухими лабиовелярными (*Hopper 1982 : 129*).

ние данные не смогут поддержать эту теорию? С другой стороны, возможно, те, кто работает в соответствии с традиционной парадигмой, сочтут менее обременительным пройти мимо фундаментального пересмотра старых положений, предложенного в течение последнего десятилетия, в надежде на то, что эти нововведения исчезнут незамеченными (что весьма маловероятно) или (что еще менее вероятно) предложенные преобразования системы, будучи принятыми все более расширяющимся кругом ученых, не будут иметь существенных последствий для формирования наших взглядов относительно праиндоевропейского языка". Авторы настоящей книги надеются, что подробное изложение в ней этой теории и следствий, которые можно получить относительно индоевропейской фонологической структуры и диалектного развития, приведшего к формированию исторических индоевропейских языков, будет содействовать всестороннему рассмотрению теории и выводов, из нее вытекающих, в свете новой парадигмы.

"Глоттальная теория" в настоящем исследовании увязывается с проблематикой "Ларингальной теории", с вопросом о количестве "ларингальных" фонем в праиндоевропейском и их рефлексов в исторических индоевропейских языках. Авторы развивают в нем тот вариант "Ларингальной теории", который излагался ими в их ранних работах по этим проблемам (ср. Гамкрелидзе 1960; Gamkrelidze 1968; Иванов 1965) с тремя первоначальными "ларингальными" фонемами H_1 , H_2 , H_3 , определявшими тембр и долготу соответственно гласных [$*e$, $*a$, $*o$] и слившихся в одну общую "ларингальную" фонему $*H$ после фонологизации $/*e *a *o/$. Именно такой вариант "Ларингальной теории", постулирующий три (но не более) изначально противопоставлявшиеся друг другу "ларингальные" фонемы фрикативной артикуляции, становится господствующим в новейших исследованиях (помимо указанной в книге литературы см. в особенности Peters 1980, где дается оригинальная и исключительно интересная трактовка греческих рефлексов изначально трех "ларингальных" фонем, символизируемых знаками h_1 , h_2 , h_3 ; ср. также Adrados 1981; Lindeman 1982).

Морфологическая и синтаксическая структуры протоиндоевропейского языка, являющиеся объектом исследования в грамматических главах первой части настоящей книги, осмысляются в ней с общетипологических позиций с учетом особенностей диахронической типологии. Авторы с удовлетворением отмечают, что аналогичный подход приводит к некоторым совпадающим результатам в ряде работ последнего времени. Это касается в первую очередь проблемы эргативной и активной структур, которая стала в последние годы одной из центральных для грамматической типологии и теоретического языкознания (ср. Dixon 1979). Общая характеристика грамматической структуры индоевропейского праязыка в виде бинарно противопоставляемых групп именных и связанных с ними глагольных форм близка к некоторым из выводов недавней книги У. Шмальстига, отражающей новый подход автора к проблемам индоевропейской морфосинтаксической структуры (Schmalstieg 1980). Еще более близкое совпадение с предлагаемым авторами описанием морфологических структур индоевропейского языка (вплоть до используемой терминологии метаобозначе-

ний) можно обнаружить в работах К. Шилдса, посвященных реконструкции именных классов и их маркеров (*Shields 1977; 1978*) и глагольных форм (*Shields 1981a*). Ряд других совпадений с опубликованными в последние годы работами как по грамматике (морфологии и синтаксису), так и по фонологии, был отражен в самой книге, в которую уже после написания основного текста дополнительно вносились соответствующие библиографические указания.

Особое оживление в науке последних лет наблюдается в отношении проблематики языка как выразителя культуры его носителей, что и представляет основной объект исследования во *Второй части* книги. Эта проблематика увязывается в настоящем исследовании с вопросом о первоначальной территории распространения индоевропейского языка и перемещениях индоевропейских диалектов на исторические территории их распространения в соответствии с первоначальными миграциями носителей этих диалектов. Эта традиционная проблематика классического индоевропейского сравнительно-исторического языкознания получает в свете современных исследований новое освещение и связывается с проблемами этногенеза исторических носителей индоевропейских диалектов и постепенного распространения этих диалектов на обширных территориях Евразии.

Предлагаемая в настоящем исследовании гипотеза о первоначальной территории распространения общиндоевропейского языка, определяемая ареалом Передней Азии, и в частности регионом на стыке юго-восточной части Малой Азии и Северной Месопотамии примерно в сфере распространения халафской археологической культуры V тысячелетия до н. э., находит, как нам кажется, все более явные подтверждения в свете вновь открываемых археологических и культурно-исторических фактов, которые еще не могли быть учтены авторами в процессе написания основного текста исследования.

Халафская археологическая культура, согласно раскопкам последних лет, характеризуется и ритуалом трупосожжения (*Мерперт/Мунчаев 1982*), что, как было показано выше, является одним из основных отличительных признаков индоевропейского погребального обряда.

Не только в предполагаемом ареале распространения общиндоевропейской культуры, соотносимом в пространственно-временном измерении с халафской археологической культурой, но и на промежуточных территориях, через которые могли осуществляться предполагаемые миграции носителей индоевропейских диалектов, обнаруживаются опубликованные в последнее время археологические, языковые и культурно-исторические факты, которые могут быть истолкованы как подтверждение предполагаемых траекторий движения этих диалектов. В этом отношении важный материал можно найти в сборнике трудов симпозиума по “Этническим Проблемам Истории Центральной Азии в Древности”. Особый интерес в этом “Сборнике” вызывает статья венгерского ученого Я. Харматты, который и ранее занимался проблемой индоевропейской прародины. Я. Харматта в своей статье (*Harmatta 1981*), где, как и в работе В. И. Абалева (*1981*), дается хронологическая стратификация иранских заимствова-

ний в угро-финских и других языках, останавливается на ряде индоевропейско-северокавказских лексических связей, которые истолковываются им как “протоиранские”, свидетельствующие о наличии ранних контактов (около 4000 лет до н. э.) между “протоиранцами” и носителями северокавказских языков. Подобные факты могли бы быть приведены в соответствии и с принимаемым в настоящей книге предположением о движении части индо-иранских племен из Передней Азии через Закавказье на Северный Кавказ.

Противоположной точки зрения относительно траектории движения индо-иранцев не с юга на север, а с севера на юг через Закавказье придерживаются в опубликованных в последнее время работах, в частности, такие ученые, как Р. Г и р ш м а н (1981) и Х. Т о м а с (Thomas 1982 : 64 и след.). Эта траектория движения индо-иранцев в области Передней Азии предполагает в качестве ареала распространения общеиндоевропейского языка территорию Северного Причерноморья и низовьев Волги с последующим проникновением индо-ариев и иранцев в Переднюю Азию через Закавказье при дальнейшем движении их с запада на восток на территории их исторического расселения (ср. также Бонгард-Левин/Грантовский 1983 : 155 и след.)¹. Именно движение с запада на восток в исторические места их расселения предполагается и нами в свете излагаемой гипотезы о первоначальной территории индоевропейской “прародины” в пределах Передней Азии. В этом смысле наша гипотеза и гипотезы Г и р ш м а н а и Т о м а с а в равной степени противопоставляются точке зрения о проникновении индо-ариев и иранцев в исторические места их расселения с севера, из ареала Средней Азии. В последнее время против такой точки зрения были приведены дополнительные археологические аргументы (см. Сараниди 1981 ; ср. Гиришман 1981). Эти аргументы, наряду с лингвистическими и культурно-историческими, указывают скорее на движение ираноязычных племен в Среднюю Азию с юго-запада на север (что подтверждается и позднейшим направлением последующих миграций иранцев вплоть до исторического времени), а не в обратном направлении — из Средней Азии в исторические места их расселения на Иранском плоскогорье и соседних территориях.

Именно этой последней точки зрения на проникновение индо-иранских племен с севера из Средней Азии, что противоречит всему комплексу лингвистических и культурно-исторических данных, разбираемых в настоящем исследовании, придерживается И. М. Дьяконов в своей пространной статье (Дьяконов 1982), написанной еще до выхода настоящей книги специально в ответ на предварительные публикации авторов (Гамкрелидзе/Иванов 1980—1981). Приводимый И. М. Дьяконовым “аргумент березы” (наличие названий ‘березы’ в кафирском и дардском, ср. в книге выше, стр. 619 и след., где указывается отражение названия ‘березы’ и в древнеиндийском) совместим с альтернативным положением о движе-

¹ К обзору более ранней литературы см. Дандамаев/Луконин 1980 : 39 и след.

нии индо-иранцев именно из Передней Азии (где 'береза' засвидетельствована палеоботанически) в восточном направлении. Поэтому "аргумент березы" не может однозначно быть использован для доказательства движения с севера из Средней Азии.

При рассмотрении этого и других подобных аргументов И. М. Дьяконов исходит из тезиса о том, что для сохранения определенного слова объект, обозначаемый этим словом, должен обязательно наличествовать на всем протяжении пути исторических миграций соответствующих племен. Но такая предпосылка, используемая И. М. Дьяконовым и в дальнейшем в его возражениях общей картине движений носителей "древнеевропейских" диалектов через Среднюю Азию, сама нуждается в обосновании и показе ее на конкретном языковом материале. Между тем исторические примеры свидетельствуют о необязательной правильности этого тезиса в каждом конкретном случае. Это объясняется с точки зрения теории языка тем, что языковой знак необязательно должен сочетаться с денотатом как с реально существующим объектом, а может соотноситься в принципе с "означаемым", не имеющим денотата в виде конкретного объекта. То, что "древнеевропейские" языки сохранили название 'березы' при миграциях из Передней Азии в Европу через Среднюю Азию, вовсе не может служить аргументом против этого пути миграций, поскольку слово для 'березы', уже существовавшее в языке, могло сохраняться и в промежуточный период нахождения носителей языка на других территориях. В таких случаях слова или выражают прежнее значение, чему может способствовать сохранение фольклорных, в частности мифологических текстов, включающих данные слова, или же приобретают новое значение в зависимости от экологической среды (многочисленные примеры такого развития приведены выше при рассмотрении индоевропейских названий растений и животных). С лингвистической точки зрения показательно, что названия 'березы' (и 'вяза'), восходящие к (финно-)угорским (ср. венг. *nyír* [fa] [n'irfa]), были сохранены в венгерском при миграции его носителей из Центральной Азии (возможно, из района между Нижней Волгой и Аральским морем). Поскольку направление миграций совпадает с предшествующими миграциями, предполагаемыми для носителей индоевропейских диалектов "древнеевропейской" группы, уже одного сопоставления с венгерским достаточно для опровержения тех контраргументов, которые были выдвинуты в связи с названием 'березы'. В этой связи небезынтересно коснуться также названия 'бобра' в иранских языках. Характерно, что в тексте "Авесты", создание которой обычно относят к Средней Азии, сохранены мифологические и правовые представления о роли 'бобра' как священного животного богини Анахиты, хотя 'бобер' как реальное животное на берегах Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи отсутствовал (ср. *Гиришман 1981 : 143*; ср. рассмотренные выше примеры сохранения названия и мифологической значимости 'леопарда' в "древнеевропейских" языках). Это лишний раз свидетельствует о том, с какой осторожностью следует подходить к толкованию связи слова с денотатом и выведению только на этом основании (без учета всех других культурно-исторических факторов)

заклучений, связанных с установлением путей миграций носителей определенных диалектов.

Можно с удовлетворением отметить, что И. М. Дьяконов, в последние годы начавший использовать аналогичные применяемым в настоящей книге методы определения первоначальной территории по лексическим данным применительно к “афразийской прародине” (см. *Diakonoff 1981*), отошел от не критически принимавшейся им ранее северо европейской “буково-лососевой” прародины индоевропейцев и в настоящее время отстаивает тезис о “балканской” их прародине, тем самым сближаясь с точкой зрения авторов, которые вводит и Балканы в широкий ареал возможного первоначального расселения индоевропейских племен, определяемый предварительно на основании подробного рассмотрения реконструируемых лексических данных, см. выше, стр. 867—870.

Однако в окончательных выводах исследования Балканы в качестве первоначальной исходной территории расселения исключаются нами по ряду дополнительных аргументов, прежде всего языкового, а также культурно-исторического и археологического характера. Показательно, что именно эти языковые факты — наличие заимствованной лексики, объединяющей праиндоевропейский с прасемитским и пракартвельским, а также с некоторыми другими языками Передней Азии, и свидетельствующей об историческом контактировании этих языковых систем в определенном ареале в пределах Передней Азии — и отвергаются И. М. Дьяконовым. При этом И. М. Дьяконов проявляет исключительный гиперкритицизм при оценке семитско-индоевропейских и картвельско-индоевропейских лексических соотношений, диктуемый, по-видимому, его предвзятой/концепцией относительно индоевропейской прародины, связываемой на настоящем этапе развития идей И. М. Дьяконова с Балканами. Как же иначе расценить нежелание признать общность происхождения в результате исторических контактов таких, к примеру, лексем, как и.-е. **Has[ʰ]ler-* ‘звезда’ и сем. **at[ʰ]tar-* ‘обожествленная звезда’ и ряда других? (ср. об этих формах подробнее выше, стр. 871 и след.). В общелингвистической [теории заимствований] давно уже установлено, что при заимствовании из одного языка в другой не происходит точного воспроизведения значения и звучания заимствованного слова, которое часто преобразуется под влиянием системы заимствующего языка и соответствующих культурно-исторических условий. Связь значений ‘звезда’ ~ ‘обожествленная (утренняя) звезда’ настолько естественна при заимствовании, что эти семантические различия не должны были бы служить, как нам кажется, основанием для отрицания исторической связи этих слов. Во всяком случае, по поводу каждого из разбираемых в тексте семито-индоевропейских и картвельско-индоевропейских сопоставлений можно привести столько же, если не больше, формальных и содержательных доводов в пользу, сколько автор критической статьи приводит аргументов против. Но даже если ограничиться теми формами, которых И. М. Дьяконов допускает (шум. *urudu* ‘медь’: и.-е. **reud[ʰ]*-; сем. **ʔawr-* ‘бык’: и.-е. **[ʰ]auro-*; сем. **ʔarn-* ‘por’: и.-е. **k[ʰ]r-n-*; сем. **gadj-*

‘козленок’: и.-е. *g^hlajit’-; сем. *wajn- ‘вино’; и.-е. *ue/ojno-), то и их достаточно, чтобы заставить предположить наличие определенных исторических контактов между этими языками. Ссылка на какой-то неопределенный “общий третий источник”, конечно, (не) может спасти положения.

Почему авторы настоящей книги в своих окончательных выводах исключают Балканы и территорию распространения древнебалканской культуры из возможного ареала первоначального обитания индоевропейских племен?

Прежде всего, следует принять во внимание археологически устанавливаемые траектории исторического движения древнебалканской культуры: они ориентированы главным образом в южном направлении. После гибели древнебалканской культуры (распространенной в ареале от современной Венгрии на западе до Днепра на востоке в IV тыс. до н. э.), ее продолжения (в частности, в металлургии и в системах письменных знаков) обнаруживаются на юге Балкан и в Эгейском мире на Крите и Кикладских островах (ср. Gimbutas 1982: 17 и след.)¹ Нет движения этой культуры в восточном направлении за пределы ее первоначального распространения — к Кавказу и Волге, где следовало бы предположить миграции индо-иранских племен, если исходить из Балкан как территории первоначального распространения общеиндоевропейского языка и древнебалканской культуры как культуры его носителей. Более того, нет движения этой культуры и на запад Европы, куда бы следовало вывести с Балкан носителей “древнеевропейских” диалектов, если исходить из предположения о балканской прародине древних индоевропейцев. Западная и Центральная Европа еще долго спустя после гибели древнебалканских культур в IV тысячелетии до н. э. остается неиндоевропейской, возможно вплоть до II тысячелетия до н. э., когда начинается постепенное распространение по Европе “древнеевропейских” диалектов — процесс “индоевропеизации” Европы (см. также Tovar 1982). Остается, следовательно, непонятным, где находились носители индоевропейских диалектов после гибели древнебалканской культуры, следы которой не обнаруживаются ни на западе, ни на востоке от этой культуры, и откуда должны были прийти при таком допущении во II тысячелетии до н. э. в Центральную и Западную Европу носители “древнеевропейских” диалектов.²

¹ Можно предположить, что именно эта древнебалканская письменность послужила основой для доиндоевропейских письмен Эгейского мира, в частности для критской иероглифики и линейной письменности А, неиндоевропейский характер языка которой не вызывает сомнений у большинства исследователей, ср. Neumann 1957; Гамкрелидзе 1980.

² Следует отметить, что предполагаемые в статье И. М. Дьяконова и обозначаемые на приложенных к ней картах траектории движения носителей диалектов (не) находят подтверждения с точки зрения археологического, культурно-исторического, а также топонимического материалов, относящихся к соответствующим регионам. В частности, остается ничем не подтверждаемым гипотетическое движение пратохарского и индо-иранского с территорий современной Румынии в северо-восточном направлении через Днепр.

Все эти хронологические, палеогеографические и культурно-исторические трудности снимаются при локализации праиндоевропейского языка в определенном ареале Передней Азии и выведении носителей “древнеевропейских” диалектов из Восточной Европы в ареал от Северного Причерноморья до Волги и Приуралья, куда эти диалекты должны были попасть в результате перемещений через Среднюю Азию. Именно с этих территорий носители “древнеевропейских” диалектов, культура которых археологически соотносима с “курганной” или “древнеямной” культурой, распространяются в более западном направлении. Ранние волны этих миграций и приводят, очевидно, к гибели древнебалканской культуры IV тысячелетия до н. э. (ср. Gimbutas 1982 : 18 и след.). При этом носители “древнеямной” культуры постепенно проникают на Балканы (ср. Титов 1982 : 138). Позднее эти племена распространяются на север и запад, разрушая мегалитические культуры исконных доиндоевропейских обитателей Европы, следы которых сохраняются лишь на крайне западной периферии (ср. Tovar 1982).

При всех остающихся до сих пор неясными вопросах, требующих дальнейших исследований и уточнений (в частности, археологических “белых пятен” на территории Средней Азии, особенно ее пустынных и северных частей), трудности археологического, культурно-исторического и лингвистического планов, все еще сохраняющиеся при предполагаемой нами локализации общеиндоевропейского праязыка в пределах Передней Азии и миграций носителей индоевропейских диалектов, оказываются менее существенными, чем перечисленные выше непреодолимые трудности, возникающие при альтернативных решениях вопроса, включая и гипотезу о “балканской прародине индоевропейцев”. Авторы надеются, что дальнейшие исследования в этом направлении устранят остающиеся трудности, связанные с гипотезой относительно “азиатской прародины индоевропейцев” и путей их миграций из Передней Азии в исторические места обитания на Евразийском континенте.

Еще менее оправдано помещение в Центральной Европе на всем протяжении с севера на юг уже в III тысячелетии до н. э. носителей “балто-славянского”, “германского”, “кельтского”, “италийского” (см. на карте-схеме 2 в статье И. М. Дьяконова соответственно стрелки 2, 3, 4, 5). В этом, как и в некоторых других случаях, особенно отчетливо проявляется некоторая произвольность предлагаемых И. М. Дьяконовым схем миграций носителей индоевропейских языков, возникающая в результате неучета новейших данных археологии и культурной истории Евразии. Что же касается стрелки 11 на этой карте, показывающей движение “протоармянского” из центра Малой Азии на восток, то именно в этом пункте, вызывающем наибольший полемический пыл у автора критической статьи, мы не видим особенно существенных расхождений с предлагаемой в книге точкой зрения, по которой протоармяне выделнились из греко-армяно-арийской диалектной общности, сместившейся до этого в западном направлении с первоначальной территории расселения общеиндоевропейских племен. Отсюда уже обособившиеся после отделения греческого и арийского “протоармяне” мигрируют в восточном направлении на территорию исторического их расселения, где они наслаиваются на хуррито-урартский этнический субстрат (см. выше, стр. 912 и след.).

БИБЛИОГРАФИЯ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЦИТИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АБАЕВ В. И.

1945. Древнеперсидские элементы в осетинском языке (*ИРАНСКИЕ ЯЗЫКИ*, I, Москва — Ленинград : Изд-во АН СССР).
1949. Осетинский язык и фольклор, I, Москва—Ленинград : Изд-во АН СССР.
- 1958; 1973 — 1979. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I, Москва — Ленинград : Изд-во АН СССР; тт. II и III, Ленинград : «Наука».
1962. Культ «семи богов» у скифов (*ДРЕВНИЙ МИР. Сборник статей академику Василию Васильевичу Струве*, Москва : 445—450).
1965. Скифо-европейские изоглоссы. *На стыке Востока и Запада*, Москва : «Наука».
- 1973а. О вариативности сонантов (*FOLIA LINGUISTICA. Acta Societatis Linguisticae Europaeae*, t. VI, 1/2 : 185—196).
1981. Доистория индоиранцев в свете арно-уральских языковых контактов (*Этнические Проблемы Истории Центральной Азии в Древности*), Москва : «Наука» : 84—89).

АБДУШЕЛИШВИЛИ М. Г.

1966. К краниологии древнего и современного населения Кавказа, Тбилиси : «Мецниереба».

АЛБАРОВ Б. А.

1968. Легендарное колесо нартских сказаний (*Известия Северо-Осетинского Научно-Исследовательского Института*), т. XXVII, Орджоникидзе : 142—180).

АЛЕКСЕЕВ В. П.

1974. География человеческих рас, Москва : «Мысль».

АЛЕКСЕЕВ Ю. Е. и др.

1971. Травянистые растения СССР, т. 1—2, Москва : «Мысль».

АЛЕКСЕЕНКО Е. А.

1960. Культ медведя у кетов (*СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ*, № 4 : 90—104).

АНДРЕЕВ М. С., ПЕЩЕРЕВА Е. М.

1957. Ягнобские тексты. С приложением «Ягнобско-русского словаря», составленного М. С. Андреевым, В. А. Лившицем и А. К. Писарчик, Москва—Ленинград: Изд-во АН СССР.

АНДРЕЕВ Н. Д.

1957. Периодизация истории индоевропейского праязыка (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 2 : 3—18).

АНДРЕЕВА М. Д.

1977. К вопросу о южных связях майкопской культуры (*СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ*, № 1 : 39—57).

АНДРОНИКАШВИЛИ М. К.

1966. Очерки по ирано-грузинским языковым взаимоотношениям, I, Тбилиси: Изд-во Тбил. Гос. Ун-та.

[«ნარკვევები ირანულ-ქართული ენობრივი ურთიერთობიდან», I, თბილისი].

АРДЗИНБА В. Г.

1979. Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков (*ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ СБОРНИК*. История и Филология Стран Древнего Востока, Москва. «Наука»: 26—37).

1982. Ритуалы и мифы Древней Анатолии, Москва: «Наука».

АРТЕМЕНКО И. И.

1967. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы (*«Материалы и Исследования по Археологии СССР»*, № 148, Москва: «Наука»).

АФАНАСЬЕВ А.

1865. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов, I—III, Москва: Изд-во К. Солдатенкова.

АХВЛЕДИАНИ Г. С.

1949. Основы общей фонетики, Тбилиси: Изд-во Тбил. Гос. Ун-та.

[«ზოგადი ფონეტიკის საფუძვლები», თბილისი].

1960. Сборник избранных работ по осетинскому языку, I, Тбилиси: Изд-во Тбил. Гос. Ун-та.

АЧАРЯН Гр.

1971—1979. Этимологический коренной словарь армянского языка, I-II-III-IV, Ереван: Изд-во Ереванск. Ун-та.

[«Հայերեն Արմատիկան Բառարան», Երեվան].

БАРДАВЕЛИДЗЕ В. В.

1957. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен, Тбилиси: Изд-во АН ГССР.

БАРРОУ Т.

1976. Санскрит (Перевод с английского. Редакция и комментарий Т. Е. Елизаренковой), Москва : «Прогресс».

БАРТОЛЬД В. В.

1925. Коран и море («Записки Коллегии Востоковедов при Азиатском Музее Российской Академии Наук», т. 1, Ленинград : 106—110).

БАРХУДАРОВ С. Г. (ред.)

1975. Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. 1 и след., Москва : «Наука».

БАХТИН М. М.

1963. Проблемы поэтики Достоевского, Москва : «Советский писатель».

БЕЛИЋ А.

1932. Словенски инјунктив у вези са постанком словенског глаголског вида («Глас Српске краљевске Академије», CXVIII, други разред, књ. 76, Београд).

БЕНВЕНИСТ Э.

1955. Индоевропейское именное словообразование (Перевод с французского. Редакция, предисловие и примечания Б. В. Горнунга), Москва: Изд-во иностр. лит-ры.
1959. Тохарский и индоевропейский («Тохарские Языки». Сборник статей под редакцией и с вступительной статьей В. В. Иванова, Москва : 90—108).
1961. Проблемы армянского консонантизма (ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ, № 3 : 37—39).
1965. Очерки по осетинскому языку (Перевод с французского. Предисловие В. И. Абаева), Москва : «Наука».
1974. Общая лингвистика (Перевод с французского. Под редакцией, с вступительной статьей и комментарием Ю. С. Степанова), Москва : «Прогресс».

БЕНДУКИДЗЕ Н. А.

1973. Хеттский миф о Телепину и его сванские параллели (ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ. Кавказско-Ближневосточный Сборник, Тбилиси : 95—100).

БЕРГ Л. С.

1955. Природа СССР, Москва : Изд-во АН СССР.

БЕРЕЗАНСКАЯ С. С.

1972. Средний период бронзового века в Северной Украине, Киев: «Наукова Думка».
1975. О земледелии в культурах шнуровой керамики на Украине («Памятники Древней Истории Евразии», Москва: «Наука» : 192—198).

- БЖАНИЯ Ц. Н.
1973. Из истории хозяйства и культуры абхазов (*Исследования и материалы*), Сухуми : «Алашара».
- БИБИКОВА В. И.
1967. К изучению древнейших домашних лошадей Восточной Европы (*Бюллетень Московского Общества Испытателей Природы*). Отдел биологический, т. LXXII, вып. 3: 106—118).
1969. До истории domestикації коня на Південному Сході Європи (*АРХЕОЛОГІЯ*, т. XXII: 55—67).
- БЛАВАТСКАЯ Т. В.
1966. Ахейская Греция, Москва : «Наука».
1976. Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура, Москва : «Наука».
- БОГАТЫРЕВ П. Г.
1971. Вопросы теории народного искусства, Москва : Изд-во «Искусство».
- БОГОЛЮБСКИЙ С. Н.
1959. Происхождение и преобразование домашних животных, Москва : «Советская Наука».
- БОНГАРД-ЛЕВИН Г. М., ГРАНТОВСКИЙ Э. А.
1983. От Скифии до Индии. *Древние арии: мифы и история*, Москва : «Мысль».
- БОРОДИЧ В. В.
1963. К вопросу о значении перфекта в болгарском языке (*СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ*. Сборник статей, вып. 4 : 3—31).
- БУНАК В. В.
1927. *Старая Армения*. Исследование по антропологии Передней Азии (*Труды Антропологического Научно-Исследовательского Института при МГУ*), вып. II, Москва).
- ВАВИЛОВ Н. И.
1959—1965. Избранные труды (в пяти томах), Москва — Ленинград: Изд-во АН СССР.
- ВАЙАН А.
1952. Руководство по старославянскому языку (*Перевод с французского. Под редакцией и с предисловием В. Н. Сидорова*), Москва: Изд-во иностр. лит-ры.
- ВАЙНШТЕЙН С. И.
1975. Картинная галерея Сыын-Чюрека (*ПРИРОДА*, № 5).
- ВАСИЛЬЕВ И. Б.
1979. Лесостепное Поволжье в эпоху энеолита и ранней бронзы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Москва (Институт Археологии АН СССР).

ВАСИЛЬЕВ Л. С.

1976. Проблемы генезиса китайской цивилизации. Формирование основ материальной культуры и этноса, Москва : «Наука».

ВИРСАЛАДЗЕ Е. Б.

1976. Грузинский охотничий миф и поэзия, Москва : «Наука».

ВЛАДИМИРЦОВ Б. Я.

1917. Анонимный грузинский историк XIV века о монгольском языке (*«Известия Российской Академии Наук»*, № 17 : 1487—1501).

— (1929) Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика, Ленинград: Изд-во Ленингр. Вост. Ин-та.

ВЫГОТСКИЙ Л. С.

1960. Развитие высших психических функций, Москва : Изд-во Акад. Педаг. Наук.

ГАЗОВ-ГИНЗБЕРГ А. М.

(1974) Символизм прасемитской флексии. *О безусловной мотивированности знака*, Москва : «Наука».

ГАМКРЕЛИДЗЕ Т. В.

1957. Местоимение *so, *sā, *tod и «индо-хеттская» гипотеза Э. Стертеванта (*«Сообщения АН ГССР»*, XVIII, № 2 : 241—246).

1959. Сибилянты соответствия и некоторые вопросы древнейшей структуры картвельских языков, Тбилиси : Изд-во АН ГССР. [«სიბილანტთა შესატყვისობანი და ქართველურ ენათა უძველესი სტრუქტურის ზოგი საკითხი», თბილისი].

1959а. Клинописная система аккадско-хеттской группы и вопрос о происхождении хеттской письменности (*ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ*, № 1 : 9—19).

1960. Хеттский язык и ларингальная теория (*«Труды Института Языкознания АН Груз. ССР»*). Серия восточных языков. Сборник статей под редакцией Г. В. Церетели, Тбилиси : 15—91).

1961. Передвижение согласных в хеттском (неситском) языке (*ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ СБОРНИК. Вопросы Хеттологии и Хурритологии*, под ред. И. М. Дьяконова и Г. В. Церетели, Москва : 211—291).

1968. Дезаффрикатизация в сванском. «Правила переписывания» в диахронической фонологии, Тбилиси : «Мецниереба». [«დებუფრიკატიზაცია სვანურში. “გადაწერის წესები” დიაქრონულ ფონოლოგიაში», თბილისი].

1971. Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 2 : 19—30; № 3 : 34—48).

62 Т. В. Гамкредидзе, В. В. Иванов

1972. К проблеме «произвольности» языкового знака (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 6 : 33—39).
1974. Соотношение смычных и фрикативных в фонологической системе. К проблеме маркированности в фонологии, Москва (Институт Русского Языка АН СССР).
1977. Лингвистическая типология и индоевропейская реконструкция (*«Известия АН СССР»*. Серия литературы и языка, т. XXXVIII, № 3 : 195—200).
1979. К огласовке **ǵ* в индоевропейских корнях структуры C₁VC₂- (*BALCANICA. Лингвистические Исследования*, Москва : 69—71).
- 1979а. «Валентность» и «персональность» глагола (*«Лингвистический Сборник»*. Памяти Г. И. Мачавариани, Тбилиси. «Мецниереба»: 33—51).
[«ზმნის „პირიანობა“ და „ვალენტობა“] (საენათმეცნიერო კრებული. გივი მაჭავარიანის ხსოვნას, თბილისი)].
1980. К вопросу о системе смычных и фрикативных «минойского» языка по показаниям греческой линейной письменности класса В (*«Историчность и Актуальность Античной Культуры»*. Научная Конференция Тбилисского Гос. Университета, Октябрь, 1980 г., Тбилиси : 54—58).

ГАМКРЕЛИДZE Т. В., ИВАНОВ В. В.

1972. Лингвистическая типология и реконструкция системы индоевропейских смычных (*«Конференция по Сравнительно-Исторической Грамматике Индоевропейских Языков»* [12—14 декабря]. Предварительные материалы, Москва : 15—18).
- 1980—1981. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным (*ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ*, 1980, № 3 : 3—27); Миграции племен-носителей индоевропейских диалектов с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии (*ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ*, 1981, № 2 : 11—33).

ГАМКРЕЛИДZE Т. В., МАЧАВАРИАНИ Г. И.

1965. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. *Типология общекартвельской структуры*, Тбилиси : «Мецниереба».
[«სონანტთა სისტემა და აბლაუტი ქართველურ ენებში. საერთო-ქართველური სტრუქტურის ტიპოლოგია», თბილისი].

ГАРДЕН Ж.-К.

1983. Теоретическая археология (*Перевод с французского. Вступительная статья и редакция Я. А. Шера*), Москва : «Прогресс».

- ГАРИБЯН А. С.
1959. Об армянском консонантизме (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 5 : 81—90).
- ГЕГЕШИДЗЕ М. К.
1956. Грузинский народный транспорт, I. *Сухопутные средства перевозки*, Тбилиси : Изд-во АН ГССР.
[«ქართული ხალხური ტრანსპორტი», I. სახმელეთო საზიდი საშუალებები, თბილისი].
- ГЕНИНГ Г. В.
1977. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен (*СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ*, № 4 : 53—73).
- ГЕОРГИЕВ В. И.
1953. Три слова, обозначающие «топор», и недостатки сравнительно-исторического метода (*LINGUA ROZNANIENSIS*, IV : 109—110).
1954. Вопросы родства средиземноморских языков (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 4 : 42—75).
1958. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию (*Родственные отношения индоевропейских языков*), Москва : Изд-во иностр. лит-ры.
- ГЕРАСИМОВА И. П., ВЕЛИЧКО А. А. (ред.)
1982. Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет (Атлас—Монография), Москва : «Наука».
- ГЕРЦЕНБЕРГ Л. Г.
1972. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках, Ленинград : «Наука».
1973. Теория индоевропейского корня сегодня (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 2 : 102—110).
1981. Вопросы реконструкции индоевропейской просодики, Ленинград : «Наука».
- ГИГИНЕЙШВИЛИ Б. К.
1965. О взаимоотношении *ჯაჭვი* и *ვეჭვი* («Сообщения АН ГССР», XXXVIII, № 3 : 739—743).
1973. Общедагестанский консонантизм (*Автореферат докторской диссертации*), Тбилиси.
1977. Сравнительная фонетика дагестанских языков, Тбилиси : Изд-во Тбил. Гос. Ун-та.
- ГИНДИН Л. А.
1967. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. *Фрагмент индоевропейской ономастики*, Москва : «Наука».
- ГИОРГАДЗЕ Г. Г.
1965. «Текст Анитты» и некоторые вопросы ранней истории хеттов (*ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ*, № 4 : 87—111).
1973. Очерки по социально-экономической истории Хеттского государства (*О непосредственных производителей в хеттском обществе*), Тбилиси : «Мецниереба».
1979. О характере некоторых индоевропейско-грузинских (картвельских) языковых параллелей («*Лингвистический Сборник*». Памяти Г. И. Мачавариани, Тбилиси : «Мецниереба» : 62—69).

ГИРШМАН Р.

1981. Иран и миграции индоариев и иранцев (*«Этнические Проблемы Истории Центральной Азии в Древности»*, Москва. «Наука»: 140—144).

ГЛИСОН Г.

1959. Введение в дескриптивную лингвистику (*Перевод с английского. Редакция и вступительная статья В. А. Звегинцева*), Москва: Изд-во иностр. лит-ры.

ГОРДЕЗИАНИ Р. В.

1970. «Илиада» и вопросы истории и этногенеза древнейшего населения Эгеиды, Тбилиси: Изд-во Тбил. Гос. Ун-та.
[«ილიადა» და ეგეოსური მოსახლეობის ისტორიისა და ეთნოგენეზის საკითხები, თბილისი].

ГОХМАН И. И.

1980. Происхождение центрально-азиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов (*«Сборник Музея Антропологии и Этнографии»*. Исследования по Палеоантропологии и Краниологии СССР, вып. XXXVI, Ленинград. «Наука»: 5—34).

ГОХМАН И. И., РЕШЕТОВ А. М.

1981. О южных границах распространения североазиатских монголов в древности (*СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ*, № 6 : 78—88).

ГРАНТОВСКИЙ Э. А.

1970. Ранняя история иранских племен Передней Азии, Москва: «Наука».

ГРОМОВА В. И.

1949. История лошадей (рода Equus) в Старом Свете, ч. 1—2 (*Труды Палеонтологического Института АН СССР*, XXVII, вып. I—II), Москва—Ленинград: Изд-во АН СССР.

ГРЮНБЕРГ А. Л.

1971. Нуристан. *Этнографические и лингвистические заметки («Страны и Народы Востока»*, под общей ред. Е. А. Ольдерогге, вып. X, Москва: 264—287).
1972. Мунджанский язык. *Тексты, словарь, грамматический очерк («Языки Восточного Гиндукуша»*), Ленинград: «Наука».
1980. Язык кати. *Тексты, грамматический очерк («Языки Восточного Гиндукуша»*), Москва: «Наука».

ГРЮНБЕРГ А. Л., СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ И. М.

1976. Ваханский язык. *Тексты, словарь, грамматический очерк*, Москва: «Наука».

ГУДАВА Т. Е.

1958. Об одном виде звукоподражания в мегрельском диалекте занского языка (*«Тезисы докладов XVI Научной Сессии Института Языкознания АН ГССР»*, Тбилиси).

1964. Об одном случае регрессивной деаффрикатизации в занском (мегрело-чанском) («Сообщения АН ГССР», XXXIII, № 2 : 497—503).
- 1964а. Консонантизм андийских языков. *Историко-сравнительный анализ*, Тбилиси: Изд-во АН ГССР.
- ГУХМАН М. М.
1964. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках, Москва: «Наука».
1966. Глагол в германских языках («Сравнительная Грамматика Германских Языков», т. IV), Москва: «Наука».
- ДАНДАМАЕВ М. А.
1962. *Uvatarsiyus amariyata* Бехистунской надписи (ДРЕВНИЙ МИР. Сборник статей академику Василию Васильевичу Струве, Москва: 371—376).
- ДАНДАМАЕВ М. А., ЛУКОНИН В. Г.
1980. Культура и экономика Древнего Ирана, Москва: «Наука».
- ДЕБЕЦ Г. Ф.
1967. Антропологические исследования в Афганистане (СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ, № 4 : 75—93).
- ДЕСНИЦКАЯ А. В.
1947. К вопросу о происхождении винительного падежа в индоевропейских языках («Известия АН СССР». Отделение литературы и языка, т. VI, вып. 6 : 493—499).
1948. Архаичные черты в индоевропейском словосложении («Язык и Мышление», XI, Москва—Ленинград : 133—152).
1951. Из истории развития категории глагольной переходности (Сб. «Памяти акад. Л. В. Щербы», Ленинград : 136—144).
1968. Албанский язык и его диалекты, Ленинград: «Наука».
- 1968а. Реконструкция элементов древнеалбанского языка и общеалбанские лингвистические проблемы («Actes du Premier Congrès International des Études Balkaniques et Sud-Est Européennes», VI. Linguistique : 185—201).
- ДЖАВАХИШВИЛИ А. И.
1973. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V—III тыс. до н. э., Тбилиси: «Мецниереба».
- ДЖАВАХИШВИЛИ И. А.
1960. История грузинского народа, I, Тбилиси: Изд-во Тбил. Гос. Ун-та.
[«ქართველი ერის ისტორია», წ. I, თბილისი].
- ДЖАПАРИДЗЕ О. М.
1969. Археологические раскопки в Триалети. К истории грузинских племен во II тысячелетии до н. э., Тбилиси: Изд-во «Сабчота Сакартвело».
[«არქეოლოგიური გათხრები თრიალეთში. ქართველი გომეზის ისტორიისათვის ძვ. წ. II ათასწლეულში», თბილისი].

1976. К этнической истории грузинских племен по данным археологии, Тбилиси : Изд-во Тбил. Ун-та.
[«ქართველ ტომთა ეთნიკური ისტორიის საკითხისათვის. არქეოლოგიური მონაცემების მიხედვით», თბილისი].
- ДЖАУКЯН Г. Б.**
1960. К вопросу о происхождении консонантизма армянских диалектов (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 6 : 39—49).
1964. Хайасский язык и его отношение к индоевропейским языкам, Ереван : Изд-во АН Арм. ССР.
1967а. Взаимоотношение индоевропейских, хурритско-урартских и кавказских языков, Ереван : Изд-во АН Арм. ССР.
1967б. Очерки по истории дописьменного периода армянского языка, Ереван : Изд-во АН Арм. ССР.
- ДЖИКИЯ С. С.**
1960. Рец. на ст.: А. Ахундов, Этимология слова «Кура» (*Труды Тбилисского Государственного Университета*), 91. Серия востоковедения II : 443—449).
- ДМИТРИЕВ Н. К.**
1962. О тюркских элементах русского словаря (В кн.: *Строй Тюркских Языков*), Москва. Изд-во вост. лит-ры : 503—569).
- ДОВГЯЛО Г. И.**
1968. К истории возникновения государства. На материале хеттских клинописных текстов, Минск : Изд-во Белорусского Гос. Ун-та.
- ДОНДУА К. Д.**
1975. Статьи по общему и кавказскому языкознанию, Ленинград : «Наука».
- ДРЕВНЕТЮРКСКИЙ СЛОВАРЬ**
1969. (Редакторы: В. М. Надеяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак), Ленинград : «Наука».
- ДРЕМОВ В. А.**
1980. К вопросу о происхождении неолитического населения Верхнего Приобья (В кн.: *Палеоантропология Сибири*), Москва. «Наука»: 39—44).
- ДУЛЬЗОН А. П.**
1968. Кетский язык, Томск : Изд-во Томского Ун-та.
1971. О некоторых общностях енисейских языков с индоевропейскими (*Вопросы Языкознания и Сибирской Диалектологии*), Томск : Изд-во Томского Университета).
- ДУНАЕВСКАЯ И. М.**
1960. О структурном сходстве хаттского языка с языками Северо-Западного Кавказа (*Исследования по Истории Культуры Народов Востока*). Сборник в честь акад. И. А. Орбели, Москва—Ленинград : 73—77).

1961. Принципы структуры хеттского (протохеттского) глагола (*ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ СБОРНИК*. Вопросы Хеттологии и Хурритологии, под ред. И. М. Дьяконова и Г. В. Церетели, Москва: 57—159).
1966. Ленинградский фрагмент хеттской иероглифической надписи СІН XXIII С (*ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ СБОРНИК*, II: Дешифровка и Интерпретация Письменностей Древнего Востока, Ленинград: 97—102).
- ДЫБО В. А.
1971. О фразовых модификациях ударения в праславянском (*СОВЕТСКОЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ*, № 6: 77—84).
- ДЪЯКОНОВ И. М.
1956. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э., Москва — Ленинград: Изд-во АН СССР.
1961. Хетты, фригийцы и армяне (*ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ СБОРНИК*. Вопросы Хеттологии и Хурритологии, под ред. И. М. Дьяконова и Г. В. Церетели, Москва: 333—368).
1965. Семитохамитские языки, Москва: «Наука».
1966. Некоторые лингвистические данные к проблеме связей населения Восточного Кавказа и Закавказья с Древним Востоком в III—I тыс. до н. э. (*Материалы Семинара по Проблеме Происхождения и Формирования Азербайджанского Народа*, XII. Тезисы, Баку).
1967. Языки Древней Передней Азии, Москва: «Наука».
1968. Предыстория армянского народа (*История Армянского Нагорья с 1500 по 500 г. до н. э. Хурриты, лувийцы, протоармяне*), Ереван: Изд-во АН Арм. ССР.
1973. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности (*ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ*, № 4: 3—29).
1982. О прародине носителей индоевропейских диалектов (*ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ*, № 3: 3—30).
- ДЪЯКОНОВ И. М., ЛИВШИЦ В. А.
1960. Документы из Нисы I в. до н. э. *Предварительные работы*, Москва: Изд-во вост. лит-ры.
- ДЪЯКОНОВ И. М., НЕРОЗНАК В. П.
1977. Очерк фригийской морфологии (*BALTISTICA*, II priedas: 169—198).
- ДЪЯКОНОВ М. М.
1961. Очерк истории Древнего Ирана, Москва: Изд-во вост. лит-ры.
- ДЮМЕЗИЛЬ Ж.
1976. Осетинский эпос и мифология (*Перевод с французского. Под редакцией и с послесловием В. И. Абаева*), Москва: «Наука».
- ЕГОРОВ В. Г.
1964. Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары: Чувашское книжное изд-во.

ЕЛИЗАРЕНКОВА Т. Я.

1960. Аорист в «Ригведе», Москва : Изд-во вост. лит-ры.
 1967. Эргативная конструкция в новоиндийских языках (Сб. «Эргативная Конструкция Предложения в Языках Различных Типов». Исследования и материалы, Ленинград : 116—125).
 1972. Ригведа. *Избранные гимны*, Москва : «Наука».
 1974. Исследования по диахронической фонологии индо-арийских языков, Москва : «Наука».
 1976. Атхарваведа. *Избранное*, Москва : «Наука».
 1982. Грамматика ведийского языка, Москва : «Наука».

ЕЛИЗАРЕНКОВА Т. Я., ТОПОРОВ В. Н. ✓

1970. Мифологические представления о грибах в связи с гипотезой о первоначальном характере сомы («Тезисы Докладов IV Летней Школы по Вторичным Моделирующим Системам», Тарту : Тартуский Гос. Университет : 40—46).

ЕРНШТЕДТ П. В.

1953. Египетские заимствования в греческом языке, Москва—Ленинград : Изд-во АН СССР.

ЖИРМУНСКИЙ В. М.

1964. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков, Москва—Ленинград : «Наука».

ЗАБРОЦКИЙ Л.

1961. Замечания о развитии армянского консонантизма (ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ, № 5 : 34—45).

ЗЕЛЕНИН Д. К.

1916. Очерки русской мифологии, вып. I. *Умершие неестественной смертью и русалки*, Петроград : Типография А. В. Орлова.
 1929—1930. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии («Сборник Музея Антропологии и Этнографии», ч. I, т. VIII и ч. II, т. IX, Ленинград).

ЗЕМЦОВСКИЙ И.

1975. Мелодика календарных песен, Ленинград : Изд-во «Музыка».

ЗИНКЕВИЧЮС З. П.

1958. Некоторые вопросы образования местоименных прилагательных в литовском языке (ВОПРОСЫ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ. Институт Славяноведения АН СССР, вып. 3 : 50—100).

ЗОЛОТАРЕВ А. М.

1964. Родовой строй и первобытная мифология, Москва : «Наука».

ИВАНОВ В. В.

1958. Проблема языков septim и satəm (ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ, № 4 : 12—23).

1959. Об исследовании древнеармянской фонологической системы и ее отношении к индоевропейской (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 1 : 37—41).
1963. Хеттский язык, Москва : Изд-во вост. лит-ры.
1964. Происхождение имени Кухулина (*Проблемы Сравнительной Филологии*). Сборник статей к 70-летию В. М. Жирмунского, Москва—Ленинград. «Наука» : 451—461).
1965. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы, Москва : «Наука».
1968. Отражение двух серий индоевропейских глагольных форм в праславянском (*СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ*. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации, Москва : 225—276).
1972. Отражение индоевропейской терминологии близнечного культа в балтийских языках (*Балто-Славянский Сборник*), Москва. «Наука» : 193—205).
1974. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva-* 'конь' (*Культ коня и дерево aśvattha- в Древней Индии*) (*Проблемы Истории Языков и Культуры Народов Индии*). Сборник статей памяти В. С. Воробьева-Десятовского, Москва : 75—138).
- 1974а. Рец. на кн.: В. Сор, *Indogermanica minora* (*Известия АН СССР*). Серия литературы и языка, т. XXXIII, № 2 : 172—173).
1975. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка (*Известия АН СССР*). Серия литературы и языка, т. XXXIV, № 5 : 399—408).
- 1975а. К синхронной и диахронической типологии просодических систем с ларингализованными или фарингализованными тонами (*Очерки Фонологии Восточных Языков*), Москва : 3—58).
1976. Проблемы истории металлов на Древнем Востоке в свете данных лингвистики (*Историко-Филологический Журнал*, 4 [75] : 69—86).
1980. Проблема происхождения *и* в начальном слоге в балтийском в свете этимологических данных (*Балто-Славянские Этноязыковые Контакты*), Москва. «Наука» : 77—90).

ИВАНОВ В. В., ТОПОРОВ В. Н.

1965. Славянские языковые моделирующие семиотические системы, Москва : «Наука».
1974. Исследования в области славянских древностей, Москва : «Наука».

ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ В. М.

1961. Один из источников начального *х-* в праславянском. *Поправка к закону Зибса* (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 4 : 93—98).
1963. Именная акцентуация в балтийском и славянском. *Судьба акцентуационных парадигм*, Москва : Изд-во АН СССР.

1964. Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты («Проблемы Индоевропейского Языкознания», Москва : 3—12).
 1971—1976. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь, тт. I, II, Москва : «Наука».

ИСАЧЕНКО А. В.

1957. Morské oko — ‘небольшое горное озеро’ («*Studia Linguistica in honorem acad. S. Mladenov*», София : 313—315).

КАЛИЦ Н.

1976. Новая находка модели повозки эпохи энеолита из окрестности Будапешта (СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, № 2 : 106—116).

КАМЕНЕЦКИЙ И. С., МАРШАК Б. И., ШЕР Я. А.

1975. Анализ археологических источников (Возможности формализованного подхода), Москва : «Наука».

КАПАНЦЯН Гр.

1956. Историко-лингвистические работы (К начальной истории армян. Древняя Малая Азия), Ереван : Изд-во АН Арм. ССР.

КАРАЛЮНАС С.

1966. К вопросу об и.-е. *s после *i, u* в литовском языке (*BALTISTICA*, 1 : 113—126).

КАУХЧИШВИЛИ Т. С.

1960. Сведения Геродота о Грузии, Тбилиси : Изд-во АН ГССР.
 [«ჰეროდოტეს ცნობები საქართველოს შესახებ», თბილისი].

КАЦНЕЛЬСОН С. Д.

1936. К генезису номинативного предложения («Труды Института Языка и Мышления им. Н. Я. Марра», IV: Изд-во АН СССР).
 1947. Эргативная конструкция и эргативное предложение («Известия АН СССР». Отделение литературы и языка, т. VI, вып. I : 43—49).
 1949. Историко-грамматические исследования, I. Из истории атрибутивных отношений, Москва—Ленинград : Изд-во АН СССР.
 1958. К фонологии протоиндоевропейской языковой системы (ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ, № 3 : 46—59).
 1966. Сравнительная акцентология германских языков, Москва—Ленинград : «Наука».
 1967. К происхождению эргативной конструкции (Сб. «Эргативная Конструкция Предложения в Языках Различных Типов». Исследования и материалы, Ленинград : 33—41).

КИГУРАДZE Т. В.

1976. Периодизация раннеземледельческой культуры восточного Закавказья, Тбилиси : «Мецниереба».
 [«აღმოსავლეთ ამიერკავკასიის ადრესამიწათმოქმედო კულტურის პერიოდიზაცია», თბილისი].

КЛАРК Дж. Г. Д.

1953. Доисторическая Европа. Экономический очерк (Перевод с английского. Редакция и предисловие А. Я. Брюсова), Москва: Изд-во иностр. лит-ры.

КЛИМОВ Г. А.

1964. Этимологический словарь картвельских языков, Москва: Изд-во АН СССР.
1967. К эргативной конструкции в занском языке (Сб. «Эргативная Конструкция Предложения в Языках Различных Типов». Исследования и материалы, Ленинград: 149—155).
- 1967а. Заимствованные числительные в общекартвельском? (ЭТИМОЛОГИЯ. Материалы и Исследования по индоевропейским и другим языкам, Москва: 307—310).
1973. Очерк общей теории эргативности, Москва: «Наука».
- 1973а. Типология языков активного строя и реконструкция праиндоевропейского («Известия АН СССР». Серия литературы и языка», т. XXXII, № 5: 442—447).
1974. К происхождению эргативной конструкции предложения (ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ, № 1: 3—13).
1977. Типология языков активного строя, Москва: «Наука».
- 1977а. Картвельское *ОТХО- 'четыре' ~ индоевропейское *ОКТО- (ЭТИМОЛОГИЯ, 1975: 162—163).

КЛИМОВ Г. А., ЭДЕЛЬМАН Д. И.

1970. Язык бурушаски, Москва: «Наука».
1974. К названиям парных частей тела в языке бурушаски (ЭТИМОЛОГИЯ, 1972: 160—162).

КОБИДЗЕ Д. И.

1969. Грузино-персидские литературные связи, II, Тбилиси: Изд-во Тбил. Гос. Ун-та.
[ქართულ-სპარსული ლიტერატურული ურთიერთობანი, II, თბილისი]

КОВАЛЕВСКАЯ В. Б.

1977. Конь и всадник. Пути и судьбы, Москва: «Наука».

КОЖИН П. М.

1966. Кносские колесницы («Археология Старого и Нового Света», Москва. «Наука»: 76—81).
1968. Гобийская квадрига (СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, № 3: 35—42).
1969. К вопросу о происхождении иньских колесниц («Культура Народов Зарубежной Азии и Океании», Ленинград. «Наука»: 29—40).
1977. Об иньских колесницах («Ранняя Этническая История Народов Восточной Азии», Москва: 278—287).

КОМОРОЦИ Г.

1976. Гимн о торговле Тильмуна (*Интерполяция в тексте шумерского мифологического эпоса «Энки и Нинхурсаг»*) (*«Древний Восток»*, 2, Ереван : 5—36).

КОНОНОВ А. Н.

1980. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв., Ленинград : «Наука».

КРАУЗЕ В.

1959. Тохарский язык («Тохарские языки». *Сборник статей под редакцией и с вступительной статьей В. В. Иванова*, Москва : 39—89).

КРЕЙНОВИЧ Е. А.

1958. Юкагирский язык, Москва—Ленинград : Изд-во АН СССР.
1968. Глагол кетского языка, Ленинград : «Наука».
1969. Медвежий праздник у кетов (*«Кетский Сборник»*. Мифология. Этнография. Тексты, Москва : 6—112).

КРЮКОВ М. В.

1968. Социальная дифференциация в древнем Китае. *Опыт сравнительно-исторической характеристики («Разложение Родового Строя и Формирование Классового Общества»*. Сборник статей. Отв. редактор А. И. Першиц, Москва. «Наука» : 190—249).

КУЗНЕЦОВ П. С.

1953. Историческая грамматика русского языка. *Морфология*, Москва : Изд-во Московск. Гос. Ун-та.
1959. Очерки исторической морфологии русского языка, Москва : Изд-во АН СССР.
1961. Очерки по морфологии праславянского языка, Москва : Изд-во АН СССР.

КУЗЬМИНА Е. Е.

1974. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей (*ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ*, № 4 : 68—87).
1976. Рец. на : *Domestikationsforschung und Geschichte der Haustiere. Internationales Symposium in Budapest, hrsg. von J. Matolczi, Budapest 1973* (*ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ*, № 1 : 147—153).
1976а. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев (Сб. *«Скифо-Сибирский Звериный Стиль в Искусстве Народов Евразии»*, Москва : 52—65).
1977. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света (Сб. *«Средняя Азия в Древности и Средневековье»*, Москва : «Наука»).

КУМАХОВ М. А.

1973. Теория моновокализма и кавказские языки (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 6 : 54—67).

КУРИЛОВИЧ Е.

1946. Эргативность и стадильность в языке (*«Известия АН СССР»*. Отделение литературы и языка, т. V, вып. 5: 387—393); перепечатано в *КУРИЛОВИЧ 1962*: 122—133.

1962. Очерки по лингвистике. *Сборник статей*, Москва: Изд-во иностр. лит-ры.

КУФТИН Б. А.

1940. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии (*«Краткие Сообщения Института Истории Материальной Культуры им. Н. Я. Марра АН СССР»*, вып. VIII: 5—35).

1941. Археологические раскопки в Триалети, I, Тбилиси: Изд-во АН ГССР.

КУЧЕРА С.

1977. Китайская археология, 1965—1974 гг.: *Палеолит — Эпоха Инь*. Находки и проблемы, Москва: «Наука».

КУШНАРЕВА К. Х., ЧУБИНИШВИЛИ Т. Н.

1970. Древние культуры Южного Кавказа, Ленинград: «Наука».

ЛАТЫШЕВ В. В.

1947. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе (*ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ*, № 4: 171—289).

ЛЕВИ-БРЮЛЬ Л.

1950. Выражение притяжательной принадлежности в меланезийских языках (Сб. *«Эргативная Конструкция Предложения»*, сост. Е. А. Бокарев, Москва: Изд-во иностр. лит-ры: 208—217).

ЛЕКИАШВИЛИ А. С.

1979. К вопросу о культуре святого Георгия в Грузии (*«Лингвистический Сборник»*. Памяти Г. И. Мачавариани, Тбилиси. «Мецниереба»: 146—152).

[«წმინდა გიორგის ქართული კულტის საკითხისათვის» («საენათმეცნიერო კრებული». გივი მაჭავარიანის ხსოვნას, თბილისი)].

ЛЕМАН У. П.

1961. Об армянской системе смычных и ее соотношении с протоиндо-европейской системой (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 4: 56—59).

ЛЕНЦМАН Я. А.

1963. Рабство в микенской и гомеровской Греции, Москва: Изд-во АН СССР.

ЛИБЕРМАН А. С.

1971. Исландская просодика. *К фонологической характеристике современного исландского языка и его истории*, Ленинград: «Наука».

ЛИВШИЦ В. А.

1976. «Зороастрийский» календарь (В кн.: Э. Бикерман, *Хронология Древнего Мира. Ближний Восток и Античность*, Москва: 320—332).

ЛИВШИЦ В. А., ХРОМОВ А. Л.

1981. Согдийский язык (*«Основы Иранского Языкознания»*). Среднеиранские языки : 347—514), Москва : «Наука».

ЛИСИЦЫНА Г. Н.

1978. Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении (*Опыт исторического анализа материалов комплексных исследований на Юге СССР и Ближнем Востоке*), Москва : «Наука».

ЛИТВИНСКИЙ Б. А.

1964. Таджикистан и Индия (*Примеры древних контактов*), Сб. «Индия в Древности», Москва : 143—151.
1968. Кангюйско-сарматский фарн (*К историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии*), Душанбе : «Дониш».
1972. Курганы и курумы Западной Ферганы (*Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии*), Москва : «Наука».

ЛОМТАТИДЗЕ К. В.

1976. Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков, I. *Фонологическая система и фонетические процессы*, Тбилиси : «Мецниереба».

[«ათხაზური და აბაზური ენების ისტორიულ - შედარებითი ანალიზი, I. ფონოლოგიური და ფონეტიკური პროცესები», თბილისი].

ЛОРДКИПАНИДЗЕ О. Д.

1979. Древняя Колхида. *Миф и археология*, Тбилиси : Изд-во «Сабчота Сакартвело».

ЛУРЬЕ С. Я.

1957. Язык и культура микенской Греции, Москва—Ленинград : Изд-во АН СССР.

ЛЫТКИН В. И., ГУЛЯЕВ Е. С.

1970. Краткий этимологический словарь коми языка, Москва : «Наука».

ЛЬЮИС Г., ПЕДЕРСЕН Х.

1954. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков (*Перевод с английского. Редакция, предисловие и примечания В. Я. Ярцевой*), Москва : Изд-во иностр. лит-ры.

МАЖЮЛИС В. П.

1956. Индоевропейская десятичная система числительных (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 4 : 53—59).

МАҚАЕВ Э. А.

1961. Передвижение согласных в армянском языке (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 6 : 22—29).
1965. Язык древнейших рунических надписей. *Лингвистический и историко-филологический анализ*, Москва : «Наука».

1970. Структура слова в индоевропейских и германских языках, Москва : «Наука».

МАЛИЯ Е. М.

1970. Народно-изобразительное искусство Абхазии (*Ткани и вышивки*), Тбилиси : «Мецниереба».

МАМОНОВА Н. Н.

1980. Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии (*Сборник Музея Антропологии и Этнографии*). Исследования по Палеоантропологии и Краниологии СССР, вып. XXXVI, Ленинград. «Наука»: 60—74).

МАРКОВИН В. И.

1978. Дольмены Западного Кавказа, Москва : «Наука».

МАРР Н. Я.

1910. Вступительные и заключительные строфы «Витязя в барсовой коже» Шоты из Рустава. *Груз. текст, русский перевод и пояснения с этюдом «Культ женщины и рыцарство в поэме»* («Издания факультета восточных языков Имп. Санкт-Петербургского Университета», № 5. *Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии*, книга 12), С.-Петербург.

1910а. Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарем (*Материалы по Яфетическому Языкознанию*, VII, С.-Петербург).

1922. Яфетические названия красок и плодов в греческом (*Известия Российской Академии Истории Материальной Культуры*), т. II, Петроград : 325—331).

МАРТИНЕ А.

1960. Принцип экономии в фонетических изменениях. Проблемы диахронической фонологии (*Перевод с французского. Редакция и вступительная статья В. А. Звегинцева*), Москва : Изд-во иностр. лит-ры.

МАРТИНСОН Г. Г.

1976. Изучение истории озер (*«Вестник Академии Наук СССР»*, № 8: 131—133).

МАССОН В. М.

1966. Неолит южной Турции (*«Археология Старого и Нового Света»*, Москва : «Наука» : 161—171).

1973. Древние гробницы вождей на Кавказе (*Некоторые вопросы социологической интерпретации*) (Сб. *«Кавказ и Восточная Европа в Древности»*. Посвящается памяти Е. И. Крупнова, Москва : 102—112).

1976. Цивилизация древневосточного типа на юге Средней Азии («Памятники Культуры»). Новые открытия. Письменность, Искусство, Археология, Москва : 431—447).

МАЧАВАРИАНИ Г. И.

1965. Общекартвельская консонантная система, Тбилиси : «Мецნიერება».
[«საერთო-ქართველური კონსონანტური სისტემა», თბილისი].
1966. К типологической характеристике общекартвельского языка-основы (ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ, № 1 : 3—9).

МЕЙЕ А.

1938. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков (Перевод с французского. Под редакцией и с примечаниями Р. Шор. Вступительная статья М. Сергиевского), Москва — Ленинград : Соцэкгиз.
1951. Общеславянский язык (Перевод с французского. Предисловие Р. И. Аванесова и П. С. Кузнецова), Москва : Изд-во иностр. лит-ры.
1952. Основные особенности германской группы языков (Перевод с французского. Под редакцией, с предисловием и примечаниями проф. В. М. Жирмунского), Москва : Изд-во иностр. лит-ры.

МЕЛЕТинский Е. М.

1968. «Эдда» и ранние формы эпоса, Москва : «Наука».
1970. О семантике мифологических сюжетов в древнескандинавской (эддической) поэзии и прозе («Скандинавский Сборник», XVIII, Таллин : 145—158).

МЕЛИКИШВИЛИ Г. А.

1960. Урартские клинообразные надписи, Москва : Изд-во АН СССР.
- 1965а. К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, Тбилиси : «Мецნიერება».
[«საქართველოს, კავკასიისა და მახლობელი აღმოსავლეთის უძველესი მოსახლეობის საკითხისათვის», თბილისი].
- 1965ბ. Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии (ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ, № 1 : 3—30).
1968. О некоторых наименованиях металлов в древневосточных и кавказских языках (ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ, № 4 : 122—127).
1970. Очерки истории Грузии (в восьми томах). Том I: Грузия с древнейших времен до IV века нашей эры. Редактор тома Г. А. Меликишвили, Тбилиси : Изд-во «Сабчота Сакарთველო».
[«საქართველოს ისტორიის ნარკვევები» (რვა ტომად). ტომი I: საქართველო უძველესი დროიდან ახალი წელთაღრიცხვის IV საუკუნემდე. ტომის რედაქტორი გორგი მელიქიშვილი, თბილისი].

● **Е.ТИҚИШВИЛИ И. Г.**

1971. Отношение маркированности в фонологии. Условия маркированности в классе шумных фонем (*Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук*, Тбилиси).
1972. Отношение маркированности в фонологии (условия маркированности в классе шумных фонем). *Автореферат кандидатской диссертации*, Тбилиси.
1974. К изучению иерархических отношений единиц фонологического уровня (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 3 : 94—105).
1976. Отношение маркированности в фонологии, Тбилиси : «Мецниереба».
[«მარკირების მიმართება ფონოლოგიაში», თბილისი].
1980. Структура корня в общекартвельском и общендоевропейском (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 4 : 60—70).

● **Е.ТЬНИЧУК А. С.**

1979. О генезисе индоевропейского вокализма (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 5 : 3—16; № 6 : 3—16).

● **ЕНАБДЕ Э. А.**

1965. Хеттское общество, Тбилиси : «Мецниереба».

● **ЕРПЕРТ Н. Я.**

1974. Древнейшие скотоводы волжско-уральского Междуречья, Москва : «Наука».
1978. Миграции в эпоху неолита и энеолита (*СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ*, № 3 : 9—28).

● **ЕРПЕРТ Н. Я., МУНЧАЕВ Р. М.**

1971. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии (по материалам раскопок советской экспедиции) (*СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ*, № 3 : 141—169).
1977. Древнейшая металлургия Месопотамии (*СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ*, № 3 : 154—163).
1982. Погребальный обряд племен халафской культуры (*Археология Старого и Нового Света*, Москва. «Наука» : 28—49).

● **ЕЖЕЛАДЗЕ Т. К.**

1974. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья (II—I тысячелетия до н. э.), Тбилиси : «Мецниереба».
[«ძიებანი კოლხეთისა და სამხრეთ-აღმოსავლეთ შავი ზღვისპირეთის უძველესი მოსახლეობის ისტორიიდან (ძვ. წ. II—I ათასწლეულები)», თბილისი].

● **ЕЛЛЕР В. Ф.**

1877. О лютном звере народных песен (*«Древности»*. Труды Московского Археологического Общества, т. 7, вып. 1).
1962. Язык осетин, Москва : Изд-во АН СССР.

● **Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов**

МИЛЛЕР В. Ф., ФРЕЙМАН А. А.

1927—1934. Осетинско-русско-немецкий словарь, тт. I—III. Под редакцией и с дополнениями А. А. Фреймана, Ленинград: Изд-во АН СССР.

МИРОНОВА В. Г.

1967. Языческое жертвоприношение в Новгороде (*СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ*, № 1: 215—227).

МОГИЛЬНИКОВ В. А.

1974. Погребальный обряд культур III в. до н. э. — III в. н. э. в западной части балтийского региона (*Погребальный Обряд Племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э. — I тысячелетии н. э.*, Москва: 133—225).

МУНЧАЕВ Р. М.

1973. Бронзовые псални майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Кавказе (*Сб. «Кавказ и Восточная Европа в Древности»*. Посвящается памяти Е. И. Крупнова, Москва: 71—77).

МУРЗАЕВ Э. М.

1967. Гора-лес («Русская Речь», № 1: 80—82).

НЕЙШТАДТ М. И.

1957. История лесов и палеогеография СССР в голоцене, Москва: Изд-во АН СССР.

НЕРОЗНАК В. П.

1978. Палеобалканские языки, Москва: «Наука».

1981. Индоевропейские языки (*«Сравнительно-Историческое Изучение Языков Разных Систем»*. Современное состояние и проблемы. Отв. ред. Н. З. Гаджиева, Москва. «Наука»: 8—62).

НИДЕРЛЕ Л.

1956. Славянские древности (*Перевод с чешского, под редакцией А. Л. Монгайта. Предисловие П. Н. Третьякова*), Москва: Изд-во иностр. лит-ры.

НИДЕРМАН М.

1949. Историческая фонетика латинского языка (*Перевод с французского. Примечания Я. М. Боровского*), Москва: Изд-во иностр. лит-ры.

НИКИТИНА Г. Ф.

1974. Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тысячелетии до н. э.—первой половине I тысячелетия н. э. (*Погребальный Обряд Племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э.—I тысячелетии н. э.*, Москва: 5—132).

НОВГОРОВОДА Э. А.

1970. Центральная Азия и карасукская проблема, Москва : «Наука».

1977. Памятники древности и некоторые проблемы монгольского этногенеза (*«Проблемы Дальнего Востока»*, 1[21] : 127—135).

НОВИКОВА К. А.

1979. Названия домашних животных в тунгусо-маньчжурских языках (*«Исследования в Области Этимологии Алтайских Языков»*, отв. ред. В. И. Цинциус, Ленинград . «Наука» : 53—134).

ОРАНСКИЙ И. М.

1960. Введение в иранскую филологию, Москва : Изд-во вост. лит-ры.

ПАЛМАЙТИС М. Л.

1979. Индоевропейская апофония и развитие деклинационных моделей в диахронно-типологическом аспекте, Тбилиси : Изд-во Тбил. Гос. Ун-та.

ПАХАЛИНА Т. Н.

1959. Ишкашимский язык. *Очерк фонетики и грамматики. Тексты и словарь*, Москва : Изд-во АН СССР.

1971. Сарыкольско-русский словарь, Москва : «Наука».

1975. Ваханский язык, Москва : «Наука».

ПЕНДЛБЕРИ Дж.

1950. Археология Крита (*Перевод с английского. Общая редакция и предисловие акад. В. В. Струве*), Москва : Изд-во иностр. лит-ры.

ПЕРЕЛЬМУТЕР И. А.

1967. О первоначальной функции индоевропейского перфекта (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 1 : 92—102).

1974. Об оппозиции «переходность» — «непереходность» в системе индоевропейского глагола (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 3 : 70—81).

1977. Общеиндоевропейский и греческий глагол. *Видо-временные и залоговые категории*, Ленинград : «Наука».

ПЕРИХАНЫАН А. Г.

1973. Сасанидский Судебник. *Книга тысячи судебных решений*, Ереван : Изд-во АН Арм. ССР.

ПИЗАНИ В.

1961. Об армянских отражениях индоевропейских взрывных (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 4 : 46—55).

1975. *Etymologica Parerga (ЭТИМОЛОГИЯ, 1973 : 159—167)*.

ПИОТРОВСКИЙ Б. Б.

1949. Археология Закавказья, Ленинград : Изд-во Ленингр. Гос. Ун-та.

1955. Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР (*«Доклады Советской Делегации на X Международном Конгрессе Историков в Риме»*, Москва).

1959. Ванское царство (Урарту), Москва : Изд-во вост. лит-ры.

ПИРЕЙКО Л. А.

1968. Основные вопросы эргативности на материале индо-иранских языков, Москва : «Наука».

ПОЛИВАНОВ Е. Д.

1916. Индоевропейское **medhu* ~ общекитайское *mit* («Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества», т. XXIII, вып. I—II, Петроград : 263—264).

1928. Введение в языкознание для востоковедных вузов, Ленинград (Восточный Институт им. А. С. Енукидзе).

1931. За марксистское языкознание. Сборник популярных лингвистических статей, Москва : «Федерация».

1960. Предварительное сообщение об этимологическом словаре японского языка («Проблемы Востоковедения», № 3 : 175—177).

1968. Избранные работы по общему языкознанию, Москва : «Наука».

ПОЛЯКОВА Г. Е.

1968. Теоjo доего/га в системе пилосского землевладения (ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ, № 1 : 13—27).

ПОРЦИГ В.

1964. Членение индоевропейской языковой области (Перевод с немецкого. Редакция и предисловие А. В. Десницкой), Москва : «Прогресс».

ПОТЕБНЯ А. А.

1865. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий, II. Баба-Яга («Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете», Москва : 85—232).

1914. О некоторых символах в славянской народной поэзии, Харьков : «Изд-во Потебня».

ПРОКОШ Э.

1954. Сравнительная грамматика германских языков (Перевод с английского. Под редакцией и с предисловием В. А. Звегинцева. Примечания М. М. Гухман), Москва : Изд-во иностр. лит-ры.

ПРОПП В. Я.

1946. Исторические корни волшебной сказки, Ленинград : Изд-во Ленингр. Гос. Ун-та.

ПЬЯНКОВ И. В.

1979. К вопросу о путях проникновения ираноязычных племен в Переднюю Азию (ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ СБОРНИК. История и Филология Стран Древнего Востока, Москва. «Наука» : 193—207).

РАЕВСКИЙ Д. С.

1977. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии, Москва : «Наука».

ЭИФТИН А. П.

1927. Система шумерских числительных (*«Языковедение»*. Проблемы по числительным, I. Сборник статей, Ленинград : 177—190).

1946а. Из истории множественного числа (*«Ученые Записки ЛГУ»*. Серия филологических наук, № 69, вып. 10 : 37—54).

1946б) Категории видимого и невидимого мира в языке (*«Ученые Записки ЛГУ»*. Серия филологических наук, № 69, вып. 10 : 136—153).

БОБАКИДЗЕ А. И.

1960. К истории пчеловодства, Тбилиси : Изд-во АН ГССР.

[«მეფუტკრეობის ისტორიისათვის», თბილისი].

РУДЕНКО С. И.

1961. Искусство Алтая и Передняя Азия, Москва : Изд-во вост. лит-ры.

1968. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. *Из оледенелых курганов Алтая*, Москва : «Искусство».

РЫНДИНА Н. В.

1971. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы, Москва : Изд-во Московск. Гос. Ун-та.

САВЧЕНКО А. Н.

1967. Эргативная конструкция предложения в праиндоевропейском языке (Сб. *«Эргативная Конструкция Предложения в Языках Различных Типов»*. Исследования и материалы, Ленинград : 74—90).

1974. Сравнительная грамматика индоевропейских языков, Москва : «Высшая школа».

САРДЖВЕЛАДЗЕ З. А.

1980. К этимологии некоторых общекартвельских лексем (МАЦНЕ. Серия языка и литературы, № 4 : 115—122).

[«ზოგი საერთო-ქართველური ლექსემის ეტიმოლოგიისათვის» («მაცნე» ენისა და ლიტერატურის სერია)].

САРИАНИДИ В. И.

1973. Статуэтка лошади с Алтын-депе (Сб. *«Кавказ и Восточная Европа в Древности»*. Посвящается памяти Е. И. Крупнова, Москва : 113—117).

1977. Древние земледельцы Афганистана (*«Материалы Советско-Афганской Экспедиции 1969—1974 гг.»*), Москва : «Наука».

1981. Древняя Бактрия : новые аспекты старой проблемы (*«Этнические Проблемы Истории Центральной Азии в Древности»*, Москва . «Наука» : 180—191).

САХОКИЯ М. М.

1974. Сопоставительный анализ форм посессивности и переходности в древнеперсидском, древнеармянском и древнегрузинском языках (Автореферат кандидатской диссертации, Тбилиси).

СВЕШНИКОВ И. К.

1974. Історія населення Передкарпаття, Поділля і Волині в кінці III — на початку II тисячоліття до нашої ери, Київ.

СЕВОРТЯН Э. В.

1974. Этимологический словарь тюркских языков, Москва: «Наука».

СЕДОВ В. В.

1953. Древнерусское святилище в Перыни («Краткие Сообщения Института Истории Материальной Культуры им. Н. Я. Марра АН СССР», вып. L: 92—103).

1976. Этногенез и этническая история славянских и балканских народов (Ранний период славянского этногенеза) [Сб. «Вопросы Этногенеза и Этнической Истории Славян и Восточных Романцев». Методология и Историография, Москва: 68—108].

СЕМЕКА Е. С.

1971. Антропоморфные и зооморфные символы в четырех- и восьми-членных моделях мира («Труды по Знаковым Системам», V. Ученые Записки Тартуского Университета: 92—119).

СЕМЕНОВ С. А.

1968. Развитие техники в каменном веке, Ленинград: «Наука».

1974. Происхождение земледелия, Ленинград: «Наука».

СЕРЕБРЕННИКОВ Б. А.

1974. Вероятностные обоснования в компаративистике, Москва: «Наука».

СМИРНОВ А. П.

1975. Возникновение производящего хозяйства и финноугры («Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum», p. 1, Budapest: 179—191).

СМИРНОВ К. Ф.

1961. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей (СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, № 1: 46—72).

СМИРНОВ К. Ф., КУЗЬМИНА Е. Е.

1977. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий, Москва: «Наука».

СОБОЛЕВСКИЙ С. И.

1939. Грамматика латинского языка, Москва: Изд-во Наркомпроса РСФСР.

СОКОЛОВА В. С.

1959. Рушанские и хуфские тексты и словарь, Москва — Ленинград: Изд-во АН СССР

1967. Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской группы, Ленинград: «Наука».

СОСЕЛИЯ Э. Г.

1979. Анализ систем терминов родства (по материалам картвельских языков), Тбилиси : «Мецниереба».

СОССЮР Ф. де

1977. Труды по языкознанию. Переводы с французского языка под редакцией и с вступительной статьей А. А. Холодовича, Москва : «Прогресс».

СРЕЗНЕВСКИЙ И. И.

1958. Материалы для словаря древнерусского языка, тт. I—III, Москва : Гос. изд-во нац. и иностр. словарей.

СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ И. М.

1974. Флора иранской прародины. *Этимологические заметки (ЭТИМОЛОГИЯ)*, 1972 : 138—140).

1975. Повседневная и ритуальная пища ваханцев («Страны и Народы Востока», вып. XVI. «Памир», Москва : 192—209).

1981. Бактрийский язык («Основы Иранского Языкознания». Среднеиранские языки : 314—346), Москва : «Наука».

СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ М. И.

1953. История скандинавских языков, Москва : Изд-во АН СССР.

СТЕПАНОВ Г. В.

→ 1979. К проблеме языкового варьирования, Москва : «Наука».

СУПРУН А. Е.

1961. Старославянские числительные, Фрунзе : Изд-во Фрунз. Ун-та.

1969. Славянские числительные. *Становление числительных как особой части речи*, Минск : Изд-во Минск. Ун-та.

ТИТОВ В. С.

1966. Древнейшие земледельцы в Европе («Археология Старого и Нового Света», Москва. «Наука» : 25—37).

1982. К изучению миграций бронзового века («Археология Старого и Нового Света», Москва. «Наука» : 89—145).

ТОЛСТОЙ Н. И.

1969. Славянская географическая терминология, Москва : «Наука».

ТОМСОН Дж.

1959. Исследования по истории древнегреческого общества, т. II. Первые философы (Перевод с английского. Общая редакция и послесловие А. Ф. Лосева), Москва : Изд-во иностр. лит-ры.

ТОПОРОВ В. Н.

1958. Этимологические заметки («Краткие Сообщения Института Славяноведения АН СССР», вып. 25 : 74—88).

1959. Локатив в славянских языках, Москва : Изд-во АН СССР.

1960. Об одной ирано-славянской параллели в области синтаксиса («Краткие Сообщения Института Славяноведения АН СССР», вып. 28 : 3—11).

1961. К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола («Вопросы Славянского Языкознания». Институт Славяноведения АН СССР, вып. 5 : 35—70).
1962. О некоторых проблемах изучения древнеиндийской топонимии («Топонимика Востока», Москва : 59—66).
1963. Хеттская SAL. ŠU. GI и славянская Баба-Яга («Краткие Сообщения Института Славяноведения АН СССР», вып. 38 : 28—37).
1964. К реконструкции некоторых мифологических представлений (на материале буддийского изобразительного искусства) [*Народы Азии и Африки*], № 3 : 101—110].
1965. К описанию некоторых структур, характеризующих преимущественно низшие уровни, в нескольких поэтических текстах, III. Об одном примере звукового символизма (Ригведа, X) [*Труды по Знаковым Системам*], II. Ученые Записки Тартуского Университета : 306—319].
1967. Из этимологии енисейских языков (*ЭТИМОЛОГИЯ*, 1965 : 311—320).
1969. К реконструкции индоевропейского ритуала и ритуально-поэтических формул (на материале заговоров) [*Труды по Знаковым Системам*], IV. Ученые Записки Тартуского Университета : 9—43].
1971. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева» (*Труды по Знаковым Системам*), V. Ученые Записки Тартуского Университета : 9—62).
1973. Несколько замечаний о балтийских глаголах на -sta в связи с происхождением этого форманта (индоевропейская перспектива) «Baltų Veiksmazodžio tyrinėjimai. Lietuvių kalbotyros klausimai», XIV, Vilnius : 151—167).
- 1973а. О космологических источниках раннеисторических описаний («Труды по Знаковым Системам», VI. Сборник научных статей в честь М. М. Бахтина к 75-летию со дня его рождения, Тарту : 106—150).
1974. О брахмане. К истории концепции («Проблемы Истории Языков и Культуры Народов Индии». Сборник статей памяти В. С. Воробьева-Десятовского, Москва : 20—74).
- 1975—1980. Прусский язык. Словарь, I—III, Москва : «Наука».
- 1975а. К объяснению некоторых славянских слов мифологического характера в связи с возможными древними ближневосточными параллелями («Славянское и Балканское Языкознание». Проблемы интерференции и языковых контактов, Москва : 3—49).
1976. Пѣдѣу, Ahi budhnyā, Бадньак и др. (*ЭТИМОЛОГИЯ*, 1974 : 3—15).
1977. К фракийско-балтийским языковым параллелям, II («Балканский Лингвистический Сборник», Москва : 59—116).

1979. Семантика мифологических представлений о грибах (*BALCANICA*. Лингвистические Исследования, Москва : 234—298).
- ТОПОРОВ В. Н., ТРУБАЧЕВ О. Н.
1962. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, Москва : Изд-во АН СССР.
- ТОПУРИА В. Т.
1960. Некоторые вопросы сравнительной фонетики картвельских языков (*XXV Международный Конгресс Востоковедов*, Москва : Изд-во вост. лит-ры).
- ТРОНСКИЙ И. М.
1936. Из истории античного языкознания (*Советское Языкознание*, II, Ленинград : 21—38).
1946. К семантике множественного числа в греческом и латинском языках (*Ученые Записки ЛГУ*). Серия филологических наук, № 69, вып. 10 : 54—72).
1953. Очерки из истории латинского языка, Москва—Ленинград : Изд-во АН СССР.
1960. Историческая грамматика латинского языка, Москва : Изд-во лит-ры на иностр. языках.
- ТРУБАЧЕВ О. Н.
1959. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя, Москва : Изд-во АН СССР.
● 1960. Происхождение названий домашних животных в славянских языках, Москва : Изд-во АН СССР.
1966. Ремесленная терминология в славянских языках (*Этимология и опыт групповой реконструкции*), Москва : «Наука».
1968. Название рек Правобережной Украины, Москва : «Наука».
1972. Несколько древних латинско-славянских параллелей (*Конференция по Сравнительно-Исторической Грамматике Индоевропейских Языков* [12—14 декабря]. Предварительные материалы, Москва : 82—84).
1973. Лексикография и этимология (*Славянское Языкознание*. VII Международный съезд славистов, Варшава : 294—313).
1974-. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд, вып. 1—10, Москва : «Наука».
1976. О синдах и их языке (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 4 : 39—63).
1977. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. *Индоевропейцы в Северном Причерноморье* (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 6 : 13—29).
- ТРУБЕЦКОЙ Н. С.
1960. Основы фонологии (*Перевод с немецкого. Редакция С. Д. Кацнельсона. Послесловие А. А. Реформатского*), Москва : Изд-во иностр. лит-ры.

ТУМАНЯН Э. Г.

1978. Структура индоевропейских имен в армянском языке. *Опыт реконструкции*, Москва : «Наука».

ТУПИКОВ Н. М.

1903. Словарь древне-русских личных собственных имен («*Записки Отделения Русской и Славянской Археологии Имп. Русского Археологического Общества*», т. VI, С.-Петербург : 56—913).

УЛЕНБЕК Х. К.

1950. Agents и Patiens в падежной системе индоевропейских языков (Сб. «*Эргативная Конструкция Предложения*», сост. Е. А. Бокарев, Москва : 101—162).

1950а. К учению о падежах (Сб. «*Эргативная Конструкция Предложения*», сост. Е. А. Бокарев, Москва : 97—100).

УРУШАДЗЕ А. В.

1970. Аполлоний Родосский. Аргонавтика. *Греческий текст с грузинским переводом издал, введением, комментариями и указателями снабдил А. В. Урушадзе*, Тбилиси : «Мецниереба».

[«აპოლონიოს როდოსელი. არგონავტიკა». ბერძნული ტექსტი ქართული თარგმანითურთ გამოსცა, შესავალი, კომენტარები და საძიებელი დაურთო აკ. ურუშაძემ, თბილისი].

УСЛАР П. К.

1881. Древнейшие сказания о Кавказе («*Сборник Сведений о Кавказских Горцах*», вып. X, Тифлис).

ФАСМЕР М.

1964—1973. Этимологический словарь русского языка (*Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Под редакцией и с предисловием Б. А. Ларина*), тт. I—IV, Москва : «Прогресс».

ФИЛИН Ф. П.

1965-. Словарь русских народных говоров, вып. 1 и след., Ленинград : «Наука».

ФОГТ Х.

1961. Заметки по армянскому консонантизму (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 3 : 40—43).

ФРЕЙДЕНБЕРГ О.

1936. Поэтика сюжета и жанра, Ленинград : Изд-во худ. лит-ры.

ФРЕЙМАН А. А.

1951. Хорезмийский язык (*Материалы и исследования*), I, Москва—Ленинград : Изд-во АН СССР.

ФУРКЕ Ж.

1959. Генезис системы согласных в армянском языке (*Опыт диахронной фонологии*) (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 6 : 68—77).

ХАЗАНОВ А. М.

1978. Европа (В кн.: «Первобытная периферия классовых обществ. До начала великих географических открытий. Проблемы исторических контактов»; отв. редакторы А. И. Першиц и А. М. Хазанов, Москва. «Наука»: 13—38).

ХАРИСОН ДЖ., УАЙНЕР ДЖ., ТЭННЕР ДЖ., БАРНИКОТ Н., РЕЙНОЛДС В.

1979. Биология человека. Пер. с англ. Е. З. Годиной, А. И. Козленкова и В. И. Самойлова, под ред. проф. В. В. Бунака, Москва: «Мир».

ХИДАШЕЛИ М. Ш.

1982. Графическое искусство Центрального Закавказья в эпоху раннего железа, Тбилиси: «Мецниереба».
[«ცენტრალური ამიერკავკასიის გრაფიკული ხელოვნება», თბილისი].

ХОДОРКОВСКАЯ Б. Б.

1975. Сигматическое будущее в оскско-умбром (ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ, № 4: 77—86).

ХОЛОДОВИЧ А. А.

1946. Очерки по японскому языку, 4. Абсолютно-утвердительное наклонение (Модальная теория связки) («Ученые Записки ЛГУ». Серия филологических наук, № 69, вып. 10: 193—197).

ХОТИНСКИЙ Н. А.

1977. Голоцен Северной Евразии. Опыт трансконтинентальной корреляции этапов развития растительности и климата (К X конгрессу INQUA, Великобритания 1977), Москва: «Наука».

ЦАИШВИЛИ С. С.

- 1974 [1965]. Шота Руставели—Давид Гурамишвили. Очерки по истории древнегрузинской литературы, Тбилиси: «Мецниереба».
[«შოთა რუსთაველი—დავით გურამიშვილი. ნარკვევები ძველი ქართული ლიტერატურის ისტორიიდან», თბილისი].

ЦАЛКИН В. И.

1956. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси («Материалы и Исследования по Археологии СССР», № 51, Москва: «Наука»).
1962. Животноводство и охота в лесной полосе Восточной Европы в раннем железном веке («Материалы и Исследования по Археологии СССР», № 107, Москва: «Наука»).
1966. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии («Материалы и Исследования по Археологии СССР», № 135, Москва: «Наука»).
1970. Древнейшие домашние животные Средней Азии. Сообщения I и II («Бюллетень Московского Общества Испытателей Природы». Отдел биологический, т. LXXV, вып. 1: 145—159; вып. 2: 120—136).

ЦАРЕНКО Е. И.

1972. О ларингализации в языке кечуа (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 1 : 97—103).
1973. К функциональной характеристике ларингальности в языке кечуа (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 3 : 78—89).
- 1974а. К проблеме структуры слова в агглютинативных языках (на материале языка кечуа). *Автореферат кандидатской диссертации*, Москва.
- 1974б. К вопросу о фонологической системе протокечуа (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 4 : 87—96).

ЦЕРЕТЕЛИ Г. В.

1941. Армазская билингва. *Двуязычная надпись, найденная при археологических раскопках в Мцхета-Армази*, Тбилиси : Изд-во АН ГССР.
1947. Семитские языки и их значение для изучения истории грузинской культуры (*«Научная Сессия Тбилисского Гос. Университета»*. Сборник докладов, I, Тбилиси : 15—52).
[«სემიტური ენები და მათი მნიშვნელობა ქართული კულტურის ისტორიის შესწავლისათვის» («თბილისის სახ. უნივერსიტეტის სამეცნიერო სესია». მოხსენებათა კრებული, I, თბილისი)].
1963. К истории иранских обозначений Грузии (*рукоп.*).
[«საქართველოს ირანულ სახელწოდებათა ისტორიისათვის» (*ხელნაწ.*)].
1968. О языковом родстве и языковых союзах (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 3 : 3—18).
1973. Метр и рифма в «Витязе в барсовой шкуре» (В кн.: «Метр и рифма в поэме Руставели «Витязь в барсовой шкуре», под редакцией Г. В. Церетели, Тбилиси : «Мецნიერება» : 9—115).
[«მეტრი და რითმა ვეფხისტყაოსანში» («რიტმათა სიმფონია და სიტყვათა მარცვლობრივი განაწილების ცხრილები»), თბილისი].
1974. Метр и ритм в поэме Руставели и вопросы сравнительной версификации (*КОНТЕКСТ. Литературно-Теоретические Исследования*, 1973. Москва : 114—137).

ЦИНЦИУС В. И.

1975. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. *Материалы к этимологическому словарю*, I. Ответственный редактор В. И. Цинциус, Ленинград : «Наука».

ЧАЙЛД Г.

1956. Древнейший Восток в свете новых раскопок (*Перевод с английского. Предисловие и редакция В. И. Авдиева*), Москва : Изд-во иностр. лит-ры.

ЧИКОВАВА А. С.

1942. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках, Тбилиси : Изд-во АН ГССР.
[«სახელის ფუძის უძველესი აგებულება ქართველურ ენებში», თბილისი].

1948. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках, I. *Историческое взаимоотношение номинативной и эргативной конструкции по данным древнегрузинского литературного языка*, Тбилиси : Изд-во АН ГССР.
[«ერგატიული კონსტრუქციის პრობლემა იბერიულ-კავკასიურ ენებში», თბილისი].

ЧИСТОВИЧ Л. А.

1961. Текущее распознавание речи человеком («*Машинный Перевод и Прикладная Лингвистика*», № 6).

ЧИСТОВИЧ Л. А., КОЖЕВНИКОВ В. А., АЛЯКРИНСКИЙ В. В. и др.

1965. Речь. Артикуляция и восприятие, Москва—Ленинград : «Наука».

ЧХЕИДЗЕ Т. Д.

1969. Именное словообразование в персидском языке, Тбилиси : «Мецниереба».

ШАГИРОВ А. К.

1977. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков, тт. I, II, Москва : «Наука».

ШАКРЫЛ К. С.

1971. Очерки по абхазско-адыгским языкам, Сухуми : «Алашара».

ШАНИДЗЕ А. Г.

1946. Глагольные категории акта и контакта на примерах грузинского языка («*Известия АН СССР*», Отделение литературы и языка, т. X, вып. 2 : 165—172).
1947. Этимологические разыскания. R̥o и тиха («*Научная Сессия ТГУ*», 29. X — 3. XI. Тезисы докладов, Тбилиси : 3—4).
1969. К вопросу о глагольной категории версии в древнегреческом (В сб.: «IV Конференция по Классической Филологии», Тбилиси).
1973. Основы грамматики грузинского языка, I. *Морфология*, Тбилиси : Изд-во Тбил. Гос. Ун-та.
[«ქართული ენის გრამატიკის საფუძვლები, I. მორფოლოგია», თბილისი].

ШАНТРЕН П.

1953. Историческая морфология греческого языка (*Перевод с французского. Прим. и предисл. Я. М. Боровского*), Москва : Изд-во иностр. лит-ры.

ШАРИПКИН С. Я.

1971. Значення форм на -fy у мові кріто-мікенських написів («*Іноземна Філологія*», вип. 24. Питання класичної філології, № 9, Львів: 67—71).

ШЕР Я. А.

1980. Петроглифы Средней и Центральной Азии, Москва : «Наука».

ШИРОКОВ О. С.

1972. Кавказско-индоевропейские фонологические схождения («*Конференция по Сравнительно-Исторической Грамматике Индоевропейских Языков*» [12—14 декабря]. Предварительные материалы, Москва : 92—93).

ШИШМАРЕВ В. Ф.

1941. Очерки по истории языков Испании, Москва—Ленинград : Изд-во АН СССР.

ШНЕЙДЕР Е. Р.

1927. Казакская орнаментика («*Казакки. Антропологические очерки*». Под редакцией С. И. Руденко, Ленинград).

ШРАДЕР О.

1886. Сравнительное языковедение и первобытная история. *Лингвистическо-исторические материалы для исследования индогерманской древности* (Перевод с немецкого). С.-Петербург : А. Бенке.

ШТЕРНБЕРГ Л. Я.

1936. Первобытная религия в свете этнографии. *Исследования, статьи, лекции*. Под ред. и с предисл. Я. П. Алькора (Научно-исследовательская Ассоциация Института Народов Севера. Материалы по Этнографии, т. IX), Ленинград.

ШУХАРДТ Г.

1950а. Об активном и пассивном характере переходного глагола (Сб. «*Эргативная Конструкция Предложения*», сост. Е. А. Бокарев, Москва : 103—106).

1950b. Избранные статьи по языкознанию, Москва : Изд-во иностр. лит-ры.

ЩЕРБА Л. В.

1974. К личным окончаниям в латинском и других итальянских диалектах (В кн.: Л. В. Щерба, *Языковая система и речевая деятельность*, Ленинград : «Наука»).

ЩЕРБАК А. М.

1961. Названия домашних и других животных в тюркских языках («*Историческое Развитие Лексики Тюркских Языков*», Москва : 82—172).

ЭВАНДЖЕЛИСТИ Э.

1959. Индоевропейские зубные согласные и тохарские палатализации («*Тохарские языки*». Сборник статей под редакцией и с вступительной статьей В. В. Иванова, Москва : 109—118).

ЭДЕЛЬМАН Д. И.

1965. Дардские языки, Москва : «Наука».

1971. Язгулямско-русский словарь, Москва : «Наука».

1973. К типологии индоевропейских гуттуральных («Известия АН СССР». Серия литературы и языка, т. XXXII, № 6 : 540—546).

1977. К фонемному составу общеиранского. О фонологическом статусе *x^o (ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ, № 4 : 81—88).

ЭРНУ А.

1950. Историческая морфология латинского языка (*Перевод со второго французского изд.*, под редакцией И. М. Тронского, с предисловием Б. А. Серебренникова), Москва : Изд-во иностр. лит-ры.

ЮАНЬ КЭ.

1965. Мифы древнего Китая (Пер. текста Е. И. Лубо-Лесниченко и Е. В. Пузицкого. Под редакцией и с послесл. Б. Л. Рифтина), Москва : «Наука».

ЯКОВСОН Р. О.

1963. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание («Новое в Лингвистике», III. Составил В. А. Звегинцев, Москва : 95—105).

1970. Роль лингвистических показаний в сравнительной мифологии («Труды VII Международного Конгресса Антропологических и Этнографических Наук», т. 5, Москва : 608—619).

ЯКОВСОН Р. О., ФАНТ Г. М., ХАЛЛЕ М.

1962. Введение в анализ речи («Новое в Лингвистике», II. Составил В. А. Звегинцев, Москва : 173—230).

ЯКОВЛЕВ Н. Ф.

1923. Таблицы фонетики кабардинского языка («Труды Подразряда Исследования Северо-Кавказских Языков при Институте Востоковедения», вып. 1, Москва).

1948. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка, Москва—Ленинград : Изд-во АН СССР.

ЯКОВЛЕВ Н. Ф., АШХАМАФ А.

1941. Грамматика адыгейского литературного языка, Москва — Ленинград : Изд-во АН СССР.

ЯКУБИНСКИЙ Л. П.

1953. История древнерусского языка. С предисловием и под редакцией акад. В. В. Виноградова. Примечания проф. П. С. Кузнецова, Москва : Учпедгиз.

Γαλλής Κ. Ι.

1975. Καύσεις νεκρῶν ἀπὸ τὴν ἀρχαιοτέραν Νεολιθικὴν ἐποχὴν εἰς τὴν Θεσσαλίαν [«Трупосожжение начиная с эпохи раннего неолита в Фессалии»] («Athens Annals of Archaeology», 8 : 241—258).

Τσοπανάκης Α.

1970. Γλωσσικά Μακεδονίας («Ancient Macedonia». Papers read at the First International Symposium held in Thessaloniki, 26—29 August 1968, Thessaloniki : 334—352).

AALTO P.

1959. Ein alter Name des Kupfers («Ural-Altische Jahrbücher», № XXXI : 33—70).

ABRAHAMS H.

1949. Études phonétiques sur les tendances évolutives des occlusives germaniques, Aarhus : Universitetsforlaget.

ADRADE M. J.

1911. Quileute («Handbook of American Indian Languages», ed. by F. Boas, Washington—New York, p. III).

ADRADOS F. R.

1963. Evolución y estructura del verbo indoeuropeo, Madrid : Instituto Antonio de Nebrija.

1981. More on the laryngeals with labial and palatal appendices («Folia Linguistica Historica». Acta Societatis Linguisticae Europaeae, t. II/2 : 191—231).

1982. Die räumliche und zeitliche Differenzierung des Indoeuropäischen im Lichte der Vor- und Frühgeschichte, Innsbruck («Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft»).

AISTLEITNER J.

1963. Wörterbuch der ugaritischen Sprache, hrsg. von O. Eissfeldt, Berlin : Akademie-Verlag.

AITCHISON L.

1960. A history of metals, v. I, II, London : Macdonald & Evans, Ltd.

AKURGAL E.

1961. Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander, Berlin : W. de Gruyter & Co.

ALBRIGHT W. F.

1950. Some oriental glosses on the Homeric problem (AMERICAN JOURNAL OF ARCHAEOLOGY, v. 54, № 3 : 164—183).

ALFÖLDI A.

1974. Die Struktur des voretuskischen Römerstaates, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag (Bibliothek der klassischen Altertumswissenschaft, N. F., Reihe 1, Bd. 5).

ALLEN W. S.

1950. A study in the analysis of Hindi sentence structure (ACTA LINGUISTICA, v. VI, fasc. 2—3 : 68—86).

1951. Notes on the phonetics of an Eastern Armenian speaker («Transactions of the Philological Society», London 1950 : 180—206).

1956. Structure and system in the Abaza verbal complex (*«Transactions of the Philological Society»*, London : 127—176).
1957. Aspiration in the Hāṛauti nominal (*«Studies in Linguistic Analysis»*. Special volume of the Philological Society : 68—86).
1958. Some problems in the phonetic development of the IE voiced aspirates in Latin (*ARCHIVUM LINGUISTICUM*. A Review of Comparative Philology and General Linguistics, v. 10, fasc. 2 : 100—116).
1964. On one-vowel systems (*LINGUA*. International Review of General Linguistics, v. 13, № 5 : 111—124).
- 1964a. Transitivity and possession (*LANGUAGE*, v. 40, № 3, pt. 1 : 337—343).
- ALP S.
1950. Die soziale Klasse der NAM.RA-Leute und ihre hethitische Bezeichnung (*«Jahrbuch für Kleinasiatische Forschung»*. Internationale Orientalistische Zeitschrift, Bd. 1, H. 2 : 113—135).
- AMIET P.
1979. Archaeological discontinuity and ethnic duality in Elam (*ANTIQUITY*. A Quarterly Review of Archaeology, v. LIII, № 209 : 195—204).
- AMMER K.
1952. Studien zur indogermanischen Wurzelstruktur (*DIE SPRACHE*. Zeitschrift für Sprachwissenschaft, Bd. II : 193—214).
- ANDERSEN H.
1970. On some old Balto-Slavic isoglosses (*«Donum Balticum»*. To Professor Christian S. Stang on the Occasion of his Seventieth Birthday, ed. by V. Rūķe-Draviņa, Stockholm : 14—21).
1972. Markedness in vowel systems (*«Reports for the Tenth International Congress of Linguists»*, Bologna : 1136—1141).
- ANDERSON S. R.
1970. On Grassmann's Law in Sanskrit (*LINGUISTIC INQUIRY*, v. I : 387—396).
- ANDREJCIN L.
1938. Kategorie znaczeniowe konjugacji bułgarskiej, Kraków (*«Polska Akademia Umiejętności»*. Prace Komisji Językowej, № 26).
- ANDRZEJEWSKI B. W.
1957. Some preliminary observations on the Borana dialect of Galla (*«Bulletin of the School of Oriental and African Studies»*. University of London, XIX, 2 : 354—374).
- ANGEL J.
1940. The length of life in ancient Greece (*«Journal of Gerontology»*, v. 2 : 18—24).
- 64 Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов

ANTTILA R.

1969. Proto-Indo-European *Schwebeablaut*, Berkeley and Los Angeles: University of California Press.

1972. An Introduction to Historical and Comparative Linguistics, New York: MacMillan.

ARBEITMAN Y.

1976. Cuneiform and Hieroglyphic Luwian *-za* («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 90, H. 1 u. 2: 145—148).

ARBEITMAN Y., RENDSBURG G.

1981. Adana revisited: 30 years later (*ARCHIV ORIENTÁLNI*, 49, 2: 145—157).

ARONSON R.

1969. The predictability of vowel patterns in the Hebrew verb (*GLOSSA. An International Journal of Linguistics*, v. 3, № 2: 127—145).

AUFRECHT Th.

1955. Die Hymnen des Rigveda, Bd. I u. II (dritte Auflage), Berlin: Akademie-Verlag.

AZZAROLI A.

1966. Pleistocene and living horses of the Old World («*Palaeontografia Italica*», LXI: 1—15).

BAAL J. van

1970. The part of women in the marriage: Objects or behaving as objects («*Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde*», 126).

BACK M.

1979. Die Rekonstruktion des idg. Verschlusslautsystems im Lichte der einzelsprachlichen Veränderungen («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 93, H. 2: 179—195).

BADER F.

1975. La structure thématique aux présents hittites («*Revue Hittite et Asianique*», t. XXXIII: 5—29).

1975a. Une isoglosse gréco-tokharienne: *yo affixe casuel et particule d'énumération («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 70, fasc. 1: 27—89).

1975b. Vieil irlandais *no*, *no-* et les formes tokhariennes apparentées («*Études Celtiques*», v. XIV, fasc. 2: 391—403).

1976. Le présent du verbe 'être' en indo-européen («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 71, fasc. 1: 27—111).

1976a. Noms de bergers de la racine *pa- («*Studies in Greek, Italic, and Indo-European Linguistics*» offered to Leonard R. Palmer on the Occasion of his Seventieth Birthday, ed. by A. Morpurgo Davies and W. Meid, Innsbruck: 17—27).

BAILEY H. W.

- 1945—1956. Khotanese texts, I—III, Cambridge: Cambridge University Press.
1951. Khotanese buddhist texts («*Cambridge Oriental Series*», № 3, London).
1957. A problem of the Indo-Iranian vocabulary («*Rocznik Orientalistyczny*», t. XXI: 59—70).
- 1960—1968. Saka documents («*Corpus Inscriptionum Iranicarum*», p. 2. Inscriptions of the Seleucid and Parthian Periods and of Eastern Iran and Central Asia). Portfolios 1—4. Text Volume, London: Humphries & Co.
1961. Khotanese texts, IV, Cambridge: Cambridge University Press.
1976. Indo-European **sker-* 'to colour with a dark colour' («*Studies in Greek, Italic, and Indo-European Linguistics*» offered to Leonard R. Palmer on the Occasion of his Seventieth Birthday, ed. by A. Morpurgo Davies and W. Meid, Innsbruck: 29—31).
- 1976a. Saka of Khotan and Ossetia (*PHILOLOGIA ORIENTALIS*, IV. In memoriam G. V. Tsereteli, Tbilisi: 34—39).
1979. Dictionary of Khotan Saka, Cambridge: Cambridge University Press.

BALDI Ph.

1979. Typology and the Indo-European prepositions (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft*, Bd. 84: 49—61).
1981. [Рец. на кн.] Bela Brogyanyi, Ed., «Festschrift for Oswald Szemerényi on the Occasion of his 65th Birthday» (*Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science, IV. Current Issues in Linguistic Theory*, v. 11, p. I & II), в: «*GENERAL LINGUISTICS*», v. 21, № 1: 47—62.

BALKAN K.

1948. Eti Hukukunda İçgüveylik («*Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi*», VI, 3: 147—152).

BALL C. J.

1910. The ass in Semitic mythology («*Proceedings of the Society of Biblical Archaeology*», 32: 64—72).

BAMMESBERGER A.

1980. Zur Bildungsweise des indogermanischen Kausativs («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 94, H. 1/2: 4—9).

BARBER E. J. W.

1975. The PIE notion of cloth and clothing («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 3, № 4: 294—320).

BARLAU S. B.

1976. An outline of Germanic kinship («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 4, № 2: 97—130).

BARNETT R. D.

1956. Oriental influences on archaic Greece («*The Aegean and the Near East*», Studies presented to H. Goldman, New York : 212—238).

BARTHOLOMAE Ch.

1904. Altiranisches Wörterbuch, Strassburg : K. J. Trübner.

BARTOLI M.

1925. Introduzione alla neolinguistica (*Principi—Scopi—Metodi*), Genève : Olschki.

BECHTEL F.

- 1921—1924. Die griechischen Dialekte, I—III, Berlin : Weidmannsche Buchhandlung.

BECHTEL G.

1936. Hittite verbs in -sk-. *A study of verbal aspect*, Ann Arbor: Edwards Brothers, Inc.

BECK H.

1965. Das Ebersignum im Germanischen. *Ein Beitrag zur germanischen Tier-Symbolik*, Berlin : W. de Gruyter & Co.

BEEKES R. S. P.

1969. The development of the Proto-Indo-European laryngeals in Greek, The Hague—Paris : Mouton.
1976. Uncle and nephew («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 4, № 1 : 43—63).

BEELER M. S.

1949. The Venetic language («*University of California Publications in Linguistics*», 4, 1. Berkeley and Los Angeles : 1—60).

BEHAGEL O.

1933. Heliand und Genesis. Herausgegeben von O. Behagel («*Altdeutsche Textbibliothek*», begründet von H. Paul, hrsg. von G. Baeschke, № 4), 4. Auflage, Haale (Saale) : Max Niemeyer.

BENDIX E. H.

1966. Componential analysis of general vocabulary: The semantic structure of a set of verbs in English, Hindi and Japanese, The Hague—Paris : Mouton.

BENNETT E. L. Jr.

1955. The Pylos Tablets. *Texts of the inscriptions found 1939—1954*, Princeton : Princeton University Press.

BENVENISTE E.

- 1932a. Les classes sociales dans la tradition avestique («*JOURNAL ASIATIQUE*», t. 221 : 117—134).
1932b. Une racine indo-européenne («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 33, fasc. 2 : 133—135).

- 1932c. Sur le consonantisme hittite («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 33, fasc. 2 : 136—143).
1934. L'Erān-vēž et l'origine légendaire des iraniens («*Bulletin of the School of Oriental and African Studies*». University of London, VII, 2 : 265—274).
1935. Origines de la formation des noms en indo-européen, Paris : Adrien Maisonneuve.
1936. Tokharien et indo-européen («*Germanen und Indogermanen*». *Volks-tum, Sprache, Heimat, Kultur*. Festschrift für H. Hirt, hrsg. von H. Arntz, Bd. II, Heidelberg. C. Winter : 227—240).
1937. Expression indo-européenne de l'«éternité» («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 38, fasc. 1 : 103—112).
1938. Traditions indo-européennes sur les classes sociales (*JOURNAL ASIATIQUE*, t. 230 : 529—549).
1940. Textes sogdiens, édités, traduits et commentés, Paris : P. Geuthner.
1945. La doctrine médicale des Indo-Européens («*Revue de l'Histoire des Religions*», № 130 : 5—12).
1946. Études iraniennes («*Transactions of the Philological Society*», London : 39—78).
1948. Noms d'agent et noms d'action en indo-européen, Paris : Adrien Maisonneuve.
- 1948a. Notes de vocabulaire latin («*Revue de Philologie*», 22 : 117—126).
1949. Sur l'emploi des cas en hittite (*ARCHIV ORIENTÁLNÍ*, 17, 1 : 44—45).
- 1949a. Noms d'animaux en indo-européen («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 45, fasc. 1 : 74—103).
1954. Études hittites et indo-européennes («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 50, fasc. 1 : 29—43).
- 1954a. Notes avestiques («*Asiatica*». Festschrift Friedrich Weller. Zum 65. Geburtstag gewidmet von seinen Freunden, Kollegen und Schülern, Leipzig. O. Harrassowitz : 30—34).
1955. Homophonies radicales en indo-européen («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 51, fasc. 1 : 14—41).
1959. Sur la phonétique et la syntaxe de l'arménien classique («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 54, fasc. 1 : 46—68).
- 1959a. [Рец. на кн.] G. Liebert, Die indoeuropäischen Personalpronomina und Laryngaltheorie («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 54, fasc. 2 : 56—57).
- 1962a. Hittite et indo-européen. Études comparatives, Paris : Adrien Maisonneuve.
- 1962b. Les substantifs en *-ant* du hittite («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 57, fasc. 1 : 44—51).
- 1962c. Coutumes funéraires de l'Arachosie ancienne («*A Locust's Leg*». *Studies in honour of S. H. Taqizadeh*, London : 39—43).

1965. Le redoublement au parfait indo-iranien («*Symbolae Linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz*», Wrocław—Warszawa—Kraków: 25—33).
- 1966a. Problèmes de linguistique générale, Paris: Gallimard.
- 1966b. Titres et noms propres en iranien ancien, Paris: Klincksieck.
1967. Fondements syntaxiques de la composition nominale («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 62, fasc. 1: 15—31).
1969. Le vocabulaire des institutions indo-européennes. I. *Économie, parenté, société*; II. *Pouvoir, droit, religion*, Paris: Les Éditions de Minuit.
- BERGER H.**
1956. Mittelmeerische Kulturpflanzen aus dem Buruschaski («*Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*», H. 9: 4—33).
- BERGER R., PROTSCH R.**
1973. The domestication of plants and animals in Europe and the Near East («*Approaches to the Study of the Ancient Near East*». A Volume of Studies Offered to Ignace J. Gelb on the Occasion of his 65th Birthday, October 14, 1972, Rome: Biblical Institute Press, Los Angeles. «*Undena Publications*»: 214—227=«*Orientalia*», v. 42, fasc. 1—2).
- BEYEN H. G., VOLLGRAFF W.**
1947. Argos et Sicyone. *Études relatives à la sculpture grecque de style sévère*, La Haye: Nijhoff.
- BEZLAJ F.**
1976. Etimološki slovar Slovenskega Jezika, t. I, Ljubljana («*Slovenska Akademija Znanosti in Umetnosti*»).
- BIN-NUN Sh. R.**
1975. The Tawananna in the Hittite Kingdom, Heidelberg: C. Winter. Universitätsverlag.
- BIRNBAUM H.**
1973. The original homeland of the Slavs and the problem of early Slavic linguistic contacts («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 1, № 4: 407—421).
1974. Pre-Greek Indo-Europeans in the Southern Balkans and the Aegean («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 2, № 4: 361—383).
1977. Linguistic Reconstruction: Its potentials and limitations in new perspective, Washington D. C. («*The Journal of Indo-European Studies*». Monograph № 2).
- BIRWÉ R.**
1956. Griechisch-arische Sprachbeziehungen im Verbalsystem (Walldorf-Hessen: Verlag für Orientkunde Dr. H. Vorndran).

BITTEL K.

1950. Grundzüge der Vor- und Frühgeschichte Kleinasiens, 2. erw. Aufl., Tübingen : Wasmuth. Vorw.
1953. Archäologisches zur ältesten Geschichte von Boghazköy (*ARCHIV ORIENTÁLNI*, 21, 1 : 93—100).

BITTEL K., NAUMANN R.

1952. Boghazköy-Hattuša. Ergebnisse der Ausgrabungen des Deutschen Archäologischen Instituts und der Deutschen Orient-Gesellschaft in den Jahren 1931—1939, I, Stuttgart : Kohlhammer.

BLANC H.

1965. The fronting of Semitic G and the QĀL-GĀL dialect split in Arabic («*Proceedings of the International Conference on Semitic Studies held in Jerusalem*», 19—23 July 1965, Jerusalem 1969 : 7—44).

BLOCH J.

1934. L'indo-aryen. *Du Veda aux temps modernes*, Paris : Adrien Maisonneuve.

BLOOMFIELD L.

1933. *Language*, New York — Chicago : Holt, Rinehart & Winston.

BLOOMFIELD M.

1899. The Atharvaveda. *Hymns of the Atharva-veda*, together with extracts from the ritual books and the commentaries («*The Sacred Books of the East*», v. 42).
1924. On Vedic Agni Kravyavāhana and Agni Kavyavāhana («*Streitberg Festgabe*», hrsg. von der Direktion der Vereinigten Sprachwissenschaftlichen Institute an der Universität zu Leipzig. Leipzig : Markert & Petters Verlag : 12—14).

BLUST R. A.

1973. A double counter-universal in Kelabit («*Working Papers in Linguistics*». Department of Linguistics, University of Hawaii, v. 5, № 6 : 49—55).

BOEDER W.

1968. Über die Versionen des georgischen Verbs (*FOLIA LINGUISTICA*. Acta Societatis Linguisticae Europaeae, t. II, 1/2 : 82—152).
1972. Transitivität und Possessivität («*Festschrift Wilhelm Giese*». Beiträge zur Romanistik und Allgemeinen Sprachwissenschaft, Hamburg : 179—209).

BOHNENKAMPF K. E.

1977. Zur Lachmannschen Regel (*GLOTTA*. Zeitschrift für Griechische und Lateinische Sprache, Bd. LV, H. 1/2 : 88—90).

BOISACQ E.

1916. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. *Étudiée dans ses rapports avec les autres langues indo-européennes*, Heidelberg (C. Winter), Paris (*Klincksieck*) : 2me éd. — 1923.

BÖKÖNYI S.

1974. History of domestic mammals in Central and Eastern Europe, Budapest : Akadémiai Kiadó.
 1978. The earliest waves of domestic horses in East Europe (*The Journal of Indo-European Studies*, v. 6, № 1/2 : 17—76).

BOLOGNESI G.

1962. Studi armeni [IV. Sul valore di armeno *r*] (*Ricerche Linguistiche*, V : 105—147 [141—145]).

BOMHARD A. R.

1973. Some Anatolian etymologies (*Revue Hittite et Asianique*, t. XXXI: 111—113).
 1975. An outline of the historical phonology of Indo-European (*ORBIS. Bulletin International de Documentation Linguistique*, Louvain, t. XXIV, № 2 : 354—390).
 1977. The I.-E. ~ Semitic hypothesis re-examined (*The Journal of Indo-European Studies*, v. 5, № 1 : 55—99).
 1979. The Indo-European phonological system: New thoughts about its reconstruction and development (*ORBIS. Bulletin International de Documentation Linguistique*, t. XXVIII, № 1: 66—110).

BONFANTE G.

1931. I dialetti indoeuropei (*Annali del Reale Istituto Orientale di Napoli*, v. IV, fasc. IX : 69—185).
 1935. Quelques aspects du problème de la langue rétique (*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*, t. 36, fasc. 2 : 141—154).
 1974. Das Problem des Weines und die linguistische Paläontologie (*Antiquitates Indogermanicae*. Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck : 85—90).

BOPP Fr.

1847. Die kaukasischen Glieder des indoeuropäischen Sprachstamms. Gelesen in der Königlich-Preussischen Akademie der Wissenschaften am 11. Dec. 1842, Berlin : Dämmler.

BORGSTRÖM C.

1949. Thoughts about IE vowel-gradation (*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*, Bd. 15 : 137—187).
 1954. Internal reconstruction of Pre-Indo-European word-forms (*WORD*, v. 10, № 2—3 : 275—287).

BÖRKER-KLÄHN J., BÖRKER Ch.

1976. Elfatun Pinar (*Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*, Bd. 90 : 1—41).

BOSCH F. D. K.

1960. The golden germ. *An introduction to Indian symbolism*, The Hague—Paris : Mouton.

BOSCH-GIMPERA P.

1968. Die Indoeuropäer. Schlußfolgerungen (*Die Urheimat der Indogermanen*), hrsg. von A. Scherer, Darmstadt. Wissenschaftliche Buchgesellschaft : 426—454).

BOSSERT H. Th.

1952. GIŠ.HUR (*Bibliotheca Orientalis*), IX, № 5—6 : 172—173).

BOUDA K.

1956. Dravidisch und Uralaltaisch (*LINGUA. International Review of General Linguistics*, v. 5, № 2 : 129—144).

BRANDENSTEIN W.

1952. Bemerkungen zum Sinnbezirk des Klimas (*Studien zur Indogermanischen Grundsprache*), Wien).

BRANDENSTEIN W., MAYRHOFER M.

1964. Handbuch des Altpersischen, Wiesbaden : O. Harrassowitz.

BREMER O.

1924. Vier und acht (*Streitberg Festgabe*), hrsg. von der Direktion der Vereinigten Sprachwissenschaftlichen Institute an der Universität zu Leipzig, Leipzig : Markert & Petters Verlag : 20—21).

BREMMER J.

1976. Avunculate and fosterage (*The Journal of Indo-European Studies*, v. 4, № 1 : 65—78).

BRENTJES B.

1979. Zur Rolle der nacheiszeitlichen Umweltentwicklung im Irak (*Das Altertum*), Bd. 25, H. 4 : 197—204).

BROCKELMANN C.

1966. *Lexicon Syriacum*, Hildesheim : Georg Olms Verlagsbuchhandlung.

BROSMAN P. W., Jr.

1976. The Hittite gender of cognates of PIE feminines (*The Journal of Indo-European Studies*, v. 4, № 2 : 141—159).

BRUGMANN K.

1904. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen (*auf Grund des fünfbandigen «Grundrisses der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen» von K. Brugmann und B. Delbrück verfasst*), Strassburg : K. J. Trübner.

BRUNNHOFER H.

1893. Urgeschichte der Arier in Vorder- und Centralasien. *Historisch-geographische Untersuchungen über den ältesten Schauplatz des Rigveda und Avesta*, Bd. 1—3, Leipzig : Friedrich.

BUCK C. D.

1905. Elementarbuch der oskisch-umbrischen Dialekte, Heidelberg C. Winter. Universitätsverlag.

1910. Introduction to the study of the Greek dialects. *Grammar, Selected Inscriptions, Glossary*, Boston—New York—Chicago—London : Ginn & Co.
1949. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. *A Contribution to the History of Ideas*, Chicago : The University of Chicago Press.
- BUDDRUS G.
1961. Der Veda und Kaschmir (*«Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen»*, Bd. 77, H. 3/4 : 235—245).
- BUGA K.
- 1958—1961. Rinkiniai Raštai, I—III, Vilnius : *Politinės ir Mokslinės Literatūros Leidykla*.
- BURDE C.
1974. Hethitische medizinische Texte (*«Studien zu den Boğazköy-Texten»*, H. 19), Wiesbaden : O. Harrassowitz.
- BURNEY C. A.
1958. Eastern Anatolia in the Chalcolithic and Early Bronze Age (*«Anatolian Studies»*. Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara, v. VIII : 157—199).
- BURROW T.
1946. Loanwords in Sanskrit (*«Transactions of the Philological Society»*, London : 1—30).
1954. The Sanskrit precative (*«Asiatica»*. Festschrift Friedrich Weller. Zum 65. Geburtstag gewidmet von seinen Freunden, Kollegen und Schülern, Leipzig. O. Harrassowitz : 35—42).
1955. The Sanskrit language, London : Faber & Faber.
1957. Sanskrit gī/gur 'to welcome' (*«Bulletin of the School of Oriental and African Studies»*. University of London, v. XX : 133—144).
1973. The Proto-Indoaryans (*«Journal of the Royal Asiatic Society»*, № 2 : 123—140).
- BURROW T., EMENEAU M. B.
1961. A Dravidian Etymological Dictionary, Oxford : At the Clarendon Press.
- BUTLER J. L.
1974. A murmured proposal regarding Grassmann's Law (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft*, Bd. 79 : 18—30).
- BUYSSSENS E.
1959. Negative contexts (*«English Studies»*, XL, № 3 : 163—169).
- ÇABEI E.
1972. Über einige Lautregeln des Albanischen (*DIE SPRACHE. Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, Bd. XVIII, H. 2 : 132—154).

- CAMERA C.
1981. Il mare nei documenti micenei (*KADMOS. Zeitschrift für Vor- und Frühgriechische Epigraphik*, Bd. XX, H. 1 : 26—37).
- CAMERON G. G.
1948. Persepolis treasury tablets, Chicago : Chicago University Press.
1951. The Old Persian text of the Bisutun inscription (*Journal of Cuneiform Studies*, v. V, № 2 : 47—54).
- CAMPANILE E.
1974. I.-E. metaphors and non-I.-E. metaphors (*The Journal of Indo-European Studies*, v. II, № 3 : 247—258).
- CAMPBELL L.
1973. On glottalic consonants (*International Journal of American Linguistics*, v. 39, № 1 : 44—46).
- CANBY J. V.
1975. The Walters Gallery Cappadocian tablet and the sphynx in Anatolia in the second millennium B. C. (*Journal of the Near Eastern Studies*, v. 34, № 4 : 225—248).
- CANTINEAU J.
1952. Le consonantisme du sémitique (*SEMITICA*, IV : 79—94).
- CAPELL A.
1971. Austronesian languages of Australian New Guinea (*Current Trends in Linguistics*, ed. by T. A. Sebeok, v. 8. Linguistics in Oceania, The Hague—Paris : Mouton).
1972. The affix-transferring languages of Australia (*LINGUISTICS. An International Review*, v. 87 : 5—36).
- CARRATELLI G. P.
1950. Ahhijawa, Lazpa et leur divinités dans KUB V, 6 (*Jahrbuch für Kleinasiatische Forschung*). Internationale Orientalistische Zeitschrift, Bd. 1, H. 2 : 156—163).
- CARRUBA O.
1970. Das Palaische. *Texte, Grammatik, Lexikon* (*Studien zu den Boğazköy-Texten*, H. 10), Wiesbaden : O. Harrassowitz.
1981. Pleneschreibung und Betonung im Hethitischen (*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*, Bd. 95, H. 2 : 232—248).
- CATFORD J. C.
1964. Phonation types : The classification of some laryngeal components of speech production (*In Honour of Daniel Jones*, ed. by D. Abercrombie, E. B. Fry, P. A. D. MacCarthy, N. C. Scott, and J. L. M. Trim, London . Longmans : 26—37).
1977. Fundamental problems in phonetics, Bloomington & London : Indiana University Press.
- CHADWICK J.
1969. Aegean history 1500—1200 B. C. (*Studi Classici*, XI : 7—18).

- 1970/1. The 'Greekness' of Linear B (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 75, H. 1 : 97—104).
- CHANG K. K.**
1978. The origin of Chinese civilization : A review (*Journal of the American Oriental Society*, v. 98, № 1 : 85—91).
- CHANIDZÉ A.**
1963. Le sujet grammatical de quelques verbes intransitifs en géorgien (*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*, t. 58, fasc. 1 : 1—40).
- CHANTRAINE P.**
1927. Histoire du parfait grec, Paris : Champion.
1955. Les noms de l'agneau en grec : ἀρνίον et ἀμνός (*Corolla Linguistica*). Festschrift F. Sommer zum 80. Geburtstag am 4. Mai 1955 dargebracht von Freunden, Schülern und Kollegen, hrsg. von H. Krahe, Wiesbaden : O. Harrassowitz : 12—19).
1964. Les noms d'action pour 'manger' et 'boire' chez Homère (*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*, t. 59, fasc. 1 : 11—23).
1968—1974. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. *Histoire des mots* (Publié avec le concours du Centre National de la Recherche Scientifique), t. 1—2, 3, Paris : Klincksieck.
1976. A propos de grec ὠνέομαι (*Scritti in onore di Giuliano Bonfante*, v. I, Brescia. Paideia Editrice : 147—154).
- CHARACHIDZÉ G.**
1968. Le système religieux de la Géorgie païenne. *Analyse structurale d'une civilisation*, Paris : François Maspero.
- CHILDE V. G.**
1944. The story of tools (*Story of Science Series*), London : Cobbett.
1950. Prehistoric migrations in Europe, Oslo : Aschehoug.
1951. The first waggons and carts from the Tigris to the Severn (*Proceedings of the Prehistoric Society*, N. S., v. XVII, p. 2, London : 177—194).
1954. Rotary motion (*A History of Technology*, ed. by C. Singer, E. Holmyard, A. Hall, Oxford, v. 1).
1954a. The diffusion of wheeled vehicles (*Ethnographisch-Archäologische Forschungen*, 2, hrsg. von H. Kothe und K. H. Otto, Berlin : 1—17).
- CHOMSKY N., HALLE M.**
1968. The sound pattern of English, New York — Evanston — London : Harper & Row.
- CIVIL M.**
1966. Notes on Sumerian lexicography, I (*Journal of Cuneiform Studies*, v. XX, № 3/4 : 119—124).

CLAUSON G.

1973. Philology and archaeology (*ANTIQUITY*. A Quarterly Review of Archaeology, v. XLVII, № 185 : 6—18).

COBLIN W. S.

1974. An early Tibetan word for horse (*Journal of the American Oriental Society*), v. 94, № 1 : 124—125).

COGHLAN H.

1956. Notes on prehistoric and early iron in the Old World, Oxford : Oxford University Press.

COHEN D.

1976. Dictionnaire des racines sémitiques (*ou attestées dans les langues sémitiques*), Paris—La Haye : Mouton.

COHEN M.

1947. Essai comparatif sur le vocabulaire et la phonétique du chamito-sémitique (*Bibliothèque de l'École des Hautes Études*. Sciences Historiques et Philologiques, fasc. 291, Paris).

COLARUSSO J. J., Jr.

1975. The Northwest Caucasian languages : A phonological survey. Ph.D. Dissertation, Harvard University.

COLE T.

1969. The Saturnian verse (*Studies in Latin Poetry*). Yale Classical Studies, v. XXI : Cambridge University Press : 1—75).

COLLINDER B.

1934. Indo-uralisches Sprachgut (*Uppsala Universitets Årsskrift*. Filosofi, Språkvetenskap och Historiska Vetenskaper 1, Uppsala).

1955. Fenno-Ugric Vocabulary. *An etymological dictionary of the Uralic languages*, Stockholm : Almqvist & Wiksell.

1974. Indo-Uralisch — oder gar Nostratisch? Vierzig Jahre auf rauhen Pfaden (*Antiquitates Indogermanicae*. Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck : 363—375).

COLLINGE N. E.

1975. Lachmann's Law revisited (*FOLIA LINGUISTICA*. Acta Societatis Linguisticae Europaeae, t. VIII, 1/4 : 223—253).

CONRADY

1925. Alte westöstliche Kulturwörter (*Berichte und Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften*. Phil.-Hist. Klasse, Bd. 77, H. 3, Leipzig).

COOK A. B.

1894. Animal worship in the Mycenaean age (*The Journal of Hellenic Studies*), v. XIV : 81—169).

ČOP B.

1960. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung, III. 11, Heth. -šepa-/zipa- (*DIE SPRACHE*. Zeitschrift für Sprachwissenschaft, Bd. VI, H. 1 : 1—8).
1971. Indogermanica minora, I. Sur les langues anatoliennes («Slovenska Akademija Znanosti in Umetnosti». Razred za filološke in literarne vede, Razprave VIII).
1979. Indogermanisch-Anatolisch und Uralisch («*Hethitisch und Indogermanisch*». Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Altkleinasiens, hrsg. von E. Neu und W. Meid, Innsbruck : 9—24).

CORNIL O., LEBRUN R.

1972. La tablette KBo XVI 98 (=2211/c) («*Hethitica*», 1. Travaux éditées par G. Jucqois, Louvain).

COUVREUR W.

1937. De Hettitische H. Een bijdrage tot de studie van het Indoeuropeesche vocalisme, Louvain (Université de Louvain. Bibliothèque du Muséon).
1938. Les dérivés verbaux en -ske/o- du hittite et du tocharien («*Revue des Études Indo-Européennes*», t. 1, fasc. 1, Bucarest : 89—101).

COWGILL W.

1964. The supposed Cypriote optatives *duwánoi* and *dōkoi* with notes on the Greek infinitive formations (*LANGUAGE*, v. 40, № 3 : 344—365).
1965. Evidence in Greek («*Evidence for Laryngeals*», ed. by W. Winter, The Hague — Paris. Mouton : 142—180).
1966. Ancient Greek dialectology in the light of Mycenaean («*Ancient Indo-European Dialects*». University of California Press, ed. by H. Birnbaum and J. Puhvel, Berkeley and Los Angeles : 77—95).
1968. The first person singular mediopassive of Indo-Iranian («*Pratidānam*». Indian, Iranian and Indo-European Studies presented to F. B. J. Kuiper on his Sixtieth Birthday, The Hague — Paris. Mouton : 24—31).
1970. Italic and Celtic superlatives and the dialects of Indo-European («*Indo-European and Indo-Europeans*». Papers presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania, ed. by G. Cardona, H. M. Hoenigswald, and A. Senn. Philadelphia : 113—154).
1972. More evidence for Indo-Hittite : the tense-aspect system («*Reports for the Tenth International Congress of Linguists*», Bologna: 922—934).
1979. Anatolian *hi*-conjugation and Indo-European perfect : Instalment II («*Hethitisch und Indogermanisch*». Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Altkleinasiens, hrsg. von E. Neu und W. Meid, Innsbruck : 25—39).

CROSSLAND R. A.

1957. Indo-European origins : The linguistic evidence («*Past & Present*», № 12 : 16—46).

CUILLANDRE J.

1944. La droite et la gauche dans les poèmes homériques en concordance avec la doctrine pythagoricienne et avec la tradition celtique, Paris : Rennes. Imprimeries réunies.

CUMMERC F. B.

1901. The sister's son («*An English Miscellany*». Presented to F. J. Furnivall, Oxford : 133—150).

CUNY A.

1924. Études prégrammaticales sur le domaine des langues indo-européennes et chamito-sémitiques, Paris : Champion.

CURWEN E. C., HATT G.

1953. Plough and pasture. The early history of farming, New York : Schuman.

DANIEL G. E.

1941. The dual nature of the megalithic colonization of prehistoric Europe («*Proceedings of the Prehistoric Society*», v. VIII, London : 41—47).

1958. The megalith builders of Western Europe, London : Praeger.

DAUZAT A., DESLANDES G., ROSTAING Ch.

1978. Dictionnaire étymologique des noms de rivières et de montagnes en France, Paris : Klincksieck.

DEBRUNNER A., SCHERER A.

1969. Geschichte der griechischen Sprache, II, Berlin : W. de Gruyter.

DEETERS G.

1957. Bemerkungen zu K. Bouda's «Südkaukasisch-Nordkaukasischen Etymologien» («*Die Welt des Orients*». Wissenschaftliche Beiträge zur Kunde des Morgenlandes», Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht : 382—391).

1958. Über einen *n//r*-Wechsel im Georgischen (SYBARIS. Festschrift H. Krahe zum 60. Geburtstag am 7. Februar 1958 dargebracht von Freunden, Schülern und Kollegen, Wiesbaden : O. Harrassowitz : 14—17).

1963. Die kaukasischen Sprachen («*Handbuch der Orientalistik*», hrsg. von B. Spuler. I Abt.: Der Nahe und der Mittlere Osten, Bd. VII: Armenische und Kaukasische Sprachen, Leiden/Köln : E. J. Brill).

DEGER-JALKOTZY S.

1977. Fremde Zuwanderer im spätmykenischen Griechenland. *Zu einer Gruppe handgemachter Keramik aus den Myk. III C Siedlungsschichten von Aigeira*, Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

1978. E-QE-TA. *Zur Rolle des Gefolgschaftswesens in der Sozialstruktur mykenischen Reiches*, Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

DEINES H. von

1953. Die Nachrichten über das Pferd und den Wagen in den ägyptischen Texten («*Mitteilungen des Instituts für Orientforschung der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*», Bd. 1, H. 1 : 3—15).

DELBRÜCK B.

1888. Altindische Syntax (воспроизведено: *Darmstadt. Wissenschaftliche Buchgesellschaft*, 1968).
1889. Die indogermanischen Verwandtschaftsnamen. *Ein Beitrag zur vergleichenden Altertumskunde* («*Abhandlungen der Königlichen Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften*». Phil.-Hist. Classe, Bd. XI, Leipzig : 379—606).
- 1893—1900. В кн.: K. Brugmann und B. Delbrück, Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, III—V, Strassburg : K. J. Trübner.

DELITZSCH F.

1896. Assyrisches Handwörterbuch, Leipzig : J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung (воспроизведено : Leipzig 1968).

DEMPWOLFF O.

1920. Die Lautentsprechungen der indonesischen Lippenlaute in einigen anderen austronesischen Südseesprachen, Berlin — Hamburg : Boysen.

DESCH et al.

- 1928—1936. Sumerian copper (Reports of the Committee. «*The Annual Reports of the British Association for the Advancement of Science*», v. 1—7).

DESHAYES J.

1960. Les outils de bronze de l'Indus au Danube de IVe au IIe millénaire, t. I et II («*Institut Français d'Archéologie de Beyrouth*». Bibliothèque archéologique et historique, t. LXXI), Paris : Librairie Orientaliste P. Geuthner.
1969. New evidence for the Indo-Europeans from Tureng Tepe (*ARCHAEOLOGY*, v. 22, № 1 : 10—17).

DETSCHEW D.

1957. Die thrakischen Sprachreste («*Österreichische Akademie der Wissenschaften*». Phil.-Hist. Klasse. *Schriften der Balkankommission*. Linguistische Abteilung 14, Wien).

DEVOTO G.

1962. *Origini Indoeuropee*, Firenze : Sansoni.

DIAKONOFF I. M.

1967. Die hethitische Gesellschaft («*Mitteilungen des Instituts für Orientalforschung*», Bd. XIII, H. 3 : 313—365).
1971. Hurrisch und Urartäisch, München : R. Kitzinger.
1972. Die Arier im Vorderen Orient. Ende eines Mythos (*ORIENTALIA. Commentarii Periodici Pontificii Instituti Biblici*, v. 41, fasc. 1 : 91—120).
1975. Hamito-Semitic languages («*The New Encyclopaedia Britannica*», Macropaedia, v. 8 : 589—598).
1981. Earliest Semites in Asia. Agriculture and animal husbandry according to linguistic data (VIII—IVth millennia B. C.) [«*Altorientalische Forschungen*», VIII. Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients, Berlin. Akademie der Wissenschaften der DDR: 23—74].

DIAKONOFF I. M., LIVSHITS V. A.

1976. Parthian economic documents from Nisa («*Corpus Inscriptionum Iranicarum*», p. 2. Inscriptions of the Seleucid and Parthian Periods and of Eastern Iran and Central Asia, v. 2 : Parthian), London : Humphries & Co.

DILLON M.

1947. Celtic and other Indo-European languages («*Transactions of the Philological Society*», London : 15—24).

DIVER W.

1959. Palatal quality and vocalic length in Indo-European (*WORD*, v. 15, № 1 : 110—112).

DIXON R. M. W.

1969. Relative clauses and possessive phrases in two Australian languages (*LANGUAGE*, v. 45, № 1 : 35—44).
1972. The Dyirbal language of North Queensland («*Cambridge Studies in Linguistics*», 9) : Cambridge University Press.
1979. Ergativity (*LANGUAGE*, v. 55, № 1 : 59—138).

DJAHUKIAN G. B.

1969. Armenische Miscellen («*Studia Classica et Orientalia Antonio Pagliaro Oblata*», III, Roma : 65—71).

DOTTIN G.

1918. La langue gauloise. *Grammaire, textes et glossaires* («*Collection pour l'Étude des Antiquités Nationales*», II), Paris : Klincksieck.

DRACHMAN G.

1980. Phonological asymmetry and phonological analogy: Or, will the real Lachmann's Law please stand up («*Lautgeschichte und Etymologie*». Akten der VI. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, Wien, 24—29. September 1978, hrsg. von M. Mayrhofer, M. Peters, O. E. Pfeiffer, Wiesbaden : 79—101).

DRESSLER W.

1968. Studien zur verbalen Pluralität. Iterativum, Distributivum, Durativum, Intensivum in der allgemeinen Grammatik, im Lateinischen und Hethitischen («*Österreichische Akademie der Wissenschaften*». Philosophisch-Historische Klasse. Sitzungsberichte, Bd. 259, 1. Abhandlung, Wien).
1969. Eine textsyntaktische Regel der idg. Wortstellung («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 83, H. 1 : 1—25).
1971. Über die Rekonstruktion der idg. Syntax («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 85, H. 1 : 8—22).
1975. Zur Rekonstruktion phonologischer Prozesse im Altgriechischen: Grassmanns Gesetz («*Berichte der Slavistik*». Festschrift zu Ehren von Josip Ham, Wien : 53—67).

DRIVER W.

1964. The system of agency of the Latin noun (*WORD*, v. 20, № 2 : 178—196).

DROWER M. S.

1969. The domestication of the horse («*The Domestication and Exploitation of Plants and Animals*», ed. by Ucko P. J. and Dimbleby G. W., London. Duckworth : 471—478).

DUBUISSON D.

1978. Le roi indo-européen et la synthèse des trois fonctions («*Annales. Économies. Sociétés. Civilisations*». 33e année, № 1 : 21—34).

DUCHESNE-GUILLEMIN J.

1962. L'étude de l'iranien ancien en vingtième siècle (*KRATYLOS*. Kritisches Berichts- und Rezensionorgan für Indogermanische und Allgemeine Sprachwissenschaft, Jg. VII, H. 1 : 1—44).
1973. On the complaint of the ox-soul («*The Journal of the Indo-European Studies*», v. I, № 1 : 101—104).

DUHOUX Y.

1973. Indo-européen **el-eu-dh-/*l-eu-dh-*, grec ἐλεύθερος, latin *liber* (*FOLIA LINGUISTICA*. Acta Societatis Linguisticae Europaeae, t. VI, 1/2 : 146—151).

DUMÉZIL G.

1924. Le festin d'immortalité: Étude de mythologie comparée indo-européenne («*Annales du Musée Guimet*», v. 34, Paris).
1925. Les bylines de Michajlo Potyk et les légendes indo-européennes de ambrosie («*Revue des Études Slaves*», 5 : 205—237).
1930. Légendes sur les nartes, suivis de cinq notes mythologiques («*Bibliothèque de l'Institut Français de Leningrad*», t. II), Paris : Institut d'Études Slaves.
1948. Mitra-Varuna. Essai sur deux représentations indo-européennes de la souveraineté, 2me éd. (Collection «La Montagne Sainte-Geneviève», t. 7), Paris : Gallimard.

- 1948a. Explication de textes indiens et latins (Jupiter, Mars, Quirinus, IV) [*Bibliothèque de l'École des Hautes Études*]. Section Religieuse, t. 62, Paris : PUF].
1954. Rituels indo-européens à Rome (Collection «*Études et Commentaires*», v. 19), Paris : Klincksieck.
1958. L'idéologie tripartite des Indo-Européens (*Collection Latomus*, t. 31), Bruxelles.
1959. Notes sur le bestiaire cosmique de l'Edda et du ṚgVeda («*Mélanges de Linguistique et de Philologie*», Fernand Mossé in memoriam, Paris : 104—112).
1961. Les «trois fonctions» dans le ṚgVeda et les dieux indiens de Mitani («*Académie Royale de Belgique*», Bulletin de la Classe des Lettres et des Sciences Morales et Politiques, 5e série : 265—298).
1963. Caucasicque du Nord-Ouest et parlers scythiques (*Istituto Orientale di Napoli*). Annali. Sezione linguistica, V, Roma).
1966. La religion romaine archaïque (*Suivi d'un appendice sur la religion des étrusques*), Paris : Payot.
1968. Mythe et Épopée. L'idéologie dans les épopées des peuples indo-européens, Paris : Gallimard.
1969. Heur et malheur du guerrier. *Aspects mythiques de la fonction guerrière chez les Indo-Européens*, Paris : Presses Universitaires de France.
1971. Mythe et épopée. Types épiques indo-européens : un héros, un sorcier, un roi, Paris : Gallimard.
1973. Mythe et épopée. Histoire romaine, Paris : Gallimard.
1976. Fêtes romaines d'été et d'automne. *Suivi de dix questions romaines* («*Bibliothèque des Sciences Humaines*»), Paris : Gallimard.
- DUMONT L.
1966. Homo hierarchicus. *Essais sur le système des castes*, Paris : Gallimard.
- DUMONT P.-E.
1927. L'ásvamedha. Description du sacrifice solennel du cheval dans le culte védique d'après les textes du Yajurveda blanc («*Société Belge d'Études Orientales*»), Paris : P. Geuthner.
- DURANTE M.
1967. Vicende linguistiche della Grecia tra l'età Micenea e il Medioevo Ellenico («*Atti e Memorie del 1° Congresso Internazionale di Micenologia*», Roma, 27 settembre—3 ottobre 1967. Seconda parte. Ed. dell' Ateneo, 1968 : 51—59).
- 1968 [1958]. Epea pteroenta. Die Rede als 'Weg' in griechischen und vedischen Bildern («*Indogermanische Dichtersprache*», hrsg. von Rüdiger Schmitt, Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft : 242—260).

DÜRBECK H.

1977. Zur Charakteristik der griechischen Farbenbezeichnungen, Bonn: Rudolf Habert Verlag GmbH.

DURNFORD S. P. B.

1975. Luwian linguistics : Some etymological suggestions (*Revue Hittite et Asiatique*, t. XXXIII : 43—53).

DYEN I.

1965. Formosan evidence for some new Proto-Austronesian phonemes (*LINGUA. International Review of General Linguistics*, v. 14 : 285—305).
1971. The Austronesian languages and Proto-Austronesian (*Current Trends in Linguistics*, ed. by T. A. Sebeok, v. 8. Linguistics in Oceania, The Hague — Paris : Mouton).

EBENBAUER A.

1974. Ursprungsglaube, Herrschergott und Menschenopfer (*Antiquitates Indogermanicae*). Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck : 233—249).

EDEL E.

1976. Ägyptische Ärzte und ägyptische Medizin am hethitischen Königshof. *Neue Funde von Keilschriftbriefen Ramses' II aus Boğazköy* («Rheinisch-Westfälische Akademie der Wissenschaften», Vorträge G 205, Göttingen).

EDGERTON F.

1934. Sievers's Law and IE weak-grade vocalism (*LANGUAGE*, v. 10, № 3 : 235—265).
1943. The Indo-European semivowels (*LANGUAGE*, v. 19, № 2 : 83—124).

EHELOLF H.

1927. Zum hethitischen Lexicon (*Kleinasiatische Forschungen*), hrsg. von F. Sommer und H. Ehelolf, Bd. I, H. 1 : 137—160).
1930. Zum hethitischen Lexicon (*Kleinasiatische Forschungen*), hrsg. von F. Sommer und H. Ehelolf, Bd. I, H. 3 : 393—400).

EICHNER H.

1973. Die Etymologie von heth. *mehur* (*Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*, H. 31 : 53—107).
1978. Die urindogermanische Wurzel **H₂reu-* 'hell machen' (*DIE SPRACHE. Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, Bd. XXIV, H. 2 : 144—162).
1979. Hethitisch *genuššuš*, *ginušši*, *ginuššin* (*Hethitisch und Indogermanisch*). Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Altkleinasiens, hrsg. von E. Neu und W. Meid, Innsbruck : 41—61).

EILERS W.

1974. Herd und Feuerstätte in Iran («*Antiquitates Indogermanicae*». Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck : 307—338).

EILERS W., MAYRHOFER M.

1960. Namenkundliche Zeugnisse der indischen Wanderung? Eine Nachprüfung (*DIE SPRACHE*. Zeitschrift für Sprachwissenschaft, Bd. VI, H. 2 : 107—134).
1962. Kurdisch *būz* und die indogermanische 'Buchen'-Sippe («*Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*», 92 : 61—92).

EISLER R.

1910. Weltenmantel und Himmelszelt. *Religionsgeschichtliche Untersuchungen zur Urgeschichte des antiken Weltbildes*, Bd. 1—2, München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung.
1951. Man into wolf. *An anthropological interpretation of sadism, masochism, and lycanthropy* (A lecture delivered at a meeting of the Royal Society of Medicine; with an introduction by Sir D. K. Henderson), New York : Philosophical Library.

ELIADE M.

- 1959 Les Daces et les loups («*Numen*», 6 : 15—31).

EMONDS J. A.

1972. A reformulation of Grimm's Law («*Contributions to Generative Phonology*», ed. by M. K. Brame, Austin and London : 108—122).

ENDZELINS J.

1951. Latviešu valodas gramatika, Rīgā : Latvijas Valsts Izdevniecība.
1971. Comparative phonology and morphology of the Baltic languages, The Hague—Paris : Mouton.

ERHART A.

1965. Die i.-e. Dualendung *-ō(u)* und die Zahlwörter («*Sborník Prací Filosofické Fakulty Brněnské University*», A 13 : 11—33).
1970. Studien zur indoeuropäischen Morphologie, Brno : Univ. J. E. Purkyně.
1973. Pluralformen und Pluralität. *In marginé der Arbeiten von G.R. Solta und W. Dressler* (*ARCHIV ORIENTÁLNÍ*, 41, 3 : 243—255).

ERMAN A., GRAPOW H.

1955. Wörterbuch der Aegyptischen Sprache. *Im Auftrage der Deutschen Akademien*, Bd. I—VI, Berlin : Akademie-Verlag.

ERNOUT A.

1961. Le dialecte ombrien. *Lexique du vocabulaire des «Tables Eugubines» et des inscriptions*, Paris : Klincksieck.

ERNOUT A., MEILLET A.

1967. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots, 4e éd., 2me tirage, augmenté de corrections nouvelles, Paris : Klincksieck.

ERSKINE J. E.

1853. Journal of a cruise among the islands of a Western Pacific including the Feejees and others inhabited by the Polynesian negro races, in Her Majesty's ship Havannah, London : J. Murray.

ESSER A. A. M.

1935. Die theoretischen Grundlagen der altindischen Medizin und ihre Beziehung zur griechischen («*Deutsche Medizinische Wochenschrift*», № 15).

ESTERLE G.

1974. Die Boviden in der Germania, Wien : Halosar.

EVANGELISTI E.

1950. I modi di articolazione indoeuropei nelle palatalizzazioni tocariche («*Ricerche Linguistiche*», 1 : 132—140).

FAIRSERSVIS W. A.

1956. The chronology of the Harappan civilization and the Aryan invasions (*MAN. A Monthly Record of Anthropological Science*, v. 56 : 153—156).

FALKENSTEIN A.

1964. Sumerische religiöse Texte («*Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie*», N.F., Bd. 22 [56] : 44—129).

FANG-KUEI LI

1946. Chipewyan («*Linguistic Structures of Native America*». Viking Fund Publications in Anthropology, № 6. New York).

FEIST S.

1923. Etymologisches Wörterbuch der gotischen Sprache (*mit Einschluss des Krimgotischen und sonstiger gotischer Sprachreste*), 2-te, gänzlich neubearbeitete Auflage, Halle (Saale) : Max Niemeyer.
1939. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. *Mit Einschluss des Krimgotischen und sonstiger zerstreuter Überreste des Gotischen*, 3. neubearb. u. verm. Aufl., Leiden : E. J. Brill.

FERGUSON Ch. A., MOUKHTER A. et al.

1961. Damascus Arabic, Washington : Center for Applied Linguistics.

FIELD H.

1961. Ancient and modern man in Southwestern Asia, v. II. Coral Gables, Florida : University of Miami Press.

FILLMORE Ch. J.

1968. The case for case («*Universals in Linguistic Theory*», ed. by E. Bach and R. T. Harms, London — New York — Sydney — Toronto : Holt, Rinehart & Winston : 1—88).

FIRBAS Fr.

1949. Spät- und nacheiszeitliche Waldgeschichte Mitteleuropas nördlich der Alpen, Bd. I, Jena : Fischer.

FISCHER-JØRGENSEN E.

1968. Phonetic analysis of breathy (murmured) vowels in Gujarati («*Indian Linguistics*»). *Journal of the Linguistic Society of India*, 28 : 71—139).

FLIER M. S.

1974. Aspects of nominal determination in Old Church Slavic, The Hague—Paris : Mouton.

FOLEY J.

1965. Prothesis in the Latin verb *sum* (*LANGUAGE*, v. 41, № 1 : 59—64).

FONTENROSE J.

1959. Python. A study of Delphic myth and its origins, Berkeley and Los Angeles : University of California Press.

FORBES K.

1958. Medial intervocalic $-ρσ-$, $-λσ-$ in Greek (*GLOTTA*. Zeitschrift für Griechische und Lateinische Sprache, Bd. XXXVII, H. 3/4 : 235—272).

FORBES R. J.

1950. Metallurgy in antiquity. *A notebook for archaeologists and technologists*, Leiden : E. J. Brill.

1955—1964. *Studies in ancient technology*, 9 vols., Leiden : E. J. Brill.

FORCHHEIMER P.

1953. The category of person in language, Berlin : W. de Gruyter.

FORD G. B.

1967. *esti* und *yra* in Vilentas' Enchiridion («*Zeitschrift für Slawische Philologie*», Bd. 33, H. 2 : 353—357).

FOURQUET J.

1948. Les mutations consonantiques du germanique. *Essai de position des problèmes* («*Publications de la faculté des lettres de l'Université de Strassbourg*, 111), Paris : Les Belles Lettres.

FRAENKEL E.

1928. Syntax der litauischen Kasus, Kaunas : Valstybės Spaustuvė.

1950. Die baltischen Sprachen, ihre Beziehungen zu einander und zu den indogermanischen Schwesteridiomen als Einführung in die baltische Sprachwissenschaft, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.

1962—1965. Litauisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I u. II, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.

FRANKLIN K. J.

1963. Kewa ethnolinguistic concepts of body parts (*«Southwestern Journal of Anthropology»*, 19 : 54—63).

FRECHKOP S.

1965. La spécificité du cheval de Prjewalsky (*«Bulletin de l'Institut des Sciences Naturelles de Belgique»*, XII, 29).

FRENZEL B.

1960. Die Vegetations- und Landschaftszonen Nord-Eurasiens während der letzten Eiszeit und während der postglazialen Wärmezeit (*«Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur zu Mainz»*. Mathematisch-Naturwissenschaftliche Klasse, № 6, Mainz : 289—453).

FRIEDRICH J.

- 1926—1930. Staatsverträge des Hatti-Reiches in hethitischer Sprache, Bd. 1—2 (*«Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft»*, 31, 1 u. 34, 1), Leipzig.
1949. Churritische Märchen und Sagen in hethitischer Sprache (*«Zeitschrift für Assyriologie und Verwandte Gebiete»*, N. F. 15 [49] : 214—225).
- 1949a. Der churritische Mythos vom Schlangendämon Hedammu in hethitischer Sprache (*ARCHIV ORIENTALNI*, 17, 1 : 230 — 254).
1952. Hethitisches Wörterbuch. *Kurzgefasste kritische Sammlung der Deutungen hethitischer Wörter*, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
1954. Göttersprache und Menschengsprache im hethitischen Schrifttum (*«Sprachgeschichte und Wortbedeutung»*. Festschrift A. Debrunner, Bern. Francke : 135—139).
1957. Hethitisches Wörterbuch. *Kurzgefasste kritische Sammlung der Deutungen hethitischer Wörter*, 1. Ergänzungsheft, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
1959. Die hethitischen Gesetze (*«Transkription, Übersetzung, sprachliche Erläuterungen und vollständiges Wörterverzeichnis»*, Leiden : E. J. Brill).
1960. Hethitisches Elementarbuch, Bd. I (2. Aufl.), Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
1961. Hethitische Wörter für 'Wolle' (*«Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen»*, Bd. 77, H. 3/4 : 257).
1966. Hethitisches Wörterbuch. *Kurzgefasste kritische Sammlung der Deutungen hethitischer Wörter*, 3. Ergänzungsheft, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.

1969. Zu den hethitischen Wörtern für 'Stern' und 'Hand' (*ATHE-NAEUM*. Studi Periodici di Letteratura e Storia dell' Antichità, n. s., v. XLVII, fasc. I—IV. Studi in onore di P. Meriggi, Pavia : 116—117).

FRIEDRICH J., KAMMENHUBER A.

1975-. Hethitisches Wörterbuch, 2. Aufl., Lfr. 1—7, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.

FRIEDRICH P.

1966. Proto-Indo-European kinship (*ETHNOLOGY*. An International Journal of Cultural and Social Anthropology, v. V, № 1 : 1—36).

1970. Proto-Indo-European trees. *The arboreal system of a prehistoric people*, Chicago and London : The University of Chicago Press.

1976. The devil's case: PIE as type II («*Linguistic Studies Offered to J. Greenberg on the Occasion of his Sixtieth Birthday*», ed. by A. Juillard. *Studia Linguistica et Philologica*, 4, v. III : Syntax, Saratoga: Anma Libri & Co. : 463—480).

FRISK H.

1954. Griechisches etymologisches Wörterbuch, I («Indogermanische Bibliothek», hrsg. von H. Krahe. Reihe 2: Wörterbücher), Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.

FRONZAROLI P.

1964—1971. Studi sul lessico Comune Semitico, I—VII [«*Rendiconti delle Sedute dell' Accademia Nazionale dei Lincei*». Classe di Scienze Morali, Storiche e Filologiche, Ser. VIII, vol. XIX, fasc. 5—6 (1964) : 155—172; Ser. VIII, vol. XIX, fasc. 7—12 (1964) : 243—280; Ser. VIII, vol. XX, fasc. 3—4 (1965) : 135—150; Ser. VIII, vol. XX, fasc. 5—6 (1965) : 246—269; Ser. VIII, vol. XXIII, fasc. 7—12 (1968) : 267—303; Ser. VIII, vol. XXIV, fasc. 7—12 (1969) : 285—320; Ser. VIII, vol. XXVI, fasc. 7—12 (1971) : 603—642].

1973. Problems of a Semitic etymological dictionary («*Studies on Semitic Lexicography*», ed. by P. Fronzaroli. Quaderni di Semitistica 2 : Università di Firenze : 1—24).

FURNÉE E. J.

1972. Die wichtigsten konsonantischen Erscheinungen des Vorgriechischen, The Hague—Paris : Mouton.

1979. Vorgriechisch-Kartvelisches. *Studien zum ostmediterranen Substrat nebst einem Versuch zu einer neuen pelagischen Theorie*, Louvain: Éditions Peeters.

FUSSMAN G.

1972. Atlas linguistique des parlers dardes et kafirs, I, II. Commentaire («*Publications de l'École Française d'Extrême Orient*», t. LXXXVI, Paris).

GABELENTZ G. von der

1873. Die melanesischen Sprachen nach ihrem grammatischen Bau und ihrer Verwandtschaft unter sich und mit malaisch-polynesischen Sprachen untersucht («*Abhandlungen der Königlich Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften*. Phil.-Hist. Classe, Bd. III, VII, Leipzig).
1891. Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse, Leipzig: T. O. Weigel Nachfolger (Chr. Herm. Tauchnitz).

GAGNEPAIN J.

1959. Les noms grecs en -OΣ et en ᾶ. Contribution à l'étude du genre en indo-européen, Paris: Klincksieck.

GALTON H.

1962. Aorist und Aspekt im Slawischen. Eine Studie zur funktionellen und historischen Syntax, Wiesbaden: O. Harrassowitz.

GAMKRELIDZE Th. V.

1961. The Akkado-Hittite syllabary and the problem of the origin of the Hittite script (*ARCHIV ORIENTĀLNĪ*, 29, 3: 406—418).
1966. A typology of Common Kartvelian (*LANGUAGE*, v. 42, № 1: 69—83).
1968. Hittite and the laryngeal theory («*Pratidānam*». Indian, Iranian and Indo-European Studies presented to F. B. J. Kuiper on his Sixtieth Birthday, The Hague—Paris. Mouton: 89—97).
1970. «Anatolian languages» and the problem of Indo-European migration to Asia Minor («*Studies in General and Oriental Linguistics*». Presented to Shirō Hattori on the Occasion of his Sixtieth Birthday, ed. by R. Jakobson and Sh. Kawamoto, Tokyo: TEC Company, Ltd.: 138—143).
1974. The problem of "l'arbitraire du signe" (*LANGUAGE*, v. 50, № 1: 102—110).
1975. On the correlation of stops and fricatives in a phonological system (*LINGUA. International Review of General Linguistics*, v. 35: 231—261).
1976. Linguistic typology and Indo-European reconstruction («*Linguistic Studies Offered to Joseph Greenberg on the Occasion of his Sixtieth Birthday*», ed. by A. Juillard. *Studia Linguistica et Philologica*, 4, v. II: Phonology, Saratoga. Anma Libri & Co.: 399—406).
1979. Hierarchical relations among phonemic units as phonological universals («*Ninth International Congress of Phonetic Sciences*», Copenhagen. *Proceedings*, v. II: 9—15).

GAMKRELIDZE Th. V., IVANOV V. V.

1973. Rekonstruktion der indogermanischen Verschlüsse. *Vorläufiger Bericht* (*PHONETICA*, 27: 150—156).

GARDE P.

1976. Histoire de l'accentuation slave, I. Paris: Institut d'Études Slaves.

GARDIN J.-C.

1965. On a possible interpretation of componential analysis in archaeology (*American Anthropologist*, v. 67, № 5, p. 2: 9—22).

GASPARINI E.

1973. *Il matriarcato slavo*, Firenze: Sansoni.

GATES H. Ph.

1971. The kinship terminology of Homeric Greek (Part II. Supplement. *International Journal of American Linguistics*, v. 37, № 4, October 1971. Indiana University Publications in Anthropology and Linguistics).

GAUTHIOT R.

1910. Des noms de l'abeille et de la ruche en indoeuropéen et en finnoougrien (*Mémoires de la Société de Linguistique de Paris*, t. 16, fasc. 4: 264—279).

- 1914—1923. *Essai de grammaire sogdienne*, p. I. Phonétique, Paris: Paul Geuthner.

GEERS Fr. W.

1945. The treatment of emphatics in Akkadian (*Journal of Near Eastern Studies*, v. 4, № 2: 65—67).

GEIB R.

1975. *Agni Kravyād* 'das Fleisch fressende Feuer' im Rg- und Atharvaveda (*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*, Bd. 89, H. 2: 198—220).

GEIGER B.

1916. *Amaša Spantas*, ihr Wesen und ihre ursprüngliche Bedeutung (*Kaiserliche Akademie der Wissenschaften in Wien*. Phil.-Hist. Klasse. Sitzungsberichte, Bd. 176, Abh. 7).

GELB I. J.

1963. *A study of writing* (Revised edition). Phoenix Books: The University of Chicago Press.

1969. *Sequential reconstruction of Proto-Akkadian*, Chicago: The University of Chicago Press.

- 1969a. Cappadocian tablet supposedly from neighbourhood of Carchemish (*ATHENAEUM. Studi Periodici di Letteratura e Storia dell' Antichità*, n. s., v. XLVII, fasc. 1/4. Studi in onore di P. Meriggi, Pavia: 122—123).

1972. From freedom to slavery (*XVIIIe Rencontre Assyriologique Internationale*). Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philos.-Hist. Klasse, Abh., N.F., H. 75: 81—92).

1973. Prisoners of war in early Mesopotamia (*Journal of Near Eastern Studies*, v. 32, № 1 and 2: 70—98).

1975. *Homo Ludens in Early Mesopotamia* (*Studia Orientalia*, edidit Societas Orientalis Fennica, v. 46. Festschrift A. Salonen, Helsinki: 43—76).

1977. Thoughts about IBLA : A preliminary evaluation, March 1977 («*Syro-Mesopotamian Studies*». Monographic Journals of the Near East, gen. ed. Giorgio Buccellati, v. I, issue 1).
- GELDNER K. F.
1886—1895. Avesta, die heiligen Bücher der Parsen, Bd. I—III (im Auftrag der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien, herausgegeben von K. F. Geldner), Stuttgart: W. Kohlhammer.
- GEORGIEV VI.
1941—1945. Vorgriechische Sprachwissenschaft, Lief. I—II, Sofia: Imprimerie de l'Université.
- GEROW E.
1973. 'Frost' in the ṚGVEDA («*The Journal of Indo-European Studies*», v. I, № 2: 224—231).
- GERSHEVITCH I.
1954. A grammar of Manichean Sogdian («*Publications of the Philological Society*», 16), Oxford: Blackwell.
1965. Dialect variation in Early Persian («*Transactions of the Philological Society*», London, 1964 [1965]).
- GESENIUS W.
1968. A Hebrew and English Lexicon of the Old Testament (*With an Appendix containing the Biblical Aramaic*), based on the Lexicon of William Gesenius as translated by Ed. Robinson, Oxford: At the Clarendon Press.
- GHIRSHMAN R.
1977. L'Iran et la migration des Indo-Aryens et des Iraniens, Leiden: E. J. Brill.
- GIGNOUX Ph.
1972. Glossaire des Inscriptions Pehlevies et Parthes («*Corpus Inscriptionum Iranicarum*». Supplementary Series, v. I, London: Lund Humphries.
- GIMBUTAS M.
1965. Bronze age cultures in Central and Eastern Europe, The Hague—Paris: Mouton.
1968 [1963]. Die Indoeuropäer: Archäologische Probleme («*Die Urheimat der Indogermanen*», hrsg. von A. Scherer, Darmstadt. Wissenschaftliche Buchgesellschaft: 538—571).
1973a. Old Europe c. 7000—3500 B. C.: The earliest European civilization before the infiltration of the Indo-European peoples («*The Journal of Indo-European Studies*», v. I, № 1: 1—20).
1973b. The beginning of the Bronze Age in Europe and the Indo-Europeans: 3500—2500 B. C. («*The Journal of Indo-European Studies*», v. I, № 2: 163—214).
1974. An archaeologist's view of PIE in 1975 («*The Journal of Indo-European Studies*», v. II, № 3: 289—307).

- 1974a. The gods and goddesses of Old Europe : 7000 to 3500 B. C. *Myths, legends and images*, Berkeley—Los Angeles : University of California Press.
1977. The first wave of Eurasian steppe pastoralists into copper age Europe («*The Journal of Indo-European Studies*», v. V, № 4 : 277—338).
1982. Old Europe in the fifth millennium B. C.: The European situation on the arrival of Indo-Europeans («*The Indo-Europeans in the Fourth and Third Millennia*», ed. by E. C. Polomé, Ann Arbor : Karoma Publishers, Inc.: 1—60).

GIORGADZE G.

1976. Die Begriffe 'Freie' und 'Unfreie' bei den Hethitern («*Wirtschaft und Gesellschaft im Alten Vorderasien*», hrsg. von J. Harmatta und G. Komoróczy, Budapest : Akadémiai Kiadó : 299—308).

GLEASON H. A.

1955. An introduction into descriptive linguistics, New York: Holt, Rinehart & Winston.

GOETZE A.

1929. Die Pestgebiete des Muršiliš («*Kleinasiatische Forschungen*», hrsg. von F. Sommer und H. Ehelolf, Bd. I, H. 2: 161—251).
1933. Die Annalen des Muršiliš («*Mitteilungen der Vorderasiatisch-Agyptischen Gesellschaft*», 38), Leipzig.
1938. The Hittite ritual of Tunawī («*American Oriental Series*», v. 14), New Haven.
1948. [Рец. на кн.] H. Bozkurt, M. Čig, H. G. Güterbock, Istanbul Arkeoloji Müzelerinde bulunan Boğazköy Tabletleri. II. Millî Eğitim Basımevi, Istanbul, 1947 («*Journal of Cuneiform Studies*», v. II, № 3).
1951. On the Hittite words for 'year' and the seasons and for 'night' and 'day' (*LANGUAGE*, v. 27, № 4 : 467—476).
1953. The theophorous elements of the Anatolian proper names from Cappadocia (*LANGUAGE*, v. 29, № 3 : 263—277).
1954. Some groups of ancient Anatolian proper names (*LANGUAGE*, v. 30, № 3 : 349—359).
1955. Hittite dress («*Corolla Linguistica*». Festschrift F. Sommer zum 80. Geburtstag am 4. Mai 1955 dargebracht von Freunden, Schülern und Kollegen, hrsg. von H. Krahe, Wiesbaden : O. Harrassowitz: 48—62).
- 1955a. The linguistic continuity of Anatolia as shown by its proper names («*Journal of Cuneiform Studies*», v. VIII, № 2 : 74—81).
1957. Kleinasien («*Kulturgeschichte des Alten Orients*», III. 1), München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung.
1962. [Рец. на кн.] H. G. Güterbock und H. Otten, Keilschrifttexte aus Boghazköi. Zehntes Heft («*Journal of Cuneiform Studies*», v. XVI, № 1 : 24—30).

- 1962a. [Рец. на кн.] A. Kammenhuber, *Hippologia Hethitica* (*Journal of Cuneiform Studies*), v. XVI, № 1 : 30—35).
1963. Postposition and preverb in Hittite (*Journal of Cuneiform Studies*), v. XVII, № 3 : 98—101).
- GOETZE A., PEDERSEN H.
1934. Muršilis Sprachlähmung (*Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab*. Hist.-filol. Meddelelser, XXI, 1), København.
- GONDA J.
1954. The original character of the Indo-European relative pronoun *io-* (*LINGUA. International Review of General Linguistics*, v. 4, 1 [1954—1955]: 1—41).
- 1954a. The history and original function of the Indo-European particle *k^he*, especially in Greek and Latin (*MNEMOSYNE. Bibliotheca Philologica Batava*, ser. IV, v. VI, fasc. 4 : 265—296).
1956. The character of Indo-European moods with regard to Greek and Sanscrit, Wiesbaden : O. Harrassowitz.
- GOODENOUGH W. H.
1970. The evolution of pastoralism and Indo-European origins (*Indo-European and Indo-Europeans*). Papers presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania, ed. by G. Cardona, H. M. Hoenigswald, and A. Senn, Philadelphia. University of Pennsylvania Press : 253—265).
- GORDESIANI R.
1969. Zur Frage der ägäisch-kartwelischen Sprachparallelen (*Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität*, Jena, 18, H. 5 : 11—21).
- GOTTLIEB E.
1931. A systematic tabulation of Indo-European animal names, with special reference to their etymology and semasiology (*Language Dissertations*) published by the Linguistic Society of America, № VIII. Kraus Reprint Corporation, New York, 1966).
- GRASSMANN H.
1863. Über die Aspiraten und ihr gleichzeitiges Vorhandensein im An- und Auslaute der Wurzeln (*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*, Bd. 12 : 81—110).
- 1863a. Über das ursprüngliche Vorhandensein von Wurzeln, deren Anlaut und Auslaut eine Aspirate enthielt (*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*, Bd. 12 : 110—138).
1873. Wörterbuch zum Rig-Veda, Leipzig : Brockhaus.
- GREENBERG J. H.
1957. Essays in linguistics, Chicago : The University of Chicago Press.

1963. Some universals of grammar with particular reference to the order of the meaningful elements (*«Universals of Language»*, ed. by J. H. Greenberg, Cambridge, Mass.: MIT Press [2nd ed. 1966]: 73—113).
1966. Language universals with special reference to feature hierarchies, The Hague — Paris: Mouton.
1970. Some generalizations concerning glottalic consonants, especially implosives (*«International Journal of American Linguistics»*, v. 36, № 2, part 1: 123—145).
- GREENHALGH P. A. L.
1973. Early Greek warfare: Horsemen and chariots in the Homeric and Archaic ages, Cambridge: University Press.
- GRÉGOIRE H.
1949. Asklépios, Apollon Smintheus et Rudra. Études sur le dieu à la taupe et le dieu au rat dans la Grèce et dans l'Inde (*«Académie Royale de Belgique»*. Classe des Lettres et des Sciences Morales et Politiques. Mémoires. Collection in 8°, 2me série, t. 45, fasc. 1).
- GREPPIN J. A. C.
1978. Classical and Middle Armenian bird names (*A linguistic, taxonomic, and mythological study*), New York: Delmar (Caravan Books).
1982. The Anatolian substratum in Armenian — an interim report (*«Annual of Armenian Linguistics»*, v. 3: 65—72).
- GRIENBERGER V.
1896. Die germanischen Runennamen (*«Beiträge zur Geschichte der Deutschen Sprache und Literatur»*, Bd. 21: 185—224).
- GRIFFITHS M. E.
1937. Early vaticination in Welsh with English parallels, ed. by Prof. T. Gwynn Jones, Cardiff: University of Wales Press Board.
- GRÜNENTHAL O.
1933. Zum Perfect (*«Сборникъ въ честь на проф. Л. Милетицъ»*, София: Издание на Македонския Наученъ Институтъ: 70—76).
- GUARDUCCI M.
1980. La cosiddetta Fibula Prenestina. Antiquari, eruditi e falsari nella Roma dell' Ottocento, Roma (*«Memorie della Accademia Nazionale dei Lincei»*, vol. XXIV, fasc. 4).
- GUNNARSON J.
1971. On the Indo-European 'Dental Spirants' (*«Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap»*, Bd. 24: 21—82).
- GÜNTERT H.
1916. Indogermanische Ablautprobleme. Untersuchungen über *schwa secundum*, einen zweiten indogermanischen Murrelvokal (*«Untersuchungen zur Indogermanischen Sprach- und Kulturwissenschaft»*, hrsg. von K. Brugmann und F. Sommer, 6). Strassburg: K. J. Trübner.
1921. Von der Sprache der Götter und Geister. *Bedeutungsgeschichtliche Untersuchungen zur homerischen und eddischen Göttersprache*, Halle (Saale): Max Niemeyer.

1923. Der arische Weltkönig und Heiland. *Bedeutungsgeschichtliche Untersuchungen zur indo-iranischen Religionsgeschichte und Altertumskunde*, Halle (Saale) : Max Niemeyer.
- GURNEY O. R.
1940. Hittite prayers of Muršiliš II («*University of Liverpool*». *Annals of Archaeology and Anthropology*, v. XXVII).
1977. Some aspects of Hittite religion, Oxford : Oxford University Press.
- GUSMANI R.
1958. Studi sull' antico frigio («*Accademia di Scienze e Lettere*. Classe di Lettere e Scienze Morali e Storiche. *Rendiconti. Istituto Lombardo di Scienze e Lettere*, v. 92 : 835—869).
1959. Studi frigi, Milano : Istituto Lombardo.
1962. Note di linguistica microasiatica («*Annali d'Istituto Orientale di Napoli*». Sezione linguistica, v. IV, Napoli : 45—48).
1964. Lydisches Wörterbuch. *Mit grammatischer Skizze und Inschriftensammlung*, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
1968. Il lessico ittito, Napoli : Libreria Scientifica Editrice.
- GÜTERBOCK H. G.
1938. Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babyloniern und Hethitern bis 1200 («*Zeitschrift für Assyriologie und Verwandte Gebiete*», Bd. 44, H. 1/2 : 45—149).
1946. Kumarbi («*Istanbuler Schriften*», Nr. 16).
- 1951—1952. The song of Ullikummi. Revised Text of the Hittite Version of a Hurrian Myth («*Journal of Cuneiform Studies*», v. V, № 4 : 135—161; v. VI, № 1 : 8—42).
- HAAS O.
1966. Die phrygischen Sprachdenkmäler («*Linguistique Balkanique*», X), Sofia : Académie Bulgare des Sciences.
- HAAS V.
1970. Der Kult von Nerik. Ein Beitrag zur hethitischen Religionsgeschichte, Roma (Studia Pohl, 4) : Päpstliches Bibelinstitut.
1975. Die religiösen Vorstellungen (В кн. : «Das hurritologische Archiv». Corpus der hurri(ti)schen Sprachdenkmäler des Altorientalischen Seminars der Freien Universität Berlin).
1977. Magie und Mythen im Reich der Hethiter, I. Vegetationskulte und Pflanzenmagie («*Merlins Bibliothek der Geheimen Wissenschaften und Magischen Künste*», hrsg. von W. Bauer, Bd. 6, Hamburg : Merlin Verlag).
1978. Medea und Jason im Lichte hethitischer Quellen («*Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*», t. XXVI, fasc. 3—4 : 241—253).
- HAAS V., THIEL H.-J. et al.
1975. Das hurritologische Archiv (Corpus der hurritischen Sprachdenkmäler des Altorientalischen Seminars der Freien Universität Berlin).

- HAASE R.
1971. Eine hethitische Prozessurkunde aus Ugarit — RS 17.109 («Ugarit-Forschungen», Bd. 3 : 71—74).
- HAGÈGE C., HAUDRICOURT A.-G.
1978. La phonologie panchronique. *Comment les sons changent dans les langues*, Paris : Presses Universitaires de France.
- HAHNE H.
1910. Das vorgeschichtliche Europa. *Kulturen und Völker*, Bielefeld und Leipzig : Velhagen & Klasing.
- HAJDÚ P.
1975. Finno-Ugrian languages and peoples (*Translated and adapted by G. F. Gushing*), London : Andre Deutsch.
- HALLE M.
1962. Phonology in a generative grammar (*WORD*, v. 18, № 1—2 : 54—72).
1970. Is Kabardinian a vowelless language? («*Foundations of Language*», v. 6, № 1 : 95—103).
- HALLEUX R.
1969. Lapis-lazuli, azurite ou pâte de verre? A propos de *kuwano* et *kuwanoko* dans les tablettes mycéniennes («*Studi Micenei ed Egeo-Anatolici*», fasc. IX. *Incunabula Graeca*, v. XXXIX, Roma : 47—66).
- HALLIG R., WARTBURG W. von
1963. Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie. *Versuch eines Ordnungsschemas*. 2. neubearbeitete und erweiterte Auflage, Berlin : Akademie-Verlag.
- HAMP E. P.
1952. The anomaly of Gmc. '7' (*WORD*, v. 8, № 2 : 136—139).
1954. Gothic IUP 'žvω' («*Modern Language Notes*», January: 39—41).
1955. Italic perfects in /*-x^w-/ and I.-E. *A^w (*WORD*, v. 11, № 3 : 399—403).
1957. Albanian and Messapic («*Studies Presented to Joshua Whatmough on his Sixtieth Birthday*», ed. by E. Pulgram, 'S-Gravenhage. Mouton : 73—89).
1958. Consonant allophones in Proto-Keltic («*Lochlann*», 1 : 209—217).
1960. Palatal before resonant in Albanian («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 76, H. 3/4 : 275—280).
1965a. Evidence in Albanian («*Evidence for Laryngeals*», ed. by W. Winter, The Hague—Paris. Mouton : 123—141).
1965b. Evidence in Keltic («*Evidence for Laryngeals*», ed. by W. Winter, The Hague—Paris. Mouton : 224—235).
1966. The position of Albanian («*Ancient Indo-European Dialects*», ed. by H. Birnbaum and J. Puhvel, Berkeley and Los Angeles. University of California Press : 97—121).

1967. On IE *s after *i, u* in Baltic (*BALTISTICA*, III, 1 : 7—11).
1968. On *R in Kafir («*Studies in Indian Linguistics*». Volume presented to Prof. M. B. E m e n e a u on his Sixtieth Birthday : 124—137).
1969. On Proto-Ainu numerals («*Papers from the Fifth Regional Meeting*», Chicago Linguistic Society, Chicago : 337—342).
- 1970a. Maya-Chipaya and typology of labials («*Papers from the Sixth Regional Meeting*», Chicago Linguistic Society, Chicago : 20—22).
- 1970b. Sanscrit *duhitā*, Armenian *dustr*, and IE internal schwa («*Journal of the American Oriental Society*», v. 90, № 2 : 228—231).
- 1970c. Lithuanian *ugnis*, Slavic *ognь* («*Baltic Linguistics*», University Park, Pennsylvania State U. P. : 75—79).
1971. Varia III. 1. The Keltic words for 'tear'; 2. The 'bee' in Irish, Indo-European, and Uralic («*Ériu*», v. XXII : 181—187).
1972. Palaic *ḫa-a-ap-na-aš* 'river' («*Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*», H. 30 : 35—37).
- 1972a. Latin *dacrima, lacruma* and Indo-European 'tear' (*GLOTTA. Zeitschrift für Griechische und Lateinische Sprache*, Bd. L, H. 3/4 : 291—299).
1973. Another lesson from 'Frost' («*The Journal of Indo-European Studies*», v. I, № 2 : 215—223).
- 1973a. On Baltic, Luwian and Albanian participles in *-m- (*BALTISTICA*, IX, 1 : 45—50).
1976. *g^weiH_o 'live' («*Studies in Greek, Italic, and Indo-European Linguistics*» offered to Leonard R. Palmer on the Occasion of his Seventieth Birthday, ed. by A. Morpurgo Davies and W. Meid, Innsbruck : 87—91).
1978. On *deiyo- in Slavic («*Folia Slavica*», v. 2, № 1—3. Studies in Honor of H. G. L u n t, ed. by E. A. Scatton, R. D. Steel, Ch. E. Gribble, Columbus, Ohio : 141—143).
1980. IE *()k'uon- 'dog' (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft*, Bd. 85 : 35—42).

HANČAR F.

1955. Das Pferd in prähistorischer und früher historischer Zeit («*Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik*», 11).

HARLAN J. R.

1976. The plants and animals that nourish man («*Scientific American*», v. 235, № 3 : 89—97).

HARMATTA J.

1959. Der alte Orient und das klassische Altertum («*Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*», t. VII, fasc. 1—3 : 29—37).
1968. Zur Ahhijawa-Frage («*Studia Mycenaea*». Proceedings of the Mycenaean Symposium, Brno, April 1966 : 117—124).

- 1968a. Zu den kleinasiatischen Beziehungen der griechischen Mythologie (*Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*, t. XVI, fasc. 1—4 : 57—76).
1981. Proto-Iranians and Proto-Indians in Central Asia in the 2nd millennium B. C. (*Linguistic evidence*) (*Этнические Проблемы Истории Центральной Азии в Древности*), Москва. «Наука» : 75—83).
- HARRELL R. S.
1957. The phonology of colloquial Egyptian Arabic (*American Council of Learned Societies in Oriental Languages*. Publications, series B. Aids, № 9), New York.
- HART G.
1980. Some observations on plene-writing in Hittite (*Bulletin of the School of Oriental and African Studies*). University of London, XLIII, 1 : 1—17).
- HARVA U.
1922—1923. Der Baum des Lebens (*Annales Academiae Scientiarum Fennicae*, ser. B, v. XVI, Helsinki).
- HAUDRICOURT A.-G.
1950. Les consonnes préglottalisées en Indochine (*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*), t. 46, fasc. 1, № 132 : 172—182).
1971. New Caledonia and Loyalty Islands (*Current Trends in Linguistics*, ed. by T. A. Sebeok, v. 8. Linguistics in Oceania, The Hague—Paris : Mouton).
1975. Les mutations consonantiques (occlusives) en indo-européen (*Mélanges Linguistiques offerts à Émile Benveniste*. Société de Linguistique de Paris, LXX, Louvain. Éditions Peeters : 267 — 272).
- HAUDRICOURT A.-G., DELAMARRE M. J. B.
1955. L'homme et la charrue (4e éd.), Paris : Gallimard.
- HAUDRICOURT A.-G., HÉDIN L.
1943. L'homme et les plantes cultivées (*Préface d'Auguste Chevalier*), Paris : Gallimard.
- HAUDRY J.
1978. L'emploi des cas en védique. *Introduction à l'étude des cas en indo-européen*, Lille : Université de Lille.
1981. Les Indo-Européens, Paris : Presses Universitaires de France.
- HAUSCHILD R.
1954. Das Selbstlob (Ātmastuti) des somaberauschten Gottes Agni (R̥gVeda X, 119) [*Asiatica*. Festschrift Friedrich Weller zum 65. Geburtstag gewidmet, Leipzig : O. Harrassowitz : 247—288].

1959. Die Tirade von der Wagenwettfahrt des Königs Haosravah und des Junkers Nəṛəmanah (Yašt 5,50) [*Mitteilungen des Instituts für Orientalforschung*], Bd. VII, H. 1: 1—78].
- HAVERS W.
1946. Neuere Literatur zum Sprachtabu (*Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien*).
- HAWKINS J. D.
1972. Building inscriptions of Carchemish (*Anatolian Studies*. Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara, v. XXII. Special number in Honour of the Seventieth Birthday of Professor S. Lloyd: 87—114).
1980. The Hieroglyphic-Luwian word 'to die' (*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*), Bd. 94, H. 1/2: 109—119).
- HAWKINS J. D., MORPURGO DAVIES A., NEUMANN G.
1973. Hittite hieroglyphs and Luwian: New evidence for the connection (*Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen*. Philologisch-Historische Klasse, № 6, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht).
- HEHN V.
1976. Cultivated plants and domesticated animals in their migration from Asia to Europe (*Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science*, Ser. I, v. 7), Amsterdam.
- HEINE-GELDERN R.
1956. The coming of the Aryans and the end of the Harappa civilization (*MAN. A Monthly Record of Anthropological Science*, v. 56: 136—140).
- HEINHOLD-KRAHMER S., HOFFMANN L., KAMMENHUBER A., MAUER G.
1979. Probleme der Textdatierung in der Hethitologie (*Beiträge zu umstrittenen Datierungskriterien für Texte des 15. bis 13. Jahrhundert v. Chr.*), Heidelberg: C. Winter. Universitätsverlag.
- HELBAEK H.
1964. First impressions of the Çatal Hüyük plant husbandry (*Anatolian Studies*. Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara, v. XIV: 121—123).
- HELD G. J.
1935. The Mahābhārata, an ethnological study, Amsterdam: Uitgeversmaatschappij.
- HELD W. H.
1957. The Hittite relative sentence. (*Language Dissertation*, № 55. Supplement to *LANGUAGE*, 1957, v. 33, № 4, p. 2, Baltimore).

HENDRIKSEN H.

1940. Quelques faits à lumière de la théorie d'un système casuel indoeuropéen comportant un cas transitif et un cas intransitif (*Bulletin du Cercle Linguistique de Copenhague*, t. 5, 7).

HENNING W. B.

1940. Sogdica (*James G. Forlong Funds*, v. XXI), London: The Royal Asiatic Society.
1955. Corpus Inscriptionum Iranicarum, ed. by W. B. Henning, p. 3. Pahlavi Inscriptions, London: Humphries & Co.

HENNINGER J.

1976. Zum Problem der Venussterngottheit bei den Semiten (*ANTHROPOS. International Review of Ethnology and Linguistics*, v. 71, № 1/2 : 129—168).

HERMANN E.

1934. Die Eheformen der Urindogermanen (*Nachrichten der Gesellschaft für Wissenschaften*, Göttingen, N. F. 1, 2).

HERMES G.

- 1936a. Das gezähmte Pferd im alten Orient (*ANTHROPOS. International Review of Ethnology and Linguistics*, v. 31, H. 3,4: 364—394).
1936b. Das gezähmte Pferd im neolithischen und frühbronzezeitlichen Europa? (*ANTHROPOS. International Review of Ethnology and Linguistics*, v. 31, H. 1,2 : 115—129).

HERRLICH A.

1937. Beitrag zur Rassen- und Stammeskunde der Hindukusch-Kafiren, Berlin.

HERTEL J.

1931. Die awestischen Herrschafts- und Siegesfeier (*Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften*, Bd. XLI, № 6, Leipzig).

HERZFELD E.

1938. Altpersische Inschriften (Archäologische Mitteilungen aus Iran. Ergänzungsband, 1), Berlin: Reimer.

HESTER D. A.

1957. Pre-Greek place names in Greece and Asia Minor (*Revue Hittite et Asiatique*, t. XV, fasc. 61 : 107—119).

HEUBECK A.

1961. Praegreca. Sprachliche Untersuchungen zum vorgriechisch-indogermanischen Substrat (*Erlanger Forschungen*. Reihe A. Geisteswissenschaften, Bd. 12), Erlangen.
1969. Lydisch (*Handbuch der Orientalistik*, hrsg. von B. Spuler, 1. Abt.: Der Nahe und der Mittlere Osten; 2. Bd., 1. und 2. Abschnitt. Lief. 2: Altkleinasiatische Sprachen, Leiden/Köln. E. J. Brill: 397—427).
1976. Weiteres zur Datierung der Knossos-Tafeln (*Studies in Greek, Italic, and Indo-European Linguistics* offered to Leonard R. Palmer on the Occasion of his Seventieth Birthday, ed. by A. Morpurgo Davies and W. Meid, Innsbruck: 97—101).

HIERSCHE R.

1964. Untersuchungen zur Frage der Tenues Aspiratae im Indogermanischen, Wiesbaden: O. Harrassowitz.

HILL D. K.

1974. Chariots of early Greece (*Hesperia*). Journal of the American School of Classical Studies at Athens, v. XLIII, № 4: 441—446).

HILLER S.

1976. Das Löwentor von Mykene und die klassische Tragödie (*«Studies in Greek, Italic, and Indo-European Linguistics»* offered to Leonard R. Palmer on the Occasion of his Seventieth Birthday, ed. by A. Morpurgo Davies and W. Meid, Innsbruck: 107—116).

HIRT H.

- 1921—1937. Indogermanische Grammatik, Bd. I. Einleitung, Etymologie, Konsonantismus; Bd. II. Der indogermanische Vocalismus; Bd. III. Das Nomen; Bd. IV. Doppelung, Zusammensetzung, Verbum; Bd. V. Der Akzent; Bd. VI. Syntax, I. Syntaktische Verwendung der Kasus und der Verbalformen; Bd. VII. Syntax, II. Die Lehre vom einfachen und zusammengesetzten Satz, Heidelberg: C. Winter. Universitätsverlag.
1968. Die Heimat der indogermanischen Völker und ihre Wanderungen (*«Die Urheimat der Indogermanen»*, hrsg. von A. Scherer, Darmstadt. Wissenschaftliche Buchgesellschaft: 1—24).

HJELMSLEV L.

1928. Principes de grammaire générale (*«Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab»*. Hist.-filol. Meddelelser, XVI, 1, København).

HOCART A. M.

1925. The cousin in Vedic ritual (*«Indian Antiquary»*, 54: 16—18).
1928. Indo-European kinship system (*«Ceylon Journal of Science»*, I: 179—204).
1950. Caste. *A comparative study*, London: Methuen & Co. (2nd ed. 1968, New York: Russell & Russell).
1970. Kings and councillors. An essay in the comparative anatomy of human society (*«Classics in Anthropology»*. Rodney Needham, Editor, Chicago and London: The University of Chicago Press).

HOCKETT Ch. F.

1958. A course in modern linguistics, New York: The Macmillan Company.

HOENIGSWALD H. M.

1960. Language change and linguistic reconstruction, Chicago: The University of Chicago Press.
1963. A contribution to Indo-Iranian phonology: The voiceless aspirates (*«Труды Двадцатьпятого Международного Конгресса Востоковедов»*, т. 2. Москва: Изд-во вост. лит-ры).

- 1965a. Indo-Iranian evidence («*Evidence for Laryngeals*», ed. by W. Winter, The Hague—Paris. Mouton : 93—99).
- 1965b. A property of “Grassmann’s Law” in Indic («*Journal of the American Oriental Society*», v. 85, № 1 : 59—60).
1980. The name of the Argolid (*WORD*, v. 31, № 1 : 105—107).

HOFFMANN K.

1967. Der Injunktiv im Veda. Eine synchronische Funktionsuntersuchung, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
1968. Hethitisch *luk(k)-, lukki-* («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 82, H. 2 : 214—220).
1970. Das Kategoriensystem des indogermanischen Verbums («*Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*», H. 27 : 19—44).

HOFFMANN O.

1906. Die Makedonen, ihre Sprache und ihr Volkstum, Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht.

HOFFNER H. A.

1968. A Hittite text in epic style about merchants («*Journal of Cuneiform Studies*», v. XXII, № 2 : 34—45).
1971. Hittite *ega-* and *egan* («*Journal of Cuneiform Studies*», v. XXIV, № 1/2 : 31—36).
1973. Studies of the Hittite particles, I («*Journal of the American Oriental Society*», v. 93, № 4 : 520—526).
1974. Alimenta Hethaeorum. Food production in Hittite Asia Minor («*American Oriental Series*», v. 55), New Haven.

HÖFLER O.

1974. Zwei Grundkräfte im Wodankult («*Antiquitates Indogermanicae*». Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck : 133—144).

HOIJER H.

1951. Cultural implications of some Navaho linguistic categories (*LANGUAGE*, v. 27, № 2 : 111—120).

HOIJER H., JOEL J.

1963. Sarcee nouns («*Studies in the Athapaskan Languages*». University of California Publications in Linguistics, Berkeley and Los Angeles).

HOLDER A.

- 1961—1962 [1896]. Alt-celtischer Sprachschatz, Bd. I—II—III, Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt.

HOLLIFIELD P.

1978. Indo-European etymologies (*The Journal of Indo-European Studies*, v. 6, № 3/4 : 173—183).

HOOPS J.

1905. Waldbäume und Kulturpflanzen im germanischen Altertum, Strassburg : K. J. Trübner.

HOPPER P. J.

1973. Glottalized and murmured occlusives in Indo-European (*GLOSSA. An International Journal of Linguistics*, v. 7, № 2 : 141—166).
1975. The syntax of the simple sentence in Proto-Germanic, The Hague—Paris : Mouton.
1977. The typology of Proto-Indo-European segmental inventory (*The Journal of Indo-European Studies*, v. 5, № 1 : 41—53).
1981. 'Decem' and 'taihun' languages: An Indo-European isogloss («BONO HOMINI DONUM». *Essays in Historical Linguistics in Memory of J. Alexander Kerns*, Amsterdam. John Benjamins B. V.: 133—142).
1982. Areal typology and the early Indo-European consonant system (*The Indo-Europeans in the Fourth and Third Millennia*, ed. by E. C. Polomé, Ann Arbor : Karoma Publishers, Inc.: 121—139).

HOUBEN J. L.

1977. Word-order change and subordination in Homeric Greek (*The Journal of Indo-European Studies*, v. V, № 1 : 1—8).

HOUWINK TEN CATE Ph. H. J.

1961. The Luwian population groups of Lycia and Cilicia Aspera during the Hellenistic period, Leiden: E. J. Brill.

HOVDHAUGEN E.

1968. Prothetic vowels in Armenian and Greek and the laryngeal theory (*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*, Bd. 22 : 115—132).

HROZNY³ F.

1913. Das Getreide im alten Babylonien (*Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften*, Bd. 173, Abh. 1), Wien.

HÜBSCHMANN H.

1897. Armenische Grammatik, Teil I. *Armenische Etymologie* (*Bibliothek Indogermanischer Grammatiken*, № 6), Leipzig (воспр. 1972, Hildesheim, New York : Georg Olms Verlag).

HUBSCHMID J.

1960. *Mediterrane Substrate. Mit besonderer Berücksichtigung des Baskischen und der west-östlichen Sprachbeziehungen* (*Romanica Helvetica*, v. 70), Bern : A. Francke Verlag.
1963. *Thesaurus Praeromanicus*, Fasz. 1: Grundlagen für ein weitverbreitetes mediterranes Substrat, dargestellt an romanischen, baskischen und vorindogermanischen *p*-Suffixen (Francke Verlag, Bern).
1965. *Thesaurus Praeromanicus*, Fasz. 2: Probleme der baskischen Lautlehre und baskisch-vorromanische Etymologien (Francke Verlag, Bern).

HUMBACH H.

1959. Die Gathas des Zarathustra, Bd. I. *Einleitung. Text. Übersetzung. Paraphrase*; Bd. II. *Kommentar*, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
1961. Bestattungsformen im Vidēvdāt («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 77, H.1/2 : 99—105).
- 1966—1967. Baktrische Sprachdenkmäler, Teil I—II, Wiesbaden: O. Harrassowitz.
1974. Methodologische Variationen zur arischen Religionsgeschichte («*Antiquitates Indogermanicae*». Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck : 307—338).

HYMAN L. M., ed.

1973. Consonant types and tones («*Southern California Occasional Papers in Linguistics*», 1. Linguistic Program, University of Southern California, Los Angeles).

IMPARATI F.

1964. Le leggi ittiti («*Incunabula Graeca*», v. VII), Roma : Edizioni dell'Ateneo.
1965. L'autobiografia di Hattušili I (Redazione ittita) («*Rivista degli Studi Orientali*», XIV : 44—58).
1977. Le istituzioni culturali del ^{NA}ḫēkur e il potere centrale ittita («*Studi Micenei ed Egeo-Anatolici*», fasc. XVIII. *Incunabula Graeca*, v. LXVII, Roma : 19—64).

INGHAM J. M.

1971. Are the Siriono raw or cooked? («*American Anthropologist*», v. 73 : 1092—1099).

IPSEN G.

1923. Sumerisch-akkadische Lehnwörter im Indogermanischen (*INDO-GERMANISCHE FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanische Sprach- und Altertumskunde, Bd. 41, H. 1/2 : 174—183).
1924. Der alte Orient und die Indogermanen («*Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft*». Festschrift für W. Streitberg, Heidelberg. C. Winter. Universitätsverlag : 200—237).

IRVING E. B. Jr.

1968. A Reading of Beowulf, New Haven & London.
1969. Introduction to Beowulf, New York : Englewood Cliffs.

ISSATSCHENKO A. V.

1970. Hortativsätze mit *a, i, ti, to* im Ostslavischen («*Scando-Slavica*», t. XVI, Munksgaard, Copenhagen : 189—203).

IVANOV V. V.

1965. On the reflex of the Indo-European voiced palatal aspirate in Luwian («*Symbolae Linguisticae in Honorem Georgii Kuryłowicz*», Wrocław—Warszawa—Kraków : 131—134).
1970. Suffix **-sk-* > Baltic *-šk-* and the problem of verbs denoting sounds («*Donum Balticum*». To Professor Christian S. Stang on the Occasion of his Seventieth Birthday, ed. by V. Rūķe-Draviņa, Stockholm : 206 — 210).

JACKSON K. H.

1953. Language and history in Early Britain. A chronological survey of the Brittonic languages from first to twelfth century A. D., Cambridge, Mass. : Harvard University Press.

JACOB F.

1977. The linguistic model in biology («Roman Jakobson. *Echoes of His Scholarship*», ed. by D. Armstrong and C. H. van Schooneveld, Lisse : The Peter de Ridder Press : 185—192).

JACOBI H.

1897. Compositum und Nebensatz. *Studien über die indogermanische Sprachentwicklung*, Bonn : Cohen.

JACOBSON H.

1922. Arier und Ugrofinnen, Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht.

JACOBY M.

1974. Wargus, vargr 'Verbrecher', 'Wolf'. *Eine sprach- und rechtsgeschichtliche Untersuchung* («*Acta Universitatis Uppsaliensis*». *Studia Germanistica*, 12), Uppsala.

JAGIČ V.

1898. Die slavischen Composita in ihrem sprachvergleichenden Auftreten («*Archiv für Slavische Philologie*», Bd. XX, H. 4 : 519—556).

JAKOB-ROST L.

1966. Zu einigen hethitischen Kultfunktionären (*ORIENTALIA. Commentarii Periodici Pontificii Institutii Biblici*, v. 35, fasc. 4 : 417—422).

JAKOBSON R.

- 1957a. Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics («*Reports for the VIIIth International Congress of Linguists*», Oslo).
- 1957b. 'Mufaxxama' — the 'emphatic' phonemes of Arabic («*Studies presented to Joshua Whatmough on his Sixtieth Birthday*», ed. by E. Pulgram, 'S-Gravenhage. Mouton : 105—115).
1966. Slavic epic verse. Studies in comparative metrics («*Selected Writings*», IV. Slavic Epic Studies, The Hague — Paris. Mouton : 414—463).

- 1966a. The Vseslav epos (*Selected Writings*», IV. Slavic Epic Studies, The Hague—Paris. Mouton : 301—368).
1969. The Slavic god Veles and his Indo-European cognates (*Studi Linguistici in Onore di Vittore Pisani*» : 579—600).
- 1971a. Selected Writings, I. «*Phonological Studies*» (Second, expanded edition), The Hague—Paris : Mouton.
- 1971b. Selected Writings, II. «*Word and Language*», The Hague—Paris: Mouton.

JAKOBSON R., WAUGH L.

1979. The sound shape of language, Bloomington & London: Indiana University Press.

JAMISON S. W.

1979. The case of the agent in Indo-European (*DIE SPRACHE. Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, Bd. XXV, H. 2 : 129—143).
- 1979a. Remarks on the expression of agency with the passive in Vedic and Indo-European («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 93, H. 2 : 196—219).

JANERT K. L.

1964. Zur Wort- und Kulturgeschichte von Sanskrit *sphyá-* (Pali *phiya*) («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 79, H. 1/2 : 89—111).

JANKO R.

1977. A note on the date of Grassmann's Law in Greek (*GLOTTA. Zeitschrift für Griechische und Lateinische Sprache*, Bd. LV, H. 1/2 : 1—2).

JASANOFF J. H.

1973. The Germanic third weak class (*LANGUAGE*, v. 49, № 4 : 850—870).
1979. The position of *hi-* conjugation («*Hethitisch und Indogermanisch*». Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Altkleinasiens, hrsg. von E. Neu und W. Meid, Innsbruck : 79—90).

JENSEN H.

1930. Bemerkungen zum urgeschlechtigen Personalpronomen des Indogermanischen (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft*, Bd. 48, H. 2 : 117—126).
1934. Der steigernde Vergleich und sein sprachlicher Ausdruck (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft*, Bd. 52, H. 2 : 108—130).
1952. Die indo-europäischen Zahlwörter 10, 100, 1000 («*Zeitschrift für Phonetik*», H. 1/2 : 50—57).

JETTMAR K.

1966. Mittelasiatische Bestattungsrituale und Tierstil (*Iranica Antiqua*, VI, Leiden).

JOKI A. J.

1973. Uralier und Indogermanen. Die ältesten Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen, Helsinki («Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia», 151).
- 1973a. Zur Herkunft einiger ugrischer Wörter (*Finnisch-Ugrische Forschungen*, XL : 60—65).

JOKL N.

1921. Das Finnisch-Ugrische als Erkenntnisquelle für die ältere idg. Sprachgeschichte (*Prace lingwistyczne ofiarowane Janowi Baudouinowi de Courtenay dla uczczenia jego działalności naukowej 1868—1921*, Kraków : 97—112).

JOSEPHSON F.

1972. The function of sentence particles in Old and Middle Hittite (*Acta Universitatis Uppsaliensis*, Uppsala).
1979. Assibilation in Anatolian (*Hethitisch und Indogermanisch*). Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Altkleinasiens, hrsg. von E. Neu und W. Meid, Innsbruck : 91—103).

JUCQUOIS G.

1966. La structure des racines en indo-européen envisagée d'un point de vue statistique (*Linguistic Research in Belgium*, Wetteren).
1970. Les postpositions de hittite et l'accentuation des préverbes indo-européens (*Le Muséon*. Revue d'Études Orientales, t. LXXXIII, № 3—4 : 533—540).
1971. La théorie de la racine en indo-européen (*La Linguistique*, t. 7, fasc. 1 : 73—91).
1972. Aspects du consonantisme hittite, 3. La règle de Sturtevant et le consonantisme du hittite (*Hethitica*, 1. Travaux édités par G. Jucquois, Louvain : 86—128).

JUSTI F.

1895. Iranisches Namenbuch, Marburg : Elwert.

KAHLO G.

1960. Die polynesischen Lehnwörter im Melanesischen (*Forschungen und Fortschritte*, 34. Jg., H. 1 : 28—29).

KAMMENHUBER A.

1955. Die protohittisch-hethitische Bilinguis vom Mond, der vom Himmel gefallen ist (*Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie*, Bd. 17 [51] : 102—123).
1961. Hippologia Hethitica, Wiesbaden : O. Harrassowitz.
- 1961a. Zur Stellung des Hethitisch-Luwischen innerhalb der indogermanischen Gemeinsprache (*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*, Bd. 77, H. 1/2 : 31—75).

- 1961b. Nominalkomposition in den anatolischen Sprachen des 2. Jahrtausends («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 77, H. 3/4 : 161—218).
1965. Die hethitischen Vorstellungen von Seele und Leib, Herz und Leibesinnerem, Kopf und Person, 2. Teil («*Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie*», N.F., Bd. 23 [57] : 177—222).
1968. Die Arier im Vorderen Orient, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
1969. Das Hattische («*Handbuch der Orientalistik*», hrsg. von B. Spuler, 1. Abt. : Der Nahe und der Mittlere Osten; 2. Bd., 1. und 2. Abschnitt, Lief. 2 : Altkleinasiatische Sprachen, Leiden/Köln. E. J. Brill : 428—588).
- 1969a. Hethitisch, Palaisch, Luwisch und Hieroglyphenluwisch («*Handbuch der Orientalistik*», hrsg. von B. Spuler, 1. Abt. : Der Nahe und der Mittlere Osten; 2. Bd., 1. und 2. Abschnitt, Lief. 2 : Altkleinasiatische Sprachen, Leiden/Köln. E. J. Brill : 119—357).
- 1973-. Materialien zu einem hethitischen Thesaurus, Lfr. 1—10, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
1976. Orakelpraxis, Träume und Vorzeichenschau bei den Hethitern, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
1980. Zum indogermanischen Erbe im Hethitischen («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 94, H. 1/2 : 33—44).
- KARLGREN B.**
1923. Analytic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese, Paris : Librairie Orientale Paul Geuthner.
1940. Grammata Serica. Script and phonetics in Chinese and Sino-Japanese («*Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities*», № 12, Stockholm).
- KARSTIEN H.**
1971. Infixe im Indogermanischen. Gekürzte Fassung, 1 («*Indogermanische Bibliothek*», hrsg. von H. Krahe. Reihe 3 : Untersuchungen). Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
- KASTNER W.**
1967. Die griechischen Adjektive zweier Endungen auf -OΣ, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
- KEES H.**
1956. Der Götterglaube im alten Ägypten, Berlin : Akademie-Verlag.
- KEILER A. R.**
1970. A phonological study of the Indo-European laryngeals, The Hague — Paris : Mouton.
- KENNEDY K. A. R.**
1981. Skeletal biology : When bones tell tales (*ARCHAEOLOGY*, v. 34, № 1 : 17—24).
- KENT R. G.**
1953. Old Persian Grammar. Texts, Lexicon, 2nd ed., New Haven («*American Oriental Series*», v. 33).

KIMMIG W.

1964. Seevölkerbewegungen und Urnenfelderkultur. Ein archäologisch-historischer Versuch (*«Studien aus Alteuropa»*, I, Köln : 220—283).

KING R.

1969. Historical linguistics and generative grammar, New York : Holt, Rinehart & Winston.

KINKADE D.

1963. Phonology and morphology of Upper Chehalis, I (*«International Journal of American Linguistics»*, v. 29, № 3 : 181—195).

KIPARSKY P.

1968. Language universals and linguistic change (*«Universals in Linguistic Theory»*, ed. by E. Bach and R. T. Harms, London—New York—Sydney—Toronto : Holt, Rinehart & Winston : 170—210).

1973. The inflexional accent in Indo-European (*LANGUAGE*, v. 49, № 4 : 794—849).

KIPARSKY P., HALLE M.

1977. Towards a reconstruction of the Indo-European accent (*«Studies in Stress and Accent»*. Southern California Occasional Papers in Linguistics, 4 : 209—238).

KIRFEL W.

1951. Der Aśvamedha und Puruṣamedha (*«Beiträge zur Indischen Philologie und Altertumskunde»*. Festschrift W. Schuhbrinck, Hamburg : 39—50).

1951a. Die fünf Elemente, insbesondere Wasser und Feuer. Ihre Bedeutung für den Ursprung altindischer und altmediterraner Heilkunde. Eine Medizingeschichtliche Studie, Walldorf-Hessen : Verlag für Orientkunde Dr. H. Vorndran.

1953. Die Lehnwörter des Sanskrit aus den Substratsprachen und ihre Bedeutung für die Entwicklung der indischen Kultur (*«Lexis»*. Studien zur Sprachphilosophie, Sprachgeschichte und Begriffsforschung, Bd. III : 267—285).

KLEINER G.

1969—1970. Stand der Forschung von Alt-Milet (*«Istanbuler Mitteilungen»*, № 19—20 : 113—123).

KLIMAS A.

1972. Roots *welk-, *wolk-, *wlk- and *wlk^w-. A case study of naming (wild) animals in Indo-European languages (*«Reports for the Xth International Congress of Linguists»*, Bologna : 910—913).

KNOBLOCH J.

1951. Zur Vorgeschichte des indogermanischen Genitivs der o-Stämme auf -sjo (*DIE SPRACHE. Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, Bd. II, H. 3 : 131—149).

1951a. Zur Vorgeschichte des indogermanischen Verbuns, Universität Innsbruck. Habilitationsschrift.

1952. Der Ursprung unserer Zahlwörter. Die beiden Knöchelreihen (*«Die Pyramide»*, Jahrgang 2, H. 4 : 81—82).
- 1954/1955. Zur Erklärung des Genitivs Sing. fem. auf *-y* im Slawischen (*«Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst Moritz Arndt-Universität, Greifswald»*, Jahrgang IV. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe, № 3 : 255—257).
1955. Reste von Singulativbildungen im Indogermanischen (*«Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft»*, Bd. 3. Natalicium K. J a x : 207—215).
1958. Der Ausdruck des partitiven Verhältnisses im Slawischen und in einigen verwandten Sprachen (*«Vorträge auf der Berliner Slawistentagung»*, Berlin : 233—242).
1965. Concetto storico di protolingua e possibilità e limiti di applicazione ad esso dei principi strutturalistici (*«Le Protolingue»*. Atti del IV Convegno Internazionale di Linguisti, 2—6 Settembre 1963, Milano. Sodalizio Glottologico Milanese : 141—162).
1967. Nektar (*«Beiträge zur Indogermanistik und Keltologie»*. Julius Pokorny zum 80. Geburtstag gewidmet, hrsg. von W. Meid, Innsbruck : 39—43).
1975. Griech. κίνδυνος 'Gefahr' und das Würfelspiel (*GLOTTA. Zeitschrift für Griechische und Lateinische Sprache*, Bd. LIII, H. 1/2 : 78—81).
- KOCK A.
1924. Zur Frage nach dem Namen des gotischen Bibelübersetzers (*«Arkiv för Nordisk Filologi»*, Bd. 40, 4 : 314—319).
- KOEHLER L.
1939. Die Löwennamen (*«Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins»*, 62 : 121—124).
- KOERNER E. F. K.
1980. Pilot and parasite disciplines in the development of linguistic science (*«Folia Linguistica Historica»*. Acta Societatis Linguisticae Europaeae, t. 1/1 : 213—224).
- KOMORÓCZY G.
1975. Zur Ätiologie der Schrifterfindung im Emerkar-Epos (*«Alt-Orientalische Forschungen»*, Berlin. Akademie-Verlag : 19—24).
- KOPPERS W.
1929. Die Religion der Indogermanen in ihren kulturhistorischen Beziehungen (*ANTHROPOS. International Review of Ethnology and Linguistics*, v. 24, № 5/6 : 1073—1089).
1935. Die Indogermanenfrage der historischen Völkerkunde (*ANTHROPOS*, v. 30, № 1/2 : 1—32).
- KORENCHY É.
1972. Iráni eredetű szavak az obi-ugor nyelvekben, Budapest : Akadémiai Kiadó.

KORINEK J. M.

1934. Studie z oblasti onomatopoeje. Příspěvek k otázce indoeuropského ablautu (Filosofická Fakulta University Karlovy. Práce z vědeckých ústavů, XXXVI, Praha).

KÖRNER J.

1921. Das Nibelungenlied, Leipzig/Berlin: Teubner.

KORTLANDT F.

1975. A note on the Armenian palatalization (*«Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung»*, Bd. 89, H. 1: 43—45).
1977. Historical laws of Baltic accentuation (*BALTISTICA*, XIII, 2: 319—330).
1978. Notes on Armenian historical phonology, II. *The second consonant shift* (*«Studia Caucasica»*, 4: 9—16).
- 1978a. Proto-Indo-European obstruents (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft*, Bd. 83: 107—118).
1979. Comment on W. Winter's paper (*«Recent Developments in Historical Phonology»*, ed. by J. Fisiak. «Trends in Linguistics». Studies and Monographs, ed. W. Winter, The Hague—Paris—New York. Mouton: 447).

KRAHE H.

1950. Das Venetische. Seine Stellung im Kreise der verwandten Sprachen, Heidelberg: C. Winter. Universitätsverlag.
1951. Sprachverwandtschaft im alten Europa, Heidelberg: C. Winter. Universitätsverlag.
1954. Sprache und Vorzeit. *Europäische Vorgeschichte nach dem Zeugnis der Sprache*, Heidelberg: Quelle & Meyer.
1955. Die Sprache der Illyrier, Bd. I. Die Quellen, Wiesbaden: O. Harrassowitz.
1959. Sprachliche Aufgliederung und Sprachbewegungen im alten Europa (*«Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur zu Mainz»*. Geistes- und Sozialwissenschaftliche Klasse, № 1), Wiesbaden.
1960. Der Flussname *Salantas* (*«Beiträge zur Namenforschung»*, Jg. 11: 259—262).
- 1960a. Der Flussname *Apsa* (*«Indogermanica»*. Festschrift W. Krause, Heidelberg. C. Winter. Universitätsverlag: 44—50).
1962. Die Struktur der alteuropäischen Hydronymie (*«Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur zu Mainz»*. Geistes- und Sozialwissenschaftliche Klasse, № 5), Wiesbaden.
1964. T-Erweiterungen der Basis *al-/el-* in Fluss- (und Orts-)namen (*«Beiträge zur Namenforschung»*, Jg. 15: 17—18).
- 1964a. Unsere ältesten Flussnamen, Wiesbaden: O. Harrassowitz.

- 1968 [1957]. Indogermanisch und Alteuropäisch («*Die Urheimat der Indogermanen*», hrsg. von A. Scherer, Darmstadt. Wissenschaftliche Buchgesellschaft : 426—454).
- KRAIG B.
1978. Symbolism in burial orientations among early Indo-Europeans («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 6, № 3/4 : 149—172).
- KRAUS C.
1895. Das gotische Weihnachtsspiel («*Beiträge zur Geschichte der Deutschen Sprache und Literatur*», Bd. 20 : 224—257).
- KRAUSE W.
1952. Westtocharische Grammatik, I. Das Verbum («*Indogermanische Bibliothek*». Reihe 1 : Lehr- und Handbücher), Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
1961. Zum Namen des Lachses («*Nachrichten der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen*», I. Philologisch-Historische Klasse, № 4, Göttingen. Vandenhoeck & Ruprecht : 83—98).
- KRAUSE W., THOMAS W.
1960. Tocharisches Elementarbuch, Bd. I. *Grammatik*, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
- KRETSCHMER P.
1891. Indogermanische Akzent- und Lautstudien («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 31, H. 3 : 325—472).
1927. Indra und der hethitische Gott Inaras («*Kleinasiatische Forschungen*», hrsg. von F. Sommer und H. Ehelolf, Bd. I, H. 1, Weimar : 297—317).
1943 (1944). Inder am Kuban («*Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien*». Philosophisch-Historische Klasse, 80. Jg., № I—XV : 35—42).
1951. Hettitische Relikte im kleinasiatischen Griechisch («*Abhandlungen der Österreichischen Akademie der Wissenschaften*», № 25, Wien).
- KROGMANN W.
1954; 1955. Das Buchenargument («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 72, H. 1/2 : 1—29, Bd. 73, H. 1/2 : 1—25).
1960. Das Lachsargument («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*», Bd. 76, H. 3/4 : 161—178).
- KRONASSER H.
1962. Etymologie der hethitischen Sprache, I, Wiesbaden : O. Harrassowitz.
- ✪ Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов

- 1962a. Nachträge und Berichtigungen zu 7/1961, 140—167 (*DIE SPRACHE*. Zeitschrift für Sprachwissenschaft, Bd. VIII, H. 1 : 108—113).

KUH N A.

- 1968 [1864]. Indische und germanische Segenssprüche (*«Indogermanische Dichtersprachen»*, hrsg. von Rüdiger Schmitt, Darmstadt. Wissenschaftliche Buchgesellschaft : 11—25).

KUH N Th. S.

1970. The structure of scientific revolutions, 2nd ed., Chicago: The University of Chicago Press, 77 (*«International Encyclopedia of Unified Science»*, v. II, № 2. Foundations of the Unity of Science).

KUIPER F. B. J.

1937. Die indogermanischen Nasalpräsentia. *Ein Versuch zu einer morphologischen Analyse*, Amsterdam : N. V. Noord-Hollandsche Uitgevers Maatschappij.
1942. Notes on Vedic noun-inflection (*«Mededeelingen van de Koninklijke Nederlandsche Akademie van Wetenschappen»*, Afd. Letterkunde, Nieuwe Reeks, Deel 5, № 4), Amsterdam : N. V. Noord-Hollandsche Uitgevers Maatschappij.
1946. Vedic *sādhiṣ-* : *sadhástha-* and the laryngeal umlaut in Sanskrit (*«Acta Orientalia»*, XX, Copenhagen : 1—12).
1947. Traces of laryngeals in Vedic Sanskrit (*«India Antiqua»*, Leyden: 198—212).
1948. Proto-Munda words in Sanskrit (*«Verhandelingen van de Koninklijke Nederlandsche Akademie van Wetenschappen»*, Afd. Letterkunde, Nieuwe Reeks, Deel 51, № 3), Amsterdam.
1955. Shortening of final vowels in the Rigveda (*«Mededeelingen van de Koninklijke Nederlandsche Akademie van Wetenschappen»*, Afd. Letterkunde, Nieuwe Reeks, Deel 18, № 11, Amsterdam : 253—289).
1978. [Реч. на кн.] G. Morgenstierne, Indo-Dardica (*«Indo-Iranian Journal»*, v. 20, № 1/2 : 99—102).

KUIPERS A. H.

1960. Phoneme and morpheme in Kabardian (*«Janua Linguarum»*, № 7), The Hague—Paris : Mouton.
1967. The Squamish language. *Grammar, Texts, Dictionary*, The Hague—Paris : Mouton.
1968. Unique types and phonological universals (*«Pratidānam»*. *Indo-Iranian and Indo-European Studies presented to F. B. J. Kuiper on his Sixtieth Birthday*, The Hague — Paris. Mouton : 68—82).
1970. Linguistic truths and true trivialities (Preprint).
1974. The Shuswap language. *Grammar, Texts, Dictionary*, The Hague—Paris : Mouton.

KUMAR G. D.

1973. The ethnic components of the builders of the Indus valley civilization and the advent of the Arians (*The Journal of Indo-European Studies*, v. I, № 1 : 66—80).

KÜMMEL H. M.

1967. Ersatzrituale für den hethitischen König (*Studien zu den Boğazköy-Texten*, H. 3), Wiesbaden : O. Harrassowitz.

KUNO S.

1974. The position of relative clauses and conjunctions (*Linguistic Inquiry*, v. V, № 1 : 117—136).

KURYŁOWICZ J.

1927. Origine indo-européenne du redoublement attique (*Eos*. Commentarii Societatis Philologiae Polonorum, 30 : 3—7).
1932. Les désinences moyennes de l'indo-européen et du hittite (*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*, t. 33, fasc. 1 : 1—4).
1935. Études indo-européennes, I, Kraków (*Prace Komisji Językowej* PAU, 18).
1956. L'apophonie en indo-européen (*Prace Językoznawcze*, 9), Wrocław : Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.
1958. L'accentuation des langues indo-européennes (*Prace Językoznawcze*, 17), Wrocław — Kraków : Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.
1960. On certain analogies and differences between the Slavonic, Gothic and Old Irish conjugations (*Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego*, XIX : 117—124).
1962. Probleme der indogermanischen Lautlehre (*II. Fachtagung für Indogermanische und Allgemeine Sprachwissenschaft*, Innsbruck : 107—115).
1964. The inflexional categories of Indo-European, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
- 1965a. Indoeuropejskie perfectum w słowiańskim (*Studii z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, t. V, Warszawa : 53—58).
- 1965b. Zur Vorgeschichte des germanischen Verbalsystems (*Beiträge zur Sprachwissenschaft, Volkskunde und Literaturforschung*. Steinitz-Festschrift. Veröffentlichungen der Sprachwissenschaftlichen Kommission der Deutschen Akademie der Wissenschaften, NS, Berlin : 242—247).
1968. Indogermanische Grammatik, Bd. II. *Akzent, Ablaut*, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
- 1968a. A remark on Lachmann's Law (*Harvard Studies in Classical Philology*, v. 72 : 295—299).
- 1970—1972. Gli aggettivi in -L- e il perfetto slavo (*Ricerche Slavistiche*, v. XVII—XIX : 323—328).
- 1973a. Grec κτ, χθ, φθ = v. ind. kṣ, etc. (*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*, t. 68, fasc. 1 : 93—103).

- 1973b. Internal reconstruction (*«Current Trends in Linguistics»*, ed. by T. A. Sebeok, v. 11. Diachronic, Areal and Typological Linguistics, The Hague—Paris : Mouton).
- 1973c. Les iteratifs en *-eie/o-* en slave et en baltique (*«Јужнословенски Филолог»*, XXX, 1—2, Београд : 143—147).
1975. Metrik und Sprachgeschichte (*«Prace Językoznawcze»*, 83), Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk : Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.
1977. Problèmes de linguistique indo-européenne (*«Prace Językoznawcze»*, 90), Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk : Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.
1979. Die hethitische *hi*-Konjugation (*«Hethitisch und Indogermanisch»*. Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Altkleinasiens, hrsg. von E. Neu und W. Meid, Innsbruck : 143—146).
- LABAT R.**
1970. Les religions du Proche-Orient asiatique. Textes babyloniens, ougaritiques, hittites. Présentés et traduits par R. Labat, Paris: Fayard-Denoel.
- LADEFOGED P.**
1964. A phonetic study of West African languages, Cambridge : Cambridge University Press.
1967. Three areas of experimental phonetics, London : Oxford University Press.
1971. Preliminaries to Linguistic Phonetics, Chicago and London : The University of Chicago Press.
- LAFON R.**
1933. Le nom de l'argent dans les langues caucasiennes (*«Revue Hittite et Asiatique»*, t. III, fasc. 10/11 : 90—95).
- LAMBERG-KARLOVSKY C. C.**
1978. Proto-Elamites on the Iranian Plateau (*ANTIQUITY. A Quarterly Review of Archaeology*, v. LII, № 205 : 114—120).
- LAMBERTERIE Ch. de**
1978. Armeniaca I—VIII: Études lexicales (*«Bulletin de la Société de Linguistique de Paris»*, t. 73, fasc. 1 : 243—285).
- LANDAR H. J.**
1961. A note on preferred arrangements of Navaho words (*«International Journal of American Linguistics»*, v. 27, № 2 : 175—177).
- LANDSBERGER B.**
1934. Die Fauna des alten Mesopotamien nach der 14. Tafel der Serie HAR.RA-hubullu (*«Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften»*, Bd. XLII, № 6, Leipzig).

LANE G. Sh.

1931. Words for clothing in the principal Indo-European languages («*Language Dissertations*» published by the Linguistic Society of America, № IX. Kraus Reprint Corporation, New York, 1966).
1966. On the interrelationship of the Tocharian dialects («*Ancient Indo-European Dialects*», ed. by H. Birnbaum and J. Puhvel, Berkeley and Los Angeles: University of California Press: 213—233).
1967. The beech argument: A re-evaluation of the linguistic evidence («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 81, H. 3/4: 198—222).
1970. Tocharian: Indo-European and non-Indo-European relationships («*Indo-European and Indo-Europeans*». Papers presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania, ed. by G. Cardona, H. M. Hoenigswald, and A. Senn, Philadelphia. University of Pennsylvania Press: 73—88).

LANG J.

1973. The concept of Psyche: its genesis and evolution («*Acta Ethnographica*», t. 22, 1—2, Budapest: 171—193).

LAROCHE É.

1947. Recherches sur les noms des dieux hittites, Paris: Adrien Maisonneuve.
1955. Études de vocabulaire, V («*Revue Hittite et Asianique*», t. XIII, fasc. 57: 72—106).
- 1955a. Divinités lunaires d'Anatolie («*Revue de l'Histoire des Religions*», № 148: 1—24).
1957. Fragment hurrite provenant de Mari («*Revue d'Assyriologie et d'Archéologie Orientale*», t. LI, № 2: 104—106).
1958. Comparaison du louvite et du lycien («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 53, fasc. 1: 159—197).
- 1959a. Dictionnaire de la langue louvite, Paris: Adrien Maisonneuve.
- 1959b. L'adjectif sarli- 'supérieur' dans les langues asianiques («*Festschrift Johannes Friedrich*». Zum 65. Geburtstag am 27. August gewidmet, Heidelberg. C. Winter. Universitätsverlag: 291—298).
1960. Les hiéroglyphes hittites, I, Paris («*Centre National de la Recherche Scientifique*»).
1962. Un 'ergatif' en indo-européen d'Asie Mineure («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 57, fasc. 1: 23—43).
1963. Études lexicales et étymologiques sur le hittite («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 58, fasc. 1: 58—80).
- 1965a. Études de linguistique anatolienne («*Revue Hittite et Asianique*», t. XXIII, fasc. 76: 33—54).
- 1965b. Sur le nom grec de l'ivoire («*Revue de Philologie, de Littérature et d'Histoire Anciennes*», t. XXXIX, fasc. 1: 56—59).

- 1965c. Textes mythologiques hittites en transcription, I partie. Mythologie anatolienne («*Revue Hittite et Asianique*», t. XXIII, fasc. 77 : 61—178).
1966. Études de linguistique anatolienne, II («*Revue Hittite et Asianique*», t. XXIV, fasc. 79 : 160—184).
- 1966a. Les noms des hittites, Paris : Klincksieck.
1969. Les noms anatoliens du 'dieu' et leurs dérivés («*Journal of Cuneiform Studies*», v. XXI [1967]. Special volume honoring Prof. A. Goetze, ed. by A. Sachs, Cambridge, Mass.: 174—177).
1970. Études de linguistique anatolienne, III («*Revue Hittite et Asianique*», t. XXVIII : 22—71).
1971. Catalogue des textes hittites, Paris : Klincksieck.
- 1971a. [Рец. на] КВо XVI («*Orientalistische Literaturzeitung*», 66, № 3/4 : 147—150).
1973. Études de linguistique anatolienne («*Revue Hittite et Asianique*», t. XXXI : 83—99).
- 1973a. Fleuve et ordalie en Asie Mineure hittite («*Festschrift Heinrich Otten*», 27. Dez. 1973, hrsg. von E. Neu, Chr. Ruster, Wiesbaden. O. Harrassowitz : 179—189).
1974. La stèle trilingue récemment découverte au Létoon de Xanthos. Le texte lycien («*Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*», Comptes rendus des séances de l'année 1974, Janvier—Mars, Paris : 115—125).
1978. Glossaire de la langue hourrite. Première partie : A—L («*Revue Hittite et Asianique*», t. XXXIV, 1976).
1979. Glossaire de la langue hourrite. Deuxième partie : M—Z, Index («*Revue Hittite et Asianique*», t. XXXV, 1977).
- LASS R.
1974. Strategic design as a motivation for a sound shift: The rationale of Grimm's Law («*Acta Linguistica Hafniensia*», International Journal of General Linguistics, v. XV, № 1 : 51—66).
- LAUGHTON E.
1956. Juvenal's other elephants («*The Classical Review*», v. VI, № 3—4 : 201).
- LAZZERONI R.
1962. Sibilanti indoeuropee e sibilanti ittite («*Studi e Saggi Linguistici*», v. 2. Supplemento alla Rivista «L'Italia Dialettale» : 12—22).
- LEHMANN W. P.
1951. The distribution of Proto-Indo-European /r/ (*LANGUAGE*, v. 27, № 1 : 13—17).
1952. Proto-Indo-European Phonology, Austin : University of Texas Press.
1953. The conservatism of German phonology («*The Journal of English and Germanic Philology*», v. 52, № 2 : 140—152).
1956. The development of Germanic verse form, Austin : University of Texas Press and Linguistic Society of America.

1958. Introduction (В кн.: W. P. Lehmann and Takenitsa Tabusa, The alliterations of Beowulf, Austin : University of Texas Press).
- 1958a. On earlier stages of the Indo-European nominal inflection (*LANGUAGE*, v. 34, № 2 : 179—202).
1968. The Proto-Germanic words inherited from Proto-Indo-European which reflect the social and economic status of the speakers («*Zeitschrift für Mundartforschung*», hrsg. von L. E. Schmitt, XXXV, H. 1 : 1—25).
1969. Proto-Indo-European compounds in relation to other Proto-Indo-European syntactic patterns («*Acta Linguistica Hafniensia*». International Journal of General Linguistics, v. XII, № 1 : 1—20).
1970. Linguistic structure as diacritic on Proto-Culture («*Indo-European and Indo-Europeans*». Papers presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania, ed. by G. Cardona, H. M. Hoenigswald, and A. Senn, Philadelphia. University of Pennsylvania Press : 1—10).
1971. On the rise of SOV patterns in New High German (In: «*Grammatik. Kybernetik. Kommunikation*». Festschrift für Alfred Hoppe, hrsg. von K. G. Schweisthal: Dümmler).
- 1972a. The comparative method as applied to the syntactic component of language («*Canadian Journal of Linguistics*», 17, 2 : 167—174).
- 1972b. Comparative linguistics and Indo-European studies («*Publications of the Modern Linguistic Association of America*», v. 87, № 5 : 976—993).
- 1972c. Comparative constructions in Germanic of the OV type («*Studies for Einar Haugen*». Presented by Friends and Colleagues, The Hague—Paris. Mouton : 323—330).
1973. Explanations for some syntactic phenomena of Indo-European (*GLOSSA*. An International Journal of Linguistics, v. 7, № 1 : 81—90).
- 1973a. A structural principle of language and its implications (*LANGUAGE*, v. 49, № 1 : 47—66).
1974. Proto-Indo-European Syntax, Austin and London : University of Texas Press.

LEJEUNE M.

1955. Les correspondances italiqnes de lat. *finxit* et de lat. *fēcit* («*Corolla Linguistica*». Festschrift F. Sommer zum 80. Geburtstag am 4. Mai 1955 dargebracht von Freunden, Schülern und Kollegen, hrsg. von H. Krahe, Wiesbaden. O. Harrassowitz : 145—153).
- 1955a. Celtiberica («*Acta Salamanticensia*». *Filosofía y Letras*, VII, 4, Salamanca).
1958. Mémoires de philologie mycénienne. Première Série, Paris : Centre National de la Recherche Scientifique.
1967. Rapport sur le mycénien («*Atti e Memorie del I° Congresso Internazionale di Micenologia*», Roma, 27 settembre—3 ottobre 1967, Prima parte. Ed. dell' Ateneo, 1968 : 233—238).

1968. Chars et roues à Cnossos («*Minos*». Rivista di Filologia Egea, n. s., IX, fasc. 1 : 9—61).
1972. Phonétique historique du mycénien et du grec ancien, Paris : Klincksieck.
- LENORMAND M.
1952. The phonemes of Lifu (Loyalty Islands). *The shaping of a pattern* (WORD, v. 8, № 3 : 252—257).
- LEONHARD W.
1911. Hettiter und Amazonen. *Die griechische Tradition über die «Chatti» und ein Versuch zu ihrer historischen Verwertung*, Leipzig—Berlin: Teubner.
- LERICHE P.
1973. L'Asie centrale dans l'antiquité («*Revue des Études Anciennes*», t. LXXV, № 3—4 : 280—310).
- LE ROY LADURIC
1978. Le territoire de l'historicien, Paris : Gallimard.
- LEUMANN M.
1942. Idg. *sk* im Altindischen und im Litauischen (INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 58, H.1 : 1—26; H.2: 113—130).
- LEVEY M.
1959. Chemistry and chemical technology in Ancient Mesopotamia, Amsterdam—London—New York—Princeton : Elsevier.
- LEVI D.
1951. La dea micenea a cavallo («*Studies presented to D. M. Robinson on his Seventieth Birthday*», v. I, Saint Louis, Missouri : 108—125).
- LÉVI-STRAUSS C.
1958. Anthropologie structurale, Paris : Plon.
1962. La pensée sauvage, Paris : Plon.
1964. Mythologiques, I. Le cru et le cuit, Paris : Plon.
1964a. Structural analysis in linguistics and anthropology («*Language in Culture and Society*». A Reader in Linguistics and Anthropology, ed. by Dell Hymes, New York, Evanston, and London. Harper & Row : 40—53).
1967. Les structures élémentaires de la parenté, 2me éd., The Hague—Paris : Mouton.
- LÉVY P.
1972. Gr. thálassa 'mer'—Sanskrit taṭaka 'étang'—Siamois thaṭlé 'mer' («*Langues et Technique. Nature et Société*», I, Paris : 295—300).
- LEWIS H., PEDERSEN H.
1937. A concise comparative Celtic grammar, Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht.

- LEWY E.
1961. Kleine Schriften, Berlin : Akademie-Verlag.
- LEWY H.
1895. Die semitischen Lehnwörter im Griechischen, Berlin : R. Gärtner.
- LIBERMAN A. M.
1957. Some results of research on speech perception (*The Journal of the Acoustical Society of America*), v. 29 : 117—123).
- LIEBERT G.
1957. Die indoeuropäischen Personalpronomina und die Laryngaltheorie. *Ein Beitrag zur Erforschung der Pronominalbildung*, Lund : Gleerups.
- LIMET H.
1960. Le travail du métal au pays de Sumer au temps de la IIIe dynastie d'Ur (*Bibliothèque de la Faculté de Philosophie et Lettre de l'Université de Liège*, fasc. CLV). Société d'Édition «Belles Lettres», Paris.
- LINCOLN B.
1975. Homeric λύσσα 'Wolfish Rage' (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft*, Bd. 80 : 98—105).
1977. Death and resurrection in Indo-European thought (*The Journal of Indo-European Studies*), v. 5, № 3 : 247—264).
1980. The ferryman of the dead (*The Journal of Indo-European Studies*), v. 8, № 1/2 : 41—59).
- LINDEMAN F. O.
1970. Einführung in die Laryngaltheorie, Berlin : W. de Gruyter.
1979. Remarques sur la flexion des verbes du type de *tehi* en hittite (*Hethitisch und Indogermanisch. Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Altkleinasiens*, hrsg. von E. Neu und W. Meid, Innsbruck : 153—157).
1982. The triple representation of Schwa in Greek and some related problems of Indo-European phonology, Oslo — Bergen—Tromsø : Universitetsforlaget.
- LINDEMANN J. W. B.
1970. Old English preverbal *ge-*: its meaning, Charlottesville : The University Press of Virginia.
- LITTAUER M. A.
1977. Rock-carvings of chariots in Transcaucasia, Central Asia and Outer Mongolia (*Proceedings of the Prehistoric Society*), v. XLIII, London : 243—262).

LITTAUER M. A., CROUWEL J. H.

1974. Terra cotta models as evidence for vehicles with tilts in the Ancient Near East (*Proceedings of the Prehistoric Society*, v. XL: 20—37).
1977. Chariots with Y-poles in the Ancient Near East (*Deutsches Archäologisches Institut*. *Archäologischer Anzeiger*, H. 1, Berlin: W. de Gruyter & Co.: 1—7).

LITTLETON C. S.

1970. Is the 'Kingship in Heaven' theme Indo-European? (*Indo-European and Indo-Europeans*). Papers presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania, ed. by G. Cardona, H. M. Hoenigswald, and A. Senn, Philadelphia. University of Pennsylvania Press: 383—404).
1973. The new comparative mythology. *An anthropological assessment of the theories of Georges Dumézil*, Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.

LLOYD G. E.

1962. Right and left in Greek philosophy (*The Journal of Hellenic Studies*, v. LXXXII: 56—66).
1966. *Polarity and Analogy: Two types of argumentation in early Greek thought*, Cambridge: Cambridge University Press.

LLOYD S.

1961. Melting pot of peoples. The early settlement of Anatolia (*The Dawn of Civilization*). The first world survey of human cultures in early times, ed. by S. Piggott, London. Thames and Hudson, Ltd.: 161—194).

LOCKER E.

1955. Der sprachliche Ausdruck der Negation (*Istituto Lombardo di Scienze e Lettere*. *Rendiconti. Classe di Lettere e Scienze Morali e Storiche*, v. LXXXVIII: 539—564).

LOEWE R.

1936. Die Vierzahlweise der Indogermanen (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*. *Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft*, Bd. 54, H. 3: 190—205).

LOHMANN J.

1932. Genus und Sexus. *Eine morphologische Studie zum Ursprung der indogermanischen nominalen Genusunterscheidung* (Ergänzungshefte zur *Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*, № 10, Göttingen).

LOMMEL H.

1912. Studien über indogermanische Femininbildungen. Diss., Göttingen.

LOUNSBURY F. G.

1964. A formal account of the Crow- and Omaha-type kinship terminologies («*Explorations in Cultural Anthropology*». Essays in honor of G. P. Murdock, ed. by Goodenough, New York — San Francisco—Toronto—London. Mc Graw-Hill : 351—393).

LÜDERS H.

- 1951, I; 1959, II. Varuṇa. Aus dem Nachlass herausgegeben von L. Alsdorf; I. Varuṇa und die Wässer; II. Varuṇa und das Rta, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

LUNT H. G.

1952. Grammar of the Macedonian literary language, Skopje: Државно Кн-во на НР Македонија.

LUSCHAN F. von

1911. The early inhabitants of Western Asia («*The Huxley Memorial Lecture for 1911*»), London.

McKAY J. W.

1973. Further light on the horses and chariot of the Sun in the Jerusalem temple («*Palestine Exploration Quarterly*», 105: 167—169).

MACKENZIE D. N.

1971. A concise Pahlavi dictionary, London: Oxford University Press.
1976. The Buddhist Sogdian texts of the British Library («*Acta Iranica*». Textes et Mémoires, III, Leiden : E. J. Brill)

MAC KNIGHT G. H.

1897. The primitive Teutonic order of words («*The Journal of Germanic Philology*», v. 1, № 2 : 136—219).

McLENDON S.

1978. Ergativity, case and transitivity in Eastern Pomo («*International Journal of American Linguistics*», v. 44, № 1 : 1—9).

MADDIESON I.

1974. A note on tone and consonants («*The Tone Tome*». Studies on tone from the UCLA: Tone project. «*Working Papers in Phonetics*», 27, Los Angeles : 18—27).

MAGNUSSON W. L.

1967. Complementary distributions among the root patterns of Proto-IE (LINGUISTICS. An International Review, v. 34 : 17—25).

MALINOWSKI T.

1974. The question of a Northern Proto-Illyrian borderland («*The Journal of Indo-European Studies*», v. II, № 3 : 213—222).

MALLORY J. P.

1973. A short history of the Indo-European problem («*The Journal of Indo-European Studies*», v. I, № 1 : 21—65).

1976. The chronology of the early Kurgan tradition («*The Journal of Indo-European Studies*», v. IV, № 4 : 257—294).
1977. The chronology of the early Kurgan tradition : Part two («*The Journal of Indo-European Studies*», v. V, № 4 : 339—368).
- MAŃCZAK W.**
1960. Origines de l'apophonie *e/o* en indo-européen (*LINGUA. International Review of General Linguistics*, v. 9, № 3 : 277—287).
- MANESSY-GUITTON J.**
1970. Recherches sur la formation de skr. *duhitár-* («*Actes du Xe Congrès International des Linguistes*», IV, Bucarest : 659—665).
- MANN S. E.**
1948. An historical Albanian—English dictionary, London — New York—Toronto : The British Council.
1963. Armenian and Indo-European (*Historical Phonology*), London: Luzac & Co., Ltd.
1968. Die Urheimat der «Indoeuropäer». *Sprachwissenschaftliche Zeugnisse* («*Die Urheimat der Indogermanen*», hrsg. von A. Scherer, Darmstadt. Wissenschaftliche Buchgesellschaft : 224—255).
- MANNHARDT W.**
1875. Die lettischen Sonnenmythen («*Zeitschrift für Ethnologie*». Organ der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, Bd. 7 : 73—104).
- MANSIKKA V.**
1921. Die Religion der Ostslaven, I, Helsingfors : Suomalainen tiedeakatemia.
- MARSTRANDER C. J. S.**
1924. Observations sur les présents indo-européens à nasale infixés en celtique («*Videnskapselskapets Skrifter*», II. Hist.-Filos. Klasse, № 4, Christiania).
- MARTINET A.**
1950. Some problems of Italic consonantism (*WORD*, v. 6, № 1 : 26—41).
1953a. Non-apophonic *o*-vocalism in Indo-European (*WORD*, v. 9 : № 3 : 253—267).
1953b. Remarques sur le consonantisme sémitique («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 49, fasc. 1 : 67—78).
1955. Économie des changements phonétiques. *Traité de phonologie diachronique*, Berne : Francke.
1956. Linguistique structurale et grammaire comparée («*Travaux de l'Institut de Linguistique*», t. 1, Paris : 7—21).
1957. Les «laryngales» indo-européens («*Reports for the Eighth International Congress of Linguists*», Oslo, 1957 (перепечатано в «*Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists*», Oslo, 1958)).

- MASSON E.
1967. Recherches sur les plus anciens emprunts sémitiques en Grec, Paris : Klincksieck.
- MASSON O.
1962. Les fragments du poète Hipponax. *Édition critique et commentée* (Études et Commentaires, 43), Paris : Klincksieck.
- MASTRELLI C. A.
1958. Le innovazioni nel mondo indoeuropeo («*Archivio Glottologico Italiano*», v. XLIII, Firenze : 1—17).
1976. La denominazione indoeuropea dell' «ulna» («*Scritti in onore di Giuliano Bonfante*», v. I, Brescia. Paideia Editrice : 447—471).
- MATISOFF J. A.
1970. Glottal dissimilation and the Lahu high-rising tone: a tonogenetic case-study («*Journal of the American Oriental Society*», v. 90, № 1 : 13—43).
- MATOLCSI J.
1973. Domestikationsforschung und Geschichte der Haustiere («*Internationales Symposium in Budapest*», 1971, hrsg. von J. Matolcsi), Budapest : Akadémiai Kiadó.
- MATTHEWS G. H.
1965. Hidatsa syntax, The Hague — Paris : Mouton.
- MATTSON E.
1911. Études phonologiques sur le dialecte arabe vulgaire de Beyrouth (2me éd.), Upsal : Appelberg.
- MAYER A.
1957—1959. Die Sprache der alten Illyrier, Bd. I u. II («*Österreichische Akademie der Wissenschaften*»). Philosophisch-Historische Klasse. Schriften der Balkankommission. Linguistische Abteilung, Wien).
- MAYRHOFER M.
1952. Indogermanische Wortforschung seit Kriegsende («*Studien zur Indogermanischen Grundsprache*», Wien : 39—55).
1953. Sanskrit-Grammatik, Berlin : Göschen.
1956—1976 : 1956, Bd. I; 1963, Bd. II; 1976, Bd. III. Kurzgefaßtes Etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
1966. Die Indo-Arier im alten Vorderasien, Wiesbaden : O. Harrassowitz.
1968. Die Rekonstruktion des Medischen, Wien («*Österreichische Akademie der Wissenschaften*»).
1973. Onomastica Persepolitana. *Das altiranische Namengut der Persepolis-Täfelchen*, Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

1974. Die Arier im Vorderen Orient — ein Mythos? (*Österreichische Akademie der Wissenschaften*). Philosophisch-Historische Klasse. Sitzungsberichte, Bd. 294, Abhandlung 1, Wien).
- 1974a. Ein neuer Beleg zu der indogermanischen Sippe für «Halschmuck» (*Antiquitates Indogermanicae*). Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck: 289—291).
1977. Zum Namengut des Avesta, Wien: *Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften*.
1979. Die altiranischen Namen (*IRANISCHES PERSONENNAMEN-BUCH*), hrsg. von M. Mayrhofer, Bd. 1, Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- 1979a. Ausgewählte kleine Schriften (hrsg. von S. Deger-Jalkotzy und R. Schmitt), Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
1983. Sanskrit und die Sprachen Alteuropas. *Zwei Jahrhunderte des Widerspiels von Entdeckungen und Irrtümern* («Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen». Philol.-Hist. Klasse, № 5, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht).

MAŽIULIS V.

- 1966—1981. Prūsų Kalbos Paminklai, I—II, Vilnius: «Mokslas».
1970. Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai (Deklinacija), Vilnius: «Mintis».

MEID W.

1963. Die indogermanischen Grundlagen der altirischen absoluten und konjunkten Verbalflexion, Wiesbaden: O. Harrassowitz.
1971. Das germanische Präteritum. *Indogermanische Grundlagen und Ausbreitung im Germanischen* («Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft», hrsg. von W. Meid, Bd. 3, Innsbruck).
1974. Dichtkunst, Rechtspflege und Medizin im alten Irland. *Zur Struktur der altirischen Gesellschaft* (*Antiquitates Indogermanicae*). Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck: 21—34).
1976. Zur Etymologie des Wortes für «Mensch» im Irischen (*Studies in Greek, Italic, and Indo-European Linguistics*) offered to Leonard R. Palmer on the Occasion of his Seventieth Birthday, ed. by A. Morpurgo Davies and W. Meid, Innsbruck: 173—179).
1977. Keltisches und indogermanisches Verbalsystem (*Indogermanisch und Keltisch*). Kolloquium der Indogermanischen Gesellschaft am 16. und 17. Februar 1976 in Bonn, hrsg. von K. H. Schmidt, Wiesbaden. Dr. Ludwig Reichert Verlag: 108—131).

1978. Dichter und Dichtkunst in indogermanischer Zeit. *Einige allgemeine Gedanken zum Problem der indogermanischen Dichtersprache und der sprachlichen Tradition überhaupt*, Innsbruck («Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft»).

MEILLET A.

1906. Les alternances vocaliques en vieux-slave («*Mémoires de la Société de Linguistique de Paris*», t. 14 : 193—209; 332—390).
1912. Avestique *zrazdā* («*Mémoires de la Société de Linguistique de Paris*», t. 18 : 60—64).
1922. Les dialectes indo-européens, 2me éd, Paris : Champion.
1923. Les origines indo-européennes des mètres grecs, Paris : Presses Universitaires de France.
1926. Caractères généraux des langues germaniques, 3me éd., Paris (5me éd. rev. — 1937, Paris : Hachette).
- 1931a. Caractère secondaire du type thématique indoeuropéen («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 32, fasc. 1 : 194—202).
- 1931b. Av. ТКАЕША («*Studia Indo-Iranica*». Ehrengabe W. Geiger, Leipzig : 234—237).
- 1931c. Essai de chronologie des langues indo-européennes. *La théorie du féminin* («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 32, fasc. 1 : 1—28).
1934. Le slave commun (2me éd., rev. et augm. avec le concours de A. Vaillant), Paris : Champion.
1936. Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique, Vienne : Imprimerie des pp. mekhitharistes.
1937. Introduction à l'étude comparative des langues indoeuropéennes, 8me éd., Paris : Hachette.
1948. Linguistique historique et linguistique générale, I, Leiden: E. J. Brill.

MEISSNER R.

1916. Die Zunge des Grossen Mannes («*Anglia*», v. XL : 375—393).

MELCHERT H. C.

1973. Hittite ḫašša- ḫanzašša- («*Revue Hittite et Asiatique*», t. XXXI : 57—70).
1980. The Hittite word for 'son' (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft*, Bd. 85 : 90—95).

MELLAART J.

1958. The end of Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean («*American Journal of Archaeology*», v. 62, № 1 : 9—35).
1965. Earliest civilizations of the Near East, London : Thames and Hudson, Ltd.
- 1965a. Anatolia circa 4000—2300 B. C. («*Cambridge Ancient History*»), Cambridge : Cambridge University Press.

1966. The Chalcolithic and Early Bronze Ages in the Near East and Anatolia, Beirut : Khayats.
1967. Çatal Hüyük. *A neolithic town in Anatolia*, London : Thames & Hudson.
1970. Excavations at Hacilar, Edinburgh : University Press.
1975. The neolithic of the Near East, London : Thames & Hudson.
1981. Anatolia and the Indo-Europeans (*The Journal of Indo-European Studies*), v. 9, № 1 and 2 : 135—173).
- MELLINK M. J.
1976. Archaeology in Asia Minor (*American Journal of Archaeology*), v. 80, № 3 : 261—289).
- MELZIAN H.
1955. Zum Festkalender von Benin (*Afrikanische Studien*), hrsg. von J. Lukas, Berlin : 87—107).
- MERIGGI P.
1953. I miti di Kumarbi, il Kronos currico (*ATHENAEUM. Studi Periodici di Letteratura e Storia dell' Antichità*, n. s., v. XXXI. Studi offerti dai discepoli al Prof. P. Fraccaro, Pavia : 101—157).
1957. Testi luvii (*ATHENAEUM*, v. XXXV, fasc. I—II : 56—77).
- 1966—1975. Manuale di eteo geroglifico : p. I. Grammatica (1966); p. II. Testi (1967, 1975); Tavola (1975), Roma : Ed. dell' Ateneo.
- MERLINGEN W.
1962. Zum Vorgriechischen (*Linguistique Balkanique*), IV : 25—55; V. 2 : 5—44), Sofia : Académie Bulgare des Sciences.
1968. Zum Ausgangsgebiet der indogermanischen Sprachen (*Die Urheimat der Indogermanen*), hrsg. von A. Scherer, Darmstadt. Wissenschaftliche Buchgesellschaft : 409—413).
1978. Zur Problematik der sogenannten Implosive (*PHONETICA*, 35 : 241—283).
- MERPERT N.
1977. Comments on «The chronology of the early Kurgan tradition» (*The Journal of Indo-European Studies*), v. V, № 4 : 373—378).
- MEYER R. M.
1909. Verba pluralia tantum (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN. Zeitschrift für Indogermanische Sprach- und Altertumskunde*, Bd. 24, H. 3/4 : 279—288).
- MILEWSKI T.
1960. Similarities between the Asiatic and American Indian languages (*International Journal of American Linguistics*), v. 26, № 4 : 265—274).
1964. Nazwy z obszaru Polski podejrzone o pochodzenie wienetyckie lub iliryjskie (*Slavia Antiqua*), XI. Poznań : 37—86).

1967. Phonological typology of American Indian languages («*Études Typologiques sur les Langues Indigènes de l'Amérique*»), Kraków : Prace Komisji Orientalistycznej.
1969. Indoewropejskie imiona osobowe («Polska Akademia Nauk». Prace Komisji Językoznawstwa, № 18. Wrocław — Warszawa — Kraków).
- MILLER D. G.**
1968. Traces of Indo-European metre in Lydian («*Studies Presented to Professor Roman Jakobson by his Students*». Slavica Publishers, Inc., Cambridge, Mass.: 207—221).
1975. Indo-European : VSO, SOV, SVO, or all three? (*LINGUA*. International Review of General Linguistics, v. 37 : 31—52).
1977. Bartholomae's Law and an IE root structure constraint («*Studies in Descriptive and Historical Linguistics*». Festschrift for Winfred P. Lehmann, ed. by Paul J. Hopper, Amsterdam : John Benjamins B. V.: 365—392).
- 1977a. Some theoretical and typological implications of an IE root structure constraint («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 5, № 1 : 31—40).
- 1977b. Grassmann's Law reordered in Greek? («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 91, H. 1 : 131—158).
- MILLER R. A.**
1971. Japanese and the other Altaic languages, Chicago & London : The University of Chicago Press.
- MILNER G. B.**
1971. Fijian and Rotuman («*Current Trends in Linguistics*», ed. by T. A. Sebeok, v. 8. Linguistics in Oceania, The Hague — Paris. Mouton : 397—425).
- MINISSI N.**
1970. Come utilizzare la documentazione finnougistica nella linguistica indoeuropea. 2. Un presunto protobaltico *ō («*Euroasiatica*». Folia Philologica AION-SI Suppleta, Napoli : Istituto Universitario Orientale).
- MÖLLER H.**
1911. Vergleichendes indogermanisch-semitisches Wörterbuch, Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht.
- MONIER-WILLIAMS M.**
- 1976 [1899]. A Sanskrit—English Dictionary. *Etymologically and Philologically Arranged*, Delhi—Varanasi—Patna : Motilal Banarsidass.
- MORENZ S.**
1950. Ägypten und altorphanische Kosmogonie («*Aus Antike und Orient*», Leipzig : 64—103).
- 68 Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов

MORGENSTIERNE G.

1929. The language of the Ashkun Kafirs («*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*», Bd. 2 : 192—289).
- 1929—1938. Indo-Iranian Frontier Languages («*Instituttet for Sammenlignende Kulturforskning*, Ser. B, Skrifter, XI), v. I—II, Oslo: H. Aschehoug.
1934. Additional notes on Ashkun («*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*», Bd. 7 : 116—120).
1942. Avestan phonology («*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*», Bd. 12 : 30—82).
1945. Indo-European *k* in Kafiri («*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*», Bd. 13 : 225—238).
1949. The language of the Prasun Kafirs («*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*», Bd. 15 : 188—334).
1954. The Waigali language («*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*», Bd. 17 : 146—324).
1975. Ancient contacts between North-East Iranian and Indo-Aryan? («*Mélanges Linguistiques offerts à Émile Benveniste*. Société de Linguistique de Paris, LXX, Louvain. Édition Peeters : 431—434).

MORPURGO A. (MORPURGO DAVIES A.)

1963. Mycenaean Graecitatis Lexicon («*Incunabula Graeca*», v. III), Romae in Aedibus Athenaei.
1967. The treatment of **ʔ* and **ʕ* in Mycenaean and Arcado-Cyprian («*Atti e Memorie del 1° Congresso Internazionale di Micenologia*», Roma, 27 settembre—3 ottobre 1967, Prima parte. Ed. dell' Ateneo, 1968 : 281—302).

MOSCATI S., SPITALER A., ULLENDORF E., SODEN W. von

1980. An Introduction to the Comparative Grammar of the Semitic Languages. *Phonology and Morphology*, Wiesbaden : O. Harrassowitz.

MÜHLENBACH K., ENDZELIN J.

- 1923—1932. Lettisch-deutsches Wörterbuch. *Redigiert, ergänzt und fortgesetzt* von J. Endzelin, Bd. I—IV, Riga : Lettisches Bildungsmministerium.

MUHLY J. D.

1974. Hittites and Achaeans: Aḫḫijawā redomitus («*Historia*», Bd. XXIII, H. 2 : 129—145).

MÜLLER F.

1882. Grundriss der Sprachwissenschaft, Bd. II. *Die Sprachen der schlichthaarigen Rassen*, II. Abt., Wien : Alfred Hölder.

NAGEL W.

1963. Frühe Tierwelt in Südwestasien («*Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie*», Bd. 21 [55] : 169—222).

NAGY G.

1970. Greek dialects and the transformation of an Indo-European process, Cambridge : Harvard University Press.
1974. *Perkūnas and Perunъ* («*Antiquitates Indogermanicae*»). Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck : 113—131).
- 1974a. Comparative studies in Greek and Indic meter («*Harvard Studies in Comparative Literature*», v. 33), Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

NARAYAN RAM ACHARYA

1946. *The Manusmṛiti*. With commentary, Manvarthamuktāvali of Kulūka. 10th ed., with critical and explanatory notes, etc., Bombay: «Kāvyaṭīrtha».

NARTEN J.

1964. Die sigmatischen Aoriste im Veda, Wiesbaden : O. Harrassowitz.

NEČÁSEK L.

1957. Staroslověnské dativní vazby participiální a jejich předlohy v řeckém textu evangelií («*Slavia*», ročník XXVI, Praha, sešit 1 : 13—30).

NECKEL G.

1962. Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern, hrsg. von Gustav Neckel, I. Text. Vierte umgearbeitete Auflage von H. Kuhn, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.

NEHRING A.

1935. Studien zur indogermanischen Kultur und Urheimat («*Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik*», IV).
1940. A neglected heteroclytic noun (*LANGUAGE*, v. 16, № 1 : 1—11).
1959. Idg. **mari*, **mori* («Festschrift F. R. Schröder», Heidelberg: 122—138).

NEU E.

1968. Das hethitische Mediopassiv und seine indogermanischen Grundlagen («*Studien zu den Boğazköy-Texten*», H.6), Wiesbaden : O. Harrassowitz.
1974. Der Anitta-Text («*Studien zu den Boğazköy-Texten*», H. 18), Wiesbaden : O. Harrassowitz.
1976. Zur Rekonstruktion des indogermanischen Verbalsystems («*Studies in Greek, Italic, and Indo-European Linguistics*» offered to Leonard R. Palmer on the Occasion of his Seventieth Birthday, ed. by A. Morpurgo Davies and W. Meid, Innsbruck : 239—254).

1979. Einige Überlegungen zu den hethitischen Kasusendungen («Hethitisch und Indogermanisch». Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Altkleinasiens, hrsg. von E. Neu und W. Meid, Innsbruck: 177—196).
1980. Hethit. *man(n)ink#a-* 'nahe' (INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 85 : 81—89).

NEUMANN G.

1957. Zur Sprache der kretischen Linearschrift A (GLOTTA. Zeitschrift für Griechische und Lateinische Sprache, Bd. XXXVI, H. 1/2 : 156—158).
1961. Untersuchungen zum Weiterleben hethitischen und luwischen Sprachgutes in hellenistischer und römischer Zeit, Wiesbaden: O. Harrassowitz.
1969. Lykisch («Handbuch der Orientalistik», hrsg. von B. Spuler, 1. Abt.: Der Nahe und der Mittlere Osten; 2. Bd., 1. und 2. Abschnitt, Lief. 2 : Altkleinasiatische Sprachen, Leiden/Köln. E. J. Brill : 358—396).
1974. Hethitisch *nega-* 'die Schwester' («Antiquitates Indogermanicae». Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck : 279—283).
- 1974a. Beiträge zum Lykischen, V (DIE SPRACHE. Zeitschrift für Sprachwissenschaft, Bd. XX : 109—114).

NEUNINGER H., PITTIONI R., SIEGL W.

1964. Frühkeramische Kupfergewinnung in Anatolien («Archaeologia Austriaca», H. 35 : 98—110).

NEUSTUPNÝ E.

1970. The accuracy of radiocarbon dating. «Radiocarbon Variations and Absolute Chronology» («Proceedings of the Twelfth Nobel Symposium held at the Institute of Physics at Uppsala University», ed. by I. U. Olsson, Stockholm : 23—34).

NILSSON M. P.

1911. Primitive time reckoning. A study in the origins and first development of the art of counting time among the primitive and early culture peoples, Lund : Gleerups.

NOBIS G.

1955. Beiträge zur Abstammung und Domestikation des Hauspferdes nach Studien an ur- und frühgeschichtlichen Funden Nordwest- und Mitteleuropas («Zeitschrift für Tierzüchtung und Züchtungsbiologie», Bd. LXIV : 201—245).
1971. Vom Wildpferd zum Hauspferd («Fundamenta», Bd. 6), Köln.

NOBLE D.

1969. The Mesopotamian onager as a draught animal (*The Domestication and Exploitation of Plants and Animals*, ed. by Ucko P. J. and Dimbleby G. W., London. Duckworth : 485—488).

FORMIER R.

- 1977 Idg. Konsonantismus, germ. «Lautverschiebung» und Vernersches Gesetz (*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*, Bd. 91, H. 2 : 171—217).
1980. Tocharisch *ñkät/ñakte* 'Gott' (*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*, Bd. 94, H. 1/2 : 251—281).
- 1980a. Nochmals zu *sor- (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft*, Bd. 85 : 43—80).

OANCEA A.

1976. Branches de mors au corps en forme de disque (*Thraco-Dacica*. Recueil d'études à l'occasion du IIe Congrès International de Thracologie, Bucarest, 4—10 septembre 1976, ed. par Preda C., Vulpe A., Poghirc C., Bucureşti. Editura Academiei R. S. România : 59—75).

EENHUBER K.

1974. Der Kyklop Polyphem in altorientalischer Sicht (*Antiquitates Indogermanicae*. Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck : 147—153).

EITTINGER N. von

1976. Die militärischen Eide der Hethiter (*Studien zu den Boğazköy-Texten*, H. 22), Wiesbaden : O. Harrassowitz.
1979. Die Stammbildung des hethitischen Verbuns (*Erlanger Beiträge zur Sprach- und Kulturwissenschaft*, № 64), Nürnberg : Verlag Hans Carl.
1980. Die *n*-Stämme des Hethitischen und ihre indogermanischen Ausgangspunkte (*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*, Bd. 94, H. 1/2 : 44—63).

LAHERTY A.

1978. Contributions to an equine lexicology with special reference to frogs (*Journal of the American Oriental Society*, v. 98, № 4 : 475—478).

LEEBG H.

1973. Zwei oder drei Gutturalreihen? Vom Albanischen aus gesehen (*Scritti in onore di Giuliano Bonfante*, v. II, Brescia : Paideia Editrice : 561—570).

ONDRUŠ Š.

1966. Die Bedeutung der statistischen Methode für die Rekonstruktion. *Zur Frage der Liquiden im Urindogermanischen* (KRATYLOS. Kritisches Berichts- und Rezensionsorgan für Indogermanische und Allgemeine Sprachwissenschaft, Jg. XI, H. 1/2 : 107—111).
1968. Die ursprüngliche morphematische Struktur der indoeuropäischen Benennung des Mondes und des Monates («*Recueil Linguistique de Bratislava*», II : 192—198).

ONIANS R. B.

1954. The origins of European thought. *About the body, the mind, the soul, the world time, and fate*, Cambridge : The University Press.

ONIONS C. T., Ed.

1966. The Oxford Dictionary of English Etymology, Oxford : At the Clarendon Press.

ORR C., LONGACRE R. E.

1968. Proto-Quechumaran (*LANGUAGE*, v. 44, № 3 : 528—555).

OSTHOFF H.

1881. Die Tiefstufe im Indogermanischen («*Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», von H. Osthoff und K. Brugmann, Leipzig, Bd. 5 : 1—406).
1901. Etymologische Parerga, Teil 1, Leipzig : Hirzel.

OTRĘBSKI J.

1967. Die von dem indoeuropäischen Reflexivpronomen *se, *seye, *sue u. s. w. abgeleiteten Verwandtschaftsnamen («*Beiträge zur Indogermanistik und Keltologie*». Julius Pokorny zum 80. Geburtstag gewidmet, hrsg. von W. Meid, Innsbruck : 73—77).

OTTEN H.

1942. Die Überlieferungen des Telipinu-Mythus («*Mitteilungen der Vorderasiatisch-Agyptischen Gesellschaft*», 46, 1), Leipzig.
1951. Pirva — der Gott auf dem Pferde («*Jahrbuch für Kleinasiatische Forschung*». Internationale Orientalistische Zeitschrift, Bd. 2, H. 1 : 62—73).
1953. Die inschriftlichen Funde (Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Boğazköy im Jahre 1952. «*Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft*», 86).
- 1953a. Zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luvischen. *Untersuchung der Luwili-Texte*, Berlin : Akademie-Verlag.
1958. Hethitische Totenrituale, Berlin : Akademie-Verlag.
1969. Sprachliche Stellung und Datierung des Madduwatta-Textes («*Studien zu den Boğazköy-Texten*», H. 11), Wiesbaden : O. Harrassowitz.
1973. Eine althethitische Erzählung um die Stadt Zalpa («*Studien zu den Boğazköy-Texten*», H. 17), Wiesbaden : O. Harrassowitz.

OTTEN H., SOUCEK V.

1969. Ein althethitisches Ritual für das Königspaar («*Studien zu den Boğazköy-Texten*», H. 8), Wiesbaden : O. Harrassowitz.

PAGE R. I.

1968. The Old English rune *eoh*, *ih* 'yew-tree' («*Medium Aevum*», v. XXXVII, № 2 : 125—136).

PALMAITIS L.

1979. Proto-Indo-European vocalism and the development of the Indo-European declensional models (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 84 : 17—48).

PALMER L. R.

1950. The Indo-European origins of Greek justice («*Transactions of the Philological Society*», London : 149—168).
1955. *Achaeans and Indo-Europeans*, Oxford : Oxford University Press.
1956. The concept of social obligation in Indo-European. *A Study in structural semantics* («*Hommage à Max Niedermann*». Collection Latomus, v. XXIII, Bruxelles : 258—269).
1965. *Mycenaeans and Minoans. Aegean prehistory in the light of the linear B tablets* (2nd ed., substantially revised and enlarged), New York: Alfred A. Knopf.
1974. Arya-. A homological sketch («*Antiquitates Indogermanicae*». Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck : 11—19).

PANDIT P. B.

1957. Nasalisation, aspiration and murmur in Gujarati («*Indian Linguistics*». Journal of the Linguistic Society of India, v. 17 : 165—172).

PARSONS F. W.

1970. Is Hausa really a Chadic language? Some problems of comparative phonology («*African Language Studies*», v. 11 : 272—288).

PAUL H.

1953. *Mittelhochdeutsche Grammatik*, 16. Aufl., Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag.
1956. *Deutsches Wörterbuch*, Bd. I u. II, 5. Aufl., Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag.

PEDERSEN H.

1899. Die Gutturale im Albanesischen («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 36 [N.F., Bd. XVI], H. 3 : 277—340).

1904. Armenisch und die Nachbarsprachen («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 39, H. 2 : 334—484).
1905. Neues und Nachträgliches («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 40, H. 2 : 129—217).
1921. The Lepontian personal names in *-alo-* («*Philologica*», 1 : 38—54).
1926. La cinquième déclinaison latine («*Det Kgl. Danske Videnskaberne Selskab*». Hist.-filol. Meddelelser, XI, 5, København).
1933. Zur Frage nach der Urverwandtschaft des Indo-europäischen mit dem Ugro-finnischen («*Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*», 68 : 308—325).
1938. Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen («*Det Kgl. Danske Videnskaberne Selskab*». Hist.-filol. Meddelelser, XXV, 2, København).
1945. Lykisch und Hittitisch («*Det Kgl. Danske Videnskaberne Selskab*». Hist.-filol. Meddelelser, XXX, 4, København).
1947. Hittite dalagnula and barganula («*Journal of Cuneiform Studies*», v. I, № 1 : 60—64).
1950. Eine tocharische Frage («*Jahrbuch für Kleinasiatische Forschung*», 1 : 103—104).
1951. Die gemeinindoeuropäischen und die vorindoeuropäischen Verschlusslaute («*Det Kgl. Danske Videnskaberne Selskab*». Hist.-filol. Meddelelser, XXXII, 5, København).
- PEDLEY J. P.
1974. Carians in Sardis («*The Journal of Hellenic Studies*», v. XCIV : 86—99).
- PEETERS Ch.
1973. The word for 'dog' and the sequence *wH + consonant in Indo-European (INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 78 : 85—77).
1974. Gothic *kaurus*, Sanskrit *guruḥ*, Greek *βαρύς* (INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN, Bd. 79 : 33—34).
- 1974a. Die indogermanische Grundform für 'Nacht' (INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN, Bd. 79 : 31—32).
- PERCIVAL W. K.
1976. The applicability of Kuhn's paradigms to the history of linguistics (LANGUAGE, v. 52, № 2 : 285—294).
- PERKINS D.
1973. The beginnings of animal domestication in the Near East («*American Journal of Archaeology*», v. 77, № 3 : 279—282).
- PERUZZI E.
1970. Origini di Roma, I. La famiglia, Firenze : Walmartina Editore.

- PETERS M.
1980. Untersuchungen zur Vertretung der indogermanischen Laryngale im Griechischen, Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- PETERSEN W.
1938. The evidence of schwa secundum in Latin and Greek (*LANGUAGE*, v. 14, № 1 : 39—59).
- PETERSON G., SHOUP J.
1966. A physiological theory of phonetics (*Journal of Speech and Hearing Research*), 9 : 6—67).
- PETTINATO G.
1975. Testi cuneiformi del 3. millennia in paleocananeo rinvenuti nella campagna 1974 a Tell Mardikh=Ebla (*ORIENTALIA. Commentarii Periodici Pontificii Instituti Biblici*, v. 44, fasc. 3 : 361—374).
1980. Testi amministrativi della biblioteca L. 2769, parte I (*Materiali Epigrafici di Ebla*), II, Napoli : Istituto Universitario Orientale di Napoli).
- PFISTER R.
1983. Zur gefälschten Maniosinschrift (*GLOTTA. Zeitschrift für Griechische und Lateinische Sprache*, Bd. LXI, H. 1/2 : 105—118).
- PHELPS E., BRAME M. K.
1973. On local ordering of rules in Sanskrit (*LINGUISTIC INQUIRY*, v. IV, № 3 : 387—400).
- PICTET A.
1859—1863. Les origines indo-européennes ou les Aryas primitifs. *Essai de paléontologie linguistique*, I, II, Paris—Genève : Cherbuliez (2me éd. revue et augmentée, t. 1—3, Paris : Sandoz et Fischbacher, 1877).
- PIGGOTT S.
1968. The beginnings of the wheeled transport (*Scientific American*), v. 219, № 1).
1969. The earliest wheeled vehicles and the Caucasian evidence (*Proceedings of the Prehistoric Society*), v. XXXIV, London).
1974. Chariots in the Caucasus and in China (*ANTIQUITY. A Quarterly Review of Archaeology*, v. XLVIII, № 189 : 16—24).
1979. The first wagons and carts : twenty five years later (*University of London Bulletin of the Institute of Archaeology*), № 16, London: Published at the Institute : 3—17).
- PILCH H.
1968. Phonemtheorie, I (2. Aufl.), Basel : S. Karger.
- PINNOW H.-J.
1964. Die Nordamerikanischen Indianersprachen. *Ein Überblick über ihren Bau und ihre Besonderheiten*, Wiesbaden : O. Harrassowitz.
- PISANI V.
1940. Note di fonetica e morfologia greche (*Rendiconti. Istituto Lombardo di Scienze e Lettere*), v. LXXIII : 485—539).

1949. Glottologia indoeuropea, Torino: Rosenberg & Sellier.
1951. 'Uxor'. Ricerche di morfologia indoeuropea («*Miscellanea Galbati*», t. 3: 1—38).
1956. Slawische Miscellen («*For Roman Jakobson*», The Hague—Paris. Mouton: 390—394).
1957. Due comparazioni indo-latine («*Rivista degli Studi Orientali*», v. XXXII, p. II: 765—768).
- 1957a. [Рец. на кн.] R. Birwé. Griechisch-arische Sprachbeziehungen im Verbalsystem. Walldorf-Hessen, 1956 («*Archivio Glottologico Italiano*», v. XLI, fasc. 2: 151—165).
- 1957b. Sur *loquor* et sur quelques *-qu-* latins de *-p-* («*Latomus*». Revue d'Études Latines, t. XVI, fasc. 4: 581—587).
1959. Saggi di Linguistica Storica. *Scritti scelti*, Torino: Rosenberg & Sellier.
- 1959a. L'albanais et les autres langues indo-européennes («*Saggi di Linguistica Storica*». *Scritti scelti*, Torino: 96—114).
- 1959b. Lexikalische Beziehungen des Albanischen zu den anderen indogermanischen Sprachen («*Saggi di Linguistica Storica*». *Scritti scelti*, Torino: 115—136).
1966. Entstehung von Einzelsprachen aus Sprachbünden (*KRATYLOS*. Kritisches Berichts- und Rezensionorgan für Indogermanische und Allgemeine Sprachwissenschaft, Jg. XI: 125—141).

PLANHOL X. de

1963. Geographia pontica, II. Les Khalybes: nom de peuple ou qualification professionnelle? (*JOURNAL ASIATIQUE*, t. 251, fasc. 3—4: 298—309).

PLASSMANN J. O.

1961. AGIS. Eine Untersuchung an Wörtern, Sachen und Mythen («*Beiträge zur Geschichte der Deutschen Sprache und Literatur*». Sonderband E. Karg-Gasterstädt zum 75. Geburtstag gewidmet, Halle [Saale]: 93—135).

POETTO M.

1973. Due note lessicali etee («*Paideia*», anno 28, № 3—4: 175—178).
1976. Una corrispondenza eteo-tocarica («*Scritti in onore di Giuliano Bonfante*», v. II, Brescia. Paideia Editrice: 717—721).
- 1976a. Di alcune parole indoeuropee per 'grano' («*Accademia Nazionale dei Lincei*». Rendiconti della Classe di Scienze Morali, Storiche e Filologiche, ser. VIII, v. XXXI, fasc. 3—4, Roma 1977: 151—163).
1979. Some parts of the body and secretions in Hittite («*Hethitisch und Indogermanisch*». Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Altkleinasiens, hrsg. von E. Neu und W. Meid, Innsbruck: 205—208).

POGHIRC C.

1976. Thrace et daco-mésien: langues ou dialectes («*Thraco-Dacica*». Recueil d'études à l'occasion du IIe Congrès International de Thracologie, Bucarest, 4—10 septembre 1976, éd. par Preda C., Vulpe A., Poghirc C., București. Editura Academiei R. S. România: 334—347).

POHL H. D.

1977. Slavisch und Lateinisch («*Klagenfurter Beiträge zur Sprachwissenschaft*», Beiheft 3), Klagenfurt.

POKORNY J.

1959. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch, Bd. I u. II, Bern—München: Francke Verlag.

POLOMÉ E.

1953. L'étymologie du terme germanique *ansuz 'dieu souverain' («*Études Germaniques*», 8 : 36—44).
1954. A propos de la déesse Nerthus («*Latomus*». Revue d'Études Latines, t. XIII, fasc. 2. Hommage au Professeur J. Hammer : 167—200).
1965. The laryngeal theory so far. A critical bibliographical survey («*Evidence for Laryngeals*», ed. by W. Winter, The Hague—Paris. Mouton : 9—78).
1966. The position of Illyrian and Venetic («*Ancient Indo-European Dialects*», ed. by H. Birnbaum and J. Puhvel, Berkeley and Los Angeles. University of California Press: 59—76).
1970. The Indo-European component in Germanic religion («*Myth and Law among the Indo-Europeans*». Studies in Indo-European Comparative Mythology, ed. by J. Puhvel, Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press : 55—82).
1973. Reflexes of laryngeals in Indo-Iranian. Preprint (to be published in a volume honoring Prof. Lee M. Hollander).
1975. Old Norse religious terminology in Indo-European perspective («*The Nordic Languages and Modern Linguistics*», 2, Stockholm: 654—665).
1982. «The Indo-Europeans in the fourth and third millennia», ed. by Edgar C. Polomé. *Preface*. Ann Arbor: Karoma Publishers, Inc.

POPE J. C.

1966. The rythm of Beowulf. An interpretation of the Normal and Hypermetric Verse-Forms in Old English Poetry, New Haven & London: Yale University Press.

PO M.

1974. Kult świętego runa w hetyckiej Anatolii («*Przegląd Orientalistyczny*», № 3 : 220—230).
1978. Kultobjekte in der hethitischen Religion (nach keilschriftlichen Quellen), Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.

POPPE N.

1954. Ein altes Kulturwort in den altaischen Sprachen («*Studia Orientalia*», editio Societas Orientalis Fennica, v. XIX, 5, Helsinki, 1953 : 23—25).

PORZIG W.

1968. Das Rätsel der Sphinx («*Indogermanische Dichtersprache*», hrsg. von R. Schmitt, Darmstadt. Wissenschaftliche Buchgesellschaft: 172—176).

POSTAL P. M.

1968. Aspects of phonological theory, New York : Harper & Row.

POTRATZ H. A.

1938. Das Pferd in der Frühzeit, Rostock: Hinstorff.

POUCHA P.

1955. Thesaurus Linguae Tocharicae Dialecti A, Praha : Státní Pedagogické Nakladatelství.

POULTNEY J. W.

1959. The bronze tables of Iguvium («*Philological Monographs Published by the American Philological Society*», № 18. Philadelphia).
1976. A problem of zero-grade vocalism («*Studies in Greek, Italic, and Indo-European Linguistics*» offered to Leonard R. Palmer on the Occasion of his Seventieth Birthday, ed. by A. Morpurgo Davies and W. Meid. Innsbruck : 285—298).

PROKOSCH E.

1939. A comparative Germanic Grammar, Philadelphia (University of Pennsylvania).

PROSDOCIMI A. L.

1972. Venetica («*Studi Etruschi*», XL : 193—245).

PUHVEL J.

1955. Vedic ásvamedha and Gaulish iíPOMiiDVos (*LANGUAGE*, v. 31, № 3 : 353—354).
1960. Laryngeals and the Indo-European verb, Berkeley and Los Angeles : University of California Press.
1964. The Indo-European and Indo-Aryan plough : a linguistic study of technological diffusion («*Technology and Culture*», v. V, № 2 : 176—190).
1965. Evidence in Anatolian («*Evidence for Laryngeals*», ed. by W. Winter, The Hague—Paris. Mouton : 79—92).
1969. "Meadow of the Otherworld" in Indo-European tradition («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 83, H. 1 : 64—69).
- 1969a. The 'death of Cambyses' and Hittite parallels («*Studia Classica et Orientalia Antonio Pagliaro Oblata*», III, Roma : 169—176).
1970. "Perfect tense" and "middle voice". An Indo-European morphological mirage («*Actes du Xe Congrès International des Linguistes*», IV, Bucarest : 629—634).

- 1970a. Aspects of equine functionality («*Myth and Law among the Indo-Europeans*»). *Studies in Indo-European Comparative Mythology*, ed. by J. Puhvel, Berkeley, Los Angeles, London. University of California Press : 159—172).
- 1970b. Mythological reflexions of Indo-European medicine («*Indo-European and Indo-Europeans*»). Papers presented at the Third Indo-European Conference of the University of Pennsylvania, ed. by G. Cardona, H. M. Hoenigswald, and A. Senn, Philadelphia. University of Pennsylvania Press : 369—382).
1971. Hittite *hurkiš* and *hurkel* («*DIE SPRACHE. Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, Bd. XVII, H. 1 : 42—45).
1972. The Indo-European labiovelars in Anatolian: Lexical data for diachronic phonemics («*Reports for the Tenth International Congress of Linguists*», Bologna : 668).
1973. Nature and means of comparison in Proto-Indo-European grammar («*The Journal of Indo-European Studies*», v. I, № 2 : 145—154).
1974. On labiovelars in Hittite («*Journal of the American Oriental Society*», v. 94, № 3 : 291—295).
1978. Victimal hierarchies in Indo-European animal sacrifice («*American Journal of Philology*», v. 99, № 3 : 354—362).
1980. On the origin and congeners of Hittite *assu-* 'good' («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 94, H. 1/2 : 65—70).
- PULGRAM E.**
1976. Venetic *·e-kupeθari·s·* («*Studies in Greek, Italic, and Indo-European Linguistics*» offered to Leonard R. Palmer on the Occasion of his Seventieth Birthday, ed. by A. Morpurgo Davies and W. Meid, Innsbruck : 299—304).
- PULLEYBLANK E. G.**
1963. The consonantal system of Old Chinese, II («*Asia Major*». A British Journal of Far Eastern Studies, n. s., v. IX, p. II, 1962 : 206—265).
1965. The Indo-European vowel system and the qualitative ablaut (*WORD*, v. 21, № 1 : 81—101).
1966. Chinese and Indo-Europeans («*Journal of the Royal Asiatic Society*», № 1/2 : 9—39).
1975. Prehistoric East-West contacts across Eurasia («*Pacific Affairs*», v. 47, № 4 : 500—508).
- RAJNA P.**
1884. *Le origini dell' epopea francese*, Firenze : G. C. Sansoni.
- RAMAT A. G.**
1974. Alcuni aspetti della terminologia agricola del gotico («*Antiquitates Indogermanicae*». Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck : 69—83).

- RAMSTEDT G. J.
1946—1947. The relation of the Altaic languages to other language groups («*Journal de la Société Finno-Ougrienne*», LIII, Helsinki: 15—26).
- RANSOME H. M.
1937. *The sacred bee*, London: Allen and Unwin.
- RAVILA P.
1959. *Lainasanamme* («*Oma maa*», V, Porvoo: 312—323).
- REGAMEY C.
1954. A propos de la «construction ergative» en Indo-Aryen moderne («*Sprachgeschichte und Wortbedeutung*». Festschrift Albert Debrunner gewidmet von Schülern, Freunden und Kollegen, Bern. Francke: 363—381).
- REICHARDT G.
1951. *Navaho Grammar* («*Publications of the American Ethnological Society*», XXI, New York).
- REICHEL T. H.
1909. *Awestisches Elementarbuch*, Heidelberg: C. Winter. Universitätsverlag.
1913. *Der steinerne Himmel* (INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN. Zeitschrift für Indogermanische Sprach- und Altertumskunde, Bd. 32: 23—57).
- REINER E.
1969. The Elamite language («*Handbuch der Orientalistik*», hrsg. von B. Spuler, 1. Abt.: Der Nahe und der Mittlere Osten; Bd. 2, Abschnitt 1 u. 2, Lief. 2: Altkleinasiatische Sprachen, Leiden/Köln. E. J. Brill: 54—118).
- RENFREW C.
1974. British prehistory: Changing configurations («*British Prehistory: A New Outline*», ed. by C. Renfrew, Park Ridge, N. Y. Noyes Press: 1—40).
1976. *Before civilization: The radio-carbon revolution and prehistoric Europe*, Harmondsworth: Penguin Books.
- RENFREW J. M.
1969. The archaeological evidence for the domestication of plants: *Methods and problems* («*The Domestication and Exploitation of Plants and Animals*», ed. by Ucko P. J. and Dimbleby G. W., London. Duckworth: 149—172).
- RENOU L.
1925. Le type védique *tudāti* («*Mélanges Linguistiques offerts à M. J. Vendryès par ses amis et ses élèves*», Paris. Champion: 309—316).
1930. *Grammaire sanskrite. Phonétique. Composition. Dérivation. Le nom. Le verbe. La phrase*, I, II, Paris: Adrien Maisonneuve (2me éd. revue, corrigée et augmentée, t. 1 et 2 réunis, 1961).

1932. A propos du subjonctif védique («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 33, fasc. 1 : 5—30).
1952. Grammaire de la langue védique, Lyon : Éd. IAC.
- FIDLEY R. A.
1976. Wolf and werewolf in Baltic and Slavic tradition («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 4, № 4 : 321—331).
- FREMSCHNEIDER K.
1957. Hethitisch 'gelb/grün' («*Mitteilungen des Instituts für Orientforschung*», Bd. V, H. 2 : 141—147).
1958. Die hethitischen Landschenkungsurkunden («*Mitteilungen des Instituts für Orientforschung*», Bd. VI, H. 3 : 321—381).
- FISCH E.
1944. Betrachtungen zu den indogermanischen Verwandtschaftsnamen («*Museum Helveticum*», v. 1 : 115—122).
1955. Zu den hethitischen Verben vom Typus *teḫhi* («*Corolla Linguistica*». Festschrift F. Sommer zum 80. Geburtstag am 4. Mai 1955 dargebracht von Freunden, Schülern und Kollegen, hrsg. von H. Krahe, Wiesbaden. O. Harrassowitz : 189—198).
- 1955a. Die Gliederung der griechischen Dialekte in neuer Sicht («*Museum Helveticum*», v. 12, fasc. 2 : 61—76).
1956. La position du dialecte mycénien («*Études Mycéniennes*». Gif-sur-Yvette, 3—7 Avril 1956. Colloques Internationaux du Centre National de la Recherche Scientifique : 167—172).
1967. Die mykenischen Einleitungsformeln («*Atti e Memorie del 1° Congresso Internazionale di Micenologia*», Roma, 27 settembre — 3 ottobre 1967. Seconda parte. Ed. dell' Ateneo, 1968 : 686—698).
1976. Stoffadjective auf *-ejos* im Mykenischen («*Studies in Greek, Italic, and Indo-European Linguistics*» offered to Leonard R. Palmer on the Occasion of his Seventieth Birthday, ed. by A. Morpurgo Davies and W. Meid, Innsbruck : 309—318).
1979. Die IDG. Wurzel *REUDH- im Lateinischen («*Festschrift for Oswald Szemerényi on the Occasion of his 65th Birthday*», ed. by B. Brogyanyi. Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science, IV. Current Issues in Linguistic Theory, v. II, Amsterdam. John Benjamins B. V. : 705—724).
- 1979a. Die griechischen Dialekte im 2. vorchristlichen Jahrtausend («*Studi Micenei ed Egeo-Anatolici*», fasc. XX. Incunabula Graeca, v. LXIX, Roma : 91—111).
1980. Betrachtungen zur indogermanischen Nominalflexion («*Wege zur Universalienforschung*». Sprachwissenschaftliche Beiträge zum 60. Geburtstag von Hansjakob Seiler, hrsg. von Brettschneider und Ch. Lehmann, Tübingen. Günter Narr Verlag : 259—267).
- FERTS E. W.
1972. Consonant and vowel: A re-examination (*LINGUA*. International Review of General Linguistics, v. 30, № 2—3 : 141—202).

ROIDER U.

1981. Griech. θυμός 'Mut' — ai. dhūmáh 'Rauch' («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 95, H. 1 : 99—109).

ROSÉN H. B.

1973. Satzbau und augmentloses historisches Tempus im homerischen Tatsachenbericht (*FOLIA LINGUISTICA*. Acta Societatis Linguisticae Europaeae, t. VI, 3/4 : 315—330).

ROSENKRANZ B.

1952. Beiträge zur Erforschung des Luvischen, Wiesbaden : O. Harrassowitz.
1953. Die hethitische *hi*-Konjugation («*Jahrbuch für Kleinasiatische Forschung*». Internationale Orientalistische Zeitschrift, Bd. 2, H. 3 : 339—349).
1958. Die hethitische *hi*-Konjugation und das idg. Perfekt («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 75, H. 3/4 : 215—221).
- 1958a. Zur Entstehungsgeschichte des bestimmten Adjektivs des Baltischen und Slavischen («*Die Welt der Slaven*», Jg. III, H. 2 : 97—100).
1966. Fluß- und Gewässernamen in Anatolien («*Beiträge zur Namenforschung*», N.F., Bd. 1, H. 2, hrsg. von R. Schützeichel, Heidelberg. C. Winter. Universitätsverlag : 124—144).
1967. Zu einigen landwirtschaftlichen Termini des Hethitischen («*Jaarbericht van het Vooraziatich-Egyptisch Genootschap «Ex Oriente Lux»*, № 19, 1965—1966 : 500—507).
1971. Zur Genealogie des Elamischen (*ANTHROPOS*. International Review of Ethnology and Linguistics, v. 66, № 1/2 : 202—216).
1973. Die hethitischen Schreibungen für 'und' («*Symbolae De Liagre Böhl*», Leiden. E. J. Brill : 320—325).
1975. Nichtalphabetische Schriften der antiken Welt («*Institut für Sprachwissenschaft*». Universität Köln).

ROWE J. H.

1950. Sound patterns in three Inca dialects («*International Journal of American Linguistics*», v. 16, № 3 : 137—148).

RUCK C. A. P.

1976. On the sacred names of Iamos and Ion : Ethnological referents in the hero's parentage («*The Classical Journal*», v. 76, № 3 : 234—252).

RYSIEWICZ Z.

1956. Studia Językoznawcze, Wrocław : Zakład imienia Ossolińskich—Wydawnictwo.

SABALIAUSKAS A.

1957. Atematinai lietuvių kalbos veiksmazodžiai («*Kai kurie lietuvių kalbos gramatikos klausimai*»), Vilnius.

- SADNIK L., AITZETMÜLLER R.
1955. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten, Heidelberg: C. Winter. Universitätsverlag.
- SAFAREWICZ J.
1969. Historische lateinische Grammatik, Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag.
- SALONEN A.
1951. Die Landfahrzeuge des alten Mesopotamien, nach sumerisch-akkadischen Quellen (mit besonderer Berücksichtigung der 5. Tafel der Serie H̄AR.RA-h̄ubullu). *Lexikalische und kulturgeschichtliche Untersuchung* («Annales Academiae Scientiarum Fennicae, ser. B, LXXII, 3, Helsinki).
- SALVINI M.
1977. Sui testi mitologici in lingua hurrica («*Studi Micenei ed Egeo-Anatolici*», fasc. XVIII. Incunabula Graeca, v. LXVII, Roma: 73—91).
- SAPARETTI C.
1965. L'autobiografia di Hattušili I (versione accadica) («*Rivista degli Studi Orientali*», XIV: 77—80).
- SAPIR E.
1917—1920. [Рец. на кн.] C. C. Uhlenbeck, Het passieve karakter van het verbum transitivum of van het verbum actionis in de talen van Noord-America («*International Journal of American Linguistics*», v. 1, № 1: 82—86).
1921. *Language. An introduction to the study of speech*, New York: Harcourt, Brace and Co.
1938. Glottalized continuants in Navaho, Nootka, and Kwakiutl (with a note on Indo-European) (*LANGUAGE*, v. 14, № 4: 248—274).
1958. Central and North American languages («*Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality*», ed. by D. Mandelbaum, Berkeley and Los Angeles: University of California Press).
- SAPIR E., SWADESH M.
1950. American Indian grammatical categories (*WORD*, v. 5, № 2). Перепечатано в: «*Language in Culture and Society*». A Reader in Linguistics and Anthropology, ed. by Dell Hymes, New York: Evans-ton and London. Harper & Row: 101—111).
- SASSE H. Y.
1973. *Elemente der Galla-Grammatik (Borana-Dialekt)*, München: Universität München.
- SATYA SHRAVA M. A.
1977. *A Comprehensive History of Vedic Literature. Brāhmaṇa and Āraṇyaka works*, New Delhi: «Pranava Prakashan».
- 69 Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов

SAUSSURE F. de

1879. Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes, Leipzig : Teubner (перепечатано в изд. Saussure 1922).
1892. Contribution à l'histoire des aspirées sourdes («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 7; перепечатано в Saussure 1922 : 603).
1915. Cours de linguistique générale, Paris : Payot (переиздание 1967 г.).
1922. Recueil des publications scientifiques, Genève : Société anonyme des éditions Sonor.
1964. Lettres de Ferdinand de Saussure à Antoine Meillet. Publiées par É. Benveniste («*Cahiers Ferdinand de Saussure*», 21 : 89—130).

SAUSSURE L.

1920. Le cycle des douze animaux et le symbolisme cosmologique des chinois (*JOURNAL ASIATIQUE*, 11me sér., t. 15 : 55—88).

SAUVÉ J. L.

1970. The divine victim : Aspects of human sacrifice in Viking Scandinavia and Vedic India («*Myth and Law among the Indo-Europeans*». Studies in Indo-European Comparative Mythology, ed. by J. Puhvel, Berkeley, Los Angeles, London. University of California Press : 173—191).

SCHACHERMEYR Fr.

1935. Hethiter und Achäer («*Mitteilungen der Altorientalischen Gesellschaft*», Bd. IX, H. 1/2 : 1—174).
1955. Die ältesten Kulturen Griechenlands, Stuttgart : W. Kohlhammer Verlag.

SCHARFE H.

1978. Oxen with men's feet («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 6, № 3/4 : 211—224).

SCHELLER M.

1975. Lat. *onus* und ai. *ánah* («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 89, H. 2 : 191—197).

SCHERER A.

1947. Das Problem der indogermanischen Urheimat vom Standpunkt der Sprachwissenschaft («*Die Urheimat der Indogermanen*», hrsg. von A. Scherer, Darmstadt. Wissenschaftliche Buchgesellschaft : 288—304).
1953. Gestirnnamen bei den indogermanischen Völkern, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
1974. Soziologisches über Sternnamen («*Antiquitates Indogermanicae*». Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck : 185—192).

SCHINDLER J.

1967. Das indogermanische Wort für 'Erde' und die dentalen Spiranten (*DIE SPRACHE*. Zeitschrift für Sprachwissenschaft, Bd. XIII, H. 2 : 191—205).
1975. A thorny problem (*«Indo-European Studies»*, II, ed. by C. Watkins, Cambridge, Mass. : 28—47).

SCHLERATH B. von

1954. Der Hund bei den Indogermanen (*«Paideuma»*, 6 : 25—40).
1968. Altindisch *asu-*, awestisch *ahu-* und ähnlich klingende Wörter (*«Pratidānam»*. Indian, Iranian and Indo-European Studies presented to F. B. J. Kuiper on his Sixtieth Birthday, The Hague — Paris. Mouton : 142—153).
- 1968a [1962]. Zu den Merseburger Zaubersprüchen (*«Indogermanische Dichtersprache»*, hrsg. von Rüdiger Schmitt, Darmstadt. Wissenschaftliche Buchgesellschaft : 325—333).
1973. Die Indogermanen. *Das Problem der Expansion eines Volkes im Lichte seiner sozialen Struktur*, Innsbruck (*«Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft»*).
1974. Gedanke, Wort und Werk im Veda und im Awesta (*«Antiquitates Indogermanicae»*. Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck : 201—222).
1981. Ist ein Raum/Zeit-Modell für eine rekonstruierte Sprache möglich? (*«Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung»*, Bd. 95, H. 2 : 175—202).

SCHMALSTIEG W. R.

1956. The phoneme /v/ in Slavic verbal suffixes (*WORD*, v. 12, № 2 : 255—259).
1976. Speculations on the Indo-European active and middle voices (*«Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung»*, Bd. 90, H. 1/2 : 23—36).
1980. Indo-European linguistics : A new synthesis, University Park: University of Pennsylvania Press.

SCHMANDT-BESSERAT D.

1978. The earliest precursor of writing (*«Scientific American»*, v. 238, № 6 : 38—47).
1979. Reckoning before writing (*ARCHAEOLOGY*, v. 32, № 3 : 23—31).

SCHMID W. P.

1963. Studien zum baltischen und indogermanischen Verbum, Wiesbaden : O. Harrassowitz.
1977. Alteuropäisch und Indogermanisch (*«Probleme der Namenforschung im Deutschsprachigen Raum»*, Darmstadt : 98—116).

SCHMIDT J.

1889. Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra, Weimar: Böhlau.
 1890. Die Urheimat der Indogermanen und das europäische Zahlensystem («*Abhandlungen der Königlichen Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*»), Berlin.

SCHMIDT K. H.

1963. Dativ und Instrumental im Plural (*GLOTTA. Zeitschrift für Griechische und Lateinische Sprache*, Bd. XLI, H. 1/2 : 1—10).
 1964. Das Perfektum in indogermanischen Sprachen. *Wandel einer Verbalkategorie* (*GLOTTA*, Bd. XLII, H. 1/2 : 1—18).
 1965. Indogermanisches Medium und Sataviso im Georgischen («*Revue de Kartvélogie*», t. XIX—XX : 129—135).
 1969. Zur Tmesis in den Kartvelsprachen und ihren typologischen Parallelen in indogermanischen Sprachen («*To honour G. Akhvlediani*». Essays on the Occasion of his Eightieth Birthday, Tbilisi: 96—105).
 1970. Zur Sprachtypologie des Ossetischen («*Revue de Kartvélogie*», t. XXVII : 161—168).
 1973. Transitiv und Intransitiv («*Indogermanische und Allgemeine Sprachwissenschaft*». Akten der IV. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, Bern, 28. Juli — 1. August 1969, Wiesbaden : 107—124).
 1974a. Das Verbum im Keltischen: Sprachgeschichtliche Grundlagen und typologische Entwicklung («*Zeitschrift für Celtische Philologie*», Bd. 33 : 28—44).
 1974b. Zur Analyse des einfachen Satzes in den Kaukasussprachen («*Revue de Kartvélogie*», t. XXXII : 213—218).
 1980. Continental Celtic as an aid to the reconstruction of Proto-Celtic («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 94, H. 1/2 : 172—197).

SCHMITT R.

1967. Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit, Wiesbaden : O. Harrassowitz.
 1968. Nektar («*Indogermanische Dichtersprache*», hrsg. von R. Schmitt, Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft : 324).
 1972. Empfehlungen zur Transliteration der armenischen Schrift («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 86, H. 2 : 296—306).
 1974. Nektar — und kein Ende («*Antiquitates Indogermanicae*». Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck : 155—163).

- 1974a. Proto-Indo-European culture and archaeology: Some critical remarks («*The Journal of Indo-European Studies*», v. II, № 3 : 279—287).
1977. Einführung in die griechischen Dialekte, Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
1981. Grammatik des Klassisch-Armenischen mit sprachlichen Erläuterungen, Innsbruck («*Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft*»).
- SCHMITT-BRANDT R.**
1967. Die Entwicklung des Indogermanischen Vokalsystems (*Versuch einer inneren Rekonstruktion*), Heidelberg : Julius Groos Verlag.
1973. Vergleich der indogermanischen Nebensatzkonstruktionen («*Indogermanische und Allgemeine Sprachwissenschaft*». Akten der IV. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, Bern, 28. Juli—1. August 1969, Wiesbaden : 125—141).
- SCHNEIDER U.**
1967. Yama and Yamī («*Indo-Iranian Journal*», v. 10, № 1 : 1—32).
- SCHOTT A.**
1936. Indogermanisch—Semitisch—Sumerisch («*Germanen und Indogermanen*». *Volkstum, Sprache, Heimat, Kultur*. Festschrift für H. Hirt, hrsg. von H. Arntz, Bd. II, Heidelberg. C. Winter. Universitätsverlag : 45—95).
- SCHRADER O., NEHRING A.**
- 1917—1923; 1929. Reallexikon der Indogermanischen Altertumskunde. *Grundzüge einer Kultur- und Völkergeschichte Alteuropas*, hrsg. von O. Schrader, 2te Aufl., Bd. I u. Bd. II, Berlin und Leipzig: W. de Gruyter & Co.
- SCHRÖDER F. R.**
1927. Ein altirischer Krönungsritus und das indogermanische Rossopfer («*Zeitschrift für Celtische Philologie*», Bd. 16 : 310—312).
- SCHUHMACHER W. W.**
1972. Beiträge zur Synchronie und Diachronie austronesischer Sprachen, 3. Fijian *dua* 'one', *rua* 'two' («*Acta Orientalia*», XXXIV, Copenhagen : 204—205).
- SCHULD T.**
1954. Mecklenburg — urgeschichtlich. Eine gemeinverständliche Einführung, Schwerin : Petermänner-Verlag.
- SCHULER E. von**
1971. Eine hethitische Rechtsurkunde aus Ugarit («*Ugarit-Forschungen*», Bd. 3 : 223—234).
- SCHULTHEISS T.**
1961. Hethitisch und Armenisch («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 77, H. 3/4 : 219—234).

SCHULZE W.

1933. Kleine Schriften, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht (2. durchges. u. erw. Aufl. mit Nachtr., hrsg. von W. Wissmann, 1966).

SCHUSTER H. S.

1974. Die hattisch-hethitischen Bilinguen, I. *Einleitung. Texte und Kommentar*, T. 1, Leiden: E. J. Brill.

SCHWARTZ A.

1972. The VP-constituent of SVO languages (*«Reports for the Tenth International Congress of Linguists»*, Bologna: 976—994) = *«Proceedings of the Xth International Congress of Linguists»*, Aug. 1972, Bologna, 1975, v. II.

SCHWARTZ M. S.

1974. Irano-Tocharica (*«Memorial Jean de Menasce»*, éd. par Ph. Gignoux et A. Tofazzoli, Louvain).

SCHWYZER E.

1939. Griechische Grammatik. Auf der Grundlage von K. Brugmanns *Griechischer Grammatik*, Bd. I: Allgemeiner Teil. Lautlehre. Wortbildung. Flexion, München: C. H. Beck.

1943. Zum persönlichen Agens beim Passiv, besonders im Griechischen (*«Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften»*. Philologisch-Historische Klasse, 1942, № 10), Berlin.

SCHWYZER E., DEBRUNNER A.

1950. Griechische Grammatik, Bd. II: *Syntax und Syntaktische Stilistik* (vervollst. und hrsg. von A. Debrunner), München: C. H. Beck.

SHIELDS K., Jr.

1977. Some new observations concerning the origin of the Indo-European feminine gender (*«Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung»*, Bd. 91, H. 1: 56—71).

1978. Some remarks concerning early Indo-European nominal inflection (*«The Journal of Indo-European Studies»*, v. 6, № 3/4: 185—210).

1981. A new look at the *centum / satəm* isogloss (*«Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung»*, Bd. 95, H. 2: 203—215).

- 1981a. The Indo-European third person plural verbal suffix (*LINGUISTICA*, XXI: 105—118).

SHIMOMIYA T.

1973. Entwicklung der Relativpronomina im Georgischen: Lehnsyntax aus dem Indogermanischen? (*«Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung»*, Bd. 87, H. 2: 222—227).

SIEBS T.

1901. Anlautstudien (*«Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen»*, Bd. 37, H. 3: 277—324).

- SIEG E., SIEGLING W.
 1921. Tocharische Sprachreste, Bd. I. *Die Texte A. Transcription*, Berlin—Leipzig: W. de Gruyter.
 1949—1953. Tocharische Sprachreste. Sprache B, H. 1/2, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- SIEVERS E.
 1893. Altgermanische Metrik («*Sammlung Kurzer Grammatiken Germanischer Dialekte*», hrsg. von W. Braune. Ergänzungsreihe, 2), Halle: Max Niemeyer Verlag.
- SIHLER A.
 1969. Sievers—Edgerton phenomena and Rigvedic metre (*LANGUAGE*, v. 45, № 2 : 248—273).
 1971. Word-initial semivowel alternation in the Rigveda (*LANGUAGE*, v. 47, № 1 : 53—78).
 1973. Proto-Indo-European *smH- 'PAIR' («*The Journal of Indo-European Studies*», v. I, № 1 : 111—113).
 1977. The etymology of PIE *rēg'- 'king', etc. («*The Journal of Indo-European Studies*», v. V, № 3 : 221—246).
- SIMOONS F. J.
 1979. Dairying, milk use and lactose malabsorption in Eurasia (*ANTHROPOPOS. International Review of Ethnology and Linguistics*, v. 74, № 1/2 : 61—80).
- SIÖBERG Å.
 1963. [рец. на кн.] Henri Limet, Le travail du métal au pays de Sumer au temps de la IIIe dynastie d'Ur. «Bibliothèque de la Faculté de Philosophie et Lettres de l'Université de Liège», fasc. CLV, Paris, 1960 («*Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie*», N.F., Bd. 21 [55] : 256—260).
- SJOESTEDT-JONVAL M. L.
 1936. Légendes épiques irlandaises et monnais gauloises («*Études Celtiques*», v. I, fasc. 1 : 1—77).
- SKARDZIUS P.
 1964. Dievas ir Perkūnas, Brooklynas : *Spaudė Pranciškonų Spaustuovė*, Brooklyne, N. Y.
- SMIECH W.
 1966. Polskie *nie ma* 'abest' («*Rozprawy Komisji Językowej*», t. XII, Łódź : 22—28).
- SODEN W. von
 1965—1981. Akkadisches Handwörterbuch. Unter Benutzung des lexikalischen Nachlasses von Bruno Meissner (1868—1947), bearbeitet von W. von Soden, Bd. I—III, Wiesbaden : O. Harrassowitz.
- SLER J.
 1973. Sémiotique de la nourriture dans la Bible («*Annales. Économies. Sociétés. Civilisations*», 28e année, № 4 : 943—955).

SOLTA G. R.

1958. Gedanken über das *nt*-Suffix, Wien : Rudolf M. Rohrer (Österreichische Akademie der Wissenschaften).
1963. Die armenische Sprache (*Handbuch der Orientalistik*), hrsg. von B. Spuler. 1. Abt.: Der Nahe und der Mittlere Osten; Bd. VII: Armenische und Kaukasische Sprachen, Leiden/Köln : E. J. Brill).
1970. Der hethitische Imperativ der 1. Person Singular und das idg. *l*-Formans als quasidesideratives Element (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 75, H. 1 : 44—84).
1974. Zur Stellung der lateinischen Sprache, Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
1980. Einführung in die Balkanlinguistik mit besonderer Berücksichtigung des Substrats und des Balkanlateinischen, Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

SOMMER F.

1914. Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre. *Eine Einführung in das sprachwissenschaftliche Studium des Lateins* (2. u. 3. Aufl.), Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
1932. Die Aḫḫijavā-Urkunden (*Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften*). Philosophisch-Historische Abteilung, N. F., H. 6, München).
1934. Aḫḫijavāfrage und Sprachwissenschaft (*Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften*). Philosophisch-Historische Abteilung, N. F., H. 9, München).
1937. Aḫḫijavā und kein Ende? (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 55, H. 3/4 : 169—297).
1947. Hethiter und Hethitisch, Stuttgart : Kohlhammer.
1949. Altindisch *dhur*- (*DIE SPRACHE*. Zeitschrift für Sprachwissenschaft, Bd. I : 150—163).

SOMMER F., FALKENSTEIN A.

1938. Die hethitisch-akkadische Bilingue des Ḫattušili I /Labarna II (*Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften*. Phil.-Hist. Abt., N.F., H. 16, München).

SOMMERFELT A.

1920. *Dē* en italo-celtique. *Son rôle dans l'évolution du système morphologique des langues italiques et celtiques*, Cristiania : Dybwad.
1938. Études comparatives sur le caucasique du Nord-Est (*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*), Bd. 9 : 115—143).

SOUČEK V., SIEGELOVÁ J.

1974. Der Kult des Wettergottes von Ḫalap in Hatti (*ARCHIV ORIENTALNÍ*, 42, 1 : 39—52).

- SPAMER J. B.
1978. The Old English bee charm : an explication («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 6, № 3/4 : 279—294).
- SPECHT F.
1939. Sprachliches zur Urheimat der Indogermanen («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 66, H. 1 : 1—74).
1944. Der Ursprung der indogermanischen Deklination, Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht.
- SPECK F. G.
1907. Some comparative traits of the Maskogian languages («*American Anthropologist*», n. s., v. 9, № 3 : 470—483).
- SPEISER E. A.
1941. Introduction to Hurrian («*Annual of the American Schools of Oriental Research*», 20), New Haven.
- SPEYER J. S.
1886. Sanskrit syntax, Leyden : E. J. Brill.
1896. Vedische und Sanskritsyntax («*Grundriss der Indo-Arischen Philologie und Altertumskunde*», Bd. I. Allgemeines und Sprache), Strassburg : Trübner.
- SPIEGEL Fr. von
1979 [1864—1869]. Commentar über das Avesta (die heiligen Schriften der Parsen), Bd. I—II, Amsterdam : Apa-Oriental Press.
- STACUL G.
1971. Cremation graves in North-West Pakistan and their Eurasian connections : Remarks and hypotheses («*East and West*», 21, № 1 : 9—19).
- STANG Chr. S.
1932. Perfektum und Medium («*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*», Bd. 6 : 29—39; перепечатано в Stang Chr. S. 1970 : 3—12).
1938. Über die obligatorische Possessivsuffigierung in den melanesischen Sprachen («*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*», Bd. 9 : 276—298).
1942. Das slavische und baltische Verbum, Oslo : Universitetsforlaget.
1954. Zum i.-e. Adjektivum («*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*», Bd. 17 : 122—145).
1966. Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen, Oslo : Universitetsforlaget.
1967. L'alternance des consonnes sourdes et sonores en indo-européen («*To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday*». *Janua Linguarum, Ser. Maior*, XXXIII, v. 3, The Hague—Paris. Mouton : 1890—1894).

1970. *Opuscula minora*, Oslo : Universitetsforlaget.
1972. Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen, Oslo : Universitetsforlaget.
1975. Ergänzungsband. Register, Addenda und Corrigenda zur «*Vergleichenden Grammatik der Baltischen Sprachen*», Oslo—Bergen—Tromsø : Universitetsforlaget.
- STARKE F.
1980. Das luwische Wort für 'Frau' («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 94, H. 1/2 : 74—86).
- STAROBINSKI J.
1971. Les mots sous les mots. Les anagrammes de Ferdinand de Saussure, Paris : Gallimard.
- STEENSLAND L.
1973. Die Distribution der urindogermanischen sogenannten Gutturale («*Acta Universitatis Uppsaliensis*». *Studia Slavica*, 12), Uppsala.
- STEINER G.
1957. Griechische und orientalische Mythen («*Antike und Abendland*», Bd. 6 : 171—187).
1964. Die Ahhijawa-Frage heute («*Saeculum*». Jahrbuch für Universalgeschichte, Bd. 15, H. 4 : 365—392).
1971. Die Unterweltbeschwörung des Odysseus im Lichte hethitischer Texte («*Ugarit-Forschungen*», Bd. 3 : 265—283).
1976. Intransitiv-passivische und aktivische Verbalauffassung («*Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*», Bd. 126, H. 2 : 229—280).
- STRAIGHT H. S.
1972. Yucatec Mayan pedolectology segmental phonology. *Dissertation*. *Department of Linguistics*. University of Chicago.
- STRAND R. F.
1973. Notes on the Nūristānī and Dardic languages («*Journal of the American Oriental Society*», v. 93, № 3 : 297—305).
- STRIKA F. I.
1975. Miti e riti a Çatal Hüyük. L'elemento femminile e l'elemento maschile («*Annali della Facoltà di Lingue e Letterature Straniere di Ca' Foscari*», *Paideia*, XIV, 3. Serie Orientale, 6 : 165—176).
- STRUNK K.
1967. Nasalpräsentien und Aoriste. *Ein Beitrag zur Morphologie des Verbums im Indo-Iranischen und Griechischen*, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
1972. Ai. *babhúva*, av. *buuāuuva* : eine Perfektbildung im Indo-Iranischen («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 86, H. 1 : 21—27).

- 1972a. Neue Gesichtspunkte zu Genesis und Struktur von Nasalpräsen-
tien nach Art der altindischen 7. Klasse (*FOLIA LINGUISTICA*.
Acta Societatis Linguisticae Europaeae, t. IV, 1/2 : 175—178).
1976. Lachmann's Regel für das Lateinische, Göttingen : Vandenhoeck
& Ruprecht.
1980. Zum idg. Medium und konkurrierenden Kategorien («*Wege zur
Universalienforschung*». Sprachwissenschaftliche Beiträge zum 60.
Geburtstag von Hansjakob Seiler, hrsg. von Brettschneider und
Ch. Lehmann, Tübingen. Günter Narr Verlag : 321—337).
- STRUTYNSKI U.
1975. Germanic divinities in weekday names («*The Journal of Indo-Eu-
ropean Studies*», v. 3, № 4 : 363—384).
- STURTEVANT A. M.
1947. Gothic syntactical notes («*The Journal of English and Germanic
Philology*», v. 46, № 4 : 407—412).
- STURTEVANT E. H.
1933. A comparative grammar of the Hittite language, Philadelphia:
University of Pennsylvania.
1942. The Indo-Hittite laryngeals, Baltimore («*Linguistic Society of
America*»).
- SULIMIRSKI T.
- 1968 [1933]. Die Schnurkeramischen Kulturen und das Indoeuropäische
(«*Die Urheimat der Indogermanen*», hrsg. von A. Scherer, Darm-
stadt. Wissenschaftliche Buchgesellschaft : 117—140).
1970. Prehistoric Russia. An outline, London—New York : Baker-Huma-
nities Press.
- SULLIVAN Sh. D.
1980. How a person relates to θυμός in Homer (*INDOGERMANISCHE
FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine
Sprachwissenschaft, Bd. 85 : 138—150).
- SWADESH M.
1970. The problem of consonantal doublets in Indo-European (*WORD*,
v. 26, № 1 : 1—16).
- SZEMERÉNYI O.
1954. Latin *promulgare* («*Emerita*». Revista de Linguística y Filología
Clásica, XXII : 159—174).
1956. Latin *rēs* and the Indo-European long-diphthong stem nouns («*Zeit-
schrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indo-
germanischen Sprachen*», Bd. 73, H. 3/4 : 167—202).
1959. Latin *hibernus* and Greek χερμερινός. The formation of time-ad-
jectives in the Classical languages (*GLOTTA*. Zeitschrift für Grie-
chische und Lateinische Sprache, Bd. XXXVIII, H. 1/2 : 107—125).
1960. Studies in the Indo-European system of numerals, Heidelberg :
C. Winter. Universitätsverlag.

1964. Syncope in Greek and Indo-European and the nature of Indo-European ablaut, Napoli («*Istituto Universitario Orientale*»).
- 1964a. Structuralism and substratum — Indo-Europeans and Semites in the Ancient Near East (*LINGUA. International Review of General Linguistics*, v. 13 : 1—29).
1967. The new look of IE (*PHONETICA*, 17 : 65—99).
1970. Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft, Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- 1970a. The Indo-European name for 'heart' («*Donum Balticum*». To Professor Christian S. Stang on the Occasion of his Seventieth Birthday, ed. by V. Rūķe-Draviņa, Stockholm : 515—533).
1972. Comparative linguistics («*Current Trends in Linguistics*», ed. by T. A. Sebeok, v. 9. Linguistics in Western Europe, The Hague — Paris. Mouton : 119—195).
1973. La théorie de laryngales de Saussure à Kuryłowicz et à Benveniste. *Essai de réévaluation* («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 68, fasc. 1 : 1—25).
1974. The origins of the Greek lexicon: Ex Oriente Lux («*The Journal of Hellenic Studies*», v. XCIV : 144—157).
1975. The origins of Roman drama and Greek tragedy («*Hermes*». Zeitschrift für Klassische Philologie, Bd. 103, H. 3 : 300—332).
1976. The problem of Aryan loanwords in Anatolian («*Scritti in onore di Giuliano Bonfante*», v. II, Brescia. Paideia Editrice : 1063—1070).
- 1976a. Problems of the formation and gradation of Latin adjectives («*Studies in Greek, Italic, and Indo-European Linguistics*» offered to Leonard R. Palmer on the Occasion of his Seventieth Birthday, ed. by A. Morpurgo Davies and W. Meid, Innsbruck : 401—424).
1977. Sprachtypologie, funktionelle Belastung und die Entwicklung indogermanischer Lautsysteme («*Textes et Mémoires*», v. V. Acta Iranica, Leiden. E. J. Brill : 339—393).
- 1977a. Das griechische Verwandtschaftsnamensystem vor dem Hintergrund des indogermanischen Systems («*Hermes*». Zeitschrift für Klassische Philologie, Bd. 105, H. 4 : 385—405).
- 1977b. Studies in the kinship terminology of the Indo-European languages. *With special reference to Indian, Iranian, Greek and Latin* («*Textes et Mémoires*», v. VII. Varia. Acta Iranica, Leiden : E. J. Brill).
1982. Anatolica II (8—10) («*Investigationes Philologicae et Comparativae*»). Gedenkschrift für Heinz Kronasser, hrsg. von E. Neu. Wiesbaden. O. Harrassowitz : 215—234).
- 1982a. The origin of the name of the Dorians (ΓΛΩΣΣΟΛΟΓΙΑ, τ. 1 : 73—82).

TAVERNIER W.

1910. Beiträge zur Rolandsforschung, I («*Zeitschrift für Französische Sprache und Literatur*», Bd. XXXVI : 71—102).

TCHEKHOFF C.

1978. Le double cas-sujet des inanimés : un archaïsme de la syntaxe hittite («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 73, fasc. 1: 225—241).

TERNES E.

1973. The phonemic analysis of Scottish Gaelic, Hamburg: Helmut Buske Verlag.

THIEME P.

1938. Der Fremdling im Rgveda. *Eine Studie über die Bedeutung der Worte Ari, Arya, Aryaman und Ārya*, Leipzig: Brockhaus.
1952. Studien zur indogermanischen Wortkunde und Religionsgeschichte, Berlin: Akademie-Verlag.
1953. Die Heimat der indogermanischen Gemeinsprache («*Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur zu Mainz, Geistes- und Sozialwissenschaftliche Klasse*, № 11), Wiesbaden.
1964. The comparative method for reconstruction in linguistics («*Language in Culture and Society*». A Reader in Linguistics and Anthropology, ed. by Dell Hymes, New York, Evanston, and London: Harper & Row: 585—598).
- 1968a. Nektar («*Indogermanische Dichtersprache*», hrsg. von R. Schmitt, Darmstadt. Wissenschaftliche Buchgesellschaft: 102—112).
- 1968b. Ambrosia («*Indogermanische Dichtersprache*»: 113—132).
- 1968c. Hades («*Indogermanische Dichtersprache*»: 133—153).
- 1968d. Die Wurzel VAT («*Indogermanische Dichtersprache*»: 187—203).
- 1968e. Vorzarathustrisches bei den Zarathustriern und bei Zarathustra («*Indogermanische Dichtersprache*»: 204—241).
1981. Der Name des Zarathustra («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 95, H. 1: 122—125).

THOMAS H. L.

1970. New evidence for dating the Indo-European dispersal in Europe («*Indo-European and Indo-Europeans*». Papers presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania, ed. by G. Cardona, H. M. Hoenigswald, and A. Senn, Philadelphia. University of Pennsylvania Press: 199—215).
1982. Archaeological evidence for migrations of the Indo-Europeans («*The Indo-Europeans in the Fourth and Third Millennia*», ed. by E. C. Polomé, Ann Arbor: Karoma Publishers, Inc.: 61—86).

THOMAS W.

1952. Die tocharischen Verbaladjektive auf *-l*. *Eine syntaktische Untersuchung*, Berlin: Akademie-Verlag.
1958. Zum Ausdruck der Komparation beim tocharischen Adjektiv («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 75, H. 3/4: 129—169).

1964. Tocharisches Elementarbuch, Bd. II. *Texte und Glossar* (unter Mitwirkung von W. Krause), Heidelberg: C. Winter. Universitätsverlag.
- THOMSEN V.
1890. Berøringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) sprog. En sproghistorisk undersøgelse. Vidensk. Selsk.-Skr. 6 Række. Historisk og Filosofisk Afd. 1, I, København: Luno.
- THUMB A., HAUSCHILD R.
1953—1959. Handbuch des Sanskrit (mit Texten und Glossar). *Eine Einführung in das Sprachwissenschaftliche Studium des Altindischen*, Teil I (1958): Grammatik, I. Einleitung und Lautlehre; II₁ (1959) Formenlehre; II₂ (1953): Texte und Glossar. Dritte stark umgearbeitete Auflage von R. Hauschild, Heidelberg: C. Winter. Universitätsverlag.
- THUMB A., SCHERER A.,
1959. Handbuch der griechischen Dialekte, Bd. II (2-te erw. Auflage von A. Scherer), Heidelberg: C. Winter. Universitätsverlag.
- THURNEYSEN R.
1885. Der indogermanische Imperativ (*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*), Bd. 27: 172—180).
1921. Alte Probleme (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN. Zeitschrift für Indogermanische Sprach- und Altertumskunde*, Bd. 39: 189—202).
1946. A grammar of Old Irish (*Revised and enlarged edition*), Dublin: The Dublin Institute for Advanced Studies.
- TISCHLER J.
1977-. Hethitisches etymologisches Glossar. Mit Beiträgen von Günter Neumann, Lfr. 1 (*Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft*), Innsbruck.
1977a. Kleinasiatische Hydronymie. *Semantische und morphologische Analyse der griechischen Gewässernamen*, Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
1979. Der indogermanische Anteil am Wortschatz des Hethitischen (*Hethitisch und Indogermanisch*). Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Altkleinasiens, hrsg. von E. Neu und W. Meid, Innsbruck: 257—267).
- TOIVONEN Y. H.
1952. Zur Frage der finnisch-ugrischen Urheimat (*Journal de la Société Finno-Ougrienne*, LVI, 1, Helsinki: 1—41).
- TONNELAT E.
1948. La religion des Germains (в кн.: *Les Religions de l'Europe Ancienne*, Paris: Presses Universitaires de France: 323—385).

ТОПОРОВ В. Н.

1968. Parallels to ancient Indo-Iranian social and mythological concepts («*Pratidānam*»). Indian, Iranian and Indo-European Studies presented to F. B. J. Kuiper on his Sixtieth Birthday, The Hague—Paris. Mouton : 108—120).
1973. L'«albero universale». Saggio d'interpretazione semiotica («*Ricerche Semiotiche*»). Nuove tendenze delle scienze umane nell' URSS, a cura di J. M. Lotman e B. Uspenskij, Torino : 148—210).

ТОВАР А.

1961. The ancient languages of Spain and Portugal, New York : S. F. Vanni.
1970. The Basque language and the Indo-European spread to the West («*Indo-European and Indo-Europeans*»). Papers presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania, ed. by G. Cardona, H. M. Hoenigswald, and A. Senn, Philadelphia. University of Pennsylvania Press : 267—278).
1973. Sprachen und Inschriften. *Studien zum Mykenischen, Lateinischen und Hispano-Keltischen*, übers. von W. Dietrich, Amsterdam: Grüner.
1977. Indogermanisch, Keltisch, Keltiberisch («*Indogermanisch und Keltisch*»). Kolloquium der Indogermanischen Gesellschaft am 16. und 17. Februar 1976 in Bonn, hrsg. von K. H. Schmidt, Wiesbaden. Dr. Ludwig Reichert Verlag : 44—65).
1982. Die Indoeuropäisierung Westeuropas («*Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft*»), Innsbruck.

ТРАУТМАНН Р.

1923. Baltisch-Slawisches Wörterbuch, Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht.

ТRENCSÉNYI-WALDAPFEL J.

1962. Apollon Smintheus in Innerasien? («*Acta Orientalia Hungarica*», XV : 343—352).

ТРОХЛЕР Н.

1964. Sprache und Wortschatz Hesiods, Zürich : Juris-Verlag.

ТРУБЕТЗКОЙ Н. С.

1958. Grundzüge der Phonologie, 2. Aufl., Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht.

ТУРNER R. L.

1966. A comparative dictionary of the Indo-Iranian languages, London-Oxford University Press.

ТУКО P. J., DIMBLEBY G. W., Ed.

1969. The Domestication and Exploitation of Plants and Animals, London. Duckworth : Aldine Publishing Company.

UHLENBECK C. C.

1901. Agens und Patiens im Kasussystem der indogermanischen Sprachen (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanische Sprach- und Altertumskunde, Bd. XII, H.1/2: 170 — 171).

1937. [Рец. на кн.] С. Л. Кацнельсон, К генезису номинативного предложения (*Museum*, Jg. 44, № 9 : 225—227).

UNTERMANN J.

1961. Die venetischen Personennamen, Wiesbaden : O. Harrassowitz.

1961a. Sprachräume und Sprachbewegungen im vorrömischen Hispanien, Wiesbaden : O. Harrassowitz.

VAILLANT A.

1936. L'ergatif indoeuropéen (*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*, t. 37, fasc. 2 : 93—108).

1948. Manuel du vieux slave, Paris : Institut d'Études Slaves.

1950. Le nom balto-slave du 'soleil' (*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*, t. 46, fasc. 1 : 48—53).

VANAGAS A.

1981. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas, Vilnius : «Mokslas».

VAN BROCK N.

1962. Dérivés nominaux en *L* du hittite et du louvite, Paris : Klincksieck.

1964. Les thèmes verbaux à redoublement du hittite et le verbe indo-européen (*Revue Hittite et Asiatique*, t. XXII, fasc. 75 : 119—165).

1972. De πῶξ à πᾶξ (*Mélanges de Linguistique et de Philologie Grecques offerts à P. Chantraine*. Études et Commentaires, v. 79 : 263—276).

VAN BUITENEN J. A. B.

1962. The Maitrāyaṇīya Upaniṣad (*A critical essay, with text, translation and commentary*), 'S-Gravenhage : Mouton & Co.

VAN WIJK N.

1902. Der nominale Genetiv Singular im Indogermanischen in seinem Verhältnis zum Nominativ, Zwolle : Tjil.

1935. Eine slavisch-germanische syntaktische Parallele (*Germanoslavica*. Vierteljahrsschrift für die Erforschung der Germanisch-Slavischen Kulturbeziehungen, Jg. III, H. 1—2 : 19—30).

VAN WINDEKENS A. J.

1952. Le pélasgique. *Essai sur une langue indo-européenne préhellénique*, Louvain (Université de Louvain, I. Institut Orientaliste : Bibliothèque du Muséon, t. 29).

1969. Études de phonétique tokharienne. XI : Le traitement des labio-vélaires indo-européennes (*ORBIS. Bulletin International de Documentation Linguistique*, Louvain, t. XVIII, № 2 : 485—512).

1976. Le tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes, v. I. La phonétique et le vocabulaire («*Travaux publiés par le Centre International de Dialectologie Générale de l'Université Catholique Neerlandaise de Louvain*»), Louvain: Centre International de Dialectologie Générale.
- 1976a. Encore le terme 'larme' en indo-européen («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 90, H. 1/2 : 12—17).
1981. Zum indogermanischen Ursprung von heth. *gim(m)ara-* («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 95, H. 2 : 249—250).

VASMER M.

1921. Studien zur albanischen Wortforschung («*Acta Universitatis Dorpatensis*»), Dorpat.
1923. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven, I : Die Iranier in Südrussland («*Veröffentlichungen des Baltischen und Slavischen Instituts an der Universität Leipzig*», hrsg. von G. Gerullis und M. Vasmer, 3), Leipzig Markt & Petters.

VEENHOF K. R.

1972. Aspects of Old Assyrian trade and its terminology («*Studia et Documenta ad Iura Orientis Antiqui Pertinentia*», v. 10), Leiden: E. J. Brill.

VENDRYÈS J.

1908. Grammaire du vieil-irlandais (*Phonétique — Morphologie — Syntaxe*), Paris: E. Guilmoto.
1929. Traité d'accentuation grecque, Paris: Klincksieck.
1935. A propos de lat. *seruos* («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 36, fasc. 2 [N° 107] : 124—130).
1948. La religion des Celtes (в кн.: «*Les Religions de l'Europe Ancienne*», Paris: Presses Universitaires de France : 239—320).
- 1949/50. Sur quelques mots de la langue des chasseurs (*ARCHIVUM LINGUISTICUM. A Review of Comparative Philology and General Linguistics*, v. I : 23—29).
1952. L'unité en trois personnes chez les Celtes («*Choix d'Études Linguistiques et Celtiques*», Paris : 233—246).
- 1952a. Les moulins en Irlande et l'aventure de ciarnat («*Choix d'Études Linguistiques et Celtiques*», Paris : 277—286).
- 1959—1978. Lexique étymologique de l'irlandais ancien, Paris: Centre National de la Recherche Scientifique.

VENTRIS M., CHADWICK J.

1973. Documents in Mycenaean Greek, 2nd ed. by J. Chadwick, Cambridge: Cambridge University Press.

VOTE J.

1945. Phonétique historique de l'égyptien. Les consonnes, Louvain («*Université de Louvain*». Institut Orientaliste. Bibliothèque du Muséon).

Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов

VERNANT J.-P.

1969. Mythe et pensée chez les grecs. *Études de psychologie historique* (2me éd.), Paris : François Maspero.

VETTER E.

1953. Handbuch der italischen Dialekte, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
1955. Zu den Iguvinischen Tafeln («*Corolla Linguistica*». Festschrift F. Sommer zum 80. Geburtstag am 4. Mai 1955 dargebracht von Freunden, Schülern und Kollegen, hrsg. von H. Krahe, Wiesbaden : O. Harrassowitz : 235—247).

VOGEL M.

1973. ONOS LYRAS. Der Esel mit der Leier, Düsseldorf : Verlag der Gesellschaft zur Förderung der systematischen Musikwissenschaft.

VOGT H.

1938. Arménien et caucasique du Sud («*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*», Bd. 9 : 321—337).
1958. Les occlusives de l'arménien («*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*», Bd. 13 : 143—161).
1963. Dictionnaire de la langue oubykh, Oslo : Universitetsforlaget.

VONDRAK W.

1900. Altkirchenslawische Grammatik, Berlin : Weidmann.

VRIES J. de

- 1956—1957. Altgermanische Religionsgeschichte, Bd. I und II, Berlin : W. de Gruyter & Co.
- 1957—1961. Altnordisches Etymologisches Wörterbuch, Leiden : E. J. Brill.
1961. Keltische Religion («*Die Religionen der Menschheit*», hrsg. von C. M. Schröder, Bd. 18, Stuttgart : Kohlhammer).

WACKERNAGEL J.

1896. Altindische Grammatik, I. *Lautlehre*, Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht.
1905. Altindische Grammatik, II. 1. *Einleitung zur Wortlehre*. Nominal-Komposition, Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht.
1924. Vorlesungen über Syntax mit besonderer Berücksichtigung von Griechisch, Lateinisch und Deutsch (2. Aufl., 1950, Basel: Birkhauser Verlag).
1953. Kleine Schriften, Bd. 1—2, Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht.
- 1968 [1910]. Zum Dualdvandva («*Indogermanische Dichtersprache*», hrsg. von R. Schmitt, Darmstadt. Wissenschaftliche Buchgesellschaft: 30—33).

WACKERNAGEL J., DEBRUNNER A.

1930. Altindische Grammatik, III. *Nominalflexion, Zahlwort, Pronomen*, Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht.

WAGNER H.

1969. The origin of the Celts in the light of linguistic geography (*Transactions of the Philological Society*), London : 203—250).

WAILES B.

1970. The origins of settled farming in temperate Europe (*Indo-European and Indo-Europeans*). Papers presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania, ed. by G. Cardona, H. M. Hoenigswald, and A. Senn, Philadelphia. University of Pennsylvania Press : 279—305).

WALDE A.

1910. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, 2. umgearb. Aufl., Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
1924. *o*-farbige Reduktionsvokale im Indogermanischen (*Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft*). Festschrift für W. Streitberg, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag).

WARD D.

1968. The divine twins. *An Indo-European myth in German tradition* (*University of California Folklore Studies*, 19), Berkeley and Los Angeles.
1970. The threefold death : An Indo-European trifunctional sacrifice? (*Myth and Law among the Indo-Europeans*. Studies in Indo-European Comparative Mythology, ed. by J. Puhvel, Berkeley, Los Angeles, London. University of California Press : 123—142).
1973. On the poets and poetry of the Indo-Europeans (*The Journal of Indo-European Studies*, v. I, № 2 : 127—144).

WASSON R. G.

1968. Soma. *Divine mushroom of immortality*, New York.

WATKINS C.

1962. Indo-European origins of the Celtic verb, I. *The sigmatic aorist*, Dublin : The Dublin Institute for Advanced Studies.
1962a. Preliminaries to a historical and comparative analysis of the syntax of the Old Irish verb (*Celtica*, v. VI : 1—49).
1963. Indo-European metrics and archaic Irish verse (*Celtica*, v. VI : 194—249).
1963a. Preliminaries to the reconstruction of Indo-European sentence structure (*Proceedings of the Ninth International Congress of Linguists*, ed. by Horace G. Lunt, The Hague—Paris. Mouton, 1964 : 1035—1045).
1966. Italo-Celtic revisited (*Ancient Indo-European Dialects*, ed. by H. Birnbaum and J. Puhvel, Berkeley and Los Angeles. University of California Press : 29—50).
1967. Remarks on the genitive (*To Honor Roman Jakobson*. *Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday*. *Janua Linguarum, Ser. Maior*, XXXIII, v. 3, The Hague—Paris. Mouton : 2191 — 2198).

- 1967a. Latin *sōns* («*Studies in Historical Linguistics in Honour of G. S. Lane*», Chapel Hill. University of North Carolina Press : 186—194).
- 1968—1969. The Celtic masculine and neuter enclitic pronouns («*Études Celtiques*», v. XII, fasc. 1 : 92—95).
1969. Geschichte der indogermanischen Verbalflexion («*Indogermanische Grammatik*», hrsg. von J. Kuryłowicz, Bd. III : Formenlehre. Erster Teil, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag).
- 1969a. A Latin—Hittite etymology (*LANGUAGE*, v. 45, № 2, p. 1 : 235—242).
1970. Language of Gods and language of Men : Remarks on some Indo-European metalinguistic traditions («*Myth and Law among the Indo-Europeans*». Studies in Indo-European Comparative Mythology, ed. by J. Puhvel, Berkeley, Los Angeles, London. University of California Press : 1—17).
- 1970a. Studies in Indo-European legal language, institutions, and mythology («*Indo-European and Indo-Europeans*». Papers presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania, ed. by G. Cardona, H. M. Hoenigswald, and A. Senn, Philadelphia. University of Pennsylvania Press : 321—354).
1971. Indo-European and the Indo-Europeans. *Indo-European roots* («*The American Heritage Dictionary of the English Language*», New York: American Heritage Publishing Co.).
1972. Une désignation indo-européenne de l'eau («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 67, fasc. 1 : 39—46).
- 1972a. Hittite *ga-nu-ut* and related forms («*Indo-European Studies*», I, ed. by C. Watkins, Cambridge, Mass. : 87—99).
- 1972b. Indo-European studies (*Special Report to the National Science Foundation*), Cambridge, Mass.
1973. Latin *suppus* («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 1, № 3 : 392—399).
- 1973a. 'River' in Celtic and Indo-European («*Ériu*», v. XXIV : 80—89).
1974. 'God' («*Antiquitates Indogermanicae*». Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck : 101—110).
- 1974a. I.-E. 'star' (*DIE SPRACHE*. Zeitschrift für Sprachwissenschaft, Bd. XX, H. 1 : 10—14).
- 1975a. Some Indo-European verb phrases and their transformations («*Indo-European Studies*», II, ed. by C. Watkins, Cambridge, Mass.: 226—251).
- 1975b. Hittite *šāru*, Old Irish *serb*, Welsh *herw*. A Hittite-Celtic etymology («*Indo-European Studies*», II, ed. by C. Watkins. Cambridge, Mass.: 322—331).

- 1975c. Latin *ador*, Hittite *ḫat-* again [Addenda to HSCP 77, 1973: 187—193] (*«Indo-European Studies»*, II, ed. by C. Watkins, Cambridge, Mass.: 368—378).
- 1975d. Sick-maintenance in Indo-European (*«Indo-European Studies»*, II, ed. by C. Watkins, Cambridge, Mass.: 379—387).
- 1975e. Observations on the “Nestor’s cup” inscription (*«Indo-European Studies»*, II, ed. by C. Watkins, Cambridge, Mass.: 401—432).
- 1975f. Syntax and metrics in the Dipylon vase inscription (*«Indo-European Studies»*, II, ed. by C. Watkins, Cambridge, Mass.: 433—453).
- 1975g. NAM.RA GUD UDU in Hittite (*«Indo-European Studies»*, II, ed. by C. Watkins, Cambridge, Mass.: 489—503).
- 1975h. The Indo-European family of Greek *órkhis*: Linguistics, poetics, and mythology (*«Indo-European Studies»*, II, ed. by C. Watkins, Cambridge, Mass.: 504—539).
- 1975i. Latin IOUISTE et le vocabulaire religieux indo-européen (*«Mélanges Linguistiques offerts à Émile Benveniste»*. Société de Linguistique de Paris, LXX, Louvain. Éditions Peeters: 527—534).
1976. Towards Proto-Indo-European syntax: Problems and pseudo-problems (*«Papers from the Parasession on Diachronic Syntax»*, April 22, ed. by S. B. Steever, C. A. Walker, S. S. Wufwene, Chicago. Linguistic Society: 305—326).
1978. On confession in Slavic and Indo-European (*«Folia Slavica»*, v. 2, № 1—3. Studies in Honor of H. G. Lunt, ed. by E. A. Scatton, R. D. Steel, Ch. E. Gribble, Columbus, Ohio: 340—359).

WEBSTER T. B. L.

1955. Homer and the Mycenaean tablets (*ANTIQUITY. A Quarterly Review of Archaeology*, v. XXIX, № 113: 10—14).
1958. From Mycenae to Homer, London: Methuen & Co.

WEINREICH U.

1954. Is a structural dialectology possible? (*«Linguistics Today»*. Published on the Occasion of the Columbia University Bicentennial, ed. by A. Martinet and U. Weinreich, New York: 268—280).

WEIPPERT M.

1975. Über den asiatischen Hintergrund der Göttin «Asiti» (*ORIENTALIA. Commentarii Periodici Pontificii Instituti Biblici*, v. 44, fasc. 1: 12—21).

WEITENBERG J. J. S.

1975. Hethitisch kuša- (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft*, Bd. 80: 66—70).

WEISSER K.

1977. Hethitische Gerichtsprotokolle (*«Studien zu den Boğazköy-Texten»*, H. 4), Wiesbaden: O. Harrassowitz.

WERTH R. N.

1970. The problem of a Germanic sentence type (*LINGUA. International Review of General Linguistics*, v. 26, № 1 : 25—34).

WERTIME T. A.

- 1973a. Pyrotechnology. Man's first industrial uses of fire (*American Scientist*, v. 61, № 6 : 670—682).
 1973b. The beginning of metallurgy : A new look (*Science*, v. 182 : 875—887).

WEST M. L.

1966. Hesiod. Theogony, Oxford : Oxford University Press.
 1971. Early Greek philosophy and the Orient, Oxford : At the Clarendon Press.
 1973. Indo-European metre (*GLOTTA. Zeitschrift für Griechische und Lateinische Sprache*, Bd. LI, H. 3/4 : 161—187).

WESTERMANN D.

1949. Sprachbeziehungen und Sprachverwandtschaft in Afrika (*Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Philologisch-Historische Klasse*, 1948, 1), Berlin : Akademie-Verlag.

WHITE B.

1954. Medieval animal lore (*Anglia*, v. LXXII : 71—78).

WHITNEY W. D.

1889. Sanskrit Grammar. *Including both the classical language and the older dialects of Veda and Brahmana* (перепечатано : Harvard University Press, Cambridge, Mass. 1960).

WIESNER J.

1939. Fahren und Reiten in Alteuropa und im Alten Orient (*Der Alte Orient*, Bd. XXVIII : 48—92).

WIKANDER S.

1941. Vayu. Texte und Untersuchungen zur indoiranischen Religionsgeschichte, T. 1. Texte (*Quaestiones Indo-Iranicae*, ed. K. Rönnow et S. Wikander), Uppsala : Lundequistaka Bokhandeln.

WILBUR T. H.

1970. The ergative case and the so-called ergative-type languages (*Papers from the Sixth Regional Meeting*, Chicago Linguistic Society, Chicago : 416—424).
 1980. The earliest stages of the successful resistance of Indo-Europeanization of the Western Pyrenees (*The Journal of Indo-European Studies*, v. 8, № 1/2 : 3—15).

WILKE G. W.

1922. Der Weltbaum und die beiden kosmischen Vögel in der vorgeschichtlichen Kunst (*Mannus. Zeitschrift für Vorgeschichte*. Bd. 14, H.1/2 : 73—99).

WINTER W.

1962. Die Vertretung indogermanischer Dentale im Tocharischen (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 67, H. 1: 16—35).
1965. Armenian evidence («*Evidence for Laryngeals*», ed. by W. Winter, The Hague—Paris. Mouton: 100—115).
- 1965a. Tocharian evidence («*Evidence for Laryngeals*», ed. by W. Winter, The Hague — Paris. Mouton: 190—211).
1970. Some widespread Indo-European titles («*Indo-European and Indo-Europeans*». Papers presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania, ed. by G. Cardona, H. M. Hoenigswald, and A. Senn, Philadelphia. University of Pennsylvania Press: 49—54).
1979. The distribution of short and long vowels in stems of the type Lith. *ėsti: vėsti: mėsti* and OCS *jasti: vesti: mesti* in Baltic and Slavic languages («Recent Developments in Historical Phonology», ed. by J. Fisiak. «*Trends in Linguistics*», Studies and Monographs, ed. W. Winter, The Hague—Paris—New York. Mouton: 431—446).

WISSEMANN H.

- 1957/8. Zur nominalen Determination, I. Die Grundfunktion des bestimmten Adjektivs im Baltischen und Slavischen (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 63, H. 1: 61—78).

WISSMANN W.

1952. Der Name der Buche («*Vorträge und Schriften der Deutschen Akademie der Wissenschaften*», 50. Berlin).

WOOLLEY L.

1953. A forgotten Kingdom. *A record of the results obtained from the excavation of two mounds Atchana and Al Mina, in the Turkish Hatay, Baltimore—Maryland*: Penguin Books.

WOOLNER D.

1967. New light on White Horse («*Folk-lore*», v. 78, London: 90—111).

WRENN C. L.

1965. Some earliest Anglo-Saxon cult symbols («*Franciplegius. Medieval and Linguistic Studies in Honour of F. P. Magoun*», ed. by J. P. Bessinger and R. P. Creed, London—New York).
1973. *Beowulf. With the Finnesburg Fragment* (Fully revised by W. F. Bolton), London.

WRIGHT R.

1965. The Indo-European interdental spirants («*Omagiu lui Alexandru Rosetti*», București: 1017—1022).

WÜST W.

1956. Idg. *peleku-* 'Axt, Beil'. Eine paläolinguistische Studie («*Suomalaisen tiedeakatemian toimituksia*», Sarja B, Nide 93, 1), Helsinki.

1969. Zum Problem einer indogermanischen Dichtersprache («*Studia Classica et Orientalia Antonio Pagliaro Oblata*», III, Roma: 251—280).

WYATT W. F., Jr.

1970. Indo-Europeanization of Greece («*Indo-European and Indo-Europeans*». Papers presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania, ed. by G. Cardona, H. M. Hoeningwald, and A. Senn, Philadelphia. University of Pennsylvania Press: 89—111).
- 1970a. Indo-European /a/, Philadelphia: University of Philadelphia Press.
1972. The Greek prothetic vowel («*Philological Monographs of the American Philological Association*», № 31), Cleveland: Case Western Reserve University Press.

ZADOK R.

1975. Iranian names in Late Babylonian documents («*Indo-Iranian Journal*», v. 17, № 3/4: 245—247).

ZARINS J.

1979. [Рец. на кн.] Korucutepe: Final Reports («*Journal of Near Eastern Studies*», v. 38, № 1: 58—60).

ZELENIN D.

1927. Russische (ostslavische) Volkskunde, Berlin und Leipzig: W. de Gruyter & Co.

ZEUNER F. E.

1963. A history of domesticated animals, London: Hutchinson.

ZGUSTA L.

1964. Kleinasiatische Personennamen, Prag: Verlag der Tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften.
- 1964a. Anatolische Personennamen, Teil I. Text; Teil II. Beilagen, Prag: Verlag der Tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften.

ZIELIŃSKI T.

1972. Legenda o złotym runie, Kraków: Wydawnictwo Literackie.

ZIMMER St.

1976. Die Satzstellung des finiten Verbs im Tocharischen, The Hague—Paris: Mouton.

ZIMMERN H.

1917. Akkadische Fremdwörter als Beweis für den babylonischen Kultur-einfluss (2-te durch vollständige Wörterverzeichnisse vermehrte Ausgabe, Leipzig: J. C. Hinrichs).

ZINKEVIČIUS Z.

- 1957. Lietuvių kalbos įvardžiutinių būdvardžių istorijos bruožai, Vilnius : *Politinės ir Mokslinės Literatūros Leidykla*.
- 1966. Lietuvių dialektologija. Lyginamoji tarmių fonetika ir morfologija, Vilnius : «Mintis».
- 1980. Lietuvių kalbos istorinė gramatika, I. Įvadas, Istorinė fonetika. Daiktavardžių linksniavimas. Vilnius : «Mokslas».

ZOHARY D.

- 1969. The progenitors of wheat and barley in relation to domestication and agricultural dispersal in the Old World («*The Domestication and Exploitation of Plants and Animals*», ed. by Ucko P. J. and Dimbleby G. W., London. Duckworth : 47—66).

УКАЗАТЕЛИ*

* Составила Н. А. Джавахишвили

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВОФОРМ

Цифры указывают на страницы. Индекс к цифре является номером сноски на соответствующей странице.

Словоформы в латинской транслитерации языков с письменностями на нелатинской основе приводятся в порядке латинского алфавита. При этом составные символы следуют за соответствующими простыми: *b — bh, d — dh, g — gh; p — ph, t — th, k — kh; c — ch, j — jh*; символы с диакритическими знаками следуют за основными символами и друг за другом в последовательности: знак снизу — знак сбоку — знак сверху, причем символ с более сложным диакритическим знаком следует за символом с более простой диакритикой: напр., *n — ṅ — n' — ñ — ṇ̃ — ñ̇ — ñ̈ — ñ̉ — ñ̊ — ñ̋ — ñ̌ — ñ̍ — ñ̎ — ñ̏ — ñ̐ — ñ̑ — ñ̒ — ñ̓ — ñ̔ — ñ̕ — ñ̖ — ñ̗ — ñ̘ — ñ̙ — ñ̚ — ñ̛ — ñ̜ — ñ̝ — ñ̞ — ñ̟ — ñ̠ — ñ̡ — ñ̢ — ṇ̃ — ñ̤ — ñ̥ — ñ̦ — ņ̃ — ñ̨ — ñ̩ — ñ̪ — ñ̫ — ñ̬ — ṋ̃ — ñ̮ — ñ̯ — ñ̰ — ṉ̃ — ñ̲ — ñ̳ — ñ̴ — ñ̵ — ñ̶ — ñ̷ — ñ̸ — ñ̹ — ñ̺ — ñ̻ — ñ̼ — ñ̽ — ñ̾ — ñ̿* и т. п.; знак ударения — не влияет на порядок гласных букв. Гласный символ *ə* следует за *e*, символ *ɜ* — за *a* и т. д. В смешанной латинско-греческой транслитерации греческие буквы следуют за соответствующими латинскими: *b — β, d — δ, g — γ, p — φ, t — θ, k — χ*. Словоформы языков с письменностью на латинской основе или кириллицей приводятся в нормальном для соответствующих языков алфавитном порядке.

ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ КОРНИ, ОСНОВЫ, АФФИКСЫ

(ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ И РАННИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ)

*ablū-//*arlu- (др.-европ.) 639, 639 ₁	*ak[h] ^o aH 282, 282 ₂ , 283	*aruo- 885
*aod[h]es-//*a/od[h]H-es- 716	*ak[h] ^o ā 283	*(a)rg[h] ^o a- 925 ₁
*a ^h no- 584, 872	*ak'- 106 ₂ , 883	*as- 203
*aH- 218, 343, 344, 346, 347	*ak'e 343	*(a)u- 295 ₁
*aH-s 374	*ak'ro- 877	*aus- 223, 229, 229 ₁
*ak'- 106 ₂	*ak'-thos 70	*(a)ues(k[h])- 876
*aj- 882	*alb[h]o- 783	*-ā 374, 375, 380
*ajk'-618, 619, 866	*amlu- (др.-европ.) 639, 639 ₂ , 940	*-ā- (*-ē-) 392, 393, 394
*ajū- 802, 884	*an- 203	*-ān 380
*aj-ū-om 272	*ang[h] ^o i- 526, 526 ₁	*āno- 817
*ak[h]-men-/*ak[h]-men- 112	*anH- 466, 468, 471, 823	[*be-b ^h er] 25, 68
*ak[h]er- 112	*anHt[h]- 543	[*be[d ^h -] 25
*ak[h]men k[h]e[ɣ]-e 297	*ant[h]- 203	[*bend ^h -] 22, 25
*ak[h]gu 108	*arH-mo-/*rH-mo- 785 ₁	[*beyd ^h -] 22, 24, 32, 62
	*ar(i)o- 755, 755 ₂	[*bi-b ^h er-t[h]i] 23
	*ar-(t[h]o-) 810	[*bid ^h -] 25
	*arū- 477, 481, 802, 884	[*bud-tho-] 34

- [*budh-] 22, 24, 62, 405
 *budh-/*bhudh- 6
 [*bundh-] 62
 *b[h]āg[h]u- 271, 272
 785₁
 *b[h]aHk'o- 621, 866
 *b[h]ak'- 141₁, 154₁
 *b[h]ar- 69₁
 *b[h]ar- (др.-еврон.) 943
 *b[h]ar(s)- 872
 *b[h]āk'o- 141₁
 *b[h]ed[h]-/*b[h]od[h]-
 154
 *b[h]eg[h]-/*b[h]og[h]- 154
 *b[h]e(i)- 602, 610, 611,
 755₂, 868, 876
 *b[h]e[d]- 25, 68
 *b[h]e[d]h]- 25, 37, 68
 *b[h]el- 468, 491, 878
 *b[h]el-/*b[h]oH-/*b[h]H-
 468
 [*bhend-] 25, 68
 *b[h]end[h]- 163, 174, 217
 *bheng[h]- 174, 782
 *b[h]er- 22, 25, 37, 43, 216,
 224, 498, 707, 884
 *b[h]er-e-si 340
 *b[h]er-e-t[h]i 328, 340, 341
 *b[h]er-ē-si 340
 *b[h]er-ē-t[h]i 340
 *b[h]erġ[h]- 217, 224, 668,
 669, 669₁, 670, 744, 745,
 781, 866, 879, 885
 *b[h]erġ[h]- *Hek'o- 837
 *b[h]erHk'- 619, 620, 866
 *b[h](e)rHk'-u- 621
 *b[h]er-oH 340
 *b[h]er-o-iH-m 341
 *b[h]er-o-iH-s 341
 *b[h]er-o-iH-t[h] 341
 *b[h]er-o-je-t[h]i 341
 *b[h]es-/b[h]s- 156
 *b[h]eū- 178
 *b[h]eūd[h]- 24, 163, 174,
 217, 224
 *b[h]eūd[h]-o-mai 250
 *b[h]eūg[h]- 174
 *b[h]eūH- 198, 206
 *b[h]eūH-/*b[h]uH- 467
 *b[h]ēd[h]- 146₁
 *-b[h]i/-*b[h]i-s 288, 380,
 381, 394, 396
 [*bhi-ber] 25
 *b[h]ib[h]er//*b[h]eb[h]er
 220, 530
 *b[h]id- 25, 68
 *b[h]i-t[h]- 611₁
 *-b[h]ios 381, 911
 *b[h]iāg[h]-men- 789₁
 *b[h]iṅ-d[h]- 163, 174
 *b[h]iṅ[h]- 174
 *b[h]iṅ[h]-u- 200
 *b[h]iod[h]-thos 70
 *-b[h]ios 381, 394, 396
 *b[h]iraHt[h]er- 764, 765,
 769, 770, 771
 *b[h]irāt[h]er- 37, 38, 49
 *b[h]irāt[h]er-s 184
 *b[h]irāt[h]er-∅ 184
 *b[h]irāt[h]er-aH 283
 *b[h]irek'-/*b[h]ruk'- 699,
 868
 *b[h]ireū- 643
 *b[h]iruH- 786₁, 812
 *b[h]iṅ- 224
 *b[h]iṅ[h]- 174, 220, 224,
 879, 883
 *b[h]iṅ-t[h]- 224
 [*bhud-] 24, 29
 *b[h]ud[h]- 24, 163, 174,
 224, 489, 528
 *b[h]ud[h]-n- 488, 490
 *b[h]ug[h]- 174
 *b[h]uH- 198, 206, 295,
 296
 *b[h]uk'o- 586
 *b[h]ū- 206
 [*deiġh-]/[*d(e)ig-th-]>
 [*d(e)ig-dh-] 110
 [*di-dhē-] 62
 [*di-dhē-mi] 23
 *dṅg[h]- 23
 [*drig'h-] 23
 *d[h]aH- 220
 *d[h]eb[h]- 146₃, 147, 154,
 782
 [*dheg⁰-] 68
 *d[h]eġ[h]- 149, 536
 *d[h](e)ġ[h]iom- 475, 821, 877
 *d[h]eg[h]⁰- 146₁, 826₁
 *d[h]eg[h]⁰-/*d[h]og[h]⁰- 154
 *d[h]eH- 159, 203, 208, 210,
 216, 224, 801, 810, 833,
 837, 877, 883, 942
 *d[h]eH(i)- 570
 *d[h]eH-m- 810
 *d[h]eH- 159, 166, 172
 *d[h]eiġ[h]- 412, 707, 884
 *d[h]eiġ[h]-/*d[h]eiġ[h]- 412₁
 *d[h]en- 671, 878
 *d[h]eun- (др.-еврон.) 745
 *d[h]eū- 466, 475, 494,
 495
 *d[h]eūg[h]- 569
 *d[h]eūH- 206
 *d[h]eūH/s- 823
 *d[h]eūH/s-~*d[h]uH/s-
 466
 *d[h]eūs- 237, 239, 241,
 243
 *d[h]eūs-s-/*anH- 468,
 471
 *d[h]ē- 22, 66, 66₂, 67, 69₁,
 159, 172, 203
 *d[h]ēj- 172
 *d[h]ēg[h]em- 877
 *(d[h]i)ġ[h](o)mon-s 184
 *(d[h]i)ġ[h](o)mōn-∅ 184
 *d[h]iġ[h]ū- 536, 867
 *d[h]iH- 224
 *d[h]iH-t[h]o- 208
 *d[h]iH- 166
 *-d[h]i 361₁
 *d[h]id[h]aH- 220
 *d[h]iṅ-k'- 200
 *d[h]oHnā- 873
 *d[h]olg[h]o- 932
 *d[h]reūg[h]- 755₃
 *d[h]r- 26, 26₁
 *d[h]ug[h]Ht[h]er- 184, 243,
 766, 769, 770, 771
 *d[h]ug[h]H-t[h]-ēr-∅ 184
 *d[h]uH- 206
 *d[h]ur- 22₁, 37, 43, 134₁,
 180, 224 721, 743, 743₂,
 869
 *d[h]ū- 243
 *d[h]uer- 22₁, 37, 134₁, 217,
 224, 877
 *d[h]ū-es- 237, 239, 241
 *d[h]ūor- 180
 *d[h]ū- 206
 *e- 388
 *-e 295
 *e/o 359, 362, 364
 *-e-/*o- 340, 343, 344₁,
 344₂
 *(e)d[h]- 346, 633
 *ed[h]lo- 633, 634
 *eġ[h]i- 526, 526₁
 *-ei 301
 *ei-jo- 379
 *ej 343
 *ej-/i- 180, 218, 225, 246,
 295₁, 696₁, 724

- *eġ/*oġ- 629, 631, 867
 *eġb[h]- 218
 *eġb[h]/*ġeb[h]- 817₁
 *eġ-e-s-(i) 340
 *eġ-e-t[h](i) 340
 *eġ-mi- 340
 *eġ-oH 340
 *eġs- 218
 *eġs/*is- 225
 *eġs/*is- 'холод', 'лед'
 682, 866
 *eġsHro- 801, 884
 *eġ-si 340
 *eġ-sk[h]/*eġ-sk[h]- 112
 *eġ-t[h]i 340
 *ek[h]- 239, 345, 346
 *ek[h]u- *ek[h]uo- 837
 *ek[h]u- 545
 *ek[h]uo- 100, 102, 560,
 564, 564₁, 868, 869, 914
 *ek[h]u-om 272
 *ek[h]uo-s 183, 271, 272,
 544, 554, 556, 561, 564
 *ek[h]o- 217, 246, 295₁,
 346, 394, 671, 702, 940
 *ek[h]o-os/*ok[h]o-os 940₁
 *ek^or- 203
 *el- 634, 634₁
 *-el- 218
 *e/ol- 543
 *el-en/*el-ŋ- 517, 518
 *el-(e)n//*el-k[h]- 867
 *(e)l-eu-d[h]- 249
 *eliso//*aliso- 635
 *(e)l-k[h]- 517, 518
 *el-ŋ- 518₁
 *el-ŋ-b[h]o- 517₁
 *em- 218, 754
 *-em 394, 397
 *en(o)mŋ 181, 937
 *e[ŋ]si- 739, 884
 *ep[h]- 217, 246
 *e/op[h]op[h]- 541₁
 *er- 218, 225, 246
 *-er- 218
 er/-r- 225
 *e/or- 788₅
 *-e/o-r(i) 331
 *e/orH- 743, 885
 *erH-os 206
 *erH/*reH- 675, 870, 950
 *er(i)- 584
 *es- 'сидеть' 217, 295,
 883, 928
 *es- 'быть' 217, 224, 246,
 289₁, 295, 295₁, 296₁,
 341, 810, 928
 *(e)s 218, 381₁, 383
 *-es- 218, 225, 344, 345,
 346, 347, 705
 *(e)s-en- 691, 868
 *es-e-s(i) 341
 *es-e-t[h](i) 341
 *esH(o)r- 117
 *esHo-s 206
 *esH-r 257₁, 878
 *esHr/-n-(t[h])//
 *esHr/-n-(k[h]) 816
 *-e-si 329
 *es-mi 117
 *-eso 382, 394, 397
 -eso/-oso 378
 *-e/oso 379
 *es-oH 341
 *(e)s-ont[h]i 250
 *es-t[h]i 117
 *esu- 245₁, 349
 *-(e)s-k[h]- 346
 *-e-t[h] 329
 -et[h]/-ot[h]- 218, 346
 *-e-t[h]i 329
 *et'- 36, 41, 50, 190, 217,
 224, 246, 248, 295₁, 302,
 302₃, 698, 701, 814
 *et'-men 250
 *et'-mi 250
 *(et')-ont[h]- 302, 814
 *et'-ri 250, 302
 *et'-t[h]i 52
 [*et'-t[h]o-] 33₂, 70,
 406
 *eud[h]- 569₄, 869
 *eus- 826₁
 *eu- 705
 -eu/-u- 218, 225, 344,
 346
 [*grīd[h]-] 656
 *grīdh- 26
 *g[h]ab[h]- 143, 146, 289
 *g[h]ag[h]a- 542₂
 *g[h]akt'- 872, 968
 *g[h]ar-ġ[h]- 98
 *g[h]eb[h]- 154
 *g[h]eb[h]-(e)- 408, 813₃
 *g[h]ed[h]- 146₂
 *g[h]ed[h]/g[h]od[h]- 154
 *g[h]elġ[h]- 710₁
 *g[h]el-u- 533
 *g[h]er//*ġ[h]er- 744
 *g[h]erd[h]- 175, 744, 885
 *g[h]euġ[h]- 97
 *g[h]en-eu-ġ[h]- 98
 *g[h]nit'- 535, 867
 *g[h]ŋs/*ġ[h]on-s- 112
 *g[h]olġ[h]ol- 837
 *g[h]ost[h]i- 168, 754, 755,
 755₁
 *g[h]ou- 803₃
 [*g[h]rd-] 656
 *g[h]rd[h]- 175
 *g[h]ri- 656
 *ġ[h]alg[h]- 97
 *ġ[h]ans- 542, 543₁,
 867
 *ġ[h]d[h]-e/om- 527
 *ġ[h]ei- 215, 216, 224,
 226, 243, 544₁
 *ġ[h]eim- 100, 215, 226,
 242, 681, 853₁, 866
 *ġ[h]eimo- 226, 242
 *ġ[h]eim-om 304
 *ġ[h]eim-ont[h]- 304
 *ġ[h]el- 714, 816
 *ġ[h]em- 877, 910
 *ġ[h]eng[h]- 97
 *ġ[h]er- 173₁
 *ġ[h]erd- 656
 *ġ[h]er-s- 229
 *ġ[h]eslo- 922
 *ġ[h]es-r 408, 807
 *ġ[h]es-r/*ġ[h]es-t[h]o-
 785, 807, 812
 *ġ[h]i- 224, 226, 243
 *ġ[h]i-m- 242
 *ġ[h]imoŋont[h]os 250
 *ġ[h]i-em- 226, 242,
 243
 *ġ[h]i-em-ŋ 272
 *ġ[h]i-em-s 271, 272
 *ġ[h]i-om-s 184
 *ġ[h]i-ōm-Ø 184
 *ġ[h]oimo- 226
 *ġ[h]orio- 877₁
 *ġ[h]rd- 26, 26₁
 *ġ[h]rdh- 26
 *ġ[h]uer- 181₁, 468, 469,
 471, 485, 491
 *g[h]oel- 175
 *g[h]oen- 100, 125, 740,
 883, 884
 *g[h]oen-aH 218
 *g[h]oen- *ġ[h]im 837
 *g[h]oen-t[h]i 410
 *g[h]oer- 91, 176, 708
 *g[h]oer-m- 683, 866

- *g^[h]er-mo- 683
 *g^[h]o- 175
 *g^[h]on- 125
 *g^[h]on-ont^[h]i 410
 *g^[h]or- 91
 *g^[h]o_r- 176

 *-H 344₁
 *-Ha 295, 329, 330, 331,
 332, 335, 336, 388, 389,
 390, 391
 *-Hai 301
 *Haje/os- 458, 709, 712,
 868
 *Hak^[h]- 230
 *(H)ak^[h]mon-s 184
 *(H)ak^[h]mön-Ø 184
 *Hak^[h]s- 721, 869
 *Hak^[h]ro- 694, 868
 *Ham- 690, 868
 *Han- 203, 766, 769, 770
 *Hand^[h]- 873
 *Hang^[h]-u- 781
 *Hank^[h]- 723
 *Hans- 201
 *Hant^[h]- 158, 203, 814
 *Hant^[h]jo- 814
 *Hap^[h]- 158, 217, 224,
 274, 670, 671, 862, 866,
 920
 *H₂ap^[h]nis 72₁
 *Hap^[h]-os t^[h]ek^[h]o- 670
 *Hap^[h]s 282₂
 *Har- 229, 687, 688, 868
 *Har-H- 688₁
 *Har-H-t^[h]ro-m 688, 690,
 868
 *-Ha-r(i) 331
 *Hark'- 217, 229, 713,
 713₂, 714, 919
 *Har-m- 723
 *Has- 158, 203, 699, 808₁,
 884
 *Hast^[h]er- 685, 686, 875,
 875₁, 876, 967
 *Hat^[h]- 883, 883₁
 *Hat'- 655
 *HauHo- 766, 766₃, 767,
 767₃, 768, 769, 770,
 771, 773
 *Hausos-s 185
 *Hausös-Ø 185
 *Hau- 230
 *Haji- 233, 239
 *Hauk'- 236, 239

 *Hau-s-/*Hu-os- 713
 *Heb^[h]- 524
 *Heg^[h]ono- 872
 *Hek^or- 203, 665, 670
 *Hek^or-/*Hk^oe/or-/*Hk^or-
 665, 666, 678, 866, 877
 *Henk^[h]-/*Hnek^[h]- 822
 *He/or- 538, 867
 *HerH- 235, 239
 *Her-H-t^[h]ro- 688
 *He/ou-/*Hu- 583
 *Heug^[h]o- 236, 239
 *Heug^[h]o-/*Hueg^[h]o- 803
 *His- 203, 869, 922
 *His-/*Ho₁-es-/*Ho₁s- 721
 *Hk^[h]eH- 230
 *Hk^or-i- 666
 *Hnaras 202
 *Hnek^[h]- 476, 822
 *Hnek^[h]-t^[h]H- 822₃, 822₄,
 823
 *Hner- 236, 239, 802
 *Hner- η 272
 *Hner-s 271, 272, 276
 *Hner-t^[h] 276, 802, 884
 *Hqk^[h]- 822
 *Hqs-/Hons- 201
 *Hqs(-u-) 201
 *Ho- 805, 807, 884
 *-Hoi 390₁
 *Ho₁s- 922
 *Honr- 236, 239
 *Hons- 750, 751, 885
 *Hop-s 183
 *Hop^[h]- 63, 159, 798₁
 *Hop^[h]-r/n- 746, 885
 *Hor- 158, 217, 390, 395
 *Horel- 218
 *Hos- 159, 625, 627, 867
 *(H)osp^[h]- 626, 627, 867
 *Host^[h]- 55, 203
 *H(o)u-// *Hueb^[h]- 884
 *Houi- 159, 577, 578, 579,
 580, 583, 584, 585, 868
 *Houi-m 272
 *Houi-p^[h]aH- 695
 *Houi-s 183, 271, 272
 *HreH- 235, 239
 *Hrd^[h]- 749
 *Hrt^[h]k^[h]- 497, 867
 *Hu- 583₁
 *Hu-d^[h]- 583₁, 757
 *Hu-g^[h]o- 803
 *Hu- 677, 678
 *Hu-aH- 230

 *Hu-eb^[h]- 585, 704
 *Hued^[h]- 756, 757
 *Hu-e/od^[h]- 583₁
 *Hueg^[h]o- 236, 239, 803
 *Huei- 233, 239, 489, 490,
 537, 867
 *Huek^[h]o- 803₂
 *Hue-k'- 236, 239
 *Huent^[h]- 489, 677, 866
 *Hue/ont^[h]- 206
 *Huer- 719₁
 *Huer-g^[h]- 719, 720, 869
 *Huer-t^[h]- 719, 869
 *Hues- 206, 467, 469,
 741₃
 *Hui-n- 206, 207, 578, 583,
 583₁, 584, 585, 884
 *Hui-no- 861
 *Hup^[h]- 224
 *Hes- 159
 *Het'- 159

 *i: *e₁- 'идти' 247
 *-i 342, 374, 383, 392,
 392₁
 *-j- 343
 *-i 374, 375, 376, 377,
 379, 393
 *-iH-s 374
 *-ija 375
 *is- 291
 *is 203
 *-is-t^[h]o- 55, 388, 394,
 397
 *it' 291
 *iaH- 724, 869
 *iak'- 216, 803₃
 *-je- 342, 343
 *jeb^[h]- 524
 *jeb^[h]-/*Heb^[h]- 525,
 867
 *-jeH-/*iH- 340, 343
 *jeHk^[h]-/*jHk^[h]- 818₁
 *jek^[h]- 216, 818₁
 *jek^[h]u(o)- 245₁
 *jek^[h]o_r-t^[h] 273, 849
 *jek^[h]o_r/n-t^[h]- 815
 *jek'- 245₁, 655₃, 682,
 866
 *(j)enH^[h]er- 760, 763,
 771
 *jeu-k'- 721
 *jeuo- 655, 656, 805, 868,
 884, 928
 *jeu(o)-d^[h]eH- 810
 *jeu-s- 703

- *er- 691₁
 *io- 218, 270, 352, 353, 389₁, 395
 *io 354₁, 354₂, 365, 366, 376
 *io- 379
 *ios 386, 387, 388, 394
 *ioi[th] 275₁, 386, 387
 *iu- 293₁
 *iuk'-om 179, 272, 276, 721, 722, 723, 869, 877
 *iuk'-s 276
 *iue- 254
 *k[th]aHu- 715
 *k[th]a[th]lo- 812₁
 *k[th]ak[th]l- 97
 *k[th]ap[th]l- 143, 146
 *k[th]ap[th]el- 813₃
 *k[th]ap[th]ut[th]l- 813₃
 *k[th]ark[th]ar- 533, 867
 *k[th]at[th]l- 599, 600
 *k[th]ek[th]l- 98
 *k[th]ek[th]s- 168
 *k[th]el- 669, 670
 *k[th]en- 98₁
 *k[th]en-k[th]l- 98₁
 *k[th]er- 644
 *k[th]er/*k[th]or/*k[th]r- 540, 867
 *k[th]erH- 205
 *k[th]erk[th]l- 601
 *k[th]erp[th]l- 691, 692, 878
 *k[th]es- 156, 216, 223, 578₁, 884
 *k[th]et[th]l- 146₂
 *k[th]et'- 155
 *k[th]e/oy- 836
 *k[th]laHu- 874
 *k[th]leu-s/*k[th]leu-s- 112
 *k[th]l-[-e(s)- 202
 *k[th]n-ek[th]l- 98₁
 *k[th]neuy- 636
 *k[th]ok[th]l- 98
 *k[th]ol- 866
 *k[th]om 360, 362, 364, 365₂
 *k[th]ork[th]l- 97
 *k[th]or-n- 540
 *k[th]os(e)lo- 168, 636
 *k[th]ot[th]l- 146₂
 *k[th]ot'- 155
 *k[th]or/*k[th](e)r- 113
 *k[th]rek[th]l-/*k[th]rek[th]l- 112
 *k[th]r-em- 703
 *k[th]reuH/*k[th]ruH- 698
 *k[th]rH- 205
 *k[th]r-m-/*k[th]ro[th]r-m-// *y[th]r-m- 540
 *k[th]rno- 644, 645, 868
 *k[th]ru-/*k[th]leru- 113
 *k[th]r-t[th]l- 93
 *k[th]s- 156
 *k[th]s-en- 223
 *k[th]s-n-ey- 223
 *k[th]sn-jo- 223
 *k[th]uas- 102
 [*k[th]uep-] 29
 *k[th]uep[th]l- 102
 *k[th]l- 344
 *k[th]ank[th]l- 927
 *k[th]as- 521
 *k[th]as-no- 521, 867
 *k[th]at[th]l- 146₂
 *k[th]ak[th]l- 97, 690
 *k[th]ej- 230, 295
 *k[th]ens- 804
 *k[th]ent[th]l- 236, 239
 *k[th]er- 'плод' 644, 645
 *k[th](e)r- 'голова', 'por' 113, 173, 876
 *k[th]er- 'гибель' 190₁
 *k[th]er- 'сердце' 100, 186
 *k[th](e/o)re/ot'-d[th]eH- 833
 *k[th]erH- 'старый' 205
 *k[th]erH- 'смешивать' 234, 239
 *k[th](e)rHs-r/n- 813
 *k[th]erHsr-iH 284
 *k[th]erHs-ro- 813
 *k[th]erHsr-om 284
 *k[th]er-n- 645
 *k[th]er-t'- 173, 186, 190₁, 273, 800₁, 801, 812, 878
 *k[th]eru- 113
 *k[th]er-u/n- 484, 566
 *k[th]eu-H- 228
 *k[th]euk[th]l- 98
 *k[th]ek[th]o- 97
 *k[th]i-eH- 230
 *k[th]ie- 539
 *k[th]ieuo- 834
 *k[th]ieuo-d[th]eH- 834
 *k[th]it[th]l- 850
 *k[th]it[th]lom 98, 846
 *k[th]net[th]l- 236, 239
 *k[th]or-u- 173
 *k[th]raH- 234, 239
 *k[th]red-d[th]e- 69
 *k[th]ret'-d[th]eH- 800, 800₁, 801, 810, 837, 884
 *k[th]rHs-n 813
 *k[th]r- 173, 760
 *k[th]rH- 265
 *k[th]r-n- 876, 967
 *k[th]rs-en- 535
 *k[th]r-t'- 173, 186, 199
 *k[th]r- 'голова' 205
 *k[th]r- 'слава' 205
 *k[th]r-s- 93
 *k[th]u-aH- 228
 *k[th]u(e/o)n- 100, 181, 243, 589, 868, 880₁
 *k[th]uenk[th]l- 98
 *k[th]uen-t[th]o- 801
 *k[th]uon-m 272
 *k[th]uon-s 184, 271, 272
 *k[th]uon-Ø 184
 *k[th]o/*ek[th]o- 247
 *k[th]o 218, 270, 353, 354₁
 *k[th]o 354₁, 365, 366
 *k[th]o[th]l- 810₁
 *k[th]o[th]e/ot[th]-(nā-) 809
 *k[th]o[th]ek[th]l./k[th]o[th]ek[th]l- 154
 *k[th]o[th]ek[th]o[th]o- 220, 258, 707₁, 718, 719, 720, 721, 737₁, 869
 *k[th]o[th]el- 220, 258, 695, 718, 719, 720
 *k[th]o[th]er- 176, 178, 706
 *k[th]o[th]er/*k[th]or-el- 747, 810₁
 *k[th]o[th]et[th]l- 153
 *k[th]o[th]et[th]ur-om 268₂
 *k[th]o[th]et[th]ur-t[th]o- 845
 *k[th]o[th]et[th]ue/or- 92, 148, 845, 847, 849, 850
 *k[th]o[th]et[th]u[th]r-k[th]lomt[th]l- 847, 847₁
 *k[th]oi- 160, 395
 *k[th]ois 117, 352, 24₂, 270, 386, 387, 387₂, 394
 *k[th]oi-t[th]l 386, 387
 *k[th]o[th]ieH- 235, 239, 242
 *k[th]or- 176
 *k[th]or(e)l- 875
 *k[th]or[th]mi- 527₂, 533
 *k[th]ot[th]l- 153
 *(k[th]o)it[th]ur-jo- 148, 845

- *k'at'-u- 600
 *k'eg[h]l- 141₁
 *k'eĭk'- 97
 *k'er- 540, 867
 *k'reb[h]l- 533
 *k'al(ou-) 760, 763, 770, 771
 *k'eb[h]l-//*k'er[h]l- 879
 *k'ek'ŋ- 220
 *k'ek'on- 220
 *k'emb[h]l- 815, 879
 *k'en- 'рождать; род'
 106₃, 748, 749, 750, 751, 751₁, 760, 762₁, 763, 885
 *k'en-/*k'n- 'знать; поз-
 навать' 804, 878, 880
 *k'enH- 175, 198, 205, 234, 239
 *k'en-o- 772
 *k'enos 'род' 186
 *k'en-t[h]l- 748, 749, 751₁
 *k'e/oni- 'колени' 59₁, 100, 106₂, 173, 233, 239, 786₃, 815
 *k'enu-s 'подбородок' 183
 *k'en-u- 173
 *k'erH- 175, 205, 217, 224
 *k'er[ont[h]l-] 825
 *k'ik'ŋ- 220
 *k'imb[h]l- 879
 *k'neH- 234, 239
 *k'n-eu- 173, 233, 239
 *k'n-oHŋ- 171
 *k'n-oH⁰- 171
 *k'nu-n-/*k'lu-n- 113
 *k'ŋH- 175, 198, 205
 *k'omb[h]lo- 879
 *k'ŋH- 175, 205, 224
 *k'ŋno- (др.-европ.) 694, 943
 *k'ŋ- 205
 *k'ŋ-n- 93
 *k'⁰ei- 465
 *k'⁰eiH- 235, 235₁, 239, 242
 *k'⁰el- 175
 *k'⁰elb[h]l- 816
 *k'⁰elH- 617, 866
 *k'⁰(e)m-sk[h]l- 108
 *k'⁰en- 92, 758, 767, 770, 771
 *k'⁰enaH-ŋ 272
 *k'⁰(e)naH₂-s 185, 271, 272, 283
 *k'⁰enā 283
 *k'⁰(e)nāH₂-∅ 185
 *k'⁰er- 'тяжелый' 175, 228, 693
 *k'⁰er- 'пожирать' 231, 702
 *k'⁰erH- 'желанный' 205
 *k'⁰erH- 'тяжесть' 228
 *k'⁰erŋ- 873
 *k'⁰eru- 233, 239, 782
 *k'⁰i- 465
 *k'⁰iŋ- 465
 *k'⁰i-uo- 468
 *k'⁰i-eH- 235, 235₁
 *k'⁰l- 175
 *k'⁰m-t[h]os 199
 *k'⁰ou-m 191
 *k'⁰ou-s 191
 *k'⁰ou- 191, 565, 565₁, 566, 567, 567₂, 574, 575, 579, 755₂, 868, 869, 876, 880₁.
 *k'⁰ou-ŋs- 566
 *k'⁰om 191
 *k'⁰o-s 191
 *k'⁰ou- 565₂
 *k'⁰raŋ- 693, 694, 868
 *k'⁰r-eH- 228
 *k'⁰reŋ- 233, 239
 *k'⁰r-oH- 231
 *k'⁰r- 175
 *k'⁰rH- 205
 *k'⁰rŋ- 93, 199, 413
 *k'⁰r- 205
 *k'⁰r-t[h]l- 93, 413
 *k'⁰u- 565, 575
 *k'⁰u- 565₂
 *-l- 394
 *laH(y)o- 740, 884
 *laŋ[h]l- 536
 *laŋ[h]s- 536
 *laŋ- 740, 884
 *leb[h]ont[h]l- 524, 525
 *leb[h]l-ont[h]l-//*leHb[h]lo- 867
 *leg[h]l- 216, 877
 *lēg[h]l- 654₂
 *leg[h]o- 782
 *leHb[h]lo- 525
 *leĭg[h]l- 111₁
 *leĭk[h]o- 89₁, 163, 217, 224
 *leĭk'- 806, 807, 884
 *lek'- 827₁
 *lek'-/*lok'- 941
 *les- 827₁
 *leu- 508, 509₁, 510, 867,
 *leud[h]ero- 477, 481, 885
 *leuk[h]l-/*luk[h]l- 'светить'
 512, 883
 *leuk[h]l- 'рысь' 867
 *leu-os 508
 *liŋ- 224
 *liŋHu- 211
 *liĝ-tho- 111
 *li-k[h]o- 163, 224
 *liŋo- 659, 660, 660₁, 661, 704, 868, 884
 *loH- 216, 224
 *loHŋ- 171
 *loH⁰- 171
 *louk[h]oĭe/o- 178
 *louk[h]snā- 685
 *luk-t[h]o- 148
 *luk[h]eĭe/o- 178
 *luk[h]l-es- 218
 *lūs- 535, 867
 *l[h]ont[h]l- 524
 *-m 342, 344₁, 394
 *-m- 360
 -m-/-H- 343
 *maHk[h]l- 209
 *maHlo- 642, 868
 *maHt[h]er- 765, 767, 769, 770, 771
 *-mai 390, 390₁
 *manu- 475, 481, 759
 *mar-k[h]o- 554, 732
 *mat[h]l-//*mot[h]l- 877
 *māt[h]ler- 49, 913₃
 *māt[h]ler-s 184
 *māt[h]ler-∅ 184
 *me 254
 *me-/*ŋ- 225
 *-me 293₁
 *med[h]io- 485, 490, 492
 *med[h]u- 603, 604, 604₁, 605, 607₁, 703, 868, 874, 937
 *med[h]u-et'- 488
 *meH- 684, 691
 *meH(i)- 691, 868
 *meH-s-//meH-n- 684
 *meŋ- 160, 172
 *meĭ- 754, 885
 *meĭ(-n-) 754
 *mek'H- 782
 *mek'-jos-s 185

- *mek'-lōs 185
 *mel- 'молоть' 220, 231, 658, 692, 693, 694, 868
 *mel- 'черный' 783
 *mel- 'говорить; молвить' 503₁
 *meld(h)- 803
 *mel-i-t(h)- 603, 604, 605, 568, 874
 *melk'- 569, 569₃, 570, 570₁, 571, 869
 *mel(e)k'-/*m]k'-s- 110
 *melēte 254
 *mel- 220
 *mel-/*m- 'думать' 176, 216, 224, 472, 472₄, 813, 835₁
 *mel(e)n- 'возвышаться' 566₁
 *mel- 248₁
 *mel(e)n-t(h)- 666, 866
 *mel- 'умирать' 475, 476
 *mel-og- 'темный' 646
 *merk(h)ᵒ- ~ merk'ᵒ- 143₁
 *mes 292, 293
 *mes 248
 *met'- 811
 *meuk(h)- ~ *meuk'- 143₁
 *me)us- 663, 867
 *meu-/*mu- 818
 *mēms-o- 698
 *mēk(h)-ro- 209
 *mēn- 807
 *mēn-t(h)- 806
 *mē(i) 295, 329, 330, 331, 332, 336, 339, 343, 358, 390
 *mēs 382
 *mēn- 231
 *mē-/*mul- 693
 *mēk'- 98₁
 *mē-(o)- 202
 *mē-mé 255
 *mē- 757
 *mē- 176
 *mē- 670
 *mē- 199
 *mē- 331
 *mē- 393, 394
 *mē- 331, 394, 395
 *mē- 666₁, 815
 *mē- 55
 *mē- 390
 *mē-/*māg- 672
 *mē(i) 943
 *mog-m(o)- 222
 *m(o)r-t(h)ᵒ- 475
 *mog-μ-/*mog-m- 174, 527₂
 *mōgo- 645, 868
 *mreg(h)- 813₁
 *mreg(h)u- 782
 [*muḡh-/*mugtho-] 110
 *muk'- 803, 807, 884
 *mu(s)- 534, 867
 -mus-/-mos 382
 *mūs 185, 531, 867
 *-n- 343, 344, 345, 346
 *naH- 172, 804, 807, 884
 *-n-(a)H- 345
 *naHu- 674, 870, 874, 950
 *nas- 814
 *nas-s 185
 *nāu-s- 825
 *nāu- 634₃
 *ne- (местоим.) 293₁
 *ne-/*n- (отрицание) 218, 225, 254
 *neb(h)- 667, 668, 668₁
 *neb(h)es- 167, 186, 218, 866
 *neb(h)es- leuk(h)-e 297
 *ne/og(h)ᵒ- 100, 168
 *-n-(e)k(h)- 345
 *nek(h)ᵒ- 215, 216
 *nek(h)ᵒ-t(h)- 168
 *ne/ok(h)ᵒ- 215, 791₁
 *(n)em- 754, 885
 *nep(h)ōt(h)- 767, 767₂, 768, 768₁, 769, 771
 *nep(h)ōt(h)-s 183
 *nep(h)ōt(h)- ī 769, 771
 *ner-s 190
 *nes- 762₂
 *-n-(e)-s- 345
 *-n-es-k(h)- 345
 *-n-(e)u- 345, 347
 *neuaH₂- 158
 *neu(e)n- 846, 848, 850
 *neuḡ-k(h)omt(h)- 848
 *neuo- 783, 850
 *nē-mn- 472₄
 *nēr 190
 *nēH-om 210
 *nēH-ont(h)- 210
 *nī- 781
 *nob(h)-/*n(b)h-/*n(b)h- 817
 *nog(h)ᵒ- 168
 *nok(h)ᵒ- 183, 183₁
 *nom(e/o)n *d(h)leH- 833
 *not'-/*n't'- 257₃
 *-nt(h)- 677
 *-nt(h)oi 390
 *-nt(h)or 390
 *nu/*no 359, 360, 362, 364
 *nug(h)ᵒ- 168
 *nuk'ni- 257₄, 274, 699₂, 831
 *n-μr-t(h)ᵒ- 475, 823
 *ns-me, ns-mé 254, 255
 *n-t'u- 201
 *n-t'u-ont(h)- 748
 *-o- 342, 343
 *-ō 374
 *og(h)ᵒ- 526
 *og(h)ᵒ-/*ang(h)j- 867
 *-[o]H 329, 341
 *o(H)us- 786₄, 812
 *-oi 383, 390, 394, 395
 -oi/-ai 390, 395
 *oi- 843
 *oi-k(h)- 843
 *oi-no- 843
 *ois-/*oHs-/*cus-t(h)- 814
 *oi-uo- 843
 *ok(h)t(h)(o)- 850, 879
 *ok(h)t(h)ō-k(h)omt(h)- 848
 *ok(h)t(h)ōu 281₂, 846, 848, 849, 850
 *olg(h)ᵒ-/*ig(h)ᵒ- 925₁
 *olinā 518₁
 *-om- 360
 *omb(h)- 878
 *-o-m(i) 329
 *ong(h)ᵒ- 704, 868
 *onk(h)-o- 941
 *onk(h)-o- 925
 *(o)nom 937
 *-ont(h)j 46
 *ont'-/*n't'- 666, 670, 866
 *og- 'стоять; вставать' 295, 671₁, 672
 *og- 'молить; запрашивать' 802, 807
 *orb(h)ᵒ- 747, 885
 *org(h)-i- 817
 *orgu- 200
 *ors- 817
 *og-u-n- 866

- *-os (формант им. п.) 376
- *-os- 360
- *-(o)s (формант род. п.) 376, 377, 383, 394, 397
- *-(o)s|o 376, 377, 379, 393, 397
- *osk[th]ā 942
- *oso 385, 386
- *-oso (формант род. п.) 378
- *osono- 868
- *ost[th]- 203
- *-ot[th]- 360
- *ot[th]o 385, 386
- *-ot' 377, 379
- *ous-/*ois- 191₁
- *oцi-p[th]ā- 43
- *-ō (формант род. п.) 376, 377, 379, 382, 394
- *-ō (формант твор. п.) 380, 394, 396
- *-ōjs 382, 394, 396
- *ōk[th]u- 537
- *ōk[th]u-p[th](e)t[th]-er- 537
- *p[th]- : *эp[th]- 247
- *p[th]aH- 172, 203, 868, 883
- *p[th]aH-//*p[th]oH(i)- 695
- *p[th]aHs- 158, 203
- *p[th]ak[th]- ~ *p[th]ak' - 143
- *p[th]ars-//*p[th]art' - 867, 882
- *p[th]ā- 203
- *p[th]āk[th]s 183
- *p[th]e- 218
- *p[th]e'- 960
- *p[th]-eH- 227, 239
- *p[th]e|/*p[th]i- 631, 632
- *p[th]e|k[th]-/*p[th]i-k[th]- 632, 632₂
- *p[th](e)k[th]. 590₂
- *p[th]e|k[th]. ~ *p[th]e|k'- 143
- *p[th]e|s- /*p[th]is- 692, 694, 868
- *p[th]e|sk[th]-/*p[th]isk[th]- (др.-европ.) 536, 943
- *p[th]ek[th] 146, 152, 577, 578, 579, 579₂, 580, 585, 884
- *p[th](e)k[th]-o- 590₂
- *p[th]ek[th]u- 468, 469, 469₂, 477, 481, 483, 491, 513, 577, 579, 579₁, 579₂, 580, 584, 585, 938₁.
- *p[th]ek[th]o- 146, 410₁, 699
- *p[th]el- 'шкура' 227, 228₁
- *p[th]el- 'гладкий, ровный' 673
- *p[th]el- 'складывать' 706₁
- *p[th]el- 'крепость' 744, 744₂, 885
- *p[th]elek[th]u- 716, 716₂, 739, 874
- *p[th]elH- 'кожа, шкура' 227
- *p[th]elH- 'полный; шнрокный' 198, 205, 234, 235, 239, 240
- *p[th](e)l-H-/-t[th]- 781
- *p[th]el-k[th]- 228₁
- *p[th]el-t[th]- 163
- *p[th]e/o|t[th]- 228
- *p[th]enk[th]e 410₁, 845, 847, 849
- *p[th]enk[th]e-k[th]om[th] 847
- *p[th]enk[th]o(t[th])- 850
- *p[th](e)nk[th]o-t[th]- 849
- *p[th]enk[th]o-t[th]o- 845
- *p[th]er- 239
- *p[th](e)г-H- 843
- *p[th]erk[th]- 'пестрый' 536₁, 594
- *p[th]erk[th]- 'борозда' 689, 868
- *p[th]erk[th]-/p[th]rek[th]- 237, 239, 241
- *p[th]er(k[th]o)- 410₁, 866, 880₁
- *p[th]er(k[th]o)-/*p[th]eru- 866
- *p[th]erk[th]u- 614, 614₁, 615, 619, 669, 866
- *p[th]er(k[th]o)u-n- 615
- *p[th]er(k[th]o)u-no- 792, 793, 794, 795, 796, 797
- *p[th]er(k[th]o)u-s 617
- *p[th]eru- 614
- *p[th]es-os- 817
- *p[th]et[th]- 57, 62, 146₁, 152, 153, 216, 224, 226, 537
- *p[th]et[th]-r-/-n- 226
- *p[th]et'- 38, 43, 57, 146₁, 154, 786₂
- *p[th]e/ot'- 812
- *p[th]et'-m 271
- *p[th]et'-om 272, 276
- *p[th]et'-s 271, 276
- *p[th]eu- 632
- *p[th]euk[th]- 632, 633
- *p[th]euk[th]-/p[th]uk[th]- 631
- *p[th]e/ot'-s 183
- *p[th]Hug 210, 274, 699, 699₂
- *p[th]H-s- 209
- *p[th]H[th]er- 765, 765₂, 767, 767₃, 769, 770, 913₃
- *p[th]H[th]er-b[th]i-om 250
- *p[th]H[th]er-s 184
- *p[th]H[th]er-∅ 184
- *p[th]H[th]guцio- 767₃, 769, 771
- *p[th]ik[th]- 631, 632, 632₂
- *p[th]ik[th]-/*p[th]ek[th]- 632
- *p[th]ink[th]-/*p[th]ink[th]t[th]- 110
- *p[th]ip[th]oH- 220
- *p[th]ip[th](o)H- 220
- *p[th]i[th]- 631, 633, 867
- *p[th]k[th]- 152
- *p[th]k[th]u-(o)lo- 469₂
- *p[th]l-a-r-/-n- (др.-европ.) 943
- *p[th]leH- 234, 239, 240
- *p[th]leH-|o-s 781
- *p[th]l-ek[th]- 228, 228₁, 706, 706₁, 884
- *p[th]leу- 674, 675, 680, 815, 870, 950
- *p[th](e)у-mon- 815
- *p[th]H- 200, 205, 240
- *p[th]H-(no)- 781
- *p[th]Hу- 199
- *p[th]i-t[th]- 163, 200
- *p[th]i-t[th]-H-eу- 250
- *p[th]i[th]Hu- 199, 250
- *p[th]i[th]Hu-i 284
- *p[th]i- 205
- *p[th]i-n- 93
- *p[th]it[th]-H- 55
- *p[th]oH(i)- 402, 426, 702, 703
- *p[th]oH-s- 209
- *p[th]ol- 'щит' 739
- *p[th](o)l- 'половина' 779
- *p[th]orH- 883
- *p[th]or[th]o- 594, 868
- *p[th]ot[th] 360, 362, 364
- *p[th]ot[th]- 168, 758, 758₂, 767, 767₂, 770
- *p[th]ot[th]nī 759
- *p[th]ot'- 38, 43, 154
- *p[th]rek[th]- 237, 239, 241

- *rek[h]l-sk[h]e-mi 250
 *rep[h]l- 96₁
 *reu- 534
 *reu-so- 682
 *r-i 883
 *r-is-mo- 843
 *r-is-t[h]o- 843
 *rō- 688₂
 *rH- 198, 200
 *r-H-mo- 843
 *r-H-uo- 843
 *r-k[h]l- 176, 241
 *ros 199
 *r-sk[h]l- 108
 *r[t]hl-H-(u)- 55
 *r[t]hl- 152, 153, 224
 *r[t]hl-er-/-n- 218, 226
 *r[t]hler-om 272
 *rūr- 657, 658, 868
 *rur- 636, 637, 867
 *r[ep]opt[h]l- 523, 585,
 7, 872
 *r[ep]os-t[h]l- 816
 *r[ok]'- 585, 586, 589,
 9₂, 868
 *r[ep]h]l- 515, 585,
 86, 593, 867
 *rmo- 778
 *rer- 247
 *r[ep] 392, 394
 *r[i]j- 747, 885
 *r[k]'- 751₂
 *r- 172
 *r- 'царь' 183, 216,
 71, 751₂, 752
 *r- 'мочить; орошать'
 *r[ep] 216, 719
 *rud[h]l- 711, 712, 876,
 7
 *r[k]hl- 511
 *r- 511
 *r[t]hl- 712, 714,
 75₂
 *r[ep]i- 172
 *r- 885
 *r-n-)i 284
 *r-s 183
 *r 331, 336
 *r-o- 707₁, 718, 719,
 721, 869
 *r- 712
 *r- 200
 *s- 248₂
 *s- (s⁰-) 336
 *s-: *es- 247
 *s 374, 386
 *-s- 389₁
 *sak[h]l- 801, 807, 884
 *sal- 116, 674, 703, 866
 *sar- 186
 *s(a)uHel-/n- 684
 *saus-/*sus- 59
 *sā 384, 386₁, 394, 396
 *sāk'- 805, 807, 884
 *sāuel- 117, 196, 210₁
 -se- /-si- 360
 *seb[h]lo- 303₁
 *seg[h]l- 152, 155, 289
 *seg[h]l-/*seg[h]l-s-
 110, 111₂
 *seq-^{tho}- 111
 *seH(i)- 688, 689, 704,
 705, 835, 868
 *seHur- 817
 *seH- 160, 172
 *sek[h]l- 155
 *sek[h]lūr- 874
 *sek[h]o- 216, 696, 697
 *sek'- 155
 *sel- 745
 *selk'- 697
 *selp[h]l- 703, 868
 *se/om- 842
 *sem-l- 640₁
 *sen- 783₁, 853₁
 *senH- 198, 259₁
 *sen-^{jos}-s 185
 *sen-^{lōs} 185
 *se/onu 233, 239
 *sep[h]l- 829₁
 *sep[h]t[h]l-mo- 846
 *sep[h]t[h]m 199, 846,
 848, 849, 875, 926
 *sep[h]t[h]m-k[h]omt[h]l-
 848
 *ser- 227
 *serk[h]l- 807, 884
 *serp[h]l- 'ползти' 217, 224,
 526
 *serp[h]l- 'серп' 691, 692,
 868
 *ser-u- 227
 *se/oru- 740, 884
 *ses- 96₁, 248₂, 295
 *set'- 36, 116, 118, 152,
 155, 295, 419
 *set'-^{thos}- 33₂, 70
 *seu-/sū- 'рождать' 597,
 597₂, 878
 *seuk[h]l-~*seuk'-
 143₁
 *seu/*su- 'выжимать сок,
 давить' 653
 *seu-/*su- 'дождить' 679,
 680, 866
 *seuH-/*suH- 765
 *sē 422
 *sēm- 843
 *sēmen- 689
 *sēm-i- 843
 *sēr 186
 *sg[h]l- 152, 155
 *sH-^{io}- 210₂
 *sHⁱ-u- 705
 *sHomen- 835
 *sHH-^{óm} 210,
 *-s(i) 295, 342, 343
 *s-^{ieH}-m 340
 *s-^{ieH}-s 340
 *s-^{ieH}-t[h] 340
 *s-^{lo} 351, 378, 379, 379₂,
 381, 393, 397
 *s^{iu}(H)- 704, 705, 835,
 884
 *sk[h]l- 155
 *sk[h]le^{it}'-/*sk[h]le^{it}'-
 112
 *sk[h]el- 44, 55
 *sk[h]er 707, 884
 *sk[h]er/n-(t'-) 817
 *sk[h]o- 155
 *sk'- 155
 *(s)k'reb[h]l- 624
 *(s)k'rōb[h]o- 624, 866
 *sl- 419
 *smek[h]l-r-/*smek[h]l-r-
 112, 113
 *smmo- 199, 202
 *s-[mo]- 388
 *sneH- 704, 884
 *sneH-(i-/u-) 704
 *sne^{ig}[h]o- 681, 866
 *sneu-r-/-n- 816
 *sne/oru- 233, 239
 *(s)ne^{ub}[h]l- 761₁
 *snuso- 761, 763, 771
 *sqH- 198
 *sp[t]h]o- 810
 *so 218, 275₁, 359, 360,
 362, 364, 384, 386₁,
 387₁, 394, 396
 *so//*su 359
 *-so(i) 331, 390

- *sok^[h]t^[h]o- 811₂
 *sol-(y-) 812₁
 *som 360, 362, 364, 365₂
 *s(o)nt^[h]. 810
 *sont^[h]-m 272
 *sont^[h]-s 271, 272
 *sor- 764, 764₄
 *sot'-io-(m) 419
 *sp^[h](e)H- 55
 *sp^[h]elēg^[h]. 815
 *sp^[h]lent'- 884
 *sp^[h]e/ont'- 652, 703, 808₁
 *sp^[h]ler- 44, 55
 *sp^[h]lerHk'- 205
 *sp^[h]ler-k'- 541
 *(s)p^[h]ik^[h]o- 541, 542, 867
 *(s)p^[h]ink'o- 542
 [*sp^hon-dh-] 44
 *sp^[h]rHk'- 205
 *sp^[h]r- 196
 *sp^[h]r'k'- 205
 *sr-e-y- 227
 *sriH-s 185
 *sriH-∅ 185
 *srīk'- 682
 *spr^[h]. 224
 *st^[h]aH- 55, 159, 166, 203, 208, 295, 885
 *(s)t^[h]aHi- 748
 *st^[h]ā- 159, 203, 480, 553
 *(s)t^[h]el'k'- 500₁
 *-st^[h]er- 176
 *s(t^[h])erk'- 811₂
 *st^[h]euro- 520₂
 *st^[h]H- 166
 *st^[h]H-t^[h]o- 208
 *s/t^[h]ist^[h]aH- 220
 *-st^[h]r- 176
 *st'- 118, 152, 155
 -s-u//-s-i 394, 396
 *su(H)-o-//*su(H)l-o- 766
 *su^o-//*sūnu- 765
 *sup^[h]. 117, 224
 *sut^[h]u- 597
 *su-t'iey- 793
 *sū- 'семья' 764₅
 *sū- 'рождать' 597₂
 *sū- 'свинья' 593, 594, 594₂, 596₂, 597, 597₂, 598, 868, 877
 *suā'- 117
 *sue- 219, 254, 254₁, 764, 830
 *sueit'- 117
 *suek^[h]ru-/*suek^[h]uro- 112, 374
 *suek^[h]. 108
 *suek^[h]ru- 374
 *suek^[h]ruH- 374
 *suek^[h]uro-s- 374
 *suel-/*sāuel- 117
 *suel-/*suen- 188₂
 *sue-me 254
 *suen- 196
 *suent^[h]o- 801
 *suep^[h]. 117, 217, 224
 *sue-sor- 219, 280
 *suesor-m 272
 *suesor-s 184, 271, 272
 *suesor-∅ 184
 *sue(H)-nu- 766, 767, 768₁, 769, 770, 771
 *suo- m^[h]i-m mer-/m^[h]- 830
 *s-wé 255
 *sam(a)lu- 639, 640, 640₁, 641, 642, 868
 *sam]- 881
 *sek^[h]uo- 560₂, 564
 *se/ok^[h]o. 696, 697, 786₁, 812 (см. также *sek^[h]o-)
 *sk^[h]. 343
 *s'o-e- 760, 764, 764₅
 *s'o-ei- 125₁
 *s'oek^[h]l 125₁
 *s'oek^[h]r- 760
 *s'oek^[h]ru-/*suek^[h]ru- 125
 *s'oek^[h]ruH- 760, 763, 770
 *s'oek^[h]s- 845, 847, 849, 878
 *s'oek^[h]s-k^[h]omt^[h]. 847
 *s'oek^[h]-t^[h]o- 845
 *s'oek^[h]uro- 125₂, 760, 763, 770
 *s'o(e)lik^[h]. 628, 867
 *s'oelk^[h]l //suek^[h]l- 689, 868
 *s'oer- 783₂
 *s'oesor- //suesor- 125
 *s'oesor- 764, 765, 769, 770, 771
 *terp^h- /*trep^h. 31
 *-t^[h] 386
 *-t^[h]. 361₁
 *-t^[h]a-d^[h](i) 331
 *t^[h]aH-l-/*t^[h]H-l- 877₂
 -t^[h]a-(i)//-t^[h]a-d^[h](i) 331
 *-t^[h]a-r(i) 331
 *t^[h]agro- 519, 521, 575, 579, 755₂, 867, 872, 967
 *t^[h]am 384
 *t^[h]e 218, 254
 *-t^[h]e 293
 *t^[h]ek^[h]l. 152, 153
 *t^[h]ek^[h]s- 705, 783, 784, 835, 884
 *t^[h]ek^[h]o. 146₁, 153, 670, 866
 *t^[h]el- 176
 *-t^[h]el- 247, 248₁
 *t^[h]en- 38, 782
 *-t^[h]en 248₁
 *t^[h]ep^[h]l. 153, 146₃, 147, 253, 683, 866, 879, 879₁
 *t^[h]er- 221₁, 231, 706, 884
 *-t^[h]er 247, 248₁, 426
 *t^[h]er-H- 57, 176, 198, 205, 321, 420, 822₄
 *t^[h]erH- /*t^[h]rH- 822₂
 *-t^[h]ero- 388, 394
 *t^[h]erp^[h]l- 221₁
 *t^[h]ers- 44, 217, 237, 239, 419
 *t^[h]et^[h](e)r- 541, 867
 *t^[h](e)ue 254
 *t^[h]eyt^[h]l. 38, 749, 943
 *-t^[h]Ha 55, 245, 295
 *t^[h]Hai 301
 *-t^[h]Hor 390
 *-t^[h](i) 295, 342, 343, 360
 *t^[h]k^[h]l. 152, 153
 *t^[h]]- 176
 *t^[h]gnu- 199
 *t^[h]o 218, 359, 360, 362, 364, 384, 385, 386₁, 387₁, 394, 396
 *-t^[h]-o 331, 392
 *-t^[h]o- 32, 66₁, 406, 419
 *-t^[h]-o-i 331, 390
 *t^[h]om 384
 *-t^[h]or 390
 *t^[h]or-t^[h]or- 221₁
 *t^[h]or-t^[h]orp^[h]l- 221₁
 *t^[h]o-t^[h] 275₁
 *t^[h]r-eH- 231

- *t^[h]rei- 217, 224, 845, 849
 *t^[h]rem- 217
 *t^[h]rep^[h]l. 217, 224
 *t^[h]res- 237, 239
 *t^[h]ri- 224, 845, 847
 *t^[h]ris 845
 *t^[h]ri-k^[h]omt^[h]l. 847, 847₁
 *t^[h]r- 196
 *t^[h]rH- 176, 198, 200, 205, 822
 *t^[h]r^[h]p^[h]l. 224
 *t^[h]r- 93, 205
 *t^[h]us-k^[h]mp^[h]om 848
 *t^[h]ue- /*t^[h]u 219, 225
 *t^[h]-wé 255
 *t^[h]oak^[h]l. 812
 *t'-: *et'- 247
 *t'aH^[h]l. 701, 884
 *t'aj^uēr- 77, 760, 763, 771
 *t'ak^[h]ru- 816
 *t'ap^[h]l. 875, 879₁
 *t'eĭ- 227, 243, 791
 *t'eĭk^[h]l. 175, 806, 884
 *t'eĭu- 36, 226, 242
 *t'eĭuiH-s 185
 *t'eĭuiH-∅ 185
 *t'eĭu-o- 242, 791
 *t'eĭu-om 272
 *t'eĭu-os 271, 272, 799
 *t'ek^[h]l. /*tek^[h]l-s- 110, 146₁, 155,
 *t'ek^[h]l-m 155, 196, 229, 846, 961
 *t'ek^[h]l-mp^[h]l. 155, 199, 846, 850
 *t'ek^[h]l-u- 229
 *t'el- 230
 *t'(e)lHg^[h]l. 205, 230
 *t'elH(n)g^[h]l-o- 782
 *t'e/om- 742₃, 749
 *t'emH- 198, 206, 483₃, 575
 *t'em-r- 640₁
 *t'ens- 175
 *t'ent^[h]l. 542
 *t'ent^[h]l-m- 271
 *t'ent^[h]l-s- 271
 *t'er- 223, 231, 233, 707, 884
 *t'er^[h]l. 163, 217, 224
 *t'er^[h]l-e]o-t^[h]i 250
 *t'e/or-u- 17, 217, 223, 224, 233, 239, 617₂, 866
 *t'e/oru- /*t're/ou- 612
 *t'er-u-aH 282
 *t'eru-om 272, 282
 *t'eruo-s 196
 *t'eu- 230
 *t'euk^[h]l. 174, 585
 *t'Ĥ- 210
 *t'Ĥ-s^[h]l. 209
 *t'Ĥ-t^[h]o- 208
 *t'Ĥ^o- 166
 *t'i- 243
 *t'ig^[h]l. 586₁, 877
 *t'i-k^[h]l. 163, 175
 *t'it'oH- 220
 *t'i-u- 242, 791
 *t'i-u-es 223
 *t'iu^os 250
 *t'ieu- 36, 223, 226, 242, 243, 475, 481, 684, 791
 *t'ieu- /*t'iu- 475, 476, 792, 798
 *t'ieus 46
 *t'ieus-p^[h]Ĥt^[h]er- 777, 791, 792, 793, 795, 796, 797
 *(t')k^[h]mp^[h]l. 846, 847
 *(t')k^[h]mp^[h]l-om 846
 *t'k^[h]l-om- 229
 *(t')k^[h]l-omt^[h]l. 847, 848
 *t'lg^[h]l. 205, 209, 230
 *t'lg^[h]l. 205
 *t'mH- 198, 206
 *t'm- 206
 *t'ng^[h]uH- 814
 *t'ns- 175
 *t'ns-u- 200
 *t'oH- 203, 208, 209, 753, 754, 756, 757, 885, 942
 *t'oH₃- 159
 *t'oH^o- 166, 171
 *t'oHt^[h]er-m 272
 *t'oH-t^[h]er-s 184, 271, 272
 *t'oH₃-t^[h]ēr-∅ 184
 *t'oHu- 171
 *t'ok^[h]l. 155
 *t'om- 41, 50, 741, 741₂, 741₃, 742, 742₂, 772, 885
 *t'om-~d^[h]ur- 743
 *t'om-H-s- 209
 *t'(o)ru- 617, 619, 622
 *t'ō 41, 50, 159, 203
 *t'r-eu- 174, 223, 224, 233, 239
 *t'reu-os 508
 *t'r-oH- 231, 233
 *t'r-u- 223
 *t'rk^[h]l. 163, 199, 224
 *t'uk^[h]l. 174
 *t'us- 780
 *t'us-t'ieu- 793
 *t'u- 281₁
 *t'u-aH- 230
 *t'uei-p^[h]l-o- 779
 *t'u-i- 843₁, 844, 846
 *t'u-i-p^[h]le/ot'- 843₁
 *t'u^{is} 845
 *t'ui-t'k^[h]mp^[h]l-iH- 843₁, 846₁
 *t'uo- 844, 849
 *t'uō 219
 *t'oe- 850
 *t'oo- 844
 *-u- 342, 343
 *-uH-s 374
 *uk^[h]l^os-en- 566
 *u-n-et-t^[h]i 248
 *u-n-t'^{nt}^[h]i 248, 250
 *up^[h]er 38
 *us- 223
 *us-mé 225
 *ut^[h]l-/*ut'- 243
 *-ū 374, 393
 *uās^[h]l-o- 781
 *uāt^[h]l. 799, 835
 *ue- 293, 293₁
 *ue/*ne 254
 *ueb^[h]l. 535
 *ued^[h]l. 942
 *ueg^[h]l. 108, 546₁, 719, 723, 869, 942
 *ueg^[h]l-/*og^[h]l-s-> uoks- 110, 412
 *uei- 292, 293
 *u(e)i-t^[h]i- 650
 *u(e/o)i-t^[h]u- 650
 *ueĭ- 628, 650₂, 654
 *ueĭ-/*ui- 649, 650
 *ueĭk^[h]l. 803₃
 *ue/oĭk^[h]l. 742, 885
 *ueĭn-āk'- 649₂, 881

* $\mu(e/o)\text{fn-o}$ 647, 648, 650, 703, 868, 881, 968
 * $\mu(e/o)\text{l-o/-ā}$ 650
 * $\mu\epsilon\text{t}'$ 494
 * $\mu\epsilon\text{t}'-(n)$ 492, 494, 867
 [* $\mu\epsilon\text{t}'-t[h]o-$] 33₂
 * $\mu\epsilon(i)\mu\epsilon\text{r}$ 522
 * $\mu\epsilon(ok[h]o-/*uk[h]o-$ 148, 216, 224, 472, 803₂, 835
 * $\mu\epsilon\text{l-}$ 'раздирать, убивать' 492₁, 513
 * $\mu\epsilon\text{l-}$ 'луг', 'пастбище мертвых' 842, 836, 898
 * $\mu\epsilon\text{nd}[h]$ 729₁
 * $\mu\epsilon\text{r}$ 'говорить, звать' 216, 231
 * $\mu\epsilon\text{r-}$ 'изгибаться' 222₁
 * $\mu\epsilon\text{r-}$ 'вереск' 662, 663₁, 867
 * $\mu\epsilon\text{r-}$ 'гореть' 683
 * $\mu\epsilon\text{r-}$ 'защищать' 741, 884
 * $\mu\epsilon\text{r-}$ 'вода' 882
 * $\mu\epsilon\text{r-}$ 'смотреть' 808
 * $\mu\epsilon\text{rd}[h]$ 37, 236, 239
 * $\mu\epsilon\text{rk}'$ 221
 * $\mu\epsilon\text{rk}'/*\mu\epsilon\text{rk}'$ 223, 236, 239
 * $\mu\epsilon\text{r-n}$ 635
 * $\mu\epsilon\text{rs}$ 680
 * $\mu\epsilon\text{rs-en}/*\mu\text{rs-en}$ 566
 * $\mu\epsilon\text{s}$ 292
 * $\mu\epsilon\text{s-}$ 'хороший' 216
 * $\mu\text{-es}$ 229, 229₁

* $\mu\epsilon\text{s-}$ 'увлажнять' 525
 * $\mu\epsilon\text{s-}$ 'одежда' 705
 * $\mu\epsilon/os-(n-)$ 747
 * $\mu\epsilon\text{sr-}/n-$ 853₁
 * $\mu\epsilon\text{s-r}/\eta-(t[h]-)$ 690₂
 * $\mu\epsilon\text{s-t}[h]\text{er}$ 695, 868
 * $\mu\epsilon\text{st}[h]\text{r-om}$ 272
 * $\mu\epsilon\text{su-}/*\text{su-}$ 245₁, 780
 * $\mu\epsilon\text{t}[h]o-$ 783
 * $\mu\epsilon\text{t}'$ 'вести' 190
 * $\mu\epsilon\text{t}'/*\text{ut}'$ 'вода' 248, 671, 942
 * $\mu(e)\text{t}'\eta-t[h]-(os)$ 188
 * $\mu(e)\text{t}'or-t[h]$ 188
 * $\mu(e)\text{t}'\text{or}$ 188
 * $\mu(e/o)\text{t}'\eta-t[h]$ 849
 * $\mu\text{id}[h]\text{e}\mu-$ 759, 759₃
 * $\mu\text{i}o\text{ln}o-$ 647
 * $\mu\text{it}'-t[h]o-$ 52, 70, 406
 * $\mu\text{i-k}[h]\text{m}t[h]$ 847₁
 * $\mu\text{i-k}[h]\text{m}t[h]-(iH)-$ 846, 846₁
 * $\mu\text{i-k}[h]s-$ 644₂
 * $\mu\text{i}\eta-$ 468, 469
 * $\mu\text{i}\eta\text{o-}$ 481
 * $\mu\text{i}\eta\text{o-p}[h]\text{e}\text{k}[h]u-$ 471
 * $\mu\text{i}\eta\text{o-p}[h]\text{e}\text{k}[h]o-$ 513₂
 * $\mu\text{i}\eta\text{o-p}[h]\text{e}\text{k}[h]\mu\text{o-}$ 470
 * $\mu\text{i-o-p}[h]\text{e}\text{k}[h]-\bar{a}$ 513, 513₂, 867
 * $\mu\text{i-o-p}[h]\text{e}\text{k}[h]\mu-(\bar{a})$ 513
 * $\mu\text{i}[k]h]o-$ 176, 492, 492₁
 * $\mu\text{i}[k]h]o-/*\mu\text{i}[p]h]$ 494, 495₁, 867

* $\mu\text{i}[k]h]o-iH$ 284
 * $\mu\text{i}[k]h]o-i$ 284, 285
 * $\mu\text{i}[k]h]o-o-$ 199
 * $\mu\text{i}[k]h]o-om$ 272, 285
 * $\mu\text{i}[k]h]o-os$ 271, 272, 284
 * $\mu\text{i}[k]h]o-s-i\text{o}$ $\mu\text{o}\bar{k}[h]o\text{s}$ 270₂
 * $\mu\text{i}[p]h]$ 492, 492₁, 513
 * $\mu\text{i}[p]h]-i/-\bar{e}$ 513
 * $\mu\text{ob}[h]s\bar{a}-$ 535
 * $\mu\text{og}[h]o\text{ni-}$ 689
 * $\mu\text{og}[h]o-$ 723, 730
 * $\mu\text{of}[k]h]$ 743, 799
 * $\mu(o)\text{i}\text{t}'$ 836₁
 * $\mu\text{ok}[h]o-$ 168, 183
 * $\mu\text{ord}[h]$ 37
 * $\mu\text{or-m-}$ 222, 222₁
 * $\mu\text{ort}'-/*\mu\text{rt}'$ 867
 * $\mu\text{os-u}$ 478
 * $\mu\text{ot}'$ 675₂
 * $\mu\text{ot}'-or/n-$ 35₁, 529, 530 Φ
 * $\mu\text{ot}'-or/-ent[h]$ 675₂
 * $\mu\text{ot}'or-t[h]$ 273, 274
 * $\mu\text{ot}'ort[h]$ $p[h]iH-e$ 297
 * $\mu\text{o}\bar{k}[h]o-s$ 183
 * $\mu\text{r}(\bar{a})\text{t}'/*\mu\text{r}(o)\text{t}'$ 663
 * $\mu\text{red}[h]$ 236, 239
 * $\mu\text{r-eH-}$ 231
 * $\mu\text{rek}'$ 223, 236, 239
 * $\mu\text{r-en-}$ 584
 * $\mu\text{ro}\bar{a}-k[h]o-$ 662
 * $\mu\text{rot}'-/*\mu\text{rt}'$ 663
 * $\mu\text{rug}[h]o-$ (др.-европ.) 658
 * $\mu\text{rd}[h]o-s$ 646
 * $\mu\text{rmi-}$ 527, 527₂
 * $\mu\text{rmo-}$ 527

ОБЩЕИНДРОЕВРОПЕЙСКИЕ СЕМАНТЕМЫ

алтарь 808₁, 884
 антилопа 518, 867
 бабушка 766, 770
 / баран 868
 барс 867, 882
 бежать 174
 бежать; катиться 719
 бежать; течь 153, 878
 белый 217, 713, 714, 783
 береза 866
 блестять 791
 блестящий 714
 близнец 778
 бобр 25, 220
 бог 36, 223, 226, 242, 271, 272, 777, 791, 792, 824

богатство 580, 746, 792
 бодрствовать; пробуждаться 217
 боевая колесница 739
 боевой топор 739
 божественный 250
 болеть 811₂
 болотное растение 663
 болото 673
 большая семья 764₅
 большой, великий 185, 782
 большой, высокий 670, 879
 борода 689, 868
 бояться; почитать 172, 210, 804, 807, 884
 брат 38, 49, 184, 283, 764, 769, 770, 771

брат жены 763
 брат матери 767, 769
 брат мужа 77, 760, 763
 брат отца 769
 брат ~ давать 41, 166, 171, 203, 208, 210, 220, 753, 754, 756, 757, 885, 942
 брат; хватать 146, 217, 218, 246, 247
 бровь 786₁, 812
 бродить 643
 бронза 709, 712, 869
 будить; пробуждаться 224
 бук 621, 866
 бык, корова 191, 755₂, 868, 876
 быстрая лошадь 837

- ыстро** двигаться 218
ыстро течь 866
ыстрое течение 670
ыстротекущая река 670
ыть 198, 206, 217, 224,
 246, 247, 250, 255, 295,
 295₁, 296₁, 340, 341,
 467, 469, 741₃, 810, 928,
ыть высоким 669₁
ыть осторожным 808
ырево 703
ырить; печь 146, 410₁
ы в доме ~ вне дома 743
ыыхание 466
ыдать 494
ыди! 343
ыти (в повозке), **возить**
 723, 869
ырь 586
ыреск 662, 867
ырить 25, 69, 800, 833,
 884
ырхний 781
ырхняя часть руки
 55₁
ырховая лошадь 732
ыршина горы 665, 866,
 877
ысло 235
ысна 690₂
ысна—лето 853₁
ысти 106, 174, 190, 585,
 883, 942
ысти, **уводить** невесту 756
ыть 97, 141₁, 203, 690
ытер 866
ыта 628, 867
ытость 802, 884
ыяд 696
ыыматься 672
ыеть 155, 223, 295₁, 696
ыю 647, 648, 649, 650,
 654, 703
ыювный 810
ыюград 650, 654, 868
ыть 628, 645 649, 650,
 658, 654
ыю 643, 645, 868
ыстелин 750
ысть 806, 807
ыжить в сердцевину
 833, 837
ыух 183, 766₃, 767, 768,
 771
ыучка 771
 вода 188, 248 273, 274,
 282, 282₂, 283, 529,
 671, 675₂, 849, 862, 882,
 920, 940, 942
«вода широка» 297
воды 283
водяная птица 867
воз 723
возвращаться домой 762₂
возвышенность 669, 781,
 866
воздвигать 742₃
возить 108, 110, 412, 723
возмещать 807, 809, 884
возносить молитву 803,
 884
войско 740, 884
волк 176, 199, 271, 272,
 284, 285, 492, 492₁, 494,
 513, 867
волна 861
волос 23, 578
волчица 492
волчья 284
вор 748
воровать 748
ворон 867
восемь 846, 848, 849, 850
восемьдесят 848
воспринимать 836, 836₁
восхвалять 835
вошь 867
в поселении ~ вне посе-
 ления 743
врашать(ся) 258, 718, 869
вредить; обманывать 146₃,
 147, 151
время; измерять 172, 691
время созревания 690,
 868
вспоминать 835₁
вставать 669₁, 672
встреча 824
все пальцы руки, **вся сово-**
купность 849, 850
выгонять 653
выдавливает 679
выдыхание 466
выжимать 653, 679
вызывание дождя 679
выигрывать, приобретать
 198
вымя 569₄, 869
выправлять, выравнивать
 751, 751₂
высокая гора 837
высокий 43, 174, 224,
 668, 669, 670, 745, 781,
 866, 879, 885
глава 760
глава семьи — муж 767₂
гладкий 673
глаз 696, 786₁, 812
глина 707, 884
глотать 702
глотать; горло 175
гнида 867
говорить 224, 472₄, 835,
 835₁
говорить, произносить 803₁
голова 113, 154, 173, 205,
 284, 408, 760, 813, 876
голос; слово 183
гора 203, 664, 669, 678,
 745, 781, 866
гореть 684, 826₁
горный дубовый лес 669,
 866
горный, северный ветер
 866
горький; острый; кислый
 97
горячий 683
господин; супруг 168,
 755
госпожа 759
гость; враг; чужой
 168
граб 624, 866
граница 206, 743, 885
грецкий орех 637, 867
гроза 793
губитель скота 513
губы 814
густой; многочисленный
 22, 175, 200
гусь 112, 867
давать ~ **брать** 41, 50,
 166, 171, 203, 208, 210,
 220, 753, 754, 756, 757,
 885, 942
давать молоко 570
давать обязательство
 806, 884
давить сок 653
давний; долгий, медлен-
ный 230
дар 754
дающий 271
два 219, 281₁, 843₁, 844,
 846, 849, 850

- два десятка 846
 двадцать 846
 дважды 845
 дважды четыре 850
 две руки 850
 дверь 22₁, 43, 134₁, 180,
 217, 224, 743, 877
 двигаться, вставать 218,
 225, 246, 247, 718
 движимое имущество 580
 двойной 779
 двор 877
 двор, сад 37
 двоюродный брат 771
 двуногий 843₁
 дву-половинный 779
 деверь 760, 771
 девяносто 848
 девять 846, 848, 850
 девять десятков 848
 дед 766, 770, 773
 дед по отцу 767, 767₃,
 768
 делать 178, 706
 день 791
 дерево; дуб 174, 217,
 223, 224, 233, 282, 866
 держать 37, 143, 146,
 289
 держать; иметь 152, 155,
 289
 десяток 846, 848
 десять 38, 155, 196, 199,
 229, 846, 850
 детеныш животного 816
 дикий бык 574, 867, 872
 дикий вепрь 867
 дикий; зверь 181₁
 длинный; долгий 205, 209,
 230, 782
 длинный; худой, тощий
 209
 добро 746
 добыча 740, 884
 доверять 833
 доение 869
 дождить 679, 680
 дождливая (погода) 793
 дождь 679, 680, 866
 доить 569₃, 570₁, 571
 дойная корова 869
 доля 154₁
 дом 41, 741, 741₃, 742,
 742₃, 743, 749, 772
 дома 742, 885
 дочь 184, 243, 272, 769,
 770, 771, 766
 дочь брата 769, 771
 дочь дочеря 769
 дочь сестры 769
 дочь сына 769
 древесина 272
 дробить 692, 693, 868
 дрожать 217, 237
 дуб 618, 866
 думать, помнить; мысль
 176, 224, 813, 835₁
 дурной 780
 дурной день 793
 дуть 466, 677, 878
 дух 216, 466
 дух; дыхание; душа 237,
 823
 душить 494
 дым; удушье 102, 206
 дыхание 466, 678
 дышать 466, 678
 дышло 203, 869
 дядя по матери 767, 767₃,
 768, 770, 771
 дядя по отцу 767, 771
 дятел 867
 еда; корм 302, 702
 едящий 302, 814
 ездить в повозке 724, 869
 есть, кушать 36, 41,
 190, 217, 224, 246, 247,
 250, 295₁, 302, 302₃,
 697, 698, 701, 814, 879
 жар 708
 жара 683, 866
 жаркий 683
 жатва 690
 желанный; приятный 205
 желать 175
 желто-зеленый ~ золо-
 то 714
 желтый 714
 жёлудь 866
 желчь 816
 жена 218, 271, 283, 758,
 759, 763, 767, 769, 770,
 771
 жена брата 761, 763, 771
 жена брата мужа 760,
 763, 771
 жена деверя 760
 жена сына 763
 женщина; жена 42, 50,
 185, 272, 283, 283₂,
 758, 764
 женщина своего рода,
 своей семьи 764
 жернов 175, 693, 694,
 868, 873
 жертвоприношение 216,
 875
 жечь 26, 49, 146₁
 живой 465
 живописать 632₂
 жидкость, истекающая из
 человека и животного
 817
 жизненная сила 802, 884
 жизненное время 272
 жизнь 465
 жилое пространство 745
 жильё 741₃
 жмуриться; моргать 143,
 журавль 867
 загробный мир 823,
 836
 заднепроходное отверстие
 817
 задняя часть; спина 233
 задыхаться 466
 закон 806
 залив 673
 замечать; бодрствовать
 174
 запирать 874
 запрашивать богов 807
 запрягать 721
 заря 185
 затылок 815
 захватить добычу 740, 884
 защищать(ся) 741, 884
 заяц 521, 867
 звать 202
 звать; слово 231
 звезда 176, 685, 686, 875
 зверь; дух; душа 241
 здоровый 801
 здоровье, целостность
 812₁
 земля, почва 821, 877
 зерно 655, 694, 872, 872₂,
 883
 зернотерка 693
 зима 100, 184, 216, 224,
 226, 242, 271, 272, 681,
 853₁, 866
 зимний; снежный, ~~снеж-~~
 ной 250

- злаки 655
 змея 867
 знать, ведать 494, 836,
 836₁
 знать; узнать 36, 171,
 234, 878
 золовка 760, 771
 золото 713, 714, 876
 зрелость 802
 зуб 271, 302, 698, 814,
 879
 зубр 867
 зяблик 867
 и (союз) 270
 ива 628, 867
 иго; ярмо 272, 721,
 722
 идти 36, 108, 218, 225,
 246, 247, 295₁, 340,
 343, 696₁, 724
 изгибаться; крутиться
 222₁
 изготавливать 705, 835, 884
 излучать свет 227
 измельчать (зерно) 692,
 868
 измерять (время) 684, 691
 изобилие 183
 иметь; держать 225
 имущество 746, 747
 имя 181, 937
 искать; желать 112
 испражнения человека и
 животного 817
 истинный 810
 источник 671
 кабан 867
 камень; небо 112, 184
 «камень лежит» 297
 капать; иссякать 155
 катиться 719
 кизил 643, 645, 868
 класть; ставнть 22, 23,
 166, 203, 208, 210,
 216, 220, 224, 801, 810,
 877
 класть сердце 800
 класть (себе) славу
 834
 ключ 874
 клясться 806
 кобыла 561₁
 кожа; шкура 227
 коза 106₂, 585, 868, 872,
 877
 козел 585, 586, 868
 козленок 872
 кол 690
 колено 36, 100, 113, 173,
 233, 786₃
 колесная повозка 718,
 719, 869
 колесница 719, 737₁,
 869
 колесо 57, 62, 216, 220,
 258, 707₁, 718, 719, 720,
 721, 737₁, 869
 колоть; пронзать 236
 кольцо 817
 колючий 633
 конопля 704
 конь, лошадь 183, 271,
 272, 544, 868
 копать; яма 154
 корабль 675, 825
 корм 645
 кормить грудью 570
 корова, бык 191, 755₂,
 868, 876
 корова; олень, косуля
 113
 короткий 782
 кость 55, 816
 который 270, 387
 краб 867
 крапива 257₃
 красить 632, 632₂
 красная руда 712
 красный 711, 712, 714,
 876
 красный металл 711,
 712
 крепкий 801
 крепость 744
 кровь 251₁, 257₁, 816
 кроить 707, 884
 круг 719, 869
 крупа 693, 872
 крупный и мелкий рога-
 тый скот 580
 крутить 706₁
 крыло 226, 272
 кто 387, 387₁
 кусать 879
 кусающееся насекомое
 877
 ладья 634₂, 675
 лебедь 867
 лев 510, 511, 867
 левый 783, 784
 легкие 815
 легкий 782
 лед 682, 866
 лежать 248₂, 255, 295,
 295₃, 877
 лен 659, 660, 660₁, 661,
 704, 868, 884
 леопард 867, 882
 лепить 33, 37, 43, 49,
 705, 707
 лететь 57, 146₁, 152, 153,
 216, 224, 226
 лето-осень 853₁
 лизать 111₁
 лиса 513, 867
 лить, наливать 216, 224,
 680
 лицо 814
 лишенный нмущества 747,
 885
 лоб 814
 лодка 674, 870, 950
 ложе 32, 33, 216
 локоть 518₁, 785₁
 лосось 536
 лось 518, 867
 лошадь 100, 544, 868,
 869
 луг 824
 луна 684
 льняная нить 660
 любовь, желание 31
 мазать, умащивать, ле-
 пить 22, 412, 412₁
 маленькая птичка 867
 маленький 782
 масло 703, 704, 868
 мастерить 706
 материал для гончарного
 производства 707
 матка 816
 мать 49, 184, 765, 769,
 770, 771
 мать жены 763
 мать матери 769
 мать мужа 760, 763
 мать отца 766, 769
 мед 603, 604, 703, 868,
 874
 медведь 497, 867
 медовый напиток 874
 медь 457, 458, 709, 711,
 712, 876
 мелкий скот 585
 мельница 693

- меня 218
 менять 754, 885
 мерин 561₁
 мерить (время) 684
 мертвый 513
 месить глину 707
 место 154
 меч 884
 мир мертвых 513
 мир; соглашение; установка 143, 183
 мокрота; слизь 143₁
 молить, запрашивать богов 802
 молиться 802, 803, 807, 884
 молоко 125₂, 703, 869
 молот 202, 220, 231, 692, 693, 868
 мор 822
 море 672, 674, 866, 943
 мороз 683
 мох 663, 867
 моча 817
 мочить 680
 мочь 759
 мощный 669
 мстить 809
 муж 271, 276, 758, 759, 763, 767
 муж дочери 763
 муж сестры 763
 мужская сила 802
 мужчина 190, 272
 мука 220, 693
 муравей 174, 222
 мщение 809
 мы (экскл.) 292, 293, 293₁
 мы (инклюз.) 202, 293
 мысль 813
 мысль; размышление 199
 мыть 171, 211, 216
 мыш 185, 531, 867
 мясо 57, 62, 698

 нагой 50, 168
 над 38
 надевать 705
 наделенный священной силой 801, 884
 наделять; доля 141₁
 наделять ~ брат 754 885
 надувать 878

 наказывать 809
 напиток бессмертия 823
 наполнять 100, 220
 направление 806
 направлять 751, 751₂
 народ 38, 740, 943
 насиловать 575
 натирание, намазывание 704
 натягивать 705
 небо; туман; туча 167, 186, 475, 476, 667, 668, 668₁, 719, 866
 «небо белое» 297
 не-бог 201
 невестка 761
 невозделанное поле для пастьбы домашнего скота 694, 868
 нести 22, 23, 37, 340, 341
 нечистоты 278₂
 ива 877
 нижний 781
 низкий 781
 нищий 885
 новый 783, 850
 нога 38, 43, 57, 183, 271, 276, 786₂, 812
 иос 185, 814
 носить 33, 176, 216, 224, 328
 иочевать 467
 ночь 183, 216, 791₁

 обездоленный 747, 885
 обезьяна 867, 872
 обиталище мертвых 824
 облако 667, 668, 668₁, 866
 обменивать(ся) 754, 885
 оболочка 812
 оборонять(ся) 741, 884
 обрабатывать 705, 835
 обрабатывать землю 687
 обрабатывать зерна ячменя на огне 868
 обрабатывать острым оружием 707, 884
 обработка пищи 699
 обращать внимание 808
 обряд 801
 обуздывать 575
 община 943
 объявлять 804

 овечка 872
 овца 183, 271, 272, 385, 577, 579, 580, 583, 585, 868
 оглобля 922
 огонь 189₁, 210, 257₄, 274, 699₂, 831
 ограда 743, 885
 ограждать 744
 одевание 705
 одежда 272, 705
 один 843
 одолевающий смерть 822
 озеро (большое) 672, 866
 окроплять 652
 окружать; огораживать 236
 олень 518, 518₁, 867
 ольха 635
 опознать 804
 опоясывать; пояс 175
 опустошенный 781
 орган речи 814
 орел 217, 867
 орех 636
 ореховое дерево 635, 867
 орешек 636
 орешник 636
 орошать 680
 орудие для уборки урожая 691
 освещать, сжигать 229₂
 освящать 801, 884
 осел 868
 осина 627
 оставлять 22, 224
 острый 112
 ось 721, 869
 отдавать во власть 806
 отец 38, 43, 49, 184, 250, 765, 767, 767₃, 769, 770, 792
 отец жены 763
 отец матери 769
 отец мужа 760, 763
 отец отца 766, 767, 769
 охранять; пасти 172, 203, 695, 868
 очаг 203, 699, 884
 палка; стержень 233
 пальцы на обеих руках 850
 пара 779
 парность 754

- пастбище 824
 пасти 695, 868
 пастух 43, 695, 868
 пахать 687, 868
 repis 817
 первый 843
 перед; передняя часть 203, 814
 переплетать 706, 884
 переходить; побеждать 205
 пес, собака 243
 песнопение 835
 песнь 835
 петь 849
 печень 273, 815, 849
 писать 632₁
 писать красками 632, 632₂
 питать доверие 800
 питаться 701
 питающийся павшим скотом 513
 пять 217, 220, 246, 247, 295₁, 402, 426, 697, 702, 703
 пихта 631, 632, 633, 867
 пища 250
 плавать 674, 815, 870, 950
 плата 809
 платить цену 809
 племя 748, 749, 750, 885
 племянник 768, 768₁, 771
 плесень 663
 плести 230, 649, 650, 705, 706, 835, 884
 плод 816
 плод вьющегося растения 650
 плод тутового дерева 645
 плодовое дерево 868
 плоский 781
 плотный 782
 плуг 688, 690, 868
 плыть (на судне) 674, 680, 870, 950
 побеждать 110, 111₁, 111₂, 321
 плеск 759
 плескатель 758, 759
 плетка 719, 721, 723, 869
 плещивать(ся) 217, 224, 706₁
 плетарок 754
 подбирать 827₁
 подбородок; борода 112, 113, 183, 815
 подниматься 669₁
 подходить 810
 поесть ритуальную пищу, приносимую божеству 701, 884
 пожирать 231
 познавать 878
 показывать 36
 покой; досуг 235, 242
 покровитель походов 792
 покупать 747, 875
 поле 36, 877
 ползти 217
 полный 205, 234, 240, 781
 половина 779, 843
 полотно 660
 помнить 813
 поражать 883
 поросенок 868
 поселение 742, 743, 745, 885
 поспевать, зреть 55
 поток; вода 217, 224, 670, 671, 866, 920, 940
 потомок 749
 потомок женского пола 766
 потомок мужского пола 765
 похищать невесту 757
 похлебка (мясная) 703
 поход 740, 884
 похоронить, погребать, закапывать (о костях) 829₁
 почитать (богов) 804, 884
 править, властвовать; царь 216
 правление; править 806, 807
 правый 155, 783, 784
 пребывать 467
 предвидеть 836
 предводитель 749, 750, 751
 предначертание 806, 884
 предписать 804
 предплечье 785₁
 преодолевать, побеждать 57
 преследовать 696, 740
 привязывать 719₁
 приготавливать напиток 643
 признавать(ся) 804
 приличествовать 810
 принадлежащий данной семье 760
 принуждение 822
 приобретать 198, 259₁
 приобретать славу 834
 приручение животных 483₃
 пробуждаться; бодрствовать 250
 провидеть 836
 продавать 747
 продолжительность жизни 802
 произведение 835
 производить 750
 произносить молитвенные слова 803
 происхождение 749
 проливать 680
 просить; спрашивать 108, 237, 241, 250
 противиться; сопротивляться 154
 проявляться; проступать 205
 прясть 704, 884
 птица 233, 867
 пуп 817, 878
 пустой 781
 пчела 755₂, 868, 876
 пчелиный мед 874
 пшеница 657, 658, 868
 пятый 845
 пять 410₁, 845, 847
 пять десятков 847
 пять пальцев 849, 850
 пятьдесят 847
 разбивать 883
 раздирать (добычу) 492₁, 513
 раздроблять 815
 размалывать 658
 размахивать 125₂
 разрывать 815
 разум 813
 ранить 492₁
 раскрашивать 632
 располагать 719₁
 растения, употребляемые в пищу 873
 расти; увеличиваться 236, 645

резать 707, 884
 река 274, 670, 671, 862, 866
 река; поток 282₂
 ритуальное правило 805, 884
 ритуальные яства 701
 ритуальный очаг 808₁
 ровный 673
 рог 173, 876
 род 106₂, 186, 748, 749, 750, 751, 751₁, 772, 885
 родитель 198, 205
 родственник 750, 751₁
 родство 751₁, 762₁
 рождать 152, 153, 175, 201, 220, 234, 748, 750, 751, 751₁, 765
 рожь 658
 роза 663, 867
 рот 191₁, 814, 879
 руда 755₂, 876
 рука 271, 272, 806, 807, 812, 849, 850
 рука как символ власти 807
 рука как часть тела 807
 рука ниже локтя 785₁
 рука с вытянутыми пальцами 850
 рука с сжатыми пальцами 850
 руно 578
 рыба 867
 рысь 867
 садиться 883
 свекор; свекровь 112, 125, 125₂, 374, 760, 770
 сверлить 706, 884
 светать; освещать 218, 229₁
 светило 685
 светить 791
 светлый 229, 713, 783
 светящееся тело 685
 свидание 824
 свинья 877
 свободный; люд, люди 249, 885
 свободный земледелец 885
 свой, своего рода 219, 760, 830
 свойство 762₁
 своя женщина 764
 связный поэтический текст, произведение 835
 связывать 22, 174, 210₂, 217, 255, 704, 806, 835

связывать обязательством 806, 807
 священный 801, 807, 884
 сдвоенный 779
 сдирать кору, кожу 223, 707, 884
 седьмой 846
 секира 716, 874
 селезенка 815
 селение 749
 семь 199, 846, 848, 849, 875
 семь десятков 848
 семьдесят 848
 семя 689, 818
 сердце 38, 100, 173, 186, 190₁, 199₁, 273, 800, 801, 812, 878
 серебро 713, 713₂, 714
 серп 691, 863, 932
 серый; темный 230
 сестра 119, 125, 184, 219, 269, 270, 271, 272, 280, 764, 771
 сестра жены 763
 сестра матери 769
 сестра мужа 760, 763, 770, 771
 сестра отца 769
 сеять 422, 688, 868
 сжигать 684, 826₁, 829₁
 сидеть 36, 152, 155, 217, 295, 883, 928
 сильная сотня 848
 сильный 751₂, 879
 скала 669, 744₂, 866
 складывать; плести 228, 706₁, 779
 скот 146, 152, 513, 580, 585
 скручивать 704, 835
 скрывать; охранять 97
 слава 834
 славить; молиться 236
 сладкий пьянящий напиток 874
 след; почва; место 272, 276
 следовать взглядом 697
 следовать 216, 696, 697
 слезы 816
 слово 37
 слово; речь 168, 216
 сложить песнь 835
 слон 867

слоновая кость 867
 слышать; слушать 38, 112
 смерть 822, 822₄, 824, 825
 смешивать; варить 234
 смола 632
 смотреть; видеть 199, 217, 224
 снег 183, 681, 866
 снежить 681
 сноха 761, 771
 собака 100, 181, 184, 243, 271, 272, 589, 868
 собирать 827₁
 собирать урожай 690, 691, 868, 878
 соблюдать 695
 собственность 747
 совершать возлияние 652, 808₁, 884
 совокупность людей, связанных родственными узлами 748, 750
 согревать 26
 соединять 706, 810
 сознавать вину, грехи 804
 созревать 691, 868
 сок; сосать 143₁
 солнце 188₂, 210₁, 684, 719, 793
 соль 674, 703
 сон 236
 сооружение из глины 707
 соответствовать установлению 810
 сорок 847
 сосать грудь 570
 сосна 631, 632, 633, 867
 состояние возбуждения, экстаза, вдохновения 835
 сосуд 25, 874
 соха 690
 сохнуть; сушить 217
 сочинять 835
 спасать(ся) 741
 спать; сон 117, 217, 224, 295
 сперма 818
 спрашивать (волю богов) 805
 спрашивать; просить 176
 сражение 883
 ставить 55, 166, 203, 208
 становиться 467
 старик 825

- старуха 203
 старший 185
 старый; старик 106₂, 175, 205, 217, 224, 783, 783₁, 825
 сто 846
 сторожить, следить (за больным) 811₂
 стротя 295
 стремительный поток 670
 стричь 707, 884
 строение 741
 тронь 255, 742₃
 труба 682
 трудиться 804
 туго 674, 675, 825, 870, 874, 950
 туба 822
 тужилие 816
 туществовать 467
 тущий; истинный 271
 туть истинным 805, 807, 884
 сын 765, 766, 767, 768₁, 769, 770, 771
 сын брата 769
 сын дочери 769
 сын сестры 768₁, 769, 771
 сын сына 769
 сырое мясо 698
 сырой; кислый 172
 тебя 218
 тею 812
 темный 200, 646, 783
 темнокрасный ~ медь 714
 тепло; жара 176, 683, 708, 866
 теплый 146₃, 147, 153, 879
 теплый, жаркий 91
 тереть 110, 176, 231, 658, 706, 884
 testiculus 817
 тесто 37
 стержень 867
 тець 49, 146₁, 227, 878
 тец 628, 867
 теать 583, 585, 704, 884
 теючь 692, 868
 теустый; плотный 174, 782
 теукий 199, 782
 теуоль 627
 теуор 716, 874
 теуовать 875
 торговая стоимость 747
 торжественно восхвалять, принося жертву 803
 торжественно провозгласить 804
 тощий; слабый 97
 трава; корм 97
 требовать 216
 три 217, 224, 845, 847, 849
 три десятка 847
 тридцать 847
 трижды 845
 туман 667
 тур 867
 тутовое дерево 645, 868
 туча 667, 668, 668₁, 866
 ты; твой 219, 225
 тяжелый 93, 175, 199, 228, 413, 693, 782
 тянуть 38, 585, 689
 убивать 100, 410, 492₁, 513, 740, 884
 убить змея 837
 уволить силой 754
 удущье 466
 узкий 781
 узнавать (волю богов) 807
 узнавать по приметам 805, 884
 указание 806
 указывать; показывать 175
 указывающий закон, предписания 806₂
 украшать; красить 110, 143
 укрепленный город 744, 885
 укрощать 198, 205, 483₃, 575
 умалять; повреждать; малый 154
 умащивать; мазать 110
 умереть своей смертью 830
 уничтожать 740, 884
 уповать 800, 884
 употребление пищи 702
 упряжка 721, 869
 уста 814
 устанавливать имя 833
 установление 805
 утаивать 748
 утренняя заря 229
 ухаживать за больным 811₂
 ухо, уши 786₄, 812
 формировать 706
 futuere 218, 817₁
 хвойное дерево 633
 хлеб 873
 хлев 43
 хмельной одурманивающий напиток 655
 хозяин 206, 758, 759
 хозяин ~ гость 754, 755
 хозяйство; жизнь 235
 холод 682, 683, 866
 хороший 216, 780
 хороший день 793
 царапать 689
 царь; предводитель 183, 750, 751, 885
 цель; побеждать 198
 цена 747
 человек (земной) 184, 821
 челюсть 815, 879
 червь 222₁, 877
 черный 632₂, 646, 783
 чесало 578
 чесать, расчесывать 156, 216, 223
 чесать (шерсть) 156, 216, 223, 578, 585, 884
 четвертый 148, 153, 845
 четыре 92, 148, 153, 268₂, 845, 849, 850
 четыре десятка 847
 четыре пальца 850, 879
 чистый, сияющий 98
 член большой семьи 764
 что 387
 чужестранец 755
 шакал 513, 867
 шерсть 207, 578, 583, 585, 884
 шест; стержень 231, 690
 шестой 845
 шесть 108, 124, 125₂, 845, 847, 849, 878
 шесть десятков 847
 шестьдесят 847
 шея 815
 шиповник 663
 широкий; плоский 55, 198, 199, 781
 шить 704, 835, 884
 шкура 812

щетина 69₁
яблоко 639, 639₂, 640,
640₁, 641, 642, 868, 881

яблоня 641, 642, 868
ягненок 872
ягодницы, задница 817
язык 814

ярмо 276, 721, 722, 723,
869, 877
ясень 625, 627, 867
ятровка 771
ячмень 26, 655, 656, 868

АНАТОЛИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Хеттский

-a 383
adan 189
adant- 75, 246, 302, 698,
815₁
adanzi 46, 246₁, 698
-aḫšu 860, 863
URU Aḫḫiia 901, 902
Aḫḫiia- 901, 901₂, 903₁
aiš 132, 191₁, 200, 814
aiḫa- 765₄
ak- 304₁
akir 305
akiš-ma-aš 323₁
a-ku-e-ni 246₁
a-ku-ya-ku-ya-aš 534₁
akuḫanzi 46, 100, 246₁,
792
akkala-, aggala- 689₂
akkant- 726, 860₂
ak-kân-te-eš 304₁
akkanza 304₁, 826
ak-kân-zi 304₁
akkiškittari 307, 311
ak-ku-uš-ki-it-tin 100
ak-ku-uš-ki-iz-zi 100
akkuḫant- 246
aldanni- 862, 945
alpa- 65, 668, 783
alyanza- 308₁
amiyara- 886
ammel 290
ammiḫant- 605
ammuk 286, 383
-an 385
an-da 356
anda+iḫant- 775
anda(n) 356
anda ḫart- 547
-antari 391
antiḫanza 775
antiḫatar 775
antuḫša- 376, 821, 860₂
antuḫš-an 268

antuḫšan ištarakzi 811₂
anzel 290
-anzi 46, 246
annaš 270₁, 765₂, 817
annaz 385₂
anniš 385₂
-(a)pa 361₁
apaš 201, 387, 882
apat 387
apel 290
apenzan 268
apun 201
appant- 246
appanz(a) 45, 302₂
ap-pa-an-zi 246₁, 299₂
appa-ia-kan 366
ar- 316₁, 685
ara 810
D Ara- 810
ara- 755, 755₂
araḫza 743
araḫzena- 743
a-ra-an-zi 316₁
araš aran 755
araya- 477, 630₁, 860₁
arḫa 206
arḫa- 743
arḫahari 295
arḫi 178, 296, 300
a-ar-ḫu-un 316₁
arḫut 328₃
-ari 391
ari 300, 316₁
ariya- 802, 803
arir 305
ark- 498₁
arkamma- 925₁
arki- 498₁, 817
ar-ki-i-e-eš 498₁
arkuḫai- 929
arkuḫar 480
arma- 346, 685
armahḫ- 346, 685
armaniya- 685
arnu- 196, 200, 345, 478,
859

arnumeni 305
arnuḫala- 478, 479, 788₂
arnuḫanzi 304
arnuzzi 218, 225
arpa- 748
a-ar-ri 335₁
aršaniyatalla- 247
aršk- 345
arta 302
artari 302
artati 302
arti 300
aruna- 671, 671₁, 672, 896
aruḫaizzi 802
UZU arraš 817, 819₁
-aš (ум. н.) 385, 386
-aš (под. н.) 376₁
-aš- 361₁, 387
ašallu 328₃
aš-and-u 328
ašant- 303, 810
ašanza 271
a-ša-an-zi 46, 246₁, 250,
304, 305
a-ša-a-an-zi LVIII₁
ašešir 305
ašḫahari 301
ašḫahru- 913
ašiyant- 748
a-šiyatt- 201
aški 630₁
-(a)šta 361
-ašši- 376₁
aššiia- 860
Aššiia- 860
aššu 244, 279, 478, 780
aššu- 244, 245₁, 279,
478, 860, 860₂, 780
Aššu-Šiyatt- 780
aššun šiyattan 348
aššuyāš (под. н.) 244
-at- 361₁
-at (ум.-вум. н.) 385, 386
-at (мест. ср. п.) 385, 387
URUDU ateš- 716

- ešša- 716
 et(u)- 897
 e-tu-e-ni 246₁
 etta- 270₁, 765₂, 860₂
 etalla- 767
 etta-mi 291
 ettaš Ištanuš 777
 ettaš-miš 290₁
 eu- 347
 eumeni 229, 786₄
 euš- 223, 786₄
 eušta 229, 786₄
 eušteni 229, 786₄
 eušzi 786₄
 eutteni 786₄
 euttli 200, 786₄
 euṭti- 508₂
 barganula- 339, 393
 da- 299, 844
 dah- 753
 dahhi 159, 166, 203, 209,
 388, 753
 dahhun 159, 299, 388
 dai- 210, 299
 daitli 172
 daijuga- 722, 844
 daigan-šepa- 201₂
 daigan-zipa- 126₁, 201₂,
 269₁, 303₁
 daluga- 205, 209
 dalugaeš 46, 209,
 230
 dalugašti- 209, 230, 426,
 732
 daluk/gi- 782, 860₂
 daluk/gnula- 339, 393
 damāš- 483₃
 damāššaruš 503
 dammara- 903
 dam- 844
 damdukešni 505₁
 damduki- 475
 damui- 200, 711
 damkuli- 711
 damci 209
 dame- 209
 damš-ki-mi 209
 damšu- 175, 200
 damma-at 323₁, 365₃
 damzari 753
 damzen 247
 damzeni 209
 damzini 305
 damzet 247
 daṣeni 209, 305
 -du- 361₁
 duddumili 898
 -dumari 391
 du-um-me-e-ni 210
 duškišk- 347
 Duṭḫaliṭa- 207₂
 du-ṣa-ar-na-aḫ-ḫu-un 133
 -e- 361₁
 GIŠ_{eja-} 487, 582, 629,
 630, 630₁
 ega-, egan 682
 eku-/aku- 100, 245,
 426
 ekuna- 245₁, 655₂, 682
 ekunima- 683, 684
 eku-tara- 196
 e-ku-zi 88₁, 246₁
 ekuzzi 100, 217, 702
 ellijaṅkuš 503
 enera- 812₃
 ep-/ap- 246, 299₂
 e-ip-ši 217
 ep-zi 217, 246₁, 299₂
 e-ip-pir 45, 299₂
 e-ip-pu-un 45, 299₂
 erḫa- 206, 743
 erṣeni 178
 eš- 'судеть' 928
 eš-laš- 'быть' 246, 928
 eša- 302
 ešari 217, 302
 eš-ari 332
 eš-at 332
 eš-d-u 328, 860₂
 ešer 305
 ešḫa- 206, 860₂
 ešḫaḫari- 301
 ešḫaḫru- 816₁
 ešḫaḫruṣa- 816₁, 913
 ešḫanant- 303
 ešḫananza 303
 ešḫanaš (pod. n.) 187, 206,
 303, 816
 ešḫar 117, 187, 206, 303,
 816, 902
 ešḫar šanḫ- 809
 e-eš-ḫar-še-mi-it 278₁
 ešḫaš 480
 ešḫaš-miš 290₁
 ešḫe 206
 ešḫut 328₃
 eš-mi 295, 327
 e-eš-mi 117
 ešri- 303, 726
 eš-ta 327
 eštari 302
 eš-ten(i) 305
 eš-un 327
 eš-ši 327
 ešš-ṣen(i) 305
 (e-)eš-zi LVIII₁, 46, 117, 217,
 246₁, 295, 327
 et-/at(u)- 246, 247, 897
 -etj-it 377, 381
 eter 305
 etmi 50, 217, 698
 e-it-mi 70, 250
 etri 243, 250, 302,
 698
 etrija- 698
 e-uk-zi 88₁
 eṣan 655
 eṣaš (pod. n.) 655
 ez-za-zi 246₁
 g/kaen- 751₁
 g/ka-e-na-aš 751₁
 gagaš 815₁
 galak- 568₁
 galaktar 98₁, 148, 568,
 605
 galank- 568
 galankant- 568
 galaktar 98₁, 148, 568
 galgalturi- 837
 gangaḫḫi 300
 gangi 300
 ganu- 815
 gemi, gimi 304
 genu, gi-e-nu 94, 100,
 173, 233, 786₃
 genu-šet 819₁
 genzu-šet 819₁
 gi-e-nu-uš- 786₃
 gim- 853₁
 gima- 853₁
 gimraš ḫuitar 469
 gimri 49₁
 gimmant- 100, 215, 226,
 304, 853₁
 gi-im-ma-an-za 100, 202
 gimmara- 783₄
 gimmi 304
 gurla- 744
 ḫa- 805
 -ḫaḫari 391
 UZU_{ḫaḫri-} 819₁

- URU *Haiaša-* 913
halihla- 131
halihliandari 131
halija- 131
haliki- 655., 694, 860
hamešha- 690, 853₁
ha(m)mešhant- 304, 853₁
hamešhi 304
hami 805
hamikta 487
hanešsar hannai 835
hant- 158, 203, 812₃, 814
Hanta-pi 860
Hanta-šepa- 303₁
 D *Hantaššaš* 473₁
hanti 77₁
hanz- 201
Hannašanna- 605, 766
hannaš 203, 766
hanni 766
hap- 746-
hap(a)- 158, 217, 274,
 282₂, 670, 862
hapalki- 710₁
ha-ap-pa 72₁
happar 45, 63, 159, 183,
 746, 747₃, 809
happarai- 746
ha-ap-pa-ra-iz-zi 45
happešsar 812₂
happina 708
happinaħħ- 746
happin-ant- 63, 159, 746
happineš- 746
happira- 746, 746₃
harana- 217
haranan 538
haranaš (pod. n.) 158, 538
haraš 158, 489, 538
 URU *ha-ra-aš-ħa-pa-aš* 539,
 862, 954
harašu- 711
 GIŠ *haraḡ-* 636
hardu- 749
harganu- 294₂
hark- 289, 294₂
hark- pe 357
harkaiš (pod. n.) 244
harki- 158, 217, 229,
 244, 713, 713₁, 812₃
harkta 294₂
har-nik-mi 346₁
ħarnink- 294₂, 346
harš- 687, 687₁, 859
ħaršan 812₃, 813
ħaršanaš (pod. n.) 813
ħaršar 813, 813₂
ħariagga- 148₁, 486, 497,
 497₁
 LU *ħartagga-* 497
ħar-tág-gán 149
ħartkan 149
ħar(u)ḡanai- 684
ħaš- 570, 750, 751₁, 860₁
ħašamili- 715₁
ħašayya- 350₁
ħašduir 203
ħaštai 55, 77₁, 131, 202,
 755₁, 816, 860
ħašter- 685, 875
ħaštiyaš (pod. n.) 202
ħaštiyaš É 816
ħaštiyaš leššuyanzi 826
ħaštiyaš pir 827
ħaštuir 159
ħaš(š)- 201, 350₁
ħašša- 158, 203, 808₁
ħašša ħanzašša 201, 750,
 860₁
ħaššannaš-šaš
ħaššant- 201
ħaššatar 750, 751₁
ħašši 700
ħa-aš-ši-i pa-aħ-ħu-ur 700
ħaššu- 201, 280, 350₁,
 750, 764₄, 860, 863
ħaššu-(š)šara- 280, 750,
 764₄, 860
ħaššuyya- 538
ħat- 655₁
ħatk- 148
ħatkešnu- 148, 347
ħa-tu-ga-uš la-lu-uš 349
ħattešsar 534₁
ħatti 913₃
ħayya- 159
ħejaḡeš 680
ħeklġur 159, 203, 665,
 666
ħekur Pirya- 666, 792
ħenkan 159, 822, 822₁,
 831
ħešta- 860
 LU *ħe-eš-tu-u-um-ni* 860
ħe-i-ú-un ú-e-ik-ta 680
ħeuš 680
ħinganaš (pod. n.) 822
ħišša- 721, 725, 922
-ħšu- 860₁
ħuħatalla- 766, 767
ħuħha- 766, 767
ħuħha-ħanniš 766
ħuħhant- 766
ħuħhanteš 766, 767
ħuišnu- 480
ħuišyannaš (pod. n.) 278₃
ħuišyant- 698, 860₂
ħuiš-ya-tar 469
ħuitar 469
ħuitnaš (pod. n.) 469
ħuittija- 756, 757
ħuk- 246, 803
ħukanzi 200, 803
ħula-li- 206, 578₁, 582,
 583
 GIŠ *ħulali-* 582
ħula-lija- 578₁, 583, 861₁
ħulana- 206, 578₁, 582₂,
 861₁
ħulħulija- 221
ħulħulijanteš 307
 GIŠ *ħulukanna-* 724
 GIŠ *ħuluk/ganni-* 724, 726₁
ħuman 189
human ħuišyan 468₁
humantaš (pod. n.) 189
ħumma- 594, 594₂, 595₂
ħu-nik-ta 346₁
ħunink- 346
ħurk-el 494₁, 719
ħurki- 494₁, 707₁, 719,
 719₁, 720
ħurkiuš 725
ħurna- 695
ħurnai- 695
ħurnuyanzi pai- 696₁
-ħut(i) 328₃
ħuyandaš (pod. n.) 206
ħuyant- 202, 206, 425₂,
 489₁, 677
ħu-ya-an-te-eš 206
ħyeki 200, 803
ħyelpi- 817
ħyeš- 206, 467
ħyešnu- 206
ħu-e-eš-zi 206
ħyiš- 467
ħyišu- 467
ħuišyant- 468
ħuišyatar 122

-i 383
 idalaḡaḡḡ- 207₂
 i-da-la-ḡa-aḡ-ti 207₂
 idalaḡannaš (pod. n.) 248₁
 idalaḡatar 248₁
 idalaḡatti 207₂
 iḡa- 724, 724₁
 iḡaḡhari 724
 iḡantari 724
 iḡannai- 346
 iḡanneš 345
 iḡanniš 345
 iḡattari 724
 iḡaliḡa- 860₁
 D Iḡaliḡa- 860₁
 Iḡluḡankaš 528
 iḡanara- 202, 860, 860₁
 innaraḡant- 802
 innaraḡatar 802
 iḡma- 685
 iḡmaliḡa- 685
 iḡmaniḡa- 685
 iḡšai- 219
 iḡšamai- 835
 iḡšamanatalla- 835
 iḡša-mi 291
 iḡšar 902
 iḡšar ar-ḡa tar-na-i 818
 iḡšaš 280
 iḡšaššara- 280
 iḡšiḡa- 202, 206, 210₂, 704
 iḡšimana- 705
 iḡšiul 210₂, 704
 iḡškallai- 119
 iḡšmanalla- 723
 iḡšmeri- 723, 725
 iḡšmeriḡant- 723
 iḡšmeriḡaš 725
 iḡšpat- 55, 117
 iḡšpanduzzi- 652
 iḡšpant- 151, 913
 iḡštam- 897, 897₃
 iḡštam-ḡura- 898, 898₁
 iḡštam-ana- 897, 897₁
 iḡštamanaššaš 473₁
 iḡštam-aš- 480, 897
 iḡštanu- 684, 897₂
 iḡštanzana- 473, 473₁, 813
 iḡštanzaššaš 473₁
 iḡštu- 595₁
 iḡštu-k- 123, 217, 426, 811₂
 iḡštu-na tekkuššai- 806
 iḡštuš (pod. n.) 132, 191₁,
 192, 814

iḡštit 377
 it 218, 724₁
 i-tar 46, 225
 iuk/gan LXXVI₁, 45, 85,
 179, 272, 276, 721, 722
 i-u-ki 45
 -(i)a- 270, 353, 361₁
 366₁, 860₂
 ka- 201, 882
 kaenaš 762₁
 kainaš-šeš 290₂
 kalmara- 669, 669₂
 kalleš- 202
 kallikalli- 542₂
 Kamru-šepa- 126₁, 303₁
 -kan 360, 361, 365₁
 -kan... dai- 66₂, 67, 365
 kaneš- 804
 kank- 178
 DUG kappi- 897
 karap- 48₂
 k(a)rat- 800
 karatan dai- 324₁, 800,
 833
 karaḡar 112₁, 484, 566
 kardi 186
 kardiḡa- 273
 kardiḡaš (pod. n.) 94, 100,
 163, 173, 186, 801
 kardit 377
 karta 186
 kartimmiḡa- 190₁
 karuileš šiuneš 903
 kašt- 48₂, 701, 720
 kat-ta 45
 kattān 356
 kattān-šet 290₁
 kattereš 582
 ker 801
 ker-met 290₁
 keššar 408, 783₄, 785, 860
 keššaraš-miš 290₁
 ki- 295₃
 ki-i pār-ku-i TUP.PU
 889₁
 kikkištari 306
 kinun 860₂
 kir 94, 100, 163, 173, 186,
 273, 528
 kišai- 49₁, 85, 156,
 216, 223, 578₁
 kiš-ari 332
 kišat 332
 kišat-ḡa-za 366

kišḡut 328₃
 SIG kišri- 578₁
 kišt- 48₂
 kištant- 48₂, 701
 kiššar(a)- 49
 kiššarit 377
 ki-tari 332
 ki-tat 332
 kitta 392
 kittari 46, 94, 295, 391,
 392
 ku-e-da-ni-ik-ki 288
 kuedani-ma-ššan 365
 ku-en-zi 91, 100
 kueš UL memiškanzi
 472
 ku-iš-(ki) ḡa-a-ši 747₃
 kun (sun. n.) 201
 kun- 125, 246
 kunanzi 77, 86, 88, 91,
 100, 200, 410
 kunk- 522
 kunna- 783₃
 kupah(ḡ)i- 903
 kupiḡattin kup- 835
 kuranzi 200
 kurša- 60₁, 902, 909
 kušata- 757, 809
 kutru- 244
 kutrui 244
 kutt- 932
 kuḡanna- 710, 903
 kuḡapi 160
 kuḡatta 160
 kuḡašk- 200
 kuḡen- 125, 200, 246
 kuḡenzi 48₂, 77, 86, 88,
 200, 410, 740
 kuḡer-lkur- 706
 kuḡerzi 200
 kuḡieš 353
 kuḡiš 86, 88, 117, 353
 kuḡiš paprizzi 352, 353
 kuḡiški 88, 91
 kuḡiš-pat 316
 LU Labarna- 268, 641
 laḡpa- 524
 laḡḡa- 740
 laḡ(ḡ)u- 211, 216
 la-aḡ-ḡu-u-i 211
 laḡ(ḡ)uḡai 171, 211, 224,
 306
 la-aḡ-ḡu-u-ḡa-an-zi 211

- lagari* 425
lala- 814₄
lalukki- 221
lalukkima- 221, 393
lalukkišdu 307
lalukkišzi 307
la-a-ma-an 181
laman-mit 290₁
laman t/de- 810, 833
laplipa- 812₃
le 860₂
le kwiški šarrizzi 823₂
leḥuua- 211, 221
leḥuui 211, 306
leš- 826₃
lilakki 307
lingai- 806
lingan 806
linkija kattan kija 297₂
linkijanteš 806
linkijaš DINGIR^{MES} 806
lišša- 815
lu(k)katta 45, 883
lu-uk-kat-ta 45
lukk-eš- 218₁, 225, 229₁, 346
lukki- 178
lutta- 148
-ma- 351₁, 365₃, 366₁, 860₂
ma-a-an-ua-kán
maḥla- 203₂, 642, 643₁
mai- / miša- 691
maklant- 209
ma-ak-la-an-te-eš 209
malai- 803₁
malatti- 715
maldai- 803
malla(i)- 202, 231, 692
 GIŠ *mammarra-* 673, 862
manijaḥḥ- 806
manijaḥḥai- 806
 LÜ *manijaḥḥatalla-* 202, 806
Maraššanta- 676
marmar(r)a- 673, 943
meḥur 159, 172, 684₂, 691
me-ik-ka-e-eš 208
me-ik-ki 208
me-ir-ta 475
me(i)u- 845
mekki 208
mekki- 782
melit 59, 603, 604₁, 605, 898
memma- 176, 177, 221, 299, 473, 835₁
memal 220, 221, 693
memija- 473
memišta 389₁
-men 305
-mi 291
Midduua 604₁
milittu- 603
-miš 290
-mit 290
-mu- 286, 361₁
mugai- 803
mugaḥar 803
muua- 818
naḥ- 211, 804
na-aḥ-mi 211
naḥšaratt- 804
naḥšarija- 211, 804
naḥḥan 172, 210, 804
naḥḥant- 210, 804
nai- 202, 299, 345, 346
na-an-ši 360
nannijanzi 307
-naš- 286, 361₁
na-aš 385
na-aš ḥarkannaš 278₃
na-aš tajazilaš 278₃
na-aš-an 360
na-aš-mu 360
na-aš-ši-at 360
na-aš-ta 360
na-šta 321
n-at 367₂
na-at 359
 GIŠ *nathita-* 207₂
natta 254
na-at-ták-kán me-er-du 288
naḥi 254
ne-eḥ-ḥu-un 300
neg/ka- 765, 765₁, 854₁, 860, 860₂
neku- 216
nekumant- 50
ne-ku-ma-an-za 45, 100
neku- 168, 215, 791₁
neku-zzi 215
nepiš 45, 65, 77, 167, 186, 267, 304, 668, 677
nepišant- 304
nepišanza 268, 303
nepiš-aš (pod. n.) 45, 186, 264, 267
nepiš-i 165
nešk- 345, 346
neua- 783, 860
neuaḥḥ- 158, 218, 346, 783
neuan 279
neuaš 179, 279
nink- 822₄
nu, nu- 359, 361₁, 364
nuḥuuar [taḥḥun] 364
numaltahḥun 364
nu-mu 359, 360
nu-pat 361
nu-tta 360
nu-ua ANŠE-iš arkatta 563
nu-ua-kán 354
nu-uar-aš-ši-ša-kán 367₁
nu-za-kán ŠU^{HI.A}-uš a-ari 335₁
paḥš- 59, 158, 203, 229₁, 346, 695, 883
paḥḥaš- 172
paḥḥašḥi 296
paḥḥur 189₁, 210, 274, 699
paḥḥur paḥš- 695
pa-aḥ-ḥu-u-e-na-aš (pod. n.) 210
paḥḥuuar 189₁, 210
p-ai- 882
pai- 'udmu' 724₁, 860₂
pai- / piša- 'ḏawam' 299, 345, 753, 882, 882₁
paišta 753
paizzi 860₂
palḥ-i- 198, 200, 205, 781
paltana- 55, 200, 781
pan 189
pangauua EME-an 819
pangaḥaš (pod. n.) 218, 244
panku- 200, 225, 244, 849
pankur 849
 UZU *pantuḥan* 819₁
paprannaš (pod. n.) 248₁
papratar 248₁
paprizzi kwiš 353
para 202, 356
(para) ḥarkta 149
para-ma-aš-šan 366₁
(para) nai- 321
para šiḥatar 688, 688₂

- ṣarh-** 200
ṣarparai- 221, 301₁
ṣarṣa(m)uš HUR.SAGMEŠ-
 -uš 668
ṣarṣaṣ (pod. n.) 244
ṣarkeš- 669₁
ṣarku- 174, 200, 217, 244,
 280₁, 621, 668, 781, 879
ṣarkueš- 621₁
ṣarkuešnaš (pod. n.) 621₁
ṣarkueššar 621₁
ṣarkui- 280₁, 621, 621₁,
 621₂, 860₂
ṣarkuṣaiṣ (pod. n.) 621₁
ṣar-ma-aš-ḥa [-pa-aš] 862
ṣarnaš (pod. n.) 741, 863₁,
 900₁
ṣarnaššea šuṣaiizzi 900₄
ṣarš- 812₂
ṣaršana- 486, 500, 505
ṣarṣanda 202
ṣarš- 209, 229₁, 346, 702
ṣaršdu 209
ṣar-aš-ta 209
ṣar-aš-zi 209
ṣaršari- 818
-pat 168, 360, 758₂
ṣarṣa- 57, 146₁, 154, 786₂
ṣar-ta-a-na LVIII₁, 268
ṣarṣanaš (pod. n.) 226, 537
ṣarṣtar 45, 57, 226, 537
ṣarṣtar-palḥi- 297, 349₁
ṣar- 218, 357
ṣar ḥark- 218, 357
ṣarḥḥi 357
ṣarḥan 154, 272, 276, 304
ṣarḥute- 218, 357, 757
ṣarḥna- 202
ṣarḥu 614
ṣarḥna- 614, 615, 792
ṣarḥuni 614
ṣarḥiṣṣa- 550₁, 556, 615,
 784, 795, 860
 - 345, 753
 - 394
 - -m-me-ni 210, 305
 - -ḥi 753
 - -ḥa-un 299, 753
 - - 882₁
 - - 882
 - - 741, 863₁, 900₄
 - 356
 - -šet 290₁
 - - 290₁
- pittai-** 537
puri- 898₁
purulli- 909
ša- 359, 386₁
ša-aḥ-ḥa-an 210₂
šai-/šija- 422, 688
šagaḥḥi 178
šagai- 805
šakiḥa- 805
šaklai- 801
šaknaš (pod. n.) 126₁, 817
šakruṣanzi-ma-aš UL 323₁
šaktaizzi 811₂
šakuni- 121, 639, 675₂
šakuṣa 100, 121, 122, 528,
 675₂, 696, 786₁, 812₂,
 860₂
šakuṣai- 100, 121, 696, 696₃
D Šakuṣaššaš 473₁
šakuṣat 378
šakkar 126₁, 817, 860
šalla kardjt- 297, 348
šallakardḥtai- 297, 348
šalli 279
šalli- 202, 279, 860, 862
(Šalliš) Arunaš 671₁
šam(a)lu- 639, 641
šam(a)luṣant- 642
samaluṣanza 639
šamana- 860, 688
ša-ma-an-ku-ur-ṣa-an-
 -du-uš-kán MUŠ^{HI.A}-uš
 489
šammamma- 902₂
ša-an 385
-šan- 360, 361₁
-šan+ ar- 365
-šan... dai- 66₂, 365
šanḥ- 198
ša-an-ḥa- [an] 385
šankui- 121, 639
šankunni- 787, 789₁
šankuṣai- 121
šanna- 202, 842
šannapi šannapi 202
Šaptama-niḡa- 854₁
-šar 197₁
šara 357
-šara- 860
šarku- 186, 187
šarnikzel 807, 809
šarnink- 807
GIŠ šarpa- 691, 692₁, 860
- šaru** 478, 479₁, 740
šaruṣai- 740
šarriškir 307
ša-aš 385
šaša- 486, 522
šašta- 66₁
šatta- 689
šehunant- 303
šehunanza-pát 303
šehunaš (pod. n.) 303
šehur 160, 172, 303, 817
šekuni 178
šel 290₂
-šepa- 126₁, 303₁
šepa(ma)- 854₁, 860
šer 356, 357
šer-a-šan 366
šer-šet 186
šeš- 66₁, 96₁, 248₂
-šeš 290₂
šeškišk- 347
šešṣanzi- 189₂
šešṣar 189₂
šeš-zi 295
-ši- 361₁
šipandahḥi 342
šipant- 545, 808₁
šipta- 846
-šiš 290, 290₂
-šit 290
šiu- 475, 748, 791, 792,
 794, 860, 897
šiuṣ (oun. n.) 791
šiu-na- 46, 227, 488, 860₂,
 897
šiuṣan 187₁
šiuṣan anluḥša- 268
šiuṣaš (pod. n.) 791
šiuṣaš ḥuṣitar 486, 486₁,
 488, 516
šiuṣni- 46
Šiušummiš 792
šiya- 860
šiyanni- 46
šiyatt- 46, 218, 227, 791,
 860, 860₂, 897, 897₂
D Šiyaz 46
-šk- 347
-šmaš- 286, 361₁
-šmi- 254₂
šu- 361₁
šuel 704
šuli(ia)- 711
šumenzan 268

- šummanza(n)* 704
šummeš 254₁
šunna- 100
šuppaijaš (под. н.) 244
šuppala- 469₂, 471
šupparija- 117, 224, 263
šu-up-pa-ri-ja-zi 45
šuppi- 244, 860, 860₁
šu-up-pi ya-a-tar 349
Šuranḫapaš 954
šūpa- 228
šūpai- 'наполнять' 100, 408
šūpai- 'толкать' 202
šūpaija- 100
šūpaijaun 538
šūpattari 228
šūpattat 228
ta 361₁, 386₁
-ta 286, 299, 361₁
ta ḫu-ur-ki-in ḫa-ḫil-en-zi 720
ta-a-an 133
ta-an 359
ta-aš 385
ta-at 385, 385₁
tagan (лок.) 149
tagnaš (под. н.) 149, 821
taggaš- 706
ta-a-i-u-ga-aš 133
taja- 748, 807₁
tajazilaš (под. н.) 278₃
ta-ja-az-zi 748
tajazzil 748
ta-a-i-iz-zi 748
taknaš Ištanuš 376₁
takš- 706, 728, 859
takšan- 859
takkeš- 706
takku-šmaš UL-ma ḫapzi 746₁
-tala- 426
ta-lu-kiš-zi 46
-talla- 196, 202
talliia- 808₁
tamaš- 209
ta-ma-aš-šir 209
ta-ma-aš-zi 209
-tani 246₃
tapišana- 902
tapišša- 683
LÜ tappala- 701
tar- 301₁
-tara- 196
tar-aḫ-ta 321
tar-aḫ-ḫu-u-ya-an 321
tarḫ- 57, 198, 200, 205, 321, 794, 822₂, 860
tarḫ-u- 346
Tarḫunt- 903
tarḫuzzi 346
-tari 391
tarijalla- 845
tarkuṣa(i)- 903
tar-n- 345₁
tarna- 345, 346, 426
tarnašk- 345₁
tarnešk- 345₁, 346
tarniš-ten 345
taršik- 345₁
tar-šk- 345₁, 346
taru 174, 217, 233, 612
tarumaki- 325
ta-šši pai 359
-tati 391
ta-at-ra-aḫ-ḫa-aš 307
Tayananna- 778
te 133
teḫḫi 159, 166, 203, 216, 299, 388
teḫḫun 299, 388
tekan 148₁, 149, 303₁, 475, 536, 821
tekkuššai- 806
tekkuššanu- 806
Telepinu- 532, 795
-ten 247, 328₁
-telani- 246
te-pa-u-eš 45
te-pa-u-ya-az 45
tepu- 146₃, 154, 154₂, 345, 782
tepu- 45, 154, 154₂, 345, 782
teriialla- 845
terianna- 845
ter(i)pp- 687
-tet 299
tetḫa- 207₂
ti-i-e-er 305
tijami 295
tijanešk- 345₁
tijaneškimi 345₁
ti-(ia)-an-zi 210
GIŠ tijarit- 725
ti-(ia)-u-e-ni 210
tijaṣar 189₂
-tiš 290, 299
-tit 290
tittanu- 220
tittianteš- 307
DṬiṣaz 46
tuel 290
tuhḫai- 206, 466
tuh-ḫa-a-it 206
tuhḫiia- 206
tuhḫiiaṭt- 466₂
tuhḫiiaz 466
tuhḫ-ima- 206, 466
tuk 286, 299
tuliia- 480₁
tummeni 210, 305
tuqqa UL kuitki ešzi 289
DṬurešgala- 726
turiia- LXXVI₁, 721, 726
turiian 724
tuṣa 202, 230
tuṣaz 202
tuṣeni 210
tuzzi- 740₁, 749, 787, 943
tṣekka- 134, 812
tṣekkant- 134
tṣekkeš (мн. ч.) 812
SAI₁udati- 759₃
uddanant- 303
uddananteš 303
uddanaš (под. н.) 189₁, 267, 303
uddanta 189₁
uddar 189₁, 267
u-e-da-an-da 189₁
ú-e-it-na-aš ma-a-an pa-an-gur 493
uḫḫi 200, 229, 295₁, 786₄
uḫḫun 786₄
ú-(i)-it-ti, ú-i-ti 45
uk 383
ukturi- 726, 826
ulippana- 486, 492, 497₁, 500
-uman- 859
umeni 786₄
-umn 859
u-nna- 202
unnanzi-ma-ṣar-aš naṣi 365₃
up- 121
uš- 223
-uš- 361₁
uš(a)niia- 200, 747
ušk- 347
uškišk- 347
uškizi 108

- ušnešk- 747₃
 ušnija- 747₃
 ušteni 786₄
 utne 304
 utneanza 304
 utnejant- 304
 ut-ni-ja-an-da-an 268
 u-tum-me-ni 210
 uttar 148, 189₁, 303, 349
 uttar paḥš- 695
 uyanzi 786₄
 uahnu- 547
 ua-aḥ-nu-me-ni 305
 uahnuṣar 547
 ualḥi- 826, 827
 ualula- 812₃
 ualua- 508
 ualui- 508
 -yani 246₃
 uantemma- 683
 -yanzi 189₂
 uar- 683, 826₁
 -ua(r)- 361₁, 367
 uarani 826
 uar-nu- 683, 826₁
 uarpanzi-ma-ua-šmaš UL
 365₃
 uarrai- 741
 uarrešša- 741
 uaš- 747
 uašanna 546, 546₁, 863
 uašpa- 705, 829₁
 -uaštari 391
 uaštul 781
 uašš(ija)- 705
 uatar 45, 188, 189, 273,
 274, 303, 671
 uatar eku- 671
 uatar ekutteni 703
 uatar šešzi 316₂
 uatarnahh- 345
 uattaru- 675₂, 860
 uauarkima- 221
 uekir 307
 uek-mi 163
 uellu- 202, 823₂, 824,
 898
 uelluua 823₁
 -uen 247, 305
 ueriija- 231, 361₁
 uerite- 809
 ueritema- 809
 ueš 292
 ueši- 244, 695
 uešija- 200, 695, 824
 uešijaz 244
 uešta 392, 705
 ueš-tara- 196, 695, 788₄,
 824
 uešš(ija)- 705
 uetant-a 189
 ueten-a 189
 uetenant- 303
 uetenaš (pod. n.) 188, 303,
 671
 ueten-i- 167, 248
 uetna- 492, 497₁
 uett- 783
 ueuak- 221
 ueuakkinun 306
 uijana- 647
 uijanit šipant- 652
 uitaz 45, 671
 uitenanza 303
 uiti 671
 uittan-a 268
 -za- 361₁, 367
 zaknaš (pod. n.) 817
 zakkanaš (pod. n.) 278₂
 zakkar 126₁, 278₂, 817
 zamankur 112, 112₁, 919
 zanuuant- 698
 zena- 126₁, 691, 853₁
 zenant- 853₁
 zeni 126₁, 691
 zik 299
 -zipa- 126₁
- ШУМЕРО-АККАДСКИЕ
 ЛОГОГРАММЫ В
 ХЕТТСКОМ**
- A.AB.BA 671
 A.BĀR 818
 A.NA GIŠ DUBBIN lam-
 nijat 720
 A.NA GIŠ.ĤUR(TE)-kan
 ḥandan 889
 GUD AB armahḥant- 573
 GUD AB.GAL 573
 ALAM 726
 ANŠE 562
 ANŠE.GĪR.NUN.NA 562₁
 ANŠE.KUR.RA 545₁, 725
 ANŠE.KUR.RA ḤI.A 545
 ANŠE.KUR.RA turijaš 573
 AZ 486, 486₁, 516
 DĀRA 486₁, 522
- DĀRA.MAŠ 486, 486₁
 DINGIR LIM-aš KŪ.
 BABBAR-i 713
 DINGIR MES ešḥar šanḥir
 809
 DINGIR MES-aš karpin 819
 DINGIR MES-na-aš ḥu-u-
 -i-lar 486₁
 DINGIR MES-naš-a ištara-
 na 505₁
 DUB.SAR.GIŠ 889
 DUBBIN 494₁, 707₁, 720
 DUMU MES-an 268
 DUMU-la- 765₄
 DUMU.DUMU-aš 765₄
 DUMU.NIN 778
 DUMU.SAL 766₂
 É NA₄ ḥegur D Perua- 615
 É ḥešta- 816, 827, 860
 É-ir 741
 É.NA₄ 827
 É.NIM.LĀL 605, 610
 EN 480
 ERĪN MES ANŠE.KUR.
 RA MES 787
 UZU GAB 819₁
 GEME 478₁
 GIŠ GEŠTIN išpanduzzi-
 652
 GIDIM 726
 GIŠ GIGIR 686, 718₂, 725,
 726, 728
 GIŠ GIGIR TI 725
 GIŠ GIGIR-ja 718₂
 GIŠ GIGIR-ni 718₂
 GIŠ GIGIR ašannaš 726
 GIŠ GIGIR MA.AD.NA.NU
 726
 GĪR-an 268
 GIŠ.ĤUR 625, 889
 GŪB 783₄
 GŪB-la- 783, 783₂, 783₄, 784
 GUD 478, 565, 577
 GUD ḤI.A 725
 GUD-un 565
 GUD-uš 565

GUD.APIN.LAL 572
 GUD.MAḪ 572
 GUD.UDU 630₁
 GUŠKIN 713₃
 GIŠ₁GU.ZA GUŠKIN 726
 GIŠ₁ḪAŠḪUR 642₂
 GIŠ₁ḪAŠḪUR.KUR.RA 642₂
 GIŠ₁ḪAŠḪUR-lu-*u*-an-za 639
 ḪUL-lu 349
 ḪUR.SAG-r(i) 669₂
 IÁ.ŠAḪ 595
 ID 670
 ID-aš UR.ZÍR^{HI.A} 529
 IKU-aš KU₆^{HI.A} 529
 D₁IM-unna- 794
 IR 478₁
 D₁ISKUR 794
 D₁ISKUR-aš 794
 IŠ.TU GIŠ₁GIGIR 726
 III-*ija* 845
 KI-an-zi-pa-aš 303₁
 KÜ.GI=GUŠKIN 713₃
 LÜ₁KÜR-an 268
 LÄL-it 603
 LAMA KUŠ₁kuršaš 909
 LÜ 758₂
 LÜ-iš 758₂
 LÜ URU₁A-*ah*-*hi*-*ja* 901₁
 LÜ URU₁Hatti 913₃
 LÜ NIM.LÄL 605, 609
 LÜ^{MES}hurkilaš 494₁
 LÜ^{MES}kaenaš-šiš 751₁
 LÜ^{MES}paḫḫuenaš 700
 LÜ^{MES}APIN.LAL 787
 LÜ^{MES}AŠGAB 787
 LÜ^{MES}NAGAR 787
 LÜ^{MES}SIPÄ 787
 LÜ^{MES}GIŠ₁TUKUL 787, 787₁
 LÜ^{MES}UR.BAR.RA 493, 591
 LÜ^{MES}UR.ZÍR 590, 591
 LÜ^{MES}UŠ.BAR 787

LUGAL-an 268
 LUGAL-i Pir₁ušaš 798₁
 GIŠ₁MAR.GÍD.DA 725, 726, 729
 LÜ₁MUḪALDIM 700
 MUN-an 703₁
 MUN-aš 703₁
 MUŠ 489, 582
 LÜ₁MUŠEN.DÜ 601
 MUŠEN GAL 601
 NAM.RA 478, 478₁
 UZI₁NÍG.GIG 819₁
 NIM.LÄL 602₃
 NIM.LÄL^{HI.A}-an 605
 QA.TI.SU 819₁
 SAL 758₁
 SAL-nan 758₁
 SAL-ni 758₁
 SAL NA₄ARÄ 693
 SAL ŠU.GI 531, 532, 823
 SILÄ 522
 UZU₁ŠÄ 819₁
 ŠA UG.TUR 505
 ŠA UR.MAḪ 505₁, 510₃
 ŠÄ.SU 819₁
 ŠAḪ 516, 593₂, 593₃
 ŠAḪ-aš 593₂
 ŠAḪ armant- 594
 ŠAḪ *hilannaš* 593₃, 594
 ŠAḪ-aš *hu-um-ma-aš* 594
 ŠAḪ.GIŠ.GI 486, 486₁, 516, 593₃
 ŠAḪ IZ.ZI 593₃
 ŠAḪ.ŠE 593₃, 594
 ŠAḪ.TUR 594, 594₁
 ŠAḪ.TUR-an 594₁
 ŠE 594
 ŠE-u-*u*-an 655
 ŠEG₉.BAR 486
 ŠEŠ 764₂
 ŠEŠ-an 764₂
 ŠEŠ-aš 764₂
 ŠEŠ-ni 764₂
 D₁U 794
 UDU 478, 584
 UDU *ijan*za 584
 UDU-aš *kuršaš* 630₁
 UDU-aš IÄ 630₁
 UDU.A.LUM 584
 UDU.ÄS.SAL.GAR 584
 UDU.KUR.RA 584

UDU.NITÄ 584
 UDU.SÍG+SAL 584
 UDU.ŠE 584
 UDU.ŠIR 584
 UG.TUR 486, 486₁, 500
 UL ara 810
 UZU₁ÜR 812₂
 UZU₁ÜR^{HI.A} 812₂
 UR.BAR.RA 486
 UR.MAḪ 486, 486₁, 508
 UR.MAḪ-aš 508
 UR.MAḪ-iš 508
 UR.MAḪ LUGAL-uš 508₃
 UR.ZÍR *hilannaš* 593₃
 Ü.SAL-*u*a *pa-a-i-ši* 823₁
 UZU 699₁
 GIŠ₁ZÄ.LAM.GAR 726

Лувийский

a- 359
 a-an 359
 adari- 698
 aku- 702
 annan 357
 annari- 860
 annarummaḫit- 802
 annarummi- 802
 anni- 765₃
 a-an-ni-i-ti 46
 ara- 860₂
 ari- 860₂
 arkammana- 925₁
 arma- 685
 armaminti 304
 aš-and-u 328
 aš-d-u- 328, 860₂
 ašḫa 296₁
 ašḫanuḫantiš 816
 ašḫar 206
 -atta 385
 daddu₁ar 391
 dammaranza 903
 e₁elḫa- 307
 e₁ḫa- 307
 -ḫa 860₂
 ḫalali- 860₂
 ḫamša- 750
 ḫappiḫati 812₂
 ḫarduḫatt- 749
 ḫašša- 755₁, 816
 ḫaḫi- 183, 508₂, 577, 582

- ɔrun 819
 ɔ-shiɔ- 206, 220₂,
 704
 ɔ-iš-ɔi-ɔi-an-ti 46
 ɔ-wit-ɔal-aɔi 122, 469
 ɔ-witɔali- 860₂
 ɔ-wamma- 594
 ɔ-watarla- 479₂
 ɔ-watarli- 478₁, 479₂
 .- 860₂
 ɔ-wmmari- 49₁, 783₄
 ɔ-wala- 783, 783₄
 ɔ-warɔili- 785
 ɔ-wšari- 49₁, 408, 783₄,
 785, 860₂
 ɔ-wi 724₁, 860₂
 ɔ-wš- 755, 755₁
 ɔ-wš-ama- 393
 ɔ-wš-a- 49₁
 ɔ-wš-ašša- 60₁
 ɔ-wš-anzu- 710
 ɔ-w(i)- 753
 ɔ-wšaiddu-tta 307
 ɔ-wš-ili- 814₄
 ɔ-wš-itta 307
 ɔ-wš-addu- 604₁
 ɔ-wš-iašš-in EME-in 819
 ɔ-wš-iašš-ašš-i- 376₁
 ɔ-wš-mali-ti-ia-aš aɔaru 605,
 606
 ɔ-wš-mallit- 603, 604₁,
 605
 ɔ-wš-mallitati 603
 ɔ-wš-mamma- 177, 221,
 307, 473
 ɔ-wš-mana- 307
 ɔ-wš-mššana- 860₂
 ɔ-wš-maɔa- 845₁
 ɔ-wš-kušš-anta 304, 305
 ɔ-wš-naš(a)-ri- 280, 765,
 360, 860₂
 ɔ-wš-ri- 280, 764₂, 860
 ɔ-wš-wun 860₂
 ɔ-wš-š 860₂
 ɔ-wš-zan 269
 ɔ-wš-aš 269
 ɔ-wš- 860₂
 ɔ-wš-iašša- 739
 ɔ-wš-waddu-tta 307
 ɔ-wš-wi-ti pa-a-ar-ta-ti 812₂
 ɔ-wš-wana- 741
 ɔ-wš-warta- 812₂
- parrai- 668
 parraianza HUR.SAG^{MEŠ}
 668
 piɔa- 753, 882
 pipišša- 882
 Šanta- 903
 šuɔa- 100
 šu-u-ɔa-at-ta 100
 -ta 361₁
 tapašuwant- 683
 tapašša- 683
 D Tarhunza 794
 tataria- 301₁
 tatarriaman 819
 tati- 765₂, 860₂
 tatiš Tiɔaz 777, 791
 taɔi- 122, 860, 860₂
 -ti 361₁, 367
 tiɔammašš-i- 376₁
 tiɔammašš-iš DUTU-za 376₁
 Tiɔa- 792
 Tiɔat- 227, 242, 475,
 684, 792, 860
 D Tiɔaz 791, 794, 897₂
 tumman- 897, 897₁
 ulantalli- 425
 u(ɔa)lant- 425, 824,
 860₂
 u(ɔa)lanti- 492₁
 -ɔa 367
 ɔ-waɔa- 508
 ɔ-waš- 245₁, 705
 ɔ-wašša- 860₂
 ɔ-wašpa-nt- 705
 ɔ-wašu- 216, 245₁, 478,
 780, 860, 860₂
 ɔ-wašui- 780
 ɔ-winiɔant- 647
 ziti- 821, 860₂
- Иероглифический
 лувийский
 adamain tuha 833
 Adana-wana 902₂
 aku- 702
 asimi- 393
 á-sù-wa 100, 102, 544
 á-sù-wa-i- 100, 544
 atimanza 188₁
 hamasa- 750
- há-+ra/i-+tu-sa 749
 hasu- 750
 hasusara- 750
 hawa/i- 159, 508₂, 577
 Hayi 913
 panta 845
 parna- 863₁
 pata- 146₁
 pia- 753, 882
 surna- 112₁, 484
 su-su-tá 100
 suwa- 100, 408
 su-wá-há 100
 suwana- 101, 243
 sù-wa-nà-i 100, 590
 tà-a 753
 taha 388
 tama- 741, 742₃
 tuwarsa 902
 wal(a)- 492₁
 walatali- 425
 wasu 245₁, 860₂
 wiana- 647
- Палайский
 aɔwanti 46
 aɔu- 702
 aruna- 671
 aš-and-u 328
 aš-d-u 328
 atanti 46
 ɔ-warnaš 670
 ɔ-warnaš ni tekanza 670
 ɔ-warnaš 72₁
 ɔ-waraš 538
 kittar 391
 malit- 603
 para- 765₂, 860₂
 piša- 753, 882
 šamluɔa- 639
 šun- 100
 Tiɔa- 792
 Tiɔat- 684, 860
 tiɔaz 897₂
 tiɔaz... paraɔ 777
 ɔ-wašu- 860
 ɔ-wer- 361₁
- Ликийский
 arawa 477
 cbatru 766₂
 esbe-di 544
 ēnē 357

hrppi 357
iyānatiya 902₂
izre 408, 785, 860₂
kaveš 836
kḏḏase 655₁
mahana- 860₂
pibiie- 882
piyatu 882

ТОХАРСКИЕ ЯЗЫКИ

Тохарский А
(Восточнотохарский)

ak 121, 786₁
aryu 860₂
āk- 94
ākār 612₁, 816
āknaṣ 234
ākrunṣ 612₁, 816
āmpi 67
āre 424, 687, 688,
899
ārki 158, 229, 713
cacāl 176
cai 385
cam 384
-cār 391
ckācar 766
e- 753, 882
-e 392₁
ime 836₁
kalk-a-m 393
kam 423, 815, 879
kanweriṣ 94, 100, 786₃
kašt 48₂, 701, 720
kayurš 566
kälk- 937, 938
kām- 164
kānt 94, 846
kāntu 814
ki 935
klāw- 834
ko 60, 86, 565, 935
ko- 715
kom 684
kon (ков. n.) 590
košt- 715
krām 814₁
kronše 423, 535, 603,
939
kroššune 682
ku 590

grñnaṣa- 741₁, 863₁
tedi 860₂
χḥna 203, 766

Линдйский

bi- 882
bira- 741₂, 863₁

kukäl 57, 86, 88, 220,
410, 718, 720
kum- 86, 88, 410
kumnāš 108
kumpāc 88
kuraš (krošš-) 682
kuryar 747
kuryart 747
kus 86, 387
kus pat 361
lake 425
lāk- 425
lānt- 377, 423
lānci 377
lu 510, 538₁
luk-s- 225, 346
lw-ā 510
lwā-k-am 510
lwā-yo 510
lw-es 510
malañ 641
malke 571
malywät 692
mañ 424, 684, 899
maññkät 684
mäššunt 813₁
mäcar 49, 765
māk 208, 782
mäklune 569
-mār 391
mnu 813, 835₁
mrāc 813₁
-mtār 391
našu 762₂
nāk- 822
nātāk 752
nmuk 848
-ntār 391
ñi (pod. n.) 377

dāv 753
dēt 753
Καν-δαύλης 324
mruvaad 188₁
qelad 188₁
sarokak... nikumēk savēnt
840
Σιλρω- 713₂

ñkät 752
ñom 937
ñom-kyu 834
ñu 783, 846
okät 27, 846
oksiš 236
oktuk 848
or 612
orkām 423
paš 753
pat 361
pat nu 361
pats 168, 758
pāk- 146, 699
pält 468
pānt 845
pāñ 845
pärk- 174, 669₁, 781
-pärkānt 669₁
pärwān- 786₁
pācar 765
pāci 783₃
pācri (pod. n.) 377
pāk 141₁
pās- 158, 346, 695
pe 786₂
pek- 632, 946
pik- 632, 946
plāk- 42
plākām 424
pñāk 847
poke 785₁
poni- 849
por 274, 699
pracar 764
prak- 237
prākär 745
puk 849
rtār 711

- salu* 812₁
sas 842
säksäk 847
säm 384
säm 842
särk 811₂
säle 703, 937
säm 384
se 423, 765
sewä-ši 765
seya-ši 765
sne 122
su- 679
swase 424, 679
swäs- 679

šar 123, 764
šäk 122, 124, 845
šälyp 703
šäptuk 848
škäšt 845
špäñ 117
špäť 846

šanwerñ 815
šäk 49, 846
šärñ 92, 758
šärñe 683
šälyäs 783
šisäk 510
šol 235
šom 475, 821
šoš 585
špäť 154, 408, 813₃
šreñ (мн. ч.) 685
štärt 845
štwar 845
štwaräk 847

taryäk 847
täk- 146₁
täl- 176
täm 384
-är 391
ärk- 346
tärñä- 346
täm 384
ärp- 701
ärpal 701
-är 391
är-k- 346
-e 392₁
ärñ 149, 150, 475, 536,
 821
ärñis (род. н.) 821
ärñ 385
-e 845

tri 845
tri-wsälum 845
tsar 408, 785
tsäk- 49, 146₁, 154,
 826₁
tsän- 671
tsäw- 633
tseke 707
tsik- 49

wak 472₃, 835
walu 425, 824
want 425, 489₁, 677
wašt 741
wäl 423, 752, 938
wäl- 425, 492₁, 824
wälts 848
wänt 677
wär 249, 672, 882
wär yoktsi 671, 703
wärkänt 719, 720
wäs 711, 713, 932,
 939
wäs- 705
we 133, 844
-we 392₁
wiki 846
wir 469₁
wälune 824
wsäl 705
wu 133, 844
yäl 517, 518
yä- 724
yäššuce 818₁
yleñ 517
yo 270
yok- 426, 702, 940₁
yoktsi 217
ysär 117, 206, 816
ytär 46
yuk 245₁, 410, 544,
 939

Тохарский В
(Западнотохарский)
ai- 753, 882
aik 526
äk- 94, 941
älp- 937
äñme 466
äre 424, 687, 688
ärkwi 713
cake 49, 146₁, 670
cäla 176

ce 384
cem 385

ek 121, 786₁

ikante 846
ikäm 133₂, 846
ime 836₁

kaläk- 937
kamerñ 304
kante 94
kantwo 814
karyor 747
kau- 715
kaum 684
kaurše 566
käm- 410
känte 846
käs- 48₂
kärs-a-m 393
kektseñe 98
keme 423, 815, 879
keñ 150, 821
kenine (ос. ч.) 94,
 786₃
**kerčiñi* 175, 744
kest 702
keu 565, 935
kläw- 834
kokale 57, 86, 220, 410,
 718, 720
kor 814₁
krañko 601, 947
kronše 423, 535, 603
krost- 682
krošš- 682
ku 590, 935
kuse 86, 88, 387
kwerñ (вин. н.) 935

laks 536, 538₁, 946
leke 425
luk-s- 225₁, 229₁, 346

-mai 392₁
maiwe 691
maiyya 691
malkwer 571
mañu 813, 835₁
-mar 391
mäcer 49, 765
mäka 782
meli 641
melye 692
meñe 424, 684, 899
mit 604, 611, 935,
 937

- mīsa* 699
mṛāc 813₁
-mt(t)ār 391
nāk- 822
nek- 822
nekāye 791₁
nes- 288₂
nesām 359
-nār 391
nākte 752
nēm 937
nēm-kālywe 834
nū 846
nūmka 848
nūnte 846
nūwe 783
oko 648
okso 129, 566, 937
okt 27, 846
oktaṅka 848
onolme 466
or 612
ost 741
paik- 946
paiyk- 632
paiyye 786₂
pāk- 146
pākw- 699
pār- 174, 669₁, 781
pārwan-e 786₁
pārweṣṣe 843
pācer 49, 184, 765
pāsk- 158, 203, 345, 695
pik- 946
piṅk- 632
piṅkte 845
piś 845
plāk- 424
plāki 424
plewe 675
po 849
pokai 785₁
poke 785₁
pont- 849
pratiṅ 29
prākre 745
prek- 237
procer 49, 184, 764
psāka 847
puwar 189, 274, 699
pwāra (мн. ч.) 189₁
ratre 422, 711
salyiye 158, 703
sana 842
sark 123, 426, 811₂
sālk- 124, 689
sā 384
se 384
seyi (род. н.) 765
skiyo 109, 120
snai 122
solme 812₁
somo 842
soy 423, 597₂, 765
ste 117
su- 679
suwo 593, 935
sūrme 817
swānana 935
swānana misa 593
swās- 679
swese 424, 679
ṣalype 703
ṣar 408, 785
ṣe 842
ṣecake 510
ṣer 123, 764
ṣkas 122, 845
ṣkaska 847
ṣkaste 845
ṣnāura (мн. ч.) 704, 816
ṣpane 117
ṣuk(t) 846
ṣuktaṅka 848
śak 49, 846
śana 758
śaul 235
śaumo 475, 821
śāmna 821
ściriṅ (мн. ч.) 685
ścirye 685
ś(t)wārka 847
štwer 845
štwerne 845
šwāl- 783₁
šwālle 393
šwālyai 783
šwer 845
-tai 392₁
takāsta 389₁
-tar 391
tarne 426
tāl- 176
-tār 391
tāryāka 847
tā(k) 384
tāno 873
te 384
tek- 424
tkācer 184, 569₁, 766
traī 845
trey 845
tri-wsālum 845
tsāk- 49, 146₁, 826₁
tsāp- 683
twere 743
walo 423, 752, 938
war 249, 672, 882
was- 747
wāktasurñe 835
wās- 705
wāp- 424, 583
wek 835
wes 292
wesk- 835
wi 133, 844
wrauṅa 540
yakwe 100, 245₁, 410, 544, 939
yasa 713, 932, 939
yasar 816
yaṣṣūca 818₁
yāltse 848
yāsk- 818₁
yente 425, 489₁, 677
yerkwantai 719, 720
yok- 426, 702
yokalle 393
ysā- 939

ИНДО-ИРАНСКИЕ ЯЗЫКИ

ИНДО-АРИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Древнеиндийский

a- 201, 225, 254
 á-bharat 357, 364
 ábhavam 329
 ábhavas 329
 ábhavat 329
 á-bhūv-am 388
 ad- 33₂
 ádām 41, 50, 388
 ádanam 36, 50
 adbhís 72₁, 671
 á-dbhu-ta- 154
 adbhýás 72₁
 a-deva- 201
 á-dita 166
 ádman 250
 ádmi 250, 698
 ádri- 666, 667
 á-dhā-m 328, 388
 á-dhā-s 328
 á-dhā-t 328
 -adhiti- 716
 adhvará- 789₁
 adhvaryú- 789₁
 ágan 164
 á-gā-m 86, 388
 agnéh (pod. n.) 218
 agni- 218, 225, 257₄, 383,
 699₂
 Agni- 274, 828
 Agni-kravyád- 828
 agnyóh 383
 ágra- 665
 ágram 159, 203
 aghásansa- 493₁
 ahám 207, 383
 áhann áhim 837
 áhi- 67, 526, 528₁
 Áhi-Budhnyá- 502, 526, 489
 áhim 528
 ája 343
 ajá- 131, 417, 585, 586,
 587, 919
 ajá 585
 ajá- ékapad- 587
 aja-garā- 179, 702
 ájāmi 106₂
 ajāśva- 586
 ájāśvaḥ paśupá 587
 ájāti 94
 ájīkā 585, 589
 ájīnam 417, 585
 ájra- 94, 689₂, 694
 ákṣa- 721

akṣāra- 151
 ákṣi 121, 129₁, 786₁
 ákṣiti śrávaḥ 349₁
 ámanthiṣṭām 55
 amblá- 640₁, 640₂
 amlá- 640₁, 640₂
 amṛta- 475, 606
 Amṛta- 476
 amhu- 67, 781
 ámśah 925
 ana- 385₃
 ánaḥ 729
 ánar-viś- 729
 ándha- 873
 ánila- 466, 678
 ániti 466
 ánti 158, 203
 an-udrá- 529
 an-uktá- 472₄, 835
 anu-pra-sthā- 285
 ánuspaṣṭah 119
 anūpá- 224
 ánghriḥ 67
 anká- 723
 áñkuśá- 723
 áñjaḥ 704
 añjānti 704
 añjas-pá- 704
 ápa-citi- 809
 apa dádhāti 66
 a-pád- 572₁
 apaḥ 159
 apaptat 146₁, 153
 apa-skara- 119, 219
 apám mádhye 825
 apám nápat 274, 675
 apám nápatam 351
 api-vat- 835
 ápi vātaya mánaḥ 835
 ápnaḥ 45
 ápnas- 63, 746
 á-prcchat 108
 ap-sará- 185, 280
 arámatih pániyasī 102₁
 ara-s-kr- 219
 árbha- 748, 941
 ardhá-h 923
 arghá- 925₁
 árhati 925₁
 ári- 244, 755, 924
 aritár- 235, 675
 aritra- 235, 675
 árjuna- 158, 217, 229,
 713, 919

arkáh 929
 árṇa- 200, 671
 arnavá- 671, 671₁, 672, 675
 arnavá-samudrá- 671₁
 artha- pati- 351
 aryá- 244, 755, 924
 as- 928
 ásadat 36
 á-sak-ra- 155
 ásat 341
 ásatī 341
 ásat 704
 ási 327₁
 asī- 739
 á-skr dhoyuh 119
 -asma- 292₁
 ás-mi 117, 295, 327₁
 asnáḥ (pod. n.) 117, 187,
 206, 816
 asná 187
 a-snāvira- 816
 áspaṣṭa 119
 ásrḡ 187
 asṛjā 816
 ásrḡk 117, 187, 206, 816
 ásrṫ 816
 ásta- 762₂
 astamana-velāyām 287₁
 ásthi 55, 131, 202, 816
 ás-ti 117, 217, 246, 295, 327₁
 ástu 328
 ásuḥ 201
 ásurá- 201, 750
 -asya 354
 aṣṭá 846
 aṣṭápadī 572
 aṣṭáu 281₁, 846
 áśman- 112, 411, 667, 716
 áśmanau 281₁
 áśmā 184, 230
 áśnóti 753
 áśram 816₁
 áśru 108, 612₁, 816
 áśva- 100, 183, 245₁,
 271, 374, 375, 409, 410,
 544, 587, 777, 796, 914,
 919
 áśvam 272
 áśvamedhá- 482, 483,
 483₁, 483₃
 áśvapatará- 551₁
 áśvá-sani- 544, 546
 áśva-tará- 562₁

- āsvatthā-* 549, 587
āśva-yuja- 552
āśvayūpā- 549
āśvā 317₁, 374, 375, 544
āśvā āśavaḥ 551
āśvām 317₁
āśvīn- 545
Āśvīnau 777, 793₁, 796
āśviya- 196, 545
ati-rēka- 417
ātti 406
ātharvā 788₄
avasran 229, 229₁
avatā- 675₂
āvākṣam 66, 110, 129, 190, 389₁, 412
āvi- 244, 271, 577
āvidat 328, 389
āvih 159, 183
avikā 577, 585
āvīm 272
avi-pālā- 43, 159, 324, 577, 695
ā-voc-a-m 389
āvyaḥ 244
āyaḥ 709
ay-ām 291
āyasaḥ 709
**ay-as(i)* 340
āy-at(i) 340
āy-ā(ni) 340
ayūj- 722, 723
-ā 380
āda 191
ādadāthe 753
Ādityā- 795
ā-dh-ur 305
āḥ 131, 814
āja 191
āji-tūr 822₂
āmād- 698
āmṛā- 640₂, 641₁
āmṛām 640₂
āṇih 131
āp- 72₁, 158, 217, 280, 402, 670
āpaḥ (мн.ч.) 274, 282₂, 670
āpnōti 45, 217, 299₂, 753
āptā- 299₂
ārā 923
ārya- 755, 924
āryati 802
ās- 191₁, 928
āsa 191
āsa- 808₁
- āsā* 191₁
āsah (poḍ. n.) 131
āsam 327₁
āsana 304
āsās 191₁
āsīh 327₁
āsīt 327₁
**ās(s)* 327₁
ās(i) 327₁
āste 217, 295, 391
āsū- 537
āsūm āsvam 551, 837
āsūm... sūryam 349
āsupātvā śyenās 537
āsu-pātvan- 537
āsvaśva- 837
ātī- 543
ātmān- 336
ātmāne-padam 334
āvartā- 546₂
āyū- 802
āyu- 802
bābhasti 156
babhrū- 25, 77, 220, 404, 530
babhūva 221, 295
baddhā- 164
bādgate 146₁
bādhnāti 22, 25, 164, 174, 217
bah- 24
bahū- 22, 200, 218, 225, 782, 929
bahū-vrihi- 351
bakaḥ 60₁
bālam 6
balbalā 53
balīn- 284
balīnī 284
bambhara- 603
bandhati 22
bāndhuḥ 22, 25, 174
bāh- 24
bāhū- 22, 271, 785₁
bāhūm 272
bāṇā- 53
bī-bhar-ti 23
bīlam 53
bodh- 24, 32
bōdgate 163, 174, 217, 250
bōdhati 22
brahmān- 789₁
brāhmaṇā- 788
bruv-é 391
bṛh- 669₁
- bṛhānt-* 43, 174, 200, 217, 224, 668, 668₂, 669₁, 781, 879
bṛhāntam dyām 668₂
bṛhatās pārvatān 668
bṛhatās pārvatāt 668
bṛṇhāti 745
buddhā- 33, 34, 163, 174, 224, 405, 406
buddhi- 33
budh- 24
budhnā- 22, 29₁, 70, 488, 665, 922
budhyāsam 389₁
bukka- 586
bunda- (nanu) 922
bhad-rā- 141₁
bhag- 141₁
bhāga- 141₁
bhāj- 141₁
bhand- 141₁
bhaṅgā 661
-bhara-ḥ 179
bharant-yā 375
bhārasī 340
bhāra-te 391
bhārati 37, 164, 340, 341
bhārāmi 43, 65, 75, 179, 216, 340
bhārā(ni) 340
**bharās(i)* 340
bhārāt(i) 340
bhāres 341
bhāret 341
bhāreyam 341
bharjana- 699
bhasalaḥ 603
bhasanaḥ 603
bhāvasi 329
bhāvate 342
bhāvati 178, 329, 467
bhāvāmi 329, 330
bhāvītum 198, 206
bhāra-se 391
bhārāyati 341, 342
bhāvayati 342
-bhi 244
-bhiḥ 381₁
bhiṣṇak- 347
bhōgaḥ 114
bhotsyati 24
bhrājate 620
bhrātar- 37, 49, 764
bhrātā 184, 195
bhrātāram 195

- bhrātre* 195
bhrātrém 283
bhrātrtvá- 764
bhrū- 786₁
bhṛjjāti (dhānās) 699
bhṛṣṣī- 69₁
bhṛ-tá-h 164, 180
bhubhis 24, 32, 34
bhu-lá- 206
bhunkté 114
bhúvanasya nábhīḥ 351
bhuv-é 302
bhū- 342
bhū-pa- 324
bhū-pati- 351
bhūrjā- 619, 929
bhūtá- 198
bhū-tí- 243
-bhyaḥ 911
ca 218, 353, 354₁
cakāra 178
cakāra 220
ca-kr- 86
cakrá- 57, 220, 410, 707₁,
 718, 720, 728
cakrām hiraṇyāyam 350₂
cakrām sūryam 796
cakṛmá 178
cakhyau 31
caṇḍrāmāḥ 185
cāraṭi 718
carkartī 93, 205
caśālam aśvayūpāya 706
cātasraḥ 281, 425, 845
cattarīsaṁ (naṇu) 847
catūraḥ 92
caturthá- 845
cātuṣ-pad- 474, 588₁
cātuṣpade 796
catvāraḥ 92, 281, 845
catvāri 845
catvāriṁśat 847
cāyate 809
cetār- 809
citrā-vāja- 548₁
cha (чркр.) 122
chāyā 109, 120
chidrā- 109, 112
chidrām 109
chināṭṭi 109
chyāti 120
dabdhá- 154
dabhnóti 45, 146₃, 151,
 154, 154₂, 345, 782
dabhrāḥ 45
dadārśa 178
dadāu 171
dādāmi 41, 50, 159, 203,
 220, 389, 753
dadhārśa 301
dádhāmi 23, 65, 77, 159,
 166, 203, 216, 220, 389
dádhāti 172, 883
dádhi 570
dadhnás 570
dadhūḥ 305
Dadhyañc- 570
dah- 24
dāhati 22, 26, 49, 89, 91,
 146₁, 826₁
dákṣati 110
dákṣiṇa- 129, 783, 915,
 915₁, 947
dakṣiṇá- 417
dam- 41
dāma- 41, 50, 179, 741
dāmam 741
damāyati 205, 209, 483₃
dambhāyati 146₃
dāme 741
damitā 198, 209, 247, 483₃
dām-pati- 41, 74₂
damyā- 483₃, 575
dán 224, 247, 271, 698,
 814
da(n)i- 75, 247, 302
dántam 271, 698, 814
darśāyati 217, 250
dāsyu- 480, 917
dāśa 155, 229, 238₁, 846,
 915, 929
daśasyāti 110, 146₁
daśāt 199
dat-i 165
daviṣṭha- 202
dāvīyas- 230
dāntá- 198, 205
dāna- 196, 754
dāná- apna- 753
dāru 174, 217, 223, 233
 612, 612₁, 622₂
dāruṇá- 613
Dāsa 915, 917
dāśati 110
dāśyāmi 389₁
dātāri 181
dātā 184, 271, 317₁
dātāram 181, 272, 317₁
dātāram 691
dāvāne 171
dāvīyas- 202
degdhi 110
deh- 22, 24, 94, 110, 412
dehayati 707
dehī 22, 26, 37, 43, 49,
 107, 707
deksyāmi 389₁
devá- 36, 226, 242, 271,
 284, 375, 376, 381, 382,
 475, 791, 933₂
devāiḥ 382
devākṛtasya rájā 351
devām 272
devār- 77, 760
devá-sya 376
devásya śrávasā 351
Devásravā 351
deváu 281₁
deva-vi 469₁
devé 383
devébhyaḥ 381
devéṣu 382
devī 185, 204₂, 226, 244,
 284, 375, 376
devyāu 281₁
dévyā bhiṣájā 811₁
devyāḥ (pod.n.) 204₂,
 244, 376
digdhá- 110, 412
dīna-m 227
dinna (naṇu) 220
diṣṭá- 111, 175
diṣṭi- 175, 806
diśāti 36, 806
diśā 806
dīti-h 754
div- 242
divāḥ 223, 910
divás ca gmás ca 149
Divás nāpātā 351
dīvā 791
Divo napātā 777
divó varāhām 515₁
divyá- 242, 250, 475
divyá-rūpa- 351
dīdeti 227, 791
dīrghá- 46, 205, 209,
 230, 782, 860₂
dógdhi 567₃, 569
dravya- 612
droghavác 350
dróghāya vácasa 350
dróḥ (pod. n.) 612
drú- 612

- dru-ghñī-* 617₂
drúh 755₃
drumá- 612
drúṇaḥ (pod. n.) 612, 613
druṇī 617₂
druvāya- 617₂
drūṇam 617₂
dṛṣ- 199
dṛṣ-tá- 224
duhāti 567₃, 569
dūhitar 194
duhitár- 569₂, 766
duhitáram 194
duhitáram divāḥ 796
duhitá 106₁, 114, 150₁,
 184, 194, 207, 208, 243
duhitá sáryasya 777
duhitré 194
dúr- 181
dur-āḥ 181
dur-manāḥ 780
duṣ- 780
dūrá- 230
dū-rāḥ 202
dváu 22, 133, 844
dvá 219, 844
dvār- 22₁, 217, 743
dvāraḥ (mn. ч.) 134₁, 180
dvé 844
dvi- 844
dviḥ 845
dvi-pád- 474, 583₁, 844
dvipáde 796
dvipá- 158, 224
dyāuḥ 223, 226, 242, 777
Dyāuṣ pitah (asm. φ.) 227
Dyāuṣ pitá 777, 791, 792,
 795, 796, 799
dyāuḥ 791
dyāvā-pṛthivī 781, 851
dyút- 218
dyútám 591₂
dhana-dá- 324
dhanvana- 618₃
dhánvati 671
dhaviṣyati 206
dháyati 570
dhā- 172
dhāman- 810
dhānā- 694, 873
dhārá 179
dhātrī 570₁
dhāyate 172
dhénā 567₃, 570₁, 933₂
dhenú- 570₁
-dhita- 166
dhrutá- 133
dhúmāḥ 206, 466
dhūnóti 206
dhūr- LXXVI₁, 721
dhūr-sád- 721
dhvārati 133
edhi 118
éka- 545, 547₁, 843, 922
éka-pad- 572₁, 588₁
ekavṛt- 546₂
ékeṣa- 721
éma- 180
emi 163, 218, 340, 724₁
éṣa- 218
éṣati 218
é-ṣi 340
é-ti 340
evá 922
evám 843
gábhasi- 26, 37, 143, 146
gácchati 88, 108, 120, 341
gácchāmi 410
gadh- 146₂
gádhya- 146₂, 154
gam- 164
gámat 341
gámati 36
-gara- 702
gárbha- 816
gárgara- 837
garimá 228
gatá- 164, 199
gáti-h 86
gau- 60, 77, 86, 88₂,
 89, 191, 565, 567
gávām 191
gáve 191
gávi 191
gávvyūti- 823
gáya- 60, 235, 235₁
gā- 60
gám 191
gāvau 576
girāti 48₂, 93₂, 231, 702
giri- 666, 667
gīrṇá- 93₂
gmāḥ (pod. n.) 149
gná 42, 50, 86, 185, 758
go-pá- 695
grāma- 284
grāmi- 284
grāmi-bhū- 284
grāvan- 89, 228, 653₂, 693
grivá 545
grhá- 22, 22₁, 37, 175,
 744, 931
grṇāti 345
gurú- 93, 93₁, 175, 199,
 204₁, 228, 413, 693, 782
gūhati 97
gūrtá- 93, 205, 413
gū-tha- 565₂
gharmá- 65, 91, 683,
 708
ghas- 48₂
ghnānti 77, 86, 91, 100,
 410, 740
ghrānā 814₁
ghrāti 814₁
ghṛṇá- 176, 418, 708
ghṛṇóti 176
ghṛtám 569
hamsá- 112, 158, 542, 543
hantár- 506
hānti 77, 88₂, 91, 100, 410,
 740
hānu- 183, 244, 815
hānuā 244
hāras- 91, 413, 418,
 683, 708
hāri- 714, 1327
Hariyūpiyā 915, 920,
 954
hāsta- 49, 408, 785
hatá- 740
havir-ád- 324
háya- 522, 544₁
hārdi 173₁
hāyana- 226
hāyaná- 226
héman 215, 226, 304, 681
hemantá- 94, 100, 108,
 202, 216, 226, 304, 681
himá- 242, 304, 681
himāvanti- 250, 681
himāvantas párvatás 681
hinóti 522
hinvati 522
hīraṇya- 419, 714
hīraṇya-cakrān 350₂
hīraṇyena maṇinā 350
hitá- 22₁, 208, 224
hrasati 229
hrasvá- 229
hṛd- 800₁
ibha- 524, 525

- icchāti* 108, 112, 121₁, 345
id-ām 291
idhmān jabhārat 321
i-hī 343, 724₁
ijyā 803₃
imāh 163, 225, 724₁
Indra- 548₁, 795
Indrāpārvata- 793
Indra-Vāyū- 677
iśirā- 801
iśirēṇa... mānasā 349, 834
iṣṇāti 225
-iṣṭha- 55, 388
iṣu- 739
iy-ām 291
iyarti 671₁
irmā- 785₁
īṣā 203, 721, 922
jāhā-ti 23, 37
jajāna 177, 220
jajñāu 171
ja-jñ-é 177
jajñūr 177, 220
jāmbha- 108, 423, 815, 879
jāna- 94, 106₂, 179, 749, 750₂, 772
janaḥ 179
janas- 189
jānasah (под. n.) 179, 186
janas-ī 165
jānasya (под. n.) 179
jānati 748
jan(i)- 205
jāni- 92, 92₂, 413, 758
jani-tār- 205, 216₁
jani-tā 198, 234, 247
jantū- 749
jāngha 97
jārant- 175, 418, 420
jārate 540
jāsate 48₂
jāsuri- 48₂, 702
jāyati 422
jāmātar- 878
jānu 36, 94, 100, 106₂, 173, 233, 786₃
jāta- 175, 198, 205, 234
jāti- 749
jigāti 60
jihvā 814
jirā- 235
jirñā- 93, 175, 205, 217, 224
jivā- 60, 235, 465
jīva-gfbbh- 465
jivō āsur 350
jmayā 149
jmā 149
jñā- 234
jñāti- 234, 762₁
-jñu- 113, 173
jñubādho 324
jō-huv-ānaḥ 221
jrāyah 922
jūrnā- 93₂
kadrū- 155
kāh 86
kākṣā 98, 168
kalā 119
kāñcate 98₁
kapaṭi 143
kapāla- 813₃
kapi- 'благовоние' 102
kapi- 'обезьяна' 131, 523
kāp-ṛ-th (-a) 515
kapucchala- 813₃
kar- 178, 927
karam-bhā- 703
kārat 341
kāratī 341
karaṭa- 540
karāyikā 540
karka- 533
karkara- 533
kar-kar-ī- 221
karkaṭa- 221, 533
karma-dharāya- 348
kārman- 706
karmāra- 706
karōti 706
katarā- 83₂
kavi- 836
kavyātā 836
Kāma-duh(ā) 569₁
kāmam étyāsme 321
kāra- 180
kārū- 93, 205
kās- 154
kāśate 154
kāuti 602
kekarah 157
kīh 160
kīm 160
kirāti 119, 259₁
kirtī- 93, 205
kliṣṇāti 98
kliṣyate 98
klōman- 815
kradhīṣṭhah 119
kradhiyaṃs- 119
kraviḥ 57, 77, 85, 698
kravyām 698
kravy-ād- 698
kravyavāhana- 828
krīṇāti 345, 747
krūrā- 57, 698
kṛdhū- 119
kṛkah 919
kṛka-vāku- 601
kṛkāṭam 919
kṛmi- 196, 527₁
kṛntāti 707
kṛṇōti 176, 341
kṛṣṇā- 417, 710₁, 947
kṛṣṇāyasa- 710
kṛśā- 97
kṛtā- 176, 196
kṣāh 149, 151
kṣam- 151, 475, 536, 821
kṣāmyah 149
kṣanōti 148
kṣāp 150
kṣārati 151
kṣātrām 788₁
kṣātrām... vanatām 321
kṣātriya- 788₁
kṣātrīyam 788
kṣāyati 148
kṣepāyati 123
kṣēti 148
kṣétrasya pātiḥ 351
kṣiṇāti 151
kṣiṇōti 151
kṣipāti 123
kṣiprah 123
kṣiyāti 148
kṣīrām 123, 124, 125₁, 570
kṣīvati 150
kṣmā 149
kṣṇāuti 223
kṣṇōtram 223
kṣṇutā- 223
kṣū- 150
-kṣu- 469₂
kṣu-mānt- 150, 153
kṣu-mān- 153
kṣvēdati 123
Kūbhā 910₂, 917
kumbhā- 24
kūpyati 29
Kuruṅgāh 920

- kū* 160
kūpa- 30
kūrmā-ḥ 533
kvāthati 29, 31
khāla- 57
khalaḥ 57
khalatīḥ 57
khaṇḍa- 57
khāra- 562
khora- 57
khyā- 31
laghū- 782
lāksā 536
lekhā 56₁
lihati 111₁
liḍhā- 111, 111₁
loha- 711
lōhita- || rōhita- 711
lokā- 85, 180
lopāsā- 513
lōtam 740
lōtram 740
lubdhaka- 696
lubh- 696
mādhos (pod. n.) 244
mādhu 244, 602, 603, 604, 606, 937
mādhuas (pod. n.) 244
madhumāraka- 603
mādhu-pā- 324
madh(u)v-ād- 324, 498, 604, 698
mādhvas (pod. n.) 244
mādhyā (cp. p.) 485
mādhyā- 65, 75, 196, 665
madhyamā- 485
mahā-bhāga- 351
mahā-devā- 348
mahān 671₁
Mahān Arṇavā- 671₁
mahānt- 782
mahātman- 351
mahā-yasas- 351
māhi 207, 208
mahi- 782
mahīyamānām 796
-mah 247
majjān 813₁
mākṣ- 602
mākṣa- 923
māla- 783
malinā- 783
ma-mne 177
mānaḥ 216, 813
mānas- 472, 835₁
mānati 835₁
māntram...ātakṣan 321
mānthati 55
mānthā- 931
manthiṣyānt- 55
mānu[ṣ]- 475, 759
mānyā 473, 813
mānyā 545, 666₁, 815
mārta- 418, 475, 926
mārtya- 475
mārya- 548₁, 727, 931
māstaka- 813₁
masti- 811
mastiṣka- 813₁
matā- 176
matī- 199, 224
-māthi- 548₁
mathitā- 55
mathyāte 55
māyate 754
mā 218, 323₁, 385₂, 910, 911
māḥ 684
mām 383
māmsa-bhikṣā 699
māmsām 699
māms-pācana- 699
mānuṣa-rākṣasa- 277
māra- 417, 947
mārṣi 164
mās- 899
māsa- 684
mātār- 77, 765, 773
mātār-aḥ (pod. n.) 218
mātā 184
māti 159, 172, 684₂, 691
mātulā- 773
me 360
meghāḥ 85
mīmāti 684₂, 691
mīmīte 691
Mitrā- 754
Mitrā-Vārūṇa- 548₁, 795
mithā- 754
mithāti 754
mlāna- 632₂, 783
mriyāte 475
mṛjāti 110, 111, 569₂
mṛkṣāti 110
mṛṇmāyaṁ grhāṁ 825
mṛnāti 345, 693₁
mṛṣā- 111, 164
mṛṣyate 128
mṛtā- 59, 180
mugdhā- 110
mūhu 782
mūhyati 110
musta- 664
musāya- 720
mūdhā- 110
mūḥ 128
mūṣ- 114, 135, 531, 915
mūṣ-aḥ 128
mūṣikā 128
nā (оприцание) 254
nā 'как' 385₂
nābhah 45, 65, 167, 667
nābhas- 77, 186, 218
nābhya- 817
nādbhyas 72₁
nagnā- 50
naiṣ- 346
nāk 791₁
nāktam 215, 791₁
naktām-divam 791
nāpāt 183, 767₂
naptī 27, 28, 767₂
nār- 202, 802
nāram 190
nāras 190
nāsate 762₂
nasā 158
naśyati 476, 822
nau-bhiḥ 381
nāva 'десять' 547, 846
nāva- 'новыи' 783
nay- 202
nāya- 346
nā 184, 190, 271, 276
nābhi- 817
nābhila- 817
nāma 181
nāma dhā- 833
nāmadhā- 810
Nāsatyā 548₁, 793₁
nāsā 814
nāu- 381, 634, 674, 825
nāvya- 674
nenikte 335₁
neṣ- 346
nī 781
nidāgd-ḥ 22
niṣkāḥ 933₁
nī- 202
nīdā- 52₂, 118, 152, 155

- pāpā- 781
 pā-pāṭi- 351
 pātū- 802
 pāṭate 236
 pās- 114
 pāna-vābhā- 583
 pāsati 826₁
 pāṣṭha- 191₁, 814
 pāvate 583, 583₁
 pāṣam 583, 583₁
 pācanti 699
 pācāti 146, 410
 pād- 38, 43, 57, 786₂
 pād-āḥ (под. n.) 183, 276₁,
 376
 pādām 272, 276
 pād-ām 268
 pād-i 165
 pākṣā- 148, 148₁
 pākṣma 578
 pākthā- 845
 pān- 102₁
 pānthās 55, 63
 pāṅktī- 849
 pāṅca 89₁, 91, 92, 92₂,
 410₁, 413, 547, 845
 pāṅcāśāt 847
 pāra dah 195₁
 pārasmai-padam 334
 pārasvant- 562
 pārasū- 716, 716₂, 739
 pāri-kṣit 148
 pāri-man- 198, 234, 240
 pāri-man-i 234
 pāriṅas-a 234
 pāriṅanya- 615, 618₂, 793,
 795
 pākaṭi 614, 618₁
 pāsna- 689
 pāśu- 812₂
 pāvata- 614, 666, 667,
 658, 793, 795
 pāvata- ādri- 666
 pāvata- giri- 666, 671₁
 pāvay āsvam nāyantī 321
 pāsas- 817
 pāsasé 119
 pāsāṁ 744₁
 pāsāve 244
 pāsā 915
 pāsā- 29, 146, 150,
 244
 pāsā- 469₂, 482₁, 579
 pāsāḥ (под. n.) 244, 579
 pāsve 244
 pāsyaṭi 119, 219
 pātarā- 57, 537
 pātati 57, 146₁, 216, 226,
 537
 pātatra- 45, 57, 153
 pātaye 244
 pāti- 29, 168, 244, 374,
 758, 758₂
 pātir dān 742
 pātīṅi 374, 759
 pātram 152, 272
 pātyate 759
 pātye 244
 pātyuḥ 244
 pathās 55
 pathi- 55
 pathi-kṛt- 55, 324
 pautra- 201₁
 pāvate 345
 pāyas- 570
 pā- 883
 pādām 271
 pānam 702
 pāṅī āva nenikte 335₁
 pānti 209
 pāriṅāta- 618₂
 pāsta 209
 pāsānā- 744₂
 pāsya- 744₂
 pāt 146₁, 183, 271, 276,
 276₁, 376
 pāti 'noem' 77
 pāti 'займуцаем' 59, 158,
 172, 203, 695
 pāyū- 695
 peṣṭar- 692
 pēsa- 110
 pībati 26, 53₁, 72₁, 220,
 346, 402, 426, 702, 960,
 961
 pībāmi 75
 pikā- 541
 piṁśāti 110, 143, 947
 pināsṭi 692
 piṅgalā- 143
 piṅkte 110, 632
 pīparmi 220
 piṣṭām 658
 piṣṭā- 129, 658, 692
 pitār- 38, 43, 49, 765
 pitāram 317₁
 pitā 184, 317₁, 795
 pitṭbhiḥ sam-vidānā- 824
 pitṭbhyām 250
 pītu-dāru 631
 plakṣā- 614
 plava- 'лягушка' 534
 plavā- 'ладья' 675
 plāvate 675₁
 plihān- 815
 prā-bhartar- 65
 pra-jñu- 59₁
 praśna- 'плетение' 228,
 706
 praśnā- 'вопрос' 237,
 241
 pra-stumpāti 119
 prati-jñā- 804
 pratīpā- 224
 pravate 534
 (prā-)yakṣa- 696₂
 prāna- 607₁, 781
 prāyaḥ 234, 240
 priyā-sakhi- 348
 pruşṭā 682
 pṛcchāmi 250
 pṛcchāti 108, 176, 237,
 241, 345
 pṛdāku- 501
 pṛśṇi- 536₁, 594
 pṛtsu-tūr 822₂
 pṛthivī 55, 284, 781
 pṛthū- 55, 63, 196, 199,
 200, 250, 284, 781, 919
 psāra- 150₂
 psāti 150₂, 156
 psu- 150₂
 psūra- 150₂
 pūms- / pūtmāms- 821
 punāti 345
 purāḥ 199, 202
 purū- 199
 puru-kṣū- 150, 153, 579
 pūruṣa- 821
 purū dānsānsi 349
 puṭa- 779
 putrā- 201₁
 pūr 744
 pūra- 657
 pūrṇā- 93, 198, 205,
 234, 240, 781
 pūrtā- 200
 pūrti- 200, 812₂
 pūrva- 843, 915, 921
 pūrva-sā- 597₂, 878
 phālakam 739
 phīngaka- 542

- raghú- 782
 rajanī 423
 rajatá- 229, 713
 rajatám 919
 raśanā 921
 rátha- 56₁, 216, 284,
 718, 728, 796
 rátham 706
 rátham táksan 728
 ráthaniḍa- 729
 ratheṣṭhā- 56₁, 719,
 728, 788₄
 rathī- 284, 377, 719
 ráthya- 719
 ráva- 511
 ravi- 684
 rayi- 172, 747
 Rayī- 747₂
 ráh 172
 rāj- 216
 rájan- 216, 284, 751, 820₂
 rájanyá- 820₂
 rāja-putra- 277
 rájaputram 285
 rájati 751₂
 rájñī 284, 751
 rájyá- 751
 rāsabha- 562₂
 ráṭ 183
 rāyáḥ 172
 riktá- 224
 rikhāti 56₁
 rinākti 44, 217
 rirēca 178
 rocāya- 178
 rocāyati 92₁
 rodh- 477
 roká- 114
 ru- 511
 rucāya- 178
 ruc-é 92₁
 rudāti 180
 rudhirá- 66, 422, 711
 ruk-/c- 92₁
 rúśant- 114, 512
 ṛ-cchāti 345
 ṛjipyá- 106₂, 539, 929
 ṛjú- 751₂
 ṛkṣa- 149, 151, 497, 499
 ṛñóti 196, 200, 218, 225,
 345, 478, 671
 ṛñónti 304
 ṛñjānti 751₂
 ṛśabhá- 517₁
 ṛśa- 517
 ṛśya- 517
 ṛśya-dá- 517
 ṛtá- 810
 ṛtām dadhá 321
 ṛtām sapāmi 321
 ṛtásya pathá 351
 ṛtásya váhasā 351
 sá(h) 218, 275₁, 378, 384
 sa ca 359
 sad- 33₂, 342
 sá-garbhya-ḥ 817
 sáhas- 110
 sa-hásram 848, 922
 sáhate 110, 111₂, 155,
 289
 sájeti 155
 sakṣa- 110
 sákthi- 33₂
 sákha 185
 sákhyuḥ 185
 sal-ilá- 116, 158, 674,
 675, 703, 937
 sama- 'какой-нибудь' 202,
 259₁
 samá- 'подобный' 199,
 843
 sám aranta 365
 sam-udrá- 671₁, 675
 samudrám 671₁
 sam-dhá- 365
 sam-kr̥t 176
 sán 271
 sána- 783₁
 sanaká- 783₁
 saniṣvaṇat 301₁
 sanóti 198, 259₁
 sánt- 303, 810
 sántam 272
 sánti 224, 246, 250, 305
 sántu 328
 sápati 829₁
 saptá 199, 547, 547₁, 846,
 926
 saptamá- 846
 sárati 227
 sarít 227
 sárma- 227
 sarpá- 223, 526
 sárpati 217, 223, 526
 sarpís- 703
 sárva- 812₁, 929
 sarvasvam 285
 sarvátāti- 812₁
 sás- 66₁, 96₁, 248₂
 sasáda 295
 sásati 295
 sát- 810
 sattá- 33₂
 satyá- 810
 satyó mántrah 350
 savati 597
 Savitṛ 597₁
 savyá- 783, 915₁
 sá 384
 sādāyati 116, 342
 sādḥá- 111, 111₂
 sáman- 835
 sāmī- 843
 sánu 233
 sá-tá- 198, 259₁
 sécate 696
 sēnā 382
 sēnāsu 382
 sétuḥ 927
 simá- 259₁
 simha- 506, 507, 510
 simhāsya stanātha- 510₂
 sinam 259₁
 síndhu- 674₁, 675
 Síndhu- 917
 sineha- (нр.кр.) 117
 s(i)ya- 202
 siyám 197
 síra- 689
 sítā 689
 sívyati 704
 skabhñāti 117
 skhálate 44, 55, 117
 s-más(i) 305
 snāvan- 704, 816
 sneha- 117
 snigdhá- 681
 snih- 681
 snuśá 117, 761
 sóma- 653
 soma... pániṇatam 102₁
 Soma pányam-panyam 102₁
 sómam... sunoti 321
 spásati 56, 119
 spáṭ 119
 sphārā- 55
 sphāyate 55, 117, 219
 sphítā- 55
 sphurāti 55, 196
 sphurāmi 75
 sphúrjati 54, 117, 205
 sphúrjāyati 117
 sphyá- 627
 srava- 931
 sravát- 180

- śvā-tr-á-* 228
śvitrá- 102₁
śyāvá- 230, 539, 417,
 710₁, 947
śyená- 538₂, 539
ta- 275₁
tád 218
takṣ- 728, 835
takṣaka- 629₁
tákṣan- 706
tákṣati 148, 706
tákṣā 148
takṣñi 148
tákli 146₁, 670
tala-m 933₂
tám 384
tañ 285
-tana 328₁
tánam 283
tánā 283
tanóti 38
tanú (cp. p.) 280
tanú- 199, 280, 782
tán(u)vaḥ (pod. n.) 244
tanūḥ 244
tāpaḥ 153, 683
tāpant- 146₃
tāpati 146₃
-ta(r) 196
-tara - 388
táratí 57, 93, 200, 205,
 420, 822₂
taravāri- 932
tarāṇi mṛtyúm 822₄
tarú- 612₁, 622₂
tár(u)ṇa- 933₂
tásya 378
taṣṭá- 706
tāṣṭar- 706
tát 275₁
tat-puruṣa- 348, 351
taṭākam 672
táviṣim dádhānaḥ 321
tāḥ 385
tám 384
tāraḥ 685, 686
tāt 384
té 385
te 360
tejate 119
tejayati 119
tisrá- 216₁, 281, 425, 764₄,
 845
tīṣṭhati 55, 117, 217, 220,
 220₂, 258, 295
tīṣṭhāmi 166, 203
tittirá- 541
-īr 200
tīrṇá- 93, 198, 205
tókman- 689
tópati 119
trápate 217
trásati 237
tráyaḥ 217, 281, 547, 845
tráyodaśa- 547
tri- 547, 845
triḥ 845
trimśat 847
tri-pád- 224, 547, 845
Tritá- āptiá- 851
tri-yugá- 722
trīni
tṛ- 825
tṛṇa- 927
tṛṣ-nā 128
tṛṣyati 44, 128, 419
tsáratí 150₂
tsaru- 150₂
tsáru- 150₂
tucchyá- 417
tumpáti 119
túmpati 119
tupáti 119
turíya- 148, 153, 845
túrya- 845
tu-tudé 221
t(u)vám 197, 219
-tūr 200
tvá- 291
tvacas- 134, 813
tvák- 134, 813
tvám 299
tvárate 133
tvám 133
tvēśá-raiha- 548₁
ubhnāti 163, 424, 583,
 583₂
ucchalati 109
ucchāti 108, 120
ucchoaṅkáḥ 109
úd- 196, 243
udaka- 189
udakám 189
udan- 189
udáni 248
udá 248, 671
udrá- 529
ugrá- 52, 85
uk- 148
ukśán- 263, 281
ukṣáti 52, 566
ukśáya- 178
ukśá 129, 566, 937
uk-tá- 224, 472₄
ukhá- 708
umbhāti 163
unábधि 249
unátti 248
undáti 250
úpa 121
upa-bdá- 154₃
upári 38, 121
úpa-sli- 480
upasthānam 480
úraṇa- 584, 931
úrā 584
urú... *sádas* 349
urugāyám... *śrávo* 843
Uruśravas- 349₁, 834
urvārā 688
uśásariṁ vibhātim 834
uśāḥ 185, 223
uṣṇá- 826₁
uṣṭá- 826₁
úṣṭra- 525
uśánt- 163
út- 243
útsam ákṣitam 834
údhār 66, 569₄, 933₂
úrdhvá-bāhu- 351
úrj- 751₂
úrmí- 861
úrṇā 206, 578₁, 583₁,
 928
útá- 583, 583₁
úvuh 583, 583₁
vac- 148
vacaḥ- 835
vacas- *vac-* 835
vadhú- 204₂, 756
vadhvāḥ (pod. n.) 204₂
vāhati 65, 70, 110, 129,
 412, 723
vaiśya- 820₃
vájrah 928
vájram... *ásiñcata* 321
vájram á jigharti 321
vak-luk- 472₃
vakṣ- 236
vákti 835
válbh- 124
valmika- 222
vamrá- 222, 527₂
van-ādhi- 716

- vanam* 286
vānas-pāti- 728
vanāya pratiṣṭhāti 286
vandhūra- 729₁
vāṅgati 930
vaṅka- (*nanu*) 930
vaṅku- 930
varaṇa- 635
vāpati 515
vāpra- 515
varāha- 924
vārdhati 236, 646
vārman- 741
vārṇa- 788₃
vārṣati 680
varṣmān- 128
vartani- 546, 719
vārtate 546
vārtati 719
vārtra- 741
varū-tār- 741
vārūtha- 741
varvati- 222
vār-var(t)-ti 221
vār-vṛt-ati 221
vāsana- 705
vasantā- 304, 690₂
vasar- 304
vāsati 206, 468
vasatī- 468
vasnām 747
vasnayāntā (*ḍa. u.*) 747
vāsnya- 747
vāsta 392
vāste 705
vāstra- 705
vāstram 272
vāstu 741₃
vāsu 860₂
vāsu- 216, 245₂, 478, 780
vāsuśravas- 349
vāś- 221
vāś-mi 163
vatsā- 783, 930
vāṭ 108
vāvākṣa 52
vavasra 229
vāyaḥ 233
vayām 292
vāyas- 469₁
vāyati 230, 583, 583₁, 649
vayā 650
- vā-* 230
vācāḥ 183
vāghāt 236, 803
vāhana- 546₁, 547₁, 723
vāja- 548₁
vāk 148, 168, 183, 216, 472₃, 803₂, 835
Vāk 838
vāna- 583, 583₁
vānt- 489₁
vār- 249, 672, 882
vāri 672, 882
vāsará- 229, 690₂
vāta-h 425, 677, 930
vātave 583, 583₁, 583₂
Vātāparjanya 677
vāti 206, 489₁, 677
vāyā- 583
vāyasā- 233
vāyúḥ 677
ved- 33₂
vēda 70, 178, 295, 301, 302, 494, 836₁
vēh 233
veśā- 180
vetasāḥ 628
vēt-tha 55, 295
vī-/vē- 489₁, 537
vidātha- 480₂
vidātham 23
vidmā- 178
vidmān- 836₁
vidhāvā 65, 759
vidhū- 759₂
vimśatī- 847
vindhāte 759₂
virapśā- 470, 513₂
viśām 931
viś- 743, 749, 788₂, 820₃
viś-pāti- 743, 759
viśpātnī 743
Viśva-karman- 706, 715₁
viśvāsām...viśām pātīm 349
viśva-tūr 822₂
viśvā 349
viśvā... dhāma 349
viśvā dveṣānsi tarati 321
Viśvāmitra- 349
vittā- 33₂, 52, 406
vīvakti 835
vīrā- 416₁, 469₁, 759
vīsam (*nanu*) 847
vrajā- 223, 236
Vṛcayā- 920
vṛddhā- 236, 646
- vṛddhi* 191, 201₁
vṛddhi- 236
vṛka- 176, 199, 270, 271, 284, 375, 492, 493₁, 499
vṛkam 272
vṛkasya (*pod. n.*) 270
vṛkau 281₁
vṛkā 380
vṛkāt 377
vṛkī- 284, 375, 492
vṛko hi śāḥ 493
vṛṇōti 741, 930
vṛṣaṇau 566
vṛṣā 566, 930
Vṛṣākapi- 523
vṛṣni- 566
vṛtrām tar- 321
vyāyati 649
vyāna- 649
yābhati 817₁
yācchati 341
yā-d 275₁, 387
yā-h 218, 387, 910
yājate 334
yājati 216, 334, 803₃
yajñā- 803₃
yajñām ayajanta 321
yaknāḥ (*pod. n.*) 187, 273, 815
yākrī 187, 188, 188₁, 225, 273, 275₁, 815
yamā- 132, 655₂, 778
Yamā- 778
Yamu-rāja- 823
yāmati 341
yānti 724₁
yāvā- 655, 928
yāvīṣṭha- 802
yā 353, 387
yācati 216, 818₁
yāna- 724
yātar- 760
yāti 724
yé jānitvāḥ 353
yōḥ 805
yugā- 45, 179, 721, 722
yugalā- 723₁
*yugām LXXVI*₁, 85, 272, 276
yuj- 552, 722
yunākti 721
yuñjānti 304
yuṣma- 292₁
yūḥ/yūśān- 703
yū-kā 535

Митаннийский арийский
aika- 546, 547₁, 843, 922
aika-ṃartanna 546, 863,
 914
 LU *aššušanni* 544, 546
barpu-nni 530
Biridašya 553
Biriššiya 553
Indara 548₁
mani-(nni) 666₁, 815
marjanni 548₁
Mattiya 548₁

НУРИСТАНСКИЕ (КАФИРСКИЕ) ЯЗЫКИ

aḥi (кат.) 108
am'är (кат.) 640₂
am'er (ашк.) 640₂
am'er (прас.) 640₂
amrā (кат.) 640₂
baš (вайг.) 133
bē (ашк.) 134₁
brūj (вайг.) 619
cāw (вайг.) 108
ccū (вайг.) 590
čuna 915
duč 915

ДАРДСКИЕ ЯЗЫКИ

bluz (зав.-бат.) 619
brhuj (пхал.) 619
brūš (дамел.) 619

ИРАНСКИЕ ЯЗЫКИ**Авестийский**

a-bda- 154₂
adāiti 698
aēiti 724₁
aēstəm... *bəratəm* 321
aēš- 218
aēša- 922
aēša yuyō.səmi 722
aēta- 753
aēva- 546, 843, 922
aēxa- 682
aḥnah-vant- 159, 746
aḥra- 665
ah- 928
ahura- 376, 750, 923
ahurahyā (под. н.) 376
Ahura- Mazda- 353, 750,
 854, 923
ahū- 750
airya- 924
airyānəm vaējō 920
airyō 924
aka- 723, 941

Mitraššil 548₁
Našatiyanna 548₁
na-ṃartanna 546₂, 547
panza 92, 189
panza-ṃartanna 547,
 914
šatta- 547₁
šatta-ṃartanna 547
ter(a)-ṃartanna 547
Ū-mar-ia-as-pa- 546₂
Uruyanaššel 548₁
ṃart- 547

juḥ (кат.) 506
jū (вайг.) 106₁
jūḥ (вайг.) 506
kuḥā'ik (вайг.) 647, 647₁
lawāša, *lāwāšā,* *liw'ašū*
 (вайг.) 513
lūšt (прас.) 114
maū (ашк.) 773
mōl (вайг.) 773
mūsə 128₂, 915
Pōrun 615, 616₂
pus (вайг.) 631

khan- 928
khanun (кашм.) 928
sat (шин.) 926

Aməratāt- 854
aməša- 475
ana- 385₂
ana-zqda- 929
anku-pəstəmna- 941
anhu- 201
anhū- 739
aoda- 248
aog- (*aogādā,* *aoxta*) 803
aogah- 52
aogarə 52
aogādā 236
aojaitē 236
aošta- 191₁, 814
aoštra- 705
Ara-xširā- 123
arəqm napā 351
Arəqm Napāt- 675
api-vatāite 836
Arədvī Sūra Anāhita 582
arəda- 923
arəja- 925₁
arəjah- 925₁

-ṃartanna 546, 547₁, 719,
 550
ṃašanna 547₁, 723

Новонидийские языки

āḥā (бенг.) 693
āḥā (хинд.) 693
'dīaḥi (синдхи) 1321
kars (пандж.) 618₂
karš (пандж.) 618₂
karšu (пандж.) 618₂
kariū (пандж.) 131
raḡāi (пандж.) 614, 618₂

pāci (кат.) 631
səw 927
sete (прас.) 926
terwōč (кат.) 932
təw'až (прас.) 932
tšun (вайг.) 590
vekā (ашк.) 134₁
wacak'ok (вайг.) 529
wiš (вайг.) 931
wiš (кат.) 931
yū (вайг.) 655
yū (ашк.) 655
zū (ашк.) 106₁

sāt (шин.) 926
ser 927
wāli (паш.) 639₁

arəjaiti 925₁
arəma- 785₁
arəšō 497
arəta- 810
a-saya- 109
asman- 230, 667
aspa- 245₁, 544, 914, 919
aspa para... *nayente* 321
aspā- 544
aspō-gar- 702
aspya- 545
asrū- 816₁
asta- 762₂
asti- 131, 816
astū 328
aša- 'молотый' 693
aša- 'законный' 810
Aša- Vahišta- 854
ašahyā... *paḥō* 351
ašahyā važdrəng 351
ašavazah- 351
ašəm... *daduyē* 321
ašəm dəraidyāi 321

- ašəm... hapti* 321
aši 121, 129₁
ašta 846
ašti- 846, 850
(ava-)hisidyāt 109
awra- 668
ayah- 709
ayanhaēna- 709
ayanhō (под. н.) 709
azaiti 94
azəm 383
azəm yō ahurō mazdā 353
aži- 502, 526
aži-dahāka- 502
ažim 528
qsa- 925
ā-dišti-š 175
ādū.fradana- 655
āfante 63
ājš 158, 274, 282₂, 670
āh- 132, 191₁, 814
ākasaṭ 154
āpō tačinti 670
ās-lāh- 928
āsu- 537
āsu.aspa- 551
āsu.aspəm 837
ātar- 788₄
ādravan- 788, 788₄
āxtūrim 148
āyū 802
arəzata- 713, 919
arəzi (де. ч.) 498₁, 817
arəziŋya- 106₂, 539, 929
arē 133, 844
araha- 661, 932
arəša- 928
arəšnu- 669
arəzah- 669
-barō 179
avaiti 178
awra- 530
awri- 530
bazah- 929
bāxdi- 920
bāzauš 785₁
barəte- 180
barəz- 669, 781
barəzant- 200, 669, 669₁, 843₁
barəzi- 174
barəzi-čaxra- 843₁
bi- 844
bi-māhya- 844
biš 845
brātar- 764
brāzaiti 620
brvat- (де. ч.) 786₁
bubāva 221
būna- 488, 922
būza- 586
čaraiti 718
čašman- 154
čatanrō 281, 425
čadwarəsatəm 847
čadwārō 92, 845
čaxra- 57, 220, 718, 728
čaxra zaranaēna 350₂
čārā 706
čiš 117
čit 387₂
dab- 146₃, 151
dadāiti 753
daēnu- 570₁, 933₂
daēva- 226, 271, 791, 933₂
daēvaqm 272
dažayəiti 94
dantan- 247, 302, 814
darəga- 205, 209, 230, 782, 860₂
darəva- 209, 230
dasa 846, 929
dašina- 417, 947
dašinō 129, 129₁
dažaiti 91, 146₁, 826₁
dəm (лок.) 741
dəmən- 749
dəmi (лок.) 741
dānō- 694
dānu- 671
dāuru- 612, 617₂
dāvōi 171
dəbāvayaṭ 154₂
dəbənaotā 154₂, 782
dəbu- 154₂
dəmqnō.paθni- 374
dəng-pati- 742
dəng patōiš (под. н.) 742
dəuš.srauuah- 780
draoga- 755₃
draoγəm vāčim 350
draoγō.vāxš- 350
druaēna- 612
dugədar- 150₁, 207, 569₄, 766
duγdar- 114, 150₁, 766
duš- 780
dva 133, 844
dvaēdā- 133
dvarəm 134₁, 743
fra-bda- 154₃
fra-bərətār- 65
fra-pataiti 146₁
fra-pixšta- 632
fra-sānəm 120
fra-sparəva- 205
frašna- 237
frašnəm 706
fra-šnu- 59₁
frāna- 781
frāyō 234
fsəratu- 150₂
fstāna- 418
fšu-šan- 152
fšu-yant- 152
fšū- 150, 469₂
gəda- 928
gəēdā- 381, 465
gəēdābiš 381
gah- 48₂
gairi- 666
gao-dāyah- 580
garəma- 683
garəman- 702
gav- 580
gava- 920
gavasna- 519
gayō 60, 235, 235₁
gāuš 565
gāuš urvan- 580, 824
gəmən 304
gənā- 86
gərəbuš 816
gərəda- 175, 744, 931
gouru- 782
grava- 233
guz- 97
gū-θa- 565₂
γnā- 86
ha- 275₁
haētū- 927
haētumant- 920
haiθim məθrəm 350
haiθya- 810
ham.pačaiti 146
hana- 783₁

- hant-* 303, 810
haoma- 653
haosrauuana- 780
haoya- 783
ha-paḍni- 374
hapta 547, 547₁, 846,
 926
haraiṣa- 920
harax^vaiti- 920
harəzaiti 697
hat- 810
haurva- 'целый, невреди-
 мый' 812₁, 929
haurva- 'охраняющий'
 479
haurvatāt- 812₁, 854
hav- 597, 766
haxa (им. п. ед. ч.) 185
hazarəm 848, 922
hāma- 843
hišku- 155
hi-štaiti 117, 220₂, 295
hizū- 814
hizvā- 814
hu- 780
hubərətəm barāt 321
hu-manah- 780
hunaoitī 653
hunara- 802
hunu- 423, 597₂, 765
hurā- 653
huška- 598
huxšnaoḍra- 233
huxšnuta- 223
hū- 593
hūiti- 788
hvar- 117, 196, 684
isaitī 108
isu- 682
išu- 739
izaēna- 94, 418, 420
ḷaini- 92, 413, 758
ḷaintī 91, 740
ḷamaitī 164
ḷaraitī 48₂, 231, 702
ḷasaitī 108
ḷata- 740
ḷuyō anhuš 350
ḷva- 465
ḷyātum 235, 235₁
kaēnā- 809
kahrka- 601, 922
kahrkāsa- 539₂, 922
kan- 928
kar- 927
Kara- 933₂
kas-išta- 97
kasu- 97
kas-yah- 97
kaša- 98, 168
kata- 29, 146₂, 932
kavay- 836
kāmahyā... yəm itē 321
kāy- 809
kərənaitī 706
kərəntaitī 707
kərəsa- 97
ma- 291
maḍu- 607, 937
māyca- 85
maidya- 65
mainyeite 813
mairya- 931
mana (pod. n.) 383
manah- 813
manaḍrī- 666₁, 815
manḍrəm tašaṭ 321
maoirī- 174
marəta- 418, 475, 926,
 926₁
marəzaitī 110
marya- 920
maša- 382, 475, 926,
 926₁
mašyaiš 382
mati- 666
maurvay- 222
maxši- 602, 923
mazant- 782
mazga- 813₁
mā 218
mātar- 765
mā 684
mərənčaitī 346
mərəta- 59, 925
mərəzaitī 569₃
mərəzu- 59, 782
miḍwara- 754
minu- 815
mruy-ē 302, 391
nabah- 668
nabā-nazdišta- 817
naēza- 288
napāt- 767₂
naptar- 767₂
nar- 788, 802
nas- 822
nasu- 476, 822
nasu-nikāna- 829
nasu-pāka- 829
nasyeiti 822
nava 547, 783, 846
nava frāḍwərasāma razu-
rəm 647
nāh- 814
nāma 937
nāməm dā- 833
nāvaya- 674
nəmah- 754
nisāya- 920
niṭəma- 781
pad- 146₁, 381, 786₂
padəbiš 381
paēman- 570
paēs- 110, 143
paēsa- 110
pairi-daēzayeiti 707
paitī- 168, 374, 758
paiti-busti- 224
panča 91, 413, 547,
 845
pančāsāt 847
parənah-vant- 234
parəsu- 812₂
parō 199, 202
pasəuš vīrāṭ-čā 470
pasu- 146, 283₂, 469₂,
 577, 580
pasuka- 283₂
pasuš-haurvō 479
pašna- 'взгляд' 119
pašna- 'веко' 578
patarəta- 537
-paḍni 374, 759
paurva- 843, 921
pāiti 695
pərəna- 781
pərəsaitī 108, 176
pərətu- 673, 946
pərəḍu- 781, 919
pišant- 692
pištra- 788₃
pitar- 765
pouru- 199
puxda- 413, 845
raēš 172
raēvant- 746
Raḥhā- 934₁
raoḍayeiti 92₁
raoḍah- 931
raopi- 513
raoxšna- 685

- raða-* 56₁, 718
raðaē-šta- 56₁, 719, 728, 788, 788₄
ravan- 227, 931
razan- 751₂
razura- 654
rāštəm 751₂

sačaiti 97
saēna- 539
saēte 94
saġa- 31
sairya- 817
saočint- 98
satəm 94, 846, 926
sānghaite 804
sidarəm 109, 112
Siiāuuāspi- 417, 710₁
snaēža- 117
snaēžaiti 65
snaēžāt 681
snað- 236
snāvarā 704, 816
spaka- 590
span- 590
spānəm 590
spanta- 102₁, 801
Spanta- Ārmaiti- 102₁, 854
spərəzan- 815
srū- 484, 566, 925
svara- 484, 925
svā- 925
staora- 520₂, 574₁
stərəbyō 176, 685
stunā vīdārəyeiti 321
sūkā- 927
syāva- 230, 539, 710₁, 947

-šnu- 173
šōiðrahe pailim 351
šyāta- 235, 242

ta- 275₁
tačaiti 146₁, 670
tači-āp- 670
taēža- 119
tafsən 146₃
taoxman- 689
taršta- 237
taša- 706
tašaiti 706
tašan- 706
tašta- 706
tauruna- 933₂

taurvəyeintim vīspā tba-
ēšā 321
tāpaiti 683
tāta- 153
tāya- 748
tāyu- 748
tərəs- 237
təvīšim dasvā 321
tiŷra- 500
tiŷri- 500
tišrō 216₁, 281, 425, 845
tiži-bāra- 707
tūiri- 570
tūirya- 148, 153, 845

ðrayō 547, 845
ðrānhayete 237
ðri 845
ðri- 547, 845
ðri-kamərada- 845
ðrisat- 847
ðriš 845
ðrita- 851
ðwa- 291
ðwāša- 133

ub-daēna- 163, 583
udra- 529
ugra- 85
upa-skambəm 117
upa-vādaya- 758
urupi- 513
urvarā- 381
urvarābyas(-ča) 381
urvan- 467
us- 243
usaiti 108
usant- 163
us-vādaya- 757, 758
ušā 185
uši 786₄
uštrō 525
uxšan- 129, 566, 937
uxšyeiti 52, 566
uz- 243
uz-daēza- 107

vačah- 835
vadū- 756
vaēiti- 628, 650
vaēkarata- 920
vaēm 292
vairi- 672, 675, 882
vak- 835
vanhana- 705

vanhāu sravahi 349
vanhu- 780
vanri 690₂
varāza- 924
varəd- 931
varəða- 663
varək- 124, 689
varənā- 578₁, 928
varəsa- 931
varəšna- 566, 930
varəz- 223
varəzāna- 223, 236
varšni- 930
vas- 221
vaste 705
vastra- 705
vawžaka- 535
**vayəm* 292
vazaiti 65, 110, 723
vazra- 928
vazračiŷ... niŷrāire 321
vazrəm... ŷrahixtəm 321
vādaya- 758
vādayeiti 756
vāiti 489₁, 677
vār- 672
vārəðman- 930
vāstar- 695, 788, 788₄, 824
vāstryō ŷšuyant- 788
vāta- 677, 930
vāxš 168, 183, 835
vāyuš 677
vəhrka (məop. n.) 380
vəhrka- 492, 930
vərəd- 931
vərəðra- 741
vərəðrəm tar- 321
vərəz- 223
vərəzda- 931
vīdavā- 759
vīsta- 406
vī-mad- 811
vī-mādayanta 811
vīra- 469₁
vīs- 743, 749
vīsaiti 847
vīs-paitiš 743
vīspanəm... dāmanəm 349
vīspā ayārā 349
vīspō vīsō vīspatōiš 349
vīš 537
vīša- 931
Vohu- Manah- 780, 854
vohuna-zga- (spā) 155

xrū- 698
xrūra- 698
Xšaθra- *Vairya-* 854
xšaθrəm... *vanaēmā* 321
xšapan- 150
xštva- 845
xšvaēwayat(.aštrā-) 123,
 124
xšvaš 122, 123, 125₁, 845
xšviwi.išu- 123
xšvid- 123, 124, 125₂,
 570
xumbō 24
x^va- 336
x^vaēda- 117, 125
x^vaē-pati- 758
x^vajsaiti 125
x^vanašt(.čaxra-) 123
x^vanhar- 119, 125, 764,
 926
x^vap- 117
x^var- 124
x^varənah- 675
x^varəθō.bairya- 653
x^vasura- 760
x^vəng (pod. n.) 188₂, 196,
 684
yaoj- 721
yaoždā- 805
yaoždāti- 805
yasna- 803₃
yava- 655, 928
yazaitē 803₃
yazamaide 803₃
yā 353
yāh- 705
yāiti 724
yākarə 815
yārə 691₁
yāsta- 705
yēma- 132, 778
Yimō Xšaētō 824
yō 353
yuj- 721
zāmā 155
zān- 226
zana- 179
zanga- 97
zangra- 97
zanlu- 649
zotar- 788
zao-zao-mi 221
zaranya- 714

zaranyō.čaxra- 350₂
Zarəb-uštrō 525
zarəta- 418
zari- 714
zasta- 785
zayan- 215
zayana- 226
zqm 821
zāmātar- 878
zānu- 244, 815
zdī 118
zəmaka- 242
zəmē ni-kan- 829
zərəd- 173₁, 800₁
zrayah- 922
zrayō 922
zrazdā- 324, 800, 834
zyā 94, 184, 226
žnūm 786₃

Древнеперсидский

adam 383
adurujiya 755₃
aiva- 546, 547₁, 843,
 922
a-p(a)rsam 108
ardala- 713
ariya- 924
ariya-čiça- 755
ariyānām 755
ἄρξίτρος (упр.) 106₂, 929
aršti-bara- 324
arta- 810
asa- 544, 914, 919
asa-bāra- 324
aθaha 804
Auramazdā- 750, 923
a-xšata- 148
bara-man- 815
brazman- 789₁
brātar- 764
dadātuv 753
dahyu- 480, 917
daiva- 933₂
danuvatiy 671
daraniya- 714
darga- 782
dasta- 785
didā- 94, 707
drauga- 755₃
drayah- 922
gaud- 97

hama- 199, 202, 843
haruva- 812₁, 929
kan- 928
kāra- 270, 740₁, 741
kāra-hyā (pod. n.) 270,
 376
manā 383
martiya- 59, 475
mām 383
napāt- 767₂
nāham 814
nāviya- 674
ni-pišta- 632
patiy 361
rautah- 931
šiyāti- 235
tarsatiy 237
taumā- 689
tigra- 500
θarmiš haya naučcina 634
θata 926
θatagu- 565
θātiy 804
θātiy Dārayavauš 804
uv-aspa- 349
uvāmaršiyuš amariyatā
 830
v(a)rdana- 223, 236
viθ- 743
xšnā- 234
Пехлевийский
arz 925₁
azak (cp.-nepc.) 131, 417,
 585, 589
āluh 539
barštan (cp.-nepc.) 699
bun 922
buš 928
dāyag 570₁
dēw 933₃
dōšidan 569
dōxtan 569
ērān 924
ērān-wēz 920
gawazn 519
haft 926
hazār 922
hur 653
jamšēt 824₁
kan- 928

kandan 928
kark 601, 922
kār- 927
mard 926
mērag 931
rah 580
pašm 578
raz 650₂, 654
rōpāh 513
sargēn 817
srād- 800₁
srū 925
stōr 574₁
tarrag [tik] 927
wabz 535, 603
warrag 584, 931
wars [wls] 931
warz 928
way 537
wazr 928
wāyendag 537
wiš 931
w't 930
xūg 593
xwahar 926
zrēh [zlyh] 922

Парфянский

'ry 924
'spg 590
ħwrybr 653
n-mrz- 110
nwršt(k) (*navrāštak*) 654
rz- (*raz-*) 654
rzkr (*razkar*) 654
σπάχα (*μιδ.*) 590
zryh 922

Хотано-сакский

äce 543
āci 543
āhusāte 125
bāta- 930
bilsa- 931
birgga- 930
brañja 619
bruñjə 619
buna 922
ggūysna- 519
hī 927
hvañ- 125
kāmbā 661, 662
kuñbā 661, 662
mañth- 55, 931

mārāre 925
māva'- 923
mūysañdai 110
naḍaun- 190
ni-malys- 110
padam- 742₃
pasa- 580
pā'sa 594, 921
rrusta- 711
rruvāsa- 513
sa- 926
saha- 521
sata- 926
šsar- 150₂
ššū- 925
tarra- 927
vašāra 928
ysamaššandai 102₁
ysāre- 922

Согдийский

'dw-k (*бyдд.*) 655
'βt(°) 926
'γwšh 125
'nxx-wzn 546₁, 723
'py'st- 946
'rγ 925₁
'sp- 544
'šk'np 117
'w-synd- 109
βγ'ny 661₁
crks 539₂
γ'wzn- 519
kyrp' 661, 662
kyrtm- 527₂
mōw 604, 931
mñd- (*-mañb-*) 931
mrṭ mrṭ 926
mwyšk- (*бyдд.*) 923
mwškyc 128
pšw (*вин. п.*) 577, 580
pwrδ'- 504
pwrδ'nk 501
**sayāka-* (*маних.*) 109
st- 926
sy'k (*маних.*) 109
šnx 927
tph 683
wrs 931
wrtñ 719
wšn- 930
wšcnyy 783
wyrk- 930
-wzn 547₁
xw'r 125

xwrn- 783
ynγyn'k- 682
yw'nk 930
yudγn 682
z'γ 542
zm'wrc 174, 222
z'r 922

Хорезмийский

bakanīn 661₁
knb 661, 662

Скифский

Išpakaī 550
καλναβις 661
Πόρατα 673, 946
**san-* 661
σανδιπα 661
σδναπις 661

Осетинский

αβδα (*алан.*) 926
acc 543
allon 924
arǰaw 929
arm 946
avd 926
awærdyn 931
æcægælon 924
æfs- 603
ælit-on 655, 932, 946
ænæ-zad 929
ændon 929
ænǰezun 97
æra-sæ-farsta 366₂
ærdæg 923
ærvad 764
ævdæm 926
ævz- 603
æwærdyn 546, 547₁, 550
æxsyr 123, 570
æxsyrǰ 691
æz-mæntun (*дигор.*) 55
(æz)-mæntyntun (*иронск.*)
 55, 931
barc 928
bægæny || *bægæni* 661₁
bælon 602₁
bærz || *bærzæ* 619, 929
bærzond 669
bæxfældisyn 550
bæz- 929
bæzǰyn 929

bīræġ || *beræġ* 496
Boiriaty-xæræg 563
byn || *bun* 922
cærgæs 539₂
dæs 929
dombaj 521
domyn 483₃
don 671
dūcyn 569
fars 812₂
færæt 716
fælank || *færank* 501
fæsm 578
fūrd/ford 673, 946
fys || *fus* 577, 580
fyssyn 946
gædy 600
gæn || *gænæ* 661, 662
ġizun 97
ird 929
jæfs 544
jæw 655, 928
jong 930
kalm 527₂
kark 922, 947
kættag 661
Kurd-alægon 715₁
læsæg 536, 946
mal 673, 943
mærdæ 926, 926₁
myd 604, 607₁
myd-az 610
mydy k'yrġæd 610
mydybyn 603
myst 531
mystülæg 531₁
Nart - 190, 802
naz || *nazu* 634₂
næzy || *naz* 634
ong 930
qūg/ġog 565
rætæn 921
ræzæ 654
rong 607, 607₁, 655
sag 519
sāka 519
sædæ 926
sæn 662, 655
sæntzoræg 661₂

sæntzurdæj 661₂
sæntzyrd 661₂
stur || *stor* 574₁
tærna 933₂
tæxyn 670
tūlġ || *tolzæ* 617, 617₁
urdæ 529
urs 930
vurs 930
wæjug 677
wæng 930
wær 584
wærdon 719
Wærææg 496, 930
wæs 930
wis/wes 946
wong 930
wormæg 930
wyrd 529
wyzyun || *uzun* 526
xalon 540
xæfs 534₂
xæræg 562
xed 927
xid 927
xo 764, 926
xonyn 125
xujun 927
x₀āræn 783₂
x₀ārūn 783₂
x₀æræ 764
x₀īn 927
x₀y 593, 596₂
x₀ydon 596₂
x₀ygæs 596₂
zærond 175, 418
zyrnæg 540

Ягнобский

arz- 925₁
barrá 931
suk 927
wása 930
уац 655

Афганский (пашто)

barġ 619
čærg 922, 947
čærga 922
ġal 928
karəl 927
maṇa 641₁

parša 744₂
Pērūne 615
prāng 501
psə 580
sānga 927
sōe 157
wrəi 931
xōr 926
yaхni 682
yīna 187
yōr 760
zəṇau 946
zər 922

Памирские языки

aγd (шугн.) 682
atīnġa (мундж.) 641₁
bərež (сангл.) 619, 929
bəruġ (шугн.) 614, 619, 929
bəruž (шугн.) 929
furz (вахан.) 619
ġūd (вахан.) 928
iš (шугн.) 682
kərk (вахан.) 947
ləroγo (йидг.) 929
tawṇ (язгул.) 641₁
tāḃ (сарык.) 931
tāwṇ (рушан.) 641₁
tāp (шугн.) 931
mel (сангл.) 641₁
menḃ (ишкаш.) 641₁
mōp (шугн.) 55
mōxē (йидг.) 55
mōxē (йидг.) 931
mīn (шугн.) 641₁
pēi (вахан.) 627
pəlang (вахан.) 501
pəlang (ишкаш.) 501
pis (сарык.) 501
pit (вахан.) 631
pōv- (сангл.) 53₁
pōv- (вахан.) 53₁
sūi (вахан.) 157
šī (парач.) 925
šū (йидг.) 925
šəw (вахан.) 925
šōi (сангл.) 925
tab (вахан.) 683
uvēs (ишкаш.) 513
uvēsok (ишкаш.) 513
vərvēs (сангл.) 513
wərg (йидг.) 930
wərvēs (сангл.) 513
widg' - (язгул.) 653₁

wōpn (шугн.) 928
 wōwn (хуф.) 928
 wōwn (барманг.) 928
 wišenḡ (вахан.) 930
 wūš (язгул.) 930
 xix (шугн.) 125
 xšīr (мундж.) 123, 570
 yārtē (йидг.) 946
 yaš (вахан.) 544
 yēd (шугн.) 927
 yeid (сарык.) 927
 yēid (шугн.) 927
 (y)iš (вахан.) 682
 yōč (вахан.) 543
 yurt (вахан.) 946
 zangīāk (сангл.) 927
 zəmt (сахан.) 681

Новоперсидский

amrūd 641₁
 arz 925₁
 azg 585
 Aždahā 502
 āluh 106₂, 539
 ārd 693
 bagnī 661₁
 barra 584
 birištan 699
 buland 669
 bun 922
 burz 669
 buš 928
 buz 586
 būzina 523₁
 čahār 845
 day 226
 dām 483₃
 āna 873
 daryā 674₁
 ēv 933₂
 īōxtan 567₂, 569
 irang 782
 ixt 766
 ixtar 766
 ē-ān 755
 ertān 924

fih 627
 gāv 565
 gul 663
 gurāz 924
 gurg 930
 gurs 931
 gu-sistan 109
 haft 926
 haftum 846
 hazār 922
 īrān 755
 jamšīd 824₁
 jav 655
 jigar 187, 815
 kana 661, 662
 kanab 661, 662
 kandan 928
 kargas 539₂
 kārge (диал.) 922
 kark 601
 kaval 556
 kār-zār 741
 kirm 527₂
 mard 926, 926₁
 may 604
 māh 684
 mūš 531
 nājū 634
 nažuvān 634
 nōj 634
 nōz 634
 nōž 634
 palang 501
 pārs ~ fārs 500, 501, 504
 pīnū 570
 rasan 921
 ravān 467
 raxš 536
 raz 650₂, 654
 resen 921
 rōbāh 513
 sad 926
 sag 590
 sargīn 817
 sāya 109
 serū(n) 925

siyāh 230, 539
 soru 925
 sōk 927
 surūn 925
 sutūr 574₁
 šīr 570
 tađaru 541
 tar(r)e 927
 taš 706
 taxš 629₁
 varāz 924
 xar 562
 xusrū 760
 xvay 125
 x^oāhar 926
 x^oāl 783₂
 zan 92, 758

Таджикский

burs 619
 burz 619
 xondan 125
 xox,ar 125
 xusrū 125

Курдский

būz 622₂
 jaw 655
 mēš 923
 pas, pes 580
 purs 594, 921
 varg 930
 viz 634₁

Белуджский

gvabz 603
 jaw 655
 jō 655
 mušk 128
 sāig 109
 sindag 109^{*}
 srō 925
 hī 927
 hōt 926

Парачи

kurγ 922^{*}

ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК

- α-218, 254
 "Αβου ποταμοῦ 72₁
 'Αγαμέμνων 838₁
 'Αγαυήδη 811
 ἄγε 343
 ἀγέ-λαος 323₁
 ἄγιος 216, 803₃
 ἀγκύλη 723
 ἀγκύλος 723
 ἀγνο(Φ)εῖν 171
 ἀγόρ 904
 ἀγορή 852
 ἄγραυλος 694
 ἀγριάμπελος 348
 ἄγριος 36
 ἀγρός 94, 689₂, 694
 ἄγρω 67
 ἄγω 70, 94, 106₂
 ἀδελφεά 764₃
 ἀδελφεός 816
 ἀδελφός 764₁
 ἀδελφοῦ γυνή 760
 ἀδίκη 257₃
 ἀδμής 483₃
 ἄδημος 483₃
 ἀείρω 719₁
 ἀέλιος 188₂
 ἄελλα 206, 489₁, 677, 678
 ἄελλαι χειμέριαι 677
 ἄεντα 489₁
 ἀέξω 236, 849
 ἄζομαι 216, 803₃
 ἄζυξ 723
 ἀΨέλιος 684
 ἄ(Φ)εσα 206
 ἀ(Φ)ήρ 489₁
 ἄΦηοι 206
 ἄ-(Φ)ιστος 406
 ἄηοι 489₁, 677
 ἄθεος 748
 'Αθήνηοι 382
 Αἶα 907₁
 αἶγ- 418
 αἰγανέη 619₁
 αἰγίλωψ 619
 αἰγίοχος 796
 αἰγίς 619₁, 627
 αἰγός (ποθ. π.) 586₂
 'Αἰόης 365, 824
 αἰδώς 185
 αἰεῖ 802
 αἰετός 233, 537, 538₁
- αἰθέρι ναίων 796
 αἰθοπι οἶνω 827
 αἵματο-λοιχός 324
 αἵματο-ῥόφος 324
 αἵνωμαι 753, 882
 αἶξ 94, 106₂, 420, 678
 Αἰολός 678
 αἰ-πόλος 324
 αἰρέω 753
 αἶσα 753, 882
 αἰών 802
 ἀκέομαι 818₁
 ἄκεσμα 818₂
 ἀκεστήρ 818₁
 ἀκέστωρ 818₁
 ἄκμα 906
 ἄκμηнос 906
 ἄκμονας δύο 667
 ἄκμων 184, 230, 411, 667, 716
 ἄκμων ὁ οὐρανός 667
 ἀκρόπολις 348, 744, 852
 'Αλβανία 911₃
 'Αλβανοί 911₃
 ἀλειφαχοί 324
 ἄλευρον 899
 ἀλέω 693, 899
 ἀληθέο-τερο-ς 388
 ἀλειός 674
 ἀλήρης 675
 ἄλιος 674
 ἄλκη 517
 ἄλμη 674
 ἀλός (ποθ. π.) 674
 'Αλούτας 862
 ἄλς 116, 158, 674, 703
 "Αλτος 862
 "Αλυς 674₂
 ἀλφεῖν 925₁
 ἀλφή 925₁
 ἄλφитон 656
 ἀλφός 65, 783
 ἀλφός 783
 ἀλωή 652
 ἀλώπηξ 513
 ἄμαθος 156
 ἄμαξα 721
 ἄμαξα 686
 ἀμάρη 886
 'Αμάρυνθος 886
 ἀμάω 690
 ἀμβροσία 59, 476
 ἄμβροτον αἶμα θεοτο 902
- ἄμβροτος 59, 475, 640₁
 ἀμέλω 98₁, 164, 569
 ἀμέργω 569₃
 ἀμητήρ 690
 ἀμητος 690
 ἄμμες 291, 292₁
 ἀμνή 584
 ἀμνός 584
 ἀμό-θεν 199, 202
 ἄμπελοι (μκ. υ.) 657₁
 ἀμφήν 781
 ἀμφω 67
 ἀνάγκη 159, 822
 ἀνά-θημα 810
 ἀν-άρισιος 810
 ἀνδράποδον 474
 ἀνδρός (ποθ. π.) 190, 197₁
 ἀνδρο-φάγος 324
 ἄνεμος 466, 678
 ἀνήρ 184, 190, 197₁, 202, 271, 276, 802
 ἀνέρα 190, 272
 ἀνεπιός 768₁
 ἀνθινον 873
 ἀνθος 873
 ἀνθρωπος 418, 821
 ἀνθρωπο-φάγος 324
 ἀννίς 203, 766
 ἀντί 158, 203, 814
 ἄξουες (μκ. υ.) 731
 ἄξων 721
 ἀπάτωρ 167₁
 ἄ-πελος 228
 ἀπό δὲ ἐκάπυσσεν 29
 ἀπό καπύω 29
 ἀπολιθῆμι 66
 ἀπότισις 809
 ἄπτω 63
 ἄ-πυστος 33, 34, 224
 ἀράσμαι 802
 ἀραρυῖα[ι] ἀντιάφι 288
 ἀρατρον (δυαλ.) 688
 ἀράω 688₁
 ἀργής 713
 ἀργι-158
 ἀργι-κέραυνος 796
 'Αργολίς 908
 ἀργοναῦται (μκ. υ.) 908
 ἀργός 158, 217, 229
 "Αργος 908
 ἄργυρος 713, 919
 'Αργώ 907, 908

- ἀρή 802
 ἀρήγω 751₂
 *Άρης 793, 797
 ἄρκειος 149₁
 ἄρκηλος 149₁
 ἄρκος 149₁
 ἄρκτος 149, 151, 497
 *Αρκύνια ὄρη 614
 ἄρμα 723, 731
 ἄρματο-πηγός 324
 ἄρμη 229
 ἀρνός (ποθ. π.) 584
 ἄρστρον 688, 690, 899
 ἄρουρα 477, 688
 ἀρόα 424, 688, 688₁, 899
 ἄρπη 691
 ἄρσιον 810
 ἄρτο-κόπος 324, 699
 ἄρνα 131, 635
 *Ασκληπιός 811₁
 ἄσκρα 626₁, 627
 ἀσπαίρω 55
 *Ασπακος 550
 ἀσπιδή-στροφός 324
 ἀσπίς 627
 ἄσπρις 627
 ἀστεροπητής 796
 ἀστέρος (ποθ. π.) 685
 ἀστήρ 28, 176, 685
 ἄστρα 685
 ἄστν 741₃
 ἀστν-νόμος 324
 ἀσννετεῖ 44
 ἀτέμβω 151
 ἄτριον 230
 ἀυλός 609₂
 αἰξίω 52, 236
 αἰός 158
 αἰός 158, 598
 αἰτό-ματος 176
 αἰτός 336
 αἰω 598
 αἰως 185
 ἀφενός 63
 ἀφη 63
 ἀφθιτον ὕδωρ 349₁, 834
 ἀφθορός 151
 ἀφνειός 45, 63, 746
 ἀφρων 167
 *Αχαι(Φ)οί 901₁, 901₂,
 903₁
 βαβαί 59
 βαβράζω 59
 βαίνω 36, 60, 86, 88₂,
 164, 410
 βαίτη 40, 59
 βάλανος 617
 βαμβαίνω 59
 βανῶ 86, 89
 βᾶρις 59
 βαρός 93, 175, 199,
 228, 413, 693
 βάσκανος 906
 βάσκε 108, 120
 βάσκειν 906
 βάτην 164
 βάτος 59
 βατός 199
 βαύζω 59
 βδέλλιον 59
 βέβρυχα 301
 βέκος 59
 βελίων 6
 βέσμαι 235, 235₁
 βῆτα 59
 βιᾶ 422
 βιβρώσκω 48₂, 702
 βίος 60, 465
 βίρη 710₁
 βλάξ 231
 βλίτω 59, 603, 640₁
 βο(Φ)ί 191
 βο(Φ)ός (ποθ. π.) 191,
 565
 βομβύλη 603
 βοό-κλεψ 324
 Βορέης 666, 678
 βόρειος 666
 βόρμᾶξ 222, 527₂
 βορός 179, 231, 702
 βόσις 59
 βόσκω 59
 βοτήρ 59
 βού-βοτος 59
 βουκόλοι 59, 88₂
 βουκόλος 695
 βου-πόλος 324
 βούς 59, 77, 86, 88₂,
 191, 565
 βού-τύρον 565, 570
 βου-φορβός 324
 βράπτειν 48₂
 βραχύς 59, 72, 782
 βρέγμα 813₁
 βρεχμός 813₁
 Βρέγες 910₂, 911₁
 βροτός 59
 βροτός ἔστι 280
 βροτο-φθόρος 324
 Βρύγες 910₂
 βρώμη 231, 702
 βρωίσις 702
 βρωτός 702
 βύβλος 59, 60₁
 βυθός 6
 βύρμᾶξ 174, 222
 βύρσα 60₁, 902, 909
 βῶν 191
 βῶξ 73
 βῶς 191, 565
 γαιή-οχος 324
 γάλα 98₁, 148, 568, 568₂
 γάλακτος (ποθ. π.) 98₁,
 148, 568
 γαλάκτωσις 568₂
 γαλώως 760
 γαμβρός 878, 906, 907
 γαμέω 878, 906
 γάμος 878, 906
 γάνα 905
 γαργαίρω 221
 *γῆγαμεν 177
 γεγαώς 177
 γέγονα 177
 γέγονε 220
 γέγονα 301
 γέμος 179
 γένε-ος (ποθ. π.) 186
 γενέσθαι 175
 γένεσις 175
 γενέτωρ 198, 205, 216₁,
 234, 247
 γένος 94, 106₂, 179,
 186, 749, 750₂, 772
 γέντο 179
 γέννυ(Φ)ος (ποθ. π.) 244
 γένυς 183, 244, 815
 γέρανος 540
 γέρην 540
 γέροντος (ποθ. π.) 418
 γέρων 93, 175, 205, 217,
 418, 420, 501
 γεωργοί (μν. υ.) 788
 γίγνομαι 75, 220, 748
 γιγνώσκω 36
 γλάγος 98
 γλακκόν 98₁
 γνυ- 113, 173
 γνύξ 59₁
 γνωτός 234, 762₁
 γοδᾶν 906
 γόμος 179
 γόμφος 108, 423, 815,
 879
 γόνος 179

- γόνυ 36, 59₁, 94, 100,
 106₂, 173, 196, 233,
 786₃
 γοργός 98
 Γοργώ 98
 γουνός (ποθ. n.) 173
 γράμμα 624
 γράφω 624
 γύαλον 905
 γύης 905
 γυμνός 88, 168, 169
 γυναικός (ποθ. n.) 283₂,
 758
 γυνή 42, 50, 86, 89, 92,
 185, 271, 283₂, 413,
 758
 δάγκλον 905
 δᾶήρ 77, 157, 760
 δαιδάλος 905
 δαιδάλλω 905
 δάκρυ 612₁, 816
 δάκρυμα 816
 δάκτυλος 149₂
 δαμάλη 483₃, 575
 δαμάλης 483₃, 575
 δάμαρ 263, 742₂, 903
 δάμαρτος (ποθ. n.)
 742₂, 903
 δάμναμι 209
 δάμνημι 483₃
 Δαναοί 902₂
 Δάναπρις 671
 Δάναστρις 671
 δανείζειν 334
 δανείζεσθαι 334
 Δανούβιος 671
 δασύς 175, 200
 δαύω 906
 δέατο 227, 791
 δεδίοκομαι 107₂
 δέδορα 178
 δειδίοκομαι 120
 δεικνύμενος 110
 δεικνύμι 36, 175, 806
 δείξω 389₁
 δειράς 666
 δειρός 666
 δέκα 38, 229, 846
 δεκάς 199
 δέκ-το 33₁
 δέλσαρ 175
 δελέατος (ποθ. n.) 175
 δέλλις 904
 δέλφαξ 817, 904
 δελφίνος (ποθ. n.) 817
 δελφίς 817
 δελφύς 816
 δέμω 742₃
 δένδρεον 612
 δένδρον 612
 δεξιτερός 129, 155, 417,
 783
 δέος 133
 δέπας 902
 δέρας 228
 δέρκομαι 217
 δέρω 707
 δεο-πότης 168, 742
 δέχομαι 155
 δήλος 227
 δήμ-αργος 324
 δημιουργεί (μκ. u.) 788
 δημο-βόρος 231
 δήν 230
 δηράς 666
 δηρόν 230
 δι- 133, 844
 δίδοντι 864
 δίδωμι 41, 50, 159, 166,
 203, 220, 306₁, 389,
 753
 δίδωσι 864
 δι-ενος 783₁
 ΔιFί (δαμ. n.) 791
 Δι(F)ός (ποθ. n.) 36,
 223, 791, 796, 910
 δίκαιος 806
 δικασ-πόλος 806
 δίκη 806
 Διοκλής 351
 δίος 242, 250
 Διοσκόροιοι 351, 555,
 777
 δι-πλόος 779
 δι-πλός 706₁
 δι-πους 474, 844
 δίς 845
 δμᾶτός 198, 206, 209,
 483₃
 δμωή 742
 δμώς 742
 δνόφος 151
 δόγμα 155, 196
 δοFεναι 171
 δοκέω 146₁
 δολιχός 46, 782, 860₂
 δολφός 817
 δόμος 41, 50, 179, 741
 δόξα 155
 δόρυ 174, 196, 217, 223,
 233, 612, 617₂
 δόσις 754
 δοτήρ 167₁, 317₁
 δοτήρα 317₁
 δοτός 166, 208
 δούλιον ήμαρ 479₂
 δοῦλος 479₂, 957₁
 δούρατος (ποθ. n.) 612,
 613
 δουρός (ποθ. n.) 174,
 612
 δρακεῖν 199
 δρεπάνη 687
 δροίτη 617₂
 δρυ- 174
 Δρυ-αχαρνής 613₁
 δρυμά (μκ. u.) 174, 612
 δρυός (ποθ. n.) 612
 δρυς 223, 612, 619
 δρυτόμοιοι (μκ. u.) 731
 δρυ-τόμος 174, 324
 δύ(F)ο 844
 δυο- 780
 δυσμενής 780
 δύσ-χιμος 242
 δύω 844
 δω- 133, 219
 δώ-δεκα 133, 848
 δῶρα φέρει 335
 δῶρα φέρεται 335
 Δωριεῖς 957₁
 Δωριεύς 957₁
 δῶρον 196, 754
 δωσέοντι 864
 δῶτερ 184
 δωτήρ 181, 184
 δωτήρα 272
 δωτήρος (ποθ. n.) 181
 δῶτωρ 167₁, 184, 271
 ξ 336
 εανός 705
 εαρ 117, 206, 304,
 690₂, 816
 εαρος (ποθ. n.) 690₂
 εᾶσι 246₂
 εβδομήκοντα 848
 εβδομος 846
 ε-βη-ν 388
 ἐγειρομαι 296
 ἐγνω 234
 ἐγγήγορα 296
 ἐγγελυς 526₁
 ἐγώ 36, 207, 208, 383
 ε-δάμα(σ)α 209

- ἔδανος 906
 ἔδειξα 389₁
 ἔδνα (ἔδνα), μν. υ.
 757
 ἔδομαι 36, 70, 77, 217,
 698, 816
 ἔ-δο-μεν 388
 ἔδρακον 224
 ἔδωκα 41
 ἔερση 680
 ἔφεδνώω 757
 ἔφεδνωτής 757
 ἔ(F)ειπ-ο-ν 389
 ἔφεργω 223
 ἔ-φιδ-ε 328, 389
 ἔ-φικ-ῶ 689
 ἔζουμαι 36, 116, 152,
 155
 ἔ-θε-μεν 388
 ἔθηκε 910
 ἔϊαρ 816
 εἶδαρ 302, 698
 εἶδατος (ροδ. π.) 303
 εἶκοσι 133, 847
 εἶλη 117
 εἰ-μέν 246₂, 305
 εἰμί 246₂, 295, 327
 εἴμι 163, 180, 218, 724₁
 εἰν-άλιος 674
 εἰνατέρες (μν. υ.) 760
 εἰνατος 846
 εἰργουσι 223
 εἶρω 231, 361₁
 εἶς 246₂
 εἶς 842
 εἰο-άντα 814
 εἶφω 218
 ἑκατόμ-βη 565
 ἑκατόν 94, 846
 ἑκγεγάτην 220
 ἑκέρασ(σ)α 234
 ἑκ-πους 122
 ἑκτος 845
 *ἑκτωρ 110, 111₂
 ἑκυρά 123, 760
 ἑκυρός 112, 123, 760
 ἑκυσα 228
 ἑκῶν 163
 ἑ(α)Fιον 646₁
 ἑλάτη 634
 ἑλαφος 517
 ἑλαγός 782
 ἑλέτω 543
 ἑλεθέρως 249, 477
 ἑλεφάντιος 524
 ἑλεφαντιός ποπφί 288
 ἑλέφαντος (ροδ. π.) 524
 ἑλέφας 524, 525₁
 ἑλική 124, 628
 ἑλικῶν 124, 628
 ἑ-λιπ-ον 163, 199, 224
 ἑλκόμεναι... ἄροτρον 689₁
 ἑλκω 124, 689
 ἑλλός 517
 ἑλπος 703
 ἑμέ 385₂
 ἑμεῖο 385₂
 ἑμός 291, 385₂
 ἑν 842
 ἐν-άλιος 674
 ἑναξε 905
 ἑνδεκα 848
 ἑνδιος 791
 ἐνενήκοντα 848
 ἑνη 385₂
 ἐννέα 846
 ἐνήκοντα 848
 ἑννῶμι 705, 899
 ἑνος 783₁
 ἐντί 305
 ἑξ 122, 845
 ἑξάστοιχος 122
 ἑξήκοντα 847
 ἑξ-πτη 225
 ἑοικα 296
 ἑόντα 272
 ἑορ 123, 764
 ἑπεα πτερόεντα 835
 ἐπί-βδα 154₃
 ἐπιζάφελος 905
 ἐπίσταμαι 473₁
 ἐπιταδές 906
 ἐπιτηδές 906
 ἐπιτηδεύω 906
 ἑπομαι 216, 696
 ἑποπος (ροδ. π.) 541₁
 ἑπος 148, 168, 472₃
 ἑπος εἰπεῖν 835
 ἑποψ 541₁
 ἑπτά 28, 199, 846, 926
 ἐ-πτά-μην 146₁, 153,
 225
 ἑπτατο 152, 153, 224
 ἐπτόμην 152, 224
 ἐ-πυθ-όμην 163, 174
 ἑπω 829₁
 ἑργω 223, 236
 ἑρείκη 663₁
 ἑρέσω 675
 ἑρέτης 235, 675
 ἑρετόν 675
 ἑρεύγομαι 511
 ἑριφος 584
 ἑρκος 614
 ἑρμα 123
 ἑρματα μορόεντα 645
 ἑρξα 223
 ἑρπειτόν 526
 ἑρπω 223, 526
 ἑρράγην 208₁
 ἑρση 680
 ἑρύγηλος 511
 ἑρυθρά-φι 380
 ἑρυθρός 66, 422, 711
 ἑρυθρός χαλκός 711
 ἑρύομαι 741
 ἑρυσίπτολις 741
 ἑρχαται 223
 ἑρχατο 223
 ἑρχθέντα 223
 ἑσθής 705
 ἑσθίεν 48₂
 ἑσκετο 155
 ἑσ-πιφράναι 23
 ἑσ(ι) 246₂, 327
 ἑστέ 246₂, 305
 ἑσσηκα 296
 ἑσσηκε 910
 ἑστί 117, 295, 327
 ἑστο 392
 ἑσχάρῶ 905
 ἑσχον 152, 155
 ἑ-τεκ-ον 149₂
 ἑτερσεν 237
 ἑτραπεν 224
 ἑθ- 245₁
 ἑυιάδες (μν. υ.) 650
 ἑυκλε(F)ης 349, 780
 ἑθ-κλείη 780
 ἑθλάκῶ 689
 ἑθμενέτης 780
 ἑθμενής 780
 ἑθ-πάτωρ 184
 ἑθρος 678
 ἑθρουοδείης 349
 ἑθς 216, 245₁, 478, 780,
 860₂
 ἑθράπελος 224
 ἑθχεται 864
 ἑθγή 803
 ἑθχομαι 236, 803
 ἑθχος 236
 ἑθω 826₁
 ἑ-φερε 329, 357, 364
 ἑφερες 329

ἔφερον 329
 ἔφυγον 174, 199
 ἔ-φῦν 388
 ἔφουσα 129
 ἔχεται 111₂
 ἔχιδνα 526
 ἐχίνος 526
 ἐχίς 526, 528₁
 ἐχονθι 864₁
 ἐχοντι 864
 ἐχω 152, 155, 289
 ἔψω 43, 899
 ἐών 271
 ἔως 185
 Ἐάναξ 752
 (F)αρήν 584
 Ἐέαρ 853₁
 Ἐείρω 216
 (F)εκυρός 374
 Ἐέλικες 628₁
 Ἐελικῶν 124, 628
 Ἐέξ 122, 124, 845
 (F)έπος 148, 168, 216,
 835
 Ἐέργω 223, 376
 (F)ερείκη 662
 Ἐέτος 45, 783
 Ἐεχέτω 723
 Ἐίκατι 847
 Ἐιτυς 628, 650
 Ἐοῖκος 743, 788₂
 Ἐόχ-ος 723, 730
 Ἐροδῶ-δάκτυλος 663
 Ἐροδῶεις 663
 Ἐρόδον 663
 ζάγκλιον 905
 ζάγκλον 905
 ζάρος 904
 ζαροῦν 906
 ζάφελος 905
 ζειά 655, 656
 ζειά (μν. υ.) 657₁
 ζει-δωρος 655
 ζεύγλη 723₁
 ζεύγνυμι 721
 Ζεῦ πάτερ (zεam. φ.)
 70₁, 226 — 227, 354₁,
 777, 791, 792, 796,
 797
 Ζεός 36, 223, 226, 242,
 475, 777, 791, 796, 797
 Ζεὺς Σωτήρ 652
 Ζέφυρος 678
 ζόμβρος 521

ζόφος 151
 ζυγόν 45, 85, 179, 272,
 721
 ζύμη 703
 ζώνη 705
 ζῶν 465
 ζώος 465
 ζωστήρ 705
 ζωστός 705
 ζωστρον 705
 ζώω 235
 ή 384, 387
 ήα 327₁
 ήγέσμαι 805
 ήδέι οἶνω 605
 ήδ-ιστο-ς 128, 388
 ήδός 117, 388
 'Ηέλιον... σκοπόν 834
 ήέλιος 117, 188₂, 196,
 684
 ήεν 304
 ή(F)ιθεις 759
 ήλιος 188₂
 ήλιου κύκλος 350
 ήλυθον 328
 'Ηλύσιο- 824
 'Ηλύσιον πεδίον 425, 824
 'Ηλύσιος λειμών 824
 ήμαρ 899
 ήμι- 843
 ήμίβιος 843
 ήν 327₁
 ήνορέη 802
 ήπαρ 187, 273, 815
 ήπατος (ποδ. n.) 187,
 273, 815
 *Ηρη 797
 ήρως 479₁
 ήσθαι 217
 ήσ-ται 295, 391, 928
 *Ηφαιστος 715₁, 797
 ήγή 123
 ήώς 185, 223, 229
 θάλασσα 672, 675
 θανατο-φόρος 324
 θάσων 23, 23₂
 θαῦνον 495
 θεά 376
 θεās (ποδ. n.) 376
 Θεθίς 23₂
 θεῖνω 91, 100, 740
 θέλει 175
 θέλω 175

Θέμις 810
 θέμις 810
 θεοῖο (ποδ. n.) 376
 θεός 237, 241, 376, 466
 θέρμα 91
 θερμός 65, 91, 180, 413,
 418, 683, 708
 θέρος 91, 176, 413, 683,
 853₁
 Θετίς 23₂
 θετός 166, 208, 224
 θηλή 570₁
 θήλυς 570₁
 θήνιον 570
 θήρ 181₁, 469, 496
 θήσατο 570
 θήσθαι 570₁
 θηνητός 418
 θόλος 532
 θορός 179
 θριξ 23
 θυγατέρα 184
 θυγάτηρ 150₁, 184, 207,
 208, 243, 569₄, 766
 θυθέν 23₂
 θυμέλη 532
 θυμός 466
 θύρα 22₁, 37, 43, 134₁,
 181, 224
 θύραζε 743
 θύρετρα 743
 θύρη 743
 θύρσοι 902
 θυφλός 23₂
 Ιά(F)ονες 902₂
 'Ιαξάρτης 940₁
 ἰάο 724₁
 ιαρός 801
 'Ιάσων 907
 ιατρό-μαντις 277
 ιαύω 206
 ἰδμεν 178
 ἰδμων 836₁
 ἰδρώς 117
 ἰερεῖς (μν. υ.) 788
 ἰερόν 280
 ἰερόν μένος 349, 834
 ἰεροποιοί (μν. υ.) 788
 ἰερός 280, 801
 ἰημι 306₁
 'Ιήτων 907
 ἰθι 343, 724₁
 ἰκκος 102, 409
 ἰκτινος 149₁

- ἱμάντος (ροδ. n.) 705, 723
 ἱμάς 705, 723
 ἱμβήρις 526₁
 ἱ-μεν 163, 225, 724₁
 ἱξός 644₂
 ἱός 739
 ἱπνός (ἱπνός) 708
 ἱππεία 545
 ἱππιος 196, 545, 550, 730
 ἱππιο-γάριμης 545, 550
 ἱππό-δαμος 324
 ἱππιοιο 376
 ἱππον 272
 ἱππος 100, 102, 183, 245₁, 271, 374, 376, 409, 410, 544, 560₂
 ἱσθι 118
 ἱσταμαι 296
 ἱσῑαμι 166, 203, 220, 220₂
 ἱσσημι 55, 117, 208₁, 295
 -ισ-το-388
 ἱστοὶ λίθιοι 606
 -ιστος 55
 ἱσχάς 904
 ἱσχυρός 905
 ἱσχός 905
 ἱτέα 628
 ἱτυς 650
 ἱχθύς 114, 149₁, 526₁, 536
 ἱχώρ 902
 καβάλλης 556
 καίνω 909
 καλεονθι 864
 καλέω 202
 Καλλιόπη 835
 κάνναβις 660
 καπνός 29, 102, 403, 409
 κάπρος 481₁, 515, 515₂
 κάρ 173, 876
 κάρᾱ 93, 113, 205, 813
 καράρα 813
 καρδίᾱ 38, 94, 163, 173, 186, 199
 κάρη 173
 κάρηνα 113
 κάρκαροι 533
 καρκίνος 221, 222, 533
 καρπός 692, 878
 καρῑᾱ 635
 κάρυον 131
 (κασί-)γγνητος 234
 κατά 45
 καταλέω 693
 κατα-πτή-την 225
 κάττα 600
 κέδρος 155
 κείρω 707
 κείται 47, 94, 295, 391
 κεκήναι 157₁
 κέκτημαι 148
 κελεύω 346
 κεντέω 236
 κέντρον 236
 κέντωρ 236
 κερσός 484, 566
 κέρας 173
 κερρασία 644
 κερρασιον 644
 κέρρασος 644, 644₁
 Κερρασοῦς 644
 κερράσω 234
 κερραυτός 618₂, 619, 622₁
 κέρκος 601
 κεσκίον 49₁, 85
 κεφαλή 154, 408, 813₃
 κῆπος || κῆβος 131, 523
 κῆρ 190₁
 κῆρ 38, 100, 163, 173, 186, 800₁
 κηρός (ροδ. n.) 190₁
 κῆρος (ροδ. n.) 186
 κῆρυξ 205
 κῆρυξ 93
 κηγκλῆς 98₁
 κίνδυνος 591₂
 κιχάνω 37
 κιχεις 23
 κι-χη- 62
 *κιχημι 23
 κίων 899
 κλάγος 98₁
 κλαῖε 874
 κλέ(F)ω 38
 κλέος ἀγήρατον 834
 κλέος ἀφθιτον 151, 834
 κλέος εἰρῑ 349₁, 834
 κλέος καταθέσθαι 834
 κλυτός 'Αμφιπρίτη 280
 κλυτός 'Ιπποδάμεια 280
 κνέφας 151
 κόγχη 31, 56
 κογγίλεια 31
 κόγχος 31
 κοίρανε λαῶν 741
 κοίρανος 741
 κολοφῶν 669
 Κολχίς 907₁
 κολώνη 669
 κονίδος (ροδ. n.) 535
 κονίς 535
 κοντός 236
 κόπτω 32
 κόραξ 540
 κόραφος 540
 κόρις 527₁
 Κόρος 909₁
 κόρη 173₂
 κορυβός 173
 κορύμβος 173
 κορύπτω 173
 κόρυς 173
 κορύσσεται 173
 κορυφή 173
 κορώνη 540
 κόσμος 349, 804
 κοτύλη 146₂, 932
 Κοῦφις 917
 κραδίη 173, 186, 199, 800₁
 κραδίης (ροδ. n.) 186
 κρίαια 643
 κρίανον 643
 κρίανος 643
 κρέας 57, 62, 77, 85, 698
 κρῑ 26, 656
 κρῑ λευκόν 657₁
 κριθαί (μη. u.) 26, 656, 657₁
 κριθή 26, 122, 656
 κριός 481₁
 κρῑμός 682, 683
 κρύος 682
 κρύσταλλος 682
 κρώπιον 692
 κτάομαι 148, 788₁
 κτείνω 148, 909
 κτεῖς 153
 κτενός 153
 κτήμα 788₁
 κτήματα 286
 κτίζω 148
 κυάνεος 903
 κύανος 710, 903
 κυδι-άνειρα 843₁
 κῑδος 836
 κυέω 100, 228
 κύκλα 718
 κύκλος 57, 62, 86, 88, 98, 220, 222, 410, 707₁, 718

- κύλλαιος 906
 κύμα 100
 κύμβαχος 908
 κύνα 272
 κυνάγχα 591
 κυνέω 345
 κυνός (ροδ. π.) 94, 100, 184, 590
 Κῶρος 909₁
 κύσθος 757
 κύων 94, 100, 107₁, 181, 184, 243, 271, 590, 591₂, 910₃
 κῶας 908
 κῶα (μν. κ.) 908
 κῶληψ 131
 κῶμη 180
 Κωφὴν 910₂
 Κώφης 910₂
 λᾱγέτας 740
 λαῖφος 740
 λαῖφο-σόος 740
 λαιός 783
 λέγετε 167₁
 λέγομεν 167₁, 247
 λέγομεν 864
 λέγω 827₁
 λέγωμεν 827
 λεία 740
 λειμών 824
 λείπω 163, 199, 217
 λείχω 111₁
 λέκτρον 33, 66, 75, 216, 425
 λέλοιπα 178
 λελομένος 211, 221
 λέοντος (ροδ. π.) 507
 λευκός 45, 75, 883
 λευκώλενος 280
 λέχεται 216, 425
 λέχος 32, 66, 70, 75
 λέων 507, 509₄
 λῆνος 578₁
 ληρεῖ 44
 Λητοῦς (ροδ. π.) 185
 Λητώ 185
 λιθο-κόπος 324
 λινον 659, 660₂
 λιπ- 196
 λις 507, 510₂
 λόφος 211
 λογωντίαν 806
 λοιπός 180
 λοιπός 619
 λοδοομαι 211
 λούω 171
 λόχος 216
 λῶω 171, 211, 216
 λυγκός (ροδ. π.) 511
 λόγξ 511
 λυκάβᾱς 684
 λύκαινα 492
 λυκάβρωτος 324
 λύκοιο (ροδ. π.) 270
 λυκο-κτόνος 324
 λύκον 272
 λύκος 176, 270, 271, 495₁
 λύκω γενέσθαι 493
 λύσσα 495₁
 λύπη 619
 -μαι 331
 μάκος 209
 μακρός 209
 μάλη 905
 μάλον 203₂, 641
 -μᾱν 331
 μάρη 785₁, 807
 μάρμαρος 221
 μάρπτω 807
 μάχιμοι (μν. κ.) 788
 με 218, 360, 385₂
 μέγα 207, 208
 μεγά-θυμος 351
 μέγας 207, 782
 μέγας: σθς 516, 593₃
 μέδομαι 811
 μέθυ 244, 604
 μέθυ ἠδύ 834
 μεθύω 604
 μετραῖ 119
 μετς 424, 684
 μέλαινα 632₂
 τὰ μέλανα 632₂
 μέλας 632₂, 783
 μέλι 59, 603, 604
 μελίη 626
 μελί-κρητος 605
 μελίνη 658
 μέλισσα 603
 μέλισσαι (μν. κ.) 606
 μέλιτος (ροδ. π.) 603
 μέλος 803₁
 μέμαμεν 177
 μεμάτω 177
 μεμαώς 177
 μέμονα 177, 221, 301, 302, 473, 813, 835₁
 μεμορνημένος 646
 μέμυκα 301
 -μεν 247
 μενοινάω 813
 μένος 216, 472, 813, 835₁
 -μες 247
 μεσόγαια 348
 μέσος 65
 μή 910, 911
 Μῆδη 811
 μηλέα 641
 μήλον 641, 642
 μήν 684, 899
 μήνη 424
 μήρα 699
 μηρία 699
 μής 424, 684
 μητέρα 184
 μητέρ-ες 218
 μήτηρ 77, 184, 765
 μήτρω 774
 μία 842
 Μιλήσιος 901
 μιμνήσκω 473, 835₁
 μοι 360
 μόλιβος 711₁
 μόνορχις 817
 μορία 646₁
 μόριος Ζεύς 646₁
 μόρ-μορ-ος 222
 μορμόρω 221
 μορ-μ-ώ 222
 μορόεις 645
 μόρον 645
 μορτάς 180, 418, 475
 μορύσω 646
 μόρυχος 646
 μορφή 789₁
 μου 360
 μυελός 818
 μυία 534
 μύκης 143₁
 μύλη 692
 μυός (ροδ. π.) 185
 μύρμηξ 174, 222
 μύρμος 174, 222
 μύς 114, 129, 185, 531
 νᾱσσα 543
 νᾱσοω 405
 νάττω 405
 ναυδόμοι 324
 ναῦς 381, 674
 ναύτης 908
 ναῦ-φι(ν) 381
 νε- 254
 νεανίσκος 119

- νεάω 158, 218, 346
 νέ(F)ος 179, 783
 νεϊός 781
 νεϊφει 65, 681
 νεκρός 822
 νέκταρ 476, 822₃, 822₄
 νέκυς 476, 822
 νέμος 180
 νέμω 741₁, 754
 νένασμαι 905
 νεό-δματος 742₃
 νέομαι 762₂
 νέποδες 767₂
 Νέστωρ 762₂
 νευρή 704, 816
 νεύρον 704, 816
 νεφέλη 668, 677
 νεφέλη-γερέτα 796
 νέφος 45, 65, 77, 167,
 186, 218, 668
 νέω 704
 νεώς 674
 νήμα 704
 νήος 674
 νήσις 704
 νήσσα 543
 νηΐς 634₃, 825
 νίφα 65, 86, 117, 183,
 419
 νιφάς 180, 681
 νιφέμεν 681
 νιφάεις 180
 νίψατο δ' αὐτόν χεῖρα
 335₁
 νομός 180
 νόστος 762₂
 Νότος 678
 νυκτός (ποδ. n.) 27, 215,
 403, 791₁
 νύμφη 761₁
 νύμφιος 761₁
 νῦν 359
 νύξ 27, 88, 168, 215,
 403, 410, 791₁
 νυός 117, 761
 νῶτα 233
 ξαίνω 156, 223
 ξανθός 521
 ξάνιον 578₁
 ξέστριξ 122, 124, 125₂
 ξέω 49₁
 ό 218, 275₁, 378, 384,
 387
 όα 629
 όαρ 906
 όαρίζω 906
 όγδώνοντα 848, 848₂
 όγκος 925
 όδόντα 271
 όδόντος (ποδ. n.) 698, 814
 όδοός 271, 899
 όδύσ(σ)ασθαι 131
 'Οδυσσεύς 351
 όδωδα 296
 όδών 246, 271, 302, 698,
 814
 όFιν 272
 όFις 159, 244, 271, 577,
 579
 όζος 118, 159, 203
 όη 629
 οι 336
 οίδα 70, 178, 295, 301,
 302, 494, 836₁
 οϊδ-ε 295
 οϊFος 922
 οϊη 629
 οϊήιον 721
 οϊηξ 203, 721
 οϊκο-δόμεος 324, 743₁
 οϊκοι 383
 οϊκος 180, 743₁
 οϊμα 218
 οϊμοσ 180
 οϊνή 843
 οϊνον θρυθρόν 647
 οϊνον σπένδω 652
 οϊνό-πεδον 647
 οϊνος 647
 οϊνο-χόος 324
 οϊνοψ 647
 -οϊο 354
 οϊοσ 843
 οϊός (ποδ. n.) 244
 οϊς 159, 183
 οϊσ-θα 55, 295
 οϊσυον 650
 οϊφέω 817₁
 οϊωνο-σκόπος 324
 όκτώ 27, 403, 846
 όκός 124
 όλος 812₁
 'Ολύμπιε Zeῦ 796
 όμίχλη 85
 όμός 843
 όμοθ 843
 όμφαλός 817
 όναρ 236
 όνειρον 236
 όνοι (μη. u.) 562
 όνομα 181, 188₁
 όνομαθέτης 810, 833
 όνομάκλυτος 834
 όνόματος (ποδ. n.) 188₁
 όνος 562, 564₁
 όνος άγει μυστήρια 563
 τὰ όντα 303, 810
 όνυξ 67, 121, 639
 όνυχος (ποδ. n.) 67, 121
 'Οξος 940₁
 όξύη 625, 626
 όπός 123
 ό-πυι 160
 όπ-ώρη 691, 853₁
 όράω 808
 όρει 808
 όρεκτός 751₂
 όρθός 236
 όρκιον 807
 όρκος 807
 όρμή 227
 όρνιθος (ποδ. n.) 538
 όρνις 158, 217, 538
 όρνύμι 200, 218, 345,
 478, 671₁
 όρομαι 808
 όρός 227
 όρώω 346
 όρπετον 224
 όρρος 817
 όρφανός 376, 479, 747
 όρφνός 423
 όρχιεις (μη. u.) 498₁
 όρχις 817
 ός 352, 353, 387, 910
 όσπριον 904
 όσσε (δη. u.) 121, 786₁
 όστέα λευκά 827
 όστέον 55, 131, 202, 816
 ότε 359
 ότρηρός 134
 όϋ 336
 όϋδ-αμός 199
 όϋθαρ 569₁, 933₂
 όϋλή 492₁
 όϋλος 812₁
 όϋρανομήκης 634
 όϋρανός 668
 Όϋρανός 903
 όϋρος 808
 όφει 67, 526
 όφνίς 690
 όφρός 786₁
 όχέω 70, 723
 όχλεύς 66

- παιδο-βόρος 324
 παιδο-γόνος 324
 παιδο-τρόφος 324
 παι-πάλη 220, 221
 πάλη 220, 221
 πᾶμα 228
 Πάμφαιος 23₂
 πᾶν 189
 παντός (ροθ. n.) 189, 849
 πάππος 51
 παρδαλή 501
 πάρδαλις 501
 πάρδος 501
 Παρμισός 862
 Παρνα[σ]ός 900₄
 πάρος 199, 202
 πᾶς 849
 πάσασθαι 228
 πᾶσιν νεκύεσσι 605
 πάτερ (θεωμ. φ.) 184
 παιτέρα 181, 317₁
 πατήρ 38, 43, 167₁, 181,
 184, 317₁, 765
 πάτος 55, 63
 πάτριον 280
 πάτριος 280
 παχ- 24
 πᾶχ- 24
 παχέος (ροθ. n.) 218
 παχύς 22, 200, 218, 225,
 782, 929
 πεδίοιο ἐθρέος (ροθ. n.) 657₁
 πέδον 154, 272, 276
 πεδ-ῶν (ροθ. n. μκ. u.)
 268
 πεῖθομαι 25, 37
 πειθῶ 185
 πείσιμα 25, 164, 174
 πέκος 179, 578
 πεκτέω 578
 πέκτω 578
 πέκω 578
 πέλαγος 673, 675
 πέλας 227, 228, 238₁
 πέλεκυς 716, 716₂, 739
 πέλλᾶς 228
 πέλημα 228
 πέλομαι 92, 220, 718
 πέλω 718
 πέμπτος 413, 845
 πενθερός 22, 25, 164,
 174, 215
 πέντε 91, 410₁, 845
 πεντήκοντα 847
 πέος 817
 πέπυγμα 174, 178
 περιγλαγής 98₁
 περι-κτι-ται 148
 πέρκη 536₁
 περκνός 536₁, 594
 πέσσω 699
 πέτομαι 57, 62, 146₁,
 152, 153, 216, 225,
 226, 537
 πευθ- 24, 32, 62
 πεύθομαι 22, 163, 174,
 178, 217, 250, 406
 πεύκη 631, 633
 πέφευγα 174
 πέφυκα 178, 295
 πήγνυμι 143
 πήχυν 272
 πήγυς 22, 271, 785₁
 πίγγαλος 143
 πύθηκος 523
 πίδος 25
 πιτυτή 283
 πιτυτός 283
 πίνω 77, 426, 702
 πίπλημι 220
 πίσσα 631
 πιστός 406
 πιστό-τερο-ς 388
 πίσυρες 153
 πίττα 631
 πίτυς 631, 633
 πλάξ 424, 673
 Πλάταια 781
 πλάτανος 200
 πλάτη 200
 πλατύς 55, 63, 75, 199,
 250, 781, 919
 πλέ(F)ω 675₁
 πλέκω 228, 706
 πλέος 781
 πλέμων 815
 πλή(ι)ων 234
 πλήσσω 30₁
 πλοῖον 675
 πλόος 675₁
 πλόδα 271
 ποδ-ί 165
 ποδός (ροθ. n.) 38, 43,
 57, 154, 157, 183,
 267, 276₁, 376, 786₂
 ποθέω 89
 ποικίλος 143, 514₂, 590₂,
 632
 ποιμήν 695
 ποινή 809
 πόκος 179, 578, 579
 πόλις 744
 πόλος 180
 πολύβουλον 349
 πολυδαίδαλος 905
 πολυδήνεα 349
 πολύποδος (ροθ. n.) 572₁
 πολύπους 572₁
 Πολύφημος 903
 πόρδαλις 501
 πόρος 883
 πόσιος (ροθ. n.) 244
 πόσις 29, 168, 244, 374,
 758, 758₂
 πρότερος 88₂
 πότνια 374, 759
 ποῦ 86
 πούς 38, 43, 57, 146₁,
 154, 267, 271, 276,
 276₁, 376, 786₂
 πρέπω 96₁
 πρίαμαι 747
 τὰ πρόβατα 584
 πρόβατον 585
 Προποντίς 907
 πρότεροι θεοί 903
 πρόχυν 59₁, 173
 πτερόν 45, 57, 152, 153,
 218, 226, 272, 537
 πτέρυξ 153, 218, 226
 πτήσις 153, 224
 πτίσσω 692
 πτόλις 744
 πτύαλον 150
 πτύω 150
 πτωσκάζειν 107₂
 πτωτός 153
 πυθ- 24, 62
 πυθμῆν 6, 22, 29₁, 70,
 489
 Πύθων 489, 528
 πυνθ- 62
 πυνθάνομαι 22
 πῦρ 210, 274, 699
 πύργος 745
 πύρνον 657, 657₂
 πυροί (μκ. u.) 657, 657₂
 πῦρός 210, 657
 πυρ-πνός 324
 πῦς 160
 πύστις 33, 224, 406
 -πυστος 33
 πῶ-θι 53₁, 209, 346,
 402, 702, 960
 πῶλοι (μκ. u.) 551

πῶμα 209, 702
πῶς 183, 267, 271, 376
πῶσις 960

ῥάδαμνος 663
ῥάδιξ 663
ῥέθος 236
ῥέω 227, 405₁
ῥήγνυμι 208₁
ῥῆμα 231
ῥήτωρ 231
ῥιγος 682
ῥιγῶω 682
ῥοδο-δάκτυλος 280, 351
ῥοφος 180
ῥόμος 222₁, 527
ῥόος 180
ῥύπος 405₁

σάκος 134, 813
σαρσαι 421₁
σαυσαρός 598
σβέννυμι 48₂
σβέσσαι 48₂
σε 360
σήσαμον 902₃
σιδηροτέκτονες (μν. κ.) 710₁
σίζω 123
Σινδοί 917
σίνεται 748
σκάζω 33₂
σκαίος 783
σκαίρω 119
σκάλλω 119
σκαρίς 527₁
σκατός (ροδ. n.) 278₂,
817

σκέπτομαι 119, 219
σκιᾶ 109, 120
σκιδαρός 109, 112
Σκλαβηνοί 480₁
Σκλάβοι 480₁
σκότος 28
σκυρῶάλιος 119
σκύρθαξ 119
σῶωρ 126₁, 278₂, 817
Σμινθεός 531₂
σμίνθος 531₂
σμίς 531₂
-σο 331
σοι 360
-σοι 331
σθλος 711₁
σός 291
σου 360

σπαράσιον 541
σπαράσσω 44
σπαργάω 54
σπένδω 342, 652, 808₁
σπίγγος 542
σπίζα 542
σπιζιᾶς 542
σπλάγγνα 815
σπλήν 815
σπόγγος 932
σπονδαί (μν. κ.) 652
στατός 166, 208
στεγος 122, 219
στεγῶω 55, 70, 85
στεῖρα 118
στείχω 85, 117, 140
στέλλω 118
στέργω 811₂
στήθος 418
στηνίον 418
στίζω 119
στοίχος 180
στρατ-ηγός 324
στρουθός 541
στυπάξει 119
στόπος 119
στυφελίζω 119
σύ 225
συβόσιον 595
συ-βώτης 593, 595
συγγιγνώσκω 804
σύγγνωθί μοι 804
συντίθημι 67
συός (ροδ. n.) 593
σῶς 516, 593, 598, 711₁
σῶς ἄγριος 593₃
σῶς κάπρος 516
συφειός 595
συφορβός 595
συῶν κάπρος 516
σφαραγέομαι 117, 205
σφερτα 905
σφέτερος 336
σχάω 120
σχίζω 109
σχοῖμεν 155
ταί 385
ταμίης πολέμοιο 796
τάν 384
Τάναϊς 671
τανύ- 199, 782
τάνυται 38
ταῦρον ἐρύγμηλον 511
ταῦρος 481₁, 519

ταχός 23, 23₂
τε 218
-τε 354
τέγος 122, 219
τείρεα 686
τείρω 176, 231, 706
τειχ- 24
τείχος 22, 26, 37, 43, 49,
94, 179, 412, 707
τεκτ- 728
τέκταινα 148
τέκτονος 181
τέκτων 148, 181, 706
τελ-ευ-τή 346
τέρας 176
τέρετρον 706
τερέων 685
τέρμα 57, 198
τέρμων 198
-τερο- 388
τερπι-κέραινος 796
τέρσομαι 44, 128, 217,
419
τέσσαρες 92, 153, 845
τεταγών 424
τετράποδα 864
τετράπους 474
τέτρατος 845
τετράων 541
τέτριγα 301
τετροπόπιφι 380
τετρώκοντα 847
τεφ- 24
τέφρα 22, 826₁
τέχνη 706, 835
Τηλεφάνης 903
Τήλεφος 903
-τηρ 196
τητάομαι 748
τίγρις 500
τι-θη- 62
τίθημι 23, 65, 77, 159,
166, 203, 208₁, 220,
306₁, 389, 883
τιθήνη 570₁
τίτωω 149₂, 152, 153
τίνοισι 304
τίνω 809
τίς 117, 160, 387₂
τίσις 809
τίστημι 231
τλατός 176
τό 218, 275₁, 384
-το 331
τοί 385

- τοι 331
 ποῖο 378
 ποῖχος 179
 τόκος 179
 πομή 283
 τομός 283
 τόν 384
 τόνος 180
 τοξοφοροί 324
 τόξον 629₁
 τραγωιδία 903
 τραγωιδός 903
 τραίς 217, 845
 τρέμω 217, 342
 τρέπω 217, 342
 τρέω 237
 τρήμα 208₁
 τρητός 93, 205
 τρι- 845
 τριάκοντα 229, 847
 τρί-πους 224, 572₁, 845
 τρίς 845
 τριτύς 481₁
 τριτύα 481₁
 τριχός (ποδ. n.) 23
 τρομέω 342
 τροπέω 342
 τυγχάνω 569₄
 τυθέν 23₂
 τύπτω 119
 τύρός 565, 570
 τυφλός 23₂
 Τύχη 569₄
- ὄ- 780
 ὄβος 905
 ὄβός 905
 ὄβρις 243
 ὄγιής 245₁, 349
 ὄγρός 52
 ὄδατος (ποδ. n.) 45, 188, 273, 274, 671
 ὄδει (dat. n.) 671
 ὄδρᾶ 529
 ὄδρος 529
 ὄδωρ 45, 188, 273, 274, 671
 ὄει 424, 679, 680
 οἰός (ποδ. n.) 423, 597₂
 οἰήν 650
 οἰός 423, 765
 οἰός 597₂, 598, 765
 ὀμῆν 704
 ὀμμες 291, 292₁
 ὀννις 690
- ὄός (ποδ. n.) 593
 ὄπαρ 117, 224, 263
 ὄπέρ 38, 121
 ὄπηγέμιον 678
 ὄπνος 45, 217, 224, 263
 ὄπό 121
 ὄραξ 953
 ὄς 516, 593, 594₂, 698, 711₁
 ὄστερον 243
 ὄφαίνω 424, 583
 ὄφι-βρεμέτης 796
 ὄψίζυγος 796
- φαγεῖν 141_χ
 φᾶγός 622
 φαεσίμβροτος ἠώς 834
 φακός 108
 φαλίξει 175
 Φάνφαιος 23₂
 φάρος 707
 φαρῶω 707
 φᾶτι 864
 φέβομαι 342
 φελγύνει 44
 φέθ-αι 391
 φέρει 330, 340
 φέρεις 330, 340
 φέρε-ται 391
 φέρη 391
 φέρον 189
 φέρουσα 375
 φέρω 37, 43, 65, 75, 164, 179, 196, 216, 340, 341
 φεύγω 174
 φηγός 622, 626
 φθειρώ 151
 φθίνω 151
 -φι 244, 380
 φίλοισι 382
 φίλος 336, 382
 φοβέομαι 342
 φόνος 88₂, 86, 740
 φορέω 341, 342
 φορήναι 342
 -φορός 179
 φόρτος 180
 φράτερ (zasm. φ.) 184
 φράτηρ 37, 49, 184, 374, 764
 φράτρᾶ 374
 φρατρία 375
 φρήν 167₁
 φρήτηρ 184, 764
- φρήτηρ 283, 374
 Φρίξος 907
 Φρύγες 910₂, 911₁
 φρύγετρον 699
 φρύγω 699
 φύλακες (μη. u.) 788
 φύλη 374
 φύλλον 468
 φύλον 374
 φύομαι 178
 φύσις 243
 φυτόν 467
 φύω 178, 467
- χαλκεύς 710₁
 χαλκός 710₁
 χάλυβες 710₁
 Χάρων 825
 χεδρία (μη. u.) 904
 χεδροπα (μη. u.) 904
 χεδρωψ 904
 χείμα 94, 100, 681
 χειμών 94, 215, 216, 226, 304, 681, 853₁
 χείρ 49, 408, 785, 807
 χείρων 229
 χέλυσ 533
 χέρ-νιψ 324
 χήν 112, 158, 542
 χηρός (ποδ. n.) 542
 χιών 149, 151, 475, 536, 821
 χίλοι 848
 χιόνα 272
 χιών 184, 224, 226, 242, 271, 681
 χούρος 877₁
 χόλος 714, 816
 χορδή 173₁
 χόρτος 65, 180, 744
 χλωρός 714₁
 χράομαι 208₁
 χρήμα 208₁
 χρυσοφοροί 324
 χρυσός 714, 902₃
- ψαίω 156
 ψάμαθος 156
 ψάω 156
 ψέφας 150
 ψέφος 150
 ψήν 603
 ψήρ 541
 ψυχή 156, 473
 ψυχο-πομπός 324
 ψύχω 156

ὄφρατα (мн. ч.) 786₄
 ὄθει 119
 ὀκέες ἑπποῖ 551, 837
 ὀκυπέτης 537
 ὀκός 537
 ὀλαξ 689
 ὀλένη 131
 ὀμ-ησότης 698
 ὀμοπλάτη 200
 ὀνομαι 747
 ὀνητός 747
 ὄνος 747
 ὄρος 691₁
 ὄρτο 295
 ὄς 786₄

Микенский греческий

aizā 586₂
 A-ka-wi-ja-de 901₁
 a-ko-so-ne 731
 A-ma-ru-ta 886
 a-mo 723, 731
 a-mo-te-jo-na-de 731
 a-na-mo-to i-qi-ja 280
 a-ne-mo i-je-re-ja 678
 a-ra-ru-ja a-ni-ja-pi 288
 a-re-pa-zo-o 324
 a-ro-u-ra 688
 a-to-po-qo 324
 a-to-ro-qo 821
 a₂-ro 674
 da-ma-te 742₂, 903
 de-ki-si-wo 129₂
 di-do-si 864
 di-pa 902
 di-we 791

АРМЯНСКИЙ ЯЗЫК

acem 94, 106₂
 aganim 705
 akn 121, 786₁
 at 116, 158, 703
 atam 693, 899
 atawri 593
 atj-ik 693
 atuēs 513
 amis 424, 684, 899
 atsoy (под. н.) 684
 an- 929
 an-anum 929
 an-arg 925₁
 and 873
 an-und-k 489
 anic 535
 anur 817
 anurj 236

do-e-ro 479₂, 957₁
 do-we-jo 612, 730
 du-ru-to-mo 612, 731
 e-ka-ra 905
 e-ke 111₂
 e-ko-si 864
 e-ra-wo 646₁
 e-re-pa 524
 e-re-pa-te-jo 524
 e-re-pa-te-jo po-pi 288
 e-re-pa-to 524
 e-ra-pi-ja 517
 e-ri-ka 124
 e-ru-ta-ra-pi 380
 e-u-ke-to- 864
 e-u-me-ne 780

i-qe-ja 545
 i-qi-ja 545, 550, 730
 i-qo 245₁, 544
 jo- 354
 ka-ke-u 710₁
 ka-ko 710₁
 ki-ti-me-na ko-to-na 788₁
 ki-u-ro-i 902₃
 ko-ki-re-ja 31
 ko-wo 908
 ku-ru-so 714, 902₃
 ku-ru-so-wo-ko 324
 ku-wa-no 710, 903
 me-ri- 603
 me-ri-da-ma-te 605
 mi-ra-ti-ja 901
 na-u-do-mo 324
 o- 359
 o-de-qa-a₂ 359

o-di-do-si du-ru-to-mo 359
 o-na 747
 o-ni-ti-ja-pi 538
 o-no 562, 747
 pe-re-ke-we 716
 -pi 244, 380
 po-ro 551
 po-ru-po-de- 572₁
 po-ti-ni-ja 374, 759
 po-ti-ni-ja i-qe-ja 550
 qe-to-ro- 88₂, 92, 413, 845
 qe-to-ro-po- 864
 qe-to-ro-po-pi 92, 380, 474
 qo-u-ko-ro 59, 86, 88₂, 565
 qo-u-ko-ro-jo 695
 ra-wa-ke-ta 740
 re-wo-pi 507
 re-wo-te-jo 507
 sa-sa-ma 902₃
 su- 598
 su-qo-ta 593, 595
 to-ko-so-wo-ko 324
 wa-na-ka 752
 we-pe-za 122
 we-re-ne-ja 584
 wo-ka 730
 wo-no- 647
 wo-no-qo-so 647

ДРЕВНЕМАКЕДОНСКИЙ

ἀβρο- 640₁
 ἀλιζα 635
 γοτάν 565₂
 δάρυλλος 612

ašxar 913
 atamn 246, 302, 698, 814,
 899
 ateam 131
 awcanem 704
 awj 526
 awr 899
 ayc 94, 106₂, 418, 420,
 586₂
 aygi 629
 ayr 184, 190, 271, 276, 802
 ban 380
 bantiw 380
 barjr 43, 174, 200, 224,
 579₂, 669, 781, 879
 barju (под. н.) 579₂
 berem 43, 164

- berj 43, 174, 669
 *boyc 114
 boys 467
 brem 707
 buc 586
 burgn 745
 busoy (pod. n.) 467
 cer 41₂, 418, 420
 cin 41₂, 94, 106₂, 179, 772
 cunr 94, 100, 106₂, 786₃
 c'ax 44, 97
 c'in 149₁
 c'ul 567₁
 četkem 119
 č'orir 845
 č'ork 92, 413, 845
 č'orr-ord 845
 dal 570
 di 475
 diem 570
 dizanem 43, 94, 107, 110,
 412
 dur- 181
 dur-ê 43, 134₁, 743
 dur'n 43, 743
 dustr 114, 150₁, 380, 423,
 569₁, 765, 766
 dustr-b 380
 e-ber 357, 364
 egit 328, 389
 e-harc' 108
 e-ker 911
 e-kic 97
 ekn 86
 ełbayr 764
 ełevin 634
 ełin (pod. n.) 518
 ełn 518
 epem 43, 899
 erek 423
 erek 845
 eresun 847
 erewin 96₁
 erg 929
 erkan 693
 erkar 230
 erke-am 844
 erki- 844
 erkna-berj 174, 668
 erkne'im 107₂, 120, 133
 erku 133, 844
 etu 41
 ewfanasanun 848
 ewfn 846
 eš 544₁, 564₁
 ampem 426, 702
 gan 86, 91
 ganem 86, 91, 740
 gani 86
 gari 656
 garun 690₂
 garin (pod. n.) 584
 gain 584
 gayl 270, 492, 496
 gayloy (pod. n.) 270
 gayr 672
 geran 635
 gin 747
 gineaw 380
 gini 380, 647
 gočem 835
 gog 236
 gom 43
 gorc 376
 gorcoy (pod. n.) 376
 goy 467
 hac' 699
 hac'i 625
 han 203, 766
 haravunê 477, 688
 hast 744₁
 hat 655
 haw 'nmuqa' 233, 537
 haw 'deð' 766
 hay- 913, 913₃
 hayr 43, 44, 765, 913₃
 hazar 922
 het 43, 154
 hin 783₁
 hing 92₂, 845
 hn-oc' 210, 274
 hot 781
 hot-ot-im 221
 hovem 206
 hoviw 43, 159, 324, 577,
 579, 695
 hroy (pod. n.) 699
 hur 210, 274, 699
 i durs 743
 i-manam 813
 im 385₂
 inj 506, 507
 inn 846
 innsun 848
 iž 526
 jaik 97
 ji 522, 544₁
 jioy (pod. n.) 544₁
 jiw'n 100, 184, 226
 jme'n 94
 jukn 114, 149₁, 536
 jer 91, 176, 413, 418, 683
 jerm 91, 180, 413, 683
 jermn 91
 jern 408, 785
 jernum 91
 jnem 91
 kałin 617
 kałni 617
 kałnoy (pod. n.) 617
 karcem 98
 karcr 98
 karkut 42
 katu 600
 kayt 31
 kc-anem 97
 kc-u 97
 keam 60, 235, 235₁
 ker 231, 702
 kin 42, 50, 86, 92₂, 185,
 758
 kokord 702
 kop 32
 kopel 32
 kov 60, 86, 191, 565, 567₁
 kfunk 540
 ku 565₂
 kuoy (pod. n.) 565₂
 kur 702
 kařasanun 847
 kez
 kirtn 125
 koyr 123, 125, 184, 764
 ksan 133, 847
 kun 125
 layn 781, 919
 leard 187, 188, 816
 lardi (pod. n.) 188, 816
 lerna-berj 668
 lezu 814
 lezui (pod. n.) 814
 li 781
 lizum 111₁
 lkanem 44
 loys 114
 luc 721
 lusanunê 511
 lusin 684

- dhállë 570
 dhálltë 570
 dhé 821
 dhëmb 108, 423, 815
 dhémje 527
 dhëntë 483₃
 dhi 131, 417
 elp 656₂
 ëndërrë 236
 gacë 91
 gardh 744
 glū-ri 113
 gur 666
 gjak 123
 gjalpë 703
 gjanj 86, 740
 gjárpër 223
 gjáshtë 122, 845
 gjizë 97
 gjumë 117
 gju-ri 113
 hardhëlë 527₁
 hë 109
 hë-ngra 911
 heq 124
 hirrë 123, 570
 hurdhë 882
 hyll 684
 hyp 122
 i-gjashtëtë 846
 ka 113, 484, 566
 kam 146
 kec 131
 kedhi 585
 keth 585, 589
 krërë 113
 kríe 113
 krýe 113
 kur 160
 lágje 425
 letë 509₄
 lethí 637₁
 lñni 659
 líri 659
 madh 782
 mbésë 768₁
 mb-ledh 827₁, 941
 mëllenjë 632₂
 mënt 556
 mës 556
 mi 129
 miéll 693
 mish 699
 mjal-cë 603
 mjékër 112, 113, 411, 920
 mjel 569
 móllë 641
 mot 684₂
 mua 383
 múaj 424, 684
 mue 383
 nátë 791₁
 n-dez 91, 413
 ndjek 146₁
 nëmë 180
 nëndë 846
 ngā 86
 ngrānë 702
 ngjáll 812₁
 ngjesh 705
 níp 768₁
 njerí 184, 802
 një-zet 847
 njoh 805
 Ουτασπιος (др.-алб.) 670₁
 pālë 706₁, 780
 pārë 843
 pëlë 551
 Perën-di 615
 pësë (pësë) 91, 845
 petëk 59
 petkë 59
 pëlcās 30
 pi 426, 702
 pilë 469₂
 pishë 631
 pjek 146, 699
 plāsa 30
 qe 113
 rit 236
 siéll 92, 718
 shí 424, 679
 shkōzë 624
 shoh 598, 696
 shpreh 117
 shtek 117, 180
 shtjerrë 118
 tamlë 640₁
 tarok 519
 tëmbëlë (tëmbël) 640₁
 tété 846
 tjer 176
 tre 845
 tri (ж. п.) 845
 thánë 644
 thanj 598
 tharë 158
 thëllë 100
 ther 190₁
 thi 593, 598
 thjer 645
 thjerrë 645
 thom 804
 újë 671
 ulk 176, 492
 vënë 647
 venj 424
 verë 647
 verrë 635
 vesh 'одевать' 705
 vesh 'ухо' 786₁
 vishem 705
 viðh 634₁
 vjehërr 123
 zjarm 91
 zjarr 91, 683
 zónië 92, 413, 758
ДАКО-ФРАКИЙСКИЙ
 Berzovia 6:0. 621
 δίζα 586₁
 Marisia 862
 Marus 862
 Ser-inis 862
 Σέρ-μη 862
 Στύμων 405₁
 Syr-mus 862
 Ὑπερ-βορείοι 666
ИЛЛИРИЙСКИЙ
 Can- 880₁
 Daunus 495
 Кέρκυρα 618₂
 Κόρυρα 618₂
 mandos 556
 mannus 556
 Sal-ap-ia 674₂
 Serapilli 862, 954
 Teui- 943
 Vescleves 349
ФРИГИЙСКИЙ
 αββεροτορ 910
 αδδακετορ 910
 ακκαλος 59
 βεκος 59
 Βολγεις 910₂

Βρύγες 910₂
γάλλαρος 760
γέλαρος 760
δάος 495
edaes 388, 910
εσταες 910
ζέλκια 655₁

ζεμελω- 910
θρι- 910
ιος 387, 910
ιος νι 218
κίκλην 220, 686, 718
κύνες 910₃

lawagtaei 740
με 910, 911
Μορήσης 862
τιος 910
-τορ 392
Φρύγες 910₂

ИТАЛИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Латинский
ā 357
ab 357
abdiidi 66
abdūtum 66
ab-dō 66, 69
Abella mālifera 638
ab-sēns 271
accipiter 537
ācer 112
āctus 70
ador 655
ae-mulus 882
aēnus 709
aequor 673
aeris (pod. n.) 709
aes 709
aesculus 619
aestās 853₁
aetās 802
aeternus 802
aewum 272, 802
aewus 802
age 343
ager 36, 94
agnā 584
agnōscō 804
agnus 584
agō 70, 94, 941
agrestis 694
albus 65, 783
alcē 517
alcēs (pod. n.) 517
ali-cubi 160
alligō 806
alnus 635
alueus 609₂
amārus 640₂
ambae 67
ambi- 67
ambiguus 67
ambō 67
ambulō 67
amnis 72₁, 402, 670
anas 543

anatem 543
angi- 781
angi-portus 67, 348, 673,
781, 946
angō 67
anguilla 526₁
anguis 67, 526
angustus 67
anima 466, 678
animal 466
anitem 543
annus 422₁
ānser 112, 158, 542
ante 158, 203, 814
antiae 814
anus 203, 766
ānus 817
aper 514, 515, 515₂
apicula 602
apis 602
apiscor 45, 217, 246, 299₂
aprugnus 514
āptus 246, 299₂
aqua 100, 217, 246, 282,
283, 426, 539, 671, 702,
940
aquila 539, 539₁
aquillō 539₁
aquillus 539₁
āra 158, 203, 700, 808
arāre 424
arātrum 688, 899
arceō 289
argentum 158, 229, 238₁,
713
ariēs 584
arietis (pod. n.) 584
arma 723
armenta et pecudes 578
armus 785₁, 946
arō 424, 688
arti-fex 324
aruum 477, 688
aruus 688
asellus 562, 564₃
aser 117, 187, 816

asinus 562, 564₁, 872
a(s)ser (cm.-lat., dual.)
117, 206, 816
assyр (dual.) 816
au-ceps 324
auēna 659
augeō 85, 236
augmentum 85
augustus 52, 85
auis 233, 489₁, 537
aula 708
aulla 708
auri-comus 351
auris 786₄
aurōra 108, 185, 223, 229,
238₁
aurum 125₁, 713, 939
ausom (савин.) 713
auspicium 601
autumnus 853₁
auunculus 767, 773, 774,
774₁
auus 766, 767, 774
auxilium 52
axis 721
balbō 72
balbus 72
barba 69₁, 422
barca 59
bellua 466
bēstia 237, 241, 466
bi- 844
bibō 26, 53₁, 72, 75, 220,
402, 426, 702
bidēns 844
bigae 552, 723
bilis 420
bīni 72
bipēs 474
birotus 719
bis 845
bōca 73
bonus 72
bōs 73, 191, 410, 565,
880₁

- bouis* (под. n.) 191, 565
breuis 72, 782
būcerda 817
bucrania 891
būfō 534
būtyrum 565

caballus (лат.-греч.) 556, 1326
cādō 70
caecus 157
caelum 668
Campus Martius 797₂
cancer 221, 533
canis 100, 101, 590, 591₁, 880₁
canō 602
cantāre 102₁
cānus 157, 521
caper 515, 515₂, 516, 586
capiō 143, 146
captus 28, 143
caput 813₃
caput equi 483
caput hūmānum 483
caput suum alligāre 806
carmen 102₁
carni-uorus 179, 231, 702
carpinus 624
carpō 878
cāseus 102, 409
cāsus 70
catinus 146₂
cattus 599
catula 599
catulire 599
catulus 599
Catulus 600
cauda 880₁
caueō 836
caurire 602
cauus 100
cecurre (ит.-лат.) 26
cēnsēō 804
cēnsor 804
cenium 94, 846
cepere (ит.-лат.) 305
cēpi 146
cerasus 644₁
cerebrī (под. n.) 284, 285
cerebrum 93, 113, 173, 284, 813
Cerēs 597, 645
Cerīālia 645
cerauus 113, 173, 484
cingere 98₁
claudō 874

clāuis 874
coēpi 217, 246, 299₂
cognōmen 600
cohors 744
collis 669
collum 180
columba 602₁
columnen 669
columna 669
colurnus 636
colus 718
com- 357, 360, 364
commentum 176
commūnis 754
con- 66₃, 360, 364
conditor 67
condō 66₂, 67, 69, 360, 364
coniugis (под. n.) 276
coniu(n)x 276, 722
con-mūgentō 803
cōnūbium 761₁
coquō 410₁, 699
cor 38, 94, 173, 186, 188₁, 199, 800₁
cōram 131
cordis (под. n.) 38, 94, 173, 186, 199, 273, 800₁
corium 122, 219
cornix 540
cornū 173, 876
cornum 644
cornus 643
corulus 168, 636
coruus 540
costa 131, 816
coxa 98, 168
crābrō 423, 535, 939
crēber 645
crēditum 800₁
crēdō 69, 94, 324, 800, 800₁, 834
cremor 703
crēscō 645
cruentus 698
cruor 77, 85, 698
-cubī 160
cucurri 26
cūdō 715
cūius 378, 379
cūlmen 669
cunctor 178
cūpa 30
cupiō 30
currus 421₁

dacruma||*lacruma* 612₁
danti-que eum 366
daps 701
dāre 41, 50, 753
datiō 754
dātor 184, 317₁
datorem 272, 317₁
datur 753
dātus 166, 208
dē 420
decem 38, 49, 229, 846, 961
deceat 110, 146₁
decuria 229
decus 146₁
dē-fendō 86, 740
dēns 75, 224, 247, 271, 302, 698, 814
dēnsus 175, 200
dentem 271
dentis (под. n.) 75, 224, 247, 698, 814
dentum 268
dē-ses 420
deus 36, 46, 226, 242, 475, 791
dexter 129, 129₂, 417, 783
dīcāre 806
dicere 68₂
dicō 36
dictiō 175
dictus 175
diēs 46, 197, 227, 791
Diēspiter 777
difficilis 780
dingua 814
Diouis (ит.-лат.) 227, 791
dīrus 133
dīus 242, 250, 475
dīuum 272
dīuus 46, 271, 791
dixi 389₁
dō 41, 50, 159, 166, 203, 753
domāre 209
domi 179, 383, 741
domini (под. n.) 377
dominus 263, 377, 742, 742₂
domitor 483₃
domō 483₃
domus 41, 50, 741
dōnum 196, 754
doucō (ит.-лат.) 174
dūcō 174, 585
ductus 174

- lūi-* (см.-лат.) 844
lūi-dens 844
lūim (см.-лат.) 171
lūis (см.-лат.) 845
duo 219, 844
duplex 706₁, 780
du-plus 706₁, 779
dūrus 613

ebulum 633
ebulus 633
ebur 73, 524, 525
ēdimus 181
edō 36, 41, 50, 70, 77, 217, 406, 698
egō 36, 207, 383
ēius 378, 379
emō 218, 754
enim 385₂
ēnsis 739
eō 724₁
eō Rōmam 285
equa 317₁, 374, 544
equam 317₁
equi (под. n.) 377
equinus 545
equis 383
equites 552
equorum 483₃
equos 483₃
equum 272
equus 100, 102, 183, 245₁, 271, 374, 377, 383, 409, 410, 544, 939, 1326
eris 341
erit 341
erō 341
erus 206, 480
est 117, 217, 246, 295
es-tis 305
ēsus 70, 406
ex-uō 705

faciō 65
faedus 872
fāgus 621
famīlia 376
familiās (под. n., см.-лат.) 376
far 422, 873, 943
farnus 620
farris 873, 943
fato suo mori 830
faueō 803₂
faucilla 826₁
faxo 389₁

feber 220
febris 49, 154
fecāre (см.-лат.) 305
fēci 65, 66₂, 942
fel 714, 816
fēlix 570₁
fellis (под. n.) 816
fēlō 570
fēmina 570₁
feram 393
ferārum 483₃
ferās 393
ferat 393
ferctum 643, 699
ferō 37, 43, 65, 75, 164, 176
Fērōnia 469
ferum 710₁
ferus 181₁, 469
ferunt 304
fiber 25, 68, 77, 220, 404, 530
fictus 33
fidelia 25, 68
fidō 25, 37, 68, 406
figulus 707
figūra 26, 68₂
filius 423, 570₁
fiŋō 26, 33, 37, 43, 68, 68₂, 94, 110, 412, 707
fisus 406
flāmen 789₁
flāmen Diālis 797₁
Flōra 468
flōs 185, 468
fodiō 70, 71, 154, 422
foedus 25
folium 468
follic 878
fōns 671
fontis (под. n.) 671
forās 743
fortis (см.-лат.) 43
fortus (см.-лат.) 745, 879
forda boue 572
fordeum 26, 26₁, 656
Fordicidia 572, 597
forēs 22₁, 37, 43, 134₁, 180, 217, 743
formica 174, 222
for-m-(idō) 222
formus 65, 176, 180, 683, 708
fornāx 708

fornix 708
forus 708
forō 707
fors 224
forte 279
fortis 279, 745
fortūna 224
forus 179
fossa 422
fōssus 70, 71
foueō 26, 49, 68, 89, 154, 413, 826₁
frāter 49, 184, 764
fratris filius 768₁
fraus 133
fraxinus 620
frigeō 682
frigidus 682
frigus 682
frūgiŋer 69₁
frūstra 133
fūcus 602, 602₂, 611₁
fuēre (см.-лат.) 305
fugiō 174
ful 178, 295, 467
fūmus 206, 466
fundus 29₁, 489, 922
fungus 932
fūnus 475, 745

gallus 601
geminus 132, 778
gener 762₁
generis (под. n.) 186, 749
genō (см.-лат.) 175, 748
gēns 749
gentis (под. n.) 749, 779
genū, под. n. *genūs* 94, 100, 173, 233, 786₃
gignō 75, 220
glandis (под. n.) 618
glāns 618
glāns Iouis 636
glōris (под. n.) 760
glōs 760, 942
gluttiō 175
gnāuus 171
gnōscō 171
(g)nōui 301
Graecus 40
grandō 42
grānum 93, 175, 421, 694, 943, 946
grātus 93, 205, 413
grauis 93, 175, 228, 413, 693, 782

- gruis* (под. n.) 540
grūs 450
gula 175
habēō 26, 37, 68, 68₂, 75, 146, 289
habēre 143
habiest 68₂
haedus 422₁, 586, 872
hemō (см.-лат.) 821
hemōnem (см.-лат.) 821
hiemem 272
hiems 94, 184, 215, 224, 226, 238₁, 242, 271, 853₁
hominis (под. n.) 821
hominum 268
homō 184, 475, 821
honōs 185
hordeum 26, 656
hortus 65, 180
hospes 85, 754
hospitis (под. n.) 754
hostem 696
hostibus 381
hostis 85, 168, 381, 754
humus 150, 821
ī 343
ianitrīcēs 760
Iānus 724
id 291
iecinoris (под. n.) 187, 815
iecoris (под. n.) 187, 815
iecur 187, 188₁, 815
igniifer 69₁
ignis 225, 257₄, 274, 699₂
(ig)nōscō 234
iit 357
īmus 724₁
in- 254
ind-uō 705
ind-uuiāe 705
inhibeō 289
in-stigāre 119
īnsula 674
in-unt 346
inuocatiō 835
iocus 216, 818₁
iouestōd (см.-лат.) 806
Iouis (под. n.) 791
Iouis diēs 852
iouiste 802
iouis (см.-лат.) 805
ipse 336
īra 218
irrigāre 680
is 291, 378
iter 46, 225
iubeō 406
iū-dex 324, 806
iūgerum 722
iuges auspiciū 722
iūglāns 636
Iugula 723₁
iugum 45, 179, 272, 276
iungō 721
Iūpiter 70₁, 777, 791, 797, 851
Iuppiter 70₁, 227, 797
iūris (под. n.) 703, 805
iūrō 806
iūs 703, 805
iussum 406
iūstus 806
iuuenis 802
Juppiter Dapālis 701
labium 422₁
labor 6, 419
lac 98₁, 148, 568, 568₂, 940
lacrima 816
lactens annus 568₂
lactis (под. n.) 98₁, 148, 568, 940
lacus 675
laeuus 783
lāna 206, 578₁
lapsus 6
larix 612₁
lātus 176
lāuā 171, 211
lauō 171, 211, 216, 221
lēctus 33, 66, 66₁, 70, 75, 216, 405, 425
legō 70, 827₁, 941
lendis (под. n.) 535
lēns 535
leō 507
leōnes 483₃
lēonis (под. n.) 507
lēuir 77, 157, 760
leuis 782
lex alligat 806
liber 249, 477
liberī 477
liēn 815
ligō 806
līmus 180
lingō 111₁
lingua 814
linquō 44
linum 648₃, 659
liqui 178
liuidus 711, 711₁
liuor 711
locus 118
longus 782, 860₂
lūceō 45
Lūcētus (*Leucesie*, заим. ф.) 797
lūcifer 69₁
lucrum 740
lūcus 85, 180
lūna 684
lupa 375
lupī (под. n.) 284, 285, 377
lupis 382
lupōd (см.-лат.) 377
lupum 272
lupum sequor 697
lupus 271, 284, 375, 377, 382, 410, 492
lūx 45, 75, 883
magister equitum 552
magn-animus 351
magnus 207, 782
maior 185
malleus 715
mālum 203₂, 274, 642, 642₁
mālus 642
mandō 806
mannus 556
manus 785₁, 806
manūs (под. n.) 785₁
mare 181, 422, 673, 943
maris (под. n.) 673
mar-mor 221
Mārs (под. n. *Martis*) 793, 797, 851
Mārs pater 797₄
māter 49, 184, 765
matribus 381
matris meae frater 774₁
matrum 268
maximus 388
mē 385₂
medeor 811
medicus 811
meditor 811
medius 65, 75
mel 603
mel-ios-em (см.-лат.) 155

- mellis* 603
membrum 699
memini 176, 221, 301, 302, 472, 813, 835₁
mēns 199, 224, 472, 813, 835₁
mēnsis 424, 684, 899
mentis (pod. n.) 199, 224, 813
mentum 666
mergae 569₃
mētiōr 684₂, 691
metō 691
meus 291
mī 291
mīlium 658
mīlle 848
mīsericōrs 348
molīna 693
molō 231, 692
monile 545, 666₁, 815
mōns 666
montis (pod. n.) 666
mōriōr 475
mōrtuus 180
mōrum 645
mōrus 645
mūcus 143₁
mūgil 143₁
mūgiō 803
mulctus 164
mulgeō 179, 569
mulier 693
mulīōnum dea 553
mulleus 783
mūnus 754
mūs 114, 129, 531
musca 534
mūscerda 817
mūscus 664
mustēla 531₁
mūtō 754
mūtuus 754
nāsum (cm.-lam.) 158, 814
nās(s)us 158, 814
nātiō 749
natrix 526
nātus 175, 234
nāuis 674
nāuus 171
ne- 218, 254
nebula 65, 77, 668, 677
necis (pod. n.) 822
necō 822
nē-cubi 160
neō 704
nepōs 183, 767₂, 768₁
nepōtis (pod. n.) 183
neptis 27, 28, 767₂
Neptūnus 675
neque 218
neriōsus 802
neruus 816
nex 476, 822
nīdus 118, 152, 155
ninguit 86, 681
niuem 65, 86
niuis (pod. n.) 66, 117, 183, 681
nīuit 65, 66
nīx 66, 67, 117, 419, 681, 168, 215, 403, 791₁
noctis (pod. n.) 27, 28, 168, 215, 403, 791₁
nōmen 181
nominum 268
nōnāgintā 848
nōs 292
nōscō 171
nostrī 268₁, 285
nostrum 268₁, 285
nouāre 158, 218, 346
nouem 846
nōui 171
nouus 783
nox 27, 28, 168, 183, 215, 216, 403, 791₁
noxia 283
noxiam sarcīre 807
noxius 283
-nitur 392
nūbō 761₁
nucis (pod. n.) 636
nūdus 45, 50, 168
nunc 359
nurus 761
nurūs (pod. n.) 761
nux 636
nux gallica 636
obdō 66
obligatiō 806
octō 27, 28, 403, 846
octōgintā 848
oculus 121, 786₁
ōdī 131
offendix 25, 68
officiūm 746
oino- (cm.-lam.) 843
oleum 646
olor 543
ōmen 805
ōmen... accipere 805
opes 746
opis (pod. n.) 45
ops 45, 63, 159, 183
Ops 63, 746, 798, 798₁
opus 159, 746
-ōr 391
ōra 206
ōrāculum 803
ōrāre (deōs) 803
orbis 479, 747, 941
orior 295, 296, 671₁
ōris (pod. n.) 132, 191₁, 814
ornus 625
ōs 132, 191₁, 814
os(s) 55, 131
oscen 102₁
ὄσκέλα (λεγρ.) 625
ossa (мн. ч.) 829₁
ossis (pod. n.) 55, 131
ossua (мн. ч.) 816
ossu(m) 816
ōstium 814
ōsus sum 131
ouīm 272
ouis 159, 244, 271, 577, 579, 582
ovicerda 817
pācis (pod. n.) 143, 183
paciōscō 143
palūdis (pod. n.) 297, 348
palūs 297, 348
pangō 143
paraverēdus 553
pars 812₂
partis (pod. n.) 812₂
pāscō 59, 158, 203, 296, 345, 346, 695
pāstor 59, 158, 172, 203, 346, 695
pāstōres pecuaque 797₄
pāstum 346
pater 43, 49, 184, 317, 765
pater familiās (cm.-lam.) 376, 742, 759
pater patris 767
patrem 317₁
patruus 767₃
pāui 203
pāx 143, 183
pecoris (pod. n.) 578, 579
pecten 153, 578
pectō 578

- pectus* 148
pecū 146, 152, 244, 469₂, 579
pecūdis (под. n.) 578, 579
pecūlium 469₂, 579
pecūnia 579
pecus 29, 150, 577, 578, 579, 938₁
pecūs (под. n.) 244, 579
pecus capraeque 578
pecus Hellēs 578
pecus lānigerum 578
pedem 271
pedis (под. n.) 38, 43, 154, 183, 267, 376, 786₂
ped-um 268
pellis 228
pēnis 817
penna 226, 238₁, 537
pepigī 143
peregrē 694
perplouēre 675₁
pēs 38, 43, 146₁, 154, 183, 267, 271, 276, 376, 786₂
petere 226
petō 146₁, 537
pīca 541
pīcis (под. n.) 631
pictum 632
pictus 129
pīcus 541
pīlum 692
pingō 632, 947
pīnsō 692
pīnus 631
pinxī 632
pīrum 274
piscis 28, 422, 536, 943
pīsō 692
pistillum 692
pistor 692
pīx 631
placeō 424
placidus 424
plānus 200, 205, 781
plaustrum 686
plectō 228, 706
plēnus 781
pleores (cm.-nam.) 234
pluit 680
plumbum 711₁
poma agresta 638
pōns 55
ponti-fex 324, 789₁
pontis (под. n.) 55
pōpulus 627₂
porca 689
porculus 594
porcus 594, 921
porcus—agnus—vitulus 597
portā 357
portus 673, 883, 946
poscō 108, 176, 237, 241, 345
potior 759
potis 29, 168, 244, 759
pōtus 53₁, 402, 702, 960
praesagium 805
prae-sēns 271
praestō 785
precor 237
prehendō 753
primus 843
prius 843
pro-fundus 29₁
proximus 388
pruīna 683
pulmō 815
pulmōnis (под. n.) 815
quadrāgintā 847
quadringentī 848
quadripēs 474
quae 89
quārtus 845
quattuor 88₂, 89, 153, 413, 845
-que 354
quercus 410, 614, 614₁, 618₂, 619, 880₁
quid 89, 160, 387
quiēs 235
quiēscō 235
quīngentī 848
quīnquāgintā 847
quīnque 89₁, 91, 410₁, 413, 845
quīntus 845
Quirinus 793₁, 798, 851
quis 86, 89, 117, 160, 378, 387
quisque 88, 91
quod 86
rādix 663
rapere virgines 756
raudus 711
-re 391
rēctus 28, 70, 71₁, 751₂, 785
Rēgia 552, 746₂, 751
rēgibus 381
rēgīna 751
rēgius 751
rēgō 70
rei (под. n.) 747
rēm-ex 324
rēm-us 235, 675
rēs 172, 747
rēx 183, 183₁, 216, 381, 751, 797
rēx sacrorum 751
rigāre 680
-ris 391
rōbus 422
rosa 663
rota 707₁, 718
ruber 66, 711
rūbidus 711
rubus 646
rūdera (мн. ч.) 711
rūfus 422
rugīō 511
sabulum 156
sacer 801
sacerdōs 801
sacerdōtis (под. n.) 801
sacra gentilitia 801
sacra publica 801
sacrificāre 801
sacrum 801
saeculum 420
sāga 805
sāgus 805
sāl 116, 158, 674, 703
Salacia Neptūni 676
sale (cm.-nam.) 937
sālis (под. n.) 116, 674
salix 124, 628
salum 674, 676
salūs 812₁
saluus 812₁
sam (cm.-nam.) 384
sancīō 801
sanctus 801
sa-psa (cm.-nam.) 384
sarcīō 807
sarpō 691
sarracum 421₁
sātus 688
scaeuus 783
scamnum 117
scindō 109
sciō 120
Sclaveni 480₁

- sclavus* 480₁
scortum 122, 219
sē 336
secūris 716₂, 874
sedeō 36, 70, 116, 152, 155
semel 842
sēmen 422, 688
sēmi- 843
semivocalis 472
senex 783₁
senior 185
senis (pod. n.) 783₁
-sēns 271
-sentem 272
sepelīre 829₁
septem 28, 199, 846, 926
septimus 846
septuāgintā 848
sepulcrum 829₁
sequitur 216
sequor 696
sequor ~ pro-sequor 696₃
sērius 123, 124
sermō 123, 124
serō 688
serpēns 223, 526
serpō 223, 526
serū 227
serum 227
seruō 478
sēssus 70, 70₁
sestus 846
sēuī 688
sex 122, 124, 845
sexāgintā 847
sextus 846
sibī 336
sībīlō 123
sicc-oculus 351
sī-cubi 160
siem 340
sīēs 340
siet 340
signi-fer 324
sine 122
sistit 220
sī-stiō 117, 220₂
socer 123, 760
socrus 374, 760
socrūs (pod. n.) 760
sōl 188₂, 196, 210₁, 684
sōlis (pod. n.) 684
solium 419
sonō 123
sōns 302₂, 303, 810
sōpiō 117
sopor 117
sordēs 783₂
sōrex 953
soror 119, 123, 124, 184, 271, 280, 764, 926
sororis filius 768₁, 774
spargō 54, 205
spatium 117, 219
speciō 28, 119, 219
spernō 55, 75
sponda 44
spondeō 342, 652, 808₁
stāre 55
stātus 166, 208
stēlla 28, 176, 686
sterilis 118
stlocus (cm.-nam.) 118
stō 117
strīctus 71
stringō 71
stuprum 119
suāuis 117
sub 121
sub vos placō 366
sub-dō 66
sūcerda 817
sucula 593
sūcus 143₁
sūdor 117
sūdus 598
sūgō 143₁
suī 336
suīnus 593
suīs (pod. n.) 593
sulcō 689
sulcus 124, 689
sum 117, 295
sum (cm.-nam.) 384
su-mus 305
sunt 224, 246, 250, 304, 305
suō 704
su-ove-aurilia 597
suovetaurilia lactentia 597
super 121
suppus 469₂
sūs 593
sūs plēna 597
taceō 29
tacēre 422₁
tāctum 424
tagō (cm.-nam.) 424
talpa 532
tangō 424
taurus 519
taxus 629, 629₁
tē 218, 299
tē maior 355
tēctus 70, 71₁
tēgō 55, 70
Tellūs 597
tendō 38
tenuis 199, 782
tepeō 146₃, 683
tepidus 153, 683
tepor 153, 683
termen 57
terō 176, 231, 658, 706
terr (cm.-nam.) 845
terra 419
terreō 237
terrestris 419
testa 706
tetigī 424
texō 706
textor 706
tollō 176
torreō 44, 217
tranquillus 235
trāns 419
transuectio equitum 552
trebibus (cm.-nam.) 381
tredecim 547
tremō 217
trēs 217, 845
tri- 845
tribus (cm.-nam.) 381
tri-gintā 217, 847
tri-pēs 224, 845
triticum 658
tritum 176
trua (cm.-nam.) 134
trulla 134
tū 225
tubi-cen 324
-tur 392
turdus 541
tu-tuā 221
uadum 673
ualeō 423
ualēre 938
uapor 30, 102, 409
uastus 781
uātēs 799, 836
uātēs Maenius 836
über 66, 569₁, 933₂

uēctis 66, 67
uēctus 33, 66, 67, 70, 71₁
uegeō 236
uehere 70
uehis 329, 330
uehit 329, 330
uehō 65, 66, 67, 110, 329, 412, 723
uellō 492₁
uēlum 419
uēnātum īre 696₁
ueniō 86
uēno (дат. п.) 942
uēnor 695
uentus 199, 202, 206, 425, 489₁, 677
uēnum (вин. п.) 747
uenus 695
uēr 304, 583₁, 690₂
uēr sacrum 797₃
uerbum 37, 66, 216, 231, 361₁, 422
uerērī 809
uēris (род. п.) 690₂
uermis 222₁, 527
uertō 719
uerū 233
ueruex 584
uērus 422
uespa 535
uespillō 829₁
uestis 705
uestri 268₁, 285
uestrum 268₁, 285
uelus 45, 783
uēxi 66, 71, 71₁, 190, 389₁
uexillum 419
uexō 66, 67
uictima 803₃
uicus 67, 180, 743, 788₂
uideō 70, 406, 836₁
uidua 65, 283, 759
uiduus 283, 759₂
uiēō 649
uīginti 133, 847
uincō 346, 422
uinum 647, 648₃
uir 416₁, 469₁, 759, 759₁
uirga 946
uis 469₁
uisum 644₂
uisus 70, 406
uitis 628, 650
uitrum 102₁

uitus 650
uiuerra 522
uiui 72
uiuus 60, 89, 235, 465
ultmus 634₁
ulna 131
umbilicus 817
umbō 817
umbōnis (род. п.) 817
uncus 723, 941
unda 248
unguen 704
unguentum 704
unguis 67, 121, 639
unguō 704
unicus 843
ūnus 843
uocō 835
uolnus 492₁
uolpēs 513
uōmer 690
uōmis 690
uorō 702
uōs 292
uōtum 236, 803
uoueō 236, 803
uōx 148, 168, 183, 183₁, 472₂, 803₂, 835
урпа 541₁
ūrō 826₁
ursus 149, 497
us-que 243
ūua 629, 642
uxor 263, 281

vassallus 480
vassus 480
uehere 942
Vesta 229, 229₁
Vesu-vlus 229
Vinālia 652
vocalis 472
Volcāni (род. п.) 377
Volcānus 377, 715₂

Фалискский
douiad 171
eko Kaisiosio 377₁
Evotenosio 377₁
fiiked 68₂
inperatoribus summeis 700
ququei 700
uiuū 647

Венетский

eku- 544
ekupetaris 544
ekvopetaris 551₁
oposo-φos 381
Quarquēni 614, 618₂, 880₁
re.i.iii 377

Мессапский

-bas 381
benna 86
Iuppiter Menzanas 556

Оскский

aasai 158, 203, 700
aasai purasiai 700
Abella 422
actud 70
acum 70
aetels 753
aisusis 801
akenei 422₁
am-fret 67₁
aragetud 713
bivus 72, 89
brateis 93, 413
βρατωμ 93
cadeis 131
casnar 157
deikum 68₂, 175
deivai 226
destrst 417
didest 220
dunte!s! (отлож. п.)
fakiad 65
fangvam 814
far 422, 783
fefacit 26, 220
feihüss 68₂, 707
fertalis 699
fifikus 68₂
Fluusai 468
just 389₁
futir 184, 766
hipid 68₂
hipust 68₂
humuns 475, 821
hürtin Kerriün 645
hürtüm 65
hürz 65, 180
inim 385₂
iúklei 818₁
keenzstur 804
kenzsur 804
Kerri 645

- (kúm)-bened* 86
manim 785₁
med-díss 811
mefiai 65
nesimois 382
nessimas 388
niir 190
-nter 392
petiro-pert 176
píd 89, 160
pís 89, 160, 387
pompis 413
púd 89
puí 89
pumperias 410₁
rufra 66
Rufriis 66
rufru 66
sereokid 478
συπ 121
supruis 121
sverrunei 123
τρυρομ 519
teerúm 419
-ter 392
τωFτο 943
touto 38, 749, 943
ualaemom 423
urust 803
vincter 346, 422
Умбрский
abruni 514
acnu 422₁
afju 65, 783
amb-oltu 67
ambretuto 67
amprehtu 67₁
arsfertur 65
arsueitu 65
arves 802
avif 537
berva 233
bim (вольск.) 565
bue 565
bum 565
curnaco 540
deitu 68₂
deueia 226
du-pursus 474
ekvine 545
ene 385₂
erietu 584
esaristrom (вольск.) 801
esono- 801
façia 65
fakust 65
far 783, 943
feliuf 423
fertu 65
frosetom 133
fust 389₁
Grabouio- 624
habe 68₂
habetu 68₂
homonus 821
iuka 818₁
Iupater 227, 777
kaprum 515
kuveitu 65
manuv-e 785₁, 806
menzne 424, 899
mers 811
meřs 811
mersto 811
muga- 803
-nter 392
peico 542
persnimu 237
petur-pursus 474
pir 699
pisi 89
pre-habia 68₂
pre-hubia 68₃
pumperias 410₁
puntis 849
purdouitu 171
purka 594
rofu 422
rufru 711
sal(u)uom 812₁
seritu 478
su(b)- 121
subra 121
super 121
teitu 68₃
-ter 392
toru 519
totam 749, 943
tra 419
traf 419
turuf 519
u(e)iro pequo 470
uerfale 66
uinu 647
uinu (вольск.) 647
umtu 704
une 188
uocu-com 743
Uofione 798
utur 188
vinu 647
vufetes 236
РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ
Французский
Avallon 637
cerise 644₁
cherise (ст.-франц.) 644₁
jeudi 852
maréchal 554₁
mareschal (ст.-франц.) 554₁
Итальянский
càpara 662
farfecchie 69₁
Испанский
aliso 635
Румынский
câneră 662
mînz 556
zîmbri 521

КЕЛЬТСКИЕ ЯЗЫКИ

Древнеирландский

a 379₁
á 'рот', род. п. (ср.-ирл.)
 132, 191₁, 814
á 'дышло' 724
ab 72₁, 402, 670
abae (род. п.) 72₁, 402
aball 637
ἀβράνος (кельт.) 131,
 523
accobor 30
ad-cobra 30
ahél (ср.-ирл.) 677
aial (ср.-ирл.) 677
aig (ср.-ирл.) 245₁, 655₂,
 682
áinne 817
aire 755
airech 755
airim 424, 688, 899
ais (ср.-ирл.) 721
áith 788₄
all (ср.-ирл.) 744₂
alt (ср.-ирл.) 779
an- 929
anáil 466, 678
anim(m) 466
anocht 472₄, 835
arachrin 190₁
arathar (ср.-ирл.) 688
arbor (ср.-ирл.) 477, 688
arco 176
argat 713
art (ср.-ирл.) 149, 497
athir 43, 184, 765
áú 133, 786₄
áue 766₃
bag 154
bágaid 154
bair (ср.-ирл.) 782
bairgen 873, 943
b'ax (ново-ирл.) 923
b'ax'ig (ново-ирл.) 923
bé 758
bech 602
ben 86, 89, 185, 218, 758
beo 89, 341, 465
bera 393
bere 393
berid 393
berim 75
bile 468
biu 465

biur 233
bláith (ср.-ирл.) 640₁
bláth (ср.-ирл.) 468
blicht (ср.-ирл.) 164, 571,
 640₁
bligim (ср.-ирл.) 569, 640₁
bó 86, 89, 565
bocc (ср.-ирл.) 586
bó-milge (ср.-ирл.) 571
bráth(a)ir 764
bráú 89, 228, 693
breth 224
bri 669
Brigit 669
brith 224
broon (род. п.) 693
brúad (ср.-ирл.) 786₁
búachaill (ср.-ирл.) 695
cacht 28, 143
caech 157
catt (ирл.) 599
caur 228
cécht 690
cercc (ср.-ирл.) 601, 947
cét 846
ceth(a)ir 845
cethéoir 281, 425, 845
cethir 89, 90
cethorcho 847
cethramad 845
ci- 100, 387
cid 160, 387₂
cír (ср.-ирл.) 49₁, 85, 578₁
cló 874
cnú 636
có(a)ir 809
cóic 91, 410₁, 845
cóim 180
coirm 703
coll 168, 636
coll (ср.-ирл.) 669
con (род. п.) 100, 184,
 590
cond 284
con-dar taiter 66₂
con-dartin 66₂
con-ro-deda 475
corrán (ср.-ирл.) 692
coss 98, 168
crenaid 345
cren(a)im 747
creth (ср.-ирл.) 706, 836
cretim 69₂, 324, 800, 834
cride 173, 199, 800₁

crú (ср.-ирл.) 85, 698
cruim 527₂
cruth 176, 706
cú 94, 100, 184, 590
-cúala 221
-cúal(a)e 221
cuind 284
cuire (ср.-ирл.) 741
cul 180, 718
cum-ung 67
Dagda 799
dag-móini 754
daig (ср.-ирл.) 89, 146₁,
 826₁
dáir (ср.-ирл.) 179
dam 483₃, 575
damnaim 483₃
dán 196, 754
dar- (ср.-ирл.) 179
daro (род. п.) 612
dáu 844
daur 612
daurde 612
dé 227, 791
dech n- 846
ded- 475
deëss 420
deich 229
deïd 420
del (ср.-ирл.) 570₁
delech (ср.-ирл.) 570₁
denaid 570
dér 816
dériad 422₁
der-mat 176
derucc 174, 612
dess 783
dét 75, 247, 302, 698, 814
dí (предлог) 420
dí 'две', ж. р. 844
día 226, 242, 475, 791
díabul 780
dīe 791
dīnu 570₁
dliged 808₂
dligim 808₂
dó 133, 844
dobor-chú 530₁
doē 230
do-moiniur 813
domun 6
don (род. п.) 821
do-rat 66₂
do-riuth 56₁

- dorus* 180, 743
drech 199
drochat (ср.-ирл.) 617₂
drochta (ср.-ирл.) 617₂
dron 508, 613
drúí 789₁
duit (ср.-ирл.) 541
dú 821
dúan 569_A
duine 475, 821
damacha, мн. ч. (ср.-ирл.) 466
dún 745
éc 822
écen 159, 822
ech 100, 544, 553
ega (род. н.) 655₂, 682
elae 543
elit 518
em- 218, 754
emon (ср.-ирл.) 655₂
emuin (ср.-ирл.) 778
én 226, 537
eo 629
éorna (ср.-ирл.) 655
erb 584
erc (ср.-ирл.) 536₁, 594
Ériu 741, 755
err 817
errach 690₂
esc-ung (ср.-ирл.) 67, 526
estar 698
étan 814
faíth 799, 836
fal-n- 423
fás 781
fásach 781
fé (ср.-ирл.) 650
fedb 65, 759
fedid 756
feib 780
féith 650
fén 724
fer 381, 469₁
fer(a)ib 381
fern (ср.-ирл.) 635
fess 406
fich- 422
fiche 133, 847
figim 419
fili 836
fin 647₃
Findemna 851
fir 422
fiss 406
flaith 423, 752, 938
fo 121
jó 780
foccul 835
fol-n- 752, 938
for 121
fo-riuth 56₁
for-mnae 666₁
foss (ср.-ирл.) 480
fraig 236
frén 663
froech 662
juan 705
fuil 425, 492₁
fuili (ср.-ирл.) 492₁
gabor 515₂
gaibid 75, 146, 289
gair 230
géc 97, 157, 690
geguin 86
gein 75
géiss 158, 542
-genathar 175
gér 97
gerr (ср.-ирл.) 229
gert (ср.-ирл.) 569
gigren 542₂
gi(u)n 183, 815
glún 113
gniu 234
gonim 86, 740
gor (ново-ирл.) 683
gorim (ср.-ирл.) 683
grán 175, 422, 694, 943, 946
guidiu 89
guin 86, 740
heirp 584
hicc 818₁
(h)uinnius 625
huisse 806
iasc 422, 536, 943
ibid 53₁, 220, 402, 426, 702
ibim 75
il 199
imb 704
imbliu 817
imb-rá- 675
ind fet 123
in-nocht 28, 403, 791₁
intech 153
trar 538
irchre 190₁
lán 234, 781
lár 422₁, 943
láthar 781
lén (ср.-ирл.) 30₁
lem (ср.-ирл.) 634₁
lethan 75, 199, 200
lí 711, 711₁
lia 234
lige 425
ligur 814
lín 659
lóchet 75
lóg 740
loga (ср.-ирл.) 512
luan (ср.-ирл.) 684
lug (ср.-ирл.) 512
Lugaid tri riab n-derg 851
Mac Tri Con 851
macc 423
maqi 377
marc 553, 554, 732, 939
máthir 765
m'ax (ново-ирл.) 923
mé 385₂
med 811
medb (ср.-ирл.) 604
medo (род. н.) 604
meithel (ср.-ирл.) 691
mela (род. н.) 603
meig (ср.-ирл.) 571
melim 231, 692
menme 813
mess 811
mí 424, 684, 699
mid 604
mid- 75
miduir 811
míl 603, 604
mír 699
mís 424
mláith 640₁
mlicht (ср.-ирл.) 164, 571, 640₁
mná 86
mochtae 782
móin 754
moirb 174
montar (ср.-ирл.) 806
muin- 815
muinél 666₁, 815

- muintir* (cp.-upл.) 806
muir 181, 422, 672, 943
náire 211, 804
nár 172, 211, 804
nathir 526
náu 634₃, 674
necht 28, 768₁
nél 668
nem 754
nenaíd (cp.-upл.) 257₃
ner 184
nert 190, 802
nessam 388
níath (под. n.) (cp.-upл.) 768₁
nīæ (cp.-upл.) 768₁
ni-t-la 288₂, 289
no- 359
nócha (cp.-upл.) 848
nocht 168
no-feidlis 364
noí n- 846
no-m 359
no-m... coima 360
no-teigmis 364
no-t erdarcugub 360
ó 786₄
óa (cp.-upл.) 766₃
ocht n- 28, 403, 846
ochtach (cp.-upл.) 631
ochtmoga 848
óen 843
oi 577
ond (cp.-upл.) 666
onn (cp.-upл.) 666
orbe 748₁
orc (cp.-upл.) 594, 921
org- 149
-ort 294₂
o-sennad 123
rá- 675
rámae 675
rann 812₂
recht 28
rethim 56₁, 216, 719
rí 216, 751
richt 96₁
ríg (под. n.) 751
rígain 751
ríge (cp.-upл.) 751
riuth 56₁
ro- 357
ro-cluinethar 345
rogénar 177
roithim 56₁
ro-ort 149
ro-recht 70
ro-sc 100, 121, 155, 696, 786₁
ross (cp.-upл.) 688₂
roth 56₁, 718
rúad 422, 711
rucht (cp.-upл.) 511
ru-deda 475
saigim 805
sáil (cp.-upл.) 628
sáillech, под. n. 124, 628
salann 158, 703
sanas 123
sáss 389₁
scara(im) 707
scáth 28
sé 845
se-ch 359
sechithir 696
secht n- 28, 846
sechtm-ad 846
sechtmogo 848
seir 75
seiss 389₁
selg 697, 815
sen 783₁
sén (cp.-upл.) 155
senn- 123
ser (cp.-upл.) 176, 685
serb (cp.-upл.) 478, 479₁, 740
serc 811₂
serg 123, 426, 811₂
sesca (cp.-upл.) 847
sessed 846
sétim 123
sí 254₁
sissi 254₁
-si-ssiur 220₂
siur 123, 184, 764
sleg 697
smech 112
snechtae 681
snigid 117, 681
sním (cp.-upл.) 704
socc sáil 593
socht (cp.-upл.) 811₂
-som 843
sonairt 190
so-nirt 190, 802
sonn (cp.-upл.) 44
sorb 783₂
srúaim 227
suide 419
súil 188₂, 684
suth 597, 653
táid 748
tais 424
tál 706
tan(a)e 199, 782
tar 419
tarathar 707
tarb (cp.-upл.) 519
té 146₃, 683
techid 153, 670
techim 146₁
teng 814
téoir 216₁, 281, 425, 845
tethra (cp.-upл.) 541
tiagu 140
timme (cp.-upл.) 683
tír 419
-tir 392
topur 675
torc 517
toucc- 114
tri 845
truit (cp.-upл.) 541
túarae 702
túath 38, 749, 943
-thar(-ar) 392
-ther 391
úai-b 254₁
úan 584
ubull 422, 637
uirgge 498₁, 817
-ur 391
véss 389₁
Валлийский
afal 637
afon 72₁
angen 822
anghen (cp.-валл.) 159
awel 677
ben-yw 86
buch (др.-валл.) 565
bugail 695
bustl 420
bwch 586
bydaf 602
cainc 157
carw (др.-валл.) 434
cas 131
cawdd 131
ceinach 157, 521

- cigleu* 221
сneuen (мн. ч.) 636
coeg-ddall 157
coel 812₁
credaf 69₂
chwaer 123
chwar- 123
chweched 122, 124
chwegr 123
chwi 254₁
chwythu 123

dafad 483₃
dagrau (мн. ч.) 816
dant 75
deigr 816
derwen (мн. ч.) 174, 233, 612
di (др.-валл.) 420
Donwy 902₂
drych 199
dyn 821
dynad 257₃

eidaw (ср.-валл.) 379₁
eterin (др.-валл.) 537

ffêr 75
fflochen 44
ffon 44

gafr 515₂
garth 744
gen 815
grug 662
gueetic (др.-валл.) 419
gwas 480
gwaŵd 836
gŵden 650
gweli 425, 824
gwerthyr (ср.-валл.) 741
gweu 419
gwial-en 650
gwin 647₃
gwlad 423
gwynt 425, 677

had 689
hanes 123
helgha-ii (др.-валл.) 697
heli 674
helixor 697
helyg-en 628
herw 478, 479₁, 740
hoedl 420
hwyad 537
hy-nerth 190, 802
hysb 155

iach 818₁
iaui 721
iâ 682
iben (др.-валл.) 53₁
in-helcha (др.-валл.) 697

llau 535
lle 75
llewpart 504₁
lliaïn 659
llin 659

malu 202
march 553, 554, 604, 732, 939
dant 75
meddw 604
melyn 603
mellt 422, 715
mor 673
merwydden 645
myned ar herw 740
munydd 666

ner 184, 190, 802
nerth 802
nessaf 388
neu- (ср.-валл.) 359
nyf 86, 681

pedwar 89
pimr (др.-валл.) 410₁, 845
pobi 410₁
pryd- 176
prydydd 836

rhew 682
rhudd 422
rhÿch 689

tair 216₁, 281
tir 419
tra- 419
trwch 30₂
tūd 943
twrch 517
Twrch Trwyth 517
twym 683

ych 129, 566
ywen 629

Корнский
aikel (др.-корн.) 677
aval 637
awel (ср.-корн.) 489₁
bistel (др.-корн.) 420
buch (др.-корн.) 565
carow 519

dauat (др.-корн.) 483₃
elerch 543
goly 824
guas 480
guern (др.-корн.) 635
guern-en (др.-корн.) 635
hiuin (др.-корн.) 629
iey (др.-корн.) 682
knyfan (ср.-корн.) 636
meneth 666
mor 673
ohan 566
onh-en (др.-корн.) 625
sterenn 28, 686
the 420
uen (ср.-корн.) 682
ueyn (ср.-корн.) 682

Бретонский
Abona 72₁
aval 637
bestl 420
beuer (др.-брет.) 530
Bibroci 220
bouc'h 586
buc'h 565
cridiff (ср.-брет.) 69₂
c'hoar- 123
dant 75
dañvat 483₃
di 420
di-alc'hat 697
eontr 767
gloat 423
guohi 535
gwas 480
gwern 635
had 689
hoc'h 593
hoetl (др.-брет.) 420
houad 233
ien 682
ivin 629
karo 519
linad 257₃
meil 693
menez 666
menn 556
-monid (др.-брет.) 666
mor 673
negein 822
ouhen (мн. ч.) 566
ounn-enn 625
sterenn 28
(tre)gont 229

Галльский

Aballō 637
 avallo 637
 Aventia 675₂
 Bāgācon 621
 bāgaudae 154
 bāgos 621
 bedo- 154, 422
 Vibracte 220
 Bitu-rīges 465
 Brigantes 669
 caiu- 146₂
 Cuno-pennus 590
 Dexsiva dea 129₂
 Druidae 789₁
 Druides 789₁
 Dubno-rix 6
 dugiontio 353₁, 354₂, 366

epo- 245₁, 544, 553, 939
 Epo-na 544
 Equi 377
 EQUOS 553
 essedum 731
 -gnātus 175
 gnātha 175, 234
 iuo- 629
 -īo 366
 καθάρως 228
 κοῦρι 703
 legasit 75
 Litano-briga 75
 Lug 799
 μάρκων 553, 554, 939
 ματρεβο 381
 Medio- 75
 Meliddus 603

odocos 633
 πεμπτε- 410₁
 petuarios 89
 rēda 422₁, 731
 rica 689
 ritu- 673, 946
 Salicilla 628
 Segomari 377
 Σεγομαρος 377
 so-sin 384
 so-sio 384
 suexos 122, 123, 124
 tarvos 519
 Teut- 943
 Toutonos 749
 Vesu- 780, 860₂
 Vo-contii 133
 Vo-corii 133

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ**Древнегерманский**

*āb(a)lo- 637
 *ābku- 637
 Agio 516
 alu (рун., др.-сев.) 808₁
 a[n]suR (рун.) 750
 *ap(a)la- 637
 *aplu- 637
 godagas, род. п. (рун.) 378
 haite (рун.) 390₁, 391
 Hengist 553, 777
 Horsa 553, 777
 Hundingas 590
 *hūs 742₁
 Ibor 516
 Mimír (др.-герм.) 675₂
 Nerthus (др.-герм.) 802
 stAba (рун.) 623₁
 Wisu- (др.-герм.)
 780, 860₂

Готский

afdauiþs 495
 (af)hvarþan 29, 403
 aflifnan 89₁, 410
 aggwus 67, 781
 ahtau 27, 28, 281₁, 403,
 846
 ahtau-tēhund 848
 ahva 100, 217, 246, 282,
 426, 539, 671, 702, 940
 aihva- 544, 553, 554₂, 939
 ainaha 843
 ains 843

aiws 507, 802
 aiz 709
 akrs 36, 94, 694
 *alisa 635
 anda- 814
 ansēs 750
 apel (крым.-гот.) 638
 ara 158, 489, 538
 arbaiþs 479, 748
 arbi 748₁
 arþan 424, 688, 899
 armahairts 348
 arms 785₁, 946
 asans 126₁, 691
 (asilu)-qairnus 693
 asilus 562
 asts 118, 203
 atisk 655
 aþnam 422₁
 augō 786₁
 aihns 708
 aihsa 129, 566
 aukn 85, 236
 auknan 85
 ausō 786₄
 awistr 577
 badi 422
 bagms 467
 baiddjan 37
 baيران 37, 43, 65, 75
 bairstahei 43, 669
 bairstan 418
 bairsts 620, 621₂

barizeins 422, 873, 943
 bat-ista 388
 batiza 141₁
 baúrgs 745
 bērkna 620₃
 Bēr-ulþus (вост.-гот.) 498
 bidjan 146₁
 bigairdan 175
 bilaigōn 111₁
 bindan 164, 217
 bi-ūhts 114
 blandan sik 418
 blinds 418
 blōma 468
 bōka 622
 bōkareis 623
 bōkōs (мн. ч.) 622
 brōþar 37, 38, 764
 brūþ-faþs 29, 168, 758
 daddjan 570
 daigs 37, 179, 707
 dailjan 418
 dails 418
 daug 418
 dauhtar 114, 150₁, 405,
 569₄, 766
 daúr 37, 43, 180, 743
 daurowards 808
 dauþs 475
 dauþus 475
 dis-tairan 707
 diups 6
 dius 237, 241, 466
 diwans 475

- dōmjan* 810
dōms 810
driugan 418
dulgs 808₂
ētum 181
ɣadar 38, 43, 765
ɣaiflōkun 30, 403
ɣaihu 29, 146, 244, 421₁,
 469₂, 938₁
ɣairguni 614, 793
ɣalɣan 228, 238₁, 779
-ɣaps 29, 168
ɣaúhō 514₁
ɣidwōr 90, 845
ɣidwōr-tigjus 229, 847
ɣiggrs 849
ɣilu 199
ɣimɣ 89₁, 410, 410, 845
ɣimfta- 845
ɣimɣ-tigjus 847
ɣisks 28, 422, 536, 943
ɣōn 210, 274, 699
ɣōtus 38, 154, 786₂
ɣraihnan 237
ɣrasts 688₂
ɣraɣi 29
ɣrijōnd-i 375
ɣula 551
ɣulls 234, 781
ga- 360, 365, 365₁
gabei 146
gadaban 418
ga-dars 301
ga-daúrsan 357
gadraúhts 418
gaggan 97
gairda 175
gaits 422₁, 586, 872
galga 97
gamains 754
ga-maúrgjan 59, 72, 782
ga-munds 199, 813
ga-nawistrōn 825
gards 37, 65, 180, 744
gasts 85, 754
ga-swōgjan 123
ga-tamjan 483₃
ga-teihan 36, 175, 806
gatiman 742₃
ga-ɣarban 357
ga-warg-jan 494₁
gawigan 110, 723
geen (крым.-гот.) 37
giban 37, 376
gibla 154, 408, 813₃
gibōs 376
gōps 154
gulɣ 419, 420, 714
guma 184, 475, 821
haɣjan 146
haiks 157
hails 812₁
haims 180, 418, 421₁
hairtins (поѠ. н.) 186
hairtō 38, 94, 173, 186,
 800₁
hairus 933
hana 601
handus 850
harɣis 741
hatan 131
hatis 131
hatjan 131
haubip 813₃
haúrn 876
hausjan 836
hēɣjō 29, 146₂, 932
hliuma 38
hōha 31, 44, 56, 97, 690
hrōpeigs 205
hund 94
hunda 846
hunda-ɣaps 29, 758
hunds 590
hwaiteis 657
hvas 86
hvas piudans 352₂
hvaɣō 29, 31
hveila 235
iddja 724₁
ik 36, 207, 383
in-raúhtjan 511
inu 122
is 291
ist 117, 217
-ist- 388
-ista- 55
it-a 291
itan 36, 41, 50, 698
iusiza 780
izwis 254₁
jēr 691₁
ju 418
juk 45, 85, 721
kann 301
kannjan 179
kaúrjōs 199, 782
kaúrn 175, 694, 943, 946
kindins 749
kinnus 183, 244, 815
kniu 36, 94, 100, 173,
 233, 786₃
knōdai 234
Krēks 40
kuni 749, 750₂
kunnan 36, 175
laggs 782, 860₂
laihv 178
laun 740
leihts 782
leihtvan 89₁, 334
leihtvan sis 334
lein 659
lēkeis 827₁
ligan 66, 75, 425
lisan 826₃
liudan 249, 477
liuhap 75
maipms 754
malan 692
man 177, 301, 302
mana-sēps 689
manna 475, 759
marei 181, 422, 673, 943
mari-saiws 673
maɣa 877
meins 291
mēl 159, 172, 684₂, 691
mēla 632₂, 783
mēljan 632₂, 783
mēna 424, 684, 899
(midja)-sweipains 123
midjis 65
mikils 207, 782
miliɣ 603, 604
miluks 571
mimz 699
mītan 811
munan 176, 472, 813
muns 813
nadrē 526
nahts 27, 28, 168, 403,
 791₁
naqaps 45, 50, 100, 168
naus 419, 825
ni 254
niman 754
niun 846
niunda 846
niun-tēhund 848

- paida* 40
-qairnus 89, 175, 228
qairu 233
qēmum 164
qiman 36, 86, 88₂, 164, 410
qinō 42, 50, 86, 92, 271, 413, 758
qius 465

rahts 28, 70
raups 422, 711
reiki 751
rign 680
riqis 423

sa 275₁, 378, 384
sahv- 178
saian 688
saihs 122, 124, 845
saihsa 846
saihran 100, 121, 155, 598, 696, 786₁
salt 158, 703
sama 843
satjan 36, 116
sauil 117, 188₂, 196, 210₁, 684
saurga 123
saurgan 123
sēhv- 178
sibun 846
sibun-tēhund 848
sigis 155
silubr 419, 713₂
simlē 640₁
sind 224
sinista 783₁
siujan 704
skadus 28
skilja 119
snaiws 86, 117, 180, 419, 681
sō 384
sōkjan 805
sparwa 541
spēdiza 55
stairnō 28, 176, 686
stairō 118
steigan 85, 117, 140
stiks 119
stiur 520₂, 574₁
sums 199, 202
sunja 810
sunnō 188₂, 196, 684

sunus 423, 597₂, 765
swaihra 760
swaihrō 112, 760
swaran 123, 124
swarts 783₂
swain 593
-sweipains 124
swērs 123, 124
swiglōn 123
swinps 801
swistar 123, 124, 125, 405₁, 764
swistrs (pod. n.) 405₁
swōgatjan 123

tagr 816
taihsua 129₂, 783
taihun 38, 199, 229, 846, 961
taikns 175₁, 806
timrjan 640₁, 742₃
tiuhan 174
trauan 613
triggws 508, 613
triu 174, 223, 224, 233, 272, 282, 612
tuggō 814
tunpus 75, 302, 698, 814
tuz- 780
twa 844
twai 133, 844
twai-tigjus 847
twel-fls 706₁, 780
twōs 133, 844

pa- 275₁
bahan 29, 422₁
pai (мн. ч.) 385
pana 384
pata 384
pata diwanō 495
paursjan 44
paursus 128
pis 378
piuda 38, 749, 943
piudans 749
pō 384
pōs (мн. ч.) 385
preis 845
prija 845
prim 382
pu 225
puan 176
pūsundi 125₁, 419, 848

ufar 38
uf-panjan 38
ulbandus 525, 525₁

Ulfilas 493
un- 254
undiwanei 495
uns(is) 292₁
un-wiss 406
ūt 243
uz-anan 466

wahsjan 236
waian 677
wair 469₁
wairpan 719
wait 178, 301
waldan 423, 752, 938
wandus 729₁
warjan 741
warmjan 683
war(s) 808
wasjan 705
wasti 705
watins (pod. n.) 188
watō 188, 942
waúrd 37, 66, 231, 422
waúrms 222, 527
waúrts 663
weihan 422
weihs 743, 803₃
wein 647
weina- 647
weina-gards 647, 648₂
weinatriu 647
weis 292
weist 55
widuwō 65, 759
witwan 492₁
-windan 729₁
winds 202, 206, 425, 489₁, 677
wisan 206, 467
wists 468
wi-t 133, 293
witum 178
wōds 836
wulfis (pod. n.) 378
wulfs 176, 199, 271, 378, 410, 492
wulla 206, 578₁
wultwa 492₁

 Древнеисландский
aji 766
aka 941
almr 634₁
alr 635
andi 466, 678
apaldr 637

- apal-grár* 637
api 131, 523
apr 640₁
arðr 688
ari 538
arinn 808₁
ars 817
askr 625, 942
askr Ygg-drasils 549
áss 201, 750
áta 698
átta 846
átta tiger 848
auðna 583, 583₁
auðr 583
auga 786₁
Austri 853

bága 154
barr 873, 943
beiða 37
bera 37
beyki 622
bjarg 669
bjórr 530
björk 619
björkan 620₃
björn 498
Björn-ólfr 493, 498
bógr 785₁
bók 621, 623
bokki 586
bokkr 586
bora 707
Bragir 643
bragr 643
bróðir 37, 764
bukkr 586
burst 69₁
bý-fluga 602
bygg 467
bægja 154
böðlr 878

deig 37
dilkr 570₁
drótt 755₃
dvergr 133
dýr 466

efna 746
eik 618
eir 709
ek 36
elgr 517
elptr 543
enni 814

epli 422, 637
erja 688
eta 36

fá 632
fá rúnar 632
faðir 38
fastr 744₁
fé 579
fimm 845
fimt 849
fim(m)ti 845
fingr 849
fiskr 536, 943
fjall 228, 744₂
fjorði 845
fjórer-tiger 229
fjórðr 57
fjöl 739
fjörðr 673, 946
Fjörgyn 615, 793
fjorr 614
flaga 424
flaka 30
fley 675
flóki 30
flórr 422₁, 943
fóa 514₁
foli 551
fótr 38, 786₂
frauki 534
Freyr 793₁
frjósa 632
froskr 534
fura 614
fúrr 699
fylgja 488
fýri 614
fýrr 210
fær 578, 579

gall 816
gammi 43
gangandi fé 585
garðr 37, 744
gás 542
gefa 37
geit 872
gestr 85, 168, 754
gildra 175
gnit 535
gói 226
grænstr 630
guðr 86, 740
Gullveigr 607
gumi 821

gunnr 86
gúgr 97

há 97
haðna 599
hafr 515, 586
hafrar (мн. ч.) 586
hamarr 716
hampr 662
hani 602
hár 157
harfr 692
hargr 618₂
hasl 636
haufuð 813₃
heill 418, 812₁
heite 390₁, 391
heri 521
herjann 741
herr 741
hestr 553
hjarni 113
hjarta 38
hjól 718
hjorr 933
hjótr 519
hljóð 38
hnakki 98₁
hnót 636
hófr 31
holmr 669
hoppa 30₂
hórr 97
hrár 698
hróðr 205
hross 553
hræll 112
húfr 30
hundr 590
hvalr 934₁
hveiti 657
hvél 86, 718
høð 146₂
hoggua 715

íkorne 522
í orms líki 528₁

jaki 245₁, 682
jór 544, 553, 554₂
júgr 569₁
jöfurr 516
jökull 682

kanna 36
karl 825
klafi 418

kné 233
 knébeðr 325
 knjúkr 98
 krabbi 533
 krafla 533
 kráka 540
 krákr 540
 krás 231
 kundr 175, 234
 kvern 175, 228, 693
 kvísl 133₁
 kvístr 133₁
 kýr 60, 565
 lesa 826₃
 lifr 187, 816
 lús 535
 læknir 827₁
 mala 693
 mannr 475
 marr 'конь' 553, 554, 732
 marr 'мопе' 673
 maurr 174
 meiss 419
 mergr 813₁
 merr 553, 554
 Miðgarðr 485
 Miðgarðs-ormr 527
 mjóðr 604
 mjól 693
 mjólk 571
 mjóllnir 422, 715
 mjótuðr 811
 mosi 664
 mund 785₁, 806
 munðr 807
 munr 813
 mús 185, 531
 mjú 534
 mylna 693
 myrkr 143₁
 mjýrr 664
 mōn 815
 naðr 526
 naflí 817
 nár 825
 nefje 768₁
 nest 762₂
 nio tiger 848
 Njórðr 851
 nórr 674
 Norðri 853
 nōtr 257₃
 Óðinn 487, 799, 836, 851
 óðr 836

ok 85, 721
 ómun 835
 ormr 527
 óss 132, 191₁
 otr 529
 oxi 566
 rauðr 711
 raukn 511
 regn 680
 reið 422₁
 rjóðr 711
 róa 675
 roðra 66
 róþr 235
 rugr 419, 658
 rōðull 718
 saman runninn 365
 sannr 303
 saurr 817
 selja 628
 sem hundar 590
 sätte 846
 sex 845
 siau tiger 848
 sími 705
 sit 36
 sjá 696
 skagi 69₁
 skarn 817
 skegg 69₁
 skelkr 109
 skera 707
 skip-flak 30
 slapa 6
 slápr 419
 snjórr 681
 snor 117
 sollr 124
 sólo fegra 355
 sorta 783₂
 spá 119
 spjalkir 44
 spjórr 44
 spætr 542
 sporr 541
 stafr 623₁
 stallr 118
 stjaki 44
 stjarna 686
 stjór 520₂, 574₁
 straumr 405₁
 Suðri 853
 sunnu... hvél 351
 sunr 597₂, 765

súpa 653₃
 súrr 160, 172, 817
 sveipa 123
 svín 593
 svinnr 801
 sýr 593
 systur 764
 sōk 805
 tafn 701
 talma 230
 téa 36
 temja 483₃
 leygja 179
 timbr 640₁, 742₃
 tívar (мн. ч.) 36, 227, 475,
 791
 tjá 36
 tjara 174
 tré 612
 tróð(a) 231, 233
 trú 613
 trygg 508, 613
 tuttugu 847
 tvau 844
 tveir 844
 tvær 844
 Týr 36, 271, 799
 þenja 38
 þiðurr 541
 þjóð 749, 943
 þjóðann 749
 þjórr 519, 520₂
 Þórr 799, 851
 þórsdagr 852
 þrettán 848
 þrimr 382
 þrōstr 541
 þulr 808₁
 þunnr 782
 þúsund 848
 ulfalde 525₁
 Ulf-þjórn 493, 498
 ulfr 378
 ulfs (pod. n.) 378
 umgjörð allra landa 527
 urt 663
 usti 826₁
 uxi 566
 vād 230, 583, 583₁
 vaf 583
 vagn 686, 724
 valda 938
 Valholl 824, 836

Valkyria 824, 836
 valr 425, 492₁
 vangsní 690
 vargr 494₁, 590, 720
 vargshár 494
 vargré 487, 494₁, 720
 vari 882
 vatr 188
 vátta 835
 váttir 835
 vax 610
 verja 'одевать' 705
 verja 'защищать' 741
 vesl 705
 Vestri 853
 vetr 630
 víðir 628, 650
 vísundr 521
 vitnir 492
 Völundr 715₁
 yfir 38
 Yggdrasil 549, 553
 ylgr 284, 492
 Ymir 132, 821
 ýr 629, 630, 642
 ysja 826₁
 áger 100, 217, 671, 702,
 940
 ægir 526, 528₁
 ægis (под. н.) 528
 ægis-hjálmr 528₁
 ær 577, 579
 ó 671
 ol 946
 onn 691
 osp 627, 940

Норвежский

aul 609₂
 kage 141₁
 mæla (др.-норв.) 632₂
 olda 418
 slapa 6
 sylt 674
 iikka (диал.) 586₁
 ortog (др.-норв.) 711

Шведский

brind (диал.) 519
 gā (др.-шведск.) 37
 spikke 542
 spink (диал.) 542
 prykkja (др.-шведск.) 30₂

Датский
 gamme 43
 stød 35₁

**Древнеанглийский
(Англо-саксонский)**

āc 618
 ācweorna 522
 adesa 716
 adosa 716
 aldaht 418
 alor 635
 ampre 640₁
 ān 843
 ara 131, 523
 apuldor 637
 atol 131
 æcer 694
 æm-yrie 826₁
 æned 543
 ænig 843
 æppel 637, 640₁
 æren 709
 æse 625, 942
 æspe 627, 940
 bēdan 37
 bēam 467
 bēce 622
 bēo 602
 beofor 530
 bēom 295
 beorc 619, 620₂
 beorg 669
 beorh 669
 beorht 620
 Bēowulf 493, 498, 607
 bera 498
 bēre 422, 873, 943
 be-sylcan 697
 birce 619
 blēd 468
 bōc 621, 623
 bodan 29₁, 489
 bōg 785₁
 borian 707
 botm 489
 brægen 813₁
 brēowan 643
 brōþor 764
 brū 786₁
 bucca 586
 byrst 69₁
 catt 600
 catte (ср.-англ.) 600

cegnan 179
 cheri (ср.-англ.) 644₁
 cinn 815
 snāwan 171, 234
 snēo(ω) 171, 786₂
 snēowgebed 325
 comb 815
 corn 694
 crabba 533
 cranoc 540
 crāwe 540
 cū 60, 565
 cwene 758
 cweorn 228, 693
 cwiċe 465
 Cynewulf 554₂
 cuning 750₂
 cynn 749, 750₂
 dāg 37, 707
 dæg 378
 dæges (под. н.) 378
 dēad 475
 delu 570₁
 dēor 466
 dohtor 766
 dōm 810
 dor 37, 743
 dūn 745
 duru 743
 ðaccian 424
 ðenian 38
 ðennan 38
 ðrāwan 231
 ðryccan 30₂
 ðrysce 541
 ēa 282, 671
 ēad 583
 ēage 786₁
 ēagor 282, 539
 eahta 846
 ealdor 418
 ealu 932, 946
 ēam 767
 ēanian 584
 ēar 672
 ēare 786₄
 earm 785₁, 946
 earn 538
 eax 721
 efnan 746
 ēg- (ē, ēa) 940
 elm 634₁
 enge 781

- eofor 514, 515₂, 516
 eofor-lic 516
 eoh 544, 553, 554₂
 eoh 245₁, 629, 630
 eolh 517
 ēow 577, 629, 630
 etan 36, 698

 fæder 765
 fædera 767
 fæsl 817
 fæst 744₁
 fealdan 779
 fearh 594
 feax 578
 feðer 57, 226, 537
 feht 578
 fell 228
 feoh 579
 fēorða 845
 feower 845
 feower-tig 229
 fif 845
 fiht 469₂
 filmen 228
 finc 542
 finger 849
 firgen 614
 fisk 536, 943
 fleax 706
 flōcan 30
 flōr 422₁, 943
 flota 675
 fola 551
 ford 673, 946
 forma 843
 forn(e) 536₁
 forst 682
 fōt 38, 786₂
 fox 514₁
 frēosan 682
 Frid-hengest 553
 frogga 534
 frosc 534
 full 781
 furh 'сосна' 614
 furh 'борозда' 689
 fūr 699
 fyrs 657
 fyrst 843
 fūst 849

 gān 37
 ganot 543₁
 gāt 586, 872
 gealla 816

 gēar 691₁
 geard 37, 744
 (ge)cynd 749
 gehopp 30
 ge-mynd 813
 geoc 85
 gesund 801
 giefan 37
 giest 85, 754
 gold 714
 gōs 158, 542
 guma 821
 gūþ 740

 hafola 813₃
 hāl 418, 812₁
 hām 418, 420, 421₁
 hand 850
 hara 521
 hasu 521
 hæfer 515, 516, 586
 hæl 812₁
 hænep 662
 hærfest 692, 878
 hæsel 636
 hæslen 636
 hēafod 813
 hēafod-segn 516
 hearg 618₂
 heawan 715
 hēcen 131, 585
 hengest 553
 henn 602
 heofon 668
 heorot 173, 519
 heorte 38, 800₁
 heoruwulfas (мн. ч.) 493
 hieran 836
 hlēoðor 38
 hnutu 636
 hōc 815₁
 hōf 31
 hoppe 30
 horn 173, 876
 hors 553
 hrægl 112
 hrēr 234
 hund 846
 hūs 742, 939
 hwæte 657
 hwēlp 817
 hweogol 718
 hwēol 57, 86, 220, 718
 hyll 669
 hyrnet(u) 535

 igil 526
 ih 629
 is 682
 iw 629

 lang 782
 læce 827₁
 læah 85
 leoht 782
 lesan 826₃
 lifer 816
 lin 659
 lippa 422₁
 lox 511
 lūs 535

 maða 877
 mann 475
 manu 815
 māwan 691
 mearg 813₁
 mearh 553, 554, 732, 932
 melcan 164, 569
 meld 803
 melu 693
 meodu 604
 meolc 571
 mēos 664
 mēre 673
 mērisc 673
 metan 811
 middan-geard 485
 miere 554
 millisc 603
 mōdor 765
 mos 664
 mund 807
 mūs 531
 mycg 534

 nacod 50
 nafela 817
 nafu 817
 nasu 181, 814
 neaht 791₁
 nefa 768₁
 nē(o)- 825
 nēosian 814₁
 nest 118
 neſete 257₃
 niſol 668
 nigoda 846
 nigon 846
 niht 791₁
 nōse 181
 nosu 814₁
 nōwend 674

- ofnet 708
 olfend 525₁
 oncnāwan 805
 ōs 750
 ōst 159
 oxa 566
 plōges (мн. ч.) 688
 plōh 688
 rador 718
 rēad 712
 reg(e)n 680
 rēn 680
 rēoc 511
 riht 784
 rōdor 235, 675
 rose 663
 rōwan 675
 ryge 658
 sacu 805
 same 843
 sand 156
 sāwan 688
 sēcān 805
 scearn 817
 sciēran 707
 screpan 624
 sealfian 704
 sealh 628
 sealt 703
 sēar 158
 sēaw 653
 seofon 846
 seolfor 713₂
 seolh 124
 sēon 696
 si(ē)x 845
 sim(b)le 640₁
 simblon 640₁
 slāh 711
 snāw 681
 snoru 761
 socian 143₁
 sōð 303, 810
 spanu 418
 spearwa 541
 spelc 44
 spōwan 55, 117
 spreccan 117
 stæf 623₁
 stēor 520₂, 574₁
 steorra 686
 stōd 553
 sū 593
 sugu 593
 suhterga 768₁
 sulh 689
 sunnan beorhtra 355
 sunne 684
 sunu 597₂, 765
 sūpan 653₃
 swāpan 123
 swāt 117
 swæg 123
 sweart 783
 swēg 123
 sweger 760
 sweostor 123, 764
 swēte 117
 swētest 128
 swið 801
 swin 593
 swin-lic 516
 swinsian 123
 synn 810
 tācor 760
 tēcān 806
 tæhher 816
 teagor 816
 tēar 816
 tēmian 483₃
 tēon 36
 teorū 174, 272
 teran 707
 tiēgan 179, 585
 tien 846
 tierwe 174
 Tig 36, 227
 timber 640₁, 742₃
 tōð 698, 815
 tor- 780
 trēotwl 612
 -trēowe 508
 trīg 617₂
 trog 617₂
 trōh 617₂
 trum 613
 trūwian 613
 tū 844
 tūn 745
 tunge 814
 twā 844
 twen-tig 847
 twi- 844
 twifete 474
 þefian 683
 þeod 943
 þrēo 845
 þrēo-tiene 848
 þrie 845
 þrēsdæg 852
 þrēsend 848
 ūder 66, 569₄
 under-standan 473₁
 wadan 673
 waritrēo 487
 wæd 673
 wæd 583
 wæfs 535
 wægn 546₁, 724
 wætwulfas (мн. ч.) 493
 wær 808
 wæter 188, 274
 wealh 480₁
 wealh-hnutu 636
 wearg 494₁
 weax 610
 wēbbian 583
 wēdan 836
 weder 677
 wefan 583
 welig 124, 628
 wēoh 803₃
 weosule 523
 weotoma 757
 wēste 781
 wetma 757
 wice 634₁
 widuwe 759
 wiðig 628, 650
 wig 803₃
 wigan 422
 win 647
 win-berige 647
 wind 677
 win-geard 647, 648₂
 win-trēow 647
 wiss 406
 wita 836₁
 wifan 836₁
 wituma 757
 wōcor 236
 wōd 836
 Wōden 799, 836
 wōð 836
 wulfhæfod-trēo 487
 wurma 222₁, 527
 wurm 222₁, 527
 Древнефризский.
 gadia 146₂
 worma 222₁

Древневерхненемецкий

ackar 694
 adel-ar (ср.-в.-нем.) 538
 affo 523
 afful 638
 aha 671
 ahsa 721
 ahto 846
 āla 923
 albiz 65, 543, 783
 ampfarō 640₁
 ana 766
 ana-mali 783
 ancho 704
 andi 814
 angar 526₁
 angi 781
 ano 766₃
 āno 929
 ant- 814
 anut 543
 apfalter (ср.-в.-нем.) 638
 apful 638
 arabeit 479, 748
 ar(a)m 748
 aran 691
 arbi 748₁
 ar-kennen 179
 arm 785₁, 946
 aro 538
 ars 817
 aruz 711
 aruzzi 711
 asc 625
 aspa 627, 940
 ast 203
 barre (ср.-в.-нем.) 179
 bart 69₁, 422
 beitten 37
 beran 37
 berg 174, 669
 bero 498
 Ber-ulf 498
 bīa 602
 bibar 77, 220, 530
 bijiht 818₄
 bini 602
 birihha 619
 biwarōn 808
 bluoto 468
 boc 586
 bodam 489
 borōn 707
 boum 467
 briuwan 643

bruoder 37, 764
 buog 785₁
 buoh 623
 buohha 621
 buohstap 623
 burg 745
 burst 69₁
 chuning 750₂
 chunni 749, 750₂
 choo 86, 191, 565
 dehsa 706
 dehsala 706
 dehsen (ср.-в.-нем.) 706
 diēn (ср.-в.-нем.) 570
 diot(a) 38, 749, 943
 diutisc 749, 943
 drāen 231, 707
 dri 845
 droscala 541
 durni 199, 788
 dūsunt 848
 dweran 133
 ebur 514, 515
 eih 618
 eihurno 522
 ein 843
 einac 843
 eiscōn 108, 112, 345
 ēl(a)ho 517
 elira/lerila 635
 ělmboum 634₁
 engi 781
 eninchil 766₃
 ēr 709
 ērin 709
 erizzi 711
 erran 688
 ēwa 507
 ēwe (ср.-в.-нем.) 507
 ewig 802
 ezzan 36, 698
 ezzesc 655
 fahs 578
 faltan 706₁, 779
 far(a)h 594
 farheli 594
 fasel 817
 fater 38, 765
 fatirro 767₃
 fatureo 767₃
 fedara 152, 153, 226, 238₁,
 537
 fel 228

Указатели

felga 706
 felis 744₂
 fereha (лангобард.) 614
 fergōn 237
 Fergunna 614
 festi 744₁
 fetiro 767₃
 fihu 421₁, 469₂, 579
 fimf 845
 fimfto 845
 fincho 542
 finf 845
 finfto 845
 fingar 849
 fior (feor) 845
 fiordo 845
 fior-zug 229
 fir-zeran 707
 fisk 536, 943
 fiuhtra 631
 flahs 706
 flehtan 228, 706
 fol 781
 folo 551
 foramundo 807
 forha 614
 forhana 536₁
 forhel (ср.-в.-нем.) 536₁
 forhe(n) (ср.-в.-нем.) 536₁
 forscōn 237
 friosan 682
 fuhs 514₁
 fuir 699
 fuoz 38, 786₂
 furben 96₁
 furisto 843
 furt 673, 946
 furuh 689
 füst 419, 849
 gāgen (ср.-в.-нем.) 542₂
 galla 816
 gān 37
 gans 542
 garto 744
 gast 85, 754
 gebal 408, 813₃
 geban 37, 75
 geiz 872
 gelo 714
 gersta 656
 gibilla 813₃
 gimeini 754
 gimulli 593
 gi-munt 813

- gisunt* 801
gi-triuwi 613
gi-uurmōt 527
gi-wah-anen 472₃, 835
giwaht 835
giwar 808
giwiss 406
gold 714
gomo 821
gund- 740
guot 154
haft 28
hāhsina 98, 168
hāko 815₁
ham̄ar 716
hanaf 662
hano 601
hant 850
hantag 236
harmo 523
haru(g)- 618₂
hasal(a) 168, 636
hasan 521
haso 157, 521
hatele (ср.-в.-нем.) 599
heil 812₁
heitar 31
hengist 553
herbist 692, 878
heri 741
herza 38, 94, 800₁
hesilīn 636
himil 668
hirni 173
hirso 645
hiruz 519
hlīodar 38
hnac 98₁
(h)nuz 636
horn 876
hornaz 423
hornūz 939
hōr(r)en 836
houbit 813₃
houwan 715
(h)rō 698
hros 553
humbal 418
hunt 590
huof 31
hurnūz 423, 535
hūs 742, 939
(h)welf 817
hweli- 934₁
- lga* 629
igil 526
is 682
īwa 629
jagōn 692₂
jār 691₁
jehan 818₁
jīht 818₁
joch 85, 721, 722
juch 85, 721, 722
kamb 423, 815
kerban 624
kersa 644₁
kinni 815
kneo 786₃
knio 233
knōt 234
korn 694
kranuh 540
krappeln (ср.-в.-нем.) 533
krā(w)a 540
kunnan 36
lāchi 827₁
lāchīn 827₁
lahs 536
lang 782
lebara 816
lecchōn 111₁
leh-tar 33
lehter 405
leim 180
lesan 826₃
lewe (ср.-в.-нем.) 507
lewo 507
libera 816
liggen 66
liht(i) 782
līn 659
lioht 148
liut 418, 477
loh 180
lōh 85
lōn 740
louwe (ср.-в.-нем.) 507
lōuwe (ср.-в.-нем.) 507
louwo 507
luhs 511
lūs 535
mado 877
māen 691
mālōn 632₂
mana 545, 815
mann 475, 759
manzon 556
marah 554, 732
marah-scalc 554₁
mar(a)k 813₁
marī 673, 943
mar(i)ha 553, 554, 939
melchan 164
meldōn 803
mēlo 693
merī 673
metu 604
mezzan 811
milchu 569
miluh 571
mios 664
mōrbere 645₁
mos 664
mucka 534
mūlber (ср.-в.-нем.) 645₁
muoter 765
mūr- 645₁
murg(i) 59
mūs 129, 531
naba 817
nabalo 817
nackut 50
naht 791₁
nājan 704
nara 762₂
nasa 158, 814
nātara 526
nāu 704
nebul 668, 677
nēman 754
nerī 762₂
nevo 763₁
nezzila 257₃
nīdar 781
nīft 27, 28, 768₁
niun 846
niunto 845
ōheim 767
ohso 129, 566
ōra 786₄
ottar 529
ou 577
ouga 786₁
ovan 708
quena 758
quirn 693
rad 718
regan 680
reht 784

- rihhi 751
 rohön 511
 rokko 658
 rōsa 663
 rōt 712
 rōz 180
 ruodar 235, 675

 sāen 688
 sahha 805
 sal 745
 sal(a)ha 628
 salba 703
 salbōn 704
 salhe (ср.-в.-нем.) 628
 salz 703
 sāmi- 843
 sāmi-queck 843
 sāmo 422, 688
 samt (ср.-в.-нем.) 156
 sand 810
 sarf 691
 sat 689
 sceran 707
 scerōn 119
 schel (ср.-в.-нем.) 109
 sehan 696
 sehs 845
 sehsto 846
 sehto 846
 seito 705
 sibun 846
 sūl(a)bar 713₂
 simble(s) 640₁
 simblum 640₁
 slēha 711
 snēo 681
 snīwan 117
 snur 761
 sōrēn 158
 sou 653
 sparo 541
 speh 542
 spehōn 28, 119, 219
 speht 542
 stap 623₁
 steg 117
 sterno 28, 686
 sticken 119
 stior 520₂, 574₁
 stroum 405₁
 stuoat 553
 sū 593
 sūf 653₃
 sūfan 653₃

 sunna 684
 sunu 597₂, 765
 suohhen 805
 swāri 123
 swarz 783₂
 swēgala 123
 swēglōn 123
 swehur 123, 760
 swelhan 124
 swester 764
 swigur 374, 760
 swin 593
 swintan 123

 tanna 618₂, 631
 tegal 707
 teig 37, 707
 thūsunt 848
 tila 570₁
 tiar 466
 tohter 405, 569₄, 766
 tor 37, 180, 743
 tōt 475
 toum 466
 trog 617₂
 truha 617₂
 truoder (ср.-в.-нем.) 231
 trū(w)ēn 613
 tunkal 200, 711
 tuom 810
 turi 743

 uoba 798₁
 uoben 746
 ūter (ср.-в.-нем.) 569₄,
 933₂
 ūtrin 569₄

 Virgunt (ср.-в.-нем.) 614
 vīsel (ср.-в.-нем.) 692
 vluor (ср.-в.-нем.) 943

 wāen 677
 wagan 686, 724
 waganso 690
 wahs 610
 waltan 752, 938
 wār 422
 warg 494₁
 warm 683, 826₁
 wart 808
 wartēn 808
 wāt 583
 watan 673
 wazzar 188
 weban 163, 424, 583
 wefsa 535

 wegan 723
 weizzi 657
 wella 861
 weren 741
 wesān 467
 wīchsila 644₃
 wida 628
 widemo 757
 widomo 757
 wih 803₃
 wihi 803₃
 wilge (ср.-в.-нем.) 124,
 628
 win 647
 win-garto 647, 648₂
 winreba 647
 wint 677
 wisula 523
 wisunt 521
 wituwa 759
 wolfu 380
 wolla 578₁
 wort 37
 Wulf-bero 493, 498
 wuosti 781, 836
 Wuotan 487, 799, 836
 wuoten 836
 wurz 663

 zahar 816
 zand 302, 698, 814
 zehan 846
 zeigōn 806
 zeihhan 806
 zeihhur 77, 157, 760
 zeman 742₃
 zemmen 483₃
 zeran 707
 ziga 586₁
 zimbar 640₁, 742₃
 zimberen 742₃
 ziohan 174, 585
 zunga 814
 zur- 780
 zwā 844
 zwein-zug 847
 zwēne 844
 zwi- 845
 zwi-houbit 845
 zwir (ср.-в.-нем.) 845
 zwīval(i) 706₁, 780
 zwō 844

 Древнесаксонский
 alo- 932, 946
 arut 711

red 712
 right 784
 rose 663
 rye 658
 sake 805
 salt 703
 salve 704
 same 843
 scrape 624
 see 696
 seek 805
 seven 846
 silver 713₂
 sin 810
 sister 764
 six 845
 sloe 711
 snow 681
 son 597₂, 765
 sooth 810
 sound 801
 sow 688
 sparrow 541
 stake 37₂
 star 686
 steadfast 744₁
 stud 553
 sulky 697
 sun 684
 swine 593
 take 37₂
 tame 483₃
 teach 806
 tear 707, 816
 ten 846
 thirteen 848
 thousand 848
 three 845
 thrush 541
 thursday 852
 timber 742₃
 tongue 814
 tooth 698, 815
 town 745
 tray 617₂
 tree 612
 true 508
 twenty 847
 two 844
 udder 569₄
 understand 473₁
 wagon 724
 walnut 636

ware 808
 wasp 535
 wax 610
 weasel 523
 weave 583
 weeds 583
 wheat 657
 wheel 718
 whelp 817
 White Horse 553
 whole 812₁
 widow 759
 wind 677
 wine 647
 word 361₁
 worm 527
 wych-elm 634₁
 yard 744
 year 584
 year 691₁
 yew 629

Немецкий

Aar (ном.) 538
 Achse 721
 acht 846
 Acker 694
 Adler 538
 Affe 523
 Ampfer 640₁
 Antlitz 814
 Apfel 638
 Arbeit 479, 748
 Arm 946
 Auge 786₁
 Bär 498
 Baum 467
 Beichte 818₁
 Berg 669
 bewahren 808
 bewegen 723
 Biber 530
 Biene 602
 Birke 619
 blindes Mäusel 532
 Blume 468
 Bock 586
 Boden 489
 bohren 707
 bräuen 643
 Bräuti-gam 821
 Bruder 764
 Buch 623
 Buche 621

Buchstabe 623
 Bug 785₁
 Burg 745
 Butter 565
 deutsch 749, 943
 Donnerstag 851
 drehen 707
 drei 845
 Drossel 541
 dunkel 711
 dünn 782
 Eber 514
 Eibe 629
 Eiche 618
 Eichenschild des Eichen-
 gottes 619₁
 Eichhorn 522
 einig 843
 eins 843
 Eis 682
 Elch 517
 eng 781
 Engerling 526₁
 Enkel 766₃
 Ente 543
 Erbe 748₁
 Erle 635
 Ernte 691
 Esche 625
 Espe 627, 940
 essen 698
 Euter 569₄
 ewig 802
 falten 779
 Faust 419, 849
 Feder 537
 Fels 744₂
 Ferkel 594
 fest 744₁
 Feuer 699
 Fichte 631
 Finger 849
 Fink 542
 Fisch 536, 943
 Flachs 706
 flechten 706
 Flur 943
 Fohlen 551
 Forelle 536₁
 Forst 614
 Frosch 534
 Fuchs 514₁
 Füllen 551
 fünf 845

Vater 765
Verstand 473₁
verzehren 707
Vieh 469₂
vier 845
voll 781
Vormund 807
Wachs 610
Wagen 546₁, 724
walten 752, 938
warm 180, 683, 826₁
warten 808
weben 583
wehen 677
wehren 741
Weichsel 644₂

Weide 628
Weihnachten 803₂
Wein 647
Weizen 657
Welf 817
Werwolf 277
Wespe 535
Wiesel 523
Wind 677
Wisent 521
Witwe 759
Wolle 578₁
Wort 361₁
wüst 781
Wüste 781

Wut 836
wüten 836
zähmen 483₂
Zahn 698, 815
Zähre 816
zehn 846
Zeichen 806
zeigen 806
Ziege 586₁
ziehen 585
Zimmer 742₂
zimmern 742₂
Zunge 814
zwanzig 847
zwei 845
Zweifel 706₁, 780

БАЛТИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Прусский

abse 626, 940
accodis 155
addle 633
ains 843
alne 518
alu 932, 946
akwis 783
anctan 704
angis 526
angurgis 526₁
ansonis 615
antis 543
anxdris 526₁
ape 72₁, 402, 670
apewitwo 650
apus 72₁
arelie 538
arelis 538
artwes 235, 675
asilis 562
assanis 126₁, 691
assis 721
aswinan 545, 555
aubirgo 699
Auschauts 811₁
ausis 125₁, 713, 932, 939
āustin (сун. н.) 814
austo 191₁, 814
awins 584
awis 767
bebrus 77, 530
berse 619
bitte 602

brāti 764
brunse 530
buccareisis 637
bucus 622
camus 418
catto 599
caune 880₁
caymis 421₁
clokis 498
curwis 566
dadan 570
dāst 753
dauris 743
deinan 227
deitwas (под. н.) 378
deitws 378, 791, 798, 933₂
deywis 933₂
dessimpts 846
drawine 609₂
druwis 613
duckti 569₂, 766
dumis 206, 466
Dumones 466
dvi- 845
dwai 133, 845
dwigubbus 845
ēit 724₁
eristian 584
er-nertimai 190
gabawo 534
gandarus 543₁
garian 666
garrewingi 683

gegalis 542₂
gelts 465
gelso 710₁
genno (сам. ф.) 758
gerwe 540
gile 618
gīrbīn 624
gīrmis 527₂
gīrnoywis 419, 693
gorme 180, 683
guntwei 740
iagno 816
ilga 860₂
insuwis 814
irmo 785₁
ist 77
iūrin (сун. н.) 672
iuwis 629
juse 703
kails 418
kailüstiskan 418, 812₁
kalis 934₁
kargis 741
karige 618₂
kelan 86, 718
kirdit 205
kirsnan 417, 710₁, 947
klausiton 112
krawian 77
kūra 706
lagno 816
lasasso 536
lauxnos 685
laxde 637₁

- lynno 659
 4uysis 512
 -mai 390₁
 malunis 693
 mealde 422, 715
 meddo 604
 median 485
 meicte 288
 melne 783
 mensā 699
 mien 383
 mothe 77, 765
 musgeno 813₁
 muso 534
 müti 77, 765
 nabis 817
 nage 67
 naktin (в.н. п.) 791₁
 nertien 190
 newints 846
 nozy 158
 panno 699
 pecku 146, 421₁, 579
 peisāi 632
 percunis 615
 peuse 631
 picle 542
 pirmas 843
 plauti 815
 pleynis 227
 poieiti 77, 426, 702
 prastian 594
 pure 657
 ragis 880₁
 ructan-dadan 570
 sackis 123
 -saytan 704
 saligan 714₁
 same 821
 sansy 112, 542
 Sarape 862₁, 954
 sasins 157, 521
 saule 684
 schokis 97
 seyr 163, 173, 186
 semen 688
 semmē 821
 semo 100
 sep(t)mas 846
 Serappin 862, 954
 Serenappe 862, 954
 sirablan (в.н. п.) 713₂
 sirgis 555
 sirsilis 535
 sirwis 113
 syrne 175, 422, 694, 943,
 946
 sywan 710₁
 smoy 475, 821
 smūnents 821
 smūni 475, 821
 snaygis 419, 681
 som-pisinis 658, 692
 stallit 118
 stas 378
 stesse 378
 subs 303₁
 suckis 536
 suge 424
 suje (граф. suge) 679
 swāigstan (в.н. п.) 685
 swent- 801
 swestro 405₁, 764
 swirins (в.н. п. мн. ч.) 469
 talus 933₂
 Taplawken 683
 tatarwis 541
 tauo 749, 943
 tāws 765₂
 tlok- 498
 Tlokun-pelk 498
 tresde 541
 tris 845
 tūsintons (в.н. п. мн. ч.)
 125₁, 419, 848
 udro 529
 uschts 122
 waispattin (в.н. п.) 180,
 743
 wāldnikans (в.н. п. мн.
 ч.) 752, 938
 warne 540
 wetro 677
 weware 522
 widdewu 65, 759
 wisnaytos 644₂
 wissambris 520
 witwan 628, 650
 wyse 659
 woasis 625
 wobalne 637
 woble 637
 wobse 535
 wormyan 222₁, 527
 wosee 585
 wosi-grabis 624
 wosux 585
 wumpnis 708
Литовский
 ādata 633
 adjiti 633
 akis 121, 639, 786₁
 akmuīs 112
 akmuō 112, 184, 411, 421₁
 aldižā 418
 algā 925₁
 alksnis 635
 alkūnē 131
 alūs 932, 946
 ālvas 783
 angis 526
 anyta 766
 aņkštas 67
 āntis 543
 antroia (ст.-лит.) 353
 anūkas 766₂
 āpušē 626
 arpeikiū 422
 arēlis 538
 ariū 424, 899
 ārklas 555, 688
 arklīs 555
 Armenā 945
 ārti 688
 arvas 477
 āšara, āšarā 612₁, 816
 ašis 721
 āšmens 112, 411
 ašmuō 112, 411
 ašrūs 112
 aštuo-ni 846
 aštuoniasdešimt 848
 ašvā 100, 245₁, 374, 544,
 555
 Ašvā 555, 670₁
 ašvienis 545, 555
 Ašvijā 670₁
 ātlaikas 417
 at-sēktas 696
 āudžiau 230
 āugli 85, 236
 āuksas 125₁, 713, 932, 939
 aulīs 609₂
 ausis 786₄
 āusti 230
 aušrā 229
 aūšti 108, 120, 223, 229
 aūti 705
 āžuolas 615

- Avantà* 675₂
avēti 705
avimis 382
avims 382
āvinas 584
avis 159, 382, 577
avýnas 767
avižà 659
balañdis 602₁
bañbalas 603
barzdà 69₁, 422
bauginti 179
bēbras 77, 220
bebrūs || *bēbras* 530
bedù 154, 422
beñdras 164, 174
bēržas 619
Bērzuvis 621
bīrgelas 643, 699
bīrginti 418
bīržtva 619
bitē 602
bitis 602
blandūs 418
broterēlis 764
bruñšē 530
bruvīs 786₁
būkas 622
bundù 406
būr-tv-is 609₂
būsti 406
czyszcziausiaija (cm.-lum.)
 353
dabà 418
dabnūs 419
dailýti 418
dangūs 668
dantīs 247, 302, 698, 815
darvà 612
daūg 418
daūsos 237, 241
daviaū 171
debesīs 77, 167, 668
degù 49, 146₁, 154, 826₁
demi 172
derù 231, 233
dervà 174, 612
dest 172
dēšimts 155, 199, 846
dēšinas 129, 129₁, 155,
 417, 783, 947
dēti 77
deviñtas 846
devyni 846
devyniasdešimt 848
dienà 227
dieni 933₂
diēvas 227, 242, 271, 378,
 475, 791, 798, 799, 933₂
diēvq 272
dieveris 77, 157, 760
diēvo (pod. n.) 378
Diēvo sūnēliai 351, 475,
 555, 777
diriū 231
dirti 231, 233, 707
dovanà 171, 754
draūgas 418, 755₃
dravē 609₂
dravis 609₂
drēvė 223, 233
drevēti 609₂
drūtas 613
dū 845
dubūs 6
duktē 114, 150₁, 184, 194,
 207, 405, 766
dūkterj 194
dukteryjė 194
dūmai 206, 466
dūomi 203, 753
dūona 694, 873
dūon-ēdis 698
duonis 754
dūosiū 389₁
duris 224
dūrys 743
dūsauti 466
dūsēti 466
dvasas 237
dvasià 237, 466
dveigýs 722
dvēsti 466
dvi 133, 845
dvi- 845
dvidešimt 847
dvigubas 845
dvi-rātis 719
ēda 698
ēdmi 181
ēdrà 303
ēdrūnas 243
ēdu 77, 698
ēglė 633
eī-k 343
eimi 724₁
eldijà 418
ēlnis 518
ēpušē 626
ēras 584
erēlis 218, 489, 538
esmi 117
ēstas 406
ēsti 339, 339₂
ešvà 544
ežýs 526
gaižti 97
gaižūs 97
gajūs 235
gálva 380
gañdras 543₁
gañdas 744
geležis 710₁
gelžis (ðuan.) 710₁
genù 77, 86, 740
geriū 702
gėrvė 540
gėsti 48₂
gylė 618
gilėndra 618
giñti 77, 86
ginù 740
girė 666
girià 666
girna 693
girnós 175, 419
girti 205
gývas 235, 465
giwamù-jem (cm.-lum.)
 353
gižti 97
glėbti 418
glinda 535
gniūž-iu 98
góti 86
gražóti 98
Gruobýnc 624
Gruobýnas 624
gūžė 97
gūžti 97
ielek(š)tis 721
ieškóti 108, 112, 121₁
ievà 629, 631
ýla 923
ilgas 782
im.ù 218, 225, 754
inkšitras 526₁
ýrà 288, 339
iriū 675
irklas 675
iš óro 206, 743

- ī-nīrlēs* 190
īснаига 419
jāknos 815
jaū 418
jaukūs 114
javaī (мн. ч.) 656
jāvas 655, 928
jentē 760
jōti 724
jundū 406
jūngas 721
jūngiu 721
juōkas 818₁
jūosta 705
jūostas 705
jūra 672
jūsti 406
jūšē (дуал.) 703
kāimas 180, 421₁
kāina 809
kālnas 669
kamānē 418
kañ-kl-ēs 221
kāras 741
kārē 741
kārias 741
karšēti 97
kārvē 113, 173, 411, 421₁,
 484, 566₁, 645
kās 86
kasā 85
kasulas (см.-лм.) 168
katē 599
kāju 715
kelēnas 131
kēlis 131
kēpti 699
kepū 699
kerai (мн. ч.) 836
kēras 176
keriū 176
kerpū 692
kēršas 710₁
keturi 845
keturiasdešimt 847
ketviřtas 845
kiaunē 880₁
kiēmas 421₁
kinkjyti 98₁
kirmis 196, 527₂
Kirnis 644, 645
kiřvis 933
kīškis 522
klausyti 112
klīšē 98
kliūti 874
kraūjas 57, 77, 85, 698
krienas (см.-лм.) 747
krūvinas 85
kūmstē 413, 419, 849
kuř 160
kūrmis 533
kūrti 706
kvaksēti 534₁
koāpas 30, 102, 409
laigōnas 806
laikas 180
lāpē 513
lāšis 536, 923, 946
lašišā 536
laukas 85, 114, 180
lazdā 637₁
lesū 826₃
liāudis 418, 477
liežiū 111₁
liežūvis 814
linaī (мн. ч.) 659
līdzas 118
lokjys 498
lūnšis (дуал.) 512
lūšis 511
lūš-ū (см.-лм.) 512
maiņas 754
maišas 419
mālnos (мн. ч.) 658
malū 693
mālžau 179
mālžyti 179
māras 417, 947
mārē 181, 673
māres (мн. ч.) 422, 943
mārios (мн. ч.) 673
medūs 604
mēdžias 485
medžiōti 486
meldžiū 803
mēlžti 569
mēlžu 164
mēnas 176
mentūrē 55
menū 176, 813
mēs 292
mērkiu 143₁
mētai (мн. ч.) 684₂
mēlas 783
mēnesis 684
mēnuo 424, 684, 899
miegmi 288
miglā 85
mini 302
mūnti 473
mintis 176, 199, 813
miřšti 128
mōras 645₁
mōtē 77, 184
moteřs 77
musē 534
mūsai (мн. ч.) 664
naktis 27, 791₁
nāmas 741, 741₁
nařtsas 190
naūjas 783
navas (см.-лм.) 179
ne 385₂
nēkas 472₄
neptē (см.-лм.) 767₂
nepuotis (см.-лм.) 767₂
nērā 339, 339₂
nērā Dīvo (см.-лм.) 339
nértēti 190
nesimiegojo ir Jonui 288
nešimas 393
niežti mi (см.-лм.) 287
nirtinti 190
nōsis 158, 814
nu- 359
nūogas 50, 168
nuō-pat 361
nuplēsti 30
čbalas 637
ōbuolas 422, 637
ōras 206, 743
ožinis 417
ožjys 131, 417, 585
ožkā 585, 589, 940
paisyti 692
pālaikas 180
pařsas 594, 921
paršēlis 594
paršienā 594
paschlowintoie panna (см.-
 лм.) 353
pa-si-klausyti 357
pāšaras 645
pašyti 578
pāt 168, 361, 758₂
pā-talas 933₂
patis 374
pāts 168, 758, 758₂
paūdrē 933₂
pa-žastis 785
pēkus 146, 421, 469₂, 579

- pelē 532
 penkļ 845
 penkiasdešimt 847
 peņktas 845
 perkūnas 410₁
 Perkūnas 615, 793, 798
 perkūnija 410₁, 615
 Perkūnkalnis 615
 Perkūno akmuō 667
 Perkūno āžuolas 615
 Perkūno dienā 852
 peršū 237, 241
 piemuō 695
 pienas 570
 piēšti 110, 143, 632, 946
 pilis 744
 pilnas 93, 205, 234, 781
 pilus 199
 pirmas 196, 843
 pirm-dēļē (kārvē) 570₁
 piŗšti 237
 plāšanas 424
 plākti 30
 plakū 30, 30₁
 platūs 55
 plaūčiai 815
 plāuksiu 389₁
 plēšiu 30
 plēvē 227, 238₁
 pra-paršas 689
 prašau 237
 prašyti 108
 (pri)paŗžinti 805
 prōtas 29
 puotā 77
 pupūtis 541₁
 pūrai (мн. ч.) 657
 puŗis 631
 rāgas 880₁
 rankā 380, 382
 raņkosu (см.-num.) 382
 rātai (мн. ч.) 216, 719
 rātas 718
 raudā 180
 raūdas 422, 712
 rieŗutas 635
 rieŗutānas 635
 rīsti 216
 ritū 216, 711
 rugiai (мн. ч.) 419
 rugys 658
 rūkti 511
 ruoŗutijs 131, 635
 saŗtas 704
 sakaŗ 123
 salā 745
 Sālantas 245
 sārgas 811₂
 sāulē 117, 188₂, 210₁, 684
 sāulēs duktē 777
 saūsas 158, 598
 sēdēti 116
 sēdžiu 155
 sēgti 155
 sēju 688
 sēkmas 846
 sēkti 155, 696
 sēmenys (мн. ч.) 422, 688
 sēnas 783₁
 septyni 846
 septyniasdešimt 848
 sērgmi (см.-num.) 811₂
 sergū 123, 426
 sesuō 119, 123, 184, 280
 sidābras 419, 713₂
 siēti 704
 siŗgti 123, 426, 811₂
 siūti 704
 skeliū 119
 skērjys 527₁
 skiedrā 112
 skiŗvinti 527₂
 skrōblas 624
 slābnas 419
 slobstū 6
 slōbti 6
 smakrā 112, 920
 smākras 112, 113, 411
 snaŗgala 180, 419
 sniēga 681
 sniēgas 86, 117, 681
 spēti 55, 117, 219
 sprāga 117
 sprāginti 117
 sraviū 227
 staiģā 180
 stīrna 108, 411, 645
 strāzdas 541
 stuŗbras 520, 521
 sūnūm 382
 sūnumi 380, 382
 sūnūs 380, 382, 423, 597₂, 765
 svagēti 123
 svarūs 123
 sveriū 123
 sviestas 122, 124, 570
 svilinti 117
 ņakā 31, 44, 97
 ņāpalas 31
 ņarmonys 523
 ņarmuō 523
 ņarvai 817
 ņeimā 418, 420, 421₁
 ņēkas 97
 ņēmas 230
 ņerdīs 186
 ņērdi 173, 186
 ņermuō 523
 ņērti 645
 ņēŗi 122, 845
 ņēŗiasdešimt 847
 ņēŗtas 846
 ņēŗuras 112, 123, 374, 411, 760
 ņimtas 94, 846
 ņirdīs 94, 163, 173, 186, 199, 800₁
 ņirdi 186
 ņirŗē 423, 535
 ņirŗuō 535, 939
 ņjvas 417, 710₁, 947
 ņlovē 112
 ņunēs (под. н.) 590
 ņuŗis 94, 100
 ņuō 94, 100, 181, 184, 243, 271, 590
 ņuoljys 109
 ņveŗitas 102₁, 801, 802
 tā 384
 tā 384
 tānas 180
 tās 384
 taŗyti 706
 taūras 519, 521
 tautā 38, 749, 943
 tekū 49, 146₁, 153, 670
 teteruā 541
 tēvas 380, 765₂
 tēvu 380
 tiriū 176
 trikōjis 224
 trinti 707
 trisdešimt 847
 trjys 845
 trūk-stu 30₂
 tūkstantis 108, 125₁, 419, 848
 tūŗŗias 417
 ūdra 529
 ūdrotas 933₂
 ūdrōti 569₁, 933₂

- ugnis 257₄
 ungurys 526₁
 uoga 648
 uolektis 131
 uosis 625
 uostas 814
 upē 72₁, 402, 670
 ušēs 122
 ūž- 243
 vagi-mī 380
 vagis 380
 vainikas 650
 vaiveris 522
 valdīti 752
 vandeņš akis 675₂
 vanduō 248
 vapsuā 535
 vařdas 422
 vařmas 222₁, 527
 vārna 540
 vāsara 690₂
 vāškas 610
 vēdinli 942
 vē-du 293
 vedū 756
 veikīū 422
 vējas 380, 677
 vēju 380
 vējū 649
 vēldu 423, 938
 vēlēš 425
 vēlnēs 824
 Veliuonā 824
 velkū 124, 689
 vel-mie-s 390₁
 veřšis 566, 930
 vētra 425, 677
 vēveris 522
 vežū 723, 942
 viešpatni (cm.-lum.) 374, 759
 viešpats 743
 vievesa 535
 vilka 272
 vilkaīs 382
 vilkas 176, 199, 271, 380, 382, 492
 vilkē 492
 vilkū 380
 vilkū 268
 vilna 206, 578, 578₁
 vilnis 861
 vilpišys 513
 vijnas 648₁
 vlnkšna 634₁
 vjras 469₁, 759
 viršūs 128
 vīrti 826₁
 viržēs 662
 vytiš 628, 650
 vorā 719₁
 vóras 230
 žaigā 97
 žqšis 112, 158, 542
 želiū 714₁
 želtas 419, 420, 714
 žēmē 150, 821
 žengiū 97
 ženklas 175
 žēntas 234, 751₁, 762₁
 žiemā 94, 100, 226, 238₁, 242, 376
 žiemōš (pod. n.) 376
 žil-vītiš 650
 žinaū 175
 žinóli 175
 žirgas 555
 žirnis 175, 422, 694, 943, 946
 žmuō 475, 821
 žuvīs 536
 žvaigždē 685
 žveris 181₁, 469
 Латышский
 ābele 637
 agrs 665
 akna 815
 alus 932
 apse 626, 940
 āra 743
 atklis 555
 aft 688
 asara 816₁
 asins 117, 187, 206, 816
 atzīt 805
 aūlis 609₂
 āuns 584
 āut 705
 āuza 659
 avs 577
 avuōts 675₂
 bařbals 603
 bērze (дуал.) 619
 bērs 619
 biezš 782
 biřga 699
 bite 602
 briēdis 519
 buōztiēs 154
 caūna 880₁
 ciřpe 692
 cūka 698
 četri 845
 dařva 612
 dāvana 171
 debess 77, 667
 dēju 172, 203
 dēju 570
 dēls 570₁
 dēt 77, 172
 dieva (pod. n.) 378
 Dieva dēli 351, 643, 777
 dieva sunš 488, 494
 dieva vēřši 488
 dieva zuosis 488
 diēveris 77, 760
 dievs 378, 488, 798
 drava 609₂
 dreve 609₂
 du-celis 718
 dvēsele 237
 dzēlš 710₁
 dzērve 540
 dziřa 666
 dziřnus 175, 419, 693
 egle 633
 ērglis 538
 ēst 77
 ezis 526
 gāju 60, 86
 gnīda 535
 grebt 418
 Gruōbiņa 624
 grūts 782
 gūovs 77, 86, 191, 565
 ģetere 760
 ģeva 629, 631
 ir(a) 288₂
 jaūja 656
 jērs 584
 jumis 132, 778
 jūra 672
 kaķe 599
 kaķns 669
 kam niez 288
 klāusīt 112
 kreķls 112
 kriens 747
 kuřmis 533

- lācis* 498
laiks 180
lapsa 513
lasīt 826₃
ļaudis (мн. ч.) 477
lazda 637₁
lini (мн. ч.) 659
lūsis 512
lūša spatvas zirgs 512
maīna 754
māte 77, 765
mēdus 604
mēlnais strazds 541
mēļns 632₂, 783
mēma 472₄
mēmie gari 472₄
mēms 472₄
meža 486
meža suns 486, 494
meža vīrs 486
meža zvērs 486
mežs 485
mīesa 699
milna 422
minēt 473
mīt 754
mukt 143₁
muša 534
naba 817
nakts 791₁
nams 741₁
nāve 419, 825
ņemt 754
nevaid 339
niēzt 288
nuōdara 231, 233
nuōgs 168
pazit 805
Pērķūns 615, 793, 798
Pērķuona uōzuōls 615
piēns 570
pīls 744
plāns 781
plāuši 815
pupiķis 541₁
pupuķis 541₁
pūģi 657
rags 880₁
raīs 719
riēksts 637
ritēt 643
rudzis 658
sāime 180, 418
saīte 704
sāls 158, 703
sanēt 123
saģgs 811₂
sārņi 817
saūle 188₂, 210₁
saules meita 777
sēks 97
sētmulis 523
sidrabs 713₂
sīlet 704
sīmis 846
sīrds 94
sīrgt 811₂
sirna 876
sirpis 691
sirsis 535
sīts 236
skābarde 624
smakrs 112
snāt 704
sniegs 86
staiga 117
strauja upe tēk 670
strāva 405₁
strazds 541
stumbrs 520
sūbrs 520
sudarbs 713₂
sūkt 143₁
sumbrs 520
suns 590
suōlis 109
sūrs 817
susuris 953
svaīdtīt 122
svakas 123
sviēsts 122, 570
svinēt 801
svīns 593
šķidr 109, 112
šķirģailis 527₁
šūt 704
tāuta 749, 943
teku 153, 670
teteris 541
tēst 706
tēvs 765₂
tris 845
tūkstuōts 125₁, 419
uguns 257₄, 274
uōģa 648
uōsis 625
uōzuōls 615
upe 72₁, 274, 670
upes tēka 670
vārds 422
vasara 690₂
vasks (vaska) 610
vāvere 522
vēģš 677
Veliuonā 824
Veģu laiks 824
vepris 515, 515₂
vērsis 566, 930
vēru 808
vija 650
vīksna 634₁, 644₂
vīlna 578₁
vīns 648₁
vīģzis 662
vītuōls 628
zeģt 714₁
zeģt' ābuoli 643
zēģts 419, 714
zeme 821
zīle 618
zīma 100
zināt 175
zīģgs 555
zīrnis 175
znuōts 234, 762₁
zūobs 423, 815
zūoss 112, 542
zūvs (ģuāl.) 536
zūģģzne 686

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

- Старославянский
- ablŭko 422, 637
 agne 584
 agoda 648
 aldi(ji) 418
 alŭnŭji 518
 ašterŭ 527₁
 azŭ 383
- berq 164
 berqsta 375
 berqŭ 304
 *biŭri 220
 bičela 602
 blędq 418
 bljusti 406
 blqdu 418
 bodq 422
 boga 378
 bogŭ 378
 bolijŭ 6
 brada 69₁, 422
 brakŭ 756
 bratŕija 375
 brat(r)ŭ 764
 brŭvi 786₁
 bukarŭ 623
 bukŭ 623
 büčela 602₂
 bychŭ 129
 bylŭje 467
 byti 129
- čelŭ 418, 812₁
 čena 809
- chraniti 479₁
- čara 176
 čarodęjŭ 324, 836
 če-go 379
 čelo 669
 česati 216
 česo 378
 češq 85, 156
 četvŕiti 845
 četyre 153, 845
 četyri (ж. р.) 845
 četyrŭ 268₂
 čŭ-to 160, 378
 čŕi venŭ 527₂
 čŕi vi 527₂
 čŕŭnŭ 417, 710₇, 947
 čŕŭvi 196
 čudo 836
 čyjq 836
- damŭ 41, 753
 danŭ 754
 darŭ 196, 754
 davati 171
 davě 230
 daviti 495
 davŭnŭ 230
 derq 707
 dešetŭ 155, 199, 846
 desnŭ 129, 129₁, 155, 417,
 783, 947
 devetŭ 846
 devetŭ 846
 dějq 172, 203
 dělately 247
 děliti 418
 děti 77
 *dětŭ 570₁
 děva 570₁
 divŭjŭ 488
 -dŭliti 230
 dŭni 227
 dlŭgŭ 'долгий' 46, 205,
 209, 782, 360₂
 dlŭgŭ 'долг' 808₂
 dobrŭ 418
 dojiti 570
 domŭ 41, 741
 dręvo 174, 272, 612
 drugŭ 418, 755₃
 drŭva 282
 duchŭ 237, 241, 466
 duša 237, 466
 dŭbri 6
 dŭšti 150₁, 766
 dŭva 845
 dŭvadesęti 847
 dŭvě 845
 dŭždŭ 680, 780
 dvoŕi (мн. ч.) 224
 dvoŕi 743
 dvoŕ 134₁, 180, 743
 dychati 466
 dymŭ 206, 466
- es-mŭ 295
 es-tŭ 295
 ěd-ęt- 302
- glagoljq 221, 301₁
 glasŭ 601
 gnęzdo 118
 godina 154
 godŭ 146₂, 154
 golqbŭ 602₁
 gonjq 77
- gora 666
 gorě 666
 goręti 65, 683
 goritŭ 179
 gostŭ 85, 168, 380, 382,
 754
 gostŭmi 382
 gostŭmŭ 380
 gostŭmŭ 382
 govędo 77
 govęždŭ 565
 govęjq 803₃
 gradŭ 42, 744
 groza 98
 gumŭno 565
 gŭnati 86, 740
- igo 85, 179, 272, 721
 imati 218, 225
 imenŭ 268
 imq 754
 inokŭ 843
 inŭ 843, 844
 isęknoti 155
 iskati 108, 112, 121, 345
 iti 724₁
 iz-baviti 342, 357
 i-že 218, 387
- jamŭ 77, 181, 217, 698
 jarŭmŭ 723
 jastŭ 77
 jasŭ 190
 (j)azno 131, 417
 jed-inŭ 843
 jelenŭ 518
 jelŭcha 635
 jesenŭ (ц.-слав.) 853₁
 jesmŭ 305
 jeste 305
 jestŭ 246
 jestŭ 117
 jezykŭ 814
 *juča (общ.-слав.) 703
 (j)u(že) 418
- kadilo 155
 kajq (ę) 809
 kamenŭmi 382
 kamenŭmŭ 382
 kamy 112, 230, 382
 kazati 154
 kažq 154
 klakolŭ 221
 klęšta 98
 ključŭ 874

- kobyła* 556
Kociłü 600
ko-go 279, 379
kola (мн. ч.) 718
kolese (под. н.) 718
kolo 86, 180, 718
konjł 556
kora 122, 219
kostı 131, 816
kovq 715
koza 131, 585, 589, 940
krava 173
krüma 703
krüvi 57, 77, 698
kurü 602
kü 365₂
kü-de 160
künemü 365₂
kü-to 86, 279
kvasü 31, 102, 409
kypëti 30, 30₂
-kysnqti 102

ladı(jı) 418
lebedı 783
lešti 654₂
lëçiti 827₁
lëto 853₁
lëvü 783
lisa 513
lizati 111₁
līgükü 782
līnēnū 659
līvü 508₁
ljudije 477
lovü 740
loza 654
luna 684

matere 77
materü 268
mati 77, 765
medü 604
medv-ëdı 324, 698
meljq 231, 693
mene 279, 383
mę 383
męso 699
męto 55
mëchü 419
mëna 754
mëra 684₂
mëseçı 684, 899
milosrıdü 348
mirü 754
**mılgla* (общ.-слав.) 85

mıñeti 472
mıni(tü) 302
mınjq 813, 835₁
mılatü 715
mıleko 571
mıünijı 422, 715
mojl 291
moliti 803
morje 181, 422, 673, 943
morü 417, 947
mozgü 813₁
mravi 222
mrëti 475
mucha 534
my 292
myşı 114, 129, 185, 531

nagü 50, 168
ne 254
nebese (под. н.) 77, 167, 668
nebes-i 165, 167
nebesü 268
nebo 77, 167, 668, 677
ne-bogü 201, 218
ne-bręqo 418
neslü 393
netijı 768₁
netü 254
nevësta 756
ne-že 385₂
në-küto 472₄
nëkyjı 472₄
nëmü 472₄
nëstı sätvorilü 339
niva 781
nizü 781
noga 67
nosü 158, 181, 814
noštıjq 380
noštı 168, 380, 791₁
novü 179, 783
nü 359
ny-imatü 364
nynë 359

ob-ujq 705
ognı 257₄, 274, 699
oko 121, 786₁
olü 932, 946
ono 385₂
orati 688
orëchü 131
orilü 158, 218, 538
orjq 424, 688, 899
osilü 872

osmı 846
ostegü 85
o-strovü 180, 227, 405₁
ostrü 112
otıçı 765₂
otü-lëkü 417
ovıca 159, 577
ovıñnü 584
qđiti 123
qzü-kü 67, 781

pa-męti 199, 813
pasq 695
pastı 158, 346
pastuchü 695
pastyrı 695
pekq 146, 699
peřil 419, 849
peřti 845, 849
peřtü 845
pęgü 143
pıjq 77, 426, 702
piřq 143, 632
piti 77
pıřati 110, 946
pıřü 590₂
pıřenica 658
pıřeno 692
plakati 30, 403
plesti 228
plešte 200, 781
pletq 706
pluřta (мн. ч.) 815
plünü 234, 781
poçiti 235, 242
po-grebo 418
pokojl 235, 242
polje 781
polü 780
pomëñontı 345
popelü 220, 257
posochü 97
pořıpega 758
po-žırq 702
pořı 55, 383
pořıju 383
prıvü 196, 843
prořiti 108, 237

rabëchü 382
rabota 479
rabü 382, 479, 748
ralo 688
ramo 785₁, 946
rekq 191
rëchü 191

- roáiti 236
 rodü 236, 749
 rogü 880₁
 rovq 511
 røka 380, 382
 røkachü 382
 røkq 380
 ruda 711
 rudü 422
 rüdrü 66
 rüzq 511
 rykatü 511
 rysí (ц.-слав.) 512
 saditi 342
 samü 843
 sedmí 846
 sedmü 846
 sekyra 716₂, 874
 *selezeni (общ.-слав.) 815
 selo 745
 sestra 123, 280, 405₁, 764,
 926
 sëdq 155
 sëjq 688
 sëme 422, 688
 sërü 230
 sëti 704
 sëz dq 155
 sivü 417, 710₁, 947
 sírebro 419, 713₂
 *sířsení (общ.-слав.) 939
 skala 119
 skora 122, 219
 slabü 6, 419
 slanü 674
 slovq 112
 slušati 112
 sluti 112
 slünice 188₂, 684
 snëgü 86, 117, 180, 419,
 681
 snujq 704
 *snücha (общ.-слав.) 117,
 761
 sobí 303₁
 socha (ц.-слав.) 31, 97, 690
 soš 116, 158, 703
 sqdi 284
 sqdü 284, 365
 sqkü 157
 sqiř 246
 sqtü 305
 spëjq 55, 117
 sraga 123
 srëda 94
 srüdice 94, 173, 186, 199,
 800₁
 stignq 85, 140
 stogü 44
 stražü 811₂
 struja 227, 405₁
 suchü 158, 598
 sují 100
 sü 365₂
 sü-dëlati 357
 sü-dravü 613
 sünemü 365₂
 sünü 117
 sürebro 713₂
 süto 846
 sütvori (aop.) 339
 süznati (sq) 805
 svarü 123
 *svekrü (общ.-слав.) 760
 svekry 112, 123, 374,
 411, 760
 Svętoplükü 348
 svetü 102₁, 801
 svinija 593
 svinü 593
 svistati 123
 svojí 336
 synovü 268
 synü 380, 423, 597₂, 765
 synümi 380
 syrü 160, 172
 šestí 122, 845
 šestü 846
 šijq 704
 šují 783
 ta 384
 tajiti 748
 taiř 748
 tebe 279
 tekq 146₁, 153, 191, 670
 -tel- 196
 tesati 706
 tę 133
 tëchü 191
 tñnükü 199, 782
 tñrq 176, 707
 to 275₁, 384
 to-go 379
 toplü 146₃, 683
 tq 384
 tri 845
 tridesęti 847
 trije 845
 turü 519, 521
 tü 275₁, 384
 tülëti 877₂
 tüšiti 417
 tysesiti 419, 848
 u-bogü 201
 ucho 786₄
 u-gasiti 48₂
 *uji (общ.-слав.) 757
 u-kazü 154
 ukü 114
 unje 780
 usta (мн. ч.) 191₁, 814
 ušese (pod. n.) 786₄
 uvędati 123
 variti 683, 826₁
 varü 683
 vedq 756
 velikü 848
 velijí 848
 velibodü 525₁
 vesna 690₂, 853₁
 vestü 190
 vetüchü 783
 vezq 65, 723, 942
 vě 293
 věcha (слав.) 946
 vědě 178, 302, 390₁, 836₁
 věja 650
 vějati 677
 věkü 422
 věničü 650
 věra 422
 vēs-ü 66, 190, 389₁
 vēti(ji) 836
 vētrilo 677
 vētrü 196, 425, 677
 vētví 650
 vinjaga 648, 648₂, 649₂,
 881₁
 vino 648
 vinogradü 648₂
 viti (слав.) 649
 viři (слав.) 650
 vřdova 65
 vřjq 649
 vřsi 743, 788₂
 vřsi mirü 349
 vřdq 423, 752, 938
 vřkq 124, 689
 vřko-mř 380
 vřkü 199, 271, 380, 492
 vřüna 861
 volko-davü 324
 vonja 466

vozü 723
 vríchü 128
 vritëti se 719
 vüdova 759
 vünukü (слав.) 766₃
 vüz- 243
 vy 292

 zelenü 714₁
 zemlja 150, 821
 zętl 751₁, 762₁
 zima 94, 226, 238₁, 242,
 853₁
 zlakü 655₁
 zlato 419, 714
 zliči 816
 zmija 526
 znati 234
 zorbü 815, 879
 zriño 93, 175, 422, 694,
 943
 zverí 181₁, 469
 zvezda 685
 zvizdati 123

 žegq 49, 146₁, 154
 želati 175
 želëti 175
 želëzo 710₁
 žena 42, 185, 218, 271,
 758
 ženq 272
 žešti 154
 žito 465
 živu 235, 465
 žirq 93₂
 žrëbjř 624
 žrúnovü 175, 693
 žrünü 419

Болгарский

аблъко, ѝабол (диал.)
 637
 брязов 621
 вълколак 494
 гора 666
 ваминала 338₁
 коноп 662
 котка 599
 сьсар 953
 сьсел 953
 яда 698
 ясика (диал.) 626
 ясте 406

Сербо-хорватский

bär 873, 943
 bräi 195
 bräta (вин. н.) 195
 bresten 620₁
 brëza 619
 brëzov 621
 djëtao 542
 düg 205, 209
 gövno 565₂
 gräb 624
 gräbar 624
 gòra 666
 grüva 545
 ïva 629
 jarina 691₁
 jäsen 625
 jësen 126₁
 kòt 599
 kòtiti (se) 599
 krë sati 112
 lijëska 637₁
 mäh 664
 mläz 571
 mlëvo 693
 Múnja 643
 nëčäk 768₁
 nò 359
 òko 675₂
 òrica 523
 òrah 635
 òriti se 803
 pävit 650
 pír 657
 pün 234
 sinovac 768₁
 skòtna 599
 slätina 674₂
 slïjepí mïš 532
 vättra 788₄
 vëst 406
 vijënac 650
 vinjaga 648
 Zdeslav 834
 žäba 534
 žär 683
 žëlva 533

Словенский

brt 609₂
 gös 112
 jāhati 724
 jāha 703
 morské oko 673

oje 721
 ojese (род. н.) 721
 òrica 523
 pír 657
 plëva 227
 siròv 817
 slïv 711
 vedanec 492
 vedavec 492
 vedomec 492
 vinjaga 648
 volčja dläka 494
 žetva 533

Русский (древнерусский, церковнославянский)

авось 360
 баран 585
 барс 500
 береза 619
 березовий (др.-рус.) 621
 Березуй (др.-рус.) 621
 берест 620₁
 береста 619
 бересто (др.-рус.) 619
 бересто (диал.) 619
 беречь 418
 блинъ (др.-рус.) 640₁
 бобер 77, 530
 бозъ (др.-рус.) 622₁
 бóрошно 422
 борть 707
 братва 764
 брониы (др.-рус.) 530
 бузина 622₂
 бук 622
 букъ (др.-рус.) 622
 букъвъ (др.-рус.) 623
 буквы (др.-рус.) 623
 бучать (диал.) 602₂
 бърть (др.-рус.) 609₂
 быхъ (др.-рус.) 129

 веверица 522
 ведать 494
 Велесъ (др.-рус.) 824
 Велесовъ вьникъ (др.-
 рус.) 836
 вебрь 515, 515₂
 верблюд 525₁
 верес (вереск) 662
 вермие (др.-рус.) 222₁,
 527
 верх 128
 ветла 628

- вёверица (др.-рус.) 522
 вёно (др.-рус.) 747
 взоржа земля (др.-рус.) 511
 виверица (др.-рус.) 522
 видимый 393
 вино 648
 вишня 644₂
 вложити в(ъ) сердце (др.-рус.) 800₁
 водити (жену) (др.-рус.) 756
 волкодав 324
 волкодлак 324
 волколак 324
 волна (диал.) 578₁
 волч-и-ца 492
 вон 360
 ворог (др.-рус.) 494₁
 ворожа (др.-рус.) 494₁
 ворожейка (диал.) 494₁
 ворожея (др.-рус.) 494₁
 ворожити (др.-рус.) 494₁
 ворона 540
 воск 610
 вот 360
 вошь 535
 вълкоядъныи (др.-рус.) 324
 вълна (др.-рус.) 578₁
 вшь (др.-рус.) 535
 выгребая 418
 выдра 529
 вымя 569₄
 вьсь (др.-рус.) 743
 вяз 634₁
 вязъ (др.-рус.) 634₁
 еянуть 123
 глотать 175
 гнида 535
 говеть 803₃
 говядина 77, 86
 говядо (др.-рус.) 565
 гоголь 542₂
 год 146₂
 голос 601
 гора 666
 граб 624
 грабина 624
 гребу 418
 грива 545
 гужу 301₁
 густопсовый 590₂
 гусь 112, 158, 542
 гърнь (др.-рус.) 708
 дверь 180
 де 361₁
 дерево 612
 деру 223
 дёверь (рус. ц.-слав.) 77, 157, 760
 дивши вепрь (др.-рус.) 515
 дивий олень (др.-рус.) 488
 длить 230
 добрая 353
 доёное молоко 570₁
 дождь 680
 доить 570₁
 долгий 205, 209
 дор (диал.) 231, 233
 дочери (диал.) 194
 дочь (диал.) 194
 дочь 569₄
 драць 231
 дрова 282
 дровина 609₂
 дрозд 541
 друг 418
 дружина 418
 дуб 615
 дубъ (др.-рус.) 615
 дух 237
 душа 237
 Дънѣпръ (др.-рус.) 671
 Дънѣстръ (др.-рус.) 671
 дюжий 418
 дятел 542
 еда 698
 еж 526
 ель 633
 ёргать 498₁
 ёрзать 498₁, 817
 јеѣ 817₁
 жаба 534
 жар 684
 желвак 533
 желудъ 618
 желчь 816
 жернов 419
 животъ (др.-рус.) 465
 жру 48₂
 журавль 540
 забор 179
 заяц 522
 звѣри дивши (др.-рус.) 488
 звѣрь (др.-рус.) 469
 здоровый 613
 зерно 422
 золото 419, 420
 зуб 423
 зубрь (др.-рус.) 521
 зълъва (ц.-слав.) 760, 942
 зять 751₁
 ива 629, 642
 иди! 724₁
 идти охотиться 696₁
 из-вест-ный 406
 Ильтица (др.-рус.) 862
 искать 112
 ишак 564₂
 квакать 534₁
 квакушка 534₁
 кобыла 556
 коза 131, 585
 ксэъле (др.-рус.) 585
 козь лъ (др.-рус.) 585
 кола (др.-рус.) 718
 колено 131
 комонь (др.-рус.) 556
 конопля 662
 конь 556
 корм 703
 корова 113, 173, 411, 421₁, 484
 кот 599
 котец 146₂
 котиться 599
 котъ (др.-рус.) 599
 котъць (ц.-слав.) 29, 146₂, 932
 крою 707
 крънути (др.-рус.) 747
 куна (др.-рус.) 880₁
 кур (кура) 602
 лань 518
 лебедь 543
 лен 659
 ложе 66
 лоза 654
 локоть 131
 лосось 536
 лось 517
 лошá (диал.) 556
 лошадь 556
 лунь (диал.) 685
 любимый 393
 любить 696
 люд 418
 люди 418
 людинъ (др.-рус.) 477
 лютый зверь 511
 ляга 534

- ляг-ать 534
 лягушка 534
 ляжка 534
 малина 783
 мгла 85
 медведь 498
 медведь (ц.-слав.) 498
 медь (др.-рус.) 604
 межá (диал.) 485
 мерикъ (др.-рус.) 556
 месяц 424₁
 мех 419
 мехá (мн. ч.) 419
 мехú (мн. ч.) 419
 мѣнити (др.-рус.) 473
 млѣсти (др.-рус.) 569, 571
 млѣшти (рус. ц.-слав.) 569
 мжить 288
 млинъ (др.-рус.) 640₁
 мльзу (др.-рус.) 571
 мол 361₁
 молить (др.-рус.) 803
 молния 422
 молоко 571
 моргать 143₁
 море 181
 море 'озеро' (диал.) 673
 мох 663, 664
 муж 475
 мужь (др.-рус.) 759
 муравей 222, 527₂
 мѣхъ (др.-рус.) 664
 мышь 129
 навь (др.-рус.) 419, 825
 небо 668
 не-богъ (др.-рус.) 748
 немой 472₄
 нестера (др.-рус.,
 ц.-слав.) 768₁
 нѣмьць (др.-рус.) 472₄
 но 359
 нога 67
 ноготь 67
 нюхатъ 814₁
 овес 659
 овин 656
 озинъ (др.-рус.) 656
 овьсь (др.-рус.) 659
 оглобля 418
 огонь 274
 олень 518
 олово 783
 олъ (др.-рус.), олуй
 (диал.) 946
 ольха 635
 опица, опища (др.-рус.)
 523
 опыни (др.-рус.) 523
 орать 803
 орел 489, 538
 орѣхъ (др.-рус.) 635
 орѣшии (др.-рус.) 635
 оса 535
 осени (др.-рус.) 126₁, 691
 осень 691
 осина (др.-рус.) 626, 940
 оскърдъ 119
 о-соба 303₁
 осока 123
 остров 227
 ось (др.-рус., ц.-слав.)
 721
 осьль (др.-рус.) 562
 охота 695
 охотиться 695
 пепел 220
 перегыня (др.-рус.) 615
 перо 238₁
 Перуновъ дубъ (др.-рус.)
 615
 Перунъ (др.-рус.) 793
 пес 590₂
 пескаръ 536
 петел 602
 петух 602
 петъ 602
 пѣтьль (др.-рус.) 602
 писать 110
 пискаръ 422, 536
 плавиться (рус. ц.-слав.)
 675₁
 плева 238₁
 плов 675
 пловць (др.-рус.) 675
 плугъ (др.-рус.) 688
 плюча, мн. ч. (др.-рус.) 815
 подоводье 297, 348
 поросенок 594
 порося (др.-рус.) 594
 пою 301₁
 про-дал 195₁
 про-сев 688₂
 псовина 590₂
 пиеница 658
 пиено 692
 пырей 657
 пыро (рус. ц.-слав.) 657
 пьсь (др.-рус.) 590₂
 пьсть 419, 849
 рак 533
 робота (др.-рус.) 479
 род 749, 751₁
 рождать 751₁
 рожь 419, 658
 руда 711
 рудъ (др.-рус.) 712
 рѣжати (др.-рус.) 511
 рѣжь (др.-рус.) 419, 658
 рык 511
 самъ другъ (др.-рус.) 843
 самъ пятъ (др.-рус.) 843
 свидеться 365
 святой 102₁, 801
 Сдеславъ (др.-рус.) 834
 селезенка 815
 Семаргль (др.-рус.) 854
 семья 418, 420
 серебро 419
 серна 411
 серп 691
 серяк 522
 сестра 119
 сивый 539
 синий 539
 скаред 817
 скребу 624
 сланьникъ (др.-рус.) 674
 слаще меда 355
 следовать ~ преследовать
 696₃
 слива 711
 слушать 112
 снег 117, 419, 681
 снежит 681
 собака (др.-рус.) 590₃
 сознавать(ся) 805
 соль 158
 Соль Галичская (др.-рус.)
 674₂
 соплю 301₁
 сор 817
 соха 519
 сохатый 519
 ссора 123
 стадо 553
 стону 301₁
 сторож 811₂
 сторожить (больного)
 811₂
 Стрибогъ (др.-рус.) 537₁,
 765₂, 777, 791, 798, 799
 струп 405₁
 струпья 405₁
 струя 227

стрыи (др.-рус.) 537₁, 765₂,
767₃
суконья (диал.) 599
сукотная (диал.) 599
супоросая 594
суслик 953
сухой 158, 598
сыта (др.-рус.) 607₁
сыришь (др.-рус.) 535
таить 748
тараторить 301₁
тата 765₂
творог 570
теку 49
тереть 231
тесла (рус. ц.-слав.) 706
тетерев 541
теча (др.-рус.) 670
тис 629
тление 877₂
тля 877₂
тополь 627₂
тощий 417
тру 231
туръ (др.-рус.) 519
тысяча 125₁, 419
тятя 765₂
у-богъ (др.-рус.) 748
угорь 526₁
удить 569₄
уж 526
ужь (др.-рус.) 526
улей 609₂
устье 814
утва 543
утка 543
ýtь 543
уха (др.-рус.) 703
хотеть 696
чара 176
черешня 644₁
черный 417
чесать 578₁
шершень 423, 535
шмель 418
шуричь (др.-рус.) 761₂
щет(-ка) 98
э-то 359
яблоко 274
яблѣко (др.-рус.) 637
яблонь (др.-рус.) 637
ягода 648

язьно (др.-рус.) 585
яловец (диал.) 634
ярѣ (др.-рус.) 584
ярина 584
ярѣка (др.-рус.) 584
ясень 625
ястреб 537
ястребъ (др.-рус.) 537
ясьчъ (др.-рус.) 625
ятровь 760
ящерица 527₁

Украинский

бзина (ст.-укр.) 622₂
вермяний 527
Віз 718
вищун 492, 494
креснути 112
перун 615
полигатися 806

Белорусский

ѣрзаць 498₁
пярўн 615

Польский

barć 609₂
brony 530
brzesta 620
cztery 153
deszcz 680
długość 209, 426
dużo 418
dziesięć 542
gęś 112
grab 624
gwiazda 685
gwizdać 123
jabło (ст.-польск.) 637
jasień 625
jedl(a) (ст.-польск.) 633
jedlina 633
jest 339₂
jodla 633
kamień piornowy 667
karw (диал.) 113, 66, 577
kocić się 599
konop 662
kot 599
krowa 113, 173
len 659
łuna 685
nie ma 339₂
nie masz 339₂

nie masz Boga 339
oje 922₁
okno 675₂
opica (ст.-польск.) 523
piorun 615
piskorz 422
róža 663
sobaka (диал.) 590₃
ślepa babka 532
wino 648
woda miodem nasycona
607₁
Zdziesiąt 834
zołqdz 618

Словинско-кашубский

běsānā 622₂
dvojgø 723
sobaka 590₃

Чешский

bez 622₂
břesla 620
březza (др.-чеш.) 619
bronj (др.-чеш.) 530
brt (др.-чеш.) 609₂
čtyři 153
dieti jmě (др.-чеш.) 833
dlouhý 426
habr 624
hlít 175
hovado 565
hovno 565₂
hrabr 624
hrád 744
hřiva 545
jablko (jablo) 637
jalovec 634
jatroně 760
jedla (др.-чеш.) 633
jedle (др.-чеш.) 633
jeseň 126₁
jicha 703
jiva (др.-чеш.) 629
kot (диал.) 599
kotiti se 599
krsati 97
loza (др.-чеш.) 654
medvěď 498
nav (др.-чеш.) 825
oje 922₁
opice 523
perun 615
pěchovati 692

pýři 274
rúže 663
slepá baba 532
sprasná (svojně) 594
srp 691
tratořiti 221, 301₁
vědi (др.-чеш.) 492, 494
věnc 650
vínec 650
zubr 521
žába 534
žár 683
želva 533

Словацкий
kot 599
mlze 571₁

Нижнелужицкий
kot 599
lěsc 654₂
wosa (wósa) 626

Верхнелужицкий
blinc 640₁
mlinc 640₁

ruda 711
wopica 521

Полабский
báz 622₂
būkwoi (мн. ч.) 623
gróbě 624
josén 625
krilōje 707
opó 523
Peräune dān 852
sacét 98

НЕИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

ДРЕВНИЕ ЯЗЫКИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Хаттский
aġa-ġia-ġa- 882
eštan 897₂
Eštan 684
ġa-i-uaib 505₁
ġapalki 710₁
ġapraššun 505
(ġa-)parš- 882
ġa-p/ġiġuna-n 505₁
Ĥatagga 883₁
Ĥataġġa 883₁
ġa-ua-šġar(i) 505₁
kait 883
ka(i)t 883₁
kattaġġa 883₁
šamat 641, 881
tabarna 641
takeġa 505₁
takeġa-un 505₁, 510₃
takkeġal 505₁, 510₃
Talipina 532
Talipinu 532, 611
Talipuna 795
u-ra-i 882
D *Ū-ri-e-it* 882
ṡindu- 649, 650
LÜ *ṡindu-ġġaram* 649, 881
Шумерский
agar (a.gár) 877
AN 903
an.nag 709
anšul/anše 562
ANŠE.KUR.RA 560, 564

ANŠE.ZI.ZI 560
aš 844
bala[ḡ] 716₁
D *bil.ga.meš* 904
deš 844
dili 844
e-e lugal-bi 278₁
e me-lam-bi 278₁
gag 815₁
gè 844
gibil 709₁
gigir 718, 737₁
guḡ, gu 575, 876
guškin 711, 713, 876, 932
KÜ.AN 710₂
kür 665₁, 877
lugal e-ak 278₁
Meluhġa 709
mul GIŠgigir 686₂
nu[d] 575, 876
LÜ **SANGA** 787
ANŠE *si-si* 560, 560₂, 914
šaġ 595₂
TÜL 882
tūr 877
urudu 709, 712, 712₁, 876, 967
urudu-me-luh-ġa 709
zu 524

Эламский
akka 882
api(e) 882
baġa 883

dukšiš 150₁, 766
luk- 883
mī-ir-ġa-nu-ġa-ip 496
pari 883
pini 882
ra-ša- 654
ra-ša-ġa-ra 654
ta- 883
tatta- 883

Хурритский
ag- 883
ammattina 903
ašš- 863, 883
D *bil.ga.miš* 904
ešši 560, 914
ġabalgi 710₁
ġešġi 883₁
iššiġa 560
kad/te 883
kešġi 728, 883₁
kešġi/ġešġi 883₁
keški 883₁
mariġanardi 727
pur(u)li 741₂
ušġu 713₂

Урартский
ag- 883
Aršibini 106₂, 539
aš- 883
atu- 897
burgana- 745, 883
gunu-še 883
kapi 897
pari/e 883

patari 744

D^{Si-u-i-ni} 897šú-si-na MU^{MEŠ} 844₁šú-si-ni MU za-du-ú-bi 844₁šusini 844₁šusini šale 844₁GIŠ^{uldini} 650₂ušhu 713₂

АФРАЗИЙСКИЕ (СЕМИТО-ХАМИТСКИЕ) ЯЗЫКИ

СЕМИТСКИЕ ЯЗЫКИ

Общесемитский

*ajjal- 867₂*akbar- 867₂*al-(ān-) 616₁*arnab- 867₂

*anw-(at-) 874

*alak-(at-) 867₂

*apr- 212

*aṭtar- 686, 875, 875₁,
876, 967

*igl- 872

*r-b 212

*ba'l- 212

*baḳḳ- 867₂*baṭm- 867₂

*burr-// *barr- 872

*dabb- 867₂

*duḥn- 873

*dbaḥ- 875

*di'b- 867₂

*dibḥ- 875

*ḍubb- 867₂*ḍabu'- 867₂*ḍuparda'- 867₂

*gadj- 872, 967

*galgal- 737₁

*gurn- 873

*ǧārib- 867₂

*ḥamm- 212

*ḥinṭ-(at-) 873

*ḥilāp- 628₂

*kall-at- 942

*k-l- 874

*k-r-j 875

*ḳalm-(at-) 867₂

*ḳarn- 876, 967

*labi'- 510₂, 867₂

*mVtḳ- 874

*m-t-ḳ 874

*naḥaš- 867₂*naḫt- 867₂*naml-(at-) 867₂*našr- 867₂*nimr- 867₂*nūb-(at-) 867₂*nūn- 867₂*par'- 867₂*pargūt- 867₂*pīl- 867₂*p-l-ḳ 716₁, 874*raḥaj- 694₁

*raḥm- 212

*raḳḳ- 867₂*ri'm- 867₂

*sab'- 875

*sab'-at- 875

*s-m-' 897₃*s-t-m-' 897₃*šaršar- 867₂*šū'ār-(at-) 656₃*tawla'-(at-) 867₂*ṭhan- 694₁*ṭa'lab- 867₂

*ṭawr- 519, 872, 967

*wa'l- 867₂

*wajn- 648, 650, 881, 968

*warn- 867₂*zabj-(at-) 867₂

Аккадский

'emtu(m) 212

'epru(m) 212

'erēbu(m) 212

agalu 872

aḥāzu 753

annaku 709

Anum 903

argamannu 925₁

bēlu(m) 212

bāl šēri 469

Danūna 902₂

duḥnu 873

eḳlu (st.c. eḳel) 689₂ellu 850₂

errēbu 775

erū 709

gadū 872

Gublu 59

gursānum (cm.-accup.) 60₁,
909₂ḥabalkinnu 710₁ḥarāšu 687₁ḥarāšu 687₁ḥatanu 751₁

ḥulilukannum 724

ḥurāšu 711, 714, 902₃ḥursānu 669₂

i/aḳūpu 524

i-na ḥib-bi ša-na-te^{MEŠ}
844₁

ir-ri-tu ša šaḥi 594

i-[si]-en-ni 690

išu 593₂UZU₁.SA.RI.SU 818

Ištar 686, 875

išten 843

inu 648, 675₂, 881

kalū 874

karānu 649₁

kārum Kaniš 559, 709

kunib(ḥ)u 662

ḳarnu 876

lābu 510

leḳū 753

LU^{MEŠ} ḤATNI.SU 751₁

madnanu 725

majjaltu 725

maḳ/grattu 873

matḳu 874

mi-tu-tu ra-ma-ni-šu mi-
-i-ti 830palāku(m) 716₁palāḳu(m) 716, 716₁parzillu 710₁

pilakk/ḫku(m) 716, 716₁,
716₂, 874
pilku(m) 716₁
pulluḫu(m) 716, 874
Purattu 712
rabi sisē (cm.-accup.) 559
rēmu(m) 212
sakrumaš (kaccum.) 728
seba 875
sebettu 875
sisā'um (cm.-accup.) 559
sisū 560, 560₂, 914
šillu 725₁
šaḫū 595₂
šamaššammū 902₃
šangū 787
šinnu 524
širu 699₁
šukurru 716₂, 874
šuru 872
uḫūpu 524, 872
unūtu 874
uṭṭetu (vae.) 873
uṭṭutu (accup.) 873
zibu 875
zū 126₁

Угаритский

'anjt 874
'argmn 925₁
'arj 755₂
'gl 872
brd1 (brš2t) 710₁
dbḫ 875
grn 873
ḫrṣ 714
ḫtt 873
jn 648, 881
krdš 744
krsn 909₂
ḫrn 876
lb' 510
mdbḫ 875
mtḫ 874
ssw 560, 914

Финикийский

'štrt 686, 875
gbl 59
Gubāl 59₂
Gubl- 60₁
Gubla 59₂
ss 100
w-mi' 100

Древнееврейский

'ahaṭ 843
'ehād 843
'onijā 874
'oni 874
'aštōreṭ 686, 875
'ēgel 872
bar 872
barzel 710₁
baṭ 59
bēdōlah 59
dōḥan 873
galgal 718₁
Geḥāl 59
gēdī 872
gūlgāl 718₂
gōren 873
ḫārûš 714, 902₃
ḫittā 873
jajin 648, 881
Jardēn 917₃
kālā' 874
kārā 875
kele' 874
kijjōr 902₃
kirā 875
ḫeren 876
ḫōp 524, 872
lābi' 510
laiš 510₂
mātoḫ 874
mizbēāḫ 875
m-t-ḫ 874
sūs 560₁, 550₂, 914
šeba' 875
šen 524
šib'ā 875
šegōr 716₂, 874
šen-ha-b-bim 524
šōr 872
zābaḫ 875
zebāḫ 875

Арамейский

'iḡlā 872
'tr 875
būrgā (cup.) 745
debḫō (cup.) 875
dōḥinā 873
gadjā 872
galgal 718₁
ḫittē'ā 873
kēlā' 874
ḫaṭṭā 601
ḫōpā 524, 872
mānā 874
mētaḫ 874

parzel 710₁
pelḫā (cup.) 716₁, 874
pilḫā (манд.) 716₁, 874
sūsā 560
šēba' 875
šib'ā 875
tawrā (cup.) 872

Арабский

'ahad- 843
'ihdā 843
'inā'- 875
'ajn- 675₂
'iḡl- 872
ōtaraf (дуал.) 165₂
baḥr- 674₁
burr- 872, 943
duḥn- 873
dabaḥa 875
ḏibḫ- 875
ḏalaka 716₁, 874
ḡadj- 872
ḡarana 873
ḡurn- 873
kala'a 874
kirā'- 875
k-r-j 875
ḫarn- 876
ḫitt- 601
labwa 510
sab'- 875
sab'-at- 875
sab'ō (дуал.) 165₂
šarif- 713₂
šam'ō (дуал.) 165₂
t'allam (дуал.) 165₂
ṭawr- 872
wajn- 648, 881
wāḥid- 843

Южноаравийский

'krj 875
'ttr 686, 875
barr (мехр.) 872
bor (сокопр.) 872
ḫeyṭ (мехр.) 873
ḫinṭeh (сокопр.) 873
ṭwr 872
wjn 881

Гез

k-l' 874
metūḫ 874
newāj 875
sab'atū 875
sab'ū 875
wajn 881

АФРИКАНСКИЕ (ХАМИТСКИЕ) ЯЗЫКИ

Древнеегипетский	<i>k3m.wt.t</i> 656 ₃	<i>wnš</i> 649, 650, 881
<i>irj</i> 755 ₂	<i>mhr</i> 570 ₁	<i>wnš.t</i> 649, 881
<i>lštr</i> 686	<i>mjw</i> 601 ₂	Коптский
<i>it</i> 656 ₃	<i>mnḥ</i> 609	<i>bari</i> 59
* <i>nḥ.t</i> 656 ₃	<i>mn.(tj)</i> 666 ₁	<i>εβου</i> 524
<i>3bw</i> 73, 524	<i>mr</i> 886	<i>εβυ</i> 73, 524
<i>bj.t</i> 609, 611, 876	<i>ng3w</i> 575, 876	<i>ḥo:w</i> 680
<i>bj.tj</i> 609	<i>nh.t</i> 646	<i>λαβοι</i> 510
<i>br</i> (ново-егип.) 59	<i>pr</i> 741 ₂ , 863 ₁	<i>sēg</i> 564
<i>D3unywn3</i> 902 ₂	<i>rw</i> 510	ЧАДСКИЕ ЯЗЫКИ
<i>gij</i> 524, 872	<i>šk</i> 563, 564, 564 ₃	<i>qzuřja</i> (хауса) 713 ₂
<i>ḥd.t</i> 609 ₁	<i>šsm.t</i> 560, 560 ₂ , 914	НУБИЙСКИЕ ЯЗЫКИ
<i>ḥwj</i> 680	<i>šm'j</i> 656 ₃	<i>kadiš</i> 601
<i>jrdn</i> 917 ₃	<i>šr.t</i> 656 ₃	
	<i>šw</i> 563	

КАВКАЗСКИЕ (ИБЕРО-КАВКАЗСКИЕ, ПАЛЕОКАВКАЗСКИЕ) ЯЗЫКИ**КАРТВЕЛЬСКИЕ (ЮЖНОКАВКАЗСКИЕ) ЯЗЫКИ**

Общекартвельский	* <i>žen-/zjn-</i> 260, 906	* <i>km-ar-/*km-r-</i> 261, 878, 906, 907
* <i>aš-</i> 253	* <i>zil-</i> 263	* <i>kor-</i> 904
* <i>b-</i> 255	* <i>zin-</i> 263	* <i>krcxeml-</i> 624 ₁
* <i>ban-</i> 253	* <i>zm-ar-</i> 261	* <i>kwe</i> 254
* <i>bar-/*br-</i> 258	* <i>žac'w-</i> 258	* <i>k'ač-</i> 253
* <i>bežγ-/*bažγ-</i> 906	* <i>žan-</i> 906	* <i>k'b-en-/*k'b-in-</i> 879
* <i>ber-</i> 260, 878	* <i>žilnłč'ar-/*žilnłč'r-</i> 257	* <i>k'b-il-</i> 879
* <i>berč'-/*barč'-</i> 905	* <i>žilnłč'wel-</i> 257	* <i>k'er-b-</i> 261 ₁ , 262
* <i>bēr-e</i> 260	* <i>žwar-</i> 255	* <i>k'r-eb-</i> 261 ₁ , 262
* <i>br-bar-</i> 258, 718 ₁ , 737 ₁	* <i>dašw-</i> 258	* <i>k'reb-/*k'erb-/*k'rb-</i> 878
* <i>brg-</i> 879	* <i>daw-</i> 906	* <i>k'rep-</i> 878
* <i>buř'k'ar-</i> 611 ₁	* <i>den-/*din-</i> 878	* <i>k'r-ib-e</i> 262
* <i>cm-el-</i> 261	* <i>der-k'-</i> 261, 262	* <i>k'rb-a</i> 262
* <i>c'ip-</i> 623 ₃	* <i>dew-/*dew-</i> 260, 877, 906	* <i>k'rk'o-</i> 618 ₂ , 880 ₁
* <i>čan-lčq-</i> 628 ₂	* <i>dıqa-</i> 877	* <i>k'wad-/*k'ud-</i> 880 ₁
* <i>čex-/*čx-</i> 257	* <i>dḡ-</i> 878	* <i>k'wenř-</i> 261, 880 ₁
* <i>čol-</i> 253	* <i>dqa-</i> 586 ₁ , 877	* <i>lag-/*lg-</i> 871
* <i>čx-</i> 905	* <i>dr-ek'-</i> 261, 262	* <i>leγw-</i> 255
* <i>č'ad-</i> 906	* <i>dr-ik'-e</i> 262	* <i>lom-</i> 510
* <i>č'q'al-</i> 255	* <i>dr-k'-a</i> 262	* <i>ma-</i> 254
* <i>č'w-</i> 256	* <i>ekšw-</i> 878	* <i>mat'l-</i> 877, 877 ₂
* <i>č-we-m-</i> 254	* <i>ert-</i> 253	* <i>melnał</i> 254
* <i>č-we-n-</i> 254, 293 ₂	* <i>e-šw-</i> 877	* <i>ḡ-k'erd-</i> 878
* <i>č-we-[na]</i> 254	* <i>g-</i> 255	* <i>ḡqar-</i> 905
* <i>č'er-</i> 260	* <i>gen-/*gn-</i> 878, 880	* <i>(ḡ)sx-al-</i> 904
* <i>č'r-</i> 260	* <i>gon-</i> 878	* <i>ḡ-šxw-il-</i> 905
* <i>č-</i> 255	* <i>gr-cxeml-</i> 624 ₁	* <i>ḡt'k'war-/*ḡt'k'ur-</i> 909 ₁
* <i>žacxw-</i> 258	* <i>grgar-</i> 737 ₁	* <i>na-</i> 254, 293 ₂
* <i>žezw-</i> 258	* <i>γor-</i> 877 ₁	* <i>nazw-</i> 634
* <i>žar-l-</i> 261	* <i>γwino-</i> 649, 650, 650 ₂ , 881	* <i>(o)stx(o)-</i> 879
* <i>že-čx-l-</i> 257, 905	* <i>jør-</i> 253	* <i>pen-/*pin-</i> 260
* <i>žec'ḡ-</i> 628 ₂		* <i>p'ir-i</i> 898 ₁
* <i>žec'ḡ-/*žec'ḡ-</i> 628 ₂		

*qan- 253, 263
 *qar- 263
 *qarq-/ *qrq- 919
 *qed- 253
 *qed- : *qid- 260
 *qnd-(u)r- 904
 *q'ana- 905
 *q'm- 906
 *q'ua- 905
 *q'war- 906
 *r- 255
 *rečx- 255
 *rek'- 253
 *rka- 880₁
 *rwa-/ *arwa- 879
 *sm- 897₃
 *sok'o- 932
 *s-tw- 256₁
 *sax-/- 261
 *s-tagw- 256₁
 *s-taw- 256₁
 *stk-we-n- 254
 *stk-we-[nal] 254
 *stum- 897
 *s-txar- 256₁
 *sw- 256
 *sxu- 905
 *šer-t'- 261, 262
 *šew- 597₂
 *šr-et'- 261, 262
 *šr-it'-e 262
 *šr-t'-a 262
 *šur- 260
 *šw- 597₂, 878
 *šwed- 255
 *s-we-n 254
 *s-we-[nal] 254
 *šwer- 255, 260
 *šwid- 875, 879
 *tal-/ *tl- 905
 *täl-e 260
 *tel- 904
 *tes- 253
 *tl-ej 260
 *tx- 256
 *t'ep- 253, 260, 879₁
 *t'ep-/ *t'p- 879
 *t'f- 877₂
 *t'p- 260
 *t'q'aw- 255
 *t'q'aw-/ *t'q'ow- 908
 *t'q'ob-i/ *t'k'ob-i 908
 *t'q'ow-/ *t'k'ow- 909₁
 *uγ-el- 723, 723₁, 877
 *up'el/ *op'a 878

*wač- 253
 *wal- 253
 *wašf- 641, 881
 *we-/ *u- 254
 *wed- 253
 *wel- 898
 *wenaq- 649, 649₂, 650₂
 *werčx/- 713₂
 *werxw- 627₁
 *xleč- 253
 *zard- 253
 *zixf- 257, 257₁, 878
 *zman- 263
 *zmar- 263
 *ze 254
 *žašw- 258

Грузинский

a-b-am-s 255
 ač'u 560, 919
 ač'ua 560, 919
 a-g-eb-s 255
 aludi (дуал.) 932
 ar da-m-i-č'er-ia 339
 ar da-m-i-xat'-av-s 339
 arc'ivi 106₂, 539
 babuk'a 766₃
 bavšv-s 286₁
 bebik'o 766₃
 ber- 878
 berc'-i 905
 bezy- 906
 borbal- 258, 718₁
 bosel- 880₁
 brge 879
 br-un-av-s 258, 718₁
 ca LXXVI₁
 cacxv-i 258
 cecxl-i 257, 905
 cx- 905
 cx-ar- 905
 cx-el- 257, 905
 c'ad- 906
 c'ad-il-i 906
 c'ipela 623₃
 c'w-av-s (др.-груз.) 246
 ča- 775
 časižeba 775
 zec'na- 628₂
 zežv-i 258
 zera 904
 zeri 904
 z-e-s (др.-груз.) 255
 zil-i 263

zu- 880₁
 zuk'na 880₁
 žač'v-i 258
 žinč'ar- 257
 žinč'vel- 257
 da LXXVI₁
 da-č'r-a 260
 da-dv-a
 da-šwr-a (др.-груз.) 260
 datv-i 258, 499
 dauc'er-ia 338₁
 da-v-c'er-e 339
 da-v-č'er 260
 da-v-dev 260
 da-v-šwer (др.-груз.) 260
 da-v-xat'e 339
 dedik'o 766₃
 den-/din- 878
 dew-/dw- 877
 dlaq'v-i 905
 dn- 878
 dum- 898
 dum-il-i 898
 Egr-is-i 908
 ekws- (др.-груз.) 878
 eri- 843
 e-sm-i-s 897₃
 e-šv-i 597₂
 ešw- (др.-груз.) 877
 gan-sxu- 905
 gan-t'p-a (др.-груз.) 253₂,
 260
 [gan]-v-t'ep (др.-груз.)
 253, 260
 gauk'eteb-ia 338₁
 gen-/gn- 878
 girk'o (дуал.) 618₂, 880₂
 god-eb-a 906
 gon- 878
 gorgal- 718₁
 gul- 878
 gul-mk'erd-i 878
 γor- 877₁
 γwin- 881
 γwino- 649
 i-daq'v-i 905
 kalak-s 286₁
 ked-i 666₁
 kmar-i 878, 906
 kor-i 904
 krcxeml- 624₁
 k'ak'-al-i 51
 k'anap- 662
 k'at'a 601
 k'ben- /k'bin- 879

- k'bil-* 879
k'ed-el- 932
k'erb-/k'reb- / k'rib- 878
k'raw- 1326
k'rep-/k'rip- 878
k'ud- 880₁
k'ul-ul-i 906
k'urk'a 618₂, 880₁
k'urk'o (диал.) 618₂, 880₁
k'werna- 880₁
lag- 877
lom-i 510
ludi 932
mamik'o 766₃
mc'evanni (мн. ч.) 591₁
m-zapr-i 905
m-zin-av-s 260, 263, 906
me-c 353
me-uyt-e 723
me-zman-ebis (др.-эрыз.) 263
mgel-i 496
mk'erd- 878
mo-v-qan (др.-эрыз.) 263
(m)sxal-i 904
msxvil- 905
-mšo 597
mt'k'war-i 909₁
mt'k'wr-is (под. н.) 909₁
mzar-i 905
naɜw- (др.-эрыз.) 634
naq'- 905
ni-daq'v-i 905
osp'-i, osp'n-i 904
otx- 679
parto 919
put'k'-ar-i 611₁
p'at'ara 51
p'ir-i 898₁
p'ir-mšo- 597₂, 878
p'ir-ut'q'v-i 472₁
qar-i (др.-эрыз.) 263
qndur-i 904
qorq- 919
q'ana 905
q'ua 905
q'urzen- 650₂
q'ur-eba 786₄
q'ur-i 786₄, 898
q'var- 906
ra-c 353
rcxila 624₁
rg- 877
rka 880₁
rk'o 618₂, 880₁
romeli-c 353
sa-stum-al- 897
saxli-c 353
si-cx-e 257
siɜe- 775
si-q'm-il-i 906
sisxl- 257, 878
si-zmar-i 263
sm-en-a 897₃
sok'o- 932
stvel-i 256₁
s-tx-ov-s 256
sw-am-s 256
sxoa- 844
šašv-i 258
še-ara-xwalt (др.-эрыз.) 366₂
šv-il-i 597₂, 878
šw- 878
tagv-i 256₁
tau-i 256₁
tb-il-i 253
tel-i 904
tiqa- (др.-эрыз.) 877
tixa 877
tl-ltal- 905
txa LXXVI₁, 586₁, 877
txar- 256₁
t'ep- 879
t'l-ob-a 877₂
t'p- 879
t'p-il-i 253, 260, 879
t'q'av-i 908
ube 905
uyel- 723, 877
up'e 878
v-a-k'eteb 334
v-a-r 255
vard- 663
vašl- 641
vaz- 650₂
v-ber-[av] 260
v-ber-e 260
vel-i 898
venaq- 649, 881₁
vepxi (др.-эрыз.) 507₁
v-i-ban 334
v-i-c-i 390₁
v-i-k'eteb 334
v-pin-e 260
v-tal-e 260
v-tl-i 260
v-u-k'eteb 334
wašl- 881
werxw- 627₁
Сванский
a-b-em 255
a-č'-i 256
a-g-em 255
an-qid 260
ā-šix 257
ā-šx-i 257
bap' 51
Bav-bednieri 611
berež 710₁
bəl- 878
bəg-i 879
cxəm 624₁
cxum 624₁
cxwim 624₁
c'ip-ra 623₃
čič'-ānd- 628₂
čot-štɜar 256₁
lčwl-ad-bəl-e 260
žgərag Lenčaš 611
daq- 877
daq-əl 586₁
dāšdw 258, 499
dombāj 521
ešxu 843
əmsge 597₂, 878
gak' 51
gim 877
yeder 904
ɜvināl 881
ɜwinel 649
hadw 106, 906
ha-k'wād 880₁
ham 106
icx 904
jerxw 627₁
kan 662
k'(w)en- 880₁
laž-|lž- 877
Lamaria 611
le-nz 634
löm 510
melia 898
Melia-t'elepia 611, 898
meqār 905
məč'wed 878
muč'od 878
nezwra 634
o-qan 263
p'ül 898₁
qarq- 919
q'm- 906
q'u(w)a 905

rk'wen 880₁
 sg- 878
 sok'(w) 932
 šda 256₁
 šdim 897
 šdugw 256₁
 šix 257
 šx- 905
 txer 496
 t'ebdi 879
 usgwa 878
 ūγwa 723, 877
 wenāq 649
 werxw 627₁
 wisgw/usgw 641
 wisk'w/usk'w 881
 wošt'w 879
 x-e-tx-əl-i 256
 x-ō-šw-a 256
 xw-ä-r-i 255
 zesxra 258
 z-i 255
 zisx 257, 878
 žepar 591₁

Мегрельский

'ona 905
 'or 906
 'um-en-i 906
 'va 905
 amšv- 878
 art- 843
 bar- 878
 beržγ-el 906
 binex- 649, 881₁
 burč'-i 905
 ca LXXVI₁
 cxemur- 624₁
 cximur- 624₁
 c'ipur- 623₃
 čxe 257, 905
 čxvind-i 108
 č'k'ič'k'it'ia 257
 žec'k'v-i 258
 ž-u-[n] 255
 žan-u-[n] 260, 263, 906
 žgeraguna 611
 da LXXVI₁
 dačxir-i 108, 257, 905
 dačxur-i 905
 dexa 877
 dən- 878
 din- 878
 dixax 877

do-b-č'v-i 256
 do-b-xon-i 263
 do-č'k'ir-u 260
 du'-i 905
 du-u-bar-u 260
 d(w)- 877
 ger-i 496
 gən- 878
 gin- 878
 gi-o-b-u-[n] 255
 gon- 878
 go-pin-u 260
 go-škir-u 260
 go-v-tol-i 260
 γež- 877₁
 γwin- 649
 ka 880₁
 kir-i 904
 komonž-i 878, 906
 k'ə 618₂, 880₁
 k'i 618, 880₁
 k'ibir- 879
 k'idir- 878
 k'irib- 1326
 k'orob- 878
 k'orop- 878
 k'udel- 880₁
 k'unor- 880₁
 k'i 618₂
 (l)uba 905
 m-arg-al-i 908
 nužu/nuzu 634
 o-g-an-s 255
 omp'a 878
 o-sk-u 597₂, 877
 otx- 879
 p'iž-i 898₁
 rg- 877
 sim-in-u-a 897₃
 skua 597₂, 878
 skw- 878
 sok'o 932
 sxul-i 904
 šu-n-s 256
 šxu 905
 šxoa- 844
 tol- 905
 tu 904
 tunt-i 258, 499
 txa LXXVI₁, 586₁, 877
 tx-u-al-a 256
 t'əbu 879
 t'ibu 253, 879
 t'q'eb-i/t'k'eb-i 908
 uγu 723, 877
 uškur- 641, 881

ve(l) 898
 verxu- 627₁
 vex- 627₁
 v-o-r-e-k 255
 xož-i 263
 xuž-i 905
 xurx- 919
 zesku-i 258
 zič'on- 628₂
 zisxir- 257, 878

Лазский (чанский)

a(n)š- 878
 art- 843
 bar- 878
 bežγ- 906
 binex- 649, 881₁
 but'k'už-i 611₁
 ca LXXVI₁
 cxemur- 624₁
 c'ip(ur)- 623₃
 čxe 905
 ž-u-[n] 255
 žan-s 260, 263, 906
 žir-i 263
 da LXXVI₁
 dačxir- 257
 dačxur-i 257, 905
 danž-i 258
 dicxir- 257, 878
 dič'k'iž- 257
 di-žin-u 260, 263, 906
 dimč'k'u 257
 din- 878
 do-b-č'v-i 256
 do-b-dv-i 260
 do-č'k'or-u 260
 ducxu 258
 duq'u 905
 durq'u 905
 d(w)- 877
 gn- 878
 go-t'ub-u 260
 γež- 877₁
 γwin- 649, 881
 i-si-min-s 897₃
 i-zmož-e 263
 komož-i 878, 906
 kra 880₁
 kur-i 904
 k'at'u 601
 k'ibir- 879
 k'ibi(r)- 879
 k'ibr- 879
 k'orob- 878

<i>k'udel-</i> 880 ₁	(<i>n</i>) <i>dun-</i> 878	<i>rg-</i> 877
<i>k'va</i> 905	(<i>n</i>) <i>gon-</i> 878	<i>sok'o</i> 932
<i>k'wenu(r)-</i> 880 ₁	<i>oba</i> 905	<i>stuel-i</i> 256 ₁
<i>тсхубр-</i> 624 ₁	<i>отр'а</i> 878	<i>ti</i> 256 ₁
<i>тсхул-и</i> 904	<i>o(n)txo</i> 879	<i>tila</i> 904
(<i>m</i>) <i>čxu</i> 905	<i>oškur-</i> 881	<i>txa</i> LX XVI ₁ , 586 ₁ , 877
<i>me-škur-u</i> 260	<i>oixu</i> 879	<i>t'ibu</i> 879
<i>m-kir-i</i> 904	<i>p'iž-i</i> 898 ₁	<i>t'ubu</i> 879
<i>mtug-i</i> 256 ₁	(<i>q'</i>) <i>om-in-</i> 906	<i>uba</i> 905
<i>mtut-i</i> 258, 499	<i>q'ona</i> 905	<i>umr'a</i> 878
<i>тхуž-и</i> 905	(<i>q'</i>) <i>or-</i> 906	<i>uškur-</i> 641, 881
[<i>m</i>] <i>žesk'u</i> 258	<i>q'už-i</i> 898	<i>v-o-r-e</i> 255
(<i>n</i>) <i>dixa</i> 877	<i>q'va</i> 905	<i>xurx-</i> 919

АБХАЗО-АДЫГСКИЕ (ЗАПАДНОКАВКАЗСКИЕ) ЯЗЫКИ

<i>a-bga</i> (абх.) 513 ₁	<i>Ananagunda</i> 611	<i>gedu</i> (адыг.) 601
<i>a-c^o</i> (абх.) 567 ₁	<i>a-t^o-o^oa</i> (абх.) 281 ₁	<i>gedu</i> (кабард.) 601
<i>ačä</i> (адыг.) 919	<i>ažä</i> (кабард.) 919	<i>gu-</i> (абх.) 575 ₁ , 919
<i>ačada</i> (абх.) 564	<i>bža-q^oa</i> (кабард.) 281 ₁	<i>la-q^oa</i> (кабард.) 281 ₁
<i>ačy</i> (абх.) 560, 564, 919	<i>c^oy</i> (адыг.) 567 ₁	<i>Merisa</i> (черк.) 611
<i>a-domr'ej</i> (абх.) 521	<i>čy</i> (убых.) 560, 919	<i>sanā</i> (адыг.) 655
<i>a-gu-p</i> (абх.) 575 ₁ , 919	<i>ž'an-č'arx</i> (убых.) 720	<i>šy</i> (адыг.) 564
<i>a-g^oarta</i> (абх.) 575 ₁ , 919	<i>dombaj</i> (адыг.) 521	<i>šy-dy</i> (адыг.) 564
<i>a-k^onə</i> (абх.) 662	<i>dombej</i> (кабард.) 521	<i>o^o-ba</i> (абх.) 281 ₁

НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИЕ (ВОСТОЧНОКАВКАЗСКИЕ) ЯЗЫКИ

Дагестанские	<i>mižir</i> (табас.) 51, 920	<i>č'anik'</i> (бацб.) 51
<i>ači</i> (ахвах.) 919	<i>mis</i> (хин.) 876	<i>dada</i> (бацб.) 1321
<i>arc</i> (дарг.) 713 ₂ , 919	<i>mis</i> (удин.) 876	<i>dā</i> (чеч.) 1321
<i>arcu</i> (лак.) 713 ₂ , 919	<i>misidi</i> (анд.) 876	<i>dā</i> (инг.) 1321
<i>ars</i> (табас.) 713 ₂ , 919	<i>misir-tau</i> (арч.) 876	<i>dog</i> (чеч.) 51
<i>arsi</i> (арч.) 713 ₂ , 919	<i>mišidi</i> (ахвах.) 876	<i>dog</i> (инг.) 51
<i>çar</i> (авар.) 51	<i>moçor</i> (арч.) 51, 920	<i>doč'</i> (бацб.) 51
<i>ču</i> (авар.) 560, 919	<i>muçur</i> (дарг.) 920	<i>kač'</i> (бацб.) 51
<i>ču</i> (лак.) 560, 919	<i>miçru</i> (цах.) 920	<i>khaza</i> (инг.) 51
<i>čiri</i> (лак.) 51, 920	<i>mižur</i> (агул.) 51, 920	<i>khezi</i> (чеч.) 51
<i>čwru</i> (лезг.) 920	<i>murhi</i> (дарг.) 876	<i>ladar</i> (инг.) 51
<i>do</i> (цахур.) 51	<i>musi</i> (лак.) 876	<i>ledar</i> (чеч.) 51
<i>dur</i> (путул.) 51	<i>orsi</i> (анд.) 919	<i>let'ar</i> (бацб.) 51
<i>gatu</i> (табас.) 501	<i>zožo</i> (гунз.) 932	<i>mač'</i> (бацб.) 51
<i>gedu</i> (анд.) 601	<i>zuğu</i> (цезск.) 932	<i>maž</i> (чеч.) 51
<i>iča</i> (анд.) 919	<i>ωaras</i> (авар.) 713 ₂ , 919	<i>maž</i> (инг.) 51
<i>ičwa</i> (ахвах.) 560, 919		<i>nab</i> (инг.) 51
<i>keio</i> (авар.) 601	Вейнахские	<i>nab</i> (чеч.) 51
<i>k'et'u</i> (дид.) 601	<i>bald</i> (чеч.) 51	<i>nhar'</i> (бацб.) 51
<i>mesed</i> (авар.) 876	<i>bat'er</i> (бацб.) 51	<i>sag</i> (бацб.) 1321
<i>mičeš</i> (хин.) 920	<i>bord</i> (инг.) 51	<i>saj</i> (чеч.) 1321
<i>mičri</i> (пут.) 51, 920	<i>čheng</i> (инг.) 51	<i>saj</i> (инг.) 1321
	<i>čhenig</i> (чеч.) 51	<i>zok'</i> (бацб.) 932

УРАЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ

ФИННО-УГОРСКИЕ ЯЗЫКИ

- Финский
aiva (арх.) 922
aja- 941
arvo 925₁
ase- 928
asema 928
asu- 928
asu- : *asetta-* 928
juvä 928
kala 934₁
kota 932
kulkea 937
kuras 932
käly 942
lohi 923
lukea 941
luku 941
marras 925
maria- 925
mehi-läinen 923
mesi 611, 937
metu 937₁
nimi 937
oja 922₁
olut 932
onki 941
ora 923
oras 924
orasa 924
orja 924
orpo 940
osa 924
ostaa 942
porsas 921
sarvi 925
sata 926
suka 926
suola 937
taivas 933₂
tala 933₂
tarna 927
teke- 942
terni 933₂
tiine 933₂
tuo-da 942
udar 933₂
vanko 930
varsa 930
vasa 930
vasara 928
vaski 711, 932
verme 929
vermen 929
- vesi* 942
vetä- 942
vie- 942
viha 931
- Вепский
mezi 937
ojad 922₁
ogg 941
ora 923
orač 924
orj 924
oza 924
porzaz 921
sada 926
sarv 925
sola 937
suga 926
taivaz 933₂
tiñeh 933₂
udar 933₂
varz 930
vaza 930
- Водский
arvo 925₁
era 923
esa 924
keŋa 932
mesi 937
mõtu 937₁
uhar 933₂
- Эстонский
aeva 922
aiva 922
aja- 941
aru 925₁
arv 925₁
iva 928
juvä (дуал.) 928
koda 932
käli 942
mardus 925
mehi-läne 923
mesi 937
mõdu 937
ora 923
ori 924
osa 924
osta- 942
põrsas 921
sada 926
sool 937
- suga* 926
taevas 933₂
tarn 927
ternes 933₂
tiine 933₂
udar 933₂
vang 930
vars 930
vasar 928
vasik 930
vask 932
viha 931
õlu(t) 932
õng 941
- Ливский
aja- 941
ära 925₂
kälu 942
k^uodä 932
me'iz 937
me'ž 937
puoraz 921
sadä 926
sõra 925
suol 937
taläzäD 933₂
teř-zēm'd'a 933₂
tñn 933₂
tõvaz 933₂
udär 933₂
umär 640₂
va'iški 930
vaŋga 930
värza 930
vask 930
vaš'k 932
vazar 928
vo'l 932
(v)ora 923
vostä 942
voza 924
- Венгерский
ár 'шило', 'сверло' 923
ár 'цена' 925₁
ár 925₁
árv 940
hány 928
méh 923
méz 611, 937
név 937
nyír(ia) 966

- szaro 925
 száz 926
 szeg 927
 szög 927
 tehén 933₂
 tenni 942
 tíz 929, 1326
 vas 932
 vezet- 942
 víz 942
 viv- 942
- Хантыйский**
- āraγ 929
 etar 929
 iāɯət 926
 lāɯət 926
 maɯ 937
 māɯ 937
 nem 937
 paɯɯə- 932
 paɯkə- 932
 paɯɯ 932
 poɯk 932
 sot 926
 tāpat 926
 t'əpə 925
 tū- 942
 -uri:iəɯk-u 940
 -urui:iəɯk-u 940
 wāras 931
 wāras 931
 wəɯɯer 931
 waɯ 932
 wōt 930
- Мансийский**
- al'p-t 937
 ātar 923
 ɛtar 929
 ēriɯ 929
 loβənt 941
 ma'i (maɯ-) 937
 mag 937
 mant 931
 nam 937
 nām 937
 ōtar 923
 pāɯx 932
 saɯo_ok_o 927
 sāɯk_oā 927
 sāt 926
 sāit 926
 seɯk 927
 sōtar 921
- sūɯ 927
 šōrap 925
 tū- 942
 uɯj-t- 941
 wāt, wāt 930
 wāta(-ɯum) 942
 wəɯkə-r 931
 wə:ta 942
 wit 942
 ɯūn- 928
- Коми-пермяцкий**
- beris 929
 őška 937
- Коми-зырянский**
- buris 928
 burši 928
 das 929
 ez-iš 932
 eš (ešk-) 937
 eška 937
 gort 744, 931
 gu- 928
 guš 928
 jendon 929
 jiki 928
 -ka 932
 kel 942
 kerka 932
 ki 928
 kijnj 927
 kundj- 928
 kureg 922
 ma 937
 mort 925
 moš 923
 murka 925
 nim 937
 ord- 922
 ord-li 922
 pides 922
 porš 921
 sarid'ž 922
 sod 927
 sol 937
 šo 926
 šu 926
 šumis 927
 šur 925
 šurs 921
 tēlēs 933₂
 tilēs 933₂
 turun 927
- va 942
 vai- 942
 varnös 931
 verdni 931
 vež 931
 voi-li- 941
 voj- 941
 vož 922
 vug 930
 vurun 928
 vuzal- 942
 vuz-ēs 942
- Удмуртский**
- ana 929
 andan 929
 az-veš 932
 ba(d')d'žin 929
 beriz 929
 das 929
 erdzi 929
 gurt 744, 931
 ju 928
 kali 942
 kureg 922
 kua 932
 kyryny 927
 lid 941
 mu 937
 muri 925
 murt 925
 nim 937
 oš 937
 parš 921
 pides 922
 sılal 937
 šu 926
 šumis 927
 šur 925
 šurs 921
 turjn 927
 uɯj(i)- 941
 urd 923
 uzjɯ 923
 uajjž 922
 -veš 932
 vug 930
 vuz(al-) 942
 zarid'ž 922
 zariž 922
- Мокша-мордовский**
- azər 923
 aźje 922
 eźəñ 928

juv 928
 kalmams 928
 karams 927
 k'el 942
 lem 937
 meš 923
 paŋga 932
 purts 921
 rava 931
 fišme 921
 sazâr 926
 šadã 926
 šed' 927
 šurã 925
 šuva 926
 t'ija- 942
 urãš 924
 urozi 924
 uzař 928
 vaza 930
 verskã 930
 vafga's 930
 ved' 942
 vije- 942

Эрзя-мордовский

azor 923
 azoro 923
 ažija 922
 ažja 922
 eřva 929
 ežem 928
 ineške-pas 933₁
 iñe 933₁
 ird'es 922
 juvodoms 928
 kal 934₁
 karams 927
 kudo 932
 lãm 937
 juvoms 941
 mař 640₂
 mãkš 923
 med' 611, 937
 mekš 923
 miřd' e 925
 niške 933₁
 niški 933₁

САМОДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Ненецкий

nešõ 928
 nim 937

odar 933₂
 paŋgo 932
 purtsos 921
 rav 931
 ravo 931
 fišme 921
 sal 937
 sazor 926
 sed' 927
 šado 926
 šuro 925
 šuva 926
 tarvas 932
 tuje- 942
 t'eje- 942
 uks(o) 942
 umař 640₂
 uro 923
 uros 940
 ur'e 924
 ušk'e 932
 užeř(e) 928
 vaz 930
 veriske 930
 ved 942
 ved'a- 942
 veřges 930
 vije- 942
 viř 666

Марийский

kañe 662
 kol 934₁
 korem 927
 kudã 932
 lam 937
 ludam 941
 lum 937
 marij 931
 mü 937
 müj 937
 mükš 923
 oŋgã 941
 oŋgo 941
 o-škã 942
 oško 625₁, 942
 ordaž 922
 pãndaš 922

poŋgã 932
 pũndakš 922
 šind' žal 937
 šu 926
 šur 925
 šũdã 926
 uža 942
 uža-š 924
 uškã-ž 937
 uškũ-z 937
 wa-dar 933₂
 waž 932
 wæt 942
 wãžale. 942
 wiðe- 942
 (w)urdem 931

Саамский

ãrljãn 924
 arjet 924
 ãsës 942
 čoarve 925
 čokkot 926
 čuotie 926
 dákkát 942
 duoķã 942
 goatte 932
 guole 934₁
 korr 932
 lokkát 941
 mieta 937
 nãmmã 937
 oaž'že 924
 oarbes 940
 oarje- 924
 oarji 924
 orjalaš 924
 rãšme 921
 varr 666
 vãččer 928
 veški 932
 vier'mã 929
 vilkkv- 942
 vuarjvl 924
 vuog'gã 941
 vuoggjet 941
 vyesi 930
 vyarje 924
 wijke- 942

АЛТАЙСКИЕ ЯЗЫКИ**ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ**

(a)laša (тюрк.) 556
 *alma (тюрк.) 639₂, 940
 arsaq (тюрк., алт.) 627, 940
 asraq (тюрк., алт.) 627, 940
 Asparuk (тюрк.-болг.) 550
 awsaq (тобольск.) 627
 äväs (чуваш.) 627, 940
 äški (узбек.) 589
 äški (кирг.) 589
 äški (казах.) 589
 bugdoj (узбек.) 658
 domtaj (карач.) 521
 domtaj (балк.) 521
 güveü (тюрецк.) 775
 hØkyz (узбек.) 579₁, 938₁
 iç (тюрецк.) 775
 iç güveülik (тюрецк.) 775

kačaka (чуваш.) 589
 käjä (татар.) 589
 käzä (башк.) 589
 kedi (тюрецк.) 601
 kenär (казах.) 662
 kenär (тюркм.) 662
 kota 932
 köräk || köbäk 590₃
 k, ošk, ar miüz (казах.) 589₂
 os (хак.) 940
 ras (тальян.) 580
 päri (чуваш.) 658
 taa (якут.) 666
 väkär (чуваш.) 579₁

Древнетюркский

alma 639₂
 arpa 656₂
 arpa- 656₂

arpalan- 656₂
 baran 585
 bars jül 500
 bäs 500
 bekmäs 661₁, 661₂
 bekni 661₁, 661₂
 buydaj 658
 ečkü 589, 940
 ešäk || ešgäk 564
 ešjäk || ešäk 564
 gül 663
 keči 589, 939
 ken-dir 662
 keväl 556
 kevil 556
 köräk 590₃
 öküz 579₁, 938₂
 qoçqar 589₂
 taγ 666
 tekä 586₁

МОНГОЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ**Монгольский**

bars (письм. монг.) 500
 buydaj (ст.-монг.) 658
 buidai 658

eljigen (письм. монг.) 564
 gegün (письм. монг.) 575
 išig 589, 940
 morin 554, 556, 939

p^oars (письм. монг.) 500
 qota[n] 932
 tex 586₁
 üxer 579₁, 938₁
 üxer zül 579₁

ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИЕ ЯЗЫКИ

geo (маньчж.) 575, 935₁
 geo tigin (маньчж.) 575
 gēγ (эвенк.) 575

goγo (эвенк.) 575
 hukur (эвенк.) 579₁, 938₁
 kó mü-lin (чжурчжен.) 575

mirin (эвенк.) 554, 937
 xal-mari (маньчж.) 933

КОРЕЙСКИЙ ЯЗЫК

khal 933
 mal 554, 939

ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК

jama 666
 ŋma 554
 uma 554

ya 850₁
 yō 850₁

ДРАВИД(ИЙ)СКИЕ ЯЗЫКИ

mā (тамил.) 554, 939
 vakkā (тамил.) 60₁

vakku (телуг.) 60₁
 vi (тамил.) 53

vi||al (мал.) 53
 vi||u (мал.) 53

АВСТРО-АЗИАТСКИЕ ЯЗЫКИ

awān (сак.) 53
 bilat (сак.) 53

БУРУШАСКИ

ält-ambi 850₁
 älti 281₁
 t-anc 281₁

it-umat 281₁
 it-ur 281₁
 w-älti 281₁, 850₁

ЭТРУССКИЙ

aisna 801
aisuna 801

eisna 801

БАСКСКИЙ

altza 635
azkár 626₁
(b)urki 620₂

hartz 497₂
mando 556
zidar 713₂

zillar 713₂
zirar 713₂

КИТАЙСКО-ТИБЕТСКИЕ ЯЗЫКИ

chu (кит.) 935
ku (кит.) 935
'kuo (др.-кит.) 575, 935
k'wuen (др.-кит.) 592, 599₁,
935

k'üan (кит.) 935
*lac- (кит.) 940
ta (кит.) 554, 939
tižt (др.-кит.) 611, 935
mgar (др.-бирм.) 554, 939

niu (кит.) 935
ngi₂ (др.-кит.) 575, 935
rtang (др.-тиб.) 554, 939
s'ar (бирм.) 525₁

ПАЛЕОАЗИАТСКИЕ (ПАЛЕОСИБИРСКИЕ) ЯЗЫКИ

boč-na (кет.) 328₁
b-ok-s-it (кет.) 328₁
ešda še'j (кет.) 488₂
jalaklan (юкагир.) 850
kot (айнск.) 932

kolan (айнск.) 932
kut (нумпокол.) 561₁
mälajlaklan (юкагир.) 850₁
pen-guš (асан.) 561₁
pen-kuš (асан.) 561₁

penkuš (коттск.) 561₁
qotā (кет.) 932
qus (арин.) 561₁
qus (енис.) 742₁, 939
quše (арин.) 561₁

АВСТРОНЕЗИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

čep (лиф.) 10₂
'daa (фидж.) 10₂
'dau (фидж.) 10₂
gida-ru (араг.) 281₁
kata-ru (араг.) 281₁
kequ ulu (фидж.) 290

kiti-ru (араг.) 281₁
mača (лиф.) 10₂
mo-ro-gami (анудх.) 281₁
tu-ru-gami (анудх.) 281₁
ro-gita (анудх.) 281₁

rua (фидж.) 281₁
si-te-rua (доб.) 281₁
təbəpəpən (келаб.) 12₁
təp'h'əp (келаб.) 12₁
ulu-qu (фидж.) 290

АМЕРИНДЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Навахо
- 'á 294₃
hááh 294₃
kə̀̀s 294₃
n-tcij xó'í 311
ti' 294₃
tó 310
tsé 310
tsin 310
t'él 294₃
t'í 294₃

-ya 294₃
yas 310
Квильют
kwe.'kutsa 311
kwe.'tsa 311
t'ciqa 311
t'citciqa' 311
Скуомиш
c'ə-c' m'čn 257₂

i'ʔul 257
iul- 257
s-ca'ciʔn 257₁
siʔ-sinl' 258

Шусвоп
kəknm-ə.p 258
knm- 258
pəp'íʔse 222₁
pəp'íʔese 222₁

ОНОМАСТИКА

Каждый раздел "Ономастики" состоит из двух частей — латинско-греческой и кириллической — с формами, расположенными в алфавитном порядке соответствующих письменностей. Иноязычные наименования в русской передаче сопровождаются, как правило, соответствующими формами в оригинальном написании или латинской транслитерации. Эти последние не даются при русской передаче имен в том случае, если они представлены в греко-латинской части соответствующего раздела. Каждое наименование сопровождается отметкой о его языковой принадлежности. Такая отметка отсутствует обычно при греческих и латинских (римских) наименованиях.

НАИМЕНОВАНИЯ БОЖЕСТВ, МИФОЛОГИЧЕСКИХ СУЩЕСТВ, ГЕРОЕВ; РИТУАЛЫ И ОБРЯДЫ

- 'aštōreŕ (др.-евр.) 686, 875
'štrt (финик.) 686, 875
'tr (арам.) 875
'ttr (южн.-арав.) 686, 875
Ādityā- (др.-инд.) 795
Agiō (др.-герм.) 516
Agni- (др.-инд.) 274, 828
Agni-krauyā́d- (др.-инд.) 828
Āhi-Budhnyā- (др.-инд.) 502, 526, 489
Ahura-Mazdā- (авест.) 353, 854, 923
Ἄϊδης 365, 824
Αἰδώς 678
Alisanos (кельт.) 635
Atarətiāt- (авест.) 854
Amīta- (др.-инд.) 476
Ananagunda (абх.) 611
Anu- (хур.-хет.) 903
Anum (аккад.) 903
Arqm Napāt- (авест.) 675
Arām Nāpāt (др.-инд.) 274, 351, 675
Ἄρης 793, 797
Ἀρα- 810
Arəvi Sūra Anāhita (авест.) 582
Ἄσκληπιός 811₂
ašvamedhá- (др.-инд.) 482, 483, 483₁, 483₃
Asvīnau (др.-инд.) 777, 793₁, 796
Aša-Vahišta- (авест.) 854
Aššiat- (хет.) 860
Aššu-Siṣatti- (хет.) 780
Auramazdā- (др.-перс.) 750, 923
Auschauts (нрц.) 811₁
Aventia (галл.) 675₂
Bav-bednieri (сван.) 611
D'bil.ga.meš (шум.) 904
D'bil.ga.miš (хур.) 904
βορέης 666, 678
Bragir (др.-исл.) 643
Brigit (др.-ирл.) 669
Bubilas (балт.) 607
bucrania 891
Cerēs 597, 645
Ceriālia 645
Comitia curiata 852₁
Dagda (др.-ирл.) 799
Devásravā (др.-инд.) 351
Dexsiva dea (галл.) 129₂
Diēspiter 777
Dieva dēli (латыш.) 351, 643, 777
Diēvo sūnēliai (лит.) 351, 475, 555, 777
Διοσκούροι 351, 555, 777
Diúveí (оск.) 227, 791
Divás nápatā (др.-инд.) 351, 777
Druidae (галл.) 789₁
Druides (галл.) 789₁
Dumones (нрц.) 466
Dyáuh (др.-инд.) 223, 226, 242, 777
Dyāus pitā (др.-инд.) 777, 791, 792, 795, 796, 799
Dyāvā-ptivī (др.-инд.) 851
Ζεῦ πάτερ (эват. ф.) 70₁, 226 — 227, 354₁, 777, 791, 792, 796, 797
Ζεὺς 36, 223, 226, 242, 475, 777, 791, 796, 797
Ζεὺς Σωτήρ 652
Ζεφυρος 678
Erona (галл.) 544
equorum deus 555
Equis October 552, 751, 797₂
Eštan (хам.) 684
Ἐὖρος 678
Ἡέλιος 834
Ἡλύσιον πεδίον 425, 824
Ἡρη 797
Ἡφαιστος 715₁, 797
Fērōnia 469
Findemna (др.-ирл.) 851
Fjergyn (др.-исл.) 615, 793
fāmen Diālis 797₁
Flōra 468
Fluusai (оск.) 468
forda boue 572
Fordicidia 572, 597

- Freyr* (др.-исл.) 793₁
DGIŠ.GIM.MAŠ (хем.) 904
 Γοργώ 98
Grabouio- (умбр.) 624
Gullveigr (др.-исл.) 607
žgeraguna (мезр.) 611
žgarāg-Lenčaš (сзан.) 611
Hafta-daiva- (авест.) 854
Hannaḥanna- (хем.) 605, 766
D*Hantaššaš* (хем.) 473₁
Ḥašamili- (хем.) 715₁
Haurvatāt- (авест.) 812, 854
Hellēs (pecus) 578
Hundingas (др.-герм.) 590
Jānus 724
Ibor (др.-герм.) 516
D*Italiĵa-* (хем.) 860₁
Illuĵankaš (хем.) 528
Indara (мит. арийск.) 548₁
Indra- (др.-инд.) 548₁, 795
Indrapāruata- (др.-инд.) 793
Indra-Vāyū- (др.-инд.) 677
D*Ištamanaššaš* (хем.) 473₁
ištanu- (хем.) 684, 897₂
Ištanzana- (хем.) 473₁
D*Ištanzaššaš* (хем.) 473₁
Ištar (аккад.) 686, 875
ištr (егип.) 686
Iupater (умбр.) 227, 777
Iūpiter 70₁, 777, 791, 797, 851
Iuppiter 70₁, 227, 797
Iuppiter Menzanas (мессан.) 556
Iuppiter Dapālis 701
 Καλλιόπη 835
Kāma-duh(ā) (др.-инд.) 569₄
Kara- (авест.) 933₂
Kerri (оск.) 645
Kirnis (лит.) 644, 645
Kurš-alægon (осет.) 715₁
Lamaria (сван.) 611
 Λητώ 185
Lomisi (аруз.) 511
Lūcetiūs (*Leucesie*, эвм. ф.) 797
Lug (галл.) 799
Lupercālia 779
Mac Tri Con (др.-ирл.) 851
Mahā Arḡavā- (др.-инд.) 671₁
Mārs (род. п. *Martis*) 793, 797, 851
Mārs pater 797₄
Melia-t'elepīa (сван.) 611
Merisa (черкесск.) 611
Miðgarðr (др.-исл.) 485
Miðgarðs-ormr (др.-исл.) 527
Mitrā- (др.-инд.) 754
Mitrā-Vāruṇa- (др.-инд.) 548₁, 795
Mitraššil (мит. арийск.) 548₁
Múnja (серб.-хорв.) 643
Nart- (осет.) 190, 802
Nāsatyā (др.-инд.) 548₁, 793₁
Našatiĵanna (мит. арийск.) 548₁
Nechtan (кельт.) 675
Neptūnus 675
Nerthus (др.-герм.) 802
Njǫrðr (др.-исл.) 851
Nótos 678
 Óðinn (др.-исл.) 487, 799, 836, 851
Ops 63, 746, 746₃, 798, 798₁
Oðranós 903
Parjānya- (др.-инд.) 615, 618₂, 793, 795
Pārun (кафир.) 615, 616₂
Pāruvata- (др.-инд.) 793, 795
Perēn-di (алб.) 615
Perkūnas (лит.) 615, 667, 793, 798, 852
Perkūnkālnis (лит.) 615
Pèrkūns (латыш.) 615, 793, 798
Perunaš (хем.) 615
D*Pelīṇa-* (хем.) 550₁, 556, 615, 794, 795, 860
 Πολύφημος 903
 Πύθων 489, 528
purullī- (хем.) 909
puruṣamedhā- (др.-инд.) 483, 820₁
Quirinus 793₁, 798, 798₁, 851
Rayī- (др.-инд.) 747₂
Rēgia 552, 746₉, 751
sacra gentilitia 801
sacra publica 801
Salacia Neptūni 676
Savitī (др.-инд.) 597₁
 Σμινθεύς 531₂
Spanta- Ārmaifi- (авест.) 102₁, 854
su-ove-taurilīa 597
suovetaurilīa lactencia 597
Sūrya- (др.-инд.) 795
D*Šakmuššaš* (хем.) 473₁
Šanta- (лув.) 903
Šiu- (хем.) 792, 794
D*Ši-u-i-ni* (урагм.) 897
Šiušummiš (хем.) 792
D*Šiūaz* (хем.) 46
Šurijaš (кассит.) 684₁
Talipina (хат.) 532
Talipinu (хат.) 532, 611
Talipuna (хат.) 795
Tarhūnt- (хем.) 903
D*Tarhūnza* (лув.) 794
tatiš Tiūaz (лув.) 747, 791
Tellūs 597
Tig (др.-англ.) 227
Tiĵat- (нал.) 684, 792, 860, 897₂
tiĵaz... *paraz* (нал.) 777
Tiĵat- (лув.) 227, 242, 475, 684, 791, 792, 794, 860, 897₂
D*Tiūaz* (хем.) 46
transuectio equitum 552
Tritā-āptiā- (др.-инд.) 851
D*Turešgala-* (хем.) 726
 Τύχη 569₄
Týr (др.-исл.) 36, 271, 799
 Θέμις 810
 Θέτις 23₂
 Θόρр (др.-исл.) 799, 851
uēr sacrum 797₃
Uofione (умбр.) 798
D*Ū-ri-e-it* (хат.) 882
Valhçll (др.-исл.) 824, 836
Valkyria (др.-исл.) 824, 836
Vāk (др.-инд.) 838
Vātāparjanya (др.-инд.) 677
Veliuonā (лит.) 824

- Veļu laiks** (латыш.) 824
Vesta 229, 229₁
Viśvā-karman- (др.-инд.) 706, 715₁
Vinālia 652
Volcānus 337, 715₂
Völundr (др.-исл.) 715₁
Φρίξος 907
Wöden (др.-англ.) 799, 836
Wotan (др.-в.-н.) 487, 799, 836
Χάρων 825
Xšadra-Vairya- (авест.) 854
Yamā- (др.-инд.) 778
Yama-rāja- (др.-инд.) 823₁
Ygg-drasill (др.-исл.) 549, 553
Ymir (др.-исл.) 132, 821
Агни (др.-инд.) 820, 825, 828, 840
Адиты (др.-инд.) 795
Аждахак (арм.) 502
Аид ('Αἰδης), греч. 824, 825
Александр ('Αλέξανδρος), греч. 501, 507
Анахита (иран.) 530, 966
Андромаха ('Ανδρομάχη), греч. 29
Антиной ('Αντίνοος), греч. 834
Аполлон ('Απόλλων), греч. 531, 563, 622, 774, 811₁, 818₁
Арес (греч.) 797
Артемиды ('Αρτεμις), греч. 509, 509₁, 606, 611
Артур (Arthur), ср.-англ. 774
Асклепий (греч.) 531, 532, 811₁
Астарта (зап.-сем.) 686, 875
асы (ąsyr), др.-исл. 643
Афина (Αθήνα), греч. 528, 622₁, 646₁, 741, 901
Ахура Мазда (иран.) 923
Ашвины (др.-инд.) 543, 552, 576, 793₁, 796, 811₁
Баба Яга (слав.) 532
Беовульф (Beowulf), др.-англ. 774, 839
Брахи (др.-исл.) 643
Брахма (др.-инд.) 543
Будда (Buddha), инд. 502₁
Вальгалла (др.-исл.) 538, 540, 607, 824, 829
Валькирия (др.-исл.) 824, 836
Варуна (др.-инд.) 548₁, 549, 549₁, 678, 679, 795, 811, 825
Вахагн (арм.) 502
Велесъ (др.-рус.) 824
Велесовъ вънукъ (др.-рус.) 836
Вэльва (Völva), др.-исл. 607
Веста (Vesta), римск. 563, 700
Вотан (герм.) 836
Вритра (Vṛtrá-), др.-инд. 572₁
Гавайн (Gawain), ср.-англ. 774
Геба ('Ηβη), греч. 822₂
Гектор ('Ηκτωρ), греч. 774, 827, 828
Гелиос (греч.) 731
Гелла ('Ελλη), греч. 578
Гера (греч.) 280, 667, 797
Геракла ('Ηρακλής), греч. 509, 509₂
Гермес ('Ερμής), греч. 324
Геспер ('Εσπερος), греч. 643
Геспериды ('Εσπερίδες), греч. 643
Гефест (греч.) 715₁, 797
Гильгамеш (Gilgameš), аккад. 469, 904
Гульвейг (др.-исл.) 607
Гуннлёд (Gunnlöð), др.-исл. 607
Диана (Dīāna), римск. 622
Дионис (Διόνυσος), греч. 563
Диоскуры (греч.) 555, 777
Елена ('Ελένη), греч. 757
«Елисейские поля» 824
Заратустра (иран.) XLVIII, 525, 619₁, 646₁
Зевс (греч.) 532, 547, 618₂, 619, 619₁, 622₁, 646₁, 652, 653, 667, 680, 680₁, 777, 792, 796, 822₂, 903
Идунн (Idunn), др.-исл. 643
Илья пророк-громовержец (слав.) 577
Имир (др.-исл.) 821
Инара (Inara-), хет. 528
Индра (др.-инд.) 510₁, 538, 548₁, 549, 572₁, 576, 577, 653, 720, 729, 746, 786, 795, 796, 799, 820, 852, 928
Иштар (аккад.) 550₁, 595₁, 686, 804₁, 875
Ишхара (Išhara-), хет. 811₂
Йима (Yima-), иран. 824
Каллиопа (греч.) 835
Камрусена (Kamrušera-), хет. 304, 581
Кандавл (меон.) 495, 591
Кастор (Κάστωρ), греч. 552
кауравы (kauṛavas), др.-инд. 779
Квирин (римск.) 582, 793, 798
Кельтхар (Celtchar), др.-ирл. 591
Кибела (Κυβέλη), греч. 606
Конхобар (Conchobar), др.-ирл. 774
Кухулин (Cúchulainn), др.-ирл. 591, 774
Кумарби (Kumarbi), хур.-хет. 615
Лемминкяйнен (Lemminkäinen), фин. 611
Ликаон (Λυκάων), греч. 495
Майя (мать Будды), инд. 502₁
Марс (римск.) 552, 797₂, 3, 4, 798, 838
«Марсово поле» 797₂
Медея (греч.) 757, 811
Менелай (Μενέλαος), греч. 501, 507
Мидас (Μίδας), фриг. 563
Минерва (Minerva), римск. 700

Минотавр (Μινώταυρος), греч. 520₁
 Митра (др.-инд.) 548, 549, 795, 928
 Митра-Варуна (др.-инд.) 795
 мойры (Μοῦραι), греч. 582
 Мокошь (слав.) 582, 660₂
 нарты (осет.) 720
 Насатья (др.-инд.) 793
 Нептун (римск.) 675, 676
 нимфы-наяды (Νυμφάων αἱ νηϊάδες), греч. 605
 Нингирсу (Ningirsu), шум. 563₁
 норны (nornir), др.-исл. 582
 Один (др.-исл.) 553, 590, 607, 675₂, 741, 824, 829, 836
 Один-Вотан (герм.) 487, 590, 591
 Одиссей (Ὀδυσσεύς), греч. 595₁, 825, 904
 пандавы (pandavas), др.-инд. 779
 Парвата (др.-инд.) 795
 Парджанья (др.-инд.) 576, 795
 Парис (Πάρις), греч. 757
 Патрокл (Πάτροκλος), греч. 827, 828
 Пенелопа (Πηνελόπη), греч. 280
 Перегinya (др.-рус.) 615
 Перкунас (балт.) 586, 600, 615, 667, 841, 852
 Персефона (Περσεφόνη), греч. 757

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ

*Αγαμέμνων 838₁
 *Αγαμήδη 811
 *Αμφιτρίτη 280
 A-ra-ya-aḥ-šu (каппад.) 860₁
 *Αρχώ 907, 908
 Ar'iš/žen (хур.) 1317
 Ar-nu-ta-an (каппад.) 859
 Aršibini (урарт.) 106₂, 539
 *Аспамаос 550
 Asraguk (иран., тюрк.-болг.) 550
 *Ασπασούκις 550
 Aspūrak (арм.) 550
 A-šī-at (каппад.) 860

Перунъ (др.-рус.) 556, 667, 680, 793, 852
 Перуновъ дубъ (др.-рус.) 615
 Пирва (Pirva-), хет. 538, 615, 795, 837
 Полидамас (Πολυδάμας) греч. 624₂
 Полифем (греч.) 903
 Посейдон (Ποσειδάων), греч. 324
 Пронойя (Πρόνοια) 551
 Пуруша (puruṣa-), др.-инд. 820, 828
 Пушан (Pūšan), др.-инд. 587
 Рем (Remus), римск. 779
 Ромул (Romulus), римск. 779
 Рудра (Rudrá-), др.-инд. 515₁, 532, 811₁
 Саул (Saul), библия. 564
 Семаргль (др.-рус.) 854
 Сет (Seth), др.-егип. 563, 563₁
 Сириус (Σείριος) 211
 «Старая женищина» (хет.) 531, 532, 582, 823
 Стикс (Στύξ), греч. 825
 Стрибогъ (др.-рус.) 537₁, 765₂, 777, 791, 798, 799
 Сурья (др.-инд.) 576, 720
 Тархон (Τάρχων), греч. 903
 Телень (рус.) 898
 Телепу (хет.) 538, 582, 605, 606₁, 609, 611, 630₁, 702, 703₁, 903, 909
 Телеф (греч.) 903

Тор (герм.) 586, 600, 615, 715, 852
 Улликумми (Ullikummi), хур.-хет. 548, 615
 Уран (греч.) 903
 Урызмаг (осет.) 778₁
 Уснех (Usnech), кельт. 470
 Ушас (Uśás), др.-инд. 729, 796
 Фемида (греч.) 810
 Фрикс (греч.) 907
 Харон (Χάρων), греч. 324
 Хедамму (Hedammu), хур.-хет. 529
 Хигелак (Higelac, Hugelac), др.-англ. 774
 Церера (римск.) 645
 Цирцея (Κίρκη), греч. 595₁, 825
 Шива (Śivá-), др.-инд. 348
 Энки (Enki), шум. 686₂, 709₁
 Эол (Αἶολος), греч. 678
 Эос-Заря (Ἠώς), греч. 280
 Эташа (Étaša-), др.-инд. 549
 Юнона (Iūnō), римск. 700
 Юпитер 622, 652, 653, 700, 792, 797, 797₁, 852
 Язон (греч.) 757, 907
 Яма (Yamá-), др.-инд. 777, 778, 781
 Ями (Yami), др.-инд. 777, 781

Björn-ólfr (др.-исл.) 493, 498
 Boiriaty-xægæg (осет.) 563
 Catulus 600
 Cuno-pennus (галл.) 590
 Cynewulf (др.-англ.) 554₂
 Dadhyāñc- (др.-инд.) 570
 Διοκλήης 351
 Duthaliia- (хет.) 207₂
 *Εκτωρ 110, 111₂
 Eootenosio (фалиск.) 377₂
 Frid-hengest (др.-англ.) 553
 godagas, род. п. (рун.) 378

- Ha-al-ki-a-šu (каппад.) 860
 Hanta-pi (хет.) 860
 Hanta-šera- (хет.) 303₁
 Ha-ar-šu-um-nu-ma-an (каппад.) 859
 Hašušar (каппад.) 750
 Ha-šu-ša-ar-ni-kà (каппад.) 860
 Hengist (др.-герм.) 553, 777
 Hi-iš-ta-aḫ-šu-šar (каппад.) 860
 Hi-iš-tù-ma-an (каппад.) 860
 Horsa (др.-герм.) 553, 777
 'Ιάσων 907
 'Ιήσων 907
 'Γκλος 102
 I-lá-li-aḫ-šu (каппад.) 860₁
 I-na-ar (каппад.) 860
 I-na-ra-aḫ-šu (каппад.) 860
 'Ιησδάμεια 280
 Išraḫai (скиф.) 550
 Kaisiosio, род. п. (фалиск.) 377₁
 Kapru-šera- (хет.) 126₁, 303₁
 Καν-δαύλης 324
 Kocilū (слав.) 600
 Kuruṅgáḥ (др.-инд.) 920
 LÜ Labarna- (хет.) 268, 641
 Lugaid tri riab n-derg (др.-ирл.) 851
 Maštigga- (хет.) 591
 Mattiūaza (мит. арийск.) 548
 Μηδεia 811
 Μηδη 811
 Meliddus (галл.) 603
 Na-na-a (каппад.) 860
 Na-na-pi (каппад.) 860
 Νέστωρ 762₂
 Ni-ya-aḫ-šu-ša-ar (каппад.) 860
 Ni-ya-a-šu (каппад.) 860
 Πάμτσιος 23₂
 Pè-er-ya-aḫ-šu (каппад.) 860₁
 Φάνφαιος 23₂
 Raubasa (др.-перс.) 513
 Rufrüis (оск.) 66
 Salicilla (галл.) 628
 Σεγομαρος (галл.) 377
 Süāuāšpi- (авест.) 417, 710₁
 Svanāya- (др.-инд.) 920
 Soętoplūkū (слав.) 348
 Ša-ak-ni-ú-ma-an (каппад.) 859
 Ša-li-nu-ma-[an] (каппад.) 860
 Ša-am-na-ni-kà (каппад.) 860
 Šarīama-niga- (каппад.) 854₁
 Ša-ar-ta-ma-ni-kà (каппад.) 860
 Ša-ar-ni-kà-šu (каппад.) 860
 Ša-ar-pa (каппад.) 860
 Ši-ya-āš-me-i (каппад.) 860
 Šu-pi-a-aḫ-šu (каппад.) 860₁
 Šu-pi-a-ni-kà (каппад.) 860
 Šu-pi-ú-ma-an (каппад.) 860
 Ta-ak-ša-nu-ma-an (каппад.) 859
 Tā-ar-ḫa-ši-at (каппад.) 860
 Ta-ar-ḫu-a-lá (каппад.) 860
 Tār-ḫu-a-an (каппад.) 860
 Taḫannna- (хет.) 778
 Ta-ya-ú-i-ma-an (каппад.) 860
 Telepinu- (хет.) 532, 795
 Τηλεφάνης 903
 Τήλεφος 903
 Teut- (иллир.) 943
 Toutonos (галл.) 749
 Tušratta (мит. арийск.) 548₁
 Twrch Trwyth (валл.) 517
 Ulf-bjorn (др.-исл.) 493, 498
 Ulfilas (гот.) 493
 U-mar-ta-as-ra- (мит. арийск.) 546₂
 Urušravas- (др.-инд.) 349₁, 834
 Urušanaššel (мит. арийск.) 548₁
 Ut-ru-ya-šu (каппад.) 860
 Verucloetius (кельт.) 350, 834
 Višvāmitra- (др.-инд.) 349
 Vṛcauā- (др.-инд.) 920
 Vṛšākarī- (др.-инд.) 523
 Wærxæg (осет.) 496, 930
 werwulf (франк.) 493
 Wrpš (иран.) 470, 513₂
 Wulf-bero (др.-в.-нем.) 493, 498
 Yimō Xšaētō (авест.) 824
 Zaraḫ-uštrō (авест.) 525
 Zdeslav (серб.-хорв.) 834
 Zdziesław (польск.) 834
 Амбикатус (Ambicatus), галл. 774
 Аменхотеп III (Amenhotep III), др.-егип. LIII
 Анитта (хет.) 486, 486₁, 498, 499, 545, 786, 792, 861
 Арижен (хур.) 1317
 Арнуванда (Arnuvanda-), хет. 700
 Атальшен (хур.) 1317
 Вахтанг Горгасал (груз.), хет. 496
 Вульфилла (Ulfilas), гот. LI
 Гудеа (Gudea), шум. 563₁
 Дарий (Dārayavauš), др.-перс. 755
 Идри-ми (Idri-mi) 725₁
 Кешии (Kešši-), хур.-хет. 503₁, 591₁
 Киккули (Kikkuli), мит. 546
 Маддугатта (Maddu-gatta-), хет. 901₁
 Меша (Mesha), зап.-сем. LIII
 Мурсили (хет.) 672
 Нарам-син (Narām-Sin), шум.-аккад. 717
 Салманасар III (Šulman-ašarid), аккад. 913
 Саргон (Šarrum-kin), аккад. 880
 Сдеславъ (др.-рус.) 834
 Тавагалава (Taḫagalawa-), хет. 902₁
 Телепину (Telepinu), хет. 751, 809, 901₁
 Тудхалия (Tuḫaliya-), хет. 725
 Туннави (Tunnawi-), хет. 755₁
 Тушратта (Tušratta), хур. LIII
 Урхитешуб (Urḫi-Tešub), хет. 595
 Хаттусили (Ḫattušili-), хет. 722, 750, 827
 Шуб-ад (Šub-ad), шум. 588
 Эдиун (Οιδίπουσ, Oedipus), греч. 474
 Энмеркар (Enmerkar), шум. 1325
 Эхнатон (Akhentaton, Ikhentaton), др.-егип. 735₁-

ЭТНОНИМИКА

- Adana-wana (иер. лув.) 902₂
 A-ka-wi-ja-de (мик. греч.) 901₁
 Alanî (осет.) 755
 Ἀλβανοί 911₃
 *Αργος 908
 Ἀχαιοί 901₁, 901₂, 903₁
 Bitu-riges (галл.) 465
 Brigantes (галл.) 669
 Βρίγες (фриг.) 910₂, 911₁
 Βρύγες (фриг.) 910₂
 Δαναοί 902₂
 Danîna (аккад.) 902₂
 Dâsa (др.-инд.) 915, 917
 Daser 917
 δάσι 495
 Δαύιοι (иллир.) 495
 D3ynnywn3 (егип.) 902₂
 Donwy 902₂
 Δωριεῖς 957₁
 Δωριεῦς 957₁
 Graecus 40
 hay- (арм.) 913₃
 Hirpini 495
 Ἰά(Φ)ορες 902₂
 Κνίδιοι 122
 Krēks (гот.) 40
 Lukani 495
 mi-ir-ka-ni-ia-ir (элам.) 496
 Orka (Orkoi), фриг. 495
 Οὐργοί 495
 Quarquēni (венет.) 614, 618₂, 880₁
 sāka (иран.) 519
 Sclaveni 480₁
 Σκλδοί 917
 Σκλαβηνοί 480₁
 Σκῦθαι 661
 Φρύγες 910₂, 911₁
 Vo-contii (галл.) 133
 Vo-corii (галл.) 133
 Χάλυβες 710₁
 Ὑπερ-βορέοι (фраг.) 666
 албанцы (кавказские) (*Αλβᾶνοί) 911₃
 амазонки (*Αμαζόνες) 550₁, 606
 анатолийцы 887₁
 арийцы 887₁
 ахейцы (*Αχαιοί) 901, 901₁
 балты 887₁
 баски 954
 бриги 911₁
 вольски (volsci) L
 германцы 887₁
 готы LI
 греки микенские 888
 даки (Δᾶκοί) 495
 данайцы (Δαναοί) 902₂
 дориец 957₁
 дорийцы 899, 900, 900₁, 957₁
 индейцы гуарани 491
 индо-арии LV, 965
 инки 778₂
 ионийцы (*Ἴάονες) 902₂
 кафиры 616₂
 кельты LI, 887₁
 колхи (Κόλχοι) 907₁
 копты LIV
 оски (osci) L
 пеласги (Πελασγοί) 900, 900₃
 протоармяне 913, 913₂, 968₂
 протоиранцы 965
 саами 519
 сабельские племена L
 сарматы (Σαυρομάται, Σαρμάται) 495
 скифо-сарматские племена 596
 скифы (Σκῦθαι)
 крымские и горно-алтайские 921
 славяне 887₁
 восточные 620
 умбры (umbrī) L
 фригийцы (Φρύγες) 910₂
 хурриты LIII
 эскимосы (гренландские) 519
 языги (сарматское племя) 550

ГИДРОНИМИКА: НАЗВАНИЯ МОРЕЙ, ОЗЕР, РЕК, ВОДОЕМОВ

- Abona (др.-брит.) 72₁
 Ἄβον ποταμοῦ 72₁
 Adrana 953
 Alantia 953
 Alara 953
 Alba 953
 Albina 953
 Alda 862, 945
 Alma 953
 Alpina 953
 Ἀλοῦτα 862
 Altina 862
 Altinum 945
 Alto 862, 945
 Ἄλτος 862, 945
 Ἄλως 674₂
 Amisia 953
 Ara 953
 Ar-agw- 940₁
 Ar-aks- 940₁
 Arantia 953
 nār A-rat-ta-a (аккад.) 1325
 Ariob (иран.) 920, 954
 Arlape (кельт.-иллир.) 539, 954
 Arma 953
 Armantia 945, 953
 Armenā (лит.) 945
 Armeno 945
 Armenta 945
 Ašvā (лит.) 555, 670₁
 Ašvā (лит.) 670₁
 Ava 953
 Avantā (лит.) 675₂
 Avantia 953
 Brendisium 945
 Brenta 945
 Cuphis 917
 Δάναπρις 671
 Δάναστρις 671
 Δανοῦβιος 671
 Erlaf (кельт.-иллир.) 539, 954
 Haliāb (иран.) 920, 954
 ha-ra-aš-ha-ra-aš (хет.) 539, 862, 954
 Hulaia- (анат.) 861₂
 Hulana- (анат.) 861, 861₁, 861₂
 Iaks- 940₁
 Ἰαξάρτης 940₁
 Ikuva 945
 Jardēn (др.-евр.) 917₂
 jrdn (егип.) 917₃
 Κόρος 909₁
 Κοῦφρις 917
 Κωφῆν 910₂

- Κώφης 910₂
 Kūbhā (др.-инд.) 910₂, 917
 Kūros 909₁
 Kūruš (иран.) 920
 Iacus Albanus 675
 Maraššandjta- (хет.) 676₂,
 862, 945
 Marisia (дак.-фрак.) 862
 Marus (дак.-фрак.) 862, 945
 Mimir (герм.) 675₂
 Morava 862, 945
 Morawa 945
 Mirakwa 862, 945
 Ochsus 940₁
 Oks- 940₁
 Olt (рум.) 862
 Ὀξος 940₁
 Ουτασπιος (др.-балк.) 670₁
 Owrad 945₁
 ID par-ma-aš-ḥa[-ra-aš] (хет.)
 862
 Παρμισός 862
 Πόρτα (скиф.) 673, 946
 Προποντίς 907
 Purattu (аккад.) 712
 Radānu 917₃
 Rahnā- (авест.) 934₁
 Regana 953
 Saale (нем.) 674₂
 Sala (кельт.-иллир.) 674₂
 Sālantas (лит.) 945
 Sal-ar-ia 674₂
 Salontia 945
 Sarape (балт.) 862, 954
 Serapilli (иллир.) 862, 954
 Serappin (балт.) 862, 954
 Serenappe (балт.) 862, 954
 Ser-inis (фрак.) 862
 Σέρ-μη 862
 Σίβρα (лид.) 713₂
 Sindes 917
 Sindhū- (др.-инд.) 917
 Στορέμων (фрак.) 405₁
 Śuranḥaraš (хет.) 862, 954
 Syr-mus (фрак.) 862
 Τάναϊς 671
 Varisia 953
 Vėljs (лит.) 861₂
 Vilija (лит.) 861₂
 Vilnia (лит.) 861₂
 Visara 953
 Voxš- (иран.) 940₁
 Wartena 953
 Албанское озеро 675
 Альта 862, 945
 Аман 913
 Аму-Дарья 920, 940₁, 966
 Арагви 940₁
 Аракс 893, 940₁
 Аральское море 938, 946,
 948, 949, 949₁, 966
 Балтийское море 526₁, 623
 Босфор 907
 Ван 734, 896, 918
 Верхнее Приобье 936₁
 Висла 623, 862, 945
 Волга 557, 621, 623, 633,
 637, 732, 733, 735, 867₁,
 965, 966, 968, 969
 Галис (Ἰάλυς) 674₂, 676₁,
 862
 Гелеспонт (Ἐλλήσπον-
 τος) 578, 907₂
 Дарданеллы 907
 Дейбьбергское болото 732
 Десна 633
 Дияла (Diyāla) LIII
 Днепр 557, 558, 559, 862,
 921, 945, 968, 968₂
 Днестр 921, 862, 945
 Дон 559, 921, 945
 Дунай 559, 623, 630, 733,
 862, 921
 Дънѣпръ 671
 Дънѣстръ 671
 Евфрат 546, 633, 712,
 945₁
 Иква 945
 Ильтица 862
 Инд 915, 917, 709₁
 Иордан 917₃
 Кабул 910₂, 917, 920
 Каспийское море 496, 536,
 559, 734, 896, 946, 949₁,
 950, 1325
 Кубань 917
 Кура 893
 Куришский залив 673
 Кызыл-Ырмак (Kızıl İrmak)
 674₂, 676₁, 862
 Лътица 862, 945
 Лъто 862
 Марассанта (хет.) 676₁
 Мервский оазис 920
 Мраморное море 907
 Мурава 945
 Оврад 945₁
 Припеть-Десна 633
 Пропонтида 907, 907_{1,2}
 Прут 946
 Рейн 953
 Рона 945
 Севан 733
 Синташта 854, 950
 Средиземное море LIII, 625
 Стрыла 945
 Сыр-Дарья 940₁, 966
 Тигр LII, LIII, 733, 917₃
 Урмия 734, 896, 918, 1325
 Черное море 557, 880₂,
 896₃, 907, 907₂, 908
 Эвксин 907₂
 Эгейское море 896₁, 899,
 899₁, 900, 901, 902₃,
 904

ТОПОНИМИКА: НАЗВАНИЯ КОНТИНЕНТОВ, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЛАСТЕЙ, СТРАН, ГОРОДОВ, НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

- Aballō (галл.) 637
 Abella (оск.) 422
 Abella māli'era 638
 URU Aḥḥija (хет.) 901, 902
 Aḥḥijaца- (хет.) 901, 901₂,
 903₁
 Ἀθῆναισι 382
 Aīa 907₁
 айранат ваējō (авест.) 920
 Ἄλβανια 911₃
 Alisanos (кельт.) 635
 Alisia (кельт.) 635
 Alisonia (кельт.) 635
 Ἀμάθουδος 886
 A-ma-gu-ta (мик. греч.) 886
 Ara-xširā- (авест.) 123
 Aratla (шум.) 1325
 Ἀργολίς 908
 Ἀρχόνια ὄρη 614
 Arlare 862
 Avallon (франц.) 637
 Bāgāson (галл.) 621
 bāxdi- (авест.) 920
 Berzovia (фрак.) 620, 621
 Bérzuvis (лит.) 621
 Campus Martius 797₂

- Egr-is-i* (груз.) 908
 Ἐγκλῶν 124, 628
 ērān (пехл.) 924
 ērān-wēz (пехл.) 920
 Ēriu (др.-ирл.) 741, 755
 Fergunna (др.-в.-нем.) 614
 gava- (авест.) 920
 gbl (финик.) 59
 G^ohāl 59
 Γροιδύης (лит.) 624
 Griūdiņa (латыш.) 624
 Griobūpnas (лит.) 624
 Gubāl (финик.) 59₂
 Gubl- (сем.) 60₁
 Gubla (финик.) 59₂
 Gublu (аккад.) 59
 haraiua- (авест.) 920
 harax^vaitī- (авест.) 920
 Hariyūrīyā (др.-инд.) 915, 920, 954
 Haii (чер. лув.) 913
 Hercynia silva (кельт.) 614, 615
 hūiti- (авест.) 788
 Haṣṣani (анат.) 913
 URU Haṣṣa- (анат.) 913
 Haššuma- (анат.) 538, 563
 URU Haṣṣi (хет.) 913₃
 Jūrtala (латыш.) 672
 Kārim Kaniš (Кюльтепе) 559, 709
 Кερασσός 644
 Кεφηνος (иллир.) 618₂
 Κοχίς 907₁
 Κόρινθος (иллир.) 618₂
 Litano-briga (галл.) 75
 Lukka- (хет.) 495
 Λυκόσουρα 495
 Malatya 604₁
 marga- (авест.) 920
 Meliddu (анат.) 604₁
 Meluḥḥa 709
 Middiwa (анат.) 604₁
 Μιλήσιος 901
 Μορήτης 862
 nisāya- (авест.) 920
 Parnašša- (каппад.) 900₄
 Παρνασσός 900₄
 Πλάταια 781
 Rōma 285
 Sardor (коми-зыр.) 922
 Sallaššuma- (анат.) 863
 Tarlawken (прус.) 683
 Teplitz 683
 Tlokun-peik (прус.) 498
 vaēkərəta- (авест.) 920
 Vesuvius 229
 Vilnius (лит.) 861₂
 Virgunt (ср.-в.-нем.) 614
 Абхазия 617
 Австрия 733
 Азия Триада (Hagia Triada) 551
 Азия 557, 587, 911₁, 955
 Восточная 554, 557, 561, 565, 575, 581, 588, 591, 592, 598, 611, 646, 660, 708, 936
 Западная 506, 561, 595₂, 611, 660, 709, 732
 Малая см. Малая Азия
 Передняя см. Передняя Азия
 Средняя см. Средняя Азия
 Центральная см. Центральная Азия
 Юго-восточная LV. 709
 Юго-западная 560, 615, 646
 Южная 641₁, 955
 Айа 907₁
 Аладжа-Хююк (Аласа Ню-йк) 508, 727, 894
 Алалах (Alalah) 725₁
 Албания L
 Алтай 660, 936₁
 Альпера (Alpera) 608
 Альпы 953
 Аляска (Южная) 871₁
 Америка (Северная) 593₁
 Амук-Гавра (Атиц-Гавра) 918
 Анатолия 563, 625, 727, 735, 861, 892, 893, 894₁, 897₁, 899₁, 945, 954
 Восточная 497, 559, 892, 893, 894₁, 895, 897
 Западная 891, 892, 914
 Северная 856
 Центральная 895, 896, 896₄
 Анау 558, 692, 733, 735
 Англия 497
 Апеннинский ('Απεινήνος, Appenninus) п-ов L, 916, 956
 Апулия (Apulia) L
 Аратта 1325
 Арахозия ('Αραχωσία) 920
 Аргонда XLIX
 ареал Средиземноморья см. Средиземноморский ареал
 Аринна (Arinna) 577, 630₁, 896
 Армения 894₁, 912
 Армянское нагорье 912, 913₃
 Атлантида 520₁
 Афганистан XLVII, 581, 616, 653, 910₂, 915, 917, 920, 921, 935, 956
 Афины ('Αθήναι) 646₁
 Африка LIV, 562, 595₂, 869
 Северная 601, 601₁, 625, 627, 954
 Аххия 901₁
 Аххиява 895, 899, 901, 901₁, 902, 902₁
 Ашшур (Aššur) 717
 Бавария 558₂, 559₁
 Багдад (Baghdād) 559, 712
 Бадари (Badari) 659
 Бактриана (Βακτριανή) 920
 Бактрия (Βακτορία) 921
 Балканский п-ов LI
 Балканы L, 495, 550, 559, 574, 621, 630, 637, 658, 734, 737, 867₁, 869, 870, 870₁, 871, 899, 900₁, 909, 911, 912, 949₁, 956, 957, 957₁, 966, 967, 968
 Бедени 727, 894₁
 Бейда (Beida, Zāwiyat al-Baydā') 657
 Бейдже-Султан (Beucesultan) 899
 Бенин (Benin) 487
 Беотия (Βοιωτία) 781
 Березуй (др.-рус.) 621
 Ближний Восток LIII, 499, 511, 529, 547, 559, 562, 563, 564, 573, 601, 601₂, 641, 649, 660, 692, 694, 717, 726, 733, 735, 736, 867, 868, 869, 870, 873, 874, 876, 877, 878, 880, 881, 884, 890, 891, 896, 912, 914, 917, 918, 918₂, 920, 925₁, 936, 944, 950, 957, 1325
 Богазкёй (Boğazköy) LIII, 508
 Болгария 911₂, 912

- Брединский район 950
 Бретань LI, 954
 Британия LII, 553, 581, 777
 Британские острова LI
 Буруханда (Buruşhanda) 786
- Великобритания 954
 Венгрия 732, 733, 912, 945, 968
 Венеция 945
 Византия LI, 907₂
 Волго-уральский район 735, 870
 Волжско-зауральская область 870₁
 Восток
 Ближний см. Ближний Восток
 Восточное Средиземно-море 506, 520, 652, 916, 954, 957
 Восточный Туркестан XLIX, 562, 737, 935, 936, 938, 939
- Гавра (Gawra) 717
 Галикарнас ('Αλικαρνασσός) 901
 Галлия L, 630
 Ганьсу (Gan-su, Kan-su) 936₁
 Герасимовка 733, 735
 Герат (Herāt) 920
 Германия LI, 558₃, 630, 956
 Гессен (Hessen) 733
 Гималаи 621, 628, 681
 Гиндукушский хребет 918₂
 Гоби 557
 Голландия 954
 Гордион-Анкара 911₂
 Греция 495, 574, 595, 853, 916, 953
 Материковая 497, 899, 900, 901, 902₃, 904, 907, 908, 957
 Микенская 508, 551, 595, 652, 657, 731, 746, 757, 957₁, 797
 Грузия 511, 550, 558₂, 657, 727, 880, 894₁, 908
- Дагестан 918₁
 Дания 620, 954
- Двуречье LIII, 576, 892
 Демирджи-Хююк (Demirci-Nüyük) 559, 897
 Деревка 558
 Джайенью (Cayönü) 595
 Джармо (Jarmo) 558
 Дидубе 894₁
 долина Инда 709₁, 915
 долина р. Диялы LIII
 Древний Восток 690, 885, 890, 892, 953
- Евразийский континент 942, 955
 Евразия IX, X, XLIX, XCIV, 514, 554, 573, 588, 593, 595, 610, 615, 621, 627, 628, 630, 633, 638, 641, 644, 661, 662, 663₁, 745, 866, 870, 916, 944, 951, 956, 956₁, 964, 968₂, 969
- Европа L, LI, LV, 553, 557, 581, 587, 587₁, 588, 601, 607, 616, 621, 623, 625, 633, 635, 637, 638, 644, 657, 658, 659, 660, 663, 690, 692, 694, 708, 732, 733, 829, 830, 866, 867, 868, 869, 911, 911₁, 939, 952, 953, 955, 956, 966, 969
 Восточная 521, 574, 581, 596, 600, 623, 624, 627, 630, 633, 866, 867₁, 868, 890, 921, 945, 949, 952, 953, 969
 Западная 592, 596, 624, 636₁, 733, 734, 737, 862, 944, 953, 954, 956, 968, 968₂
 Северная 497
 Центральная LI, LV, 560, 633, 636, 637, 732, 734, 862, 867, 868, 870, 944, 952, 953, 954, 968, 1325
 Южная 621, 627, 633
- Египет 505₃, 559, 563, 563₁, 595₂, 601₂, 608, 609, 610, 646, 659, 660, 692, 735₁, 831, 876, 887
- Заволжье 559, 944
 Закавказское нагорье 880₂
- Закавказье XLIX, LII, LIII, 505₂, 558, 558₂, 559, 611, 615, 616, 623, 633, 635, 637, 641, 650₂, 658, 660, 727, 734, 869, 870, 880₂, 890, 893, 907, 908, 909, 917, 918, 919, 965
 Зауралье Южное 950
 Зефирия (Ζεφυρία) 901
 Иасос 901 ('Ιασός)
 Иберийский п-ов 625
 Иберия ('Ιβηρία) L
 Иберия (Закавказская) 496
 Игувий (Iguvium) L
 Иерихон (Jericho, 'Ιεριχοῦς) 657
 Иллирия ('Ιλλυρία) 862, 945
 Индия XLII, LV, 500₁, 563, 596₁, 618₁, 619, 620, 641₁, 660, 700, 709, 709₁, 729, 788, 790, 820₂, 828, 852, 869, 915, 917, 956
 Индостан LV, 916
 Индостанский п-ов 916, 918₂
 Иран XLVIII, 559, 574, 581, 588, 616, 637, 869, 892, 914, 949₁
 Западный 657, 889₂, 920
 Северный 623, 693, 949₁, 956
 Северо-западный LII
 Юго-восточный 915, 920
 Иранское плоскогорье 497, 869, 889₂, 893, 914, 915, 921, 950, 965
 Ирландия 755, 755₂, 954
 Исландия LI
 Испания 608, 621
 Италия L, LI, 495, 733
- Кавказ XLVIII, 529, 600, 616, 621, 625, 628, 630, 633, 635, 637, 644, 880₂
 Большой 733, 734, 775, 871₁, 892, 917, 940₁, 949, 954, 968
 Малый 880₂
 Северный 630, 660, 727, 917, 918, 918₁, 919, 921, 965
 Южный 496, 742, 892, 893, 894, 894₁, 895, 956
- Казань 733
 Калабрия (Calabria) L

- Калифорния (Центральная) 871₁
 Кампания (Сатрапия) L
 Камчатка 581
 Канес (Κανίς) 307, 903
 Капище Турово 520
 Каппадокия (Καππαδοκία) 888₁, 900₄
 Кара-депе 505₂
 Караз (Καгаз) 894₁
 Караново 912
 Карасук (Καrasuk), 735
 Каратепе (Καratepe) 833
 Карпаты 614, 633
 Кархемьш (Καrgamiš) 913
 Кафиристан см. Нуристан
 Квацхелеби 559, 894₁
 Кёрёш (Κόγος) 912
 Керчь 730
 Киев 520
 Кикладские острова (Κυκλάδες) XLIX, 968
 Киликия (Κιλικία) 918
 Кипр (Κύπρος) XLIX, 581
 Китай LVI, 500₁, 557, 561, 592, 646, 737, 936
 Иньско-шанской (Yin Shang) эпохи 733, 735, 936
 Киш (Κίς) 733
 Кносс (Κνωσός) 827, 863₂
 Колхида (Κολχίς) 581, 880₂, 907, 907₁, 908
 Колхидская низменность 880₂
 Коринф (Κόρινθος) XLIX
 Корфу (Κορυ) 618₂
 Крит (Κρήτη) 520₁, 551, 576, 733, 912, 968
 Криш (Κρίς) 912
 Крым LI, 921
 Кубань 916, 918
 Кюльтепе (Κύλτεpe) 559
 Лазпа (Λεσβος) 901₁
 Лакония (Λακωνική) XLIX
 Лациум, Лаций (Latium) L
 Лектон (мыс) (Λέκτων) 531
 Лесбос (Λέσβος) XLIX, 901₁
 Лидия (Λύδία) 591, 896₁
 Ликаония (Λυκαονία) 495
 Ликия (Λυκία) 896₁
 Лчашен 733, 894
 Майкоп 727
 Македония (Μακεδονία) 862, 945
 Малатья (Malatya) 508
 Малая Азия XLVI, LII, LIII, 495, 505₂, 506, 531, 533, 546, 550₁, 558, 559, 573, 576, 581, 588, 595, 606, 608, 623, 625, 630, 637, 644, 658, 660, 674₂, 709₁, 727, 734, 775, 859, 861, 863, 867, 894, 895, 896₁, 897, 897₁, 899, 900, 901, 902, 904, 907, 909, 910, 911, 913, 916, 949₁, 956, 957, 964, 968₂
 Марсиана (Μαργιανή) 920
 Мари (Mari) LIII
 Маса 779
 Мегара (Μέγαρα) XLIX
 Мелухха (Μελιχχία) 709₁
 Месопотамия LII, LIII, 546, 559, 560₁, 588, 595₂, 625, 709₁, 712, 717, 733, 870, 876, 892, 893
 Верхняя LII, 742, 867, 869, 870, 890
 Северная LIII, 558, 573, 588, 733, 734, 891, 892, 895, 964
 Южная 560
 Мессения (Μεσσηνία) XLIX
 Мидия (Μηδία) 502
 Мизия (Μυσία) 862
 Микены (Μυκῆναι) 508, 509
 Милет (Μίλητος) 581, 899, 901
 Минусинская котловина 735
 Монголия 557, 736, 737, 936₁, 950
 Мохенджо-Даро (Mohenjo-Daro) 500₁, 596₁, 733, 915, 916
 Навар (Nawar) LIII
 Наири (Nairi) 913
 Неву-ан-Сюйя (Nuwu-en-Sullias) 517
 Нерик (Nerik) 896
 Неса (Nesa-) 792, 839
 Низовья Волги 621, 623, 633, 637, 867₁
 Нисая (Νισαία) 920
 Новгород 556
 Норвегия 630, 954
 Норшун-тепе (Norşun-tepe) 559, 897
 Нуристан (Nūristān) XLVII, 616₂, 918₂, 956
 Оркнейские острова (Orkney islands) 954
 Освея 544₁
 Освица 544₁
 Османкайясы (Osmankaya-si) 827
 Осовка 544₁
 Острова Средиземноморья 954
 Острова Эгейского моря 899, 899₁, 900, 901, 902₂, 904, 957₁
 Палестина LIII, 497, 657, 893, 917₂
 Палестрина (Paestrina) L₁
 Памир 581, 646
 Паннония (Παννονία) LI, 862
 Парнас (Παρνασσός) 900₄
 Парун 616₂
 Пелопоннес (Πελοπόννησος) XLIX, 899, 899₁, 901, 957₁
 Пелопоннесский п-ов 900, 916
 Передняя Азия LII, LIII, 497, 500₁, 505₂, 506, 510, 562, 563, 574, 588, 595, 600, 615, 616, 621, 623, 624, 627, 628, 633, 637, 643, 644, 646, 651, 656, 657, 658, 666, 692, 708, 709, 709₁, 722, 733, 734, 737, 738, 869, 874, 881, 886₁, 890, 891, 913₂, 918, 918₁, 920, 936, 939, 953, 955, 956, 957, 964, 965, 966, 967, 969, 1325
 Перу 778₂
 Перынь 556
 Пещера Аньера 608
 Пилос (Πύλος) 508, 827
 Пиренейский п-ов 709₁, 954
 Писидия (Πισιδία) 904
 Побережье Черного моря 908

- Поволжье 558, 939
 Польша 953
 Понт 644
 Пренесте (Praeneste) L₁
 Приволжье 947, 948₁, 953
 Прикаспий 558, 916, 940₁, 1328
 Приуралье 733
 Причерноморское побережье 907
 Причерноморье 623, 633, 918, 918₂, 947, 948₁, 953
 Северное 558, 587, 596, 598, 616, 630, 637, 658, 733, 734, 735, 736, 737, 866, 867₁, 868, 870, 870₁, 916, 918₂, 944, 945₁, 948, 952, 965, 969, 1325
 Пруссия LII
 Пшав-Хевсурети 616
 Рас-Шамра (Ras Shamra) LIV
 Ретра (Rethra) 517
 Рим L, 572, 598, 600, 700, 746, 779, 797₂, 829, 852, 852₁
 Румыния 912, 968₂
 Русь 520
 Рымнинский поселок 950
 Саймалы-Таш 735, 950
 Самний (Samnium) L
 Самтавро 507₁
 Сарды (αἱ Σάρδεες) 581, 591
 Сербия 774
 Сескло (Sesklo) 912
 Сиалк (Sialk) 693
 Сибирь LVI
 Западная LV, 627, 660, 930
 Южная 733, 735, 736, 936₁, 950
 Сирия LIII, LIV, 735, 917₃
 Северная XLVI, LII, LIII, 880, 888, 888₁, 892
 Скандинавия 630, 954
 Согдиана (Σογδιανή) 920
 Соль Галичская (др.-рус.) 674₂
 Средиземноморский ареал 608, 610, 625, 954
 Средиземноморье 627, 646, 733
 Средняя Азия XLVIII, LV, 558, 581, 582, 587₁, 588, 596, 653, 660, 736, 918₂, 920, 921, 935, 935₁, 936, 936₁, 939, 943, 946, 949, 950, 956, 965, 966, 969, 1325
 Старчево (Starčevo) 912
 Страна Арз(о) 908
 Страны Эгейского мира 899₁, 957₂
 Судеты-Карпаты 614, 616
 Сузы (τὰ Σοῦσα) 559, 733
 Съезжий 558
 Сяоминьтунь (Shaomin-tung) 936
 Таджикистан 936₁
 Тель-Мардик (Tell Mardikh) LIII, 880
 Тель-эс-Савван (Tell es-Sawwān) 712
 Тибет 581
 Триалети 727, 733, 894
 Триент (Trient, Trento, римск. Tridentum) 945
 Труднольм (Trundholm) 732
 Триполье 694
 Тува 936₁
 Туле-Скандинавия 607
 Туркестан Китайский см. Восточный Туркестан
 Туркмения
 Южная 505₂, 558, 559, 576, 733, 869, 870, 949
 Турова Божница 520
 Турция 657
 Угарит (Ugarit) LIII, LIV
 Украина 559₁, 945
 Умбрия (Umbria) L
 Ур (Ur) 560, 588
 Урал 938
 Уркиш (Urkiš) LIII
 Урук (Uruk) 733
 Фалерии (Falerii) L
 Фаюм (Fayūm) 659
 Ферганский хребет 735, 950
 Фессалия (Θεσσαλία) 497, 574, 595, 827, 912
 Франция L, 636₁, 954
 Фригия (Φρυγία) 495
 Хаджылар (Hacılar) 506, 692
 Хайаса (Hajasa-) 913, 913₂
 Халаф (Tell Halāf) 891, 892, 892₁, 893
 Харатна (Harappā) 596₁, 915, 916
 Хасанлу (Hasanlı) 548
 Хассуна (Hassuna) 712
 Хатти 779, 913
 Хаттуса (Hattuša-) 773₁
 Хафаджа (Khafajah) 559, 733
 Хвалынский р-он Саратовской области 558
 Хирбет Керак (Khirbet Kerak) 893
 Хиркания (Ἰρκαλία) 496
 Хиссар (Hissār) 914
 Хорватия 550
 Хорезм (Khwārezm) 596
 Хорезмийский оазис 920
 Хресе (Χρῆση) 531
 Хузистан (Khūzistān) LII
 Цалкинское плоскогорье 558₂
 Цальпа (Zalpa-) 307, 896₃
 Центральная Азия XLVIII
 500₁, 554, 557, 557₁, 561, 564, 581, 588, 635, 641₁, 646, 658, 660, 661_{1,2}, 692, 732, 737, 916, 921, 935, 936, 936₁, 939, 940, 944, 947, 952, 953
 Циппаланда (Zippalanda-) 896
 Чатал-Хююк (Çatal Hüyük) 505, 506, 520₁, 573, 576, 592, 608, 657, 692, 709₁, 891, 892, 893, 911, 912, 950
 Челябинская обл. 950
 Черногория 774
 Швейцария 945
 Швеция 732, 954
 Шенгавит 894₁
 Шлезвиг и Гольштейн 553
 Шумер (Sumer) 563, 563₁, 726, 877, 887
 Эбла (Ebla) LIII, 880, 888
 Эгина (Αἴγινα, Aegina) XLIX
 Эденбург (Ödenburg) 732
 Элам (Elam) 559, 726
 Элар 894₁
 Эль-Амарна (El Amarna) LIII
 Эпидавр (Ἐπίδαυρος) 532
 Эретрия (Ἐρέτρια) 886
 Этрурия (Etruria) L
 Эфес (Ἔφεσος) 606, 901
 Югославия L, 730, 912
 Ютландия 732
 Язылыккая (Yazılıkaya) 827
 Ярыккая (Yarıkkaya) 559, 897

ЛАТИНСКИЕ НАЗВАНИЯ ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИЙ

- Abies alba* 633
Abies Mill. 633
Abies Nordmanniana 633
Alnus barbata 635
Alnus Gaertn. 635
Alnus glutinosa 635
Alnus viridis 635
Amanita muscaria 653₂
Ardea nivea 60₁
Avena L. 659

Betula L. 619
Betulaceae 621
Bos brachyceros 573, 574
Bos longifrons 574
Bos primigenius Boj. 520, 573, 574
Bos taurus L. 573

Calluna vulgaris 663₁
Canis familiaris palustris 593
Canis lupus L. 590
Cannabis sativa L. 660
Capra prisca 588
Carpinus betulus L. 624
Carpinus caucasica 624
Carpinus orientalis 624
Carpinus schuschaensis 624
Castor fiber L. 529, 530
Cornus mascula L. 644
Corylus avellana L. 636, 637
Corylus caucasica 637
Corylus colurna 637
Corylus maxima 637
Cyprinus dobula 31
Cyprinus sophore 31

Ephedra 653
Equus Asinus L. 562
Equus caballus L. 558₁, 559₁, 577

Equus caballus *Missii* 559
Equus ferus 558₂
Equus gmelini 557
Equus hemionus onager Bodd. 558
Equus przewalskii 557
Ericaceae 662
Euphorbia L. 904

Fagus silvatica L. 623
Felis domestica Briss. 600
Felis pardus L. 500
Felis tigris L. 500₁
Ficus sycomorus 646
Fraxinus L. 625
Fraxinus ornus 625
Fraxinus oxycarpa 625

Herpestes ichneumon 530
Hordeum L. 656
Hordeum spontaneum 657

Juglans regia L. 636, 637

Linum usitatissimum L. 659
Lutra vulgaris 529, 530

Malus pumila Mill. 638, 641
Morus alba L. 646
Morus nigra L. 646

Ovis ammon L. 581
Ovis ammon vignei 581
Ovis aries musimon 581
Ovis aries palustris 581

Panicum miliaceum L. 658
Pasteurella pestis antiqua 831
Picea excelsa 633
Picea L. 633
Picea obovata 633
Picea orientalis 633
Pinus hamata 633
Pinus L. 633

Pinus mughus 633
Populus alba 627
Populus canescens 627
Populus nigra L. 627
Populus tremula L. 627
Prunus cerasus 644

Quercetum 618₂
Quercus aigilops 619
Quercus cerris 615
Quercus iberica 615
Quercus ilex 616, 618₂
Quercus imeretina 616
Quercus L. 615
Quercus macranthera 615
Quercus robur 614

Rosa foetida 663
Rosa pimpinellifolia 663

Salix alba 628
Salix babylonica 628
Salix L. 628
Salix pendula 628
Salix vitellina 628
Salmo salar L. 536
Salmo trutta caspius Kessl. 536
Secale cereale L. 659
Sorbus aucuparia L. 625
Suidae 595
Sus scrofa dom. L. 595

Talpa europaea L. 532
Taxus 628
Taxus baccata 630
Triticum L. 657
Triticum spelta L. 422, 873
Triticum timopheevi 657

Ulmus L. 634₁
Vitis vinifera 651

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

„Указатель“ включает и имена исторических личностей, упоминаемых в тексте исследования.

- Абазинский язык LIV
аблатив 377
аблаут 157, 192, 260, 871
 корней с сонантами 163
 «подвижный» *см.* Schwebelaublaut
аблаутное
 поведение (отрезка) 238, 262
 правило сочетаемости морфем *см.* правила синтагматической сочетаемости морфем
 преобразование окончаний 281
 состояние 222, 223, 225, 240, 247
аблаутные
 варианты 259, 260, 261
 модели 241, 260, 262
 ступени морфем *см.* ступени аблаута (ступени) чередования 177, 192, 193, 215, 222, 224, 232, 237, 241, 247, 258, 259, 262, 287, 712
аблаутный механизм чередований 252
«абруптивные» 1321, 1322
абсолютизация дентальной фонемы 47
абсолютная конструкция 367
«абсолютные» имена 289
абсолютный
 дат. пад. 287₁
 исход (слова) 186, 201
 конец слова 188
 местн. пад. 287₁
абстрактное глагольное
 противопоставление 312
абстрактные
 имена существительные 621₁
абхазский
 консонантизм 136
 язык LIV
абхазско-адыгские языки LIV, 281₁
аваро-андо-цезские языки LIV
«Авеста» (Avesta) XLVIII, 528, 530, 582, 757, 803₃, 823, 828, 851, 920, 923, 966
авестийские ранги 788
авестийский язык XLVIII
австроазиатские языки LIV
 79 Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов
«Автобиография Хаттусили» 494₁, 595₁, 804₁
автоматически сопутствующие
 признаки 58
«авункулат» 774
агглютинативное строение глагольных показателей в индоевропейском 330
агглютинативные
 показатели медиальности 330
 элементы 331, 336
агглютинативный
 характер морфемных элементов глагола 325
 характер суффиксальных элементов 327
Agens 277, 298, 299, 309, 333
адверб 355
 постпозитивный 356, 357
адвербиальные
 образования 308
 основы 254
адресат 333
 действия 285, 286
 отношения 286
адъектив 280, 284, 325, 348, 349, 350
 в функции предиката 297
адъективная
 синтагма 348, 349
 составная часть 348
 форма 621₁
адъективно-местоименное
 происхождение слова 842
адъективные
 конструкции 326, 386
 образования 93₁, 283, 284, 297, 376₁
 окончания 279
 синтагмы 348
 типы имен 244
 формы 227, 280₁
 формы приадажности 284
адъективный
 комплекс 349
 суффикс принадлежности 285

- адъектив-определитель 279
 адъективы 279, 284, 349₁, 375
 адыгейский язык LIV
 азиатские монголоиды 936₁
 азиатские языки 717
 аккадский
 брак еггēbu 775
 язык LIII
 аккумулятив 201, 271, 277, 278, 279₁, 285, 317, 386
 аккумулятив-датель 286
 аккумулятивная
 конструкция 314
 (номинативная) структура 313, 318
 (номинативная) типология 315, 319
 аккумулятивный
 (номинативный) строй 317₂, 320
 (номинативный) тип 314
 объект 358
 падеж (объекта) 278, 285, 317₂, 319
 акт
 жертвенного возлияния 703
 коммуникации 292, 297, 297₁
 актанта 277, 286, 301, 307, 312, 333
 объектная 307
 актанта-субъект 316
 актанты 276, 286, 287, 295, 298, 306, 307, 311, 315, 317, 318, 360, 362, 363
 активного класса 297, 318
 инактивного класса 297
 актив 277, 291, 303
 сигматического аориста 191
 активация именных
 форм инактивного класса 303
 активная
 актанта 275, 296, 299, 306, 309, 311, 312, 315
 конструкция 314, 380
 номинализация глагольных основ 303
 семантика 274, 293, 313
 структура 315, 963
 типология 312
 форма 304, 804
 активное
 начало 304
 окончание 276
 причастие 302
 активные
 актанты 293, 298
 глаголы 295₁, 310, 312
 денотаты 275
 и инактивные актаны 298
 имена 275, 278, 308
 образования 375
 отглагольные имена 302
 переходные формы глагола 336
 структуры 337
 формы 303₁
 языки 299₁
 активный
 аффикс 311
 и инактивный классы 309
 ~ инактивный 292
 класс (имен) 182, 185, 186, 190, 192, 273, 274, 275₁, 276, 277, 279, 280, 281, 284, 285, 289, 291, 294, 295, 297, 302, 304, 306, 308, 311, 316, 335, 374, 386, 417, 614, 617, 650, 670, 801
 (одушевленный) класс существительных 311
 падеж 277, 282, 311, 317
 строй 317, 318, 390
 активный строй общиндоевропейского языка 367₂
 актуализирующее значение 328
 акустические
 термины 213₁
 характеристики фонем ХС
 акут 204₂
 акутовая интонация 77, 204₂
 акцентруемые словоформы 195₁
 акцентуационные противопоставления
 акцентуационный тип 194, 276₁
 акцентуация в хеттском LVIII₁
 акцессивная (экстровертная)
 дистантная последовательность 153
 последовательность согласных 145, 147, 149, 872, 875, 879
 акцессивное построение 147
 акцессивность 147, 158₁
 акцессивные (и децессивные) комплексы согласных 145₁, 846₁
 акцессивный комплекс 147, 147₁, 148, 149₁, 150, 150₁, 151, 152, 766₁, 845₁
 албанский
 диалект 86
 язык L, 910
 аллель
 гомозиготная 1327
 аллитерационные повторы 837—839
 аллитерация 322, 837—839
 аллогенетические соотношения языков LXXIX, 871
 «аллогенетическое родство языков» LXXX
 алломорфы 110₁, 259, 317, 404
 аллофонное распределение фонем 30
 аллофонные чередования в индоевропейском 38
 аллофонный ряд звонких фонем 72
 аллофоны 172, 243, 262
 гласной фонемы 161
 «ларингальной» фонемы 211

- непридыхательные 25, 53, 61, 806₃
 общей серии звонких фонем 79
 придыхательные 25, 38, 53, 56, 61, 68, 403
 сонантических фонем 195, 197, 199, 201, 224
 фонем серии II 22, 26, 65, 71, 79, 401
 фонем серии III 28, 31, 56
 алтайские языки LV
 алтари или храмы Неба 852
 алфавитная система письма 888
 Аммиан Марцеллин (*Ammianus Marcellinus*) 671
 амхарский язык LIV
 анаграммы 838, 838₃
 Соссюра XV
 аналитические формы выражения номинальных образований 336
 аналогические выравнивания 193
 анаптикс 147
 анатолийская
 диалектная общность 865, 895, 896
 мифология 903
 ономастика калпадокийских табличек 859, 860, 860₁
 система 79
 анатолийские языки 895, 914
 анатолийско-эгейское культурное койнэ 899₁
 английский continuous 328
 английский язык LII
 англосаксонский язык *см.* древнеанглийский язык
 аилаут 466, 520₂
 «Анналы Мурсила I» 672
 «Анналы Тудхалии» 725
 «Анналы Хаттусили I» XLVI, 724, 725, 863
 аномалия LXXXI
 аномальная структура корня 253, 879, 895, 896
 антериорная группа согласных 81, 82
 антериорные 95, 160
 антериорный ~ постериорный 145
 антериорный ряд 85
 antecedent 352
 антиномия синхронной и диахронической лингвистики IX
 антонимы лексические 780, 783
 антропологическая картина миграций 956
 антропологический тип переднеазиатский 956
 антропология культурная IX
apuvāga *см.* носовой гласный в древнеиндийском
 аорист 71, 190, 225, 295, 306₁, 328, 347, 388, 389, 389₁
 атематический 394
 корневой 388
 с вторичными окончаниями 393₁
 сигматический 389₁
 тематический 394
 аористное значение 389₁
 аористные образования 190
 апикальная артикуляция *см.* переднеязычная артикуляция
 аппозитивные формы 277
 арабский язык LIV
 арамейский язык LIV
 аргали 581
 «аргонавты» 907, 907₁, 908
 «аргумент березы» 965
 «аргумент бука» 623, 867₁
 ареал
 ближневосточных языков 710₁
 доместикации козы 588
 доместикации лошади 560₁, 870
 древней локализации тюрко-монгольских диалектов 951
 древнейшего распространения ячменя 656, 656₃
 индоевропейский 389₁, 396, 872
 индо-иранского 914
 исторического расселения картвельских племен 907
 контактов между праиндоевропейским и древневосточными языками 890
 концентрации шедших с востока индоевропейских племен 946
 локализации индоевропейской общности 871, 890
 общиндоевропейский 392₁, 425, 912, 914
 общекартвельского языка 880₂
 оседания носителей «древнеевропейских» диалектов 944
 первоначального обитания сванов 898
 протосемитского 880
 расселения «древнеевропейцев» на миграционных путях 947
 средиземноморских языков 710₁
 ареал распространения
 балтов 953
 иллирийцев 953
 колесных повозок 733—737
 колесных повозок у древних индоевропейцев 724, 725
 «курганной» (древнеямной) культуры 948
 'леопарда' 505₂
 'льна' 660

- малярии 916
 медной металлургии 712
 'мха' 663₁
 'осины' 627
 'плуга' 690, 690₁
 прагерманцев 953
 праиталиков 953
 пракельтов 953
 'розы' и 'шиповника' 663
 славян 953
 'сосны', 'пихты' в Евразии 633
 'тиса' в Евразии 630, 631
 'ячменя' 657
- ареалы**
 возникновения и распространения гончарного дела 708
 диалектные общиндоевропейского языка 395—398, 424, 424₁, 425
 древнейших образцов 'меди' 709₁
 зарождения верховой езды 732
 общиндоевропейского языка 390
 языков группы satəm
- ареальная**
 изоглосса 400₁
 классификация диалектов 387
 лексическая изоглосса 801
 общность (диалектов) 411
- ареально-диалектная обусловленность** 331
- ареально-диалектологический анализ** и.-е. праязыка IX
- ареальное**
 единство (диалектных групп) 388, 406, 407, 416
 ограничение соответствий 6
 членение общиндоевропейского языка 416, 427
- ареальные**
 группировки диалектов 401, 407
 диалектные единства 409, 417
 общности 417, 420
 термины гончарного дела 708
 фонетические изоглоссы 416
- ареальный**
 союз языков 871, 871₁
 характер слов 418
- арийская диалектная общность** 921
- арийские**
 кочевники 729
 племена и их контакты с «древнеевропейскими» 947
 языки *см.* индо-иранские языки
- арийский элемент в митаннийской культурной традиции** 548₁
- аринский язык** LVI
- Аристотель (Aristoteles)** 614, 671, 854
- Аристофан (Aristophanes)** 678
- аритенондные хрящи 61
- армянский стих-гимн
 у Моисея Хоренского 837
- армянский язык XLVIII
- армянское передвижение согласных 961
- артикль 387, 387₁
 определенный 353
- артикулярные
 термины 213₁
 характеристики речи XC
- артикуляционная нестабильность 138
- артикуляционные
 зоны (основные) 82, 132
 признаки 83
- артикуляция**
 гортанная 50
 ларингальная 71
 подгортанная 48₃
 с подгортанным-субглоттальным давлением 48₃
 фрикативная 963
- архаические фольклорные формулы 632₁
- архаичная**
 индоевропейская система
 с тремя гласными 220₁
 одноконсонантная структура корня 249
 полная редупликация корня 258
- арханчность**
 анатолийских языков 895
 германской фонологической системы 87
- архаичный славянский стих** 841
- археологические**
 «белые пятна» 969
 культуры Малой Азии 899, 911, 911₂
 культуры микенского типа 901
- архетип(ы)** LXXXIII, 210, 210₂, 211
 и.-е. окончания род. п. мн. ч. 187₁
 исходный 151, 385, 458, 459, 675₂
 реконструированные 215
 семантический XC
- архив Эль Амарны** LIII
- архифонема** 56, 109, 140, 412₁
- асанский язык** LVI
- асиндетическое сочетание 666
- аспект** 343
- аспектная функция** 328, 342
- аспектные противопоставления** 307, 327—330
- аспектный признак** 329
- аспирация** *см.* признак аспирации
- аспирированность** 17
- аспирированные и неаспирированные аллофоны** и.-е. фонем 22, 89
- аспирированный аллофон** 16, 21
- ассибилированная фонема** 547₁

- ассимилированные
 палатализованные фонемы 111, 412
 рефлексы 106₂
 ассимиляция 47, 48, 48₁, 103, 106, 189₂, 414, 915
 и.-е. **k[h]* перед *a* в анатолийском 522
 и.-е. палатализованных смычных 101, 112₁, 127, 408, 412, 420, 421₁
 и.-е. фонем серии I 106₂
 начальной части комплекса 879
 хеттского рефлекса и.-е. дентальной фонемы 47
 ассимилятивное
 влияние соседних
 лабиальных фонем 172
 оглушение 624₁
 озвончение 33, 35
 ассимилятивные
 изменения по «закону Бартоломэ» 32, 33
 процессы 246₃
 факторы 246
 фонетические процессы 61₁, 405
 ассимиляция 68₂, 121, 151, 200, 405, 547₁, 817
 аспираты последующей глухой смычной 33₁
 дентальных перед гласным переднего ряда 46
 комплекса -*pt* > -*tt* 547₁
 местных культур древними индоевропейцами 954
 по глухости ~ звонкости 20, 33, 34₁, 35, 66, 72₁
 последующего носового 72₁
 пришлого населения древними местными жителями 887
 прогрессивная 34, 405, 410, 410₁
 регрессивная 405, 410₁
 ассирийский язык LIII
 ассоциация иранских социальных рангов с цветом 788₅
 атапасские языки 310
 атематическая
 (глагольная) основа 329, 343
 парадигма 330
 атематические
 (именные) основы 182, 377
 (и тематические) образования 375, 377, 380, 650
 атематический
 аорист 389, 389₁
 тип 329, 340, 380
 атематическое спряжение 329
 Атлантический период 616, 633, 635, 636
 атрибутивная функция 666, 671₁
 атрибутивные
 комплексы 354
 конструкции 278, 351
 синтагмы 279
 функции 277
 атрибутивный
 комплекс 351
 суффикс 218
 атрибуты двух мировых начал 780
 «Атхарваведа» (Atharvaveda) XLVII, 500₁, 528, 546₂, 728, 828
 аугмент 357, 910, 911
 аугментное префиксальное наращение 364
 аугментные глагольные формы 364, 388
 афганский язык XLVIII
 афразийская
 прародина 966
 семья языков LIV
 афразийское языковое единство 865
 африканские языки 91
 аффективные глаголы 287, 287₂, 308, 310
 аффикс
 носовой 249
 словообразовательный 284
 аффиксальные морфемы 215, 222, 245, 247, 251
 аффиксы
 личные 311
 различных рангов 341, 344₁
 сегментные 341₁
 аффрикатизация 99, 108, 121
 аффрикаты LVI, LXI, LXIII, 50, 82, 91, 94, 95, 97, 98, 99, 103, 104, 105, 106, 106₁, 108, 111, 114, 115, 116, 121, 125₂, 128, 407, 410, 598, 599, 919, 922
 глоттализованные XLVI, LXI, 51, 106
 неглоттализованные XLVI, LXI
 непридыхательные LXI,
 палатальные LIX
 придыхательные XLI
 свистящие (диффузные) LXI, LXII
 шипящие (компактные) LXII, 919, 922
 ахейский диалект XLIX
 Аххиява и Хеттское Царство, их территориальная близость 902, 902₁
 «ашвамедха» 483, 483₃, 552, 587, 751
 Бактрийский язык XLVIII
 балкано-кавказский очаг расообразования 956
 балканские диалекты 910, 910₁
 баллады Роберта Саути (Robert Southey) 540₁
 балтийские гидронимы 861₂
 балтийские языки LVII
 балто-славянская система 77
 балто-славянские диалекты 56

- Бармаксызская мезолитическая стоянка 558₂
- баскский язык 354₂, 954
- басня**
- о «Лисице и барсе» 514₂
 - о «Лисице и льве» 514₂
- «басня» Шлейхера 460, 832₁
- безаугментные формы 389
- безличная одновалентная «глагольная» парадигма 300
- безличные глагольные конструкции 297, 316, 316₁
- безударная позиция 167
- безударность 323
- безударные формы личного местоимения 254
- белорусский язык LII
- белуджский язык XLVIII
- «бемольный» фонетический (фонологический) признак 81, 83, 138
- «Беовульф» (Beowulf) LI, 516, 774, 839
- берберский язык LIV
- Бехистунская (Behistūn) надпись 830
- билабиальная звонкая фонема б
- бинаризм 267, 308
- глагольной системы 308
 - религиозных, мифологических представлений и некоторых черт модели мира 776
- бинарная**
- глагольная классификация по признаку активности ~ инактивности 310
 - именная классификация 274, 275, 277, 279, 280, 291, 292, 302, 308, 309, 311, 315, 467
 - классификация индоевропейских диалектов 115
 - прономинальная система 386
 - система противопоставлений 388, 468
 - система склонения 286
 - структура именных классов 270, 286, 293, 308
- бинарное**
- деление прилагательных 280
 - диалектное членение 395, 396
 - членение общиндоевропейской языковой общности 426
- бинарное противопоставление** 335
- адъективных образований 280
 - актива ~ инактива 386
 - глагола 342
 - двух основных падежей 311
 - (именных) классов 285, 286₁
- бинарно-экзогамная патрилокальность брачных отношений 775
- бинарные**
- противопоставления 267, 281₁
 - семантические признаки 475
- бинарный**
- класс 273
 - признак «говорящий ~ неговорящий» 472
 - принцип классификации имен 300
- биномы Бенвениста 96₁, 225, 230, 262
- бирманский язык 84₂
- бифонемный комплекс 256
- ближневосточная**
- локализация ареала греко-арийской диалектной общности 716, 716₂
 - локализация индоевропейской прародины 884
- ближневосточные языки 601, 914
- ближневосточный**
- культурный ареал 641, 912
 - очаг колесных повозок 870
- близнецы 548, 777
- близнечный культ и символика числа «два» 851
- бог**
- ведающий «руны» 799
 - Ветра 677
 - Вина 652
 - Войны 797
 - Грозы 547, 548, 605, 676₁, 680, 755₁, 794, 795, 798, 806₄, 852, 854, 903
 - Грома (и боевой дружины) 614, 677, 792, 793
 - Громовержец 510₁, 622₁, 667, 799
 - Дуба 619₁
 - Змееборец 528
 - Изобилия 798, 798₁
 - Магического знания 799
 - Мертвых 799, 824
 - Неба 795, 939
 - Поэзии 643
 - Престола 806₄, 896₃
 - Солнца 605, 652, 676₁, 791, 794, 806₄, 823, 896₂, 897₁
- Богазкёйский архив XLVI
- богиня**
- Земли 597
 - Речи 835
- «Божественная Комедия» Данте 503₂
- «божественный конюх» 726
- божество**
- «вод», «морей» 676
 - как источник дождя 679, 680
 - плодородия «исчезающее и возвращающееся» 532
- болгарский язык LII
- Большая Медведица 686, 721, 735, 936

- «большая семья» 762—763
 Бореальный период 624
 бортничество 608
 Боттичелли Сандро (Botticelli Sandro) 503₂
 брак
 в зороастрийской религии 778₁
 гипергамный 790
 эндогамный 790
 'брак' как 'обмен' женщинами 756, 757, 758
 браман 820
 брахманы XLVII, 788, 788₃
 брачно-родственные отношения по модели типа «омаха» 772
 брачные союзы между братом и сестрой 790
 breathy voice 15, 61
 бретонский язык LI
 Bṛhadāraṇyaka Upaniṣad 786
 бронза 709—712
 Бронзовый век 657, 894
 «будущее время» 347
 бурятский язык LVI
 «буфонии» 576
 'бык' как культовое животное 520, 520₁
 Cases vides по Мартине LXXXVII₁
 centum-ное отражение палатализованных 115
 centum-ные черты в satəm-ных диалектах 114, 421
 centum/satəm-ный признак 716
 cover-symbol 13₁
 Супewulf 554₂
- Вавилонский язык** LIII
вайнахские языки LV
 «вайшья» 788₃, 820, 820₃
 «Валамова ослица» 563₁
валентность
 глагольной структуры 357
 переходных глаголов 342
валлийская традиция 509₃
валлийский язык LI
 «Вальгалла» 538, 540, 607, 824, 829
Ванское царство LIII
вариант нуля 162
вариантные (дублетные) формы ХСИ
варианты
 «свободные» XV
 смычных фонем 17
 сонантов 200
вариативность сонантов 221, 222, 263
вариация формы и значения XV
 «варны» 788, 790, 820
Варрон (Varro) 676
- варьирование**
 между глоттализованной и придыхательной фонемой 143₁
 смычных по трем сериям 143₁
 согласных 143
вводящие частицы 361
ведийская мифология 678
ведийский
 гимн-диалог между Ямой и Ями 781
 гимн о мудрецах —
 «установителях имен» 833
 гимн Пуруше 820
 погребальный гимн коню 549
 язык XLVII
 «Веды» (Vedas) 841
веляризация 83, 213 *см.* также признак веляризации
веляризованные 258₁
велярная
 артикуляция 90
 зона 91
 смычная 104, 158₁, 409₁
 фонема 86, 88₁, 91, 97, 101, 146, 148, 412, 645
 фонема с признаком лабиализации 100
велярное наращение 125
велярность *см.* признак велярности
велярные LIX, 82, 84, 84₁, 85, 86, 89, 90, 91, 92₁, 93, 93₃, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 109, 111, 127, 183, 409, 412, 414
 «гуттуральные» 5
 лабиализованные 84, 88₂
 (непалатализованные) фонемы 113
 смычные 86, 94, 97, 101, 114, 132
 согласные 86, 115, 153
 с последующим лабиальным элементом 91
 фарингализованные 103
 элементы 346
велярный 6, 13, 408, 409, 661
вариант 111
 компонент 88, 124
 лабиализованный 84₂
 признак лабиализации 103₁
 ряд 5, 13₁, 73, 83, 85, 86, 91, 95, 99, 101, 103, 113, 115, 127, 132, 135, 136, 137, 140₂, 144, 160, 407—409, 412, 413, 414, 416, 910
 спирант 873, 898₁
 элемент 125, 410
венгерский язык LV
Венера, обожествленная звезда 686, 876
венетский язык L
 'вепрь' 516, 517

- вепсский язык (Vepsian) LV, см. финно-угорские языки
 «Вепхисткаосани» 507
 вербальная компонента 356
 Вергилий (Publius Vergilius Maro) 638
 верифицируемые фонологические преобразования 8
 вероятие реконструируемых языковых систем XIV
 вероятность случайного совпадения слов LXXV
 версионная
 глагольная форма 338
 семантика 334
 трансформация 335
 версионное
 значение несубъектное 335
 значение субъектное 335
 противопоставление 336
 версионные
 глагольные структуры 337
 отношения 334
 версионный характер медиума 334
 версия
 нейтральная 334, 335
 несубъектная 342
 объектная 334, 335
 субъектная 335, 336, 338, 342, 343, 344, 345, 361₁
 вертикальная последовательность LXXXV, LXXXVI
 «вертикальные» отношения знака LXXIII
 «Верхний Мир» 490, 537, 538, 852
 верховный жрец 885
 «ветры четырех сторон света» 678, 679
 «Ветхий Завет» 563₁
 «вечный огонь» 826
 взаимовлияние
 двух глагольных парадигм 329
 языков 325
 взаимодействие арийцев и хурритов 914
 взаимозависимость ячеек 362
 взаимообусловленные «нули» 363
 взрывные 5
 вибрант LXI
 вид совершенный 360
 «Видевдат» (Vidēvdāt) XLVIII
 видение диких зверей в средневековой традиции 504₁
 видовое
 значение 328₁, 357, 360
 значение итератива 308
 значение показателя «каузатива» 342
 видовой оттенок 330
 видо-временное
 действие или состояние 308
 значение 389
 образование 388
 видовые противопоставления 327, 342
 виды пчеловодства 607—609
 визуальная ономастопея 222, 257_{2,4}, 715
 винительный падеж 183, 186, 187₁, 188, 268, 271, 272, 277, 279, 281, 285, 317
 «виноград», «вино» в древних индоевропейских традициях 651, 652
 «Висперед» (Vispered; Visprat) XLVIII
 «вишня» 644
 владыка загробного мира 823
 влияние
 и.-е. коневодства на Восточную Азию (Китай) 561
 и.-е. племен на куро-араксскую культуру 894
 и.-е. представлений о «собаке» на Восточную Азию (Китай) 592
 вневременной континуум 341
 внеязыковая действительность 458
 внеязыковый мир «вещей» 457
 внутренние структурные соотношения и.-е. системе 160
 внутренний
 анализ корневых морфем 248
 структурный анализ 252
 внутренняя
 иерархическая структура LXXIII
 начальная консонантная рифма 839
 реконструкция LXXXI, LXXXII₁, LXXXV, LXXXV, LXXXVII₁, 134, 157, 239, 239₁, 256, 274, 308, 319, 341, 405, 427
 реконструкция моделей и.-е. аблаута 151
 реконструкция системы 170₁, 256
 внутрдиалектные различия в происхождении окончаний 327
 внутриязыковые отношения XV
 «вода» как граница между «миром живых» и «миром мертвых» 825
 водный транспорт у индоевропейцев 870
 водский язык (Votic) LV, см. финно-угорские языки
 «воды смерти» 825
 возвратные приставочные глаголы 357
 воздействие
 «ларингальных» 846₁
 сонанта 92₂
 халафской культуры на Анатолию, Северную Сирию и Иран 892
 возникновение
 редуцированного гласного 153
 хетто-лувийской иероглифики 888—890

- чередования 243
 эндогамии 789—790
 возрастающая к центру сонорность 197
 «воины» ≈ кшатрии 788, 788₁
 «война» как основное занятие 739
 вокализация
 (долгих и кратких) слоговых сонантов
 93, 112₁, 198, 199, 200, 204, 204₁,
 209, 211, 413, 414, 416, 927
 лабиовелярных 204₁
 вокализм 9, 204₁, 923, 927—931
 вокализованная форма с гласным 201
 вокалическая
 долгота 183, 184, 204
 опора 149₁, 169
 протеза 899
 вокалические
 подсистемы 182
 ступени 191
 фонемы (разных тембров) 171, 192, 232,
 263
 чередования 157
 вокалический
 класс 198
 сегмент 70₁
 состав акцентуированных словоформ 194
 характер сонантов 243
 элемент 248₂, 250, 258
 вокалическое количество
 гласных 204₂
 «ларингальной» фонемы 71
 вокатив 184
 *волк' 492
 как особый социальный статус 499
 как символ всеведения 499
 как символ единства всего племени 499
 «волновая теория» ХСIII, 398
 «волчье дерево» (ритуальные столбы) 487
 «волчьи люди» 591
 вопросительные местоимения 279, 387₂
 «Ворон» Эдгара По (Edgar Allan Poe) 540₁
 восстановление
 «ларингальной» фонемы 207
 отсутствовавшего в основе одного из аб-
 лаутных состояний 240
 редуцированного гласного 192
 восточноазиатское происхождение прото-
 албанского 911₃
 восточнославянские традиции 470₁
 восьмисложник 841, 842
 временная
 дифференциация медиальной категории
 392
 система глагола 390
 соотносимость медиальных структур 392₁
 временное значение 328₁
 временные
 значения 389₁
 и ареальные контакты и.-е. праязыка с
 семитским и картвельским 880
 противопоставления 225, 327
 время
 будущее см. будущее время
 настоящее см. настоящее время
 прошедшее см. прошедшее время
 «всадничество» и «верховая езда» 732—733
 вспомогательный глагол 288
 вторая структурная группа 239
 вторжение арийских кочевников в Индию
 729, 729₁
 вторичная
 огласовка 168
 огласовка переднего ряда 925
 палатализация 92
 палатализация аффрикат 106₁
 система трех рядов «гutturальных» 116
 табуистическая замена слов 540₂
 «вторичная прародина» 944—947
 вторичное
 восстановление по аналогии 92₂
 комбинаторное появление признака в си-
 стеме 208
 образование 165, 234
 окончание 305, 327, 328, 329, 332
 оформление показателей
 именных классов 291₁
 появление инициального s- 520
 расселение и.-е. племен в Причерноморье
 и Поволжье 953
 вторичность
 двойственного числа в и.-е. 293₁
 и.-е. палатализованных и лабиовелярных
 фонем 114, 115
 противопоставления глаголов по переход-
 ности ~ непереходности 294₂
 состояния I 226
 форманта множественности 281
 вторичные
 изоглоссы 944
 окончания 328, 331, 341, 389
 показатели аориста 295
 формы с полной ступенью огласовки 244
 чередования 125
 «вторичный языковый союз» изначально
 родственных диалектов 944
 второе (аористное) состояние основы 226
 второй
 компонент (основы) 201, 258
 неслоговой элемент корня 232
 ранг (суффиксальных морфем) 340, 361₁

- элемент композита 351
элемент корня 183
- Вульфила (Ulfilas) LI
выделение
анатолийской общности из праиндоевропейского языка 860, 860₂, 861, 863
греко-армяно-арийской диалектной общности 863, 898—900
«древнеевропейских» диалектов на раннем этапе миграций 942
- вынесение
глагола на первое (маркированное) место в предложении 323₁, 324
глагольной формы в конец предложения 320, 320₁
предиката в начальную позицию 323₁
- выпадение
гласной 156, 157, 161, 232, 250
или редукция безударных гласных 194
- выравнивание *см.* парадигматические выравнивания
морфологическое 26
форм 111, 112
- выражение
версин 334
множественности 307, 311
оппозиции 375
- выразители
активного начала 274
будущего времени 389₁
косвенных наклонений 389₁
прошедшего времени 389₁
- высокие гласные 164
высокогорный климат и.-е. прародины 866
вычленяемость элементов 327, 328
вьетнамский язык LVI
- Гавайское Царство 778₂
галльский язык L
галф *см.* языки галф
гармоничные комплексы децессивного ряда 255, 255₁, 256
- «Гаты» (Gāṭā) XLVIII, 788
геез (староэфиопский язык) LIV
геминированная согласная 70₁
геминированные варианты фонем LXI, 12₁
геминированный глухой смычный 30₂
- ген
светлоглазости 1327
темноглазости 1327
генеалогические семьи 427
генерализация 404
генетически
выработанные способы резистентности к малярии 916
- обусловленное плохое усвоение молока 869
передаваемые варианты молекулы гемоглобина, характерные для талассемии 916
- генетические группы 871₁
генетический
признак 869
фактор усваиваемости молока в человеческих популяциях 869
- генитив 126₂, 187₁, 268₁, 269, 270, 278, 278_{1,2,3}, 279, 279₁, 282, 284, 285, 325, 351, 377, 394
индоевропейский; древнейшие показатели 267
определятельный 278
посессивный 278, 278₁
происхождение и развитие 278
- генитивная
именная конструкция 354₂
синтаксическая конструкция 350
- генитивные
атрибутивные конструкции 350
конструкции 278₃, 325, 326, 348, 367₂
- географическое единство и.-е. языковой области 395
- география распределения иммунологически мало подверженных инфекционным заболеваниям типов популяций 953
- «Germania» 638
- германская
традиция 630
языковая система 79
- германские
диалекты 640₂
заклинания 832₁
языки LI, 322
- германский
пантеон 799
язык 87, 89₁
германцы 887₁
- Геродот (Herodotos) 660, 671, 777, 907₁, 911₁
герой в образе 'льва' у Руставели 511
Гесиод (Hesiodos) 903
- Гесихий (Hesychios) 531₂, 556, 563
- Гёте (Goethe) 582
- гетерогенность по признаку звонкости ~ глухости 142
- гетерогенные 5
гетерозиготность 1327
гетероклитическая парадигма 248₁
гетероклитический
суффикс 579₂
тип имен 188₁
гетероклитическое

- склонение 188, 227, 603, 613, 684
 чередование 742₂
- гетерорганые 5
- гидронимия
 азиатская 861—863
 «древнеевропейская» 862
 Приволжья 945
 Средней Азии 945
- гидронимы
 Древней Анатолии 954
 индоевропейские 920
 ираноязычные Восточной Европы 921
 малоазийские 862
 Северного Причерноморья 945
- гиляцкий язык см. нивхский язык
- гимн
 богине Речи 838
 богу Марсу 838₂
 богу Пирва 837
 «боевой колеснице» 728
 Варуне 825
 «души скота» 467, 824
 Индре 510₁, 567
 «лягушкам («Ригведа»)» 534
 «небесным коням» 549
 «орлу» 538₂
 Парджанье 510₁
 «сну о Луне» 576
 Солнцу 471, 725, 726, 809₂
- Гимны «Авесты» XLVIII
 Гимны «Ригведы» XLVI, 728, 915, 920
- гипотеза Педерсена 294₁
 гипотеза Уоткинса 72₁
 гипотетический ряд поствелярных 132
 «гипотетичность» 339
- Гиппократ (Hippokrates) 854
- главное предложение 323₁, 352₁
- глагол 308, 321, 322, 323₁, 335, 366₂
 в конечной позиции 325₁
 действия (переходный ~ **непереходный**)
 287₂, 312
 интранзитивный 294, 312, 314, 319, 323,
 337
 транзитивный 294, 313
- «Глаголица» XLVI, LXI, 623₂
- глагол-предикат 364
- глаголы 289, 299₂, 300, 309
 активной семантики 276
 анэргетические 294₂
 выражающие обстоятельственное уточне-
 ние 287
 звучания 301₁
 интенсивные 221
 непереходные 261, 306, 315, 336, 338, 342
- переходные 261, 285, 299, 303, 313, 314,
 315, 342
 pluralia tantum 306₁
 с переходной семантикой 337
 эргетические 294₂
- глагольная
 версия 333
 «группа» 326₁
 классификация 315
 непереходность 294₁, 336
 основа 220, 260, 261, 302, 306, 329, 340,
 343, 344, 345
 парадигма 297, 300, 301, 318
 переходность 294₁
 синтагма 355
 система 308, 336, 388, 389, 390, 392
 словоформа 311, 323, 340, 343, 344
 составляющая 356
 структура 298, 334
 форма в начальной позиции 323₁
 форма с префиксом 757
 форма финитная 304₁
- глагольное
 выражение множественности 306
 действие 327
 значение 294, 671
 состояние 294
- глагольные
 дублеты 295, 310, 467
 корни 246
 морфемы 245, 251
 образования 229₁, 275, 335, 347
 окончания 245, 247, 293₁, 296, 306, 329
 основы 218, 225, 253, 255, 261₁, 345, 389
 основы отыменные 229₁, 347, 621₁
 основы с начальной звонкой придыха-
 тельной фонемой 31
 парадигмы с центробежной семантикой
 334
 показатели 326, 330
 синтагмы 287
 структуры актива 335
 структуры медиума 335
 формы аориста 328
 формы ед. ч. 311
 формы «заглазные» 338₁
 формы мн. ч. 311
 формы с активной семантикой 275
 формы с неактивной семантикой 275, 308
 формы со вторичными окончаниями 327
 формы с «первичными» окончаниями 327
- глагольный
 комплекс 359
 корень 296₁, 302
 суффикс 218

- член синтагмы 326
 глайд 195
 словоразделяющий 197
 гласная, гласные
 безударная 161
 высокой тональности 170
 долгая LXIII, 70, 71_{1,2}, 76, 159, 181, 182,
 183, 184, 186, 190—194, 203, 204,
 208, 211, 259, 268, 340, 393₁, 873
 конечная 385
 корневая 98₁, 169, 243
 краткая LXIII, 70₁, 71₁, 76, 181—185,
 193, 203, 204₂, 252, 259
 начальная 385
 низкой тональности 170
 носовая LIX, LXI
 открытые 147, 170
 палатальная 210
 переднего ряда LXI, 48, 103, 106₁, 910
 полного образования 153₁, 161, 165, 167,
 168, 169, 172, 192, 198, 199
 протетическая 149₁, 202, 206, 216₂
 редуцированная (Гюнтерта) LIX, 153₁,
 162, 169, 172, 173, 174, 192, 246, 259₁,
 378₁
 редуцированная с сонорным 165, 174,
 198
 сверхкраткая 161, 165, 167
 сверхкраткие LXI, LXIII
 среднего ряда 161
 среднего ряда высокого подъема LXI
 тематическая 297, 330, 340, 341, 343
 ударная LVIII₁
 узкая 160, 199
 «гласная» + «ларингальная» 206
 глоссовый клин XLVI
 глоттализация *см.* признак глоттализации
 глоттализованная
 дентальная фонема с признаком лабиа-
 лизации 133
 лабиальная смычная 960
 лабиовелярная 86, 575, 969₁
 свистящая 106₂
 серия смычных 13, 14, 16, 35, 49, 50,
 58, 59, 71, 75₁, 79, 137, 871₁
 фонема 132, 132₁, 406, 612₁, 846₁
 глоттализованность 17, 19₂, 77, 77₁, 138
 глоттализованные LXII, 11, 11₁, 13, 14, 15,
 16, 18, 19, 35, 49, 50, 51, 79, 89, 135,
 137, 142, 941, 960, 961, 1320, 1321
 палатализованные фонемы 105
 смычные 8₁, 19₂, 46, 50—54, 59, 60, 62,
 64, 69, 74, 76, 79, 89, 106, 106₂, 137,
 142, 154₃, 175₁, 253, 401, 409, 675₂,
 871, 871₁, 880, 941
 сонанты 961₁
 глоттальная
 диссимиляция 35₁
 смычка 960
 «Глоттальная теория» 15₂, 959, 960, 961,
 962, 963
 глоттохронологические данные 880₂
 глубинная структура языка LXXXIII, 312,
 314, 315
 глубинное разложение корня 248
 глубинные отношения 314, 337
 глубинные структуры языка IX, 312, 318
 глухая
 аспирация 61
 лабиальная фонема 7
 (придыхательная) смычная 11, 120₁, 132,
 872
 согласная фонема 88, 140
 глухие (tepuēs) 6, 11, 12, 13, 14, 28, 56, 57,
 62, 64, 71, 75, 77, 79, 105, 106₂, 110₂,
 111, 871
 велярные LIX, LXII, 65₁, 71, 72, 90, 207
 (неглоттализованные) аффрикаты 106₂
 придыхательные (аспирированные) 5, 7,
 11, 12, 13, 14, 15, 34, 43, 47, 49, 54,
 57, 58, 61, 62, 64, 65₁, 72, 75, 79,
 106₂, 135, 136, 137, 142, 400, 403,
 910₂, 959₁
 фрикативные 66
 глухое придыхание в древнеиндийском
 LIX
 глухой
 велярный спирант 131₁, 171
 диффузный спирант 120, 126
 заднеязычный спирант 207
 интердентальный 872
 лабиальный смычный 640₁
 лабиальный фрикативный 89₁
 лабиовелярный 89₁
 смычный 640₁
 спирант 138
 фарингальный спирант 165₂
 глухость—звонкость 7, 20, 39₁, 40, 41, 55
 голландский язык LII
 «Голубиная книга» 678
 Гомер XLIX, 501, 509₁, 516, 517, 526₁, 531,
 538₁, 551, 568₁, 595, 605, 612, 617,
 622₁, 624₂, 626, 628, 634, 645, 657₁,
 658, 659, 660₂, 663, 667, 680,
 680, 731, 776, 825, 827, 838₁, 905
 гомеровская
 Греция 595, 634
 греческая мифология 678

- формула «а Зевс послал дождь» 680, 681
 гомеровские структуры 323₁
 гомеровский эпос 731, 785
 гомогенность по признаку звонкости—глухости 33, 141
 гомогенные 5, 32, 255,
 гомозиготность 1327
 гоморганные 5, 19
 гончарное дело 708
 гончарный круг 707, 707₁
 Гора, Горыч 678
 «горизонтальные» отношения знака LXXIII 657₁, 658, 659, 660₂, 663, 667, 678,
 горномарийский язык LV
 гортанная смычка 19₁
 государство Митанни LIII, 546, 547, 548
 готский язык LI
 грабар (древнеармянский язык) XLVIII
 грамматика
 историческая LXXXII₂
 непосредственно составляющих 326₁
 ранговая *см.* ранговая грамматика
 синхронная IX
 сравнительно-историческая (диахроническая) LXXXII₂
 сравнительно-историческая классическая индоевропейская LXXXIV
 грамматикализация 337
 грамматическая
 дифференциация 280
 категория 344₂
 классификация 291
 омонимия 376
 грамматические
 ареалы 418
 группы 300
 значения 347
 изоглоссы 400—402, 416, 426, 456
 и лексические данные 417, 426
 или словообразовательные категории 225
 инновации 420
 показатели 355
 реляционные значения 347
 грамматический
 объект 337
 род 375, 380, 613
 субъект 337, 338
 уровень 337
 граммема 340
 ед. ч. 267
 множественности 267
 род. п. 267
 грамота Арнуванды 700
 граф
 деривации диалектных общностей 398
 ориентированный XCII
 графическая передача форм 129₂, 148, 154₂
 графическое удвоение согласного 72₁
 греко-арийская диалектная общность 874, 849
 греко-армяно-арийская диалектная общность 865, 911, 911₃, 914,
 греческая диалектная общность 864
 греческие
 малоазийские «колонии» 901
 мифы о теогонии 903
 греческий
 мир 903
 миф о первом человеке, который дал имена вещам 833
 миф о Телефе 611
 паронимический стих 840
 греческий язык XLIX
 греческо-анатолийские лексические связи 902—904
 греческо-картвельские лексические связи 904—909.
 грузинно-занское диалектное единство 909₃
 грузинский язык LIV
 «группа виденного» 338₁
 «группа невиденного» 338₁
 группы с сонантами 174
 губная артикуляция 81
 губные *см.* лабиальные
 «гуттуральные» фонемы 5, 13₁, 54, 56, 57, 60, 102, 114, 169, 910
 Дагестанские языки LIV
 дардские языки XLVII, 91
 дательный
 объект 358
 падеж 285, 286, 287, 287₂, 288, 288₂, 289, 289₂, 308, 319, 333, 394
 дательный-местный пад. 286
 датировка
 возникновения мифа о греках-аргонавтах 909
 заимствования кельто-германского слова 'конь' из восточноазиатских языков 555₁
 общиндоевропейского языка 859, 863, 865, 880
 общекартвельского (южнокавказского) языка 880₂
 датский язык LI
 два
 аблаутных состояния 225, 232, 237, 261
 божественных близнеца 548₁
 вида погребения в Европе 830, 830_{1,2}

- вида смерти у древних индоевропейцев 830, 830₂
- крупных ареала общиндоевропейского языка 392, 395
- основных направления преобразования палатализованного ряда 115
- параллельных показателя род. п. 269
- параллельных ряда прономинальных по-сессивных конструкций 291
- «предводителя племени» 776, 777
- ряда веларных 413
- ряда глагольных форм спряжения 308
- ряда личных показателей глагола 295, 296
- ряда посессивных прономинальных кон-струкций 290
- ряда постериорных смычных 412
- типа спряжения в хеттском 316, 332
- «двенадцать богов» у Платона и Фидия 855
- «двенадцать врат души» 855
- «дверь» как «выход из дома» 743, 743₂
- движение
- др.-инд. племен по направлению истори-ческой Индии 915
- маркированных фрикативных фонем 128
- носителей «древнеевропейских» диалек-тов в Центральной Азии 944
- палатализованных «гutturальных» 102
- племен в направлении с Востока на За-пад 953
- «двойное ярмо» как образ созвездия Ори-он 723
- двойной вин. п. 285
- двойственное число 293, 383
- двуморфемная, сопряженная
- глагольная основа 225, 262
- именная основа 225, 261, 262
- двухвалентная модель ядра предложения 320
- двухвалентные глаголы 298, 299, 300, 306, 309, 311, 315, 316, 317
- двухконсонантная корневая структура 232, 251
- двухместная глагольная форма с активной семантикой 276
- двухместный предикат 278
- двухранговая структура основы 345
- двухступенчатая треугольная система гласных 161, 169, 170
- двухэлементные комплексы согласных 255₁
- двучленная категория версии 355
- двуязычие LXXIX
- деванагари (devāpaṅgārī) LVIII
- деглоттализация 51
- деепричастные формы 287₁
- дезабруптивизация 51, 1322
- дезаспирация 23, 24, 27, 33, 54, 56, 56₁, 63, 64, 71, 74, 74₂, 76, 77, 89, 401, 402
- дезаспирированный ряд глухих смычных 403
- дезаффрикатизация 47, 105₁, 106, 107, 108
- дезидератив 347
- деиксис 386
- деклонационная система 311
- делабиализация 48₂, 89
- демографический взрыв 886₁
- деноминативные глаголы 218
- денотат(ы) 280, 284, 287, 301, 308, 310, 312, 459, 966
- дентальная
- ассимиляция 26₁, 656
- зона 91
- смычная 133, 183
- дентальность 17
- дентальные LIX, LXII, LXIII, 82, 84, 92, 93, 96, 108, 183, 405, 409
- комплексы 406
- лабиализованные 84, 84₂, 133, 135
- дентальный 6, 13, 70, 109, 111
- ряд 5, 81, 83, 96, 111, 135, 136, 147
- суффикс 656
- «день Бога Грозы» 852, 854
- дерево зависимостей 318, 367
- derivационная
- модель 398
- парадигма 120₁, 224, 226, 259
- derivационное выражение множественно-сти 306
- «derivационно-пространственная модель» 398, 416, 899
- derivационные
- маркеры 275
- модификации глагольной основы 306
- образования 281₁, 308
- суффиксы 261, 273, 284, 343
- derivация 306
- «десанскритизация» праиндоевропей-ской модели 960
- десигнат 333, 335, 336, 338
- субъектный 336
- десятичная система счета 842, 846—848
- детерминанты языка 314
- детерминативы 346
- «дети бога Неба» 795
- дефектная парадигма 297
- дефектность лабиального члена 13, 15
- дефектный ряд смычных 15₂
- дефонологизация «ларингальных» 170

- децессивная (интровертная) последовательность 145, 146, 147, 152
- децессивные комплексы согласных 145₁, 148, 150, 151, 258₁, 1324
- децессивный ряд 255
- джинба см. язык джинба
- диакритические знаки LVII
- диалектная
- группировка 387
 - изоглосса 386
 - инновация 387, 388
 - и общезыковая лексика 456
 - область 425
 - общность 397, 424, 459, 873
 - ограниченность 237, 658, 682
 - территория 397
 - техническая лексика 723
- диалектное
- новообразование 681
 - распределение слов 458, 631, 660
 - членение 398, 682, 938
 - явление 383
- диалектные
- ареалы 372, 373, 389, 391, 392, 392₁, 394, 395, 402, 404, 405, 408, 416, 419, 420, 421, 422, 426, 682
 - группы 389₁, 396, 397
 - единства 392, 401, 409, 418, 421
 - зоны 398
 - области 417, 639
 - общности 400, 401, 402, 405, 408
 - подгруппы 397
 - формы 410, 570, 570₁, 571, 634, 634₁, 706
- диалектология
- сравнительная XCIII₁
 - структурная XCIII
- диалекты 125, 315, 372, 392₁, 396, 397, 408, 416, 864
- группы septum 98, 99, 101, 102, 104, 115, 127, 410, 411, 412, 421₁, 515₂, 589, 919
 - группы satəm 98, 100, 103, 104, 105, 106, 108, 111, 114, 115, 116, 127, 128, 129, 137, 411, 412, 413, 416, 421₁, 561, 589, 919
 - древнеиндоевропейские 320, 322, 323₁, 329, 334
- диасистема XCIII₁
- диатеза 337
- диахроническая
- выводимость LXXXIII, LXXXIV, 8, 35
 - запись фонемных единиц LXXXVIII
 - интерпретация 251
 - типология 13, 383
 - тождественность 344₁
- диахронические преобразования 16, 17, 213, 289₁
- диахронический признак 407
- диахроническое
- «движение» фонем LXXIV
 - истолкование 239, 249
- диахрония IX, XIV, LXXIV, 194
- диезность 83
- «дикие животные» 485, 486, 490, 491
- динамическое (силовое) ударение 191
- династия Ура III 560
- диплоидная разновидность пшеницы 657
- диссимлятивная утеря фонемы 88₁, 257₄, 803₁, 845, 845₁
- диссимлятивное
- выпадение слога 759₃
 - озвончение глоттализированных 51
- диссимляция сочетаний 72₁
- дистантная
- позиция 403
 - последовательность 17, 18, 28, 29, 29₁, 31, 37₁, 68, 68₁, 69, 69₁, 139, 143, 144, 149, 156, 404
- дистинктивные признаки 83
- дистрибутивная
- идентичность комплексов 256
 - модель 404
 - ограниченность LXXXV
 - свобода фонем LXXXV, 142
- дистрибутивное
- (пере)распределение фонем 128₁, 244
 - поведение фонем 22
- дистрибутивно ограниченные варианты фонем 158
- дистрибутивность 268₁
- дистрибутивно-функциональное отношение 197
- дистрибутивные
- модели 112, 129
 - ограничения 110₁
- дистрибутивный анализ 21, 923
- дистрибуция
- аллофонов фонем 21, 22, 403
 - велярных 113
 - гласных 159
 - звонких фонем серии II 43
 - непридыхательных аллофонов и.-е. звонких смычных серии II 68
 - неслоговых аллофонов сонантов 197
 - ограниченная 157
 - палатализованных 113
 - придыхательных аллофонов и.-е. глухих смычных серии III 207

- слоговых аллофонов сонантов 197
 фонемных единиц в корне 140₂
 дифтонг(и) LXI, 165, 165₁, 207₁, 547₁, 927
 дифференциальные
 признаки LVIII, LXXXII, LXXXV,
 LXXXIX, XC, 5, 20, 57, 78, 88, 102,
 139, 145, 213,
 семантические признаки 468, 473, 475,
 476
 дифференциация
 ареально-диалектная 863, 863₁, 880₂
 грамматическая 269, 270, 285, 360, 382,
 383, 650
 диффузия пространственная XV
 диффузная фонема 120
 сибилантная 127
 фрикативная 122
 диффузные 81, 82, 128₃, 170
 аффрикаты (антериорные, свистящие)
 85, 95, 95₁, 107, 121
 глаголы 294₂
 согласные 81, 106
 спнанты (свистящие) 107, 128
 диффузный
 падеж 285
 ряд 136₁
 дихотомия имен на активные — инактив-
 ные 310—312
 догреческие
 и.-е. диалекты 900
 лексемы и.-е. происхождения 906, 906₁
 доиндоевропейские культуры 954
 доисторическая Европа 732₁, 746
 доклад Р. О. Якобсона на VIII Между-
 народном Конгрессе Лингвистов (Ос-
 ло, 1957 г.) 959
 долгота 71₁, 193, 202
 гласной 70, 71, 77, 188, 208, 846₁
 сонанта 416₁, 846₁, 848₁
 фонологическая 204
 долготно-акцентуационные отношения в
 балто-славянском 960
 дольмены 954
 «дом» как единица социальной структуры
 742
 «дома смерти» 829
 «домашние животные» 468, 469, 471, 477,
 481, 483, 491, 872
 доместикация
 дикого быка 573—575
 лошади 557—558, 560₁, 738
 свиньи 595—596
 «доминантные» пучки признаков LXXXVI₁
 доминантный см. немаркированный
 доминанция LXXXVII, 11, 60, 62₁
 дополнение
 косвенное 286
 прямое 286, 286₁, 299, 306, 315, 317₂,
 796
 дополнительная артикуляция 83
 дополнительное распределение 166, 192,
 359
 дополнительные
 в хронологическом смысле структуры
 XCI
 ряды согласных 92₃, 127, 140₂, 256
 дополнительный
 артикуляционный признак 84₁, 85, 91,
 213
 модификатор 83
 признак лабиализации 159, 213
 признак палатализации 159
 дорийский
 диалект XLIX, 909
 племенной союз 908
 дорийское нашествие 957, 957₁
 «дочь Неба» 796
 дравид(ий)ские языки LV, 915
 древнеанглийская поэма «Морепоплаватель»
 543₁
 древнеанглийский язык LI
 древнебалканские диалекты 956
 древневерхненемецкий язык LI
 древневосточные цивилизации 887, 949
 древневосточный культурный мир 949
 древнегерманская мифология 675₂
 древнее индоевропейское языковое состоя-
 ние 157, 200, 212, 243, 244, 247, 251,
 252, 269, 270, 273, 279, 290, 291, 297,
 308, 311—312, 319, 354, 386, 421₁,
 427, 625
 древнееврейский язык LIII
 «древнеевропейские»
 диалекты L, 536, 635, 637, 638, 639, 648₃,
 658, 659, 663, 669, 670, 672, 673,
 742₁, 829, 873, 899, 911, 938, 939, 943,
 944, 947, 953, 954, 966, 968
 племена 956
 «древнеевропейский» ареал 749, 874
 «древнеевропейское»
 диалектное объединение 803₃
 название 'яблока' 639₁, 639₂
 древнеегипетская мифология амарнского
 периода 735₁
 древнеегипетский язык LIV
 древнеиндийская мифология 720
 древнеиндийские ритуальные традиции
 482

- древнеиндийский
«Потомок Вод» 675
эпос и легенды 779
язык XLVII
- древнеиндоевропейские диалекты 199, 216₂,
229₁, 467, 468
- древнеиранские заимствования в финно-
угорском 921—929
- древнеирландские медицинские тексты 812₂
древнеирландский язык LI
древнеисландская мифология 643
древнеисландский пантеон 799
древнеисландский язык LI
древнейшие очаги
доместикации пшеницы 658
разведения винограда 650₂
- древнейший ареал распространения колес-
ных повозок 733—737
- древнейший очаг картвельских племен 880₂
древнекельтская традиция 630
древнемакедонский язык 909
древнепереднеазиатская традиция 589₂
древнеперсидский язык XLVIII
древнесаксонский язык LI
древнесеверный язык LI
древнесредиземноморские культуры 742
древнетюркские последовательности живот-
ных циклов 500₁
древнетюркский язык LVI
древнеуйгурский язык LVI
древнефризский язык LI
древнехеттская
«Книга анекдотов» 474
традиция 722, 896
древнехеттские «погребальные гимны» 839
древнехеттский язык 269, 270, 279, 280
древние
ближневосточные языки 524
индоевропейские языки 294₂, 396
древность арийских элементов на Ближнем
Востоке 914
дробление «большой семьи» 772
дуализм индоевропейского общества 779
дуалистические ритуалы 779
дуалистический характер брачно-родствен-
ных отношений 776
дуальная социальная организация 787, 790,
791
дуальность
брачно-родственных отношений 787
знака LXXIII, LXXIV₁
социальной структуры 787
80 Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов
- дуально-экзогамная система брачно-родст-
венных отношений 772
дуально-экзогамная система кросс-кузен-
ных браков 768_{1,2}, 773—774, 885
дуальный характер древнеиндоевропейско-
го пантеона 791
дублетные формы ХСII, 6, 26, 267, 598,
661
глагольные 275, 294, 294₃
именные 275
исторические 411
лексические 274, 521
дублирование исходных структур ХСII
«душитель псов» 495, 591
- Евразийские степи 952
европеиды 936₁
египетский миф о боге Ра в образе kota,
убивающего Змея 601₁
Египетское Древнее Царство 575
«единорог» 504
единый культурно-исторический ареал 890
«Елисейские поля» 824
енисейские языки LVI, 939
енисейско-остяцкий язык *см.* кетский
язык
«естественный класс» звуков 50, 61
- Жанр сновидений о животных 503, 503_{1,2},
504
железо 709—712, 710₁
женский род *см.* род
«женщины из Милета» (в пилосских таб-
личках) 901
жертвенные подношения 804
жертвоприношение коня 939
жертвоприношения человеческие 482, 483₁
«животные богов» 487, 488
животные «Верхнего и Нижнего миров»
486, 488, 489
животные «Среднего мира» 488, 492
животный мир 465, 467
жизненная активность 310
жизненный цикл 310
жир сезама 828
жрецы 788
«жрецы»-брахманы 788
жреческая терминология 884
жречество 805
- Завершенность действия 328₁, 360
«Завещание царя Хаттусили» XLVI, 572,
773, 773₁
«Загадка сфинкса» 474
«заглазные» глагольные формы 338₁

- заговоры от червей и мифологические тексты о «боге-змеборце» 528
- загробный мир 823—824
- заднеязычное глоттализованное *q' 898₁
- заднеязычные 81, 82, 123, 128₁, 169, 183, 256, 656
- займствования
- в алтайские языки из «древнеевропейских» диалектов 939—940
 - в тюркские языки из «древнеевропейских» диалектов 940
 - «доарийские» в финском 1326
 - и.-е. лексики в общекартвельском 877—880
 - из анатолийских языков в протоармянском 912, 913
 - из анатолийского в языки Южного Кавказа 897—898
 - из «древнеевропейских» диалектов в языки Центральной Азии 939, 940
 - из семитского 849
 - шумерские в праиндоевропейском 876, 877
- «заклинание Телепень» в русских заговорах 898
- заклинания
- из «Атхарваеды» 832₁
 - «мерзбургские»
 - общеиндоевропейской эпохи 832₁
 - ритуальные 818
- «Заклятия от бед» 819
- закон
- изменения начальных комплексов согласных 908
 - несовместимости глоттализованных смычных 21₁
 - несовместимости придыхательных смычных 21₁
 - распределения придыхательных и непридыхательных аллофонов в пределах основы 23
- «Закон Бартоломэ» 24, 33₃, 34, 405
- «Закон Вакернагеля» 351
- «Закон Вернера» 39₁, 195, 960
- «Закон Грассмана» 23, 24, 27
- «Закон Гримма» 40, 40₁, 79, 962, 1321
- «Закон Зибса» 56, 56₂, 118, 140
- «Закон Лахмана» 69, 70, 71, 77, 401, 406, 960
- «Закон о престолонаследии Телепиу» 775
- «Закон Стертеванта» 45
- закономерности типологические XV
- закономерные соотношения между членами звонкой серии смычных 54, 73
- «законы Ману» XLVII, 756
- законы
- начала слова 69₁
 - фонетические 960
- залоговое противопоставление 302₁
- заместительный маркер начала предложения 366
- занский вокализм 909₃
- занское передвижение гласных 909₃
- западноазиатские культурные традиции 550
- «западное» и «восточное» распределение centum-ных и satem-ных диалектов 939₁
- западнокартвельский диалектный ареал 906
- западноютский толчок 35₁
- «западные» индоевропейские языки 151, 872
- западный диалектный ареал 694
- запись фонетико-фонологическая LXXXV₁
- запрет на сочетаемость
- двух гетероганных глоттализованных в одном слове 18, 19
 - идентичных согласных в пределах корня 18, 248₂
- запретительное отрицание 323, 323₁
- захоронение с кремацией 915
- звонкая
- лабиальная фонема 72
 - поствелярная фонема —
 - наиболее маркированный член серии 132
 - серия смычных 16, 21, 60, 118, 910, 910₂
- звонкие (mediae) 5, 7, 12₁, 14, 34, 111, 157, 871
- аспирированные 15, 208
- аффрикаты 105, 106, 106₂
- варианты сибилантной фонемы 118
- звуки с глоттальной артикуляцией (рингаллизованные) 50
- непридыхательные аллофоны фонем серии II 68
- непридыхательные смычные 402
- придыхательные LIX, 5, 6, 11₁, 12₁, 13, 14, 15, 34, 42, 46, 49, 54, 58, 60, 61, 62, 64, 65₁, 68, 76, 79, 118, 142, 400, 402, 640₁, 873, 874, 910₂, 917₂, 941, 959₁, 962, 969₁
- придыхательные в фригийском 910₂
- смычные фонемы 5, 6, 8, 10, 11, 12₁, 19, 42, 52₁, 53, 54, 58, 59, 60, 62, 64, 65, 67, 68, 71, 72, 73, 76, 77, 79, 88, 89, 105, 106₂, 110₁, 138, 401, 402, 403, 404, 640₁, 880, 941
- шепотные звуки 135
- звонкий
- спирант 138
 - фарингальный 165₂

- звонкое выдыхание 15, 61
 звонкость ~ незвонкость (глухость)
 LXXXIX, 16, 17, 20, 32, 56, 61₁, 64,
 66, 68₂, 77, 138, 141, 960, 1321
 звуковые вариации 600
 звуковые законы 458₁
 звуковые повторы в поэтической речи *см.*
 аллитерационные повторы
 звуковые соответствия 458₁
 звукоподражательная основа 540
 звукоподражательные названия 540, 542,
 601
 «земледельцы» 787, 788, 788₂
 земледельческие и скотоводческие термины
 иранского происхождения 924—925
 земледельческие культуры 657
 «земной дом» 825
 «змеи» как ритуально-мифологически значи-
 мое существо 527
 знак
 ударения для обозначения долготы глас-
 ной LXI, LXII
 языковой LXXIII
 значимость фонетических признаков при
 реализации фонем в речи LXXXVII
 золото 713—714
 «Золотое руно» 581, 907, 908
 «Золотой осел» Апулея Apuleius 563
 зороастрийская религия 778₁
 зубные *см.* дентальные
- Иберийско-кавказские языки** *см.* палеокав-
 казские языки
 Ибн-Фадлан (Ibn Faḍlān) 483
 «Игувинские таблицы» L
 иерархические отношения 480
 иерархия фонологических значимостей
 LXXXVII
 иероглифика критская 968₁
 избыточность системы LXXIV
 избыточный признак глоттализации 47
 изменения ассимилятивного характера 405
 изоглосса, изоглоссы 371, 372, 373, 375,
 376, 378—382, 386—388, 392—398,
 400₁, 404, 406, 410₁, 416—426, 456,
 673, 681, 803₃, 808, 899, 910, 911,
 935, 938, 946, 947, 955
 изолированные формы 180, 219, 278₂
 изоморфизм 263, 871
 изоморфные структуры 213, 871
 иконографические свидетельства 550₁, 608
 «Илиада» XLIX, 501, 774, 776
 иллирийский язык L
 «Ильин день» 577
 имена
 активного класса 270, 276, 278, 278₂, 279,
 282₁, 284, 287, 291, 296₁, 298, 302₂,
 310, 316
 атематического типа 376
 действия 243
 инактивного класса 278, 279, 282, 283,
 284, 287, 291, 296₁, 297, 298, 316,
 316₁
 иеодушевленного класса 270
 общего рода 316₁
 одушевленного класса 270
 с первоначальной активной семантикой
 313
 с первоначальной инактивной семантикой
 313
 собственные 363
 тематического типа 177, 179, 376₁, 378,
 418
 экспрессивного характера 221
 именительный падеж 182, 184, 185, 186,
 190, 270, 271, 272, 317, 317₂, 374,
 378₁
 именная
 дихотомия 310, 314, 315
 классификация 271, 283, 289, 294, 294₁,
 312, 375
 компонента парадигмы 356
 основа 173, 280, 282, 284
 парадигма 270₁
 синтагма 355
 система (древнейшая ступень развития)
 269, 275, 277
 составляющая синтагмы 326, 348, 356
 именное
 образование 227, 275₁, 302, 354₁
 происхождение перфектных образований
 179₁
 именной
 бинаризм 308
 суффикс 218, 226, 248₁
 именные
 классы 271, 274, 275, 311, 964
 маркеры активного и инактивного клас-
 сов 291₁
 образования разных типов 185, 241, 269,
 272, 273, 278₃, 281, 283—286, 300,
 313, 316, 335, 375—377
 основы 182, 184, 188, 218, 253, 257, 261,
 276, 303, 308
 парадигмы 270, 281
 структуры 183, 184, 192, 319
 формы 185, 272, 276, 278, 281, 310, 375
 иммунный механизм против малярии 916
 иммунологические явления в миграционной
 картине Евразийского континента
 952, 953

- императив 328, 328₁, 343, 345
 имперфект 328, 388, 389
 импликация 281₁, 308, 310, 311, 312, 313, 325
 категорин инклюзива—эксклюзива в про-
 иоминальной системе 292
 имплозивные согласные 1321
 имущественная и социальная стратифика-
 ция и.-е. общества 747, 748
 инактив 276, 277, 291, 303, 315
 лексический 309₂
 структурно-синтаксический 277, 278, 281,
 285, 286, 306, 309₂
 инактивная
 актанта 275, 277, 296, 299, 300, 306, 309,
 311, 312, 315, 316
 одновалентная глагольная парадигма 297
 семантика 293, 300, 302, 313
 синтагма 297
 форма 277
 инактивные
 глаголы 293, 295₁, 301, 302₁, 310, 312
 денотаты 275
 имена 275, 278, 293, 302, 303, 308, 310
 образования 273, 275, 375
 инактивный
 класс (имен) 185, 186, 187, 189, 190,
 190₁, 273, 274, 275₁, 276, 279, 280,
 281, 282₂, 283, 291, 294, 295, 302,
 304, 306, 308, 311, 335, 386, 467, 613,
 617, 650, 699₂, 801
 маркер 276
 падеж 186, 277, 287, 311, 317
 инвариант(ы) XV
 инвариантность 314
 инвариантный элемент 320₂
 «инверсионная» структура предложения
 365
 инверсия 323₁
 контекстно обусловленная 323₁
 порядка слов в предложении 323₁, 350₂,
 365
 эмфатическая 349₁
 «инверсия называния» 766₃
 ингумация 829, 829₁, 830, 830₁
 нидикатив 340, 341, 341₁
 индо-арийские языки (современные) XLVII
 индо-афганская раса 956
 индоевропейская
 диалектная общность 408, 639, 920
 метрика 839—842
 модель мира 867
 «прародина» 866, 918₂
 сравнительная грамматика 8, 9, 277
 языковая область 396
 языковая общность 397, 411, 424, 457
 индоевропейские
 версификационные системы 842
 диалекты 134, 135, 180, 183, 188₂, 203,
 204, 221, 227, 231, 235, 238, 245,
 257₃, 279, 280, 283, 285, 287₁, 289₁,
 291, 293, 296, 296₁, 298, 301, 304,
 323₁, 325, 327, 330, 331, 335, 336, 348,
 352, 354, 354₁, 357, 359, 360, 376—
 379, 382, 384—390, 392, 396, 400,
 400₁, 401, 403, 407, 416₂, 417, 419,
 420, 421₁, 425, 640₁, 873, 895
 лексические заимствования в финно-угор-
 ском 940—942
 метрические системы 183
 мифологические заимствования в китай-
 ском 936
 этнические объединения 894
 языки 219, 223, 238₁, 287, 294₁, 317₂,
 337, 347, 386, 387
 индоевропейский
 лексический пласт заимствований из се-
 митского 871—875
 миф о божестве «водных просторов» 675
 пантеон 794, 795
 праязык 20, 302₁, 309₁, 320, 336, 367
 индо-иранские
 миграции 935
 языки XLVII—XLVIII
 индо-иранский
 диалект 86
 консонантизм 924
 индо-иранское единство 918₂
 индукция 308, 312, 355, 374₁, 379
 индуцированность 293
 инициаль гласная 253
 инклюзив 292, 292₁, 293₁, 305
 инхоативное значение 347
 инновации 371, 372, 373, 377, 381, 382, 386,
 388, 389, 396, 404, 411, 420, 425, 944
 в диалектах и.-е. языка 390
 семантические 420, 529, 943, 944, 946
 структурные 396
 субстратного происхождения 899
 форм падежей 378
 институт «вхождения зятя в семью жены»
 775
 интенсивное (динамическое, усилительное)
 ударение 194, 221
 интенсивность 135
 интенсивные (придыхательные) 46
 интервокальная позиция *см.* позиция меж-
 ду гласными

- интердентальный
 спирант *см.* спирант
 характер фонемы 122
- интонационные противопоставления
 интонация 204₂
- интранзитивное значение 347
- интранзитивность *см.* признак транзитивности ~ интранзитивности
- интровертная последовательность согласных
см. децессивная последовательность
- инфиксы 151₂
- инфинитив 189₂
- инцест 777, 778
- инъюнктив 327, 342
- Иньская культура Китая 561
- Иньский период 557, 592
- ионийско-аттический диалект XLIX
- ипостась Нептуна женская 676
- иранская мифология 720
- иранские языки XLVIII
- ирригация искусственная 886
- исландский язык LI
- использование 'березовой коры' 623₁
- исследование связей языка и культуры 458
- исторические диалекты (индоевропейские)
 17, 97, 129, 131, 132, 188, 196, 197₁,
 198, 211, 225, 245, 270, 280, 284, 288,
 294₂, 305, 306, 319, 327, 347, 352,
 354, 355, 375, 391, 393—396, 400,
 400₁, 401, 402, 406, 408, 409₁,
 414, 416, 417, 422₁, 426, 457, 692,
 707, 710₁, 720
- исторические индоевропейские языки 5, 189,
 269, 282₁, 283, 312, 315, 332, 344, 408,
 458
- историческое распределение языков Евразии 957
- «История» Геродота 777
- «История Армении» Моисея Хоренского XLVIII, 502
- «История Рима» Тита Ливия 757
- источники
 из Алалаха 727
 из Богаз-кёя 727
 из Угарита 727
- исходная индоевропейская система 400
- италийская фонологическая система 72
- италийские языки L
- италийский 89
- итератив-каузатив 178
- итеративно-дуративная форма 209
- функция 347
- иудейско-палестинский язык LIV *см.* семитские языки
- Кабардинский язык LIV
- кавказоиды 936₁
- кавказские языки LIV, 919, 939₁
 северо-восточные LIV
 северозападные LIV
- калмыцкий язык (Kalmyk) LVI
- камаюра *см.* язык камаюра
- «каменные сосуды» как метафорические образы пчелиных ульев 605, 606
- «каменный дом» 827, 828
- «камень Громовержца» 667
- каннада (Каппада) LV, *см.* дравидские языки
- канонические структуры 215, 216, 219, 253
- капитолийская триада 851
- каппадокийские
 имена собственные 860
 таблички LIII, 863, 889, 889₃
- картвельская языковая структура 318
- картвельские (южнокавказские) языки
 LIV, 256, 260, 293_{1,2}
- картвельско-индоевропейские лексические соотношения 967
- «катализатор» 367₂
- категория
 аориста 389
 версии 333, 334, 335, 336, 337
 времени 390, 392
 «дяди по матери» в и.-е. системе родства 772
 женского рода 425
 «живого» 467
 «земных людей» (или «смертных») 476
 инклюзива 292, 309
 инклюзива—эксклюзива 292, 293, 293₂,
 311
- каузатива 342
- медальности 390, 392
- множественности 281₁, 282, 282₁, 392
- модальности 341
- морфологическая производная 193
- неотчуждаемой принадлежности 333
- «несвободных» и «зависимых» 480
- падежа 317
- персонифицированного «разума» или «души» 473
- прошедшего времени 393₁
- собираемости 282₁
- числа 268₁, 269, 288, 311
- эксклюзива 292, 309
- Катон (Cato) 594, 597, 797₄
- «катящееся колесо» нартов 720
- каузатив 177, 178, 339, 341, 342, 343, 347
- каузативное значение 347
- каузативные формы 177, 347

- кафирские языки *см.* нуристанские языки
квиллют 311
квинтили 779
кельто-германские названия 'лошади' 554,
554₁
кельтские языки L, 79, 89
керамика
каппадокийская 897₁
куро-араксская 896₄
микенского типа 901
минийская (серая) 899
монохромная 897₁
полихромная 897₁
шнуровая 952
кетский (енисейско-остяцкий) язык LVI
«кириллица» XLVI, LXI
китайские источники 935
китайский язык LVI
класс
адъективов 374
активных глаголов 293, 294
активных имен 286, 308, 312, 386
аффрикат (и сибиллянтов) 103, 137
внеязыковых объектов 458
«всего живого» 465, 467, 468₁
«говорящих» или «разумных существ»
472
«животного мира» 468
«живых одушевленных существ» 469
имен-определителей 279
инактивных глаголов 294, 312
инактивных имен 286, 300, 308
интранзитивных глаголов 294₁, 318
«ларингальных» 215, 216
«недких существ» 469, 485
неодушевленных имен 269, 272, 273
непереходных глаголов 318
несвободных людей 477
одушевленных имен 269, 279
«одушевленных» существ 279, 467, 471,
480
переходных (транзитивных) глаголов
294₁, 318
«разумных существ» ~ «богов» 475
синтаксический 279
собственно гласных 164, 204₂
собственно согласных 164, 204₂, 215
сонантических фонем 164, 166, 169, 192,
199, 212, 215, 216, 243, 252
фонемный особый в системе и.-е. языка
197
шумных согласных 216
классификационная группа centum 409
классификационная система названия «жи-
вых существ» 572₁
классификационное единство человека и
домашних животных 470
классификационные группы и.-е. языков
407
классификационный термин 764
классификация
глагольных образований 312
диалектов по четырем группам 379
«живых существ» 375
именных образований 271, 375
centum/satem-ная и.-е. диалектов 961
мира «диких животных» 466, 489
мира 'человека' и 'домашних животных'
472
по активности — инактивности денотата
273
по грамматическому роду 283
по языкам decem и языкам taihun
961
«разумных существ» 474
типологическая XIV
классная принадлежность 277
клинопись
ассирийская LIII
староаккадская LIII
хеттская LVIII
клинописные
знак LVII, LVIII
памятники староперсидские XLVIII
«Клятва водам» Варуны 825
«Клятва Солнцу» фараона Эхнатона 735₁
«Клятвы водяные» хеттские 826
колесная повозка в погребальном обряде
726, 797
колесница
Ашвинов 796
Солнца 936
колесницы из Лчашена 733
колесный транспорт 867, 870, 884, 894
«колесо гибели» 720
«колесо» как символ солнца 720
количественная оппозиция гласных 181
«колонные парадигмы» 195
«колхский» язык 880₂
комбинаторика смычных в пределах корня
139
комбинаторная обусловленность 54, 158,
182
комбинаторно обусловленные варианты фо-
нем 16, 158, 163, 172
комбинаторно обусловленный фонетический
процесс 61₁
комбинаторные факторы фонетических из-
менений 27, 61₁, 89₁, 91, 151, 193,
403, 409₁, 411

- комбинация
 синтагматическая 142
 фонем 156, 197₁
 фонемных серий 144₁, 405
- комбинированная запись признаков
 LXXXVIII
- «комбинированные» метры 842
- коми-зырянский язык (Komi-Zyrian) LV,
 см. финно-угорские языки
- коми-пермяцкий язык (Komi-Permyak) LV,
 см. финно-угорские языки
- компактная
 лабиализованная фонема 124, 126
 сибилантная (фрикативная) фонема 120,
 125₂, 128₁
 фонема 121
- компактно-диффузные спиранты 82
- компактность 81, 105₁, 137
- компактные 81, 82, 170
 глоттализированные аффрикаты 105
 (постериорные) аффрикаты 85, 95, 104,
 105, 107, 107₂, 108, 121, 924
 сибилантные фонемы 125, 128₃
 согласные (постериорные) 82
 фонемы 106, 125₂
 (шипящие) аффрикаты 95₁, 107
 (шипящие) спиранты 107
- компактный
 ареал первоначального распространения
 общего языка XСIV
 лабиализованный сибилантный спирант
 125
 член фонемной оппозиции 128
 (шипящий) спирант 108, 922, 924, 928
- компаративистика 597
- компаративные адъективные конструкции
 354
- компенсаторное удлинение (гласной) 70,
 111, 182, 184, 185, 186, 187, 187₁,
 188, 204
- комплексы обрядов 774
- комплексы согласных 27, 101, 139, 258₁
- композицы 325, 351
 определительные 348
- конверсия отношений 337
- коневодство 546—548, 551
- «Конево́дческий трактат» Киккули 547
- конечная позиция 165₂, 323₁
 в предложении 323
 глагола-предиката 322
- конечный
 элемент в морфемной последовательности
 344₂
 этап индоевропейских миграций 956, 957
 'конопля' 660—662
- консерватизм
 германской фонологии 41₁
 западнокавказских языков 256
- консонантизм
 армянский 41
 индоевропейский 5, 8, 8₁, 9, 80
 картвельский 136, 256
- консонантная
 система 141₁, 257
 функция 213
- консонантные
 комплексы 139, 145₁, 405
 соответствия 175₁
 фонемы 212, 256
 элементы 142, 167, 232, 238
- консонантный сегмент 70₁
- Константин-Кирилл Constantine-Cyril 623₂
- конструкции
 аффективные 287
 объектные 325
 описательные 311
 определительные 278, 352, 355
 «остаточные» 357
 относительные 367₂
 принадлежности 357
 с аккузативом 285
 с относительным неопределенным местоимением 352
 с пассивным значением 338
 с постпозицией существительного 355
- контактная последовательность 17, 18, 32,
 33₁, 37₁, 66₂, 69, 111, 139, 144, 149,
 152, 153, 156, 156₁, 157, 403, 404, 405
- контактные сочетания согласных 161
- контакты
 греческих племен с иноязычными племенами
 в ареале Севера Малой Азии и Закавказья
 909, 909₃
 Древнего Китая с носителями и.-е. диалектов
 936
 «древнеевропейских» диалектов с языками
 Центральной Азии лексические
 881—883
 древнеиндийского языка с доарийскими
 языками древней Индии 915
 и.-е. диалектов с неиндоевропейскими
 диалектами 914
 индо-иранского диалекта с семитским
 914, 914₁
 исторические между языками LXXV
 кельто-германских племен с носителями
 восточноазиатских языков 555
 праиндоевропейского языка с семитским
 и картвельским 871
 протоармянского с анатолийским языковым
 миром 912, 913

- контаминация 330, 332, 937
 контаминированные парадигматические системы медума 331
 контекст XV
 изменчивый XV
 контрастные позиции 56, 169
 конъюнктив 339, 340, 341₁, 342, 343, 344₁, 392—394
 конь Одина 549
 коптский язык LIV
 корейский язык LVI
 корень 220, 234, 235, 237, 240, 253, 261, 276, 346
 в сочетании с суффиксом в нулевой ступени 632
 индоевропейский 96, 151, 190₁, 236, 253, 257₃
 по Бенвенисту 7
 с акцессивной последовательностью согласных 151₁
 с вокалическим началом 754
 с Schwebelaute'ом 233, 234, 237, 239
 корень + суффикс 98
 корни 152, 154, 221, 232, 234, 247₁, 303, 422, 423, 425
 в картвельском 256₁
 с двумя смычными 152, 153
 с изначальными гласными 165
 с «ларингальными» фонемами 165
 с начальным или конечным спирантом 155, 156, 161
 с нулевой огласовкой 147, 152
 со смычными различных серий 156, 161
 с сонантами 163, 177
 с сонорными 162, 165, 172
 с трехконсонантными морфемами 233
 с шумными согласными 157, 163, 167
 сложной консонантной структуры 255
 структуры II—III или III—II; II~II или III—III 405
 типа II—II 154
 корнский язык LI
 корова и и.-е. культовая традиция 567, 569₄, 571—572
 коровой // каравай 576, 577
 корреляты 363
 корреляция 84, 86, 204₂, 887
 коррида (corrida de togos) 576
 косвенно-объектная частица 362
 косвенно-объектное (дательное) местоимение 360
 коттский язык LVI
 крайне левая часть правой компоненты предложения 367
 крайне левая ячейка 359, 361, 364, 365, 366
 крайне правая ячейка предложения 361, 364, 365
 краниологические данные 916
 кремацня 826—831, 885, 894, 949, 964
 «кровная мечь» 809
 кровопускание 818
 кромлехи 954
 круглая форма жилищ 892, 893
 круглые очаги Весты 700
 крытые передвижные дома 730
 крытые повозки 729—730
 культ
 близнецов 777
 бога-кузнеца 715, 715₁
 бога Неба 561, 939
 «божественного напитка» 653, 653₂
 волка 496, 499
 дикого быка 520
 леопарда-барса 505, 505_{2,3}, 506
 лошади 551—555
 льва 509
 медведя 499
 культовая
 значимость 'гуся' в древнеиндоевропейской символике 543
 значимость 'дикого кабана', 'вепря' 514, 516
 значимость 'солнца' и 'луны' 685
 роль 'быка' 576
 роль 'колесницы' в «Ригведе» 728
 роль 'коня' 553
 роль 'кошки' 600
 роль 'льва' 508
 роль 'медведя' 497, 499
 роль 'овцы', 'шерсти', 'пряжи' 581—582
 роль 'осла' на Ближнем Востоке 563—564
 роль 'тура', 'дикого быка' 520
 символика 'ворона' в романтической литературе нового времени 540₁
 символика, связанная с 'коровой' 567—569
 культово-ритуальная
 значимость 'волка' 493—494
 значимость 'лося' в славянской традиции 519₁
 значимость 'мыши' и 'землероек'
 значимость 'орла' в Малой Азии
 роль 'свиньи' 596—598
 культовые центры севера **Малой Азии**

- культура (археологическая)
 Аладжа-Хююка 896₄
 Амука F-Гавры 918
 Анатолии 897
 андроновская 918₂
 древнебалканская (древних Балкан) 911,
 912, 967, 968
 Древнего Востока 892
 Кавказа 892
 карасукская 735
 курганная («древнеямная») 948, 948₁,
 949, 952, 953, 969
 куро-араксская 892—894
 лужицкая 616
 Приволжья и Причерноморья 948₁
 «протоиндоевропейская» 948₁
 раннезакавказская 893
 раннемайкопская 918
 раниминойская 901
 раннешумерская 712
 Северного Ирана 949₁
 северомесопотамская 920
 Сиалк 693
 Триалети 727
 Триполья 694
 убейдская (Uбайдian), предшумерская
 712, 892
 унетицкая 953
 Халафа (халафская) 891, 892, 892₁, 964
 Хассуны 712
 хирбет-керакская 893
 Хиссар 914
 Чатал-Хююка 891, 892, 912
 шнуровой керамики и боевых топоров
 952
 шулавери-шомутепинская 892, 893
- культура, реконструируемая по лингвисти-
 ческим данным XCV
- «культурное койнэ» анатолийско-эгейское
 899₁
- культурно-исторические проблемы в линг-
 вистическом освещении X
- культурные антропологические инновации
 887
- курганные могильники Болгарии 911₂
 курдский язык XLVIII
 курух (Kurukh) см. дравидские языки
 кушитские языки LIV
 кшатрии 788₃
- Лабнализация см. признак лабиализации
- лабиализованная
 велярная 90, 125
 сибилантная фонема 628, 764
- смычная 153
 фонема 134₁, 926
- лабиализованность 137, 213₁
 лабиализованные LXI, 84₁, 91, 101
 велярные 97, 98, 101, 127
 «гуттуральные» 134₁
 согласные 83, 84, 90, 99, 171, 247₁, 256,
 258₁
- лабиализованный 103, 153
 велярный ряд 83, 136, 140₂
 дентальный ряд 136, 137
 лабиальный ряд 84₂
 «ларингальный» 171
 ряд 5, 104, 144, 416
 ряд велярных смычных 137
 ряд (лабиовелярные) 113
 ряд смычных 84₁, 105, 134, 160₂
 сибилант 125
- лабиальная фонема 86, 88₁, 104, 109, 125,
 146, 875
- серии звонких 402
 фрикативная 89₁
- лабиальность 17, 90, 93, 124, 135
 вокализуемого слогового сонанта 201
- лабиальные LIX, LXII, LXIII, 81, 92, 96,
 410, 515₂
- лабиализованные 84
 монофонемы 88
 согласные 410₁
 фонемы 88, 96₁, 174
 элементы 346
- лабиальный 6, 11₂, 13, 135
 комплекс 133, 258₁
 компонент в последовательности 124
 ряд 5, 6, 73, 81, 82, 84, 96, 99, 135, 136,
 144
 сонант 173
 члеи 72, 73, 137
 элемент 87, 90, 101₂, 134₁, 168, 410
- лабиовелярная фонема 60₁, 73₁, 87, 96, 101,
 102, 169, 925₁, 962₁
- лабиовелярные 59, 75₂, 87, 88, 88_{1,2}, 89, 90,
 91, 92, 92_{2,3}, 93, 93₂, 94, 95, 96, 101,
 102, 103, 154, 409, 410, 410₁, 413, 414
- лабиовелярный ряд 6, 75₂, 86, 88₁, 96, 99,
 100, 101, 103, 104, 160, 204₁, 407, 409,
 410, 410₁, 412, 413, 414
- лазский (чанский) язык LIV
- лаидшафт первоначального обитания ин-
 доевропейских племен 683, 866
- ларингализованный фарингальный 165₂
 «ларингальная», «ларингальный» 121, 149₁,
 208, 245, 245₁, 246, 248, 627, 716,
 719₁, 872, 873

- ларингальная
 артикуляция (смычно-гортанная) 35₁
 фонема 77, 131₁, 170, 171, 172, 197, 198,
 202, 203₁, 204, 206, 207, 208, 210,
 210₂, 211, 224, 231, 245, 847₁, 874,
 876
- «Ларингальная теория» LXXXII₁, 77₁, 166₁,
 960, 962, 963
- ларингальные LXIII, LXXXII₁, XCI, 54, 55,
 56, 157, 159, 160, 161, 165, 166, 169,
 185, 192, 198, 203, 203₁, 204, 206,
 207, 208, 210, 211, 212, 213, 263, 876,
 963
- и фарингальные в общесемитском 213
- ларингальный
 лабиализованный 159
 палатализованный 159
- латино-филисская подгруппа языков L
 латинский язык L, 87
- латышский язык LII
 лаху 19₁, 35₁
- ‘лев’ 509
- левая компонента и.-е. предложения 358,
 359, 360, 361, 362, 364, 366, 367
- «легенда о Минотавре» 520₁
- легкая колесница как символ царской вла-
 сти 726₁
- лезгинские языки LV
- лексика
 базисная LXXIX, LXXXI
 как структурная система XVI
- лексикализация глагольных форм 308
- лексико-грамматическая система 267
- лексико-семантическая система 267, 459
- лексико-семантические
 группы 458₁
 изоглоссы 420
 поля 458, 583
- лексическая
 дифференциация значений 719
 изоглосса 422₁, 456, 673, 681, 803₃, 808
 синтагма 668
 соотношенность 296₁, 309
 сочетаемость 350₁
- лексические
 группировки 426
 данные 417, 425
 дублиеты 274, 521
 единицы 417, 426
 значения 347
 изоглоссы 373, 416—422, 424, 425, 426,
 899, 955
 инновации 373, 420, 424, 944
 контакты 881—883
 новообразования 420, 421, 673, 681
- связи 424, 939
 соответствия 426
 соположения (картвельско-индоевропей-
 ские) 879
- лексический
 ииактив 309₁
 эквивалент 336
 ‘лен’ 659
- лениция в кельтском 28
- ‘леопард’-‘барс’ 500—504
- лечение ‘свинцом’ 818
- ливский язык (Livonian), см. финно-угор-
 ские языки
- лидийский язык XLVII
- ликийский язык XLVII
- лингвистика
 ареальная XCIII
 вычислительная LXXVIII₁
 диахроническая IX, XCIII₁, LXXXVII₁
 описательная XIII
 сравнительно-историческая XCIII
 структурно-типологическая LXXXI,
 LXXXIV
 универсалий LXXXI, LXXXIV, XCIII
- лингвистическая география XCIII, 372
- лингвистическая палеонтология 457
- лингвистическая палеонтология культуры
 457₂
- линейная
 последовательность 248, 249
 проекция 367
 сочетаемость морфем 259
- линейная письменность A 888, 901
- линейный порядок 358
 членов предложения 325
- линия миграций и.-е. культуры 949
- литературно-мифологический жанр «виде-
 ний во сне» 504₂
- литовский миф о боге грозы 601₁
- литовский язык LII
- личные
 окончания 329, 388, 390, 391
 показатели (глагола) 342, 343
- логико-семантическая структура 338
- логико-семантические единицы 337
- логико-семантический
 десигнат 338
 объект 337, 338
 субъект 337, 338
 уровень 337
- логическая классификация Трубецкого
 LXXXVI₁
- логограмма с фонетическими дополнени-
 ями 758₁
- локализация и.-е. «прародины» 899

- локальные ряды согласных 5, 6, 13, 18₂, 20, 27₂, 96, 97, 136, 139, 140, 142, 144, 146, 253, 257, 258₁
- локатив 165, 189₂, 226, 243, 268, 285, 287, 304, 382, 383, 394
- абсолютный 287₁
- лоло-бирманская подгруппа тибето-бирманских языков 19₁
- 'ломаное' удвоение 222, 222₁
- 'лошадь' 552, 555—557, 897
- главенствующее положение 483
- домашняя 557—560
- как тягловая сила 894
- Пржевальского 557, 557₁, 561
- лувийская иероглифическая надпись из Кархемыша 913
- лувийский язык (клинописный и иероглифический) XLVI
- лужицкие языки LII
- лунная династия 779
- «львиные ворота» в Богазкёе 508
- львиные знамена сванские 511
- «люди-волки» 497, 591
- «люди Маса» (Maša-) 779
- «люди-медведи» 497
- «люди-псы» 591
- «люди Хатти» 779
- Магическое число 'девятнадцать' 528
- Maitrāyaṇīya Upaniṣad 786
- максимальная артикуляторная дистанция между локальными рядами 145
- максимально маркированный звонкий член 135
- максимально открытый гласный звук 147
- малаялам (Malayalam) LV, см. дравидские языки
- малоазийская культура 505, 509
- малоазийские образы «людей с леопардовыми шкурами» 507
- малоазийский
- субстратный язык 504
- характер древнегреческих этнонимов 902₂
- мансийский язык (Vogul) LV см. финно-угорские языки
- маньчжурский язык LVI
- марийский язык (Cheremis) LV см. финно-угорские языки
- маркер (ы) 275, 276, 297, 302, 313, 374
- активного класса 275₁, 278, 309, 317₂, 386, 677
- инактивного класса 273, 275₁, 277, 278, 282, 386
- медума 331
- множественности актанты 308
- начала предложения 364, 365, 366
- суффиксальные 336
- маркирование
- исходных актант активного строя 318
- падежа объекта 313
- падежа субъекта 313
- маркированная
- конструкция 325₁
- лабиовелярная фонема 73₁
- серия 13, 62₁
- форма 190
- маркированность 14, 84, 189, 275₁, 314, 317, 413
- обязательная винительного падежа 317₂
- фенотипическая 1327
- маркированность—немаркированность LXXXVI, LXXXVI₁
- маркированные
- звонкие члены 136
- имена 280
- образования 284
- палатальные 113
- ряды 102, 104, 113
- сочетания признаков LXXXVII
- маркированный 9, 10, 13, 98, 105
- лабиализованный «ларингальный» 159
- палатализованный «ларингальный» 159
- ряд лабиализованных 101
- ряд лабиовелярных 101
- ряд палатализованных 104
- свнстяще-шипящий ряд 136₁
- характер (ряда) 105, 115, 132
- член серии звонких 60, 132, 135
- член системы LXXXVI₁, 85, 126
- маркировка 383
- маркирующие элементы 307
- материальная и духовная культура носителей диалектов и.-е. языка 458
- материальный быт и культура носителей и.-е. диалектов 459
- материковая Греция 899—904, 907—908, 957
- матрица идентификации фонем LXXXVIII, LXXXIX, 87
- мегалитические культуры 954, 969
- мегельский язык LIV
- медальность глагольной формы 390₁
- медальные
- глагольные структуры 334, 336, 340, 390, 392
- образования 296
- окончания 335, 391
- структуры 301, 330, 338, 391, 392
- формы 330, 331, 332, 337, 338, 390, 390₁, 753, 910

- медиопассив 295₂, 296, 301, 328₃, 390₁,
 393, 394
 медиум 295, 301, 331, 332, 334, 335, 336,
 337, 338, 392₁
 медицинские теории древности 819₂
 медь 457, 709—712, 709₁
 «межареальные» взаимоотношения 421
 международный конгресс лингвистов в Ос-
 ло (1957 г.) 959
 мезолит 636₁
 менгиры 954
 ментальная категория «разума», «души»
 973
 место артикуляции 81
 место ударения 276₁
 местоимение, местоимения 275₁, 285, 293,
 366₂, 378, 386
 личные 254, 255, 290, 291, 292, 299, 306,
 383, 384
 несреднего рода 275₁
 относительные 218, 270, 270₂, 352, 353,
 387, 394, 395
 притяжательные 254, 278₁, 290, 290₁, 299,
 333, 358
 рефлексивные 390₁
 субъектное 360
 указательные 218, 254, 291, 385, 394
 эклитические 270, 286, 290, 290₁, 291,
 360, 362, 386, 386₁, 387
 местоименная форма номинатива 386
 местоименное происхождение маркеров
 275₁
 местоименные
 образования 305
 основы 218, 254, 275, 275₁, 292, 385₂
 показатели 291₁
 формы 275₁, 290, 292, 293₁
 элементы 360
 энклитики 359, 363
 металингвистические обозначения 963
 поэтической речи 835—837
 металлургия 716
 месопотамская 876
 метатеза 6, 112₁, 149, 149₂, 237, 661, 661₁,
 879, 922
 начального комплекса 469₂, 909
 начальной «ларингальной» 875
 смычных 814
 метафорический
 образ 606
 перенос значения 780
 методы соотнесения лингвистических дан-
 ных с археологическими и культур-
 но-историческими XCV—XCVI
 метрика XV
 метрические формы поэтического языка 884
 механизм
 аблаутных чередований 191—194, 226,
 240, 242, 243, 247, 261₁, 262
 морфонологических чередований 237
 чередования сонантов 262
 мехри LIV
 миграции
 европеоидного населения 936₁
 и.-е. культуры 949
 ираноязычных племен через Среднюю
 Азию 921
 картвельских племен 880₂
 кочевых племен 886₁
 «народов моря» 952
 общностей людей с племенными объеди-
 нениями 951—952
 племен-носителей и.-е. диалектов 458,
 561, 637, 870, 880₂, 886, 886₁, 892,
 894, 895, 896, 896₁, 898—901, 917,
 918, 918₂, 929, 935, 938, 940, 948₁,
 950, 952
 терминов 588, 589, 611
 миграционные
 волны носителей и.-е. диалектов 912,
 915, 935, 944
 термины 510, 511, 519, 520, 521, 524, 532,
 554, 561, 574, 592, 601, 649—650,
 876, 925₁, 932—933, 939
 микенская
 аристократия 957₁
 Греция 508, 551, 595, 652, 657, 746, 791,
 797, 957, 957₁
 греческая культура 731
 микенские
 греческие тексты 840, 908
 надписи из Кносса 863₂
 микенский период 870₁
 минимальные смылоразличительные компо-
 ненты XV
 мир
 «вещей» 456
 внеязыковых понятий 457, 457₂
 «всего живого» 465, 468
 «животных» 471
 «живых» 825
 «людей» 471
 «мертвых» 824
 по древнейшим мифологическим воззре-
 ниям 485
 «Мировое дерево» 485, 487, 489, 519, 522,
 530, 538, 549, 553, 557, 561, 582, 587,
 588, 588₁, 589₂, 607, 616, 629, 630₁,
 643, 675₂, 852, 867

- «Мировой Змей» 525, 529, 572₁, 600, 643
 Мировой Океан 825
 мироздание как модель человеческого тела 820
 митаннийский
 арийский диалект XLVII, 547₁, 863
 пантеон 548₁
 миф
 о близнецах 778
 о Гордневом узле 722
 о 'горном озере', 'источнике' 676
 о детях-близнецах бога Солнца 777
 о детях царицы Канеса 903
 о добыче «меда поэзии» 476
 о «золотых яблоках» 643
 о похищении Елены 757
 о похищении Меден 757
 о похищении Персефоны 757
 о похищении сабинянок 756, 757₁
 о Ромуле и Реме 779
 о «солнце, встающем из-за моря» 896, 896₂
 о сотворении мира 821
 о Телепну XLVI, 538, 606₁, 609, 611, 630₁, 702, 898, 903, 909
 о царе Телефе 903
 о «яблоке раздора» 643
 о Язоне 907
 о Яме 777
 об «амазонках» 606
 об «Арго» 907
 об аргонавтах 907, 907₁, 908
 об Атлантиде у Платона 520₁
 об «инцесте близнецов» 777—778
 об основании общества Луперков 779
 об «охотнике Кешши» 591₁
 связанный с происхождением 'пастбищ' 824
 мифологема 778₁, 820
 мифологическая значимость
 'вепря' 517
 'выдры' и 'бобра' 530, 531
 мифологическая роль
 'моря' 675, 675₂, 676
 'шакала', 'лисы' 514
 'яблока' 642, 643
 мифологические
 мотивы 459, 460, 821, 884, 903, 904
 представления 915, 915₁
 традиции 529
 фратрии 784
 мифологический
 Змей 526
 образ «колесницы солнца» 735, 735₁
 человек Имир 821
 человек Пуруша 828
 мифологическое
 значение 'оленя' 518, 519
 имя «аргонавтов» 908
 мифология и ритуалы XVI
 младограмматический тезис 458₁
 «Младшая Эдда» 476
 «Млечный путь» 532
 мнемонические знаки 890, 890₁
 многовалентное глагольное спряжение 300
 многоморфемная последовательность 250, 261
 многоморфемные начальные структуры 250₁
 множественное число 279₁, 282, 305
 множественность 181, 187₁, 268, 281, 282, 292, 306, 311, 381₁
 актант 306, 307, 311
 коллективная 283
 объекта 307, 347
 раздельная 282₁
 субъекта 347
 множество «недких существ» 474
 моавитский язык LIII
 могильник
 в Самтавро 507₁
 Синташта 950
 Хвальнский 558
 модально-видовая семантика 342
 модальные
 значения 339, 389₁
 образования 347, 393
 показатели 342
 формы 347, 394
 модели
 распределения аллофонов фонем см. распределение аллофонов фонем
 распределения суффиксальных элементов 348
 распределения (дистрибуции) фонем 26, 111, 202, 211, 403—405
 сочетаемости, совместимости признаков LXXXV
 модели миграций по Мерперту
 первая 886₁
 вторая 886₁, 892
 третья 952
 модель
 аблаутных чередований 241
 Бенвениста 240
 индоевропейского консонантизма по Педерсену 8₁
 мира в мифологических представлениях 485, 851, 852

- простого повествовательного предложения 320
 синтаксическая 355
 ядра простого предложения 322, 325
- модификации**
 велярного ряда 136
 дентального ряда 136
 поствелярного ряда 136
- модифицированный ряд лабиовелярных 86
 Моисей Хоренский (Movses Khorenatzi) XLVIII, 102, 203
- мокша-мордовский язык (Mordvin-Moksha) LV, см. финно-угорские языки
 «Молитвы Мурсила во время чумы» XLVI, 480, 702, 807₁, 831
- 'молния' 643
 'молот' как «оружие бога грома» 715
 молочное хозяйство 567—569
 «молочные животные» 597
 монголоидный антропологический тип 956
 монголоиды азиатские 936₁
 монгольский язык LVI
 моновокализма
 принцип см. принцип моновокализма
- моновокалическая
 система 170₁
 структура корня 255
- монофонематическая интерпретация комплексов согласных 219, 256
- монофонематические единицы 87, 134₁, 256, 258₁
- монофонематический комплекс 100, 124
- монофонемность 125₁, 133
 лабиовелярных 88
- монофункциональность божеств 679
- «мореплаватель» 908
- морфема** 182
 аффиксальная 260
 в нормальной степени огласовки 250, 262
 корневая 211, 216, 222, 232, 238, 238₁, 245, 246, 248, 248₂, 252, 259, 260, 261
 родительного падежа 267
 с закрытым слогом 249
 с открытым слогом 249, 251
 суффиксальная 216₁, 225, 238, 238₁, 247, 248₂, 254, 261
- морфемная**
 последовательность 222, 249, 250, 259, 340, 344_{1,2}
 структура 218, 222, 239
 цепочка 251
- морфемные**
 варианты (алломорфы) 259
- морфемный шов (juncture) 148₁
 морфемы 161, 177, 215, 248₂, 259
 аффиксальные 871
 корневые 215, 218, 220₂, 224, 231, 244, 245, 247, 248₂, 251, 255, 405, 871
 местоименные 245
 различных рангов 340, 344₂
 сегментные 340, 364
 с Schwabeablauf'ом 238
- морфологизация** ступени чередования 178, 263
- морфологическая**
 изоглосса 392
 инновация 381, 382
 неразложимость 238₁
 потенция глагола 312
 структура 309
 ступень 177
 функция 196, 219, 251
- морфологические**
 дублеты 269
 изоглоссы 373, 375, 387, 393, 397, 417, 419, 421
 показатели в глаголе 325
 процессы 238₂
 структуры 177, 296₁, 315, 355
 типы 387
 элементы 19₂, 215, 307, 325, 326, 344
 явления 371, 372
- морфологический**
 инвентарь 390
 показатель 306
 признак 190, 379
 тип образования 188₁, 261
- морфологическое**
 выравнивание редуцированных основ 26
 выражение 335, 339
 объяснение «закона Лахмана» 71₁
 оформление именных основ 308
 оформление классов переходных и ~~непереходных~~ глаголов 318
 строение 621
- морфология** 237
- морфонологизация**
 огласовки 177
- морфонологическая**
 идентичность схемы аблаутиных чередований 237
 ступень аблаута 192
 характеристика 232
- морфонологические**
 структуры 52, 71₁
 характеристики 259

- морфонологический тип образования 259
 морфонологическое
 преобразование 250
 противопоставление 412
 толкование долготы 71₁
 чередование см. чередование
- морфофонемные характеристики и.-е. звонких 962
- «мост в преисподнюю» 831₁
- мотив
 «известности, славы» в и.-е. поэтической речи 834, 834₁
 «кровосмешения» 778₁
 происхождения мироздания 820, 821
- мотивация 308
 мотивированность 293
 «мудрец-врачеватель» 811
 мунда языка LV, 915
 мунджанский язык XLVIII
- pigttiged release 15
 «мышина тропка» 532
- «мышь» в древнейших мифологических представлениях 531
- мэнский язык LI
- Набор фонетических признаков LXXVI
- на-дене 310
- надписи
 Ахеменидов 804
 енисейско-орхонские LV
 нероглифические лувийские XLVI
 из Писидии 904
 микенские из Кносса 863₂
 старшие северные рунические LI
- надпись
 Анитты XLVI, 486, 486₁, 498, 499, 545, 861
 Дария 755
 Идри-ми из Алалаха 725₁
 Мешн LIII
 Салманасара III 913
 Zukraši XLVI
- назализованная
 велярная фонема 575
 форма 879
- назальные LIX, 200
- название (названия)
 'белки', 'хорька' 522
 'березы' в и.-е. и его диалектах 619, 620
 'божественного напитка, преодолевающего смерть' 822—823
 'Большой Медведицы' у хеттов 725
 'бука' в и.-е. и его диалектах 621
 'быка', 'коровы' в и.-е. и его диалектах 565—566
 'вдовы' 759, 759_{2,3}
 'вереска' 662
 'Верхнего мира' 489
 'ветра' и 'бури' 677
 'вина' в древних и.-е. диалектах 647—648
 'вина' в южнокавказском (картвельском) 649, 649₂
 'вина' как древний переднеазиатский термин 649
 'винограда' в картвельском 650₂
 'вишни' 644
 'водяной птицы' в и.-е. и его диалектах 543
 'волка' 492, 495
 'ворона' 540
 'времен года' по сельскохозяйственным циклам 690—691, 853, 853₁
 'выдры', 'бобра', 'водяного животного' в и.-е. диалектах 529, 530
 'гниды', 'вши' 535
 'горы' в и.-е. и его диалектах 665—666
 'граба' в и.-е. и его диалектах 624
 'грызунов' как носителей инфекций чумы в древних цивилизациях 953
 'дерева', 'дуба' в и.-е. и его диалектах 612—614
 диалектные 'вечнозеленых деревьев' 631
 диких животных 'Среднего мира' 486
 'дикого быка' и его кавказские параллели 521
 'дикого быка', 'тура' и его связь с семитским 519
 'дикого кабана', 'вепря' 514
 'дождя' в и.-е. и его диалектах 679
 'дома', 'жилища' 741—742
 древней Иберии 496
 'дуба' в общесемитском 616₁
 'ели', 633—634
 'жабы', 'лягушки' 534
 'желудя' 617—618
 'жернова' в общесемитском 694₁
 'журавля' 540
 'зайца' 521
 'звезд' и 'созвездий' 685, 686, 686₂
 'зерна' 694
 'змея', 'змен' 525
 'золота' 713, 713₃
 'зубра' 519, 520
 'ивы', 'ветлы' 628
 'кизила' 643—644
 'козы', 'козла' 585—586
 'колеса' и 'колесных повозок' 718—719

- 'коня', 'лошади' 544, 553, 554, 556, 560
 'кошки' 599
 'краба' 533
 'лебедя' 542
 'легких' 815₂
 'леопарда', 'барса' 500, 504, 506
 'лосося' в и.-е. диалектах 536
 'лошади' в славянском 556
 'луны', 'месяца' 684—685
 'льва' 507, 510, 511
 'льна', 'конопли' 659
 'масел' 703, 704
 'меда' в египетском 609₁
 'меда' в и.-е. диалектах 603—604
 'медведя' 497, 498
 'меди' 709—710
 'мельницы', 'жернова' в и.-е. диалектах 693—694
 'металлов' и его связь с цветовыми признаками 710—712
 'моря', 'озера' 671—672
 'моря' в отдельных диалектах 673
 'музыкальных инструментов' 837
 'мухи', 'овода' 534
 'мха' 663
 'обезьяны' 523
 'овцы', 'барана', 'ягненка' 577, 583—584
 'огня', 'очага' 699—700
 'оленя', 'лося', 'антилопы' 517
 'ольхи' 635
 'ореха' 635—637
 'орла' 538, 539
 'осины', 'тополя' 626—627
 'осла' 562
 'осы', 'шершня' 535
 парных органов 281₁, 812
 'пахоты' и 'плуга' 687—690
 'посева' 688—689
 'проса', 'ржи', 'овса' 658
 'птицы' 537
 'пчелиного воска' 610, 610₂
 'пчелы' 602, 602₂
 'пшеницы' 657—658
 'пшеницы' как миграционный термин 658
 'пьянящих напитков' 653, 653₃
 'реки', 'потока' 670—671
 'ржи', 'овса' 659
 'рода' и 'предводителя рода' 748—751
 'розы', 'шиповника' 663
 'рыбы' 535—536
 'рыси' 511
 'свиньи', 'поросенка' 593—594
 'священного царя' 751, 751₂, 752
 'серебра' 713
 'серпа' 691, 692, 692₁
 'слона', 'слоновой кости' 524
 'снега' 681
 'собаки' 589—590
 'соли' 703, 703₁
 'солнца' 684, 684₁
 'ста' и 'десятков' 846—848
 'тепла', 'жары' 683, 684
 'тиса' 628—629
 'топора', 'секиры' 716—717
 'тутового дерева' 645—646
 'улья' 609—610
 'упряжи' и ее частей 721
 'утки' 543
 фригийцев в греческой передаче 910₂
 'хвойных деревьев' в иранском и картвельском 634—635
 'холода', 'льда' 682, 683
 'частей тела' 812—818
 частей тела 'коня' в и.-е. диалектах 545
 'черепахи' 533
 'шакала', 'лисы' 513
 'шерсти' и терминология обработки 'шерсти' 578—580
 'яблока' 637—638
 'яблока' как миграционный термин 641
 'яблока' как общиндоевропейская лексема 639—640
 'ясеня' 625
 'ячменя' 655
 наклонение
 повелительное 328_{1,3}, 342, 343
 сослагательное 389₁
 наличие в доме двух очагов, символизирующих 'Землю' и 'Небо' 742
 написание
 повторное клинописного знака для гласной LVIII₁
 слитное LVIII
 направленность действия 333
 во внутрь 338
 на субъект 335
 направленность заимствования 924
 наращение частицы на проминальную **ос-** нову 379
 народности Древнего Ближнего Востока 884
 народы
 Восточного Средиземноморья 957
 Древнего Мира 831
 'народы моря' (египетских источников) 911, 957
 «Нартовский эпос» 563, 591₁, 720, 778₂

- Население степной полосы Средней Азии** 918₂
- наскальные изображения 950, 951
- «Наставление служителям храма» 804₁
- «настоящее-будущее время» 328₁
- «настоящее время» 225, 327, 328, 329, 342, 343, 388
- нахско-дагестанские языки LIV
- начало
- глагольного комплекса 359
 - корня 258
 - предложения 359, 360
 - распада праязыка 861
- начальная
- акцессивная последовательность 149
 - аффриката 599
 - велярная фонема в акцессивном комплексе 148
 - гласная 245
 - глоттализованная 612₁
 - группа предложения 361₁
 - лабиализованная сибиллянтная фонема 628
 - «ларингальная» 121, 202, 245, 246, 248, 719₁, 872
 - позиция 72₁, 109, 121, 122, 246, 320₂, 359, 365
 - позиция определяющего члена 352
 - позиция перед гласным 203
 - позиция перед согласным 120₁, 165₂
 - позиция перед сонантом 206
 - последовательность фонем 122, 123
 - поствелярная смычная 817
 - согласная (корня) 158₁, 247, 253, 255₁, 257, 259
 - ячейка предложения 366
- начальное
- и.-е.*s 220₂, 598
 - и.-е.*š 560₂
 - положение глагола 323₁
 - сочетание смычных 148
- начальные
- сибиллянтные спиранты 219
 - сонанты 245₁
 - ячейки предложения 364
- начальный
- акцессивный комплекс 148, 149₁
 - вокализм 923
 - глагол 325₁
 - закрытый слог 250
 - индоевропейский ареал 872
 - комплекс согласных 219
 - консонантный элемент 257₄, 381
 - неслоговой элемент 253
- 81 Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов
- «нулевой спирант» 119
- сонант 216₂, 245₁
- элемент 292, 366
- элемент морфемной последовательности 249
- элемент основы 258₁
- нашествия «народов моря» 957
- неасбилизированные палатализованные 421₁
- неаспирированный аллофон 16, 21
- «Небесное колесо» в осетинском эпосе 720
- Небо 838
- «Небо-Отец» (верховное божество) 791, 792
- невыявленные соответствия 193
- невозможность начального сочетания смычных в индо-иранском 148
- негативные формы 289
- неглоттализованные
- аспирированные аффрикаты 106₂
 - смычные 32
- негомогенные по звонкости фонемы 20
- недифференцированность
- генитива первоначальная 268₁
 - категории временн 392
 - конъюнктив 341
 - морфемы генитива в отношении числа 268₁, 269
 - отношений аккумулятива—дательного 286
 - по отношению к категории числа 288
 - тематического спряжения первоначальная 329
 - функции прототипа исторического аккумулятива 285
- недопустимость контактной последовательности смычных 156, 167
- недопустимые сочетания смычных в общиндоевропейских корнях 142, 154₁
- неединообразное
- отражение по диалектам фонемных рядов 408, 413
 - по диалектам развитие парадигмы медиальных структур 395
- независимая сегментная фонема 87
- независимое
- притяжательное местоимение 290, 290₁
 - указательное местоимение 394
- независимые
- вокалические элементы 193
 - местоимения 291, 387
- незвонкие смычные 7, 15, 401, 910₂, 941
- незвонкий характер фонем серии I 47, 59₁, 79
- неиндоевропейские языки (Евразии) 427, 932, 933

- неинтенсивные согласные 46
 «неинтенсивный» тип акцентуации 149
 нейтрализация противопоставлений 112, 114, 316, 317, 330, 411, 412
 «гуттуральных» в позиции после *u* 114
 заднеязычных по признаку палатализованности 109, 421₁, 645, 656
 семантических признаков ХС сонантов в конце слова 400₁
 состояний I и II 240, 291
 нейтральная
 последовательность *см.* немаркированная
 нейтральность
 по отношению к модификациям 85
 серии II по отношению к признаку глухости ~ звонкости 20
 нейтральные члены оппозиции 213
 нейтральный веларный ряд 160₂, 910
 некомпактность 81
 некомпактные *см.* диффузные
 некрополь Пронойи 551
 нелабиализованные смычные 92₁
 нелабиализованный ряд 84₂
 иелингвистические (экстралингвистические) факторы 456
 немасимальная дистанция между членами локальных рядов 146, 147
 немаркированная
 конструкция 325₁
 последовательность 325₁
 серия 62₁
 структура 323₁
 фонема 171
 фонема в серии звонких 60
 форма именительного падежа 317₂
 немаркированность 73, 83, 322
 общего падежа субъекта 317₂
 немаркированные
 имена 280
 основы 190
 сочетания признаков LXXXVII
 немаркированный 10, 84
 велирный ряд смычных 85, 86, 95, 101, 104, 113, 115, 127
 корень 190₁
 лабиальный член 89
 порядок членов предложения 322, 325
 свистящий спирант *s 128
 строй 282₁
 характер лабиального члена в серии звонких 10₂
 член LXXXVI₁, 75, 109, 126, 159
 немецкий язык LII
 нена начальная позиция 148
 низкие по тональности 81
 необусловленность фонологических явлений 372
 необусловленные нули 363
 «необычное»—«обычное» сочетание признаков LXXXV₁
 неоднозначность нулевой ступени по отношению к двум состояниям основы 240
 «неодушевленные»
 объекты 274
 семантемы 295₃
 неодушевленный класс 467
 неозвонченные глоттализированные 941
 неолит 657, 658, 690, 827, 868
 Европы 581, 868
 Фаюма и Бадари 659
 неолитическая революция 641, 657, 708, 886₁
 неорганическая *см.* отчуждаемая
 неотчуждаемая (органическая) принадлежность 289, 290, 311, 358
 непалатализованная фонема 412
 непалатализованные
 аллофоны 172
 веларные фонемы 110₁, 111, 661
 фонемы 110₁
 непалатализованный рефлекс 925₁
 «неполная» система LXXIV
 «непоследовательная» эргативность картвельской структуры 319
 непрерывные фарингальные фонемы 165, 203
 непридыхательная фонема 21, 46, 56, 120
 непридыхательные
 аллофоны 21, 22, 24₁, 27, 28, 56, 403, 404
 аллофоны глухих смычных 31₁
 аллофоны звонких фонем серии II 24, 68, 71, 89
 неразложимость отрезка на морфемы 237, 238, 280₁
 неразложимые основы 238₁, 239
 с Schwebelaut'ом 239
 нерелевантность 5
 признака аспирации в фонемах серии II и III 16
 неслоговая «ларингальная» 203, 206, 207, 208, 211
 неслоговой
 аллофон 184, 197, 198, 206, 207, 208, 263
 вариант сонантов 187₁, 189₂, 201₂, 262
 элемент 197, 198, 204, 253, 255
 неслоговые
 аллофоны 163, 164, 182, 187, 192, 196, 199, 202, 212, 224
 «ларингальные» 165, 166, 192

- сонанты 184, 186
 элементы 172, 209, 212, 262
 неслогообразовательный (маргинальный)
 элемент ХС₁
 несовместимость
 в корне двух фарингализованных (эмфа-
 тических) согласных 19₁
 двух глоттальных (включая гортанную
 смычку) 19₁
 несовместимые (или идентичные) грамма-
 тические значения 330
 несочетаемость
 в корне двух звонких смычных 140₇
 в корне двух неидентичных глоттализо-
 ванных 18, 19, 51₁, 142
 в корне согласных одного и того же ря-
 да 97, 98, 98₁
 согласных серий II~III 19, 142
 нестабильный ряд палатализованных 99,
 101, 407
 неучастие «звонких» в составе аффиксаль-
 ных элементов 19₂
 нефонологическая сверхкраткая гласная
 161
 нечленимая
 основа 232, 238₂
 основа с Schwebelaute'ом 240
 «нивхский» (гиляцкий) язык LVI
 «Нижний или Подземный Мир» 488, 490,
 525, 527, 528, 529, 530, 531, 533, 534,
 535, 536, 582, 852
 низкая тональность *см.* тональность
 низкие по тону 81, 82
 новоиранские языки XLVIII
 новоперсидский язык XLVIII
 «Новый Завет» 569₁
 номинальные конструкции 386
 номинатив 271, 277, 278₂, 375
 номинативно-аккузативная структура 319,
 390
 номинативные предложения 352
 номинативный строй 318₁
 норвежский язык LI
 норма LXXXI
 нормальная
 огласовка 177, 224
 (или основная) ступень аблаута 168, 181,
 192, 194, 232, 259, 261
 ступень огласовки 182, 223, 260, 262
 нормальное
 синтаксическое распределение 325
 удвоение *см.* удвоение
 нормальный тип чередований 246
 нормы ранговой грамматики 328₂
 носовой гласный в древнеиндийском LIX
 носовые *см.* назальные
 «ностратическая гипотеза» 865
 нубийские языки 601
 нулевая
 огласовка 165, 167, 172, 173, 174, 179,
 224, 248, 757
 огласовка корня 155, 210, 472₄
 огласовка суффикса 346, 803
 ступень (огласовки) 152, 153, 154, 154₂,
 156, 157, 162, 163, 165, 166, 176, 178,
 182, 188, 191, 192, 201, 208, 209, 210,
 211, 220, 222, 223, 224, 225, 228₁, 229,
 232, 236, 240, 241, 242, 246, 247₁,
 248₁, 254, 258, 259, 260, 261, 262,
 644, 647, 656, 682, 712, 803, 925
 ступень корня 139, 144, 151, 154₃
 ступень суффикса 229₁
 форма 237
 частотность LXXXV
 нулевое окончание 184, 186, 284
 нулевой
 аблаут 250
 аффикс 341₁
 вариант 163, 240
 показатель 273
 показатель им. пад. 183
 показатель прош. вр. 342
 ранг 343, 344
 спирант 119
 формант 342
 нулевые
 аффиксы 343
 формы 180, 235, 247, 363
 нуристанские языки XLVII, 91, 616₂, 915
 «Обездоленный» 479
 обитатель «Нижнего мира» 582
 области африканских озер 831
 область
 возможной прародины индоевропейцев
 870
 первоначального одомашнивания **осла**
 562
 распространения 'яблока' 638
 обмен
 «женщинами», которых берут в жены
 752
 пищей между людьми и богами 701, 702
 обобщение парадигматическое 186, 223,
 384, 813
 обожествление
 космических сил 715₁
 Лба, Глаз, Ушей 473₁

- обозначение, обозначения
 'борозды' 689, 689_{1,2}
 'воды' 671
 'войска', 'народа', 'военной защиты' 740, 741
 'голода' 701, 702
 'горы', как 'высокой' 668—669
 'кровной мести' 809, 810
 'моря как соленого' 674
 'осы', 'шершня' 535
 'пищи', приготовленной на огне 703
 религиозных понятий и обрядов 801—805
 ремесленного производства 705, 706
 ритуального врачевания 811, 811₁
 'царя', 'повелителя' 752
 'ярма', 'ига' и связанная с ним символика 721—722
 «оборотни-вурдалаки» 494
 образ
 «витязя в барсовой шкуре» 506
 «обожествленного кузнеца» 715₁
 образы
 животных, соотносимых со сторонами света 502₁
 изобилия, связанные с 'молоком' 571
 обратная направленность заимствования 650₂, 873, 898, 939
 обряд(ы)
 «Белой лошади» 553
 'гадания с ярмом' 722
 инициации 532
 и словесные формулы, обозначающие солнце как 'колесо' 721
 кремации см. кремация
 Luregsālia 779
 погребения см. погребальные обряды
 принесения в жертву щенков 591
 проведения побежденного под 'ярмом' 722
 свадебные 786
 связанные с культом вина 652
 совместного жертвоприношения 'человека' и 'животного' 591, 592
 'стрижки овец' 581
 'умиротворения бога' 605
 обрядовые формулы 652
 общее происхождение языковых систем LXXVI
 общее языковое состояние 373
 общепанатоллийский период 862, 890
 общепанатоллийское состояние 861
 общедialeктные лексемы 459
 общендоевропейская
 «ларнигальная» фонема 171, 172
 система 8, 136, 137, 181, 211, 227, 395, 400, 458
 флора и фауна 866—867
 языковая область 395, 398, 400₁, 401
 языковая система 267, 392, 396
 языковая система позднего периода 216
 общендоевропейский
 характер практики кремации 831
 хронологический уровень 248, 458, 686
 общендоевропейский язык 7, 231, 238, 240, 262, 295, 315, 320, 326, 331, 357, 372, 388, 400₁, 417, 420, 427, 707
 древнейшего периода 274, 309
 позднего периода 232
 раннего периода 239
 общендоевропейское (языковое) состояние 9, 89₁, 118, 161₁, 247, 249, 251, 255, 267, 271, 323, 332, 386, 404, 405, 426, 694, 924
 общекартвельская
 прономинальная система 254
 (языковая) система 252, 253, 260
 общекартвельские
 именные образования 257
 корни 255
 общекартвельский
 аблаутный тип образования 260
 силлабический стих 842
 общесемитская
 (языковая) система 138
 система вокализма 161
 система согласных 137
 система спрантов 139
 общетюркский период 639₂
 общезвоническая
 закономерность 145₁
 тенденция к преодолению последовательности сонорных 640₁
 общность
 греческих и малоазиатских мифологических и ритуальных мотивов 902
 происхождения языков LXXX
 синхронных культур Закавказья, древней Анатолии и Месопотамии 893
 территории «древнеевропейской» гидронимии 953, 954
 объединение языков в диалектную группу по изоглоссе 382
 объект 322, 365₂
 действия 312, 321
 коммуникации 297₁
 косвенный 332, 358

- логико-семантический 337, 338
 прямой 332, 338, 358
 транзитивных глаголов 314
- объектная
 версия *см.* версия
 частица 360
- объектно-аккузативная частица 362
- объектное
 лицо 335
 местоимение (аккузативное) 360
- 'овечье руно' 907
- 'овечья шерсть' и ее ритуально-хозяйственное применение 704
- огласовка 186, 199, 221, 259, 301, 301₁
 *а в общиндоевропейских формах 147, 157—158
 корня 91, 419, 583₁
 нормальная 166
 нулевая 164, 168, 208, 240
 первичная 174, 243
 полная 165, 167, 202
 редуцированная 165, 168
 суффикса 229₁
- оглушение 40, 67, 118, 401
 звонких фонем серии II 24, 61, 61₁, 64, 65, 70
 комбинаторное 6
 непридыхательных 33
 по «закону Зибса» 118₁
 позиционное звонкой 70
- огонь
 как активная сила 699₂
 как символ очищения 831
- ограничения
 на сочетаемость смычных в дистантной последовательности 156
 на сочетаемость согласных различных локальных рядов 142
 налагаемые на структуру корня 962
- ограниченность
 акцессивной последовательности 146
 правил аллофонного распределения фонем серий II и III 34
- огубление *см.* лабиализация
 артикуляционное 138₁
- «Одиссея» XLIX, 501, 503, 605, 617₃, 644, 657₁, 825, 828, 903
- одновалентные глаголы 298, 300, 306, 309, 311, 315, 316, 317
- одноконсонантные (глагольные) корни 247, 248₂, 255
- одноместные глагольные формы 277
- одноранговая структура основы 346
- одомашнивание
 собаки 592; древнейшее свидетель-ство 593₁
- одушевленные семантемы 302₂
- одушевленный класс (имен) 273, 467, 468, 474
- одушевленный ~ неодушевленный 270, 292
- озвончение 51, 59, 259, 400, 401
 в позиции после сонорного 269
 глоттализованной аффрикаты 106
 глоттализированных фонем серии I 50, 51, 52, 52₁, 53, 53₁, 54, 59, 60, 64, 69, 74, 76, 79, 89 106, 137, 154₃, 401, 675₂, 880, 941
 глухих (придыхательных) 53₁, 72₁
 (интервокальное) глухих спирантов 65, 118
 комбинаторное (спирантов) 72
 корневого сибиланта 257
 под влиянием «ларингального» 72₁
 позиционное 118
 семитских «эмфатических» 138
 фрикативных (по «закону Вернера») 38, 39, 39₁, 195
- «означаемое» знака LXXIII, LXXV, 966
- «означающее» знака LXXIII, LXXV
- «окаменелые» форманты 215
- окончание
 аккузатива 201, 271
 генитива 267, 268, 268₁, 269, 270, 278, 354₂
 имен активного класса 276₁, 284
 множественного числа 305
 номинатива 271
 отложительно-творительного падежа 379
 перфекта 219
- окончания
 вторичные глагольные 327—332
 действительного и среднего залогов 295₂
 женского рода 284
 инактива 276
 медиума 332
 местоименных форм 275₁
 падежей 270, 271, 377
 первичные глагольные 327—332
- омаха 772
- омаха-кроу 885
- омонимия LXXIV
- онагр 558
- ономастика 913₂
 каппадокийских табличек 863
- ономатопэтические образования 54, 59, 60, 72, 534
- ономатопэя «визуальная» 222, 257_{2,4}
- операции сравнительно-исторические XIV

- оппозиции
 градуальные LXXXVI₁
 привативные LXXXVI₁
 эквиполентные LXXXVI₁
 оппозиционные формы 298
- оппозиция
 семиотическая 784
 темпоральная или аспектная 330
- определяемое
 имя 270₂, 350
 слово 277, 278, 279, 283, 351, 352, 353
- определяющее
 имя 270
 слово 283, 350
- определяющий член 352
- оптатив 339—343
- опьяняющие напитки 604
- органическая принадлежность *см.* неот-
 чуждаемая принадлежность
- ормури XLVIII
- орудия металлургии 716
- оружие 884
- осел
 как культовое животное 563
 как символ плодородия 563
 как транспортное животное 562
- осетинский язык XLVIII
- оскский язык L
- оскско-умбрские диалекты L, 89
- ослабление безударной гласной 161
- осложненное окончание родительного па-
 дежа 270
- основа
 активного класса 308, 386
 в атрибутивной функции 670
 в двух аблаутных состояниях 234, 235₁,
 237, 238, 239, 241, 251, 261, 822
 в нулевой ступени 201, 242
 глагольная тематическая 329, 343,
 344₁, 422
 инактивного класса 308, 386
 косвенных падежей 384
 ономатопозитического характера 534₁
 производная 238₂, 520
 простая (одноморфемная) 260
 редуцированная 258
 с расширителем 190
 сопряженная 225, 227, 231, 233, 261
 трехранговой структуры 345
- основная каноническая форма корня 243,
 247
- основы
 глагольные номинализирующие 302
 прономинальные 219, 245, 251, 268, 275₁,
 385₂
 с долгой гласной 186
 с древними сонантами 191
 с конечными неслоговыми сонантами 184
 с носовым аффиксом 249
 с Schwebelaute'ом 262
 среднего рода — древний инактивный
 класс 187
 существительных 244
 тематические 183, 187₁, 378, 383
 «остаточные слова» 675₂
 «Остров Блаженных» 643
- острова
 Средиземноморья 954
 Эгейского моря XLIX, 899—902, 904,
 957₁
 «Остромирово евангелие» LII
 «ось одновременности» XV
 «отверждение» *см.* веляризация
 отглагольное имя 177, 304, 671₁
 отглагольные формы 306
 активного класса 306
 инактивного класса 306
- «открытость» 160
 как признак согласных 213₁
- отношение, отношения
 конверсные XC
 маркированности LXXXVI₁, 14
 направленности действия и цели 285
 отдаленного родства языков LXXVIII
 парадигматической «доминации»
 LXXXVI₁, 11
 посессивности 289, 290
 принадлежности к денотату имени 284
 рефлексивности 336
 симметрические XV
 синтаксические 278, 286, 287, 326, 358
 субъектно-объектные 312, 313, 314, 315,
 317, 320, 332, 360, 361, 367₂
- «отношение дополнительного распределе-
 ния» 192
- отношение письменности к фонемному со-
 ставу языка LXXXII₂
- отождествление
 археологических культур Ближнего Во-
 стока и Передней Азии с протоин-
 доевропейской культурой 891
 созвездия «Большой Медведицы» с ко-
 лесницей 735
- отрицание 218, 245
- отрицательные формы глаголов 339₂

- отсутствие
 аффикса значимое 341₁
 лабиального члена в системе 102, 137
 особого числительного в значении «один» 843
 письменности в общендоевропейском 885, 887
 централизованной государственной власти у древних индоевропейцев 885, 886
 'шерсти' в неолите Европы 581, 868
 «отчуждаемая (неорганическая) принадлежность» 289, 290, 311
 очаг(и)
 доместикации разновидностей 'пшеницы' 657
 одомашнивания 'яблони' 641
 «очные формы» 338₁
 over-all pattern 136
- Павзаний (Pausanias) 553**
 падеж 279₁, 283, 381
 винительный см. винительный падеж
 дательный см. дательный падеж
 звательный 354₁
 именительно-винительный 183, 186, 188, 277
 именительный см. именительный падеж
 местный 285—287, 308
 направительный 189, 189₁, 286
 обстоятельственный 287
 объекта 286, 313, 317
 отложительно-творительный 379
 Ratiens'a 286
 прямого дополнения 285, 317, 318, 319
 родительно-винительный 317
 родительно-местный 394
 родительный см. родительный падеж
 структурно-инактивный 281, 282, 317
 субъекта 182, 185, 313, 317, 317₂, 318, 319
 творительный 379, 380, 394
 эргативный 318
- падежи 376, 380, 382
 косвенные 186, 187, 188, 189₂, 244, 279₁, 292₁, 333, 384, 386, 394
- падежная классификация Филлмора 287₂
- падежные
 образования 375
 форманты 279
 формы 277, 278, 308, 310, 383
- падежный
 показатель 270₂
 элемент 279
- падение
 «ларингальных» 54, 56, 204, 204₂, 207₁, 211, 263
 редуцированных 317₂
 палайский язык XLVI
 палатализация 23₂, 47, 83, 84, 91, 92, 94, 99, 103, 109, 114, 120, 121, 133₂, 371, 413
 велярных 92₁
 «гуттуральных» 54, 56, 57
 комбинаторная 91, 92₃, 107, 114
 лабиовелярных 92₂
 палатализованная
 велярная фоиема 109, 110₁, 127, 129, 411, 469₁, 622₂
 «ларингальная» 210
 сибилантная 127
 фоиема 100, 101, 109, 111, 408, 409₁, 412
 палатализованность 103₁, 213₁, 656
 палатализованные 84₁, 93, 104, 106, 107, 108, 110, 115, 129, 136, 412, 420
 аллофоны 172
 аффрикаты или спранты 111
 велярные 84, 84₁, 85, 95, 97, 98, 100, 102, 103, 105, 109, 127
 «гуттуральные» 5
 дентальные 84
 смычные 84, 99, 101, 106, 107, 111, 116
 согласные 84, 421₁
 палатализованный 93, 408, 409, 411, 412, 421₁, 661, 874
 велярный ряд 95, 99, 103, 104, 137, 140₂
 дентальный 84, 135
 лабиальный 135
 ряд сибилантных фонем 137
 ряд смычных 5, 84₁, 85, 99, 101, 103, 104, 113, 115, 128, 129, 135, 144, 160, 407, 408, 409, 410, 412, 414, 416, 420, 910
 сибилант 120, 686
 спрант 128, 138
 член фонемной оппозиции 114, 120, 128
- «палатализованный ~ непалатализованный» 109, 112, 113, 160₂, 421₁, 645
 палатализирующее влияние гласного переднего ряда 48
 палатализирующие языки 92₁
 палатальные LIX, 101, 108, 110₁, 113, 128_{1,3}, 645, 919, 922, 924
 палатальный ряд «гуттуральных» 910
 палеоазиатские (палеосибирские) языки LVI
 палеоботаники
 данные 623
 палеокавказские языки LIV
 «палеоханаанейский» язык LIII, 880, 888

- палица Индры 928
 памиро-ферганский тип современный 956
 памирские языки XLVIII
 памятники
 египетского искусства V династии 694
 Передней Азии 956
 «память жанра» 504₂
 панджаби 618₂
 Панини (Pāṇini) 618₂
 пантеон 679, 679₁, 795—799
 парадигма (в истории науки) 961, 961₁
 классическая сравнительно-исторического
 индоевропейского языкознания 961
 новая 962, 963
 традиционная 963
 парадигма, парадигмы 177, 189₂, 222, 223,
 237, 244, 259, 282, 305, 331, 376,
 412
 деривационная 226
 имени 275, 285, 286, 379, 384
 медиального спряжения 329, 331, 332,
 338, 392₁, 395
 множественного числа 385, 386
 настоящего времени 391
 полная 297, 300, 316, 329
 прономинальная 385
 склонения 378
 спряжения 275, 296₁, 298
 флексивная 120₁, 224, 226, 259
 парадигматика письма LVIII
 парадигматическая система 81, 256, 263
 парадигматические
 выравнивания форм 188, 189, 223, 305
 новообразования 177
 противопоставления 161, 181, 192, 297
 параллелизм
 в развитии падежей 380
 в развитии серий и.-е. смычных 37
 названий 'человека' и 'лошади' 483
 параллельные
 морфологические показатели глагола
 294
 ряды грамматических показателей 165,
 267, 275, 294
 форманты 305
 парачи XLVIII
 партиципальные формы 71₁, 302₂, 814,
 815₁
 парфянский язык XLVIII
 пасечное пчеловодство 608
 пассив 337
 пассивные
 конструкции 338
 причастные формы 302₂
 пассивный класс 282₁
 «пастбище мертвых» 824, 825
 Patiens 277, 285, 286, 298, 299, 309, 311,
 333
 патрилокальный характер «большой семьи»
 759, 762—763
 пауза 197, 208
 пацто, пушту см. афганский язык
 «пеласгский» язык 900, 900₃
 первичная система и.-е. гласных 243
 первичные
 аблаутные отношения 223
 гласные 160, 192, 243
 (лексически заданные) инактивы 277
 морфемы 251
 окончания 270, 327, 328, 329, 330, 331,
 341, 377
 показатели аориста 295
 противопоставления 269
 редуцированные гласные 153₁
 спиранты 114
 первичный
 ареал доместикации лошади 559—560,
 560₁
 вокализм и.-е. языка 165₁, 169, 921, 941
 очаг доместикации 'дикого быка' 573
 первоначальная
 территория обитания и.-е. племен 917
 функция аориста 328
 функция глагольных показателей 296
 перевал Парун 616₂
 перегласовка 259, 259₁, 260
 передвижение
 носителей греческих диалектов в северо-
 западном направлении из Малой
 Азии на Балканы 909
 носителей «древнеевропейских» диалек-
 тов через Среднюю Азию и Повол-
 жье в историческую Европу 939
 передвижение глухих придыхательных (се-
 рия III) 65₁
 «передвижение согласных» 40, 44, 63, 79,
 80, 962, 1321
 передвижение ударения 152, 278₂
 передвижение фонемных рядов LXXIV
 переднеазиатская
 группа популяций 956
 локализация и.-е. «прародины» 918₂
 переднеазиатские
 культуры бронзового века 601
 языки 601, 914
 переднеазиатский
 ареал талассемии 916
 и закавказский ареалы как очаги фор-
 мирования видов культурного ви-
 града 651
 миграционный термин 575, 653

- переднеязычная артикуляция 81
перенос
 значений 618, 618₁, 620₁, 622₂, 631, 640₂,
 689, 703, 818
 ударения 157
перераспределение структур 244, 252, 269,
270
переселения
 греков через Малую Азию 902
 дорийцев 899
пересечение (непересечение) изоглосс 379
перестановка
 децессива в акцессивный комплекс 149,
 150
 (метатеза) комплексов 149
перестройка
 общеиндоевропейской фонологической
 структуры 60, 164, 357
переход
 звонких придыхательных в глухие при-
 дыхательные 65₁
 centum'ный 410, 410₁
 satem'ный 101₁, 410, 411, 416, 421₁
 переходно-активные структуры 390
переходно-непереходные глагольные формы
294₂
переходность ~ непереходность 229₁, 294_{1,2},
390
период
 распада индоевропейской общности 787
 распада общесемитского 880
 существования индоевропейского языка-
 ка и праиндоевропейского общества
 885
периферийная лексика 207₂
«периферийность» см. признак медиально-
сти ~ периферийности
«периферийный» ~ «лабиальный» 145
персонифицированные объекты и явления
 природы 274, 287
перфект 178, 219, 295₂, 296, 301, 301₁,
305, 339
 редуплицированный 177
перфектная серия глагола 339
перфектное значение 347
перфектные образования 177, 191, 220,
296, 301, 302, 306, 338, 339, 365₁
Пес 591
Пес-волк 591, 591₁
«Песнь о Нибелунгах» (Nibelungenlied) LII
«Песнь о Роланде» 503₂
«Песнь об Улликумми» 548, 615
петроглифические изображения 950—951
пехлевийский язык XLVIII
 пиктографические знаки линейного харак-
 тера 912
пилюсская табличка 730
письмена доиндоевропейские Эгейского ми-
ра 968₁
письменность
 арамейско-пехлевийская LIX
 готская XLVI, LXI, 87
 древнебалканская 968
 индоевропейская 887—890
 кириллическая LVII₁
 клинообразная LVII, LVIII
 линейная консонантно-силлабического ти-
 па LIV
 линейная типа А 888, 968₁
 линейная типа В 888
 лувийская иероглифическая XLVI, LVII,
 888
 протоэламская 889₂
 силлабическая LVIII
 угаритская LIV
письмо
 брахми 49
 греческое унциальное XLV, LIV, LXI
 древнеисландское LXI
 клинописное силлабическое 377
 «консонантно-силлабическое»
 старосемитского типа LIII, 888
 (крито-микенское) линейное В XLIX,
 LVIII
 логографическо-силлабического типа LIII
 огамское LI
 руническое тюркское LV
 слоговое индийское XLVII
 согдийское LV
«Письмо Тавагалавы» 902
«Письмо Тушратты» LIII
пифагорейцы 784, 833
Пифей (Pytheas) 607
плавные сонорные LXI
«план выражения» языка LXXIII, XC, 271,
272, 292, 295, 372
«план содержания» языка LXXIII, XC, 267,
315, 333, 334, 372, 457
«плата за кровь» 809
«плата за невесту» 809
Платон (Plato) 493, 520₁, 833, 855, 910₃
рлене-написание LVIII₁
Плиний (Caius Plinius) 829
«поверхностная структура» языка LXXXIII,
312, 313, 314, 315, 325, 390
поверхностно-структурные преобразования
314

- повозка 686, 724—726
- «Погребальная песня» хеттская XLVI
- погребальные гимны «Вед» 828
- погребальные обряды 482, 725, 726, 826—830, 885, 891, 894
- хеттские XLVI, 473₁, 813, 823, 824, 827
- подвижное начальное *s- 122, 124
- подгортанное давление 48₃
- «Подземный мир» см. «Нижний мир»
- подлежащее 311
- позднеиндоевропейское языковое состояние 5, 163, 198, 215, 238, 252, 275
- поздние и.-е. диалекты 153₁, 225, 284
- поздний
- характер балто-славяно-арийских изоглосс 947
- позиционно обусловленные
- аффрикаты 94, 103
- спиранты 94, 103
- фрикативные 94
- позиционно стабильные гласные 232, 240
- позиционные факторы 56₁, 99, 404
- позиция
- между гласными 45, 46, 67, 118, 202, 211
- между согласными 198, 209
- между (начальным) согласным и гласным 165₂, 208
- нейтрализации 56, 109, 111, 112, 113, 114, 121, 128, 128₁, 411, 412
- палатализации 103, 408, 409, 413
- перед гласной 91, 92, 107, 159, 187, 204, 210
- перед «ларингальной» 55, 207₁
- перед смычными 93
- перед сонантом 101, 112, 113, 187, 188, 189, 204, 920
- после гласной 159, 172, 203, 208
- после «ларингальной» 317
- после согласного 67, 93, 207, 210, 346
- после сонанта 184, 187, 187₁, 204, 268, 317
- * превокальная 191
- преконсонантная 191
- проявления непридыхательных аллофонов 68
- проявления слоговых аллофонов 198
- срединная 120₁, 121
- показатель (показатели)
- аориста 190
- винительного падежа 187₁
- времени 328
- генитива 187₁, 270, 278₂
- именительного падежа 182, 187₁
- женского рода 280₁
- завершенности действия 328₁, 360
- индикатива 341₁
- коинъюнктива 340, 341, 344₁
- лиц 344₁
- локатива 382
- «локативности» 383
- медиальных глагольных структур 341
- множественности 181, 187₁, 268, 381₁
- настоящего времени 329
- несубъектной версии 342
- номинатива 278₂
- оптатива 340
- отглагольных форм 306
- падежей 376, 380, 382
- синтаксической связи 376
- сбирательности 282
- субъекта активного класса 182
- субъектного падежа 185
- субъектной версии 342
- суффиксальные 306, 339
- тематические рангов 344₁
- флексивные 306, 339
- полабский язык LII
- полисинтетические языки 367
- «полная» система LXXIV
- полная ступень огласовки 151, 153, 165, 192, 209, 210, 222, 223, 224, 225, 228₁, 229₁, 232, 240, 243, 244, 246, 247₁, 258, 259, 346, 682, 712, 926
- полиогласная суффиксальная морфема 261
- полнозначные слова 195₁, 360, 362
- положительная форма глагола 339
- полугласные (глайды) LXI, LXIII, 263
- полузвонкие 12₁, 135
- полуносовые 10₂
- польский язык LII
- популяция
- доиндоевропейская 1327
- светлоглазая 1327
- темноглазая 1327
- порождающая грамматика LXXXIII, 361₁
- порождение сложных последовательностей морфем 249
- порозный гиперостоз 916
- порядок
- адъективного комплекса 349
- глагольных элементов 325
- именных элементов 325
- местоименных элементов 360
- OV 321
- препозитивный 350
- ранговый 344
- распределения аллофонов фонем в кон-

- тактной и дистантной последовательности 28, 31, 32, 37₁, 404
 распределения фонем в корне 69, 144, 145
 распределения элементов в линейной последовательности 325
 синтагматический элементов атрибутивного комплекса 351
 синтаксических компонент предложения 323₁, 348
 слов в предложении 320, 323, 349₁
 суффиксальных элементов 347
 элементов в композитах 351
 элементов в сочетании 324
 членов предложения 322, 325
 поселения
 греков в Малой Азии 901
 железного века 659
 посессивное
 отношение к субъекту глагола 361₁
 посессивность 284, 289, 290
 посессивные
 конструкции 277, 278, 289₁, 290, 308, 333, 334, 354₂
 отношения 278₁, 311
 посессивный
 генитив 278, 278₁
 показатель 270₂
 последовательность
 актанта 360
 дистантная фонем *см.* дистантная последовательность
 контактная фонем *см.* контактная последовательность
 морфемная 238, 341, 343, 346
 висящая 125₂
 фонемная 29, 69₁, 76, 77₁, 99, 125₂, 152, 199, 206, 207₁, 403, 405, 656₁
 хронологических этапов диалектного членения и.-е. языка 420
 элементов в генитивной атрибутивной синтагме 351
 послеледниковый период 623
 послелог (и) 325, 326, 356, 357
 послелого-превербы 358
 поствелярные согласные LXII, 105, 120, 129, 131₁, 132, 207, 245₁, 515, 515₂, 223, 585, 816, 817, 872
 поствелярный ряд 132, 135, 136
 постернорная артикуляция 159
 постериорные
 аффрикаты (компактные) 104, 105
 фонемы 85, 86, 95, 96, 97, 99, 101, 103, 104, 112, 113, 120, 125₂, 131, 132, 134, 157, 414
 постпозитивные
 конструкции 354
 притяжательные местоимения 358
 постпозиция 326
 определительных конструкций 355
 числительного 281₁
 построении
 Боргстрёма 251
 таксономические IX
 потепление климата как стимул к миграциям 952
 «потусторонний мир» 825
 «Поучение Владимира Мономаха» 506₁
 «Похоронный гимн Яме» 823, 823₂
 поэзия скальдическая LI
 поэт Баян 836
 поэтика индоевропейская XV
 поэтический язык 884
 правая компонента и.-е. предложения 358, 360, 362, 363, 364, 366, 367
 правила
 аллофонного распределения смычных 34₁
 «вывода» LXXXIII
 допустимых сочетаний согласных в корне 143
 Зиверса—Эджертона 210
 «переписывания» LXXXIX, 39, 58, 64, 78, 361₁
 «перехода» с одного диалекта на другой XCIII₁
 «порождения» LXXX
 преобразования 44, 57, 88, 251
 проявления аспирации 23₂, 32₁
 разворачивания именных конструкций 325
 распределения аллофонов фонем серий II и III 25₁, 29, 56, 69, 118₁, 404, 656₁
 распределения фонем в пределах корня 400₁, 879
 синтагматической сочетаемости морфем 195, 215, 222, 250, 251, 252
 сочетаемости согласных в и.-е. корне 139—142, 144₂, 253
 трансформации LXXXIII
 фонотактики и.-е. смычных 18
 правило
 «свободного места» 326
 синкопирования по Боргстрёму 250
 Уитни 24
 «Право» (обожествленное) 810
 правовые нормы 805
 «прадиалекты» 372
 Пражский Лингвистический Кружок LXXXVI₁

- праиндоевропейский язык 312, 315, 319
 праиндоевропейский языковой ареал 870
 праиндоевропейско-египетские лексические связи 876
 праиндоевропейское общество 887
 праиндоевропейское языковое состояние IX
 пракартвельский язык 319
 пракрыты XLVII
 «прародина» балканская индоевропейцев 966, 969
 праславянский 279
 праформы 245₁, 614
 праязык как система, существовавшая в пространстве и времени XCI
 праязыковое значение 457
 проверб(ы) 218, 243, 245, 356, 357, 364, 365, 366₂, 804
 локальные 365₁
 преглоттализированный 50, 51
 предикат 297
 предикативная
 адъективная конструкция 297
 функция 297, 304₁
 предикативный элемент 297
 «прединдоевропейский» 962
 предлог(и) 325, 326, 355, 356, 357, 365₂
 предложение
 активного строя 309
 глагольное 364, 365
 основное 359
 относительное 352, 354_{1,2},
 простое (повествовательное) 320, 323₁, 358, 360, 362
 презенс 295, 389
 редуплицированный 388
 прекатив 389₁
 Пренестинская фибула (Fibula Praenestina) L₁
 преобразования семантические XCI
 препозитивная релятивная конструкция 352
 препозиционные основы 218, 245
 препозиция 326
 адъектива 325, 348, 349, 350
 генитива 325, 351
 определятельных конструкций 355
 определяющего члена синтагмы 351, 352
 существительного-«образца» 354
 числительного 281₁
 прерывность ~ непрерывность 38
 претерит 149, 201, 305
 медиальный 392₁
 префиксация 157, 219, 256₁, 258, 326, 334, 355, 357, 364
 привативный префикс 472₄
 приволжские степи 868, 944, 948
 придыхательность 118₁, 141, 208, 739
 как «просодический признак» 24₂
 фонологическая 12₁
 придыхательные
 аллофоны 21, 22, 24₁, 28, 30, 31₁, 54, 56, 61, 64, 68, 71, 75, 79, 403, 404
 согласные 8, 46, 88
 придыхательный ~ непридыхательный 28, 29, 38
 признак
 активности ~ инактивности денотата 275, 293, 300, 308, 313, 314, 699₂
 антериорности 83
 артикуляторной дистанции 147
 аспирации LXXXVII, LXXXIX, 16, 21, 23₂, 31, 43₁, 46, 47, 54, 55, 56, 58, 62, 71, 75, 77, 106₂, 138, 206, 404, 1321
 бемольности *см.* бемольный признак
 бессмертный ~ смертный 475, 476
 веляризации 83, 124, 125, 213, 256
 велярности 17, 88
 высокого тона 35₁
 гласность ~ согласность XC₁
 глоттализации 16, 20, 35₁, 41, 41₂, 47, 69, 70, 71, 76, 106₂, 138, 141, 401, 846₂, 871₁, 1321
 глухости ~ звонкости *см.* глухость ~ звонкость
 «говорящий ~ неговорящий» 471, 472, 472₁, 481
 «двуногий ~ четвероногий» 471, 473, 474, 475, 481
 «дикий ~ недикий» 468, 469, 471
 диссимилирующий 1321
 долготы ~ краткости 193
 дополнительных артикуляций 82
 звонкости ~ глухости *см.* звонкость—незвонкость (глухость)
 «земной ~ небесный» 474, 475
 компактности ~ диффузности 137, 161₁
 лабиализации 48₂, 83, 84, 86, 87, 88, 90, 91, 93, 93₂, 99, 124, 125, 128, 133, 138, 168, 171, 213, 413, 414, 791₁
 лабиальности *см.* лабиальность
 медиальности ~ периферийности 81, 145, 146, 147
 неодушевленности 270, 465, 467, 612
 одушевленности 270, 465, 467
 «отсутствия дара речи» 472
 палатальности 83, 99, 135, 172
 постериорности 83, 111
 просодический 24₂
 «разумный ~ неразумный» 473, 474, 481
 «рогатости» 483
 свободный ~ несвободный 476
 сегментный 35₁

- семантический см. семантический признак
- слоговость ~ неслоговость LXXXII₁, XC₁, 164
- слогообразования 197
- «смертный ~ бессмертный» 474
- смыслы ~ фрикативности LXXXIX, 17, 66
- суперсегментный 35₁
- темпоральный 329, 341
- транзитивности ~ интранзитивности 294₂, 314, 315, 336, 342
- фарингализации ~ эмфатичности 91, 137, 138
- центростремительности ~ центробежности 335
- церебральности (ретрофлексности) 111
- признаки
- акустические LXXIX
 - артикуляторные LXXIX
 - дифференциальные семантические XC
 - фонетические LXXVII
- признаковость ~ беспризнаковость LXXXV₁
- прикаспийские степи 625, 918, 918₂, 921
- прилагательные 279, 280, 280₁, 353
- определятельные (местоименные) 353
- принадлежность см. посевивность
- принцип
- агглютинации 340
 - аллитерации см. аллитерация
 - бинаризма мифологической и семантической модели 851
 - гетероганности сочетающихся фонем 18₂
 - гомогенности согласных по сериям в кон-
тактной последовательности 156₁
 - дезаспирации 27
 - диахронической выводимости 35
 - дихотомической классификации имен 312
 - изоморфности 404
 - лингво-географии 400
 - маркирования субъектно-объектных раз-
личий 314
 - «моновокализма» 250, 259, 262
 - наибольшей маркированности лабиальной
фонемы 75₁
 - патрилокальности 775
 - построения и.-е. корня 96
 - произвольности языкового знака LXXIII
 - «присваивающее хозяйство» 886₁
- приставки 357
- приставочные
- видовые образования 357
 - возвратные глаголы 359
- приход греков в материковую Грецию с
востока 904, 907—908
- причастие
- медиальное 393
 - медиапассива 394
- причастные формы 189, 287₁, 304₁
- «пробел в системе» LXXXV, 10₂, 60
- проблема
- «прародины» XCIV
 - этногенеза носителей и.-е. диалектов 964
 - «производящее хозяйство» 886₁, 892
- произвольность языкового знака ограниче-
нная LXXV
- происхождение
- аблаутных состояний 241
 - долгот 184, 191
 - прономинальное глагольных окончаний
305
- проклитики 195₁, 360
- Прокопий (Prokopios) 777
- прономинальные формы 268₁, 291, 378, 379,
386
- прорицатель авгур 852₁
- просодические признаки 35₁
- просодический «толчок» 77
- пространственная модель соотношения ди-
алектных групп 398
- пространственно-временная схема распро-
странения языков 427
- противопоставительная функция 359
- противопоставление
- актив ~ инактив 275, 309
 - бинарное см. бинарное противопоставле-
ние
- глаголов по транзитивности ~ интранзи-
тивности 294_{1,2}
- гласных по признаку
- высокий ~ низкий 161₁
 - краткий ~ долгий 181
 - открытости 160
- имен по признаку «одушевленный—не-
одушевленный» 270
- именных образований по родам 291, 374,
377, 379
- коррелятивное 15
- «люди ~ домашние животные» 473
- морфологическое 296₁
- по каузативности 342
- синтаксическое 315
- «сырая пища ~ вареная пища» 698, 699
- темпоральное 327
- «человек ~ вещь» 292
- «человек ~ скот» 472₁
- эксклюзив ~ инклюзив 293₁
- «язык людей» ~ «язык богов» 476₁
- протоалбанский 911

- процесс
 активации (персонификации или одушевления) 303
 «индоевропеизации» Европы 968
 обмена женщинами между двумя родами 772
 одомашнивания «диких животных» 483₃
 расщепления исходных фонемных серий 58
 редукции и.е. серий смычных 49
 упрощения группы согласных 183
 прошедшее время 327, 328₁, 329, 339, 342, 347, 393₁
 прусский язык LII
 прямоугольная форма жилищ 892
 «Птицы» Аристофана 678
 Птолемей (Ptolemaios) 671, 862
 «пустая клетка» LXXXV, LXXXVII₁
 пучки признаков
 единовременные LXXXV
 пучок
 дифференциальных признаков LXXXII₁, LXXXVI₁, LXXXVII, 139
 изоглосс 371
 пчеловодство и его культовая роль 603, 605—607
 'пшеница' 657
 пьянящие напитки 653
- Раджастхани** 24₂
 развернутая модель схемы предложения 366
 развертывание глагольной формы на составные элементы 343
 разложимость отрезка на морфемы 237, 238
 «разумные (двуногие) существа» 474, 475, 480
- ранг
 грамматический 341—346, 361₁
 «жрецов» 800, 885
- ранговая
 грамматика 328₂, 343₁
 структура (глагола) 343, 345, 347
 структура максимальная 345
- ранговый порядок *см.* порядок ранговый
 раннеиранское языковое состояние 924
- распад
 анатолийского языкового единства 896, 896₄
 греко-армяно-арийской диалектной общности 898—900, 902
 грузино-занского единства 909₃
 и.е. языковой общности 888, 894, 918₂, 920
- индо-иранской общности 917
 общекартвельского языкового единства 880₂
 протогреческого на диалекты 900₁
 финно-угорского языкового единства 934₂
- расположение членов предложения 320₁
 распределение
 аблаутных моделей 261₁
 аллофонов фонем серий II и III (придыхательных и непридыхательных) 22, 25, 26, 28, 29, 31, 32, 56
 вариантов сонантических фонем 211
 палатализованных и непалатализованных велярных 110₁
 расширителей основы 188
 ритуально-правовых терминов по диалектам 807—809
 ударений в пределах парадигмы 192
 фонем в дистантной последовательности 68
 фонем в контактной последовательности 27, 403
 формант генитива 270
- распространение инноваций XCIII
- расселение
 анатолийских племен 897, 897₁
 племен-носителей тохарских, «древнеевропейских» и восточноиранских диалектов 952
- расслоение лексики на подсистемы LXXIX
- растительный мир 465, 466
- расширители основ 186, 187, 188, 189, 190, 346
- расщепление
 серий согласных симметричное 79
 сонантов 198, 204₂
 фонем LXXIV
 фонемных серий смычных 53, 54, 79, 164, 256, 257, 341
- 'реальность' реконструируемых языковых моделей LXXXI, LXXXII, LXXXIII
- редукция 169, 173
 безударных слогов 194
 гласной (начальной или конечной) 161, 385
 серий согласных 46
- редупликация 26, 177, 220, 220₂, 257₁, 258, 259, 301, 311, 389, 612, 663, 664, 718, 822, 953
- в презенсе 389
 корневого сибиланта 257
 начального согласного основы 22, 23, 385
 полная 219, 221, 257₄

- с озвончением корневого сибиланта 878
 частичная 219, 220
 экспрессивная 257₃
 редуцированная гласная 220
 редуцированные
 глагольные структуры 31, 301₁, 306
 основы 26, 219, 221, 222, 257, 257₄, 258, 258₁, 837
 формы 211, 222₁, 248₂, 257_{2,4}, 628₂
 редуцированный (гласный) звук 162, 165, 167, 168, 173, 197, 317₂
 «Reineke Fuchs» Гёте 514
 реинтерпретация 7, 386
 и.-е. «звонких смычных» в качестве глотализованных 19
реки
 Восточной Европы 945
 Кавказа 940₁
 Прикаспия 940₁
реконструкция
 внешняя (типологическая) 962
 внутренняя *см.* внутренняя реконструкция
 диахроническая ХСIII₁
 индоевропейского праязыка XIII
 исходных языковых моделей LXXX
 культуры 459
 культуры и социальных отношений праиндоевропейского общества 883—886
 лексической семантики 458
 материальной культуры 884
 праязыковой системы XIII, LXXXIII
 семантическая ХС, 456, 459
 семантического словаря праязыка 456
 сравнительная (внешняя) LXXXIV, 1320
 типологическая 1320
 формальная ХС
 фрагментов речи, больших, чем слово 832, 832₁
 элементов экстралингвистического мира носителей диалектов 456
рекурсия 61
реликтовые
 формы 248₂, 296₁, 306, 315, 807
 явления 323₁
релятивизация языкового состава XV
релятивная хронология 64, 397
 фонологизации гласных аллофонов вокалической фонемы 170₁
реляционные
 имена 289, 290
 элементы 355, 356, 357, 358
 «ремесленники» 787, 788
ретроспективное движение при реконструкции LXXXIII, 427
 ретрофлексные фонемы *см.* перебральные
 рефлексивная
 порода в семитском 897₃
 частица 361₁
 рефлексивное значение 336, 338
 рефлексивность 330, 336, 361₁, 367
 рефлекс фонем в и.-е. диалектах 25, 46, 47, 48₂, 70, 71, 72, 81, 87, 88, 88₂, 90, 92, 93₂, 101, 104, 108, 109₁, 111, 115, 125, 125₂, 127, 129, 131₁, 132, 173, 201, 207, 208, 210, 211, 402, 403, 411, 412, 413, 414, 515₂, 806₃, 963
 «рецессивные» пучки признаков LXXXVI₁
 рецессивный *см.* маркированный
 реципрокность 330
 «Речи Гриммира» 522
речь
 косвенная 361₁
 прямая 367
 «Ригведа» (R̥gveda) XLVII, 480₂, 493₁, 494, 500₁, 510₁, 514, 515₁, 525, 528, 530, 531, 532, 534, 537, 538₂, 539, 543, 548, 548₁, 549, 551, 551₁, 562₂, 567, 569, 569₄, 570, 572₁, 576, 583, 584, 587, 588₁, 591₁, 594, 597, 597_{1,2}, 602, 606, 614, 615, 653, 653₃, 665, 666, 667, 668, 668₂, 670₁, 671, 671₁, 691, 695, 706, 718, 720, 721, 728, 729, 741, 743, 746, 747₂, 749, 773, 792, 795, 796, 823, 824, 825, 828, 851, 917
 «Ритуал Туннави» 591, 812
ритуал(ы)
 «ашвамедхи» *см.* «ашвамедха»
 божества войны 591
 Ceriālia 645
 врачевания болезней 811—812, 818
 вызывания дождя 679, 680, 681
 Древнего Китая 936
 «Конь октябрьский» (Equus October) 552, 751, 797₂
 «лечения глазных болезней» 812₃
 Maštigga 591
 «очищения царской четы» 538
 парада-смотра всадников 552
 плодородия 500
 погребения *см.* погребальные обряды
 «посвящения коня покойнику» 550
 «превращения человека в волка» 494
 принесения «водных клятв» 825
 rigullī- 909
 связанные с культом моря 676, 677₁
 связанные с пчелой 605
 связанные со «священным царем» 751
 строительный хеттский XLVI
 трупосожжения *см.* кремация

- «убийство стельной коровы» (Fordicidia) 572, 597
- ритуальная
- значимость различных животных, птиц и растений 498, 522, 532, 538, 542, 545, 546, 550, 551, 586, 587, 587₁, 591₂, 605, 606, 607, 616, 617, 620, 622, 623, 630, 631₁
- «пища для богов» 701
- роль 'колеса' и 'колесницы' 720, 731, 732
- роль 'огня', 'очага' 700
- роль 'ярма' 722
- ритуальное
- «гадание по птицам» 601₃
- омовение и одевание покойного 829₁
- ритуально-культурная значимость 'вина' 652
- ритуально-мифологические и обрядовые представления 549, 805
- ритуально-правовая
- семантика 806, 810
- терминология 805—808
- ритуально-правовые формулы 810
- ритуальные
- касты 700
- манипуляции и заклинания 818
- мотивы 459, 460
- 'яства' 701
- рог мифологического быка 484₁
- 'рогатые животные' 482, 483
- род 280, 299, 302₂, 304
- грамматический 377, 379
- женский 185, 280, 280₁, 283, 291, 374, 375
- как основная социальная структурная единица 748
- Лутациев 600
- мужской 185, 279, 280, 283, 291, 374, 386
- общий (одушевленный) 183, 269, 279, 280, 291, 299₂, 303, 304, 375, 385, 387
- средний (неодушевленный) 186, 187, 188, 189, 189₁, 190, 269, 277, 279, 280, 283, 291, 299, 303, 374, 375, 386, 387
- родительный падеж 267, 268, 269, 270, 270₁, 278, 278₂, 279, 281, 290, 350, 378₁, 379
- родовая
- классификация 280, 294₁
- система 384
- «родословное дерево» ХСII, 398, 631
- «родственные диалекты (языки)» LXXLI, LXXVII, LXXVIII, LXXVIII₁, LXXIX₁
- рудиментарные конструкции 355
- руническая запись LXI
- 'руно' 909
- Бога-Защитника 909
- русский язык LII
- Руставели 506, 507, 511, 512
- ряды
- локальные согласных см. локальные ряды
- основных артикуляционных зон 140₂
- фонемные 81, 99, 129, 140₂, 257
- Саамский язык (Lappish) LV, см. финно-угорские языки
- «Саввина книга евангельских чтений» LII
- «Сага об изгнании сыновей Уснеха» 470
- «сакральная игра с быком» 576
- сакральное
- значение «двенадцати» 855
- использование 'пчелы' 605
- «сакральный царь» 886
- самодийские языки (Samoyed) см. уральские языки
- Санскрит (Sanskṛta-) XLVII
- Саргон Аккадский 880, 888
- сатурнический стих L, 840
- сванский
- диалектный ареал 909₃
- язык LIV
- свертывание синтагмы 470
- «светлоглазость» см. ген светлоглазости
- свинец 711₁
- свистяще-шипящий ряд 136₁
- связи
- синтаксические 326, 376
- словообразовательные 238₂
- хеттско-сванских мифологических мотивов 898
- связки 353, 354₁, 365, 388
- связь
- и.-е. названия «звезды» с общесемитским 686, 686₁
- и.-е. названия 'лошади' с переднеазиатским 560—561
- и.-е. названия 'меди' с древнемесопотамским 712, 712₁
- и.-е. названия 'обезьяны' с переднеазиатскими терминами 524
- и.-е. названия 'пшеницы' с евразийскими 658
- и.-е. обозначения 'вина' с переднеазиатскими названиями 648—649
- и.-е. терминов пчеловодства с евразийскими 610—611

- майкопской культуры с позднеэнеолитическими культурами Передней Азии 918
- названий 'деревьев' с терминологией письма 624—625
- названий 'металлов' с названиями 'цветовых признаков' 714, 714₁
- синтаксическая аппозитивная 851
- числа 'четыре' с культом Бога Грозы 852
- святилище
- Артемиды 606
 - Асклепия 532
- «священные животные» 597
- «священные лошади», везущие колесницу Солнца 936
- священный закон бракосочетания 778, 778₂
- «священный царь» 751
- сдвиг в «глубинной структуре» языка 312
- сдвоенное написание согласного 45, 46
- североафганские культуры бронзового века 921
- северокавказские системы 263
- семантемы 257_{3,4}, 295₃
- универсальные LXXVIII
- семантика
- активных имен 287
 - аориста 328
 - «гипотетичности» 338
 - глагольная 294
 - глагольной версии 333
 - денотатов 275
 - лексическая 943
 - медиума 335, 338, 392
 - перфектных образований 338₁
 - посессивности 288
 - прошедшего времени 393₁
 - раннеиранских заимствований в финно-угорском 933—934
 - субъектной версии 335, 336, 338, 361₁
 - темпоральная 328
 - центростремительных глагольных структур 333
- Семантическая
- ассоциация, связанная с физиологическим различением правой и левой руки 785
 - группировка глагольных форм 293
 - дистрибуция 624
 - дифференциация 292
 - диффузность 285
 - доминанта языка 308, 312
 - изоморфность 388
 - классификация глаголов 294₁, 390
 - противопоставленность 344₂
- 82 Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов
- реконструкция *см.* реконструкция семантическая
- реконструкция слов и фрагментов текста 460
- универсалия 785
 - функция 420
 - характеристика 272, 294₁
- семантически
- инактивные актаны 316
 - индуцированная классификация глагольных структур 294
 - опорные слова 838, 838_{1,2}
- семантические
- гнезда XV
 - классы 275
 - поля 499, 570₁
 - преобразования 621
 - производные 685
 - соотношения 289₁, 626, 633
- семантический
- анализ XCVI, 457, 460
 - параллелизм 686
 - переход 190₁, 642, 711₁, 750₃, 784₁
 - план языка 456
 - признак 273, 300, 465, 467, 469, 471, 472, 473, 474
 - сдвиг 69, 666, 666₁, 642
 - словарь 459, 460
 - уровень языка 832₁
- семантическое
- поле 499, 580, 625, 685
 - противолоставление 273, 468, 698, 699
 - развитие 876
 - расширение значения 538₁
 - сопоставление слов 258, 809
- семисложник 841, 842
- семитская
- ларингальная 874, 875
 - языковая общность 873
 - языковая система 263
- семитские языки (западные и восточные) LIII, 880
- семитско-индоевропейские лексические соотношения 967
- «семь богов» 854
- семья патрилокальная 792
- сербо-хорватский язык LII
- Сервий (Servius) 495
- серебро 713, 713₁
- серии согласных 5—8, 10—16, 20, 35, 47, 52₁, 53, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 71, 71₁, 72, 73, 74₁, 75, 76, 79, 89, 135, 137, 138, 139, 140, 401—404, 407, 871₁, 872, 910, 910₂
- серия I и.е. смычных 7, 13, 14, 16, 35, 47, 50, 71₁, 72, 74, 74₁, 75, 76, 79, 87,

- 118, 135, 154, 401, 402, 872, 910
с дефектным лабиальным членом 14
серия II и.-е. смычных 15, 16, 36, 60, 71, 72, 74₁, 75, 76, 79, 135, 142, 154, 401—405, 872, 910, 910₂
серия III и.-е. смычных 7, 14, 16, 28, 38, 74, 74₁, 75, 87, 135, 142, 152, 154, 156, 401—405, 910
сибилянт(ы) 101, 120, 122, 126₁, 187₁, 257, 686, 878, 917₁, 926
сибилянтная
фонема 96₁, 103, 116, 118₂, 119, 120, 121, 122, 124, 125, 127, 128, 137, 408, 411
фрикативная фонема 116, 120, 126, 127
сибилянтный
компонент 124
рефлекс 411
ряд 126, 127
сигматические образования 190, 389₁
сигналы LXXIV₁
сикомора египетская 646
силлабическая линейная письменность В 888
силлабическая система письма 45
«сильная семантика» 457
символ(ы)
воинственности 516
религиозные 949
символика
'времени', связанная с 'ярмом' 722
кремации 831, 831₁
'правого' и 'левого' 784—786
типологической схемы Сэпира—Филлмора 309
числа 'двенадцать' 854—855
числа 'семь' и лунная неделя 851_{1,2}, 854
числа 'три' 851, 851_{1,2}
числа 'четыре' и система времен года 852—853
символические группировки — «варны» в Индии 790
симметричность отношений 270, 330
«Синайская псалтырь» LII
синдхи (Sindhī) XLVII, 1321
синкопирование гласных 250
синонимические показатели основ 375
синтагма, синтагмы 277, 278, 279, 283, 297, 299, 325, 326, 349, 351, 355, 356
определяющая 277, 279, 352
синтагматика (морфем) 239, 460
звуковая LXXIV
синтагматические
отношения между фонемными сериями 142
* последовательности морфем 222, 252
правила линейного распределения элементов 223, 239, 259, 326
синтаксис частиц в предложении 354
синтаксическая
потенция глагола 312
связка 353₂, 388
связь имени с адъективом-определителем 279
синтаксические компоненты предложения 323₁
синтаксический
анализ ядра предложения 322
способ перфектизации глагола 365₁
синтактико-семантические особенности языка 274, 275
синхрония IX, XIV
синхронная запись фонемных единиц LXXXVII
синхронно нечленимая основа 238
сирконстанты при глаголах 287, 308
система
аблаута 191
акцентуации 194, 195
аориста 388
брачно-родственных отношений 769—770
septum-ная 414
вокализма 161₁, 198, 200, 924
времен года 852—853
временных противопоставлений 388
глагольного спряжения 312, 327, 332
гласных и.-е. языка 160, 161, 169, 170₁, 194, 202, 243, 252
грамматических категорий (флексионных и деривационных) 267
именного склонения 267, 269, 279, 281, 286, 293, 312, 317, 318, 332
индоевропейских «ларингальных» 212, 213
индоевропейских смычных 12, 15₂, 16
консонантизма 8, 13, 164, 256, 400
кросс-кузенных браков 773
ларингальных общесемитского языка 212
локальных рядов 20
Педерсена 8
праиндоевропейских тонов 961
проминальная 254, 291, 292, 293, 295, 309, 311, 385, 941
родства омаха-кроу 885
satəm-ная 414
семантическая 785
сибилянтных спирантов 116, 126, 127, 134, 137
силлабическая система письма 45
«слоговых» шумных 167

- смычных 10, 16, 17, 57, 79, 134, 135, 136₁, 139, 401
сонантов 202, 257, 262, 263
сонантов в картвельском 262, 263, 871
счета 842—844
трех рядов смычных 375
трех серий смычных 35, 81
фонологическая 27₂, 86, 95, 126, 127, 134, 215
цветов, соотносимых с металлами 714
сиу 310
сказка
«о заколдованном замке» 532
«об охотнике Кешши» (хурритская) 488₁
скифо-европейские изоглоссы 946, 947
скифо-сарматские племена 596
скифский язык XLIII
скобки
фонетические квадратные LVII
фонологические наклонные LVII
«скотоводы» 788
славянская мифология и фольклор 678, 720
славянские языки LII, 506₁
следы
арийских племен в районе Северного Причерноморья, Кубани и Прикаспия 916
архаичного счета по пальцам 849, 850
слияние
ранее мигрировавших племен с местным населением 887, 887₁
редуцированного гласного с последующим сонорным 163, 170₁, 195
суффиксального элемента с корнем 238₂, 239
фонем LXXIV
фонемных серий и рядов 49, 58, 74, 75, 79, 102, 104, 408, 414, 910
слова
активного класса 182, 374
базисного характера LXXVIII
инактивного класса 282₂
культурные LXXVIII
сложные 277, 323, 324, 348, 350₂
служебные 195₁, 326
с открытыми слогами 888
с ритуально-правовой семантикой 809
словацкий язык LII
словенский язык LII
словинско-кашубский язык LII
«Слово Даниила Заточника» 469
словообразование 161
словообразовательное выражение множественности актант 306
словосложение 281₁, 248₁, 254, 323₁, 351
словоформы 21, 222, 328₁
слог
безударный LXI, 194
закрытый 247, 249
корневой 157
открытый 247, 249, 250, 251, 888
редуплицированный 222
суффиксальный 157
слоговая
вершина XC₁
клинопись хеттская 46
«ларингальная» фонема 166, 198, 204, 208, 210, 211
слоговой
аллофон 165, 192, 197, 198, 199, 202, 204₂, 206, 208, 263
сонорный 162, 192
элемент 163, 165, 165₁, 166, 169, 170₁, 172, 257, 262
слоговой—неслоговой аллофон сонантических фонем 196, 201
слоговость—неслоговость 17
слоговые
долгие LVIII
краткие LVIII
шумные 167₂
слогообразовательный (центральный) элемент XC₁
слогообразующие аллофоны 164, 167, 211
служебные
грамматические реляционные элементы 358
морфемы LXXVIII, 169
‘смерть’ 822, 825
смешанные типы языков 355
смешение рас в Западной Европе 956, 956₁
смычногортанные см. глоттализированные
смычные согласные LIX, LXIII, 50, 72, 81, 96, 98₁, 99, 111, 115, 140, 143₁, 144, 150, 152, 154, 155, 156, 168, 169, 184, 187, 253, 255, 268, 413, 414
«смягчение» см. палатализация
сбирательность 282, 283
собственно
гласные 161, 164, 165, 169, 198, 199, 204₂, 219, 257
согласные 161, 204₂, 212, 219
сонанты 197, 198, 202
совместимость
атрибутов «курганной» и индоевропейской культур 948, 949

- совпадение
путей миграций тохароязычных племен с носителями раннеиранских диалектов 938
- согдийский язык XLVIII
- согласование адъектива с именем 374
- согласовательное адъективное окончание общего рода 279
- среднего (неодушевленного) рода 279
- согласовательные категории 279
- соединительный синтаксический элемент 270₂
- созвездие
«Орион» 723, 723₁
«Плеяд» 615
- сокотри LIV
- «солнечная династия» 779
- «солнечное колесо» 718, 795
- солнце 795, 841
- сома(-хаома) 653, 653₂
- сонант(ы) 163, 167₁, 187₁, 189₂, 191, 192, 197₁, 198, 201, 203₁, 204, 206, 207₁, 216, 219, 224, 243, 245, 245₁, 252, 262, 268, 400₁, 410, 923
- долгие 204, 414
- краткие 204, 414
- неслоговые 163, 186, 187₁, 871
- носовые 412
- плавные 412
- слоговые 163, 165, 170₁, 184, 187, 195, 197, 198, 200, 201, 202, 204, 210, 211, 243, 262, 864, 930, 971
- «сонантические коэффициенты» 166, 169, 960, 961₁
- сонантические фонемы 172, 192, 195, 196, 197, 199, 202, 262
- сонорность слоговых элементов 198
- сопорные согласные LVIII, LX, LXIII, 143₁, 157, 161, 162, 163, 165, 167, 167₂
- носовые LX, 169, 172, 173, 174, 189, 192, 198, 200, 201₁
- ртовые LX, 202, 204₂, 210, 212, 243, 252, 263, 317, 640₁
- «сообщение относительно сообщения» 361₁
- соотношения septum~satəm-ные 420
- Соссюр 166
- состояние I и.-е. основы 225, 226, 227, 228₁, 230, 231, 232, 238₁, 239, 240, 241, 242, 261, 262, 801
- состояние II и.-е. основы 225, 226, 227, 230, 231, 232, 238₁, 239, 240, 241, 242, 261, 262, 706₁, 801, 803
- сохранение незвонкости фонем серии I 118
- социальная иерархия 749
- социальное устройство и.-е. племен периода миграций 758
- социально-семейные отношения 742, 742₃
- социально-экономические отношения 885
- социальные ранги 714, 787—788, 885, 949
- сочетаемость
«естественная» признаков LXXXV
- маркированная LXXXV
- немаркированная LXXXV
- согласных в и.-е. корне 142, 143, 143₁
- сочетание
артикуляционных признаков 144
- в основе (биноме) двух морфем 96₁
- гласной с последующей «ларингальной» 208, 212
- гласной с предшествующей «ларингальной» 212
- грамматических рангов морфем 345
- синтаксическое 293
- слогового элемента с неслоговым 195
- фонем в основе 86, 88₁, 96₁, 142, 147, 157, 195, 207₁, 515₂
- «союзные языковые отношения» XIV
- союзы 386₁
- Спартакское государство 777
- спектрография LXXXIV
- спирант(ы) LIX, LX, 50, 67, 72, 95, 99, 100, 103, 106, 108, 109, 111, 112, 114, 116, 118, 120₁, 128, 129, 138, 182, 184, 245₁, 255₁, 407, 410, 640₁, 806₃, 928
- Бругмана 151
- велярный LXI, LXII, LXIII, 210
- диффузный 128₃
- звонкий 138
- зубной LXII
- интердентальный LXI, LXIII, 108, 122, 138, 686
- компактный 125₂, 128₃
- лабиальный LXIII
- палатализованные 111, 128, 138
- свистяще-шипящие 82
- свистящие LXII, 120, 128, 138
- сибилянтные LIX, LX, LXIII, 116, 120, 126, 127, 128, 134, 137, 138, 151
- церебральный 125₂
- шипящие LXII, 138, 219
- спирантизация 24₁, 30, 36, 38, 58, 67, 72, 106, 107, 108, 401, 875
- фонем серии II 36, 40, 72, 79
- фонем серии III 38, 40, 79
- спирантизованный палатальный 914
- spiritus asper 560₂, 598
- способы погребения в древнеиранской традиции 828—829
- спряжение 296₁, 299, 299₂, 300, 300₁, 305, 316
- медиальное 333, 361₁

- сравнение
генетическое XIII, LXXX
типологическое XIV, LXXXII₁
- сравнительная синтаксическая акцентология 323₁
- сравнительно-генетические исследования LXXXI
- сравнительно-историческое языкознание 457
- сравнительные обороты 355
- сравнительный анализ 247
мифологических и ритуальных мотивов 459
- «сравнительный метод» языкового анализа XIV, XVI
- среда обитания 459, 865, 865₂
- средиземноморский ареал 608, 625, 954
- «срединный огонь» 700
- среднеиранские языки XLVIII
- среднеперсидский язык *см.* пехлевийский язык
- «Средний Мир» 485, 490, 519, 522, 537, 852
- стабильность
вокализма 153
огласовки 223
- «стабильные» гласные 243
- староаккадское письмо 1317
- староассирийская разновидность аккадской клинописи 888₁
- старославянский язык LII
- «Старшая Эдда» LI, 476, 821
- статистическая ограниченность корневых структур 216₂
- статистически закономерные соотношения между лабиальными и велярными фонемами 73₁
- стела Нарам-сина 717
- «стельная корова» 597
- степени сравнения прилагательных 387, 394
- степень
маркированности 84
превосходная 388, 420
сравнительная 388
- степные зоны Евразии 951
- Стефан Византийский (Stephanos Byzantios) 495
- stød в датском 35₁
- «столб коня Одина» 553
- Страбон (Strabon) 495, 671, 788
- «страна золотого руна» 908
- страны Эгейского мира 899₁
- стратиграфия культур 948₁
- стратификация фонологических значимостей LXXXVII
- структура, структуры
генетического кода LXXXVI₁
- генитива 351
- глагольного предложения 364
- именных основ 270
- корневых морфем 245, 246, 252, 253, 256
- медальная 331, 334
- окончаний 251
- отношений «свойства» и их обозначения 761—762
- (простого) предложения 323₁, 324, 326, 335, 336, 362, 363, 366, 367
- предложения с инверсией глагольной формы 365
- с s-mobile 219
- семантическая языка 457
- синтаксические 309, 315, 352₁, 354, 355, 361₁, 365
- суффиксальных морфем 252
- ядра предложения 357
- структурная
детерминанта 314
- интерпретация 257₁
- мотивация 274
- недифференцированность морфем 251
- структурно-дистрибутивная особенность гармоничных комплексов 256
- структурно-семантические преобразования 390
- структурно-типологическая верификация системы LXXXIV
- структурные
изоглоссы 899
- импликации 293, 309, 311, 325
- преобразования 312, 325, 397
- сдвиги в языке 314
- типы морфем 155, 161, 215, 219, 239, 247₁
- ячейки предложения 364
- структурный
бинаризм 308
- изоморфизм между картвельским и индоевропейским 879
- нуль 299
- ступень, ступени
аблаута 156, 173, 176—179, 181, 223, 258, 259, 259₁
- нормальная *см.* нормальная ступень
- нулевая *см.* нулевая ступень
- полная *см.* полная ступень
- растяжения 181, 182, 190, 193, 204, 259, 260
- редукции (редуцированная) 162, 163,

- 166, 167, 168, 172, 191, 192, 259, 260, 261
- с долгой гласной 181, 472₄
- с нормальной огласовкой 162, 176
- с огласовкой *о 155, 193
- сильная 157, 162, 165, 166, 172, 176, 191, 192
- слабая (безударная) 157, 161, 162, 163, 165, 166, 167, 168, 173, 176, 191, 192, 195
- чередования гласных 165₁, 193, 223
- стык морфем 139, 147, 405**
- стяжение
- гласной 191, 203₁
- дифтонгов 547₁
- Суббореальный период 616, 621, 623
- subglottal pressure 48₃
- субстантивация аффиксов 284
- субституция 876, 941
- субстрат
- языковой 325, 880₂, 887
- языковой автохтонного населения древней Европы 955
- субстратная лексика в «древнеевропейских» диалектах 954
- субфонемные соотношения 162
- субъект 287, 306, 317₂, 335**
- активного класса 182
- действия (или состояния) 301, 312, 380
- логико-семантический 337, 338
- с активной семантикой 313
- с неактивной семантикой 313
- субъектная актанта при глаголе 307
- субъектное лицо 335
- субъектно-объектные
- актанты 362, 363
- отношения см. отношения субъектно-объектные
- судоходство и связанная с ним терминология 674—675
- суперация 151, 153
- акцессивного комплекса 147, 147₁, 148, 149, 149₁, 150, 766₁
- недопустимых сочетаний согласных 147, 148, 469₁
- супин 189₂
- супплетивность 311, 843
- Супрасльская рукопись LII
- суффикс(ы) 180, 228, 229, 229₁, 230, 232, 239, 240, 243, 244, 273, 275, 275₁, 284, 298, 302, 304, 306₁, 307, 344, 345, 374, 375, 422, 423, 426, 804
- в нулевой ступени огласовки 225
- в полной ступени 225
- генитива имен активного класса 285
- имен деятеля 247
- каузатива 342, 347
- конъюнктива 344₁
- косвенных падежей 244
- модально-видовые 342
- настоящего времени 342
- повелительного наклонения 342
- принадлежности 284
- словообразовательный 248, 276
- собирательных имен 218
- тематический 226, 227, 242
- числительных ж. р. 216₁
- суффиксальность глагольных показателей 325, 326, 355
- суффиксальные элементы 173, 222, 247, 248, 290, 326, 347
- существительное 275, 321, 348, 349
- схема
- Бенвениста 239, 240, 242
- диалектного членения общендоевропейского языка 688, 865, 955
- парадигматики смычных 81
- построения глагольных основ 239
- построения именных основ 239
- противопоставлений гласных фонем 170₁
- сочетаемости согласных по сериям в корне 141
- структуры корня 252
- схемы заклинаний 832₁
- сходство археологических культур Северной Месопотамии (Халафа) и Западной Анатолии (Чатал-Хююка) 891, 892
- «сыновья Бога» 643
- Табуирование (ритуально значимого) первичного названия и замена его другими лексическими образованиями 494, 496, 498, 506, 514₁, 516, 519₁, 526, 533, 539, 542, 569, 569₁, 602, 603, 617₁, 680, 696, 715, 784, 789₁, 814₁, 915₁, 933₂
- табуистическая замена слова 522, 526, 532, 533, 539, 618, 618₂, 619
- табуистические фонетические преобразования слова 526, 602, 815
- тавромахия (*ταυρομαχία*) 576
- таджикский язык XLVIII
- талассемия 916
- талисманы в халафской культуре 891
- талышский язык XLVIII
- тамилский язык LV см. дравидские языки
- тарпан 557, 558
- татский язык XLVIII

- Тацит (Tacitus) 607, 638, 774
 текст(ы)
 Анитты 516, 724, 792, 794₁
 Маддуватты XLVI, 901₁
 о боге Пирве XLVI
 о «Каменном доме» 790
 пирамид 510
 предсказаний 809₁
 Телепину 751, 809
 фольклорные, мифологические 966
 Хаттусили I 722
- телугу (Telugu) см. дравидские языки
- тематические глагольные формы 302₁, 329, 377, 380
- тематический
 аорист 389, 389₁
 генитив 377
 тип образования 302₁, 329, 377, 380
- тембр
 гласного полного образования 246
 гласных 212
 корневой гласной 147
 последующего гласного 212
- тембральное влияние «ларингальных» 159, 169
- «темиоглазость» см. ген темноглазости
- теоретико-множественное пересечение семантических дифференциальных признаков ХС
- теория
 корня Бенвениста—Куриловича 245
 чередований 165₁
 языковых контактов ХСIII
- Теренций (Terentius) L
- терминология
 кровного родства 763—766
 металлургии 709, 710, 710₁
 обрядов гадания 805
- термины
 акустических дифференциальных признаков 81
 «брака—обмена» 757
 гончарного дела 707, 708
 дифференциальных признаков 139
 для «еды» и «приема пищи» 698, 702
 для жертвенного возлияния вина 652
 для обработки «дерева» 706—707
 для «одежды» и «одевания» 705
 для «охоты» 696—697
 кузнечного дела 714, 715
 «купли—продажи» 747, 747₃
 молочного хозяйства 567—569
 обозначающие «горы» 669—670
 «пастьбы» и «охраны стада» 694—695
 «прядения» и «ткачества» 704—705
 «свойства» 760—761
- связанные с «коневождением» 546—547
 судоходства 950
- тернарная классификация 472
- тетраллоидный вид пшеницы 657
- технология приготовления «пьянящих напитков» 653₃
- тигре LIV
- тигринья LIV
- типологическая верификация
 реконструируемой культуры 459
 реконструируемых лингвистических моделей LXXXIII
- типологическая схема Сэпира—Филлмора 309
- типологическая универсалия 343
- типологические данные синхронные 8, 13
- типологические параллели
 в системах родства различных этносов 773
 озвончения глоттализованных 106
- типология
 археологических культур ХCV
 диахроническая LXXXII₂, 963
 корреляции по палатализации 84
 культа «леопарда»-«барса» в Передней Азии 506
 лингвистическая LXXXI, LXXXII₁
 редупликации 258, 718, 718₁
 семантических трансформаций ХСI
 синхронная 8, 8₁, 13, 35
 структурная ХСIII
 счета 844
 удвоения 222₁
 эргативная 313, 315, 319
 языковая IX
- Тит Ливий (Titus Livius) 757₁, 774
- тмесис 366₂
- тональная интерпретация позднендоевропейской системы акцентуации 194
- тональность низкая 81
- тоновые различия 194, 195
- тоновый контур 323
- топономастика
 праиндоевропейская 1325
- топоры ритуального назначения 717
- тохаро-анатолийская диалектная близость 720
- тохаро-балтийская диалектная общность 873
- тохарская система смычных 78
- тохарские диалекты XLIX, 935
- тохарские заимствования в финно-угорском 936—938
- тохарский А, В XLIX
- точка
 зрения синхронная 305, 327, 361₁

- пересечения серий и локальных рядов 20, 139
 тонового контура наивысшая 324
 традиции гомеровского времени 606
 традиционная система и.-е. консонантизма 6, 7, 8, 35
 традиция
 картвельская 616
 кельтская 483
 месопотамская 486₁, 679₁
 славянская 721
 хеттская 468₁, 907
 траектория
 движения диалектов 964
 движения повозок из очага их возникновения 950
 миграций «древнеевропейских» диалектов 952
 фонетических трансформаций 961
 трактат митаннийца Киккули «об уходе за лошадьми» 546
 транзитивная
 глагольная форма 337
 функция каузальности 342
 транзитивно-каузативное значение 347
 транзитивность 312, 315
 транзитивность—интранзитивность *см.* признак транзитивности—интранзитивности
 транскрипция LVII, LVIII
 ассириологическая LVII
 фонетическая LVII
 транслитерационные знаки LVIII, LXI
 транслитерация LVII, LVIII
 на латинской основе VII
 раздельная слоговая LVIII
 слитная LVIII, LVIII₁
 транслопция 328₁, 365, 366
 трансформации 288, 304, 312, 407, 408
 трансформации «порождающей грамматики» LXXXIII
 трансформационная грамматика 326₁
 трансформационные правила 105
 трансформация 304, 323₁
 активной конструкции в безличную 680
 активной конструкции в пассивную 38
 диахроническая LXXXIII
 дифференциальных признаков 102
 модальности 323₁
 номинализации 380
 отрицательная 339, 339₁
 пассивная 337
 переноса 366
 препозитивных релятивных конструкций 352
 фонологических соотношений между сериями 64
 эмфатическая простого предложения 323₁
 трансформы
 генитива 351
 препозитивных определительных предложений 351
 ядра простого повествовательного предложения 323₁
 «третье состояние» гортани 61
 третья (инверсивная) серия времен 338₁
 «треугольная» система вокализма 160₂, 181, 212, 213₁, 247, 914₁
 «треугольник гласных» 160₂, 213₁
 «трехконсонантная» корневая структура 232
 с Schwebablaut'ом 251
 «трехместные» глаголы 277
 трехступенчатая треугольная структура вокализма 170₁
 трехчастность древнеиндоевропейского общества и три функции по Дюмезилю 791
 трехчленная общиндоевропейская система деления мира 853₁
 трехчленный
 ряд «ларингальных» 160, 213
 ряд сибилантных фонем 127, 213
 три
 основных локальных ряда смычных 81, 83
 постериорных ряда смычных 103, 127, 410₁, 421₁
 разнородности «ларингальных» фонем 160₂, 171
 ряда «гуттуральных» 115, 116, 160, 160₂, серии и.-е. смычных 49₁, 72, 136, 141, 142, 400, 401, 402, 407, 422, 871, 871₁, 910, 961
 социальных ранга в Индии 788
 степени открытости гласных 170₁
 триничность и.-е. мифологической модели мира 851—852
 триничные противопоставления (смычных) 135, 136, 213, 213₁
 труположение 830
 трупосожжение *см.* кремация
 туши-гуарани 310
 «тысяча богов» 794
 тюркские языки LV
 Убыхский язык LIV, 84₂, 306
 увулярные 132, 157, 159, 207

- угаритский язык LIV, 135
ударение 192, 258
динамическое 161
нормальное 220
подвижное 161, 194, 195
тоновое 195
фиксированное 195
эмфатическое 366
ударная форма 324
ударный префикс 195₁
удвоение *см.* редупликация
в интервокальной позиции 202
глагольных форм 222
ломаемое 222
согласного 45, 46
сонорных 201, 202, 210
усилительное 258
удвоенное написание 210, 211
велярного спиранта 210
удлинение
гласной (предшествующей) 187, 189₂,
203, 207, 406
гласных 203, 212
сонанта 848
удмуртский язык (Udmurt) *см.* финно-
угорские языки
узлы 367
украинский язык LII
уменьшительная форма слова 554, 564₂
умеренная (и северная) зона Евразии 621
«умыкание женщин» как древний вид бра-
ка 756, 757
универсалии лингвистические LXXXI,
LXXXII
универсалия
диахроническая LXXXIII
синхронная LXXXII, LXXXIII
типологическая 343
этнологическая 773
универсальные
семантические соотношения 289₁
типологические закономерности
частотных соотношений фонем лаби-
ального и велярного рядов 73
языковые категории IX
унитарные консонантные фонемы 256
унификация 186
аблаутных ступеней 223
парадигмы 177
согласных основы по признаку звонко-
сти—глухости 68₂
схем порождения LXXX
«Упанишадь» (Upaniṣad) XLVII, 786, 825
упрощение (начального) комплекса соглас-
ных 821, 909, 909₁, 925₁
- уральские заимствования в тохарском 938
уральские языки LV
урартский язык LIII
уриал 581
уровень
грамматический 337
логико-семантический 337
фонологический 262
хронологический *см.* хронологические
уровни
усечение гласной 385₂
усеченная форма корня 222
утеря
компактности 105₁
конечного согласного 184, 186
лабиального элемента 101₂
ларингальной 207, 245
маркера активности 317₂
начального велярного согласного 153
показателя им. п. *-s 187₁
предшествующего согласного 110, 121,
183
признака аспирации 71
признака глоттализации 69, 70
признака лабиализации 91, 99, 791₁
признака палатализации 99
противопоставления по грамматическому
роду 377
- Фабии 779
фалисский язык L
фарингализация 83, 91, 137, 138
фарингализованные *см. также* эмфатиче-
ские согласные 19₁, 91, 103, 137, 872,
1320, 1321
фарингальная артикуляция 159, 203
фарингальные
согласные 159, 160, 165₂, 203, 876
фономы в общесемитском LXIII, 873
фенотип 1327
Фидий (Pheidias) 855
«физик» Стратон (Straton) 907₂
физиологические лунные циклы 685
физиолого-артикуляторные особенности
глоттализованных 19
философские категории пифагорейцев 784
финикийская разновидность
«консонантно-силлабического»
старосемитского письма 888
финикийский язык LIII
финно-угорские языки LV, 921
финно-угорский вокализм 923
финский язык LV
фламандский язык LII

- фонема, фонемы
 -архетипы 167
 вокалического класса 219
 как пучок дифференциальных признаков LXXXVII, LXXXIX, 139
 консонантного класса 167
 медиального ряда 147
 сегментные 87, 203, 208, 270₁
 фонемно долгие компоненты 206, 207₁
 фонемные
 единицы 163, 200
 соответствия регулярные LXXVI, LXXVI₁, LXXVIII, LXXIX, LXXX, 219
 соотношения LXXII, LXXV, 151, 612₁
 фонемный шов 148₁
 фонетика общая 104
 фонетико-фонологическая интерпретация звука LVII
 фонетико-фонологический статус LVII
 фонетическая
 инновация 411
 интерпретация серий I и III и.-е. смычных 959₁
 лабиальность форм ввиду экспрессивно-го характера лексемы 816
 нестабильность ряда в системе 98, 115, 407
 опора 162
 особенность «ларингальных» 165₂, 198
 природа звонких придыхательных 60
 реализация фонем 160, 409₁
 фонетически
 близкие варианты 632
 обусловленные варианты общей морфемы 305
 фонетические
 дублиеты 515, 598
 изоглоссы 400₁, 406, 420, 421
 комплементы логографического написания слова 555₁
 преобразования 216₂, 412, 520₂, 618₂, 634
 фонетический
 признак дополнительный LXXXVII
 признак, комбинаторно обусловленный LXXXVII
 признак дополнительный LXXXVII
 процесс 74₂, 106, 243, 371, 408
 фонетическое
 окружение 163, 182, 196
 «сходство» между соотносимыми фонемами LXXVII
 фонологизация 158, 173, 182
 вокалических противопоставлений 170, 172, 192
 гласных аллофонов 170₁
 звонких придыхательных и непридыхательных аллофонов 23
 комбинаторно обусловленных вариантов фонем серии III 54, 57, 65₁, 71
 признака лабиализации 414
 редуцированного гласного при сонорных 198
 фонологическая
 изоглосса 74₁
 инновация 371
 интерпретация и.-е. трех серий смычных 47
 корреляция по признаку палатализации среди постериорных смычных 120
 маркированность 413
 нерелевантность 16
 обусловленность 157, 178
 релевантность 39₁, 84
 структура корня 157, 161
 трансформация 408
 фонологически
 значимый признак 204
 «избыточные» признаки LXXXVIII
 недистинктивный признак LXXXVIII
 нерелевантные признаки 42, 77
 релевантные признаки фонем 17, 58, 64, 256
 унитарные единства 207₁
 фонологические
 альтернанты 404
 ареалы 418
 изоглоссы 400, 416, 417, 419, 456
 преобразования 74, 79, 317, 401, 403, 413
 признаки 16, 43₁, 138, 159, 256, 416
 противопоставления между сериями и рядами 135
 ряды 84
 соотношения синхронные 54₁
 трансформационные правила 58
 форма, формы
 адвербиального происхождения 288
 без гласной 259
 внеанговой структуры 343
 медиальные 804
 «очевидности» 338₁
 с гласной 70, 259
 с долгой гласной 70, 183, 193
 с пассивным значением 307
 с провербами 364, 365
 с суффиксами 178
 satəm-ные 661, 914, 919, 939₁
 собирательные 283, 374

- формальная недифференцированность субъекта 313, 314
- формально-семантический анализ лексики 456
- формально-смысловое сходство между словами LXXV
- формант, форманты 267, 269, 270, 271, 277, 284, 302, 305, 328₁, 329, 342, 378, 378₂, 379, 392, 392₁
различных грамматических рангов 341
указательные 269
- формообразовательные элементы 259
- формула Васильева—Долобко 360
- формулы
дистрибуции слогового и слогового ~ неслогового аллофонов сонантов 197
заклинаний 818—819
- фразеологические обороты ритуального содержания 810
- фракийско-иллирийские языковые образования 956
- фратрия
кауравов 784
паандавов 784
- Фредегар (Fredegarius) 503
- фреквенталии LXXXI, 371
- фригийский язык XLIX, 910
- фрикативная сибилантная фонема *см.* сибилантная фрикативная
- фрикативные фонемы 27₂, 28, 72, 89₁, 91, 94, 95, 97, 98, 103, 106, 111, 116, 120, 120₁, 126, 127, 148, 151, 414, 640₁
- функциональная нагрузка 54, 204, 208
- функционально
сильный член оппозиции *см.* немаркированный член
слабый член оппозиции *см.* маркированный член
- функционально-дистрибутивная эквивалентность согласной и паузы 208
- функционирование нулевого аффикса 341₁
- функция
синтаксическая 353
темпоральная 328, 342
- функция принадлежности 284
- visarga *см.* глухое придыхание в древнеиндийском
- Хантыйский язык (Ostyak, Khanti) LV *см.* финно-угорские языки
- хаома *см.* сома-(хаома)
- харари LIV
- харсуси (Harsüsi) 1319
- «Хелианд» (Heliand) LII
- «Хеттские Законы» XLVI, 482, 494₁, 545, 562, 572, 593₃, 594, 595, 605, 630₁, 651, 720, 721, 747₃, 756, 758₂, 775₁, 807₁, 886, 896
- хеттский язык XLVI, LII
- Хеттское Царство XLVI, 862₁, 896, 897₁, 902, 911, 957
Древнее XLVI, 572, 595, 651
Новое 913₂
- хидатса *см.* язык хидатса
- хорезмийский язык XLVIII
- хотаносакский язык XLVIII
- храм Афины 901
- «храм царя» (Régia) 746₃, 751
- «храмы Земли» 852
- хронологическая модель членения диалектов 416
- хронологическая стратификация
и.-е. языковых структур 252
колесных повозок 734
- хронологические
группировки и.-е. диалектных ареалов 400
уровни членения общиндоевропейского языка 247, 398, 405, 408, 416—426, 458, 955
- хронологический срез XCII
- хуррито-арийские ареальные связи 914, 914₂
- хуррито-урартский язык LII
- хурритский эпос 894
- хурритский язык LIII
- хурро-урартский этнический элемент 913₃
- Царица Тавананна 773₁, 778₂
- царские роды
Аххиявы 902₁
Хеттского Царства 902₁
- «царский город» 538
- царствование дуальное 777
- царь
Амбикатус 774
Анитта 792
Вахтаиг Горгасал 496
Йима 824
Табарна 773₁
Эдил 474
- цветовая символика 788, 788₃
- Цезарь (Caesar C. Iulius) 621, 622, 630, 834
- цель и направленность действия 285
- центральноазиатские языки 939₁
- центральноазиатский
ареал 611, 949₁
континуум 737

- центральное вставление (center-embedding)
 352₁
 центробежная
 направленность действия от субъекта
 333
 семантика 334
 центростремительная глагольная структура
 301, 335
 центростремительное действие 301, 338
 центростремительные глагольные структу-
 ры 333, 336
 цепочка
 морфем 249
 частиц 362, 367₁
 церебральные LIX, 108, 111, 111₂, 128₁,
 672₁
 цивилизации Древнего Востока 885, 890
 цивилизация протоиндийская 916
 циклические правила сочетаемости морфем
 222, 249
 цова-тушинский LV
- Чадские языки LIV**
 чанский язык *см.* лазский язык
 частица, частицы 254, 354, 358, 359, 362,
 365₃, 366₂, 367₁, 379
 косвенной речи 361₁
 отрицания 254
 прямой речи 367
 рефлексивности 367
 с локально-эмфатической семантикой 361
 с медиальным значением 361₁
 служебные 195₁
 соединительные 218, 386₁
 субъектно-объектные 363
 субъективные 362
 энклитические в начале предложения 202
 энклитические реляционные 353₂
 частотное распределение смычных по ме-
 сту образования 962, 962₁
 частотность фонем
 системная и текстуальная LXXXV
 частотные соотношения
 между глухими смычными и глухими
 придыхательными 41₂
 сибилянских фонем 126
 чередование, чередования
 аблаутных ступеней основы 165, 222, 223,
 224, 225, 230, 240, 246, 261, 682
 алломорфные 259
 аллофонные сонантов 134₁, 164, 196, 224,
 262, 263
 гласных 193, 208
 качественные 194
 количественные 194
 морфо(но)логические (алломорф) 23, 52,
 109, 110, 113, 114, 115, 120₁, 186,
 231, 237, 246, 252, 281, 282, 404, 411,
 412
 открытых и закрытых слогов 249
 парадигматические 120₁, 167₁, 188, 223,
 404
 синхронные 212
 согласных 112, 641
 соиантических элементов 188₂, 263, 872
 фонетического характера 196
 фонологически обусловленные 204₂
 чередующиеся
 аблаутные состояния основ 246, 261₁,
 750
 алломорфы в пределах единой парадиг-
 мы 67, 412₁
 основы 25₁, 188₂
 сонанты 196
 формы LXXXI, 186, 220, 223, 386₁, 813
 Черноризец Храбр 623₂
 черты *satəm*-ные в *centum*-ных диалектах
 421₁
 четвертая серия смычных (глухих *придыха-*
 тельных) 5, 12₂
 четыре элемента мира 854
 четырехчленное деление мира 853
 чешский язык LII
 чжурчженский язык LVI
 числительные 281₁, 425
 'один' и 'первый' 842, 843
 первого 'десятка' 844—846
 число
 двойственное 281₁
 ед. и мн. 189₁, 267, 283, 296, 381₁, 385,
 386, 394
 числовая символика 851, 851₁
 членение диалектное
 общендоевропейской языковой *област*
 371, 392, 395, 398, 400, 569, 955
 языковой общности XCII, XCIV
 члены
 опозиции 213
 предложения 213, 326₁
 синтагмы 355
 «чума» 831, 953
- «Шатапатабрахмаи» (*Śatapatha Brāhmaṇa*)
 549₁
 schwa Indogermanicum 166
 schwa secundum 259₁
 Schwebelaute 232, 233, 234, 240
 шведский язык LI
 Шекспир 356₁
 «шепотная рекурсия» 15

- шестнадцатисложник 841, 842
 шипящие (компактные)
 аффрикаты *см.* аффрикаты шипящие
 рефлексы палатализованных 924
 спиранты *см.* спиранты шипящие
- Ширвид^т (Šyrgwid) 287
 школа «перипатетиков» 907₂
 «шотландский язык» LI
 шудры 788, 788₃, 820, 820₄
 шумерский язык LII
 шумные согласные 137, 142, 150, 156, 157,
 161, 162, 167, 169, 197₁, 198, 245
 шахаури LIV
- «Щит Зевса» 619₁
- Эвенкийский язык LVI
 эвенский язык LVI
 эвфемистические
 замены слов 458₁, 591₁, 601₂, 814₅
 обозначения 498, 506, 527
 «Эдда» (Edda) 489, 519, 522, 528, 549,
 586, 852
 эективный *см.* глоттализированный
 Эзоп (Aisopos, Aesopus) 514₂
 эквиды 557
 экологическая среда обитания носителей
 и.-е. диалектов 456, 458, 459, 521, 636,
 641, 641₁
 эксклюзив 292, 293₁, 305
 экспоненты 189
 активного класса 297, 299
 экспрессивность ломаного удвоения 222
 экспрессивные преобразования слов 814_{3,4}
 экстралингвистические факторы историче-
 ского существования носителей язы-
 ка 325, 456, 642₁
 экстривертная последовательность соглас-
 ных *см.* акцессивная последователь-
 ность
- эламский язык LII
 Элевсинские мистерии 563
 элементы
 синтаксические 326, 348, 355
 словообразовательные 259
 элиминация в системе
 дополнительных признаков палатализации
 и лабиализации 85, 104, 115, 128,
 135, 409, 410, 414
 класса сонантов 204₂
 серии глоттализированных 137
 фонологического признака долготы глас-
 ных 208
 эллиптические конструкции 365
 эмфаза 366
- эмфатические
 согласные LXIII, 19₁, 137, 138₁, 873
 спиранты LXIII, 138
 эмфатичность *см.* признак фарингализа-
 ции ~ эмфатичности
- «Эиенда» Вергилия (Vergilii Aenēis) 638
 энеолит Южного Кавказа 892
 «Энки и порядок мира» 686, 709₁
 энклитики 360, 367
 энтропия (максимальная) LXXIV
 «Эпос о Кумарби» 725
- эпоха
 бронзы 659, 736
 Инь 936
 меди 457
 «переселения народов» 953
 Ранней Бронзы 899₁
 Саргона Аккадского 880
- эргатив 294₁
 эргативная структура 963
 эргативная типология *см.* типология эрга-
 тивная
 эргативность 309₁, 313, 314, 318, 319
 эргативный строй 318₁
 эрзя-мордовский язык (Mordvin-Erzja) LV,
см. финно-угорские языки
- эстонский язык LV
 Эсхил (Aischylos) 350
 этимологическая
 соотнесенность слов 388, 460, 614
 фигура 835
 этимологическое тождество обозначений
 821
- этнонимы и топонимы, содержащие основу
 'волк' 495
 этнонимы у Страбона и Стефана Византий-
 ского 495
- Южноаравийские диалекты LIV
 южноахейский диалект XLIX
 южнокавказские (картвельские) языки 597₂
 южнокавказский этнос 894
 южный характер экологической среды и.-е.
 прародины 867
- «Яблоко бессмертия» 643
 ягнобский язык XLVIII
 «Яджурведа» (Yajurveda) 619
 ядро предложения 322, 323₁

- язык(и)
 автохтонного населения 887
 аккумулятивной (номинативной) типологии
 315, 317₂, 318, 319
 активного строя 288, 294₃, 308, 309, 309₁,
 310, 311, 312, 314, 315, 318, 319, 320,
 320₁
 Африки LIV
 «богов ~ язык людей» 476
 Восточной Азии 592
 галф (Gulf), америндейские 311
 группы centum 407, 409, 412, 414
 группы satem 99, 101, 102, 104, 113,
 114, 407, 412, 413, 414
 джинба (североавстралийский) 367₂
 Древней Индии 915
 Duigbal (австралийский) 354₂
 Евразии 661, 662
 Европы 663
 как продукт человеческой культуры 458
 как система знаков LXXIII
 камаюра (Kamaúra), америндейский
 320₁
 кутеп (Kutep) 84₂
- Малой Азии 902
 нуле 84₂
 с бинарной структурой именных классов
 292
 с глоттализированными согласными 18
 тибетско-бирманской группы 35₁
 хидатса (Hidatsa), америндейский 320₁
 Центральной Азии 902
 эргативной типологии 317, 318, 320₁
 «язык и речь» в смысле Соссюра и Трубец-
 кого LXXXVII
 языковая интуиция 326₁
 «языковые союзы» LXXX
 языкознание
 индоевропейское классическое IX, **961**,
 962
 сравнительно-историческое XCIII₁
 японский язык LVI
 'яро' 558, 722
 «Ясна» (Yasna) XLVIII
 ячейки предложений 358, 359, 362, 364, **366**
 'ячень' 657
 «Яшты» (Yašt) XLVIII

ЦИТИРОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- АВоТ 306
«Авеста» 321, 349, 350, 351, 353, 465, 467, 530, 582, 757, 803₃, 823—824, 920
АI. 45
АМ 306
Аристофан. *Птицы* 678
Ассур 100
AV («Атхарваведа») 53, 187, 244, 285, 291, 321, 350, 477, 500₁, 528, 728, 828, 833
«Беовульф» 516, 774, 839
Бехистунская надпись 830

Во 354, 534, 536, 538
«Божественная Комедия» 503₂
ВоТУ 45, 131, 268, 278₁, 299, 299₂, 300, 307, 316₂, 322, 323₁, 349, 350, 352, 356, 363, 385, 700, 721, 750, 839

С. А. 352
Сic. *Sen.* 268₁
Corpus Hippocraticum 730
Варрон. *De re rustica* 472
Festus 774₁
Геродот. История 777
Гесихий 119, 122, 203, 222, 418, 421₁, 425, 531₂, 556, 563, 635, 650, 666, 690, 806, 808, 810, 817, 904, 905, 906
«Гильгамеш» 469
«Гимн к богу Пирве» 837
Гиппонакт 59
«Голубиная птица» 678

Н. 350
НАВ 290₂, 299, 299₂, 322, 750, 773, 827
Nat(t). 45, 345, 359, 595₁, 722, 724—725, 804₁

«Законы Ману» 756

ИВоТ 268, 304, 306
«Илиада» 280, 286, 323₁, 335₁, 342, 349, 349₁, 351, 353, 359, 495₁, 501, 507, 511, 516, 526₁, 531, 535, 569₁, 613₁, 622₁, 624₂, 632₁, 652, 679, 694, 774, 776, 796, 822₃, 823, 824, 825, 827—828, 886

Карателе 100, 544, 833
Кархемыш 100
КВо 45, 66₂, 126₁, 149, 246₁, 288, 290, 295₃, 299, 299₂, 304₁, 305, 306, 307, 316_{1,2}, 321, 322, 324₁, 335₁, 345, 349, 350, 356, 357, 358, 359, 360, 363, 364, 366, 385, 478, 486, 486₁, 487, 489, 493, 498, 498₁, 500, 539, 576, 582, 591, 639, 680, 682, 700, 720, 725, 746₁, 773₁, 778, 786, 794₁, 801, 812₁, 861₂, 862
КУВ 45, 46, 66₂, 72₁, 100, 126₁, 131, 189, 189_{1,2}, 206, 209, 211, 268, 288, 288₁, 295₃, 297₂, 300, 303₁, 304, 305, 307, 316₁, 321, 335₁, 345, 345₁, 353, 354, 356, 357, 358, 359, 364, 365, 365₃, 366, 366₁, 385₁, 393, 468₁, 469, 471, 473₁, 479₂, 480, 484₁, 486, 488₁, 494₁, 497₁, 498, 499₁, 500, 503₁, 508, 508₃, 522, 524, 529, 531, 538, 545, 546, 577, 582, 591, 652, 668, 676₁, 679₁, 680, 682, 690, 700, 705, 724, 725, 726, 726₁, 779, 784, 790, 794, 801₁, 806₄, 807₁, 809_{1,2}, 812_{2,3}, 818, 819₁, 823, 826, 827, 840, 882₁, 896_{2,3}, 901₁

Madd. 45, 100
Mimnermos 349
MS 45
«Норвежское заклинание» 833
«Одиссея» 280, 349₁, 501, 502, 511, 516, 568₁, 595₁, 606, 617₃, 644, 678, 679, 818, 825, 828, 838

Павзаний 553
«Песнь о Роланде» 503₂

Pestgebete («Молитвы Мурсили во время чумы») 307, 480, 702

Плавт. *Трис.* 389₁
Pud. 304₁
PY 359, 674, 730

RV («Ригведа») 53, 55, 69, 102₁, 128, 150₂, 173₁, 187, 189, 244, 283, 291, 301₁,

- 321, 322, 325, 341, 349, 349₁, 350, 350₂, 351, 353, 355, 365, 469₂, 474, 477, 500₁, 510₁, 514, 515₁, 517, 523, 528, 532, 534, 537, 538, 539, 543, 548, 548₁, 549, 551, 567, 569, 570, 576, 587, 588₁, 597, 597₁, 602, 606, 614, 653, 665, 670₁, 671₁, 691, 706, 720, 728, 729, 744₂, 746, 753, 777, 792, 796, 800, 820, 825, 828, 834, 835, 837, 838, 840
- Сатурнический стих 838₂, 841
Супр. 289
- Тацит. *Germania* 774
Т. В. 352
«Текст Анитты» 545, 724
Tel. (миф) 353, 606₁, 609, 611, 630₁
Tel. (Указ царя) 299, 305, 322, 352, 356, 363, 751₁, 775, 809
Т. I. (Игувинские таблицы) 66, 474
Тит Ливий. *Ab urbe condita* 757₁, 774
«Трактат Киккули» 546
Тупп. 755₁
- УКН 844₁
УП. («Песнь об Улликумми») 356, 615
Шекспир. *The Tempest* 356₁
Ширвид (\approx Širvydas. *Dictionarium trium linguarum*, 1629) 287, 339
VBoT 211, 692₂
Vd 350
Verg. *Aen.* 422, 638
«Хелианд» 525₁
XЗ («Хеттские Законы») 45, 134, 186, 278₃, 316₁, 358, 359, 363, 366, 385, 482, 545, 572, 593₃, 594, 595, 605, 651, 747₃, 756, 758₂, 775₁, 807₁, 886, 896
Цезарь. *De bello Gallico* 621, 622, 630, 834
«Эдда» 476, 528, 549, 586, 605, 607, 821, 853
Эхил. *Prom.* 350
Y («Ясна») 321, 349, 351, 353, 467, 824
Yt («Яшт») 321, 349, 350, 350₂, 465, 528

ИНДЕКС К «УКАЗАТЕЛЯМ»

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВОФОРМ

ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ

I. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

**ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ КОРНИ, ОСНОВЫ, АФФИКСЫ
(ПРАЙНДОЕВРОПЕЙСКИЙ И РАННИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ
ОБЪЕДИНЕНИЯ)** 1117

ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ СЕМАНТЕМЫ 1128

АНАТОЛИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Хеттский 1136

Шумеро-аккадские логограммы в хеттском 1143

Лувийский 1144

Иероглифический лувийский 1145

Палайский 1145

Ликийский 1145

Лидийский 1146

ТОХАРСКИЕ ЯЗЫКИ

Тохарский А (Восточнотохарский) 1146

Тохарский В (Западнотохарский) 1147

ИНДО-ИРАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Индо-арийские языки

Древнеиндийский 1149

Митанийский арийский 1160

Новоиндийские языки 1160

Нуристанские (кафирские) языки 1160

Дардские языки 1160

Иранские языки

Авестийский 1160

Древнеперсидский 1164

Пехлевийский 1164

Парфянский 1165

Хотано-сакский 1165

Согдийский 1165

Хорезмийский 1165

Скифский 1165

Осетинский 1165

Ягнобский 1166

Афганский (пашто) 1166

Памирские языки 1166

Новоперсидский 1167

Таджикский 1167

Курдский 1167

Белуджский 1167

Парачи 1167

ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК	1165
Микенский греческий	1179
ДРЕВНЕМАКЕДОНСКИЙ	1179
АРМЯНСКИЙ ЯЗЫК	1179
АЛБАНСКИЙ ЯЗЫК	1181
ДАКО-ФРАКИЙСКИЙ	1182
ИЛЛИРИЙСКИЙ	1182
ФРИГИЙСКИЙ	1182
ИТАЛИЙСКИЕ ЯЗЫКИ	
Латинский	1183
Фалискский	1190
Венетский	1190
Мессапский	1190
Оскский	1190
Умбрский	1191
РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ	
Французский	1191
Итальянский	1191
Испанский	1191
Румынский	1191
КЕЛЬТСКИЕ ЯЗЫКИ	
Древнеирландский	1192
Валлийский	1194
Корнский	1195
Бретонский	1195
ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ	
Древнегерманский	1196
Готский	1196
Древнеисландский	1198
Норвежский	1201
Шведский	1201
Датский	1201
Древнеанглийский (Англо-саксонский)	1201
Древнефризский	1203
Древневерхне немецкий (Средневерхне немецкий и диалекты)	1204
Древнесаксонский	1206
Нижне немецкие диалекты	1207
Английский	1207
Немецкий	1208
БАЛТИЙСКИЕ ЯЗЫКИ	
Прусский	1210
Литовский	1211
Латышский	1215
СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ	
Старославянский	1217
Болгарский	1220
Сербо-хорватский	1220
Словенский	1220

Русский (Древнерусский, церковнославянский)	1220
Украинский	1223
Белорусский	1223
Польский	1223
Словинско-кашубский	1223
Чешский	1223
Словацкий	1224
Нижнелужицкий	1224
Верхнелужицкий	1224
Полабский	1224
II. НЕИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ	
<i>ДРЕВНИЕ ЯЗЫКИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА</i>	
Хаттский	1224
Шумерский	1224
Эламский	1224
Хурритский	1224
Урартский	1224
<i>АФРАЗИЙСКИЕ (СЕМИТО-ХАМИТСКИЕ) ЯЗЫКИ</i>	
Семитские языки	
Общесемитский	1225
Аккадский	1225
Угаритский	1226
Финикийский	1226
Древнееврейский	1226
Арамейский	1226
Арабский	1226
Южноаравийский	1226
Гез	1226
Африканские (хамитские) языки	
Древнеегипетский	1227
Коптский	1227
Чадские языки	1227
Нубийские языки	1227
<i>КАВКАЗСКИЕ (ИБЕРО-КАВКАЗСКИЕ, ПАЛЕОКАВКАЗСКИЕ) ЯЗЫКИ</i>	
Картвельские (южнокавказские) языки	
Общекартвельский	1227
Грузинский	1228
Сванский	1229
Мегрельский	1230
Лазский (чанский)	1230
Абхазо-адыгские (западнокавказские) языки	1231
Нахско-дагестанские (восточнокавказские) языки	
Дагестанские	1231
Вейнахские	1231
<i>УРАЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ</i>	
Финно-угорские языки	
Финский	1232
Вепсский	1232
Водский	1232
Эстонский	1232
Липский	1232

Венгерский	1232
Хантыйский	1233
Мансийский	1233
Коми-пермяцкий	1233
Коми-зырянский	1233
Удмуртский	1233
Мокша-мордовский	1233
Эрзя-мордовский	1234
Марийский	1234
Саамский	1234
Самодийские языки	
Ненецкий	1234
АЛТАЙСКИЕ ЯЗЫКИ	
Тюркские языки	1235
Древнетюркский	1235
Монгольские языки	
Монгольский	1235
Тунгусо-маньчжурские языки	1235
КОРЕЙСКИЙ ЯЗЫК	1235
ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК	1235
ДРАВИД(ИИ)СКИЕ ЯЗЫКИ	1235
АВСТРО-АЗИАТСКИЕ ЯЗЫКИ	1235
БУРУШАСКИ	1235
ЭТРУССКИЙ	1236
БАСКСКИЙ	1236
КИТАЙСКО-ТИБЕТСКИЕ ЯЗЫКИ	1236
ПАЛЕОАЗИАТСКИЕ (ПАЛЕОСИБИРСКИЕ) ЯЗЫКИ	1236
АВСТРОНЕЗИЙСКИЕ ЯЗЫКИ	1236
АМЕРИНДЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ	
Навахо	1236
Квилют	1236
Скуомиш	1236
Шусвоп	1236
ОНОМАСТИКА	
НАИМЕНОВАНИЯ БОЖЕСТВ, МИФОЛОГИЧЕСКИХ СУЩЕСТВ, ГЕРОЕВ; РИТУАЛЫ И ОБРЯДЫ	1237
ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ	1240
ЭТНОНИМИКА	1242
ГИДРОНИМИКА: НАЗВАНИЯ МОРЕЙ, ОЗЕР, РЕК, ВОДОЕМОВ	1242
ТОПОНИМИКА: НАЗВАНИЯ КОНТИНЕНТОВ, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЛА- СТЕЙ, СТРАН, ГОРОДОВ, НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ	1243
ЛАТИНСКИЕ НАЗВАНИЯ ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИЙ	1248
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	1249
ЦИТИРОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ	1311

ДОПОЛНЕНИЯ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Цифра слева от черты указывает на страницу; цифра справа от нее является порядковым номером строки текста, отсчитываемой сверху вниз; если строку следует отсчитывать снизу вверх, то перед соответствующей цифрой ставится знак минус. При этом цифра, набранная корпусом, представляет порядковый номер строки основного текста, тогда как цифра, набранная петитом, есть порядковый номер строки в тексте сноски на соответствующей странице.

Жирным шрифтом выделяются исправленные места и замеченные опечатки в тексте.

- XI/-3 *Следует читать:* A. Morgurgo Davies (ср. «Библиографию», стр. 1074).
- L/10—11 *Следует читать:* Апеннинского полуострова (ср. «Указатели», стр. 1244).
- L/4 Ср. также «Times (London) Literary Supplement», June 19, 1981 : 691.
- LI/25 *Следует читать:* ... с середины II тысячелетия н. э.)...
- LIII/7 Хурритская надпись из Навара в долине р. Диялы, выполненная староаккадским письмом, составлена на аккадском языке от имени хурритского царька Арижена (*Arižen//Ari-šen*) или Аталышена (*Atal-šen*), ср. Дьяконов 1967 : 114; Wilhelm G., Grundzüge der Geschichte und Kultur der Hurriter: *Wissenschaftliche Buchgesellschaft*, Darmstadt, 1982. Древнейшим хурритским памятником на собственно хурритском языке следует тем самым считать выполненную тем же староаккадским письмом надпись из Уркиша (ср. Diakonoff 1967 : 6 — 7; Haas/Thiel et al. 1975 : 24).
- LIV/6 *Следует читать:* ... и удейско-палестинский... (см. также «Предметный Указатель», стр. 1269).
- LVI/-5 Древнекитайские формы приводятся в книге в фонетической транскрипции Карлгрена по Karlgren 1923 и 1940.
- LX/6 *Следует читать:* Носовые: *т п в (ъ)*
- LXXIV/-1 *Следует читать:* ...знаков...
- LXXVI/11 *Следует читать:* ... обнаруживающий **регулярные**...
- LXXXII/19 *Следует читать:* ... данных.
- 7/8 Против тезиса о “слабости” индоевропейской звонкой фонемы *b выступает в последнее время Г. Б. Джакьян (см. Г. Б. 84 Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов

Джаукян, Индоевропейская фонема *b и вопросы реконструкции индоевропейского консонантизма. — *«Вопросы Языкознания»*, 1982, № 5: 59—67). Г. Б. Джаукян, который в своей статье даже не упоминает работу Pedersen 1951, специально посвященную индоевропейскому консонантизму и статусу фонемы *b в общиндоевропейском, не вполне корректно понимает и связанную с разбираемым тезисом сравнительно-историческую и типологическую проблематику. Вопрос касается не отсутствия в праиндоевропейском вообще “звонких смычных фонем”, в том числе и лабиального *b (такowymi в общиндоевропейском были, очевидно, так называемые “звонкие придыхательные”), а фонологической интерпретации той серии смычных, которая в классической индоевропейской теории восстанавливалась как “чистая звонкая серия” (с отсутствующим или, во всяком случае, весьма слабо представленным лабиальным членом).

Аналогичным способом “отвергается” точка зрения о незвонкости Серии I индоевропейских смычных и А. Эрхартом на том основании, что оппозиция-де “звонкая—глухая” в системе индоевропейских смычных является весьма древней, см. А. Erhart, Nochmals zum indoeuropäischen Konsonantismus (*«Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung»*, 1984, Bd. 34, H. 4: 405). Автор упускает из виду, что возможная интерпретация традиционных “звонких” в качестве “незвонких” вовсе не устраняет оппозицию по звонкости ~ глухости в системе индоевропейских смычных фонем, а преобразует ее, оставляя в качестве собственно звонких и смычных Серию II, противостоящую двум остальным незвонким сериям.

8/-1

Такие попытки отнести реинтерпретированную систему к “предпраиндоевропейской” стадии, которая в дальнейшем якобы преобразовалась в традиционную систему, откуда и следует вывести в конечном счете исторически засвидетельствованные индоевропейские языки, встречаются и в новейшее время, см. Н. Haider, Der Fehlschlag der Typologie. Bemerkungen zur Rekonstruktion im allgemeinen und zu den indoeuropäischen Mediae aspiratae im besonderen (*«Philologie und Sprachwissenschaft»*. Akten der 10. Österreichischen Linguisten-Tagung, Innsbruck, 23—26. Oktober 1982, hrsg. von W. Meid und H. Schmeja. Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, Innsbruck, 1983: 79—92). Автор в свете отмеченных типологических слабостей традиционно реконструируемой общиндоевропейской системы предлагает такую модель “прединдоевропейского” консонантизма, которая характеризовалась “преглоттализированными звонкими” ~ “чистыми звонкими” ~ “чистыми глухими”, уже в праиндоевропейском преобразовывающимися в результате “интенсификации” (Stärkung) соответственно в “чистые звонкие” ~ “звонкие придыхательные” ~ “глухие (придыхательные)”. Во-первых, трудно понять, что это за фонетический процесс “интенсификация”, которая превращает “чистые звонкие” в крайне маркированные “звонкие придыхательные”, а во-вторых, и это главное, постулирование “преглоттализированных звонких” на месте традиционных “чис-

тых звонких” не снимает типологических несоответствий традиционной системы смычных (отсутствие или слабая представленность в системе звонкой смычной **b* при высокой встречаемости звонкой велярной; отсутствие корней с двумя звонкими смычными и др.), поскольку “преглоттализированные звонкие” (в отличие от “глоттализированных незвонких” смычных) характеризуются теми же соотношениями “маркированности” в парадигматической системе — доминантный лабиальный член ~ рецессивный велярный — что и соответствующие “чистые звонкие” (ср. Greenberg 1970: 125).

В данном случае мы имеем дело, очевидно, с наблюдаемым у некоторых исследователей стремлением во что бы то ни стало “спасти” традиционную индоевропейскую систему смычных, которая сама по себе является лишь реконструированной языковой моделью, постулированной в результате теоретического осмысления соотношений между историческими родственными языками, а не исторически засвидетельствованной системой индоевропейского праязыка и поэтому такой же гипотезой, как и любая другая. Представляется, что даже такой освященный временем теоретический конструкт, как классическая система праиндоевропейского консонантизма, может быть пересмотрен с постулированием приемлемой в свете новейших данных альтернативной модели, если подобная процедура оправдана всем ходом развития сравнительно-исторических и типологических штудий на современном этапе развития лингвистической науки.

- 11/5 Вызывает возражения заявление П. Свиггера о том, что в современном южноаравийском языке харсуси глоттализированные *t*, *s*, *ʃ* и *q* (а также преглоттализированная *d*) превосходят в частотном отношении глухие придыхательные смычные, см. P. Swiggers, Glottalization and linguistic universals: A methodological remark («*Folia Linguistica*», Acta Societatis Linguisticae Europaeae, 1980, t. XIV, 3/4 : 433—436). Прежде всего, следует заметить, что методологически неправомерно противопоставлять всю серию глоттализированных, включая и фрикативные, глухим придыхательным смычным в харсуси, где аспирация фонологически иррелевантна при глухих смычных фонемах, и осуществлено противопоставление глухих смычных фонем по признаку “глоттализированности”. А в таком противопоставлении серия глоттализированных: — *t q* (с дефектным лабиальным членом) никак не может превалировать над серией глухих неглоттализированных *p t k* (хотя отдельно взятая велярная глоттализированная *q* и может характеризоваться более высокой частотностью по сравнению с неглоттализированной *k*, ср. Меликшвили 1974: 101 и след.).

- 11/16 Устанавливаемые Дж. Гринбергом универсальные закономерности распределения в системе глоттализированных согласных были в основном подтверждены на богатом языковом материале Дж. Фордайсом в специальном исследовании: James F. Fordyce, On the nature of glottalic and laryngealized consonant and

vowel systems (*UCLA Working Papers in Phonetics*, v. 50, August 1980: 120—154).

13/2

По поводу методологических вопросов, связанных с применением типологических данных в лингвистических реконструкциях, важно особо отметить то, что типология должна выступать не как основа для реконструкции, против чего справедливо выступает ряд исследователей [ср. G. Dunkel, *Typology versus reconstruction* (*Vono Homini Donum*. Essays in Historical Linguistics in Memory of J. Alexander Kerns, ed. by Y. L. Arbeitman & A. R. Bomhard, Amsterdam / John Benjamins B. V., 1981, p. II : 559—569)], а как эмпирический индикатор для выбора конкретной реконструированной языковой структуры из нескольких возможных структур, получаемых путем сравнительной и внутренней реконструкции; она должна выступать как верифицирующий фактор для конкретной реконструкции, которой именно в силу этого отдается предпочтение перед другими возможными реконструкциями, не находящими типологического оправдания. В таком понимании типология выступает как бы в функции существенного эмпирического критерия для оценки предлагаемых реконструкций, которые должны основываться на сравнительно-генетическом анализе языковых фактов. Поэтому неоправдано называть этот метод “типологической реконструкцией” и противопоставлять его “сравнительной реконструкции”, как это делает Дж. Дункель (стр. 568), легко “разделяющийся” со всей типологической проблематикой в диахронической лингвистике (. . . all this work must be rejected without ado); ср. также Th. V. Gamkrelidze, *Language typology and language universals and their implications for the reconstruction of the Indo-European stop system* (*Vono Homini Donum*. Essays in Historical Linguistics in Memory of J. Alexander Kerns, ed. by Y. L. Arbeitman & A. R. Bomhard, Amsterdam / John Benjamins B. V. 1981, p. II : 571—609).

15/-3

Несколько отличной реинтерпретации праиндоевропейской системы придерживается Расмуссен (J. E. Rasmussen, *Haeretica Indogermanica. A selection of Indo-European and Pre-Indo-European studies* (*Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab*). Historisk-filosofiske Meddelelser 47,3. København, 1974), который, исходя из модели Х. Педерсена, предлагает интерпретировать как “сильные” (глоттализированные или фарингализованные) традиционную серию глухих, тогда как традиционные “звонкие” рассматриваются им, вслед за Х. Педерсеном, в качестве “чистых глухих” (стр. 11). Но такая интерпретация праиндоевропейских смычных, предпринимаемая автором в свете типологических данных, внутренне противоречива и не соответствует типологически же устанавливаемому соотношению большей маркированности “сильных” глухих смычных (глоттализированных или фарингализованных) по отношению к соответствующим чистым глухим (или даже глухим придыхательным). Э. Расмуссен, который хорошо осведомлен о советских работах в интересующих его областях, по-видимому, не

знаком с предшествующими работами авторов по вопросам реинтерпретации праиндоевропейской системы смычных.

- 19/10 **Признак “глоттализации”** (наряду с признаками “фарингализации”, “аспирации” и ряда других) характеризуется фонетически в качестве диссимилирующего признака, т. е. признака, имеющего тенденцию не повторяться в синтагматической последовательности (в отличие от признака “звонкости”, являющегося “недиссимилирующим” признаком). Этим и объясняется редкая встречаемость в самых различных языках двух глоттализованных (или фарингализованных) согласных в слове и тенденция к избеганию подобных синтагматических последовательностей в словоформе, см. J. J. Ohala, *The listener as a source of sound change* («*Papers from the Parasession on Language and Behavior. Chicago Linguistic Society, May 1—2, 1981*. The University of Chicago: 178 — 203, cf. pp. 193—195).
- 21/24 **Следует читать:** ... соотносимых ...
- 41/3 **Т. Веннеман**, исходящий при исторической оценке общегерманского консонантизма фактически из идентичной нашей модели праиндоевропейских смычных, считает возможным предположить сохранение признака глоттализованности Серии I еще на общегерманском уровне с последующими ее преобразованиями в отдельных германских языках (см. Theo Vennemann, *Hochgermanisch und Niedergermanisch. Die Verzweigungstheorie der germanisch-deutschen Lautverschiebung*. — «*Beiträge zur Geschichte der Deutschen Sprache*», 1983, Bd. 106, H. 1: 1—45; ср. там же аналогичную нашей интерпретацию первого, “общегерманского передвижения согласных” и “закона Гримма”).
- 50/19 **Ф. Кортландт** считает возможным допустить связь глоттальной артикуляции имплозивных фонем 'b', 'd', 'g' в новоиндийском языке с индхи (Sindhi) с признаком глоттализации индоевропейских глоттализованных фонем серии I, иллюстрируемую соответствиями типа синдхи 'dian' ‘дать’ (и.-е. *t'oH-), ср. F. Kortlandt. *Glottalic consonants in Sindhi and Proto-Indo-European* («*Indo-Iranian Journal*», 1981, № 23: 15—19).
- 51/20 **О соответствии** звонким смычным и аффрикатам чеченского и ингушского языков абруптивных (глоттализованных) согласных в бацбийском (цова-тушинском) языке см. также Д. С. Иманайшвили, *Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков*, Тбилиси, 1977: «Мецниереба», стр. 261 и след. Автор высказывает предположение об обратной направленности преобразования звонких смычных, представленных в чеченском и ингушском языках, в “абруптивные” (глоттализованные), характерные для соответствующих слов в бацбийском (стр. 274 и след.). Такое заключение делается на том основании, что бацбийским звонким смычным в ряде случаев в чеченском и ингушском соответствует нуль звука (бацб. *sag* ‘олень’: чеч.-инг. *saj*; бацб. *dada* ‘отец’: чеч.-инг. *dā*), «но исключено, чтобы в бацбийском языке выступали абруптивные согласные

и в чеч. и инг. языках им соответствовал нуль». Представляется, что эти соотношения следует интерпретировать именно в том смысле, что в первом случае нужно исходить из “звонкой смычной”, сохранившейся в бацбийском, но преобразованной (resp. утерянной) в чеченском и ингушском, во втором же случае—из “абруптивной” (глоттализованной), сохранившейся в бацбийском, но озвончившейся позднее в чеченском и ингушском и представшей в виде “звонкой” смычной, которая уже не была подвержена фонетическому преобразованию, характерному в определенных позициях для первоначальных звонких смычных. Так или иначе, обнаруживаемая во многих языках взаимосвязь “звонких смычных” и “глоттализованных” (абруптивных) фонем свидетельствует об их фонетической близости и возможности взаимных фонетических переходов друг в друга.

- 51/-3 О глоттализованных согласных (абруптивных) и их позиционной дезабруптивизации, то есть “переходе в звонкие”, см. также С. В. Кодзасов, Модель фонетической системы (на материале арчинского языка) [Институт Русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. *Предварительные публикации*, Москва, 1967: 47].
- 73/3 *Следует читать:* ...лабиовелярная фонема *gɥ*...
- 151/-7 *Следует читать:* ... фонемных соотношений, ...
- 155/3 *Следует читать:* ... ‘решение’;
- 163/1 *Следует читать:* ... : t'əy-k^[h] -> t'i-k^[h].
- 166/22 *Следует читать:* *t'əH° -> *t'ḥ°.
- 170/-6 Ср., однако, J. E. Rasmussen, *Haeretica Indogermanica. A selection of Indo-European and Pre-Indo-European studies* («*Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab*». Historisk-filosofiske Meddelelser 47,3. København, 1974). Автор считает, что древнеиндийский язык являет собой еще один пример вокалической системы с единственной гласной фонемой /a/, тогда как *i* и *u* представляют слоговые варианты сонантов /y/ и /v/, а *e* и *o* — дифтонги, соответственно /au/ и /av/ (стр. 5 и след.). Но даже при такой интерпретации древнеиндийской системы следует считаться с наличием в ней по крайней мере двух вокалических фонем: краткой и соответствующей долгой гласной—соответственно *ā* и *ā̄*.
- 189/11 *Следует читать:* ... в позиции *после* неслогового сонанта ...
- 197/10 *Следует читать:* Из формул дистрибуции¹ ...
- 202/-1 *Следует читать:* ... сонантических фонем *r, l, m, n*.
- 204/19 *Следует читать:* ... в позиции *после* слогового элемента ...
- 204/23—24 *Следует читать:* ... в позиции *после* гласной ...
- 204/33 *Следует читать:* ... близкородственные

- 218/16 *Следует читать:* ... ст.-слав. *žen-a*
- 236/4 Ср. теперь также Е. Р. Hamp, Armenian *anurj*, *δνειρο-* («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», 1984, Bd. 97, H. 1: 130).
- 242/16 *Следует читать:* ... с основой в Состоянии II.
- 280/-6 К образованию женского рода в индоевропейском см. теперь также Р. W. Grosman, Jr., The development of the PIE feminine («*The Journal of Indo-European Studies*», 1982, v. 10, № 3 & 4: 253—272).
- 282/1—2 *Следует читать:* *Schuhmacher 1972: 204—205*;
- 287/-2 *Следует читать:* ... ст.-лит. *niežti mi*
- 316/3—4 *Следует читать:* “если свободный человек и рабыня ... и они приходят...”
- 322/13 Ср. теперь также Kazuhiko Yoshida, Towards word order and word order change in the Older Germanic languages («*The Journal of Indo-European Studies*», 1982, v. 10, № 3 & 4: 315—345).
- 327/-7 *Следует читать:* имперф. *ásam*
- 328/7 *Следует читать:* *b^[h]eret^[h]i
- 328/17 *Следует читать:* ... противопоставлений *ī* ...
- 347/4 *Следует читать:* — инжоативное (ср. «*Указатели*», стр. 1268).
- 353/-1 *Следует читать:* *Shimomiya 1973*. (ср. «*Библиографию*», стр. 1094).
- 354/15 По проблемам типологии порядка слов в предложении и сравнительных конструкций см. теперь также Р. К. Andersen, Word order typology and comparative constructions, Amsterdam/Philadelphia, 1983: John Benjamins Publishing Company.
- 354/1 *Следует читать:* ... между именными образованиями ...
- 354/7 *Следует читать:* ... *Ἡέλιος θ'* ...
- 361/-1 Ср. теперь также Е. Р. Hamp, Some implications of Hittite *-z(a)* («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», 1984, Bd. 97, H. 1: 58—59).
- 377/6 *Следует читать:* ... противопоставления *и мен* ...
- 383/7 К древнехеттскому директиву на *-a* см. также К. Shields, The Indo-European origins of the Old Hittite directive case («*The Journal of Indo-European Studies*», 1982, v. 10, № 3 & 4: 273—282).
- 489/-10 *Следует читать:* — ‘Нижний’ —

- 496/8 *Следует читать*: занимает ...
- 498/10 *Следует читать*: arkiškitta
- 505/-5—4 *Следует читать*: ...‘леопард’...
- 509/-1 *Следует читать*: ...части...
- 544 /5 *Следует читать*: ...в форме ǝš ‘осел’ (ср. «*Указатели*», стр. 1180).
- 559/-5 К вопросу о появлении лошади в Закавказье и на Кавказе см. также С. К. Межлумян, Палеофауна эпохи бронзы на территории Армении (Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук, Ереван, 1965).
- 564/5,6 *Следует читать*: арм. ǝš (ср. «*Указатели*», стр. 1180).
- 564/7 *Следует читать*: см. выше, стр. 544₁
- 620/4 *Следует читать*: ... на юго-западе Дакии,
- 630/-3 *Следует читать*: Friedrich P. 1970: 123.
- 710/-5 О ‘железе’ и его обработке в древней Анатолии (II тысячелетие до н. э.) см. теперь также J. Siegelová, Gewinnung und Verarbeitung von Eisen im hethitischen Reich im 2. Jahrtausend v. u. Z. («*Annals of the Náprstek Museum*» 12, Prague, 1984: 71—168).
- 713/18 Ср. теперь также J. P. Mallory/M. E. Huld, Proto-Indo-European ‘Silver’ («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», 1984, Bd. 97, H. 1: 1—12).
- 749/29 *Следует читать*: .../Morpurgo Davies/... (ср. «*Библиографию*», стр. 1044).
- 755/16 К отличной этимологии др.-ирл. Ériu ‘Ирландия’ ср. стр. 741.
- 771/9 *Следует читать*: ‘сестра мужа’, ‘золовка’ по отношению к F и D’
- 789/20—21 *Следует читать*: ...переход от принципа экзогамных отношений ...
- 814/-5 Ср. теперь также J. Nilmarsson, Indo-European “tongue” («*The Journal of Indo-European Studies*», 1982, v. 10, № 3 & 4: 355 — 367). Автор постулирует для индоевропейского несколько диалектально распределенных исходных форм.
- 833/17 *Следует читать*: Иванов 1976а: 45.
- 838/1 *Следует читать*: erkñēr erkīn
- 841/20 *Следует читать*: 8: 3/5
- 846/2 *Следует читать*: в децессивном комплексе *-t’k[h]-
- 861/5 *Следует читать*: .../Morpurgo Davies/... (ср. «*Библиографию*», стр. 1044).
- 864/7 *Следует читать*: Morpurgo Davies 1967 (ср. «*Библиографию*», стр. 1074).
- 881/5 *Следует читать*: Гамкрелидзе/Мачавариани 1965: 17.

890/-3

Отождествление определенной компактной территории с первоначальным ареалом распространения праиндоевропейского языка осложняется и тем обстоятельством, что в географических регионах, предполагавшихся или предполагаемых в качестве индоевропейской прародины на Европейском или Азиатском континенте (будь то Центральная Европа, Северное Причерноморье, Балканы или Передняя Азия), отсутствует область с ярко выраженной праиндоевропейской топонимикой и гидронимией. Это следует объяснить прежде всего фактором хронологической глубины существования праиндоевропейского языка и общиндоевропейского этноса. В случае предполагаемой нами области первоначального распространения праиндоевропейского языка не позднее IV тысячелетия до н. э. (а возможно и значительно ранее) отсутствие какой-либо письменной фиксации праиндоевропейской топонимики или гидронимии объяснимо естественным образом отсутствием в это время сколько-нибудь развитой системы письма на Ближнем Востоке, которое в этот период лишь зарождалось или находилось в зачаточном состоянии (ср. *Schmandt-Besserat 1979*). В дальнейшем эта древнейшая праиндоевропейская топономастика, очевидно, постепенно стиралась вследствие наслоения на нее иноязычного этно-лингвистического суперстрата, и в письменных традициях Древнего Ближнего Востока стала фиксироваться уже эта неиндоевропейская топонимика и гидронимия. С другой стороны, следует также считать в отдельных случаях и с возможностью существования в древневосточных письменных традициях еще неопознанных остаточных древнейших индоевропейских топонимических и гидронимических терминов, отражающих соответствующие наименования общиндоевропейской эпохи.

В этом отношении особый интерес вызывает ряд наименований соседних с Месопотамией стран, сохранившихся в шумерских письменных памятниках, в первую очередь наименование страны *Aratta*, могущее быть этимологизировано и на индоевропейской основе как **ar-t^h* — ‘воды’, ‘река’, т. е. как ‘страна реки *Aratta*’ [ср. *nār A-rat-ta-a* ‘река Аратта’, текущая в зоне “семи гор” по известной надписи Саргона II, Col. I 30, см. Fr. Thureau-Dangin, *Une relation de la huitième campagne de Sargon (714 av. J.-C.)*, Paris 1912. Librairie Paul Geuthner, стр. 8]. “Страна *Aratta*”, расположенная также за “ семью горами”, упоминается в шумерских эпических легендах, которые отражают события, датируемые началом III тысячелетия до н. э. Согласно шумерской поэме “Энмеркар и правитель Аратты”, шумеры торговали с соседней страной *Aratta* и получали оттуда драгоценные металлы, минералы, камни, включая лазурит. Правитель Урука Энмеркар (*Enmerkar*) посылает своих послов к правителю Аратты с просьбой поставлять ему указанный товар в Месопотамию (ср. J. V. Jusifov, *Early contacts of Mesopotamia with North Eastern neighbours*. рукоп.). По Крамеру, “страна *Aratta*” локализуется вблизи Каспийского моря, в зоне Урмийского озера (см. S. N. Kramer, *The Sumerians* [«Scientific American», October, 1957: 72—73]). Это примерно та географическая область, которая для несколько более раннего периода предполагается нами как ареал распространения общиндоевропейского языка.

- 899/20 Ср. также J. A. C. Greppin, Arm. *t*- Gk. *πτ*- («*The Journal of Indo-European Studies*», 1982, v. 10, № 3 & 4: 347—354).
- 903/24 *Следует читать: Топоров 1975а.*
- 908/-5 Огласовка *e* в мегр.-лаз. форме возникает из *o* в результате занского умлаута. (По поводу **o*⇒**e* умлаута в занском см. Гамкрелидзе/Мачавариани 1965: 160 и след.). При этом в мегрело-лазском появляется сравнительно позднее *b* из первоначального картвельского *β*: **t'q'ow*-// **t'k'ow*- → **t'q'ob*-// **t'k'ob*-, в результате чего возникает соотношение груз. *β/v* ~ мегр.-лаз. *b*; к аналогичному фонемному соотношению между грузинским и мегрело-лазским ср. др.-груз. *k'raw*- 'ягненок' ~ мегр. *k'irib*- 'id.' (ср. Климов 1964: 115).
- 913/2 По вопросу об армяно-анатолийских лексических связях ср. также Н. А. Мкртчян, Редупликация глаголов в хеттском и армянском («*Древний Восток*», 1976, № 2: 76—85); J. A. C. Greppin, Luwian elements in Armenian («*Древний Восток*», 1978, № 3: 115—126).
- 913/-1 По проблемам места протоармянского среди индоевропейских языков и "армянской прародины" см. теперь также материалы дискуссии по этногенезу армян на страницах «*Вестника Общественных Наук Академии наук Армянской ССР*, 1980, №№ 5, 6, 8, 9 и 1981, № 2 (статьи О. Широкова, В. Хачатряна, Г. Клычкова, Дж. Греппина, А. Мнацаканяна).
- 929/-14 В отличие от Joki 1973: 257 и 330, источник для венгерского *íz* 'десять' следует охарактеризовать как **восточноиранский** диалект.
- 939/21 Типологическую возможность подобного заимствования слова при полном вытеснении (или лишь частичном сохранении) более ранней формы с идентичным (или аналогичным) значением можно проиллюстрировать также на примере романских языков. В этих последних слова для 'лошади' продолжают не латинскую форму *equus*, отражающую общеиндоевропейское название 'лошади' **ekʰʰos*, а восходят к форме *caballus* с тем же значением, заменившей лат. *equus* (ср. Haudry 1981).
- 942/-1 В отношении вопроса о возможных заимствованиях в финно-угорском из "древнеевропейских" диалектов представляет также интерес недавняя работа финского ученого Ко й в у л е х т о. В ней приводится целый ряд финских форм, этимологизируемых как "доарийские" заимствования из определенных диалектных объединений, из которых возникают исторические германские и балто-славянские диалекты (см. J. Koivulehto, Seit wann leben die Urfinnen im Ostseeraum? Zur relativen und absoluten Chronologie der alten idg. Lehnwortschichten im Ostseefinnischen [Symposium Saeculare Societatis Fenno-Ugricae. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 185. Helsinki, 1983: 135—157]).
- 956/26 Утверждение о "средиземноморском" антропологическом типе древнейших носителей праиндоевропейского языка расходится очевидным образом с традиционными представлениями об индоевропейцах как о "белокурых и светлоглазых долихоцефалах", подтверждаемыми якобы и данными литературных памятников на древних индоевропейских языках (ср. Л. А. Лелеков, К новейшему решению индоевропейской проблемы. —

«Вестник Древней Истории», 1982, № 3 : 31—37). Некоторая идеализация светлого цвета кожи и волос, наблюдаемая в древнеиндийской и отчасти греческой традициях [ср., напр., характеристику бога Индры как “светлого” (*hári-*) божества и др.], указывает скорее на редковстречаемость, исключительность и фенотипическую маркированность данного антропологического типа среди древнейших племен—носителей ранних индоевропейских диалектов и диалектных объединений и не может быть, конечно, истолкована как некая реминисценция некоторых общих антропологических характеристик их предков, говоривших на праиндоевропейском языке. Можно было бы привести в этой связи и факт особой символической значимости “белого цвета” в различных древних индоевропейских традициях, соотносимого с определенной социальной организацией древнеиндоевропейских племен, но это опять-таки вовсе не дало бы оснований усмотреть при этом прямую связь с первоначальным цветом их кожи и волос.

Подобные представления о “светлоглазых индоевропейцах” нашли хождение в науке ввиду антропологического характера жителей северных регионов исторической Европы, считавшихся одно время первоначальным ареалом распространения праиндоевропейского языка и прародиной племен—носителей этого языка. Перенос индоевропейской прародины в переднеазиатский ареал существенно меняет и предполагаемый антропологический характер обитателей этих регионов — первоначальных носителей праиндоевропейского языка и ранних его диалектных объединений. Последующие миграции носителей древних индоевропейских диалектов на новые территории на Евразийском континенте и их взаимодействие в течение длительного времени с местным населением новых областей могли существенно изменить первоначальный антропологический характер мигрировавшего этноса. Именно такие процессы следует предположить в отношении “светлоглазой” популяции северных регионов исторической Европы, где в доисторическую эпоху распространились “древнеевропейские” языки, наложившиеся здесь на неиндоевропейские языки древнейшего местного населения этих областей. Носителями этих “древнеевропейских” языков могла быть и “темноглазая” популяция, влившаяся в “светлоглазую” массу автохтонного населения, генетически ассимилировавшего пришлый элемент. Все зависит в конечном счете от того, какое количество пришлых “темноглазых” племен влилось в массу местной “светлоглазой” популяции. У темноглазого и светлоглазого родителей появляется “темноглазый” потомок, характеризующийся, однако, генотипически гетерозиготностью. Такой “темноглазый” потомок является в то же время носителем гена “светлоглазости”, который и может проявиться в фенотипе следующего поколения (при утере гена “темноглазости” и возникновении в нем гомозиготной аллели с обоими генами “светлоглазости”). Таким образом, “светлоглазая” доиндоевропейская популяция некоторых ареалов исторической Европы, в основном северных ее регионов, могла остаться преимущественно “светлоглазой” даже после проникновения в эти регионы “темноглазой” популяции пришлых завоевателей — носителей древних индоевропейских диалектов — и пе-

- рехода местного населения после определенного периода двуязычия на новый язык.
- 956/-10 **Следует читать:** Апеннинский полуостров (ср. «*Указатели*», стр. 1244).
- 960/16 Характерны в этом отношении и высказывания другого крупнейшего индоевропеиста, известного американского ученого У. Лемана: «Главные работы последних пяти десятилетий значительно преобразили воззрения на праиндоевропейскую фонологическую систему, которые были представлены в стандартных руководствах Бругмана, Хирта и Мейе. Эти работы основываются, с одной стороны, на отличном подходе к языку-предку, с другой стороны, на двух далеко идущих теориях—Ларингальной теории и Глоттальной теории... То, что казалось одним из самых незыблемых достижений лингвистики 19-го века, преобразуется теперь по всем разделам» (Winfred P. Lehmann, Proto-Indo-European Phonology. *An overview over recent research*. A preprint, 1983).
- 965/-4 В 1983 году появились переводы этих наших публикаций в серии «*Soviet Studies in History*». The Indo-European Problem: Recent Soviet contributions (Guest Editor: Marvin A. Powell, Northern Illinois University), v. XXII, № 1—2, Summer. Fall 1983: 7—52 и 53—95.
- 965/-11 См. теперь также Л. С. Толстова, Исторические предания Южного Приуралья, Москва, 1984: «Наука».
- 969/19 В новейших археологических работах, отмечающих эти «белые пятна», все чаще формулируется точка зрения, предельно близкая к той, которая высказана авторами, ср.: «Наиболее вероятным источником, откуда производящее хозяйство могло проникнуть в пограничье европейских и азиатских степей... была Средняя Азия, культурное влияние которой доходило сюда через ее северную периферию и Восточный Прикаспий. Это влияние, намечающееся пока лишь по отдельным археологическим фактам, в силу слабой изученности территории, разделяющей прикаспийские степи и северную периферию Средней Азии, все-таки вполне реально и закономерно, причем прослеживается не только для времени формирования древнейшей культурной общности, но и для более поздних периодов» (Ю. А. Краснов, Об истоках пашенного земледелия в Восточной Европе. — «Советская Археология», 1980, № 3: 22). К сходным выводам, предполагающим движение культурных растений и новых типов сельского хозяйства с древнего Ближнего Востока через Среднюю Азию в Европу, приходит в ряде работ по исторической географии типов хозяйства Средней Азии ■ Б. В. Андрианов (ср. его *Земледелие наших предков*, Москва, 1978: «Наука»).
- 981/29—30 **Следует читать:** «... общебалканские лингвистические проблемы...»
- 985/32—33 **Вставить:** 1976а. Очерки по истории семиотики в СССР. Москва: «Наука».
- 1046/-2 **Следует читать:** «... Двадцать пятого...»
- 1104/6 **Следует читать:** С. Д. Кацнельсон,
- 1235/-1 **Следует читать:** It-anc 281₁
- 1245/-1—2 **Вставить:** Дания 620
- 1281/8 **Следует читать:** неассимилированные...

Тамаз Валерианович Гамкrelидзе
Вячеслав Всеволодович Иванов

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ ЯЗЫК И ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ

Книга вторая

INDO-EUROPEAN AND THE INDO-EUROPEANS
by

Thomas V. Gamkrelidze

&

Vjacheslav V. Ivanov

Part Two

© Издательство Тбилисского Университета, 1984

Редактор издательства М. Р. Ч х а и д з е

Художественный редактор И. К. Ч и к в и н и д з е

Технические редакторы: А. В. О м и а д з е
И. В. Х у ц и ш в и л и

ИБ 835

Сдано в производство 13.12.79. Подписано в печать 15.12.83.

УЭ 01030. Бумага № 1. 70 × 108¹/₁₆. Печать высокая.

Усл. печ. л. 78,75. Уч.-изд. л. 77,19. Тираж 5000. Заказ 2011.

Цена 8 р. 50 к.

*

Общий объем книг: Усл. печ. л. 124,95. Уч.-изд. л. 117,47.

*

Издательство Тбилисского университета,
Тбилиси, 380028, пр. И. Чавчавадзе, 14.
თბილისის უნივერსიტეტის გამომცემლობა,
თბილისი, 380028, ი. ჭავჭავაძის პროსპექტი, 14.

Типография АН ГССР,
Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19
საქ. სსრ მეცნ. აკადემიის სტამბა,
თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19

ტექსტი მონოტიპზე ააწყეს თინა სამნიაშვილმა (წიგნი I),
ნელი გამყრელიძემ (წიგნი II),
ნათო ბელთაძემ («დამატებანი»);

ჩაასწორეს და დააკაბადონეს ციცილო ოქრომჭედლიშვილმა-ნოზაძემ

და

ნათელა ნათიძემ;

მანქანაზე ჩამსწორებელი და გამწვანებელი: სერგო ვართანოვი

კორექტორი: ლეილა კიტეიშვილი

მხეჭდავი: როსტომ პეტრიაშვილი

მიმღები: ოლა ყაულაშვილი